

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КНИГА 1

ДРЕВНИЙ МИР

Составитель Д.В. Кузнецов

Благовещенск
2013

Рецензенты:

А.И. Донченко, д-р культурологии,
профессор кафедры всемирной истории БГПУ;

С.С. Косихина, канд. ист. наук,
доцент кафедры всемирной истории и международных отношений АмГУ

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д.В. Кузнецов.
В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 1. Древний Мир. – Благовещенск:
Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – 476 с. URL:
<http://istfil.bgpu.ru/>

В Хрестоматии по истории международных отношений представлены важнейшие документы, отражающие состояние международных отношений в отдельные исторические эпохи.

В Книге 1 представлена подборка документов, посвященных проблемам истории международных отношений в эпоху Древнего Мира. Документы сгруппированы в отдельные тематические блоки: РАЗДЕЛ 1. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ», РАЗДЕЛ 2. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ», РАЗДЕЛ 3. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ».

Тексты представленных в Хрестоматии по истории международных отношений исторических документов рекомендуется использовать студентам при изучении отдельных тем в рамках курса истории Древнего Мира, посвященных проблемам международных отношений, при подготовке к лекциям, практическим и семинарским занятиям, коллоквиумам, при подготовке к зачетам и экзаменам, при написании курсовых и дипломных работ.

*Издание размещено на электронных ресурсах
историко-филологического факультета
Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ)
по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Навыки работы с документами, относящимися к отдельным периодам всеобщей истории и истории международных отношений, умение их тщательного анализа и интерпретации, выявления ключевых моментов, характеризующих важнейшие тенденции в развитии международных отношений в рамках отдельных исторических эпох (Древнего Мира, Средних Веков, Нового времени, Новейшего времени), с участием отдельных стран и регионов мира (в том числе России), – все это является важной составляющей в процессе изучения всеобщей истории в целом и истории международных отношений в частности.

Между тем одной из серьезных проблем, с которой достаточно часто сталкиваются желающие ознакомиться с отдельными периодами в истории международных отношений, является поиск исторических документов, необходимых для более детального знакомства с событиями, отражающими специфику развития международных отношений на различных этапах развития человеческой цивилизации. По целому ряду причин этот поиск зачастую затруднен.

В имеющихся в настоящее время изданиях – многочисленных хрестоматиях, в которых сосредоточены документы, относящиеся к периодам Древнего Мира, Средних Веков, Нового времени, Новейшего времени, – преимущественно находятся документы, отражающие особенности социального, экономического, политического, культурного развития отдельных стран и народов, тогда как международным отношениям уделяется гораздо меньшее значение.

Обеспечить комплексом необходимых документов для успешной работы в процессе изучения истории международных отношений призвано настоящее издание – Хрестоматия по истории международных отношений.

Хрестоматия по истории международных отношений состоит из 5 книг. В том числе: Книга 1. Древний Мир; Книга 2. Средние Века. Книга 3. Новое время; Книга 4. Новейшее время. Книга 5. Россия.

В данной части содержатся материалы, которые представляют собой важнейшие документы, отражающие состояние международных отношений в Древнем Мире.

Документы представлены в трех разделах. В каждом из этих разделов документы распределены на несколько групп, построенных на основе проблемно-хронологического принципа. В данном случае это документы, раскрывающие многочисленные аспекты в рамках отдельных тем. В каждой из тем выделены отдельные узловые проблемы, объединяющие группы документов, размещенных по хронологическому принципу.

РАЗДЕЛ 1. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ»: 1.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА, 1.2. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ, 1.3. ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ, 1.4. ЮЖНАЯ АЗИЯ, 1.5. КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.

РАЗДЕЛ 2. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ»: 2.1. КРИТО-МИКЕНСКАЯ ЭПОХА, 2.2. ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ, 2.3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ, 2.4. СПАРТА 2.5. АФИНЫ, 2.6. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ. ПЕРИОД ПРЕОБЛАДАНИЯ АФИН, 2.7. ПЕЛОПОНЕССКАЯ ВОЙНА, 2.8. ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ, 2.9. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО, 2.10. ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА, 2.11. АНТИЧНЫЙ МИР СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.

РАЗДЕЛ 3. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ»: 3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА. ЭПОХА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ, 3.2. ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СИЛЬНЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ, 3.3. ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В РИМЕ. ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ, 3.4. РИМ В I – II ВВ., 3.5. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ, 3.6. РИМ В III В., 3.7. РИМ В IV – V ВВ. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Большинство представленных в Хрестоматии по истории международных отношений исторических документов представлены в полном объеме, некоторые – в сокращении.

В конце книги размещен перечень документов, представленных в Хрестоматии по истории международных отношений.

Представленные в Хрестоматии по истории международных отношений документы собраны с использованием различных изданий, многие из которых, в силу ряда объективных причин, недоступны для широкого использования в работе. Перечень изданий, использованных при составлении Хрестоматии по истории международных отношений, размещен в конце книги.

Также в конце книги размещено оглавление с указанием страниц, где конкретно представлены документы в рамках рассматриваемых тем и отдельных узловых проблем.

Тексты представленных в данной хрестоматии исторических документов рекомендуется использовать студентам при изучении отдельных тем в рамках курса истории Древнего Мира, посвященных проблемам международных отношений, при подготовке к лекциям, практическим и семинарским занятиям, коллоквиумам, при подготовке к зачетам и экзаменам, при написании курсовых и дипломных работ.

Хрестоматия по истории международных отношений опубликована в форме электронного издания, с ее последующим размещением на электронных ресурсах историко-филологического факультета Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) (URL: <http://istfil.bgpu.ru/>).

1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

1.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА ЕГИПЕТ

Жизнеописание вельможи Уны

Иероглифическая надпись на плите, найденной в Абидосе в Верхнем Египте, сановника – современника фараонов VI династии. Биография дает разностороннюю картину деятельности правителей конца Древнего царства, в том числе и в сфере внешней политики. Описание победоносного возвращения войска дано в форме военной песни.

Хранится в Каирском музее.

[Вступление]

[Князь, начальник Верхнего Египта], находящийся во дворце, страж Нехена¹ глава Нехеба, «единственный друг» [фараона], чтимый Осирисом, стоящим во главе умерших, Уна. [Он говорит:];

[Начало служебной деятельности]

[Я был юноша], опоясавшийся поясом [зрелости] при величестве Тети, причем должность моя была начальник дома шена². Я был смотрителем дворцовых хентиу-ше³.

...Старейшина дворца при величестве Пиопи. Его величество возвел меня в сан друга и смотрителя жрецов города при своей пирамиде.

[Назначение судьей]

Когда должность моя была... его [величество назначил меня] судьей и устами Нехена⁴, так как он полагался на меня больше, чем на любого другого своего слугу. Я вел допрос наедине с главным судьей – верховным сановником в случае любого тайного дела... от имени царя, царского гинекея и шести верховных судебных присутствий, так как его величество полагался на меня больше, чем на любого другого своего сановника, больше, чем на любого другого своего вельможу, больше, чем на любого своего слугу.

[Оборудование гробницы Уны фараоном]

Я просил у величества моего господина, чтобы мне был доставлен известняковый гроб из мемфисских каменоломен Ра-Ау. Его величество распорядился, чтобы [сановник] казначей бога⁵ переправился через [Нил] с партией рабочих капитана корабля (?), его помощника (?), чтобы доставить мне этот гроб из Ра-Ау. Он [гроб] прибыл с ним в резиденцию на большом грузовом судне вместе со [своей] крышкой, гробничной плитой с нишей, руит⁶, двумя геме⁷ и одним сатс⁸. Никогда не было сделано подобного ни одному другому слуге, так как я пользовался расположением его величества, так как я был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня.

[Назначение начальником дворцовых хентиу-ше]

В бытность мою судьей и устами Нехена его величество назначил меня единственным другом и начальником дворцовых хентиу-ше. Я отстранил четырех начальников дворцовых хентиу-ше, бывших там. Я действовал так, что вызвал одобрение его величества, организуя охрану, уготовляя путь царя и организуя стоянку. Я делал все так, что его величество хвалил меня за то чрезвычайно.

[Процесс против жены царя Уретхетес (?).]

Велось дело в царском гинекее против жены царя Уретхетес (?) втайне. Его величество велел мне спуститься (?), чтобы вести одному допрос, причем не было там ни одного главного судьи – верховного сановника, ни одного [другого] сановника, кроме одного меня, так как я пользовался расположением и был угоден его величеству, так его величество полагался на меня. Это я вел запись наедине с одним судьей и устами Нехена, причем должность моя была [только] начальника дворцовых хентиу-ше. Никогда раньше человек моего положения не слушал тайные дела царского гинекея, но его величество велел мне слушать, так как я пользовался расположением его величества больше, чем другой его сановник, больше, чем любой другой его вельможа, больше, чем любой другой его слуга.

[Приготовления к войне с бедуинами]

Его величество отражал азиатов-бедуинов. Его величество набрал войско из многих десятков тысяч во всем Верхнем Египте, от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере, в Нижнем Египте, в западной и восточной половине Дельты на всем их протяжении, в крепости (?), в крепостях у кушитов Ирерчет, кушитов Меджа, кушитов Иямы, кушитов Уауат, кушитов Каау и в стране ливийцев.

[Выступление в поход под начальством Уны]

Его величество отправил меня во главе этого войска; местные князья, казначеи царя Ёерхнего Египта, единственные друзья дворца, главы и градоначальники Верхнего и Нижнего Египта, друзья, начальники переводчиков, начальники жрецов Верхнего и Нижнего Египта и начальники [управлений] округами стояли во главе отрядом подвластных им верхне- и нижнеегиптских селений и деревень и кушитов этих стран. Это я начальствовал, над ними, причем должность моя была [только] начальника дворцовых хентиу-ше, ввиду..., моего положения, так что ни один из них не причинял зла другому, так что никто из них не отнимал хлеба и сандалий у путника, так что никто из них не отбирал одежды ни в одном селении, так что никто из них не отбирал ни единой козы ни у одного человека. Я привел их на Северный остров, во Врата Ихотепа и округ Гора справедливого, состоя в этой должности... Мне было сообщено число [людей] этих отрядов, [его] никогда не сообщали ни одному другому слуге.

[Возвращение победоносного войска]

Это войско вернулось благополучно,

разворотив страну бедуинов.

Это войско вернулось благополучно,

разорив страну бедуинов.

Это войско вернулось благополучно,

снеся ее крепости.

Это войско вернулось благополучно,

срубив ее смоковницы и виноградники.

Это войско вернулось благополучно,

зажегши огонь во всех ее...

Это войско вернулось благополучно,

перебив в ней отряды в числе многих десятков тысяч.

Это войско вернулось благополучно,

[захватив] в ней пленными премногие [отряды].

Его величество хвалил меня за это чрезвычайно.

[Восстания побежденных]

Его величество посылал меня пятикратно водить [это] войско и усмирять страну бедуинов каждый раз, как они восставали, – с помощью (?) этих отрядов я действовал так, что [его] величество хвалил меня [за это].

[Поход морем и сушею в страну «Газелий Нос», севернее страны бедуинов в южной Палестине]

Доложили, что бунтари... среди этих чужеземцев на Газелье Носу. Я переправился на судах с этими отрядами и пристал у высоких отрогов горы севернее страны бедуинов, причем половина этого войска [шла] сухопутной дорогой. Я пришел и захватил их всех. Были перебиты среди них все бунтари.

[Назначение начальником Верхнего Египта]

Когда я был дворцовым ачет⁹ и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, мой господин, который да живет вечно, назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере, так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня.

Когда я был ачет и носителем сандалий [фараона], его величество хвалил меня за бдительность и за охрану, организованную мною на месте стоянки, больше, чем любого другого своего сановника, больше, чем давало своего вельможу, больше, чем любого другого своего слугу. Никогда раньше эта должность не давалась ни одному другому слуге. Я был ему начальником Верхнего Египта на радость, так что никто в нем не причинял зла другому. Я производил все работы; я налагал все подлежащее обложению в пользу резиденции здесь, в Верхнем Египте, дважды, и все повинности, подлежащие обложению в пользу резиденции, здесь в Верхнем Египте, дважды. Я исполнял должность сановника образцово здесь, в Верхнем Египте. Никогда раньше не делалось подобного здесь, в Верхнем Египте.

Я делал все так, что его величество хвалил меня за то.

[Экспедиция в каменоломни нубийской Ибхат и Элефантины на юге Египта]

Его величество послал меня в Ибхат доставить саркофаг «Ларь живущего» вместе с его крышкой и драгоценной и роскошной верхушкой для пирамиды «Является и милостив Меренра» госпожи.

Его величество посылал меня в Элефантину доставить гранитную плиту с нишей вместе с ее сатс, и гранитные двери, и руйт и доставить гранитные двери и сатс верхнего покоя пирамиды «Является и милостив Меренра» госпожи.

Они плыли со мной вниз по Нилу к пирамиде «Является и милостив Меренра» на шести грузовых и трех перевозочных судах восемь (?) месяцев и три... в течение одной экспедиции. Никогда ни в какие времена не посещали Ибхат и Элефантину за одну экспедицию. И что бы ни было приказано его величеством, я выполнял все согласно всему, что его величество говелсл о том (?).

[Экспедиция в алебастровые каменоломни Хатнуб в Среднем Египте]

Его величество посылал меня в Хатнуб доставить большую жертвенную плиту из хатиубского алебастра. Я спустил для него эту плиту, выломанную в Хатнубе, в течение всего лишь семнадцати дней. Я отправил ее вниз по Нилу на этом грузовом судне: я построил ему грузовое судно из акации в шестьдесят локтей длиной и тридцать локтей шириной, причем постройка заняла всего лишь семнадцать дней – в третьем месяце Засухи, несмотря на то что вода не покрывала [еще] отмелей. Я причалил благополучно у пирамиды «Является и милостив Мереира». Мною было осуществлено все согласно приказу, отданному величеством моего господина.

[Вторая экспедиция к нильским порогам на юге Египта и в Нубию за строительным материалом для пирамиды]

Его величество послал меня прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из акации Уауата. При этом правители Ирчет и Меджа поставляли для них дерево. Я выполнил все за один год. Они были спущены на воду и нагружены до отказа гранитом для пирамиды «Является и милостив Меренра». Я сделал далее... для дворца по всем этим пяти каналам, так как мощь царя Верхнего и Нижнего Египта Меренра, который да живет вечно, величава... и внушительна в большей степени, чем всех богов, так как все осуществляется согласно приказу, отданному им.

[Заключение]

Я был воистину человеком, любимым своим отцом и хвалимым своей матерью... пользующимся расположением своих братьев, местный князь исправный начальник Верхнего Египта, чтимый Осирисом Уна.

¹ Страж Нехетта – титул.

² Шеиа – мастерские или амбары.

³ Хентиу-ше – вероятно, арендаторы царских земель.

⁴ Уста Нехена – судейская должность.

⁵ Казначей бога – должность сановника.

⁶ Руйт – вероятно, какая-то часть двери.

⁷ Гемех – вероятно, створки или косяки.

⁸ Сатс – видимо, часть погребальной плиты.

⁹ Ачет – должность.

Надпись Пионпинахта

Надпись из гробницы вельможи Пионпинахта, современника фараона VI династии Пиопи II, высеченной в скалах на западном берегу Нила, напротив острова Элефантина. Пионпинахт был номархом Элефантины (греческое название египетского города Абу), который был столицей нома Та-сети – самой южной административной области Древнего Египта. Приведен перевод основной надписи, дошедшей до нас в плохом состоянии.

Это я, говорящий хорошее и повторяющий любимое. Никогда я не говорил чего-либо дурного властелину¹ против каких-либо людей. Любимый из-за хорошего, [сделанного мною] пред великим богом. Я

давал хлеб голодному, одевал нагого. Никогда я не судил двоих в случае, [когда] лишал сын владения своего отца². Это я, любимый своим отцом, хвалимый своей матерью, постоянно любящий своих братьев.

[Первый поход в Куш]

Послал меня величество владыки, чтобы разрушить страну Уауат и Ирчет и я сделал [это], чтобы хвалил [меня мой] владыка. Я уничтожил там большое число [людей] и детей властителя, начальников отрядов отменных. Я доставил оттуда большое число [людей] в столицу в виде пленных. А я был во главе войска многочисленного, могучего и мужественного. Полагался на меня мой владыка во всяком поручении, с которым он посылал меня.

[Второй поход в Куш]

Затем послал меня величество владыки, чтобы умиротворить эти чужеземные страны. И я сделал [это], чтобы хвалил меня владыка, превосходнее всего. Я доставил двух властителей этих стран в столицу как добровольно сдавшихся, откормленных быков, безрогих быков, коз.

Приятны (?) были они для столицы вместе с детьми властителя, двумя начальниками отрядов, которые были с ними. Был я назначен главой людей (?) юга, потому что я был столь бдителен при исполнении того, что любит мой владыка.

[Экспедиция против азиатов-кочевников]

Затем послал меня величество владыки в страну азиата³, чтобы доставить ему 'друга единственного'⁴, [началь-ника] корабельщиков (?), начальника чужеземных отрядов (?) Ананхета, бывшего там на строительстве грузового корабля в Пунт. А его уничтожили азиаты-кочевники вместе с отрядами войска, что были с ним.

...⁵ [властитель?] азиатов тот. Я обратил в бегство и уничтожил людей среди них вместе с отрядом войска, что был с [ним].

Местный князь, казначей царя Нижнего Египта, 'друг единственный', хери-хеб, начальник чужеземных отрядов (?), внушающий ужас пред Гором в чужеземных странах, Пиопинахт, по имени Неферхекаби.

¹ Т.е. Пиопи II.

² Пиопинахт, очевидно, хотел сказать, что он судил нелицеприятно.

³ Видимо, на Синайский полуостров.

⁴ «Друг единственный» – придворный титул.

⁵ Уничтожены две с половиной строки текста, не поддающиеся восстановлению.

Жизнеописание номарха Аменемхета

Текст выполнен на дверных косяках входа в главную камеру гробницы номарха Аменемхета в Бени Хасане и датируется концом правления фараона XII династии Сенусерта I. Аменемхет, очевидно, был сыном основателя династии номархов XVI верхнеегипетского нома Хнумхотепа I, хотя имя его отца нигде не указано. Аменемхет вступил в должность на 18 году правления Сенусерта I и управлял номом в течение 25 лет.

Год 43 величества Хора, живого рождениями, царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара¹, живущего вечно. Обе Владычицы, живой рождениями, Золотой Хор, живой рождениями, сын Ра Сенусерт, живущий вековечно-беспредельно².

Соответствует 25 году в номе Ма-хедж³ при князе что от пат⁴, местном правителе, возвеличенном [царской] рукой, Имени⁵, правогласном⁶. Год 43, второй месяц сезона Наводнения⁷, день 15.

О вы, любящие жизнь и ненавидящие смерть, возгласите: «Тысячу хлебов и [кружек] пива, тысячу быков и гусей для Ка князя что от пат, местного правителя, возвеличенного [царской] рукой, великого главы нома Ма-хедак, стража Нехена⁸, главы Нехеба⁹, верховного жреца Имени, правогласного!».

Я сопровождал владыку моего, когда он поплыл вверх по реке, чтобы сокрушить своего супостата в четырех чужеземных странах¹⁰. Я поплыл [вместе с ним] вверх по реке как сын местного правителя, казначей нижнеегипетского царя¹¹, командующий войском нома Ма-хедж [и] как человек, заменивший своего престарелого отца, ради благосклонности к нему в доме царя и милостей во дворце. Я пересек Куш, направляясь к югу, я отодвинул границу Земли¹², я доставил дань своему господину; хвалы мне достигли неба.

[Тогда] поднялся его величество и проследовал в мире. Он опрокинул своих врагов в презренную страну Куш. Я возвратился, следуя за ним, как человек «острый лицом»¹³. Не было убыли среди моих воинов.

[Затем] я поплыл вверх по реке, чтобы доставить золото¹⁴ для Величества царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, живущего вековечно-беспредельно. Я поплыл вверх по реке вместе с князем что от пат, местным правителем, старшим сыном царя по плоти его Имени¹⁵ – да будет он жив, здоров и благополучен! Я отправился в сопровождении 400 человек из числа лучших среди своих воинов. Я доставил золото, в соответствии с тем, что было мне приказано. Я был восхвален в доме царя, [и] царский сын возблагодарил бога за меня¹⁶.

[Затем] я поднялся и поплыл вверх по реке, чтобы доставить золото в город Коптос – вместе с князем что от пат, местным правителем, начальником города, визирем Сенусертом¹⁷, да будет он жив, здоров и благополучен! Я отправился в сопровождении 600 человек из числа лучших среди всех храбрецов нома Ма-хедж. Я возвратился в мире: армия моя была невредима, и я выполнил то, что было приказано мне.

Ко мне была обращена благосклонность и любовь в изобилии. Я был князем, который любил свой город. Провел я годы [в должности] правителя нома Ма-хедж. Все работы дома царя были в моей руке. Смотрите, начальник царских пастушьих надсмотрщиков нома Ма-хедж доставлял мне 3000 быков в качестве приплода стад¹⁸. Был я хвалим за это в доме царя во время каждого ежегодного сбора налога скотом. Исполнял я все работы дома царя и не было за мной задолженностей ни по какому ведомству. Я управлял номом Ма-хедж до границ его, бесчисленное количество раз посещая [все районы для личного надзора].

Никогда не сделал я зла дочери бедняка, не притеснял вдову. [Ни одного] крестьянина не приговорил я к битью, никогда не препятствовал пастуху. Не было [такого] старшины пятерки, у которого я бы отнял людей для работ. Не было ни одного нищего вокруг меня, не было ни одного голодного в мое время.

Когда наступили годы голода¹⁹, я поднялся, я вспахал все поля нома Ма-хедж [вплоть] до северной и южной границы его. Я дал жизнь его жителям, приготовив пропитание для них: никто из них не голодал.

[Воз]давал я вдове так же, как той, которая имела мужа. Не возносил я старшего над младшим во всем, что я давал [им]. Когда [потом] наступили высокие разливы Нила, принесшие [урожай] пшеницы и ячменя, производя все вещи в изобилии, не потребовал я [возвращения] задолженностей с полей.

¹ Хеперкара – тронное имя фараона XII династии Сенусерта I.

² Официальная царская титулатура.

⁴ В источниках XII династии при датировке описываемых событий годы правления царствующего фараона соотносились с годами отправления должности здравствующего номарха Ма-хедж – название XVI верхнеегипетского нома, символом которого была коза.

⁴ Князь что от пат – наследственный аристократический титул. В Древнем Египте население делилось на три социальные группы: «пат» – аристократия; «рехит» – трудовое население, народ в широком смысле слова; «хемемит» – воины.

⁵ Имя номарха выписано сокращенно – так же как ниже в тексте имя наследного принца, будущего фараона Аменемхета II.

⁶ Правогласный – эпитет покойного.

⁷ Сезон Наводнения – у египтян год делился на 12 месяцев, которые объединялись в три сезона: Наводнение (когда Нил заливал поля), Выход (освобождение земли из-под воды, период сельскохозяйственных работ), Сухь (период низкой воды).

⁸ Нехен – совр. Ком эль-Ахмар. Страж Нехена – придворный титул.

⁹ Глава Нехеба – придворный титул.

¹⁰ «Супостат в четырех чужеземных странах» – метафора, обозначающая очень сильного врага. «Четыре чужеземные страны» по смыслу близки четырем сторонам света. Ср., напр, надпись Хуи в Води Хаммамат, которая датируется эпохой правления Сенусерта III: «...он послал меня предводителем работ, ибо я был умелым по мысли его величества, истинным предводителем... для своего господина, сокрушающим для него четыре чужеземные страны».

¹¹ Казначей нижнеегипетского царя – высокий ранговый титул.

¹² Отодвинул границу Земли – т.е. добыл новые сведения о прилегающих с юга территориях и присоединил их к Египту. Земля, Земля Возлюбленная – название Египта.

¹³ Человек, «острый лицом» – египетская идиома, обозначающая смышленного подчиненного, всегда готового исполнить приказ своего господина.

¹⁴ Досл.: необработанное золото, золотоносная руда.

¹⁵ Имени – во время описываемых событий наследный принц, будущий фараон Аменемхет II.

¹⁶ «Царский сын возблагодарил бога за меня» – т.е. публично принес благодарность за благополучный исход экспедиции.

¹⁷ Визирь Сенусерт – возможно, будущий Сенусерт II.

¹⁸ Это означает, что Аменемхет получал приплод в 3000 голов от царского стада и этим приплодом владел на паях.

¹⁹ Голод в Египте, «когда каждый съедает единственного ребенка», грозил стране в случае низкого разлива Нила.

Странствия Синухета

«Странствия Синухета» – древнеегипетский рассказ, одно из древнейших сохранившихся произведений художественной литературы. Наиболее полные списки этого придворного романа XX в. до н. э. сохранились на двух иератических папирусах эпохи Среднего царства из Берлинского музея (обозначаются «В» и «R») и двух самых больших из найденных остраконов (находятся в Эшмолеанском и Каирском музеях и датируются временем XIX-XX династий). Более тридцати известных фрагментов свидетельствуют об огромной популярности истории Синухета как классического литературного памятника.

В тексте можно встретить упоминания о внешнеполитической деятельности Египетского царства.

Родовитый князь, управитель областей Повелителя в землях бедуинов¹, воистину известный царю, любимый им, провожатый Синухет², говорит он: «Я – провожатый, сопровождающий владыку своего, слуга женской половины дворца³ государыни, премного восхваляемой, жены царя Сенусерта, [покоящегося] в Хнумсут⁴, дочери царя Аменемхата [покоящегося] в Канефру, Нефру, достопочтенной.

Год 30-й, третий месяц полководья, день 7-й: поднялся бог к горизонту своему, царь Верхнего и Нижнего Египта Схетепибра вознесся в небеса (и) воссоединился с солнцем; божественная плоть слилась с создавшим ее. [Царская] резиденция безмолвствует, сердца в печали, Великие врата заперты, придворные скорбят⁵, зная плачет. (А) Его Величество послал войско против страны Чемеху⁶, его старший сын, бог благой Сенусерт возглавлял его. Он был послан разгромить чужеземные нагорья, покарать [мятежников,] находящихся среди ливийцев-чехену.

[И когда] он возвращался, ведя пленников-чехену и всякий скот без числа, придворные сановники⁷ послали на западную границу известие для царевича о случившемся в зале для аудиенций. Нашли его гонцы в пути, достигли они его в пору ночную. Ни мгновения не промедлил он – соколом⁸ полетел с провожатыми своими, не дав знать об этом своему войску.

Но послали (и) к (другим) царским детям, находившимся при нем в войске этом, (и) позвали одного из них. Я стоял [рядом], слышал его голос, когда он говорил, (и) оказался вблизи заговорщиков. Сердце мое смутилось, руки мои опустились, дрожь охватила все мое тело. Я опрометью бросился бежать в поисках места укромного. Я спрятался меж двух кустов, предоставив дорогу идущему по ней. Я двинулся в путь на юг, не помышляя вернуться в резиденцию. Думал я, что случится резня, и не надеялся [остаться] в живых после нее. Пересек я [озеро?] Маати вблизи [святилища] Сикомора. Прибыл я на Остров Снофру⁹, провел я день на окраине поля.

[Когда] я отправился в путь, был [еще] день. Встретил я человека, стоявшего у края дороги. Он почтительно меня приветствовал, я же боялся его. Наступило время ужина, [и] я достиг Негау (Гау). Переправился я в грузовой ладье без рулевого весла под западным ветром. Я прошел к востоку от каменоломни, выше Владычицы Красной горы¹⁰. [Затем] направил я стопы свои на север и дошел до Стен Повелителя¹¹, сооруженных, чтобы отражать бедуинов [и] сокрушать кочующих по пескам. Пригнулся я в кустах в страхе, что заметит меня с крепостной стены стража, несущая вахту свою. Тронулся я [дальше] ночной порою. [Когда] озарилась земля, я достиг Петена. Остановился я на острове Великой черноты¹². Напала [на меня] жажда, настигла она меня. Изнемогал я, горло мое пылало, и подумал я: «Это вкус смерти!» [Но] воспрял я духом¹³ и собрал силы, [ибо] услышал мычание скота. Я увидел бедуинов, [и] узнал меня их вождь, бывавший в Египте. Дал он мне воды, [пока] кипятили для меня молоко. Отправился я с ним к его племени, и они хорошо обошлись со мной.

Передавала меня страна стране. Покинул я Библ, повернул к Кедему¹⁴. Провел я там полтора года. Принял меня [к себе] Амуненши – властитель Верхней Речену¹⁵. Сказал он мне: «Хорошо тебе будет со мною, будешь слышать ты египетскую речь». Сказал он так, ибо знал о моих достоинствах, слышал о моей удачливости – свидетельствовали обо мне египтяне, находившиеся там, при нем.

[И] затем спросил он меня: «Почему ты пришел сюда? Не случилось ли чего в резиденции?». Ответил я ему: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Схетепибра удалился за горизонт. Неизвестно, что произойдет из-за этого».

Но сказал я неправду: «Когда я вернулся из похода на страну Чемеху, мне сообщили [об этом]. Рассудок мой помутился, сердца не было в моем теле. Оно увлекло меня на путь бегства, [хотя] не злословили обо мне, не плевали в лицо мое, не слышал я осуждающего слова [и] не слышали имени моего из уст глашатая. Я не знаю, что привело меня в эту чужеземную страну. Это подобно воле бога, подобно тому, как если бы житель Дельты увидел себя на Элефантине, человек Болот – в Нубии!».

Тогда спросил он меня: «Как же будет эта земля [Египет] без него, этого благодетельного бога, страхом перед которым проникнуты чужеземные страны, как перед Сохмет в годину чумы?» Сказал я ему в ответ: «Несомненно, сын его вступил во дворец и принял наследство отца. Он – бог¹⁶, нет равного ему, не было подобного ему прежде. Он – владыка мудрости: замыслы его превосходны, повеления отменны. Отправляются и возвращаются по его приказу. Это он покорял чужеземные страны, меж тем как отец его пребывал во дворце. Он сообщал отцу, что предписанное свершено. Это богатырь, действующий дланью своей, храбрец, которому нет равного, когда видят его нападающим на чужеземцев и вступающим в схватку. Он тот, кто пригибает рога¹⁷ и ослабляет руки [врагов] так, что они не могут сомкнуть боевые ряды. Он – каратель, дробящий головы, не устоять рядом с ним. Он тот, кто широко шагает, уничтожая беглеца, бесчисленны показывающие ему спину. Он стоек сердцем в момент атаки. Он поворачивает [других], но не показывает свою спину. Он отважен сердцем при виде множества [врагов], не допускает он в сердце слабость. Неустрашим он, [когда] видит обитателей Востока. Радость его – нападение на чужеземцев. Когда он хватает свой щит, попирая [врагов], не повторяет он удар, убивая. Нет никого, кто спасся бы от стрелы его, никого, кто натянул бы его лук. Чужеземцы бегут от рук его, как перед мощью Великой¹⁸. Сражается он без остановки, не щадит он никого.

Он – владыка обаяния, великий сладостью, покоряет он любовью. Его город любит его более себя самого и радуется ему более, чем своему богу. Проходят мужчины и женщины, приветствуя его, – он царь! Он побеждал [уже] в утробе матери¹⁹, его лик устремлен к этому с рождения. Он умножает тех, кто родился вместе с ним. Он единственный данный богом. Как ликует страна эта, которой он правит! Он тот, кто расширяет ее границы, захватит он страны южные, не посчитается он с чужими землями северными, [так как] он создан, чтобы побеждать бедуинов, чтобы попирает кочующих по пескам.

Пошли к нему, пусть узнает он имя твое в качестве верного [слуги] вдали Его Величества. Не преминет он делать добро чужой стране, которая находится на воде его²⁰».

Тогда сказал он мне: «Несомненно, Египет благоденствует, зная силу его. [Но] ты здесь, останешься со мной. Добро сделаю я тебе».

Поставил он меня во главе своих детей, женил на своей старшей дочери. Дал он мне выбрать [участок] из лучших земель, что были у него на границе с другой страной.

Это [была] земля прекрасная, именуемая Иаа. Смоквы были там и виноград, [а] вина было больше, чем воды. В изобилии мед и много оливкового масла, фрукты всевозможные на деревьях ее. Были там ячмень и полба, бесчисленные стада всякого скота. Велики были выгоды мои в качестве его любимца.

Назначил он меня вождем одного из лучших племен его страны. Готовили для меня хлеба, напиток-минт и вино ежедневно, вареное мясо, жареную птицу, не считая мелкого скота пустыни, который ловили для меня

западными и складывали передо мной, без учета того, что приносили мои охотничьи собаки. Приготовляли для меня много [сладостей и] различные молочные кушанья. Так провел я много лет. Дети мои стали богатырями: каждый – властитель²¹ племени своего. Гонец, отправлявшийся на север или на юг в резиденцию, останавливался у меня, [ибо] принимал я у себя всех. Я давал воду жаждущему, указывал дорогу заблудившемуся, спасал ограбленного.

[Когда] бедуины вынуждены были защищаться от властителей чужеземных стран, я давал советы при их передвижениях. Этот вождь Речену [Амуненши] повелел, чтобы в [течение] многих лет я был во главе его войска. Я побеждал каждую страну, против которой я выступал, оттесняя с пастбищ и от колодцев ее. Я захватывал ее стада, угонял ее жителей, забиралось продовольствие их, [и] убивал я ее людей моей дланью, моим луком, моими атаками [и] превосходными [военными] замыслами. Покорил я его сердце, [и] он полюбил меня, ибо узнал он доблесть мою. Он поставил меня во главе детей своих, ибо увидел силу рук моих.

Пришел силач из Речену, вызвал он меня из шатра моего. Это был сорви-голова, не имевший равного, [ибо] подчинил он [страну] всю. Сказал он, что будет биться со мною, [так как] задумал он убить меня [и] замыслил захватить мой скот по совету племени своего. Этот вождь [Амуненши] советовался со мной. И сказал я: «Я не знаю его. Разве я друг его, чтобы разгуливать в стойбище его? Разве я открывал его загон [или] перелезал через его ограду? Злоба это, ибо видит он меня выполняющим его [Амуненши] поручения. Конечно, я подобен быку из рассеявшегося стада в чужом стаде: нападает на него вожак, бодает его длиннорогий бык. Разве любим простолюдин²² в качестве лица начальственного? Нет чужеземца, который был бы заодно с обитателем Дельты! Что может прикрепить папирус к горе²³? Когда бык желает сразиться, то захочет ли другой [боевой] бык отступить из страха померяться с ним силами? Если сердце его [рвется] к битве, пусть выскажет свое желание! Разве бог не ведает, что им предопределено? Он знает!».

Ночью натянул я [тетиву] лука моего, разложил стрелы мои, наточил кинжал мой, почистил свое оружие. Когда озарилась земля, пришли [обитатели] Речену; созвала [страна] племена ее, собрала земли обеих ее половин – она задумала эту битву.

Он пошел на меня, [а] я выжидал вблизи его. Все сердца боялись за меня. Женщины и мужчины галдели, каждое сердце сострадало мне. Они говорили: «Найдется ли другой богатырь, который может сразиться с ним?».

[И] вот его щит, его боевой топор, его охалка дротиков упали. Когда я выманил его оружие, сделал я [так, что] миновали меня стрелы его без результата, одна за другой. [Тогда] он бросился на меня, [и] я пронзил его, [причем] моя стрела застряла в его шее. Он завопил [и] пал ниц, [а] я его добил его же боевым топором. Я издал победный клич на спине его, [а] все азиаты взревели. Я вознес хвалу [богу] Монту, потому что сторона его восторжествовала. Властитель этот, Амуненши, заключил меня в объятия.

Я забрал имущество [убитого], захватил скот его. То, что он замыслил сделать против меня, – совершил я против него. Я завладел тем, что [было] в шатре его, опустошил его стойбище. Возвысился я вследствие этого, увеличил богатства свои, преумножил скот.

Так бог смилостивился над тем, на кого гневался, изгнав в чужеземную страну. Теперь сердце его умиротворено.

Бежит [из Египта] [очередной] беглец, а обо мне – благоприятные свидетельства в резиденции. Ползет [из Египта] ползущий от голода, [а] я даю хлеб постороннему. Покидает человек страну свою из-за наготы, [а] я владею белым виссоном. Бросает человек [свои дела] за неимением кого бы послать [вместо себя], [а] я богат слугами. Хорош мой дом, просторны мои владения, помнят обо мне во дворце²⁴.

О бог, кто бы ты ни был, предначертавший бегство это! Смилуйся, верни меня в резиденцию! Верую, ты позволишь мне увидеть место, где пребывает мое сердце! Что может быть важнее, чем погребение моего тела в земле, где я родился? Приди на помощь! Счастливое событие свершилось – я умиротворил бога! Да поступит он подобным образом, чтобы облагодетельствовать конец жизни того, на кого он гневался, да сжалится он над изгнанным жить на чужбине! Если теперь он умиротворен, да внимлет он мольбе пребывающего вдали, да протянет руку тому, кого заставил скитаться по земле, [чтобы вернуть его] в место, откуда он его увел.

Да будет милостив ко мне царь Египта, [дабы] жил я милостями его! Да поприветствую я владычицу страны, которая во дворце его! Да услышу я поручения ее детей! Да помолодеет тело мое, [ибо] навалилась старость, одолела дряхлость, отяжелели веки мои, ослабли руки, [а] ноги отказываются ходить. Устало сердце, смерть приблизилась ко мне. [Когда] проводят меня в град вечности, да буду я сопровождать Владычицу Вселенной²⁵. Пусть расскажет она мне о красоте ее детей, пребывая вечно надо мной²⁶!

Сообщили его Величеству, царю Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара²⁷ правогласному о положении, в котором я оказался. Тогда его Величество послал ко мне с царскими дарами, чтобы обрадовать сердце слуги покорного, словно властителю какой-нибудь чужеземной страны²⁸, [а] царские дети во дворце его передали мне свои поручения.

Копия указа²⁹, доставленного слуге покорному, относительно возвращения его в Египет:

«Хор, живущий рождениями, Обе Владычицы, живущие рождениями, царь Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, сын Ра Сенусерт, да живет он вечно-вековечно. Указ царя провожатому Синухету:

Этот царский указ доставлен тебе, чтобы сообщить тебе [следующее]: ты обошел чужие страны, прошел от Кедема до Речену. Передавала тебя страна стране по совету сердца твоего. Что совершил ты, чтобы

действовать против тебя? Ты не злословил – не надо отвергать речи твои. Ты не выступал против Совета высших сановников – не надо опровергать твои высказывания. Этот замысел увлек сердце твое, хотя ничего не было в моем сердце против тебя. Это твое небо, которое во дворце³⁰, [и] сегодня живет и здравствует. Увенчана голова ее [убором] царственности над землей [египетской], дети ее в зале аудиенций. Ты будешь копить ценности, которые они будут тебе давать, ты будешь жить от их щедрот.

Возвращайся в Египет! Ты увидишь резиденцию, где ты вырос, поцелуешь землю у Великих врат, войдешь в [круг] придворных сановников.

[Ведь] сейчас ты [уже] начал стареть, потерял мужскую силу. Подумай о дне погребения, о сопричислении к чтимым³¹. Предназначат тебе ночь масла³², [и] погребальных пелен из рук [богини] Таит³³. Устроят для тебя похоронную процессию в день предания [тела] земле. Будет гроб из золота с головой, [украшенной] лазуритом, [и] небо над тобою. Поместят тебя в ковчег, который потянут быки. Певцы будут перед [процессией] и исполнят танец муу³⁴ у входа в твою гробницу. Огласят список поминальных жертв для тебя, совершат заклания [скота] у жертвенников твоих. Колонны твои [в гробнице] воздвигнут из белого известняка среди [гробниц] царских детей. Не умрешь ты в чужой стране! Не похоронят тебя азиаты, не завернут тебя в баранью шкуру, устраивая убогую могилу. Хватит скитаться по земле! Подумай о своем теле и возвращайся!».

Достиг меня этот указ, когда я стоял посреди моего племени. Прочитали мне его, и я простерся ниц, коснулся земли и посыпал ею свои волосы. Обошел я свое стойбище, радостно восклицая: "Как сие сделано для слуги, чье сердце увлекло его в чужие страны? Воистину, прекрасна милость, спасающая меня от руки смерти! Твой Ка³⁵ позволит мне скончаться на родине!».

Копия ответа на этот указ: «Слуга дворца, Синухет, говорит:

«В прекраснейшем мире! Что касается бегства, совершенного покорным слугой в неведении его, оно известно твоему Ка, бог благой, владыка Обеих Земель, возлюбленный Ра, чтимый Монту-владыкой-Фив, Амуном-владыкой-престолов-Обеих-Земель, Себеком-Ра, Хором, Хатхор, Атумом с его Девяткой [богов], Сопду-Нефербау-Семсеру³⁶, Хором восточным³⁷, Владычицей Буто³⁸ – да охраняет она главу твою, – Тридцатью богами над водой, Мином-Хором-чужеземных стран³⁹, Уререт-владычицей-Пунта⁴⁰, Нут, Хоруром⁴¹, Ра, всеми богами Египта [и] островов Великой Зелени⁴². Да ниспошлют они жизнь и процветание ноздрям⁴³ твоим, да наделят они тебя своими дарами [и] дадут тебе вечность без границ, бесконечность без предела. Да распространится страх перед тобой по горам и долам, [ибо] ты подчинил [себе] все, что обходит солнце. Это мольба покорного слуги к господину его, спасающему от Аменти⁴⁴. Владыка знания, познавший род людской, он понял в величии дворца, что покорный слуга боится говорить это, [ибо] сие подобно тому, что повторить тяжело.

Великий бог, подобие Ра, вразумляющий того, кто служит ему по доброй воле. Покорный слуга – в руках того, кто заботится о нем, находится он под водительством [господина]. Твое Величество – Хор-победитель! Твои руки сильнее, чем все земли! Да прикажет твое Величество привести Меки из Кедема, Хентиауша из Хенткешу, Менуса из земель финикийских. Это властители с известными именами, выросшие в любви к тебе, не говоря уже о [стране] Речену: она тебе предана подобно псам твоим.

Что касается бегства, совершенного покорным слугой, не замышлял я его, не было его в сердце моем. Не задумывал я его, [и] не знаю я, что сорвало меня с места моего. [Это было] подобно сну, как если бы увидел себя житель Дельты на Элефантине, человек Болот – в Нубии. Я не боялся, [так как] не было погони за спиной моей, не слыхал я осуждающего слова и не слышали имени моего из уст глашатая. Однако дрожало тело мое, ноги мои пустились бежать, сердце мое увлекло меня. Бог, предопределивший бегство это, увел меня.

Я не самонадеян: боится человек, знающий свою страну, [так как] Ра вселил страх перед тобой в Египте, ужас перед тобой в чужеземных странах. В резиденции я или в этом месте, ты тот, кто закрывает этот горизонт, солнце восходит по желанию твоему, вода в реке – ее пьют, когда ты захочешь, воздух в небе – вдыхают его, когда ты скажешь. Слуга покорный оставит наследство потомству, рожденному здесь. Да поступит твое Величество по желанию своему: [ибо] живут воздухом, который даешь ты. Да возлюбят Ра, Хор, Хатхор ноздри твои досточтимые! Да пожелает Монту-владыка-Фив, чтобы жили они вечно!»

И вот пришли за этим покорным слугой. Позволили мне провести [еще один] день в Иаа, чтобы передать добро мое детям моим. Мой старший сын [стал] во главе⁴⁵ моего племени, [так что] мое племя и все мое имущество [перешло] в руки его: и люди мои, и весь мой скот, все мои припасы и фруктовые деревья.

Затем отправился покорный слуга на юг. Я остановился у Путей Хора⁴⁶. Начальник пограничной стражи там послал гонца в резиденцию, чтобы дать знать [об этом]. И повелел Его Величество отправиться в путь умелому начальнику работников царского дома⁴⁷ и за ним суда, нагруженные дарами царя для бедуинов, провожавших меня к Путям Хора. Я назвал каждого из них по имени. Каждый слуга был при деле своем: [когда] отплыл я под парусом, месили и процеживали [пиво] рядом со мной, [пока] не достиг я Иту⁴⁸.

Едва рассвело, пришли звать меня. Пришли десять человек, десять человек отправились, чтобы проводить меня во дворец. [Когда] коснулся я челом земли между сфинксами, царские дети стояли во вратах, встречая меня. Придворные сановники, вводящие в окаймленный колоннами двор, указывали мне дорогу в залу для аудиенций.

Я застал Его Величество [восседающим] на троне под навесом из чистого золота. Распростерся я на животе своем перед ним и обеспамятел. Этот бог приветствовал меня милостиво, я же был подобен человеку, охваченному мраком. Ба (душа) покинула меня, тело мое обессилело, не было [больше] сердца в груди моей – я был ни жив ни мертв. И сказал Его Величество одному из этих сановников: «Подними его, пусть говорит со мною». Затем Его Величество промолвил: «Вот ты вернулся, обойдя чужеземные страны. Скитания взяли свое – ты одряхлел, подступила старость. Немаловажное дело – погребение тела. Ты не будешь похоронен чужеземцами. Не поступай же, не поступай же так впредь! Не говоришь ты, [хотя] названо имя твое». Я боялся наказания и ответил испуганно: «Что говорит мне господин мой? Если бы я мог сказать, что не я сделал [это]! Это была длань бога, ужас, пребывающий во мне ныне, подобен толкнувшему [меня] к бегству предопределенному. Вот я пред тобою! Тебе принадлежит жизнь! Да поступит Твое Величество по желанию своему!».

Повелели привести царских детей. И сказал Его Величество жене царицы: «Посмотри, Синухет вернулся как азиат, рожденный бедуинами». Она пронзительно вскрикнула, [а] царские дети завизжали все вместе. И воскликнули они, [отвечая] Его Величеству: «Это не он воистину, господин, владыка наш!». [Но] промолвил Его Величество: "Это воистину он". [Тогда] принесли они свои ожерелья, трещотки и сistrы⁴⁹ с собой и поднесли Его Величеству [со словами]⁵⁰:

«[Протяни] свои руки, [о] царь вечноправящий, к Прекрасной, к убранству Владычицы неба! Да ниспослет Золотая жизнь твоим ноздрям. Да соединится с тобой Владычица звезд⁵¹! Да спустится вниз по течению венец Верховья и поднимется вверх по течению венец Низовья, да соединятся они воедино по слову Твоего Величества! Да поместят урей⁵² на челе твоём, [чтобы] ты оградил бедных от несчастья! Да будет милостив к тебе Ра, владыка Обеих Земель! Хвала тебе и владычице Вселенной! Ослабь свой лук, отложи свою стрелу. Дай воздух тому, кто задыхается! Пожалуй нам наш дорогой подарок – этого "шейха", сына Мехит⁵³, чужеземца, рожденного в Египте! Только из страха перед тобой совершил он бегство. Только из ужаса перед тобой покинул он страну. Не побледнеет лицо видящего твой лик, не ужаснется глаз, смотрящий на тебя!».

И сказал Его Величество: «Пусть он не боится, пусть не поддается страху! Станет он сановником (семером⁵⁴) среди вельмож, будучи введен в круг придворных. Ступайте в утренние покои, [чтобы] сделать для него все необходимое».

Вышел я из залы аудиенций, [причем] царские дети поддерживали меня под руки, и мы направились к Великим вратам. Поместили меня в доме царевича. Роскошно [было] в нем: умывальная комната, зеркала [и] драгоценности из сокровищницы⁵⁵ были там: одежды из царского льна, мирра и первосортное масло [достойное] царя и вельмож, которых он любит, – в каждом помещении. Каждый слуга был при деле своим. Годы были сброшены с моих плеч, побрили меня, причесали мои волосы. Грязь и паразиты были отданы нагорьям, одежды кочевника – пескам. Я был облачен в тонкое льняное полотно, умащен первосортным маслом, возлег на кровать. Предоставил я пески живущим среди них, деревянное масло – тому, кто умащается им.

Мне пожаловали дом с садом, приличествующий придворному сановнику. Много мастеров строили его, и все деревья были посажены заново⁵⁶. Мне приносили кушанья из дворца три-четыре раза в день сверх даваемого царскими детьми – [причем] ни на миг не было промедления.

Была воздвигнута для меня гробница из камня среди гробниц. Начальник камнесечцев разметил участок [для] нее, начальник рисовальщиков наметил [контуры рельефов], резчики [их] высекали. Начальники работ в некрополе обустраивали ее. Все убранство погребальной камеры было изготовлено. Назначили мне заупокойных жрецов⁵⁷, установили мне заупокойное владение (?) с полями перед моим пристанищем, подобно тому как делается для верховного сановника. Моя статуя была позолочена, [причем] ее опоясание – из чистого золота. Это Его Величество повелел сделать ее. Нет подданного, для которого было бы сделано что-либо подобное! И был я в милости у царя, [пока] не пришел день смерти».

Доведено от начала до конца в соответствии с тем, что найдено в рукописи.

¹ Для обозначения иноземцев в тексте используются три термина, передаваемые как «азиаты» («аму»), «бедуины» («сетиу» – букв.: «стрельцы»), «чужеземцы» («педжтиу» – букв.: «лучники»).

² Букв.: «Сын [богини] сикомора», т.е. Хатхор – обычное личное имя эпохи Среднего царства. Большинство титулов Синухета – почетные; реальные – «проводжатый», «слуга женской половины дворца».

³ Существование гаремов в эту эпоху не доказано.

⁴ Хнумсут и Канефру – сокращенные названия пирамид Сенусерта I и Аменемхата I, расположенных у совр. Лишта.

⁵ Букв.: «[опустили] головы на колени» – поза скорби.

⁶ Для обозначения ливийцев использованы 2 термина: более древний – «чехену» (они мало отличались от египтян) и «чемеху» – они появились в древнеегипетских источниках с конца Древнего царства и были светложими, рыжеволосыми и голубоглазыми.

⁷ Букв.: друзья – придворный титул («семер»).

⁸ Эпитет подчеркивает божественную природу царя, отождествляемого с богом-соколом Хором.

⁹ Маати, святилище Сикомора (Хатхор) и Остров Снофру, возможно, располагаются в районе совр. Гизы.

¹⁰ Красная гора – совр. Гебель эль-Ахмар на середине дороги из Каира в Гелиополь. Видимо, там находилось святилище Хатхор (она именовалась «Владычицей Красной горы»).

¹¹ Линия фортификационных сооружений, воздвигнутых при Аменемхате I.

¹² Так называемые Горькие Озера на Суэцком перешейке.

¹³ Букв.: «укрепил я сердце свое».

- ¹⁴ Кедем – семитское слово, означающее «Восток».
- ¹⁵ Речену – иногда толкуется как «степь», локализуется в сиро-палестинском регионе.
- ¹⁶ «Он – бог воистину...» и далее до «...попить кочующих по пескам» – ритмически организованный текст Гимна царю с цитатами из священных текстов (напр., Текстов пирамид).
- ¹⁷ Царя часто изображали в виде могучего быка.
- ¹⁸ Великая – священная кобра на челе царя, испепеляющая его врагов.
- ¹⁹ В утробе матери – букв.: «в яйце» – вновь образ, связанный с отождествлением царя и Сокола-Хора.
- ²⁰ То есть ему верна (букв.: «на его воде») – находится в зависимости от него как те, кто берет его воду для орошения своих полей.
- ²¹ Букв.: покоритель.
- ²² Простолудин – букв.: «малый», бедняк.
- ²³ ...папирус к горе – вероятно, пословица. Ср. в позднейшем папирусном свитке: «папирус не растет на горах».
- ²⁴ От слов «Бежит...» до «...во дворце» – ритмически организованный текст.
- ²⁵ Владычица Вселенной – богиня неба Нут, которая здесь сравнивается с царицей Египта (владычицей страны). Царские дети также уподобляются детям Нут – небесным светилам.
- ²⁶ ...вечно надо мной – изображение Нут помещали на крыше саркофага. Последний воспринимался как материнское лоно, из которого покойный мог возродиться к новой жизни, словно солнце, ежедневно порождаемое Нут.
- ²⁷ Хеперкара – тронное имя Сенусерта I.
- ²⁸ Видимо, дары были такими, какие обычно жаловали иноземным князьям.
- ²⁹ Переписчик папируса «В» старался передать даже внешнюю форму документа, разместив в одном углу титулатуру фараона, а в другом – дату и имя адресата. Титулатура состояла из пяти частей: 1. Имя Хора, воплощением которого на земле был фараон. 2. Обе Владычицы, т.е. покровительницы Верхнего (Нехбет) и Нижнего (Уаджит) Египта. 3. Имя «Золотого Хора» (в данном случае опущено). 4. Тронное имя, вводимое титулом "царь Верхнего и Нижнего Египта". 5. Данное при рождении личное имя с эпитетом «сын Ра» (Ра), обязательным с конца IV династии.
- ³⁰ ...небо, которое во дворце – имеется в виду царица, вновь сопоставляемая с богиней Нут.
- ³¹ Чтимые – эпитет усопших.
- ³² Ночь масла – одна из процедур бальзамирования.
- ³³ Таит – богиня ткачества, ведавшая погребальными пеленами.
- ³⁴ Танцующие муу представляли предков, которые встречали покойного в момент его прибытия в Страну мертвых.
- ³⁵ В данном случае почтительное и осторожное упоминание фараона.
- ³⁶ Сопду-Нефербау-Семсеру – местные божества Восточной Дельты.
- ³⁷ Хор восточный – Хор как покровитель Восточной пустыни.
- ³⁸ Владычица Буто – богиня-кобра Уаджит. Буто – город в Нижнем Египте, где был центр ее культа.
- ³⁹ Мин – отождествляемый с Хором бог Восточной пустыни, преимущественно района Вади-Хаммамат.
- ⁴⁰ Уререт-владычица-Пунта – эпитет Хатхор.
- ⁴¹ Хорур – один из образов бога Хора.
- ⁴² Великая зелень – море (первоначально Красное, а затем и Средиземное).
- ⁴³ Ноздри – как орган дыхания, а следовательно, жизни.
- ⁴⁴ Аменти – букв.: Запад как Страна мертвых. В данном случае, очевидно, «спасать от Аменти» – значит обеспечивать загробное существование.
- ⁴⁵ Во главе – по-египетски букв. «позади», как пастух за стадом.
- ⁴⁶ Пути Хора (Дорога Хора) – укрепление на северо-восточной границе Египта, откуда фараон, как Хор, выступает против азиатов. Синухет возвращался значительно севернее Стен Повелителя, по обычной дороге, соединявшей Египет с Азией.
- ⁴⁷ Начальник работников царского дома ведал доставкой ко двору всевозможных съестных припасов.
- ⁴⁸ Иту – резиденция Аменемхата I (ти-тауи – букв.: «Овладевший Обеими землями»).
- ⁴⁹ Культовые атрибуты богини Хатхор. Царица и ее дети исполняют ритуальную песню, дабы с помощью Хатхор умилиستивить царя.
- ⁵⁰ Далее до слов «...смотрящий на тебя» – ритмически организованное словословие царю с цитатами из Гимна царским венцам.
- ⁵¹ Золотая, Владычица звезд – эпитеты Хатхор.
- ⁵² Урей – змеевидный оберег на головном уборе фараона, богиня-кобра Уаджит.
- ⁵³ Мехит – богиня города Тис. В данном случае может интерпретироваться также как Северный Ветер (намек на возвращение в Египет с севера). Вероятно, обыгрывается также созвучие «Сын Мехит (Симехит)» – Синухет.
- ⁵⁴ Семер – букв.: «друг», высокий придворный ранг.
- ⁵⁵ Букв.: «Дом серебра» – царская сокровищница.
- ⁵⁶ «Посажены заново» – может быть, «все деревянные [детали дома] укреплены заново».
- ⁵⁷ Назначили мне заупокойных жрецов – для отправления поминального культа.

Надпись Сенусерта III из Семне

Надпись из крепости Семне у второго порога Нила высечена в 46-й год правления фараона XII династии Сенусерта III – Сесостриса в греческой традиции.

Да живет Гор, образ бога, «Обе Владычицы», божественный рождением, царь Верхнего и Нижнего Египта Хакаура, одаренный жизнью. Да живет... Гор золота, родной сын Ра, возлюбленный им, владыка Обеих Земель, Сенусерт [III], одаренный жизнью, вечностью, счастьем навечно¹.

[Закрепление на границе у второго порога.] 16-й год царствования, 3-й месяц Выходов. Сделал его величество южную границу вплоть ор Хеха.

Я сделал мою границу, [когда] плыл я на юг [дальше, чем] мои отцы. Я увеличил то, что досталось мне. Это я, царь, говорящий и делающий²! То, что задумывает мое сердце, мною выполняется; свирепствующий, чтобы захватывать; решительный (?), чтобы удачно выполнять; не дающий спать делу в сердце своем; думающий о бедняках...; не кроткий для врага, нападающего на него; нападающий, [когда] нападают на него;

молчащий, [когда] молчат; отвечающий на дело сообразно с тем, что произошло из него, ибо если молчать после нападения, [то] это укрепление сердца врага, усиление свирепствующего. Отступление – это слабость.

Потесненный на его границе – это настоящий трус (?), ибо слушает кушита, чтобы пасть от слова, а ответить ему – это заставить его отступить. Когда свирепствуют против него, он имеет обыкновение отступать, а когда отступают, то он впадает в ярость. Нет людей [египтян], которые почитают (?) это [отступление], [так как] малодушные – это голь. Мое величество видело это [отступление кушитов?] и это не неправда.

[Разорение кушитов.] Я захватил их женщин, я привел их подданных³, я вышел к их колодцам, я побил их быков, я вырвал их ячмень, я поджег его (?).

Как живет для меня мой отец!⁴ Сказал я по правде, и не было хвастовства в том, что вышло из моих уст.

[Обращение к потомству.] Далее, что касается всякого моего сына, который укрепит эту границу, сделанную моим величеством, то он мой сын – он рожден для моего величества.

Прекрасен сын – поборник своего отца, укрепляющий границу ради того, кто породил его!

Что же касается того, кто оставит ее [границу] и не будет сражаться за нее, то он не мой сын, он рожден не для меня.

[Воздвижение статуи Сенусерта III.] Вот затем приказал мое величество, чтобы сделали статую моего величества на этой границе, установленной моим величеством, из желания, чтобы вы [потомки] были крепки на ней, чтобы сражались вы за нее.

¹ Обычная титулатура египетского царя, состоявшая из пяти основных титулов: а) сопоставления царя с Гором; б) отождествления царя с «Обеими Владычицами», т.е. богинями Нехбет и Уаджит; в) престольного имени царя (здесь Хакаура) как владыки Верхнего и Нижнего Египта; г) сопоставления царя с «Гором золота»; д) личного имени царя (здесь Сенусерт) как сына бога солнца Ра.

² То есть не только говорящий, но и делающий.

³ Любопытное упоминание о подданных кушитов, может быть, свидетельствует о развитии классовых отношений у эфиопских племен уже в начале II тысячелетия до н. э.

⁴ Как живет для меня мой отец! – клятва, примерно соответствующая выражению «Клянусь моим отцом!».

Манефон. Завоевание Египта гиксосами

Фрагмент из несохранившейся истории Египта «Египтиака» египетского жреца Манефона, жившего в конце IV – начале III в. до н. э., сохранен в труде иудейского историка Иосифа Флавия (37 г. н. э. – 98 г. н. э.) «Против Аппиона».

«Тутимайос. И вот, не знаю почему, бог был к нам неблагоприятен, и неожиданно из восточных краев люди неизвестного племени предприняли дерзкий поход на страну и легко, без боя, взяли ее штурмом. И, победив ее правителей, они безжалостно сожгли города и разрушили до основания храмы богов, а с населением обращались самым враждебным образом, одних убивая, у других уводя в рабство, детей и жен. Наконец, они сделали царем одного из своих, имя которого было Салитис. И он обосновался в Мемфисе, собирая налог с Верхней и Нижней страны и оставив гарнизоны в самых подходящих местах. Особенно укрепил он восточные области, предвидя, что ассирийцы, в то время более сильные, пожелают напасть на его царство. А найдя в номе Сетроите чрезвычайно удобно расположенный город, находящийся на восток от реки Бубастиса, именуемый, по какому-то древнему религиозному преданию, Аварис, он отстроил его и очень хорошо укрепил стенами, вселив туда также, для охраны, множество гоплитов, около двухсот сорока тысяч человек. Сюда он приезжал летом, то для раздачи провианта, то для проведения войсковых смотров, на страх иноземцам. Пролетав двенадцать лет, он скончался». А после него сорок четыре года царствовал другой, именуемый Бнон, после него – другой, Апахнан, тридцать шесть [лет] и семь месяцев, а затем Апопис, шестьдесят один [год], и Ианнас, пятьдесят [лет] и один месяц, а после всех – Ассис, сорок девять [лет] и два месяца¹.

И эти шестеро стали их первыми правителями; они постоянно и все больше жаждали искоренить египетский род. А все их племя называлось Гиксос, т.е. «цари-пастухи», ибо «гик» на священном языке означает «царь», а «сое» на общем наречии – «пастух» и «пастухи», и так получается составное «Гиксос». Некоторые же говорят, что это были арабы. А в другой копии наименованием «гик» не обозначаются «цари», но, напротив, объясняется «пленники-пастухи»: ибо, действительно, по-египетски «гик» и «гак», произносимое с густым придыханием точно означает «пленники»². И это кажется мне более вероятным и согласующимся с древней историей.

Эти вышеперечисленные цари, так называемых Пастухов, и их потомки, говорит Манефон, правили Египтом около пятисот одиннадцати лет³. А после этого, говорит он, цари Фиваиды и остального Египта подняли восстание против Пастухов, и вспыхнула великая многолетняя война. И при царе, имя которого Мисфрагмутис⁴.

Пастухи, говорит он, побежденные и выброшенные из всего остального Египта, заперлись в месте, имеющем в окружности десять тысяч ару⁵; имя этого места – Аварис. Его, говорит Манефон, Пастухи целиком окружили большой и крепкой стеной, чтобы держать в надежном месте все свое имущество и добычу. А сын Мисфрагмутосиса Туммос⁶ попытался взять их приступом, осадив стены с 480 тысячами войска. Наконец, отказавшись от осады, он заключил договор, чтобы все они, оставив Египет, ушли куда хотят, не потерпев

урана. И они, согласно договору, со всем семейством и имуществом, будучи числом не менее 240 тысяч, прошли из Египта через пустыню в Сирию.

¹ Число лет правления царей Гиксосской династии завышено.

² От египетского слова h'k – добыча, военнопленный.

³ Гиксосы владели Египтом около 150 лет.

⁴ Мисфрагмутис, т.е. Менхеперра, – тронное имя Тутмоса III, царствовавшего значительно позднее. Это явный анахронизм.

⁵ Десять тысяч арур – около 2000 га.

⁶ Туммос – имеется в виду Тутмос IV, сын Тутмоса III. Это также анахронизм.

Борьба с гиксосами: табличка Карнарвона

Деревянная табличка, найденная в окрестностях Фив в 1908 г. экспедицией предпринятой на средства лорда Карнарвона и названная поэтому «табличкой Карнарвона». Настоящий текст, один из немногих памятников, описывающих борьбу Египта за освобождение от господства гиксосов, представляет собой школьную копию недавно открытого официального документа, сделанную учеником по указанию учителя. Этим объясняются неясности, пропуски текста и ошибки.

Камос – последний фараон из XVII (Фиванской) династии. Камос продолжил борьбу с гиксосами, начатую его предшественником Секененра.

РЕЧЬ КАМОСА I

Год 3... Царь Верхнего и Нижнего Египта Уадж-Хепер, [сын Ра], Камос, которому дана жизнь вечно в качестве царя превосходного. Сделал его Ра подлинным царем и даровал ему победу во истину. И вот сказал его величество в своем дворце совету вельмож, которые находились при нем: – «[Если бы] я знал, к чему мое могущество, когда один властитель в Аварисе, а другой в Куше¹. Я сижу вместе с азиатом и нубийцем, и каждый (из них) держит свою часть в Египте, деля землю со мной... Смотрите, он владеет Гермополем², не остается ни одного (довольного) человека, ибо люди угнетены работой на азиатов. Я схвачусь с ним [врагом] и распоряю ему живот. Мое желание освободить Египет и поразить азиатов».

ОТВЕТ ВЕЛЬМОЖИ

«Смотри, азиаты удерживают Кус³ и держат народы на равном положении, но мы обеспечены обладанием Египта. Элефантина сильна, и середина страны принадлежит нам [доел, с нами] вплоть до Кус. Вспахиваются для нас лучшие их поля, быки наши в Дельте, полба доставляется для наших свиней⁴. Не отнимают быков наших... Он владеет страной азиатов, а мы Египтом. Если придут и нападут на нас, то мы будем действовать [тогда] против него». И вот они [советы] были не по сердцу его величеству.

ВТОРАЯ РЕЧЬ КАМОСА

«Что касается вашей мысли [то она противна мне, и я буду сражаться] с азиатами. Вся страна [провозгласит меня победоносным правителем]⁵ в Фивах: «Камосом, который защитил Египет».

РАССКАЗ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Отправился я победоносно вниз по течению, чтобы ниспровергнуть азиатов согласно повелению Амона, помыслы которого справедливы. Храброе мое войско двигалось передо мной подобно пылающему огню. Вспомогательные отряды маджаев⁶ были нашим авангардом (?), чтобы выискивать азиатов и уничтожать места их пребывания. Восток и Запад приносили жир, и войско было снабжено питанием повсеместно. Послал я сильный отряд маджаев (вперед)..., а сам проводил время, осаждая (?) Тети, сына Пиопи⁷ в Ноферуси⁸. Я не дал ускользнуть ему и отразил азиатов... Провел я ночь в корабле своем, и радостно было сердце мое. На рассвете был я над ним подобно соколу. Когда наступило время «запаха рта» (?)⁹, я опрокинул его и разрушил стену его и перебил людей его, я заставил его жену спуститься к берегу реки¹⁰. Солдаты мои были подобно львам со своей добычей, со своими рабами, стадами, жиром и медом и делили свои вещи, причем радовались сердца их.

(Далее идет несколько испорченных и бессвязных фраз, не поддающихся переводу, после которых текст обрывается).

¹ Куш – Нубия.

² Гермополь – египетск. Шмун – главный город 15-го нома Верхнего Египта. Центр культа бога луны и письма – Тот.

³ Кус – главный город 14-го нома Верхнего Египта.

⁴ Эти фразы указывают, что в данное время власть гиксосов уже пошатнулась, они вынуждены были платить дань египтянам и разрешать им пасти свой скот в Дельте.

⁵ По смыслу восстановлено А. Гардинером.

⁶ Маджаи – племена, населявшие Северную Нубию, из которых в Египте комплектовались отряды наемников.

⁷ Вероятно, сын последнего царя гиксосов Пиопи-Апофиса.

⁸ Ноферуси – город к северу от Гермополя, недалеко от нынешнего Ком эль-Ахмара.

⁹ Какое-то время дня, скорее всего – завтрака.

¹⁰ В качестве пленницы.

Борьба с гиксосами: стела фараона Камоса

Обнаруженная в 1954 г. надпись Камоса – последнего фараона из XVII (Фиванской) династии, начертана на плите, найденной в Фивах в Карнакском храме. Она дополняет и расширяет сведения о ходе борьбы с гиксосами, начало которой описано в «Табличке Карнарвона».

[Обращение Камоса к гиксосскому царю]. Нота о плохом положении в твоём городе¹. Ты отделен от своего войска. Твои уста [слишком] узки², чтобы ты превратил меня в вельможу, ибо ты – властитель [лишь] относительно того, кто просит тебя.

Ты будешь повергнут на плаху (?). Ты отступаешь³. Плохо моему войску за тобой. Не будут беременеть женщины Авариса. Не будут биться их сердца в их утробах, [ибо] они слышали боевой рык моего войска.

[Нападение на Аварис] Я причалил к Перджедену, причем сердце мое было в радости. Дал я, чтобы узрел Апопи мгновение плохое. Державец Речену, мерзопакостный руками, замыслил злые дела в своем сердце, [по] они не выпали ему на долю⁴. Достиг я южного Инита. Я пересек реку из-за них [злых дел?], чтобы ответить на них. Я соединил корабли один за другим. Поставил я накормила (?) авангард (?) из моих телохранителей, летящий по реке, как если бы то был сокол. Моя золотая ладья [была] перед ним, а я был как [сокол божественный?] впереди них. Дал я мощную ладью «Мек», исследовавшую берег (?), а ладья «Джат» [была] за ней... на земле (?) Авариса. Я видел жен его [гиксосского царя] на кровле его дома, выглядывающих из окон его дома. Не двигались их тела, когда они увидели меня. Они смотрели из врат своих и со стен своих, как детеныши тушканчика (??) в своих норах, говоря: «Он идет!»

Смотри, я пришел! Я удачно осуществляю дело моей рукой. Превосходно мое дело! Клянусь Амоном-Сильным, я не оставляю (?) тебя, я не дам, чтобы ты попирали мои поля, причем я не буду на тебе, а сердце твое исчезнет (?). О, азиат мерзопакостный! Смотри, я пью вино твоих садов, отжатое для меня азиатами, из того, что я захватил. Я разорил твоё место обитания, я срубил твои деревья. Затем, я схватил (?) твоих жен в трюмы кораблей. Я захватил твоё колесничье войско. Я не оставил полена, затем, от 300 кораблей «Бау» из молодого (?) кедра, наполненных золотом, лазуритом, серебром, бирюзой, медными топорами без счета, не считая оливкового масла, ладана, жира, меда, деревьев итури, седж и сепни⁵ и деревьев их всех ценных. Всякая прекрасная дань Речену – я захватил (?) её всю. Не оставил я ничего для (?) Авариса из-за зла (?) его. Азиат! Сгинь, и да исчезнет (?) сердце твое! О, азиат мерзопакостный! Я говорю: «Это я владыка и нет другого от Гермополя до Дома Хатхор⁶, так как (?) Аварис превратился в реку. Оставил я его [в каком-то плохом состоянии] без людей в нём, разорил я их города, сжег я их места (?) превратившиеся в холмы пепелищ навечно, из-за вреда, содеянного ими в Египте. Было дано им: он [Аварис] услышал крик азиатов, после того как они отступили из Египта – их господина.

[Захват посла гиксосов к правителю Куша с письмом гиксосского царя.] Я захватил его посла выше [южнее?] оазиса, двигавшегося в южном направлении в Куш с письменным посланием. Нашел я в нём следующее в виде записи рукой властителя Авариса: «Ааусерра, сын Ра, Апопи приветствует моего сына, властителя Куша. Почему ты стоишь властителем, но не уведомляешь меня? Разве ты не видишь того, что содеяно Египтом против меня. Властитель, что в нём [Египте], Камос-кен⁷, одаренный жизнью, гонит меня из моих земель. Не нападал я на него, подобно тому как он делал против тебя. Обрек он на нищету Обе Земли [Египет]: мою страну и твою страну. Он разорил их. Ступай же на север без промедления. Смотри, он здесь у меня и нет никого [кто бы встал] на тебя в Египте. Смотри, я не дам ему пути, до тех пор пока ты не придешь. Тогда мы разделим города, что в Египте, [между собой]... в радости».

Уаджхеперра-кен⁸, одаренный жизнью, чьи деяния разорительны. Подчинил я все чужеземные страны и реки равным образом.

Когда нашли дорогу того, кто достиг [посол?], не был слаб я вместе с войском своим, [но] не овладел я [тем, кто?] на севере (?) от меня, [так как] он убоялся м^ня, когда я поплыл на север. Не было битвы нашей (?), пока я не достиг его. Когда он увидел мое огненное дыхание, послал он вплоть до Куша, чтобы искать своего защитника. Я захватил его [письменное послание] на пути и не дал я, чтобы оно дошло. Тогда повелел я, чтобы отобрали [послание] и отправили его [посла]⁹ обратно, причем находилась она [дорога] к востоку от Тепиху.

Вошла моя сила в его сердце, была поражена его плоть, когда рассказал ему его посол о содеянном мною против Кинопольской области, бывшей в его владении.

[Возвращение на юг.] Я послал сильный отряд лучников, который пошел, чтобы разорить [оазис] Джесдjes, а я был в Сака, чтобы не дать быть противнику позади меня.

Поплыл я на юг отважным, причем мое сердце было радостно. Я уничтожил каждого противника, который был на пути. О, как хорош этот поход для властителя, – да будет он жив, невредим, здоров! – с его войском впереди его. Не было потерь [среди] них. Не спорил человек с его спутником (?), не плакали их сердца.

Я двинулся в Сиут в период Половодья. Все [лица] были светлы [счастливы], страна в состоянии кротости (?), дамы...

Фиванский ном [был] в празднике, жены и мужья пришли, чтобы посмотреть на меня. Каждая женщина обнимает своего спутника. Нет лица в слезах. Ладан [воскуривается] ради имярек в резиденции, в месте, в котором говорят: «Взяты хорошие вещи сообразно с тем, как он [бог?] дает силу для сына Амона, да будет он

жив, невредим, здоров, царь долговечный Уаджхеперра, сын Рал Камос-кен, одаренный жизнью, побивший Юг, напавший на Север, овладевший, этой страной победоносно, одаренный жизнью, вечностью, счастьем. Да радуется его сердце и его душа, подобно Ра вечно, вековечно!

[Повеление поставить плиту с надписью.] Приказал его величество князю, местному князю, главному судье царского дома, начальнику всей страны, казначею царя Нижнего Египта, главному воспитаннику [владыки] Обеих Земель (?), начальнику «друзей», начальнику казны... Неши (?): «Пусть сделают [запишут] все содеянное моим величеством на плите, и займет [она] место свое в Карнаке, в Фиванском номе навечно, вековечно».

И сказал он [Неши] его величеству, что запишут [содеянное] все на плите (?) [согласно?] милости, исходящей от царя.

¹ Подразумевается Аварис, столица гиксосов в Восточной Дельте.

² То есть царь гиксосов не настолько авторитетен, чтобы превратить Камоса в вассала.

³ Букв.: видна твоя спина.

⁴ То есть гиксосский царь не смог осуществить свои злые дела.

⁵ Термины неизвестны.

⁶ Здесь, видимо, довольно точно указаны владения Камоса в момент составления надписи: от Фиванского до Гермопольского нома (включительно). Следовательно, с момента составления текста «Таблички Карнарвона» к владениям Камоса был присоединен Гермополь.

⁷ Камос-кен – «Камос Сильный».

⁸ Престольное имя Камоса.

⁹ Букв.: была дана она [дорога?] ему.

Жизнеописание начальника гребцов Яхмоса

Текст написан иероглифами на стенах гробницы начальника гребцов Яхмоса, высеченной в скале за древним городом Нехебом, современным Эль-Кабом, в Верхнем Египте. Надпись содержит в форме автобиографии часть военной истории начала Нового Царства (фараоны Яхмос I, Аменхотеп I, Тутмос I). Особенно важны те места, где повествуется об изгнании фараоном Яхмосом I азиатских завоевателей – гиксосов и постепенном обогащении воина, получающего в награду, кроме золотых украшений, наделы пахотной земли и рабов – военнопленных. Часть этих последних была захвачена им лично вместе с боевыми трофеями в виде рук, отрубленных у убитых врагов. В конце приводится список его рабов и рабынь.

ВСТУПЛЕНИЕ

Начальник гребцов Яхмос, сын покойной Абен, говорит:

Я, обращаясь к вам, все люди, я сообщаю вам о милостях, выпавших на мою долю. Я был награжден семикратно золотом перед всей страной, а также рабами и рабынями. Я был наделен огромным количеством пахотной земли. Имя героя [живет] в содеянном им, оно не исчезнет в этой стране во веки.

ЮНОСТЬ

Он говорит:

Я вырос в городе Нехебе¹. Мой отец был воином царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Секененра²; Беб, сын Раинет, было его имя. Я стал воином вместо него на судне «Дикий Бык» во дни повелителя обеих стран³ покойного Неб-Пехти-Ра⁴, когда я был юношей, еще не женился, но спал в юношеской одежде.

ИЗГНАНИЕ ГИКСОСОВ

После же того, как я обзавелся домом, я был взят на судно «Северный», потому что я был храбр. И я следовал за царем, который да будет жив, невредим и здоров, пешком, сопровождая его выезд на колеснице.

Когда осаждали город Аварис⁵, я выказал свою доблесть пешим перед его величеством. И я был назначен на судно «Явление в Мемфисе».

И бились на воде в [канале?] Паджедку Авариса. И я взял добычу и захватил руку⁶, причем о ней было доложено царскому докладчику. И дали мне золото доблести.

И бой был возобновлен на этом месте. И я вторично взял там добычу и захватил одну руку. И дали мне снова золото доблести.

И бились в [части] Египта, расположенной к югу от этого города. И я захватил одного пленника – мужчину: я сошел в воду – он был взят в плен на стороне города – и переправился с ним по воде, [и о нем] было доложено царскому докладчику. И вот я был снова награжден золотом.

И овладели Аварисом. И я захватил там добычу: 1 мужчину и 3 женщин, всего 4 головы. И его величество отдал их мне в рабы.

И осаждали Шарухен⁷ в течение 3 лет. И его величество овладел им. И я захватил там добычу: 2 женщин и одну руку. И дали мне золото доблести. И вот, отдали мне в рабы.

НУБИЙСКИЙ ПОХОД ФАРАОНА ЯХМОСА

После ж того, как его величество перебил соседние азиатские племена, он поплыл вверх по Нилу в северную Нубию, с целью истребить нубийских кочевников. И его величество произвел среди них страшное опустошение. И я захватил там добычу: 2 живых мужчин и 3 руки. И меня снова одарили золотом. И вот мне

дали 2 рабынь. Его величество поплыл вниз по Нилу, с радостным сердцем, сильный и победоносный, пленив южан и северян.

ПОДАВЛЕНИЕ ДВУХ ВОССТАНИЙ

Тут пришел южный мятежник, чью смерть приблизил его рок, в то время как боги Верхнего Египта схватили его. Он был настигнут его величеством в Тенттаа⁸. И его величество захватил его в качестве военнопленного и всех его людей, как легкую добычу. И я взял в плен двух молодых воинов с судна мятежника. И дали мне 5 голов [рабов] и земельные наделы, 5 сечат⁹ пахотной земли, в моем [родном] городе. Одинаковым образом было поступлено и по отношению ко всем гребцам.

Тогда пришел тот супостат, по имени Тетиян, и собрал вокруг себя злонамеренных. И его величество убил его, причем дружина его перестала существовать. И мне дали 3 головы [рабов] и 5 сечат пахотной земли в моем городе.

НУБИЙСКИЙ ПОХОД ФАРАОНА АМЕНХОТЕПА I

И я вез па гребном судне царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Джосеркара¹⁰, когда он плыл вверх по Нилу в Нубию с целью расширить границы Египта. И его величество сразил того нубийского кочевника посреди его воинов. Они были взяты в добычу крепко связанные (?), причем никто из них не ускользнул. Тот, кто (пытался) бежать, остался лежать убитым, как если бы его никогда не существовало. И вот, я был в первых рядах нашего войска. Я бился по-настоящему, и его величество видел мою доблесть. Я захватил 2 руки, которые и были принесены его величеству. И стали искать его (нубийского вождя) людей и скот. И я захватил пленного, который и был приведен к его величеству. Я доставил [его] величество в 2 дня в Египет от Верхнего Колодца¹¹. И меня одарили золотом. И я захватил 2 рабынь в добычу, помимо тех, которые были приведены мною к его величеству. И меня назначили бойцом государя.

НУБИЙСКИЙ ПОХОД ФАРАОНА ТУТМОСА I

И я вез на гребном судне царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Охеперкара¹², когда он плыл вверх по Нилу в северную Нубию с целью покарать мятеж в зарубежных странах и отразить вторжение из области пустыни. И я выказал свою доблесть перед ним в нильских порогах,... суда на опасном месте. И меня назначили начальником гребцов. И его величество, который да будет жив, невредим и здоров¹³... Его величество свирепствовал против них, как пантера. Его величество выпустил первую стрелу, которая и засела в теле того супостата. И эти,¹³ ...оробев перед его богиней-змеей¹⁴. Это было сделано там в мгновение резни. Их присные были захвачены как военнопленные. Его величество поплыл вниз по Нилу, имея все зарубежные страны у себя в кулаке и того подлого нубийца-кочевника висящим вниз головой на носу царского судна его величества. [И] причаляли в Карнаке¹⁵.

СИРИЙСКИЙ ПОХОД ФАРАОНА ТУТМОСА I

После этого отбыли в Сирию отвести свой боевой пыл на зарубежных странах. Его величество прибыл в северную Месопотамию. Его величество, который да будет жив, невредим и здоров, застал того супостата вступающим в бой. И его величество произвел среди них страшное опустошение. Не было числа военнопленным, захваченным его величеством в виде своей добычи при победе. И вот, я находился в первых рядах нашего войска, и его величество видел, какую я выказывал доблесть. Я захватил колесницу, ее упряжку и того, кто был на ней в качестве военнопленного, и они были доставлены его величеству. И снова одарили меня золотом.

СТАРОСТЬ

Я состарился, я достиг старости, и оказанные мне милости подобны первой... Я покоюсь в высеченной в скале гробнице, приготовленной мною самим.

НАГРАДЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ ЯХМОСОМ ЗА ВРЕМЯ ЕГО ЖИЗНИ

Земельные наделы¹³ в Бехи. Далее мне было дано царем Верхнего и Нижнего Египта [таким-то]... 60 сечат в Хеджа. Всего [столько-то]... [сечат].

ВОЕННОПЛЕННЫЕ РАБЫ И РАБЫНИ

Список рабов и рабынь из военнопленных...

Раб Памеджаи

Раб Паибеджу

Раб Сенебнеб [еф]

Раб Па...

Раб Кенпахека

Раб Джхутисенбу

Раб Себекмесе

Раб Хери [?]

Раб Пааам

Рабыня Та

Рабыня Седжмефни [?]

Рабыня Вакет

Рабыня Ка... иси

Рабыня Таметс

Рабыня Уабентасехмет
 Рабыня Истерим
 Рабыня Итефнефре
 Рабыня Хедеткаш
 Рабыня Аменхерсеснеб

- Нила.¹ Древнейшая столица Верхнего Египта, современный Эль-Каб. Она располагалась напротив Нехена на противоположном берегу Нила.
- ² Правитель Фив, начавший борьбу с гиксосами и погибший в одном из сражений. Отец основателя XVIII династии фараона Яхмоса I.
- ³ Египта.
- ⁴ Тронное имя фараона Яхмоса I, завершившего изгнание гиксосов из Египта и объединившего вновь всю страну.
- ⁵ Столица Древнего Египта при гиксосах, расположен в дельте Нила.
- ⁶ Отрубленную у убитого врага – как доказательство проявленной доблести.
- ⁷ В Южной Палестине.
- ⁸ Местоположение не установлено. Возможно, в районе первого порога.
- ⁹ Единица измерения площадей 2735 кв. метров.
- ¹⁰ Тронное имя второго фараона XVIII династии Аменхотепа I.
- ¹¹ Местность в районе второго порога или название этого порога на Ниле.
- ¹² Тронное имя третьего фараона XVIII династии – Тутмоса I.
- ¹³ Пропуск в тексте, оставленный древним резчиком.
- ¹⁴ Царским уреем.
- ¹⁵ Современное название местности около Фив, где находился храм бога Амона. Древнеегипетск. – Ипет-сут.

Экспедиция Хатшепсут в страну Пунт

Иероглифические тексты на стенах великолепного храма царицы XVIII династии Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри на западном берегу Нила около Фив. Торгово-грабительские экспедиции египтян в страну Пунт, находившуюся на восточном побережье Африки примерно в районе совр. Сомали, начались еще в эпоху IV и V династий. Во всяком случае, к указанному времени относятся первые упоминания об этой стране, откуда привозились ароматические смолы, шкуры экзотических животных, драгоценные породы деревьев и тому подобные цимтимые египтянами товары. Однако только рельефы и надписи храма в Дейр-эль-Бахри сохранили более полные и подробные сведения о Пунте и об экспедиции, совершенной туда. Судя по изображениям и надписям, корабли из Нила непосредственно вышли в Красное море и таким же образом вернулись в Фивы на 9 год правления Хатшепсут. Поэтому очевидно, что царица предварительно соединила каналом восточный рукав Нила с западным заливом Красного моря.

Сам храм в Дейр-эль-Бахри – одно из лучших произведений древнеегипетского зодчества – должен был быть по замыслу его строителей сооружен как подобие «божественной» страны Пунт, откуда доставлялись драгоценные товары. Он террасами спускался к Нилу и был украшен многочисленными колоннами. На террасах должны были быть посажены мирровые деревья и другие растения, дающие благовонные смолы.

Ниже приводятся отрывки, содержащие заявление Хатшепсут о благополучном возвращении экспедиции и о своем намерении построить храм, а также список привезенных товаров.

В год 9 было заседание в приемном зале, появление фараона в короне атеф на великом троне из электрона, посреди красот его дворца. Собрались вельможи и семеры двора...

РЕЧЬ ХАТШЕПСУТ

Я сияю вовеки перед вашими лицами по воле моего отца... Того, что мои отцы, предки не знали, я совершаю... Я сделаю, что будут говорить потомству: «Как прекрасна она, из-за которой это случилось»... Я дала приказ моего величества, чтобы жертвы тому, кто зачал меня (т. е. Амону), были бы великолепны, чтобы умощения были увеличены... Я возведу вам то, что было приказано мною, [когда] я услышала от отца моего,... что приказал он мне устроить ему Пунт в его доме, посадить деревья «Земли бога» по обе стороны его храма в его саду, согласно тому, как он приказал... И я сделала ему Пунт в его саду, так как он приказал мне для Фив. Он велик и он (т. е. Амон) ходит по нем.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИВЕЗЕННОЙ ИЗ ПУНТА ДОБЫЧИ

Погрузка кораблей великой чудесами страны Пунт: всяким прекрасным благовонным деревом «Земли бога», кучами мирры, зеленеющими мирровыми деревьями, эбеновым деревом, чистой слоновой костью, необработанным золотом Азии, деревом шепсет, деревом хесит, благовонием ихмут, ладаном, мазью для глаз, павианами, обезьянами, охотничьими собаками, шкурами леопардов, людьми и их детьми. Никогда не было привезено подобного этому ни для какого царя, который был издревле.

Из анналов Тутмоса III

Иероглифические надписи на стенах Карнакского храма в Фивах. Наиболее длинный и один из самых значительных по содержанию из сохранившихся иероглифических исторических текстов, заключающий подробный отчет о походах в Азию, совершенных фараоном XVIII династии Тутмосом III. Этот памятник не только подробно знакомит с военными событиями, в результате которых фараону-завоевателю удалось распространить свою власть до верховьев Евфрата на севере и четвертого Нильского порога на юге, и с тактическими приемами египтян, но и доказывает существование у них летописей, куда заносились все достойные памяти события. В отчете о первом походе упоминается некий Танени. Возможно, он и был автором анналов. В надписях в его гробнице, обнаруженной в

скатах на западном берегу Нила около Фив, отмечается, что он сле довал за Тутмосом III и «записал победы, одержанные им во всякой земле, изложив их письменно, согласно фактам». С кожаных свитков, не дошедших до нас, они с сокращениями были перенесены на стены храма.

Наиболее ярким эпизодом, образно и подробно описанным в анналах, является битва во время первого похода при городе Мегиддо в Северной Палестине, где собрались и укрепились сирийские князьки со своими войсками во главе с царем Кадеша. Тутмос III победил союзников, но взять город ему удалось лишь после длительной осады.

Во время следующих походов он дошел до Кадеша, и при шестом походе разрушил город и разорил страну. Затем, во время восьмого похода египтяне одержали победу над Митаннийским государством, которое вступает впоследствии в тесный союз с Египтом. На восточном берегу Евфрата в его верховьях Тутмос III устанавливает свою пограничную стелу. Далее египтяне не проникали ни до ни после этого. Цари Вавилона, Ассирии, Кипра и Хеттского государства, а также нубийские вожди ежегодно доставляли Тутмосу III дары, которые обычно перечисляются в анналах. Всего он совершил 17 походов в Азию, длившихся в общей сложности 19 лет и надолго закрепивших там господство египтян. Ниже приводятся отрывки из описаний первого, шестого, восьмого и девятого походов, в которых описываются упоминавшиеся выше события и факты. Они дополняются помещаемыми далее отрывками из стелы Тутмоса III, найденной в Нубии у Гебел Баркала.

НАЧАЛО ПОХОДА

В год 23, в первый месяц лета, в четвертый день, в день коронования царя [прибыл он] к городу «Владенье владыки», Гаджату¹ (имя его сирийское).

В год 23, в первый месяц лета, в пятый день отбытия из этого места в могуществе, [в силе], в мощи, в победе, чтобы повергнуть того презренного врага, чтобы расширить границы Египта, как приказал отец его Амон-Ра...

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

В год 23, в первый месяц лета, в день 16 [прибыл царь] в город Иехем².

Назначил [его величество] совет со своими храбрыми военачальниками, говоря: «Этот враг из Кадеша³ пришел и вошел в Мегиддо, и он [там] сейчас». Он собрал к себе предводителей всех стран, которые подчинены Египту, Нахарину⁴, Сирию, Кеду, их лошадей, их воинов, [их людей], и он говорит так: «Я поднялся, чтобы [сразиться против его величества] в Мегиддо»⁵. Скажите же вы мне, [что вы думаете?].

И они сказали пред его величеством:

«Как же мы пойдем по этой дороге, которая узка? Ведь приходят [и докладывают], что враг там стоит и ждет и они держат] дорогу против многих. Разве не пойдет лошадь за [лошадью и человек за] человеком так же? Разве не будет наш авангард сражаться там в то время, как наш арьергард будет еще стоять в Аруну не сражаясь? А ведь есть еще две дороги: одна дорога – смотри, она правильна для владыки нашего, ибо выходит она к Таанак⁶, другая – вот, она [приведет] к дороге севернее Джефти так, что мы выйдем к северу от Мегиддо. Пусть наш победоносный господин следует как [найдет правильным] сердце его, но да не пойдем мы по той [трудной] дороге»...

«[Клянусь], как любит меня Ра и как хвалит меня отец мой Амон, как освежается дыхание жизнью и силой, мое величество пойдет той дорогой на Аруну! Пусть кто хочет из вас идет по дорогам, о которых вы говорили, и пусть кто хочет из вас следует за моим величеством! Неужели будут говорить у этих врагов, которых ненавидит Ра: «Разве его величество идет по другой дороге? Он боится нас – подумают они».

И они сказали пред его величеством:

«Да сотворит отец твой Амон. владыка Фив, первый в Карнаке, согласно твоему сердцу! Вот мы последуем за твоим величеством всюду, куда пойдет твое величество, ибо слуга – позади своего господина».

[Приказ его величества, отданный] всему войску:

«[Да будет храбр каждый из нас, да будут тверды ваши шага по той дороге, кото-рая [узка]].

[И вот его величество дал] клятву, говоря: «Не [позволю я идти никому из моих воинов] перед моим величеством [здесь]].»

И пошел он сам во главе своего войска, указывая своими шагами путь каждому человеку, и лошадь (шла) за лошадью, а его величество был во главе своего войска...

И вот арьергард победоносного войска его величества (был еще) у города Аруну, а авангард вышел уже в долину [Ки]ны и заполнили они вход в эту долину.

Тогда сказали его величеству, - жизнь, здоровье, благополучие: «Вот его величество вышел с своим победоносным войском, и наполнили они долину. Пусть же наш победоносный господин послушает нас на этот раз! Пусть защитит нас наш господин арьергард своего войска и своих людей! Пусть выйдет арьергард войска, и тогда мы сразимся с этими чужеземцами, и тогда мы не будем думать об арьергарде нашего войска!»

И его величество остановился снаружи, защищая арьергард своего победоносного войска.

И вот когда отряд вышел на эту дорогу, повернулась тень, а когда его величество прибыл к югу от Мегиддо на берег потока Кины, был 7-й час после поворота солнца.

ЛАГЕРЬ У МЕГИДДО

Стал его величество там лагерем и приказал всему войску, говоря:

«Приготовьтесь! Отточите ваше оружие, ибо мы выступим, чтобы сразиться утром с тем презренным врагом»...

И [царь] отдыхал в царском шатре, и вельможи были устроены, и свита снабжена.

И войсковая стража ходила, и они говорили: «Крепитесь! Крепитесь! Бодрствуйте! Бодрствуйте же! Стерегите жизнь и шатер царя, да будет он жив, здрав и благополучен!»

Пришли сказать его величеству: «Земля здорова, и войско южное и северное также».

БИТВА ПРИ МЕГИДДО

В год 23, в первый месяц лета, в день 21, день праздника Новолуния, [соответствующий] дню восшествия царя на престол, утром – вот был дан приказ всему войску к наступлению...

Бышел и его величество на колеснице электр он свой, снабженный своим боевым оружием, подобно Гору-Победоносцу, владыке мощи, подобно Монту-Фиванскому⁷; и отец его Амон укреплял его руки.

Южный рог⁸ войска его величества был у горы к югу [от потока] Кины, северный рог⁸ – к северо-западу от Мегиддо, а его величество был посередине них, и Амон – защитник его тела...

Тогда стал одолевать их его величество во главе своего войска, и когда они увидели, что его величество одолевает их – побежали они в беспорядке к Мегиддо с устрашенными лицами.

Они бросили своих лошадей и свои колесницы из золота и серебра. И подняли их в этот город, втаскивая за их одежды, ибо жители этого города заперлись от них [и спустили одежды], чтобы втащить их в этот город.

И вот, если бы войско его величества не предалось грабежу имущества врагов, – они захватили бы Мегиддо в тот час, когда презренного врага Кадешского и презренного врага из этого города втаскивали второпях, чтобы ввести их в их город, ибо страх пред его величеством вошел в их члены, и руки их были бессильны, [и вот] одолел их его урей.

Тогда были захвачены их лошади, и их колесницы из золота и серебра стали добычей, их силачи лежали распростертыми, подобно рыбам на берегу пруда, а могучее войско его величества считало их имущество.

Вот, был захвачен шатер того презренного врага [украшенный серебром]...

И все войско ликовало и воздавало хвалы Амону за победу, которую он даровал своему сыну в этот день. И воздавали они восхваление его величеству, прославляя его мощь.

И вот они принесли добычу, которую они взяли, – руки⁹, живых пленников, коней, колесницы из золота и серебра...

Тогда его величество издал приказ своему войску, говоря: «Сражайтесь хорошо, хорошо, войска мои храбрые! Вот, [находятся все чужеземные страны в этом городе согласно приказу] Ра сегодня, ибо все князья всех стран собраны в этом городе, ибо взятие тысячи городов – это взятие Мегиддо. Сражайтесь храбро, храбро!»

(В последующих поврежденных строках описывается осада Мегиддо.)

И все, что делал его величество против этого города, против того презренного врага с его презренным войском, – отмечалось ежедневно... и было оно запечатлено на кожаном свитке в храме Амона...

СДАЧА МЕГИДДО

И вот князья этих стран приползли на своих животах, чтобы нюхать землю пред силой его величества, чтобы вымолить дыхание их носам из-за величия его могущества...

[И все князья] принесли силе его величества свои дары – серебро, золото, лазурит, малахит, принося зерно, вино, крупный и мелкий скот для войска его величества...

ДАРЫ МЕГИДДО

Перечень добычи, принесенный войском его величества из города Мегиддо: пленных 340, рук⁹ 83, лошадей 2041, жеребят 191, жеребцов 6... Колесница, украшенная золотом, с золотым дышлом, принадлежащая тому врагу; прекрасная колесница, украшенная золотом, принадлежащая князю Мегиддо... колесниц его презренного войска 892, всего (колесниц) 924, прекрасный бронзовый панцырь того врага; прекрасный бронзовый пан-цырь князя Мегиддо; [кожаные] панцыри его презренного войска 200; луков 502; шестов от палатки того врага из дерева мери, украшенных серебром, 7.

Вот, войско [его величества] захватило [скота этого города]... 387, крупного скота 1929, мелкого скота¹⁰ 2000, мелкого скота белого¹¹ 20 500.

ОПИСАНИЕ ШЕСТОГО ПОХОДА ТУТЛЮСА III

Год 30. Его величество было в стране Ретену¹² в своем шестом победоносном походе.

РАЗГРОМ КАДЕША

Он прибыл к поселению Кадеш, разрушил его, срубил деревья его, захватил его жатву.

РАЗГРОМ ДВУХ ГОРОДОВ

Он приплыл к стране Сешериту¹³, он прибыл к поселению Джгмиру, он прибыл к поселению Ирчету и сделал с ними то же самое.

ДАНИ СТРАНЫ РЕТЕНУ

Список дани, доставленной в этом году из-за мощи его величества князьями страны Ретснугу.

Были увезены дети князей и их братья, чтобы пребывать в Египте как заложники. Если кто-либо из этих князей¹⁴ умирал, его величество отправлял его сына поставить на его месте.

Список княжеских детей, приведенных в этом году: 36 человек.

Рабов и рабынь 181.

Лошадей 188.

Колесниц, обработанных золотом и серебром и раскрашенных, 40.

ИЗ ОПИСАНИЯ ВОСЬМОГО ПОХОДА ТУТМОСА III

Год 33. Его величество был в стране Ретену...

УСТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНОЙ СТЕЛЫ

Переплыл его величество Евфрат, во главе своего войска на восток от этой реки. Установил он другую (стелу) подле стелы своего отца, царя Верхнего и Нижнего Египта Тутмоса I.

Спустился его величество, чтобы полонить город, чтобы опустошить страну, особенно эту презренную Нахарину.

ЗАХВАЧЕННАЯ ЗДЕСЬ ДОБЫЧА

[Список добычи, принесенной из этого места] всем войском:

Князей 3

Их женщин 30

Военнопленных 80

Рабов и рабынь вместе с детьми их 606.

ДАНЬ СТРАНЫ РЕТЕНУ

Список дани, принесенной его величеством из этой страны.

Рабов и рабынь 513

Лошадей 260

Золота 45 дебенов и 1/8 кит¹⁵

Серебряных сосудов как подати страны Джахп...

Всякого воинского [снаряжения]...

[Колесниц, обработанных серебром]...

Быков иуа, безро-гих быков, быков тепи 28

Быков ка 564

Мелкого скота 5323

Ладану сосудов мен 2028.

ДАНЬ СТРАНЫ СЕИГЕР

Дань князя Сенгер:¹⁶

Лазурита настоящего 4 + х дебенов

Лазурита искусственного 24 дебена

Лазурита вавилонского...

Баранья голова – лазурита настоящего

ДАНЬ АССИРИИ

[Дань князя Ашшура в этом] году:

Лазурита настоящего 15 кит и сосуды...

Дань великой Хетта¹⁷ в этом году:

Серебро колец 8, что составляет 401 дебенов

Драгоценного светлого камня (хрусталь?) 2 больших куса ...

ИЗ ОПИСАНИЯ ДЕВЯТОГО ПОХОДА ТУТМОСА III (ОТ 34-го ГОДА)

ДАНЬ КИПРА

Дань князя Иси¹⁸ в этом году:

Меди брусков 108

Меди в неправильных брусьях 2040 дебен

Свинца брусков 5

Свинца в комьях 1 200

Лазурита 110 дебенов

Слоновой кости 1 клык

Палок из дерева чага 2

ПОДАТИ НУБИИ

Подати презренного Куша

Золото дебенов 300 + х

[Рабов и рабынь не]гров 300 + х

Сын князя Ирму...

Итого 64

Быков иуа и быков безрогих 105

Быков ка 170

Итого 275

[Судно], груженное слоновой костью, эбеном настоящим всяким этой страны равно как продуктами Куша.

¹ Газа – город в Южной Палестине, на побережье Средиземного моря.

² Город в Северной Палестине у западного склона горного хребта Кармел.

³ Город в Сирии в верховьях реки Оронт, царь которого возглавлял сирийских князьков, враждебных Египту.

⁴ Нахарина соответствует примерно границам Митаннийского государства. На западе она граничила с долиной р. Оронт, на севере – с областью Амана. Таким образом, она охватывала северную часть внутренней Сирии и часть северной Месопотамии.

⁵ Укрепленный город в Северной Палестине.

⁶ Город в Северной Палестине у восточного склона горного хребта Кармел.

⁷ Монт – бог солнца, почитавшийся в Фивах и Гермонте. В архаическую эпоху считался верховным божеством Южного Египта. Позднее – бог войны. Изображался в образе человека с головой сокола.

⁸ Фланг.

⁹ Отрезанные у убитых врагов. Сравни. биографию Яхмоса.

¹⁰ Козы.

¹¹ Овцы.

¹² Сирия.

¹³ Область севернее Кадеша.

¹⁴ Страны Ретену.

¹⁵ 1 дебен (= 12 кит) – 91 грамм.

¹⁶ Повидимому, Сеннаар, Южное Двуречье.

¹⁷ Хеттов.

¹⁸ Кипра.

Надпись Тутмоса III из Баркала

Иероглифическая надпись, найденная у Гебел Баркала (Напата) в Нубии. Она была установлена там в память побед Тутмоса III и описывает события и факты, приведенные в Карнакских анналах этого царя, несколько дополняя их в деталях. Эта стела служит примером триумфальных надписей фараонов XVIII династии, которым стремились подражать их преемники XIX и XX династий, иногда просто списывавшие описания подвигов и побед у своих великих предшественников даже в тех случаях, когда они никаких военных действий не вели.

47-го года царствования 3-го месяца наводнения 10-е число при [его] величестве Гора... царя Верхнего и Нижнего Египта, Менхеперра, сыне Ра родного, возлюбленного его, владыке всех чужеземных стран Тутмосе, прекрасного образом...

(Следует продолжение титулатуры и восхваление мощи... фараона.)

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РАЗГРОМЕ МИТАННИ

Многочисленное войско Митанни¹ было повержено в течение часа, исчезнув совсем, как если бы оно не возникло... добрый бог, великий силою в бою, делающий груды трупов из всех сам, совершенно один, парь Верхнего и Нижнего Египта, Менхеперра. да будет он жив вечно! Он – Гор, мощный рукою, превосходящая крепость своему войску, убежище для подданных, побеждающий все страны... спасающий [Египет?] иа бранном поле, защищающий, не убоявшись завистников. Он – смелый телец², чья южная граница до «отрогов земли»³, до крайнего юга этой (?) земли (?)⁴, а северная – до северных окраин Азии⁵, до столбов неба. Они приходят к нему, склонив голову, из-за его дыхания жизни. Он – царь доблестный как Монт⁶, хватающий без того, чтобы выхватили из его руки, топчущий все мятежные страны, и нет им защитника в той стране Нахарины⁷, покинутый от страха своим владыкой. Я разорил его города и поселения, я предал их огню, мое величество превратило их в места, которые не будут населены, я захватил всех их людей, доставленных пленниками, и их скот в бесконечном количестве, а также их вещи. Я отнял от них жито, я вырвал их ячмень, я вырубил их сады, все их плодовые деревья. Их округа, они были... мое величество уничтожило ее (т. е. Нахарину), она превратилась в ..., на котором нет деревьев.

И вот, мое величество переправилось в северные окраины Азии. Я велел построить много судов из кедра гор «Земли Бога»⁸, что около «Владычицы Гебала»⁹, причем они были положены на повозки, и [их] влекли быки, и они поплыли перед моим величеством, чтобы переправиться через ту большую реку¹⁰, образующую [то, что находится?] между этой страной и Нахариной. Он – царь, достойный хвалы за [деяния] своих рук в бою, пересекший Великий Круговорот¹¹ вслед за напавшим на него во главе своего войска, ища того жалкого супостата... страна (?) Митании, когда он бежал от страха перед моим величеством в другую страну, отдаленное место. Тогда мое величество установило свою [пограничную] плиту на той Нахаринской горе, высеченную в горе на западном берегу Великого Круговорота.

НОВОЕ ВОСХВАЛЕНИЕ МОЩИ ФАРАОНА ПОСЛЕ РАЗГРОМА МИТАННИ

Нет у меня противника в южных странах. Северяне приходят, склонившись перед моей мощью. Это Ра передал их мне. Я объял (все), что охватывает его око¹², он дал мне землю в длину ее и ее ширину. Я связал 9 луков¹³, острова среди моря, греческие острова, мятежные страны. Я отправился на юг в Египет, после того как я дал [почувствовать?] руку [мою] Нахарине, слышущую ужасной в устах кочевников пустыни: из-за нее их двери были заперты, они не выходили наружу из страха [перед] тельцом. Он – доблестный царь, превосходная крепость своему войску, стена из меди... он побеждает все страны своим мечом, не имея тьмы тех людей за собой; стреляющий метко каждый раз, когда он подступает, причем не быют мимо его стрелы; мощный рукою, подобного которому не случалось быть; Монт, доблестный на бранном поле.

ОХОТА НА СЛОНОВ

Другое победоносное дело, предоставленное мне Ра: он дал мне повторить великую доблесть у водополя (??) Ни¹⁴. Он повелел мне сделать загоны слонов; билось с ними мое величество – со стадом слонов в 120

[голов]. Никогда не было совершено подобное [египетским] царем со [времен] бога, принимавшим белый венец.

УВЕРЕНИЯ ФАРАОНА В ПРАВДИВОСТИ ЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Я сказал это без преувеличения, и нет неправды в том: я совершил это согласно приказу мне [моего отца Амона-Ра, владыки престолов обеих земель], ведшему мое величество по доброму пути своими благими мыслями. Он соединил для меня Египет и за границу; в моем кулаке [все], что окружило солнце.

ПОХОД НА МЕГИДДО

Далее я повторяю вам: слушайте, люди!! Он передал мне страны Сирии в первый поход, когда они пришли встретиться с моим величеством в количестве миллионов п сотеи тысяч из лучших, [которые только имелись] во всех чужеземных странах, стоя на своих упряжках и в [количестве] 330 владетелей, причем каждый был со своим войском.

И вот, [находились] они в долине Кина¹⁵, разбив стан у (?) нее... и произошло обстоятельство, удачное для меня среди них. Мое величество напало на них, и они тотчас бежали, и были немедленно повержены. Они вошли в Мегиддо, и мое величество заперло их сроком на 7 месяцев, пока они не вышли наружу, моля мое величество, со словами: «Дай нам твое дыхание, наш владыка. Не восстанут на тебя вновь другой раз страны Сирии!».

Тогда тот супостат и владетель, что были с ним, отправили, к моему величеству детей (?) их всех с обильной данью золотом и серебром, всеми их лошадьми и тех, кто с ними, их колесницами, колесницами из золота и серебра и теми, что пестро расписаны, всеми их бронями, их луками, их стрелами, всем их боевым оружием. Это [было] то, с чем они пришли, будучи готовы (?) биться против моего величества. И они доставили это в виде дани моему величеству. И они стояли на своих стенах, воздавая славу моему величеству, дабы было дано им дыхание жизни.

Тогда мое величество велело заставить их принести клятву в следующих выражениях: «Мы не будем впредь плохими относительно Менхеперра – да будет он жив вечно! – нашего владыки, в течение всей нашей жизни, так как мы видели его могущество, и он дал нам дыхание, как он желает. Это его отец [Амон-Ра, владыка престолов обеих земель] совершил это, воистину, то [была] не рука человеческая!»! Тогда мое величество велело их отпустить в их города. Они отправились все на ослах, так как я отобрал их лошадей. Я захватил их горожан в Египет, а также их имущество.

СЛАВОСЛОВИЕ АМОНУ И ПОВЕСТВОВАНИЕ О ВЛАДЫЧЕСТВЕ ФАРАОНА НАД НУБИЕЙ И СИРИЕЙ

Это [мой] отец отдал их мне [Амон-Ра, владыка престолов обеих земель], бог благодетельный и удачливый в делах, чьи планы не били м.имо цели, отправивший мое величество овладеть [всеми] дольными и гористыми странами вкупе. Я поверг их согласно его приказу, [следуя] путем, который он уготовляет. Он дал мне побить всех чужеземцев: нет никого, кто бы подступился ко мне. Это моя булава повергла азиатов, моя палица побила 9 луков. Мое величество подчинило все страны: Сирия под моими подошвами, нубийцы – подданные моего величества. Они работают для меня, как один, обложенные податями в виде тьмы тем многообразных вещей «Отрогов земли» и бесчисленным количеством золота из Уауат¹⁶. Там строят ежегодно [для отправки] ко двору – да будет он жив, невредим и здоров! – «осьмерные» суда и корабли, многочисленнее, чем команды [корабельщиков], кроме податей, [доставляемых] нубийцами, слоновой костью и черным деревом. Ко мне приходит [нечто из дерева] из Куша: бревна из пальмы дум и деревянные изделия (?) в бесконечном множестве из [тернистой] акации крайнего юга земли. Их обработали мои воины в Нубии, что находились там в несметном числе... множество кораблей из пальмы дум, доставленных моим величеством после победы.

[Для меня] строятся [суда] в [Фин]икии ежегодно из настоящего ливанского кедра, и доставляются во дворец – да будет он жив, невредим и здоров! Ко мне приходит [нечто из дерева] в Египет. Везут на юг (?)... настоящий кедр из Негау¹⁷ из самого отборного, что есть в стране бога... в столицу, не минуя своих сроков ежегодно. Приходят мои воины, что в [гарнизонных] войсках в Уллазе¹⁸... [что] из (?) кедра, военной добычи моего величества по замыслам моего отца Амона-Ра, передавшего мне всех чужеземцев. Не оставил я в них [ничего] азиатам: [ведь] это дерево, которое он любит. Он подчиняет... владыке...

(Конец надписи фрагментирован. В нем содержится описание небесного знамения, повествование о каком-то походе на юг, речи фараона к приближенным, в которых он славословит Амона и похвастается своими храбростью и благочестием, и ответы придворных.)

¹ Север Сирии и Месопотамии.

² Эпитет фараона.

³ «Отроги земли» – крайний юг Нубии.

⁴ «Крайний юг этой земли» – крайний юг Нубии.

⁵ «Северные окраины Азии» – север Сирии и Месопотамии.

⁶ Монт – бог солнца, почитавшийся в Фивах и Гермонт. В архаическую эпоху считался верховным божеством Южного Египта. Позднее – бог войны. Изображался в образе человека с головой сокола.

⁷ Нахрина соответствует примерно границам Митаннийского государства. На западе она граничила с долиной р. Оронт, на севере – с областью Амана. Таким образом, она охватывала северную часть внутренней Сирии и часть северной Месопотамии.

⁸ Горы «Земли бога» – Ливанский горный хребет.

⁹ «Владычица Гебала» – богиня финикийского города Гебала (греч. библа).

¹⁰ Евфрат.¹¹ Великий Круговорот – здесь: река Евфрат.¹² Око Ра – солнце.¹³ Древнее выражение, обозначающее враждебные Египту пограничные племена.¹⁴ Ни – город в северной Сирии на берегу Евфрата¹⁵ Кин а – поток около Мегиддо.¹⁶ См. «Анналы Тутмоса III».¹⁷ Негау – область в южной Сирии.¹⁸ Уллаза – город в долине реки Элевферы в Финикии.

Стела Аменхотеп II из Мит-Рахине

Стела найдена в 1942 г. в одном из храмов в развалинах Мемфиса, где, видимо, и была установлена. Ныне хранится в Каирском музее.

Год 7-й, месяц Засухи 1-й, день 25-й, при величестве Гора¹, могучем тельце, остророгом, Обоих Владычицах, богатом могуществом своим, коронованном в Фивах, Золотом Горе, захватывающем подступы ко всем странам, царе Верхнего и Нижнего Египта, владыке Обоих Земель, Аахеперура, сыне Ра владыке диадем, могущественном Аменхотепе, одаренном жизнью вовеки.

Благой бог, равный Ра, сын Амона, [находящийся] на престоле отца своего; он [Амон] создал его более могущественным и сильным, чем бывших прежде; разбил его величество Нахарину, сокрушил лук его страну Нехси, в победе и силе подобный Монту, когда облачен он в свои боевые доспехи. Ликует сердце его, когда зрит он их [врагов], после того как отсек он головы противникам.

Отправился его величество в Речену при своем первом победоносном походе, для того чтобы расширить свои границы, захватить добро тех, кто не был ему верен.

Его лик суров, подобно [лику] Бастет, подобно лику Сутеха в час его гнева. Достиг его величество Шамаш-Эдома, и разрушил он его в краткий миг, подобно свирепому льву, когда рыскает (?) он по пустыне. Его величество находился на своей боевой колеснице «Амон силен, Мут довольна...». Перечень добычи, [захваченной] его мечом: азиатов – 35, быков – 22.

Переправился его величество через Оронт² по воде рысью (?), подобно Регнефу. Обернул он дышло (?) свое, чтобы посмотреть на свой арьергард. Увидел он немногих азиатов, приближающихся ползком (?) с боевым оружием для нападения на войско царя. Его величество кружил (?) над ними, подобно божественному соколу. Поникли они, и ослабели сердца их, [когда] один за другим падал на своего товарища, включая их командира, причем не было никакого с его величеством, кроме него [одного] и его могучего меча. Истребил их его величество стрелами и удалился с радостным сердцем, подобно Монту могучему, после того как вернулся он [Монт] с триумфом. Перечень добычи его величества в этот день: правителей – 2, знатных сирийцев – 6, а также их боевые колесницы, их лошади, все их боевое оружие.

Достиг его величество [места] южнее страны Нии. Ее правитель, все ее население, как мужчины, так и женщины, были довольны его величеством, лица их выражали удивление [его могуществом].

Достиг его величество Угарита и окружил всех своих противников. Он уничтожил их, точно они не существовали, они были повержены и распростерты. Затем отправился он радостно отсюда. Стала вся эта страна его собственностью.

Был сделан привал в лагере его величества около Цалхи, восточнее Шамаш-Рама. Были захвачены поселения Минджату, [после чего] его величество достиг Гизры. Вышел с миром правитель ее [навстречу] его величеству со своими детьми и со всем своим достоянием. Предложила мир его величеству страна Инки.

Достиг его величество Кадеша. Вышел правитель его с миром [навстречу] его величеству. Заставил их [жителей], а также всех их детей принести присягу. Его величество стрелял из лука по южной окраине этого города в две цели, [сделанные] из кованой меди. [После] охотились в лесу Рабиу и принесли газелей, антилоп (?), зайцев, онагров без числа. Проследовал его величество на своей боевой упряжке в Хашабу. Был он один, никого не было с ним. Спустя короткое время прибыл он оттуда, [причем] привел он 16 знатных сирийцев, которые находились по бокам его боевой колесницы. 20 [отрубленных] рук висели на лбу его лошади, 60 быков гнал он перед собой. Был предложен мир его величеству этим городом.

Вот отправился его величество к югу через долину Шарона. Встретил он гонца правителя Нахарины с письмом на глиняной табличке, которая [висела] на его шее. Его величество захватил его в плен и [вел] у бока своей боевой колесницы: Выступил его величество из лагеря (?) в Египет на боевой упряжке. Знатный сириец-военнопленный был на боевой упряжке один с ним.

Достиг его величество Мемфиса. Возрадовалось его сердце, [подобно сердцу] могучего быка. Перечень этой добычи: знатных сирийцев – 550, их жен – 240, хананейцев – 640, сыновей правителей – 232, дочерей правителей – 323, наложниц правителей всех чужеземных стран – 270 вместе с их украшениями из серебра и золота, которые они носили, всего – 2214 [правильно: 2255]. Лошадей – 820, боевых колесниц – 730 вместе со всем их боевым снаряжением. И вот узрела супруга бога, супруга царя, дочь царя победы его величества.

Год 9-й, месяц Половодья 3-й, день 25-й отправился его величество в Речену в своем втором победоносном походе к городу Анек. Он [жители города] вышел с предложением мира ради великих побед фараона, да будет он жив, невредим и здоров. Отбыл его величество на лошади к городу Яхмаи, снаряженный боевым оружием. Вот захватил его величество поселение Мопасин и поселение Хатичан, два города к западу от Сохо. И вот разъярился его величество, подобно божественному соколу, и его боевая упряжка летела, как [падающая] звезда неба. Когда вышел его величество, [были] доставлены правители его [города], их дети и жены в качестве военнопленных, а также все их близкие, все их бесчисленное имущество, их скот, их лошади, весь их мелкий скот...

Лег его величество отдохнуть. Явилось величество бога этого честного Амона, владыки престолов Обоих Земель, перед его величеством во сне, для того чтобы придать силу сыну своему Аахеперура. Отец Амон-Ра стал стражем членов его, дабы защитить этого властелина.

Отбыл его величество рано утром на лошади к городам Итурин и Мигдол-Иун. Его величество – да будет он жив, невредим и благополучен – был силен, подобно тому как сильна Сохмет, подобно Монту в Фивах. Добыл он правителей их – 34, знатных сирийцев (?) – 57, азиатов – 131, [отрубленных] рук – 372, лошадей – 54, боевых колесниц – 54 вместе со всем их боевым снаряжением, всех сильных рукой [боеспособных], их детей, их жен и все их имущество. После того как узрел его величество великое множество добычи, обратили их в военнопленных. Были выкопаны два вала вокруг них. Вот зажгли там огонь³. Его величество караулил их до утра, [причем] его секира находилась на его правом боку. Был он один, никого не было с ним, ибо войска его были далеко в пути, слышали они [только] призыв фараона. После того как наступило следующее утро, на рассвете отправился его величество на лошади, украшенный доспехами Монту.

В день праздника коронации его величества был захвачен Анахарат⁴. Перечень добычи его величества в этот день: знатных сирийцев – 17, детей правителей – 6, азиатов – 68, [отрубленных] рук – 123, лошадей – 7, боевых колесниц из серебра и золота – 7 вместе со всем их боевым снаряжением, быков – 443, коров – 370 и весь их бесчисленный скот, все войско доставило весьма обильную добычу, причем не было пределов ее. Достиг его величество Хуакти. Был приведен правитель Геба-Сумне, по имени Кеки, его жена, его дети, а также его подданные. Назначен [другой] правитель на его место.

Достиг его величество города Мемфиса, после того как сердце его охладилось в чужеземных странах и все земли были под его ногами. Перечень добычи, доставленной его величеством: правителей Речену – 217, братьев правителей – 179, аперу – 3600, шасу – 15200, сирийцев – 36300, людей лааша – 15 070, их близких – 30652. Всего человек – 89600⁵, равно как и все их бесчисленное имущество, весь их мелкий скот, весь их бесчисленный скот, колесниц из серебра и золота – 60, деревянных колесниц – 1032 со всем их боевым снаряжением, (лошади?) – 3050, благодаря мощи Амона, честного отца, который любит его, который охраняет его. [Это] придало ему силу.

Вот услышал правитель Нахарины, правитель Хатти, правитель Синеара о великой победе, одержанной [царем]. Каждый подражал другому в приношении даров владыке всех чужеземных стран. Говорили они в сердцах своих отцу своих отцов, с тем чтобы просить мира у его величества, чтобы было им дано дыхание жизни. Они сказали: «Мы придем с нашей данью во дворец твой, о сын Ра, Аменхотеп, бог и властитель Гелиополя, властитель властителей, свирепый лев... эту землю навеки!»

¹ Т. е. царя.

² Из другой, сохранившейся фрагментарно, надписи явствует, что Аменхотеп переправился через реку Оронт на следующий день после захвата Шамаш-Эдома, т. е. в 26-й день 1-го месяца времени Жатвы.

³ Чтобы пленные не скрылись в темноте.

⁴ Аменхотеп II вступил на престол во 2-й день 4-го месяца времени Вскодов. Следовательно, от начала похода до захвата Анахарата прошло 155 дней.

⁵ Общий итог ошибочен: должно быть 101218.

Взятие Яффы

Иератический текст на обороте папируса «Гаррис 500», хранящегося в Британском музее. Он был записан скорее всего во времена Рамсеса II.

Сохранилась только вторая половина папируса. По-видимому, вначале рассказывалось об осаде Яффы египетским войском под командой полководца Тхутия, одного из военачальников фараона Тутмоса III и участника ряда походов в Сирию: Тхутий, видя, что силой взять осажденный город он не может, приглашает к себе в лагерь на пир князя Яффы, обещая перейти на его сторону. Сохранившаяся часть папируса начинается с рассказа об этом пире.

Победы египетского войска в Азии и Африке способствовали возникновению нового вида литературы – приключенческой, посвященной рассказам о боевых подвигах. Примером подобных произведений может служить и сказка о взятии Яффы. Она описывает один из эпизодов многочисленных войн Тутмоса III, о котором ничего не известно из других источников. В основе его лежат, возможно, подлинные события.

Во всяком случае, среди современников Тутмоса III был вельможа по имени Тхутий, судя по титулам, занимавший одну из важнейших дипломатических и военных должностей. Гробница его сохранилась в Фиванском некрополе, а вещи, происходящие, видимо, из этой гробницы, хранятся в различных музеях. Эта сказка доказывает попутно, сколь обычной была охота на людей, которая являлась одним из важнейших стимулов грабительских походов египетских фараонов.

И вот после того как прошло время пирования, сказал Тхутий [князю Яффы¹]: «Пожалуйста, я скроюсь вместе с женой и детьми в твоём собственном городе. Прикажи же, чтобы вошли мои конники² со своими лошадьми, и пусть дадут им корм».

И ввели их, и стреножили лошадей, и дали им коом.

[И захотел князь Яффы увидеть булаву³] царя Тутмоса, и пришли, и сообщили об этом Тхутию.

И вот после этого князь Яффы сказал Тхутию: «Мое желание – посмотреть булаву великую царя Тутмоса, которая называется... прекрасная. Клянусь царем Тутмосом! Она ведь сегодня у тебя, [сделай милость], принеси ее мне». Он сделал это и принес булаву царя Тутмоса. [Он схватил князя Яффы за] одежду и встал перед ним и сказал:

«Взгляни сюда, о князь Яффы! [Вот булава великая царя Тутмоса, льва свирепого, сына Сохмет].»⁴

И он поразил князя Яффы в висок, и тот упал без [сознания] перед ним.

[И он связал его кожаными ремнями, и заковал цепями] медными князя Яффы, и надели на ноги его оковы в четыре кольца.

И велел он (т.е. Тхутий) принести 500 вместилищ, которые он приказал сделать, п велел он спуститься в них двумстам воинам. И наполнили другие [триста вместилищ] веревками и колодками, и запечатали их печатью, и снабдили их плетенками и носилками... И погрузили их на крепких воинов, числом 500 человек.

И сказали им: «Когда вы войдете в город, выпустите ваших товарищей и схватите всех людей в городе и перевяжите их тотчас же».

И вышли и сказали колесничему князя Яффы: [Приказал] господин твой: «Иди и скажи твоей владычице: радуйся, ибо Сутех⁵ дал нам Тхутия вместе с женой его и детьми его. Смотри, вот их вещи», разумея под этим 200⁶ вместилищ, наполненных людьми, веревками и колодками. И он пошел во главе их, чтобы приветствовать свою владычицу и сказать: «Схватили мы Тхутия!»

И открыли ворота города перед воинами. И вошли они в город, и выпустили они своих товарищей.

И овладели они городом, и даалами и великими, и связали их, и надели колодки тотчас же.

¹ Яффа – город в Палестине.

² Очевидно, в войске Тхутия был недостаток в фураже, и он требует, чтобы его лошади были немедленно накормлены по приказу князя Яффы.

³ Тхутий, как заменяющий фараона в роли главнокомандующего, имеет при себе и царскую булаву.

⁴ Тутмос назван свирепым львом и сыном Сохмет, т.е. богини войны, чтобы создать впечатление о силе и мощи фараона.

⁵ Одно из наименований Сета, происшедшее от искажения его имени гиксосами, которые отождествили его с Ваалом. С тех пор Сет под этим именем стал почитаться как бог варваров. Вообще Сутехами египтяне называли все божества, которым поклонялись иноземцы.

⁶ Видимо, описка. надо читать «500».

Битва Рамсеса II с хеттами при Кадеше

Иероглифические надписи, большая часть которых повторяется с некоторыми вариантами на стенах храмов Абу Симбела (Нубия), Рамессеума и Луксора (Фивы). Они сопровождают рельефы, изображающие сцены битв египтян с хеттами и триумфа фараона.

Эти тексты не только описывают военные и политические события, сопровождавшие напряженную и длительную борьбу между Египтом и Хеттией за преобладание в Сирии, но и дают обширный материал для изучения военного искусства народов Древнего Востока.

Особенно подробно описано сражение при г. Кадеше на р. Оронте в Сирии. Оно произошло на 5-м году правления фараона XIX династии Рамсеса II в 1274 г. до н. э. во время его второго похода в Сирию.

Правители Египта и Хеттии – египетский фараон Рамсес II и хеттский царь Муваталли II усиленно готовились к войне. Первый включил в состав своего войска отряды наемников, а второй заключил договоры с некоторыми окружающими странами, опасавшимися усиления Египта. Фараон разделил свое войско на четыре армии и взял на себя командование одной из них.

Стремясь как можно скорее встретиться с противником, он с небольшим отрядом вырвался вперед, оставив позади пехоту и часть колесниц. Эта поспешность была обусловлена ложными сведениями, доставленными двумя подосланными хеттами лазутчиками-бедуинами. Они рассказали, что будто хетты медлят, опасаясь египтян. Поэтому Рамсес II решил направиться вперед и овладеть крепостью Кадешем на р. Оронте. Однако здесь он попал в ловушку вместе со своим передовым отрядом. С большими усилиями ему удалось пробиться сквозь кольцо неприятельских войск и таким образом избежать плена. Только после этой стычки, изображенной придворными поэтами как блестящая победа, произошло столкновение основных сил, которое едва не кончилось разгромом египтян. Лишь через 15 лет Рамсесу удалось овладеть Кадешем, после того как он постепенно вытеснил хеттов из Палестины и Сирии.

Ниже помещается с сокращениями отрывок из анналов, содержащий описание авангардного боя при Кадеше.

(ДАТА)

Год 5-й, 3-й месяц лета день 9. При величестве Гора, могучего тельца, возлюбленного Маат¹, царя Верхнего и Нижнего Египта Рамсеса II, которому дана жизнь вовеки.

ЛАГЕРЬ К ЮГУ ОТ КАДЕША

Его величество находилось в Джахи² во время своего второго победоносного похода. Занялось затем утро³ на высотах к югу от Кадеша⁴. Когда настало утро, его величество появилось подобно лучам солнца, надел он украшения отца своего Монту⁵.

СОГЛЯДАТАИ ХЕТТСКОГО ЦАРЯ СООБЩАЮТ ФАРАОНУ ЛОЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Проследовало его величество к северу, прибыло его величество к югу от города Шабтун⁶. Пришли два шасу⁷ из племени шасу, чтобы сказать его величеству: «Наши братья – вожди племени, находящегося при

побежденном князе страны хеттсв, послали нас к его величеству, чтобы сказать: мы хотим стать подданными фараона, да будет он жив, здоров и невредим, и мы хотим убежать от побежденного князя страны хеттов».

Сказал им его величество: «Где они, ваши братья, [которые! послали вас посоветовать его величеству?». Они сказали его величеству относительно пребывания этого побежденного князя страны хеттов: «пребывает побежденный князь страны хеттов в Алеппо⁸, к северу от Тунипа⁹ ибо услышал он: фараон, да будет он жив, здоров и невредим, отправился к югу».

Слова, которые сказали эти шасу, сказали они его величеству ложно, ибо побежденный князь страны хеттов послал их, чтобы высмотреть, где находится его величество, и не дать войскам его величества приготовиться к битве¹⁰ с побежденным князем страны хеттов.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ОБЕИХ АРМИЙ

Пока же шасу были посланы побежденным князем страны хеттов, чтобы сказать эти слова его величеству, он (т.е. царь хеттов) направился вместе со своими войсками, своими колесницами и знатью со всех стран, которые в пределах земли страны хеттов, войсками и колесницами, которые он привел с собой силой, чтобы сразиться с войсками его величества, и остановился, готовый к битве, позади изменнического Кадеша. И его величество не знало [этого], сказав: «отпустят (?) этих двух шасу, которые перед мной». Отправился его величество на север и достиг северо-запада Кадеша, и войска его величества расположились там лагерем.

ПОЙМАННЫЕ ХЕТТСКИЕ ЛАЗУТЧИКИ СООБЩАЮТ О РАСПОЛОЖЕНИИ ХЕТТСКИХ ВОЙСК

Когда его величество сидел на золотом троне, пришел патруль из числа телохранителей его величества, и они привели двух пленных патрульных этого побежденного князя страны хеттов. Они были приведены перед [ним], и его величество сказал им: «Кто вы?» Они ответили: «Мы знатные побежденного князя страны хеттов, и он послал нас, чтобы высмотреть, где находится его величество». Сказал им его величество: «А где он, побежденный князь страны хеттов? Я слышал, как говорили, что он в стране Алеппо, к северу от Тунипа». Они сказали его величеству: «Смотри, побежденный князь страны хеттов расположился вместе с многочисленными странами, которые вместе с ним и которые он привел силой из всех областей, которые в границах земли страны хеттов, страны Нахарина м, страны Каш-Каш¹², страны Маса¹³, страны Педаса¹⁴, страны Кир-киша и Рака¹⁵, земли Кархемиша¹⁶, земли Ирзу¹⁷, земли Икерич¹⁸, страны Ируна¹⁹, земли Иупса¹⁷, страны Мушанеч¹⁷, страны Кадеша, страны Алеппо и всей страны Кед¹⁹. Они снабжены пехотой и колесницами... Многочисленней они, чем песок на берегу. Смотри, стоят они, подготовившись к битве, позади изменнического Кадеша».

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Тогда его величество созвал знатных перед собой и сообщил им все сказанное этими пленными патрульными побежденного князя страны хеттов, которые перед ним. Сказал им его величество: «Смотрите, каким образом эти начальники гарнизонов и знатные, под которыми земля фараона... да будет он жив, здоров и невредим, ежедневно стояли, говоря фараону, да будет он жив, здоров и невредим, этот побежденный князь страны хеттов находится в земле Алеппо, к северу от Тунипа, он бежал перед его величеством, когда услышал, что говорят: «его величество идет». Так они говорили его величеству ежедневно. Смотрите, услышал я сейчас от этих пленных патрульных побежденного князя страны хеттов: «Побежденный князь страны хеттов пришел вместе с многочисленными странами, которые вместе с ним, с людьми и лошадьми многочисленны, подобно песку». Смотрите, они стоят позади изменнического Кадеша. И не сообщили начальники чужеземных стран и старейшины, под которыми земля фараона».

Сказали серы, которые перед его величеством: «Великое преступление сделали начальники чужеземных стран и вельможи фараона, не сообщая, что побежденный князь страны хеттов находится там же, где владыка, хотя они ежедневно докладывали его величеству».

Тогда повелели визирю поторопить войска его величества, которые маршировали к югу от города Шабтуна, чтобы привести их туда, где находился его величество.

НАПАДЕНИЕ ХЕТТОВ ЗАСТАЕТ ЕГИПЕТСКОЕ ВОЙСКО ВРАСПЛОХ

И вот, когда его величество сидел, беседуя со своими серами, пришел этот побежденный князь страны хеттов вместе со своим войском и своими колесницами, равно как со всеми многочисленными странами, которые вместе с ним. Переправились они через канал, который к югу от Кадеша, и они проникли внутрь войска его величества, когда оно маршировало и не ожидало их. И тогда отступило войско и колесницы его величества перед ними, к северу от того места, где находился его величество. И враги (т.е. войско) этого побежденного князя страны хеттов окружили телохранителей его величества, которые были подле него.

РАМСЕС ПРОРЫВАЕТСЯ СКВОЗЬ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Когда увидел их его величество, стал он торопиться и разгневался против них, подобно отцу его Монту, владыке Фив. Схватил он оружие, и надел он сам свой панцырь. Был он подобен Ваалу²⁰ в его час. Тогда вскочил он на свою колесницу «Победа в Фивах», и он быстро стал впереди (войска), один во главе его... Он врезался в середину врагов (т.е. войска) этого побежденного князя страны хеттов и многочисленных стран, которые вместе с ними. Его величество был подобен Сутеху²¹, великого мощью, был подобен Сохмет²², когда она неистовствует. Его величество убивал всех врагов (т.е. войско) этого побежденного князя страны хеттов вместе с его великими старейшинами, со всеми его братьями, равно как со всеми его знатными всех стран, которых он привел вместе с собой, войском и колесницами, побеждая их одного за другим. Его величество убивал их там, где они находились, и они падали перед его лошадьми. Его величество был один, не было

другого вместе с ним. Его величество низвергал врагов (т. е. войско) этого побежденного князя страны хеттов, и они падали один за одним в воды Оронта.

Победил я все страны, я единственный, когда бросило меня мое войско и мои колесницы. Ни один из них не вернулся. Клянусь я, как люблю меня Ра, как почитает меня отец мой Атум, что все сказанное его величеством сделано им воистину перед войском и колесницами.

¹ Богиня правды.

² Египетское название Финикии. Однако это место доказывает, что в понятие Джахи, возможно, включались еще области, примыкавшие к Ливану и долине р. Оронта.

³ Специальное выражение, которое в аналогичных текстах обозначает наступление нового дня. Вероятно, возглас утренней стражи.

⁴ Укрепленный город на р. Оронте в Сирии. Столица государства того же названия, возглавившего антиегипетскую коалицию сирийских и палестинских царьков и князей. Оно контролировало дороги, шедшие из Египта в Двуречье через внутреннюю Сирию и изнутри страны к Средиземному морю.

⁵ Монт – бог солнца, почитавшийся в Фивах и Гермонте. В архаическую эпоху считался верховным божеством Южного Египта. Позднее – бог войны. Изображался в образе человека с головой сокола.

⁶ Город на р. Оронте, южнее Кадеша. Позднее он назывался Рибле.

⁷ Уничжительный эпитет азиатских кочевников.

⁸ Город в северной Сирии, входивший в состав враждебной Египту коалиции.

⁹ Город в северной Сирии.

¹⁰ То есть чтобы неожиданно напасть на походные колонны египетского войска.

¹¹ Нахарина соответствует примерно границам Митаннийского государства. На западе она граничила с долиной р. Оронт, на севере – с областью Амана. Таким образом, она охватывала северную часть внутренней Сирии и часть северной Месопотамии.

¹² Возможно, сокращенная форма хеттского Каш-Каш (так назывался воинственным народ обитавшим на южном берегу Черного моря). Этот этнический термин считают прототипом наименования Кавказ, а также сопоставляют с библейским Магог (обозначение скифов).

¹³ Возможно, Мисия – страна в северо-западной части Малой Азии.

¹⁴ Возможно, области города Педаса в Кари, в юго-западной части Малой Азии.

¹⁵ Вероятно, Киликия и Ликия в южной части Малой Азии.

¹⁶ Город в верхнем течении Евфрата, современный Джераблус.

¹⁷ Местоположение не установлено.

¹⁸ Угарит.

¹⁹ Очевидно, область в Киликии, находившейся в южной части Малой Азии.

²⁰ В эпоху Нового Царства культ чужеземных богов из Сирии, Палестины и Финикии через купцов и солдат стал распространяться в Египте. Эти божества рассматривались как враждебные силы, насылавшие бури и войны. Таким образом, финикийский бог Ваал был отождествлен со злым братом Осириса – богом Сетом.

²¹ Одно из наименований Сета, происшедшее от искажения его имени гиксосами, которые отождествили его с Ваалом. С тех пор Сет под этим именем стал почитаться как бог варваров. Вообще Сутехами египтяне называли все божества, которым поклонялись иноземцы.

²² Богиня войны, почитавшаяся в Мемфисе, изображалась с головой львицы.

Поэма Пентаура

«Поэма Пентаура» – древнеегипетская поэма, в которой описывается битва при Кадеше. Наиболее полно текст сохранился на папирусе, составленном придворным писцом по имени Пентаур. Последний, несомненно, только скопировал безымянный литературный памятник. Автором его мог быть придворный летописец и панегирист Рамсеса II. «Поэма» высечена на стенах храмов в Карнаке, Луксоре, Рамессеуме и Абу-Симбеле.

1 Повествование о победах царя Верхнего и Нижнего Египта, Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра¹, сына Ра, возлюбленного Амоном, Рамсеса, – да живет он вечно! –

2 одержанных им в странах хеттов, в Нахарине², в стране Арцава,

3 над Пидасой, над дарданцами,

4 в стране Маса, в стране Каркиш, над народом Лука³,

5 в Кархемише, в Кеде, в стране Кадеш,

6 в странах Угарит и Мушанеч.

7 Нет мужа, равного его величеству владыке младому, отважному.

8 Могуча длань его, бесстрашно сердце, силой подобен он Монту в час величия его.

9 Он прекрасен собою, как Атум, и ликуют созерцающие великолепие его.

10 Прославлен он победами своими над всеми странами, и не ведают часа, когда вступит он в бой.

11 Как стена, ограждает он войско свое, он – щит его в день сражения;

12 в стрельбе из лука не ведают он соперников, отважнее он сотни тысяч воинов.

13 Он идет во главе войск своих и обрушивается на полчища вражеские, веря сердцем в победу свою,

14 смел и доблестен он пред лицом врага, а в час; битвы подобен пламени пожирающему.

15 Стоек сердцем он, словно бык, и с презрением взирает на объединившиеся против него страны.

16 Тысяча мужей не может устоять перед ним, сотни тысяч лишаются силы при виде его;

17 вселяет он страх грозным рыком своим в сердца народов всех стран;

18 почитаем и славим он, подобно Сутеху⁴,

19 [...] в сердцах чужеземцев, точно лев свирепый в долине среди пасущихся стад;

20 он стремится отважно вперед и возвращается только с победой, и не похваляется он никогда.

21 Отличны замыслы его, прекрасны намерения, точны и ясны его указания;

22 он великий защитник своих колесниц, охраняющий войско свое в день сражения.

23 Все соратники его возвращаются в дома свои, он вызволяет пехоту свою из беды, и сердце его подобно медной горе.

24 Он царь Верхнего и Нижнего Египта, Усер-маат-Ра-сети-ен-Ра, сын солнца, Рамсес, возлюбленный Амоном, одаренный жизнью навеки.

25 И вот собрал его величество войско свое и свои колесницы и

26 отряды шарданов, которых захватил и доставил в победу своею рукой,

27 и снабдили их всяким оружием и наставили их, как вести бой.

28 И вот направился его величество на север, и войско его и колесничие его с ним.

29 Выступил он в поход в год 5-й, месяц 2-й лета, день 9-й.

30 Миновал он крепость Чару, мощный, как Монту, в своем продвижении вперед,

31 и все чужеземные страны трепетали пред ним, и правители их приносили дары свои,

32 а все непокорные пришли, согбенные в страхе пред могуществом его величества.

33 Шло войско его по узким теснинам, как по дорогам Египта.

34 Когда миновали дни после этого, достиг

35 его величество города Рамсес-Миамона⁵, в Долине Кедра.

36 Направился затем его величество на север и достиг горной местности близ Кадеша.

37 Тогда его величество выступил вперед, как отец Монту, владыка Фив,

38 и переправился через излучину Оронта

39 вместе с Первым войском своим, "Амон дарует победу Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра".

40 Достиг его величество города Кадета, и

41 вот прибыл жалкий поверженный враг хеттский

42 и с ним все страны чужеземные вплоть до моря:

43 вся страна хеттов целиком, Нахарина также, Лрцава,

44 дарданцы, кешкен, Маса,

45 Пидаса, Ируен, Каркиш, Лука,

46 Кизуатна, Кархемиш, Угарит, Кеда,

47 вся страна Нухаше, Мушанеч, Кадеш.

48 Не осталось ни одной страны, которую не привел бы он с собою из дальних краев.

49 и каждую из них с правителями ее, и каждого из них с войском его

50 и множеством колесниц. Бесчисленные,

51 как саранча, покрыли они горы и долины.

52 Хеттский враг не оставил серебра в стране своей, он забрал все ее достояние

53 и роздал всем этим странам в дар, дабы сражались они вместе с ним.

54 И вот жалкий враг хеттский и множество стран с ним

55 стояли, укрывшись, к северо-западу от города Кадеша, готовые к битве,

56 а его величество был один со своим окружением,

57 а войско Амона⁶ следовало за ним,

58 а войско Ра переправлялось через излучину Оронта,

59 к югу от города Шабтуны,

60 а на расстоянии одного итру⁷ от его величества, – да будет он жив, невредим и здрав! – продвигалось

61 к югу от города Иронамы войско Пта,

62 а войско Сутеха шло по дороге.

63 Составил его величество передовой отряд из начальников войска своего

64 и разместил его в стране Имор.

65 Но жалкий правитель хеттов стоял посреди войск своих и

66 не начинал боя, страшась его величества.

67 А собрал он людей и коней во множестве, подобно пескам, и

68 было там по три человека на колесницу, и

69 снабдили их всяким боевым оружием,

70 и укрыли за городом Кадешем.

71 И вот выступили они с южной стороны Кадеша

72 и устремились на войско Ра,

73 которое шло, ничего не ведая, и не было готово к сражению.

74 Тогда войска и колесничие его величества пришли в смятение,

75 а его величество стоял к северу от Кадета, на западном берегу Оронта.

76 И пришли сказать его величеству о случившемся, и появился он в сиянии, как отец Монту,

77 с боевым оружием и облаченный в кольчугу,

78 подобный Ваалу в час величия его, и с ним

79 главный конь его величества по кличке «Победа в Фивах», из конюшен Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра, – да будет он жив, невредим и здоров, возлюбленный Амоном!

80 И пустил тогда его величество коня вскачь,
81 и врезался в гущу врагов поверженных хеттских,
82 и был он один, и никого не было с ним;
83 и стал он осматриваться,
84 и увидел, что окружен и отрезан от дороги двумя тысячами пятьюстами колесницами
85 со всеми лучшими воинами жалких поверженных хеттов и с воинами многих стран, которые воевали вместе с ними, – Лрцавы,
86 Масы, Пидасы, –
87 и было их трое на колесницу, и действовали они все, как один.
88 И не было военачальника с его величеством, не было с ним ни колесничего,
89 ни воина, ни щитоносца.
90 Его войско и его колесничие бежали,
91 и не остался с ним ни один, чтобы сражаться.
92 И воззвал тогда его величество: «Что же случилось, отец мой Амон?
93 Неужто забыл отец сына своего?
94 Совершал ли я что без ведома твоего?
95 Разве не хожу я и не останавливаюсь по воле твоей? Разве преступал я предначертания твои?
96 Сколь же ничтожен владыка Египта, если чужеземец осмеливается преграждать ему путь!
97 Что сердцу твоему, о Амон, азиаты эти ничтожные, не ведающие бога?!
98 Разве не воздвиг я для владыки множество великих памятников?
99 Разве не заполнил я дворы храмов твоих рабами, плененными в странах чужих?
100 Разве не возвел я храмы тебе на миллионы лет и не отказал всякое добро свое в завещании?
101 Я принес тебе в дар все страны, дабы обеспечить твои алтари приношениями.
102 Я даровал тебе несметное количество скота и всякие растения благоухающие.
103 Не покладая рук трудился я для украшения святилища твоего.
104 Я возвел для тебя великие пилоны и
105 воздвиг высокие мачты для флагов.
106 Я доставил тебе обелиски из Элефантины и сам сопровождал их до храма твоего.
107 Я снаряжал суда за Великую Зелень, дабы доставить тебе изделия чужеземных стран.
108 И что скажут, если случится недоброе с покорным предначертаниям твоим?
109 Будь милостив к полагающемуся на тебя и пекущемуся о тебе по влечению сердца! НО Я взываю к тебе, отец мой Амон,
110 окруженный бесчисленными врагами, о которых не ведал,
111 когда все чужеземные страны ополчились против меня, и я остался один, и нету со мной никого,
112 и покинуло меня войско мое, и отвернулись
113 от меня мои колесничие.
114 Я кричал им,
115 но не слышал из них ни один, когда я взывал.
116 И постиг я, что благотворнее мне Амон миллионов воинов, сотни тысяч колесничих,
117 десяти тысяч братьев и детей, охваченных единым порывом сердца.
118 Единолично совершает Амон больше, чем множества.
119 Я пришел сюда по велению уст твоих, Амоя, я не преступал предначертаний твоих.
120 Вот я обращаюсь к тебе с мольбою у пределов чужих земель,
121 а голос мой доносится до города Ермонта.
122 И пришел Амон, когда я воззвал к нему,
123 и простер он ко мне десницу свою, и я возликовал, –
124 и был он как бы за мною и предо мною одновременно; и окликнул он меня:
125 «Я с тобою. Я отец твой. Десница моя над тобою.
126 Я благотворнее ста тысяч воинов. Я – владыка победы, любящий доблесть».
127 И укрепилось сердце мое, и возликовала грудь.
128 И совершилось все по замыслу моему, я подобен был Монту в миг величия его.
129 Я стрелял правой рукою, а левой – захватывал в плен!
130 Я был для врагов подобен Сутеху в миг славы его.
131 Две тысячи пятьсот колесничих, окружавших меня,
132 распростерлись пред конями моими,
133 ни один из них не поднял руки на меня.
134 Сердца их утратили мужество от страха передо мною,
135 руки их обессилели, они не могли натянуть тетиву,

137 не нашлось у них сердца, чтобы взяться за копья.
138 Я поверг их в воду, как крокодилов,
139 и упали они лицами друг на друга;
140 и перебил я многих из них.
141 Ни один из поверженных не взглянул назад, ни один из них не обернулся!
142 Кто упал – уже не поднялся!
143 Только жалкий поверженный правитель хеттов стоял среди колесничих своих,
144 взирая, как мое величество ведет в одиночестве бой,
145 без войска своего и без колесничих своих.
146 И вот отвернулся он и, отступив в страхе,
147 повелел призвать правителей многих стран, – каждого со своими колесницами,
148 снабженными всяким боевым оружием:
149 правителя Арцавы, правителя Масы, правителя Ируена,
150 правителя Луки, правителя Пидасы, правителя дарданцев, правителя Кархемиша,
151 правителя Каркиша, правителя Халеба
152 и братьев хеттов, и собрать их всех вместе.
153 А было их всего тысяча колесниц, мчавшихся прямо на огонь, опаляющий урея.
154 Я ринулся на них, как Монту!
155 Я мгновенно дал им почувствовать могущество длани моей!
156 Находясь один среди них, я истреблял их без устали.
157 И один из них воззвал к другим:
158 "Это не человек среди нас! Это Сутех, великий силой, это сам Ваал!
159 Недоступные людям деяния творит он! Подобное может свершить лишь единственный,
160 который громит сотни тысяч без войска и колесничих!
161 Бежим скорей от него,
162 спасем жизнь свою, дабы не остановилось дыхание нате!
163 Смотри, у всякого, кто пытается приблизиться к нему, слабеют руки и тело, –
164 не могу я ни натянуть тетивы, ни поднять копья. [...]
165 Когда смотрят на него [... ...]
166 Его величество преследует подобно грифону!"
167 я убивал их без устали.
168 Я возгласил, призывая войско свое:
169 «Стойте, войска мои, укрепите сердца ваши,
170 дабы узрели вы победу мою, когда сражаюсь я в одиночестве,
171 и Амон единый, защита моя, простер десницу свою
172 надо мною. Как ничтожны вы сердцем, мои колесничие!
173 Нет у меня отныне доверия к вам.
174 Разве есть хоть один среди вас, кому я не сотворил бы добра в стране моей?
175 Не одарял ли я вас как владыка, когда вы были бедны?
176 Не назначал ли я вас по благосклонности воей начальниками».
177 Не отдавал ли я сыну имущество отца его, положив конец всякому злу в сей стране?
178 Я дал вам рабов и
179 вернул вам других, отобранных у вас.
180 Всякому, обращавшемуся с просьбой ко мне, я говорил каждодневно: «Исполню я это».
181 Никогда еще не делал владыка для войска своего того, что совершал мое величество по прошениям
вашим.
182 Я позволил вам обитать в городах ваших,
183 когда вы не выполняли обязанности воинов,
184 и моим колесничим открыл я доступ в города их,
185 говоря: «Я тоже найду их в тот день, в час сражения».
186 Но смотрите, как низко поступили вы, собравшись все вместе!
187 Ни один из вас не устоял и не протянул мне руки, когда я сражался.
188 Клянусь духом отца моего Амона, если б был я в Египте,
189 подобен отцу моих отцов, который не видел
190 сирийцев, и не воевали они против него
191 не вернулся бы в Египет из вас ни один, чтоб рассказать о своей службе позорной!
192 Неужто же лишь возведение памятников в Фивах, граде Лиона, считается делом благим?
193 Преступление, совершенное войском моим и колесничими моими,
194 столь велико, что не выразить словом.
195 Смотрите – даровал мне Амон победу свою,
196 когда не было со мною ни войска, ни колесничих.

197 Он дал узреть всякой, даже отдаленной стране, как побеждаю я могучей дланью своею,
198 сражаясь единолично, когда нету со мною ни военачальника,
199 ни колесничего, ни рядового, ни старшего воина.
200 Страны чужие, видевшие победу мою, прославят имя мое в дальних землях неведомых.
201 Все враги, ускользнувшие от руки моей, созерцали деяния мои, не отводя взора.
202 Я настигал миллионы их, ибо, хотя и бежали они, ноги их не были тверды.
203 Всякая стрела, пущенная в мое величество,
204 приближаясь ко мне, отклонялась и пролетала мимо меня.
205 Щитоносец мой Менна, видя
206 меня окруженным множеством колесниц,
207 смутился сердцем, и великий страх сковал его тело,
208 и сказал он моему величеству: «Владыка прекрасный мой,
209 могучий правитель, великий спасатель Египта в день битвы,
210 мы с тобою одни среди врагов.
211 Смотри, покинули нас войска и колесничие, а
212 ты продолжаешь сражаться, спасая их, — ради чего ?
213 Давай расчистим путь себе и спасемся сами, о Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра !»
214 Тогда сказал мое величество щитоносцу своему:
215 «Будь мужественным, укрепи сердце свое, мой щитоносец.
216 Пот налечу я на полчища вражеские, словно сокол,
217 убивая, и сокрушая, и бросая их оземь.
218 Что для сердца твоего эти бабы?
219 Мы и без них одолеем врага».
220 И тогда мое величество пустил коня
221 вскачь и стремительно врезался в гущу врагов в шестой раз.
222 Я был подобен Ваалу в час величия его, преследуя их.
223 Я истреблял их без устали.
224 Когда увидели мои воины и мои колесничие,
225 что подобен я Монту,
226 и мощна десница моя,
227 и Амон, мой отец, и на этот раз не оставил меня,
228 и по воле его все чужеземные страны предо мною словно солома,
229 тогда стали они приближаться по одному
230 в сумерках к лагерю.
231 И нашли они все чужеземные страны поверженными и залитыми кровью своею;
232 были там и лучшие воины страны хеттов, и
233 дети и братья правителей их.
234 И когда озарилась земля Кадет, не знали, куда ступить от множества мертвых тел!
235 И вот воины мои пришли воздать мне хвалу, а лица их [... ...],
236 а военачальники мои пришли, превознося могущество длани моей
237 и колесничие мои тоже пришли,
238 прославляя имя мое:
239 «Вот он, отважный воитель, стойкий
240 сердцем! Ты спасаешь войско свое и колесничих своих!
241 Ты сын Амона, повергающий врагов десницей его!
242 Ты превращаешь страну хеттов в развалины мощной дланью своею!
243 Ты ратоборец великий, и нет тебе равного! Ты царь, сражающийся за войско свое в день битвы!
244 Ты храбр сердцем, первый в сражении! Не тревожит тебя обилие стран, выступивших против тебя!
245 Великим победителем предстаешь ты пред войском своим и всею страной! Говорим
248 тебе это без лести, —
249 ты защитник Египта, покоритель стран чужеземных!
250 Ты сломал хребет страны хеттов навеки!»
251 Тогда сказал мое величество войску своему, и военачальникам своим, и своим
252 колесничим:
253 "Что с вами, военачальники мои
254 войска мои и мои колесничие, не умеющие сражаться!
255 Разве не возвеличивается человек в городе своем,
256 когда возвращается он, проявив доблесть пред владыкой своим?
257 Славой осиянно имя такого воина отныне и впредь. Почитают человека искони за могучую длань
его!
258 Разве я не творил вам добра,

259 что покинули вы меня одного среди врагов?!
260 Как счастлив тот из вас, кто жил
261 и дышал, когда я был один!
262 Разве не ведали вы сердцем своим, что я щит ваш, стена ваша железная?!
263 Что скажут, когда разнесется весть,
264 что оставили вы меня одного безо всякой поддержки?!
265 Не пришел ко мне ни военачальник, ни старший воин, ни рядовой подать руку помощи!
266 В одиночку сражался я, побеждая тьмы чужеземцев, лишь
267 великие кони «Победа в Фивах» и «Мут Благая» пребывали со мною.
268 Только они поддержали меня,
269 когда сражался я в одиночестве против множества иноземных стран.
270 [...] сам я буду кормить их отныне, и пусть едят они в присутствии моем
271 всякий день, когда я во дворце.
272 В окружении врагов нашел я лишь их да колесничего
273 Менну, моего щитоносца,
274 и дворецких моих, которые пребывали со мною.
275 Они - очевидцы сражения, и я нашел их на поле битвы.
276 Мое величество сокрушил сотни тысяч врагов и лишь тогда прекратил избиение.
277 И когда озарилась земля, выстроил я отряды свои,
278 я готов был к сражению, как настороженный бык.
279 Я появился над ними, как Монту со своим победоносным оружием.
280 Как налетающий сокол, я ринулся в битву,
281 с уреем на челе моем, сокрушающим врагов,
282 извергая огонь свой и пламя в лица их.
283 Я был словно Ра, когда восходит он ранним утром,
284 и лучи мои опаляли тела мятежников.
285 Один из них крикнул другим:
286 «Осторожно! Берегитесь! Не приближайтесь к нему!»
287 Осеняет его великая Сахмет, она с ним на конях его, и
288 десница ее простерта над ним.
289 Всякого, кто приблизится к нему, сожгут огонь и пламя!»
290 Тогда стали они в отдалении, подняв руки свои в знак покорности.
291 И вот мое величество одолел
292 их и истреблял их без усталости, не щадя никого,
293 и лежали они распростертые пред конями моими,
294 опрокинуты навзничь все вместе, залитые кровью своею.
295 И тогда правитель страны хеттов, поверженный и ничтожный,
296 стал превозносить имя мое, и имя Ра
297 [...] ...
298 «Ты Сутех, сам Ваал,
299 страх пред тобою - клеймо твое на стране хеттов».
300 И вот прибыл посланец с письмом от него на великое имя величества моего:
301 «С приветствием Ра-Хорахти, Могучему Быку, Возлюбленному Истиной,
302 царю, защищающему войско свое и колесничих своих могучей дланью,
303 оплоту воинов своих в день битвы,
304 царю Верхнего и Нижнего Египта,
305 Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра, сыну Ра, одаренному жизнью навеки.
306 Говорит слуга твой, дабы ведали:
307 Ты – сын Ра, зачатый от семени его. Дал он тебе одолеть все страны, собравшиеся вместе.
308 Страна Египет и страна хеттов –
309 рабы твои, они под стопами твоими.
310 дал их тебе Ра, отец твой прекрасный.
311 Не сокрушай нас.
312 Ведаю - мощь твоя велика.
313 Сила твоя тяготеет над страной хеттов.
314 Разве хорошо, что ты убиваешь слуг своих?
315 Твой лик свиреп, нет у тебя
316 милосердия. Смотри, вчера ты убил сотни тысяч [...]
317 Пришел ты сегодня и
318 не оставил наследников нам.
319 Не будь жесток в деяниях своих, царь!

320 Мир благотворнее битвы. Дай нам дышать».

321 И воздержался мое величество от истребления побежденных и не стал устанавливать над ними господства своего, ибо был я подобен Монту в миг величия его,

322 когда борьба его увенчалась победой.

323 Затем повелел его величество созвать всех начальников войск своих и колесничих,

324 а также правителей всех вражеских стран и собрать их всех вместе. И

325 повелел его величество огласить послание

326 жалкого правителя страны хеттов.

327 И воскликнули они все в один голос:

328 «Очень, очень хорошо заключить мир, царь, владыка наш,

329 и нет зла в примирении, которое ты совершишь,

330 ибо кто [...], когда ты разгневаешься?»

331 Тогда его величество повелел слушать слово его

332 и отдал приказ двинуться на юг в мире.

333 И вот повернул его величество к Египту в мире и с ним войско его и его колесничие;

334 жизнь, неколебимость и власть при нем,

335 и боги и богини оберегали тело его, повергнув под стопы его все страны, распростертые в страхе.

336 Мощь его величества – оплот войска его,

337 и все чужеземные страны воздают хвалу его прекрасному лику.

338 И прибыл он в мире в Египет, в город Пи-Рамсес-Миамон, Великий Победами.

339 И расположился его величество – да будет он жив, невредим и здоров! – на отдых во дворце своем, подобно Ра на его небосклонах!

340 Боги страны этой приходят поклониться ему, говоря:

341 «Пришли мы приветствовать тебя, сын наш возлюбленный, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра, сын Ра, Рамсес-Миамон». И

342 даруют они ему долгие годы жизни и непреходящее пребывание на троне Ра,

343 а все равнинные и горные страны лежат распростертые под стопами его на веки веков.

¹ Усер-маат-Ра-сетеп-ен-Ра – тронное имя Рамсеса II.

² Нахарина – Митанни.

³ Арцава, Маса, Каркиш, Лука – области Малой Азии.

⁴ Сутех – воинственный бог Сет, покровитель XIX династии.

⁵ Рамсес-Миамон – город в Горном Ливане.

⁶ Войско Амона, войско Ра и др. – наименования крупных отрядов армии фараона.

⁷ Итру – около 10 км (греч. елеев).

Союзный договор, заключенный между хеттским царем Хаттусилисом III и египетским фараоном Рамсесом II

Иероглифический текст, высеченный на стенах храмов Карнака и Рамсесеума (Фивы). Он является копией перевода с оригинала, составленного на другом языке, скорее всего хеттском: вавилонской клинописью, которая в ту эпоху служила для международной переписки. К основному тексту египетский писец прибавил дату и сообщение о прибытии послов, привезших проект договора. В архиве хеттских царей, обнаруженном в Богазкеой, также сохранилось несколько фрагментированных копий хеттской редакции договора на глиняных табличках, часть которых хранится в Государственном Эрмитаже.

Настоящий договор является первым по времени сохранившимся документом подобного рода и чрезвычайно важен для истории международных отношений. Он был заключен по инициативе хеттского царя Хаттусилиса, сменившего на престоле своего брата Муваталли. Обе стороны были изнурены длительной войной, продолжавшейся 16 лет. В хеттском войске даже начались восстания, вызванные тяготами затянувшейся борьбы. Мир был заключен на 21-м году правления Рамсеса II (1258 г. до н. э.). Хаттусилис прислал проект мирных предложений, начертанных на серебряной табличке. Рамсес на основании его выработал свой проект, который был послан хеттскому царю.

Оба царя закрепляли вечный мир и обещали друг другу помогать, удерживать захваченные ими страны в Азии. Обе стороны обязывались также выдавать друг другу политических беглецов. Договор был закреплен женитьбой Рамсеса на дочери хеттского царя.

Год 21, первый месяц зимнего времени, день 21, при царе Верхнего и Нижнего Египта Усер-Маат-Ра Сотеп-эн-Ра¹ сыне Ра, Рамесу Мериамоне, одаренном жизнью навеки веков...

(Далее следует титулатура фярыона)

ПРИБЫТИЕ ХЕТТСКИХ ПОСЛОВ

В этот день, когда его величество пребывало в городе Пер Рамсес², чтобы почтить отца своего Амона-Ра, Горахути, Атума, владыку обеих земель Гелиополя, Амона Рамессейского, Пта Рамессейского и [Сутеха]³ великого мощью, сына Нут⁴, подобно тому как делают они ему вечно в праздник хебседа⁵ вечные годы благоденствия и простирают навеки низменности и возвышенности под его сандалии, пришли... царский посланник,... царский посланник... и посланник страны хеттов, чтобы доставить серебряную табличку, которую послал великий князь страны хеттов Хаттушил к фараону, да будет он жив, здоров и невредим, чтобы

испросить мир от царя Верхнего и Нижнего Египта Рамсеса II, одаренного жизнью ежедневно, вечно, вовеки, подобно отцу его Ра.

ЗАГОЛОВОК ТЕКСТА ДОГОВОРА

Копия серебряной таблички, которую доставил великий князь страны хеттов Хаттушиль к фараону..., через посредство своего посланника Тартисебу и его посланника Рамоса чтобы испросить мир от величества Рамсеса II, тельца правителей, устанавливающего свои границы в каждой стране, по своему желанию.

ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ

Договор, который учинили на серебряной табличке великий князь страны хеттов Хаттушиль, могучий сын Муршиля могучего, великого князя страны хеттов, внук Суппилулиумы [могучего [великого князя страны хеттов], и Рамсес II могучий, великий правитель Египта, сын Сети I могучего, великого правителя Египта, внук Рамсеса I могучего, великого правителя Египта – прекрасный договор мира и братства, дающий мир... навеки.

ЦЕЛИ ДОГОВОРА

[Вводная часть]

Впредь и до конца вечности, в соответствии с замыслами великого правителя Египта, равно как великого князя страны хеттов, бог не даст благодаря договору случиться вражде между нами.

Хотя во времена Муваталлу⁶, великого князя страны хеттов, моего брата, он воевал с [Рамсесом II], великим правителем Египта, однако отныне, начиная с этого дня, Хаттушиль, великий князь страны хеттов, наметил себе договор, учреждающий план, который сделал Ра и который сделал Сутех для земли Египта, равно как для страны хеттов, чтобы не случилась вражда между нами вовеки.

Вот учинен им, Хаттушилем, великим князем страны хеттов, договор вместе с Рамсесом II, великим правителем Египта, чтобы был, начиная с этого дня, прекрасный мир и прекрасное братство было между нами вовеки. И он в братстве со мной и в мире со мной, а я в братстве с ним и в мире с ним вовеки.

Когда Муваталлу, великий князь страны хеттов, мой брат, достиг границ своего удела (умер) и Хаттушиль воссел как великий князь страны хеттов на трон своего отца, он пожелал быть вместе с Рамсесом II, великим правителем Египта... в мире и братстве, лучшем, нежели мир и братство, бывшие прежде на земле.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЕЧНОГО МИРА

И вот я, великий князь страны хеттов, вместе с [Рамсесом II], великим правителем Египта, [нахожусь] в мире прекрасном и братстве прекрасном. И дети детей великого князя страны хеттов [будут] в братстве и мире вместе с детьми детей Рамсеса II, великого правителя Египта. Они будут придерживаться наших планов братства и наших планов [мира. И земля египетская] вместе с землей хеттской [будут] в мире и братстве, подобно нам, вовеки, и не будет вражды между ними вовеки.

ВЗАИМНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ВОЕВАТЬ

И вовеки не вступит великий князь страны хеттов на землю египетскую, чтобы захватить имущество ее, и вовеки не вступит Рамсес II, великий правитель Египта, на землю [хеттскую, чтобы захватить имущество] ее.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СТРАНЫ ХЕТТОВ ВЫПОЛНЯТЬ ПРЕЖНИЕ ДОГОВОРЫ

Что же касается справедливого договора, который был во времена Суппилулиумы, великого князя страны хеттов, справедливого договора, который был во времена моего отца Муваталлу, великого князя страны хеттов, я придерживаюсь его.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО РАМСЕСА II ВЫПОЛНЯТЬ НАСТОЯЩИЙ ДОГОВОР

Вот придерживается Рамсес II, великий правитель Египта [мира, который] он учинил с нами, начиная с этого дня. И мы будем делать согласно с этим справедливым планом.

ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ОКАЗЫВАТЬ ДРУГ ДРУГУ ВОЕННУЮ ПОМОЩЬ

Если придет другой враг против земли Рамсеса II, великого правителя Египта, и он пошлет к великому князю страны хеттов, говоря: «приди ко мне и дай силу против него», – великий князь страны хеттов должен [прийти к нему]. Великий князь страны хеттов поразит его врагов.

Если же великий князь страны хеттов [сам] не придет, он должен послать свои войска, свои колесницы, и он поразит его врагов.

(Судя по сохранившимся словам в сильно поврежденных стихах 17-20, дальше шло совершенно аналогичное обязательство Рамсеса II помогать в подобных же случаях великому князю страны хеттов.)

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ХЕТТСКОГО КНЯЗЯ НЕ ПРИНИМАТЬ БЕГЛЕЦОВ ИЗ ЕГИПТА

[Если знатный человек убежит с земли египетской и он придет в землю] великого князя страны хеттов, или горожанин или [принадлежащий] земле Рамсеса II, великого правителя Египта, и они придут к великому князю страны хеттов – великий князь страны хеттов не примет их. Великий князь страны хеттов отправит их к Рамсесу II, великому правителю Египта, их владыке.

Или если один человек, или два человека, которых не знают, убегут в землю страны хеттов, чтобы стать данниками другого, – они не будут оставлены на земле страны хеттов и их доставят к Рамсесу II, великому правителю Египта.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ФАРАОНА НЕ ПРИНИМАТЬ БЕГЛЕЦОВ ИЗ СТРАНЫ ХЕТТОВ

Если убежит знатный человек из земли страны хеттов, чтобы прийти в землю Рамсеса II [великого правителя] Египта, или горожанин, или из области, или принадлежащий земле страны хеттов и они придут к

Рамсесу II, великому правителю Египта, Рамсес II, великий правитель Египта, не примет их. Рамсес II, великий правитель Египта, отправит их к [великому] князю [страны хеттов]. Он не оставит их.

Точно так же, если один человек, или два человека, которых не знают, убегут в землю египетскую, чтобы стать слугами другого, – Рамсес II, великий правитель Египта, не оставит их: он отправит их к великому правителю страны хеттов.

(Дальше почти пять строк заполнены именами египетских и хеттских богов, являющихся свидетелями настоящего договора.)

УГРОЗЫ НАРУШИТЕЛЯМ ДОГОВОРА И ОБЕЩАНИЕ БОЖЬЕЙ МИЛОСТИ, СОБЛЮДАЮЩИМ ЕГО

...Что же касается слов, которые на этой серебряной таблетке, для земли страны хеттов и для земли египетской, и кто-нибудь не остережется их – тысяча из богов земли страны хеттов, равно как тысяча из богов земли египетской – уничтожат его дом, его землю, его слуг.

Того же, кто остережется слов, которые на этой серебряной таблетке, будь они из страны хеттов или из людей Египта, и они не поступят вопреки им⁷, тысяча из богов земли страны хеттов, равно как тысяча из богов земли египетской, дадут ему благополучие и жизнь вместе с его домом, вместе с его [землей], вместе с его слугами.

ВЫДАЧА БЕГЛЕЦОВ

Если убежит из земли египетской один человек, или два или три, чтобы пойти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II, великому правителю Египта. Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II, великому правителю Египта, пусть не взыщут с него его вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей, [пусть не убьют его], пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног... все его.

Точно так же, если убежит из страны хеттов один человек, или два, или три и они придут к Рамсесу II, великому правителю Египта, Рамсес II, [великий] правитель [Египта], пусть схватит [их и повелит] отправить к великому князю страны хеттов, и пусть великий князь [страны хетто-в] не [взыщет] с них их вины, пусть не уничтожит его [дома], его жен и его детей, пусть не убьет его, пусть не повредит его ушей, его глаз, его рта и ног, пусть не взыщет с него всей его вины.

(В заключение дано описание изображений, имеющих на серебряной таблетке, содержащей текст договора.)

¹ Тронное имя Рамсеса II.

² Дословно: «Дом Рамсеса» – город, основанный Рамсесом в восточной части Дельты. Некоторые исследователи отождествляют его с Аварисом.

³ Одно из наименований Сета, происшедшее от искажения его имени гиксосами, которые отождествили его с Ваалом. С тех пор Сет под этим именем стал почитаться как бог варваров. Вообще Сутехами египтяне называли все божества, которым поклонялись иноземцы.

⁴ Богиня неба, супруга бога земли Геба.

⁵ Праздник царского юбилея, первоначально справлявшимся через 30 лет после вступления фараона на престол, а затем повторявшимся через более короткие сроки.

⁶ Муваталли – старший брат Хаттусилиса III

⁷ Т.е. словам этого договора.

Стела Пианхи

Иероглифическая надпись на большой стеле (1,8 метра X 1,84 метра) розового гранита, найденной в 1862 г. в храме у Гобел Баркала (Напата) в Нубии. Ныне хранится в Каирском музее.

Этот памятник – один из важнейших сохранившихся египетских документов от эпохи, последующей за концом Нового Царства. Четкое и сжатое описание событий и политических отношений в раздробленном на отдельные номы Нижнем и Среднем Египте, упоминания о фактах, которые позволяют определить характерные особенности отдельные, постоянно враждовавших между собою правителей номов и царьков, объединявших под своей властью несколько областей, указания на политическую географию страны делают эту надпись чрезвычайно ценной. Не менее существенно описание и похода в Египет самого Пианхи, вступившего на престол в Напате. На некоторое время ему удалось закрепить свою власть вплоть до болот Дельты. Однако господство эфиопов не было продолжительным. После того как Пианхи удалился в Нубию, Египет снова распался на отдельные области, во главе которых стали мелкие царьки и правители. Немало сведений, определявших военное искусство той поры, также содержится в настоящем документе.

Несколько архаический, но ясный и простой язык надписи напоминает лучшие образцы письменности эпохи Среднего Царства.

ДАТИРОВКА

Год правления 21, месяц первый времени наводнения при его величестве царе Верхнего и Нижнего Египта Мериамоне Пианхи, живущем вечно.

(Далее следуют самовосхваления царя.)

ВЕСТИ О ВЫСТУПЛЕНИИ ТЕФНАХТА

Пришли сообщить его величеству: «Властитель Запада, великий князь в Нетери¹ Тefнахт²... захватил весь Запад от «болотной страны»³ до Ит-тауи⁴, плывя на юг с многочисленной армией в то время как обе земли объединены позади него, а князья и правители крепостей подобны собакам у ног его. Не закрыты для него крепости... номов юга Мер-Атум Пер-Сехем-Хопер-Ра⁶. Хат-нечер-Собек⁷, Пер-меджед⁸, Чек-Неш⁹. Все города

Запада открыли ворота из-за страха перед ним. Повернул он к восточным номам, они также открыли ему [ворота]: Хат-бенну¹⁰, Тапуд-жнт¹¹, Хат-несу¹², Пер-неб-тепу-их¹³. Смотри, победоносно выступил [он] против Гераклеополя и полностью окружил его, не давая выходить выходящим, не допуская входить входящим, сражаясь ежедневно. Измерил он его (Гераклеополь) в окружности его. Каждый князь знает свою стену¹⁴. Каждому из князей и правителей крепостей приказывает он сидеть на участке его».

И вот выслушал [это его величество] мужественно, смеясь и радуясь сердцем.

НОВЫЕ ВЕСТИ О ВЫСТУПЛЕНИИ ТЕФНАХТА

Властители, князья и военачальники из своих городов ежедневно посылали [вести] его величеству, говоря: «Почему ты молчишь, забывая о стране Юга и о номах, [принадлежащих] двору, в то время как Тefнахт захватывает [ее], не встречая отпора?»

ПОДЧИНЕНИЕ НЕМАРАТА ПРАВИТЕЛЯ ГЕРМОПОЛЯ ТЕФНАХТУ

Немарат... князь Хат-ура¹⁵, разрушил он стены Ноферуси¹⁶, срыл он свой собственный город из страха, чтобы не захватил он его с целью продвинуться к другому городу. Смотри, он отправляется, чтобы следовать за ним (Тefнахтом) по пятам. Отпадает он от его величества. Пребывает он с ним (Тefнахтом) в качестве одного из [подручных] в Оксиринхском номе¹⁷ и дает ему дары, сколько тому угодно из всех вещей, которых он находит.

ПИАНХИ ПРИКАЗЫВАЕТ СВОИМ ВОЙСКАМ АТАКОВАТЬ ГЕРМОПОЛЬ

И вот послал его величество к князьям и военачальникам, находившимся в Египте, командующему Пуарем, командующему Лемерсекени и всем командующим его величества, находящимся в Египте, [приказывая]: «Выступите в боевом порядке, начинайте битву, окружайте ..., захватите людей его, скот его, суда его, находящиеся на реке. Не давайте земледельцам выходить в поле, не давайте пахарям пахать. Наступайте на южную окраину Гермопольского нома, воюйте против него ежедневно». И они поступили согласно этому.

ПИАНХИ ПОСЫЛАЕТ В ЕГИПЕТ СВОЮ АРМИЮ И ДАЕТ ЕЙ УКАЗАНИЯ

И вот послал его величество войско в Египет, строжайше приказывая: «Не [действуйте] ночными и скрытыми способами, [но] сражайтесь вы открыто (?). Объявите ему сражение издали. Если он скажет «Торопитесь» войску и колесницам другого города, то засядьте [ожидать] прихода его войска. Вы должны сражаться согласно его (Пианхи) приказу. Если будут медлить его отряды из другого города, не медлите, но ступайте на них.

Князьям этим, которые он (Тefнахт) привел на помощь себе, ливийцам и отряду телохранителей, дайте им первыми начать битву. Говорите: «Мы не знаем, о чем он взывает, осматривая войска свои»¹⁸. Запрягайте копей, лучших из своей конюшни. Выстраивайтесь в боевые порядки. Ты знаешь, что Амон – [это] бог, пославший нас».

ПИАНХИ ДАЕТ УКАЗАНИЯ О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК В ФИВАХ

«Когда достигнете Фив и [окажетесь] перед Карнаком, войдите в воду, очиститесь в реке, оденьтесь в лучшие полотняные одежды, отложите луки, положите стрелы. Не похваляйтесь чрезмерно силой. Нет могущества у незнающих его (Амона). Делает он слабого сильным так, что обращается в бегство множество от немногих, что один человек захватывает тысячу. Окропитесь водой алтаря его. Поцелуйте землю перед ним. Скажите ему: «Проложи нам путь. Да сразимся мы под сенью десницы твоей. [Что касается] отрядов новобранцев, которых ты послал, когда они будут атаковать, да ужаснется перед ними множество».

ВОЙСКО ВОСХВАЛЯЕТ ПИАХИ

Упали они на животы свои перед его величеством [воскликая]: «Имя твое – придает оно силу нам! Увещание твое доходит (?) до войска твоего. Хлеб твой в чреве нашем на любом пути. Пиво твое утоляет жажду нашу. Могущество твое придает оно силу нам. Защищает воспоминание об имени твоём. Не совершенно войско, командир которого трус. Кто равен тебе там? Ты царь могущественный, действующий руками своими, руководитель боевых трудов».

ВОЙСКА НАПРАВЛЯЮТСЯ НА СЕВЕР. БИТВА НА РЕКЕ

Поплыли они вниз по течению, достигли они Фив. Совершили они все согласно всему сказанному его величеством.

Поплыли они [далее] по реке, вниз по течению, нашли они много кораблей, направляющихся вверх по течению с воинами, гребцами и всевозможными сильными отрядами Нижнего Египта, снабженными оружием для борьбы против войска его величества. И вот была нагромождена великая груда трупов из них, неведомо число их. Захвачены воины их вместе с судами их и приведены в место, где находился его величество¹⁹.

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ВРАГОВ ПИАХИ

Отправились они к южным окраинам Гераклеополя и начали битву.

(Список князей и царей Нижнего Египта):

Царь Немарат²⁰, царь Иуапет²¹, начальник Ма, Шешонк²² из Бусириса²³, великий начальник, Ма Джедамониуфанх из Мендеса²⁴ вместе с сыном его старшим, начальником армии Гермополя Малого²⁵, армия владетельного князя Бакненефи вместе с сыном его старшим, начальником Ма Неснекеди из Кинопольского нома²⁶, все князья, носящие [страусовые] перья из Нижнего Египта²⁷, вместе с царем Осорконом, который находится в Бубастисе²⁸ и области Ранофер. Все князья и начальники крепостей запада, востока и островов

(Дельты) объединились в союз как приверженцы великого властителя Запада, правителя крепостей Нижнего Египта, пророка Нейт²⁹, владычицы Саиса³⁰, жреца Пта, Тefнахта.

БИТВА ПРИ ГЕРАКЛЕОПОЛЕ И БЕГСТВО ВРАГОВ

Выступили они [воины Пианхи] против них [воинов Тefнахта]. И вот нагромоздили они из них великую груду трупов, больше чего бы то ни было, и захватили они корабли их по реке. Остаток [врагов] переправился [через реку] и причалил около Пер-Пега³¹.

БИТВА ПРИ ПЕР-ПЕГЕ И БЕГСТВО ВРАГОВ В ДЕЛЬТУ

Рано утром, на рассвете переправилось войско его величества против них. Смешались воины с воинами [вражескими]. И вот убили они многих людей из них и лошадей бесчисленно. Ужас охватил оставшихся. Бежали они в Нижний Египет от ударов весьма сильных и болезненных.

ОСАДА ГЕРМОПОЛЯ

Направился царь Немарат вверх по течению на юг. Было сказано ему: «Перед Гермополем враги из войска его величества, захватывают людей его и скот его». И вот подступил он к Гермополю, [в то время как] войско его величества находилось на реке у гавани Гермопольского нома. И вот услышали они это и окружили они Гермопольский ном с четырех сторон, не давая выходить выходящим, не давая входить входящим.

Послали они сообщить величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Пианхи Мериамону, которому дана жизнь, о всех нападениях, которые они совершили, и о всех победах его величества.

РЕШЕНИЕ ПИАНХИ ЛИЧНО ОТПРАВИТЬСЯ В ЕГИПЕТ

И вот рассвирепел его величество подобно пантере, [узнав] об этом, [говоря]: «Оставили разве они остаток войска Нижнего Египта? Разве дали они выйти выходящему из него, чтобы рассказать о его походе? Не заставили они их умереть, чтобы уничтожить остаток их. Клянусь любовью Ра и хвалой отца моего Амона – я сам отправлюсь на север, разрушу я стену, которую сделал оп, заставлю отказаться его от битвы навеки».

(Далее Пианхи выражает желание посетить фиванские храмы и принять участие в празднествах в честь бога Амона. Войска царя, сражающиеся в Египте, захватывают города Оксиринх, Тех-си и Хатбенну. Находящиеся в Верхнем Египте.)

ПИАНХИ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ГЕРМОПОЛЬ

Месяц [первый] времени наводнения, [день] 9. Отправился его величество на север к Фивам, и справил он праздник Амона в Луксоре³². Проследовал его величество [далее] на север в область Гермопольского нома. Вышел его величество из каюты корабля, лошади были запряжены, и взошел на колесницу. Страх перед его величеством достиг границ азиатов, каждое сердце дрожит перед ним.

ПИАНХИ УКОРЯЕТ СВОЕ ВОЙСКО

И вот его величество выступил, чтобы побранить свое войско, разъярясь на него подобно пантере: «Разве медлительность, с которой выполняли поручение мое, это [называется] стойкостью в битве? Разве завершился год, распространив страх в Нижнем Египте и нанесен удар им мощный и болезненный?»

ОСАДА ГЕРМОПОЛЯ

Разбил он (Пианхи) для себя лагерь к юго-западу от Гермополя и нападал на него (город) ежедневно. Был насыпан вал, чтобы окружить стену, и возведены осадные сооружения, чтобы поднять лучников для обстрела и метательные орудия для метания камней, причем ежедневно убивались их люди.

ГОРОД ПРОСИТ О ПОЩАДЕ

Настали дни, когда жители Гермополя были в отчаянии, ибо носы их были лишены свежего воздуха. И вот пал Гермополь на живот свой, умоляя царя. Вышли посланцы и спустились, неся всякие прекрасные видом вещи: золото, всевозможные превосходные драгоценные камни, одежду в сундуках, диадему, которая была на его (Немарата) голове, урей, распространяющий страх перед ним, не переставая много дней умолять его (Пианхи) корону.

(Далее следуют переговоры Немарата и членов его семьи с Пианхи о сдаче, в результате которых Немарат преподнес победителю богатые дары.)

ВСТУПЛЕНИЕ ПИАНХИ В ГЕРМОПОЛЬ

И вот вступил его величество в дворец его (Немарата) и направился в храм Тота, владыки Гермополя. Заклал он быков, телят и гусей для отца своего Тота, владыки Гермополя и восьми богам в храме восьми богов³³. Воины Гермопольского нома радовались и восклицали; говорили они: «Сколь прекрасен бог, покоящийся в городе своем, сын Ра, Пианхи. Справишь ты нам юбилей согласно тому, как ты защищаешь Гермопольский ном».

ПИАНХИ ПОСЕЩАЕТ ДВОРЕЦ НЕМАРАТА

И вот его величество вступил в его (Немарата) дом, обошел он каждую комнату дворца, его сокровищницу и его амбары. Приказал он, чтобы были приведены ему царские жены и царские дочери. Приветствовали они его величество по обыкновению женщин, [но] не обратил его величество лика своего к ним.

ПИАНХИ ОСМАТРИВАЕТ КОНЮШНЮ НЕМАРАТА И ЗАХВАТЫВАЕТ ЕГО СОКРОВИЩА

Отправился его величество в конюшню и в помещение для жеребят. Увидел оп, что они голодают, и сказал: «Клянусь любовью ко мне Ра и обновлением жизни дыханием – мерзостно это для сердца моего, что лошади терпят голод, больше всякого преступления, совершенного тобою...»

(Далее следуют самовосхваления Пианхи.)

И вот было передано имущество его (Немарата) в сокровищницу, амбары его для жертвоприношений Амсну в Карнаке.

ПОДЧИНЕНИЕ ГЕРАКЛЕОПОЛЯ

Правитель Гераклеополя Пефпеддибаст прибыл с дарами для дворца: золотом, серебром, всякими драгоценными камнями, отборными лошадьми из конюшни. Упал он на живот свой перед его величеством и сказал он: «Привет тебе, Гор, царь могучий, телец, одолевающий [других] тельцов. Был я схвачен преисподней, я был поглощен мраком, среди которого [ныне] мне воссиял свет. Не нашел я друга в злой день, который устоял бы в день битвы. Но ты, о могущественный царь, отогнал мрак от меня. Стану я слугой твоим вместе с подданными моими. Будет платить Гераклеополь подати в сокровищницу твою. Ты образ Горахути, властителя нетленных звезд. Подобно ему, ты являешься царем. Как не погиб он, так не погибнешь и ты, о царь Верхнего и Нижнего Египта, Пианхи, живущий вечно».

(Затем следует описание подчинения еще некоторых городов Верхнего Египта, в том числе Медума и Ит-гауи Фаюуского оазиса)

ПЕРЕГОВОРЫ С МЕМФИСОМ, ОСАДА ГОРОДА И ШТУРМ

Направился его величество на север к Мемфису. И вот послал он к ним, говоря: «Не замыкайся, не сражайся, изначальное обиталище Шу³⁴. Входящий, да входит он, выходящий, да выходит он, да не задерживаются идущие. Принесу я жертву Пта и богам, обитающим в Мемфисе. Пожертвую я Сокару³⁵ в таинственном обиталище его. Увижу я «Находящегося к югу от стены своей»³⁶. Поплыву я в море вниз по течению... Мемфис будет в сохранности и здравии. Не будут оплакиваться дети. Взгляните на номы юга. Не был там убит ни один человек, кроме врагов, говоривших дурное против бога, которые были казнены, как преступники».

И вот замкнули они крепость свою. Выслали они войско свое против немногих [воинов] его величества, состоящее из ремесленников, начальников, строителей, корабельщиков ... гавани Мемфиса.

И вот этот властитель Саиса (Тэфнахт) прибыл в Мемфис, приказывая войскам своим и гребцам своим, отборной части войска своего – 8000 людей, строжайше наказывая им: – «Вот, Мемфис наполнен войсками, наилучшими в Нижнем Египте, ячменем, полбой, зерном всяким. Амбары переполнены. Оружие всякое ... [укреплены] валом. Построен большой заслон мастерами искусными. Река обтекает восточную сторону. Не найти [здесь] места, удобного для приступа. Хлева полны бычками, снабжена сокровищница вещами всякими: серебром, золотом, медью, одеждой, ладаном, медом, маслом. Я отправлюсь, чтобы дать нечто вождям севера. Открою я им номы их³⁷. Стану я ... к приходу моему». Сел он на лошадь, не потребовал он колесницы своей. Отправился он на север в страхе перед его величеством.

На рассвете, рано утром, прибыл его величество к Мемфису. Причалил он на северной стороне города. Заметил он, что вода поднимается к стене, и корабли пристали к [стенам] Мемфиса. И вот увидел его величество, что они (стены) мощны и вздымаются заново построенные укрепления, стены укомплектованы силачами. Нет подступа для атаки его (Мемфиса). И вот каждый человек из армии его величества высказывал свое мнение как указание для битвы: «Давайте ополчимся [на него] ... вот, многочисленны войска его». Другие же говорили: «Сделаем насыпь против него и подыдем [уровень] земли до стен его. Свяжем осадные приспособления. Воздвигнем и сделаем перекладыны по краям ее насыпи³⁸. Разделим его таким образом с каждой его (города) стороны насыпями вместе с... для того, чтобы поднять землю до [уровня] стен его с тем, дабы найти путь для ног наших».

И вот его величество разъярился против них, подобно пантере. Сказал он: «Клянусь любовью Ра ко мне и хвалой отца моего Амона, создавшего меня. Должно совершиться это согласно приказу Амона: Это то, что говорят люди ... и номы юга, открыты они ему издали, не пустили они Амона в сердце свое, не знают они то, что позелевает он. Сделал он так, что проявилась его (Пианхи) слава, дабы заставить узреть могущество его. Захвачу я его (Мемфис), подобно Еодному потоку. Приказано...»

И вот выслал он корабли свои и войско свое, чтобы атаковать гавань Мемфиса. Доставили они ему всевозможные речные судна, паромы, судна-сехери и транспортные судна согласно количеству их, причалили они к гавани Мемфиса и привязали [корабельные] канаты к домам его ...

Поплыл его величество самолично, чтоб выстроить корабли согласно количеству их.

Приказал его величество войску своему: «Выстраивайтесь (?) перед городом, разрушайте (доел.: опрокидывайте) стены! Вторгайтесь в дома, находящиеся на реке! Если ступит один из вас на стену, не останавливайтесь около него, дабы не отразили вас отряды [врага]. Было бы скверно, если бы замкнулись на юге, причалим мы на севере и расположимся на «Грани (досл.: весах) обеих земель»³⁹.

И вот был захвачен Мемфис [как будто] водным потоком. Было убито в нем множество людей и приведено пленных к месту, где находился его величество.

(Вступив в город, Пианхи принимает меры к охране храмов, приносит жертвы богам и посещает храм Пта. Враги оставляют окрестные города и обращаются в бегство.)

ПРАВИТЕЛИ ДЕЛЬТЫ ИЗЪЯВЛЯЮТ ПОКОРНОСТЬ

Пришел царь Иуапет вместе с вождем Ма Акенешем, наследственным князем Педиисе, и всеми князьями Нижнего Египта с дарами их, чтобы узреть красоту его величества.

И вот были переданы сокровищницы и амбары Мемфиса для совершения жертвоприношений Амону, Пта и «Божественной Эннеаде»⁴⁰, находящейся в Мемфисе.

(Пианхи посещает различные храмы и святилища и приносит жертвы богам. Затем он направляется в Гелиополь, где в храме Ра также возносит моления этому богу и совершает жертвоприношения.)

ПРИБЫТИЕ В ХРАМ АТУМА И ПОДЧИНЕНИЕ ЦАРЯ ОСОРКОНА

Он (Пианхи) пришел и вступил в храм Атума и воскурил мирру статуе (?) Атума-Хепри Великому из Гелиополя. Пришел царь Осоркон, дабы лицезреть красоту его величества.

ПОХОД ПРОТИВ АТРИБИСА

На рассвете рано утром отправился его величество на корабле своем и переправился к гавани Атрибиса. Был поставлен шатер его величества к югу от Кахени⁴¹, на восток от Атрибиса. Пришли эти цари и князья Нижнего Египта, все вожди, носители страусовых перьев, все визири, все приближенные царя с запада и востока и с островов середины (Дельты), дабы лицезреть красоту его величества.

(Наследственный князь Педиисе предлагает Пианхи посетить Агрибис. Царь принимает приглашение и направляется в этот город, где Педмис вручает ему дары.)

ПОДЧИНЕНИЕ ПРАВИТЕЛЕЙ ДЕЛЬТЫ

Сказали эти цари и князья его величеству: «Отпусти нас в города наши, и откроем мы сокровищницы наши, дабы могли выбрать мы то, что угодно сердцу твоему. Приведем мы лучшее из конюшен наших – отборнейших лошадей». И вот поступил его величество соответственно [этому].

СПИСОК ПРАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕГО ЕГИПТА

Список имен их:

Царь Осоркон⁴² из Бубастиса, области Ранофер.

Царь Иуапет из Чентрему и Тааяна⁴³,

Князь Джедамониуфанх из Мендеса⁴⁴ и Та-мер-Ра⁴⁵.

Его старший сын, его военачальник из Пер-Тхутиупрехуи, Анхгор.

Князь Акенеш из Себеннита⁴⁶, Пер-хеби⁴⁷ и Сема-худ⁴⁸.

Князь, начальник Ма, Паченеф из Пер-собед⁴⁹ и Мер-пени-неб-хедж⁵⁰.

Князь, начальник Ма, Пема⁵¹ из Бусириша, владыки Джета.

Князь, начальник Ма, Неснекеди из Хееебка.

Князь, начальник Ма, Нахт-Гор-на-шену из Пергерера⁵².

Начальник Ма Пентаур.

Начальник Ма Пенти-Бехент.

Жрец Гора, повелитель Сехема⁵³ Педи-Гор-сема-тауи.

Князь Хурабас из Пер-Сохмет-небет-Са и Пер-Сохмет-небет-Рехтауи⁵⁴.

Князь Джедхиу из Хентнофер⁵⁵.

Князь Пеее из Хериаха⁵⁶ и Пер-Ха-пи с их всевозможными прекрасными дарами...

(Пианхи сообщают о восстании в городе Меседе, местоположение которого точно не установлено. Возможно, что он находился в западной части Дельты. Пианхи подавляет восстание и отдает город в вознаграждение наследному князю Педиисе.)

ТЕФНАХТ ПОСЫЛАЕТ ПОСОЛЬСТВО С ИЗЪЯВЛЕНИЕМ ПОКОРНОСТИ

И вот услышал об этом начальник Ма Тefнахт и велел отправиться послу к месту, где находился его величество, льстиво говоря: «Мир тебе! Не видал я лица твоего в дни гнева [твоего]. Не могу устоять я перед пламенем твоим, ужасаюсь я вида твоего. Вот Сет⁵⁷, возглавляющий Верхний Египет, Монту⁵⁸, бык, могучий дланью. Ко всему обращаешь ты лик свой. Не нашел ты слугу [твоего], пока не достиг я островов моря, трепеща перед могуществом твоим и говоря: «То пламя твое враждебно мне». Разве не охладилось (т.е. не успокоилось) сердце твоего величества тем, что совершил ты против меня? Воистину скверен я! Да не. буду я наказан соответственно преступлению...».

(Следуют дальнейшие похвалы Пианхи и просьбы о прощении и милости.)

«Да будет очищен слуга [твой] от прегрешений его, пусть будет взято имущество мое в сокровищницу твою в виде золота, всевозможных драгоценных камней и наилучших коней в возмещение за все. Пошли ко мне послов тотчас, дабы изгнали они страх из сердца моего. Дай выйти мне к храму пред лик его (бога), дабы мог я очиститься божественной клятвой»⁵⁹.

ТЕФНАХТ ПРИНОСИТ ПРИСЯГУ В ВЕРНОСТИ

Послал его величество главного жреца-херихеба Педиамон-Нестауи и военачальника Пуарема. Одарил он (Тefнахт) его [посла] серебром, золотом, одеждами и всевозможными драгоценными камнями. Вышел он к храму, воздал он хвалу богу и очистил себя клятвой, говоря: «Да не преступлю я повелений царя, да не нарушу я того, что изрекает его величество. Да не совершу я злоумышления против князя без ведома твоего. Буду я действовать согласно сказанному царем. Не преступлю я приказаний его». И вот его величество был удовлетворен этим.

ПОДЧИНЕНИЕ ОСТАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ДЕЛЬТЫ

Пришли сказать его величеству: (жители) «Храма Собека»⁶⁰ открыли они, крепость его (жители) Метена⁶¹ пали на животы обоим (т.е. сдались). Нет более нома, запертого для его величества из номов юга и севера, запада

и востока, острова середины [Дельты] на животах своих из страха перед ним, принося имущество свое к месту, где находится его величество, подобно подданным дворца».

Когда рассвело, рано утром прибыли эти два правителя юга и два правителя севера⁶² с уреями⁶³, дабы поцеловать землю перед могуществом его величества. Что же касается этих царей и князей Нижнего Египта, пришедших узреть красоту его величества, то могли их [ослабели], подобно ногам женщин. Не вошли они во дворец, ибо были они не обрезаны, и ели рыбу; мерзость это для дворца. Но царь Немарат вошел он во дворец, ибо он был чист и не ел он рыб. Стояли трое на ногах своих, [но только] один вошел во дворец.

ПИАНХИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ЮГ

Вот были нагружены транспортные суда золотом, серебром, медью, одеждами, всякими вещами Нижнего Египта, всякими продуктами Сирии и благовониями «Страны бога»⁶⁴. Его величество отправился вверх по течению, и сердце его радовалось...

(Далее следуют восхваления Пианхи.)

¹ Область в центральной Дельте около соврем. Бехбейт, Исеум античных географов.

² Владетель Саиса, захватившим власть, Тefнахт был, вероятно, ливийского происхождения. Он подчинил себе многих номархов и князей Нижнего Египта, стремясь объединить страну, и стал продвигаться на юг, захватив Мемфис, Гермополь и осадив Гераклеополь.

³ Болотная область около озера Бурлус, близ Вуто в Дельте.

⁴ Ит-таун – между Мемфисом и Медумом.

⁵ Мер-Атум – современное Медум, южнее древнего Мемфиса. Здесь находятся царские гробницы и усыпальницы знати эпохи IV и V династий.

⁶ Дословно: Дом Осорконл – населенный пункт, вероятно, основанный этим царем. Его местоположение не установлено. Видимо, он находился около Иллахуна в западной части Фаюмского оазиса.

⁷ Крокодилополь – главный город Фаюмского оазиса.

⁸ Оксиринх – главный город 19-го нома Верхнего Египта.

⁹ Город в Оксиринхском номе.

¹⁰ Дословно: Дом Феникса – главный город 18-го нома Верхнего Египта. Гиппонон античных авторов.

¹¹ Город в Оксиринхском номе.

¹² Город в 18-м номе, возможно, Алабастронополь античных авторов.

¹³ Афродитополь античных авторов – главный город 22-го нома Верхнего Египта. Современное село Атери южнее Каира.

¹⁴ То есть участок, который отведен ему для штурма.

¹⁵ Правитель Гермополя, подчинившийся Тefнахту.

¹⁶ Ноферуси – город к северу от Гермополя, недалеко от нынешнего Ком эль-Ахмара.

¹⁷ Оксиринх – главный город 19-го нома Верхнего Египта.

¹⁸ То есть нам безразлично, что бы он ни говорил.

¹⁹ То есть в Напату.

²⁰ Правитель Гермополя, подчинившийся Тefнахту.

²¹ Правитель Центрему.

²² Командир наемников, подчиненный правителю Бусириса Пему. Ма – вероятно сокращенное машуаши (ливийское племя, поставлявшее наемников).

²³ Бусирис – 9-й ном Нижнего Египта в юго-восточной Дельте.

²⁴ Мендес – 16-й ном Нижнего Египта – в восточной части Дельты.

²⁵ Гермополь Малый (совр. Танна близ г. Эль-Мансуры).

²⁶ Кинополис – 11-й ном Нижнего Египта.

²⁷ Видимо, подразумеваются начальники отрядов ливийских наемников, имена которых приводятся далее. Ливийцы обычно украшали голову страусовыми перьями.

²⁸ Главный город 18-го нома Нижнего Египта в юго-восточной Дельте.

²⁹ Богиня-воительница и богиня неба. Центром ее культа был город Саис.

³⁰ Саис – главный город 5-го нома Нижнего Египта, находившегося в северо-западной Дельте. Саис во время правления XXVI династии стал столицей Египта.

³¹ Местоположение точно не установлено. Возможно, что этот город находился в районе Гераклеополя.

³² Луксор – от арабского Эль-Кусур (замок). Второй по значению (после Карнака) храм бога Амона в Фивах, в основном созданный фараонами XVIII и XIX династий.

³³ Местные боги Гермополя, изображавшиеся в виде лягушек и змей.

³⁴ Шу – бог воздушного пространства, поддерживающий небо.

³⁵ Сокар – бог мертвых, почитавшийся в Мемфисе. Изображался с головой сокола.

³⁶ Эпитет бога Пта в Мемфисе.

³⁷ Место не совсем ясно. Возможно, что Тefнахт предполагает отказаться от своих суверенных прав в Дельте.

³⁸ Слово точному переводу не поддается.

³⁹ Место, где находился Пианхи, вероятно, на границе Верхнего и Нижнего Египта.

⁴⁰ «Божественная эннеада», т.е. девятка богов, установленная в Гелиополе. Наряду с нею существовали и другие системы, но эта была наиболее распространенная. Гелиопольская эннеада состояла из бога солина Ра-Ату-ма, который сам из себя произвел бога воздушного пространства Шу и его женское дополнение Тefнунт. Они, в свою очередь, произвели бога земли Геба и его жену, богиню неба Нут Их детьми считались Осирис и Исида, Сет и Нсфтида.

⁴¹ Этот населенный пункт находился, возможно, севернее Каира.

⁴² Осоркон – подразумевается Олэркои III, один из царей XXIII династии.

⁴³ Отождествлению не поддаются. Возможно, Тааян соответствует Ляну, упоминаемому в начале надписи.

⁴⁴ Главный город 16 го нома Нижнего Египта, расположенного в центральной части Дельты. Современный Телла-Тмаи.

⁴⁵ Возможно, современный Су не-Юсуф, около 15 километров севернее Мендеса.

⁴⁶ Главный город 12-го нома Нижнего Египта в центральной части Дельты. Родина историка Манефона.

⁴⁷ Возможно, Исеум античных авторов, современный Бехбейт. В этом случае, однако, Нетери – родина Тefнахта – не может быть полностью отождествлен? с Исеумом – Пер-хеби.

⁴⁸ Семахууд – город в Дельте.

⁴⁹ Город в восточной части Дельты в Аравийском номе – 20-м номе Нижнего Египта; Пи-Сапту – анналов Ашшурбанипала.

- ⁵⁰ Место точно не установлено. В одной из стел, обнаруженных на месте древнего Пер-Собед, название этого населенного пункта читается «Шсиуг-инеб хедж», что значит «Житница Мемфиса».
- ⁵¹ Ему был подчинен начальник наемников Шешонк.
- ⁵² Возможно, Фагрориополь Страбона, у северной оконечности Суэцкого залива.
- ⁵³ Главный город 2-го нома Нижнего Египта. Находился северо-западнее Каира. Летополь – античных авторов.
- ⁵⁴ Город вблизи Летополя.
- ⁵⁵ Местоположение не установлено.
- ⁵⁶ Современный Старый Каир, прозванный греческими авторами Вавилоном.
- ⁵⁷ Дословно в тексте: «Тот, кто в Омбосе», т.е. в городе – центре почитания Сета, находившемся в 5-м (Коптосском) номе Верхнего Египта.
- ⁵⁸ Монт – бог солнца, почитавшийся в Фивах и Гермонте. В архаическую эпоху считался верховным божеством Южного Египта.
- Позднее – бог войны. Изображался в образе человека с головой сокола.
- ⁵⁹ То есть принести присягу на верность Пианхи.
- ⁶⁰ Крокодилополь – главный город Фаюмского оазиса.
- ⁶¹ В Афродитопольском (22) номе Верхнего Египта.
- ⁶² Немарат и правитель Фаюма или Афродитопля. Кого следует подразумевать под правителями севера, неизвестно.
- ⁶³ Змея, венчавшая царскую корону или диадему. Она должна была своей магической силой отражать враждебные фараону силы, подобно тому как, согласно мифам, ее яд некогда поразил врагов солнечного бога
- ⁶⁴ Пунта.

КУШ

Сообщение о восстании в Куше

Сообщение о восстании в северных районах Куша, вспыхнувшее в пятый год правления фараона XVIII династии Аменхотепа III, сохранилось в надписи на стеле «царского сына Куша», т.е. наместника Нубии Меримеса, установленной у Второго порога Нила в Семне в ознаменование победы. Ныне стела хранится в Британском музее.

...[После того] как дни многие прошли в этом, настало [время] уборки урожая этих супостатов страны Ибхет. Человек всякий спустился прямо перед собой¹.

Тогда сделали смотр [войска] фараона – да будет он жив, цел, здоров, – которые под началом этого царевича [Куша], [причем] были составлены [букв.: сделаны] дружины, снабженные командующими.

Каждый человек был перед селением своим², начиная от крепости Бек и кончая крепостью Тери, что составляет «речных мер при плавании»³.

Захватила их [мятежников] мышца⁴ Небмаатра в день один, в час один, [причем] была сделана гора трупов большая из противников. Доставлены дети их, жены их, скот их «[причем] не убежал [букв.: убыл] ни один из них. [Не] было никого из них... Захватила их мышца Аменхотепа, владыки Фив. Не избежали жители нагорий их [войск Меримеса]: ни мужчины, ни женщины – согласно замыслам Гора, владыки Обеих Земель, царя Верхнего и Нижнего Египта Небмаатра, Тельца крепкого, могучего силой.

Страна Ибхет вопит [букв.: высока голосом], жар в сердцах их. Лев свирепый, властитель, убил он их по приказу Амоы, отца его великолепного. Это он [Амон] руководил им в доблести и крепости.

Список добычи, доставленной его величеством из нагорья Ибхет жалкой:

кушитов⁵ живых...голов 150

молодых воинов...голов 110

кушиток⁵...голов 250

служанок кушиток...голов 55

детей их...голов 175

Всего...голов живых 740

Рук⁶ их [т.е. кушитов]...312

Вкупе голов живых?...1052

Царевич Куша, бодрствующий главой для владыки своего, доверенный [букв.: наполняющий сердце] бога доброго, начальник нагорий всего Куша, писец царя Меримес говорит: «Привет тебе [букв.: защити лик свой], бог этот добрый!⁸ Велика мощь твоя, более мощи нападающего на тебя. Ты заставляешь говорить мятущихся против себя: «Поразило нас пламя имена наши!» Убиты для тебя противники твои все,⁹ будучи пораженными под стопами твоими».

¹ То есть люди спустились к воде, чтобы плыть в район, где Меримес собирал ополчение. Река и во время восстаний контролировалась египтянами.

² Описываются организация и состав ополчения.

³ Речная мера равна 10,5 км. Следовательно, расстояние между крепостями было равно 546 км.

⁴ Египетское слово, обозначающее одновременно «сила» и «рука», подобно старорусскому «мышца».

⁵ Перевод условный.

⁶ Учет убитых велся в Новом царстве по отрубленным правым рукам.

⁷ Слово «живых» здесь лишнее. Возможно, это преднамеренная ошибка с целью указать большее число пленных.

⁸ Меримес обращается к фараону.

Стела 6-го года правления царя Куша Тахарки

Стела из серого гранита, обнаруженная в 1934 г. при раскопках в храме Кавы (Гемпатоне) между Третьим и Четвертым порогами Нила. Установлена царем Куша (Напатского царства) Тахаркой, предпоследним фараоном XXV (Кушитской или Эфиопской) династии Египта.

Год 6-й при величестве Гора, возвысившем корону. Обе Владычицы, возвысившие корону, Гор Золотой, распространяющий защиту на Обе Земли царь Верхнего и Нижнего Египта Ху-Ра-Нофр-тум¹ сын Ра Тахарка, которому дана жизнь навечно, возлюбленный Маат, которому Амон дал правду и жизнь навеки. Его величество был владыкой, юным, суровым, исключительно мужественным, могущественным царем, которому нет равных, властелином, подобным Атому, любовь к нему обошла земли подобно Ра, когда появляется он в небе. О, сын Ра, подобный Онурису, царство его как миллион [лет] подобно Татенену, открывающий процессию [букв.: шаг], широкий стопами, посылающий свою стрелу, с тем чтобы сокрушила она могущественных, растаптывающих горы, преследуя врагов своих; сила в руке его, чтобы повергнуть десятки тысяч. Каждый поражается, когда видит его, радуются ему все люди, когда появляется он [замышляющим] сражение в сердце своем каждый день. Не пренебрег он умением своим, предпринимая работы, дающие мощь. Имя его обошло все земли и чужеземные страны с помощью силы его могущественной руки.

Его величество пребывал в Та-Сети прекрасным ребенком, братом царя, сладостным любовью. Совершил он плавание вниз по течению в Фивы среди юношей, которых послал его величество царь Шабатака правогласный обратно в Та-Сети, чтобы был он там вместе с ним, так как любил он его более чем всех своих братьев. Прошел он в ном Амона Гемпатона², целовал он землю (?) перед дверью храма вместе с армией его величества, которая плыла на север вместе с ним. Нашел его величество храм этот, который был построен из кирпича, и холм достиг вершины храма, засыпав [его] землей³, в то время года, когда можно опасаться появления дождя. Сделалось сердце его величества печальным, а когда явился его величество в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта, укрепили Обе Владычицы голову его и имя его стало Гор, возвысивший корону, вспомнил он этот храм, который видел он в молодости в год первый явления своего. Сказал его величество семерам⁴ своим: «Итак, я желаю, чтобы был построен храм отца моего Амона-Ра Гемпатона, так как был он построен из кирпича, но засыпан землей, а это неприятно для сердец. Был этот бог в этом месте, неизвестно, что наделал дождь, но это именно он [бог] сохранил этот храм до тех пор, пока случилось так, что явился я в качестве царя, потому что знал он, что сделал для него памятник сын его, т.е. я, которого он породил. Были предназначены для службы ему матери матери моей⁵ их великим братом, сыном Ра Аларой правогласным со [следующими] словами [букв.: говоря]: «О бог, знающий тех, кто благоволит ему, быстро идущий, приходящий к тому, кто призывает к нему. Видел ты меня в теле матерей моих, так как ты создаешь [букв.: устанавливаешь] детей их на земле. Действуешь ты для них, как действовал ты для меня. И повелеваешь ты, чтобы достигли они благополучия».

Слушал он, то что сказали мы ему. Возвысил он меня как царя, [и сказал он] подобно тому, как говорил он для него: «Как прекрасно то, что делается для того, чтобы сделать так, что удовлетворится сердце тем, что сделано и что делается для него».

И они сказали его величеству «Воистину верно все сказанное тобой, так как его сын – это ты, который воздвиг памятник ему».

И его величество приказал армии его отправиться в Гемпатон вместе с многочисленными рабочими и искусными ремесленниками. Неизвестно число их; с ними был архитектор? [букв.: начальник работ] для того, чтобы возглавить работу в этом храме, в то время как его величество был в Мемфисе.

И тогда был построен этот храм из прекрасного твердого белого песчаника, прекрасен он и прочен, ибо делалась работа [эта] навечно. Фасад его [был обращен] на запад, помещение (?) [сделано] из золота, колонны из золота, ворота его из серебра; были построены пилоны его, сооружены двери его и вырезано [на нем] великое имя его величества. Посажены [около] него многочисленные деревья в землю, вырыты озера [около] него вместе с домом очищения⁶, наполнен [он] принадлежностями для него из золота, серебра и меди, так что неизвестно число их. Сможет умиротвориться бог этот внутри его, сияющий и прекрасный, навечно, вознаграждая за это жизнью и могуществом появившегося на троне Гора навеки.

¹ Тронное имя Тахарки.

² Гемпатон – древнее название Кавы.

³ То есть храм был в запустении и его начало заносить землей и песком.

⁴ Семер – царский сановник.

⁵ Очевидно, речь идет о посвящении богу женщин, происходивших из рода царя.

⁶ Специальное помещение, предусмотренное в храмовом комплексе.

«Стела сна» царя Тануатамона

Надпись высечена на стеле из серого гранита, высота ее 1 м 32 см, ширина 72 см. Стела найдена в Габель Баркале и принадлежит последнему царю XXV (Кушитской или Эфиопской) династии Тануатамону. Хранится в Каирском музее.

Надпись на нижней части стелы:

Бог прекрасный, [в] день, когда совершил он выходжение, он Атум для людей, владыка короны с двумя рогами; владыка живущих, властелин, овладевший землей, властелин, могущественный рукою в день сражения, мужественный в день нападения, владыка битв, подобно Монту, великому силой, подобно Махесу, делающий праведным сердце подобно находящемуся во главе некрополя Гермополя, пересекающий море, преследуя напавших на него, достигая края концов [земли]. Овладел он землей без борьбы, нет никого кто бы поднялся для сражения с ним, о царь Верхнего и Нижнего Египта Бакара, сын Ра, Тануатамон, возлюбленный Амоном Напатским. [Это был] год, когда поднялся он в качестве царя великого и прекрасного. И увидел его величество сон ночью: двух змей, одна справа от него, другая слева [и] именно на этом его величество проснулся, но не нашел он их. [Тогда] сказал его величество: «Что же случилось со мной». Ответили ему, говоря: «Тебе будет принадлежать земля юга, будешь обладать ты землей севера, Обе Владычицы будут сиять на твоей голове, будет тебе дана земля по [всей] длине и ширине ее и никто не разделит ее с тобой». Поднялся его величество на троне Гора в этот год и совершил он выходжение из [того] места, в котором он находился, подобно выходжению Гора Хеммиса. Вышел он из своего дворца, и когда вышел он, множество [людей], собравшись вместе, окружили его. Сказал его величество: «Действительно правилен сон, и верно то, что он предсказывает; горе тем, кто не знает ее» [истины, которая открылась во сне]. Его величество отправился в Напату, и никто не противодействовал ему. Прибыл его величество в храм Амона Напатского на Чистой горе. Сделалось сердце его величества прекрасным, когда увидел он отца [своего] Амона владыку трона Обеих Земель, находящегося на Чистой горе. Был принесен от него букет цветов¹ для этого бога.

Затем его величество просил появиться Амона Напатского. Сделал он для него многочисленные подношения, пожертвовал он для него то, что полагается богу: 66 быков, пива 40 кувшинов [«аш»] и 100 страусовых перьев². Поплыл его величество к земле севера, чтобы увидеть отца [своего] Амона, чье имя тайно для богов. Прибыл его величество в Элефантину, пересек его величество реку у Элефантины и прибыл он в храм Хнума-Ра, владыки порога.

Просил он, чтобы появился этот бог, чтобы были сделаны для него многочисленные подношения. Дал он хлеб и пиво для богов пещер, откуда вытекает Нил, умиротворил он Нил в его жилище. Отправился его величество в город Фивы, владыкой которого был Амон. Когда предстал он перед ликом Фив, вошел его величество в храм Амона-Ра владыки тронов Обеих Земель. И вот пришел жрец «хемсенечур»³ вместе со жрецами «унут» храма Амона-Ра, владыки трона Обеих Земель. Принесли они для него букет цветов для Амона, чье имя тайно. Сделалось сердце его величества радостным, после того как увидел он храм этот. Молил он появиться Амона-Ра, владыку трона Обеих Земель, чтобы совершить великое празднество по всей земле. Отправился его величество, к земле севера. Запад и Восток радовались, [пели] ликующие песни, восклицали они: «Доставлен [ты] в мире, твое Ка в мире для того, чтобы дать жизнь Обейм Землям, чтобы возродить храмы, которые пришли в запустение, чтобы установить изображения богов в них в виде статуи в барке, чтобы делали ритуальные подношения богам и богиням и иывокациоипные подношения душам умерших и людям, живущим в небе⁴, чтобы поместить жреца на место его, чтобы дать вещи всякие для исполнения ритуала в храме. Те, кто [замышлял] в сердце своем сражение – радовались⁵. Ею величество прибыл в Мемфис.

Вышли сыны повстанцев, чтобы сразиться с его величеством. Великое множество из них уничтожил его величество, так что неизвестно число их [убитых]. Захватил его величество Мемфис, вошел он в храм Птаха к югу от стены его. Сделал он подношения свои Птаху Сокару, умиротворил он Сохмет согласно желанию ее. Радовалось сердце его величества из-за того, что совершил он поступки [согласно повелению] отца [своего] Амона Напатского. После этого сделал его величество распоряжение для Та-Сети, чтобы был построен для нее [для Та-Сети] новый портал храма, который не сооружался в прежние времена. Приказал его величество, чтобы был построен он из камня, облицован золотом, часть его [была бы сделана] из кедра, окурен [он] ладаном Пунта, двери его из белого золота [электра], обе петли ее из олова. Чтобы было построено для него другое помещение, выходящее наружу, чтобы получать молоко из него, от скота его многочисленного в количестве тысяч, сотен, десятков, не считая [букв.: неизвестно] числа молодняка и матерей их. После этого поплыл его величество вниз по течению, чтобы сразиться с вождями земли Севера. Спрятались они за стены свои, подобно червям в их дырах (?). Провел его величество много дней около них, но ни один из них не вышел, чтобы сразиться с его величеством. Поплыл его величество вверх по течению в Мемфис. Отдыхал его величество в своем дворце, замышляя план в сердце своем с тем, чтобы приказать прибыть армии его к крепостному валу, где они [должны находиться?]. [В то время] посланники сказали, что они пришли для того, чтобы сообщить ему следующее: «Пришли вожди к месту, где находится его величество, наш господин». Сказал его величество: «Пришли ли они, чтобы сражаться или чтобы платить дань». Клялись они в этот момент, говорили они его величеству, что пришли они с тем, чтобы служить властелину, владыке нашему. Сказал его величество: «Благословенен бог этот, августейший Амон-Ра, владыка трона Обеих Земель, находящийся на Чистой горе,

великий бог, превосходный, чье имя известно, заботливый по отношению к тем, кто любит его, дающий силу тому, его покорен ему. Не терпит поражения тот, который [действует] согласно его советам и не блуждает [идет неверной дорогой], тот которого ведет он. Так вот, [то, что] сказал он мне ночью, увидел я днем». Сказал его величество: «Где они сейчас?» Сказали его величеству: «Они там, стоят за воротами». Вышел его величество из своего дворца. Увидели его подобно восходящему Ра в горизонте. Нашел он их распростертыми на животах своих и целовавшими землю, на которую он ступил [букв.: которая была перед лицом его]. Сказал его величество: «Это была правда, верно изречение [то], что высказано и обращено ко мне. Оправдался сон и именно по повелению бога произошло это. Клянусь жизнью и любовью ко мне Ра, благосклонность ко мне Амона в его храме, что управлял я [баркой] бога этого августейшего Амона Напатского, находящегося на Чистой горе, когда поднялся он передо мной и сказал он мне: «Я тот, который поведет тебя по любой дороге и не скажешь ты: «Хотелось бы мне большего». Предскажу я тебе то, что случится утром до того, как оно [утро] наступит, буду подобен твоему хранителю, который предопределит [случившееся] с тобой, знающему правила искусства в том, что он предопределяет для того, кто не ведает своего сердца. [Итак], грядущий день принесет тебе победу».

Тогда ответили они ему, говоря: «Вот этот бог, который предсказал тебе то, что случится вначале, и который приведет тебя к концу, [будучи своим] прекрасным защитником [до того времени], пока не будет откликаться бог на слова: «О владыка, наш господин». Тогда в отвех поднялся наследный властитель Пер-Сопду Пакерер. Сказал он: «Ты умертвил тех, кого пожелал, и оставил в живых тех, кого пожелал. Нет сопротивления (?) короне (?) и двум перьям (?) Ответили они ему все вместе, сказали они: «Дай нам дыхание, о владыка жизни, не может жить тот, кто не знает тебя. Служим мы тебе как подданные [склоненные] перед силой твоей, согласно тому, что сказал ты относительно этого в первый раз в тот день, когда стал ты царем».

Сделалось сердце его величества радостным, после того как услышал он эту речь. Дал он им хлеб, пиво, вещи всякие прекрасные. И вот прошло три дня после того, как были даны прекрасные вещи для услаждения их сердец, и они сказали: «Для чего мы здесь, о владыка, наш господин?» Сказал его величество, говоря: «Действительно, почему?» Сказали они его величеству: «Отправимся мы в город наш и отдадим распоряжение мы подданным нашим с тем, чтобы принесли мы дань нашу в резиденцию». Тогда [повелел] его величество, чтобы отправлялись они в город свой и были они как подданные. Жители юга Египта будут плыть вниз по течению, жители севера вверх по течению к месту, где находится его величество, с вещами всякими прекрасными земли юга, продуктами питания земли севера, чтобы удовлетворять сердце его величества. Будет царь Верхнего и Нижнего Египта Бакара, сын Ра Тануатамон, – да будет он жив, благополучен и здоров, – возвеличен на троне Гора навечно.

¹ Это подношение растений, символизирующих долгую жизнь. Смысл строк заключается в намерении царя сделать дар богу, с тем чтобы тот даровал ему долгую жизнь.

² Возможен также и другой перевод этой строки: «...пива 40 кувшинов «аш» и 100 кувшинов «шу».

³ Титул жреца в позднее время, в частности титул жреца Амона.

⁴ Возможно, обожествленным предкам.

⁵ Эта строка позволяет предположить, что Тануатамон отправился на север в надежде собрать силы для борьбы с Ассирией и сокрушить мятежников, восставших против его власти.

1.2. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ МЕСОПОТАМИЯ

Сказание о Саргоне

Саргон Древний – царь Аккаде, царь Аккада и Шумера, правил приблизительно в 2316-2261 гг. до н. э.), основатель династии Аккада.

Поэма, посвященная Саргону Великому, по всей видимости, датируется концом II тыс. до н.э. Сохранились только отдельные фрагменты.

Я – Шаррукен, царь могучий, царь Аккада,
Мать моя – жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой – Ацупирану, что лежит на берегах Евфрата.
Понесла меня мать моя, жрица, родила меня в тайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолоу,

Бросила в реку, что меня не затопила.
 Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
 Акки, водонос, багром меня поднял,
 Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
 Акки, водонос, меня садовником сделал.
 Когда садовником был я, – Иштар меня полюбила,
 И пятьдесят четыре года на царстве был я.
 Людьюми черноголовыми я владел и правил,
 Могучие горы топорами медными сравнял я,
 Я поднимался на высокие горы,
 Преодолевал я низкие горы,
 Страну морскую трижды осаждал я.
 Дильмун победил я...
 В Дуранки великий я вошел и поселился,
 ... изменил...
 Кто из царей, что поднимутся после,
 После меня на царстве будет,
 Людьюми черноголовыми да владеет и правит,
 Могучие горы топорами медными да сравняет,
 Да поднимется на высокие горы,
 Страну морскую трижды да осадит,
 Дильмун победит...
 В Дуранки великий да войдет, да...
 ...из моего города Аккада...

Завоевательные походы Саргона Древнего (Надписи на табличках)

Аккадское государство возникло в результате завоевательных походов Саргона Древнего, который объединил под своей властью земли шумеров и аккадцев, включив в свои владения все номы Древней Месопотамии и ряд соседних территорий.

1

Саргон, царь Аккаде, машким Инанны, царь Киша, гуда-жрец Ана, царь Страны, великий энси Энлиля, разорил город Урук, разрушил его стены; бился с мужами Урука, покорил их; бился с Лугальзагеси, царём Урука, взял его в плен [и] доставил его в шейных колодках к воротам Энлиля.

Саргон, царь Аккада, бился с мужами Ура, покорил их, покорил их, разорил их город [и] разрушил его стены; разорил Э-Нинмар, разрушил его стены, разорил его территорию от Лагаша до моря, омыл своё оружие в море; дрался с мужами Уммы, покорил их, разорил их город [и] разрушил его стены.

Саргону, царю Страны, Энлиль не дал равных; [действительно] Энлиль даровал ему всю территорию от моря наверху до моря внизу. Аккадцы (дословно „сыны Аккаде“) получили энство [повсюду] от нижнего моря и выше. Мужа Мари [и] мужа Элама служили Саргону, царю Страны [как своему господину].

Саргон, царь Страны, восстановил Киш [и] дал этот город им [людям Киша], в качестве места жительства.

Кто когда-либо разрушит эту надпись – пусть Уту выбьет [из-под] него основу; пусть лишит его семени.

2

Саргон, царь Киша, одержал победу [над городами] в тридцати четырёх сражениях до самого моря [и] разрушил их стены. Он заставил суда из Мелуххи, суда из Магана [и] суда из Дильмуна причалить в бухте Аккаде.

Саргон, царь, простёрся перед Даганом [и] вознёс ему молитву; [и] он [Даган] даровал ему верхнюю землю, [а именно] Мари, Ярмути [и] Иблу, вплоть до Кедрового леса [и] до Серебряной горы.

Саргон, царь, которому Энлиль не позволил иметь равных, – 5400 воинов ежедневно едят перед ним хлеб.

Кто когда-либо сотрёт эту надпись – пусть Ан сотрёт его имя; пусть Энлиль лишит его семени; пусть Инанна ...

Вторжение гутиев (Из шумерийского гимна богу Нинибу)

Гутии (кутии) – в древности народ, проживавший в районе Загроса и за его пределами (в юго-западной части современного Ирана). В XXII веке до н.э. контролировали значительную часть Месопотамии.

Около 2200 г. до н.э. верховный вождь гутиев Эрридуписир разбил аккадского царя Нарам-Сина, сумел завладеть городом Ниппуром и принял царский титул. В следующие годы аккадцы с успехом отбивали нашествия гутиев. Два преемника Эрридуписира потерпели от аккадцев серьезные поражения. Однако, вскоре гутии вновь стали одерживать одну победу за другой и сумели завладеть почти всем Междуречьем. В шумерийских и семитских надписях того времени красноречиво описываются бедствия, причиненные стране.

Страна в руках жестоких врагов.
Боги увезены в плен.
Население отягчено повинностями и налогами.
Каналы и арыки запущены.
Тигр перестал быть судоходным.
Поля не орошаются.
Поля не дают урожая.

Из надписей царей Аккада

Древняя копия надписей со статуй, стоявших в Экуре – общешумерском святилище Энлиля в Ниппуре. Глиняная табличка, ок. 2000 г. до н.э. Эти тексты доказывают, что объединение Двуречья под властью царей Аккада было весьма непрочным. Преемникам Саргона Аккадского приходилось подавлять бесконечные восстания, главным образом в Шумере.

(Надпись Римуша на аккадском языке. Лакуны частично восполнены на другой надписи:)

Римуш¹, царь вселенной, в битве Ур² и Убме³ поверг и 8040 мужей уложил; 5460 пленных захватила его рука; и Какуга, царя Ура, захватила его рука; и (всех) его энси (патеси) захватила его рука; и [...] захватила его рука; и до самого Нижнего моря⁴..., и 5700 мужей из городов Шумера он вывел и на гибель отдал (?), и города их он поверг, и стены их он разрушил.

Когда при возвращении его город Казаллу⁵ возмутился, он поверг...

(Конец отбит. Следует еще несколько плохо сохранившихся надписей Римуша. Затем еще одна его же аккадская надпись:)

Римуш, царь вселенной, в битве с Казаллу, 12 650 мужей уложил, 5 864 пленных захватила его рука; и [в] области Элама [все] города захватила его рука; и стены их он разрушил.

(Надпись Римуша на аккадском языке.)

Римуш, царь вселенной, в битве поразил Абалгамаша, царя Барахси⁶, и Сидгау, наместника его, захватила его рука; и... гаву, наместника За[бшали?], захватила его рука. Между Аваном⁷ и Сузами⁸ на реках... и... на каменные глыбы (?) города их он развалил; и города Элама он поверг и стены их разрушил; и корень Барахси из племени Элама он исторг; так Римуш, царь вселенной, Эламом овладел и [для?] Энлиля его удержал (?), Уту⁹ и Забабе¹⁰... он подарил (??).

¹ Сын и преемник основателя Аккадской династии Саргона (Шаррукина).

² Один из крупнейших шумерийских городов, расположенный на берегу Персидского залива (совр. Мукайяр).

³ Убме (или Умма) – город на северо-востоке от Лагаша (совр. Иоха. неправильно Джоха).

⁴ Персидского залива.

⁵ Местоположение неизвестно.

⁶ Область в Эламе.

⁷ Город в Эламе.

⁸ Столица Элама, на р. Унне (совр. Керха).

⁹ Уту – шумерийский бог солнца, соответствует семитическому Шамаиугу.

¹⁰ Бог войны. Главный центр культа – г. Киш.

Переписка из архива Мари

Древний город Мари (совр. Телль-Харири на Среднем Евфрате) знаменит своим царским архивом, насчитывающим более 30 тыс. клинописных документов, из которых к настоящему времени издано около одной десятой части. Хронологически большинство текстов относится ко времени правления ассирийских царей Шамши-Адада I и Ишме-Дагана, когда Мари входил в состав Ассирии, а также последнего царя Мари Зимрилима.

В приведенных ниже письмах содержится ценная для информации о процедуре набора воинов в армию, ее организационной структуре (1) и технической оснащенности (в письме 2 упоминаются, возможно впервые в истории, осадные башни и тараны), о суровых наказаниях за самовольное присвоение добычи (3) и уклонение от участия в походе (4).

1

[Письмо Шамши-Адда Ясмах-Ададу, правителю Мари.] Ясмах-[Ададу] скажи, говорит Шамши-Адад, твой отец, Ярим-Адад, написал мне следующее: «Кочевых ханеев я проверил и две тысячи человек, которые с Ясмах-Ададом пойдут в поход, отобрал. И все эти люди на табличке записаны», – это он мне написал. К двум тысячам кочевых ханеев, которые с тобой пойдут, и ты три тысячи человек прибавь (?). Это письмо Лаум¹ и рабы, твои придворные, в твоём присутствии пусть услышат и на это обратят внимание.

Люди твоего округа в течение многих дней не учитывались (?), и день учета (?) откладывали. Так как теперь учесть (?) людей ты не сможешь, учти (?) людей при своём возвращении [из похода]. Замену пропажи и смерти прикажи выставить.

Люди, сколько с тобой пойдут, поименно на табличке пусть будут записаны. Хорошо пусть будет сделан отбор.

Одну [тысячу человек] среди ... собери; одну тысячу [человек] среди ханеев ... собери; шестьсот человек среди жителей поселений Убрабу, Яриху, Яхруру и Амнану собери. Там двести, там триста человек, смотря по обстоятельствам, собери [в отряды по] пятьсот человек объедини...

2

[Письмо Ишме-Дагана Ясмах-Ададу.] [Ясмах]-Ададу скажи, [говорит] Ишме-Даган, твой брат. [После] того как города Таррум, Хатку и Шуыхум я захватил, на город Хурара я двинулся. Этот город я окружил, осадные башни и тараны поставил и на седьмой день этот город захватил. Будь счастлив!

3

[Письмо военачальника Самадахума Ясмах-Ададу.] Моему господину скажи, говорит Самадахум, твой раб. Когда поселение Цибат ... захватили, объявили о походе моего господина на [город] Кабару, и [поэтому] рабов, [захваченных в] поселении Цибат, к господину моему я не пригнал. Я сказал: «Когда мой господин в страну свою вернется, долю моего господина я пригоню». Теперь четырех рабов, долю моего господина, я послал. И может быть мой господин так скажет: «Мой раб большую добычу взял». Командирам отрядов и помощникам командиров отрядов я так приказал: «Мою долю, часть ... отдайте мне ...». Три [дня], четыре дня я ждал... . Командиры отрядов, чтобы умножить добычу в своих руках, а мне ничего не дать, на пятый день привели ко мне шесть рабов, принадлежащих воинам-редумам. Прежним хозяевам я приказал их вернуть. Я созвал командиров отрядов, помощников командиров отрядов, десятских и старших воинов. Я отдал такой приказ: «Вместе с частью [добычи] моего господина и мою [долю] вы не отдали. Табу богов Дагана и Итурмера, табу Шамши-Адада и Ясмах-Адада² нарушил [тот из] великих амурру³, писцов амуру командиров отрядов и помощников командиров отрядов, кто присвоил [букв.: удержал] добычу воинов». Своими устами и [устаами] командиров отрядов клятву царем я произнес, и добыча воинов-редумов не была присвоена. Не прошло и десяти дней после моего приказа, пришло письмо твоего отца со словами: «Мое табу нарушил тот из моих рабов, кто добычу воинов-редумов забрал»⁴. Это дело мой господин должен расследовать.

4

[Письмо правителя города Мари Бахдилама Зимрилиму.] Моему господину скажи, говорит Бахдилим, твой раб. В течение пяти дней после назначенного срока я ждал ханеев, а люди не собираются. [Между тем] ханеи из степи прибыли и находятся в поселениях». Один раз, два раза я написал в поселения; их созывали, а они не собрались. Прошло еще три дня, а они не собираются. Теперь, если мой господин пожелает, преступника в тюрьме пусть казнят, его голову отсекут и между поселениями, вплоть до Хунум и Аппана, пронесут. После того как люди испугаются, они быстро соберутся ко мне [и по] спешному делу, [о котором] уведомил меня мой господин, они сразу же отправятся в поход.

¹ Военачальник при дворе правителя Мари.

² Табу – здесь привилегии, установленные для богов Дагана и Итурмера, а также для правителей Шамши-Адада и Ясмах-Адада.

³ Амурру – первоначально племенная аристократия; с образованием государства – высокие чины в гражданской и военной администрации.

⁴ Виновные в нарушении табу карались смертной казнью.

Дипломатическая переписка царя Мари с царем Вавилонии

Ниже приводятся отрывки из дипломатической переписки царя Мари Зимрилима с вавилонским царем Хаммурапи, царями и правителями Элама, Ларсы, Эшнунны и др.

1

(Ярим-Адад, посол Зимрилима в Вавилоне, докладывает царю о неудачной попытке правителя Элама заключить тайные военные союзы с Хаммурапи и РимСином.)

В конце письма Ярим-Адад сообщает о встречах с послами из Элама.)

«Моему господину скажи: говорит Ярим-Адад, твой раб. Правитель Элама так написал Хаммурапи: «На Ларсу я собираюсь напасть. Мобилизуй свое отборное войско, обоз и своих союзников. Пусть они будут готовы», – это правитель Элама написал Хаммурапи. Тот ему так ответил: «Как только ты мне написал, мое

войско собралось, оно ждет начала твоего выступления. Когда ты выступишь, мое войско к тебе придет», – это он ему ответил.

И точно так же, как правитель Элама написал Хаммурапи, он написал РимСину: «На Вавилон я собираюсь напасть. Мобилизуй свое отборное войско, обоз и своих надежных союзников. Пусть они будут готовы», – это правитель Элама написал РимСину.

Письмо, которое правитель Элама отправил РимСину, именно это письмо РимСин переслал Хаммурапи. И Хаммурапи такое же письмо, которое правитель Элама ему отправил, переслал РимСину.

Известия от РимСина регулярно поступали к Хаммурапи. Известия от Хаммурапи регулярно поступали к РимСину.

Другое. Послы правителя Элама постоянно бывают у Хаммурапи. В первый же день они получают аудиенцию, а на второй день он (Хаммурапи) отправляет их обратно. Когда они прибывают, в дворцовых воротах я подхожу и с ними вижусь. Я расспрашиваю (их) о благополучии правителя Элама и так им говорю: «Из-за того, что мой господин в своих отношениях к правителю Элама, моему отцу, был всегда благосклонным, с правителем Элама, своим отцом, поддерживал добрые связи, уже долгое время меня здесь задерживают. Мой господин меня отозвал (из Вавилона), а он (Хаммурапи) меня не отпускает. После того, как я вас вижу, ни от кого, другого помощи я не прошу», – это я им говорю. Это мой господин пусть знает».

2

(Автор письма и адресат те же. Письмо состоит из трех частей.

В первой части письма сообщается о подготовке текста мирного договора между правителем города Эшнунны и Хаммурапи.

Во второй части говорится о военных столкновениях между РимСинем и вавилонским царем. Хаммурапи заключил мир с городом Малыумом и прервал добрососедские отношения с городом Дером.

В последней части перечисляются дары, которые Хаммурапи прислал Атамуму, правителю города Андарики, согласившемуся на военный союз с Вавилоном.)

«Относительно новостей о правителе города Эшнунны.

Когда Хаммурапи находился в городе Борсиппе, к нему прибыли послы правителя Эшнунны, но с ним не виделись. На другой день они получили у него аудиенцию. Он их заставил ждать. Ответ на их послание он им вручил и (своих послов) вместе с ними отправил обратно.

Из их рук он принял малую табличку. На этой табличке правителя Эшнунны излагаются его условия мирного договора. Здесь же Хаммурапи излагает свои условия мирного договора. После того как на малой табличке они изложили свои условия мирного договора, Хаммурапи отправит правителю Эшнунны большую таблицу, таблицу с окончательным текстом договора, и правитель Эшнунны клятву Богом произнесет. Правитель Эшнунны так же отправит Хаммурапи большую таблицу, таблицу с окончательным текстом договора.

Они заключают между собой договор. Договор между Хаммурапи и правителем Эшнунны или уже заключен, или его содержание еще только обсуждается.

Относительно новостей о РимСине, царе города Ларсы.

Его прежние намерения ни в чем не изменились. Он продолжал враждовать с Хаммурапи. Его отряды постоянно вторгаются в страну Хаммурапи, они грабят, уводят пленных.

Послы РимСина совсем не приходили в Вавилон.

Послы Эпик-Эштар, царя города Малыума, регулярно прибывали к Хаммурапи. И послы Хаммурапи регулярно прибывали к нему. Между ними заключен мир.

Послы Варасса, царя города Дера, до сих пор к Хаммурапи не прибыли. И послы Хаммурапи к нему не отправлялись.

Атамум так написал Хаммурапи: «(Два посла), рабы моего отца, ко мне прибыли и послание моего отца доставили. К посланию, которое мой отец прислал, я отнесся с большим почтением. Посылку, которую мой отец мне прислал – ткани, одеяние, головной убор, кресло и прочее, – в руках послов я увидел и очень обрадовался. В ткани и одеяние я облачился, в кресло, которое мой отец прислал, я сел. О моем отце молюсь.

Относительно таблички, которую мой отец прислал. На этой табличке так записано: «Враждуй с моими врагами, дружи с моими друзьями», – это мой отец мне написал».

3.

(Из донесений эмиссаров Зимрилама при дворе Хаммурапи.)

А) «Хаммурапи в помощь Эпик-Эштару, царю города Малыума, отправил два таланта серебра и 70 гуров зерна. Эпик-Эштар (сразу же) заключил с Хаммурапи мирный договор. Это мой господин пусть знает.

И относительно малой таблички с текстом мирного договора, которую раньше Хаммурапи приказал отправить Цилли-Сину, царю Эшнунны. Цилли-Син не решился ответить отказом и ничего в своем договоре с Хаммурапи не изменит».

Б) «РимСин так написал Хаммурапи: "Мое войско в моей стране собралось. И твое войско в твоей стране пусть соберется. Если враг на тебя нападет, мое войско и мои корабли к тебе придут. А если враг нападет на меня, твое войско и твои корабли ко мне придут", – это РимСин написал Хаммурапи».

В) «Если враг на тебя нападет, мое войско придет к тебе на помощь. А если враг на меня нападет, твое войско придет ко мне на помощь», – это РимСин написал Хаммурапи».

Г) «О содержании письма Хаммурапи, царя Вавилона, которое пришло моему господину. Видит ли мой господин, что в письме Хаммурапи лишнее и что в его словах скрыто? Мой господин разве не знает, что Хаммурапи, царь Вавилона, хочет заключить мир с моим господином?»

Д) «Я прибыл в Вавилон и послание, которое мой господин мне вручил, передал Хаммурапи. Он очень обрадовался и так сказал: "Эти слова Зимрилим написал по подсказке Бога. После этого я, Зимрилим и Ишме-Даган сразу заключим мир"... На другой день я ему передал табличку с текстом мирного договора, которую мой господин мне вручил. Эту табличку он услышал».

Е) (События происходят на границе между царством Мари и Ассирией. Зимрилиму доносят о переговорах между Ашкур-Ададом, правителем города Карана, и Атамруром, правителем города Андарики, с ассирийским царем Ишме-Даганом. Ашкур-Адад собирается подарить Ишме-Дагану свой город Каттара. Против договора с ассирийцами выступил Куккутанум, военачальник Ашкур-Адада. О дальнейшей судьбе Куккутанума рассказывается в двух письмах.)

«Военачальник Куккутанум вместе с евнухом Какийей ... пришел к (своему) господину. Тут же после его прибытия Какия перед своим господином обвинил его в клевете. (Куккутанума) наказали, лишили воинского титула и так ему сказали: "Уходи! Живи в своем доме!"

Наступило пятое число месяца Лиллиятум. Войско решило устроить сходку в городе Каттара. Как только войско собралось, Куккутанум из своего города вышел, явился на войсковую сходку и перед войском свое недовольство выразил так: «Из-за того, что я сказал (правителю): «Почему территорию ... города Карана ... ты решил отдать Ишме-Дагану?», – он обвинил меня в клевете. Меня лишили воинского титула! Он думает о том, как меня погубить!», – это и многое другое на войсковой сходке сказал Куккутанум.

Настроение войска изменилось. И (даже) мушкенумы призывали к восстанию против (правителя) ... Прибывшего в Каттара на войсковую сходку Какия убили. И (даже) мушкенумы перешли на сторону Куккутанума. Решили захватить город Каттара. Если бы не (остальное) войско правителя, Каттара был бы захвачен. Вся страна Ашкур-Адада восстала. Множество воинов перешло на сторону Куккутанума. (Затем повстанцы) увидели, что войска (правителя) продолжают удерживать города Карана и Каттара и что они ничего не могут сделать... Куккутанум исчез...

Шестого числа страна восстала. Одиннадцатого числа страна успокоилась.

Куккутанум, который устроил смуту в стране и исчез, бежал к Атамруму. Как только Ашкур-Адад узнал о том, что этот человек прибыл в город Андарики, Атамруму он так написал: "Этот человек преступник, свяжи и ко мне его пригони", – это он написал. Атамрум ответил так: "Пятерых моих рабов преступников, которые в твоём городе у тебя находятся, свяжи и ко мне пригони. Тогда и я пригоню к тебе Куккутанума". Как только Атамрум это сообщение прислал, пятерых человек, которых потребовал Атамрум, ночью связали и к Атамруму пригнали. И Куккутанума, наказав плетью, Атамрум пригнал к Ашкур-Ададу. Сразу же после доставки этого человека на его руки надели деревянные наручники и острием стрелы казнили».

Переписка вавилонских царей с египетскими фараонами

В 1888 г. близ деревушки Телль-эль-Амарны (на месте, где в конце XV в. до н. э. находилась столица фараона-реформатора Эхнатона – Ахетатон) было найдено несколько сот глиняных таблечек, покрытых клинообразными надписями. Они были приобретены частью Каирским, частью Берлинским и Британским музеями. Несколько таблечек удалось купить русскому исследователю В.С. Голенищеву, и они в настоящее время находятся в Москве (в Государственном музее изобразительных искусств). При изучении найденных таблечек выяснилось, что это часть государственного архива фараонов Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV (Эхнатона).

Телль-амарнские письма являются ценнейшими источниками по истории международных отношений и дипломатии в древнем мире. Почти все они написаны на вавилонском языке, который был в ту эпоху общепринятым языком для дипломатической переписки. В Телль-амарнском архиве имеются письма вавилонского, хеттского, митанийского, ассирийского царей, подвластных фараону царьков Палестины, Финикии и Сирии, а также ответные письма египетских владык. Сохранность большинства текстов хорошая. Ниже приводятся три документа из переписки фараонов с вавилонскими царями.

І. ПИСЬМО ФАРАОНА АМЕНХОТЕПА III¹ ЦАРЮ ВАВИЛОНА

Кадашман-Харбе², царю Кардуниаша³, моему брату, скажи – так говорит Нибмуариа⁴, царь великий, царь Египта, твой брат. Предо мной благополучие, пусть пред тобой будет благополучие! Твой дом, твои жены, твои дети, твои вельможи, твои кони, твои колесницы в странах твоих да будут очень благополучны. Я благополучен, мой дом, мои жены, мои дети, мои вельможи, кони, колесницы, воины премного благополучны, и в странах моих очень благополучно.

Теперь я слышу [эти] слова, которые ты писал мне: «Вот ты ищешь мою дочь в жены себе, а сестра моя, которую дал тебе отец мой, – там у тебя, и никто ее не видел ныне – жива ли она или умерла». Вот твои слова. А разве ты когда-нибудь посылал «камиру»⁵, которой знал бы твою сестру и мог бы говорить с ней и обновил бы знакомство с ней? – и пусть бы он говорил с ней. Люди, которых ты посылаешь – далекие люди (т. е. тебе): [один – слуга (?)] Закары, другой – погонщик ослов [из стр]аны [...]; нет среди них ни одного, который [был бы

(?) близок к твоему отцу и [...] уже [хотя бы] гонцы, [котор]ые е[сть] у тебя и [пусть бы?] она сказала [им]. (Следует пропуск...) для ее матери.

И когда ты писал, говоря следующее: «Ты говорил моим гонцам, когда твои жены были собраны и стояли перед тобой: «смотри[те], [вот] ваша госпожа, что стоит перед вами», – а гонцы мои не узнали ее. Сестра ли это моя, что [находится] у тебя?» – и еще ты писал: «не узнали ее мои гонцы», и ты говоришь, «кто ее может узнать?» – зачем же ты не пошлешь «камиру», который скажет тебе правдивое слово и такой же (?) привет от сестры твоей? И ты скажи ему, чтобы он вошел, чтобы видеть (?) ее дом и ее отношения с царем. А когда ты мне пишешь «может, это дочь какого-нибудь мушкенуб, либс какого-нибудь гагайца⁷, либо дочь ханигальбатца⁸, или, может быть, из Угарита⁹, которую видели мои гонцы? И кто скажет им — вот [это] та (?), что у тебя? Она рта не раскрыла и ничего не сказала им!» Вот твои слова. А если умерла сестра твоя – кто это станет скрывать, ...или подставит другую? [Бог] Амон [благосклонен?] к [сестре твоей, она (?) —с]естра главной жены, [...] к (?) хозяйке дома [...] одной служанки, который [...] более всех жен [...] царей Египт[а...] в Египте.

А когда ты мне писал: «Мои дочери, которые замужем за царями, которые...[...], то если [прибывают] мои гонцы туда, то говорят с ни[ми, и они пе]ресылают мне подарок»... Вот твои слова. Пожалуй, соседние с тобой цари – большие...; твои дочери получают что-нибудь у них и посылают тебе. А что [есть] у нее, у сестры твоей? (Это то,) что у меня. Если она получит что-нибудь, то я пошлю тебе [что-нибудь] хорошее, раз ты отдаешь твоих дочерей, чтобы получать добро от соседей твоих.

А когда ты мне писал, что я оставил слова отца моего, то ты не сообщаем его слов. И еще: «установи доброе братство между Нами». Вот слова, которые ты написал. А ныне мы с тобой братья – я и ты, мы оба и я высказываю жалобу на твоих гонцов, потому что они говорят перед тобой следующим образом: «Он не дает ничего нам, которые входят в страну египетскую». (Вот что я скажу) о тех, кто приходит ко мне, – вот, приходит один из них [ко мне] и взял серебра, золота, масла, тканей, все хорошее [в (?)] страну (?) чужую, а говорит неправду тому, кто послал его. Первые пришли гонцы к твоему отцу, и уста их говорят ложь; вторые пришли [и] говорят ложь тебе. И я решил: дам ли им что-нибудь или не [да]м, всегда будут говорить [л]о[жь], и установил не да[вать] им [ничего] больше.

А когда ты мне писал: «Ты сказал моим гонцам: «нет воинов у вашего господина, и некрасива девушка, что он мне дал», – вот твои слова – нет, неправду говорят тебе твои гонцы всегда. Есть ли у тебя избранные воины или нет – [это] они сообщают мне. Что я буду спрашивать, есть ли у тебя воины, есть ли у тебя кони? Да не слушай ты их, гонцов твоих, уста которых лживы! То, что ты пишешь, [происходит] таким образом (?): если они боятся тебя, то говорят ложь, чтобы спастись от руки твоей.

Когда ты сказал: «отданы мои колесницы в число колесниц городских правителей, и чужая (страна) не видела их; ты послал их в страну такую-то, и чужая (страна) не видела их». Это так, и в отношении колесниц это так; коней они потребовали у меня, всех моих коней [для] колесниц.

Когда ты мне писал чер[ез] далекого (для тебя человека, чтобы возложить елей на [гол]ову девушки, [то ведь] ты послал мне [всего] одну выдачу (?) ... масла.

(Конец не сохранился.)

II. ПИСЬМО КАДАШМАН-ХАРБЕ, ЦАРЯ ВАВИЛОНА, ФАРАОНУ АМЕНХОТЕПУ III.

[Вот] о том, что нельзя выда[ть] дочери твоей замуж, как ты писал: «Издrevле царевны египетские никому не отдаются», – зачем ты, брат мой, [говоришь так?] Ты – царь, можешь поступать], как хочешь. Если ты отдашь, кто может что-либо [сказать?].

Когда мне сказали это слово, я написал [брату моему]¹⁰ следующее: «Есть взрослые дочери и красивые женщины; пошли одну красивую женщину по т[воему выбор]у; кто сможет сказать: она не царевна? Ты же, [решив] не посылать, не послал. Разве ты не искал братства и дружбы, когда писал о браке, чтобы мы породнились между собой? И я поэтому же, ради братства и дружбы, чтобы мы породнились между собой, написал тебе о браке. Брат мой, почему оп не послал мне ни одной женщины? Пожалуй, раз ты не прислал мне женщины, то и я, подобно тебе, откажу тебе в женщине? [Но н]ет, мои дочери будут [у тебя], я не отказываю тебе в них.

(Следует, повидимому, просьба о присылке диковинных зверей.)

А относительно золота, что я писал тебе, то пошли мне много всякого золота, прежде чем гонец твой [прибудет] ко мне, теперь быстро, [еще] этим летом, будь то в [месяце] таммузе, будь то в [месяце] абе, чтобы я мог выполнить работу, которую я предпринял.

Если этим летом, в таммузе или абе, ты пришлешь мне золота, о котором я писал тебе, [то] я дам тебе мою дочь, а ты приходи в последствии (?) золота, [сколько] хочешь. А если в таммузе или абе ты не пришлешь золота и я не смогу выполнить работу, которую я предпринял, то зачем тебе в последствии (?) присылать – когда я выполняю работу, которую я предпринял и зачем мне будет желать золота? Пусть хоть 3000 талантов золота ты пришлешь, я не приму и верну тебе и дочь мою замуж не отдам за тебя.

III. ПИСЬМО БУРРАБУРИАША, ЦАРЯ ВАВИЛОНА, К ФАРАОНУ ЭХНАТОНУ

(Начало не сохранилось.)

Нибхуррири¹¹ царю Е[гипта] скажи: так говорит Буррабуриаш¹², царь Кард[ун]иаша, твой брат. Я благополучен; ты, твой дом, твои жены, твои сыновья, твои дочери, твоя страна, твои вельможи, твои кони, твои колесницы да будут очень благополучны.

С тех пор как мои предки и твои предки заключили между собой дружбу, они посылали друг другу хорошие подарки и не отказывали друг другу в хороших желаемых вещах.

Сейчас мой брат послал мне в подарок 2 мины золота, а сейчас золота много пришли, сколько [посылали] твои предки. А если [его] мало, пришли половину того, [что посылали] твои предки. Почему ты прислал [только] 2 мины золота? Сейчас я усердно предпринял многочисленные работы в храме и выполняю [их]. Пришли мне много золота, а сам ты, чего желаешь в стране моей, напиши, и пусть возьмут для тебя.

При Куригальзу¹³ предке¹⁴ моем, все ханаанейне¹⁵ писали ему: «К пределам страны [давай спусти]мся, давай восстанем, давай [с тобой] соединимся!» Предок мой написал им так: «Оставьте [мысль о] соединении со мной! Если вы желали враждовать с царем Египта, моим братом, объединитесь с [кем-нибудь] другим; разве не должен я пойти и разграбить вас, ибо он (т. е. царь Египта) соединился со мной? Предок мой не послушал их ради предка твоего. А сейчас – ассирийцев, подчиненных мне, я не посылал тебе, зачем же они по собственному решению пришли в твою страну? Если ты любишь меня, пусть они не сделают никакого дела (?) (т. е. пусть посольство будет безрезультатным), отпусти их с пустыми руками¹⁶.

В подарок тебе я послал 3 мины хорошего лазурного камня¹⁷ и 5 упряжных коней для 5 деревянных колесниц.

¹ Фараон XVIII династии.

² Кадашман-Харбе I (Кадашман-Энлиль) – вавилонский царь Касситской династии, правивший во второй половине XV в.

³ Первоначально так называлась южная часть Вавилонии, примыкавшая к Персидскому заливу. В Касситский период это наименование стало применяться для обозначения всей Вавилонии.

⁴ Вавилонская переделка тронного имени Аменхотепа III – Неб-Мад-Ра, означающего «Владыка правды Ра».

⁵ Название должности, скорее всего – придворной.

⁶ Мушкену.

⁷ Возможно, сокращенная форма хеттского Каш-Каш (так назывался воинственный народ обитавшим на южном берегу Черного моря). Этот этнический термин считают прототипом наименования Кавказ, а также сопоставляют с библейским Магог (обозначение скифов).

⁸ Страна Ханигальбат находилась в северо-западной части Двуречья. В состав ее входили Митанни и Хурри.

⁹ Финикийское государство-город (ныне Рас-шамра).

¹⁰ То есть тебе.

¹¹ Вавилонская переделка тронного имени Эхнатона – Нюфер-Хепру-Ра («Прекрасны образы Ра»).

¹² Вавилонский царь, сын и преемник Кадашман-Харбе, правивший в конце XV и начале XIV в. до н. э.

¹³ Куригальзу – вавилонский царь, предшественник Кадашман-Харбе, правивший в середине XV в.

¹⁴ Здесь и далее буквально – отец.

¹⁵ Население Ханаана (Палестины), покоренное египетскими фараонами Тутмосом I и Тутмосом III.

¹⁶ Несмотря на эти протесты и просьбы, Эхнатон продолжал дружественную переписку с царем Ассирии Ашшур-убаллитом.

¹⁷ Имеется в виду лазурит (ляпис-лазурь), минерал синего цвета, привозившийся в Двуречье из южной Согдианы (ныне Таджикистан) и Бактрии (ныне Афганистан) и служивший материалом для художественных изделий. Ввиду редкости и дороговизны этого камня вавилонские и ассирийские мастера часто изготавливали искусственный ляпис-лазурь (сохранились соответствующие рецепты).

Из вавилонско-египетской корреспонденции Амарнского архива

При Касситской династии (1595 – 1157 гг. до н. э.) Вавилония достигла наиболее прочного и значительного могущества за всю свою историю. Она на равных выдерживала борьбу с молодой Среднеассирийской империей, заставляла считаться с собой Египет, вызывала заинтересованность в союзе у хеттов. Неслучайно официальное название касситской державы – «Кар(а)дуниаш» – еще и в I тыс. до н. э. сохранялось в аккадском языке в качестве привычного обозначения Вавилонии, по существу и возникшей как единое территориальное целое только при касситских царях. Приведенные ниже тексты демонстрируют место Касситской Вавилонии в сложном балансе сил Позднебронзового века.

Ряд документов переписки вавилонских царей Кадашман-Эллиля I (ок. 1375-1360 гг. до н. э.) и Бурна-Буриаша II (ок. 1376-1347 гг. до н. э.) с египетскими фараонами Аменхотепом III (ок. 1388 -1351 гг. до н. э.) и Эхнатоном (ок. 1353 -1336 гг. до н. э.) сохранился в архиве последнего в Телль эль-Амарне (Ахетатоне).

Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III¹.

Вот ты хочешь мою дочь себе в жены, а моя сестра, которую отдал (за) тебя мой отец², (еще) находится при тебе, но никто не видел ее теперь, жива ли она, или нет... Ты говорил моим послан, – а твои жены стояли перед тобой, (собранные все) вместе: «Смотрите-де на вашу госпожу, что стоит перед вами!» – но мои послы не признали ее. (Разве) эта, которая так (выглядит), моя сестра? Не знали ее мои послы, и кто, воистину, ее знает? Может, она дочь ничтожества (доел, «мушкенума»), или дочь ка(с)кейца, или дочь ханигальбатца, или она, в самом деле, из страны Угарит – та, которую видели мои послы?³ Кто же сказал бы им, (что) это – та (самая)? (Ведь) она не раскрыла рта, и ничего им не сказала!⁴... Мои дочери, что замужем за со[седними] царями, – если мои послы появляются там, то они (послы) говорят с ними, и они (дочери) посылают мне дары! А та (моя родственница), что с тобой, – [нет]!⁵ ...Установи доброе братство между нами! ...Ты сказал моим послан: «(Разве)-де у вашего господина нет воинов?» и «Девушка, которую он дал нам, нехороша!»⁷ ...Ты (доел, «он», т. е. «мой брат») распределил мои колесницы среди колесниц (своих вассальных) градоначальников, ты на них и

не глянул (доел, «не посмотрел на них сбоку»). Ты отправил их в распоряжение (властей) соответствующей страны, ты на них и не глянул!⁸

Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III.

Что до девушки, моей дочери, о которой ты написал, чтобы взять ее в жены – она выросла (и) созрела для мужа. Присылай, чтобы (ее) привезли. Прежде, когда мой отец послал к тебе посла, ты не задерживал его на много дней, но дал ему спешно вернуться, и ты прислал моему отцу прекрасный дар. Теперь (же), когда я прислал к тебе моего посла, ты удерживаешь его шестой год, и за шесть лет ты прислал мне (всего) 30 мин золота, которое, как серебро⁹.

Из письма Кадашман-Эллиля Аменхотепу III.

Смотри, когда ты, брат мой, не давая свою дочь мне в жены, отписал мне так: «Издравле дочь царя страны Мицри не дается (в жены) никому!» – почему ты [так говоришь]? Ты царь, ты поступаешь по своему сердцу. Если ты дашь, кто скажет что-либо? Когда мне передали это слово, я написал моему брату следующим образом: «(Ведь) есть взрослые дочери и прекрасные женщины. Какую-нибудь прекрасную женщину по своему сердцу, ее (и) пришли! Кто скажет: «Она-де не дочь царя?» Ты же, чтобы (только) не присылать, не прислал ее. Ты, (видно), не искал братства и дружбы, когда написал о (намерении) жениться, для сближения между нами? И я ради этого же, ради братства и дружбы, ради сближения между нами написал тебе о (намерении) жениться. Почему брат мой (и) одной женщины не прислал? В самом деле, ты не прислал (и) одной женщины! (Может), и я, как ты, откажу тебе в жене? Нет! Вот мои дочери, я не откажу тебе (ни в одной). (...) Если в этот урожай, в таммузе или абе, ты пришлешь золота, о котором я писал, (то) я отдам тебе мою дочь, а ты на радость (мне) пришлешь золота по своему сердцу. А если ты не пришлешь золота в таммузе или абе, (и) я не сделаю (с использованием его) работу, которую я предпринял, то за какой радостью ты (вообще) его пришлешь? После того, как я завершу работу, которую предпринял, зачем мне желать золота? Воистину, и 3 тысячи талантов золота я тогда не приму, (а) отошлю к тебе обратно, и я не дам тебе в жены моей дочери.

Из письма Бурнабуриаша II¹⁰ Аменхотепу III.

Ниммуварее, [царю страны Мицри], моему брату, скажи: так говорит Буррабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, с твоими женами, твоими сыновьями, твоей страной, твоими вельможами, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

Как прежде ты и мой отец были в дружбе друг с другом, так теперь я и ты друг с другом! Между нами никакого иного дела не возникнет! Чего ты в моей стране ни пожелаешь, напиши, пусть доставят тебе. И чего я ни желаю в твоей стране, да напишу я, и пусть доставят мне.

[Смотри, NN, я послал к моему брату]. Он передаст тебе [мой привет]. Напиши же, что[бы он мог отвезти мне твой привет]. А в дар [для тебя я послал...]¹¹ – я по[слал тебе в подарок.]

Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону.

Нипхуррири, царю страны Мицри, скажи: так говорит Буррабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, с твоим домом, твоими женами, твоими сыновьями, твоей страной, твоими вельможами, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

С тех пор, как мои отцы и твои отцы¹² установили между собой дружбу, они посылали друг другу прекрасные подарки и не отказывали друг другу ни в какой доброй просьбе. Теперь мой брат прислал (всего) две мины золота в подарок. Теперь, вот, если золота в изобилии, пришли мне (столько же), сколько твои отцы, а если его мало, пришли половину от того, что (посылали) твои отцы. Почему ты прислал (всего) две мины золота? Теперь, так как моя работа в доме бога велика, пришли много золота. И ты, чего ни пожелаешь в моей стране, напиши, чтобы (это) доставили тебе.

При Куригальзу, моем (пра)отце, кинахайцы, все вместе написали ему так: «На границу страны мы пойдем и взбунтуемся, и с тобой заключим союз». Мой (пра)отец написал им следующее: «Бросьте-де искать союза со мной! Если вы поведете вражду с царем страны Мицри, моим братом, и захотите присоединиться к кому-либо другому, не приду ли я и не разорю вас, ибо он в союзе со мной?» Мой (пра)отец ради твоего отца их не послушал! Теперь, вот ашшурцы, мои подручники¹³ – (разве) я не сообщил тебе, каково их намерение? Почему они пришли в твою страну? Если ты любишь меня, (пусть) они не осуществят никакого дела. Отправь их с пустыми руками!

В подарок тебе я послал три мины прекрасного лазурита и пять упряжек коней при 5 деревянных колесницах.

Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону¹⁴.

Со (времени) Караиндаша¹⁵, с тех пор как послы твоих отцов¹⁶ пришли к моим отцам, и доныне они были в дружбе. Теперь я и ты, мы в дружбе. Твои послы приходили уже три раза, но ты не прислал какого-либо прекрасного дара. И я тоже не слал тебе какого-либо прекрасного дара. (В результате) мне не (досталось) ничего ценного, и тебе не (досталось) ничего ценного. Твой посол, которого ты прислал, – 20 мин золота, что он привез, были неполны, и когда (их) положили в плавильную печь, не вышло и 5 мин. [Все], что вышло, в точности (доел, «в подобии»), представлено на наш разбор. (...) И в-третьих, пусть знатоки, что состоят при тебе, изготовят (чучела) зверей, и земных, и водных, словно они живые, пусть сделают шкуру, как если бы они были живыми! Пусть твой посол доставит (их)! Но если (все), какие есть, постарели, то, когда Шиндишугаб,

мой посол, достигнет тебя, тогда пусть он немедленно, спешно возьмет колесницы и прибудет ко мне. И пусть на будущее сделают новые (чучела), и когда мой или твой посол поедет, пусть они доставляют (чучела) вместе.

В подарок тебе я послал две мины лазурита, а что до твоей дочери Майати, так как я услышал (о ней), я послал ей в подарок для нее одно ожерелье из лазуритовых колец (с нарезанными) печатями – всего 1048. И если твой посол [прибудет] с Шиндишугабом, я сделаю ... и при[шлю ей].

Из письма Бурнабуриаша II Эхнатону.

Напхурурии, царю страны Мицри, моему брату, скажи. Так говорит Бурнабуриаш, царь страны Карадуниаш, твой брат. Со мной (все) благополучно. С тобой, твоими женами, твоим домом, твоими сыновьями, твоими конями, твоими колесницами пусть будет очень благополучно!

(Что до) жалобы [от(?) по поводу (жены)(?)] твоего отца, – я отправил Ху'а, (моего) посла, и ..., толмача. Я написал [следующее]: «Царскую дочь, которую..., доставили. Другую [тебе?] да доставят!» ...Хамассэ, твоего посла, и [Михуни, толмача], ты послал, (говоря): «...[от? по поводу (жены)?] отца моего жалоба...! эти слова... эта женщина... от мора уме[рла]...». Я отписал: «Женщину-де эту [доставят тебе]!»¹⁷ [Когда] я показал [мою дочь] Хамассэ, твоему послу, и Михуни, толмачу, они возлили масло на голову [моей] дочери¹⁸. Но она, которую доставят к тебе, – кто доставит ее? С Хаа¹⁹ (всего) пять колесниц. С пятью колесницами они доставят ее к тебе? Отправляю ли я ее к тебе из моего дома при таких обстоятельствах (доел, «теперь же»)? [Да не] скажут цари – мои соседи: «Дочь-де великого царя привезли в страну Мицри (всего) при пяти колесницах!».

Когда [дочь моего отца?] доставили к твоему отцу, твой [посол]²⁰ и три тысячи воинов при нем [сопровождали ее]. [Может быть,] я (сам) пойду [доставлять ее?]. Мой отец... Если старые закончены, пришли их быстро. Если старых нет, пусть сделают новые²¹. Пошли Цалму, купца²²! Если Цалму-купец (уже) отправился, тогда пусть твой посол, который (должен будет) отправиться, доставит их! Пусть деревья будут сделаны из слоновой кости и раскрашены! Пусть полевые растения, подходящие одно к другому, будут сделаны из слоновой кости и раскрашены, и пусть их доставят!

Что до Хаа, твоего вельможи, которого ты прислал, – колесниц и воинов, что с ним, мало. Пришли много колесниц и воинов! Тогда Хаа доставит к тебе дочь царя. Другого вельможу не присылай. Царскую дочь, на голову которой возлили масло, я не стану удерживать при себе. Пришли быстро [тех, кто сможет сопровождать ее]. Если ты пришлешь колесницы и воинов в течение этого года, пусть [твой посол] спешно отправится и сообщит (мне необходимые) сведения²³.

[Прежде] твой отец послал много золота Куригальзу. Дар Куригальзу, что его превосходило? Во дворце [отца моего все было] подобающим (для того), чтобы соседние цари услышали: «Золота-де [без меры]!». Между царями ведутся братство, дружба, союзы и [приянные] дела, [если есть] обилие драгоценных камней, обилие серебра, обилие золота.

10 кусочков прекрасного лазурита я послал тебе в подарок. Госпоже твоего дома²⁴ я послал только 20 перстней с печатками из прекрасного лазурита, так как Майати не сделала мне ничего, чтобы я вы[здоровел], (и) она не поддержала мне головы²⁵. Быстро, словно в горячке (доел, «как при смятении»), много золота от тебя пусть мне доставят! Пусть мне доставят [много золота] до истечения этого года. (Тогда) я быстро закончу работу. И пусть ... не скажет: «Дар обильный и [прекрасный] привез твой посол, он...». Как я пришлю к тебе, так [ты мне много золота] пришли! [Тогда и я пошлю] тебе большой дар.

¹ Реконструируется только по цитатам, приведенным в ответе Аменхотепа.

² Куригальзу I Старший (ок. 1390 г. до н. э.).

³ Указаны правители независимых, но, по меркам автора письма, третьеразрядных стран – племен касков, Митанни (Ханигальбата) и Угарита.

⁴ В ответ Аменхотеп отговорился тем, что послы касситского царя сами никогда не видели его сестру, и просил прислать сановника, способного опознать ее.

⁵ Кадашман-Эллиль косвенно требует подарок у самого фараона, на чьем иждивении в действительности находится его сестра, от которой кассит считает подобающим получать дары по примеру других своих родственниц, отданных замуж за царей. Аменхотеп, разгадав хитрость, иронически ответил: «В самом деле, цари, твои соседи, богатые и велики! (Когда) твои дочери что-либо получают от них, они посылают это тебе! А что есть (своего) у твоей сестры, которая (замужем) за мной? И если она получит что-либо, то я отправлю нечто доброе (из этого) тебе, чтобы ты мог передать (это) своим дочерям, чтобы (взамен) получить добро (от) твоих соседей! А когда ты пишешь, что я отказался от слов моего отца, ты не приводишь его слов». Из последнего предложения видно, что еще Тутмос IV был другом Касситской Вавилонии; с другой стороны, принадлежащий самому Тутмосу IV перечень побежденных им врагов включает «Сангар», т. е. Касситскую Вавилонию. Очевидно, Тутмос IV сначала столкнулся с ней, а потом заключил с ней мир (точно такую же, и едва ли не одновременную трансформацию претерпели его отношения с Митанни, также появляющимся в упомянутом перечне как «Нахарина»).

⁶ В ответ Аменхотеп писал, обвиняя касситских послов в том, что они оговаривают его, необоснованно жалуясь на плохое обращение: «Сперва послы приходили к твоему отцу, и их рты говорили злое. Вдругорядь они приходили и говорили злое тебе. И я сказал (себе): «Вот я – дам ли им что-нибудь, или не дам им (ничего), они одинаково скажут тебе злое. Так что я положил (по отношению) к ним: не буду им совсем ничего давать!»

⁷ Фараон отрицал, что говорил это, и обвинил послов в клевете.

⁸ В ответ Аменхотеп признает получение колесниц и прибавляет: «Они потребовали (под упряжь) моих коней, всех моих колесничных коней!».

⁹ То есть низкопробное, низкой ценности, приближающейся к ценности серебра.

¹⁰ Бурна-Буриаш II – один из самых могущественных царей Касситской Вавилонии. Его владения простирались от Бахрейна (Дильмуна, составлявшего особое вавилонское наместничество), Тадмора и северного Хаурана до района Хамадана (где еще в I тысячелетии стояла крепость, сохранившая названия «Пристанище касситов» и «Крепость вавилонян»); одно время его данником был и Ашшур.

¹¹ Разрушено полторы строки, содержащие незначительный перечень подарков.

¹² То есть как минимум, Аменхотеп III и его отец Тутмос IV.

¹³ Речь идет о посланце Эриба-Адада или, что менее вероятно, Ашшурбали.

¹⁴ Приводим весь текст, кроме приветствия.

¹⁵ Касситский царь ок. 1410 г. до н. э.

¹⁶ То есть как минимум, Аменхотеп III и его отец Тутмос IV.

¹⁷ Видимо, дочь Кадашман-Эллиля, некогда отданная за Аменхотепа III, умерла в Египте от мора, и фараон потребовал у Бурнабуриаша новую вавилонскую принцессу.

¹⁸ Знак помолвки.

¹⁹ Уменьшительное от «Хамассэ».

²⁰ Твой [посол] – очевидно, этот дипломат продолжал службу при Эхнатоне и поэтому называется послом «твоим», т. е. эхнатоновским.

²¹ Речь явно идет о тех же чучелах.

²² Купец Цалму не раз ездил доверенным лицом Бурнабуриаша в Египет и при этом даже был дважды подряд ограблен по дороге – сначала египетским вассалом Пирьявасой, князем Дамаска, а потом и собственно египетским представителем в Азии, Памаху, что послужило поводом для вавилонской жалобы.

²³ В итоге свадьба состоялась, и до нас дошли описи приданого невесты и калыма, который Эхнатон отправил Бурнабуриашу.

²⁴ Здесь – Майати-Меритатон, старшая дочь Эхнатона, которую он между серединой своего 12-го и примерно 15-м годом правления наделил рядом титулов царицы (Нефертити в это время либо умерла, либо была возведена в соправители, получив вместо титулов царицы титулы фараона, т. е. так или иначе, освободила свой бывший ранг для старшей дочери).

²⁵ Фразеологизм со значением: «не беспокоилась обо мне».

«Хроника Р»

Так называемая «Хроника Р» – выборочная компилятивная хроника касситской эпохи – известна по единственной поздней копии, в которую из-за ошибок кописта вкралась некоторая путаница с именами. Впрочем, эти ошибки без труда исправляются с учетом аутентичных памятников и официальной (а потому более достоверной в том, что касается имен и названий) ассирийской «Синхронической истории».

...[Бурнабуриаш (I)?], царь страны Карандуниаш, и [Пузур-Ашшур (III)?]¹, царь страны Ашшур, заключили между собой договор и совместно установили границу. ...он отстроил и восстановил...

Кадашман-Харбе, сын Караиндаша (...)² приказал истребить многочисленных сутиев от восхода до заката солнца и привел их воинскую силу к небытию. Он обустроил крепости посреди гор Хехе, Он вырыл колодцы и для усиления охраны надежно заселил их (крепости) людьми.

[Каракиндаш], сын Мубаллитат-Шеруа, дочери Ашшурбали (I), царя страны Ашшур³ [...]. Потом народ касситов восстал против него и убил его. Они взяли Шузигаша, кассита, безродного (доел, «сына никого») царить над собой. Ашшурбали (I), царь страны Ашшур, чтобы отомстить за [Каракиндаша]⁴, сына своей дочери, двинулся на страну Карандуниаш. Шузигаша-кассита [он убил], и возвел Куригальзу (II), сына [Бурнабуриаша (II)]⁵, на престол [отца его].

(лакуна)

...на них... и крик... враг схватил его. Вместе... Он предал их всех мечу, не оставил (единой) живой души. Они ввергли павших в бедствие. Они заполнили (словно целое) волнуемое море их кровью. ...Они вывели свои войска (на врага), бились (и) [добыли] себе победу. Они укротили войско (врага). Пожитки многочисленного врага он собрал и взгромоздил (из них) кучу. Воины вновь сказали: «Мы не знали, Куригальзу, что ты [одолел] все народы. Нам не было равного среди народов. Теперь ты [укротил нас]! Дви[немся], найдем место, где ты находишься, и да [принесем] мы дань! Поможем, чтобы твоя рука завоевала...!». Снова он... (...) ⁷ Хурбатилла, царь страны Элам, написал Куригальзу (II): «Приходи, мол! Я и ты, устроим сражение друг с другом в Дур-Шульги!». Куригальзу услышал и... Он двинулся покорять страну Элам, и Хурбатилла, царь Элама, сразился против него в Дур-Шульги. Он отступил перед ним, и Куригальзу учинил им разгром. Его рука захватила царя страны Элам. Вся страна Элам... Склонившись согбенно, Хурбатилла, царь страны Элам, сказал: «Воистину знаю я, (о) царь Куригальзу, что это... с царями всех стран [принесу я] подать Элама!»⁸ На одоление [Эллильнерари]⁹, царя страны Ашшур (потом) он (Куригальзу) пошел. В городе Сугага, что над рекой Идиглат (Тигр), он сразился против него... Он перебил его воинов, захватил себе его вельмож.

Назимарутташ, сын [Куригальзу (II)], ... [против Ададнерари], царя страны Ашшур...

(лакуна)

...¹⁰ он наложил железные оковы [на Каштилиаша (IV)] и... Тукульти-Нинурта вернулся к Вавилону, и привел... Он [разрушил] стену Вавилона, и сыновей Вавилона предал мечу. Он забрал имущество Эсагилы и Вавилона среди (прочей) добычи. Он исторг великого господина Мардука из обиталища его и отправил в страну Ашшур¹¹. Он поставил своих наместников в стране Карандуниаш. 7 лет Тукульти-Нинурта управлял¹² (всем) Карандуниашем¹³. После того, как вельможи страны Аккад в стране Карандуниаш взбунтовались и возвели Ададшумуцура на престол его отца¹⁴, Тукульти-Нинурта, простиривший руки к Вавилону ради зла, – Ашшурнадирапи, сын его¹⁵, и вельможи страны Ашшур взбунтовались против него, свергли его с престола его, в городе Картукульти-Нинурта заперли его в доме и (наконец) убили его оружием. 86/96¹⁶ лет – вплоть до времени (Нинурта)-тукульти-Ашшура¹⁷ – Бел оставался в стране Ашшур. При (Нинурта)-тукульти-Ашшуре Бел вернулся в Вавилон.

[При] Элльиль-надин-шуми напал царь – Кидин-Хутрудис, царь Элама. [Он про]стер руку к Ниппуру, рассеял его народ, разрушил Дер и Эдимгалькаламму, забрал (в плен) его народ, прогнал Элльиль-надин-шуми, царя, и оборвал правление его.

[При] Ададшумиддине вернулся Кидин-Хутрудис и во второй раз напал на страну Аккад. ...он разрушил город Исин, переправился через реку Идиглат (Тигр), все... Марадду*, учинил ужасный разгром многочисленного народа и быками... угнал в пустыню. (...) управлял¹⁸...

¹ Гипотетические восстановления имен – по «Синхронической истории».

² Следует ошибочная генеалогия, перенесенная от другого царя, Каракиндаша (см. следующий пассаж).

³ Генеалогия и нижеследующие сведения в дошедшей копии «Хроники» перенесены в предыдущий пассаж и слиты с ним. Это ошибочное смешение Каракиндаша и Кадашман-Харбе было вызвано сходством имени первого из них с отчеством последнего.

⁴ Вернее всего, ошибка вместо «Назибугаш».

⁵ В тексте ошибочно «Кадашман-Харбе».

⁶ В тексте ошибочно «Кадашман-Харб».

⁷ Не поддающийся связному переводу текст продолжает повествование о достижениях Куригальзу.

⁸ По-видимому, еще Куригальзу I взял и разграбил Сузы. Куригальзу Младший, как известно по его собственным надписям, после победы над Хурбатиллой титуловал себя в Эламе «покровителем Суз и Элама», и, более того, продвинулся еще дальше на восток и разгромил страну Вар(а)хсэ, (совр. Керман и зап. Белуджистан). Очевидно, к востоку от Элама и сидели прочие цари-данники, среди которых находил свое место Хурбатилла в «Хронике Р». Впоследствии Назимарутташ брал, в Эламе пленных (очевидно, тогда Элам и отложился от Вавилонии, теперь уже навсегда).

⁹ В тексте ошибочно «Ададнерари».

¹⁰ При анализе дальнейшего повествования следует учитывать, что официальный царский список касситской династии задает последовательность: «Каштилиаш (IV) – 8 лет. Элльиль-надин-шуми – 1 год 6 мес, Кадашман-Харбе II – 1 год 6 мес, Ададшумиддин – 6 лет, Ададшумуцур – 30 лет». Иностранец завоеватель Тукульти-Нинурта, первое время после Каштилиаша являвшийся единственным властителем Вавилонии, в список, естественно, не попал.

¹¹ Вполне легитимным царем Вавилонии нельзя было стать, не пройдя обряда с участием статуи Мардука. Увезя статую в Ассирию, Тукульти-Нинурта хотел навсегда исключить самую возможность появления борющихся с ним царей Вавилонии, законных по меркам ее самой.

¹² Здесь и ниже по отношению к иностранным завоевателям подчеркнуто употребляется термин «управлял», а не «царил».

¹³ Начинаясь отсюда часть пассажа описывает события, более поздние (иногда намного более поздние), нежели следующие пассажи, так как представляет собой нечто вроде вставленного в повествование примечания, описывающего конечную судьбу Тукульти-Нинурты и статуи Мардука, т.е. неизбежное и справедливое (с вавилонской точки зрения) разрешение только что заявленного конфликта, завязавшегося, когда ассирийский царь кощунственно вывез статую из Вавилона. Поскольку смерть Тукульти-Нинурты вообще выходила за рамки вавилонской истории, а возвращение статуи в Вавилон имело место после падения касситской династии, в «Хронике Р» эти события могли быть описаны только в форме подобной вставки, естественно «привязанной» к сообщению о правлении Тукульти-Нинурты в самой Вавилонии. Итак, композиция финальной части хроники такова: семилетнее правление Тукульти-Нинурты в Вавилоне (и здесь же, в виде забегающего вперед дополнения, вес его логические последствия, включая самые поздние) – следующее после этих семи лет по вавилонскому счету правление Элльиль-надин-шуми – еще более позднее царствование Ададшумиддина.

¹⁴ Обратим внимание на уточнение: речь идет о вельможах специально «страны Аккад», т.е. Северной Вавилонии. Дело в том, что Южная, по-видимому, отложившись от Тукульти-Нинурты еще раньше (вероятно, по истечении указанных выше «7 лет»), и там правили независимые касситские цари – Элльиль-надин-шуми, не упомянутый в «Хронике» Кадашман-Харбе II и Ададшумиддин.

¹⁵ Во всех копиях ассирийского царского списка преемником Тукульти-Нинурты называется Ашшур-надин-апли. Надо ли считать, что составители «Хроники Р» по обыкновению перепутали имя, или просто сын-бунтовщик не успел взойти на престол, тут же занятый другим сыном Тукульти-Нинурты с похожим именем? «Растянутое во времени» (по крайней мере текстологически) низвержение Тукульти-Нинурты говорит против второго предположения: пока свергнутого царя запирали и убивали, страной должен был уже править его преемник, причем именно тот, кто его сверг.

¹⁶ В тексте «N x 10 + 6 лет». По твердым хронологическим соображениям подходят только 86 и 96 лет.

¹⁷ Ассирийский царь, правивший не более 2-3 лет в середине 1130-х годов (между 1136 и 1133 включительно).

¹⁸ Очевидно, речь идет о Кидин-Хутрудисе, «управлявшем» частью Вавилонии, пока его не изгнал Ададшумуцур. В следующем пассаже речь и должна была идти о воцарении Ададшумуцура в Аккаде, устранившем нашествие эламитов, и о последующем изгнании Ададшумуцура ассирийцев на севере и эламитов на юге.

Из «Синхронической истории»

Так называемая «Синхроническая история» – это составленный ок. 785 г. до н. э. официальный ассирийский свод по истории ассиро-вавилонских отношений. «Синхроническая история» исключительно тенденциозна в подборе и освещении фактов (о заведомых ассирийских неудачах вообще ничего не сообщается, при минимальной возможности то или иное событие подается как победа), но сами эти факты нужно считать весьма точными и достоверными. Приводится первая половина «Синхронической истории», охватывающая касситскую эпоху.

...для (бога) Ашшура... (...) он делает известным слово... (...) когда он правил всеми... прежние цари... они были схвачены... пала...¹
(лакуна)

Пузур-Ашшур (III), царь страны Ашшур, и Бурнабуриаш (I), царь страны Кардуниаш, дали клятву и утвердили эту пограничную линию.

Караиндаш, царь страны Кардуниаш, и Ашшур-бел-нишешу, царь страны Ашшур, заключили между собой взаимный договор и дали взаимную клятву об этой границе².

При Ашшурубаллите (I), царе страны Ашшур, – Каракиндаш, царь страны Кардуниаш, сын Мубаллитат-Шеруа, дочери Ашшурубаллита, – войска касситов взбунтовались и убили его. Назибугаща-кассита, безродного (доел, «сына никого») они взяли царствовать над собой.

Ашшурубаллит пошел на страну Кардуниаш, чтобы отомстить за Кара(к)индаша, сына [дочери своей]. Он убил Назибугаща, царя страны Кардуниаш. Он поставил Куригальзу Младшего³, сына Бурнабуриаша (II), на царство, [возвел] его на престол его отца.

При Эллильнарари, царе страны Ашшур, Куригальзу Младший [царил в стране Кардуниаш]. Эллильнарари, царь страны Ашшур, бился с ним в городе Сугага, что на реке Идйглат (Тигр)⁴. Он⁵ нанес ему поражение, уничтожил его войска, забрал его лагерь. От Шасилы (что в) стране Субари⁶ до страны Кардуниаш⁷ они разделили поля надвое⁸ (и) утвердили пограничную линию.

Ададнерари (I), царь страны Ашшур, (и) Назимарутташ, царь страны Кардуниаш, бились между собой в городе Кар-Иштар, (что) в Угарсаллу. Ададнерари нанес поражение Назимарутташу, учинил ему разгром⁹. Его лагерь и его штандарты он у него отобрал. Что до этой пограничной линии, они установили свои границы и разделили (землю) от протяжения страны Пиласке, что на другой стороне реки Идйглат (Тигр) (и) города Армана (что в) Угарсалли до Луллуме^{10 11}.

Тукульти-Нинурта, царь страны Ашшур, (и) Каштилиаш (IV), царь страны Кардуниаш, ... в битве. ... (лакуна) ... сделал своими рабами... к горе Куллар¹².

Эллилькудуруцур, царь страны Ашшур, и [Ададшумуцур, царь страны Кардуниаш], сразились друг с другом. Эллилькудуруцур и Адад[шумуцур] схватились в битве, и Нинурта-апиль-экур... повернул в свою страну. Он поднял свои многочисленные войска и пошел, чтобы захватить Внутренний город (Ашшур). ... В своем... он по[нес поражение?]. Он повернулся и [ушел обратно]¹³.

При Забашумиддине*, царе страны Кардуниаш, Ашшурдан (I), царь страны Ашшур, [двинулся] на страну Кардуниаш. [Он захватил] город Забан, город Иррию, город Угарсаллу, ... Их богатую добычу он [доставил] в страну Ашшур.

(...) (лакуна)¹⁴

¹ Этот пассаж, по-видимому, разъяснял цели и общее содержание «Синхронической истории».

² Этот и предпоследний пассаж в дошедшем тексте ошибочно приведены в обратном порядке.

³ Получил такое прозвище в отличие от Куригальзу I (ок. 1390 г. до н. э.).

⁴ Фрагмент ассирийской хроники, освещающий эту же войну, вращается вокруг города Килизи.

⁵ Очевидно, Эллильнарари (так как иначе «Синхроническая история» вообще не сообщала бы об этом).

⁶ К югу от Нижнего Заба, на юго-восточной границе бывшей митаннийской территории (асс. «Субари» в географическом смысле слова), теперь входящей в состав Ассирии.

⁷ Здесь, очевидно, коренная территория Касситской Вавилонии, т.е. «Вавилония» в географическом смысле слова.

⁸ Речь идет, по-видимому, о разделе бывшей Аррапхи – царства, лежавшего между Вавилонией и Митанни, – т.е. именно на территории, предназначенной к разделу по «Синхронической истории» – и аннексированного Вавилонией ок. 1340 г. до н. э.

⁹ Фрагментированный ассирийский эпос об этой войне, составленный от лица Ададнерари, содержит следующую любопытную фразу: «Вред, причиненный (ему) воинством царя страны касситов, мой отец (Арикденилу) (так и) не исправил».

^{10 11} Эта граница проходит только по северо-центральной Аррапхе; остальные территории, таким образом, передели не подвергались. Одна надпись из Ниппура прославляет Назимарутташа за успешную кампанию в Намри (нижняя Дияла), возможно, речь идет об успешной попытке восстановить власть вавилонских касситов на Дияле и в коренных касситских землях по верхней Керхе, поколебленную поражением Назимарутташа в войне с Ададнерари.

Впоследствии Ададнерари I, как видно из его титулатуры, отобрал у касситов всю Аррапху с крайним южным городом Лубду*, а также области по Среднему Евфрату (Рапику и далее вверх по течению). Разрушенный обломок ассирийского текста сообщает о каком-то выяснении отношений между Ададнерари и Кадашман-Тургу. КВо I 10 показывает, что и при преемнике Кадашман-Тургу, Кадашман-Эллиле II, Средний Евфрат принадлежал Ассирии. Однако и Аррапху, и среднеевфратские территории пришлось заново завоевывать Тукульти-Нинурте, так что в середине XIII в. ассирийцы их утратили. Очевидно, поэтому «Синхроническая история» и умалчивает об этих, оказавшихся довольно эфемерными, завоеваниях Ададнерари.

¹² Упоминание горы Куллар (Северного Загроса) можно сопоставить только с появлением северо-загросских областей в перечне аннексий, произведенных Тукульти-Нинуртой у Вавилонии. Таким образом, комментируемые отрывки текста относятся к Тукульти-Нинурте.

¹³ Вероятно, пользуясь схваткой Ададшумуцура и Эллилькудуруцура, ассирийский политический деятель Нинурта-апиль-экур (укрывавшийся, как видно, при Ададшумуцуре) предпринял попытку самостоятельно прорваться на родину и захватить Ашшур, но потерпел поражение и отошел (напомним, что «Синхроническая история» не сообщает о поражениях Ассирии, а победа Нинурта-апиль-экура и сама по себе, и в рамках комментируемого пассажа, где Ассирию представляет Эллилькудуруцур, была бы именно таким поражением). Как известно по другим источникам, впоследствии Нинурта-апиль-экур все же сумел захватить ассирийский престол.

¹⁴ В следующем сохранившемся пассаже «Синхронической истории» речь идет уже о посткасситских временах.

Из КВо I 10 + KUB III 72

КВо I 10 + KUB III, 72 – пространное письмо, отправленное хеттским царем Хаттусилисом III Хеттским касситскому царю Кадашман-Эллилю II – содержит, в частности, ценнейшие сведения о хетто-вавилонском союзе. Приводится большая часть письма.

(...) Когда мы, твой отец и я, установили дружбу и стали (друг другу) за добрых братьев, тогда стали мы братьями не на один день¹. (Разве) не учредили мы (накрепко) братство и дружбу? И вместе мы постановили следующее решение: «Мы, мол, (всего лишь смертные) люди. Если, мол, один из нас к своей судьбе пойдет

(умрет), то тот, кто (останется) жив, да охраняет его детей!». И после того как боги оставили меня жить, а твой отец отошел к своей судьбе, я оплакал его как (положено согласно) братству. [После того] как я на [смерть] твоего отца ответил (как подобает), мои слезы иссякли и я отправил посла, и вельможам страны Карандуниаш я написал следующее: «Если-де вы отпрыска брата моего на царстве его не охраните, я стану вам врагом, пойду в Карандуниаш, одержу победу (над вами)! А если какой враг против вас обратится, или какое-либо дело у вас не задастся, тогда напишите мне, я приду к вам на помощь!». В те дни брат мой был мал, таблички перед ним не читали, а теперь те писцы уже не живы, нет их. И таблички не сохранились (в архиве), чтобы теперь эти таблички можно было прочитать перед тобой. Я писал им то слово по-хорошему, но (твой вельможа) Итти-Мардук-балату, которому боги на погибель дали дожить до старости, у которого во рту никогда не кончались злые слова, – слова, что он написал, – (теми) своими словами он удручил (досл. «поморозил») (мое) сердце: «Ты-де не пиешь нам, как (подобает при) братстве, ты помыкаешь нами, как своими рабами!» Следующий (вопрос) моему брату: в чем я помыкал ими, как моими рабами? Когда сыновья страны Карандуниаш помыкали сыновьями страны Хатти? Никогда! (А) сыновья страны Хатти, когда помыкали сыновьями страны Карандуниаш? Я же писал по-хорошему: «Пусть-де берегут отпрыска брата моего Кадашман-Тургу!» – а Итти-Мардук-балату написал мне такое! Какие плохие слова я им написал, что Итти-Мардук-балату мне такое пишет? Вот что в точности я им написал: «Не защитите-де вы сына господина вашего на царстве (его), (так и) я никогда, если враг на вас обратится, на помощь к вам не приду!» Слова Итти-Мардук-балату близко к сердцу я не принимал. В те дни мой брат был мал, и Итти-Мардук-балату, злой человек, говорил что ему взбредет. Зачем бы я запоминал его слова?

Следующее (дело) к моему брату. Что до того, что мой брат мне написал: «Что-де я послов моих задерживаю, – это из-за враждебных ахлameев, (что) я задерживаю моих послов!» В чем дело? Как (это), брат мой, ты задерживаешь своих послов из-за ахлameев? (Или), брат мой, царственность твоего царствования маловата? Или, вернее, Итти-Мардук-балату произносит скверные слова перед моим братом, и брат мой из-за этого задерживает послов? В стране брата моего коней больше, чем соломы. Воистину, (вот) твой посол – я, что ли, должен прислать ему тысячу колесниц, (чтобы) она сопровождала его в Туттуль²? Действительно, (тогда) ахлameи придержат свои руки! А если мой брат говорит: «Царь-де страны Ашшур не дает моим послам проходить по его стране!³», – (так) царь страны Ашшур своими (пешими) соединениями и своими колесницами (пока) твоей страны не завоевал! Твой посол (одной) силой [пробьется из твоей страны!] Что такое (этот) царь страны Ашшур., что он задерживает твоих послов? [Мои послы] проходят, а твоих послов задерживает царь страны Ашшур, [так что] ты не можешь пробиться в мою страну! Брат мой, ты великий царь, и в потомстве ты [воистину] победителен.

(...)

Что касается посла царя страны Мицри, о котором написал мне мой брат, то об этом после царя страны Мицри я напишу моему брату следующее. Когда твой отец и я заключили соглашение о дружбе и стали братьями, тогда так мы сказали: «Мы братья. Врагу любого из нас [мы (оба) воистину враги], другу любого из нас мы (оба) воистину друзья!» И когда царь страны Мицри и я друг с другом были в ссоре, тогда я написал твоему отцу Кадашман-Тургу: «[Царь страны Мицри] со мной стал враждовать!» И твой отец написал мне: «[Если твои войска] на Египет пойдут, то и я с тобой пойду; [когда ты против страны Мицри] пойдешь, я [пошлю тебе] воинов и колесницы, как если бы они были привлечены вместе со мной»⁴. Теперь, мой брат, спроси своих вельмож. Они могут тебе сообщить, какое (большое) количество воинов и колесниц он [обещал послать мне], чтобы они шли со мной, [когда я выступлю в поход]! Но когда и что я взял?⁵ Месопотамия.

Мой враг, который за границу [бежал, он] прибыл к царю страны Мицри. Когда я ему написал: «[Моего врага] мне выдай!», тогда он не выдал моего врага. [Тогда из-за этого дела я и царь Миц]ра (по)ссорились друг с другом⁶, и [я написал] твоему отцу: «[Царь Миц]ри пришел на помощь моему врагу!» [И тогда твой отец послов царя] страны Мицри прогнал прочь. А после того как ты, мой брат, [стал править на деле], [тогда ты своего посла к царю Миц]ра направил, и слово посла... [И царь] страны Мицри твои собственные [дары принял, и ты его дары] принял. Теперь [если ты к царю страны Мицри] посылаешь, почему я тебе должен в этом мешать?

(...)

Я слышал следующее: мой брат-де стал (взрослым) мужчиной и ходит на охоту... В мужчину вырос отпрыск моего брата Кадашман-Тургу!.. (Так) иди, разграбь таким образом страну врага, и я об этом услышу! ...Брату моему я скажу: «Ты-де – царь, который оружие (к бою) изготовил, – сидишь (сиднем)!.., сказали о нем. (Разве) именно так не говорят о нем? Брат мой, (разве) ты не уселся и не сидишь (сиднем)? На страну враждебную иди и врага уничтожь! ...[Куда мой брат ни] ходил, на страну, что втрое и вчетверо больше, иди!»⁸

(...)⁹.

¹ Первый прецедент хетто-вавилонской дружбы имел место еще при Суппилулиумасе, женившемся на дочери Бурна-Буриаша II. Однако когда в ходе «Шестилетней войны» Суппилулиумаса развернулось противостояние Ассирии и хеттов, Вавилония, связанная династическими браками с обеими сторонами, предпочла сохранять дружбу с более близкими ассирийцами, и хетто-вавилонский союз утратил силу.

² Туттуль на р. Балих – на тот момент крайний пограничный пункт хеттов на вавилонском направлении.

³ Таким образом, ассирийские владения в рассматриваемое время преграждали путь из Месопотамии в Хатти, т.е. покрывали Средний Евфрат (ср. выше о соответствующих завоеваниях Ададнерари).

⁴ Судя по выражениям обеих сторон, речь идет о времени хетто-египетской войны, завершившейся вскоре после этого знаменитым хетто-египетским миром 21-го года Рамсеса II. Можно только гадать, какое влияние на «мирный процесс» оказала позиция Вавилонии.

⁵ По-видимому, такие обещания подразумевают наличие на соответствующий момент общей хетто-вавилонской границы (на Среднем Евфрате).

⁶ Речь идет о хорошо известном по хетто-египетской переписке эпизоде бегства в Египет Урхитессоба, предшественника и племянника Хаттусилиса, низвергнутого последним с престола. Этот эпизод имел место уже после установления хетто-египетского мира (что ясно и по самому характеру претензий Хаттусилиса).

⁷ К Вo I 10 четко и последовательно различает два временных плана: время воцарения Кадашман-Эллиля, когда тот был «мал» и не занимался государственными делами, и актуальное время КВo I 10, когда Кадашман-Эллиль «возмужал», самостоятельно переписывается с Хаттусилисом, охотится и воюет: Это различие позволяет уточнить момент восстановления вавилоно-египетских отношений после их разрыва при Кадашман-Тургу. Если о восстановлении вавилоно-египетских связей подчеркнуто говорится как о деле самого Кадашман-Эллиля, а не его вельмож, то можно не сомневаться, что речь идет об акции, предпринятой им самим после достижения реальной власти, в актуальное время КВo I 10 (кстати, иначе Хаттусилису и не имело бы смысла ее обсуждать).

⁸ Хаттусилис подстрекает Кадашман-Эллиля воевать с Ассирией. К моменту воцарения Тукульти-Нинурты I Ассирия действительно утратила в пользу Вавилонии множество областей (Аррапху, прилегающие районы Загроса и бассейн Среднего Евфрата), которые Тукульти-Нинурте пришлось отвоевывать заново.

⁹ Несколько полуразрушенных писем из архива в Богазкее дают нам пример эффективного действия хетто-вавилонского союза, функционировавшего при позднейших царях – Тудхалиасе IV в Хатти, Кудур-Эллиле и Шагаракти-Шуриахе в Вавилонии (третья четверть XIII в. до н. э.). Шагаракти-Шуриах был свергнут с трона и изгнан неким «служкой из страны Сухи» (среднеевфратская провинция Вавилонии). По-видимому, его восстановила у власти хеттская интервенция (КВo XXVIII 61-4). Как видно из упоминания Сухи и вероятной интервенции, в тот момент (т.е. незадолго до воцарения Тукульти-Нинурты в Ашшуре) Средний Евфрат принадлежал Вавилонии, обеспечивая ей общую границу с хеттами.

Царские надписи Тукульти-Нинурты I

С геополитической точки зрения семисотлетняя Ассирийская «империя» (конец XIV – VII вв. до н. э.) представляла собой устойчиво контролируемый царями Ашшура компактный регион Верхней Месопотамии и куда менее прочные надрегиональные присоединения, которые, впрочем, и обеспечили Ассирии ее историческую славу. В этом отношении, как и во многих других, первопроходцем стал знаменитый среднеассирийский государь Тукульти-Нинурта I (1244-1207 гг. до н. э.): он первым попытался в массовом масштабе захватывать земли вне Верхней Месопотамии, первым за всю историю Позднебронзового века аннексировал другое «великое царство» (Вавилонию), первым построил себе новую, военно-служилую столицу, чтобы не зависеть от традиционной элиты Ашшура¹. Он же первым продемонстрировал, причем с особенным драматизмом, что столь быстрые и крупномасштабные достижения практически невозможно сохранить. Ниже в извлечениях приводятся некоторые надписи Тукульти-Нинурты I, найденные в Ашшуре.

Из надписи Tn 1

Тукульти-Нинурта, царь вселенной, царь могучий, царь страны Ашшур, избранник (бога) Ашшура, управитель² бога Ашшура, почтенный пастырь, любимец Ана и Эллиля, чье имя бог Ашшур и великие боги называют с почитанием, тот, кому даны в управление четыре стороны (света), и тот, чьей руке владычество над собой они вверили, почтенный наместник богов земли, тот, кто радует сердце Ашшура, тот, чье поведение приятно богам неба и земли и кому дана власть, тот, кто постоянно приносит обильные жертвы богам, тот, кто стиснул (доел, «окружил») вражьи страны вверх (и) вниз, царь могучий, сильный в битве, тот, кто пасет четыре стороны (света) подле Шамаша – (вот) я! (... прокламируется преданность царя Ашшуру и забота богов о царе).

В начале моего царствования³ я двинулся на страну Укумени. Всю страну Кути [я превратил] в холмы и развалины, (оставленные) потоком, я окружил их войско (ка) кольцом из песчаных бурь. Тогда они соединились против моего войска в труднопроходимых местах могучих гор. И вот, они яростно изготовились к бою и сражению. Понадеявшись на Ашшура и великих богов, господ моих, я ударил (и) нанес им поражение. Я наполнил пещеры и ущелья гор их телами. Я навалил их тела кучами у их ворот. Их города я разрушил, разорил, обратил в холмы и развалины. ...Стал я господином над обширной страной Кути. Радостно и властно я встал над ними. Всех князей Абули..., царя страны Укумени, захватила моя рука, плененными и закованными я привел в мой город Ашшур. Я заставил их поклониться перед великими богами неба и земли, я надел на них тяжелое ярмо моего владычества, (и) отпустил их в страны. ...Крепости я покорил под ноги себе, и наложил (на них) дань. Ежегодно я получал их тяжелую подать в моем городе Ашшуре со (всей) пышностью.

Страну Элхуниа – отдаленные горы, чьи тропы круты и чья местность была [труднодоступна] для похода моего войска, – ... [жители (ее)] устремились свирепости моего побоища и склонились к моим ногам. Я наложил на них подать и дань.

В то время⁴ я двинулся на страну Шарнида, (на?) страну Мехри Силой войска страны Кути, которую Ашшур и великие боги даровали мне во владение, нарубил я большие бревна (в) стране Мехри, привез (их) в мой город Ашшур. Мой любимый дворец моего владычества я укрепил этими бревнами (из) страны Мехри.

В этом (же) году пять крепостей страны Кадмухи, сильные центры власти, которые во время мира коварно выгоняли моих подданных, грабили мою страну, – когда время (тому) исполнилось, я их завоевал, как землетрясение я потряс их святилища, их пленных (жителей), их имущество вывез и привез в мой город Ашшур.

Вся страна Шубари, все пространство гор Кашияри, вплоть до страны Алзи⁵, которые раньше, в правление Шульманушареда, царя вселенной, моего отца, взбунтовались и прекратили (уплату) дани,

соединились друг с другом. Я взмолился к богу Ашшуру и великим богам, господам моим, и двинулся на горы Кашияри. (Словно) в круг я заключил страну Шубари, страну Алзи и их союзных царей. Я захватил главный город страны Пурулимзи. Я сжег их (жителей) заживо, остаток их войск я пленил. Я завоевал четыре мощные столицы Эхлитешшуба, царя страны Алзи, (и) шесть крепостей страны Амадани. Пленных и имущество вывез я оттуда, привез в мой город Ашшур. Эхлитешшуб, царь страны Алзи, из-за сильного страха передо мной, бросился и, вместе со своими придворными и сыновьями кинул всю свою страну, убежал тайно на (самую) границу Наири, в край неведомый. Остаток их войска, что бежал в разгар боя, устранившись свирепости моего побоища, устремился в крутые горы, чтобы спасти свою жизнь. 180 их крепостей я разрушил, опустошил, сжег, обратил в холмы и развалины. (Все) пределы стран Алзи, Амадани, Нихани, Алайя, Тепурзи и Пурулимзи я присоединил к моей стране. Я взял у них заложников, покорил (их) себе под ноги и наложил на них дань.

В то время от Тулсины и горы Лашку между городом Шасила и городом Машхатшарри на том берегу Нижнего Заба, от горы Зукушку и горы Лаллар – края обширной страны Кути – всю страну Лул(л)уми, страну Папхи до страны Кадмухи (и) всей страны Шубари, все пространство гор Кашияри до границы

Наири (и) границы страны Маган⁶, до реки Пуратту (Евфрат)⁷ – эти пределы великие боги даровали мне во владение. Всех врагов [привел я] под (мою) единую власть.

(Следует описание строительных работ в Ашшуре⁸).

Надпись Тп 5

Тукульти-Нинурта, царь вселенной, царь страны Ашшур, царь четырех сторон (света), божественное Солнце всех людей⁹, царь могучий, царь страны Кардуниаш, царь страны Шумера-и-Аккада, царь Верхнего и Нижнего морей, царь обширных гор и равнин, царь страны Шубари, (страны) Кути и царь всех стран Наири, царь, кому боги помогли добиться его желанных побед и кто пасет четыре стороны (света) своим страшным могуществом – (вот) я! – сын Шульмануашареда, царя вселенной, царя страны Ашшур, сына Ададнарари, также царя вселенной, царя страны Ашшур.

В начале моего царствования, в первое время моего правления я завоевал страну Кути, страну Укумани, страны Элхуниа и Шарнида, страну Мехри. Ежегодно я получал в моем городе Ашшуре дань их стран, богатство их гор.

В то время я окружил (словно) кругом страну Папхи, страну Кадмухи, страну Бушше, страну Мумме, страну Алзи, страну Мадани, страну Нихани, страну Алайя, страну Тепурзи, страну Пурулумзи, всю обширную страну Шубари. Я покорил себе под ноги царей – правителей их, и наложил (на них) дань. Силой моей всепобеждающей мощи я переходил непроходимые крутые горы, чьих проходов не ведает ни один царь. Сорок царей стран Наири яростно изготовились к битве. Я сразился с ними, нанес им поражение. Я залил их кровью пещеры и ущелья гор. Я стал господином всех их стран и наложил на них навеки подать и дань.

С помощью богов Ашшура, Эллиля и Шамаша, великих богов, господ моих, с помощью богини Иштар, госпожи небес и земли, что идет перед моим войском, я надвинулся на Каштилиаша, царя страны Кардуниаш, чтобы сразиться (с ним). Я нанес поражение его войску, поверг его воинов. Посреди этой битвы я схватил Каштилиаша, царя касситов, пограл ногами его царственную шею/как если бы это была подставка для ног. Закованного, плененного привел я его пред (лицо) Ашшура, господина моего. Я стал господином всей страны Шумера-и-Аккада, утвердил границу моей страны у Нижнего моря, на восходе¹⁰.

(Следует описание строительных работ в Ашшуре.)

Надпись Тп 16

(Следует титулатура с общими эпитетами, лишенными военно-политического содержания.)

В начале моего царствования, в первое время моего правления, я согнал (доел, «вырвал с корнем») 28 000 мужей страны Хатти из-за реки Пуратту и привел их в мою страну¹¹. Я завоевал страну Папхи, страну Укумани до страны Шарнида (и) страны Мехри. Ежегодно я получал в моем городе Ашшуре дань их стран, богатство их гор. Я окружил (словно) кругом страну Кадмухи, страну Бушше, страну Алзи, страну Мадани, страну Нихани, страну Алайя, страну Тепурзи, страну Пурулумзи, всю обширную страну Шубари. Я покорил себе под ноги царей – правителей их, и наложил (на них) дань. Силой моей всепобеждающей мощи я переходил непроходимые крутые горы, чьих проходов не ведает ни один царь. Я прорубил их кручи бронзовыми топорами, расширил их непроходимые пути. Я сразился с 40 царями стран Наири, нанес поражение их войску. Я стал господином всех их стран. Я изнурил шеи этих царей стран Наири медными колодками и привел их к Экуру, Великой Горе, храму оплота моего, пред (лицо) бога Ашшура, моего господина. Я заставил их поклясться великими богами неба (и) земли, наложил на них навеки подать и дань.

С помощью богов Ашшура, Эллиля и Шамаша, великих богов, господ моих, с помощью богини Иштар, госпожи небес (и) земли, что идет перед моим войском, я надвинулся на Каштилиаша, царя страны Кардуниаш, чтобы сразиться (с ним). Я нанес поражение его войску, поверг его воинов. Посреди этой битвы я схватил Каштилиаша, царя касситов, пограл ногами его царственную шею, как если бы это была подставка для ног. Закованного, плененного привел я его пред (лицо) Ашшура, господина моего. Я стал господином всей страны Шумера-и-Аккада.

Страны¹² Мари, Хана, Рапику, Горы Ахлameев, Харгамуш, Муканаш, Бит-Макки, Бит-Кулла, Акриаш, Сиккури, Хузуш, Турнаsuma, Хашшилуна, Шада, Саппани, Турсинухлия, Дури, Узамия, Харнапхи, Курдишше, Улайаш, Улмуаш, Хуссауш, Эзауш, Дамнауш, Аринни, Бирите, Аррапхи, Курбата, Агалишна, Шадаппа,

Камзикла, Каммараш, Элуре, Камменза, Албада, Сикапда, Шабила¹³ – я привел их под единую (мою) власть. Дань их стран, богатство их гор приносили ко мне. Князь приемлющий их дары, пастырь, надзирающий за ними, пастух, правящий ими – (вот) я!

(Следует описание ниспосланного Ашшуром замысла Тукульти-Нинурты построить новую столицу – Кар-Тукульти-Нинурта – и основания города¹⁴.)

Надпись Тп. 17

...Почтенный князь, [которого] бог Эа... царь царей... бог Адад... мудрость... храбрый, опустошающее оружие богов, потоп сражения, ...яростный, безудержно нападающий, избранник богини Иштар – госпожи небес (и) земли, любимец богов И гигов, царь сильный, царь страны Ашшур и царь страны Кардуниаш, царь страны Шумер-и-Аккад, царь города Сиппар и города Вавилон¹⁵, царь страны Тильмун и страны Мелухха¹⁶, царь Верхнего и Нижнего морей, царь обширных гор и равнин, царь страны Шубари, страны Кути и царь всех стран Наири, царь, послушный своим богам, получающий в Ашшуре богатую дань от четырех сторон (света), сын Шульмануашареда, царя вселенной, царя страны Ашшур, сына Ададнарари, также царя вселенной, царя страны Ашшур.

В начале моего царствования на престоле я согнал 28 000 мужей (страны) Хатти из-за реки Пураггу (Евфрат) и привел их в мою страну. Я завоевал страну Кути, страну Укумани, страну Элхуниа и страну Шарнида, страну Мехри. Я нанес поражение в битве многочисленной армии (страны) Папхи. Я стал господином страны Кадмухи, страны Алзи, страны Мадани, страны Нихани, страны Алайя, страны Тепурзи, страны Пурулумзи и всей обширной страны Шубари. Крутые горы стран Наири я прорезал, точно струна, я покорил себе под ноги сорок царей с их войсками.

В то время я надвинулся на Каштилиаша, царя страны Кардуниаш, чтобы сразиться (с ним). Я нанес поражение его войску. Посреди этой битвы я схватил Каштилиаша, царя касситовг пограл ногами его царственную шею, как если бы это была подставка для ног. Закованного, плененного привел я его пред (лицо) Ашшура, господина моего. Я стал господином всей страны Шумера-и-Аккада, встал над ними (ее жителями) радостно и властно.

(Следует описание замысла строительства Кар-Тукульти-Нинурты и его воплощения.)

Из надписи Тп. 19¹⁷

Когда бог Ашшур послал меня на страны Наири и страны на берегу Верхнего моря¹⁸, я у правил (их) яростью моего побоища, я завоевал все страны Наири и страны на берегу Верхнего моря, я стал господином над сорока их царями, покорил их себе под ноги и наложил на них дань. В то время...

Из титулатур Тукульти-Нинурты¹⁹

Приведем варианты титулатур из других надписей (включены все эпитеты конкретно-исторического содержания):

из Тп.10: покоритель страны Кути.

Из Тп.3, Тп.20: сокрушитель стран Укумани и Папхи – труднопроходимых горных стран – [победитель князей] Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший [все] войска страны Шубари вкупе с отдаленными [странами На]ири [вплоть] до границы Магана.

из Тп.9, Тп.12: победитель князей (страны) Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший войска страны Шубари и отдаленных стран Наири до границы Магана.

из Тп.6, Тп.14: победитель непокорных мятежников стран Укумани и Папхи, сокрушитель страны Кадмухи, армии страны Кути – труднодоступных горных (стран), рассеявший войска всей страны Шубари, разгромивший всех непокорных стран Алзи (и) Пурулумзи (... следует череда хвалебных эпитетов без исторического содержания). Тот, кто захватил власть над всеми странами Наири и покорил сорок царей – правителей их себе под ноги, кто превратил страны Азалзи (и) Шепарди в пределы своей страны, кто нанес поражение стране Шумер-и-Аккад, и (тем) явил навеки свое могущество, кто захватил Каштилиаша, царя касситов^{20 21}.

¹ Образ действий, после долгого перерыва вошедший в привычку у наиболее могущественных новоассирийских царей.

² Акк. «ишшакку», старый, фактически еще не вполне царский титул правителя Ашшурского «нома».

³ Термины этого типа могут применяться как в узком значении – «год воцарения», так и в более общем смысле – «начальный отрезок, первые несколько лет правления».

⁴ Досл.: в те дни. Это выражение означает не только и не столько одновременность, сколько известную близость во времени и примерно соответствует русскому «тогда», «в те времена».

⁵ Здесь и ниже пространственные обороты «от страны... до страны...» имеют значение «включительно». Смысл исключения достигался оборотом «от/до рубежа (границы) страны...».

⁶ У Тукульти-Нинурты выражение «граница страны Маган» играет роль фразеологизма со значением «до края света». Исторический Маган находился в районе совр: Омана.

⁷ Вариант перечня из надписи Тп.2: «...обширной страны Кути – страну Укумани и страну Элхуниа, до Шарниды, страну Мехри, страну Папхи, страну Кадмухи, странуБушше, страну Мумме, и все пространство гор Кашияри, страну Алзи, страну [Мадани], страну Нихани, страну Алайя, страну Тепурзи, страну Пурулумзи, всю обширную страну Шубари, до границы [Наири (и) границы страны Маган], пространство до реки Пураггу (Евфрат)» и т.д. Вариант того же перечня из обломка Тп.26: «...обширной страны Кути – все пространство Гор Кашияри до стран Кадмухи, Мадани, Нихани, Алайя, Тепурзи, Пурулумзи, всю обширную страну Шубари [до] берега реки Пураггу (Евфрата) – эти пределы» и т.д.

⁸ Упоминание тех или иных строительных работ в сочетании с наращиваниями титулатуры и повествовательной части надписи дает возможность датировать надписи Тукульти-Нинурты относительно друг друга. Так, надписи, упоминающие строительство Кар-Тукульти-

Нинурты – новой столицы Тукульти-Нинурты, должны быть более поздними, чем надписи, знающие еще только работы в старой столице, Ашшуре и т.д.

⁹ Несомненное подражание хеттам и соперничество с ними.

¹⁰ О вавилонских делах Тукульти-Нинурты см. также другие тексты.

¹¹ Как видно из описания вавилонской кампании и упоминания строительства Кар-Тукульти-Нинурты, это довольно поздний текст. Между тем многочисленные более ранние надписи, описывающие начало правления Тукульти-Нинурты, никакого вторжения в хеттские владения за Евфрат не упоминают. Кроме того, до нас дошла хетто-ассирийская переписка самых первых лет правления Тукульти-Нинурты (с Тудхалиасом IV) – она вполне дружественна (KUB XXIII 92, KUB XXIII 103, KU B XXVI 70, KUB III 74, KUB III 73). Остается считать, что с хеттами Тукульти-Нинурта стал воевать довольно поздно, но, пользуясь расплывчатостью выражений типа «начало правления» (при том, что в жанре торжественной надписи, в отличие от анналистики, не было необходимым строго выдерживать хронологическую последовательность событий) и гордясь своей победой над хеттами превыше всех других, вставил ее в список своих достижений на первое место.

Война Тукульти-Нинурты с хеттами известна и по хеттским документам (договор Тудхалиаса IV с Саускамувой, царем Амурру, где от последнего требуется участие в борьбе с Ассирией и ее блокаде; KBo XXXIII 216, может быть также KUB V 17 и вотивный текст: MDOG 93 (1962), S.75,f.). В итоге к концу XIII в. Верхняя Месопотамия была практически очищена от ассирийцев, и Арнувандас III (ок. 1210 г. до н. э.) в договоре с Исериккой распоряжается верхнемесопотамскими городами Ирриде и Вассоканне, присоединенными, как выясняется из договора, к административным областям хеттской державы. Поражения в войне с хеттами должны были дискредитировать Тукульти-Нинурту не меньше, чем потеря Вавилонии.

¹² В тексте детерминатив «страна» повторяется перед каждым названием.

¹³ Этот перечень включает страны, покрывающие долину Среднего Евфрата, а также множество касситских (на бит-, -уш и -аш) и хурритских (на -ри, -хи, -нни, -шше) топонимов, относящихся к региону Загроса. Аринни-Аринна известна у. вершины западной излучины Верхнего Заба. Аррапки-Аррапка – известная хурритская область к востоку от Тигра. Территориальный состав перечня и его место в надписи в целом не оставляют сомнений в том, что речь идет об областях, отторгнутых Тукульти-Нинуртой от Вавилонии непосредственно к Ассирии (о воцарении ассирийца над самой Вавилонией сказано раньше) после его вавилонской кампании (возможно, не сразу). В перечень могли также попасть смежные области, покоренные Тукульти-Нинуртой, так сказать, «по инерции» его вавилонской кампании (или кампаний).

¹⁴ Анализ датировок ассирийских административных документов показывает, что Кар-Тукульти-Нинурта функционировала как столица уже на 15-м году правления своего основателя. Само основание, конечно, должно датироваться еще ранее.

¹⁵ Не потому ли здесь специально выделены области северной Вавилонии, что южная была уже утрачена?

¹⁶ Эта часть титула воспроизводит прежде всего наследие касситских царей Вавилона, действительно правивших Дильмуном (Бахрейн) и, очевидно, распространявших свое влияние дальше на юго-восток по берегам Персидского залива (в Керман они во всяком случае подчас ходили войной), а последние во II тысячелетии, с гибелью Хараппской цивилизации и забвением истинного местоположения Мелуххи, вполне могли называться этим термином. Ср. следующий титул «царь Нижнего моря» (т.е. как раз Персидского залива).

¹⁷ Ниже следует единственный уцелевший на данном обломке фрагмент исторического содержания

¹⁸ Как видно из соседства с Наири, это оз. Ван. Тем самым окончательно устанавливается значение «Верхнего моря» у Тукульти-Нинурты (впрочем, Средиземное и Черное моря отпали бы в любом случае, так как туда всякий доступ Тукульти-Нинурте преграждали хетты).

¹⁹ Сопоставление всех вариантов самопрославлений Тукульти-Нинурты дает основания выделять 4 отдельные кампании «начала царствования» (кутийская, мехрийская, шубарейская и наирийская), вавилонскую кампанию, никогда не получающую такого определения, хеттскую кампанию и неясную войну в нелокализуемых Азалзи и Шепарди (а может быть, и еще некоторые).

²⁰ При описаниях строительных работ в этих надписях речь идет еще только об Ашшуре.

²¹ Ассирийский царский список называет преемником Тукульти-Нинурты Ашшур-надин-апли. Частично сохранился ассирийский эпос о Тукульти-Нинурте, прославляющий его победу над Вавилонией.

Анналы и надписи ассирийских царей

Анналы и надписи ассирийских царей IX-VII вв. до н. э. преимущественно передают события захватнических и грабительских войн, которые почти непрерывно в эти столетия вел Ассирия. Они излагаются, как правило, в хронологическом порядке и датируются по годам «лимму» (специальных чиновников – эпонимов, сменявшихся ежегодно). В первый год после своего вступления на престол эпонимом был сам царь. Так как списки лимму сохранились с достаточной полнотой, то хронология Ассирии в последние три века ее существования воссоздается почти полностью.

В ассирийских летописях особенно подробно описываются и восхваляются жестокости и насилия, чинимые царями и их воинами: разрушения каналов, разорение городов, уничтожение посевов и садов, казни и т.д. и т.п. В то же время, и это гораздо существеннее, они во многих случаях являются единственным источником, позволяющим восстановить не только международную обстановку той поры, но и внутренние события некоторых стран, например Урарту.

Ниже приводятся отрывки из анналов и надписей Салманасара III, Саргона II, Синахериба и Ашшурбанипала, содержащие описание их походов в Сирию, Урарту и Египет.

Надпись Салманасара III

Из надписи Салманасара III на большом монолите из Карха (древний Тушхан) на верхнем Тигре. Около 853 г. до н. э. Ассирийский диалект аккадского.

В эпонимат Даян-Ашшура¹ месяца айяра 14-го дня, я выступил из Ниневии²; переправился через Тигр и приблизился к поселениям Гиамму у реки Балих³. Они убоялись ужаса моего владычества, горечи моего яростного оружия и убили своим собственным оружием своего владыку Гиамму. Я вступил в Китлалу и Тильша-марахи⁴ и во дворцы его поместил моих богов, во дворцах его устроил праздник. Я открыл хранилище, нашел его сокровища, захватил его богатство и его имущество и доставил в мой город Ашшур⁵.

Я выступил из Китлалы, приблизился в Кар-Шульман-аша-реду⁶, на судах из мехов во второй раз переправился через Евфрат при полной воде. Я принял в Ашшур-утир-асбате на том берегу Евфрата, что над

рекой Сагуром⁷ и который хетты называют Питру, дань серебром, золотом, оловом, бронзой, бронзовыми котлами от царей, что по ту сторону Евфрата, – от Сангара, кархемишца⁸, Кундаспа, куммухца⁹, Арама, битагусийца¹⁰, Лалла, мелидца¹¹, Хаяни, бит-габарца¹², Кальпаруды, хаттинейца¹³, Кальпаруды, гургумца¹⁴. Я выступил от Евфрата, приблизился к Алеппо¹⁵; битвы они убоялись, обняли мои ноги; я принял их дань серебром и золотом, принес жертву Шамашу.

Я выступил из Алеппо, приблизился к поселениям Ирхулени, хаматца¹⁶, покорил Аденну, Баргу [и] Аргану, его царский город¹⁷. Его добычу, его имущество, богатство дворцов его я унес, дворцы его зажег. Я выступил из Арганы, приблизился к Каркаре¹⁸. Каркару, его царский город, я разрушил, снес, спалил огнем.

1 200 колесниц, 1 200 конников, 20 000 воинов Адад-идри дамасского¹⁹, 700 колесниц, 700 конников, 10 000 воинов Ирхулени хаматского; 2 000 колесниц, 10 000 воинов Ахаббу (Ахава) израильского²⁰, 500 воинов [царя] куйского²¹, 1000 воинов [царя] египетского (?)²², 10 колесниц, 1000 воинов [царя] ирканатского²³, 201 воинов Маттину-баала арвадского²⁴, 200 воинов [царя] усанатского²⁵, 30 колесниц, 1 000 воинов Адуни-ба'ала шианского²⁶, 1 000 верблюдов Гиндибу, араба²⁷, 1 000 (?) воинов Ба'сы, сына Рухуба, аммонитянина²⁸, – этих 12 царей он (т.е. Ирхулени) взял в союзники, и они выступили против меня на войну и на битву. С помощью высокой силы, данной Ашшуром, и могучего оружия, дарованного Нергалом²⁹, моим предводителем, я с ними сразился, нанес им поражение от Каркары до Гильзау³⁰, поверг оружием 14 000 их бойцов, излил над ними свой ливень, подобно Ададу³¹, разбросал (?) их трупы, многочисленным воинством их наполнил пространство пустыни, оружием пролил их кровь...³². Прежде чем вернуться, я достиг реки Оронта; в этом бою я отнял у них колесницы, конников, упряжных коней.

¹ Шестой год правления Салманасара III (854 г. до н. э.).

² В IX в. столицей Ассирии был Калах. Ниневия стала столицей только при Синахерибе (705-681 гг. до н.э.).

³ Левый приток Евфрата.

⁴ Города в бассейне р. Балих.

⁵ Фактически Ашшур уже не был в это время столицей, но ассирийские цари подчеркивали свое уважение к этому старинному центру страны.

⁶ Иначе Тиль-Барсип, ныне Телль-Ахмар на Евфрате.

⁷ Совр. Саджур, правый приток Евфрата (греч. Сингас).

⁸ То есть царя Кархемиша, крупнейшего хеттского центра в Сирии, на правом берегу Евфрата, совр. Джера блус.

⁹ Куммуха – хеттское государство на Евфрате (греч. Коммагена), в южной части совр. турецкого вилаята Малатья.

¹⁰ Бит-Агуси – государство по соседству с Куммухой.

¹¹ Мелида – хеттский город, греч. Мелитена, совр. Малатья, столица турецкого вилаята того же имени.

¹² Бит-Габар (Дом царя Га бара) – так называлось государство Самл в северной Сирии (совр. Зенджирли).

¹³ Хаттина (неправильно: Паттина) – арамейское государство на р. Оронте.

¹⁴ Гургум – хеттское государство в северной Сирии (совр. Мараш).

¹⁵ Алеппо (Халеб) – город в северной Сирии, сохранивший и ныне свое древнее название, на р. Нахр-Кувейк.

¹⁶ Хамат – крупный арамейский город на р. Оронте, в северной Сирии (совр. Хама).

¹⁷ Города в окрестностях Хамата.

¹⁸ Город на северо-запад от Хамата.

¹⁹ В Библии называется Бенхададом. Дамаск – крупнейший арамейский, город в Сирии, в X-VIII вв. был центром могущественного государства.

²⁰ Ахава.

²¹ Куэ (или Кана) – восточн. Киликия (южное побережье Малой Азии).

²² В тексте стоит «Мусри». Кроме Египта, этим названием обозначалась область, ничего общего с ним не имеющая (на север от Ассирии). В данном случае, вероятно, имеется в виду Египет.

²³ Пиконата (или Арка) – город в Финикии, на север от Библа.

²⁴ Арвад – крупный город в северной Финикии.

²⁵ Местоположение Усаната неизвестно.

²⁶ В северной Финикии.

²⁷ Очевидно, вождя одного из кочевых арабских племен.

²⁸ Аммонитяне – народ, живший на восток от Израильского царства, на север от моавитян (совр. Трансиордания).

²⁹ Бог чумы и смерти. Центр культа – г. Кута. Другое название – Нергал.

³⁰ Вероятно, на юг от Каркяпы.

³¹ Бог грома, молнии, дождя и наводнения.

³² Следует не вполне ясная фраза.

Анналы Синаххериба

Шестигранная призма с текстом «Анналов» (так называемая «Призма Тэйлора») датирована 691 г. до н. э.; хранится в Британском музее. Текст «Анналов» написан слегка ритмизированной прозой на нововавилонском диалекте аккадского языка, но изобилует ассиризмами.

[Я] – Синаххериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира¹, царь Ассирии, царь четырех стран света, премудрый пастырь, послушный великим богам, хранитель истины, любящий справедливость, творящий добро, приходящий на помощь убогому, обращающийся ко благу, совершенный герой, могучий самец, первый из всех правителей, узда, смиряющая строптивых, испепеляющий молнией супостатов. Бог Ашшур, Великая гора, даровал мне несравненное царствование, и над всеми обитающими в чертогах, возвеличивает он свое оружие. От Верхнего Моря², где закат солнца, до Нижнего моря³, где восход солнца,

всех черноголовых склонил я к моим стопам, и враждебные правители устрашились боя со мной, поселения свои они покинули и, подобно совам ущелий, одиноко улетели в места неведомые.

В первом моем походе я в окрестностях Киша нанес поражения Мардук-апла-иддине, царю Кардуниаша, вместе с воинами Элама, приспешника его. Посреди этого сражения он покинул свой лагерь, умчался один и спас свою жизнь. Колесницы, коней, повозки, мулов, все, что в разгаре битвы он бросил, захватили руки мои. В его дворец, что посреди Вавилона, с ликованием я вошел. Я отворил его сокровищницу, золото, серебро, золотую и серебряную утварь, драгоценные камни, все, что только было, добро и имущество бесчисленное – тяжелую кладь, его дворцовых женщин⁴, вельмож, придворных, певцов, певиц, всех ремесленников – все, принадлежащее к обиходу его дворца, я повелел вынести и забрал как добычу. Силою бога Ашшура, моего владыки, я осадил и взял 75 могучих городов, крепостей Страны Халди⁵, а также 420 малых городов, что в окрестностях их, и добычу их добыл.

Вспомогательных воинов (?), арамейцев, халдеев, что были в Уруке, Ниппуре, Кише, Хурсагкаламме, Куте, Сиппаре и в городках малых, тех, на ком была вина, я повелел вывести и присоединил к добыче. Во время моего возвращения [арамейские племена], непокорные мне, я захватил. 208 тысяч человек от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без числа – знатную добычу – я увел в Ассирию.

Во время моего похода от Набу-бел-шумате, правителя города Харарате, золото, серебро, большие бревна драгоценного дерева, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот – дар его немалый – я принял. Воинов города Хиримме, коварного супостата, оружием я побил, никого не оставил, трупы их на кольях я развесил, вокруг города велел поставить. Область эту я заселил наново. Десять баранов, десять имеров вина, двадцать имеров фиников – наилучшее у нее, как дань богам Ассирии, владыкам моим, я установил навечно.

Во втором походе моем бог Ашшур, мой владыка, воодушевил меня, и на страну касситов и страну ясубигалайцев⁶, которые издавна царям, отцам моим, не покорялись, я двинулся. Высокие горы, трудные плоскогорья я проехал верхом, а колесницу, мое подножие, велел нести на плечах. Теснины я преодолел пешком, подобно туру.

Город Бит-Киламзах, город Хардишпи, город Бит-Кубатти – города их, крепости могучие, я осадил и взял. Людей, коней, мулов, ослов, крупный и мелкий скот из них я вывел и присоединил к добыче. А города их малые, коим и счета нет, я разрушил, снес, обратил в руины. Шатры и палатки, обиталища их, я спалил огнем, предал пламени. Затем я вернулся и этот город Бит-Киламзах превратил в крепость. Больше, чем прежде, я укрепил его стены. Людей разных стран, добычу рук моих, в нем я поселил. Людей страны касситов и страны ясубигалайцев, что перед оружием моим убежали, из гор я велел вывести и в городе Хардишпи и городе Бит-Кубатти, поселил их. Я счел их, о стеле я позаботился. Победу, добытую моими руками, которую над ними я одержал, на ней я велел начертать и посреди города ее поставить.

Я повернул перед моего ярма и отправился в путь в страну Эллипи. Предо мной – Исабара, царь их. Города свои могучие, сокровищницу свою он покинул и далеко убежал. Всю эту обширную страну я ниспроверг, подобно урагану. Город Марубишти и город Аккудду, его резиденции, вместе с 34 городами малыми, что в окрестностях их, я осадил, взял, разрушил, снес, огнем спалил. Людей от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без счета я захватил. До небытия я довел его и уменьшил его страну. Город Цицирту, город Куммаххум, города могучие, вместе с малыми городами окружи их, страну Бит-Барру и всю область целиком от страны его я отрезал и присоединил к пределам Ассирии. Я превратил город Элензаш в столицу и крепость этой области, имя его прежнее я переименовал, городом Кар-Синаххериб⁷ я нарек его, людей стран, добычу рук моих, в нем я поселил. Рукам моего вельможи, областеначальника Хархара, я вверил все это и увеличил страну.

При возвращении моем у дальних мидян, о которых никто из царей, отцов моих, не слыхивал, богатую дань я принял, я пригнул их под ярмо моего владычества.

В третьем моем походе я двинулся на страну Хатти⁸, Лули, царя Сидона, ниспровергли грозные сияния моего величия⁹, в даль посреди моря он убежал и сгинул навеки.

Сидон большой, Сидон малый, города Бит-Зитти, Царипту, Махаллиба, Ушу, Акзиби, Акку¹⁰, города его могучие, укрепления в местах пастбищ и водопоев, оплоты его, ниспроверг блеск оружия бога Ашшура, моего владыки, и они склонились к стопам моим. Туба'алума на троне царском я посадил и дань, подать владычеству моему, наложил на него.

Что касается Минхиму самримурунайца, Туба'алума, сидонца, Абдилити, арудайца, Урумилки, гублайца, Метинти, ашдодца, Пудуэля, аммонитянина, Каммусунатби, моавитянина, Айяраму, идумея, царей Амурру¹¹, то все они подношения свои, дары знатные пред меня принесли и облобызали стопы мои.

А Цидку, царя Аскалона, что не склонился под ярмо мое, богов дома отца его, его самого, его жену, сыновей, дочерей, братьев, родичей я забрал и переселил в Ассирию. Шаррулудари, сына Рукибти, прежнего их царя, я поставил над народом Аскалона и принесение дани, союзнического дара моему величию, наложил на него, и он влачил ярмо мое.

Во время моего похода города Бит-Даганна, Яппу, Банайабарка; Азузу – города Цидки, что к ногам моим тотчас не склонились, я осадил, взял, захватил добро их.

А у наместников, князей и людей города Экрона, которые Пади, их царя, принесшего союзническую присягу стране Ашшур, бросили в железные оковы и выдали его Хизкии, иудею, поступив враждебно и грешно, устрашили сердца их. Царей Египта, лучников, колесничих, конников царя Эфиопии – силы бесчисленные – призвали они против меня и те пошли им на помощь. В окрестностях города Альтакку предо мной ряды их были выстроены, и они точили свое оружие. Могуществом Ашшура, моего владыки, я сразился с ними и нанес им поражение. Колесничих и воинов царя египетского и колесничих царя эфиопского живьем в разгаре сражения захватили руки мои. Города Альтакку и Тамну я осадил, взял, захватил их добро. Я подступил к Экрону, правителей и князей, которые согрешили, я убил и трупы их повесил на кольях вокруг города. Сыновей города, совершивших грех и преступление, причислил к полону. Остатки их, не несущие на себе греха и преступления тех, кто неповинен, я велел пощадить. Пади, их царя, из Иерусалима я вывел и на трон владычества над ними посадил и дань моему владычеству наложил на него. А Хизкию-иудея, который не склонился под мое ярмо – 45 городов его больших, крепости и малые поселения их окрестностей, которым нет счета, продвижением насыпей и приближением таранов, атакой пехоты и штурмовых лестниц я осадил, взял 200150 человек, от мала до велика, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без числа из них я вывел и причислил к полону. Самого же его, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царском городе, я запер. Укрепления против него я воздвиг, выход из ворот его города сделал ему запретным. Города его, которые я захватил, отделил я от его страны и Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Цилли-Белу, царю Газы, отдал и уменьшил его страну. К уплате прежней дани ежегодную подать их, союзнический дар моему владычеству, я прибавил и наложил на них. Он же, Хизкия – ужасные блески моего владычества ниспровергли его, и вспомогательных воинов (?) и войска его лучшие, которые для укрепления Иерусалима, его царского города, он собрал, и они захотели мира. Вместе с 30 талантами золота, 800 талантами отборного серебра, сурьмой, большими украшениями из камня, ложами из слоновой кости, высокими тронами из слоновой кости, кожами слонов, слоновой костью, эбеновым деревом, самшитом – всем, что есть, знатным богатством, также и дочерей его, наложниц его дворца, певцов и певиц в Ниневию, мою столицу, за мной он приехал для уплаты дани и исполнения службы направил своего гонца.

В четвертом моем походе бог Ашшур, владыка мой, вдохновил меня, и войска свои многочисленные я создал. На страну Бит-Якин идти я повелел. Во время моего похода я нанес поражение Шузубу-халдею, живущему среди болот в городе Биттуту. Сам же он – ужас моего сражения обрушился на него, содрогнулось его сердце, как у болотной рыси, одиноко он убежал, и не было найдено его местопребывание. Перед ярма моего я повернул и отправился в путь на страну Бит-Якин. Он же, Мардук-апла-иддина, которому, идя в третий поход, я нанес поражение и рассеял силы его, испугался грома моего могучего оружия и наступления моей ужасной битвы. Он собрал всех богов своей страны из их жилищ, погрузил их на корабли и, словно птица, улетел в город Нагите-ракки, что посреди моря¹². Братьев его, семя его отцовского дома, которых он оставил на берегу моря, вместе с остатками людей страны его, из Бит-Якина, что среди болот и камышовых зарослей, я вывел их и к полону причислил. Я повернул и города его взял, разрушил, обратил в руины. На союзника его, царя Элама, я пролил горечь. При возвращении моем Ашшур-надин-шуми, первородного сына, отпрыска моих чресел, я посадил на трон владычества и обширные страны Шумер и Аккад заставил смотреть в лицо его¹³.

В пятом моем походе жители города Тумурри, города Шарум, города Элама, города Кибшу, города Хальгидда, города Куа, города Кана¹⁴, чьи жилища, подобно гнезду орла, первой среди птиц, устроены были на вершине горы Нипур, горы неприступной, не склонились под мое ярмо. Я разбил боевой лагерь у подножия горы Нипур и с отборными воинами моей гвардии и беспощадными воинами моими я, словно тур могучий, во главе их встал. Ущелья, водопады, крутые обрывы гор на носилках я преодолел, места, трудные для носилок, я прошел пешком, подобно горному козлу, по высоким вершинам и хребтам их. Там, где уставали колени мои, я садился на горные камни и пил воду из бурдюка ради утоления жажды. Я преследовал их на вершинах гор и нанес им поражение. Города их я захватил, забрал полон, разрушил, сокрушил, предал огню. Я повернул перед моего ярма и выступил в поход против Манийи, царя города Укки, непокорного мидянина. Дороги не проторенные, тропы крутые, что на горах неприступных, до меня не проходил никто из прежних царей. У подножия горы Анара и горы Уппа, гор могучих я разбил лагерь и сам я на носилках вместе с воинами моими превосходными в узкие их проходы с трудом вошел, вскарабкался на неприступные горные скалы. А он, Манийя, пыль от ног воинов моих узрел, и Укку, его царский город, он покинул, в даль убежал. Укку я осадил, взял, захватил полон, все, что было, добро и имущество, сокровища дворца из него я вынес, причислил к полону и забрал 33 города на краю области. Людей, копей, крупный и мелкий скот из них я забрал, а города сжег, разрушил, огню предал.

В шестом моем походе остатки людей страны Бит-Якин, которые перед моим оружием могучим, как дикие ослы бежали, собрали всех богов их страны в жилищах их, море великое, что на востоке, переплыли и в городе Нагите, что в стране Элам, устроили свое жилище. На кораблях страны Хатти¹⁵ я воистину пересек море¹⁶ и захватил город Нагиту-дибину вместе со страной Хильму, город Биллату и страну Хупапану, область Элама. Людей страны Бит-Якин, вместе с богами их, и людей царя Элама я полонил, не оставил ни одного беглеца. Я посадил их на корабли, переправил на этот берег и отправил в Ассирию. Города, что в этой местности, я разрушил, уничтожил, предал огню, обратил в холмы и руины. При возвращении моем в открытом сражении я нанес поражение Шузубу¹⁷, вавилонянину, который во время мятежа в стране присвоил себе

владычество над Шумером и Аккадом, живьем захватил я его в свои руки. Я бросил его в железные оковы и колодки и отправил его в Ассирию. Царю Элама, который обратился на его сторону и пришел ему на помощь, я нанес поражение, развеял его силу, разбил его войско.

В седьмом моем походе бог Ашшур, владыка мой, вдохновил меня, и на страну Элам воистину я пошел... Город Бит-Хаири и город Раза, города, что на границе Ассирии, которые во времена моего отца эламиты отняли силой, в течение моего похода я взял, захватил полон их. Я ввел в них отборных воинов моих, возвратил их в пределы Ассирии и вверил их в руки правителя крепости Дер. (Перечисление городов.) 34 города могучих, вместе с бесчисленными поселениями их окрестностей я осадил, взял, захватил полон, разрушил, уничтожил, предал огню. Дымом пожаров их, словно грозовой тучей, я покрыл лик широких небес. Услыхал-таки он о захвате городов своих, эламит Кудур-Наххунте, и напал на него ужас. Остальные свои города он превратил в крепости. Сам же он Мадакту, свою резиденцию, покинул и двинулся в город Хаидала, что лежит среди дальних гор. Я повелел идти на Мадакту, его царский город. В месяце тамхири¹⁸ настал великий холод, многочисленные тучи проливали дожди. Я устрасился дождя и снега, крутизны гор, повернул перед моего ярма и отправился в Ниневию. В те же дни, по велению Ашшура, моего владыки, Кудур-Наххунте, царь Элама, – не прошло и трех месяцев – в день, для него несчастный, внезапно умер. После него Умманменану, не имеющий ни ума, ни благоразумия, воссел на трон его.

В восьмом моем походе, после того как Шузубу взбунтовался, вавилоняне, злобные демоны, ворота города заперли, решилось сердце их на свершение битвы. Шузубу-халдей, ничтожный человечишка, лишенный мужской силы, раб, глядящий в лицо наместнику Лахира, арамей пропащий и беглый, кровопийца, грабитель – к нему-то они собирались, в болота спустились, устроили бунт. Я окружил его со всех сторон и душу его стеснил. Перед лицом страха и голода он убежал в Элам. Поскольку договор и преступление на нем были, из Элама он поспешил и прибыл в Вавилон. Вавилоняне, на беду его, на трон его водворили, вручили ему власть над Шумером и Аккадом. Они открыли сокровищницу Эсагилы, золото и серебро бога Бела и богини Царпапит, добро их храмов они вынесли и Умманменану, царю Элама, не имеющему ни ума, ни благоразумия, принесли подношение: «Собери свое войско, созови свой лагерь, поспеши в Вавилон, встань рядом с нами, надежда наша – поистине ты!» Он же, эламит, не вспомнил в сердце своем о том, что в прежнем моем походе на Элам я взял и обратил в руины его города. Подношение он принял, собрал свое войско, свой лагерь, колесницы, повозки собрал, коней и мулов запряг в упряжь. (Перечисление многих стран и народов.) Союз великий заключили они с ним, во множестве своем в Аккад они двинулись, к Вавилону пришли, соединились с Шузубу-халдеем, царем Вавилона, и объединили свои войска. Как стая многочисленной саранчи в начале года¹⁹, все разом для сражения поднялись они на меня. Пыль от ног их, словно грозовая туча в зимние холода, закрывает обширные небеса. Предо мной в городе Халуле, что на берегу Тигра, выстроили они ряды, преградили мне водопой и наточили свое оружие. Я же взмолился к Ашшуру, Сину, Шамашу, Белу, Набу, Нергалу, Иштар Ниневийской, Иштар Арбельской – богам, помощникам моим, – об одолении врагов могучих, и молитву мою тотчас они услышали и пришли ко мне на помощь.

Как лев я взъярился, облачился в доспехи, шлем, украшение битвы, возложил я на главу свою, на мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я взошел поспешно. Могучий лук, врученный мне Ашшуром, в руки мои я схватил, дротик, пресекающий жизни, во длани мои я взял, над всем войском злобного недруга, словно ураган грозно я закричал, словно Адад, я взревел. По велению Ашшура, владыки великого, владыки моего, на фланг и фронт, словно порыв стремительного южного урагана, на врага я обрушился, оружием Ашшура, владыки моего, и яростным натиском я повернул их вспять и обратил в бегство. Вражеское войско стрелами и дротиками я преуменьшил и все тела их пронзал, словно решето. Хумбан-унташа – вельможу царя Элама, многоопытного воина, предводителя войска его, великую его опору, вместе с [прочими] начальниками, у которых на поясах золотые кинжалы и великолепные золотые обручи охватывают запястья их, как связанных жирных быков мгновенно я пронзил, учинил им разгром. Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие [им] жизни их я обрезал, как нить. Я заставил их кровь течь по обширной земле, словно Ёды половодья в сезон дождей. Горячие кони упряжки колесницы моей в кровь их погружались, как в реку. Колеса моей боевой колесницы, ниспровергающей скверного и злого, разбрызгивали кровь и нечистоты. Трусами бойцов их, словно травой, наполнил я землю. Я отрезал им бороды и тем обесчестил, я отрубил их руки, словно зрелые плоды огурцов, я забрал кольца, великолепные изделия из золота, серебра, что [были] на руках их. Острыми мечами я разрубил их пояса, поясные кинжалы из золота и серебра, что [были] на них, я забрал. Остальных начальников его, вместе с Набу-шум-ишкунуном, сыном Мардук-апла-иддины, которые устрашились моего натиска [и] подняли, руки, живьем посреди схватки захватили руки мои. Колесницы вместе с лошадьми их, у которых в ходе моего мощного натиска были убиты возничие и те, которые были брошены, все ездил сами по себе.

Я повернул и, пока [прошли] два двойных часа ночи²⁰, избиение их остановил. Он же, Умманменану, царь Элама, вместе с царем Вавилона, предводителями племен Страны Халди, шедшими с ним рядом – страх перед натиском моим напал на них, как наводящий ужас демон. Шатры свои они покинули и ради спасения своих жизней, топтали трупы своих воинов. Как у пойманного птенца голубя, трепетали сердца их. Они испустили горячую мочу, в колесницах своих оставили свой кал. Для преследования их я направил за ними свои колесницы и конницу. Беглецов их, которые ради жизни ушли, там, где настигали, сражали оружием²¹.

В те дни дворец, что внутри Ниневии, я сделал своей резиденцией, наполнил его роскошью всем людям на удивление. Задний дворец, который для размещения гарнизона, содержания лошадей и хранения всякой всячины велели построить цари прежние, предки мои? террасы у него не было, жилые помещения малы, некрасив вид, фундамент его обветшал от времени, ослабла его основа, обрушились его башни, – дворец этот целиком я разрушил, большой пустырь из лугов и полей города я присоединил в качестве добавления. Место прежнего дворца я оставил и на лугах, которые до самого берега реки, [землю] взял. Террасу я повелел насыпать, на 120 слоев кирпичей я сделал ее выше. В подходящий месяц, в благоприятный день на террасе той, по замыслу моему искусному дворец из мрамора и кедра на хеттский манер, который был много больше, превосходнее и прекраснее, мастерством моего умелого зодчего я велел соорудить для обитания моего величия. Я проложил над ним высокие балки из кедра – порождения горы Хаманим, горы светлой. Створки из благовонного дерева я обил скрепами из блестящей меди и навесил их в воротах. Из превосходного мрамора, что находят в стране баладаев, я велел сделать [статуи] шеду и ламассу и установить их справа и слева – защиту их [ворот]. Для содержания черноголовых¹, хранения боевых коней, мулов, лошаков (?), верблюдов, колесниц, телег, повозок, колчанов, луков и стрел, всяческого боевого снаряжения, [а также] упряжек лошадей и мулов, у которых большая сила, для запряжки в ярмо, я повелел намного увеличить внешнюю мощеную площадь. Дворец этот от фундамента до крыши его я отстроил, завершил. Стелы – начертание имени моего – в нем я установил для будущих времен. Из царей, потомков моих, тот, кого Ашшур и Иштар изберут для управления страной и людьми, когда дворец этот обветшает и обвалится, будущий правитель разрушенное да восстановит, стелу – начертание имени моего – да увидит, и елей да приготовит, возлияние да совершит, на место ее да возвратит он. Ашшур и Иштар окажут ему милость, услышат [его молитву]. На того же, кто изменит надпись мою и имя мое, Ашшур, великий владыка, отец богов, да выступит враждебно, да лишит он его жезла и престола, да ниспровергнет он его правление.

В месяце аддару, в день 20-й, эпонимат Бел-эмуранни, областеначальника Каркемиша.

¹ Букв.: царь всего.

² Средиземное море.

³ Персидский залив.

⁴ Т.е. жен и наложниц.

⁵ Имеются в виду халден Южной Месопотамии.

⁶ В горы Загроса.

⁷ «Крепость-Синаххериб».

⁸ Сирия.

⁹ Имеется в виду наводящий ужас ореол, окружавший по представлениям шумеров и аккадцев, богов и царей.

¹⁰ Финикийские города на Восточном побережье Средиземного моря.

¹¹ Т.е. Запада.

¹² Точнее – «за морем», т. е. за лагуной.

¹³ Сделал своего сына царем Вавилонии. Агпшур-надим-шуми правил там в 699-694 гг. до н. э.

¹⁴ Этот поход был направлен на северо-запад от Ассирии, по восточному берегу Тигра.

¹⁵ Синаххериб построил флот с помощью финикийцев и, возможно, греков.

¹⁶ Морская экспедиция – небывалое дело для ассирийцев.

¹⁷ Имеется в виду Нергал-ушезиб, захвативший власть в Вавилоне в 693 г. до н. э.

¹⁸ Месяц тамхири, возможно, соответствовал месяцу тебету вавилонского календаря.

¹⁹ Т.е. весной.

²⁰ «Двойной час» – двенадцатая часть суток.

²¹ Вавилонская хроника лаконично сообщает, что в этой битве ассирийцы потерпели поражение. В действительности битва, видимо, закончилась вничью.

Из анналов Ашшурбанипала

Из анналов Ашшурбанипала, царя Ассирии. Глиняная призма, закладывавшаяся в фундамент храма, 30-е годы VII в. до н.э. Язык – литературный аккадский (вавилонский) с примесью ассирийского.

В первый мой поход на Маган и Мелухху¹ воистину я пошел Тарку², царь Египта и Эфиопии, которому Ашшурахиддин³, отец, мой создатель, нанес поражение, овладев его страной, – этот-то Тарку забыл силу Ашшура⁴ и Иштар⁵, великих богов, моих владык, и положился на собственную силу. Против царей и надзирателей, которых назначил в Египте отец, мой создатель, он пошел, чтобы убивать, грабить и [чтобы] отнять Египет. Он вошел в Мемфис⁶, город, который отец, мой создатель, завоевал и присоединил к пределам Ассирии. Скороход прибыл в Ниневию и сообщил мне. Из-за этих дел сердце мое разъярилось, распалилась моя печень. Поднял я руки, взмолился к Ашшуру и к Иштар ассирийской. Собрал я мои славные войска, которые вручили мне Ашшур и Иштар, и направил путь на Египет и Эфиопию. Во время моего похода 22 царя, раба, подчиненных мне на берегу моря, среди моря и на суше, принесли мне свои тяжкие приношения и облобызали мои ноги. Этих царей с их войсками и кораблями по морю и по суше вместе с моими воинами я послал путем и дорогой. На спешную подмогу царям и наместникам, которые в Египте были подчиненными мне рабами, я быстро погнался и дошел до Карбаниту⁷.

Тарку, царь Египта и Эфиопии, услышав о приближении моего похода, собрал своих бойцов на бой, на битву и сражение. С помощью Ашшура, Бела⁸ и Набу⁹, великих богов, моих владык, идущих на моей стороне, в битве в широком поле я нанес поражение его войнам. Тарку в Мемфисе услышал о поражении своих воинов, сияние Ашура и Иштар охватило его, и он обезумел; блеск царственности моей покрыл его, коей украсили меня боги небес и земли. Мемфис он покинул и для спасенья души своей бежал в Фивы. Тот город (т. е. Мемфис) я взял, ввел в него моих воинов и поселил там.

(Следует длинный список правителей отдельных городов Египта.)

Этих царей, наместников и надзирателей, которых в Египте назначил отец, мой создатель, и которые пред наступлением Тарку оставили свои должности и рассеялись в степи (буквально: наполнили степь), я вернул и назначил на их места по их должностям. Египет и Эфиопию, которые завоевал отец, мой создатель, я заново взял¹⁰. Я усилил охранную службу более прежнего и заключил договоры. С большой добычей и многими пленными я вернулся в Ниневию.

Потом эти цари, все, кого я назначил, согрешили против присяги мне, не соблюли клятвы великих богов, забыли добро, что я им сделал, и сердце их замыслило злое. Они говорили коварные речи, посоветовали себе пагубный совет: «Тарку из Египта изгонят – а что до нас, то как нам усидеть?» К Тарку, царю Эфиопии, они послали своих гонцов для принесения присяги и [заключения] дружбы: «Пусть меж нами установится дружество, и пусть мы будем друг с другом в согласии; страну поделим между собою, и да не будет среди нас другого владыки». Против воинов Ассирии, войск моего величества, которые я поставил для военного союза с ними, они искали [сделать] злое дело. Мои доверенные люди услышали эти слова, перехватили их гонцов с посланиями и связали их по рукам и ногам железными узами и железными оковами. Клятва Ашшуром, царем богов, постигла их, ибо они согрешили против присяги; великие боги взыскали в руках их добро, – ибо я делал им благо. А людей Саиса, Мендеса, Таниса¹¹ (?) и прочих городов, всех, кто были с ними и замыслили злое, от мала до велика они повергли оружием, не оставили из них ни одного человека; тела их они повесили на столбы, содрали с них кожу, покрыли [ею] стену города. Этих царей, которые искали [сделать] злое против воинов Ассирии, они прислали живыми ко мне в Ниневию. Из них я помиловал¹² Нику и оживил его душу; я увеличил клятвы более прежнего и заключил с ним [клятвенный договор]. Я одел его в пеструю одежду, наложил на него золотую цепь (?), признак царственности, золотыми кольцами унизал его палых, дал ему железный поясной кинжал с золотой оправой, написав на нем мое имя; колесницы, коней, мулов для езды его величества я подарил ему, моих доверенных лиц, наместников для военного союза с ним я послал с ним вместе. Туда, куда отец, мой создатель, назначил его на царство в Саисе, я возвратил его на место; а Набушезибани¹³, его сына, я назначил в Атрибис¹⁴. Я сделал ему больше добра и милости, чем отец, мой создатель.

Тарку там, куда он бежал, ужас от оружия Ашшура, моего владыки, охватил его, и он скончался (дословно: ушел судьбой своей ночи). Затем Ташдамане¹⁵, сын Шабаку¹⁶, сел на престол его царства. Фивы и Гелиополь¹⁷ он сделал своей опорой, собрал свои воинские силы. Чтобы биться с моими воинами, сынами Ассирии, что были в Мемфисе, он собрал свои боевые отряды. Этих людей он запер и захватил их выходы. Быстрый посланец пришел в Ниневию и сказал мне [об этом].

Во втором моем походе я направил путь свой на Египет и Эфиопию. Ташдамане, услышав о движении моего похода – что я вступил в пределы Египта, – оставил Мемфис и для спасенья души своей бежал в Фивы. Цари, наместники и надзиратели, коих я поставил в Египте, пришли ко мне и облобызали мои ноги. Вслед за Ташдамане я направил путь; он увидел наступление моей сильной битвы, по-кинул Фивы и бежал в Кипкипи¹⁸. Тот город (т.е. Фивы) целиком с помощью Ашшура и Иштар захватили мои руки. Серебро, золото, отборные камни, всякое богатство дворца его, пестрые и полотняные одежды, больших коней, людей – мужчин и женщин, – 2 высоких обелиска, изделие из чистого золотого сплава¹⁹ весом в 2500 талантов²⁰, стоявшие у ворот храма, я исторг из их мест и [все это] взял в Ассирию. Я полонил многих пленных без счета из Фив, сделал горьким Египту и Эфиопии мое оружие и утвердил [свою] победу. С полными руками я благополучно вернулся в Ниневию, город моего владычества.

В третий мой поход я воистину пошел на Баала, царя Тира²¹ живущего среди моря, что не соблюдал приказов моей царственности, не слушал слов моих уст. Я воздвиг против него укрепленья, захватил его пути на море и на суше, стеснил, укоротил их дыханье, склонил их под мое ярмо. Свою родную дочь и дочерей своих братьев он послал ко мне в наложницы. Яхимилька, своего сына, который никогда не переправлялся через море²², он прислал одновременно для несения моей службы. Я принял у него его дочь и дочерей его братьев с богатым приданым; я помиловал его и его родного сына вернул и отдал ему.

Якинлу, царь Арвада²³, живший среди моря, не склонявшийся пред царями, моими отцами, склонился под мое ярмо; дочь свою с богатым приданым он прислал мне в наложницы в Ниневию и облобызал мои ноги.

Мугаллу, царь Табала²⁴, который против царей, отцов моих, говорил возмутительные речи, свою родную дочь с богатым приданым прислал мне в наложницы в Ниневию и облобызал мои ноги. Я назначил на Мугаллу ежегодную дань конями.

Сандашарме киликийский²⁵, не склонявшийся пред царями, моими отцами, не влачивший их ярма, свою родную дочь с богатым приданым прислал мне в наложницы в Ниневию и облобызал мои ноги.

Когда Якинлу, царь Арвада, скончался (дословно: поставил свою гору), Азиба'ал, Абиба'ал, Адуниб'ал, Сапатиба'ал, Будиба'ал, Ба'ал-яшуб, Ба'алханун, Ба'алмалук, Абимильк и Ахи-милк, сыновья Акинлу,

жившие среди моря, из середины моря поднялись и с тяжким приношением пришли и облобызали моя ноги. Я радостно взглянул на Азиба'ала и поставил его на царство в Арваде. Абиба'ала, Адуниба'ала, Саоатиба'ала, Будиба'ала, Ба'ал-яшуба, Ба'алхануна, Ба'алмалука, Абимильк и Ахимильк я одел в пестрые одежды, золотыми кольцами унижал их пальцы и поставил их предо мною.

Гугту²⁶, царю Лидии²⁷, области по ту сторону моря, – далекое место, имени которого не слышали цари, отцы мои, – имя мое явил во сне Ашшур, бог, мой создатель, говоря: «Обними ноги Ашшурбанипала, царя Ассирии, и именем его побеждай твоих Врагов». Как только он увидел этот сон – он послал своего гонца меня приветствовать; об этом сне, что он увидел, он [написал и] прислал мне через своего посланца, и тот сообщил мне. С тех пор как он обнял ноги моей царственности, с помощью Ашшура и Иштар, богов, моих владык, он покорил киммерийцев²⁸, угнетавших его страну, не боявшихся отцов моих, да и моей царственности ног не обнимавших. Из числа вождей [буквально: начальников поселений] киммерийцев, которых он покорил, двух вождей он заковал в железные цепи, узы и оковы и с тяжким приношением прислал пред меня.

Гонца своего, которого он постоянно присылал приветствовать меня, он [впоследствии] удержал. За то, что он не соблюл приказания Ашшура, бога, моего создателя, положился на собственную силу и возгордился сердцем, послал свои войска для военного союза с Пишамилку²⁹, царем Египта, сбросившим ярмо моего владычества, я, услышав, взмолился к Ашшуру и Иштар: «Да будет труп его брошен пред его врагами, да растащут его кости!». Как я просил Ашшура, так и исполнилось, и труп его был брошен перед его врагами, а его кости растащили. Киммерийцы, которых именем моим он попрадал под ноги, поднялись и испровергли всю страну его.

Потом сын его сел на престол его, о злом деле, которое против отца его по моему молению совершили боги, мои помощники, он [написал мне и] прислал со своим юнцом и обнял ноги моей царственности. «Ты – царь, коего ведают боги! Отца моего ты проклял, и ему учинилось зло; меня, раба³⁰, чтущего тебя, благослови, и пусть я буду влачить твоё ярмо!»

¹ Старинные названия областей северной Аравии. В данную эпоху применялись уже не к Аравии, а к Египту и Эфиопии.

² Тахарка – третий царь XXV (Кушитской или Эфиопской) династии.

³ Ассирийский царь Асархаддон, отец Ашшурбанипала (681–668 гг. до н. э.).

⁴ Главный бог Ассирии, глава пантеона.

⁵ Древнейшая вавилонская богиня, центром ее культа был г. Урук.

⁶ Город в Египте – столица страны в эпоху Древнего Царства, на границе Верхнего и Нижнего Египта, около совр. Каира.

⁷ Город в Египте

⁸ «Господин» – семитическое название бога Энлиля. Часто отождествляется с Мардуком.

⁹ Туту или Набу – бог мудрости. Главный центр культа – Бурсиппа.

¹⁰ Техническое выражение, означающее включение в состав Ассирии, обычно с заселением ассирийцами.

¹¹ Египетские города, находившиеся в Дельте.

¹² Нехо, отец Псамметиха I; не следует путать его с внуком фараоном Нехо.

¹³ Псамметих I, основатель XXVI династии.

¹⁴ Египетский город, находившийся в Дельте.

¹⁵ Тануатамон, царь Эфиопии, на короткое время захвативший Египет (около 660 г. до н. э.).

¹⁶ Шабака (греч. Саба-кон), – основатель XXV (Эфиопской) династии в Египте.

¹⁷ Египетский город, находившийся в Нижнем Египте, около 10 километров севернее совр. Каира.

¹⁸ Местонахождение неизвестно.

¹⁹ Вероятно, электрон (сплав золота с серебром).

²⁰ 75 тонн.

²¹ Так называлась часть города Тира (Старый Тир, совр. Сур), расположенная на материке, в отличие от основной части города на острове, собственно Тира.

²² Т.е. жил в островной части Тира, осажденной ассирийцами.

²³ Арвад – крупный город в северной Финикии.

²⁴ Народ в восточной части Малой Азии.

²⁵ Куэ (или Кана) – восточн. Киликия (южное побережье Малой Азии).

²⁶ Греч. Гигес.

²⁷ Богатое и могущественное государство в западной части М. Азии.

²⁸ Народ, обитавший в Причерноморье и Приазовье; в VIII–VII вв. до н.э. они вторглись через Кавказ в Переднюю Азию и опустошили Урарту. Ассирию Фригию и Лидию.

²⁹ Псамметих I.

³⁰ По-видимому, игра слов: сына Гигеса звали Ардис, что по-аккадски звучало бы «арду» – раб.

Вторжение киммерийцев и скифов в Ассирию

Из сообщений античных авторов, особенно Геродота, и, отчасти Публия давно было известно о вторжении киммерийцев, а затем скифов в Переднюю Азию. Оно началось в VIII в. до н. э. и достигло апогея в VII в. до н. э. При фараоне XXVI династии Псамметихе I передовые отряды скифов достигли южной Палестины, разграбили город филистимлян Аскалон и начали угрожать Египту. Псамметих I был вынужден откупиться от них щедрыми дарами. Археологические находки подтверждают сведения письменных источников о широком размахе нашествия киммерийцев и скифов. Типичные трехгранные наконечники стрел, обнаруженные во многих странах Восточного Средиземноморья, доказывают пребывание в них скифов.

В то время в Причерноморье и Приазовье появляются во все возрастающем числе изделия древневосточных мастеров, свидетельствующие об усилении экономических и культурных связей между странами, расположенными к югу и северу от Кавказского хребта.

Тем более интересны ассирийские и вавилонские тексты, упоминающие о киммерийцах и скифах. Из этих документов видно, насколько серьезную опасность представляли для могущественной Ассирии северные народы. Первоначально они обрушились на Урарту, затем наступила очередь Ассирии. Лишь путем дипломатических интриг, сея рознь между различными племенами и вступая в союз с теми или иными племенными вождями (такими, как, например, Бартатуа, ставшим впоследствии зятем Асархаддона), ассирийские цари ослабляли эту опасность.

Нижеприведенные документы подтверждают и дополняют прежние данные о значительной роли киммерийцев и скифов в международных отношениях VIII-VII вв. до н. э.

Запросы оракулу по политическим делам

Глиняные таблечки времени ассирийского царя Асархаддона (681-668 гг. до н.э.). Язык аккадский.

I

Шамаш¹ великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ: с этого дня, с третьего дня этого месяца айяра (2-й месяц) до 11 дня месяца аба (5-й месяц) этого года, на 100 дней и 100 ночей – срок свершения гадания. В течение этого срока – будь то Каштарити² с его войском, будь то войско киммерийцев³, будь то войско мидян, будь то войско маннеев⁴, будь то какой бы то ни было враг – задумывают (?) ли они, замышляют ли они? Будь то осадой, будь то силой, будь то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то проломом (?), будь то подкопом, ...и..., будь то тараном, будь то осадным орудием, будь то голодом, будь то клятвой именем бога или богини, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов – возьмут ли они город Кишассу⁵, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению? – Твоя великая божественность знает.

Взятие этого города Кишассу рукою какого бы то ни было врага с этого дня и до дня моего срока – приказанием, устами твоей великой божественности приказано ли, установлено ли? Увидит ли видящий, услышит ли слышащий?

Прости, если [гадание свершается] после моего срока; прости, если с ним сердце их⁶ замыслило и ои обратились во врагов, прости, если он[и] совершил[и] убийство и разграбил[и] их полевою добычу; прости, если приговор этого дня – добрый ли . он или дурной – будет днем бурным, [который] польет дождем; прости, если нечистый нечистоту в место гадания принес и сделал нечистым; прости, если ягненок твоей божественности, что взят для гаданья, имеет недостаток или грех; прости, если прикасающийся ко лбу ягненка – свою обрядовую одежду надел грязной, что-либо нечистое съел, выпил, умастился,... руки... изменил (?) заступил (?); прости, если в устах одного из гадателей, раба твоего, слово спуталось (?)- будь то..., будь то... – я вопрошаю тебя, Шамаш, великий владыка:

Что с этого дня, 3 дня этого месяца айяра до 11 дня месяца аба этого года, будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско маннеев, будь то войско мидян, будь то какой бы то ни было враг – захватят ли они этот город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению?

(Следует описание признаков в печени ягненка, по которой производилось гаданье.)

II

Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ.

Каштарити, начальник поселения Каркашши⁷, что писал Мамитиаршу, начальнику поселения мидян: «Объединимся против Ассирии» – послушает ли его Мамитиаршу; согласится ли с ним, [оберн]ет ли к нему лицо свое, в этом году будет ли враждовать с Ашшурахиддином⁸, царем Ассирии? – Твоя великая божественность знает.

Вражда Мамитиаршу, начальника поселения мидян, с Ашшурахиддином, царем Ассирии, приказанием, [устаи твоей великой божественности приказана ли, установлена ли?...]]

Я вопрошаю тебя, Шамаш, великий владыка, что Мамитиаршу, начальник поселения мидян, вступит ли в союз с Каштарити, начальником поселения Каркашши, [с кем (?) Мамитиар]шу [вступ]ит в союз, будет ли враждовать с Ашшурахиддином, царем Ассирии?

[Это] заключено в этом ягненке, дай мне увидеть верный ответ, благоприятные начертания, добрые, благоприятные оракулы [твоего] приказания, уст твоей великой божественности. Пусть дойдет до твоей великой божественности, Шамаш, великий владыка, а ты ответь мне предсказаньем.

III

Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ.

Бартатуа, царь скифов⁹, который сейчас прислал гонца к Ашшурахиддину, царю Ассирии, [в ...] – если Ашшурахиддин, царь Ассирии, отдаст в жены [Бартатуе, царю скифов] дочь царя из «дома воспитания»¹⁰ [...вступит ли] с ним Бартатуа, царь скифов, [в союз], слово верное, мирное, [слово дружбы (?)] скажет ли Ашшурахиддину, царю Ассирии, клятву [верности] Ашшурахиддину, царю Ассирии, будет ли выполнять поистине? – Твоя великая божественность знает.

Далее аналогично № 1.

¹ Бог солнца, света и правосудия. Главные центры его культа города Сиппар-Аккад и Ларса

- ² Вождь союза племен, объединивший против Ассирии киммерийцев, маннеев, мидян и скифов и разбитый Асархаддоном в 672 г. до н. э. Позднее его имя (Хшатрита) принял самозванец Фравартиш, поднявший в Мидии восстание против Дария I.
- ³ Т.е. страну киммерийцев (ср. библ. Гомер), обитавших в это время в восточной Каппадокии.
- ⁴ Манной обитали к югу от озера Урмия.
- ⁵ Укрепленный город в области Парсуа (на юго-запад от озера Урмии).
- ⁶ Участников восстания.
- ⁷ Местоположение неизвестно.
- ⁸ Ассирийский царь Асархаддон (681-668 гг. до н. э.).
- ⁹ Буквально: Ишкуза (по-еврейски Ашкенаа). Имеются в виду скифские племена, проникшие через Кавказ в Мидию и другие страны Передней Азии.
- ¹⁰ Т.е. царевну.

Из надписи Асархаддона

Язык аккадский.

Призмы А и С

«И Теушпу¹ киммерийца, уманманда², обитающего далеко, поразил я на земле страны Хубушна³ вместе с его войсками моим оружием»⁴.

¹ Ср. имя одного из предков персидского царя Кира-Теиспес.

² Это название применялось к народам и племенам севера и северо-востока: киммерийцам, скифам и мидянам. Название состоит из двух частей: «умману» – войско и «манда» – этнический термин, соответствует «мадаи», мидяне.

³ Область и город в Каппадокии (греч. Кабисс).

⁴ О победе Асархаддона над киммерийцами говорит также одна из вавилонских хроник. После описания событий 679 г. до н.э. там сообщается: «Киммерийцы вторглись в Ассирию и были разбиты».

Привилегии вавилонских городов

В I тысячелетии до н. э. крупнейшие города Вавилонии – Вавилон, Сиппар и Ниппур – добивались целого ряда льгот и привилегий (освобождения от военной повинности и строительных работ, запрещения казнить жителей города без суда и др.). Ассирийские цари, борющиеся за обладание Вавилонией с халдеями и эламитами, вынуждены были считаться с этими привилегиями и подтверждать их. Во время междоусобной борьбы ассирийского царя Ашшурбанипала со своим братом вавилонским царем Шамашшумукином положение вавилонских городов было особенно благоприятным, обе борющиеся стороны стремились склонить их на свою сторону путем всевозможных уступок.

Таким образом, в VIII-VII вв. до н. э. власть вавилонского царя была далеко не такой деспотической, как во времена Хаммурапи.

Написаны около 700 г. до н. э. и, по-видимому, адресованы Синахерибу, царю Ассирии.

Глиняная табличка из библиотеки Ашшурбанипала, царя Ассирии, середины VII в. до н. э.

[I. Если] царь право не чтит – люди его возмутятся, страна его опустеет.

[II. Если] право страны своей он не чтит – Эа¹, царь судеб, судьбу его изменит и назначит ему другую;

[если] мудреца своего он не чтит – дни его будут кратки;

[если] визиря² он не чтит – страна его на него восстанет;

[если] злодея он чтит – разум (или: совет) страны помрачится (буквально: изменится);

[если же] дело Эа он чтит – великие боги согласно мудрости (буквально: совещанию) и знанию справедливости назначат ему [судьбу].

[III. Если] сиппарца он притеснит и решит судебное дело в пользу чужого – Шамаш³, судья неба и земли, установит в стране его право чужое, а мудреца и судей для суда не станет.

[IV. Если] ниппурцы обратятся к нему по судебному делу, а он взятку ради притеснит их – Энлиль⁴, владыка стран, чужого врага на него воздвигнет и воинов его даст [врагу] повергнуть; князь и доверенное лицо⁵ его по улице будут гонимы в презренье.

[V. Если] серебро вавилонян он возьмет и его внесут в сокровищницу, [если] судебное дело вавилонян он выслушает, [но решит] обратиться к пристрастию – Мардук⁶, владыка небес и земли, поставит над ним его неприятеля, имущество [и] богатство его врагу его подарит.

[VI. Если] повелит он] возложить вину на ниппурца, сиппарца [или] вавилонянина, [так что] они будут введены в темницу, где была возложена вина, – город будет низвергнут в бездну [и где] они были введены в темницу – войдет чужой враг.

[VII. Если] Сиппар, Ниппур и Вавилон целиком он подымет (?)⁷, этим людям [повелит] наложить «строительную корзину»⁸ [или если] «воинскую повинность» [и] «клич глашатаю»⁹ на них назначат – Мардук, мудрейший из богов, князь разумный, страну его обратит к его врагу, и народ страны его будет нести «строительную корзину» для врага его; Ану, Энлиль и Эа¹⁰, великие боги, обитающие на небесах и на земле, в своем совете назначат этим людям привилегии (?).

[VIII. Если повелит он] фураж сиппарцев, ниппурцев и[ли] вавилонян отдать боевым коням, – кони, которые пожрали их фураж, будут угнаны в числе неприятельского «побора [скотом]».

[IX. Если] эти люди в ополчение войска страны... царя будут взяты – Ирра¹¹ мощный (?), [идуший пе]ред его войском, войско его поразит и пойдет с его врагом, упряжь волов его развяжут, поля [и сады (?) его] изменят, для рук потрудившегося (??)...[...] опустошит.

[X. Если] «побор мелким скотом» [...] будут собирать – Адад¹², ороситель небес и земли, его степное зверье поразит голодом и жертвы Шамаша осквернит (?).

[XI. Если] визирь и[ли] доверенное лицо, приближенный царя, дела свои сделают дурными, примут (?) у них взятки – по велению Эа, владыки океана, визирь и[ли] доверенное лицо умрут от оружия, место их обратится (буквально: насытится) в пустыню, дела (?) их унесет ветер, их деяния причислятся к буре, их договоры расторгнут, их стелы изменят, их выведут на дорогу, [вверг]нут в оковы; Набу¹³, писец Эсагила, сеть всех небес и земли, правящий всем, научающий царственности, расторгнет установления его страны, а провозгласят (?) другую.

[XII] Будь то пастырь, будь то настоятель храма¹⁴, будь то доверенное лицо царя, что в Сиппаре, Ниппуре или Вавилоне, будут в [должности] настоятеля храма, [если они] возложат на них «строительную корзину храмов великих богов» – великие боги разгневаются, удалятся от своих обиталищ, не войдут в свои святилища. «[Если] царь право не чтит».

Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии, коему Набу и Ташмет¹⁵ подарили премудрость (буквально: широкое ухо), ученость, проникновение (буквально: ясное око), цвет писцового искусства, какового дела не постиг никто из царей, бывших до меня, мудрость Набу, всяческие строки клинописи на таблечках я написал, изложил (?), проверил и положил во дворе моем, как дар (для) моего чтения.

¹ Бог морей, рек и подземных вод, сын бога неба Ану. Семитическое наименование – Эа. Центр культа – г. Эриду на берегу Персидского залива.

² Употреблен термин «умману», буквально: мастер. Во II-I тысячелетия до н. э. высшее должностное лицо в Вавилоне.

³ Шамаш, как бог-покровитель Сиппара, карает угнетателей своего города.

⁴ Бог Энлиль карает притеснителей своего города Ниппура.

⁵ Буквально: у головы (стоящей). В новоассирийских документах так обозначаются ответственные должностные лица, главным образом наместники.

⁶ Бог Мардук – покровитель Вавилона, защищает достояние своего города.

⁷ То есть мобилизуем.

⁸ Название строительной повинности.

⁹ Рекрутский набор.

¹⁰ Как боги трех составных Вселенной: неба, земли и подземных вод.

¹¹ Бог чумы и смерти. Центр культа – г. Кута. Другое назв. – Нергал.

¹² Бог грома, молнии, дождя и наводнения.

¹³ Туту или Набу – бог мудрости. Главный центр культа – г. Борсиппа.

¹⁴ Шатам-экурри – жрецеский титул, в I тысячелетии до н. э. давался заведующему храмовым хозяйством.

¹⁵ Богиня мудрости, супруга бога Набу.

Протокол переговоров с городом Вавилоном царя Ашшурбанипала и его брата Шамашшумукина, правителя Вавилонии

Глиняная таблечка из царского архива в Ниневии. Около 669-654 г. до н. э. Язык – нововавилонский диалект аккадского.

Слова, сказанные вавилонянами перед царем: «Цари, наши господа, восходя на престол, выразили желание закрепить наши привилегии и наше благополучие, и нам, которые были рассеяны в степи, у которых жены эламитянки, табалитянки и ахламитянки¹ дать благополучие. Пусть цари, господа наши, установят, как сказали, и боги пусть даруют вам разум и щедрость, семя стран (?).

Так как Вавилон – центр стран, то кто входит в него, тому привилегии его закреплены, и вступающий (??) в дом Вавилона – имя его становится «пользующийся привилегиями». Даже собака, войдя в него (т.е. в Вавилон), не может быть убита. Цари, господа наши, знают, что Этеру² и его сыновья обнимали ноги царя Ассирии, отца вашего³, пока Шузубу, сын Гахала⁴, не пришли не убил их всех. Они обнимали" ноги [царя] Ассирии [...] итнесли службу дома господина своего».

(Следует в весьма разрушенном контексте истории вовлечения вавилонян во вражду с Ассирией и их расселения и просьба исполнить обещание о восстановлении привилегий.)

¹ Ахламитяне – ассирийское наименование арамейцев, семитического народа, заселившего в XI-X вв. до н. э. Сирию и западные области Двуречья. Табалитяне – народ, обитавший в северо-восточной части Малой Азии.

² Прежний правитель Вавилона.

³ Собственного деда (Синахериба).

⁴ Узурпатор, завладевший Вавилоном, но свергнутый Синахерибом.

Письмо Ашшурбанипала вавилонянам

Глиняная таблетка из царского архива в Ниневии. Около 652 г. до н. э. Язык – аккадский (вавилонский диалект).

РЕЧЬ ЦАРЯ ВАВИЛОНЯНАМ

Я благополучен, сердце ваше да будет спокойно.

Слова ветра, который лжебрат¹ сказал вам, – все мне сказаны, я слышал их: это ветер, не обращайтесь на него внимания. Клянусь Ашшуром и Мардуком², моими богами, что это скверные слова, которые он сказал обо мне; [так] я думаю про себя и [так] говорю вслух. Кроме того, это хитрость: он надеется – «оскверню имя вавилонян, любящих его, вместе с моим», – но я не стану этого слушать. Ваше братство с ассирийцами и ваши привилегии, которые я установил, до сих пор я помню. Вы же ни мгновенья не слушайте его лжи, не оскверняйте вашего имени, которое прекрасно предо мной и пред всеми странами, да и самих себя пред богом не вводите в грех. А кроме того, дело, о котором, я знаю, вы думаете про себя: «может быть, теперь, за то, что мы поступили враждебно против него, он вернется к [взыманию] подати с нас?» – это не подать, нет³. Разве это [только] по имени жертвенный дар? А то, что вы встали [бы на сторону] моего супостата, то это все равно, что установление подати на самих себя и грех в отношении договора пред богом. Теперь же я написал вам, что этими словами вы не запятнали себя вместе с ним.

Я хочу немедленно увидеть ответ на мое послание, чтобы полк, который я приписал для Бела⁴, этот поверженный Мардуком не погубил в моих руках.

Месяца айяра 23 дня, эпонимат Ашшурдурисура⁵.

Шамашбалатсуикби отвез⁶.

¹ Т.е. Шамашшумукии, царствовавший в Вавилоне под верховной властью своего брата Ашшурбанипала, но затем поднявший восстание с целью добиться полной независимости. В 648 г. до н. э. Вавилон был взят ассирийскими войсками, а сам Шамашшумукин бросился в огонь и погиб.

² Показательно, что Ашшурбанипал клянется одновременно главным ассирийским богом Ашшуром и верховным богом Вавилона Мардуком.

³ Ашшурбанипал хочет сказать, что взносы вавилонян так ничтожны, что не заслуживают даже названия подати.

⁴ «Владыка» – семитическое прозвище Энлиля. В эту эпоху отождествлялся с Мардуком Речь идет об ассирийском Тюлке, находящемся в Вавилоне.

⁵ 652 г. до н. э.

⁶ Приписка на копии царского архива ассирийским диалектом.

Вавилонская хроника

Хроника составлена на вавилонском диалекте аккадского языка. Ниже приведена та часть Хроники, которая рассказывает о войне Вавилонии с Ассирией и о последовавших затем завоевательных походах Навуходоносора II. Плохо сохранившиеся части Хроники в переводе опущены.

Ассирийское войско подошло к Ниппуру, и Набопаласар отступил перед ним. [Ассирийское войско] и жители Ниппура преследовали его до Урука. В Уруке они сразились против Набопаласара и [затем] бежали от Набопаласара.

В месяце аяру ассирийское войско вступило в Аккад. В 12-й день месяца ташриту ассирийское войско подошло к Вавилону. В тот же день вавилоняне вышли из Вавилона, сразились с ассирийским войском и нанесли тяжелое поражение ассирийскому войску [и] захватили у них добычу.

В течение одного года в стране не было царя¹. В 26-й день месяца арахсамыу Набопаласар сел на престол в Вавилоне². [Это] «начало царствования» Набопаласара³. В месяце аддару богов страны Суз⁴, которых ассирийцы увезли и установили в Уруке, Набопаласар вернул в город Сузы⁵.

В 1-м году Набопаласара, в 17-й день месяца нисанну страх овладел городом, Шамагя и боги [города] Шапаззу прибыли в Вавилон. В месяце аяру, 21-й день, ассирийское войско вступило в город Саллат и вывезло имущество. На 20-й день [месяца симану] боги Сиппара прибыли в Вавилон. На 9-й день месяца абу Набопаласар и его войско подошли к городу Саллат и напали на город Саллат, ко не захватили, [этого] города. Когда прибыло ассирийское войско, он отступил перед ними и отправился обратно.

Во 2-м году Набопаласара⁶, в начале месяца улулу ассирийское войско спустилось в страну Аккад⁷ и расположилось на [берегу] канала Баниту. Они совершили нападение на Набопаласара, но ничего не добились ... и вернулись обратно.

[В 3-м году ...] Дер отложился от Ассирии...

В 10-м году⁸ в месяце аяру Набопаласар созвал войско Аккада и направился по берегу Евфрата. Жители областей Суху и Хиндану не стали нападать на него и положили перед ним подать. В месяце абу ассирийское войско собралось в городе Габлину. Набопаласар поднялся против них и в 12-й день месяца абу напал на ассирийское войско. Ассирийское войско отступило перед ним, и он нанес сильное поражение Ассирии. Они захватили много добычи. Маннеи, которые прибыли к ним на помощь, и ассирийские вельможи были взяты в

плен. В тот же день Габлину был захвачен. В том же месяце абу царь Аккада и его войско поднялись против городов Мане, Сахиру, и Балиху и, забрав у них добычу, увели многих в плен и богов их увезли. В месяце улулу царь Аккада и его войско направились обратно и попутно он взял в Вавилон [жителей] города Хиндану и его богов.

В месяце ташриту египетское войско и ассирийское войско направились против царя Аккада [и дошли] до города Габлину, но они не [смогли] захватить царя Аккада и вернулись обратно. В месяце аддару ассирийская армия и армия Аккада напали друг на друга в городе Мадану, что в области Аррапха, и ассирийское войско отступило перед аккадским, [которое] нанесло ему сильное поражение и бросило его [обратно] к реке Заб. Их колесницы и лошади были захвачены и много [другой] добычи было взято у них. Они заставили многих пленников перейти Тигр и доставили их в Вавилон.

[В 11-м году царь] Аккада созвал свое войско и поднялся по берегу Тигра и в месяце аяру расположился у Ашшура⁹. В ... день месяца симану он совершил нападение на город, но не захватил его. Ассирийский царь созвал свое войско и прогнал царя Аккада от Ашшура, и преследовал его до города Такритаин, что на берегу Тигра. Царь Аккада расположил свое войско в крепости города Такритаин. Ассирийский царь и его войско расположились лагерем против армии царя Аккада, которая была расквартирована в Такритаине, и в течение 10 дней он совершал нападения на них, но не [смог] захватить город. Армия царя Аккада, которая была расквартирована в крепости, нанесла тяжелое поражение Ассирии. Ассирийский царь и его войско [отступили] и вернулись в свою страну. В месяце арахсамну мидянин 10 спустился в страну Аррапха и ...

В 12-м году в месяце абу мидянин [выступил] против Ниневии... и он двинулся стремительно, но они захватили [лишь] Тарбицу, город в области Ниневии... Он преследовал [вниз по берегу]. Тигра и расположился лагерем против Ашшура. Он напал на город ... и разрушил. Он учинил жестокую резню многим людям, ограбил [его] и увел [пленных]. Царь Аккада и его войско, которые пришли на помощь мидянам, не застали битвы, [ибо] город [уже был захвачен]. Царь Аккада и Киаксар встретились друг с другом у города. Они заключили друг с другом [договор] о дружбе и мире. Киаксар и его войско вернулись в свою страну; царь Аккада и его войско [также] вернулись в свою страну.

[В 13-м году в месяце] аяру жители области Суху восстали [против] царя Аккада и стали совершать враждебные действия. [Царь Аккада] созвал свое войско и направились к Суху. В 4-й день месяца симану он напал на Рахилу, город в середине Евфрата, и город был захвачен в тот же день....

[В 14-м году]¹² царь Аккада созвал свое войско... Царь умман-манды¹³ с царем Аккада встретился... Они направились вдоль берега Тигра и... против Ниневии... Они совершили сильное нападение на город, и в [... день город был захвачен...]. В тот день Синшар-ишкун, ассирийский царь, [погиб?]. Большую добычу из города и храма они унесли и [превратили] город в развалины и руины... В 12-й день месяца улулу Киаксар и его армия вернулись в свою страну. Царь Аккада и его войско дошли до города Насибин... В месяце [...Ашшур-убаллит] вступил на престол царя Ассирии в городе Харране...

В 15-м году в месяце ду'узу... царь Аккада созвал свое войско и выступил против Ассирии... и захватил область Шуппа, ограбил их ... В месяце арахсамну царь Аккада принял на себя руководство армией и [выступил] против города Ругтулити, напал на город и захватил его на 28-й день месяца арахсамну [и] ни одного человека не оставил [в живых].

В 16-м году и, в месяце аяру, царь Аккада созвал свое войско и выступил против Ассирии. Йачиная [с месяца симану?] до месяца арахсамну они победоносно прошли по Ассирии. В месяце арахсамну умман-манда прибыли на помощь царю Аккада и они объединили свои войска и направились к городу Харрану против Ашшур-убаллита, который сел на ассирийский престол. Страх перед врагом напал на Ашшур-убаллита и на египетское войско, которое прибыло [на помощь ему]. Они покинули город... Царь Аккада достиг Харрана... город был взят. Они увезли из города и храма много добычи. В месяце аддару царь Аккада... вернулся в свою страну, и умман-манда, которые прибыли на помощь царю Аккада, ушли [в свою страну].

[В 17-м году] в месяце ду'узу Ашшур-убаллит, царь Ассирии, [и] большое египетское войско ... перешли реку, выступив против города Харран, чтобы захватить его... В месяце улулу он совершил нападение на город и ничего не захватил, но [и] не отступил. Царь Аккада прибыл на помощь своему войску, [но не совершил] нападения, а поднялся в [область] Изалла и захватил много городов, расположенных в горах... [дойдя] до области Урарту...

В 18-м году в месяце улулу Набопаласар, царь Ассирии, созвал свое войско и, следуя по берегу реки Тигра, поднялся в горную страну Бит-Хануния, область [страны] Урарту. Он сжег города и забрал многочисленную добычу. В месяце тебету царь Аккада вернулся в свою страну.

В 19-м году, в месяце симану царь Аккада созвал свое войско, и Навуходоносор, его старший сын, наследник престола, [также] созвал свое войско, и они направились в горы страны... Царь Аккада оставил наследника престола и его войско [и] в месяце ду'узу сам вернулся в Вавилон. Затем Навуходоносор совершил нападение на [крепости?] в горах и захватил их, предав их огню, забрал много добычи из горной области ... Он захватил все горные области. В месяце улулу наследник престола вернулся в Вавилон, и в месяце тагприту царь Аккада созвал свое войско и направились к городу Кимуху, который расположен на берегу реки Евфрата. Он перешел реку и вступил в бой против города и захватил город в месяце кислиму. Он увел из него пленников и назначил туда гарнизон. В месяце шабату он вернулся в свою страну.

В 20-м году египетское войско прибыло к городу Кимуху, [выступив] против гарнизона, который царь Аккада оставил там, и в течение четырех месяцев они сражались против города и затем захватили город. Они уничтожили гарнизон, [оставленный] царем Аккада.

В месяце ташриту царь Аккада созвал свое войско, прошел по берегу Евфрата и разбил свой лагерь у города Курамат, который расположен на берегу Евфрата. Он послал свои войска за Евфрат, и они захватили города Шунадири, Элаammu и Дахамму, которые находятся в Заречье¹⁵. Они забрали оттуда добычу. В месяце шабату царь Аккада вернулся в свою страну. Египетское войско, которое перешло Евфрат у Каркемиша, выступило против вавилонской армии, которая была расквартирована в Курамат. Вавилонское войско отступило...

В 21-м году¹⁶ царь Аккада оставался в своей стране, [а] Навуходоносор, его старший сын [и] наследник престола, созвал [войско] и взял на себя командование своей армией. Он направился к Каркемишу, который расположен на берегу Евфрата, ... Они вступили в битву друг с другом, и египетское войско отступило перед ним. Он нанес им поражение и в ничто [превратил] их. Что же касается остатков египетского войска, которые избежали разгрома, так как [они отступили еще до того, как] оружие настигло их, вавилонская армия догнала их в области Хамат и нанесла им такое поражение, что никто [не спасся] в свою страну. А Навуходоносор тем временем завоевал всю страну Хатти¹⁷.

Набопаласар был царем Вавилонии в течение 21-го года. В 8-й день месяца абу он умер. В месяце улулу Навуходоносор вернулся в Вавилон и в 1-й же день месяца улулу он сел на царский престол в Вавилоне¹⁸.

В год вступления на престол Навуходоносор отправился обратно в страну Хатти и до месяца шабату он победоносно прошел по стране Хатти. В месяце шабату он доставил в Вавилон тяжелую подать страны Хатти. В месяце нисанну он взял руки [бога] Бела и сына Бела¹⁹ и устроил праздник нового года.

В 1-й год Навуходоносора в месяце симану он созвал свое войско и направился в страну Хатти и до месяца кислиму победоносно прошел по стране Хатти. Все цари страны Хатти предстали перед ним, и он принял от них тяжелую подать. Он выступил против города Аскалон и в месяце кислиму захватил его. Он взял в плен его царя и забрал добычу... Он превратил город в развалины и руины и затем в месяце шабату вернулся обратно в Вавилон.

Во 2-м [году]²⁰ в месяце аяру царь Аккада собрал могущественную армию и [направился в страну Хатти]

...

В 4-м году царь Аккада созвал свое войско и направился в страну Хатти. Он победоносно прошел по стране Хатти. В месяце кислиму он взял [в свои руки] командование армией и выступил против Египта. Царь Египта услышал [об этом] и созвал свою армию. В битве они поражали друг друга и нанесли друг другу тяжелые потери. Царь Аккада и его войско повернули назад и вернулись в

Вавилон.

В 5-м году царь Аккада [оставался] в своей стране и собрал в великом множестве свои колесницы и лошадей.

В 6-м году в месяце кислиму царь Аккада созвал свое войско и направился в страну Хатти. Из страны Хатти он послал своих воинов, и, пройдя по пустыне, они награбили у арабов много их имущества, скота их и богов их. В месяце аддару царь вернулся в свою страну.

В 7-м году в месяце кислиму царь Аккада созвал свое войско, направился в страну Хатти и осадил город Иудей²¹ и на 2-й день месяца аддару²² захватил город и взял в плен царя. Он назначил туда царя, который был [ему] по сердцу, получил тяжелую подать и послал [ее] в Вавилон...

В 9-м году... царь Аккада и его войско [направились] к берегу Тигра... Между ними [было] расстояние дневного перехода, [когда] царь [Элама] испугался и его охватил страх. Он вернулся в свою страну.

В 10-м году²³ царь Аккада [был] в своей стране; начиная от месяца кислиму до месяца тебету в Аккаде происходило восстание... Он оружием убил многих из своих воинов, врага своего рукой своей захватил... [В месяце...] он направился в страну Хатти. Там цари... [предстали перед ним], и он [принял] их тяжелую подать, а затем вернулся [в Вавилон]...

¹ Все эти события произошли в 626 г. до н. э.

² 23 ноября 626 г. до н. э.

³ В Вавилонии первый год царствования считали, начиная с первого дня месяца нисанну, когда отмечалось наступление нового года. Промежуток времени между фактическим вступлением какого-либо царя на престол и первым днем месяца нисанну считался началом царствования данного правителя.

⁴ Т.е. Элама, столицей которого были Сузы.

⁵ 626 г. до н. э.

⁶ 624 г. до н. э.

⁷ Т.е. в Вавилонию.

⁸ 616 г. до н. э.

⁹ В 615 г. до н. э.

¹⁰ Имеется в виду мидийский царь Киаксар.

¹¹ Т.е. город Ашшур.

¹² 612 г. до н. э.

¹³ Мидийский царь Киаксар.

¹⁴ 610 г. до н. э.

¹⁵ Т.е. за Евфратом, в Сирии.

¹⁶ 605 г. до н. э.

¹⁷ Т.е. Сирию.

¹⁸ 7 сентября 605 г. до н. э.

¹⁹ Иабу.

²⁰ 603 г. до н. э..

²¹ Т.е. Иерусалим.

²² 597 г. до н. э.

²³ 595 г. до н. э.

Документы, составленные во время осады Ниппура

Приводятся два контракта о продаже в рабство детей свободных людей во время осады вавилонским войском Набопаласара Ниппура, сохранявшего верность ассирийскому царю.

[1.] Во время, когда ворота Ниппура были заперты¹ и 1 сут ячменя стоил 1 сикль серебра², Нинурта-ах-иддин, сын Шумы, добровольно продал свою малолетнюю дочь Аматсу-акрат за 15 сиклей серебра, за согласованную цену, Арад-Гуле и Иддин-Нергалу. Нинурта-ах-иддин ручается за то, что относительно этого ребенка не будет протеста и претензий.

Свидетели (следуют имена), писец (имя). Ниппур, 28-й день месяца симану 3-го года Син-шар-ишкуна³, царя Ассирии.

[2.] [В третьем году] Син-шар-ишкуна, царя Ассирии, Ниппур находился в осаде, выход из ворот [был закрыт], 1 сут ячменя стоил 1 сикль серебра... Люди продавали своих детей. Гугалла сказала Нинурта-убаллиту, сыну Бел-усату, следующее: «Возьми мою дочь ... Ринду и сохрани ее живой. Она будет твоей рабыней. Уплати мне 6 сиклей серебра, чтобы я могла поесть...». Затем Нинурта-убаллит согласился и купил Ринду по согласованной цене за 6 сиклей серебра... Если она не сыта, он ... Если претендующий или протестующий появится относительно Ринду, она⁴ либо даст замену за нее, либо уплатит, сколько она стоит. Свидетели (следуют имена), писец (имя).

Ниппур ... день месяца улулу 3-го года Син-шар-ишкуна.

¹ Т.е. во время осады города.

² В 30 раз больше обычной цены. В мирное время за 1 сикль серебра можно было купить 1 кур ячменя.

³ 626 г. до н. э.

⁴ Гугалла.

Письмо о походе в Харран

Письмо послано царевичем Навуходоносором трем адресатам, неизвестным из других источников. Конец текста не сохранился.

Письмо Навуходоносора Нинурта-шар-уцуру, Набу-надин-шумуи Мардук-этиру. [Желаю] вам здоровья. Пусть [боги] Бел и Набу изрекут вам благополучие. Царь отправился в страну Харран. Вместе с ним [туда] отправилась огромная сила мидян. Всякий, кто любит царя, и любит меня...

МАЛАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Летопись Хаттусилиса I

Хеттский текст, значительно более подробный, чем аккадский, рассматривался некоторыми учеными как вторичный по сравнению с аккадским. Но наличие явных следов хеттского влияния на аккадский текст заставляет предполагать, что оригинал был составлен на древнехеттском языке.

Так говорит Табарна Хаттусилис, великий царь, царь страны Хатти, человек города Куссара¹. В стране Хатти он царил, сын брата Тавананна². В город Санвитта он пошел, но его не стал разрушать, а только опустошил область этого города. Я оставил своих воинов, чтобы они стояли постоем в двух местах этой области, и загоны для скота, какие были в тех краях, я отдал воинам, стоявшим там постоем.

Потом я пошел походом на город Цальпу³ и я его разрушил, и я взял его богов и три крытых повозки⁴ и отдал их Солнечной Богине города Аринны.

А изображение быка из серебра и серебряный кулак⁵ – знак власти я отдал храму Бога Грозы. А остальные изображения богов, всего их было девять, я отдал храму богини Меццула.

На следующий год я пошел в город Алахха и его разрушил. Потом я пошел в город Уршу, а из города Уршу я пошел в город Иккали, и из города Иккали я пошел в город Тасхиния. И на обратном пути из Уршу эти страны я опустошил, и взял из них имущество, и дом свой этим имуществом я наполнил до избытка.

На следующий год я пошел в Арцаву и я взял у них быков и овец. Но потом в мою страну вошел враг – хуррит. И со мною все страны враждовали. И только один город Хаттусас остался. Великий царь Табарна Солнечному божеству города Аринны угоден. И меня Богиня Солнца Аринны как дитя свое на колени свои клала, и за руку она меня держала. И передо мною в бой Богиня Солнца Аринны устремлялась, мне споспешествуя. И я пошел к городу Ненасса. Когда люди города Ненасса только завидели меня издали, то ворота города они отворили.

Потом я пошел для сражения в страну города Ульма. Дважды люди города Ульма выходили, чтобы биться со мной, и дважды я их разбивал. И страну города Ульма я опустошил. И на его месте я посеял сорную траву⁶. И семь божеств я взял для храма Солнечной Богини города Аринна, среди них серебряного быка Богини Никатити и божество горы Аранхапила. А какие боги еще остались, тех я отдал храму богини Меццула. Когда же из страны города Ульма я возвращался, я пошел в страну города Саллахсува. И область города Саллахсува сгорела в огне, и жители его стали моими рабами. И в Хаттусас, в мой город, я вернулся.

На следующий год я пошел для сражения в город Санахвит. Пять месяцев осаждал я город Санахвит. На шестой месяц я его разрушил. Великий царь в сердце своем возликовал. Богиня Солнца города Аринны охраняет всю страну. И все те мужественные подвиги, которые царь совершил, и все, что в походах добыто, я посвятил Богине Солнца города Аринны.

...Я пошел в город Аппая. И свои боевые колесницы в страну города Уммая я повернул. И на месте этого города я посеял сорную траву. И я взял у них быков и овец.

И я вошел в город Парманна. А царь города Парманна возглавил царей других городов. И он сравнял друг с другом пути всех городов⁷. Когда они только завидели меня издали, то ворота города они отворили. В то время Богиня Солнца небесная меня за руку держала. И в область города Алахха я пошел. И город Алахха я разрушил.

А на следующий год я пошел в город Царуна. И город Царуна я разрушил. Д пошел в город Хассува, и люди Хассувы вышли мне навстречу для битвы, и войска страны города Хальпы были с ними, чтобы им помогать. Они вышли для сражения со мной. И я победил их у горы Адалур. Всего лишь через несколько дней после этого я пересек реку Пурана⁸, и страну Хассува я, как лев⁹, растоптал своими ногами. Прах ее потом я собрал и имуществом этой страны я наполнил город Хатти.

Серебру и золоту этой страны не было счета. Изображения Бога Грозы, господина Армарука, Бога Грозы, господина города Хальпа, божества Аллатум, Адалур, Лилури, двух быков из серебра, три статуи из серебра и золота я опечатал золотом в двух хурритских святилищах, где задние стены были из серебра и золота. И дверь из серебра и золота я опечатал золотом.

Один стол, отделанный золотом, три серебряных стола... из серебра, один трон с ручками, выложенными золотом, одно ложе, украшенное золотом, одну золотую постель, эти вещи из Хассува я передал Богине Солнца города Аринны. Изображение дочери богини Аллатум, статую Хебат, три статуи из серебра, две статуи из золота – вот те изображения, которые я передал храму богини Меццула.

Одно серебряное копье, один скипетр из золота, пять серебряных орудий, три доли ляпис-лазури¹⁰, одну долю золота – все это я передал храму Бога Грозы.

Город Хассува я победил за один год. И они выбросили прочь сына Таваннагу. А великий царь голову его отрубил. И к городу Циппасна я пошел. И ночью я поднялся к городу Циппасна. И я вступил с ними в бой. И их связанными я увел. И в страны Божество Солнца вошло.

И я, царь, Табарна, в город Циппасна вошел.

И на город Хахха я, как лев, посмотрел свирепым взглядом. И город Циппасна я разрушил и богов из него взял и передал их Богине Солнца города Аринны. И в город Хахха я пошел. В городе Хахха трижды у ворот я выдерживал бой, и город Хахха я уничтожил. Имущество же из него взял и в город мой Хаттусас отослал. Две повозки были нагружены серебром.

Одну крытую повозку, одну постель из серебра, один золотой стол, один серебряный стол, этих богов города Хахха, одного быка из серебра, один корабль, нос которого выложен золотом, великий царь, Табарна, унес из города Хахха и передал Богине Солнца. Великий царь, Табарна, снял руки рабынь этого города с мельничных жерновов¹¹, и снял руки рабов этого города с серпов и освободил их от несения повинностей и служб, развязал их пояса¹² и передал их Богине Солнца города Аринны, моей госпоже. И я сделал эту свою статую из золота и ее установил перед Богиней Солнца города Аринны. И стену снизу доверху в ее храме я серебром выложил.

Одну повозку с серебром царь города Тимана Великому Царю послал в дар, и я ее передал Богине Солнца города Аринны. Две статуи из алебаstra я передал Богине Солнца города Аринны.

Никто раньше не пересекал реки Пурана [Мала], а я, великий царь Табарна, перешел ее вброд, и мое войско за мною следом перешло ее вброд. Саргон¹³, правда, тоже переходил ее когда-то. Он поразил войска

города Хахха, но городу Хахха он ничего не сделал и он его не сжег в огне, и дыма от тех городов не поднял к небесному Богу Грозы.

А я, великий царь Табарна, уничтожил города Хассува и Хахха и я предал их огню, и дым от них поднял к небесному Богу Грозы. А царя города Хассувы и царя города Хахха я впряг, как упряжных быков¹⁴, в колесницу.

Так кончается таблица о мужественных деяниях Хаттусилиса.

¹Человек города Куссара, – по-видимому, Хаттусилис – начинал свое царствование как царь (князь) города Куссара*. В древнехеттских текстах обычны такие обозначения, как «человек города Цальпы» в смысле «царь города Цальпа».

²Сын брата Тавананны – отражение древнего порядка наследования, при котором власть могла перейти к сыну царицы (матери царя) – Тавананны или к сыну ее брата (члену того же материнского рода, что и Тавананнау.

³Цальпа – крупный город. Черное море хетты называли «морем страны Цальпа». Борьба хеттов за обладание Цальпой завершилась при Хаттусилисе I ее покорением.

⁴Крытые повозки – аккадский термин, использованный здесь, буквально означает «спальная повозка», «повозка-постель». Можно думать, что речь идет о крытых повозках, которые позднее служили передвижными домами у таких иранских племен, как скифы. Терракотовые модели таких повозок удостоверяют их наличие в Передней Азии. Повозки этого типа (скорее всего хуррито-урартского происхождения) найдены в гробницах в Лчашене на обмелевшем берегу озера Севан и выставлены в Историческом музее в Ереване.

⁵Кулак – шумерский клинописный знак (GESPU), означающий «кулак», «власть», «борьба».

⁶«Я посеял сорную траву» – стереотипный образ, встречающийся уже в надписи Аниттаса: место опустошенного города посвящается божеству.

⁷«Сравнил друг с другом пути всех городов» – он указывал другим городам путь к объединению вокруг Хаттусилиса I.

⁸Пурана – Евфрат.

⁹«Как лев» – сравнение царя со львом встречается и в завещании Хаттусилиса I.

¹⁰Ляпис-лазурь – темно-синий камень лазурит, высоко ценившийся у народов Древнего Востока.

¹¹Мельничная работа считалась женской, что отражено и в позднейшем хеттском эпосе.

¹²Развязал их пояса – древнехеттский термин, относящийся к изменению правового положения зависимого человека.

¹³Упоминание в тексте анналов Хаттусилиса I Саргона Аккадского, пересекшего Евфрат (хеттск. Мала или Пурана, аккад. Пуратту) за шесть с лишним веков до Хаттусилиса I представляет значительный интерес для выяснения связей хеттской историко-литературной традиции с древней месопотамской. Автор анналов определяет место походов Хаттусилиса I в известной ему истории завоеваний. По-видимому, Саргон упомянут и в древнехурритском тексте из Богазкёя.

¹⁴То, что обращенных в рабство пленных на Древнем Ближнем Востоке запрягали в ярмо, как быков, известно не только из древнехеттских текстов, но и из месопотамских.

Из хеттских надписей о военных походах

Мелкие древнехеттские тексты сообщают, по-видимому, о войнах более позднего времени, нежели «Летопись Хаттусилиса I».

О войне с городами Хассувой и Хальпой

...Двое людей пришли. Они перед царем сели. Царь им сказал: «Идите! Человеку города Хассувы скажите: «Я иду на тебя! Выходи навстречу. А если ты не выйдешь, то я тебя, как медведя в берлоге, обложу, и ты умрешь, задохнувшись»,

Человек города Хальпы выступил в поход против царя...

...Цалуди, начальник воинов Манда, Цукраши, военачальник человека Хальпы, со своими пешими войсками и колесницами пришли из города Хальпы. Цалуди человеку города Хассувы клинописную табличку послал: «Я сию в крепости¹, ты выступи. Я врага обращу в бегство».

...И царь пришел в город Хаттусас. А из города Хаттусаса пошел в Хальпу²...

О людоедах

Людей они не отличали от своего скота. Того человека, который у них умирал, они обычно съедали. А если они видели тучного человека, то они его убивали и ели.

Так случилось, что человек города Шуды и города Цу... пришли на помощь городу Укапуве. И человек города Шуды и Каниус из города Укапувы пошли навстречу их предводителю – Сыну Лилия. (...).

...После сражения они их всех съели. Только один Цуппас бежал. И они сказали: «Мы взяли послов царя Хальпы, и мы их отпускаем обратно в Хальпу»³. А в городе Тинисиле они схватили мать Цуппаса, и они ее съели.

Когда мы вышли из города Нухаяны, мы устремились к стране Иланцура. Малая Азия (Анатолия). Мы взяли быков и овец, а людей мы одолели силой. Когда мы так теснили людей этой страны, царь Иланцуры к царям войска хурри⁴ Уванта, Урутитта и Увагазана послал за помощью, и он им отправил в дар золотые чаши...

¹ Эта деталь, как и преимущественная активность и инициативность Хальпы по сравнению с Хассувой, позволяет отличать эту войну от войны с теми же городами, описанной в «Летописи».

² Ср.: «Летопись» ничего не сообщает о походе на Хальпу. Как известно из других текстов, «великое царство» хурритов Хальпы позднее покорилось Хаттусилису, затем отложилось от него и было полностью уничтожено Мурсилисом I.

³ Упоминание независимой Хальпы датирует эти события не позднее начала единоличного правления Мурсилиса I.

⁴ Судя по титулу, речь идет о царях-конфедератах Хурри-Ханигальбата. Хурритский, а не индоарийский характер имен этих царей указывает на домитантский период истории Ханигальбата.

Осада Уршу

Этот текст представляет собой выполненный самими хеттами аккадский перевод недошедшего хеттского подлинника и посвящен главным образом разбору упущений и проступков царских слуг, примыкая к жанру популярных у хеттов «назидательных рассказов».

...Сандас принес весть... Царь¹ тогда сказал так: «Сандас, ступай!.. Сделай все как должно. Смотри, чтобы не вышло, что город уже будет разрушен до того, как ты туда придешь! Будь осмотрителен! А не то город будет разрушен и произойдет трех и опустошение. Если же ты будешь осмотрителен, то город не будет разрушен. Когда вы пойдете на сражение, пусть военачальники смотрят внимательно! Воины вражеские, как псы, побегут впереди! Кто этого пса увидит?». Они так отвечали царю: «Мы будем внимательны, и мы избежим греха и опустошения города».

Тогда царь сказал им так: «Если город погибнет, то случится грех, случится преступление». И тогда они отвечали так: «Восемь раз мы вступали в бой, и город хотя и будет разрушен, но греха мы не совершили». И царь был доволен их ответом.

Но они сломали стенобитное орудие. Царь рассердился, и лицо его омрачилось: «Всегда они приносят мне дурные известия; пусть Бог Грозы унесет вас в бурном потоке!» Царь продолжал так: «Не ленитесь! Сделайте стенобитное орудие на хурритский лад, и пусть его скорее доставят. Сделайте башню-гору для осады, и пусть ее тоже скорее доставят. Большое стенобитное орудие делайте из дерева с горы Хассу, и пусть скорее его доставят. Начинайте насыпать землю! А когда кончите, пусть все станут по местам. Пусть тогда враг начнет сражение, это будет безумством с его стороны!»

Тогда Сариванда сказал: «Там холодно сейчас. Завтра начнут земляные работы, а пока можно об этом не беспокоиться». И царь был доволен его ответом.

Царь позвал Сандаса в Лухуцантию и спросил его о подданном человека Кархемыша: «Какие там новости?» Так отвечал Сандас: «Когда Уршу падет, тогда подданный окажется у нас в руках. Сейчас твои подданные сидят на горе и оттуда обзревают вражеский город». Тогда царь спросил его: «Ты меня слушаешь?» – «Я слушаю». – «Ступай и скажи им так: кто бы вы ни были, будьте разумными! И покажите себя верными военачальниками! В Хатти не было ничего плохого. Но когда вот Нунну и Кулет совершили зло, – смотрите, что с ними стало! А что сделал человек из Кархемыша, это вы видели?» Вот что они говорили:

«Разве кто-нибудь думал, что Ирияя придет и скажет, как лжец: «Мы принесем башню и стенобитное орудие». А на самом деле они не принесли ни башни, ни стенобитного орудия. Он подумал, подумал, да и их принес кому-нибудь другому. Так схватите его и скажите ему: «Ты нас обманываешь, а мы из-за тебя обманываем Царя».

«Царь нарушил слово моего отца, слово моего деда... Бояться его не надо. Один-единственный военачальник сюда пойдет, мало воинов сюда пойдет. И ни военачальники, ни главные над пешими воинами сюда не придут».

«...Тридцать боевых колесниц города Хуруххи, которые вошли в город Асиху, удалось захватить и отослать их назад». Тогда Кулет сказал так: «Сыновья Сына Бога Грозы² сражаются за царствование. Что же ты медлишь? А теперь ты что царю принес? Что ты для боя сделал?» А те ему отвечали так: «Только если к нам будут враждебны, мы ответим враждой».

Сандас снова принес донесение. Царь тогда сказал так:

...«Почему вы не дали им сражения? Вы словно стоите на воде, а не на колесницах, и сами чуть не стали течь, как вода. Он вам оплатит за это, еще бы! Вам бы на колени стать перед ним! Вы если не убить его должны были, то хоть бы напугать его. А вы вели себя, как женщины.

Вспомни о сыновьях Лария. Сыновья Лария тоже медлили, хотя они и пели боевую песнь Забабы:

«Рогом бык щенка придавит,

Белолобый бык,

Вот идут быки на битву,

И бегут щенки!»³

Но хоть они так пели, на самом деле они взяли в руки веретена, а стрелы унесли прочь. Иголки они взяли в руки, а палицы свои унесли прочь⁴. Раньше Тудхалияс вот так же передо мной повел себя, как женщина. А теперь ты себя ведешь, как женщина!» И, рассказав это, царь продолжал так: «Ступайте! Когда в Уршу придете, будете вы жечь городские ворота и вести бой как надо?»

И тогда они отвечали царю: «Восемь раз мы с ним вступали в бой. Мы опрокинем их замыслы и возьмем город». Царь отвечал: «Хорошо!».

Но они так и не сделали ничего городу. А многие из слуг царя получили раны в стычках и умирали. Царь разгневался. И он сказал так: «Следите за дорогами. Смотрите, кто входит в город и кто выходит из города. Пусть никто из города не сможет уйти к врагу. Пусть никто не сможет пойти ни к Арвару, ни к Хальпе, ни к войску хурритов, ни к Цуппе!» Они ответили: «Мы следим. Восемьдесят колесниц и восемь пеших отрядов окружают город. Пусть сердце царя успокоится.

Каждый стоит на своем месте». Но вдруг беглец пришел из города. Вот что он рассказал: «Человек царя Хальпы приходил пять раз, человек Цуппы в самом городе, люди Арвары входят в город и выходят из города, человек моего господина – Сына Бога Грозы – входит в город и выходит из него, вот что он сказал: «Как же можно положиться на вас?». Вот что он⁵ говорит: «Я принес серебро, имущество, быков и овец; их я отдал хурритам; и если мне они помогут, я им семикратную дань принесу; и я приведу сыновей страны и еще удвою дань хурритам. И от царя⁶ я помощь приведу». И царь разъярился. И вот что он сказал: «Как же можно положиться на вас? Где же те восемьдесят колесниц и где же восемь отрядов?..».

¹ Скорее всего, Хаттусилис I.

² «Сын Бога Грозы» (хурритского Тешшуба) и «царь войска хурри(тов)» (также «войска манда» [в надписи алалахского царя Идриму]) – титул великих царей Ханигальбата как в домитанийский, так и в митанийский период. «Хурритами» без дополнительных уточнений у хеттов также именовались прежде всего верхнемесопотамские хурриты.

³ Сравнение хеттского героя с быком, самих хеттов – с волчьей стаей, а врагов хеттов (особенно хурритов) – с собачьей сворой – общее место в хеттской литературе. В Лидии сохранился хеттский обряд жертвоприношения щенков богу войны.

⁴ Идиоматические выражения с общим значением «обабились, повели себя не по-мужски».

⁵ Видимо, правитель Уршу.

⁶ Очевидно, царя Хальпы. Подчеркнутое, в том числе на фоне этого примера, отсутствие титулования «царем» правителя хурритов наводит на мысль о раннегосударственном, полуплеменном, т.е. домитанийском периоде истории Хурри-Ханигальбата.

Из текстов времени Хаттусилиса III

В середине XIV в. до н. э. Ближний Восток пережил настоящий политический переворот: усилиями одного из наиболее замечательных исторических деятелей Востока – хеттского царя Суппилулиумаса (ок. 1380-1335 гг. до н. э.) рухнул привычный, трехвековой давности международный порядок, центральным элементом которого являлось государство верхнемесопотамских хурритов (с XVI в. – Митанни), а образовавшийся вакуум заполнили две силы: сами хетты, на короткое время превратившиеся в ведущую силу Ближнего Востока, и новое государство Ашшур, которое только в этой ситуации смогло превратиться в великую державу (впоследствии именно от XIV в. отсчитывалось время существования ассирийской «империи» в Азии).

Этот важнейший по своим историческим последствиям переворот подробно освещен аккадоязычными и хеттоязычными текстами из Богазкейского и Амарнского архивов. Его историческая реконструкция представляет собой увлекательную и сложную задачу, так как мы далеко не всегда можем четко соотнести друг с другом и упорядочить многочисленные свидетельства источников.

Приведенные ниже тексты конспективно описывают основные внешнеполитические достижения Суппилулиумаса за все время его царствования.

Из KBo VI 28

В прежние дни страны Хатти были разорены (вторжениями) извне. Вражья сила страны Каска пришла и повоевала страны Хатти, и она сделала город Ненасса своей границей. В Нижнюю Страну извне пришла вражья сила страны Арцава, и она тоже повоевала страны Хатти, и она сделала город Туванува и город Уда своей границей. Извне пришла вражья сила страны Араванна и повоевала всю страну Кассия. Извне пришла вражья сила страны Акци и повоевала все Верхние Страны, и она сделала город Самуха своей границей. Пришла вражья сила страны Исува и повоевала страну Тегарама. Извне пришла вражья сила страны Армадана, и она тоже повоевала страны Хатти, и она сделала Город Киццувадна¹ своей границей. И Хаттуса-город был сожжен, и (только)... и мавзолей... (такого-то) уцелел.

Когда (же) мой дед Суппилулиумас, великий царь, герой, возвысился и (затем) вступил на престол, он изгнал врагов из стран Хатти, и вновь привел страну Хатти в порядок, и вновь заселил страну Хатти. И он двинулся и [покорил все] страны Хурри², он захватил страну Халпа (и) страну Каргамыс, (и) поставил Пиассилиса царем в стране Каргамыс. Потом он поставил Телепинуса царем в стране Халпа³. Потом он двинулся дальше. В стране Нухассэ он поставил Тетте царем. И он сделал своей границей страну Амурру⁴. ...Страны он сделал [покорными]... ...[рубежи] он утвердил, и он сделал (так), что город Хаттусу заселили вновь.

Из KUB XIX 9

...Их (утраченные страны) мой дед Суппилулиумас возвращал, пока в порядок не привел. Тогда у него заняло двадцать лет, чтобы их обратно отвоевать. Когда же мой дед Суппилулиумас (сам) вступил в страну Хурри⁵, он покорил все страны Хурри, и он утвердил границу на этой стороне (Евфрата) (по) стране Кинца (и) стране Амурру, и покорил (владения) царя страны Мицри (Египта). А на той стороне (Евфрата) он разгромил

страну Ирридэ и страну Суда, и сделал реку Мала (Евфрат) своей границей. И так эти (страны) он принял в подданство на месте, а что было за рекой Мала, он покорил силой. И своих сыновей он сделал царями: в стране Хал па он сделал царем Телепинуса, в стране Каргамыс он сделал царем Пияссилиса. Мой дед Суппилиумас оставался (на месте) в странах Хурри, ибо (эти) страны были сильны, и у него заняло шесть лет, чтобы привести их в порядок⁶. Но тем временем страна Исхупитта стала враждебна, и она взбунтовала все страны, и все страны стали враждебны.

¹ Хетты часто именовали столицу страны по названию самой страны (Город Кищувадна – Кумманне, столица Кищувадны; Город Хатти – Хаттуса; Город Астата – Эмар, столица Астаты и т.д.).

² «Странами Хурри» называлось все пространство, занятое хурритскими государствами, «Страной Хурри» в ед. числе – сильнейшее из них (в XVI-XIV вв. до н. э. – Митанни).

³ До того Телепинус был таким же удельным правителем особого царства, образованного хеттами на территории Северной Кищувадны с центром в храмовом городе Кумманне.

⁴ В ливанских горах, ср. в тексте IV о горах Ливана как границе завоеваний Суппилиумаса.

⁵ О значении здесь ед. числа «Страна Хурри» см. прим. 2 к этому тексту

⁶ Эта война в литературе именуется «Хурритской», «Третьей сирийской» и «Шестилетней» кампанией Суппилиумаса. Вскоре после нее Суппилиумас умер от чумы, занесенной военнопленными – египтянами.

Автобиография Хаттусилиса III

Так говорит Табарна¹ Хаттусилис, Великий царь, царь стран Хатти, сын Мурсилиса, Великого царя, внук Суппилиумы, Великог царя, царя страны Хатти, потомок Хаттусилиса, царя города Куссара.

Я говорю о божественном чуде Иштар. Да услышит о ней человечество. И в будущем среди богов Моего Солнца², сына, внука и по-томства Моего Солнца да будет оказываться почтение Иштар.

Отец мой Мурсилис породил нас четверых детей – Хальпасулуписа, Муваталлиса, Хаттусилиса и дочь по имени «Рабыня богов». Из них всех я был самым младшим. И когда я еще был ребенком и у ме-ня была придворная должность конюшего, богиня Иштар, госпожа моя, Мурсилису, отцу моему, посредством сна послала брата моего Муваталлиса с такой вестью: «Года Хаттусилиса коротки. Не жить ему. Но мне отдай его. И да будет он моим жрецом. Тогда он оста-нется в живых». И мой отец взял меня еще ребенком и отдал меня божеству в услужение. И, служа божеству как жрец, я совершал жертвенные возлияния. И так, когда в руку свою меня взяла богиня Иштар, госпожа моя, я увидел благоденствие. И Иштар, госпожа моя, взяла меня за руку, и она мне являла свое божественное чудо.

Когда же отец мой Мурсилис стал богом³ и мой брат Муваталлис сел на трон своего отца, я перед лицом своего брата стал военачаль-ником. И брат мой поставил меня главным над придворными – мешеди, и он мне дал в управление Верхнюю страну⁴. И тогда я стал править Верхней страной. Но передо мной Армадаттас, сын Цидаса, правил ею. И оттого что богиня Иштар, госпожа моя, оказывала мне милость и брат мой Муваталлис был ко мне расположен, когда люди увидели милость ко мне Иштар, госпожи моей, и расположение брата моего, они мне позавидовали. И Армадаттас, сын Цидаса, и другие люди начали строить козни против меня. И они зло мне причинили. И я попал в беду. Брат мой Муваталлис предназначил меня к испытанию у колеса⁵. Иштар же, госпожа моя, мне во сне явилась, и мне она посредством сна сказала вот что: «Злому божеству разве я тебя отдам? Ты не бойся». И я от наваждения злого божества очистился. И оттого, что меня богиня, госпожа моя, держала за руку, она никогда не отдавала меня ни злomu божеству, ни злomu суду. И оружие врага моего меня не могло поразить. Иштар, госпожа моя, оберегала меня от всех напастей. Если я заболел, даже больной я видел божественную власть Иштар. Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. Я был тем человеком, кому была явлена власть богини, и перед лицом богов в божественном чуде я шел. Мне не случалось делать дурного дела человеческого. Божество, госпожа моя, оберегала меня ото всех напастей. Разве не так это было? Иштар, госпожа моя, мимо меня не проходила во время, когда было страшно. Врагу меня она не оставила, и тому, кто со мной по суду тягался, завистникам моим она меня не оставила. Кто бы ни угрожал мне – враг, противник по суду или решение царского двора, – Иштар, госпожа моя, держала щит ото всех. И она от всего оберегала меня. Врагов моих и завистников Иштар, госпожа моя, в руку мне положила, и я покончил с ними.

Когда же брат мой Муваталлис увидел, в чем было дело, и по поводу меня никаких дурных мыслей у него не осталось, он призвал меня обратно. И он дал мне под начало пешее войско и колесницы страны Хатти, и я правил всем войском страны Хатти. И меня мой брат Муваталлис часто отправлял в походы. А оттого, что Иштар, госпожа моя, ко мне благоволила, я свой взгляд храбро обращал на враждебную страну, а на меня враг не смел взглянуть. И я побеждал все новые и новые вражеские страны Со мной было благоволение Иштар, госпожи моей. И какой бы враг ни был тогда в пределах зе-мель Хатти, я его изгнал из земель Хатти. А о всех тех вражеских странах, что я победил, пока еще был молодой, об этом я составлю особую клинописную табличку, и я ее помещу во храме перед лицом божества.

Когда же мой брат Муваталлис по слову божества, своего покровителя, пошел в Нижнюю страну и оставил Хаттусас, мой брат взял с собой богов Хатти и изображения мертвых царей, и он перенес их в Нижнюю страну. И снова тогда страна Каска⁶, страна Писхуру, страна Исхупитта и страна Даистипасса восстали. И они

взяли себе страну Ландас, страну Марикта и укрепленные города. И враг перешел реку Марассанда⁷... и стал нападать на страну города Канес⁸. Жители городов Курустама и Гациура в своих областях против страны Хатти стали воевать, и они стали нападать на опустошенные города Хатти. Враг же из страны Дурмитта начал нападать на страну Тахуппия. А из-за того, что страна Иппассанема была опустошена, враг оттуда стал совершать набеги на страну Суватара. И только два города – ...и Истахараса – избежали этой участи. Но в тех областях, которые были отторгнуты врагом, десять лет еще потом не сеяли. Далее, в те годы, когда брат мой Муваталлис был в стране Хатти, все области страны Каска стали вести войну, и они разорили страну Садуппа и страну Данкува. И тогда брат мой Муваталлис послал меня в бой и определил мне ставку в Паттияриге. Но он мне дал мало пешего войска и колесниц. Но я взял с собой немногo вспомогательных отрядов из запасных войск страны. И я пошел в поход, и я оттеснил врагов в город Хахху, и я дал им сражение. И Иштар, госпожа моя, мне споспешествовала, и я их разбил. И я увековечил себя той победой. И каждого хетта, которого враг держал у себя, я взял от него прочь и снова поселил его на прежнем месте. А помощников врагов я взял и отправил их к моему брату. И это был мой первый подвиг мужа. Иштар, госпожа моя, в этом походе в первый раз возвестила мое имя

Так случилось, что враг из Писхуру снова вторгся, и Карахна и Мариста были посреди враждебной земли, и с одной стороны Танна-ста была его границей, а с другой стороны Тальмалия была его границей. Колесниц у него было восемьсот, а его пешему войску не было счета. Но меня мой брат Муваталлис послал ему навстречу, и мне он дал сто двадцать колесниц. А из пеших воинов со мной не было ни одного. И мне тогда Иштар, госпожа моя, споспешествовала. И теми лишь силами, что у меня были, я победил врага. Когда я поубивал каждого, кто помогал врагу, враг бежал. Жители же городов, которые были отторгнуты от страны Хатти, снова выступили, и они стали нападать на врага. И я увековечил себя победой в Виставанде. Со мной было благоволение Иштар, госпожи моей. Оружие же, которое у меня было в том сражении, я украсил золотом богато, и я его положил перед богиней, моей госпожой.

За мной следом пришел мой брат Муваталлис и отстроил заново города Анциллию и Тапикку. И он ушел прочь, близко ко мне он не подошел. Войска и колесницы страны Хатти, которые он перед тем прислал, он увел прочь. Потом он собрал вместе в одном месте богов города Хатти и изображения мертвых царей и отправил их вниз, в город Даттассу, после того, как он взял этот город Даттассу, а потом он в нем расположился. Но он не пошел к городам Дурмитте и Курустама. В тех странах меня он оставил. Он отдал мне эти разоренные земли, чтобы я ими управлял. Я правил страной Исхупитта, страной Мариста, страной Хиссасхапа, страной Катала, страной Ханкана, страной Драхна, страной Хаттена, страной Дурмитта, страной Пала, страной Тумана, страной Гассия, страной Саппа, страной Желтой Реки, всеми колесницами и всеми людьми золотого копья. Страну же Хакписса и страну Истахараса он мне отдал в подданство, и в стране Хакписса он сделал меня царем. И в тех разоренных землях, которые он мне отдал, из-за того, что Иштар, госпожа моя, меня за руку взяла, одних врагов я покорил, другие заключили со мной мир. И Иштар, госпожа моя, мне помогала. Эти опустошенные земли я сам вновь заселил, и я их снова сделал хеттскими.

Когда так случилось, что брат мой однажды пошел походом на Египет, тогда население, пешее войско и колесницы этих земель, которые я снова заселил, я повел в поход против Египта на помощь своему брату. Перед лицом своего брата я ведал пешим войском и колесницами страны Хатти, и ими я правил. Когда же Армадаттас, сын Цидаса, увидел благосклонность ко мне Иштар, госпожи моей, и моего брата, он несколько не стал мне содействовать. Напротив, он вместе с женой своей и сыновьями меня стал околдовывать. Самуху, город божества, он наполнил колдовством. Когда же я шел походом обратно из Египта, я пошел в город Лавацантию, чтобы совершить жертвенные возлияния богине, и я поклонился богине. И по слову богини я взял в жены Пудухепу, дочь Пентисарриса, жреца. И мы соединились с нею, и нам божество дало любовь мужа и жены. И у нас родились сыновья и дочери. Потом богиня, госпожа моя, мне сказала: «Ты со своим домом иди ко мне в услужение». И вместе с домом я перешел под защиту божества. И к нам в дом, который мы устроили, божество пришло.

Когда же Хакписса восстала, я изгнал прочь людей страны Каска, и я их покорил. И я стал царем страны Хакписса, а ты, Пудухепа, стала царицей страны Хакписса.

Когда же так случилось, что из царского дворца пришло судебное обвинение, Иштар, госпожа моя, знаменiem своим явила в то время божественное чудо. И она на судебное обвинение послала ответное обвинение. Армадаттаса вместе с его женой и сыновьями уличили в колдовстве, и ему представили обвинение. Он наполнил колдовством Самуху, город божества. И его передо мной богиня, госпожа моя, унизила. Брат мой его передал мне и сказал: «Сиппацитис в этом не замешан». И оттого, что мой брат меня, невиновного, сделал победы телем в судебном споре, я Армадаттасу в ответ не сделал зла. И поскольку Армадаттас был моим родственником, и он был уже стариком и был больным человеком, я его отпустил. Я отпустил и Сиппацитиса, Отпустив их и ничего им не сделав, я послал Армадаттаса и его сына на остров Аласия⁹, я взял половину его имущества, а половину отдал назад Армадаттасу.

...И мой брат умер. Из почтения к своему брату я тогда не сделал ничего дурного. В то время у моего брата не было законного сына. Я взял Урхитессупа, сына второй жены брата, и я его поставил госпо-дином в стране Хатти. И я дал ему в руки все войско. И в землях Хатти он был Великим царем. Я же был царем в Хакписса. И я ходил в поход с пешим войском и с колесницами. И поскольку город Не-рик¹⁰ с дней Хантилиса

был разрушен, я его взял и отстроил заново. Все страны, что соседствуют с Нериком и граничат с городами Нерой и Хассурой, все те страны я покорил и их сделал данниками.

...Когда же Урхитессуп увидел такое расположение божества ко мне, он мне позавидовал и стал чинить мне зло. Он отнял у меня всех моих подданных. Он отнял у меня Самуху. Опустошенные земли, что я заселил снова, все их у меня он отнял, и он меня унизил. Но по слову бога Хакписсу он у меня не отнял. Потому что я был жрецом Бога Грозы города Нерика, поэтому он не взял его прочь от меня. А я не сделал ничего дурного из почтения к своему брату. Семь лет я все терпел. Но он по слову бога и по слову человека стремился меня погубить. И он отнял у меня город Хакписсу и город Нерик. Тогда уже больше я не стерпел. И я с ним стал воевать. Но когда я с ним стал воевать, я не сделал ничего, что оскверняет. Разве я восстал против него в колеснице или во дворце восстал против него? Я объявил ему войну, как подобает врагу: «Ты со мной враждовал. Те-перь ты Великий царь. Я же царь одной крепости, что ты мне оставил. Иди! Иштар города Самухи и Бог Грозы города Нерика рассудят нас по суду». Когда я так писал Урхитессупу, если бы кто-нибудь в это время сказал мне: «Зачем раньше ты его поставил на царствование? И почему сейчас ему ты пишешь о войне?», то я бы ответил: «Если бы со мной он сам не стал враждовать, разве боги унизили бы праведного Великого царя перед малым царем? Но теперь из-за того, что он враждовал со мной, боги по суду его унизили передо мной». И когда эти слова я ему объяснил – «Иди!» – он перешел Марассанду и прошел в Верхнюю страну. И с ним был Сиппацитис, сын Армадат-таса. И он ему велел собрать войска Верхней страны. Но из-за того, что тот был ко мне дурно расположен, он не имел успеха.

Богиня Иштар, госпожа моя, еще до того мне обещала царствование. А в то время Иштар, госпожа моя, явилась моей жене во сне и сказала ей: «Я помогу твоему мужу. И всю страну Хатти поведет твой муж. Я его возвысила. Я его никогда не отдавала ни злomu суду, ни тому божеству. Теперь я его вознесу. Я его поставлю жрецом Солнечной Богини Аринны». И Иштар, госпожа моя, богиня-покровительница, мне помогала. И что она мне сказала, так все и случилось. И Иштар, госпожа моя, многими знамениями являла мне божественное чудо. Тем сановникам, которых Урхитессуп когда-либо отстранил, им она являлась во сне, говоря: «Ваша сила вам возвращается. Я, Иштар, повернула все земли Хатти на сторону Хаттусилиса». И тогда и много раз видел проявления божественной власти Иштар. Раньше она никогда не оставляла Урхитессупа, а теперь она заперла его в юрде Самухе, как свинью в хлеву. А меня поддерживали даже те люди из племен Каска, что были прежде враждебны. И весь Хаттусас поддержал меня. А я из почтения к своему брату не сделал ничего дурного. В город Самуху к Урхитессупу я пошел, и его как пленника я вниз доставил, и я ему дал укрепленные города в земле Нухассе, и он там остался. Он было замыслил другой замысел и чуть было не отправился в страну Карадуния, но я об этом деле услышал, и я его схватил, и я послал его на ту сторону моря. А Сиппацитиса отослали за границу, и я взял его владения и передал их Иштар, госпоже моей, го словами: «Это я дал Иштар, госпоже моей; Иштар, моя госпожа, пела меня вверх от почести к почести».

Я был царевичем, и я стал главой придворных – мешеди. Я был главой придворных – мешеди, и я стал царем Хакписса. Я был царем Хакписса, и я стал Великим царем. Иштар, госпожа моя, мне моих тенетников, врагов и противников по суду в руки отдавала. Кто из них умер, сраженный оружием, кто умер в назначенный ему день, но я с ними со всеми покончил. И мне Иштар, госпожа моя, дала царскую власть над страной Хатти, и я стал Великим царем. Она меня паяла царевичем, и меня, Иштар, госпожа моя, к царствованию допустила. И те, кто был хорошо расположен к царям, правившим до меня, те и ко мне стали хорошо относиться. И они стали мне посылать послов и посылать мне подарки. Но те дары, что они посылают мне, они не посылали ни моим отцам, ни моим дедам. Те цари, которые должны были меня почитать, меня почитали. Те страны, что были мне враждебны, я покорил. Край за краем я присоединил к землям Хатти. Кто враждовал с моими отцами и дедами, те со мной заключили мир. И оттого, что Иштар, госпожа моя, ко мне благоволила, я из почтения к своему брату не сделал ничего дурного. Я взял сына своего брата и поставил его царем в том самом месте, в Даттасе, который был владением моего брата, Муваталлиса. Иштар, госпожа моя, ты меня малым ребенком взяла, и ты поставила меня царствовать на престол страны Хатти. Я же дал Иштар имущество Армадаттаса. И его отнял у Армадаттаса и ей передал. Что было у него раньше, то я ей передал. Что у меня было, я ей тоже отдал. Я взял это от себя и отдал божеству. Имущество Армадаттаса я дал ей, а в городах, что принадлежали Армадаттасу, устроят посвященные ей храмовые хозяйства, где будут потрясать сосудами для возлияний. Иштар – моя богиня, и да будут совершены жертвенные возлияния в честь прославляя мой Иштар. И какие царские усыпальницы с их храмовыми хозяйствами я построил, я их передал богине. И сына моего Тутхалияса я передаю тебе в услужение. Пусть сын мой Тутхалияс правит домом боги ни Иштар. Я раб богини, пусть и он будет рабом богини. В храмовых хозяйствах, что я дал богине, пусть богине он все совершает обряды.

Если кто в будущем отстранит потомка Хаттусилиса и Пудухеппи от службы Иштар или пожелает амбаров, кладовых, владения, утвари, гумна, принадлежащего Иштар из Самухи, то пусть Иштар из Самухи будет его противником по суду. Пусть никто не облагает потомка Хаттусилиса и Пудухеппи налогами и не требует от него повинности.

В будущем тот сын, внук или потомок Хаттусилиса или Пудухеппи, кто взойдет на престол, пусть среди богов почитает Иштар.

¹ Табарна (или Лабарна) – древнее обозначение царя у хеттов, возможно, восходящее к хаттской традиции.

² Мое Солнце – официальный царский титул («Мое Величество»).

³ ...стал богом – т.е. скончался.

⁴ Верхняя страна – область на северо-востоке Хеттской державы.

⁵ ...испытание у колеса – обряд испытания (ордалии), совершавшийся на ритуальном столбе, к вершине которого прикрепляли колесо – символ солнца.

⁶ Земли племен, живших на севере Малой Азии.

⁷ Марассанда – р. Кызыл-Ирмак.

⁸ Канес – г. Неса, древний хеттский религиозный и политический центр.

⁹ ...остров Аласия – Алашия, Кипр.

¹⁰ Нерик – священный город хатти на севере Хеттской державы, завоеванный касками.

«Молитва Мурсилис II»

Текст кратко излагает события, отраженные и в других документах. Цель автора – обнаружить вину, лежащую на хеттах и вызвавшую чуму. Поэтому данный текст рисует указанные события по-иному, нежели прочие источники, и куда менее лицемерно для хеттов

Бог Грозы города Хатти, мой господин, и вы, боги города Хатти, господа мои! Меня послал Мурсилис, Великий царь, ваш раб, сказав мне: «Иди и так скажи Богу Грозы города Хатти, господину моему, и богам, моим господам: вот как вы поступили! В страну Хатти вы чуму допустили. И чумой страна Хатти отягощена». Еще во времена правления отца моего и брата моего от чумы умирали, а с тех пор, как стал я жрецом богов, и перед моим лицом умирают, и этому уже идет двадцатый год. Ту чуму, от которой умирают в стране Хатти, никто прочь из этой страны не уводит. И с волнением в сердце своем я никак не справлюсь. И со страхом в сердце своем я никак не справлюсь.

Когда я совершал обрядовые праздники, я служил всем богам, и входил я в разные храмы. По поводу чумы я совершал моления всем богам, и всем вам я совершил жертвенные возлияния, так говоря: «Услышьте меня вы, боги, господа мои, и изгоните чуму прочь из страны Хатти! Город Хаттусас чумы сам никак не осилит! По какой же причине умирают в стране Хатти, это пусть будет открыто посредством оракула, или пусть во сне я это увижу, или пусть человек, знающий волю богов, об этом скажет!» Но меня боги не услышали.

И в стране Хатти чума не кончилась. И страна Хатти была крайне отягощена.

И умирали уже и те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще оставались в живых. И мысль об этом тяготела надо мной. И о причинах гнева богов я стал спрашивать у оракулов. И я нашел две старинные таблицы. Одна таблица была о жертвоприношении у реки Мала¹. Прежние цари всегда совершали жертвоприношения у реки Мала. Но теперь, с тех пор как со дней отца моего в стране Хатти умирают, мы ни разу не совершили жертвоприношение у реки Мала.

Вторая же таблица – о городе Курустаме. В ней говорилось, как бог Грозы города Хатти привел людей Курустама в Египет, и как Бог Грозы города Хатти между ними и людьми Хатти заключил договор, и поклялись в том договоре именем Бога Грозы города Хатти. И люди Хатти, и люди Египта были связаны клятвой перед Богом Грозы города Хатти. Но так вышло, что люди Хатти повернули все по-иному. И клятву перед божеством люди Хатти разорвали. И мой отец послал пешие войска и колесницы. И они нанесли удар по границам Египта, вторглись в страну города Амка. И снова он послал войска, и снова они наносили удары. Когда же люди Египта испугались, они пришли и просили у отца моего сына его на царствование. Но когда отец мой дал им своего сына и они его увели с собой, там они его убили. Мой же отец разъярился. И он пошел в Египет. И он поразил пешее войско и колесницы Египта. И тогда Бог Грозы города Хатти, господин мой, по суду возвысил отца моего. И он победил пешее войско и колесницы Египта. И он их разбил. Но тех военнопленных, которых он схватил там, он вел с собой назад, в страну Хатти, а среди них началась чума, и они начали умирать.

Когда же взятые в плен были приведены в страну Хатти, тогда военнопленные привели с собой чуму в страну Хатти. И с того дня в сердце страны Хатти продолжают умирать от чумы.

И когда я нашел ту таблицу о стране Египта, я стал спрашивать у божества с помощью оракула: «Этот вопрос надлежит решить, узнав у Бога Грозы Хатти. Потому ли он рассердился, что люди Египта и люди Хатти были связаны клятвой перед Богом Грозы Хатти; потому ли, что демоны были в святилище Бога Грозы Хатти, господина моего, и что слово свое люди Хатти нарушили? Не по этой ли причине Бог Грозы Хатти, господин мой, рассердился?» Такой вопрос был задан оракулу.

И относительно жертвоприношения у реки Мала я спросил у оракула, не было ли его отсутствие причиной чумы. И оракул тогда определил, что я должен обратиться к Богу Грозы Хатти, господину моему. Смотрите же! Я признал свою вину перед Богом Грозы: «Это истинно так, мы это сделали». Но это не перед моим лицом совершилось, а произошло еще во время отца моего, и об этом я узнал перь. Вот причина чумы: Бог Грозы города Хатти из-за того рассержен и оттого в середине страны Хатти умирают... Услышьте мою молитву. И уведите чуму прочь из страны Хатти!

Когда я задал вопросы оракулу и на них мне был дан ответ, тогда я стал давать возмещение за содеянное. И я постоянно буду давать возмещение.

С тех пор как оракул ответил о причине гнева божества, ставшего причиной чумы, я совершал жертвоприношения Богу Грозы города Хатти... Тебе, Бог Грозы города Хатти, я совершал жертвенные обряды и буду их совершать. А что касается жертвоприношения у реки Мала, о котором оракул дал ответ, что и оно было причиной чумы, так я как раз иду сейчас походом к реке Мала, и позвольте мне, Бог Грозы города Хатти и вы боги, мои господа, возместить тогда за не совершенное прежде жертвоприношение у реки Мала. Я совершу жертвоприношение у реки Мала, и я его выполню, как должно. Я его совершу по причине чумы, и вы, боги, смилостивьтесь надо мною, и пусть в стране Хатти чума пройдет.

Бог Грозы города Хатти, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все и совершается: кругом грешат. Вот и отец мой согрешил. Он нарушил слово, данное Богу Грозы города Хатти, господину моему, я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня перешел грех отца моего. Но смотрите! Этот грех я признал воистину перед Богом Грозы города Хатти, господином моим, и перед богами, моими господами: «Это истинно так, мы это сделали».

Но после того, как я признал грех отца своего, да смягчится душа Бога Грозы, моего господина, и богов, господ моих. Смилостивьтесь теперь надо мной и изгоните чуму прочь из страны Хатти! И те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, ее вершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть у меня больше не умирают.

Видите, из-за чумы я совершил молитву Богу Грозы, господину моему. Услышь меня, Бог Грозы города Хатти, господин мой, и оставь меня в живых! Я так тебе скажу об этом: «Птица возвращается в клетку, и клетка спасает ей жизнь. Или если раба почему-либо становится тяжело, он к хозяину своему обращается с мольбой. И хозяин его услышит его и будет к нему милостив: то, что было ему тяжело, хозяин делает легким. Или же если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хозяин хочет сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, хозяин его смягчится, и хозяин этого раба не накажет. Я же признал грех отца моего. «Это истинно так. Я это сделал». Если же нужно возместить, то возмещение давно уже было сделано: эта чума и была многократным возмездием. Военнопленные, которых привели из Египта, и земледельцы, которых привели из Египта, от них все и пошло. То, чем город Хаттусас во время чумы возместил за грех, было двадцатикратным возмездием. И это совершается уже с давних пор. Но все же у Бога Грозы города Хатти, моего господина, и у богов, моих господ, душа не смягчилась. Если же вы от меня хотите особого возмещения, то скажите мне об этом посредством сна, и я вам дам это возмощение».

Услышь меня, я тебе молюсь, Бог Грозы города Хатти, господин мой. Оставь меня в живых! А если по этой же причине -- потому, что возмещение еще не дано, -- кругом умирают, то до тех пор, пока не совершу всего необходимого, те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб, и те немногие жрецы, совершающие жертвенные возлияния, что еще остались в живых, пусть больше не умирают. Если же и по какой-либо другой причине кругом умирают, то пусть я это либо во сне увижу, либо пусть это будет открыто посредством оракула, либо пусть человек, одержимый богами, об этом скажет, либо же и поручу всем жрецам, чтобы они спали на обрядово чистом ложе, дабы им это открылось. Бог Грозы города Хатти, господин мой, оставь меня в живых! И пусть боги, мои господа, явят мне божественное чудо. И пусть это чудо кто-нибудь из жрецов увидит во сне. По какой причине кругом умирают, пусть это станет известно. И на разящий серп мы наденем тогда чехол. Бог Грозы, господин мой, оставь меня в живых! И пусть чума будет уведена из страны Хатти.

Конец второй таблицы: «Как Мурсилис по поводу чумы молился богам».

¹ Древнее название Евфрата.

Из договора Мурсилиса II, царя Хатти, с Талмэжаррумой, царем Халапа

Приведенная ниже историческая преамбула договора призвана не проследивать полную историю хетто-халапских отношений, а привести последовательный ряд примеров вида: «прегрешение» Халапа против хеттов -- последовавшее возмездие. В итоге здесь излагается ряд ключевых эпизодов хетто-митаннийской борьбы за Сирию, в том числе с начала Новохеттского периода.

...Когда Тудхалиас (II), великий царь, на престол царства воздвигся¹, царь страны Халап, вступив с ним (сначала) в союз, (потом) отложился, и (тогда тот) царь страны Халап [соединился] с царем страны Ханигальбат. И царя страны Ханигальбат, и царя страны Халап он (Тудхалиас) из-за этого дела вместе с их странами вконец сокрушил, и город Халап он разрушил.

Царь страны Халап против царя страны Ханигальбат совершил грех, и против, Хаттусилиса (II)², царя страны Хатти, он [таким же образом] (потом?) совершил грех. Сыновья страны³ Астата и сыновья страны Нухассэ города и области страны Халап царю страны Мэттаннэ передали. И царь страны Мэттаннэ сыновьям страны Астата и сыновьям страны Нухассэ города и области страны Халап в дар отдал. И таблицу им об этих городах и областях он написал и надпечатал ее своей печатью. Сыновья города Халапа против Хаттусилиса,

царя страны Хатти, совершили грех. Сыновья страны Астата и сыновья страны Нухассэ Хаттусилису, царю страны Хатти, таким же образом города и области страны Халап передали. [И Хаттусилис, царь страны Хатти, таким] же образом города и области страны Халап сыновьям страны Астата и сыновьям страны Нухассэ в дар отдал. И таблицу им об этих городах и областях он написал, и надпечатал ее своей печатью, и они хранили (ее)⁴.

[Когда Суппилиумас], великий царь, царь страны Хатти, мой отец, на трон царства воздвигся⁵, он... и страну Каргамыс, страну Халап и страны Нухассэ, [которые были (под властью) царя страны Мэттаннэ, и страну Кинца], которая была (под властью) царя страны Мицри, захватил... И своей границей он сделал горы Ниблани⁶. И города и области страны Халап, которые сыновьям страны Астата и сыновьям страны Нухассэ [в качестве дара Хаттусилис, великий царь], царь страны Хатти дал, он отобрал назад.

¹ Речь идет об основателе Новохеттской династии, узурпаторе – хуррите, связанном с родством с хурритами Кищувадны, но принявшем неситское тронное имя Тудхалиаса в память древнехеттского Тудхалиаса I (ок. 1700 г. до н. э.).

² Таинственная фигура, так как при всех своих внешнеполитических успехах он, единственным из хеттских царей, не попал в их поминальные списки (хотя там хватало и узурпаторов, и царевудийц).

³ Т.е. гражданство, полноправное население.

⁴ Предполагаемый ход событий: Халап отложился от царя Митанни (Ханигальбата), а сохранившие верность последнему Астата и Нухашше захватили часть территории мятежников, утвержденную за ними Митанни. Потом, когда Хаттусилис II вторгся в Сирию, Халап оказал ему сопротивление, в то время как Нухашше и Астата перешли на его сторону, и Хаттусилис сохранил за ними их старые приобретения за счет Халапа. В момент походов Хаттусилиса Халап, очевидно, был враждебен сразу и хеттам, и митаннийцам, и поэтому текст разговора говорит о «вине» Халапа и перед хеттами, и перед Ханигальбатом.

⁵ Суппилиумас также был узурпатором.

⁶ Ниблани, Либлани – горы Ливана.

Из «Деяний Суппилиумаса»

Этот обширный текст, составленный от лица Мурсилиса II, подробно повествует о свершениях его отца. К сожалению, он сохранился далеко не полностью, но и в дошедшем до нас виде сообщает ряд ценных сведений о митаннийской политике Суппилиумаса.

...¹ Кочевые племена пришли в несметном множестве и ночью начали нападение на войско моего брата². Тогда боги моего отца помогли моему брату, и он разбил кочевые войска неприятеля и убил врагов. И когда он победил кочевников, страна врага увидела его силу, и все области стран Арция и Кархемыша с ним заключили мир, и город Мармурига тоже с ним заключил мир.

В стране Кархемыша только сам город Кархемыш не заключил с ним мира. И тогда Жрец – мой брат – оставил шестьсот человек, и колесницы, и Лупаккиса, начальника десятских в войске, в стране Мармурига, а сам пришел в Хаттусас повидаться, с отцом. Но мой отец был в городе Уда и совершал религиозный обряд. Там он его и встретил.

Но когда хурриты увидели, что Жрец ушел, войска и колесницы хурритской страны пришли, и Такухли, амуикун³, был среди них, и они окружили Мармуригу. И их было больше по числу, чем войск и колесниц хеттов, что были там. К стране Кинца, которую мой отец завоевал, пришли воины и колесницы Египта, и они напали на страну Кинца. И отцу моему принесли слово: «Тех воинов и колесницы, что в стране Мармурига, хурриты окружили!». Тогда отец мой собрал войска и колесницы и пошел в страну хурритов⁴. И когда он пришел в город Тегарамма, он сделал смотр своим войскам и колесницам в городе Тальпе. Тогда он послал сына своего Арнувандаса⁵ и Цидаса, главного над придворными – мешеди, из Тегараммы вперед, в страну хурритов. И когда Арнувандас и Цидас пришли в страну хурритов, противник вышел им навстречу. Тогда боги моего отца помогли ему, и они разбили врага... Когда отец мой пришел сам в страну хурритов, он не встретил врагов из хурритской земли. И тогда он спустился к городу Кархемышу и окружил его с одной стороны и с другой.

Когда отец мой был в стране города Кархемыша, он послал Лупаккиса и Тархунтацалмаса в область Амка. И они отправились, и напали на Амка, и привели захваченных военнопленных, быков и овец к моему отцу. Когда же люди Египта услышали о нападении на Амка, они испугались. А кроме того, их господин Нибхурурия⁶ как раз в это время умер, поэтому царица Египта, которую звали Дахамунзус⁷ послала гонца к моему отцу и так ему написала: «Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем! Я боюсь такого позора!». Когда мой отец услышал это послание, он созвал по этому поводу Совет великих сановников и сказал им: «Прежде со мной ничего похожего не случилось!» И так вышло, что мой отец послал в Египет Хаттусацитиса, постельничего, наказав ему: «Иди! Принеси мне назад слово о том, что там на самом деле! Уж не обманывают ли они меня? Может быть, в действительности у них есть сын их господина? Принеси мне назад слово о том, что там на самом деле!».

Тем временем, пока Хаттусацитис еще не вернулся из Египта, отец мой победил город Кархемыш. Он его осаждал семь дней, а на восьмой день он дал сражение. И в жестоком бою на восьмой день он покорил город. А когда он покорил город, из-за того, что отец мой боялся богов, он никому не позволил подойти к образам богов

Кубабы и Божества-Защитника, и ни к одному из храмов богов близко он не приближался. Нет, он даже поклонился им и принес подношение. Но из нижнего города он увел военнопленных, серебряные, золотые и бронзовые изделия и отправил их в Хаттусас. А военнопленных, что он отправил в царский дворец, было три тысячи триста тридцать. А тем, что хетты увели с собой в страну хеттов, не было счета. Тогда он призвал своего сына Саррикусуха⁸ и дал ему страну Кархемыш и город Кархемыш в правление. И он сделал его отдельным царем.

Но после того, как он учредил царство Кархемышское, он пошел назад, в страну Хатти, и в стране Хатти он презимовал.

А когда настала весна, Хаттусацитис вернулся из Египта, и посланник Египта Хани, господин, пришел с ним. Отец мой, когда посылал Хаттусацитиса в Египет, так ему наказывал: «Может быть, у них есть сын их господина? Уж не обманывают ли они меня? Может быть, они вовсе и не хотят, чтобы мой сын у них царствовал?». Поэтому царица Египта так написала в ответ моему отцу на клинописной табличке: «Почему ты так говоришь: «Они меня-де обманывают»? Коли у меня был сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его моим мужем. Я не писала ни в какую другую страну, только тебе я написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем».

А отец мой был милостив, поэтому он внял словам женщины и начал приготовления к женитьбе своего сына.

...Он сказал Хани, послу Египта: «Я был к вам благосклонен. Но вы мне внезапно причинили зло. Вы напали на человека Кинца, которого я избавил от царя страны Хурру. Когда я услышал об этом, я прогневался. И я послал воинов, и колесницы, и военачальников. Они отправились и вторглись в ваши пределы, в страну Амка. И когда они напали на страну Амка, то вы, должно быть, испугались. И поэтому вы все просите у меня моего сына, будто я должен его вам дать. Но он же будет у вас как заложник, а царем вы его так и не сделаете». Так отвечал тогда Хани моему отцу: «О мой господин! Это унижение нашей страны! Если бы у нас был сын нашего царя, разве пошли бы мы в чужую страну, разве стали бы мы просить господина прийти к нам править нами? Тот, кого звали Нибхуруриас, умер, а сына у него не было. Вдова нашего господина одинока. Мы просим, чтобы сын нашего господина стал царем в Египте, мы просим, чтобы он стал мужем женщины, нашей госпожи. Больше ни к какой другой стране мы не обращались. Только сюда мы пришли. Теперь, о наш господин, дай нам своего сына!». И тогда для них отец мой занялся делом женитьбы своего сына. Тогда мой отец попросил, чтобы ему снова дали клинописную табличку, где говорилось, как прежде Бог Грозы взял людей Курустама, сыновей Хатти, и послал их в Египет, и сделал их египтянами; и как Бог Грозы заключил договор между странами Египта и Хатти, и как они постоянно были дружны между собой. И когда клинописную табличку перед ними прочитали, отец мой сказал так: «В прежние времена страна Хатти и Египет были дружны между собою, и теперь между ними также установится согласие. Страна Хатти и Египет пусть постоянно будут в согласии друг с другом!».

...А когда принесли глиняную табличку, они сказали так: «Люди Египта убили Цаннанцаса». И слово принесли: «Цаннанцас умер!». И когда отец мой услышал об убийстве Цаннанцаса, он стал жалеть о Цаннанцасе и к богам обратился так: «О боги! Я не совершал зла, но люди Египта его совершили, и они напали на границы моей страны»⁹.

¹ Начало пассажа отсутствует. В нем повествовалось о восстании большей части Сирии (в том числе Каркемыш, Астаты, Нухашше) против хеттской власти, послужившем причиной для карательной экспедиции Телепинуса и последовавшей за ней «Шестилетней войны» Суппилиумаса.

² Телепинус, в тот момент – удельный царь-жрец Северной Кишсуадны, почему и титулуется Жрецом.

³ Один из высших воинских чинов в Митанни.

⁴ Здесь и ниже «Страной хурритов» (Хурру) в ед. ч. называется уже вся совокупность Митанни и подконтрольных ей сирийских областей. В том же расширительном смысле в «Анналах» Мурсилиса II употребляется сам термин «Митанни» (частая у него формула «Когда мой отец был в стране Митанни...»), хотя Суппилиумас, по-видимому, появлялся только в Сирии; интересно, что в параллельном месте другой версии «Анналов» Мурсилиса в, той же формуле вместо «Митанни» стоит термин «страны Хурри» во множественном числе.

⁵ Престолонаследник и будущий преемник Суппилиумаса.

⁶ Тутанхамон Небхепрура.

⁷ Это не имя, а хеттская форма египетского титула «та хем несу, Жена царева». Речь идет об Анхесенамон, вдове Тутанхамона.

⁸ Саррикусух – хурритское личное имя Пияссилас; тронное неситское имя «Пияссилас» он, по новохеттскому обыкновению, принял, только сделавшись царем (в Каркемыше).

⁹ О дальнейших событиях позволяют судить различные источники. 36-й фрагмент «Деяний Суппилиумаса» гласит: «Он (мой отец) отправил моего брата Арнувандаса, и тот выступил на страну Мицри (Египет)...». Впоследствии, закончив дела в Сирии, Суппилиумас сам воевал с Египтом. О глубоком продвижении хеттов на юг свидетельствуют и библейские воспоминания о хеттах в Палестине «эпохи патриархов» (по-видимому, XIV в. до н. э. Что касается Анхесенамон, то она принуждена была все же выйти замуж за военачальника Эйе (сделавшегося тем самым фараоном), а затем сошла со сцены, едва ли не насильственно.

Договор Суппилулиумаса, царя Хатти, с Саттивассой, царем Митанни

Второй по времени договор Суппилулиумаса с его вассалом, митаннийским правителем Саттивассой, который рассматривается в этом договоре уже как царь Митанни, подробно прослеживает сначала историю отношений Суппилулиумаса и Тужратты, отца Саттивассы, а потом кратко освещает последующие события. Таким образом, в целом он дает нам общую схему хетто-митаннийских отношений при Суппилулиумасе и позволяет построить хронологический каркас для всего рассматриваемого периода.

Когда Солнце Суппилулиумас, великий царь, герой, царь страны Хатти, любимец Бога Бури, и Ардадама¹, царь страны Хурри, заключили между собой договор, – тогда Тужратта, царь страны Мэттаннэ, поднялся против царя [великого], царя страны Хатти, героя. Я (же), царь великий, герой, царь страны Хатти, в свою очередь поднялся против Тужратты, царя страны Мэттаннэ, и страны, что по эту сторону (Евфрата), отобрал (себе), и горы Ниблани* сделал своей границей².

Во второй раз Тужратта-царь против меня поднялся и так сказал: «Почему (страны) по ту сторону Пуратту (Евфрата) ты отбираешь?» Затем Тужратта-царь сказал так: «Ты! Страны, что по ту сторону Пуратту, ты (у меня) отбираешь! Так и я отберу (у тебя эти) страны, что по ту сторону Пуратту!». В заключение Тужратта-царь спрашивает: «Если ты их отбираешь, что мне с ними делать? Так что я эту (свою) сторону Пуратту перейду, раз ягненки ли, козленок моей страны терпят ущерб!» Великий царь, царь страны Хатти против него встал. Во время отца царя страны Хатти восстала страна Исува. Люди страны Хатти в страну Исува вошли³. Люди города Курталисса, люди города Араванна, страна Цацциса, страна Каласма, страна Тиммина, горная страна Халива, горная страна Карна, люди города Турмитта, страна Алха, страна Хурма, горная страна Харана, половина страны Тегарама, люди города Тебурзия, люди города Хазга и люди страны Армадана восстали во время моего отца⁴. Но (я), Солнце Суппилулиумас, царь великий, герой, царь страны Хатти, любимец Бога Бури, их раздавил. Теперь люди, которые от моей руки бежали, эти люди в страну Исува вошли. И все эти люди и эти страны, что во время отца моего восстали, на берегу страны Исува они жили у врага.

Но я, Солнце Суппилулиумас, великий царь, царь страны Хатти, герой, любимец Бога Бури, выступил против надменности Тужратты-царя, пересек Пуратту и пришел в страну Исува. И страной Исува во второй раз я овладел. Во второй раз в число моих слуг я ее снова вернул. Люди и страны, которые во время моего отца в страну Исува вошли, – люди города Курталисса, люди города Араванна, страна Цацциса, страна Каласма, страна Тимна, горная страна Халива, горная страна Карна, люди города Турмитта, страна Алха, страна Хурма, горная страна Харана, половина страны Тегарама, люди города Тебурзия, люди города Хазга, люди города Армадана – эти люди и те страны – я ими овладел, вернул их стране Хатти. Страны, которыми я овладел, я их освободил, на своем месте они остались жить. Но все люди, которых (я) освободил, к своим людям они перешли, и страна Хатти их места забрала себе.

И я, Солнце Суппилулиумас, царь великий, царь страны Хатти, герой, любимец Бога Бури, до страны Алже дошел, и округом Кутмар овладел. И Андарадлэ Алжейскому я его в дар отдал. В округ Суда я пошел, округ Суда я повоевал. Ради полона я достиг города Вассокканнэ. Что было в округе Суда, с быками, овцами, конями, с имуществом его и с полоном его, в страну Хатти я увел. А Тужратта-царь отступил передо мной, на битву со мной он не вышел. Я повернул и Пуратту перешел⁵. Страну Халпа и страну Мукиске* я подчинил себе. Тагова, царь города Ния, для (изъявления) мира в страну Мукиске ко [мне приш]ел. (Но) за спиной Таговы Агиттессоб, брат его, страну Ния и город Ния взбунтовал, и [Агиттессоб] тех дружинников заодно (с собой) сделал. Хисмия, Асири, Цулкия, Хабахе, П[ирри]я и Нируваве с колесницами своими и воинами своими с Агией, царем города Арахтэ, заодно сделались, город Арахтэ захватили и взбунтовались, и они так (говорили): «С царем великим, царем страны Хатти, мы будем биться!». Я, великий царь, царь страны Хатти, город Арахтэ окружил, и город Арахтэ я подчинил себе. Агию, царя города Арахтэ, Агиттессоба, брата Таговы, и всех их людей марьяннэ⁶ вместе со всем, что (было) у них, я захватил, (и) в страну Хатти увел. Город Катна с имуществом его вместе со всем, что (было) в нем, в страну Хатти я увел.

Когда я пошел в страну Нухассэ, я все ее страны захватил. Саррупсэ (уже) погиб⁷, (и) его мать, его братьев, его сыновей я захватил и в страну Хатти увел. Тагипсаррэ, челядинца Саррупсэ, над городом Укулзат я поставил царить. И я пошел в страну Абена, а битвы со страной Кинца я не искал. (Но) Суттадарра со своим сыном Эдоккамой и со своими колесницами пошел биться со мной. Я его одолел, и они отступили в город Апсуйя. И город Апсуйя окружил. Суттадарру вместе с его сыновьями, его братьями, его людьми марьяннэ и с [его имуществом я захва]тил, в страну Хатти я их увел⁸. В страну Абена я пошел, и Аривана, царь страны Абена, (а также) Вамбадура, Акпару и Артайа, вельможи его, против меня биться вышли. Всех их вместе со страной их и вместе со всем, что у них (было), в страну Хатти я увел. Из-за надменности Тужратты-царя за один год все эти страны я повоевал и к стране Хатти присоединил⁹. До гор Ниблани, до того берега Пуратту обратил я их (эти страны) в свои пределы.

Тогда сын его (Тужратты) с челядью своей сговорился и убил отца своего, Тужратту-царя. И когда Тужратта-царь погиб, Бог Бури решил дело Ардадамы и сына своего¹⁰ Ардадаму из мертвых оживил. Но вся страна Мэттаннэ (будто) погибла: ашшурцы и алжейцы (словно) разделили ее между собой¹¹. А великий царь, герой, царь страны Хатти, до тех пор берега (Пуратту) не переходил, камыша и финика страны Мэттаннэ он не забирал. Теперь же, когда великий царь, царь страны Хатти, услышал про обнищание страны Мэттаннэ.

приказал царь страны Хатти сыновьям дворца привести им быков, баранов и коней. Но сыновья Хурри между собой учинили смуту. Оуттадарна¹² с людьми марийаннэ искал смерти Саттивассы, сына царя, (но) тот убежал и к Солнцу Суппилулиумасу, царю страны Хатти, герою, любимцу Бога Бури, он пришел.

Великий царь так говорит: Бог Бури его дело решил! Когда Саттивассу, сына Тужратты-царя я в свою руку взял, я посадил его на престол его отца. Чтобы страна Мэттаннэ, великая страна, не погибла, великий царь, царь страны Хатти, страну Мэттаннэ ради дочери своей оживил. Саттивассу, сына Тужратты, в руку мою я взял и дочь (свою) дал ему в жены.

И Саттивасса, сын царя, – в стране Мэттаннэ воистину царь он! И дочь царя страны Хатти – для страны Мэттаннэ воистину царица она! Ты, Саттивасса, можешь наложниц заводить, но другая женщина над дочерью моей не должна быть возвышена. Другую женщину ты не должен сней равнять, и рядом с ней никто пусть не сядет. И мою дочь на место другой (женщины) ты не смедай! В стране Мэттаннэ цари! И сыновья Саттивассы и сыновья дочери моей, сыновья их и сыновья сыновей их в будущие дни пусть в стране Мэттаннэ точно так же (будут царями). В будущие дни сыновья страны Мэттаннэ против Саттивассы, сына царя, против дочери моей, царицы, против сыновей его и против сыновей сыновей его восстание пусть не замышляют! И Саттивасса, сын царя, в будущие дни для [сыновнего потомства моего] воистину (пусть будет) брат его и воистину (пусть будет) равный им. И сыновья Саттивассы, сына царя, сыновья мои, сыновья сыновей моих и... ..(И) для сыновнего потомства сыновей моих воистину (пусть будет) он брат его и воистину (пусть будет) равный ему.

Сыновья Хатти и сыновья страны Мэттаннэ в будущие дни злым глазом [друг на друга пусть не смотрят]. Сыновья страны Хатти против сыновей страны Мэттаннэ (никакого) зла пусть не делают... Какой бы враг [ни напал...], когда царь страны Хатти на бой выступит, и царь страны Мэттаннэ [пусть тоже выступит на бой]! Если (кто) враг страны Мэттаннэ – (то он и) враг [страны Хатти; если же (кто) друг] царя страны Хатти – (то он и) друг царя страны Мэттаннэ...

Ты же, Саттивасса, сын царя, – царя великого, царя страны Хатти, ты не... ..[Догово]р, который великий царь заключил и и (если) ты, Саттивасса, реку Пураггу (перейдешь)... [для страны] Мэттаннэ потомство. Что же касается вас, (то) страна [Хатти]... [Если я] пойду на страну Алже (и) страну Ханигальбат¹³ во всей их совокупности, [то ты, Саттивасса, должен будешь идти вместе со мной!] ...не пожелает и против этого врага и врага, который на вас поднялся... клятвенно мы не установим, (то) н[е], что страна Хатти тебе поднимет на по[мощь]...

Если беглец из страны Хатти убежит, [и в страну Мэттаннэ придет, (то) сыновья страны Мэттаннэ его схватят] (и) выдадут. Если же беглец, который из страны Мэттаннэ [убежит, в страну Хатти придет], (то) царь страны Хатти его не схватит и не выдаст, оракул бога Шамаша города Аринны не [дозволяет такого!]... Дом Саттивассы, сына царя, в стране Хатти устроен, беглецу при (?) поселении Саттивасса, сын царя, позволит поселиться. Стране Хатти [он] (отныне принад- лежит).

Великий царь, царь страны Хатти (в свое время) захватил страны, принадлежавшие стране Мэттаннэ. Во время Саттивассы, сына царя, он их не захватил, во время Тужратты он их захватил. И реку Пураггу... своим боком, (а) горы Ниблани своим пределом я положил. И все города... – ...Мурмуриг, Сипри, Масувати, Сурун, – все-то эти города округа [Каргамыс Пияссилису], сыну своему я дал. Все города страны Астата, что на берегу страны Мэттаннэ¹⁴ лежат: Игал..., ...Ахуна и Тирга – города эти страны Астата, (и) все (те) береговые города, что Пияс[силис] удерживает с тех пор, как Пияссилис, сын царя, вместе с Саттивассой, сыном царя, перешел реку Пураггу (и) вошел в город Ирридэ, – они (принадлежат) именно Пияссилису¹⁵.

И вот я – великий царь, царь страны Хатти; и погибшую страну Мэттаннэ я оживляю и на ее (прежнее) место возвращаю. Не умалите (это), не разорвите (это)! Ваш договор не нарушайте, пределов ваших (прежних) не помогайтесь! Пияссилис – сын царя, и Саттивасса – сын царя. Владения ваши друг для друга [неприкосновенны]. Если город Пияссилиса, сына царя, тайное известие Саттивассе пошлет, и Саттивасса их тайну узнает, (то) он их гонца схватит и выдаст Пияссилису, своему брату. И Саттивасса с разрушительными целями в город Пияссилиса (пусть) не посылает! Пияссилис и Саттивасса о взаимном братстве договорились.

(Что до) Пияссилиса, (то, если) вот Саттивасса на Ирридэ [и] на Тайдэ. Устно (его) призовет, Саттивасса против Пияссилиса, брата своего, никакой клеветы пусть не ищет, и никто никаких клеветы и зла против Пияссилиса пусть не ищет! Если Саттивассу Пияссилис, брат его, на Каргамыс устно позовет, Пияссилис никакой клеветы и зла против Саттивассы пусть не ищет. И все города Саттивассы, которые на берегу Пураггу лежат, эти именно (города) пусть удерживаются (как есть), и никакой другой город на берегу Пураггу пусть он не захватывает!

Дубликат этой таблицы положен перед богом Шамашем города Аринны, чтобы бог Шамаш города Аринны царственностью царя и царственностью царицы правил. И в стране Мэттаннэ перед Богом Бури, господином возмездия города Кахата, он положен. Пусть (его) перед царем страны Мэттаннэ и перед сыновьями страны Хурри в любое время перечитывают. И кто перед Богом Бури, господином возмездия города Кахата, эту таблицу изменит и в тайное место положит, или разобьет, или слово в таблице изменит, по этому договору мы богов тайны, и богов, которые господа клятвы, призовем.

Солнечная Богиня города Аринна, которая в стране Хатти царственностью царя и царственностью царицы правит, Бог Солнца, господин небес, Бог Бури, господин страны Хатти, Сери, Хуррэ, Гора Намнэ, Гора Хассэ, Бог Бури, господин цены, Бог Бури, господин полевых лагерей, Бог Бури, господин помощи, Бог Бури

города Патеярикка, Бог Бури города Нерик, Бог Бури, господин оружия, Бог Бури города Халап, Бог Бури города Лихсина, Бог Бури города Самуха, Бог Бури города Хурма, Бог Бури города Саресса, Бог Бури города Сапинува, Бог Бури города Хиссасхапа, Бог Бури города Тахайя, Бог Бури города..., Бог Бури города Киццувадна, Бог Бури города Уда, Бог-Защитник города Хатти, Бог-Защитник города Карахна, Цитхарияс, Карзис, Хапанталияс, Бог-Защитник полей, Бог-Защитник священного штандарта, Лиливанис, Эа, Дамкина, Телепину города Тавиния, Телепину города Турмитта, Телепину города Ханхана, Иштар Всесильная, Асгасипа, Нисаба, Син, господин клятвы, Исхара, царица клятвы, Хебэ, госпожа небес, Хебэ города Халпа (Халап), Хебэ города Уда, Хебэ Города Киццувадна (Кумманнэ), Забаба, Забаба города Хатти, Забаба города Эллайя, Забаба города Арзия, Бог Бури, господин лука, Цаппанас, Хасаммилис, Хантидассус города Хурма, Абара города Самуха, Гадахха города Анкува, Царица города Катала, Мамма города Тахурпа, Халлара города Дунна, Газбэ города Хуписна, Владычица города Ланда, Куньяваннис города Ланда, боги (людей) нуллаххе (луллубеев), боги людей хапиру, боги (всех) мужей (и) боги (всех) женщин страны Хатти, боги (всех) мужей (и) боги (всех) женщин страны Киццувадна, Эрешкигаль, боги вечные, Нарра, Намсара, Минки, Аммуки, Тухуси, Аммицаду, Алалу, Ану, Антум, Энлиль, Нинлиль, Владычица дворца, Горы, Реки, Диглат и Пуратту, небеса и земля, ветры, тучи, Бог Бури, господин неба и земли, Син и Шамаш, [Син города Харраннэ, Небо] и Земля, Бог Бури, господин возмездия города Кахата, Звериный бог города Курта, Бог Бури, господин города Ухужман(нэ), Эажаррэ, господин мудрости, Ану, Антум, Энлиль и Нинлиль, боги, (что образуют двандву-единство) Митры и Уруваны¹⁶, Индар, боги Насатьи¹⁷, Дозорное Божество, бог Саманминохе, Бог Бури, господин города Вассокканнэ, Бог Бури, господин свершений города Ирридэ, Пардахе города Суда, Набарве, Сурохе, Ашур-звезда, Сала, Белат-экалли, Дамкина, Исхара, Горы и Реки, Боги неба и Боги земли, – пусть они на это слово договора подойдут, пусть они (его) услышат и пусть свидетелями (будут).

Если ты, Саттивасса, сын царя, и сыновья (народа) хурри слов этого договора не соблюдете, то тебя, Саттивасса, [и] (вас), людей хурри вместе с вашей страной, вместе с вашими женами и вместе с вашим имуществом пусть боги, господа клятвы, уничтожат! Как солод вместе с ростком его пусть они вас вырвут. Как никто из евнухов никакого потомства не имеет, так и ты, Саттивасса, вместе с твоей другой женой, которую ты (тогда) возьмешь, и (вы), люди хурри вместе с вашими женами, вашими сыновьями и вместе с вашей страной, – также пусть семени иметь они не будут! И эти боги, которые господа клятвы, пусть наложат на вас рабство и нищету. А ты, Саттивасса, — пусть они твой престол опрокинут!

Что до тебя, Саттивасса, – (таковы) клятвы эти!, — пусть они тебя вместе с твоей страной как тростник сломят, твое имя и твое семя от другой жены, которую ты (тогда) возьмешь, – пусть они твое семя с земли истребят. И ты, Саттивасса, вместе со страной твоей, — без (того, чтобы вам) были посланы милость и успокоение, посреди сыновей (народа) хурри пусть он так же погибнет! Земля пусть замерзнет (?), и вы да будете вырваны с корнем! Земля вашей страны воистину (пусть станет) запертой темницей (?). Пусть вы (во все эти бедствия) погрузитесь и не выплывете! Ты, Саттивасса, и люди хурри – для тысячи богов воистину врагами вы (будете), да схватят они вас!

Если (же) ты, Саттивасса, сын царя, и [сыновья (народа) хурри до]говор и клятву эту соблюдете, так пусть тебя, Саттивасса, вместе с женой твоей, дочерью царя страны Хатти, сыновьями вашими и сыновьями сыновей ваших, (и вас), сыновей (народа) хурри, вместе с женами вашими, детьми вашими и [вместе со страной вашей] – пусть эти боги охранят, и страна Мэттаннэ пусть как в старину на свое место возвратился. (А) ты, Саттивасса, – сыновье потомство твое и сыновье потомство сыновей твоих от дочери великого царя, царя страны Хатти, над сыновьями (народа) хурри вечное царствование одно да получит! Престол отца твоего да будет долговечен, страна Мэттаннэ да будет долговечна!

¹ Брат и, может быть, когда-то соправитель Тужратты, в ходе династических смут выступил против него, объявив себя (единственным) царем Миттани, и был признан в этом качестве хеттами.

² В литературе эта кампания именуется «первой сирийской войной» Суппилиумаса.

³ Речь идет о массовом бегстве жителей подвластных хеттам областей на территорию мятежной Исувы.

⁴ Тудхалиаса III (начало XIV в. до н. э.), преемника и, возможно, брата Хаттусилиса II. Не исключено, что Суппилиумас был физическим сыном Хаттусилиса, который еще при своей жизни заставил Тудхалиаса усыновить его как наследника и установил будущую преемственность Тудхалиас – Суппилиумас (такого рода передача родного сына в усыновление брату, чтобы престол последовательно могли занять и тот, и другой, известна и по новохеттской истории XIII в. до н. э.). Хорошо известно, что Тудхалиас III в итоге оставил престол другому (очевидно, родному) своему сыну Тудхалиасу Младшему, и по его смерти тот сел на престол, но был свергнут и убит Суппилиумасом, а его братья подверглись репрессиям. Можно думать, что, поскольку Суппилиумас считал себя законным сыном-престолонаследником Тудхалиаса III, его вероятному физическому отцу Хаттусилису и не нашлось места в поминальных царских списках.

⁵ Параллельный фрагмент «Деяний Суппилиумаса»: Фр. 26. ...И когда мой отец [вторгся в Мэттаннэ], вслед за тем ц[арю]страны Мэттаннэ он послал, [написав] ему так: «[(Некогда)... я] пришел к... на город Каргамыс, на город... я напал, и тебе я писал так: «Приходи, мы сразимся!» (очевидно, речь идет о событиях Первой сирийской войны). Но ты не пришел биться со мной. Теперь опять [я пишу] тебе: вот, в сердце твоей страны я иду. Так приходи, мы сразимся!» Но он оставался в городе Вассокканнэ, он не [осмелился выйти] биться с моим отцом. Мой отец хотел [добраться до него] там, но тем временем там пришло (время) урожая. [И] ...в городе Вассокканнэ, там совсем не было воды...

⁶ Хурритский термин, обозначающий боевых служилых людей, «дружинников».

⁷ Ср. текст.

⁸ Параллельный фрагмент «Деяний Суппилиумаса»: Фр. 27. ...и города Кинца... был сожжен,... в страну Нухассэ к... И они, оба они, пришли к моему отцу..., и они [оставались в...] вместе с моим отцом.

⁹ Эта кампания в литературе именуется «второй сирийской», «Великой сирийской» или «одногодичной» войной Суппилиумаа.

¹¹ В действительности Митанни сохранило суверенитет и свою коренную территорию. Речь идет (в утрированной форме) об утрате вассальных владений и приобретении самими бывшими вассалами Митанни – Алже и Ашшуром – решающего влияния на ее дела.

¹² Сын-престолонаследник и фактический соправитель Ардадамы. «Суттадарна» – полное написание этого имени, реально произносившегося и чаще писавшегося как «Суттарна».

¹³ Здесь: особое государство, образованное сторонниками режима Ардадамы – Суттарны на территории оставшейся в их распоряжении восточной части Митанни под фактическим протекторатом Ассирии.

¹⁴ Т.е., очевидно, на митаннийском, левом берегу Евфрата (в противоположность основным центрам Астаты, лежащим к западу от этой реки).

¹⁵ За Пияссилсом специально закрепляются захваты, сделанные им только что, в ходе интервенции в Митанни: левобережная полоса Астаты (до того, как видно, удерживалась митаннийцами) и географически продолжающая ее часть собственно митаннийского левобережья Евфрата.

¹⁶ Досл.: «От-Митры-они, От-Урваны (Варуны)-они».

¹⁷ Митра-Варуна, Индра и Насатьи – индоарийские божества, покровители индоарийской по происхождению династии Митанни.

Из договоров Суппилулиумаса

Плохо сохранившиеся договоры Суппилулиумаса с Нухашше и Киццувадной существенно дополняют информацию о внешней политике Хеттии.

Из договора Суппилулиумаса с Сунассурой, царем Киццувадны

Так (говорит) табарна... Когда... с... между собой... этот договор они между собой заключили. Прежде, при моем деде, страна Киццувадна стала хеттской.

Потом страна Киццувадна отложила от страны Хатти и обратилась к стране Хурри*. Когда затем страна Исува, подданная Солнца, против Солнца повела вражду, тогда я, Солнце, биться с ней пошел, (и) я одолел страну Исува. Но люди страны Исува бежали перед Солнцем и спустились в страну Хурри. Я, Солнце, Хурриту¹ слово послал: «Выдай моих подданных!». Но Хуррит Солнцу такое слово в ответ послал: «Нет! Те города прежде, при моем деде, к стране Хурри перешли, в ней обосновались. Правда, потом они в страну Хатти как беженцы возвратились. Теперь, наконец, быки выбрали свое стойло, они окончательно пришли в мою Страну». Хуррит подданных моих (мне), Солнцу, не выдал, и воинов своих (и) колесницы свои он отправил. За спиной Солнца они страну Исува повоевали. Всех переселенных, быков (и) овец, которых они захватили, они в страну Хурри увели. Я, Солнце, находился (тогда) в другом месте, чтобы биться с (другим) врагом.

Хуррит нарушил клятвы. Я, Солнце, такое слово хурриту послал: «Если какая-либо страна от тебя отделится (и) к стране Хатти перейдет, то что это будет за дело?». Хуррит послал ко мне, Солнцу, такое слово: «Точно такое же!»². Теперь страна Киццувадна – (это) быки страны Хатти, и они выбрали свое стойло. От хуррита они отложились, к Солнцу они обратились. Хуррит перед страной Хатти согрешил, а перед страной Киццувадна он особенно согрешил. Страна Киццувадна очень сильно радуется своему освобождению. Теперь страна Хатти и страна Киццувадна от своих (прежних) клятв воистину свободны. Теперь я, Солнце, страну Киццувадна к свободе вернул. Хурриты Сунассуру слугой называли, а теперь Солнце его сделал истинным царем.

(Перечисляются обязательства сторон, делающие Сунассуру младшим союзником, если не вассалом хеттов.)

...Страна Хатти и страна Киццувадна да будут едины, дружбу между собой они да установят! Далее: (если) какой-то из городов страны Хурри города Сунассуры захватит, (то) в любом (таком) хурритском городе мы вместе битву с его людьми учиним. И всю добычу, какую воины Солнца возьмут, пусть воины Солнца (и) забирают, а всю добычу, какую воины Сунассуры возьмут, пусть воины Сунассуры (и) забирают. Земли этого города я, Солнце, Сунассуре дам, я, Солнце, страну его воистину увеличу. И когда какой-то из городов страны Хурри мы сокрушим, (то) все, что я, Солнце, захочу, я, Солнце, возьму, а все, что он захочет, я отдам Сунассуре. Страна Киццувадна в будущие дни к стране Хурри никогда больше не вернется. Далее: когда Хуррит услышит, что Сунассуре от царя-хуррита отложился и к Солнцу обратился, если (когда-нибудь) царь-хуррит по поводу Сунассуры какой-либо приветственный дар сделает, я, Солнце, от царя-хуррита приветственного дара по поводу Сунассуры не приму. Если царь-хуррит от (претензий по поводу) Сунассуры отречется (и) так царь-хуррит скажет: «Страна Киццувадна – страна Солнца!», – я (относительно) страны Киццувадна (все равно) никогда не потеряю бдительности². (...)

...Всех (подданных) страны Хурри – будь то тамкары, будь то люди города Урссэ³ – которые в стране Сунассуры остались, царю-хурриту я в будущем никогда не отдам. Если хуррит когда-нибудь с должным ходатайством кого-нибудь из них потребует, я, Солнце, не окажу согласия! Пусть хуррит обращается к богам клятвы! (...)

Из договора Суппилиумаса с Тетте, царем Нухашше

Так говорит Солнце Суппилиумас, великий царь, царь страны Хатти, герой: в то время, когда смерти (царя) Саррупсы царь страны Мэттаннэ доби(ва?)лся, тогда царь страны Мэттаннэ со своими отборными войсками и своими колесницами в страну Нухассэ вторгся. И когда он на него (уже) напал, тогда Саррупса отправил своих послов к царю страны Хатти: «Я же слуга царя Хатти! Так выручи меня теперь!» И я, Солнце, послал людей и коней ему на помощь, и царя Мэттаннэ с его войсками и его колесницами из страны Нухассэ выгнал. И на это дело я, великий царь, не ответил молчанием, но ради Саррупсы, ради помощи ему я туда отправился. А так как страна Исува в те времена против царя страны Хатти (по?)вела вражду, то я, царь страны Хатти, пошел в страну Исува... Когда я страну Исува усмирил, тогда на помощь Саррупсе в страну Мэттаннэ я отправился⁴. Когда я область Гор Кашияра... Андарадлэ, царя страны Алже, сына...

¹ Таким беспрецедентным образом, без царского титула, называется здесь и ниже правитель Митанни (при том, что рядом с ним потом появится некий «царь-хуррит»). Весьма вероятно, что таким образом отражено соправительство в начале царствования Тужратты.

² Все эти выражения показывают, что состояние прямой войны между хеттами и Митанни еще не наступило, и речь идет лишь о пограничных конфликтах и нарастающей враждебности.

³ В Урсэ (Уршу), расположенном на территории Киццувадны, размещалась экстерриториальная колония хурритов – поданных Митанни. С переходом Киццувадны на сторону Суппилиумаса эта колония попадала в распоряжение последнего.

⁴ Суппилиумас довольно неискусно «подправляет» ход событий. Известно, что цель и направленность похода, о котором идет речь, не имели никакого отношения к помощи нухашшейскому царю, а к тому моменту, когда этот поход все же привел Суппилиумаса в Сирию, «изгнанный» когда-то из Нухашше Тужратта прочно контролировал его, как и прочие сирийские царства (т.е. по меньшей мере добился полного реванша), а Саррупсэ был уже мертв.

Договор царевича Саттивассы с царем Суппилиумасом

Первый по времени договор Суппилиумаса с Саттивассой, который рассматривается в этом договоре еще как царевич-престолонаследник(вице-царь) Митанни, подробно прослеживает историю хеттской интервенции в Митанни, утвердившей Саттивассу в родной стране.

Так (говорит) Саттивасса, сын Тужратты, царя страны Мэттаннэ. (Еще) прежде, чем Суттарна, сын Ардадамы¹, [царя страны Хурри, царствен]ность страны Мэттаннэ изменил (к худшему), Ардадама-царь, его отец, (уже) не по-хорошему поступал. Он уничтожил дворец прежних царей вместе со (всем) его имуществом и пустил его (имущество) на раздачи в страну Ашшур и в страну Алже. Тужратта-царь, мой отец, построил дворец и наполнил (его) богатством, а Суттарна² его сжег, и вот он разрушен! И золотые и серебряные ...царей, (и) серебряные чаши из Чашного дома, – он их (все) разломал³; и [родичам] отца своего и брата своего он никому ничего не дал; и перед ашшурцем – рабом его отца⁴, который дани не платит, – перед ним-то он унился и свое богатство отдал ему в дар.

Так (говорит) Саттивасса, сын Тужратты-царя: (те) врата из серебра и золота, что Саусса(да)ттар-царь, мой (пра)прадед, вывез из страны Ашшур ради возвеличения своего могущества, он (Саусса(да)ттар) привез в свой дворец в Вассокканнэ, (а) ...Суттарна к позору своему передал (их обратно) в страну Ашшур! Всю остальную домашнюю утварь из серебра и золота он отдал в страну Алже... И дом царя страны Мэттаннэ вместе с его имуществом и богатством он уничтожил, земель засыпал, дворец сжег и дома людей хурри уничтожил. А вельмож он приказал отправить в страну Ашшур и в страну Алже, и выслал их (туда, но) их вернули, и у города Тайдэ их казнили. Он уничтожил их всех, людей хурри! Но Агиттессоб от него вовсе убежал (и) пришел в страну Карадуниас⁵. 200 колесниц бежало вместе с ним. А царь страны Карадуниас (эти) 200 колесниц со (всем) снаряжением, что (принадлежали) Агиттессобу, все захватил и себе забрал. И он выступил против Агиттессоба с его дружинниками (и) приблизил его к смерти. Сверх того меня, Саттивассу, сына Тужратты-царя, он воистину искал погубить. Я убежал от его руки (и) воззвал к богам Солнца Суппилиумаса, великого царя, царя страны Хатти, героя, любимца Бога Бури. На дорогу безопасную они меня вывели. Боги царя страны Хатти и боги царя страны Мэттаннэ к Солнцу Суппилиумасу, великому царю, царю страны Хатти, герою, любимцу Бога Бури меня проводили.

И у реки Марассандия я припал к ногам Солнца Суппилиумаса, великого царя, царя страны Хатти, героя, любимца Бога Бури. [Великий царь] принял меня под свою руку и обрадовался мне. И он расспросил меня обо всех обстоятельствах страны Мэттаннэ. И когда он услышал [о беде] страны Мэттаннэ, так сказал великий царь: «Если Суттарну и страну Мэттаннэ я захвачу, (то) я тебя не брошу: в сыновья к себе я тебя приму, приду [тебе] на [помощь] (и) посажу [тебя] на престол твоего отца». А Солнце Суппилиумас, великий царь, царь страны Хатти, герой, любимец Бога Бури, – боги его знают: слово, что изо рта его вышло, назад не вернется!

Тут я, Саттивасса, сын Тужратты, слово царя, моего господина, услышал и обрадовался. Я, Саттивасса, сын царя, сказал великому царю, своему господину: «Если ты, господин мой, меня оживишь, и боги мне помогут, (то) пусть великий царь, царь страны Хатти, герой, любимец Бога Бури, Ардадаму-царя с престола его царствования не сменяет. Я же на тарденнство⁶ при нем да сяду и страной Мэттаннэ да буду управлять! Суттарна страны ко злу подвигал, а я, я никакого зла делать не буду!».

А (у) меня, Саттивассы, сына царя, когда я к великому царю пришел, (было всего) 3 колесницы, 2 человека хурри, 2 сопровождающих, что со мной пришли, (да) одна-единственная смена одежды, которая на мне (самом) была, и ничего больше! А великий царь меня пожалел и колесницы позолоченные, коней, колесницы (простые), сбрую (?),...сопровождающих из Молочного дома, 2 кув-шина из серебра и золота с чашами (при) них из [серебра] и золота, серебряную утварь из Чашного [до]ма, литые сосуды из серебра, парадную одежду шерстяной работы – все это и украшения, какие только есть, все (это) он мне дал. Он свел меня с Пияссилисом, [своим сыном], и (вот) вверил меня царь руке Пияссилиса, его колесницам [и] его воинам. Из Каргамыса, где [мы] встретились, мы послали гонца к сыновьям города Ирридэ. Суттарна (же) богатствами Тужратты осыпал людей хурри (и) как раз объединил их (вокруг себя). Мы послали к ним в город Ирридэ а эти люди хурри послали к Пияссилису: «Вы зачем пришли? Если вы биться пришли, идите! В страну великого царя вам не вернуться!» Когда мы услышали (такое) слово сыновей города Ирридэ, мы, Пияссилис, сын царя, и Саттивасса, сын царя, перешли реку Пуратту (и) подошли биться к городу Ирридэ.

И боги великого царя, царя страны Хатти, шли перед нами. А Суттарновы люди хурри, которых он послал на защиту города Ирридэ, (и) колесницы и воины округа города Ирридэ соединились и поджидали нас. При городе Ирридэ встретили они нас. Воины и колесницы, что были в этом городе, двинулись на нас. Но всех... мы схватили рукой своей, и ... уничтожили⁷. Когда сыновья города Ирридэ свою жизнь пожалели, ...они сговорились и [согласились] на мир в городе Ирридэ. И весь округ города Ирридэ вышел к нам (с миром). [Затем также и] сыновья города Харраннэ и [округ] города Харраннэ сговорились и вышли к нам (с миром). ...Мы устроили их (должным порядком).

...[А царь страны Ашшур] отправил [войска], чтобы оградить (ими) город Ва[ссокканнэ], и дал им в предводители одного своего дружинника. Когда он пришел в город Вассокканнэ, сыновья города Вассокканнэ отказались заключать (с нами) мир. Когда же колесницы и воины [царя страны Ашшур] облегли город Вассокканнэ, мы, Саттивасса, сын царя, и Пияссилис, сын царя, находились (еще) в городе Ирридэ. И к нам явился посланец из города Вассокканнэ и сказал: «Что до Ашшурца, то воины и колесницы его вдобавок к колесницам [Сутта(дар)ны] готовы к бою [с колесницами и воинами] страны Хатти!» [Тогда] мы выступили (на них), а [сыновья города Вассокканнэ послали к нам (другого) гонца], и их гонец пришел к нам навстречу, говоря так: «...чиновник городских ворот города... И, мол, колесницы и воинов страны Ашшур [от города Вассокканнэ назад] он отвел». И когда нам [стало это известно], мы вступили в город Вассокканнэ⁸. А воины и колесницы [Ашшурца] обратились к городу Пагарриба. И когда люди Пагаррибы узнали, что Пияссилис, сын царя, и Саттивасса, сын царя, вместе с воинами и колесницами страны Хатти вошли в Вассокканнэ, люди Пагаррибы все перемет- нулись и передались им (Пияссилису и Саттивассе).

И мы [пошли] из города Вассокканнэ и пришли в город Пагаррибу. И нам принесли известие: «Ашшурец идет биться с вами». Но вокруг Пагаррибы была пустошь, и это вызвало голод среди (вражеских) войск. И ашшурцы не двинулись дальше (и) не вступили в бой против нас. И мы двинулись на ашшурцев в город Нилапсинэ, но ашшурцы и там не вступили с нами в бой.

...али они. Тогда Сутта(дар)на наполнил города ... добром сверх [меры] ...он устроил, и он написал к нам так: «...!». И я, Саттивасса, сказал так: «Большие города...». ...Это вызвало голод среди войск. ...мы забрали... ..великого царя, царя страны Хатти...

(большая лакуна)

В стране [Мэттаннэ перед Богом Бури, господином возмездия из города Кахат, дубликат этой таблицы положен. Пусть (его)] перед царем страны [Мэттаннэ и перед сыновьями страны Хурри в любое время перечитывают]. (Следует перечень богов и заклатья, формулируемые хеттской стороной на случай нарушения и соблюдения договора Саттивассой, полностью повторяющие заключительную часть PDK 1, с единственной вставкой в конце – между фразой «...и страна Мэттаннэ пусть как в старину на свое место возвратится» и «А ты, Саттивасса... и т.д.» ... заклатья: «Да процветает она и да возвеличится она!» и с заменой в предпоследней фразе выражения «над сыновьями Хурри» выражением «над страной Мэттаннэ». Всю эту часть мы опускаем. Далее следует отсутствующий в PDK 1 блок аналогичных заклятий, формулируемых с митанийской стороны; его мы приведем):

Бог Бури небес и земли, Бог Луны и Бог Солнца, Бог Луны города Харраннэ, Небо и Земля, Бог Бури, господин возмездия города Кахат, Бог Бури, господин города Ухужман(н)э, Эа, господин мудрости, Звериный бог города Курта, Ану и Антум, Энлиль и Нинлиль, боги, (что образуют двандву-единство) Митры и (В)аруны⁹, Индара, Насатъи, Дозорное Божество, бог Саманминохе, Бог Бури, господин города Вассокканнэ, Бог Бури, господин свершений города Ирридэ, Набарве, Сурохе, Бог Сна, Иштар-звезда, Сала, Владычица дворца, Владычица святыни, Исхара, Пардахе города Суда, Горы, Реки и Источники, Боги небес и земли, – если я, Саттивасса, сын царя, и (мы), сыновья (народа) хурри, слова этого договора и клятвы не соблюдаем, (то) пусть я, Саттивасса, вместе с другой (моею) женой, и мы, сыновья (народа) хурри, вместе с нашими женами, вместе с нашими сыновьями и вместе с нашей страной, (подобно тому), как кедр, будучи повален, побега не дает, – (вот), как этот кедр, я, Саттивасса, вместе с другой женой, которую я возьму, и мы, сыновья (народа) хурри, вместе с нашими странами, и вместе с нашими женами, и вместе с нашими сыновьями, как кедр, пусть мы семени иметь не будем! Как вода (из) водочерпалки на свое место не возвращается, (так) пусть и мы, как вода (из) водочерпалки, на наше место не возвратимся! Я, Саттивасса, вместе с другой женой, которую я возьму, и

(мы), сыновья (народа) хурри, вместе с нашим имуществом, пусть, как дым к небу, изойдем! Как соль семени не имеет, (так) и (мы – я), Саттивасса, вместе со своей другой женой, которую я возьму, и сыновья (народа) хурри, вместе с нашими странами, нашими женами и нашими сыновьями, как соль воистину семени не имеет, подобно глыбе соли, (так) мы на место наше не возвратимся! Если я, Саттивасса, другую жену возьму, (то) пусть они мой престол опрокинут! Если мы этого договора и клятвы не соблюдаем, (то) пусть боги, господа клятвы, нас уничтожат.

Так (говоря я,) Саттивасса, сын царя, так (говорим мы) воистину, сыновья (народа) хурри: если мы этот договор и клятву Солнцу Суппилиумасу, великому царю, царю страны Хатти, герою, любимцу Бога Бури, соблюдаем, (то) пусть боги, чьи имена мы призвали, к нам придут, нас возвеличат, нас охранят (и) будут к нам благорасположены! Господин наш Саттивасса пусть возвысится¹⁰. Мы под его защитой богатый урожай воистину соберем! Добро и изобилие воистину мы увидим! Бог Бури, князь небес и земли, (да будет) воистину навсегда наш защитник! (Я), Саттивасса, и мы, люди хурри, и страна Мэттаннэ, радость сердца и успокоение печени всегда да испытываем! Как Солнце Суппилиумас, великий царь, герой, царь страны Хатти, любимец Бог Бури, как свой пиршественный стол, свои страны, своих воинов, своих сыновей и сыновей своих сыновей любит, (так) и меня, Саттивассу, вместе с моей женой, дочерью великого царя, царя страны Хатти, и нас, сыновей (народа) хурри, (и) страну Мэттаннэ вместе с нашими странами, вместе с нашим имуществом, (так же), как их, пусть он нас полюбит!

Одна таблица целиком, (принадлежащая) Келитессоппе¹¹, которая договора его и клятвы его.

¹ Суттарна – сын и престолонаследник-главнокомандующий престарелого Ардадамы, вскоре ставший при нем фактическим правителем страны.

² Как видно, по приказу Ардадамы.

³ Т.е., нуждаясь в средствах, разломал драгоценную дворцовую утварь на металл.

⁴ Т.е. Суттарны II (начало XIV в.), отца Ардадамы и Тужратты; отсюда «Ашшурец» – это Эриба-Адад (1381/80-1354 гг. до н. э.).

⁵ Официальное само- и иноназвание Касситской Вавилонии. В действительности, как известно по аррапхитским документам, Саттивасса и Агиттессоб укрылись сначала в Аррапхе – одном из хурритских царств, зависимых от Митанни. Тем самым Аррапха противопоставила себя митаннийскому режиму; ситуацией воспользовались ассирийцы и вавилонский царь (по-видимому, Бурнабуриаш II), с разных сторон напавшие на Аррапху. В ходе развернувшихся конфликтов беглецы и попали в Вавилонию, а та вскоре аннексировала Аррапху.

⁶ Хурр. форма от акк. «тертену» (военачальник), обозначавшая должность престолонаследника-главнокомандующего, второй после царя экстраординарной фигуры в Митанни (хурр. «синагила»), приближающейся по могуществу к младшему соправителю. Полную аналогию представляет должность новохеттского престолонаследника-«тухкантиса». Саттивасса просит, не смещая Ардадаму с престола, заменить им, Саттивассой, родного сына Ардадамы Суттарну на посту престолонаследника (что даст ему фактическую власть над страной).

⁷ Параллельные фрагменты из «Деяний Суппилиумаса»:

Фр. 41 (очевидно, цитируется ответ людей Ирриде на обращение Саттивассы и Пияссилиса, сделанное ими перед переходом границы Митанни) «...страна Хатти, мол,... страны, которые... очень... ты притеснил. ...Ты идешь в город Ирридэ... [Но ты уходи обрат]но в город Каргамыс!..» И в город Итува... А страну Каргамыс... он завоевал, и она...

Фр. 38. (...) (Саттивасса и Пияссилис пошли) ...в страну Мэттаннэ... И город пустым [он сделал?...] и ... до основания. ...он вынудил бежать (от него). (...) в (?) город Ирридэ на берег реки... И мой [бра]т (был) с ним (Саттивассой). И [они принесли] ему слово: «...человек города Ирридэ... (готовит оборону?), и колесницы Хурри [подошли] к нему...» ...держал страну... итта. И колесницы Хурри превосходили [числом колесницы моего брата, но] боги помогли...

⁸ Параллельный фрагмент из «Деяний Суппилиумаса»: Фр. 35 [И боги помогли моему брату (Пияссилису)] (...) «И тебе, ...Ки[ли-Тессоп(па)]5... но ты... отнюдь не...». Тогда он (Пияссилис) пошел в страну города Харраннэ и сжег ее. А из страны города Харраннэ он пошел в страну города Вассокканнэ и сжег страну города Вассокканнэ. А из города Вассокканнэ [он пошел в город Тайдэ]. Но когда человек (правитель) города Ашшур [услышал, что царь Каргамыса пришел], он [выступил] с воинами и ко[лесницами] Ашшура [и вошел] в город Тайдэ, и [прибыл] на помощь Суттарне... Но когда царь Каргамыса (Пияссилис) город Вассокканнэ...

⁹ Митра-Варуна, Индра и Насатги – индоарийские божества, покровители индоарийской по происхождению династии Митанни.

¹⁰ Т.е., очевидно, станет царем (которым PDK 2 его еще не титулует).

¹¹ Хурритское личное имя Саттивассы. Царский род Митанни давно хурритизировался, и лишь цари и царевичи-престолонаследники принимали в знак своего экстраординарного статуса «тронные» индоарийские имена, напоминавшие о соответствующем происхождении династии.

Из документов Амарнского архива

Архив в столице Эхнатона, Ахетатоне (совр. Тель эль-Амарна) содержит множество писем от переднеазиатских правителей, содержащих важнейшую информацию по теме (хотя четко соотнести данные писем с теми или иными событиями, известными по другим источникам, порой оказывается трудной задачей). Хронологические рамки для Амарнского архива: последние 10-15 лет правления Аменхотепа III – следующие 10-15 лет правления Эхнатона¹.

Первое письмо Тужратты, царя Митанни, Аменхотепу III, царю Египта (EA 17)

Нибмуарии, царю страны Мицри, моему брату, скажи: так говорит Туижератта, царь страны Мэттаннэ, твой брат: у меня (все) благополучно. Пусть у тебя (все) будет благополучно, пусть у Келухебы, моей сестры, (все) будет благополучно; с твоим домом, твоими женами, твоими сыновьями, твоими вельможами, твоей гвардией, твоими конями, твоими колесницами и посреди твоих земель пусть будет очень благополучно!

Когда я взошел на престол своего отца, я был еще юн, и Утхе творил злое в моей стране и убил своего господина², и поэтому он не допускал, чтобы я поддерживал дружбу с теми, кто меня любил. Я же теми злодеяниями, которые сделались в моей стране, отнюдь не пренебрегли убийц Ардассумары, моего брата, вместе со всеми их (людьми) я убил.

Так как ты был дружен с моим отцом, по этой причине я (сейчас) послал и рассказал (это) тебе, чтобы мой брат услышал об этом деле и возрадовался. Мой отец любил тебя, а ты любил моего отца еще больше, и мой отец ради своей любви дал тебе мою сестру; и [кт]о другой б[ыл] так (близок) моему отцу, как ты? [В ...] больше, чем мой брат...

Вся страна Хатти, как враг, пришла в мою страну; Бог Бури, мой господин, дал их в мою руку и я разбил их; и не было никого среди них, кто бы вернулся в свою страну.

Вот, 1 колесницу, 2 коней, 1 мальчика, 1 девочку из добычи страны Хатти я тебе послал. В подарок моему брату 5 колесниц, 5 упряжек коней я тебе послал.

И в подарок Келухебе, моей сестре, 1 пару золотых грудных украшений, 1 пару золотых серег, 1 золотое маску и 1 каменный флакон, полный отменного масла, я ей послал.

Вот, Келию, посла моего, и Тунибэври я послал. Пусть мой брат быстро отправит их (обратно), чтобы они могли спешно принести ответ, так что я мог бы услышать привет моего брата и возрадоваться. Пусть мой брат стремится к дружбе со мной, и пусть мой брат пошлет своих послов, чтобы они принесли мне привет моего брата, и я получил бы его³.

Письмо Суппилулиумаса, царя Хатти, Эхнатону, царю Египта (ЕА 41)

Так говорит Суппилулиумас, великий царь, царь страны Хатти, Хурии⁴, царю страны Мицри (Египта): у меня (все) благополучно! У тебя (все) да будет благополучно! С твоими женами, твоими сыновьями, твоим домом, твоими воинами, твоими колесницами и посреди твоей страны да будет (все) очень благополучно!

Ни в моих послах, которых я послал к твоему отцу, ни в пожелании, которое высказал (мне) твой отец: «Учредим-ка между нами родственную дружбу!» – о царь, я не отказал ни в чем из того, о чем просил твой отец! О царь, я воистину сделал все. И (какое бы) желание я ни высказывал твоему отцу, он (также) ни в чем (мне) не отказывал. Он воистину давал (мне) все.

Почему (же), о брат мой, ты отказываешься от тех посланий, что посылал мне твой отец, пока он был жив? Теперь брат мой воссел на престол своего отца, и как отец твой и я взаимно обменивались дарами, так теперь и мы с тобой равным образом да будем добрыми друзьями. И желание, что я выражал твоему отцу, (теперь я выражаю) равным образом моему брату. Да будем мы оказывать помощь друг другу!

Ты, брат мой, не отказывай (мне) [ни в чем из того], что я просил у твоего отца. [Что до] двух золотых статуй, пусть одна [будет стоящей], а другая – сидящей. И, брат мой, [пришли мне еще] две серебряные статуи женщин, и один большой камень-лазурит, и большую опорную⁵...

...И если мой брат [соблаговолит дать их], пусть он их даст! А если же мой брат не соблаговолит дать их, тогда я, как только мои (собственные) колесницы будут готовы для [доставки] хуззи, отправлю их обратно к моему брату. И чего бы (ты), мой брат, не захотел, напиши мне и я обязательно пошлю (это) тебе!

Смотри, в дар я тебе отправлю: 1 серебряный ритон (в виде) оленя весом в 5 мин, 1 серебряный ритон (в виде) ягненка весом в 3 мины, два серебряных диска весом в 10 мин (в качестве подставок) для двух больших растений (?) никипту.

Из письма царя Хатти (Суппилулиумаса) царю Египта (Эхнатону) (ЕА 42)

Послушай, брат мой Отец нашего отца из страны... или из страны Хурри.. или из страны А теперь, что до таблицы, которую ты прислал, почему [ты возвысил там] свое имя над моим именем? Что же расстраивает добрые отношения между нами, и [хорош ли] такой образ действий? Брат мой, ты (ведь) писал мне относительно союза [между нами]! И если [ты и вправду мне брат], почему ты возвеличил [свое имя над моим? Разве я] повер[жен] так, [как] мертвое тело? [Смотри,] Лишар (и) Румин [отвезли тебе то, что я напи]сал, и [я там] имя твое [не уничи]жал! Так [пусть же между нами] не [будет никаких несогласий].

Из ЕА 75 (Рибадди Библиский – фараону)

(...) [Хапиру Абди-Аширты посягают на] все страны царя, моего господина. Адуну, царя города Иркаты, убили наемники, и никто не сказал ни слова Абди-Аширте (...), и, смотри, теперь (и) люди города Аммии убили своего господина. Я страшусь. Пусть царь, мой господин, знает, что царь страны Хатти захватил все страны, которые принадлежали царю страны Мэттан(ннэ), то есть царю страны Нах(ри)мы, страны великих царей. Абди-Аширта, раб, собака, пошел с ним⁶.

Из ЕА 140 (Илираби Библиский – фараону)

Азиру убил Адуну, царя города Иркаты; он убил царя города Аммиа (...) Он послал своих людей Эдоккема и разорил все области Амки, страны царя, и теперь он послал своих людей, чтобы завоевать области Амки и (их) населенные пункты. Далее, царь страны Хатта и царь страны Нарима...

Из ЕА 53 (Агиссэ, царь Катны – «Наммурии», т.е. Аменхотепу III⁷)

...Я люблю моего господина. Но теперь Эдоккема с царем страны Хатте выступил против меня, и он ищет моей головы. И теперь Эдоккема послал ко мне и сказал: «Иди со мной к царю страны Хатте». Но я [ска]зал: «Если я да[же умру], [я не пойду к] ца[рю] страны Хатте! Я слуга царя, моего господина, царя страны Мицри». Я послал и так-то я сказал царю страны Хатте. (...) ...Страна [Убе восстает про]тив моего господина. О мой господин, смотри, Эдоккема [переходит] к стране Х[атте]... враг моего господина [та]м... О господин мой, Эдоккема пришел, и страна Убе, страны моего господина, – в [бедствии он]и. (...) И он взял... из дома Пирьявасы О господин, Теуватти из города Лапана и Арзавия из города Рухиссэ в союзе с Эдоккемой, и страну Убе, страны моего господина, он сжигает огнем. О мой господин, точно как я люблю царя, моего господина, так же царь страны Нухассэ, царь страны Ний, царь страны Зинзар и царь страны Тунанат, точно так же все эти цари – слуги моего господина⁸. Когда царь, мой господин, пожелает, пусть (только) двинется. Но говорят, что царь, мой господин, не двинется. Так пусть же мой господин пошлет лучников, и даст им прийти. (...) О мой господин, вот как город Димаске⁹ в стране Убе лежит у твоих ног, так и город Катна лежит у твоих ног.

Из ЕА 54 (Агиссэ – фараону с повторениями жалоб на Хатти и Эдоккему)

Арзавия, человек города Рухиссэ, и Теуватти, человек города Лапана, соединились с Эдоккемой, человеком города Кинза, и с [царем страны Хатте] они вступают в стачку. (...) И гонец моего господина пришел ко мне и сказал так: Я бы в стране Мэттаннэ, и целых четыре (тамошних) царя¹⁰ – враги царя страны Хатте, (так) что все они к моим услугам. (...) город Каргамыс...

Из ЕА 55 (Агиссэ – «Наммурии»)

...Город Катна – твой город, (и) я (принадлежу) моему господину. (...) Да пошлет мой господин в этом (же) году свои войска и свои колесницы, чтобы вся страна Нухассэ (отошла) к моему господину, (что и случится), если войска продвинутся, мой господин. В течение шести дней Азира оставался в стране ..., и он воистину захватил их. Если же в этом году войска [и колесниц]ы моего господина не продвинутся и не заберут (их), они подчинятся Азире. (...) Мой господин знает, (что) отцы его [охраняли для себя эти страны]. Но теперь царь страны Хатте сжигает их огнем. Богов и воинов города Катна царь страны Хатте берет. Мой господин, людей города Катна, моих слуг, этот Азира захватывает (...)

Из ЕА 126 (одно из поздних писем Рибадди фараону)

Я слышал о воинах Хатти, что они сжигают страны огнем.

Из ЕА 170 (родичи и доверенные лица Азиру – в Египет, по-видимому, к самому Азиру, находящемуся там)

Далее, войска страны Хатти под началом Лупакки захватили города страны Амка (...) Далее, как мы слышали, Цитана двинулся и 90 000 пехоты идут вместе с ним (...) Будут ли они вправду там или проследуют в страну Нухасэ, я (...) отпишу.

Из ЕА 174 (князь города Хашабу – фараону)

Мы (находимся) в стране Амка, в городах царя, нашего господина, а Эдоккема, князь города Кинза, пошел вместе с (доел, «перед») войсками страны Хатта и сжег города царя, моего господина¹².

¹ Документацию последних лет правления Эхнатона Тутанхамон должен был забрать с собой, покидая Ахетатон, вместе со своей собственной (подобно тому, как сам Эхнатон захватил с собой при переезде в новую столицу письма от последних лет правления своего предшественника, Аменхотепа III).

² Ардассумару, известного по документам как митаннийский царь и старший брат Тужратты (который, по-видимому, был его соправителем).

³ Это письмо установило прочный союз между Тужраттой и Аменхотепом III, скрепленный через несколько лет династическим браком и договором о военной взаимопомощи (EA 24). Однако при Эхнатоне митанно-египетские отношения быстро расстроились, так что в итоге Тужратта напал на египетские владения в Азии и подчинил себе Амурру и, по-видимому, другие области Южной Сирии (ок. исхода первого десятилетия правления Эхнатона).

⁴ Сокращение от «Напхурии», клинописной передачи егип. «Неферхепрура», солнечного имени Эхнатона.

⁵ Из контекста видно, что письмо написано вскоре по воцарении Эхнатона.

⁶ Письма Рибадди и других князей Южной Сирии могут быть поделены на хронологические группы лишь условно, отталкиваясь от содержания. В наиболее ранней группе главный враг египтян – Абдиаширта, выступающий в союзе с хеттами (EA 75). Средняя группа относится ко времени митаннийского господства в Амурру и сообщает о смерти Абдиаширты, подчинявшегося в тот момент митаннийцам (EA 101 и др.). Последняя группа писем относится ко времени правления Азиру, сына Абдиаширты (EA 164-169 и др.). Однако дело осложняется тем, что Азиру выступает и упоминается как самостоятельная фигура еще, при жизни Абдиаширты (ср. EA 75 и EA 140). По-видимому, дело тут в различии между авторами писем: если Рибадди до самой смерти Абдиаширты жалуется исключительно на него самого, не размениваясь на упоминания его детей, то другие авторы писем EA применительно к тому же времени и тем же событиям могут упоминать только Азиру (как непосредственного или самостоятельного исполнителя), вообще ничего не говоря об Абдиаширте.

⁷ Нормативное клинописное написание солнечного имени Аменхотепа III – «Ниммурия», Эхнатона – «Напхур(ур)ия».

⁸ Тот факт, что всех этих правителей должен специально рекомендовать фараону Агиссэ, да еще с настойчивыми уговорами, доказывает, что они еще только ищут египетского подданства. Ср. письмо Аддунерари, царя Нухассэ, в Египет (EA 51), где он явно просится под власть фараона, ссылаясь на то, что когда-то египтяне уже ставили в Нухассэ царей.

⁹ В Дамаске (Димаске) правил верный фараону Пирьяваса, от которого дошли собственные жалобы на хеттов и Эдоккаму (EA 196, EA 197).

¹⁰ Досл.: «три и (даже) четыре царя».

¹¹ Весь пассаж дословно повторяется в другом письме Агиссэ (EA 56), где вслед за ним говорится о беседе «моего господина» (фараона) с посланцами этих царей и упоминается «страна Хурри».

¹² Этот пассаж повторяется в письмах других правителей – князей городов Хаси (EA 175), Энишаси (EA 363) и неизвестного города (EA 176). Хашабу, Энишаси и Хаси лежали у истоков Оронта.

Из договоров царей Хатти с царями Амурру

Исторические преамбулы договоров сообщают о ситуации, сложившейся в эпоху «Шестилетней» войны Суппилиумаса в Сирии и накануне ее.

Из договора Мурсилиса II с Туппитессобом, царем Амурру

Азира тебе, о Туппитессоб, дедом был. Против моего отца он повел вражду¹, но мой отец его в свое подданство вернул. (И) когда цари Нухассэ и царь города Кинца с отцом моим враждовали, Азира, твой дед, с отцом моим не враждовал².

Из договора Тудхалиаса IV с Саускамувой, царем Амурру

[Древле] страна Амурру не была побеждена оружием страны Хатти. Когда [Азира] на сторону прашура моего Солнца, Суппилиумаса, к стране Хатти перешел, Страны Амурра были еще враждебны (хеттам): слугами царя Хурри они были. Также и Азира был ему (тогда) верен. Но оружием он его не покорял: Азира, твой прашур, Суппилиумаса во владычестве его (сам) защитил, страну Хатти он защитил.

¹ Имеется в виду попытка Азиру отложиться от хеттов и вернуться в египетское подданство. В своих письмах в Египет (EA 164-167) Азиру жалуется, что боится отправиться в Египет, к своему господину – фараону, в то время как хеттские войска находятся в Нухашше, и выражает опасение, что они двинутся на Амурру. Впоследствии он все же поехал в Египет (см. EA 169-170), чем проявил лояльность по отношению к фараону и провинился перед хеттами.

² Ср.: хеттская версия договора Суппилиумаса с самим Азиру (КВо X 13) указывает, что в то тяжелое для хеттов время, когда с Суппилиумасом враждовали царь Египта, царь хурритов, цари Кинцы, Хальпы и Каркемышы, Азиру сам «оставил (подчинение) стране Мицри (Египту) и перешел в подданные Солнца, царя страны Хатти... Азира пришел от дверей страны Мицри и пал к ногам Солнца, великого царя». Здесь рисуется обстановка начала последней, «Шестилетней», войны Суппилиумаса в Сирии и возвращение Азиру под хеттскую власть. Согласно тому же договору, это возвращение состоялось уже после падения Каркемышы.

³ Т.е. сам, добровольно перешел на сторону хеттов. Речь идет о первом переходе Азиру на сторону хеттов (очевидно, во время «Одногодичной» войны).

Летопись Ашшурбанапала («Цилиндр Рассама», фрагмент, II, 95-125)

Десятигранная глиняная призма с текстом летописи ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.) была найдена в 1878 г. при раскопках холма Куюнджик, под которым покоятся руины Ниневии, в так называемом Северном дворце, английским археологом О.

Рассамом. Известна под его именем, или как «Летопись Ашшурбанапала», редакция А. Хранится в Британском музее. Впервые опубликована в 1880 г. Выполнена клинописью на литературном вавилонском языке с включением ассиризм. Датируется согласно хронологическим выкладкам Х. Тадмора 643/642 г. до н. э. (до него – 636 г. до н. э.).

В данном отрывке повествуется о мирных дипломатических и конфронтационных взаимоотношениях Ассирии с Лидией.

Гуггу (Гигесу)¹, царю Лудди (Лидии), области, что по ту сторону моря, местности отдаленной, произнесения имени которой цари, отцы мои; не слышали, во сне имя мое открыл бог Ашшур, мой создатель, говоря: «Ноги Ашшурбанапала, царя Ассирии², обними и произнесением имени его побеждай твоих врагов».

В тот день, когда он увидел этот сон, послал он своего гонца, чтобы спросить о моем благополучии. Сон этот, который он увидел, через посланца своего он передал и сообщил мне. С того дня, как он обнял ноги моей царственности, гимиррайцев³, притеснявших народ его страны, которые не чтит моих предков и меня, не обнимали ног моей царственности, он победил с помощью Ашшура и Иштар, богов, моих владык. Из среды начальников поселений гимиррайцев, которых он победил, двух начальников поселений в колодки, железные оковы и железные цепи он заковал и вместе со своими тяжелыми дарами прислал мне.

Своего гонца, которого он постоянно присылал справляться о моем благополучии, он перестал посылать. О том, что он слово Ашшура, бога, моего создателя, не соблюл, понадеялся на свою собственную силу и ожесточил сердце и свои войска для союза с Пишамилки (Псамметихом), царем страны Муцур (Египта), который сбросил ярмо моего владычества⁴, он послал, я услышал и взмолился Ашшуру и Иштар, говоря: «Перед врагом его труп его пусть будет брошен и пусть будут унесены кости его!»⁵.

Как я просил Ашшура, так и произошло.

Перед врагом его труп его был брошен и были унесены кости его⁶.

Гимиррайцы, которых он произнесением имени моего растоптал, вторглись и ниспровергли всю его страну. После него его сын⁷ воссел на его трон. О злом деле, которое по моей молитве боги, мои помощники, причинили отцу – его создателю, – он известил меня через своего посланца и обнял ноги моей царственности, говоря: «Царь, которого знает бог, – ты! Ты проклял моего отца, и на него пало зло! Меня, раба, чтущего тебя, благослови и да буду я нести твое ярмо!».

¹ Акк. Гуггу, греч. Гигес, Гиг – царь Лидии в первой половине VII в. до н. э.

² Правил в 668-629 гг. до н. э.

³ Акк. «гимиррай» в греческих источниках известны как киммерийцы – степной, воинственный народ, который вторгся в Переднюю Азию из Северного Причерноморья в конце VIII в. до н. э. В течение VII в. до н. э. нередко нападали на Урарту и Малую Азию, имели столкновения с Ассирией.

⁴ Речь идет о свержении ассирийского господства египетским царем Псамметихом I (664-610 гг. до н. э.), который в 655 г. до н. э. вернул своей стране независимость и этим примером вдохновил целую серию антиассирийских выступлений в Передней Азии.

⁵ В летописях ассирийских царей нередко встречается фраза: «Смерть его я увеличил больше прежнего». Скорее всего она обозначала глумление над останками и прежде всего непредание их захоронению. При трепетном отношении на Древнем Востоке к традиционным погребальным обычаям, это могло восприниматься как сильный эмоциональный удар. Иногда положение спасал выкуп останков заинтересованной стороной.

⁶ В 1965 г. археологи при раскопках некрополя Сард («Бин-тепе» – «Тысяча холмов») обнаружили гробницу Гигеса. Останков царя там не оказалось. Однако среди граффити на ее стенах встречалось слово «хухха» – возможно, лидийское имя Гигеса.

⁷ Сын Гигеса – Ардис, правил во второй половине VII в. до н. э.

Надписи царя Менуа

Менуа (Минуа) – один из царей древнего государства Урарту. Период правления 810-786 до н. э. В период правления Менуа Урарту становится самым могущественным государством Передней Азии.

Представлены: 1. Надпись на камне в развалинах Цолакерта, на спускающемся к Араксу северном склоне горы Арарат. 2. Надпись на скале близ селения Язлыташ, в районе г. Эрзерум. 3. Надпись на большой скалистой глыбе в Палу, на берегу реки Мурад-су (Восточный Евфрат). 4. Надпись на стеле из Гюзака (восточнее Ванского озера).

1.

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну Эрикуахи¹, победил город Лухиуни, поверг их перед Менуа. Халди могуч, оружие бога Халди – могучее.

Могуществом бога Халди выступила поход Менуа, сын Ишпуини. Пред ним шел бог Халди. Менуа говорит: пришла страна Эрикуахи². Город Лухиуни, царский город, которым никогда никто не овладевал, дал бог Халди Менуа, сыну Ишпуини. Завоевал я город Лухиуни, пощадил я город Лухиуни под условием выплаты дани.

Менуа говорит: кто эту надпись уничтожит, кто ее разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти дела, кто другой скажет: Я завоевал город Лухиуни, пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, все боги его под солнцем...

2.

Бог Халди выступил в поход со своим оружием против Диауехи³, могущественной страны. Халди могуч, оружие бога Халди – могучее. Могуществом бога Халди выступил [в поход] Менуа, сын Ишпуини; пред ним шел бог Халди.

Менуа говорит: завоевал я страну Диауехи, в бою я завоевал город Шашилу, царский город. Страну я сжег, крепости [разрушил]. Дошел я до страны Шешети, до города Зуа. Город Утухаи... Менуа говорит: Утупурши, царь Диауехи, явился передо мной, обнял мои ноги, ниц повергся; я отнесся к нему милостиво, пощадил я его под условием выплаты дани; дал он мне золото и серебро, дал дань. Тех пленников, которые возвратились к нему⁴, он вернул полностью.

Менуа говорит: ... двух царей я оттуда удалил – царя страны племени Балтулхи и царя страны города Халдирулхи; какие только были в стране укрепленные цитадели, я их оттуда отторгнул⁵...

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну города Шебетерия, победил он страну Хузана, победил Цупани. Халди могуч, оружие бога Халди – могучее.

Могуществом бога Халди выступил в поход Менуа, сын Ишпуини, завоевал он страну города Шебетерия, завоевал он страну города Хузана, завоевал он страну Цупани, дошел до страны Хати⁶.

Богу Халди он эту надпись воздвиг (?) В городе Шебетерия он часовню бога Халди построил. Город Шебетерия... Царя города Мелптона пощадил он под условием выплаты дани.

Величием бога Халди Менуа, сын Ишпуини, царь могущественный, царь Великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города...

4.

Богу Халди, владыке, эту надпись Менуа, сын Ишпуини, воздвиг. Когда он ворота⁷ бога Халди построил, он также построил величественную крепость и установил для нее имя – «Город бога Халди». Разбил он также этот виноградник, разбил он сад. «Виноградник Менуа» – имя его.

Величием бога Халди Менуа, сын Ишпуини, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города.

Менуа говорит: когда виноград поспеет – бык и 3 овцы пусть будут принесены в жертву богу Халди и церемонии пусть будут выполнены как у ворот Халди, так и перед надписью. Когда виноград соберут – праздник богу Халди пусть будет устроен у ворот Халди, праздник – богине Арубани, праздник – богу Халди перед надписью.

¹ Эрикуахн – название племени и занимаемой им страны, которая локализуется на правом берегу Аракса, на спускающемся к этой реке северном склоне горы Арарат. Главным поселением этой страны был Лухиуяи. Завоевав его, царь Менуа вблизи него основал город Менуахипили.

² «Пришла страна Эрику ахи» – по-видимому, здесь значит: «Достиг я страны Эрикуахп».

³ Диауехи – племенное название, упоминается в форме Даиаени в ассирийских надписях XII-IX вв. до н. э.; в VIII в. до н. э., возможно, уже раннеклассовое государство, территория которого от верховьев Евфрата (Кара-су) и района совр. г. Эрзерума (на юге) простиралась на север на довольно большом расстоянии. Его название сохранилось в наименовании древнегрузинской провинции Тао (Тапк в древнеармянских источниках.). Потомков Диауехи встречает на своем пути в этих же местах в конце V в. до н. э. греческий историк Ксенофонт.

⁴ Видимо, речь идет о рабах-плепниках урартинцев дпаухийского происхождения, бежавших из Урарту в свою страну.

⁵ Территорию названных двух «стран» урартский царь, по-видимому, превратил в свою провинцию: удалил местных правителей, а крепости занял сам, поставил в них урартские гарнизоны и т.д.

⁶ Хати – «страна хеттов». Под этим наименованием в урартских текстах, по всей вероятности, подразумевалась территория, лежавшая на крайнем юго-востоке Малой Азии. Ассирийцы в эту эпоху под «страной Хатти» обычно понимали Сирию.

⁷ Воротами того или иного бога называлось культовое сооружение – храм.

Отрывки из летописи царя Аргишти I

Аргишти I (Аргишти, сын Менуа) – царь государства Урарту, период правления 786-764 до н. э. В период правления Аргишти I Урарту находилось в зените своего могущества.

Выступил я в поход против страны Дяди, против города Зуа; город Зуа, царский город страны Диаухи, я сжег; поставил надпись в городе Зуа. Пошел я через ворота страны против страны Ашкалаши. 105 крепостей я разрушил, 453 города же сжег. Три страны я оттуда отторгнул, их население присоединил к моей стране: страну Када, страну Ашкалаши, страну города Шашилу. 15181 отрока, 2734 мужчины, 10 604 женщины, 4426 коней, 10478 голов крупного рогатого скота, 73 770 голов мелкого рогатого скота я угнал. Четырех царей я оскотил – царей племен Шашки, Ардаракихи, Балтулхи; моих правителей областей я там посадил. Царя Диаухи я поработил, пощадил я его при условии [выплаты] дани. [Вот] какую дань царю Аргишти диаухиец преподнес: 41 мину¹ чистого золота, 37 мин серебра, [несколько] десять тысяч мин меди, 1000 верховых лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, [несколько] десять тысяч голов мелкого рогатого скота. Вот какую дань на страну Диаухи я наложил, чтобы она ее давала ежегодно: ... мин чистого золота, 10000 мин меди, ... быков, 100 коров, 500 овец, 300 верховых лошадей...

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну Этиуни², поверг ее перед Аргишти. Халди могуч, оружие бога Халди – могучее. Могуществом бог& Халди выступил в поход Аргишти, сын Менуа. Пред ним шел бог Халди. Аргишти говорит: «Цари, которые пришли на помощь диаухийскому царю, я их разгром совершил. За год завоевал я страну Луша³, страну Катарза⁴, страну Эриахи⁵, страну Гулутахи⁶, завоевал

я страну Уитерухи⁷. Дошел я до страны Апуни⁸. Царя страны Луша я оскотил, а царя страны Ига⁹ поработил, оставил на своем месте, дань царю Аргишти он дал...».

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну Хате, победил он страну царя Хиларуада, поверг их перед Аргишти. Халди могуч, оружие бога Халди могучее. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Взмолился я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко всем богам страны Бианили о том, что я хотел совершить по господнему величию. Прислушались к моей просьбе боги.

Аргишти, сын Менуа, говорит: Шел перед воинами бог Халди. Выступил я в поход на страну Хати, завоевал я долину страны Нириба¹⁰, ... город ... урмани, укрепленный, в бою я завоевал. Город... [адани], царский город, я завоевал.

Величием бога Халди выступил я в поход на страну Хати... Мужчин и женщин я оттуда увел, крепости разрушил, города сжег, 2539 отроков, 8698 мужчин живыми увел, 18 047 женщин, всего 29 284 человека, за год – одних я умертвил, других живыми увел... коней, 17 962 головы крупного рогатого скота я угнал, а также... голов мелкого рогатого скота; Аргишти, сын Менуа, говорит: Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну Этиуни, победил страну города Кихуни¹¹, поверг их перед Аргишти. Халди могуч, оружие бога Халди – могучее. Величием бога Халди выступил в поход Аргишти, сын Менуа; пред ним шел бог Халди. Аргишти говорит: завоевал я страну города Кихуни, расположенную на берегу озера. Дошел я до города Алишту; мужчин и женщин оттуда я угнал.

По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Город Ирпуни¹² я построил для могущества страны Бианили и для усмирения вражеской страны. Земля была пустынной; ничего не было там построено. Могучие дела я там совершил. 6600 воинов стран Хате и Цупани я там поселил.

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он страну Мана, победил страну Бушту, поверг их перед Аргишти, сыном Менуа.

Величием бога Халди Аргишти говорит: Взмолился я к богу Халди, владыке, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко всем богам страны Бианили о том, что я хотел совершить по господнему величию; прислушались к моей просьбе боги. Аргишти, сын Менуа, говорит: Халди могуч, оружие бога Халди – могучее. Величием бога Халди выступил я [в поход] на страну Бушту... Страну я сжег, города разрушил, мужчин и женщин оттуда я угнал. 7873 человека за год, одних я умертвил, других живыми увел; 290 коней я угнал, а также 101 верблюда, 4909 голов крупного и 19 550 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

Бог Халди выступил в поход со своим оружием, победил он войско страны Мана и поверг его перед Аргишти, сыном Менуа. Величием бога Халди Аргишти, едн Менуа, говорит: ... Аргиштихинили¹³ я воздвиг, от реки канал стране Аза¹⁴ я отвел... Аргишти говорит: ... пришла страна Мана... яг отбросил, крепость я завоевал... страну я разорил, города сжег, 3270 человек, одних я умертвил, других живыми увел. 170 коней я угнал, а также 62 верблюда, 2411 голов крупного рогатого скота, 6140 ... голой мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил.

¹ Мина – урартская мера веса; по-видимому, так же, как и ассирийская мина, она равнялась 505 г.

² Этиуни у урартийцев употреблялось в качестве общего, собирательного названия обширной территории Южного Закавказья.

³ Луша – одно из племен в Южном Закавказье.

⁴ Катарза – племя (страна). Позже это название сохранилось в наименовании, засвидетельствованном античными источниками – «Катарзенэ» и одной из юго-западных областей Грузии Кларджети.

⁵ Эриахи – название страны, находившейся в районе совр. г. Лепинакана.

⁶ Гулутахи – область в Араратской долине.

⁷ Уитерухи – племя; название сохранилось в двух наименованиях, засвидетельствованных античными источниками на Черноморском побережье Грузии, – Бизеров и одной из южных областей Грузии – Одзрахе.

⁸ Апуни – область на территории Южного Закавказья.

⁹ Ига (Игани) – племя (страна), локализуется" в районе Чалдырского озера, в Южном Закавказье.

¹⁰ Страна Нириба, часто упоминаемая также в ассирийских источниках, находилась в горах Кашияри (совр. Тур-Абдин), в Северной Месопотамии.

¹¹ Кихуни – поселение в районе совр. Лчашена на Северо-Западном побережье Севанского озера.

¹² Ирпуни (вариант Эрибуни) крепость на холме Арин-берд, и город – поселение вокруг него, на окраине совр. Еревана; есть предположение, что в наименовании последнего сохранилось это древнее название.

¹³ Аргиштихинили – один из крупных урартских центров на территории Южного Закавказья. Основан урартским царем Аргишти I на левом берегу Аракса, на холме у нынешнего села Армавир (Октемберянский р-н Армении).

¹⁴ Аза – название племени и его страны, в которой был основан урартийцами город Аргиштихинили.

Разведка Ассирии против Урарту

Письменные донесения разведчиков царю Саргону. Глиняные таблечки конца VIII в. д о н. э. из царского архива в Ниневии. Язык – ассирийский

ПИСЬМО ОТ АШШУРРИСУИ¹ (?) ЦАРЮ САРГОНУ II²

(Приветствие не сохранилось, кроме слов: мир царю, моему господину.)

5 наместников У[арту] приш[ли] в Уаси³: Ситину, начальник области [...] тени, Каккадану⁴, который [в области, что] напротив страны уккийцев⁵, Сакута, [начальник] области Каниун, Сиплия⁶, [начальник] области Альши⁷, Туту(??), [начальник] области Армирэли⁸ – вот их имена. Они пришли в Уаси из го[рода?] начальника (?)... Сейчас они подняли свои тамошние силы, войско их будет с[ильным (?)]. Царь выступил из Турушпы⁹ и пошел в Каниун¹⁰.

О том, что писал царь, господин мой: «Пошли лазутчиков» – я послал двумя частями. Одни прибыли и рассказали эти известия, а другие пока еще не выходили (из Уарту).

II

РАЗВЕДОВАТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ЦАРЕВИЧА СИНАХЕРИБА ЦАРЮ САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Синахериб¹¹. Да будет мир царю, моему господину. Ассирия благополучна, храмы благополучны, все крепости царя благополучны; сердце царя, моего господина, да будет весьма довольным.

Уккийцы¹² писали мне: «Царь урартский как пошел в страну Гамир¹³, так войско его было полностью перебито. Сам он и наместники его с войсками их засели¹⁴ [в]. Два областеначальника [.....] пришел [.....], захватил [.....], пусть не приходит; [наместни]ки (?) страны его [.....], которые установлены (?) [.....]». [Тако]ва весть уккийцев.

Ашшуррисуа¹⁵ писал мне: «Весть об урартском [царе]: То, что я писал прежде – это так. У них была большая резня. Теперь страна его успокоилась. Великие его ушли каждый в свою страну. Каккадану¹⁶, его туртан¹⁷, схвачен. Царь урартский сам находится в [области] Уазаун¹⁸. Такова весть Ашшуррисуи.

Набу-ли, наместник г. Хальсу¹⁹, писал мне: «Я писал гарнизонам крепостей, что на границе, относительно вести об урартском царе. Как он пошел в страну Гамир, (так) войско его было полностью перебито. Перебито трое великих его с войсками их. Сам он бежал и вступил в свою страну. К лагерю его они еще не подошли». Такова весть Набу-ли.

Мусасирский [правитель]²⁰, его брат и его сын пошел приветствовать царя урартского. Гонец хубушкийского²¹ [правителя] также пошел приветствовать его. Так сообщают мне все гарнизоны крепостей, что на границе.

Письмо, которое принес из Табала²² Набу-ли, начальник дома Ахат-абиши²³, я отправил к царю, моему господину.

III

ПИСЬМО ОТ АШШУРРИСУИ САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Ашшуррисуа. Да будет мир царю, моему господину.

Маннеи²⁴ среди поселений урартского [царя] в области морского побережья восстали, грабили [и] поднялись [в горы]. Абалукуну, наместник Мусасира²⁵, и Туннаун, Кар-Сипара²⁶, отправились к границе страны маннеев для [охранной] службы. Урартский [царь] – в Турушпе²⁷, приносит жертвы. Все наместники – при нем.

IV

ПИСЬМО НАМЕСТИКА САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Ашшуррисуа²⁸. Да будет мир царю, моему господину.

Относительно Нараче, военачальника, о котором я писал царю моему господину: «20 командиров, которые говорили против царя, схвачены». Теперь царь урартский вступил в Турушпу и осадил (или запер?) их. Остальные люди, которые грабили (?) вместе с ними, вместе с командирами, вместе с «бородачками»²⁹ – всего 100 человек – убиты.

Урсине, второй туртан³⁰, брат Аблиукну, [был] схвачен в Турушпе. Аблиукну пришел в Турушпу к нему, к своему брату этому. Он спросил у них кинжал. Никто не приблизился. Он поднял [кинжал], и они отпустили их.

Относительно Исияу, о котором писал царь, господин мой, – никто [ничего] не знает. Дом свой он [покин]ул (?). Я неоднократно спрашивал, но никто не может сказать – жив он или умер. Гонец, которого я послал в Бит-ки[...](?) – его нет, я его не видел. Он не раз спрашивал, но никто не мог ему сказать. Теперь я пишу – они должны спросить. Я разужнаю и напишу царю.

V

ПИСЬМО АГЕНТА ЦАРЯ К ЦАРЮ САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Габбу-ана-Ашшур³¹.

Относительно приказа, которое дал мне царь, господин мой, относительно службы, так как урартский [царь] вошел якобы в дом (храм?) в г. Курбане (?)³²: Мои гонцы, которые должны были пойти, пойдут к Набу-ли, к Ашшурбелдану, к Ашшуррисуе³³. Мы не [забыли] за[писать пи од]ного имени. [Ка]ждый [де]лает свою работу, лишнего никого нет.

Мы неоднократно слышали следующее: урартский [царь] не выходил из г. Турушпы³⁴, [а м]ы службу, о которой ц[арь] д[ал] нам приказание, н[есем], не небрежем [ею]. В 16 (?) день месяца ду'уза я прибыл в Курбан, в 20 день месяца аба написал письмо царю, моему господину.

VI

ПИСЬМО НАМЕСТНИКУ ОБЛАСТИ ВЕРХНЕГО ЗАБА ОТ УРЗАНЫ, ПРАВИТЕЛЯ МУСАСИРА

Таблетка Урзаны – глашатаю дворца. Да будет, тебе мир. О том, что ты писал: «Придет ли к тебе (?) царь урартский? Где он находится?» наместник Уаси и наместник округа уккийцев³⁵ приходили, совершили обряды (или: работу) в храме. Он говорит³⁶: «Царь придет, [сейчас] он находится в Уаси. Наместники задерживаются, они придут, будут совершать обряды в Мусасире»³⁷. О том, что ты писал: «Без разрешения царя никто не должен приступать к обрядам» – когда царь Ассирии приходил, разве я звал (?) его? Что он делал, этот делает, и на это нет отчета.

VII

ПИСЬМО ОТ БЕЛИДДИНА, ЦАРЬКА АЛЛАБРИИ (?) САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Белиддин.

Относительно вести о [царе] урартском: В Уаси прибыли гонец [царя] андийского³⁷ и гонец [царя] зикиртийского³⁸ и сообщили ему: «Царь Ассирии [идет] на нас». Как только он повидал гонцов, он отправился в Зикирту – сам он со своим войском – и хуб[уш]кийский царь³⁹ [тоже] на 5 переходов удалился (?) и повернул. Своим вельможам он сказал: «Собирайте ваши войска для разгрома царя Ассирии. Я строю [войска] в боевой порядок из-за этого наступления (?), поэтому [и ты] строй (их) в боевой порядок из-за наступления».

VIII

ПИСЬМО АГЕНТА ЦАРЯ ОТ УПАХХИР-БЕЛА ЦАРЮ САРГОНУ II

Царю, моему господину, – твой раб Упаххир-Бел⁴⁰. Да будет мир царю, моему господину. Страна царя благополучна, крепость благополучна, сердце царя, моего господина, да будет довольно.

Я посылаю лазутчиков за вестью о [царе] урартском. Они вернулись и сообщили следующее: «Наместник, который напротив нас⁴¹, – а с ним заместитель наместника – несет [охранную] службу напротив [области] визиря. От города к городу вплоть до Турушпы⁴² тамошние собираются в строй. Прибыл гонец от Аргишти⁴³ [и сказал]: «Относительно работы, о которой я известил тебя – [эту] работу не делай. Корми своих лошадей, пока я не пришлю к тебе гонца».

О балках, которые задержали в Эзиате⁴⁴: я посылаю итуайцев⁴⁵ с начальником поселения. На походе я послал их на разведку (?) и заместитель их начальника поселений и с ним 9 человек были ранены, двое из них умерло. 3 наших людей они ранили. Таково известие о них.

IX

ПИСЬМО АШШУРРИСУА К УПОЛНОМОЧЕННОМУ ЦАРЯ

Заместителю⁴⁶, моему господину, – твой раб Ашшуррисуа⁴⁷. Да будет мир царю, моему господину.

Почему, господин мой, я отвергнут? Я жалуясь (?), как пёс! До сих пор я послал господину моему три письма, – почему господин мой не смиростивится, не велит прислать мне ответа на письмо? Пусть господин мой вернет меня на мою должность. Я бегал, как сын, у твоего отца, и у тебя... я бегал, руки были полны [хлопот]. Тб, что я написал, господин мой, пусть сделают! Вот теперь я написал, господин мой пусть прикажет быстро прислать ответ на письмо!

X

ПИСЬМО ОТ АШШУРРИСУИ ЦАРЮ САРГОНУ II

Царю, моему господину, твой слуга Ашшуррисуа. Да будет мир царю, моему господину. В благополучии страна царя, в благополучии укрепленный город. Да будет в благополучии царь, мой господин.

Страна Гуриания [и] страна Нагну⁴⁸ [находятся] между страной Урарту и страной Гамир⁴⁹. Последняя платит дань народу Урарту. Когда народ Урарту двинулся против страны Гамира [и] когда было нанесено поражение народу Урарту, воины в таком количестве как оттуда... 8000 людей...

(Далее текст сильно фрагментирован.)

¹ Агент ассирийского царя.

² Ассирийский царь (722-705 гг. до н. э.).

³ Город на южной границе Урарту.

⁴ Военачальник урартского царя Аргишти II, подниингий восстание против последнего.

⁵ Племя, обитавшее на юге от озера Ван.

⁶ Области Урарту.

⁷ Область в бассейне р. Арсаипса (вост. Евфрата, ныне Мурад).

⁸ Область R южной части Урарту.

⁹ То есть Тушпы (ныне Ван), столицы Урарту. Царь, упоминаемый здесь, – Аргишти II (714-680 гг. до н. э.).

¹⁰ Области Урарту

¹¹ Позднее (в 705 г. до н. э.) сменил на ассирийском престоле Саргона II.

¹² Племя, обитавшее на юге от озера Ван.

¹³ То есть страну киммерийцев (ср. библ. Гомер), обитавших в это время в восточной Каппадокии.

¹⁴ Буквально: вошли в качестве гарнизонов.

¹⁵ Агент ассирийского царя.

¹⁶ Военачальник урартского царя Аргишти II, подниингий восстание против последнего.

¹⁷ Великие – наименование вельмож; туртан – главный военачальник.

¹⁸ Округ города Уаси.

¹⁹ Хальси означает укрепленный город. Здесь – как наименование определенного географического пункта.

²⁰ Мусасир – крупный город в Урарту, центр культа главного урартского бога Халда (около совр. г. Ревандуза) на юго-запад от озера Урмии.

²¹ На южной границе Урарту.

²² Ахламитяне – ассирийское наименование арамейев, семитического народа, заселившего в XI-X вв. Сирию и западные об пасти Двуречья. Таблитяне – народ, обитавший в северо-восточной части Малой Азии.

²³ Ахат-абиша – дочь Саргона II, отданная замуж за Амбариса, царя Табала. Амбарис восстал в 713 г. до н. э., но был побежден Саргоном и уведен в плен.

²⁴ Племена маннеев обитали к югу от озера Урмии.

²⁵ Мусасир – крупный город в Урарту, центр культа главного урартского бога Халда (около совр. г. Ревандуза) на юго-запад от озера Урмии.

²⁶ Местоположение неизвестно.

²⁷ То есть Тушпы (ныне Ван), столицы Урарту. Царь, упоминаемый здесь, – Аргишти II (714-680 гг. до н. э.).

²⁸ Агент ассирийского царя.

²⁹ Вероятно, ветераны, в отличие от новобранцев.

³⁰ Великие – наименование вельмож; туртан – главный военачальник.

³¹ Агент ассирийского царя.

³² Город Курбан в начале VIII в. до н. э. принадлежал Ассирии и был резиденцией ассирийского наместника. Смысл фразы неясен.

³³ Агент ассирийского царя.

³⁴ То есть Тушпы (ныне Ван), столицы Урарту. Царь, упоминаемый здесь, – Аргишти II (714-680 гг. до н. э.).

³⁵ Племя, обитавшее на юге от озера Ван.

³⁶ Вероятно, ошибка: вместо «они говорят». Очевидно, ассирийский УТИР запрашивал через глашатая дворца, бывшего пашеетника соседней с Мусасиром области Урзану, прибудет ли урартский царь в Мусасир, и давал понять, что без разрешения ассирийского царя представители других держав не должны прибывать в Мусасирский храм.

³⁷ Возможно, жатвенные песни.

³⁸ Письмо датируется 714 г. до н. э.

³⁹ На южной границе Урарту.

⁴⁰ Агент ассирийского царя.

⁴¹ То есть области, пограничной с крепостью Упаххир-Бела.

⁴² То есть Тушпы (ныне Ван), столицы Урарту. Царь, упоминаемый здесь, – Аргишти II (714-680 гг. до н. э.).

⁴³ Царь Урарту Аргишти II (714-680 гг. до н. э.).

⁴⁴ Может быть, соответствует греч. Амдзете (в зап. Армении).

⁴⁵ Кочевники, нанимавшиеся на полицейскую службу.

⁴⁶ Уполномоченный ассирийского царя.

⁴⁷ Агент ассирийского царя.

⁴⁸ В восточной Каппадокии.

⁴⁹ То есть страна киммерийцев (в Каппадокии).

Из письма Саргона II к богу Ашшуру с описанием похода против Урарту (714 г. до н.э.)

Большая глиняная таблетка. Язык – литературный вавилонский.

Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в Эхурсаггалькуркурре¹, своем великом храме, – большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в городе Ашшуре, их великом храме, – большой, большой привет!

Граду и людям его – привет! Дворцу и живущим в нем – привет!

Шарру-кин, светлый первосвященник, раб, чтущий твою великую божественность и войско его – весьма, весьма благополучны...

В Сурикаш, область страны маннейской², соседящей с Караллу и Аллабрией³, я спустился. Уллусуну маннейский, – так как я ежегодно не переставал мстить за него, – услышав о подходе моего войска (буквально: похода), сам со своими великими, старейшинами, советниками, семенем рода своего⁴, наместниками и надзирателями, правящими его страной, с ликующим сердцем, с радостным лицом поспешно вышел без заложников из страны своей и из Изирту, своего царского города, до Синизини, пограничной крепости страны своей, пришел пред меня; принесся дань – упряжных коней с их утварью, крупный и мелкий скот – он поцеловал мои ноги. Я прибыл в Латаш, крепость, что над рекой в области Ларуэте, в Аллабрии, принял дань Бел-апал-идины Аллабринского – коней, крупный и мелкий рогатый скот, – спустился в Парсуаш⁵. Владыки поселений [стран] Намара, Сапгигуту, Бнт-Абдадани⁶ и страны мидян, услышав о подходе моего войска, вспомнили опустошение стран своих в прошлом году моем, и ужас пролился на них. Они принесли мне из своих стран свою тяжкую дань, и в Парсуаше они изъявили свою покорность (буквально: заставили смотреть в мое лицо)...

Я отправился из Парсуаша и прибыл в Мисси, область страны маннеев. Уллусуну с людьми страны своей в сердечной готовности служить [мне] поджидал моего подхода в своей крепости Зирдакка. Словно мой доверенный, ассирийский областеначальник, он заготовил муки и вина для прокорма моего войска, поручил мне своего старшего сына с подношением и приветственным даром и для укрепления своего царства посвятил мне свою стелу. Я принял больших упряжных коней, крупный и мелкий скот, его дань, и он повергся ниц [предо мной] (буквально: сплющил нос) ради своего отомщенья. Чтобы стопы какмийцев⁷, злых врагов, были отвращены от страны его, чтобы Урсе⁸ в полевой битве было нанесено поражение, чтобы рассеянные маннеи были возвращены на место, чтобы ему попать врагов своих победоносно и достигнуть желаний сердца, сам и великие, решающие совет страны его, молили меня и предо мной на четвереньках ползали, как собаки. Я оказал

им милость, принял их молитвы, слова их просьбы я услышал и сказал им «помилование». Ради отменной силы, которую подарили мне Ашшур и Мардук, возвеличив оружие мое более, чем всем князьям вселенной, я обещал им низвергнуть Урарту, восстановить их границы, дать мир угнетенным манкеям – и они уповали сердцем. Пред царем Уллусуну, их владыкой, я поставил накрытый стол, возвысил престол его выше, чем Иранзу, отцу его, его родителю; их с ассирийцами я посадил за веселую трапезу, и мою царственность перед Ашшуром и богами страны их они благословили...

Я отправился из маннейской крепости Зирдакки, 30 «беру»⁹ я стремительно продвигался между страной маннейской, Бит-Капси и страной могучих мидян, и прибыл в Панзиш, его большую крепость, заложенную для охраны против Зикирту и Лидии¹⁰, воздвигнутую против обеих областей, дабы не ушел беглец и стопы врага чтобы были удержаны. Этой крепости укрепление я усилил и приказал внести туда ячмень, ма[сло и вин]о.

Я отправился из Панзиша, перешел через ре[чку] Иштараура и прибыл в Аукане, область [страны] Зикирту¹⁰. Метатти, зикиртец, сбросивший ярмо Ашшура, презревший Уллусуну, своего владыку, забывший свою службу, полагался на Урсу, урарта, – что, как и сам он, не ведал порядка, – на союзника, не способного спасти его жизнь, в страхе поднялся он на Уашдирику, трудную гору, и как увидел он издали движение моего войска – оцепенела плоть его; всех людей страны своей он собрал, заставил их подняться с трудом в далекие горы, и не было найдено их место. А сам он – Парда, его царский город ему не был дорог, покинул он имущество дворца своего и вышел наружу; своих коней и бойцов он собрал (?) и послал подмогой на помощь Урсе. Я перебил его грозных воинов, расположенных для охраны на перевале [горы] Уашдирики, и покори́л Иштаиппу, Сактатуш, Нанзу, Лукане, Кабани, Гуррусупу, Ракси, Гимдакрикку, Барунакку, Убабару, Ситеру, Таштами и Тесаммню, 12 его крепких поселений, обнесенных стенами, вместе со всеми 84 окрестными поселениями. Стены их я снес, дома в них я предал огню, разрушил, как потоп, насыпал холмами.

Я отправился из Аукане и прибыл в Уишдиш¹¹, маннейскую область, отнятую Урсой...

Я не дал страждущим войскам [бога] Ашшура, ходившим дальним путем, уставшим и утомившимся, без счета перешедшим высокие горы, трудные при спуске и при подъеме, изменившимся в лице, упокоить их усталость, не поил я их водою, [утоляющей] жажду, не разбивал я стана, не укреплял я лагерных стен, – бойцов моих я не послал, не собирал я полка моего, те, что были справа и слева, не [успели] вернуться ко мне, не ожидал [тех], что позади, не страшился множества войска его, презирал его коней, многочисленность его панцирных воинов не удостоил я взгляда – с единственной личной моей колесницей и с конями, идущими рядом со мной, не покидающими [меня] во враждебных и чуждых местах, отряд табуна (?) Син-ах-усура, как яростное копьё, по нему я ударил, нанес ему поражение, отвратил его наступление, устроил ему большое побоище, и трупы воинов его я раскидал, как полову, наполнил горные провалы; по пропастям и ущельям кровь их я заставил течь, как реки; степи, равнины, высоты я окрасил, как алую шерсть (?). Бойцов его, надежду его войска, лучников и копьеносцев, у ног его, как ягнят, я зарезал, головы им отрубил; его лучшим людям, советникам и приближенным, в схватке я поломал оружие, их забрал вместе с конями; 260 [человек] семени его царского рода, его доверенных лиц, его наместников, его конников захватил я в свои руки, рассеял боевые ряды; а его я запер в толпе (?) его лагеря, упряжных коней его остриями стрел под ним я побил; для спасения жизни своей он оставил свою колесницу и верхом на кобыле бежал впереди своего войска. Метатти зикиртский с окрестными царями поверг их воинство, их полк рассеял; войскам Урарту, злого врага, и его союзникам я нанес поражение, на горе Уауш¹² обратил их в бегство; их конями я наполнил горные пропасти и ущелья, а сами они, как муравьи в беде, отправились трудными путями. В ярости моего оружия вслед за ними и я поднялся, подъемы и спуски покрыл телами бойцов. На 6 «беру» расстояния от Уауша до Зпмура п, яшмовой горы, гнал я его острием стрелы: прочих людей его, что бежали для спасения жизни, я оставил славить победу Ашшура, моего владыки; Адад, мощный сын Ану, храбрый, поверг на них свой великий гром, тучами ливня и градом небесным покончил с остатком. Урса, их правитель, преступивший предначертания Шамаша и Мардука и, не почтивший присяги Ашшура, царя богов, убоился грома моего сильного оружия, и, как у птицы, что спасается от орла, содрогнулось его сердце; как проливший кровь, он покинул Турушпу¹⁵; свой царский город, как бегущий от охотника, он достиг краев своих гор; как роженица, бросился он на ложе, отвергал от уст своих хлеб и воду, неизлечимый недуг на себя навел он. Победу Ашшура, моего владыки, на вечные времена установил я над Урарту, страх его без забвенья на будущее я оставил; в грозном бою я сделал горькой для Урарту силу мощи моей превеликой и натиска моего оружия; людей Андии¹⁶ и Зикирту я покрыл смертной пеной. Стопы злого врага отвратил я от страны маннеев, сердце Уллусуну, их владыки, я убоготворил и для страждущих людей его дал сиять свету...

На Андию и Зикирту, куда лицо мое было обращено, прекратил я поход мой, на Урарту обратил лицо я. Уишдиш, область страны маннеев, которую отнял и взял себе Урса, – ее многие поселения, что, как звезды небесные, не имели числа, покори́л я, их укрепленные стены, вместе с насыпью их основания, я разбил, как горшки, и сравнял с землею, многочисленные их амбары без числа я открыл и ячменем без счета накормил мое войско.

Я отправился из Уишдиша и прибыл к Ушкайе, большой крепости, началу пределов Урарту, которая на перевале области Заранда была закрыта, как дверь, удерживала гонцов, на Маллуа¹⁷, кипарисовой горе, блестя, как вежа, и над окрестностью Суби¹⁸ была одета сияньем. Люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении [обучать] лошадей для конницы – малые жеребята, порождение страны его

обширной, которых он¹⁹ возвращает для своего царского полка и ежегодно берет как подать – пока они не будут взяты в область Суби, которую люди Урарту называют страной маннеев, и стать их не будет рассмотрена, на них не ездят верхом, выходам, вольтам и поворотам, всему, что нужно для битвы, их не учат, [они ходят] расседланные²⁰. Эти люди крепости и области увидели поражение Урсы, их господина, и ослабили их ноги, как корень на берегу потока. Их предводители, сведущие в битве, которые бежали от моего оружия и были покрыты смертной пеной, прибыли к ним; славу Ашшура, моего владыки, который не оставил ни одного беглеца из всех их бойцов, они им поведали, и те стали как мертвые.

Ушкайю, надежду страны его, вместе с поселениями они сделали пустой, покинули свое имущество и отправились путем без возврата. Натиском моего сильного и оружия я поднялся в эту крепость, разграбил обильное ее имущество и заставил перенести в мой лагерь. Ее крепкую стену, чей фундамент был утвержден на скале и имел 8 локтей в толщину, – от зубцов ее начав, пока не достиг ее высокого основания, зараз я снес и сравнял с землей. Дома внутри нее я предал огню, их длинные балки обратил я в пламя. 115 ее окрестных поселений я запалил, как костры, дымом их, как ураганом, я заслал лицо небес. Ее местность я сделал [полезной тому как если б] потоп ее погубил, горами насыпал ее обитаемые поселения. Аништанию, дом его табунов, построенный на границе Сангибугу, между Ушкайей и Тармакисой²¹, вместе с 17 ее окрестными поселениями, я снес и сравнял с землей, длинные балки кровель их спалил я огнем. Урожай их и солому их я сжег, полные амбары я открыл, ячменем без счета накормил мое войско. На луга его я пустил скот моего лагеря, как полчища саранчи; они вырвали траву, его упование, и опустошили его нивы.

Из Ушкайи я отправился, прибыл в Бари, упование скота его, называемую Сангибугу²², Таруи и Тармакису...

Из Тармакисы я отправился, прибыл в [...]. Ульху²³, укрепленный город, [расположенный] у подножья [горы...], – а люди их, как рыбы [на суше жаждут], не пьют и не насыщаются – Урса, царь, правитель их, по желанию сердца своего [.....] указал выход вод. Он вырыл канал, несущий проточную воду, и [... воду(?)] изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчетные арыки от его русла и [...] воистину оросил нивы. Его (г. Ульху) пустынные земли, которые издревле [... он...] и, как дождь, пролил [на них] плоды и виноград. Платанам, высоким (?) деревьям, украшению дворца его, [...] как лесу, над его окрестностью он дал простереть тень, а на невозделанной земле его [...] и, как бог, дал его людям возгласить радостное «аллалу»²⁴. 300 имеров (1 имер – мера площади, на посев которой шло 84,2 метра зерна) посева, [...] хлеба при урожае он дал расти, и при продаже зерна (?) они увеличивали доход (?). Его пустынные земли он превратил в луга, и [зеленели они] весьма сильно в начале года, трава и пастбище не прекращались ни зимой, ни летом. Он превратил их в загон для коней и стад, сделал всей своей закрытой (?) стране известными верблюдов, и они работали при насыпке плотин. [Он построил] для своего удовольствия на берегу канала дворец, царственное жилище, перекрыл его кипарисовыми стволами и сделал приятным его аромат. Крепость Сардурихурда²⁵ он [заложили] для охраны его на горе Киште. И поставил там [...] тинейцев, опору его страны.

Люди этой области услышали дурные вести о том, что я учинил Урсе, и воскликнули «увы!», ударяя себя по бедрам. Они покинули укрепленный город Ульху и крепость Сардурихурду, свою надежду, и ночью бежали на труднодоступные края гор. В ярости сердца моего я, как ураган, покрыл всю окрестность этой области и, как тучей, обложил [ее] с фланга и с фронта. Я, как владыка, вошел в Ульху, город запасов (?) Урсы, я вошел победоносно во дворец, г его царственное жилище. Его (Ульху) крепкую стену, сделанную из острых горных камней, я велел разбить железными кирками и мечами, как глиняный горшок, и сравнять с землей. Длинные кипарисовые стволы, кровлю дворца его я сорвал, заставил обработать [топо]рами (?) и забрал в Ассирию. Я открыл его полные амбары, его обильными запасами без числа накормил мое войско. Я вступил в его сокрытые винные подвалы, и многочисленные воинства Ашшура черпали из больших (?) и малых (?) мехов душистое вино, как речную воду. Каналу, реке, питающей его, я заткнул выход, и св[ежу]ю воду его превратил я в болото, арыки, [отведенные] от его русла, я [...], их подземные трубы (?) показал я солнцу. В его прекрасные сады, украшение его города, полные плодовых деревьев и лоз, и, как небесный ливень... во[рвал]ись мои сильные воины и дали греметь железным топорам, как Ададу. Многочисленные их плодовые деревья они порубили, чтобы в битве никогда [жители] не оставляли сердечного страха, на веки веков чтоб томились [неисполнимым] желаньем. Его большие стволы, украшение дворца его, я рассыпал, как полову (?), город славы его я предал позору, ниспроверг его область. Эти стволы и деревья, сколько я нарубил, я собрал, насыпал кучей и сжег огнем. Их обильный урожай, как тростник, не имеющий счета, я вырвал с корнем, ни колоса не оставил для восстановления разрухи. Его прекрасную землю, имевшую цветом вид лазурного камня, [ибо] в окрестности были насажены цветы и растения, я затопил, как Адад, повозками, конницей, поступью воинов, и луг, надежду копей его, превратил я в пустырь. Сарду-рихурду, их великую крепость, вместе с 57 ее окрестными поселениями в области Сангибугу – все их я разрушил, сравнял с землей, балки кровель их спалил огнем, обратил их в пламя.

Из Ульху я отправился, прибыл в [...] униате, первый из укрепленных городов области Сангибугу. Эта область была родиной его храма, на которую прежний царь, живший до него, тратился для того, чтобы расширить свою страну...

При моем возвращении Урзана – мусасирский²⁶ негодяй и злодей, преступивший клятву богам, не покорившийся владычеству, горец злой, согрешивший против присяги Ашшура, Шамаша, Набу и Мардука,

возмутился против меня, прекратил возвратное продвижение моего похода, [ибо] с тяжелым своим приношением не поцеловал моих ног. В гнев сердца моего я дал всем моим колесницам, многочисленным коням, всему моему стану направить путь на Ассирию, [сам же]...

С одной лишь единственной личной моей колесницей и 1000 моих пылких конников, лучников, щитоносцев и копьеносцев – моими храбрыми воинами, сведущими в битвах, я построил войска(?) и, направив путь в Мусаспр дорогою трудной, я заставил войско мое подняться на Арсиу, могучую гору, подъем на которую, как на иглу, невозможен (буквально: подъем которой, как восход на иглу, не имеет подъема). Я перешел Верхний Заб²⁷, который люди Наири²⁸ и Хабхи²⁹ называют Эламуния; между Шейаком, Ардикши, Улаяу и Аллуриу, высокими горами, громадными холмами, недоступными иглами гор, отвергающими счет, – между ними нет тропинки для прохода пехоты, водопады могучие там низвергаются, и шум их паденья гремит на «беру»³⁰, словно Адад, поросли они всякими желанными плодовыми деревьями и лозами, как тростником, где не проходил ни один еще царь и чьих троп не видывал князь, живший до меня, – их большие стволы повалил я и, воистину, я стесал недоступные иглы их топорами из бронзы; узкий путь, (проход, проулок), где пехота шла бочком, я улучшил для продвижения моего войска. Мою колесницу на затылки [людей] я поставил и сам верхом на коне стал во главе моего войска, а воинов моих с конями, шедшими со мною, я заставил растянуться поодиночке и пройти с трудом. Чтобы он (т.е. Урзана) не уклонялся, послал я приказ моим поверенным людям, областеначальникам с их полками, написал [им] поспешно...

Над этим городом великому грому моего войска дал я греметь, как Адад; жители [...] его люди, старики и старухи поднялись на крыши домов своих, горько плачут [...] ради спасения душ своих, на четвереньках ползали, руки свои [простирали]...

Так как Урзана, царь, их советник, не постыдился имени Ашшура, сбросил ярмо моего владычества, забыл свою службу мне (буквально: свое рабство мне), – я задумал увести в полон людей этого города и повелел увести Халда³¹, надежду Урарту. Против ворот его города я посадил его (Халда) победоносно и полонил его (Урзаны) жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя рода (буквально: дома отца) его; я причислил [их] к 6 110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1 235 баранам и ввел [их] за стену моего лагеря. В Мусасир, обиталище Халда, вошел я победоносно, как повелитель, поселился я во дворце, жилище Урзаны. С [кладовых его], изобиловавших скопленными сокровищами, я велел снять их хранительные печати...

Имуществом дворца Урзаны и Халда и многим богатством его, которое я похитил из Мусасира, я нагрузил мои многочисленные войска во всем обилии их и заставил тащить в Ассирию. Людей области Мусасира я причислил к людям Ассирии, повинность воинскую и строительную я наложил на них, как на ассирийцев. Услышав, Урса поник на землю, разодрал свои одежды, опустил свои руки, сорвал свою головную повязку, распустил свои волосы, прижал (?) обе руки к сердцу; повалился на брюхо; его сердце остановилось, его печень горела, в устах его были горестные вопли; во [всем] Урарту до пределов его я распространил рыдания, плач на вечные времена я устроил в Наири.

С высокими силами Ашшура, моего владыки, с победою мощи Бела и Набу, богов, моих помощников, с благосклонным согласием Шамаша, великого судии богов, открывавшего стези, простиравшего сень над моим войском, с величием Нергала, сильнейшего из богов, шедшего со мною, хранившего мой стан, из области Сумбу³² между Никиппой и Упои, горами трудными, я вступил в Урарту; по Урарту, Зикирту, стране маннеев, Наири и Мусасиру я прошел повелителем, как оскаленный пес, и не видел я того, кто меня бы успокоил. У Урсы урартского и Метатти зпкиртского войско поверг я в полевым сражении, 430 поселений семи областей Урсы урартского все поко-рил я и страну его опустошил. У Урзаны мусасирского Халда, его бога, и Багмашту³³, его богиню, вместе с многим имуществом дворца его, с 6 110 людьми, 12 мулами, 380 ослами, 525 быками, 1 285 баранами, женой его, сыновьями его, дочерьми его я похитил; через перевалы Андартутты, горы трудной, против г. Хиппарны я вышел благополучно, вернулся в мою страну.

Один колесничий, 2 конника, 3 сапера были убиты³⁴. Донесение (?) Таб-шар-Ашшура, великого «абаракку», я послал принести к Ашшуру, моему владыке.

Таблетка Набу-шаллимшуну, великого царского писца, главного мудреца, визиря Шаррукина, царя Ассирии, первенца Хармакку, царского ассирийского писца. Принесено в эпонимат Иштар-дури, наместника г. Аррапхи³⁵.

¹ Храм верховного бога Ассирии Ашшура в городе Ашшуре.

² Племена маннеев обитали к югу от озера Урмии.

³ Области на восточной границе Ассирии по соседству со страной маннеев и ААидией.

⁴ То есть со своими родственниками.

⁵ На юго-запад от озера Урмии.

⁶ На восточной границе Ассирии.

⁷ Народность в этом же районе. В других надписях Саргон II выступает, наоборот, защитником какмийцев от их соседей.

⁸ Так называется в ассирийских текстах Руся I, сын Сардура, царь Урарту (733-714 гг. до н.э.).

⁹ Около 200 километров.

¹⁰ На восток от озера Урмии.

¹¹ На восточной границе Урарту.

¹² Одна из горных вершин на восток от озера Урмии. В других текстах говорится, что она достигает обливов.

¹³ Горная вершина в том же районе.

¹⁴ Бог солнца, света и правосудия. Глазные центры его культа города Сиппар-Аккад и Ларса. Бог, покровитель Вавилона. Когда этот город стал столицей страны, то и Мардук был объявлен царем богов. Его именем была названа планета Юпитер, считавшаяся воплощением этого бога.

¹⁵ Т.е. Тушпу, столицу Урарту (совр. Ван, на берегу озера того же названия).

¹⁶ Область на север от озера Урмии.

¹⁷ Пункты на границе страны машина и Урарту.

¹⁸ Пограничная область страны маннеев, захваченная урартийцами.

¹⁹ Т.е. Руса.

²⁰ Руса отправляет необъезженных молодых лошадей в Суби, где местные наездники в качестве повинности должны выращивать из них первоклассных рысаков.

²¹ Возможно, совр. Тавриз.

²² Область на восток от озера Урмии.

²² Точное местоположение неизвестно.

²¹ Возможно, жатвенные песни.

²⁵ Точное местоположение неизвестно.

²⁶ Мусасир – крупный город в Урарту, центр культа главного урартского бога Халда (около совр. г. Ревандуза) на юго-запад от озера Урмии.

²⁷ Левый приток Евфрата (совр. Заб-эль-Ксбир).

²⁸ Наири – страна на запад от озера Ван.

²⁹ Область страны Урарту, расположенная между рекой Тигром и озером Ван. Прежде читалось: Кирхи.

³⁰ Около 7 километров.

³¹ Верховный бог Урарту. Главный центр культа Мусасир.

³² Область на юг от Мусасира, в верховьях Нижнего Заба (Заб-эль-Асфала).

³³ Верховная богиня Урарту. Имя это иранское (первая часть – сокращенное «бага» – богиня; вторая часть напоминает имя Ахурamazды). Прежде читалось: Багбарту.

³⁴ Таблетка царя Асархаддона, в форме письма богу (?) излагающая историю похода на Шуприю, кончается «Донесение (?) такого-то я послал принести к Ашшуру, моему владыке... Один колесничий, 2 конника, 2 сапера были убиты». Значение последней загадочной фразы неясно. Идет ли речь о человеческом жертвоприношении или это условное перечисление ассирийских потерь?

³⁵ 714 г. до н. э.

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Письма сирийских правителей фараону

Глиняные таблички из Тель-Амарнского архива, XV в. до н. э. Язык – плохой вавилонский

Мелкие царьки Сирии, Финикии и Палестины постоянно враждовали друг с другом, и каждый из них стремился заручиться содействием фараона.

Некоторые города не имели царя и управлялись, по-видимому, советом старейшин и народным собранием. Все эти мелкие государства признавали официально власть фараона, но фактически в это время мало считались с его приказаниями, так как все внимание Эхнатона было направлено на внутренние дела Египта.

I

А царю Египта, нашему господину, так говорят жители Тунипа¹, твой раб². Да будешь ты благополучен, и я падаю к ногам нашего господина.

Господин мой, вот что сказал город Тунип, твой раб: Тунип, кто прежде грабил (?) [его], чтобы его не разграбил (?) Манахпериа³ – аммативуш⁴ (?). Боги и ... – наприллан⁴ – царя Египта, нашего господина, живут в Тунипе и пусть господин наш спросит стариков своих – аммати – (?), когда же это мы не принадлежали царю Египта, нашему господину.

А теперь 20 лет мы писали царю, нашему господину⁵, и гонцы наши живут у царя, нашего господина; а теперь мы пожелали [обратно] сына А[к]и-Тешупа⁵ у царя, нашего господина, – пусть отдаст же его господин наш.

И господин мой, царь Египта, отдал сына Аки-Тешупа; а зачем же царь, господин наш, с пути его возвращает?

А теперь Азиру⁶, твой раб, слышит о них (т.е. жителях Тунипа) у твоего садовника, и в стране Хатти (?)⁷ постигает их горе (?).

И если войска его (т.е. царя) и колесницы его задержатся, то и с нами Азиру сделает, как с городом Ни⁸.

Если же мы жалуемся (?), то и царь Египта, господин наш, будет жаловаться (?) из-за этих дел, которые сделает нам Азиру, когда он отпустит руку к нашему господину⁹.

И когда Азиру вошел в Сумур¹⁰, то сделал им [жителям Сумура] Азиру, как хотел в доме царя, нашего господина, и из-за этих дел господин наш будет жаловаться (?).

А теперь Тунип, твой город, плачет, и слезы его текут, и никто не подаст нам руки [помощи].

Мы 20 лет пишем царю, нашему господину, и ни одно слово нашего господина не доходит до нас.

II

Царю великому, моему господину, моему богу, моему солнцу, так говорит Азиру, твой раб: семь и семь раз я падаю к ногам моего господина, моего бога, моего солнца.

Господин мой! Я твой раб, и прибыв перед лицо царя, моего господина, и скажу все слова свои перед царем, моим господином¹¹. Господин, не слушай лжецов, которые клеветают на меня пред царем, моим господином. Я же раб твой навеки.

А что до Хани¹², [о ком] говорит царь, господин мой, — я находился в Тунипе и не знал, когда он прибыл. Как только я услышал, я отправился вслед за ним, но не застал его. И если Хани прибудет благополучно, пусть царь, господин мой, спросит его, как я принимал его. Мой брат и Баттиэль находились при нем и давали ему рогатого скота, ослов (?), птиц, хлеба и сеkerу.

Лошадей и ослов я дал ему на дорогу. А царь, господин мой, пусть выслушает мои слова: когда я прихожу к царю, моему господину, то Хани приходит ко мне и принимает меня, как мать, как отца. А теперь господин мой говорит — держался-де ты от Хани вдали (?). Твои боги и Шамаш воистину знают, не находился ли я в Тунипе.

Далее, что до постройки Сумура, [о которой] повелел царь, господин мой¹³: цари Нухашше¹⁴ враждуют со мной и берут мои города по повелению Хатиба, и я не мог его (т.е. Сумур) строить, а теперь в скором времени буду строить его.

И господин мой знает, что половину утвари, которую дал царь, господин мой, забирает Хатиб, и все золото и серебро, которое царь, господин мой, дал мне, забирает Хатиб, и царь, господин мой, воистину знает [это].

Далее, господин мой сказал вдруг (?): зачем-де ты принимаешь гонца царя хеттов, а моего гонца не принимаешь? А это страна моего господина, и царь, господин мой, поставил меня среди градоправителей. Пусть придет гонец царя, моего господина, и все, что я сказал царю, моему господину, я дам: живых душ, кораблей, масла, бука (?) и [другого] леса (?) я дам.

III

Риб-Адди¹⁵ сказал своему [господину], царю стран, царю великому, [царю битвы]¹⁶: Владычица Библа¹⁷ дала [си]лу царю, моему господину: семь и семь раз я падаю к ногам моего господина, моего солнца. Знай, что с тех пор, как ко мне прибыл Аманатпа¹⁸, все хабиру¹⁹ обернулись против меня по приказанию Аод-Ашерты²⁰. И пусть услышит господин мой слова раба своего и [отправит] мне стражу для охраны царского города, пока не выйдут местные (?) войска²¹. Если нет местных (?) войск, то предадутся все страны Хабиру. И (?) с тех пор, как взят город Бит-А[рха?], [по] приказанию Абд-Ашерты, так же стремятся они [сде]лать с Библом и Беритом²², и пре[дадутся] все страны Хабиру 2 города, что остались мне, и те они стремятся взять из руки царя. Отправь, господин, стражу в [эти] два города свои, пока не выйдут местные (?) войска, а также дай чего-нибудь есть им — у меня ничего нет; как птица в силке килубу²³ так и я в Библе.

Далее, [когда] не может [царь] взять меня из [руки] врага своего, [то] предадутся [все] страны [Абд]-Ашерте; [что] он [за] собака (?), что [хочет взять] страны царя себе?

¹ Город в сев. Сирии, в бассейне р. Оронта близ Хамата.

² Так в тексте.

³ Вавилонская переделка тронного имени Тутмоса III Менхенерра («да пребывает образ Ра»).

⁴ Глоссы на хуррийском (митаннийском) языке. Первое слово означает, вероятно, «твой дед», второе — неизвестно, третье означает «старик, дед».

⁵ Очевидно, предыдущий царь.

⁶ Царь Амурру — государства, расположенного между р. Оронтом и берегом Средиземного моря.

⁷ Т.е. в стране хеттов. Вероятно, Азиру передает хеттам шпионские сведения о Тунипе.

⁸ Город в сев. Сирии, вероятно, на правом берегу Евфрата.

⁹ Смысл фразы не совсем ясен. Может быть: «когда он отступится от нашего господина».

¹⁰ Сумур или Симира — финикийский город на севере от Библы.

¹¹ Фараон (Эхнатон), получив сведения о предательстве Азиру, вызывает его в Египет. Азиру уклоняется от явки, но обещает явиться с докладом о своей деятельности впоследствии.

¹² Посол фараона.

¹³ По-видимому, фараон приказал Азиру отстроить разрушенный им город.

¹⁴ Город в северной части Сирии. Местоположение неизвестно.

¹⁵ Царек г. Библа (совр. Джебель) в Финикии.

¹⁶ Эпитет Саргона Аккадского из посвященного ему героического эпоса.

¹⁷ Богиня Баалат.

¹⁸ Аменхотеп или Аменопет, египетский чиновник.

¹⁹ Название кочевых племен, тождественных с евреями в широком смысле слова, т.е. израильтянами, иудеями и другими родственными им племенами.

²⁰ Царек Амурру, отец вышеупомянутого Азиру.

²¹ Буквально: войска домов.

²² Финикийский город (совр. Бейрут).

²³ Хананейский перевод слова «силок».

Надпись Меши, царя Моавы

Каменная стела с надписью моавитского царя Меши (IX в. до н. э.) была найдена в 1868 г. в окрестностях Дибона (около 20 километров на восток от Мертвого моря). Между французскими и английскими агентами возник спор из-за этого памятника. И те и другие стремились приобрести его у бедуинов. Когда в спор вмешались турецкие власти (Трансиордания принадлежала тогда Турции), заявившие

свои права на ценную находку, то раздраженные бедуины, не желая уступать даром памятник, найденный на их территории, разбили его на куски.

Большая часть фрагментов была позднее собрана, перевезена в Париж и помещена в Луврском музее.

Текст написан на моавитском диалекте хананейского языка (весьма сходном с древнееврейским). Он очень интересен с палеографической точки зрения, знакомя нас с одним из древнейших вариантов финикийского алфавита.

Надпись содержит подробное повествование о войнах Моава с Израильским царством. В утраченной заключительной части, возможно, сообщалось о неудачном походе израильтян и иудеев на столицу Моава Кир-Харешт, о чем подробно рассказывается в Библии (II Книга Царей, глава 3).

Я, Меша¹ сын Кемошмалаха, царь Моава², дибонянин³. Отец мой царствовал над Моавом тридцать лет, я же воцарился после него. И соорудил я это святилище Кемошу⁴ в Корхо (?) – святилище спасения, ибо спас он меня от всех царей (?) и дал мне насладиться гибелью всех врагов моих. Омри⁵, царь Израиля, – он притеснял Моава многие дни, ибо гневался Кемош на землю свою. И сменил его сын его⁶, и сказал также он: буду притеснять Моав! В мои дни он сказал так. Но я наслаждался гибелью его и дома его, и Израиль совершенно погиб навеки⁷. И овладел Омри всей землею Махдебы⁸ и жил в ней [Израиль] в продолжение его дней и половины дней его сынов – сорок лет; и вернул ее Кемош в мои дни. И построил я Баал-Меон⁹ я сделал в нем водоем (?). И построил я Кирьятен¹⁰. И мужи Гадовы¹¹ жили в земле Астарот¹² от века. И построил себе царь израильский Астарот; но я воевал против этого города, и взял его, и избил весь народ города в услужительное зрелище для Кемоша и Моава. И пленил я оттуда жертвенник (?) бога его (?), и привлек его перед лицо Кемоша в Кериот¹³; и поселил я в нем людей Шарона¹⁴ и людей Махарота (?). И сказал мне Кемош: иди, возьми Небо¹⁵ у Израиля, и я пошел ночью, и сражался против него от восхода зари до полудня, и взял его, и избил его весь – семь тысяч мужей и юношей (?), жен и девушек (?), и рабынь, ибо Аштар-Кемошу обрек я его. И я взял оттуда жертвенники (?) Яхве и приволок их перед лицо Кемоша. Царь же израильский построил Яхас¹⁶ и жил в нем, когда воевал со мною, и прогнал его Кемош от лица моего. И я взял из Моава двести человек – всех отборных (?) его, и поднял их против Яха-са, и взял его, чтобы присоединить к Дибону. Я построил Корхо (?), степу лесов (?) и стену холма; я построил ворота ее, я построил башни ее. Я построил дом царский. Я устроил оба (?) хранилища (?) для воды (?) внутри города. Цистерны не было внутри города, в Корхо (?); я сказал всему народу: сделайте себе каждый цистерну в своем доме. Я вырыл рвы у Корхо (?) при помощи пленных израильтян. Я построил Ароер¹⁷ и провел дорогу через Арнои¹⁸. Я построил Бет-Бамат¹⁹, ибо он был разрушен; я отстроил Бесер²⁰, ибо он был в развалинах ...Дибона – пятьдесят мужей, ибо весь Дибон был мне покорен. Я управлял... сотнями (?) в городах, которые я присоединил к стране. Я отстроил Махдебу, и Бет-Дивлатен²¹, и Бет-Баалмеон, и вознес я там ... мелкий, скот страны. И Хоранен жил в нем ...сказал мне Кемош: сойди, войю против Хоранена. И я сошел и... [и вер]нул его Кемош в мои дни. И... оттуда... и я...

¹ Моавитский царь, упоминаемый в Библии. Он платил дань баранами и ягнятами израильскому царю Ахаву, но после смерти этого царя, воспользовавшись неудачами Израиля в борьбе с Дамаском, добился полной независимости и даже отнял у израильтян ряд спорных пограничных территорий.

² Небольшое государство на восток от Мертвого моря. Моавитяне по происхождению и языку были тесно связаны с израильтянами и иудеями, что, однако, не мешало частым войнам между Израилем и Моавом.

³ Житель г. Дигюна (совр. Дибян).

⁴ Племенной бог, покровитель моавитян.

⁵ Израильский царь, основатель династии, правившей 885-843 гг. до н. э. Он построил Самарю, ставшую с тех пор столицей Израильского государства.

⁶ Имеется в виду Ахав (874-853 гг. до н. э.), упоминаемый в Библии и в ассирийских летописях.

⁷ Явное преувеличение. Израильское царство было уничтожено только сто с лишним лет спустя (в 722 г. до н. э.).

⁸ Город, расположенный на восток от Мертвого моря (совр. Мадсба).

⁹ Город на юго-запад от Махдебы (совр. Мзым).

¹⁰ Совр. Карьятен на юге Моава.

¹¹ Одно из израильских колен, занимавшее территорию на восток от Иордана.

¹² Совр. Аттарус (близ восточного берега Мертвого моря).

¹³ Совр. Куреят, рядом с Аттарусом.

¹⁴ Плодородная долина в западной Палестине (на север от Яффы).

¹⁵ Город в 20 километрах на восток от устья Иордана на горе того же названия. По библейской традиции, здесь умер мифический пророк Моисей.

¹⁶ Город около Баал-Меона.

¹⁷ Город на реке Арноне.

¹⁸ Река, впадающая в Мертвое море с востока (ныне Вади-эль-Моджиб).

¹⁹ Моавитский город, местоположение которого не установлено.

²⁰ Совр. Эль-Дулелат (на юг от Махдебы).

²¹ Город на границе Израильского царства и Моава.

Путешествие финикийцев вокруг Африки (Геродот, «История», IV, 42)

Геродоту мы обязаны сообщением о великом географическом достижении: первом плавании вокруг Африки. Это произошло в конце VII века до н. э. при мудром и энергичном фараоне Нехо. Он снарядил совместную египетско-финикийскую морскую экспедицию,

которая направилась вдоль побережья Красного моря на юг, обогнула Африку, и через три года со стороны Геракловых Столбов (совр. Гибралтара) вернулась к родным берегам. В Мемфисе она была встречена с триумфом.

Совершенно ясно, что Ливия¹ омывается водой со всех сторон, кроме той части ее, которая граничит с Азией²; это первый из тех, кого мы знаем, показал Нехо³, царь египтян, который, когда перестал рыть канал, тянувшийся из Нила в Аравийский залив⁴ послал финикийских мужей, приказав им проплыть назад через Геракловы Столпы⁵, пока [они] не придут в Северное море⁶ и, таким образом, в Египет. Двинувшись, таким образом, из Эритрейского моря⁷, финикийцы поплыли по Южному морю; когда же наступала осень, они, пристав к берегу, засеивали землю, в каком бы каждый раз месте Ливии они, плывя, не останавливались, и ожидали жатвы; убрав же хлеб, они плыли дальше, так что, обогнув по прошествии двух лет на третий год Геракловы Столпы, они прибыли в Египет. И говорили, как мне кажется, неправду, другому же, конечно, кому-нибудь это, может быть, и покажется правдой, будто, плывя вокруг Ливии, они имели солнце справа⁸. Таким образом эта [страна] впервые стала известна.

¹ Африка.

² Современный Суэцкий перешеек.

³ Фараон XXVI династии (511-595 гг. до н. э.).

⁴ Совр. Красное море.

⁵ Совр. Гибралтарский пролив.

⁶ Имеется в виду в данном случае Средиземное море.

⁷ Совр. Аравийское море с Персидским заливом.

⁸ Современные астрономы считают это наблюдение безусловным доказательством того, что финикийцы действительно побывали в южном полушарии и экватор оказался по правую сторону (т.е. на север) от них. Солнце, как известно, в полдень приближается к экватору.

1.3.

ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Отрывок из сиппарского цилиндра Набонида

Строительная надпись времени правления Набонида на аккадском языке.

Я – Набонид, великий князь, могущественный царь, царь [всего] мира, царь Вавилона, царь четырех стран света, попечитель Эсагилы¹ и Эзиды², которому [бог] Син и [богиня] Нингаль предопределили царство [когда я еще был] в чреве матери, сын Набу-балатсу-икби, величественный, могущественный, чтящий великих богов.

[Что касается] Эхульхуля, храма [бога] Сина, который находится в городе Харран, Син, великий владыка, искони имел там приятное для своего сердца местожительство. [Но затем] сердце его отвернулось от этого города и храма. Он заставил умман-манда³ подняться и разрушить этот храм и превратить в руины⁴. Во время моего справедливого правления великие боги-владыки из любви к моей царственности проявили благосклонность и милость к этому городу и храму.

В начале моего вечного правления они послали мне вещий сон. Мардук, великий владыка, и Син, небесные светила и земная твердь выступили совместно. Мардук говорил со мною: «Набонид, царь Вавилона, вези кирпичи на своих упряжных лошадях, сооруди Эхульхуль, и пусть Син, великий владыка, будет иметь там свое жилище». Я почтительно сказал владыке богов Мардуку: «Умман-манда окружают храм, который ты велишь соорудить, и велика мощь их». Тогда Мардук говорил со мною: «Ни умман-манда, о котором ты говоришь, ни страны его, ни царей, идущих на его стороне, уже не существует». Когда наступил третий год⁵, боги подняли Кураша⁶, царя Аншана, его⁷ малого раба, и он со своим малым войском разгромил многочисленных умман-манда. Он захватил Иштумегу, царя умман-манда, и в плен увел его в свою страну.

¹ Эсагила – святилище Мардука в Вавилоне.

² Эзида – храм бога Набу в Борсиппе.

³ Т.е. мидийцев.

⁴ Эхульхуль был разрушен индийцами во время военных действий с остатками ассирийского войска около 609 г. до н. э.

⁵ Имеется в виду третий год правления Набонида, т.е. 553 г. до н. э.

⁶ Кир II.

⁷ Т.е. Астиага.

Отрывок из Вавилонской хроники

Хроника важнейших исторических событий, составленная в Вавилонии на аккадском языке.

[В шестом году]¹ Иштумегу созвал [свое войско] и направился против Кураша, царя Аншана, для завоевания [его страны?]. Войско Иштумегу возмутилось против него, и он был схвачен [как] пленник. Они передали его Курашу. Кураш выступил против Агамтану², столицы³. Серебро, золото и другое имущество, которое увез в качестве добычи из Агамтану, он доставил в страну Аншан.

В девятом году⁴... в месяце нисанну Кураш, царь страны Парсу⁵ созвал свое войско и перешел Тигр ниже Арбелы. В месяце аяру он выступил против страны [Лидия], убил царя ее, забрал имущество ее [и] назначил туда свой гарнизон. Затем царь и его гарнизон остались там...

[В семнадцатом году]⁶ в месяце... боги городов Марада, Забаба и боги [городов] Киш, Нинлиль [и боги] Хурсагаламы вступили в Вавилон⁷. До конца месяца улулу боги страны Аккад... вступили в Вавилон. Боги Борсиппы, Куты и Сиппара не вступили [в Вавилон]⁸.

В месяце ташриту, когда Кураш дал битву армии Аккада в Описе у Тигра, люди Аккада отступили. Он учинил людям резню и увез добычу. В 14-й день⁹ Сиппар был захвачен без боя. Набонид бежал. В 16-й день¹⁰ Угбару, наместник страны Гутиум¹¹, и армия Кураша вступили в Вавилон без боя. Затем, когда Набонид отступил, он был схвачен в Вавилоне. До конца месяца щитоносные гутии¹² окружали ворота Эсагила. Не было нарушения [обрядов] в Эсагиле и в [других] храмах, [и] установленные [для обрядов] сроки не были пропущены.

В 3-й день месяца арахсамну¹³ Кураш вступил в Вавилон. [Дорога] перед ним была устлана [зелеными ветками]. В городе был установлен мир. Кураш сказал всему Вавилону слова благополучия¹⁴. Губару, его наместник, назначил областеначальников в Вавилонии. Начиная с месяца аддару боги страны Аккад, которых Набонид велел перевезти в Вавилон, вернулись в свои места. В ночь на 11-й день месяца арахсамну¹⁵ Угбару умер. В месяце [арахсамну ...] жена царя¹⁶ умерла. От 27-го дня арахсамну до 3-го дня нисанну в Аккаде был траур [и] все люди обнажили свои головы.

На 4-й день месяца нисанну Камбиз, сын Кураша, пошел в храм... Жрец [дал ему] жезл бога Набу, [но ... когда] он пошел, ... жрец не разрешил ему сопровождать идол Набу из-за [его] эламской одежды; [только, когда они сняли] с [него] копья и колчан ... сын царя [пошел] на службу. [Когда] Набу вернулся [с праздничной процессией] в храм Эсагила, [Камбиз принес] жертвы перед богом Белом¹⁷ и сыном Бела¹⁸.

¹ 6-й год царствования Набонида, т. е. 550 г. до н. э.

² Агамтану – Экбатаны.

³ Дословно: «город царственности».

⁴ 547 г. до н. э.

⁵ Т.е. Персии.

⁶ 539 г. до н. э.

⁷ По распоряжению Набонида, идолы богов в вавилонских городах, которым угрожала опасность захвата персидской армией, были перевезены в Вавилон.

⁸ В городах, входивших в зону мощных фортификационных сооружений, идолы оставались на месте.

⁹ 10 октября 539 г. до н. э.

¹⁰ 12 октября.

¹¹ Перед войной между Вавилонией и Персией область Гутиум принадлежала Вавилонии, но когда начались военные действия, наместник этой провинции Угбару (другое написание имени – Губару) перешел на сторону Кира.

¹² Воины наместника Угбару.

¹³ 29 октября 539 г. до н. э.

¹⁴ В документе утверждается, что персидский царь Кир II захватил Вавилон без боя и не только не причинил городу, стране и ее жителям никакого ущерба, а, наоборот, освободил их от невыносимого гнета последнего вавилонского царя Набонида. Однако совершенно другую картину этих событий дают древнегреческие историки Геродот («История» I, 188-191.) и Ксенофонт («Киropедия», VII, 5.), а также библейский пророк Исайя (книга Исайи, глава XLVI), согласно которым Вавилон был взят после боев и затем подвергся разрушению. Набонид в своих надписях утверждает, что при нем вавилоняне находились в благополучии и экономика страны была в расцвете.

¹⁵ 7 ноября.

¹⁶ Жена Кира II.

¹⁷ Дословно: «Владыка», эпитет бога Мардука.

¹⁸ Набу, сын Мардука.

Завоевание Вавилонии персами

В 546-538 гг. до н. э. персидский царь Кир постепенно покорил Вавилонию и, наконец, овладел столицей страны.

По утверждению Геродота, Вавилон был взят благодаря внезапному нападению персидского отряда, проникшего в город по осушенному руслу Евфрата.

Приведенный ниже документ иначе рисует эти события: «Манифест» самого царя-завоевателя Кира подчеркивает, что персы мирно вступили в Вавилон. Город был взят благодаря измене. Умелыми дипломатическими приемами Кир склонил на свою сторону влиятельных вавилонян, в частности жрецов. Недаром он так настойчиво подчеркивает свое уважение к вавилонской религии и выступает в качестве благочестивого поклонника Мардука, Энили и Набу. Из Библии (речи пророка Исайи II и книги Эздры) известно, что он пользовался также поддержкой иудеев, насильственно переселенных в Вавилон Навуходоносором. Все же некоторое сопротивление внутри Вавилона Кир встретил. Царевич Валтасар заперся во внутренней укрепленной цитадели Вавилона и продолжал несколько дней борьбу, но был взят в плен и казнен.

Надпись на глиняном цилиндре, около 535 г. до н. э. Язык – аккадский.

Я – Кураш¹ царь вселенной, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбузи², царя великого, царя г. Аншана³, внук Кураша⁴, царя великого, царя г. Аншана, потомок Шишпиша⁵, царя великого, царя г. Аншана, семья вечного царства, правление которого любезно Энлилю и Набу⁶, царствования которого они желают для радости своего сердца. Когда я мирно вступил в Вавилон и при радости и ликовании занял престол повелителей в княжеском дворце, Мардук⁷, великий господин, [склонил (?)] ко мне великодушное (буквально: широкое) сердце жителей Вавилона, а я ежедневно следил за его почитанием. Мои многочисленные войска мирно [и] торжественно вошли в Вавилон. Всеми [Шумеру] и Аккаду я не дал иметь врага. Я благосклонно следил за внутренними [делами] Вавилона и его святилищ. А жители Вавилона [и... были освобождены] от неподобающего им ига. Я восстановил их разрушенные жилища и разогнал их скорбь. Мардук, великий владыка, возрадовался моим деяниям и милостиво благословил меня, Кураша, царя, ищущего его, и Камбузи, моего родного сына, и все мое войско, а мы искренно и радостно возносили перед ним хвалу его великой [божественности]. Все цари, живущие во дворцах всех стран, от Верхнего Моря до Нижнего⁸, живущие..., цари стран Запада [и] живущие в шатрах, — все они принесли свою тяжелую дань и в Вавилоне целовали мои ноги. От ... до г. Ашшура и Суз⁹: Агаде, Эшнуак¹⁰, Замбан¹¹, Метурну¹², вместе с областью страны Гутиум¹³, города, что [по ту сторону] Тигра, поселения которых основаны с древнейших времен (?), — богов, живших в них, я вернул на их места и основал [для них] вечные обители. Всех их людей я собрал и восстановил их жилища. А богов Шумера и Аккада, которых Набонид к огневу владыки богов привел в Вавилон, я, по повелению Мардука, великого владыки, невредимо вернул в их чертоги — обиталища, радующие сердце¹⁴. Все боги, возвращенные мною в свои храмовые города, да провозгласят ежедневно перед Энлилем и Набу долготу моих дней, да объявят мои благие дела и да скажут Мардуку, моему владыке, что Кураш – царь, почитающий тебя, и его сын Камбузи.

(Далее текст сильно фрагментирован).

¹ Персидский царь Кир (558-529 гг. до н. э.).

² Камбиза.

³ Первоначально город и область в северном Эламе, позднее вавилоняне употребляли этот термин, как архаизирующее название Персии.

⁴ Вожь персидских племен, который в 639 г. до н.э. платил дань ассирийскому царю Ашшурбанипалу

⁵ Греч. Теиспес.

⁶ Туту или Набу – бог мудрости. Главный центр культа – Борсиппа.

⁷ Бог, покровитель Вавилона. Когда этот город стал столицей страны, то и Мардук был объявлен царем богов. Его именем была названа планета Юпитер, считавшаяся воплощением этого бога.

⁸ То есть от Средиземного моря до Персидского залива.

⁹ После покорения Мидии персами последним досталась также завоеванная мидянами Ассирия с г. Ашшуром. Элам был еще раньше захвачен

персами, и столица его Сузы стала вскоре одной из резиденций персидских царей.

¹⁰ Города Агаде и Эшнуак (совр. Телль-Асмар) в это время уже не существовали. По-видимому, здесь это архаизирующие обозначения более поздних географических понятий.

¹¹ Город на границе Вавилонии и Ассирии.

¹² В районе совр. Багдада.

¹³ Так называлась по старой памяти область в горах Загра, где когда-то жили гуттии.

¹⁴ Речь идет о религиозной реформе последнего вавилонского, царя Набонида (555- 538 гг. до н. э.), стремившегося к централизации культа.

Цилиндр Кира

Текст на глиняном цилиндре, составленный вавилонскими жрецами после захвата Вавилонии персами в 539 г. до н. э. Язык аккадский.

Кураш – царь четырех стран света, великий царь, могущественный царь, царь Шумера и Аккада...

Набонид удалил древние идола богов... Он отменил враждебным образом ежедневные жертвы [богам]. Он совершенно предал забвению почитание Мардука, царя богов¹. Он всегда творил зло своему городу²... Правил он жестоко (?). Боги покинули свои жилища... Из-за жалоб людей владыка богов³ впал в гнев ... Он стал смотреть и оглядел все страны, ища справедливого правителя, чтобы вести его⁴. Он назвал Кураша, царя Аншана, чтобы тот стал владыкой всего мира. Он поверг к его⁵ ногам страну Гутиум [и] всех умман-манда⁶. И он⁷ обращался справедливо с черноголовыми⁸, которых тот побудил его покорить.

Мардук, великий владыка, защитник своего народа, будучи доволен добрыми делами Кураша, велел ему выступить против своего города Вавилона... Он шел рядом с ним как друг, позволил ему без боя вступить в свой город Вавилон, не причинив Вавилону никакого бедствия. Он передал в его руки Набонида, который не почитал его. Все жители Вавилона и всей страны Шумер и Аккад, князья и наместники склонились перед ним в поклоне и облобызали его ноги, радуясь и сияя, что царство у него. Они с радостью приветствовали его как владыку мира, с помощью которого они вернулись от смерти к жизни... и они благословляли его имя.

Я – Кураш, царь Вселенной, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Дамбиза⁹, великого царя, царя Аншана, внук Кир¹⁰, великого царя, царя Аншана, потомка Чишипиша, великого царя, царя Аншана, из исконно царского рода, правление которого любят [боги] Бел и Набу, которого они желают иметь царем, чтобы сердца их были довольны.

Когда я вступил в Вавилон дружелюбно и установил место правления во дворце... Мардук, великий владыка, [побудил] прекраснородных жителей Вавилона [любить меня], и я ежедневно старательно почитал его. Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно, я не позволил [никому] пугать [жителей] [Шумера] и Аккада. Я установил мир в Вавилоне и во всех его священных городах... Я отменил иго, которое было наложено на них¹¹. Я принес покой в их разрушенные дома и положил конец их жалобам.

Мардук, великий владыка, доволен моими делами и послал благословение на меня, Кураша, царя, который почитает его, Камбиза, моего сына, и все мое войско...

Все цари Вселенной от Верхнего до Нижнего моря¹², те, кто живет в царских чертогах, и те, кто живет... все цари западных стран, живущие в шатрах¹³, доставили ко мне в Вавилон свои тяжелые подати и облобызали мои ноги...

В Ашшур и Сузы, Агаде, Эшнунну, Замбан*, Ме-Турну, Дер вплоть до страны гутиев я вернул на свои места в [эти] священные города на той стороне Тигра, в святилища, которые в течение долгого времени были в руинах, богов, которые [прежде] жили там. Я собрал всех их [прежних] жителей и вернул в их жилища. По повелению Мардука, великого владыки, всех богов Шумера и Аккада, которых Набонид к гневу владыки богов привез в Вавилон, я вернул в целостности в их [прежние] святилища, в их жилища, которыми они довольны. Пусть все боги, которых я вернул в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня... Пусть они скажут Мардуку, моему владыке: «Кураш – царь, который почитает тебя, и Камбиз, его сын».

¹ Набонид стремился возвысить роль бога Луны Сина за счет умаления роли Мардука, который занимал верховное место в вавилонском пантеоне.

² Вавилону.

³ Т.е. Мардук.

⁴ Во время новогоднего праздничного шествия, по вавилонским обычаям, царя сопровождал идол бога Мардука.

⁵ Т.е. Кира II.

⁶ Здесь имеются в виду мидийцы и подвластные им скифские племена.

⁷ Кир II.

⁸ В клинописных текстах «черноголовые» – эпитет для обозначения вавилонян.

⁹ Т.е. Камбиза I.

¹⁰ Кира I.

¹¹ Т.е. на жителей Вавилонии.

¹² Т.е. от Средиземного моря до Персидского залива.

¹³ Имеются в виду шейхи арабских племен, живших к западу от Вавилонии.

Надпись Кира из Ура

Текст на аккадском языке.

[Я] – Кураш, царь Вселенной, царь страны Аншан, сын Камбиза [I], царя страны Аншан. Великие боги вручили в мои руки все страны. Я восстановил в стране благополучие и жизнь.

Надпись Кира из Урука

Текст на аккадском языке.

Я – Кураш, царь стран, который любит Эсагилу и Эзиду, сын Камбиза, могущественный царь.

Вавилонский памфлет о Набониде

Текст на аккадском языке. Памфлет направлен против Набонида и был сочинен вавилонскими жрецами после захвата Месопотамии персами. Текст сильно разрушен и переводится с сокращениями.

...Справедливость он¹ ниспроверг, [сильного и] слабого он убивал оружием... купцов лишил [торговых] путей... разорил страну, не звучали в стране песни... не стало никакой радости... отнял их² имущество... заключил их в тюрьму... злой демон овладел им, [лишь] злые демоны были на [его] стороне... не было у него [никакой] святыни... никто в стране не видел его... он соорудил идол [бога] Сина... [Набонид говорил]:... «Я выстрою этот храм, я сооружу его³ жилище, я буду формировать кирпичи, заложу фундамент, [этому] храму буду

поклоняться и украшу его. Я навечно назову его Эхульхуль. Когда я завершу то, что сооружаю, я возьму его⁴ в руки, установлю его в его жилище. Пока не завершу это... я буду пропускать праздник⁵, приостановлю празднование нового года».

Он был занят кирпичными работами, составил план [храма], заложил крепкий фундамент, высоко поднял его, залил гипсом и битумом [и] поставил перед ним [статую] мощного быка подобно тому, как в Эсагиле...

Часть армии он поручил своему старшему сыну⁶, сам направился с войском по [многим] странам. Он поручил царство ему, а сам отправился в дальний путь. Войско Аккада пошло вместе с ним в сторону Теймы на западе... Они⁷ убили царя Теймы мечом, учинили резню всем жителям его города и страны. Он установил [идол] бога в его жилище... город он украсил... они сделали его подобным дворцу в Вавилоне... В собрании он хвастался: «Я – мудр, я умен, я вижу сокровенное, [хотя и] не умею писать тростниковой палочкой»⁸.

[Кир] вернул [идолы] вавилонских богов в их святилища, сердца их⁹ удовлетворил он ... [ежедневно] клал перед ними пищу .. Настала радость [для жителей] Вавилона, из тюрем освободил...

¹ Т.е. Набонид.

² Жителей Вавилонии.

³ Бога Сина.

⁴ Т.е. идола Сина.

⁵ Праздник нового года в храме Мардука Эсагила в Вавилоне.

⁶ Бел-шар-уцуру (библейский Вальтасар).

⁷ Т.е. вавилонские воины.

⁸ Инструмент для клинописи на глине,

⁹ Вавилонских богов.

Отрывок из «Вавилонской истории» Беросса

Жрец бога Мардука вавилонянин Беросс около 290 г. до н. э. написал на греческом языке труд в трех книгах по истории и культуре Вавилонии, используя для этого подлинные исторические документы. Произведение Беросса дошло до нас лишь в фрагментах.

В 17-м году царствования Набонида¹ Кир из Персии, покорив всю остальную Азию, вторгся с большим войском в Вавилонию. Набонид встретил его со [своим] войском и сразился, но, потерпев поражение в битве, бежал с немногими [приблизженными] и заперся в Борсиппе. Кир, захватив Вавилон, велел разрушить внешние стены города и затем отправился к Борсиппе для осады Набонида. Город не выдержал осады и сдался.

¹ 539 г. до н. э.

Бехистунская надпись Дария I

Большая, так называемая Бехистунская или Бисутунская надпись – наиболее важная из всех известных до сих пор ахеменидских надписей, высечена на высокой Бехистунской скале в Мидии.

Текст ее состоит из трех частей, написанных на разных языках (персидском, эламском и вавилонском) различными видами клинописи. Персидская версия написана алфавитными клинописными знаками. Сопоставление этой версии с вавилонской (являющейся ее переводом) помогло Роуллисону дешифровать в 1846-1851 гг. ассирийско-вавилонскую клинопись. Этот исследователь и был ее первым издателем.

Бехистунская надпись повествует о смутах, которыми было охвачено Персидское царство после смерти Камбиза, и об упорной борьбе, которую пришлось вести Дарию для сохранения целостности державы. Рассказ Геродота («История», III, 56-88.) о тех же событиях получает в настоящей надписи существенные дополнения. В этом тексте впервые появляется название Армении – Армина – в персидской версии как синоним Урарту (в соответствующем месте вавилонской версии).

Очень интересны также новые данные о саках, живущих за морем (Аральским), в глубине Средней Азии. Поход Дария I против этого воинственного и свободолюбивого народа состоялся в 517 г. до н. э., и отчет о нем является, по-видимому, позднейшей припиской, и притом только на одном персидском языке.

Сообщения Дария I об успешности этого похода, безусловно, сильно преувеличены. Показательно, что персидский царь ограничился заменой племенного вождя заморских саков Скуихи другим знатным сачом и воздержался от репрессий, следовательно, не чувствовал себя достаточно сильным для решительных перемен.

Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь провинций, сын Виштаспы¹ внук Аршамы, Ахеменид².

Говорит Дарий царь: мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы – Аршама, отец Аршамы – Арнарамна, отец Ариарамны – Чишпиш³, отец Чишпиша – Ахеменид. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Восемь [человек] из моего рода были до меня царями⁴. Я – девятый. Девять [человек] нас было последовательно царями. По воле Аурамазды⁵ я – царь. Аурамазда дал мне царство.

Следующие провинции мне достались, по воле Аурамазды, я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия. Аравия, Египет [провинции] у моря, Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия,

Парфия, Драгиана, Аррея, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гайдара, Скифия, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 провинции⁶.

Эти провинции мне достались. По воле Аурамазды, [они] стали мне подвластны. [Они] приносили мне дань. Все, что я им приказывал – ночью ли, днем ли, – они исполняли. В этих провинциях [каждого] человека, который был дружелюбен (?), я ублажал [каждого], кто был враждебен, я строго наказывал. По воле Аурамазды, эти провинции следовали моим законам. [Все], что я им приказывал, они исполняли. Аурамазда дал мне это царство. Аурамазда помог мне, чтобы я овладел этим царством. По воле Аурамазды, этим царством я владею.

Говорит Дарий царь: «Вот, что мною сделано, после того как я стал царем».

Камбиз⁷, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. У Камбиза был брат, по имени Бардия⁸, от одной матери, одного отца с Камбизом. Камбиз убил Бардию. Когда Камбиз убил Бардию, народ не знал, что Бардия убит. Между тем Камбиз отправился в Египет⁹. Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других провинциях.

Потом появился человек, маг¹⁰, по имени Гаумата. Он восстал в Пишияваде, у горы, по названию Аркадриш. Это было в 14-й день месяца вияхна¹¹, когда он восстал. Народ он так обманывал: «Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ взбунтовался и перешел от Камбиза к нему, и Персия, и Мидия, и другие провинции. Он (Гаумата) захватил царство. Это было в 9-й день месяца гармапада¹², когда он захватил царство. Вслед за тем Камбиз умер своей смертью¹³.

Царство, которое Гаумата-маг отнял у Камбиза, принадлежало искони нашему роду. И Гаумата-маг отнял у Камбиза и Персию, и другие провинции, захватил [их], присвоил [их] себе, стал царем. Не было человека – ни перса, ни мидянина, ни кого-либо из нашего рода, кто мог бы отнять царство у Гауматы-мага. Народ очень его боялся, что он перебьет многих, которые прежде знали Бардию, дабы никто не узнал, что он – не Бардия, сын Кира. Никто не осмеливался сказать что-либо против Гауматы-мага, пока я не прибыл. Затем я помолился Аурамазде. Аурамазда мне помог. Это было в 10-й день месяца багаядиш¹⁴, когда я с немногими людьми убил Гаумату-мага и виднейших его приверженцев в крепости, по имени Сикаяватиш, в мидийской провинции Нисайя¹⁵. Царство у него я отнял. По воле Аурамазды, я стал царем. Аурамазда дал мне царство. Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Святилища, которые Гаумата-маг разрушил, я восстановил¹⁶. [Я вернул] народу [его] пастбища¹⁷ (?), имущество, жилища, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие провинции. То, что было отнято, я вернул обратно. По воле Аурамазды, это я совершил. Я добился того, чтобы дом [престол] наш восстановить на прежнее место, чтобы Гауматамаг не захватил наш престол.

Вот что я сделал, после того как стал царем.

Говорит Дарий царь: когда я убил Гаумату-мага, то один человек, по имени Ассина, сын Упдармы, восстал в Эламе. Он говорил народу: «Я – парь Элама». Тогда эламиты взбунтовались, перешли к этому Ассине; он стал царем в Эламе.

И был один человек, вавилонянин, по имени Надинта-байра (Нидинту-Бел), сын Анири, восстал в Вавилоне. Народ он так обманывал: «Я – Навуходоносор, сын Набонида»¹⁸. И тогда народ вавилонский весь перешел к этому Надинта-байре. Вавилон взбунтовался, [и] он захватил власть в Вавилоне.

Тогда я послал [людей] в Элам. Тот Ассина связанный был приведен ко мне. Я его умертвил.

После этого я отправился в Вавилон против Надинта-байры, который называл себя Навуходоносором. Войско Надинта-байры занимало [реку] Тигр. Там оно стояло, и тут же находился флот (?). Тогда я посадил войско на меха, других – на верблюдов и лошадей. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, мы перешли Тигр. Там разбил я наголову войско Надинта-байры. Это было в 24-й день месяца ассиядия¹⁹, когда мы дали сражение.

После этого я направился в Вавилон. Не доходя до Вавилона, [там есть] город, называемый Зазана, на Евфрате²⁰, – туда прибыл с войском тот Надинта-байра, называвший себя Навуходоносором, чтобы дать мне сражение. Затем сражение мы дали. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, я разбил наголову войско Надинта-байры. Враг был загнан в воду. Вода его увлекла. Это было во 2-й день месяца анамака²¹, когда мы дали сражение.

Надинта-байра с немногими всадниками бежал и прибыл в Вавилон. Тогда я направился в Вавилон. По воле Аурамазды, я взял Вавилон²² и захватил Надинта-байру. Затем я этого Надинта-байру умертвил в Вавилоне.

Пока я был в Вавилоне, следующие провинции от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия²³.

Один человек, по имени Мартия, сын Чихриша из города Куганака в Персии, восстал в Эламе. Он говорил народу: «Я – Иманиш. царь Элама». Я был тогда в мире с Эламом. Эламиты меня побоялись, схватили Мартию, который стал у них главой, и убили его.

Один человек, по имени Фравартиш²⁴, мидянин, восстал в Мидии. Народу он так говорил: «Я – Хшатрита²⁵, из рода Увахштры²⁶». Тогда мидийское войско, которое [находилось] во дворце, отложилось от меня и перешло к Фравартишу. Он спал царем в Мидии.

Персидское и мидийское войско, которое было при мне, было незначительно. Тогда я отправил войско. Перса Видарну, моего подчиненного, я сделал над ними начальником [и] так им сказал: «Идите [и] разбейте то мидийское войско, которое не признает Меня». Затем Видарна отправился с войском. Когда он прибыл в Мидию, [то] у города, называемого Маруш²⁷, там дал он сражение мидянам... Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, мое войско разбило наголову мятежное войско. Это было в 27-й день месяца анамака²⁸, когда произошло сражение. После этого войско мое поджидало меня в местности, называемой Кампада²⁹, в Мидии, пока я не прибыл в Мидию.

Армянина, по имени Дадаршиш, моего подчиненного, я послал в Армению [и] так ему сказал: «Иди и разбей мятежное войско, [которое] не признает меня». После этого Дадаршиш отправился. Когда он прибыл в Армению, мятежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться (с ним). У селения Зуза (?) в Армении они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 8-й день месяца туравахара³⁰, когда произошло сражение.

Второй раз мятежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться [с ним]. У крепости, называемой Тигра³¹, в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 18-й день месяца туравахара³², когда произошло сражение.

В третий раз мятежники собрались [и] двинулись против Дадаршиша, чтобы сразиться [с ним]. У крепости, называемой Виам³³, в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило наголову мятежное войско. Это было в 9-й день месяца тайгарчиш³⁴, когда произошло сражение. Затем Дадаршиш поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

Перса, по имени Ваумиса, моего подчиненного, я послал в Армению [и] так ему сказал: «Иди [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбей». После этого Ваумиса отправился. Когда он достиг Армении, мятежники собрались [и] двинулись против Ваумисы, чтобы сразиться [с ним]. В местности, называемой Изара³⁵, в Ассирии, – там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 15-й день месяца анамака³⁶, когда произошло сражение.

Второй раз мятежники собрались [и] двинулись против Ваумисы, чтобы сразиться [с ним]. В местности, называемой Аугиара³⁷, в Армении, там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову.

Это было на исходе месяца тарувахара³⁸, когда произошло сражение. Затем Ваумиса до тех пор поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

Затем я выступил из Вавилона и направился в Мидию. Когда я прибыл в Мидию, то в город, называемый Кундуруш³⁹, в Мидии, – туда тот Фравартиш, который называл себя царем Мидии, двинулся с войском, чтобы сразиться со мной. Затем мы вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско Фравартиша я разбил наголову. Это было в 25-й день месяца адуканиш⁴⁰, когда мы дали сражение.

Фравартиш с немногими всадниками бежал и направился в местность, называемую Рага⁴¹, в Мидии. Тогда я послал вслед ему войско. Фравартиш был схвачен и приведен ко мне. Я отрезал ему нос, уши и язык и выколол ему глаза. Его держали в оковах у моих ворот, [и] весь народ его видел. Затем в Экбатанах я посадил его на кол, и людей, которые были его виднейшими приверженцами, я повесил в крепости, в Экбатанах.

Один человек, по имени Чиссатахма, сагартиец, восстал против меня. Он так говорил народу: «Я царь Сагаржи, из рода Увахштры⁴²». Тогда я послал персидское и мидийское войско; мидийца Тахмаспаду, моего подчиненного, сделал над ним начальником [и] так им сказал: «Идите [и] мятежное войско, которое не признает меня, разбейте». Тахмаспада с войском двинулся и вступил в бой с Чиссатахмой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову, захватило Чиссатахму [и] привело его ко мне.

Затем я отрезал ему нос и уши и выколол ему глаза. Его держали в оковах у моих ворот, [и] весь народ его видел. После этого я посадил его на кол в Арбеле⁴³.

Вот что я совершил в Мидии.

Говорит Дарий царь:

Парфия и Гиркания⁴⁴ отложились от меня [и] примкнули к Фравартишу. Мой отец Виштаспа (Гистасп) был в Парфии. Народ его покинул [и] взбунтовался. Тогда Виштаспа двинулся с войском, которое [оставалось] ему верным, [и] у города Вишпаузатиш⁴⁵ в Парфии дал бой парфянам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виштаспа разбил наголову мятежное войско. Это было в 22-й день месяца вияхна⁴⁶, когда произошло сражение.

Затем я послал к Виштаспе персидское войско из [местности] Рага. Когда войско прибыло к Виштаспе, то Виштаспа принял это войско [под свое начальство], двинулся [и] у города Патиграбана⁴⁷, в Парфии, дал бой мятежникам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виштаспа разбил мятежное войско наголову. Это было в 1-й день месяца гармапала⁴⁸, когда произошли сражение. После этого страна стала моей.

Вот что мною сделано в Парфии.

Говорит Дарий царь:

Страна, называемая Маргианой⁴⁹, отложилась от меня. Один человек, по имени Фрада, маргианин, был провозглашен ими правителем. Тогда я послал к персу Дадаршишу, моему подчиненному, сатрапу в Бактрии, [и] так ему сказал: «Иди [и] разбей войско, которое не признает меня». Дадаршиш с войском двинулся [и] дал

бой маргиянам. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 23-й день месяца ассиадия⁵⁰, когда произошло сражение.

После этого страна стала моей.

Вот что мною сделано в Бактрии.

Говорит Дарий царь:

Один человек, по имени Вахиаздата, находившийся в городе Тарава в местности Иаутия⁵¹, в Персии, вторым восстал в Персии. Народу он так говорил: «Я Бардия, сын Кира». Тогда персидское войско в столице изменило (?), стало мятежным, перешло к Вахиаздате. Он стал царем в Персии.

Затем я послал персидское и мидийское войско, которое было при мне. Перса Артавардию, моего подчиненного, я сделал над ним начальником. Остальное персидское войско пошло со мной в Мидию. Артавардия с войском отправился в Персию. Когда он прибыл в Персию, к городу Раха⁵² в Персии, – туда двинулся с войском Вахиаздата, называвший себя Бардией, чтобы сразиться с Артавардией.

Затем они вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило войско Вахиаздаты наголову. Это было в 12-й день месяца туравахара⁵³, когда произошло сражение.

Вахиаздата с немногими всадниками бежал и прибыл в Пишияваду. Оттуда он взял войско [и] снова двинулся против Артавардии, чтобы сразиться [с ним]. У горы, называемой Парга⁵⁴ они вступили в бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило войско Вахиаздаты наголову. Это было в 5-й день месяца гармапада⁵⁵, когда произошло сражение. Вахиаздату он захватил и захватил также людей, которые были его виднейшими приверженцами. Затем я Вахиаздату и людей, которые были его виднейшими приверженцами, посадил на кол в городе, называемом Увадайчайя⁵⁶, в Персии.

Вот что мною совершено в Персии.

Говорит Дарий царь:

Тот Вахиаздата, который называл себя Бардией, послал войско в Арахозию⁵⁷, против сатрапа, моего подчиненного, перса Виваны, и одного человека сделал над ним [войском] начальником; так им сказал: «Идите, разбейте Вивану и то войско, которое признает [своим] царем Дария». Затем войско, посланное Вахиаздагой, двинулось против Виваны, чтобы сразиться [с ним]. Крепость, называемая Капишаканиш⁵⁸, – там дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 13-й день месяца анамака⁵⁹, когда произошло сражение.

Снова мятежники собрались [и] двинулись против Виваны, чтобы сразиться [с ним]. Местность, называемая Гандутава⁶⁰, – там они дали бой. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, войско мое разбило мятежное войско наголову. Это было в 7-й день месяца вияхна⁶¹, когда произошло сражение.

После этого человек, который был начальником того войска, которое Вахиаздата послал против Виваны, бежал с немногими всадниками и прибыл в крепость, называемую Аршада⁶², в Арахозии. Тогда Вивана с войском двинулся по его следам, захватил его и его виднейших приверженцев [и] умертвил [их]. После этого страна стала моей.

Вот что мною сделано в Арахозии.

Говорит Дарий царь:

Пока я был в Персии и Мидии, вавилоняне во второй раз отложились от меня. Один человек, по имени Арака, армянин, сын Халдита, восстал в Вавилоне, в местности, называемой Дубала⁶².

Народ он так обманывал: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Тогда вавилонское войско отложилось от меня [и] перешло к тому Араке. Он захватил Вавилон. Он стал царем в Вавилоне.

После этого я послал войско в Вавилон Перса Виндафарну, моего подчиненного, сделал над ним начальником. Так им сказал: «Идите и разбейте вавилонское войско, которое не признает Меня». Виндафарна с войском двинулся в Вавилон. Аурамазда мне помог. По воле Аурамазды, Виндафарна⁶³ разбил вавилонян и захватил [их в плен]. Это было в 22-й день месяца маргаджана⁶⁴, когда он захватил того Араку, который называл себя Навуходоносором, и людей, которые были его виднейшими приверженцами. Затем я распорядился, [чтобы] этот Арака и его виднейшие приверженцы были в Вавилоне посажены на кол.

Вот что мною совершено в Вавилоне.

Говорит Дарий царь:

Вот что я совершил по воле Аурамазды в течение одного года. После того как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Аурамазды, я разбил [противников] и захватил в плен 9 царей:

Один был Гаумата-маг; он обманывал, говоря так: «Я Бардия, сын Кира». Он взбунтовал Персию.

Один – Ассина, эламит; он обманывал, говоря так: «Я – царь Элама». Он взбунтовал Элам.

Один – Надинга-байра, вавилонянин; он обманывал, говоря так: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Он взбунтовал Вавилон.

Один – Мартия, перс; он обманывал, говоря так: «Я – Иманиш, парь Элама». Он взбунтовал Элам.

Фравартиш, мидянин, он обманывал, говоря так: «Я – Хшатрита, из рола Увахштры (Киаксара)». Он взбунтовал Мидию.

Один – Чиссатахма, сагартиец; он обманывал, говоря так: «Я – царь Сагартии, из рода Увахштры». Он взбунтовал Сагартию.

Один – Фрада, маргианин; он обманывал, говоря так: «Я – царь Маргианы». Он взбунтовал Маргиану.

Один – Вахиаздата, перс; он обманывал, говоря так: «Я – Бардия, сын Кира». Он взбунтовал Персию.

Один – Арака, армянин; он обманывал, говоря так: «Я – Навуходоносор, сын Набонида». Он взбунтовал Вавилон.

Этих 9 царей я захватил в тех битвах.

Эти провинции, которые стали мятежными, – ложь сделала их мятежными⁶⁵, потому что они (самозванцы) обманывали народ, – Аурамазда их предал в мои руки. Как мне было, угодно, так я с ними поступил.

Говорит Дарий царь:

О ты, который будешь со временем царем, крепко оберегай себя от лжи. Человека, который будет лжецом, строго наказывай, если хочешь, чтобы страна твоя была невредимой.

Говорит Дарий царь:

Вот, что я совершил, по воле Аурамазды, совершил в течение одного года. Ты, который со временем прочтешь эту надпись, верь тому, что мной сделано, не считай [это] ложью.

Клянусь Аурамаздой, что [все] это – правда, а не ложь, что мною сделано в течение одного года.

По воле Аурамазды, мною совершено еще многое другое, не написанное на этой надписи. Не написанное потому, чтобы тому, кто со временем будет читать эту надпись, не показалось слишком много, что мною сделано, [настолько], что он не поверит, сочтет за ложь.

Те, кто прежде были царями, ими не сделано столько, сколько мною сделано, по воле Аурамазды, в течение одного только года.

Верь тому, что мною сделано... и не скрывай [от других].

Если ты этот манифест не скроешь, [а] сообщишь народу, Аурамазда да будет тебе другом, да умножится твой род, [и] да будешь долголетен.

Если этот манифест ты скроешь [и] не сообщишь народу, – да поразит тебя Аурамазда, и да прекратится твой род.

Говорит Дарий царь:

Вот что я совершил в течение одного года, по воле Аурамазды. Аурамазда мне помог и другие боги, которые есть. Потому мне помог Аурамазда и другие боги, какие есть, что я не был злодеем, не был лжецом, не был обманщиком, ни я, ни мой род... Человека, который старался для моего дома, я благодетельствовал, того, кто вредил, я строго наказывал.

Говорит Дарий царь:

Ты, кто будешь со временем царем, для человека, который является лжецом, обманщиком, не будь другом, строго его наказывай.

Говорит Дарий царь:

Ты, кто со временем увидишь эту надпись, которую я написал, или эти изображения, не разрушай их, но оберегай, пока можешь. Если ты увидишь эту надпись и эти изображения [и] не разрушишь их, но по мере сил будешь оберегать, то Аурамазда да будет тебе другом, и да умножится твой род, и да будешь долголетен, и что ты делаешь – Аурамазда да возвеличит.

Если [же] ты увидишь эту надпись и эти изображения, [и] разрушишь их и по мере сил не будешь оберегать, то Аурамазда да поразит тебя, да уничтожит твой род, и то, что ты делаешь, да ниспровергнет.

Говорит Дарий царь:

Вот те мужи, которые были при мне, когда я убил Гаумату-мага, который называл себя Бардией; тогда эти мужи действовали со мною [в качестве] моих приверженцев: Виндафарна⁶⁶, сын Вайаспары, перс; Утана⁶⁷, сын Тухры, перс; Гаубарува⁶⁸, сын Мардония, перс; Видарна⁶⁹, сын Багабигны, перс; Багабухша⁷⁰, сын Дадухии, перс; Ардуманиш, сын Вахауки⁷¹, перс.

Ты, кто будешь со временем царем, оберегай потомство этих мужей.

Говорит Дарий царь:

По воле Аурамазды, я сделал надписи по-другому (?), по-арийски (?), чего раньше не было ... и это было написано и мне прочтено (?). После этого я разослал эти надписи по всем провинциям...

Говорит Дарий царь:

Вот что я сделал в четвертый (?) и пятый (?) год, после того как стал царем. Провинция Элам восстала. Одного человека, по имени... (?), они сделали правителем. Тогда я послал войско в Элам. Гаубарува⁷², перса, моего подчиненного, сделал над ним начальником. Гаубарува с войском двинулся на Элам. Дал бой эламитам. Гаубарува разбил эламитов и разгромил их, а их начальника захватил в плен, привел ко мне, и я его умертвил.

После этого провинция (Элам) стала моей.

Говорит Дарий царь: вместе с войском саков я пошел к стране саков, которая за морем, эта шапку острой носит⁷³.

Затем я корабельный мост близко к морю⁷⁴ восстановил на его месте. От этого корабельного моста прошел я страну, и я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне и их первого, наибольшего из них, Скунха по имени, его они захватили и привели ко мне. Там другого наибольшим сделал я, как моя воля была. Затем страна моей стала.

¹ Греч. Гистасп, персидский вельможа при дворе Кира. Некоторые ученые отождествляют его с царем Виштаспой, упоминаемым в Зенд-Авесте.

² Т.е. потомок родоначальника Ахемена.

³ Греч. Теисисес.

⁴ Дарий I имеет в вил у старшую линию рода Ахеменидов, к которой принадлежали цари Кир и Камбиз, и стремится доказать, что он является их родственником и имеет поэтому законные права на престол.

⁵ Главный бог иранского пантеона (греч. Ормузд). В Зенд-Авесте (священной книге, написанной, по всем данным, в восточном Иране) изображается его вечная борьба со злым богом Ангрэмайну (греч. Ариманом).

⁶ Перечисление провинций, подвластных персидскому царю, идет в таком порядке. Сперва перечислены провинции, расположенные на запад от собственно Персии (Фарса): Элам (Сузиана). Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, провинции у моря; далее следуют малоазиатские и северные провинции: Лидия (Сарды), Иония, Мидия, Армения, Каппадокия; наконец, северо-восточные и восточные: Парфия (совр. Хоросан), Дрангиана (совр. Сеистан), Арейя (совр. Герат, в зап. Афганистане), Хорезм (Узбекистан) Бактрия (Балх, в совр. Афганистане), Согдиана (совр. Узбекистан и Таджикистан). Гайдара (Газна), Скифия (в Средней Азии, не смешивать, как это часто делается, с Причерноморской Скифией). Саттагидия (Кабул), Арахозия (Кандагар) в южном Афганистане, Мака (вероятно, совр. Мекран в южн. Иране и Афганистане).

⁷ Правил в 529-522 гг. до н. э.

⁸ Греческие авторы называют его Смердис.

⁹ По утверждению Геродота («История», III, 30.), Камбиз приказал убить Бардию уже после завоевания Египта.

¹⁰ Геродот говорит о двух братьях-магах, причем главную роль играл старший – Патизейтес, начальник дворца, убивший младшего провозгласить себя Смердисом.

¹¹ Март 522 г. до н. э.

¹² Апрель 522 г. до н. э.

¹³ Выражение «своей смертью» некоторые исследователи толкуют как самоубийство. Сравн. Геродот («История», III, 64-66.), где говорится, что Камбиз нечаянно поранил себя мечом и умер от гангрены.

¹⁴ Сентябрь 522 г. до н. э.

¹⁵ В области Рагиане сев.-зап. часть иранского плоскогорья, местность эта славилась своими породистыми конями.

¹⁶ Очевидно, Гаумата пытался произвести централизацию культа.

¹⁷ Очевидно, Гаумата конфисковал общинные пастбища.

¹⁸ Вероятно, он объявил себя сыном последнего вавилонского царя Набонида.

¹⁹ 13 декабря 522 г. до н. э.

²⁰ Точное местоположение неизвестно.

²¹ 18 декабря 522 г. до н. э.

²² Подробности взятия Вавилона благодаря самоотверженности Зоппира передает Геродот («История», III, 153-160.), использовавший персидские предания.

²³ См. выше прим. 6.

²⁴ Греч. Фраорт.

²⁵ Имя напоминает скифского вождя Каштарити.

²⁶ То есть Киаксара. Самозванец причислял себя к свергнутой Киром мидийской династии.

²⁷ Точное местоположение неизвестно.

²⁸ 12 января 522 г. до н. э.

²⁹ Точное местоположение неизвестно.

³⁰ 21 мая 521 г. до н. э.

³¹ Точное местоположение неизвестно.

³² 31 мая 521 г. до н. э.

³³ Точное местоположение неизвестно.

³⁴ 12 июня 521 г. до н. э.

³⁵ Точное местоположение неизвестно.

³⁶ 31 декабря 522 г. до н. э.

³⁷ Точное местоположение неизвестно.

³⁸ 19 июня 521 г. до н. э.

³⁹ Точное местоположение неизвестно.

⁴⁰ 7 мая 521 г. до н. э.

⁴¹ Позднейший Рей.

⁴² Т.е. Киаксара.

⁴³ Город в восточной Ассирии (совр. Эрбил).

⁴⁴ Область в сев. Иране (на юг от Каспийского моря).

⁴⁵ Точное местоположение неизвестно.

⁴⁶ 8 марта 521 г. до н. э.

⁴⁷ Точное местоположение неизвестно.

⁴⁸ 12 июля 521 г. до н. э.

⁴⁹ Область в Средней Азии, в долине р. Марга (совр. Мургаба) в Туркменистане.

⁵⁰ 10 декабря 521 г. до н. э.

⁵¹ Точное местоположение неизвестно.

⁵² Точное местоположение неизвестно.

⁵³ 25 мая 521 г. до н. э.

⁵⁴ Точное местоположение неизвестно.

⁵⁶ 16 июля 521 г. до н. э.

⁵⁸ Точное местоположение неизвестно.

⁵⁷ См. выше прим. 6.

⁵⁸ Точное местоположение неизвестно.

⁵⁹ 29 декабря 528 г. до н. э.

⁶⁰ Точное местоположение неизвестно.

⁶¹ 21 февраля 521 г. до н. э.

⁶² Точное местоположение неизвестно.

⁶³ Греч. Интаферн, один из 7 персов, свергнувших Гаумату.

⁶⁴ 27 ноября 521 г. до н. э.

⁶⁵ Древнеперсидская религия признавала ложь самым страшным преступлением.

⁶⁶ Греч. Интаферн, один из 7 персов, свергнувших Гаумату.

⁶⁷ Греч. Отан.

⁶⁸ Греч. Гобрий.

⁶⁹ Греч. Гидарн.

⁷⁰ Греч. Мегабиз.

⁷¹ Перечисляются пять персов, помогавших Дарию I свергнуть Гаумагу (Геродот, «История», III, 70.). Шестым у Геродота (вместо Ардуманиша) назван Аспатинес.

⁷² Греч. Гобрий.

⁷³ Имеются в виду саки-массагеты, жившие за Аральским морем.

⁷⁴ Аральскому. Следовательно, был восстановлен мост через Аму-Дарью.

Надпись Дария I у Суэцкого канала

Надпись на гранитной стеле близ Суэца .

Бог великий Ахурамазда, который создал небо, который создал землю, который создал человека, который создал благоденствие для человека, который Дария сделал царем, который царю Дарию даровал царство великое, [изобилующее] добрыми конями и добрыми мужами.

Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой, далеко [раскинувшейся], сын Виштаены, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Я перс. Из Персии я завоевал Египет. Я приказал прорыть этот канал от реки Пирана [Нила], которая течет в Египте, до моря, которое простирается от Персии. Затем этот канал был прорыт, как я повелел, и корабли пошли из Египта через этот канал в Персию, так как была моя воля».

Надписи на статуе Дария I

Египетские иероглифические надписи, высеченные на статуе царя Ахеменида Дария I, раскопанной французскими и иранскими археологами в 1972 г. на территории Ирана, в Сузах. На статуе высечена также более краткая клинописная трилингва на древнеперсидском, эламском и аккадском языках.

I. [Надпись, высеченная на складках одеяния Дария I:]

Бог добрый, творящий рукою своей, государь, властитель обеих корон¹, великий ужасом в сердцах людей, владыка внушительности в лице видящих его, власть его захватила все страны, «творящий вещь»² согласно приказу бога, сын [Ра?]³, потомок Атума⁴, живой образ Ра, тот, которого он [Атум] поместил на свой престол, чтобы хорошо выполнить начатое им на земле. Бог добрый, довольный правдой, тот, которого избрал Атум, владыка Иуну⁵, владыкой всей округи солнечного диска⁶, потому что знает он [Атум], что сын его это, защитник его. Приказал он [Атум] ему [царю] завоевать все страны, дала ему Неит лук свой, что в руке ее, чтобы повергнуть врагов его всех, подобно тому, как сделала она для своего сына Ра в первый раз⁷, так что стал он могучим в ней, чтобы разбить мятежников своих, чтобы уничтожить врагов своих во всех странах. Царь крепкий, великий могуществом, владыка силы, подобно первому Хема, владыка [собственной] руки, покоривший 9 луков⁸, полезный советом, удачливый замыслами, владыка силы, когда врывается он в толпу, стреляющий [из лука] метко, не промахивается стрела его, могущество его подобно [могуществу] Монта, Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих земель [Египта], Интериуш, да живет он вечно! – великий муж из великих мужей⁹, верховный [правитель] земли [всей, сын?] отца-бога Ушатисп Иахминш, да воссияет он в качестве царя Верхнего и Нижнего Египта на престоле Гора живых¹⁰ подобно Ра, во главе богов, вечно!

II. [Надпись, высеченная на верхней части постамента, перед правой ногой царя:]

Бог добрый, владыка Обеих земель [Египта], царь Верхнего и Нижнего Египта, Интериуш, – да живет он вечно! – статуя, уподобленная богу доброму, владыке Обеих земель [Египта], которую сделал его, величество для того, чтобы был установлен памятник его, чтобы помнили имя его рядом с отцом его Атумом, владыкой Иуну, Обеих земель, Ра-Горахти, в долготу вечности, чтобы он сотворил ему награду в виде всей жизни [и] целости, всего здоровья, всей радости подобно Ра.

III. [Надписи, высеченные на передней и задней сторонах постамента, сопровождающие изображение традиционно-египетской сцены объединения Обеих земель [Египта]. Речи антропоморфных божеств Нилов Верхнего и Нижнего Египта:]

«Говорение слов»¹¹: я даю тебе всю жизнь [и] целость, всю устойчивость [и] всю радость.

«Говорение слов»: я даю тебе все [равнинные] земли [Египта] [и] все нагорные¹² страны, объединенные под твоими сандалиями. «Говорение слов»: я даю тебе Верхний и Нижний Египет, которые восхваляют твой добрый лик, подобный [лику] Ра, вечно!

IV. [Надписи в зубчатых овалах – картушах-крепостях персонифицированного списка народов империи Ахеменидов, высеченные по 12 названий с каждой боковой стороны постаментов. Над зубчатыми овалами изображены маленькие коленопреклоненные фигурки представителей народов с поднятыми вверх руками:]

Надписи в картушах слева:

1. Персия
2. Мидия
3. Элам
4. Аррейя
5. Парфия
6. Бактрия
7. Согдиана
8. Арахозия
9. Дрангиана
10. Саттагидия
11. Хорезм
12. Саки болот [и] саки земли (?)

Надписи в картушах справа:

13. Вавилония
14. Армения
15. Сарды
16. Каппадокия
17. Скудра
18. Ассирия
19. Хагор
20. Кеми [Египет]
21. Страна Чемху [Ливия]
22. Страна Нехси [Нубия, Куш]
23. Мака [Макран]
24. Хинду¹³

¹ Букв: Обоих владычиц.

² «Творить вещь» – совершать ритуальную службу с жертвоприношениями.

³ Согласно предполагаемому восстановлению титулатуры паря, который как фараон считался сыном общегосударственного бога солнца Ра.

⁴ Текст надписи провозглашает догмат о божественном происхождении Дария I как фараона согласно гелиопольской теологической системе.

⁵ Т.е. «гелиополец» – эмпет Атума.

⁶ Т.е. всего мира.

⁷ Т.е. искони, с сотворения мира.

⁸ Т.е. все народы мира.

⁹ Т.е. «великий царь, царь царей...» – ахеменидская титулатура царя, смешанная с египетской царской титулатурой, передана разговорным египетским языком того времени (новоегипетский артикль «па», появившийся в конце Среднего Царства, показывает, что это существительное) в отличие от предшествующего славославия царю, составленного в традиционном египетском стиле и написанного классическим языком египетской тайнописи (смешанным старо- и среднеегипетским письмом).

¹⁰ «Гора живых» – обозначение царского престола со времени Среднего Царства.

¹¹ «Говорение слов», т.е. речь.

¹² Т.е. чужеземные.

¹³ Десять из этих наименований стран и народов упоминаются в надписях на стенах Суэцкого канала (в гораздо худшей сохранности): 12-14, 16, 18, 20-24.

Пределы Империи Дария I

Надпись Дария на золотой табличке (из Хамадана). В настоящее время находится в Тегеранском музее.

Дарий, царь великий, царь царей, царь страны, сын Виштаспы, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Вот царство, которым я владею: от страны Саков, которая по ту сторону Согдианы, – до Эфиопии, от Индии – до Лидии [царство], которое даровал мне Ахурамазда, величайший из богов. Меня да хранит Ахурамазда и мой дом».

Дарий I о Персидской державе

Наскальная надпись из Накши-Рустама недалеко от Персеполя.

...Я – Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой далеко [простирающейся], сын Виштаспы, Ахеменид, перс, сын перса, ариец из арийского рода. Говорит Дарий-царь: «Вот те страны, которые я захватил помимо Персии, я над ними властвую, мне они приносят дань, то что мною говорится, они выполняют, они держатся моего закона: Мидия, Элам, Парфия, Аррейя, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Дрангиана, Арахозия, Саттагидия, Гайдара, Индия, Саки Хаума-варга, Саки Тиграхауда, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия, Лидия, Ионийцы, Саки, которые за морем, фракийцы¹, Ионийцы шлемоносные, Ливия, Эфиопия, Мачия, Кария. Говорит Дарий-царь: «Когда Ахурамазда увидел эту землю в состоянии смятения, тогда он передал ее в мои руки, сделал меня царем. Я – царь. По воле Ахурамазды я ее [землю] поставил на место. То, что я им [подвластным народам] повелевал, то они выполняли в соответствии с моим желанием. Если ты подумаешь: сколь многочисленны были страны, которыми владел Дарий царь, то посмотри на изображение [подданных], поддерживающих трон. Тогда ты узнаешь и тебе станет известно, что копье персидского воина проникло далеко, тогда тебе станет известно, что персидский воин далеко от Персии поражал врага». Говорит Дарий-царь: «То, что я совершил, все это я совершил по воле

Ахурамазды. Ахурамазда мне помог, чтобы я довершил дело. Меня да хранит Ахурамазда от [всякой] скверны и мой дом и эту страну. Об этом я прошу Ахурамазду, это мне Ахурамазда да подаст. О, человек! Повеления Ахурамазды пусть не кажутся тебе дурными, не уклоняйся от правильного пути, не будь строптивым».

¹ Древнеперс. Скудра.

Поход Дария I в Скифию (Геродот, «История». IV, 118, 120, 122, 128, 134)

После целого ряда побед над многочисленными врагами «царь царей» Дарий потерпел в 512 г. первое серьезное поражение в войне со скифами, населявшими южные области нашей родины. Его попытка завоевать Скифию окончилась полным провалом и позорным отступлением. Сообщения об этих событиях сохранил нам Геродот.

Персидский царь покорил все своей власти на азиатском материке, положил мост на шее Боспора¹ и перешел на европейский материк, здесь покорил фракийцев², соединил мостом берега реки Истра³, вознамерившись все подчинить себе и по эту сторону реки⁴...

Скифы... решили вовсе не давать настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся по пути колодцы и источники и истреблять растительность...

Порешивши все это, скифы вышли навстречу дариеву войску, для чего послали вперед наилучших всадников; все повозки, на которых жили их дети и женщины, и весь скот с ними они отправили заранее с приказанием двигаться неизменно на север; при себе они оставили лишь столько скота, сколько требовалось для прокормления; все остальное отправили вперед...

Оставшиеся на месте скифы решили не водить больше персов, но нападать на них всякий раз, как только те заняты будут добыванием продовольствия. Так скифы впредь и поступали, подстерегая, когда воины Дария выходили за хлебом. Что касается конницы, то скифская всегда обращала в бегство персидскую; персидские всадники бежали до тех пор, пока не настигали пехоты, которая и подкрепляла их...

Бедность этого народа⁵, царь, – отвечал Гобрий⁶, – была мне известна достаточно еще раньше, по слухам; теперь на месте я убедился в том вполне, когда вижу, как они издеваются над нами. Вот почему, я полагаю, следует поступить нам так: как скоро наступит ночь, зажечь по обыкновению огни, обмануть тех из наших воинов, которые наименее способны к перенесению лишений, и, привязавши всех ослов⁷, уходить назад, пока скифы не пришли еще на Истр с целью разрушить мост...

При наступлении ночи Дарий стал приводить этот свой совет в исполнение.

На следующий день покинутые персы увидели, что они отданы на жертву Дарием, простирали руки к скифам и обращались к ним с речами, приличными их положению. Услышавши это, скифы поспешно собрались вместе и два упомянутых отряда и тот третий, с которым соединились савроматы⁸, будины⁹, гелоны¹⁰, и пустились вместе в погоню за персами прямо к Истру. Когда как персидское войско состояло большей частью из пехоты и не знало дорог, которые к тому же не были наезжены, у скифов была конница, и они знали кратчайшие пути, поэтому персы и скифы миновали друг друга, но скифы достигли моста гораздо раньше персов. Узнавши, что персы еще не пришли, скифы обратились к ионянам, находившимся на кораблях, с такою речью: «Назначенное вам число дней, ионяне, прошло, и вы поступаете неблагоразумно, оставаясь еще здесь. Если раньше вы оставались тут из страха, то теперь снимите мост, возвращайтесь поскорее на родину и наслаждайтесь свободой, за которую благодарите богов и скифов. Вашего прежнего владыку мы сокрушим так, что ни на кого больше он не пойдёт войною». В ответ на это ионяне устроили совет.

...

По мнению афинянина Мильтиада, военного вождя страны Херсонеса, что на Геллеспонте, следовало принять совет скифов к возвратить свободу Ионии, но милетянин Гистизй был противоположного мнения, указывая на то, что в настоящее время благодаря Дарию каждый из них есть владыка государства. Напротив, если могущество Дария будет сокрушено, ни он сам и никто другой из тиранов не будет более царствовать ни в Милете, ни в каком другом государстве, так как каждое государство предпочитает народное управление единовластию тирана. Когда мнение Гистизя было высказано, все тираны, принимавшие было прежде совет Мильтиада, присоединились к мнению противоположному.

¹ Имеется в виду Боспор Фракийский (ныне Босфор).

² Народ на Балканском полуострове (на территории нынешней Болгарии и Европейской Турции).

³ Дунай.

⁴ Т.е. на север от Дуная.

⁵ Скифов.

⁶ Персидский вельможа, ближайший советник Дария.

⁷ Чтобы персы, слыша их крик, думали, что вся персидская армия остается в лагере.

⁸ Народ, обитавший за Доном и Азовским морем.

⁹ Народ, обитавший, вероятно, на север от скифов.

¹⁰ Народ, обитавший по нижнему течению Днепра.

1.4. ЮЖНАЯ АЗИЯ

Надписи Ашоки

Надписи Ашоки – древнейшие из известных памятников индийской эпиграфики, не считая недешифрованных текстов культуры Хараппы. Время, к которому они относятся, может быть установлено довольно точно (в частности, благодаря упоминанию эллинистических царей в XIII эдикте). Правление Ашоки датируется примерно 268-231 гг. до н. э. Надписи Ашоки делятся исследователями на несколько категорий: 14 больших наскальных надписей, относящихся к 12-му и 13-му годам его правления; более ранние, малые наскальные и две особые надписи из Калинги (из Дхаули и Джаугады); большие и малые колонные надписи, по-видимому, второй половины правления Ашоки; пещерные надписи о дарениях адживикам (датируются 13-м и 20-м годами его правления). Многие тексты надписей имеют несколько вариантов, общее их количество – около 150. Почти все они составлены на ранних среднеиндийских языках алфавитом брахми и лишь меньшая часть – алфавитом кхароштхи (надписи из Северо-Западной Индии – Шахбазгархи и Мансехры). Несколько надписей из Таксилы и района Кандагара сделаны на греческом и арамейском языках.

Вероятно, текст надписей, составленный в царской канцелярии в Паталипутре, рассылали по провинциям, и на местах он передавался в соответствии с нормами официального языка данной области.

Большой наскальный указ (№ 13) (Шахбазгархи)

Когда прошло восемь лет после помазания, царь Пиядаси Угодный Богам покорил Калингу. Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито на месте и гораздо более того умерло. Вслед за этим, как только были покорены калингяне, у [царя] Угодного Богам появилась жгучая потребность в дхарме, страстное стремление к дхарме, желание наставлять в дхарме. Такая скорбь охватила Угодного Богам, оттого что покорил он жителей Калинги. «Ведь покорить [никому] не подчиненную [землю] – это убийство, смерть или угон людей» – вот мысль, которая сильно печалит Угодного Богам, тяготит [его].

Но вот какая мысль тяготит Угодного Богам еще более: какие живут в этой земле брахманы, шраманы, или последователи других вероучений, или же миряне-домохозяева, которые блюдут покорность высшим, покорность матери и отцу, покорность наставникам, подобающее отношение к друзьям, знакомцам, приятелям и сородичам, к рабам и слугам, [а также] преданность вероучению, – всем им выпали на долю либо какая-нибудь несправедливость, либо насильственная смерть, либо разъединение с теми, кто им дорог. Ведь для тех, кто воспитан должным образом, кто неизменен в своих привязанностях, если погибает кто-либо из друзей, знакомцев, приятелей или сородичей, – это для них большая утрата. И то, что доля эта постигла всех людей, тяготит мысль Угодного Богам. Нет ведь такой джананады¹ – разве что только у ионов – где не было бы таких разрядов людей, как брахманы и шраманы, и нет такого места ни в одной джананаде, где люди не принадлежали бы к какому-нибудь вероучению. И сколько бы людей в то время, когда были покорены калингяне, ни было убито, или умерло, или уведено оттуда, – даже сотая часть этого числа, даже тысячная часть тяготит теперь мысль Угодного Богам.

И если кто причинит вред, Угодный Богам считает, что надо прощать, насколько простить возможно.

Даже лесных жителей, какие живут на земле, покоренной Угодным Богам, даже их он хочет умиротворить и снискать их расположение. Ведь о [своем] раскаянии и о причине [его] Угодный Богам рассказывает им для того, чтобы они устыдились и [никого] не убивали. Ибо Угодный Богам желает всем живым существам безопасности, самообладания, душевного спокойствия и мягкости. И ту победу Угодный Богам считает главной, которая [одержана с помощью] дхармы. И эта победа одержана им здесь и на всех границах, даже отстоящих отсюда на шестьсот йоджан, там, где царь ионов Антийока, а за этим царем Антийокой еще четыре царя: Турамая, Антикини, Мака и Аликасудара, и к югу, там, где чолы и пандьи и еще южнее до Тамбапанни.

И вот здесь во владениях царя среди ионов и камбоджийцев, среди набхаков и набхитиков, среди бходжей и питиников, среди андхров и палидов – повсюду следуют этому наставлению в дхарме. Даже там, куда не доходят посланцы Угодного Богам, [люди], слыша [от других] наставления в дхарме, а также каковым должно быть поведение, соответствующее дхарме, начинают следовать дхарме и будут следовать ей. То, что этим достигается, есть повсеместная победа, а повсеместная победа доставляет чувство радости. И радость эта происходит от победы дхармы. Но эта радость еще легковесна. О том, какой великий плод [приносит эта победа] в другом мире, думает Угодный Богам.

Этот указ о дхарме начертан здесь с той целью, чтобы сыновья и внуки, какие у меня будут, думали: «Новых побед одерживать не следует», а в своих победах чтобы они находили удовольствие в прощении и несуровом наказании. И пусть они считают победой только ту победу, которая [одержана с помощью] дхармы. Ведь она относится и к этому миру, и к тому миру. И все их желания и удовольствия пусть будут удовольствиями, которые они находят в дхарме. Ведь они относятся и к этому миру, и к тому миру.

¹ Джанапада – видимо, область, включающая в себя определенное число деревень, нигам (более крупных поселений) и городов и управляющаяся особыми должностными лицами – раджуками.

Битва Александра Македонского с индийским царем Пором (Арриан, «Анабасис Александра», V, 15-18)

15. ...Александр сперва выслал конных лучников, сам же повел всадников; ибо он полагал, что Пор¹ дерзнул приблизиться со всей силой; однако конница эта, выстроенная у него впереди, двигалась перед остальным войском. 2. Когда он точно узнал многочисленность индийцев, тогда он еще сильнее обрушился на них с окружавшими его всадниками; они же отступили, так как увидели самого Александра и массу всадников вокруг него, нападающих не по фронту, а по отрядам. И пало их, всадников, до четырехсот, пал же и сын Пора; колесницы при отступлении, оказываясь тяжелыми и бесполезными из-за грязи, захватывались с конями.

Когда Пору сообщили, сколько всадников спаслось бегством и что сам Александр не только проник с войском до самой сильной части его армии, но что сын его погиб в битве, стал он колебаться, потому что и те, которые находились на противоположной стороне в большом лагере, оставленные с Кратером², пытались переправиться; Пор все же принял решение, выйдя со всем войском против самого Александра, сражаться с сильнейшей частью македонян и с самим царем. Однако он оставил немногих из слонов с небольшим своим войском в лагере, чтобы угрожать всадникам, находившимся с Кратером на берегу. Сам же, взяв всю конницу, до четырех тысяч всадников, и все колесницы, которых было триста, из слонов двести и из пеших всех, кто был ему полезен, до тридцати тысяч, вышел против Александра. Когда же он достиг местности, где не было грязи и которая благодаря песку была ровной и твердой для передвижений и поворотов коней, он построил здесь войско; первыми, в одну линию, слонов, причем слон от слона отстоял не менее, чем плетр, чтобы перед всей фалангой пеших по фронту были выстроены у него слоны и чтобы внушить повсюду страх всадникам Александра. В остальном он решил, что никто из врагов не отважится броситься в промежутки между слонами, конница из-за страха коней перед слонами, и пешие еще менее; ибо в промежутке они были бы заперты бросившимися на них гоплитами и растоптаны, когда против них повернулись бы слоны. За ними же у него были выстроены пешие, имея не одинаковый фронт со слонами, но будучи поставлены во второй линии после слонов, причем в промежутки между слонами на небольшое расстояние были выдвинуты лохи. Были же у него еще и на крыльях за слонами поставлены пешие, с обеих же сторон пехоты была им выстроена конница и перед ней с обеих сторон колесницы.

16. Таков был строй Пора. Александр же, когда уже увидел индийцев выстроившимися, выставил вперед всадников, чтобы дожидаться подходящих все время частей пехоты. А когда и фаланга, соединившаяся с ним на бегу, оказалась уже вместе с остальным войском, он не сразу, выстроив, повел войско, чтобы не предать усталых и задыхающихся воинов неумоленным варварам, но, объехав вокруг, он задержал пеших до тех пор, пока они не перевели дух. Когда же он увидел строй индийцев, где были выдвинуты вперед слоны и тесно сомкнутая фаланга была выстроена в промежутках между ними, он решил не выступать против середины, побоявшись того самого, в расчете на то, что Пор выстроил свое войско таким образом; но сам, поскольку он превосходил врага конницей, взяв большую часть конницы, перешел на левое крыло врагов, собираясь напасть здесь. Койна же он посылает на правое крыло с гнппархией Деметрия³ и своей собственной, приказав, чтобы тот напал на них сзади, когда варвары, видя направляющуюся на них массу всадников, выступят навстречу в конном строю. Фалангу же пеших он велел вести Селевку⁴. Антигену⁵ и Таврону⁶, приказав, чтобы они не раньше принялись за дело, чем увидят и фалангу пеших и всадников приведенными в смятение конницей под начальством его самого.

Уже началась перестрелка, и Александр послал на левое крыло индийцев конных лучников, которых было до тысячи, чтобы расстроить стоявших здесь врагов сильным обстрелом и нападением коней. А сам, имея при себе всадников-гетеров, быстро продвинулся к левому крылу варваров, спеша наброситься на уже приведенных в смятение по всему крылу, прежде чем их конница будет выстроена перед фалангой.

17. В это же время и индийцы, собрав отовсюду всадников, выступили в конном строю против Александра, предупреждая нападение, и те, которые были вокруг Койны⁷, как было уговорено, появились сзади них. Увидев это, индийцы были вынуждены сделать двойной строй конницы, имеющим два фронта, причем та часть, которая была направлена против Александра, была больше и сильнее, те же, которые должны были стоять против Койны и тех, что с ним, повернулись в противоположную сторону. И это, конечно, сразу привело в смятение и намерения индийцев, и Александр, видя удобный случай в самом развороте конницы в разные стороны, наваливается с теми, что были вокруг него, так что индийцы не приняли удара всадников, бывших вокруг Александра, но отступили, как за некую надежную стену, за слонов. А в это время погонщики слонов вывели животных навстречу коннице, и сама фаланга македонян выступила против слонов, бросая дротики в их вожаков и стреляя со всех сторон отовсюду в самих животных. И дело было не похоже ни на одно из прежних сражений: ибо и животные, врываясь в построения пехоты, прорывали фалангу македонян, хотя она и была плотной, и всадники индийцев, видя, что у пеших началось дело, снова повернувшись, сами напали на конницу. Когда их опять одолели те, что были вокруг Александра, много превосходя их и силой и опытом, то они снова

отошли к слонам. А в это время вся конница Александра, уже соединенная в один отряд, не по распоряжению, но построившаяся таким образом в самом бою, где бы ни наталкивалась на построения индийцев, отбрасывала их, убивая многих. А когда животные были стеснены на узком пространстве, не меньше пострадали от них друзья, нежели враги, растаптываемые при поворотах и в давке. И из всадников, конечно, поскольку они таким образом путались вокруг слонов, были убиты многие, и многие вожаки слонов были заколоты дротиками, и сами слоны, одни поражаемые, другие – из-за страданий и отсутствия вожаков, находились в битве уже без управления. Но будучи, таким образом, вне себя от злобы и бросаясь одинаково и на друзей и на врагов, всяческим способом и оттесняли, и растаптывали, и убивали их. Но македоняне, поскольку они были на равнине и приближались к животным по своему усмотрению, когда те надвигались, отступали, когда же те поворачивали, следовали за ними, бросая в них копы; индийцы же, метавшиеся среди них, претерпевали от них большое зло. Когда же животные устали и перестали совершать сильные нападения и, издавая трубные звуки, стали подаваться шаг за шагом, как отступающие задним ходом корабли, тогда сам Александр охватил кольцом при помощи всего войска вражескую конницу, пешим же, сомкнувшим щиты как можно гуще, приказал напасть на фалангу. И таким образом всадники индийцев, за исключением немногих, были изрублены в деле; избивались и пехотинцы, так как уже отовсюду на них налегали македоняне. И в это время все обратились в бегство через свободное пространство, которое оставила конница Александра.

18. А в то же время Кратер и другие вожди войска Александра, которые были оставлены на берегу Гидаспа, как только увидели Александра одерживающим блестящую победу, и сами перешли через реку. И они совершили не меньшее избиение при отступлении индийцев, прибыв для преследования неустоленными вместо усталых воинов Александра.

Погибло из индийцев пеших немного менее двадцати тысяч, всадников до трех тысяч, колесницы все были разбиты; и два сына Пора погибли, и Спитак, номарх местных индийцев, и вожаки слонов, и возничие колесницы, и гиппархи, и стратеги войска Пора все ...взяты же были и слоны, которые не погибли на этом месте. Из тех, что были вокруг Александра, погибло пеших скорее всего до восьмидесяти из шести тысяч, бывших при первом ударе; всадников из конных лучников, которые действительно первыми вступили в дело, – десять; из конницы гетеров – около двадцати, из других же всадников – около двухсот.

Пор же, совершивший в битве великие дела не только как стратег, но и как отважный воин, когда увидел избиение всадников и из слонов одних – павшими на этом самом месте, других же – лишенными вожаков, жалкими и блуждающими, тогда как из пеших у него большинство погибло, не отступил, как Дарий⁸, великий царь, но вместе со своими сражался до тех пор, пока хоть сколько-нибудь индийцев оставалось в битве, и только раненый в правое плечо, которое одно имел обнаженным, участвуя в битве [ибо от остального тела отражал его стрелы панцырь, необыкновенный и по крепости, и по соразмерности, как позднее узнали видевшие его], повернул слона. И Александр, видя, что он муж великий и благородный, пожелал спасти его в битве. Итак, он посылает к нему сперва индийца Таксила; и Таксил, подкакав настолько, насколько ему показалось безопасным к слону, который нес Пора, пожелал, чтобы тот остановил животное, ибо ему невозможно далее бежать, и послушал слова Александра. Тот же, видя Таксила, мужа, издревле враждебного ему, повернувшись, обратился против него, собираясь бросить дротик; и, может быть, и убил бы его, если бы тот, предупредив это намерение, не отъехал бы подальше от Пора со своим конем. Александр же не разгневался за это на Пора, но послал вместо Таксила и других, и в первую очередь Мероя, мужа-индийца, потому что узнал, что Мерой был издревле другом Пору. Пор же, как только услышал слова Мероя и вместе с тем почувствовал сильную жажду, остановил слона и слез с него: как только он выпил и освежился, он приказал скорее вести себя к Александру.

¹ Наиболее могущественный из царей западной Индии (из рода Паравы), владевший землями, расположенными между Гидасиом и Акезином.

² Один из наиболее выдающихся полководцев Александра, (Командовавший конницей. После смерти Александра активно участвовал в войнах диадохов на стороне Антипатра и погиб в одном из сражений.

³ Один из военачальников Александра, командовавший отрядом конницы еще в битве при Гавгамслле.

⁴ Македонский полководец, позднее один из диадохов, создавший в конце IV в. до н.э. крупнейшее из эллинистических государств, называемое обычно царством Селевкидов или Сирийским царством.

⁵ Македонский военачальник, участвовавший позднее в войнах диадохов.

⁶ Македонский токсарх (начальник стрелков).

⁷ Один из лучших полководцев Александра, умерший вскоре после описанных событий, на обратном пути из Индии.

⁸ Дарий III Кодоман – последний царь династии Ахеменидов. В битве при Иссе (333 г. до н. э.) одним из первых обратился в бегство.

Перипл Эритрейского моря

Анонимное сочинение, содержащее описание маршрутов морских путешествий в Индийском океане, было написано александрийским греком (по всей видимости, торговцем и моряком) в 60-х – 70-х гг. I в.

38. Затем идет побережье Скифии – страны, которая простирается прямо на север – по ней течет река Синт¹, самая крупная из тех, что впадают в Эритрейское море²... Эта река имеет семь рукавов,... судоходен лишь средний, на котором находится морской порт Барбарикон. Перед ним – небольшой островок, а за ним в отдалении столица этой самой Скифии – Миннагар. Управляется же она парфянами³, которые постоянно друг друга сгоняют с престола.

...40. За рекою Синт есть еще один залив... Эйрион⁴..., а далее мыс... и залив Барака...

41. А сразу же за Баракой залив Баригаза⁵ и берег страны Ариаки – начало царства Манбана⁶ и всей Индийской земли. Материковая часть ее, граничащая со Скифией, называется Аберией⁷, а прилегающая к морю – Сурастреной⁸. Страна эта богата зерном, рисом, кунжутным маслом, коровьим маслом, хлопком и изготовленными из него полотняными индийскими тканями. В ней много стад рогатого скота, а люди – крупные телом и темнокожие. Столица же той страны – Миннагара, откуда ткани в больших количествах вывозятся в Баригазу. В этих местах до сих пор сохранились следы похода Александра – древние святилища, остатки лагеря и огромные водохранилища. Путь же по морю от Барбарикона до мыса Папике у Астакапы, лежащей напротив Баригазы, составляет 3 тысячи стадий.

42. За этим заливом есть другой, который тянется к северу. Возле входа в него находится остров Байона, а в противоположной стороне – крупнейшая река, именуемая Маис⁹. Те, кто плывут в Баригазу, проходят через залив шириною стадий в триста, оставляя остров едва видимым по левую руку и следуя на восток к реке Баригазы. А называется эта река – Лимнайос.

...47. За Баригазой, вдали от моря, – многочисленные народности: Аратриев¹⁰, Арахусиев¹¹, Гайдаров¹² и население Проклиды¹³, в которой находится Александрия Букефала. За ними же очень воинственный народ Бактриан под началом царя, [который именуется К]усан по своему собственному уделу. Александр, отправившись именно из этих мест, дошел до Ганга, оставив в стороне Лимирику¹⁴ и южные части Индийской земли. В Баригазе и поныне встречаются древние драхмы, на которых читаются греческие буквы – Аполлодота и Менандра¹⁵, царей, правивших после Александра.

48. К востоку отсюда находится город под названием Озене¹⁶, в котором прежде была царская резиденция, – из него в Баригазу привозят все, что служит процветанию страны, а также и для торговли с нами: оникс, агат, индийские синдоны и молохины и много простого полотна. А из мест, расположенных выше, сюда доставляют через Проклаиду... нард из соседней Скифии, кост и бделлу.

49. В этот портовый город ввозят вино, главным образом, италийское, лаодикийское и аравийское, медь, свинец, олово, кораллы и хрисолиты, ткани вышитые и набойки... стекло, динарии золотые и серебряные, которые можно менять – с некоторой выгодой – на местную монету... Для царя же привозят серебряную посуду, музыкантов и красивых девиц в наложницы, наилучшее вино, ценные одежды и первоклассное мирро. А вывозят из этих мест нард, кост, бделлу, слоновую кость, оникс, агат..., ткани хлопковые и серские ткани, молохины и пряжу, а также длинный перец и прочие товары, доставляемые сюда из ближайших торговых городов. Для того чтобы плыть сюда из Египта, подходящее время – июль, то есть Эпифи¹⁷.

50. За Баригазой берег тянется с севера на юг. Поэтому эта страна называется Дахинабадом¹⁸ – ведь на местном языке «даханос»¹⁹ значит «юг». А в областях, прилегающих к востоку, много пустынь и высоких гор, они изобилуют всевозможными дикими зверями – леопардами, тиграми, слонами, огромными змеями, гиенами и всякими обезьянами; и множество крупных племен обитает здесь до самого Ганга.

51. Из торговых городов в этом самом Дахинабаде два наиболее крупных: Пайтхана²⁰ в двадцати днях пути на юг от Баригазы, и Тагара²¹, около десяти дней пути к востоку от Пайтханы. Из них в Баригазу на повозках и по ужасному бездорожью привозят из Пайтханы во множестве оникс, а из Тагары обычные хлопковые ткани, синдоны, молохины, а также всяческие местные товары из приморских городов. Все плавание вдоль берега до Лимирики составляет семь тысяч стадий, а до Эгиала²² еще больше.

52. Местные порты за Баригазой –...Суппара²³ и город Каллиена²⁴, который во времена старшего Сарагана²⁵ был законным пунктом международной торговли. Но после того, как его стал контролировать Сандан²⁶, все значительно осложнилось – и те эллинские суда, которые случайно попадают сюда, под охраной отводят в Баригазу.

¹ Синт – р. Инд.

² Индийский океан.

³ Речь идет об индо-парфянских царях, наследниках Гондофара (правил в 21-46 гг. н. э.).

⁴ Сатанастре и Сасане (последний был сыном Аспавармана, племянника Индравармана).

⁵ Эйрион – Качский Ранн.

⁶ Баригаза – г. Бхригукачча в устье р. Нармады.

⁷ Манбан – Нахапана, кшатрап из династии Кшахарата.

⁸ Аберия – страна народности абхира.

⁹ Сурастрена – инд. Сураштра, п-в Катхьявар.

¹⁰ Маис – инд. Махи.

¹¹ Аратрии – инд. племя аратта.

¹² Арахусии – население Арахосии.

¹³ Гайдары – страна Гандхара.

¹⁴ Страна с центром в г. Пушкалавати. -

¹⁴ Лимирика – страна дравидов, «тамилов», Крайний Юг Индостана, противопоставляемый Ариакке – области, населенной народами, говорящими на арийских языках.

¹⁵ Греко-бактрийские цари, правившие в северо-западной части Индии во II в. до н. э.

¹⁶ Озене – г. Уджаин.

¹⁷ Эпифи – месяц египетского календаря.

¹⁸ Дахинабад – Декан, инд. Дакшинапатха.

¹⁹ Даханос – пракр. дакхина, санскр. дакшина – «юг».

²⁰ Пайтхана – санскр. Пратиштхана.

²¹ Тагара – совр. местечко Тер, где археологи находят предметы римского импорта.

²² Эгиал – название мыса на Крайнем Юге Индостана.

²³ Суппара – санскр. Шурпарака, совр. Сопар.

²⁴ Каллиена – инд. Кальяна, совр. Кальян.

²⁵ Сараган – имя, соответствующее санскр. Шатакарни, пракр. Сатакани.

²⁶ Сандан – имя, соответствующее инд. «Сатавахана».

1.5.

КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

КИТАЙ

Цинь Шихуан и его политика (Сыма Цянь, «Исторические записки»)

Цинь Шихуан-ди – правитель царства Цинь (с 246 г. до н. э.), положивший конец многовековой эпохе Воюющих Царств. К 221 г. до н. э. он установил единоличное господство на всей территории Внутреннего Китая и вошел в историю как правитель первого централизованного китайского государства.

Приводятся отрывки из сочинения китайского историка Сыма Цяня «Исторические записки», в частности, из главы шестой, одно из немногих сохранившихся источников о кратковременном правлении династии Цинь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЦИНЬ ШИ-ХУАН БЭНЬ ЦЗИ — ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ {О ДЕЯНИЯХ} ПЕРВОГО ИМПЕРАТОРА ЦИНЬ

Первый император Цинь Ши-хуанди был сыном циньского Чжуан-сян-вана. Чжуан-сян-ван, в бытность его циньским заложником в Чжао, увидел наложницу Люй Бу-вэя. Она ему приглянулась, и он взял ее в жены. Она родила Ши-хуана. Поскольку Ши-хуан родился в Ханьдане в первой луне на сорок восьмом году правления циньского Чжао[-сян]-вана (259 г.), при рождении его называли Чжэн («первый»), относя к роду Чжао. Ему исполнилось тринадцать лет, когда умер Чжуан-сян-ван, и Чжэн стал у власти, сделавшись правителем Цинь.

К этому времени земли Цинь уже включали [области] Ба, Шу и Ханьчжун; [на юге] они простирались за Юань и включали Ин, где была учреждена область Наньцзюнь; на севере [Цинь] овладело областью Шанцзюнь и землями к востоку от нее, включая области Хэдун, Тайюань и Шандан; на востоке циньские земли тянулись до Иньяна. Уничтожив оба дома Чжоу, [Цинь] учредило [на их землях] область Саньчуань...

На первом году правления циньского вана (246 г.) в Цзиньяне произошло восстание, военачальник Мэн Ао напал [на Цзиньян] и усмирил его.

На втором году (245 г.) Бяо-гун во главе войск напал на Цюань и убил там тридцать тысяч человек.

На третьем году правления циньского вана (244 г.) Мэн Ао напал на княжество Хань и занял тринадцать городов. Умер Ван Ци. В десятой луне военачальник Мэн ао напал на города Чан и Югуй, принадлежавшие дому Вэй.

На четвертом году (243 г.) заняли Чан и Югуй и в третьей луне войска отозвали. Заложник дома Цинь возвратился из Чжао, а наследник дома Чжао выехал [из Цинь] и возвратился в свое княжество. В десятой [седьмой] луне, в день гэн-инь, с востока прилетела саранча, заполнившая все небо. В Поднебесной возник мор. Тот из байсинов, кто вносил [в казну] тысячу дань зерна, жаловался одной степенью знатности.

На пятом году правления циньского вана (242 г.) военачальник [Мэн] ао напал на Вэй, где усмирил Суаньцао, Янь, Сюй, Чанпин, Юнцю и Шаньян, захватив двадцать городов. Впервые учредили область Дунцзюнь. Зимой гремел гром.

На шестом году (241 г.) княжества Хань, Вэй, Чжао, Вэй и Чу совместно напали на Цинь и заняли Шоулин. Когда Цинь выслало против них свою армию, пять княжеств отозвали войска. Захватывая земли Вэй, [циньская армия] оказывала давление на область Дунцзюнь, ее правитель Цзюэ с чадами и домочадцами переселился в Еван, чтобы, укрывшись за горами, защищать вэйский Хэнэй.

На седьмом году (240 г.) комета показалась сначала на востоке, затем ее видели на севере, а в пятой луне – на западе. Военачальник [Мэн] ао умер во время наступления на Лун, Гу и Цинду, тогда его войска вернули. [На обратном пути войска] атаковали Цзи. Комета вновь показалась на западе. Через шестнадцать дней умерла Ся-тайхоу.

На восьмом году (239 г.) младший брат вана Чэн Цзяо, носивший титул Чанъань-цзюня, ведя войска, напал на княжество Чжао, а затем поднял восстание и был убит в Туньлю. Всех командиров его [отряда] казнили, а жителей Туньлю переселили в Линьтао. [После того как] военачальник [Чэн Цзяо] погиб у стен города, надругались над телами солдат из Туньлю и Пугу, принимавших участие в восстании. [В это время] рыба в Хуанхэ в большом числе ушла в верховья, и [люди] на легких тележках и сильных лошадях устремились на восток в поисках пищи.

Лао Аю пожаловали титул Чансинь-хоу, одарили землями в Шаньяне и повелели поселиться там. Дворцы и дома, повозки и лошади, платья и одежды, сады и парки, выезды и охоты – все [при дворе] устраивалось по прихоти Лао Ая. Не было ни одного большого или малого дела, которое решалось бы без Лао Ая. Кроме того, область Тайюань, находившаяся к западу от Хуанхэ, была переименована в Айго [владение Ая].

На девятом году (238 г.) появилась комета, хвост которой временами тянулся через все небо. [Цинь] напало на вэйские города Юань и Пуян. В четвертой луне государь остановился в Юн. В день цзи-ю по случаю своего совершеннолетия государь совершил обряд надевания головного убора и пояса с мечом.

[Лао] Ай, носивший титул Чансинь-хоу, задумал поднять мятеж, но [об этом] стало известно. [Тогда он] подделал печати государя и вдовствующей государыни и, используя [эти печати], стал собирать местные войска, воинов дворцовой стражи, конников из правительственных войск, вождей жунов и ди [с воинами], а также дворцовых служителей, намереваясь напасть на дворец Циняньгун и поднять мятеж.

Узнав об этом, ван приказал своему первому советнику Чанпин-цзюню и Чанвэнь-цзюню двинуть против [Лао] Ая войска. Бой произошел под Сяньном. Было перебито несколько сот восставших. Все [военачальники, участвовавшие в битве], были повышены в звании, и даже евнухи – участники боя – также получили повышение на одну степень. [Лао] Ай и его сообщники, потерпев поражение, бежали. Затем по стране объявили указ: тот, кто схватит Лао Ая живым, получит награду в сотню десятков тысяч, а тот, кто убьет его, получит награду в полсотни десятков тысяч денег. В конце концов схватили [Лао] Ая и всех его сообщников, начальника дворцовой стражи Цзе, начальника столичного округа Сы, начальника дворцовой охоты Цзе, чжундафулина Ци и других; двадцать человек казнили, их головы выставили на шестах, тела в назидание другим разорвали колесницами, а роды их истребили. Что касается дворцовых служителей, то менее виновных из них заставили носить дрова в храм предков. Более четырех тысяч семей лишили титулов, сослали в Шу и поселили в Фанлине.

В четвертой луне ударил мороз и люди погибали от холода. Ян Дуань-хэ напал на Яньши. На западе показалась комета, позднее ее видели на севере, она двигалась от Большой Медведицы к югу в течение восьмидесяти дней.

На десятом году (237 г.) первый советник Люй Бу-вэй был обвинен в связях с Лао Аем и смещен. Хуань Ци назначен военачальником. Из Ци и Чжао прибыли [послы], и [в их честь] устроили пир. Мао Цзяо, уроженец Ци, сказал циньскому вану:

«Дом Цинь действует ныне во имя приобретения Поднебесной, но вы, Великий ван, имеете репутацию человека, сославшего вдовствующую государыню. Боюсь, что, услышав об этом, владетельные князья выступят против Цинь». После этого циньский ван встретился с вдовствующей государыней в Юн и привез ее в Сяньян, вновь поселив во дворце Ганьцюань.

Объявлено об общем розыске и изгнании всех пришлых советников. Ли Сы подал доклад с увещанием [не делать этого], и государь отменил приказ об изгнании пришлых советников. Ли Сы стал убеждать циньского вана захватить в первую очередь [земли] княжества Хань, чтобы устроить этим другие княжества. [Ван] послал Ли Сы принудить [правителя] Хань к сдаче. Ханьский ван опасался этого и стал обдумывать с Хань Фэем, как ослабить Цинь. Вэй Ляо, родом из Далияна, явился к циньскому вану и посоветовал: «Поскольку Цинь могущественно, владетельные князья находятся [по отношению к нему] как бы на положении правителей областей и уездов. Но я опасюсь, что князья объединятся в союз с севера на юг – цзун, а такое их объединение сулит неожиданности. Ведь именно по этой причине погибли Чжи-бо, Фу-ча и Минь-ван 33. Желательно, чтобы вы, Великий ван, не жалели своих богатств для подкупа влиятельных сановников княжеств, чтобы расстроить их замыслы. Вы потратите не более трехсот тысяч золотых, но сможете покончить с владетельными князьями».

Циньский ван последовал его советам.

При встречах с Вэй Ляо [циньский ван] относился к нему как к равному, стараясь не отличаться от него даже в одежде и пище, [но] Вэй Ляо говорил:

«Обличье циньского вана таково: у него острый нос, удлинённые косые глаза, грудь как у хищной птицы, голос как у шакала. В нем мало доброты, а сердце как у тигра или волка. В затруднительных положениях он легко ставит себя ниже других, а добившись цели, так же легко губит людей. Я – человек низкого звания 34, но при встречах он всегда ставит себя ниже меня. Если в самом деле циньскому вану удастся

добиться своих целей в Поднебесной, то все в ней станут его рабами. Я не могу долго оставаться у него!». И решил бежать.

Циньский ван, узнав [о таком намерении Вэй Ляо], настойчиво удерживал его, назначил старшим военачальником циньского государства. В конце концов применил предложенные им планы, но поручил их осуществление Ли Сы.

На одиннадцатом году правления циньского вана (236 г.) военачальники Ван Цзянь, Хуань Ци и Ян Дуань-хэ напали на Е, захватили девять городов. Ван Цзянь напал на Яньюй и Лаоян. [После этого] все отряды соединились в одну армию под командованием Ван Цзяня. Но через восемнадцать дней войска вернулись. Из младших чинов, от доуши и [ниже, в войсках были оставлены только двое из каждого десятка. Захватили Е и Аньян, командовал войсками Хуань Ци.

На двенадцатом году (235 г.) умер [Люй] Бу-вэй, носивший титул Вэньсинь-хоу. Его хоронили тайком. Присутствовавших на похоронах приближенных Люй Бу-вэя [наказали], те из них, кто являлся уроженцами княжества Цзинь, изгнали из Цинь, тех, кто был циньцем и получал довольствие более шестисот даней зерна [в год], лишили титулов и переселили, тех же, кто получал менее пятисот даней зерна, [стали рассматривать наравне с] не присутствовавшими на похоронах и переселили, не лишая титулов. [Было решено] отныне и впредь у тех, кто, подобно Лао Аю и Люй Бу-вэю, поведет дела государства не по правильному пути, описывать дом и имущество и поступать как в данном случае. [Однако уже] осенью вернули служителей Лао Ая, сосланных в Шу.

В это время в Поднебесной случилась большая засуха, продолжавшаяся с шестой до восьмой луны, [лишь после этого] прошел дождь.

На тринадцатом году (234 г.) Хуань Ци напал на чжаоский Пинъян, убил чжаоского военачальника Ху Чжэ и казнил сто тысяч человек. [Чжаоский] ван уехал в Хэнань. В первой луне на востоке появилась комета. В десятой луне Хуань Ци [вновь] напал на Чжао.

На четырнадцатом году (233 г.) [Хуань Ци] атаковал чжаоскую армию, находившуюся в Пинъяне, занял город Иань, разбил [оборонявшие его] войска и убил их военачальника, [затем] он усмирил города Пинъян и Учэн. Хань Фэй послан в Цинь, где по совету Ли Сы его задержали. [Хань] Фэй погиб в Юньяне. Правитель Хань попросил [циньского вана] принять его под свою руку.

На пятнадцатом году (232 г.) [Цинь] подняло большие военные силы, одна армия дошла до Е, а другая армия достигла [области] Тайюань и заняла Ланмэн. Произошло землетрясение.

На шестнадцатом году (231 г.) в девятой луне послали солдат принять земли Хань в Наньяне, управителем там поставили Тэна. Впервые мужчинам приказали записывать [у чиновников] свой возраст. Правитель Вэй поднес цинь[скому вану] земли. Цинь основало поселение в Ли.

На семнадцатом году (230 г.) начальник столичного округа Тэн напал на Хань, взял в плен ханьского вана Аня и занял все принадлежащие ему земли, на которых учредили область, названную Инчуань. Произошло землетрясение. Умерла вдовствующая государыня Хуаян. Народ сильно голодал.

На восемнадцатом году (229 г.) были двинуты крупные силы для нападения на княжество Чжао. Ван Цзянь во главе войск из верхних земель спустился до Цзиньсина. [Ян] Дуань-хэ во главе войск из района Хэнэй [совместно с] Цян Хуем атаковал Чжао. [Ян] Дуань-хэ окружил город Ханьдань.

На девятнадцатом году (228 г.) Ван Цзянь и Цян Хуй полностью заняли и утвердились на чжаоских землях, а в Дунъяне взяли в плен правителя княжества Чжао. Затем они повели войска с намерением напасть на княжество Янь и стали лагерем в Чжуншане. Циньский ван прибыл в Ханьдань и истребил всех тех, кто в то время, когда он жил в Чжао, враждовал с семьей его матери. Циньский ван возвращался через области Тайюань и Шанцзюнь. Скончалась вдовствующая государыня – мать Ши-хуанди. Сын правителя Чжао по имени Цзя во главе нескольких сот сородичей прибыл в Дай, где объявил себя Дай-ваном. Он объединил свои силы с войсками княжества Янь, находившимися на востоке, и расположил войска в Шангу. Был большой голод.

На двадцатом году правления циньского вана (227 г.) наследник правителя княжества Янь по имени Дань, обеспокоенный [возможностью] прихода циньских войск в их княжество, испугался и послал Цзин Кэ убить циньского правителя. Циньский ван обнаружил это и четвертовал Цзин Кэ в назидание другим. После чего приказал Ван Цзяню и Синь Шэну напасть на Янь. Из Янь и Дай выслали войска, чтобы ударить по циньской армии, но циньские войска разбили войска Янь к западу от реки Ишуй.

На двадцать первом году (226 г.) Ван Бэнь атаковал [Цзи] Цзин. Ван Цзяню послали подкрепления, после чего он разбил армию наследника правителя Янь, занял яньский Цичэн и заполучил голову наследника Дая. Яньский ван ушел на восток, где занял земли Ляодуна и стал ими править. Ван Цзянь, ссылаясь на болезнь и старость, [отказался от поста] и возвратился домой. Произошло восстание в Синьчжэне. Чанпин-цзюнь переехал в Ин. Выпал большой снег, толщина его достигла двух чи и пяти цуней.

На двадцать втором году (225 г.) Ван Бэнь напал на княжество Вэй. Он провел от Хуанхэ канал и залил Даян водой. Стены Даяна рухнули, вэйский ван сдался. [Цинь] полностью захватило земли Вэй.

На двадцать третьем году (224 г.) циньский ван вновь призвал Ван Цзяня, принудил его встать во главе войск и послал против княжества Цзин [Чу]. [Ван Цзянь] занял земли к югу от Чэнь, дошел до Пинъюя и взял в плен цзиньского [чуского] вана. Циньский ван совершил поездку в Ин и Чэнь. Цзинский военачальник Сян Янь объявил Чанпин-цзюня цзиньским ваном и выступил против Цинь южнее реки Хуай.

На двадцать четвертом году (223 г.) Ван Цзянь и Мэн У атаковали княжество Цзин и разбили его войска. Чанпин-цзюнь погиб, а Сян Янь покончил с собой.

На двадцать пятом году (222 г.) [ван] собрал крупные силы войск и во главе их поставил Ван Бэня. Тот напал на яньский Ляодун и взял в плен яньского вана Си. На обратном пути [Ван Бэнь] напал на Дай и взял в плен дайского вана Цзя. Вслед за этим Ван Цзянь усмирил цзинские [чуские] земли к югу от реки Янцзы и принудил к сдаче правителя княжества Юэ, основав на этих землях область Гуйцзи. В пятой луне в Поднебесной устроили великое пиршество.

На двадцать шестом году правления (циньского вана Чжэна – 221 г.) правитель княжества Ци Цзянь вместе с первым советником Хоу Шэном поднял войска, чтобы защитить свои западные пределы, и перестал сноситься с Цинь. [Правитель] Цинь послал туда военачальника Ван Бэня, который, следуя через юг княжества Янь, напал на Ци и взял в плен Ци-вана Цзяня.

Так Цинь впервые объединило Поднебесную. [Циньский ван] отдал первым советникам и цензорам приказ, который гласил: «В свое время ханьский ван поднес нам земли, вручил печать и просил считать его нашим слугой. Однако вскоре он нарушил соглашение, объединился с княжествами Чжао и Вэй в союз по вертикали и восстал против Цинь, поэтому я послал войска, покарал их и взял в плен правителя Хань. Я считал, что это принесет добрые результаты и, может быть, прекратятся военные действия. После этого правитель княжества Чжао прислал своего первого советника Ли Му заключить союз с Цинь, и поэтому мы вернули княжича дома Чжао, бывшего у нас заложником. Однако вскоре чжаоский ван нарушил союз и поднялся против нас в Тайюани. Поэтому я послал войска, покарал Чжао и взял их вана в плен. Тогда княжич Чжао по имени Цзя объявил себя Дай-ваном, поэтому [я] послал войска, разбил и уничтожил его. Вэйский ван вначале договорился с нами и изъявил свою покорность Цинь, но вскоре вместе с княжествами Хань и Чжао замыслил неожиданно напасть на Цинь, тогда циньские войска и наши слуги покарали его и покончили с его владениями. Цзинский ван поднес нам земли к западу от Циньяна, но вскоре нарушил договор и напал на нашу область Наньцзюнь, из-за этого я послал войска покарать его, взял в плен их правителя и умиротворил земли Цзин. Правитель княжества Янь по своему неразумению творил беспорядки, а его наследник Дань тайком приказал Цзин Кэ совершить злодейство [против меня], вот почему я послал войска и своих слуг покарать его и покончил с его владением. Правитель княжества Ци, следуя советам Хоу Шэна, перестал посылать в Цинь послов с намерением поднять бунт, войска и наши слуги покарали [цинского вана], взяли его в плен и умиротворили земли Ци.

Я со своими слабыми силами смог поднять войска и покарать жестоких и мятежных, только опираясь на помощь духов своих предков, так правители шести княжеств понесли наказание за свои преступления, а Поднебесная оказалась полностью умиротворенной. Ныне, если не изменить титул правителя, нечем будет оценить достигнутые успехи и передать о них потомкам. Обсудите, [каким быть] титулу императора!».

Первый советник [Ван] Гуань, главный цензор [Фэн] Цзе и глава судебного приказа [Ли] Сы сказали: «В древности земли пяти императоров простирались [всего] на тысячу ли, за ними лежали земли, несшие сторожевые повинности, и земли, несшие неопределенные повинности, правители которых иногда являлись ко двору, иногда не являлись, и Сын Неба не был в состоянии [ими] управлять. Ныне вы, государь, подняв войска во имя справедливости и покарав жестоких и мятежных, установили спокойствие в Поднебесной и разделили все земли в пределах четырех морей на области и уезды, законы и приказы исходят от одного общего [правителя]. Начиная с глубокой древности такого не бывало, этого не достигли даже пять императоров [древности].

Мы, ваши слуги, смиренно советовались с учеными мужами, которые сказали: «В древности господствовали Небесный властитель – Тянь-хуан, Властитель земли – Ди-хуан и Великий властитель — Тай-хуан, наиболее почитаемым был Тай-хуан». Мы, ваши слуги, не страшись смерти, осмеливаемся предложить вам, государь, почетный титул, чтобы вы, ван, именовались Великим властителем – Тай-хуаном. Ваши приказы следует именовать чжи — «повелениями», а указы именовать чжао — «эдиктами». Вы, Сын Неба, будете называть себя Чжэнь — «Мы»».

Ван сказал: «Уберите слово тай — «Великий» и оставьте слово хуан — «властитель», прибавьте к нему ди — самый древний титул правителей — «император», и пусть мой титул будет хуанди — «Властитель-император». Остальное да будет, как вы предлагаете». Повеление гласило: «Быть по сему!».

Чжуан-сян-вану был присвоен почетный титул Тай-шан-хуана — Великого и высочайшего властителя. В повелении говорилось: «Мы слышали, что в глубокой древности у правителей были титулы [при жизни], но не существовало посмертных титулов. В средней древности существовали титулы, но после смерти давались еще и посмертные имена, согласно их деяниям. Если делать так, то [получается, что] сын обсуждает [поступки] отца, а подданные обсуждают [поступки] правителя. Такое совершенно недопустимо, и мы не последуем этому [обычаю]. Отныне и впредь отменяем присвоение посмертных титулов. Мы будем [титуловаться] Ши-хуанди — первый властитель-император, а последующие поколения [правителей пусть именуются] в порядке счета — Эр-ши — второй, Сань-ши — третий, и так до десяти тысячного поколения, [власть нашего рода] будет передаваться бесконечно».

Ши-хуан, опираясь на учение о круговой смене пяти добродетельных сил [стихий], считал, что дом Чжоу имел [поддержку] стихии огня, а дом Цинь, сменив дом Чжоу, [обладает поддержкой] стихии, которой прежняя

не в силах противостоять. Следовательно, началось действие стихии воды. [В связи с этим он] изменил счет начала года, и поздравления при дворе стали приносить первого числа десятой луны. В одеяниях, бунчуках и знаменах стал преобладать черный цвет, в основу счета было положено число шесть, верительные знаки и шапки чиновников стали делать размером в шесть цуней, а [оси] колесниц – длиною в шесть чи. Шесть чи составляли один бу, в колесницы впрягалось по шесть лошадей. Название реки Хуанхэ было изменено на Дэшуй – Река добродетели, так как считалось, что наступило [господство] стихии воды. [Преобладали] твердость, решительность и крайняя суровость, все дела решались на основании законов; [считалось, что] только жестокость и угнетение без проявления человеколюбия, милосердия, доброты и справедливости могут соответствовать порядку пяти добродетельных сил [стихий]. До крайности усердствовали [в применении] законов и долго никого не миловали.

Первый советник [Ван] Гуань и другие сказали: «Владельцы князья впервые разгромлены, но земли княжеств Янь, Ци и Цзин [Чу] далеко, если не поставить над ними правителей, их не удастся держать в подчинении. Просим, [государь], назначить туда правителями ваших сыновей, ждем лишь вашего соображения».

Ши-хуан передал это предложение на обсуждение сановников, и они все нашли его полезным. Однако глава судебного приказа Ли Сы, обсуждая [предложение], сказал: «Чжоуские Вэнь[ван] и У[ван] жаловали владения во множестве своим сыновьям, младшим братьям и членам своей фамилии, но впоследствии их потомки стали отчужденными и далекими, сражались друг с другом как заклятые враги, владельцы князья все чаще нападали и убивали друг друга, а чжоуский Сын Неба не был в состоянии прекратить [эти междоусобицы]. Ныне благодаря вашим необыкновенным дарованиям вся земля среди морей объединена в одно целое и разделена на области и уезды. [Если теперь] всех сыновей ваших и заслуженных сановников щедро одарить доходами от поступающих податей и налогов, то этого будет вполне достаточно, [а Поднебесной] станет легко управлять. Отсутствие различных мнений в Поднебесной – вот средство [установления] спокойствия и мира. [Если же снова] поставить [в княжествах] владельцев князей, будет плохо».

Ши-хуан сказал: «Поднебесная сообщала страдала от непрекращающихся сражений и войн, и все из-за того, что существовали князья и ваны. Опираясь [на помощь] духов предков, я впервые умиротворил Поднебесную, и если теперь снова создать владения, значит, [вновь] поднять войны. Разве не трудно будет тогда добиться спокойствия и прекращения [войн]? Мнение главы судебного приказа правильное».

[Ши-хуан] разделил Поднебесную на тридцать шесть областей, в каждой области поставил начальника – шоу, воеводу – вэя и инспектора – цзяня. Он изменил наименование простого народа, назвав его цяншоу – «черноголовые». Устроили большие пиршества.

[Ши-хуан] собрал оружие со всей Поднебесной в Сяньян и выплавил из него колокола и вешала для них, а также двенадцать металлических фигур весом в тысячу дань каждая, которые установил в своих дворцах. [Он ввел] единую систему законов и измерений, мер веса, емкости и длины, для повозок установил одинаковый ход, в письме – единое начертание иероглифов.

Земли [Цинь] на востоке теперь простирались до моря и Чаосяни; на западе достигали Линьтао и Цянчжуна; на юге доходили до Бэйсянху; на севере тянулись вдоль Хуанхэ, служившей им заслоном, и далее по горам Иньшань доходили до Ляодуна. [Ши-хуан] переселил в Сяньян со всей Поднебесной сто двадцать тысяч знатных и богатых семей. Все храмы предков, дворец Чжантай и парк Шанлинь располагались на южном берегу реки Вэй.

Каждый раз, когда Цинь сокращало власть кого-либо из владельцев князей, [циньский ван приказывал] зарисовать устройство его дворца и строить [подобный же] дворец на возвышенности к северу от Сяньяна, так, чтобы дворец этот был обращен к югу – к реке Вэй. [Поэтому] от Юнмэня на восток вплоть до рек Цзиншуй и Вэйшуй [всюду высились] дворцы и дома, соединенные переходами поверху и понизу и огороженными дорогами. [Он] заполнил дворцы красавицами, наполнил палаты колоколами и барабанами, захваченными у князей.

Путешествия Чжан Цяня в Среднюю Азию во II-I вв. до н.э.

У Сыма Цяня и других летописцев Китая имеются главы, посвященные географическим сведениям и описаниям соседних городов, как, например, приводимые ниже извлечения из биографии посла Чжан Цяня и полководца Ли Гуангли. Такие записи явились большим вкладом в науку древнего Китая, расширяя представление китайцев о мире. Они сохранили известия о сношениях Китая с западными странами и до настоящего времени являются ценным, а порой и единственным источником для исследования истории народов Средней Азии в древности и средние века.

Чжан Цянь – уроженец уезда Ханьчжоу (провинция Шэньси).

При императоре Уди, в годы правления Цзяньюань (140-135 гг. до н. э.) он (Чжан Цянь) служил в императорской страже. В то время пленные гунны¹ рассказывали о том, как они разбили князя племени Юэчжи² и из его головы сделали сосуд для питья. Бежавшие Юэчжи хотели отомстить гуннам, но у них не было союзников для нападения. В это время император династии Хань собирался уничтожить гуннов и, узнав об

этом, сказал: «Я хочу начать с ними (Юэчжи) сношения, но путь к ним идет через гуннов. Стали искать, кто мог бы стать послом. Чжан Цянь, как офицер стражи, вызвался пойти к племени Юэчжи вместе с рабом Ганьфу, принадлежавшим роду Танли. Они вместе вышли из провинции Шэньси и попали прямо к гуннам. Гунны захватили их и передали своему вождю. Вождь сказал: Юэчжи живут от меня на севере, как могут китайцы посылать к ним посла? Я хочу, чтобы ты оставил императора Хань. Хочешь ли ты повиноваться мне?». Он оставил у себя Чжан Цяня. Чжан Цянь прожил у гуннов более десяти лет, вождь дал ему жену, от которой у него родился сын. Однако Чжан Цянь все время сохранял посольский бунчук ханьского императора. Он не потерял его. Он жил на западе владений гуннов и вместе с посланными с ним бежал. Несколько десятков дней они бежали на запад к племени Юэчжи и пришли в Давань³. Там уже раньше слыхали о богатстве Китая и хотели завязать с ним сношения, но не смогли. Они обрадовались Чжан Цяню и спросили, чего он желает. Чжан Цянь рассказал им, как он был отправлен императором Хань послом к племени Юэчжи и в пути был захвачен гуннами и потом освобожден...

Они послали переводчика проводить Чжан Цяня к племени Канцзюй⁴. Канцзюй переслала его к племени Больших Юэчжи. Но князь Больших Юэчжи был убит гуннами, на престол вззошел его наследник, который покорил племя Дася⁵ и царствовал над ним. Земли были плодородные, он понемногу разбойничал, стремился к наслаждениям и покою, поэтому отдалился от далекого Китая и совсем забыл о намерении отомстить гуннам. Так и не добившись от Юэчжи самого важного, Чжан Цянь поехал в Дася и оставался там более года. Думая вернуться обратно через владения племени Цян⁶, он поехал через Наньлань и, снова схваченный гуннами, остался у них более года. В это время вождь гуннов умер, в стране поднялась смута, и Чжан Цянь бежал вместе со своей женой из племени гуннов и рабом из рода Танли. После возвращения Чжан Цяня император пожаловал ему звание сановника, а рабу из рода Танли – звание слуги посланника. Чжан Цянь был человеком непреклонным, великодушным и верным. Все варвары любили его. Раб из рода Танли был варваром и прекрасно стрелял. В тяжелые времена он охотился на птиц и зверей, стреляя, добывал пищу. Когда Чжан Цянь отправлялся в свое путешествие, с ним пошло более сотни человек, а через тринадцать лет вернулось только двое. Чжан Цянь побывал лично в Давани, у Больших Юэчжи, в Дася, у Канцзюй кроме того, из рассказов узнал, что около них имеется еще пять или шесть больших государств. Он рассказал императору обо всех их землях и обо всем, что там имеется, все, что слышал в Западном крае.

Чжан Цянь сказал: «Когда я был в Дася, я видел там трости из бамбука с длинными коленцами и тонкий холст из Шу (провинция Сычуань)». Я спросил, откуда они это достали. И человек из Дася сообщил мне: наши купцы отправляются покупать их в страну Шэньду⁷. Страна Шэньду находится в нескольких тысячах ли на юго-восток от Дася, у них обычай жить на земле оседло. Места такие же, как и в Дася: низкие, влажные и очень жаркие. Народ там ведет войну на слонах. Государство это расположено вблизи большого моря. Чжан Цянь считал, что Дася находится в двенадцати тысячах ли на юго-запад от Китая, а страна Шэньду в нескольких тысячах ли на юго-восток от Дася. Там имеются товары из Сычуани, значит, она недалеко от нее. На этот раз я ехал в Дася через племя Цян, это опасно. Цян ненавидят нас, и немного севернее их я был схвачен гуннами. Через Сычуань путь прямее, и нет разбойников.

Император услышал, что в таких больших странах, как Давань, Дася, Аньси⁸, имеется много редкостей, что люди там ведут оседлую жизнь и обычаи их сходны с китайскими, но армия слабая и что они ценят богатства Китая. Он узнал, что к северу от них у таких племен, как Большие Юэчжи и Канцзюй, солдаты сильны. Поэтому он решил послать им подарки, чтобы извлечь пользу для династии. И тогда ему удастся покорить их без войны. Он подумал о том, как земли его расширятся на десять тысяч ли, как распространится его слава и доблесть среди разных народов, и с радостью поверил словам Чжан Цяня. Так как путь через Сычуань был быстрее, то он приказал послать разведчиков сразу по нескольким дорогам. Они направились через племена Ман, Цю, Си и Бо⁹. Но прошли лишь одну или две тысячи ли. Тем, кто шел на север, преградили путь племена Ди и Цю⁹. Тем, кто шел на юг, преградили путь Суй и Куньмин⁹. Такие племена, как Куньмин, живут без князей, любят разбойничать и часто убивают. И посланные в конце концов не смогли проехать. Однако они слыхали, что к западу от них в тысяче с лишним ли существует страна, где ездят на слонах, и что называется она Дяньюэ¹⁰, что купцы из Сычуани иногда пробираются туда с товарами.

Император уже прежде начал завязывать сношения со страной Дянь, чтобы найти путь в Дася. Сначала решил отправить посланцев на юго-запад через племя И⁹, но после больших расходов оставил это намерение. Когда же Чжан Цянь рассказал, что завязать сношения с Дася возможно, он снова повел дело с племенем И на юго-западе.

Чжан Цянь в сане полномочного военного комиссара, управляющего завоеванными странами, отправился сопровождать полководца. Гуннам был нанесен удар. Чжан Цянь знал места с травой и водой, поэтому армия не терпела недостатка. Чжан Цяню был пожалован титул князя уезда Бован. Это произошло на шестой год правления Юаньйу (123 г. до н. э.). На второй год после этого (121 г. до н. э.) Чжан Цянь как начальник дворцовой стражи выступил вместе с Ли Гуаном. В Юбэйин (провинция Жэхэ) они напали на гуннов. Но гунны окружили полководца Ли, армия понесла большие потери, и Чжан Цянь стал ожидать казни. В наказание его разжаловали в простолудины. В том же году сильнейший полководец разбил гуннов на северной границе. Уничтожив несколько тысяч человек, он дошел до Тянь-Шаня. Той же осенью вождь гуннов Хунь привел свой народ и покорился Китаю. Гуннов не стало от Цзиньчэна (совр. Ганьсу) до Яньцэ

(Лобнора). Сначала послы от гуннов прибывали часто, а потом все реже. Через два года китайская армия прогнала вождя гуннов на север пустыни.

Император неоднократно расспрашивал Чжан Цяня о таких странах, как Дася. Когда он потерял княжеский титул, он рассказал:

«Когда я жил у гуннов, то слышал их рассказы про князя племени Усунь¹¹, по прозвищу Куньмо. Отец его Наньдоуми жил вместе с племенем Больших Юэчжи между Тянь-Шанем и Дуньхуаном (провинция Ганьсу). Большие Юэчжи напали на Усуней, убили Наньдоуми и захватили его земли. Народ его бежал к гуннам. Дядька в чине Буцзю и сане князя Лин схватил новорожденного Куньмо и бежал в степь. Однажды он ушел искать пищу и, вернувшись, увидел, что волчица кормила молоком Куньмо. А ворон летал около них с мясом в клюве. Он принял это за чудо и пошел с мальчиком к гуннам. Вождь гуннов полюбил мальчика и воспитал его. Когда Куньмо возмужал, вождь отдал ему народ его отца и посылал его предводительствовать войсками. Куньмо неоднократно одерживал победы. В то время разбитые гуннами Большие Юэчжи напали на севере на племя Сэ¹². Сэ ушли далеко на юг, а Юэчжи поселились в их землях. Когда Куньмо стал сильным, он попросил у вождя гуннов разрешения отомстить за отца. Он напал на Больших Юэчжи с запада. Они снова ушли и переселились в земли Дася. Куньмо стал управлять их народом и остался там, чтобы дать солдатам отдохнуть. В это время вождь умер, и Куньмо не захотел больше служить гуннам. Гунны послали против него солдат, но они не смогли его победить и, еще сильнее поверив в его божественную силу, ушли. Ныне китайская армия снова подавила вождя гуннов, а земли Куньмо пусты. Варвары любят родные места, притом жаждут китайских вещей. Действительно, в такое время нужно послать племени Усунь щедрые подарки, завлечь их переселиться на старые места на восток и послать царевну в жены младшему брату Куньмо. Тогда он должен будет подчиниться власти ханьских императоров. Это означает отрубить у гуннов правую руку. Если мы соединимся с Усунями, то сумеем привлечь как внешних данников на западе такие государства, как Дася».

Император признал расчеты Чжан Цяня правильными и возвел его в чин придворного командира. Дал ему триста человек и на каждого по паре коней, десятки тысяч коров и овец, послал на подарки золота и тканей до нескольких тысяч кусков, железа более десяти тысяч. Оп дал Чжан Цяню спутника в звании помощника посла с отдельным посольским бунчуком, чтобы можно было разделиться и послать его в другую страну. Когда они прибыли к Усуням, Чжан Цянь пожаловал им императорский указ, но не смог добиться у них решения... Тогда он расстался со своим помощником и послал его в Давань, Канцзюй, Юэчжи и Дася. Усуни проводили его и показывали дорогу. Цянь вместе с послом от Усуней и несколькими десятками человек с шнями в благодарность императору поехал обратно, чтобы они посмотрели на Китай и узнали его величие и громадную территорию. Чжан Цяню был пожалован титул «Великого деятеля». Через год с небольшим он скончался.

Прошел еще год с лишним. Посланный им помощник установил сношения с Дася и другими странами и вернулся оттуда вместе со многими людьми. И тогда северо-западные страны стали сноситься с Ханьской империей. Однако проложил им дорогу Чжан Цянь. Все послы в дальнейшем назывались титулом князя Бован, так как он являлся залогом доверия иноплеменных стран.

¹ В современном китайском произношении сюнну.

² Юэчжи – массагеты.

³ Давань – Фергана.

⁴ Канцзюй – Хорезм.

⁵ Дася – Бактрия.

⁶ Цян – общее китайское название западных «варварских» племен.

⁷ Шэньду – Индия.

⁸ Аньси – Парфил.

⁹ Название этих племен отождествлению не поддается.

¹⁰ Индокитай.

¹¹ Усунь – асианы (?)

¹² Племя Сэ – саки.

Сюнну и их взаимоотношения с Китаем (Сыма Цянь, «Исторические записки»)

Данная глава, являющаяся частью сочинения китайского историка Сыма Цяня «Исторические записки», представляет собой первое в китайской историографии систематизированное описание сюнну – кочевых народов, населявших во II-I тыс. до н. э. территорию современной Монголии.

ГЛАВА СТО ДЕСЯТАЯ

«Повествование о сюнну»

Родоначальником сюнну был потомок рода Ся-хоу по имени Чунь-вэй. Еще до времени Тана и Юя имелись [племена] шаньжун, сяньюнь, сюньюй, [которые] жили [на землях] северных мань и вместе с пасущимися стадами кочевали с места на место. В их стадах больше всего было лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редких животных – верблюды, ослы и мулы, а также лошаки, низкорослые дикие лошади и

куланы. Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, однако у каждого имелся отведенный ему участок земли. У сюнну не было письма, и все договоры заключались в устной форме. Мальчики у них умеют ездить верхом на козлах, стрелять из лука в птиц и мышей; юноши постарше охотятся на лисиц и зайцев для употребления их в пищу. Зрелые мужчины, которые в состоянии натянуть лук, все становятся конными латниками. Согласно их обычаям, в спокойное время они следуют за скотом, обеспечивая свое существование охотой на птиц и зверей; в тревожное время [их] люди занимаются военными делами, совершая набеги; [таковы] их природные свойства. Из оружия дальнего боя у них имеются луки и стрелы, из оружия ближнего боя – мечи и короткие копья с железной рукояткой. [Если сражение складывается для них] благополучно, [они] продвигаются вперед, а если неблагоприятно, то отходят, [причем] не стыдятся и бежать. Если видят в чем-то выгоду для себя, то не обращают внимания на правила поведения и приличия. Все они – от правителя до рядового – питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры, носят шубы из войлока. Взрослые и сильные мужчины [едят самое] жирное и лучшее, старые едят то, что остается. Они ценят мужество и силу, с пренебрежением относятся к старым и слабым. После смерти отца сыновья берут в жены мачех, после смерти братьев женятся на их женах. Согласно обычаям, они не табуируют имен, у них нет фамилий и прозвищ.

Когда устои дома Ся пошатнулись, Гун-лю лишился должности распорядителя земледельческих работ, перебрался к сижунам [и основал] поселение в Бинь. Через триста с лишним лет жуны и ди напали на Великого вана Дань-фу. Дань-фу бежал к подножию гор Цишань, жители Бинь все как один последовали за ним и [основали там] поселение; [так] создалось Чжоу[ское царство]. Более ста лет спустя чжоуский Си-бо Чан пошел походом на племена цюань; а по прошествии десяти с лишним лет [чжоуский] У-ван пошел походом на иньского Чжоу [Синя] и устроил поселение в Лои; затем переносил столицу в Фэн и Хао. Прогнав жунов и и на север от рек Цзиншуй и Лошуй (Лохэ), он заставил их своевременно приносить дань, что именовалось хуанфу. Через двести с лишним лет, когда устои чжоу[ского дома] пошатнулись, Му-ван пошел походом на цюаньжунов, получил от них в дар четырех белых волков и четырех белых оленей, с чем и вернулся. После этого похода хуанфу [от этих племен] перестали поступать. Затем в государстве Чжоу был введен в действие кодекс наказаний Фусин.

Через двести с лишним лет после Му-вана чжоуский Ю-ван рассорился с Шэнь-хоу из-за привязанности к наложнице Бао-сы 16. Шэнь-хоу разгневался и совместно с цюаньжунами напал на Ю-вана у [горы] Лишань и убил его. Затем [цюаньжуны], захватив чжоуские [земли в] Цзяоху, стали селиться между реками Цзиншуй и Вэйхэ и вторгаться в срединные государства. Циньский [правитель] Сян-гун пришел на помощь [дому] Чжоу, тогда чжоуский Пин-ван покинул Фэн и Хао и переселился на восток, в Лои. В это же время циньский Сян-гун начал поход против жунов и дошел до [горы] Ци[шань, за что] впервые получил ранг чжухоу. Через шестьдесят пять лет шаньжуны, пройдя через [княжество] Янь, напали на [княжество] Ци. Ли-гун, правитель Ци, вступил с ними в сражение в предместьях [столицы] Ци. Еще через сорок четыре года шаньжуны напали на княжество Янь; яньцы обратились за помощью к Ци, циский Хуань-гун выступил на север против шаньжунов, и они ушли. Через двадцать с лишним лет [племена] жунов и ди дошли до Лои, напав на чжоуского Сян-вана. Сян-ван бежал в Фань в [княжестве] Чжэн. [Дело в том, что] ранее чжоуский Сян-ван, намереваясь напасть на княжество Чжэн, женился на дочери вождя племен жунов и ди, сделав ее хоу. Через какое-то время он отдал от себя супругу из дисцев, [Ди-хоу], и она озлобилась. Кроме того, Сян-ван [вызвал недовольство] мачехи Хуй-хоу, которая хотела возвести на престол своего сына Цзы-дая. Сговорившись между собой, Хуй-хоу, Ди-хоу и Цзы-дай открыли ворота жунам и ди, дав им возможность ворваться в столицу, разбить и изгнать чжоуского Сян-вана и поставить Цзы-дая на престол Сына Неба. После этого некоторые из жунов и ди поселились в Лухуне и далее на восток вплоть до [княжества Малое] Вэй, откуда они нападали на срединные царства и грабили их, принося беды населению. В срединных царствах это болезненно переживали, и поэты сложили стихи:

Наши войска дали отпор жунам и ди;

Мы напали на [племена] сяньюней и прогнали их до Тайюани;

Выходят ряды боевых колесниц, возводятся стены в северном краю.

Чжоуский Сян-ван, прожив в изгнании четыре года, отправил посла за помощью в [княжество] Цзинь. Цзиньский Вэнь-гун, только пришедший к власти и стремившийся занять господствующее положение [среди чжухоу], поднял свои войска, изгнал жунов и ди, казнил Цзы-дая, вернул чжоускому Сян-вану власть и поселил его [вновь] в Лои.

В это время Цинь и Цзинь стали сильными государствами. После того как циньский Вэнь-гун оттеснил жунов и ди, те поселились к западу от Хуанхэ, между реками Иншуй и Лошуй, и стали именоваться чиди и байди. [Тогда же] циньский Му-гун привлек на службу Ю-юя, [благодаря советам которого] восемь владений сижун подчинились Цинь. Поэтому на запад от [гор] Лун[шань] стали жить мяньчжу[ские жуны], гуньжуны, ди и хуаньские жуны, а к северу от [гор] Цишань и Ляншань и рек Цзин и Ци поселились ицзюйские, далиские, ушские и цюйяньские жуны. К северу от [княжества] Цзинь проживали жунские племена линьху и лоуфань, к северу от [княжества] Янь – дунху и шаньжуны. Все они были рассеяны по горным долинам, и каждое имело своих правителей – вождей, и, хотя им время от времени удавалось собрать вместе более ста жунских [племен], объединить их никому не удалось.

По прошествии ста с лишним лет цзиньский Дао-гун послал Вэй Цзяна заключить мир с жунами и ди, и их послы стали являться к цзиньскому двору. Еще через сто с лишним лет чжаоский Сян-цзы перешел через [горы] Гоучжу, разбил царство Дай и присоединил к себе его территорию, приблизившись вплотную к [землям племен] ху [и] мо. После этого он вместе с [домами] Хань и Вэй уничтожил Чжи-бо; [они] поделили цзиньские земли и стали владеть ими. В результате Чжао приобрело земли Дай и район к северу от [гор] Гоучжу, а Вэй овладело землями к западу от Хуанхэ и областью Шанцзюнь, и таким образом они стали граничить с жунами. После этого ицзюйские жуны тоже стали сооружать для своей защиты городки, укрепленные стенами, однако Цинь постепенно, шаг за шагом, захватывало их. Когда подошло время [правления циньского] Хуй-вана, циньцы уже захватили двадцать пять ицзюйских городков. Когда же Хуй-ван напал на Вэй, то вэйцы отдали Цинь все земли к западу от Хуанхэ и Шанцзюнь.

В период правления циньского Чжао-вана правитель ицзюйских жунов вступил в незаконную связь с Сюань-тайхоу и имел от нее двух сыновей. [Затем] Сюань-тайхоу, прибегнув к хитрости, убила правителя ицзюйских жунов в Ганьцюане, а после этого, подняв войска, нанесла серьезный урон ицзюйцам. Тогда Цинь получило земли [областей] Лунси, Бэйди, Шанцзюнь, [где] стало сооружать Великую стену для отпора хусцам. В это время чжаоский Улин-ван, в свою очередь, изменил [существовавшие в его княжестве] обычаи, ввел хуские одежды, стал практиковать стрельбу из лука с лошади [на скаку]. На севере он разбил [племена] линьху и лоуфаней, построил длинную оборонительную стену, которая тянулась от Дай до [гор] Иньшань, доходя до Гаоцюэ, где была построена застава. Он учредил на своих землях области Юньчжун, Яньмэн и Дай.

Вскоре в [княжестве] Янь появился способный военачальник Цинь Кай. Сначала он был заложником у хусцев, и хусцы очень ему доверяли. Возвратившись [в Янь], он неожиданно напал на племена дунху и обратил их в бегство, вынудив отойти более чем на тысячу ли. Внук этого Цинь Кая [по имени] Цинь У-ян вместе с Цзин Кэ покушался на жизнь циньского правителя [Цинь Ши-хуана]. Княжество Янь также строило длинную [защитную] стену, которая тянулась от Цзаояна до Сянпина. Для отпора ху были образованы области Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун. В это время из семи борющихся царств, в которых носили шапки и пояса [установленного образца], три граничили с сюнну, Позднее, при чжаоском военачальнике Ли Му, сюнну не осмеливались вторгаться в пограничные земли Чжао. Затем Цинь покончило с шестью царствами, и император Ши-хуан направил военачальника Мэн Тяня во главе сотысячного войска на север, чтобы ударить по хусцам. Он полностью отвоевал земли к югу от [северной излучины] Хуанхэ, создал вдоль Хуанхэ укрепления, построил вдоль Хуанхэ сорок четыре уездных города, заселив их ссыльными преступниками и осужденными, и проложил прямую дорогу от Цзююаня до Юньяна. Затем от Линьтао до Ляодуна на протяжении более десяти тысяч ли он подготовил для обороны пограничные горные кряжи, проложил дороги через долины, создав благоприятные условия для перехода через них. Кроме того, он с армией переправился через Хуанхэ и занял [район] между горой Яншань и Бэйцзя.

В это время племена дунху усилились, а племена юэчжи достигли своего расцвета. У сюнну шаньюя звали Тоумань. Будучи не в силах одолеть Цинь, он перебрался на север. Прошло более десяти лет. Мэн Тянь умер, чжухоу стали восставать против Цинь, в Срединном государстве воцарилась смута, и люди, поселенные в приграничных городах, вернулись назад. Тогда сюнну, почувствовав себя вольготно, снова переправился на южный берег Хуанхэ и стали соседствовать со Срединным государством по прежней укрепленной пограничной линии...

...После [описанных событий сюнну] на севере подчинили племена хуньюй, цюйшэ, динлин, гэкунь и синьли. С тех пор вся сюннуская знать и высшие сановники покорились Маодуню, посчитав его мудрым правителем.

В этот период ханьский дом только что утвердился в Срединном государстве. Хань-ван Синь был поставлен ваном в [области] Дай с главным городом Май. Огромные силы сюнну окружили Май, и Хань-ван Синь сдался им. Сюнну, захватив Синя, двинули свои войска на юг, пересекли [горы] Гоучжу, напали на [область] Тайюань и подошли к Цзиньяну. Гао-ди лично возглавил войска и ударил по сюнну. Стояла зима, сильно похолодало, шли дожди и снега, и в каждой десятке ханьских солдат у двух или трех человек оказались обмороженными пальцы. Тогда Маодунь, притворившись побежденным, стал отходить, заманивая ханьские войска. Ханьцы начали преследовать войска Маодуня, а тот отвел в засаду отборных воинов, выставив слабых и измученных. Тогда все ханьские войска, насчитывающие триста двадцать тысяч воинов, по преимуществу пехотинцев, бросились на север преследовать противника. Император Гао-ди первым достиг Пинчэна. Еще не прибыли все пехотные части, а Маодунь во главе отборных войск из четырехсот тысяч всадников окружил Гао-ди у [возвышенности] Байдэн. В течение семи суток ханьские войска не могли оказать осажденным ни военной помощи, ни помощи продовольствием. Что касается сюннуских всадников, то на западной стороне все они были на белых лошадях, на восточной стороне – на сивых лошадях, на северной стороне – на вороных скакунах, на южной стороне – на каурых. Видя это, Гао-ди тайно отправил гонца с подарками яньчжи, и она тогда сказала Маодуню: «Вы, два правителя, не мешаете друг другу. Если даже вы, шаньюй, захватите ханьские земли, вы в конце концов все равно не сможете на них поселиться. Кроме того, ханьский ван пользуется покровительством духов. Вам, шаньюй, следует об этом подумать».

Маодунь условился с Ван Хуаном и Чжао Ли, военачальниками Хань-вана Синя, о сроках [соединения войск], но ни Ван Хуан, ни Чжао Ли к сроку не прибыли, [и Маодунь] стал подозревать их в том, что они

вступили в сговор с ханьской стороной. Он также прислушался к словам яньчжи и снял в одном месте окружение ханьских войск. Тогда император Гао-ди приказал своим воинам, держа в руках натянутые луки со стрелами, нацеленными в сюннусцев, выходить в открывшийся проход. [Так] в конце концов [они] соединились с основными силами армии. Затем Маодунь отвел свои войска. Ханьцы тоже отвели свою армию и прекратили военные действия. [Гао-ди] послал Лю Цзина заключить с сюнну мирный договор, основанный на родственных отношениях.

После этого Хань-ван Синь стал военачальником у сюнну, а Чжао Ли, Ван Хуан и другие неоднократно нарушали договор, вторгаясь и грабя земли [областей] Дай и Юньчжун. Вскоре поднял мятеж Чэнь Си. К тому же [он] сговорился с Хань Синем о совместном нападении на [область] Дай. [Император] Хань послал Фань Куаю ударить по ним, и тот освободил уезды в [областях] Дай, Яньмэнь и Юньчжун, не выходя за пределы [ханьских] застав. В этот период многие ханьские военачальники переходили на сторону сюнну, и поэтому Маодунь мог постоянно нападать и грабить земли Дай. Это очень тревожило ханьский дом. Тогда император Гао-ди отправил к сюнну Лю Цзина с предложением пожаловать шаньюю в жены принцессу из императорского рода и ежегодно посылать сюнну определенное количество хлопка и шелка, вина, риса и других продуктов питания и договориться с ними об установлении братских отношений. В результате был заключен договор о мире, основанный на родственных отношениях. После этого Маодунь несколько сократил [свои набеги на ханьские земли]. Позднее яньский ван Лу Вань восстал, с несколькими тысячами сообщников сдался сюнну и стал тревожить набегами ханьские земли к востоку от [области] Шангу.

После кончины Гао-цзу, во времена [императора] Сяо Хуя и [императрицы] Люй-тайхоу, власть дома Хань еще не окрепла, и сюнну относились к ней с высокомерием. В это время Маодунь направил императрице Гао-хоу письмо, в котором было немало безрассудных [и оскорбительных] слов. [Возмущенная] Гао-хоу намеревалась нанести удар по сюнну, но военачальники сказали ей: «Даже Гао-ди, отличавшийся мудростью и военными талантами, попал в трудное положение в Пинчэне». Тогда императрица отказалась [от своих намерений] и стала вновь поддерживать с [сюнну] мир, основанный на родственных отношениях.

Когда на престол вззошел император Сяо Вэнь, он вновь стал принимать меры к поддержанию мирных и родственных отношений с сюнну. В пятой луне третьего года его правления (177 г.) сюннуский правый сяньван вторгся в земли, лежащие к югу от Хуанхэ, и поселился там, нападая оттуда на Шанцзюнь, [на стоявшие там] укрепленные пункты, [на племена] мань и и, грабя, убивая и захватывая в плен население. Тогда Вэнь-ди повелел своему чэнсяну Гуань Ину встать во главе восьмидесяти пяти тысяч всадников и воинов на колесницах, выступить в Гаону и нанести удар по правому сяньвану. Правый сяньван отошел за укрепленную линию. Вэнь-ди удостоил своим прибытием Тайюань. В это время восстал Цзибэй-ван, Вэнь-ди вернулся [в столицу] и отозвал войска чэнсяна Гуань Ина, посланные против хусцев.

На следующий год (176 г.) шаньюй послал ханьскому императору письмо, [в котором] говорилось: «Поставленный Небом Великий шаньюй сюнну почтительно справляется о здоровье императора и желает ему счастья. В прошлые времена император говорил о мире, основанном на родстве, что нашло отражение в письмах, и между нами установилось согласие. [Однако] ханьские пограничные чиновники нанесли оскорбление нашему правому сяньвану. Правый сяньван, не испросив моего разрешения, а прислушавшись к советам Хоу И, Лу-хоу, Наньчжи и других, вступил в противоборство с ханьскими чиновниками, тем самым нарушив договоренности между двумя правителями и отойдя от принципов братских отношений. Я дважды получал от вас, император, письма с упреками и послал гонца с письменным ответом, но [он] еще не вернулся, а ханьский посол также не прибыл. По этой причине Хань стало относиться к нам недружелюбно, и наступило недоверие в отношениях соседних государств. Сейчас, поскольку из-за ошибок мелких чиновников наш договор нарушен, я наказал правого сяньвана, отправив его на запад для борьбы с юэчжи. Благодаря милостям Неба и тому, что командиры и солдаты были на высоте, а лошади в силе, [мы] смогли уничтожить юэчжи, которые были перебиты или сдались. Были усмирены также племена лоуфань, усунь, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, и все они подчинились сюнну. Так все народы, натягивающие луки со стрелами, оказались объединенными в одну семью. [Поскольку] северные области уже усмирены, [я] хотел бы прекратить военные действия, дать отдых воинам, откормить лошадей, отринуть прошлое и возобновить наш прежний договор о мире, дабы принести покой населению, живущему на границах, как это было истари, чтобы малолетние могли достигать зрелого возраста, а старики – жить спокойно на своих местах и чтобы люди из поколения в поколение пребывали в покое и радости. Так как [я] еще не знаю ваших, император, намерений, посылаю ланчжуна Сиюйцяня с личным письмом, а также дарю вам одного верблюда, двух верховых лошадей и две упряжные четверки коней. Если вам, император, нежелательно, чтобы сюнну приближались к пограничным укреплениям, то прикажите своим чиновникам и населению селиться от границы подальше. Как только мой посланец придет к вам, сразу отправьте его обратно». В середине шестой луны посланец приехал в район Синьвана.

Получив послание, ханьский император стал обсуждать с приближенными, что предпочтительнее: напасть на сюнну или поддерживать мирный договор, основанный на родственных отношениях. Сановники единодушно сказали: «Сейчас шаньюй только-только разбил племена юэчжи, он воодушевлен этой победой, нападать на него нельзя. Кроме того, даже если мы и захватим земли сюнну, жить среди озер и солончаков все

равно нельзя. Предпочтительнее всего поддерживать мир, основанный на родстве». Император согласился с этим.

На шестом году начального периода [правления] Вэнь-ди (174 г.) ханьский дом послал сюнну письмо: «Император почтительно справляется о благополучии Великого шаньюя сюнну. В вашем письме, доставленном нам вашим ланчжуном Сиюйцянем, сказано: «Правый сяньван, не испросив моего разрешения, [а] прислушавшись к советам [своих военачальников] Хоу И, Лу-хоу, Нань-чжи и других, нарушил договоренность о мире между нами, двумя правителями, отошел от наших братских отношений. По этой причине ханьская сторона стала относиться к нам недружелюбно, и между соседними государствами возобладало недоверие. Ныне, поскольку из-за действий мелких чиновников был нарушен наш договор, [я] наказал правого сяньвана, отправив его на запад для борьбы с юэчжи, которые теперь полностью усмирены. Я хотел бы прекратить военные действия, дать отдых воинам, откормить лошадей, отринуть происшедшие события и возобновить наш прежний договор о мире, дабы принести покой населению, живущему на границах, чтобы малолетние смогли достигнуть зрелого возраста, а старые люди спокойно жили на своих местах, чтобы все люди из поколения в поколение пребывали в покое и радости». Мы весьма одобряем это, [поскольку] таковы были и мысли наших мудрых правителей древности. Хань договорилась быть с сюнну братьями, и поэтому мы посылали шаньюю щедрые дары. Нарушение договора и разрыв братских и родственных отношений происходил обычно из-за сюнну. Однако, поскольку правый сяньван совершил свой проступок еще до объявления амнистии 70, то просим шаньюя строго его не наказывать. Надеемся, что шаньюй будет следовать высказанным в послании мыслям, ясно сообщит о них всем [своим] чиновникам, сделает так, чтобы [они] не нарушали заключенный договор, действовали с доверием [к нам] и были почтительны, как это предполагается из письма шаньюя. [Ваш] посланец рассказал нам, что шаньюй лично командовал войсками в походе против [чужих] владений и добился успеха, [а сейчас] очень утомился от военных действий. Дарую [вам, шаньюй], длинный халат на подкладке из шелковой ткани с вышитым цветным узором, теплую короткую куртку с вышивкой, стеганный парчовый халат с узорами – по одной штучке, один гребень, золотой пояс, украшенный раковинами, золотую пряжку для пояса, десять кусков узорчатой ткани для одежд чиновникам, тридцать кусков вышитой парчи и по сорок кусков красного атласа и плотного зеленого шелка. Для вручения всего этого посылаю чжундафу И и порученца Лин Цзяня».

Через какое-то время после этого Маодунь скончался, и на [сюннуский] престол взошел [его] сын Цзюй с титулом Лаошан-шаньюй («Почтенный шаньюй»).

Как только Лаошан-шаньюй Цзюй стал править, император Сяо Вэнь отправил ему принцессу из императорского рода в качестве супруги и повелел егнуху Чжунхан Юэ из [княжества] Янь быть при ней наставником. Юэ не хотел ехать, но ханьский двор принудил его. Юэ сказал: «Меня принуждают ехать, и это обернется бедой для ханьского дома». Как только Чжунхан Юэ прибыл в ставку [сюнну], он тут же перешел на сторону шаньюя, и тот приблизил к себе Юэ и стал весьма благоволять ему.

Надо заметить, что сюнну полюбили ханьские шелковые и парчовые ткани и продукты питания. Чжунхан Юэ сказал [шаньюю]: «Численность сюнну не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но сила сюнну состоит в том, что они иначе одеваются и питаются, поэтому не зависят от ханьцев. Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским вещам, но как только ханьские вещи составят две десятых, сюнну полностью перекинутся на сторону ханьцев. Если в полученных от Хань узорчатых тканях и полотне промчатся по колючим травам ваших земель, то верхняя одежда и штаны порвутся в клочья. Это ясно показывает, что их ткани не так прочны и хороши, как одежда из войлока и сюннуские шубы. Получаемые вами от ханьцев съестные продукты надо выкидывать, показывая этим, что они не так хороши и вкусны, как кумыс и сыры». Тогда же [Чжунхан] Юэ научил приближенных шаньюя вести подробные записи, чтобы оценивать [количество] населения и скота.

Ханьский император посылал шаньюю письма на дощечках длиною в чи с цунем, которые начинались словами: «Император с почтением справляется о благополучии Великого шаньюя сюнну», – а далее перечислялись дары и излагались всякие соображения. Чжунхан Юэ научил шаньюя посылать дому Хань письма на дощечках длиною в один чи и два цуня, на письмах ставить печать и использовать пакет больших размеров по ширине и длине и начинать письма с высокопарных слов: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, Великий шаньюй сюнну с почтением справляется о благополучии ханьского императора», а дальше [так же] перечислялись [ответные] дары и излагались всякие соображения.

Один из ханьских послов сказал: «У сюнну принято относиться к старикам пренебрежительно». Чжунхан Юэ стал допытываться у ханьского посла, [почему] сложилось такое мнение, и спросил: «Разве по ханьским обычаям при отправке солдат в пограничные гарнизоны их престарелые родители не лишают себя теплых и хороших одежд, жирной и хорошей пищи, чтобы одарить, накормить и напоить [сыновей, отправляющихся на] службу?» – «Да, это так», – ответил ханьский посол. Чжунхан Юэ продолжал: «Сюнну открыто считают войну своим важным занятием, а поскольку старые и слабые не в состоянии сражаться, они отдают крепким и здоровым лучшую пищу и питье и этим как бы защищают себя. Таким путем отцы и сыновья получают возможность долгое время оберегать друг друга. Как можно говорить, что сюнну относятся с пренебрежением к старым людям?» Ханьский посол заявил: «И взрослые и дети у сюнну вместе ночуют в цюнду, и, когда умирает отец, сыновья женятся на мачехах, а когда умирают братья, берут себе в жены их жен. У них отсутствуют пояса

для чиновников и придворный церемониал». [На это] Чжунхан Юэ отвечал: «По обычаям сюнну люди едят мясо домашнего скота, пьют его молоко, одеваются в его кожу. Этот скот питается травой, пьет речную воду, переходя с места на место в зависимости от сезона. В тревожное время сюнну упражняются в верховой езде и в стрельбе из лука, а в спокойное время наслаждаются бездельем. Их законы и установления несложны и легко осуществимы. Отношения между правителем и подданными просты, и поэтому они правят государством, как своим телом. И то, что они берут за себя жен умерших отцов и братьев, объясняется недопустимостью прекращения рода. Вот почему, хотя у сюнну и случаются смуты, к власти приходят люди одного и того же клана. А в Срединном государстве, хотя и не женятся на женах отцов и братьев, родственники в семье отдаляются друг от друга, дело доходит до убийств и даже до смены господствующих фамилий и тому подобного. К тому же понятия о ритуалах и справедливости пришли в упадок, между высшими и низшими царят взаимное недовольство и зависть, а увлечение сооружением зданий и жилищ ведет к истощению средств для существования. [Ваши] люди в поте лица занимаются земледелием и шелководством, чтобы прокормить и одеть себя, строят города, обнесенные внутренними и внешними стенами, чтобы защитить себя, ваш народ и в тревожное время не упражняется в военном искусстве, а в спокойное время все свои силы отдает работе. Вот так! Людям, живущим в насыпных домах, не стоит много рассуждать. И действительно, кому нужны громкая болтовня и шушуканье, да и чиновничьи шапки!» С этих пор, если ханьские послы хотели затеять спор, Чжунхан Юэ сразу обрывал их: «Ханьский посланник! Не нужны пространные разговоры, лучше позаботьтесь о том, чтобы доставляемые сюнну шелковые ткани, пряжа, рис и солод были в достаточном количестве и лучшего качества. К чему тут разговоры? Если все поставляемое вами в достатке и прекрасного качества, то на этом все и кончается. Если обнаружатся нехватки и плохое качество, то осенью, когда урожай созреет, мы пошлем конницу для сбора урожая!» Днем и ночью [Чжунхан Юэ] учил шаньюя находить слабые места у Хань...

Я, тайшигун, скажу так.

Когда Конфуций писал свой труд Чунь-цю, то все события периода правления Инь-гуна и Хуань-гуна он изложил в явном виде, а дела времен [правления] Дин[-гуна] и Ай[-гуна] представил иносказательно. В относящихся к тому времени текстах есть незаслуженные восхваления, содержатся уклончивые формулировки. Когда наши современники рассуждают о сюнну, [они] думают лишь о том, чтобы не потерять власть хоть на время, они озабочены лишь тем, чтобы угодливо представить свои рекомендации, основанные на одностороннем мнении и не учитывающие баланса взглядов. Наши полководцы, полагаясь на обширность территории Срединного государства, проявляют непомерный гонор, а правитель людей (император) определяет политику, опираясь на них, потому и успехи невелики. Хотя правитель Яо был мудр, но свое великое дело подъема государства завершить не сумел, и только когда он обрел Юя, во всех девяти областях утвердилось спокойствие. Если же говорить о претворении великого единения, то оно прежде всего зависит от подбора и назначения военачальников и главных советников! [Поистине все] зависит от подбора и назначения военачальников и главных советников!

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Древние Вьетские государства

В качестве текста по истории взаимоотношений Древнего Вьета с соседними государствами предлагается отрывок из первой книги «Записей о предшествовавших событиях», или «Предварительных записей», официального вьетского династийного летописного свода второй половины XIX в. «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора». Он представляет большой интерес, так как объединяет вьетские официальные и неофициальные исторические источники, а также включает ряд китайских документов III-VIII вв. н. э., которые в той или иной степени содержат данные по древней истории Вьета. Кроме того, использованы отрывки из главы 113 «Жизнеописание нань-юэского вэя То» «Исторических записок» Сыма Цяня. Текст «Исторических записок» содержит оценки, присущие официальной китайской историографии того времени.

Предлагаемые переводы вьетских текстов характеризуются следующими особенностями: помимо краткого основного текста, который дается курсивом, имеются так называемые частности – собственно текст летописного свода.

Государство Ванланг

В первый раз послы отправлены ко двору Тана (2357-2258 гг. до н. э.)¹, поднесена в дар прекрасная черепаха.

В «Предварительных записях» книги «Основа и частности Цзинь Люй-сяна» говорится, что в циклический год Зеленой Обезьяны, в год 1-й правления Тан-Яо, династия Вьеттхюнг послала ко двору в дар прекрасную черепаху.

Отправлены послы ко двору Чжоу, поднесен в дар белый фазан.

В «Исторических записках» говорится: В циклический год Белой Зайчихи, в 6-й год правления государя Чэн-вана династии Чжоу (1110 г. до н. э.), на юге административного управления Жяоти была династия

Вьетхыонг, которая свыше трех раз отправляла послов поднести в дар белого фазана. Чжоу-гун сказал: «Наша благосклонность еще не распространилась на [эти] отдаленные районы, поэтому святой человек не примет дары, лежащие перед его глазами; о покорности еще не было сообщено, [а] святой человек не вынуждает себе служить». Посол ответил на перевод этих слов: «Уже три года не было ливней с жестокими ветрами и море не волновалось, не доказательство ли это того, что в Срединном государстве имеется святой человек? Поэтому мы и поехали к [вашему] двору». Чжоу-гун отнес дары в семейный поминальный храм. Послы не вернулись обратной дорогой; Чжоу-гун повелел [подготовить] пять военных колесниц. Послы на этих колесницах отправились вдоль побережья страны Фунань и страны Лэмап² и лишь спустя год вернулись на родину.

Правитель Тхук по имени Фан (Тхук выонг фан)³ привел армию, чтобы захватить [страну]. Хунг-выонг бросился в колодец и умер. Страна Ванланг погибла.

Прежде у Хунг-выонга была дочь, которую звали Прелестная девушка. Правитель Тхук услышал об этом, отправил послов просить ее руки. Хунг-выонг хотел отдать ему дочь, но князя Лак отсоветовали, говоря, что: «Он замыслил против нас [недоброе], а сватовство – это несомненно только предлог». В результате, это дело было отложено. Правитель Тхук чрезвычайно разгневался, сказал внуку, что [он] должен так или иначе уничтожить страну Ванланг. К тому времени внук Тхук Фан стал сильным и умным, много раз водил армию на Хунг-выонга. У Хунг-выонга армия отличная, военачальники сильные, если случалось сражение, то армия Тхука постоянно терпела поражения. Хунг-выонг сказал: «Мы обладаем чудесной силой, неужели же Тхук не испугался?» После чего устроил пир, чтобы плясать и веселиться, не побеспокоился об охране. Когда армия Тхука подошла, Хунг-выонг был все еще совершенно пьян и даже не проснулся. Когда же разбойники подошли близко и теснили с удвоенной силой, император, изрыгая кровь, бросился в колодец; армия же капитулировала. Страна Ванланг погибла.

¹Тап – четвертый император эпохи Пяти Императоров (согласно китайской мифологии).

²Т.е. Тьямпа.

³Если считать, что Тхук – и фамилия, и название местности, то имя можно перевести так: «Шуский правитель по имени Фань». Видимо, вьетские летописцы хорошо понимали эту связь. С нашей точки зрения, наиболее вероятна гипотеза вьетнамского ученого Дао Зюи Аня, согласно которой один из потомков государя Шу после 316 г. до н. э. бежал на юг и основал новое государство.

Государство Аулак

Год Черного Дракона (257 г. до н. э.), Ан-зыонг выонг (Правитель Мирный – Солнечный Тхук), год 1-й. Нань-ван, год 58-й.

Правитель Тхук захватил страну Ванланг, изменил ее наименование на Аулак, основал столицу в Фаунгкхе.

В «Древней истории» записано: Император, фамилия Тхук запретное имя¹ Фан, человек земли Ба – Шу. Тогда император захватил страну Ванланг, изменил наименование государства на Аулак, основал столицу в Фаунгкхе.

Год Красного Коня (255 г. до н. э.) (Правитель Мирный – Солнечный Тхук, год 3-й; Чжоу правитель Восточного Чжоу, год 1-й).

Месяц 3, весна, закончено возведение Крепости Улитки.

Император Тхук возвел крепость в Фаунгкхе, величина ее достигала 4 тысяч метров, она была спиральной, подобно улитке поэтому и называлась «Крепость Улитка». Кроме того ее называли крепость «Замысел дракона»².

Год Красной Свиньи (214 г. до н. э.). (Правитель Мирный – Солнечный Тхук, год 44-й; Цинь Шихуан) год 33-й)

Цини повелели Ту Сую и Ши Лу захватить земли Линьнама, учредить округ Сян.

В то время династия Цинь возжаждала земли Вьет, где имелось много жемчуга, как круглого, так и неправильной формы; желая захватить эту землю и учредить область и уезды, заставляли бродяг, зятьев-примаков и торговцев из всех военных округов идти в солдаты, назначили Ту Сую командующим, а Ши Лу [поручили] рыть каналы, овладеть путем подвоза продовольствия, углубиться на территорию Линьнама, захватить земли Люлян, учредить [округа] Гуйлинь, Наньхай и округ Сян, чтобы сыльные были отправлены [туда] охранять границы. Тогда все вьеты уговорились скрыться в лесах, никто не хотел, чтобы его использовали Цини. Более того [они] тайно избрали способных людей военачальниками; [и им] удалось убить Ту Сую.

Цини назначили Жэнь Сяо на должность помощника правителя области Наньхай и назначили Чжао То правителем уезда Лунсюань.

Цини повелели Жэнь Сяо и Чжао То повести 500 тысяч человек, сосланных за преступления, охранять границы в Улине. [Уже] тогда Сяо и То задумали отделиться [от империи]...

Год Белой Зайчихи (210г. до н.э.) (Правитель Мирный – Солнечный Тхук, год 48-й; Цинь Шихуан, год 37-й).

Жэнь Сяо и Чжао То династии Цинь повели армию в наступление. Правитель Тхук заключил с Чжао То мир, увел армию обратно.

Когда Чжао То отправился захватывать [земли], [он] расположил армию у горы Тиензу, принадлежащей Бакзянгу, правитель Тхук привел армию, чтобы противостоять Чжао То. Тогда Жэнь Сяо привел «морских солдат»³ в лагерь, заболел, вернулся обратно, передал армию Чжао То. Чжао То передвинул военный лагерь к горе Вунинь. Правитель Тхук отделил для То земли к северу от реки Биньзянг, чтобы заключить мир. Обе стороны прекратили войну, возвратились обратно [к себе домой].

В «Древней истории» записано: Чжао То отправился захватывать [земли], расположил армию у горы Тиензу, принадлежащей Бакзянгу, сразился с правителем Тхуком. Правитель Тхук принес арбалет и выстрелил. То, потерпев поражение, бежал. В то время Жэнь Сяо расположил «морских солдат» в лагере, из-за болезни должен был вернуться обратно. Возвращаясь, Жэнь Сяо советовал Чжао То: «Династия Цинь уже погибла. Если вы знаете, как захватить Тхука, то сможете основать там государство». Чжао То знал, что у правителя Тхука имеется арбалет, которому сопротивляться невозможно; [он] отступил к горе Вунинь, отправил послов просить мира. Правитель Тхук обрадовался, отделил для То земли к северу от реки Биньзянг, а к югу от реки Биньзянг управлял правитель Тхук. Чжао То повелел сыну, Чжун Ши, стать заложником, и, воспользовавшись этим, стал сватать [для него дочь Тхука]; правитель Тхук отдал дочь [по имени] Ми-Тяу в жены Чжун Ши. Позднее Чжун Ши уговорил Ми-Тяу позволить посмотреть арбалет, тайно подменил спусковой крючок, после чего солгал, говоря, что возвращается на Север навестить родителей. Когда Чжун Ши прощался, [он] советовал Ми-Тяу: «Завтра мы снова отправимся в путь, один шанс из десяти тысяч в пользу того, что две страны поссорятся, [но если это случится, то] по каким же следам мы сможем опять встретить друг друга?» Ми-Тяу сказала: «У меня есть шелковая подушка из гусиного пера, куда бы я ни ехала – везде вожу ее с собой; если дойду до развилки дорог, то я вырву гусиное перо и брошу вниз, чтобы оставить знак; так узнаешь место, где я нахожусь». Чжун Ши возвратился [домой], рассказал Чжао То. Чжао То решил напасть.

В «Древней истории» сказано: сначала, [когда] император Тхук строил Крепость Улитку, стена разрушалась. Тогда император стал поститься и молиться. Когда стена снова была почти возведена, у Южных ворот вдруг появился дух, император Тхук спросил [его], дух ответил: «Прошу позволения дожидаться посла от Тханьзянга». Наутро следующего дня заметили Золотую черепаху на поверхности реки; подплыв, она заговорила человеческим голосом, назвалась послом от Тханьзянга [от Духа реки]. Император Тхук возрадовался, пригласил [ее] войти [во дворец], спросил по какой причине возведенная стена обрушивается. Золотая черепаха подсказала императору Тхуку способ, как изгнать злых духов. Благодаря этому через полмесяца стена была окончена. Золотая черепаха стала прощаться. Император Тхук был очень благодарен, снова спросил Золотую черепаху о том, имеется ли способ защиты от врагов. Черепаха отдала коготь императору. Тогда император Тхук повелел подданному [по имени] Као-Ло изготовить арбалет, из когтя черепахи сделать спусковой крючок, назвал этот арбалет «Арбалет когтя Золотой черепахи, несущий сверхъестественную помощь», если стреляли [из него], то враг должен был бежать. Но, исследовав [этот сюжет], [мы] решили, что это дело маловероятное и недостоверное, поэтому мы его теперь опустили.

По книге «Записи о Вселенной» в части «Записи о Наньюэ» Юэ Ши династии Сун, правитель Мирный – Солнечный управлял округом Жяо, командующий То привел армию, чтобы захватить [его земли]. У правителя Мирного – Солнечного был придворный Као Тхонг, который помогал ему, изготовил арбалет, выстрелил один раз – убил в армии Намвьета десять тысяч человек, выстрелил три раза – убил до тридцати тысяч; Чжао То прекрасно понял причину случившегося, отступил, закрепившись в Бунине; после этого повелел сыну, Чжун Ши, отправиться заложником, просить мира. Позднее Мирный – Солнечный поссорился с Као Тхонгом, не был [ему] благодарен, Као Тхонг ушел. У правителя Мирного – Солнечного была дочь [по имени] Ми-Тяу, увидев, что Чжун Ши красивый юноша, влюбилась [в него]. Позднее, Чжун Ши уговорил Ми-Тяу позволить посмотреть арбалет, Ми-Тяу провела к арбалету. Поэтому Чжун Ши отломал спусковой крючок от арбалета, после чего немедленно послал гонца сообщить [об этом] Чжао То. Чжао То снова привел армию, чтобы захватить. Когда армия Чжао подошла, правитель Мирный – Солнечный принес арбалет и выстрелил как прежде, но арбалет-то был испорчен! Армия Тхука разбежалась. Чжао То удалось разгромить Тхука.

Год Желтой Змеи (208 г. до н. э.). (Правитель Мирный – Солнечный Тхук, год 50-й; Цинь Эрши, год 2-й).

Чжао То династии Цинь снова пошел на захват. Правитель Тхук потерпел поражение, бежал, погиб. Династия Тхук погибла.

Прежде Жэнь Сяо заболел, перед смертью советовал Чжао То: «Династия Цинь не имеет добродетелей, Поднебесная страдает, слышал, что где-то возмущился Чэнь Шэн, сердца людей еще не знают, за кем последовать. Земли эти уединенные и далекие, опасаясь, что разбойники [восставшие на Севере] захватят их. Я хотел поднять армию, перерезать «искусственные дороги»⁴, чтобы обезопасить себя от захвата, после чего наблюдать за поведением вассалов [Цинь]. К тому же Фиеннгунг – это место, где горы и реки, опасные и гибельные, окружают с востока и с запада на расстоянии в несколько тысяч замов, если же и ханьды, [живущие здесь] помогут, до можно основать здесь самостоятельное государство, Так как среди начальников областей нет никого, с кем можно было бы обсудить это дело, то я специально пригласил вас, чтобы переговорить». Сяо кончил говорить и немедленно написал письмо, назначив Чжао То на должность заместителя начальника области Наньхай. Когда Сяо уже умер, То послал воззвания во все пограничные проходы, такие, как Хоаньфо,

Зыонгшон, Хоангкхе, [говоря] о том, что «армия разбойников уже на подходе, быстро перерезайте «искусственные дороги», собирайте войска, чтобы защитить себя». Куда бы ни приходило воззвание, во всех областях округа [оно] находило отклик. Благодаря этому Чжао То постепенно провел закон, который обвинял в преступлениях всех начальников, поставленных династией Цинь, [с тем] чтобы [их] убить; после чего поставил на все должности руководителей своих родственников и сообщников, чтобы управлять народом. Чжао То повел армию на императора Тхука, император Тхук не подозревал, что спусковой крючок арбалета сломан, и, продолжал гордо играть в шахматы, смеялся: «Что же, Чжао То не боится нашего арбалета?» Лишь когда армия Чжао То подошла вплотную, император Тхук достал арбалет, а спусковой крючок был сломан, [он] потерпел поражение, бежал, приказал Ми-Тяу сесть на коня и вместе с ним бежать на юг. Чжун Ши преследовал по следу из гусиных перьев. Император Тхук достиг моря, дорога кончилась, прыгнул в море, погиб. Династия Тхук погибла⁵.

Год Черного Коня (207 г. до н. э.). Чиеу Во-выонг (Воинственный правитель⁶ Чиеу), год 1-й; Цинь Эрши, год 3-й).

Чиеу Да сам провозгласил себя императором Намвьета, расположил столицу в Фиеннгунге.

Император из семьи Чиеу по имени Да, человек из уезда Чжэнь-дин династии Хань. Тогда император захватил земли Лэмап и округа Сян, провозгласил себя правителем Намвьета.

¹ Запретное имя, т.е. личное имя государя, которое было запрещено упоминать под страхом смертной казни.

² К этому можно добавить, что в «Первоначальном описании Аннама» Гао Сюнь-чжэна сказано: «Место, где правитель Мирный – Солнечный основал столицу, издавна является землей вьетов, поэтому впоследствии люди называли эту крепость крепостью Вьетхьонг».

³ То есть воины, которые также выполняли функции матросов.

⁴ Принято считать, что когда в труднопроходимых местах устраивались настилы, то их называли «искусственными дорогами».

⁵ В сопоставлении с данными археологии легенда о чудесном арбалете отражает реальную силу лучников в армии правителя Мирного – Солнечного.

⁶ С этого времени полководец династии Цинь, Чжао То, становится основателем вьетской династии, и поэтому его следует называть по-вьетнамски Чиеу Да. Авторы свода «Основа и частности» сознательно изменили полный титул этого государя: вместо «Воинственного императора» они его называют «Воинственным правителем», хотя в самом тексте именуют Чиеу Да императором.

Намвьет – суверенное государство вьетов

Намвьет граничит с владением Чанша¹. Во время правления императрицы Гао-хоу власти [Чанша] просили о запрещении продажи Наньюэ железных изделий. Чжао То сказал: «Гао-ди² утвердил мое восшествие на престол, мы обменивались послами и подарками. Теперь Гао-хоу послушала вассалов-клеветников, поставила мань³ в особое положение, лишила возможности получать изделия. Это, несомненно, происки вана Чанша; он рассчитывает опереться на Срединное Государство⁴, напасть, уничтожить Наньюэ и стать ваном здесь. Он добивается успеха для себя». Поэтому То сам возвел себя в сан императора У-ди Наньюэ. Послал войска напасть на пограничные города Чанша, нанес поражение, отторг несколько уездов. Императрица Гао-хоу послала лунлюйского хоу полководца [Чжоу] Цзао напасть на эту страну⁵, Погода в то время была влажная и жаркая, среди солдат – большая эпидемия. Войска не могли перейти горные перевалы.

Спустя больше чем год Гао-хоу умерла. [Ханьцы] немедленно убрали войска. Поэтому То с войсками угрожал границе [империи]. Он дал ценные подарки Миньюэ, Сиюэ, Ло[юэ]⁶. Подчинил их своему влиянию...

С Востока на Запад [Намвьет имел] более 10000 ли. [Чжао То] стал ездить на желтой колеснице со знаменем в соответствии с порядком [императорским] и вел себя как равный со Срединным Государством.

В первый год Вэнь-ди⁷ – начала успокоения Поднебесной – [император] отправил послов объявить правителям варваров четырех стран света⁸, чтобы они подчинились, и передать намерения [нового?] императора. [Послы] разъяснили [его] высокую добродетель. Тогда восстановили могилы родителей [Чжао То], учредили охрану, регулярно приносили жертвы. [Император] призвал его двоюродных братьев, дал им титулы чиновников, щедрые подарки и выказал свое расположение. Приказали первому советнику Чэн Пину и другим послать посольство в Наньюэ.

[Чэнь] Пин⁹ сказал: «Лу Цзя из Хаочжи¹⁰ при прежних императорах ездил послом в Наньюэ». Тогда вызвали Цзя и сделали его тайчжундафу п. [Он] поехал послом. Так как осуждали То за объявление себя императором, то раньше послов не посылали. Лу Цзя достиг Наньюэ. Ван очень обеспокоился, написал тогда письмо, признавая вину. В нем говорилось: «Я, старец из мань, То, чэнь¹², говорю: Гао-хоу обижала Наньюэ. Я лично подозревал, что ван Чанша оклеветал меня. Кроме того, издавна пришел слух, что Гао-хоу казнила всех родственников То, а могилы предков были раскопаны и [останки] сожжены. Поэтому [я был] обижен и совершил нападение на пределы Чанша.

На юге сырость, низкие места [бедные болотистые земли], а среди варваров ман и на востоке – [в] Миньюэ все повсюду провозгласили ванов, на западе – Ауло, горное государство, тоже объявило себя ванством.

Я, подчиненный, сделал неправильно, присвоив императорский титул, [это было сделано] только для самоутешения. Разве осмелюсь так докладывать [о себе] императору?»

После этого поклонился до земли, поблагодарил, выразил желание вечно быть подчиненным [императора] и обязался подносить дары. Поэтому после переговоров издал указ, [разосланный] по государству, в котором говорилось: «Я слышал, что два героя не стоят рядом, два мудреца не могут быть в одно время. [Ханьский] император – мудрый Сын Неба. Отныне и в дальнейшем отменяю императорский ритуал, желтую колесницу, знамя с левой стороны».

Лу Цзя вернулся и доложил. Вэнь-ди сильно обрадовался. Вплоть до времени правления императора Цзин-ди* [Чжао То] посылал послов к императору на аудиенцию, однако в Наньюэ, у себя в государстве, по-прежнему незаконно присваивал титул [императора]. Его посол при Сыне Неба назывался в приказах императорского двора как посол чжухоу¹³.

В четвертом году эры правления Цзянь-юань¹⁴ и [Чжао То] умер. Внук То, Ху, стал ваном Наньюэ.

В это время миньюэский ван Ин собрал войска и напал на пограничную область Наньюэ. Ху послал к императору человека с письмом, в котором говорилось: «Оба Юэ являются вассалами, не разрешается по собственному почину собирать войска и нападать друг на друга. Ныне Миньюэ собрало армию и вторглось в страну Вашего подданного, я не решаюсь собирать войска [без разрешения] и подчиняюсь указаниям Сына Неба в этом вопросе».

Сын Неба одобрил поведение Наньюэ. Соблюдая обязанности государя по отношению к обиженному подданному, из-за него [Намвьета] собрал войска. Послал двух полководцев идти покарать Миньюэ.

Войска еще не перевалили через горный хребет, когда младший брат миньюэского вана Юй Шань убил Ина и подчинился. Поэтому военные действия были прекращены. Император послал Чжуан Чжу объявить его волю.

Наньюэский ван Ху поклонился и сказал: «Император для меня, подданного, собрал войска, чтобы покарать Миньюэ. Даже жизнью я не смог бы оплатить за это добро». Послал наследника [намвьетского] престола Ин Ци в дворцовую охрану [ханьского императора]. Беседуя с Чжу, [ван] сказал: «Государство только что подверглось нападению. Вы уезжаете. Теперь я днем и ночью буду собираться, чтобы прибыть и предстать перед императором». Чжу уехал.

Большие вельмож посоветовали Ху: «Хань собрали войска, чтобы убить Ина. Их действия должны предостеречь Наньюэ. Более того, ван [Чиеу Да] в старину гойрил о сношениях с императором, что нужно стремиться не уронить свое достоинство. В общем нельзя из-за того, что вам понравились хорошие слова, ехать [к императору]. Если поедете, тогда не сможете вернуться домой. Это обстоятельство приведет к гибели государства». Поэтому Ху сообщил, что болен; в конце концов не поехал.

Прошло более десяти лет, Ху действительно сильно заболел. Наследник престола Ин Ци обратился [к ханьскому императору] с просьбой разрешить вернуться домой. Ху умер, его посмертное имя – Вэнь-ван. Ин Ци сменил его и вззошел на престол. Сразу же спрятал императорскую печать их прежде правившего У-ди.

Ин Ци, когда был послан в страну [хапцев], во время пребывания в Чанъани женился на женщине из семьи Цзю из города Ханьдань. Родился сын Син. Когда он вступил на престол, то письменно просил утвердить женщину из семьи Цзя в качестве [жены вана]. Их сын был наследником. Хань несколько раз посылали послов уговорить Ин Ци [приехать].

Ин Ци был жесток, находил удовольствие в казнях. Побоялся опять видеть императора. [У себя в Намвьете] требовал применять ханьские законы, ввел ханьские титулы чиновников внутри государства. Ин Ци настойчиво притворялся больным и поэтому не поехал на аудиенцию к императору, но сына своего Цзы Гуна послал в охрану [ханьского императора].

Ин Ци умер; его посмертное имя – Мин-ван. Наследник Син вступил на престол, его мать стала императрицей-матерью. Мать вана, в то время когда она еще не была супругой Ин Ци, долгое время была любовницей Аньго Шао-цзи из Балина. После смерти Ин Ци, в 4-й год эры правления Юань-дин¹⁵, Хань послали Аньго Шао-цзи поехать и объявить войну [решение императора].

Мать вана послала [чиновников] поехать на аудиенцию к императору, [прося] приравнять [Намвьет] к собственным ханьским владениям. Приказали хорошему оратору, советнику двора Чжун Цзюню и другим объявить его [императора] слово. Юнши Вэй Чэна и других послали помогать [в управлении] ему [намвьетскому выонгу]. Начальник вэй16, Лу Бо-дэ, возглавил войска, расположенные в Гуйяне, и ждал посланца [от них].

Ван был молод, мать вана – из Срединного Государства. В прошлом она была в связи с Аньго Шао-цзи, он тайно восстановил отношения [с нею]... Народ Намвьета хорошо знал это и никто не поддерживал мать вана. Мать вана боялась начала восстания, хотела [в своей деятельности] опереться на силы Хань. Она неоднократно убеждала вана и высших чиновников проситься в подчинение.

¹ Чанша – наследственное владение в составе Хапской империи, созданное на части территории бывшего царства Чу.

² Гао-ди – император Гао-цзу.

³ Маньши – в древнекитайских источниках «варвары», преимущественно южные.

⁴ Срединное Государство – Ханьская империя.

⁵ Т.е. Битва за Намвьет.

⁶ Лоюэ (лаквьет) – самоназвание предков вьетнамцев, живших на территории современного Северного Вьетнама.

⁷ Ханьский император Вэнь-ди – первый год его правления 179 г. до н. э.

⁸ Правители варваров четырех стран света — правители некитайских раннегосударственных образований, признавших вассальную зависимость от Ханьской империи.

⁹ Чэнь Пин был левым первым советником в 189-187 гг. до н. э., правым первым советником в 187-179 гг. до н. э., а затем вновь левым первым советником в 179-178 гг. до н. э.

¹⁰ Лу Цзя — государственный деятель начала династии Хань, автор трактата «Синьцзю» («Новые речения»).

¹¹ Тайчжундафу — придворный чиновник, в обязанности которого входило обсуждение важнейших государственных вопросов с высшими сановниками империи.

¹² Чэнь — подданный и Чжухоу — наследственные правители окраинных областей империи, подчинявшиеся ханьскому императору.

¹⁴ Цзянь-юань — эра правления императора У-ди.

¹⁵ Юань-ди — эра правления императора У-ди.

¹⁶ Вэй — средний чиновничий ранг.

Борьба вьетов против наступления Империи Хань

Поэтому с тем послом [она] надала письмо [императору], в котором просила приравнять вана [Намвьета] к внутренним чжухоу [внутри Поднебесной], [разрешить] раз в три года ездить к императорскому двору [с данью], уничтожить таможенную границу. Сын Неба обещал сделать это, подарил серебряную печать советнику наньюэского вана Люй Цзя и печать «тайфу» — нэйши чжунвэю¹. Остальные должности разрешил распределять самому [выонгу Намвьета]. Император отменил его [выонга Намвьета] старые способы казни: клеймение и отрезание носа, [приказал] применять китайские законы. Приравнивали к внутренним чжухоу. Ван и тай-хоу² приказали приготовить все, что нужно, для поездки, хорошие подарки, которые [они] готовились поднести императорскому двору.

Люй Цзя был прежде советником трех ванов в течение долгих лет более семидесяти человек его родственников были высшими чиновниками государства, все его сыновья были женаты на дочерях вана, все его дочери были замужем за братьями — сыновьями вана. Он был родственником Цинь-вана из Цаньбу.

Люй Цзя пользовался большим уважением в стране. Юэсцы верили ему, многие являлись его глазами и ушами. Народ любил его больше, чем вапа. Когда ван послал письмо [с согласием приехать], [он] неоднократно увещевал вана остаться. Ван не хотел его слушать. [У Люй Цзя] появилось желание бунтовать. Он много раз под предлогом выдуманной болезни отказывался идти к ханьскому послу. Все послы уделяли особое внимание Цзя. Не имея силы казнить его, ван и тай-хоу опасались, что Цзя и другие выступят первыми. Тогда [они] устроили пир, думая воспользоваться правами ханьского посла.

Намеревались казнить Цзя и других. Все послы сидели повернувшись лицом к востоку, тай-хоу сидела лицом к югу, ван — к северу, министр Цзя и другие сановники — лицом к западу; все присутствующие сидели и пили. Младший брат Цзя был цзяном³, [он] привел войска и расположил их вокруг дворца. В ходе пира тхай-хоу обратилась к Цзя и сказала: «Наньюэ подчинилось, вошло в состав [Ханьской монархии], и государству от этого польза. А вы считаете это нецелесообразным. Почему?» Этим она хотела вызвать гнев послов. Послы обеспокоились, стали подталкивать друг друга, не осмеливались начать. Цзя увидел невыгодность своего положения, встал и сразу вышел. Тай-хоу рассердилась, хотела заколоть Цзя ножом.

[Но] ван остановил тай-хоу, и Цзя смог уйти. Вместе с младшим братом и его солдатами он ушел домой; сказался больным и не желал больше встречаться с ваном и послами. После встречи во дворце он вместе с крупными сановниками стал готовить восстание. Ван никогда не желал казнить Цзя, и тот хорошо знал это. Поэтому [он] несколько месяцев не начинал восстания. Но тай-хоу погрязла в разврате, население государства было не на ее стороне. Она хотела самостоятельно казнить Цзя и других, но не имела сил. Император узнал, что Цзя не повинется вану, что ван и тай-хоу слабы, изолированы и не могут обуздать [народ], что послы трусливы и нерешительны. Кроме того, он считал, что ван и тай-хоу уже подчинились Поднебесной и только Люй Цзя бунтует. [Он] был недоволен и собрал войска, хотел послать Чжуан Цаня с 2 тысячами солдат в поддержку послам. Цань сказал: «Если это дружеская поездка, то достаточно несколько человек, если это военная экспедиция, 2000 человек недостаточно». Отказаться [от экспедиции] было невозможно, тогда император отстранил Цаня. Храбрец из Цзя, бывший советник вана Цзибэя по имени Хань Цянь-цю, добровольно вызвался: «Как ничтожно это Юэ, к тому же ван и тай-хоу поддержат нас изнутри. Только один Люй Цзя вредит. Я желаю получить двести храбрецов и обязательно казнь Цзя и донесу о выполнении». Поэтому император послал Цянь-цю и младшего брата наньюэской тхай-хоу, Цзю Юэ, во главе 2000 людей, чтобы вступить в пределы Юэ. Люй Цзя и другие восстали, издали обращение ко всему государству, в котором говорились: «Ван молод, тай-хоу — китаянка и она находится в незаконной связи с послом; они желают только подчинения. [Она] полностью взяла все драгоценности прежних валоу, чтобы послать в [империю] и поднести императору, с тем чтобы лично выслужиться. Ее сопровождает в поездке многочисленная свита, достигнув Чанъани, их продадут в рабство, сама она получит от этого выгоду. Она не заботится о династии Чжао и государстве, не думает о его длительном существовании». И тогда вместе со своим младшим братом Люй Цзя поднял войска, напал, убил вана, тай-хоу и ханьских послов. Отправил людей сообщить об этом Цинь-вану из Цаньбу, а также во всех округах и уездах своего государства. Поставил ваном [Наньюэ] старшего сына Мин-вана, матерью которого была юэска, шуянского хоу по имени Цзянь Дэ.

Хань Цянь-цю с войсками пришел и разбил несколько маленьких государств⁴. После этого эти юэсцы открыли путь и снабжали продовольствием. Не доходя 40 ли до Фаньюя, юэские войска остановили Цянь-цю и других, добились победы и уничтожили ханьские войска. Послали [в Китай] человека с письмом, запечатав в нем верительную бирку китайского посла. [Вьеты] укрепились в Сайшане, извинились в письме с отменной вежливостью; отправили войска охранять уязвимые места и пункты.

¹ Функции этого чиновника при дворе намвьетских выонгов не вполне ясны, по-видимому, это был канцлер.

² Тай-хоу – титул матери правящего монарха.

³ В Намвьете этот титул соответствовал, по-видимому, званию главнокомандующего.

⁴ В горах к северу от Намвьета в это время существовало несколько небольших вьетских государств.

2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

2.1. КРИТО-МИКЕНСКАЯ ЭПОХА

Крит в египетских текстах

Начиная с периода Древнего царства, Египет находился в торговых сношениях с Эгейским миром. Об этом свидетельствуют находки египетских изделий (например, каменных сосудов) на о. Крите. Египтяне называли Крит и острова Эгейского моря Хауинебу. Позднее появляется название Кефтиу, прилагаемое к Криту и его обитателям. Со времени Яхмоса I, основателя XVIII династии, устанавливаются союзные отношения между Египтом и Критом. На стене гробницы визиря Рехмира (при фараоне Тутмосе III) изображены критские послы, приносящие фараону богатые дары.

ОБРАЩЕНИЕ К ОСИРИСУ

Идут к тебе¹ две сестры твои Исида и Нефтида², приводят они тебя черным и великим в имени твоём Кем-ур³; зеленым и великим в имени твоём Уадж-Ур⁴. Ты – велик и кругл в Шен-Уре⁵. Ты кругл в Дебене, окружающем Хауинебу⁶.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ ГРОБНИЦЫ МЕНТУХОТПА V (ОКОЛО 2000 г. до н. э.)

Сияй, Золотая⁷, охраняй царя Ментухотпа. Страх перед тобой охватывает страну Хауинебу.

ГИМН В ЧЕСТЬ ТУТМОСА III

Я пришел и дал тебе покорить западную страну; Кефтиу и Иси⁸ в ужасе.

Я дал им увидеть твое величество в [образе] юного быка непоколебимого, обладающего [крепкими] рогами, на которого никто не осмеливается напасть.

ИЗ ЛОНДОНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПАПИРУСА

Заключение против азиатской болезни на языке Кефтиу: Сенти⁹ Купапи¹⁰, пусть этот напиток, эта жидкость и этот сок мяты пенятся.

¹ Т.е. к покойнику, отождествляемому с Осирисом.

² Сестры бога Осириса (Исида одновременно считалась его женой).

³ Великое черное (море) – горькосолёные озера Суэцкого перешейка.

⁴ Великое зеленое (море) – обычно так обозначается Красное море.

⁵ Великое круглое (море) – Индийский океан.

⁶ Острова Эгейского и Средиземного морей.

⁷ Эпитет богини Хатор.

⁸ Остров Кипр.

⁹ Имя бога (соответствует хеттскому богу плодородия Сандону).

¹⁰ Также малоазиатское божество.

Гимн в честь Тутмоса III

Начало XV в. до н.э.

Я пришел к тебе и дал тебе покорить западную страну: Кефтиу¹ и Кипр в страхе.

Я дал им увидеть твое величество подобным юному тельцу, твердому сердцем, крепкому рогами и неприступному.

¹ Крит.

Упоминания о Крите в хеттских документах

Ахейские государства на Крите поддерживали торговые и дипломатические отношения с государствами Передней Азии.

В надписях хеттского царя Муриши II (начало XIV в. до н. э.) впервые встречается упоминание об ахейцах (Ахийава), заселяющих западную окраину Малой Азии. Взаимоотношения их с Хеттским царством сперва были дружественными, но в XIII в. до н. э. начинаются военные столкновения, о которых повествует хеттская надпись об измене Маддуваташа. Первый отрывок указывает на могущество ахейцев.

I

ИЗ ДОГОВОРА ДУДХАЛИИ¹ С ЦАРЕМ АМУРРУ² ИСТАРИУВОЙ.

Цари, которые равны мне, это цари Египта, Вавилона, Ассирии и ахейцев.

II

ОБ ИЗМЕНЕ МАДДУВАТАША³ (ХЕТТСКАЯ НАДПИСЬ)

Тебя, Маддуваташа, прогнал Аттаршияш, ахеец, из твоей страны.

Он преследовал тебя затем и травил тебя и хотел твоей смерти.

Ты бежал, Маддуваташ, к отцу Солнца⁴ и отец Солнца спас тебя от смерти и отразил Аттаршияша. Если бы не он, то Аттаршияш тебя не отпустил бы и убил бы тебя.

...и отец солнца спас тебя от меча Аттаршияша; тебя, Маддуваташа, с твоими женами, твоими детьми, твоими спутниками и с твоими войсками и колесничными спас тебя отец Солнца... И отец Солнца пришел и сказал Маддуваташу следующее:

«Вот страну Зиппашлу⁵ дал я тебе, живи в ней»...

Потом пришел Аттаршияш, ахеец, и пытался тебя, Маддуваташа, убить. Однако, когда отец Солнца об этом услышал, то отправил он Кишнапилиша, отряды и колесничих, против Аттаршияша на сражение. И ты, Маддуваташ, не оказал Аттаршияшу никакого сопротивления и обратился в бегство и Кишнапилиш пришел и привел тебе из страны Хатти [войска] на помощь. И Кишнапилиш выступил против Аттаршияша в сражение и от Аттаршияша вступили в битву 100 колесниц и ... [1000?] пехотинцев; и они сражались друг с другом и убили они одного мужа Аттаршияша и также из наших был убит один муж, Зиданшаш. И Аттаршияш отступился от Маддуваташа и вернулся в свою страну.

...

Солнце сказало: «Страна Алашия⁶, это страна Солнца и приносит ему дань, почему ты ее захватил?». Маддуваташ, однако, сказал: «Страну Алашию пытался захватить Аттаршияш и муж Пиггаи⁷... страна Алашия — моя, пусть будет так».

¹ Хеттский царь, правивший в начале XIII в. до н. э.

² Государство в северной Сирии.

³ О Маддуваташе других сведений не имеется. Возможно, он был царем одной из западных областей Малой Азии.

⁴ Имеется в виду хеттский царь Дудхалия. «Солнце» — обычный титул хеттских царей.

⁵ Точное местоположение неизвестно. Одни исследователи локализируют данную область в юго-западной части Малой Азии, другие в северо-западной части, в бассейне р. Сангария.

⁶ Остров Кипр.

⁷ Страна в западной части Малой Азии.

Письмо хеттского царя Мурселиса II

Приблизительно 1343-1313 гг. до н.э.

В табличках из хеттского архива упоминается государство Аххиява. Полагают, что это было ахейское государство на территории Малой Азии или каком-либо из близлежащих островов. Это свидетельствует о прочном проникновении ахейских греков на Восток.

Царь страны Аххиява [пошел войной] на страну Милаванда¹; поэтому [я послал] туда Гулласа и Мала-Луиса с войсками и конями. Они разбили стран Милаванда и разграбили ее, уведя как добычу людей, быков и овец.

¹ Страна, расположенная в Малой Азии.

Поздравления хеттскому царю от царя Аххиява

Из этого документа видно, что хеттский царь находился в дружественных отношениях с царем Аххиява и правителями Египта.

Относительно того что ты мне написал о поздравлениях и подарках царя Аххиява, то я не знаю, принес ли его посол подарки. Но из Египта я получил поздравления и подарки.

Письмо больного хеттского царя о молитвах и жертвах других народов за его здоровье

Что же касается божества Аххиява и божества Лацпа (Лесбоса?) и божества моей особы, которых решено привести к Моему Солнцу¹, то следует доставить их так же, как доставляют божество особы царя, и так же, как для этого божества производится трехдневное богослужение, установить три дня богослужения и для божества Аххиява и для божества Лацпа.

¹ Мое Солнце – титул хеттских царей.

Письмо хеттского царя Мурсилы II, находящегося на морском побережье, о взятых им пленных

...Сына Ухха-Луиса, [который со своим отцом находился на море], и который затем ушел от моря, и которого [мой] пехотинцы и колесницы взяли в плен, я послал к царю Аххиява. Так как я находился у моря, я отправил его на корабле.

Из договора хеттского царя Тудхалиаса с царем страны Амурру Истармува

А что касается царей, которые относятся ко мне как равные, царь Египта, царь Кардуниаса (Вавилония), царь Ассирии и царь страны Аххиява¹: пока царь Египта друг Моему Солнцу, пусть он будет другом и тебе; если же он будет врагом Моему Солнцу, пусть он будет врагом и тебе; и пока царь страны Кардуниас друг Солнцу, пусть он будет другом и тебе; если же он будет врагом Солнцу, пусть он будет врагом и тебе.

¹ Слова «царь страны Аххиява» написаны, затем вычеркнуты.

Из анналов хеттского царя Тудхалиаса

[Люди страны на реке Сеха гордились]: Прадед Моего Солнца не мог нас покорить... [Люди страны на реке Сеха вели войну против меня и царя Аххиява], и царь Аххиява ушел в свою область. [Но после того как он ушел], выступил я [и победил их]

¹ Отсюда следует, что у хеттского царя и царя Аххиява были общие или близкие друг другу границы. Если не предполагать, что речь идет о колонии, основанной Ахейским царством в Малой Азии, то эта надпись доказывает, что царство Аххиява находилось в Малой Азии.

Письмо царя хеттов Арнувандаса с обвинениями царька Маддвоаттаса

Тебя, Маддвоаттаса¹, изгнал Аттаришья², человек из Аххиява, из твоей страны... он гнал тебя все дальше и дальше, он хотел тебя, Маддвоаттас, погубить. Отец Моего Солнца³ спас тебя от гибели, угрожавшей от Аттаришья. Если бы не я, Аттаришья не оставил бы тебя покое, он убил бы тебя... Ты не должен становиться под [власть] Аттаришья...

Ты не должен посылать посольство к Аттаришья. Если Аттаришья пошлет к тебе посольство, заключи посла под стражу и пошли его к отцу Моего Солнца. Ты не должен скрыть от меня слова, которые он тебе напишет. Будь верен договору с отцом Моего Солнца...

Мое Солнце так сказал [о земле Алашия]: «Так как земля Алашия⁴ принадлежит Моему Солнцу и люди Алашии приносят мне дань, зачем ты собираешь дань с этой земли?». Но Маддвоаттас ответил: «Аттаришья и человек из Пикайя⁵ [имеют право] собирать дань с этой земли...».

«Но земля Алашия – моя! Ты обязан признать это... Аттаришья и человек из Пикайя независимы от Моего Солнца, а Маддвоаттас – подданный Моего Солнца, зачем же ты примкнул к ним?».

¹ Правитель области Циппашла, или Харияти, в северо-западной части Малой Азии.

² Аттаришья – правитель Аххиява.

³ Отцом Арнуванда был Тудхалиас.

⁴ Алашия – древнее название острова Кипр.

⁵ Пикайя – страна, находившаяся, вероятно, на западе Малой Азии.

Из воспоминаний о крито-микенской эпохе в «Илиаде» и «Одиссее»

Гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея», созданные в X-VIII вв. до н. э. и частично дополнявшиеся еще в VII в., по своему содержанию представляют напластование по крайней мере двух периодов, если не считать позднейших вставок. Обе поэмы рассказывают в мифологической форме о событиях Микенской эпохи. Поэт, или, вернее, поэты, создавшие гомеровский эпос, жили в другое, послемикенское время, но сохранили воспоминание о делах минувшего. Раскопки объяснили противоречия, которые наблюдаются в гомеровских поэмах при описании политического и социального строя и предметов быта. С одной стороны, перед нами предметы и отношения подлинно гомеровской Греции, а с другой стороны – описание предметов и отношений, существовавших в Крито-микенскую эпоху, которой и принадлежат сюжеты обеих поэм. Интересно, что большинство местностей, упомянутых в гомеровском эпосе, при раскопках обнаруживают следы крито-микенской культуры, а местности, не упомянутые Гомером, по большей части таких археологических следов не имеют.

ОПИСАНИЕ о. КРИТА («Одиссея», XIX, 172-185)

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахейан¹
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны²
Там обитают, дорийцы³ кудрявые, племя пеласгов⁴,
В городе Кноссе⁵ живущих. Минос⁶ управлял им в то время,
В девятилетие раз собеседник Крониона мудрый,
Дед мой, родитель великого Девкалиона⁷, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идомей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом⁸; мое ж знаменитое имя Аитон;
После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей, и он мною, как гость, одарен был.

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДОВ, КОТОРЫЕ ОБЕЩАЛ АХИЛЛУ АГАМЕМНОН В КАЧЕСТВЕ ПРИДАНОГО ЗА СВОЕЙ ДОЧЕРЬЮ («Илиада», IX, 144-156)

Трех дочерей я имею в чертоге прекрасном, зовут их
Хрисофемидою, Ифианассою и Лаодикой.
Пусть он без выкупа ту, что из них всех милей ему будет,
В отческий дом отведет. А дам я еще и подарков
Много, – сколько никем в придачу за дочь не давалось.
Семь подарю я ему городов хорошо населенных, –
Гиру, богатую сочной травой, Кардамилу⁹, Енопу¹⁰,
Многосвященные Феры, Анфегг с густыми лугами,
Педас, богатый лозами, приятную глазу Эпею, –
Все недалеко от моря, с песчанистым Пилосом¹¹ рядом.
Жители очень богаты и мелким скотом, и быками.
Будут дарами они его чествовать, прямо как бога.
Будут под скипетр его приносить богатейшую подДать.
МОГУЩЕСТВО АГАМЕМНОНА («Илиада», II, 569-580)
Всех, населявших Микены¹², широкоуличный город,
Город богатый Коринф и Клеоны¹³ в красивых строениях,
Арефирею, приятную видом для глаза, Орнеи,
Кто населял Сикион, где Алраст¹⁴ воцарился сначала,
Кто в Гипересии¹⁵ жил, в Гоноессе высокоутесной,
Тех, что Пелленой владел и тех, что вокруг Эгия жили,
И по всему Эгиалу, и окрест Гелики пространной, –

Этих на ста кораблях Агамемнон привел повелитель.
 Рать многочисленной всех; средь ахейцев храбрейшие мужи
 Шли за Атреевым сыном. Сияя сверкающей медью,
 Гордо ходил он, средь всех выдаваясь героев ахейских
 Саном верховным сеим и числом приведенных народов.

ЗАВИСИМОСТЬ СИКИОНСКОГО БАСИЛЕЯ ОТ АГАМЕМНОНА (Менелай, брат Агамемнона, запрягал в колесницу двух лошадей) («Илиада», XXIII, 294-299)

...Подвел под ярмо он коней быстроногих,
 Агамемнонову Эфу с его, Менелая, Подаргом.
 Анхизиад Эхепол подарил Агамемнону Эфу,
 Чтоб не идти с ним под Трою, открытую ветрам, остаться
 Лома и в радости жизнь проводить: большое богатство
 Дал ему Зевс; а жил Эхепол в Сикионе просторном.

¹ Ахейцы – древнегреческое племя, господствовавшее в Микенскую эпоху.

² Кидоны – племя на северо-западной части Крита.

³ Дорийцы – древнегреческое племя, занявшее Крит в конце Микенской эпохи.

⁴ Пеласги – древнейшие обитатели Греции и островов.

⁵ Кнос – город в центральной части северного побережья Крита.

⁶ Минос — мифический правитель Критского государства. Подобно другим «божественным царям», должен был периодически возобновлять свою царскую власть общением с божеством. В данном случае раз в 9 лет. Признаки этого обычая сохранялись в некоторых местах Греции и позднее.

⁷ Девкалион – сын Миноса и Пасифаи, участник похода на корабле Арго в Колхиду за Золотым руном и охоты на Калидонского вепря.

⁸ Атрид – Агамемнон, царь Микен, предводитель греческого войска в походе на Трою.

⁹ Кардамила – город в Лаконии.

¹⁰ Енопа, Гира, Феру Анфея, Эпея, Педас – города в Мессении.

¹¹ Пилос – важный прибрежный город в Мессении.

¹² «Широкоуличный город». Эта характеристика Микен подтверждена теперь раскопками.

¹³ Клеоны, Орнеи, Ариферея – города в Арголиде.

¹⁴ Адраст – древний царь Аргоса и Сикиона.

¹⁵ Гипересия, Гонеесса, Пеллена, Эгион, Гелика – города в Ахайе.

¹⁶ Карниз из синего камня найден во время раскопок в Микенах.

¹⁷ Князь – верхняя перекладина над дверью (народное выражение).

Упоминания микенских государств у Гомера (Гомер «Илиада», II, 569-572, 576-577, 581-582, 586-587, 591, 601-602)

Около середины II тысячелетия до н. э. греческие племена ахейцев, вторгшиеся в Грецию уже в начале этого тысячелетия, образовали государства в Пелопоннесе (Микены и др.),

Всех, населявших Микены, прекрасно устроенный город,
 Город богатый Коринф и Клеоны в красивых строениях,
 Арефирею, приятную видом для глаза, Орнеи,
 Кто населял Сикион...
 Этих на ста кораблях Агамемнон привел повелитель.
 Рать многочисленной всех...
 Кто между гор в Лакедемоне жил, пропастями богатом,
 В Фарисе, в Спарте и в Мессе, любезной стадам голубиным...
 Их Агамемнонов брат Менелай, громогласный в сраженьях,
 Вел шестьдесят кораблей...
 Тех же, что Пилос с Ареной, приятной на вид, населяли...
 Нестор, конник геренский¹, начальствовал этою ратью.
 С ним девяносто судов крутобоких приплыло под Трою².

¹ Конник (иппотес) – высший класс населения и в микенских надписях (иппета).

² Пилосский флот, по Гомеру, самый большой в Греции после микенского.

Микенский царь – верховный правитель Пелопоннеса (Гомер, «Илиада», II, 100-108, 141-156, 296-298)

...И тогда поднялся Агамемнон,

Скипетр держа, над которым Гефест утомился, работав.
 Дал этот скипетр Гефест властелину Крониону-Зевсу...
 Царь же Фиест Агамемнону дал, чтоб, нося этот скипетр,
 Многими он островами и Аргосом¹ целым владел бы.
 Если же в Аргос придем, в ахейский край благодатный...
 Семь подарю я ему² городов, процветающих, многонародных...
 Все на окраине Пилоса, моря на бреге песчаном;
 Их населяют богатые мужи овцами, волами,
 Кои дарами его, как бога, чествовать будут
 И под скиптром ему заплатят богатые дани.
 ...Эфу³, которую в дар Эхепол Анхисид Атрейону⁴
 Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
 Но наслаждаться спокойствием дома...

¹ Аргосом в «Иллиаде» называется Пелопоннес.

² Ахиллу.

³ Эфа – имя породистой кобылицы.

⁴ Имеется ввиду правитель Микен Агамемнон.

Греческие писатели о могуществе Миноса («Каталог женщин», фрагмент 103)

Древняя эпическая поэма «Каталог женщин» приписывалась Гесиоду и, судя по сохранившимся отрывкам (дошло больше сотни фрагментов по несколько стихов в каждом), несомненно, вышла из поэтической школы, возглавляемой Гесиодом. Поэма представляла свод преданий различных областей Греции и содержала родословные знаменитых героев, почитавшихся предками знатных родов.

Был он из смертных царей царем наиболее славным,
 Не было больше царя, кто бы столько окрестных народов
 Власти своей подчинил: владел он божественным скиптром,
 Скиптром державного Зевса: чрез то и владел городами.

Воспоминания о крито-микенской эпохе у Геродота (Геродот, «История», I, 171, 173)

Упоминание о воинственном характере критян подтверждается воспоминаниями о могущественной морской державе Миноса у Геродота, Фукидида и Диодора.

Карийцы¹... перешли на материк с островов. Первоначально они были подвластны Миносу, назывались лелегами и занимали острова; не платили они, однако, никогда дани, насколько я могу проникать в древность на основании рассказов; однако они поставляли экипаж для кораблей всякий раз, когда требовал того Минос. В то время когда Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был. тоже знаменитейшим из всех народов...

...Много времени спустя карийцев вытеснили с островов дорийцы и ионийцы². Таким-то образом они и перешли на материк.

Ликийцы³ издревле происходят из Крита, на котором первоначально жили только варвары. Там некогда поссорились между собою из-за царской власти сыновья Европы⁴: Сарпедон и Минос. Минос вышел из спора победителем, изгнал Сарпедона и его соумышленников. Изгнанники прибыли в Азию, в землю Милиады. Страна, которую населяют теперь ликийцы, была в древности Милиадою.

¹ Карийцы – в историческое время жили у юго-западного побережья Малой Азии.

² Дорийцы и ионийцы – греческие племена.

³ Ликийцы в историческое время жили у южного побережья Малой Азии в западной ее части, носившей название Ликия.

⁴ Европа – смертная женщина, дочь финикийского царя Агенора. Ее полюбил Зевс, явился к ней в образе быка и перенес ее на своей спине на о. Крит.

Воспоминания о морской державе Миноса у Фукидида (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 4; 8, 2-4)

Упоминание о воинственном характере критян подтверждается воспоминаниями о могущественной морской державе Миноса у Геродота, Фукидида и Диодора.

Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большею частью моря, которое называется теперь Эллинским¹, достиг господства над Кикладскими островами² и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевидно также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы.

С образованием флота Миноса взаимные сношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами. Кроме того, приморские жители владели уже большими средствами и потому крепче сидели на местах, а некоторые, разбогатевши, оградил себя стенами. Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города. В таком состоянии эллины находились довольно долго, прежде чем они вступили в поход против Трои.

¹ Эллинское море – Эгейское.

² Кикладские острова – архипелаг в юго-западной части Эгейского моря.

Платон о Миносе (Платон, «Законы», IV, 706-в)

Платон обращается в своем произведении «Законы» к характеристике деятельности Миноса.

Когда-то Минос заставил жителей Аттики платить тяжелую дань, так как он имел большую власть на море, а у афинян тогда еще не было, как теперь, военных кораблей, да и в стране было немного корабельного рейса.

История Критского государства у Диодора (Диодор, «Историческая библиотека», V, 64-66, 78-84)

Упоминание о воинственном характере критян подтверждается воспоминаниями о могущественной морской державе Миноса у Геродота, Фукидида и Диодора. Последний дает довольно подробную мифологическую историю Крита и его взаимоотношений с Грецией. Несмотря на фантастичность рассказов, из них можно извлечь интересные исторические данные, особенно сопоставляя их с краткими сообщениями Геродота и Фукидида и учитывая всю современную сумму знаний о Крито-микенской эпохе, накопленную археологами.

Воспоминания о грабительских войнах, о морской торговле и могуществе Крита однообразны в греческих преданиях. Рассказы о существовании на Крите древнейших законов, составленных мифическими справедливыми законодателями Миносом и Радамантом, указывают на сравнительно высокий уровень государственной организации на Крите, по крайней мере в последний период ее существования. Диодор прямо называет Крит местом возникновения культуры.

Жители Крита говорят, что древнейшими и коренными поселенцами острова были так называемые этеокриты, царь которых, по имени Крит, сделал на своем острове наибольшее количество важнейших изобретений, которые могут быть полезны для общей жизни всех людей. Предание говорит, что на о. Крите родилось и большинство богов.

...Между прочим жители Крита, как говорят, открыли употребление огня и природу меди и железа... и способ добычи этих металлов... Поскольку еще не было изобретено устройство жилищ, они жили в лесной чаще или в ущельях, которые по природе своей давали людям прикрытие и убежище. Так как они выделялись сообразительностью, они научили других многому полезному: они первые стали составлять стада овец и приручать другие породы зверей, научили также и разводить пчел. Точно так же они показали другим стрельбу из лука и охоту с собаками и научили общежитию и общению друг с другом, согласию и порядку. Кроме того, они изобрели мечи и шлемы и военные пляски.

Далее, на много веков позже поколения богов на Крите было немало и героев; из них наиболее выдающимися были Минос, Радамант и Сарпедон. Они родились от Зевса и дочери Агенора, Европы, которая, как говорят, по определению богов была привезена на о. Крит на быке. Минос, как старший, царствовал на острове и основал на нем много городов; из них самые выдающиеся три города: К н о с с на том берегу острова, который обращен к Азии, Ф е с т на море, обращенном к югу, и Ки д о н и я , в части острова, направленной на запад, против Пелопоннеса. Минос установил также немало законов для критян, утверждая, что он заимствовал их у самого отца своего Зевса, приходящего для беседы с ним в одну пещеру. Создал он и сильный морской флот, подчинил себе много островов и первым из эллинов основал морскую державу. Он достиг большой славы за свою храбрость и справедливость и расстался с жизнью во время похода своего в Сицилию против Кокала¹...

Радамант, говорят, учредил самые справедливые суды и выносил неумолимые приговоры против грабителей, безбожников и других преступников. Он тоже покорил немало островов и много прибрежных областей в Азии, причем все добровольно признавали его власть за его справедливость. Одному из своих

сыновей, Эритру, он передал царство, названное по его имени Эритреей; а Ойкопиону, сыну дочери Миноса Ариадны, говорят, он предоставил о. Хиос; про Ойкопиона некоторые утверждают, что он был сыном Диониса² и производству вина научился от отца. Говорят, что Радамант раздарил каждому из остальных полководцев, воевавших с ним, кому остров, кому город.

Третий брат, Сарпедон, как говорят, переправился с военной силой в Азию и покорил там область Ликий. Власть его в Ликии унаследовал сын его Евандр, который женился на дочери Беллерофонта³ Деидамии и имел от нее сына Сарпедона. Этот последний участвовал вместе с Агамемноном в походе против Трои и считается некоторыми писателями сыном Зевса. У Миноса, говорят, были сыновья Девкалион и Мелон, а у Девкалиона – Идомей, и у Мелона – Мерион. Они во главе восьмидесяти кораблей участвовали в походе Агамемнона против Илиона, вернулись на родину, спокойно умерли и удостоились священного погребения и бессмертной славы. В Кноссе показывают их усыпальницу с такой надписью:

«Вот, взгляни на могилу кнссца Идомея.

Я, Мола сын, Мерион, здесь по соседству лежу».

Их критяне весьма почитают как героев, приносят им жертвы и призывают на помощь в опасностях войны.

Теперь, после того как мы это все изложили, нам остается только сказать о тех племенах, которые соединились с критянами. Уже выше было сказано, что первыми жителями Крита были этеокриты, которых считают основным и коренным населением этого острова. После этого, спустя много поколений, прибыли на о. Крит пеласги⁴, народ, непрерывно воевавший и менявший места своего жительства; пеласги заселили часть острова. Третье племя, вторгшееся на остров, были, как говорят, дорийцы, прибывшие под предводительством Тектама, сына Дора. Говорят, что этот народ составил в значительной части из тех, кто жил в области Олимпа, и частью из ахейцев, живших в Лаконии, так как Дор начал свое движение из области, соседней с Малеей. Четвертой, как говорят, составной частью населения на Крите были варвары различных племен, которые к тому времени уподобились по своему языку эллинам. Впоследствии, когда Минос и Радамант со своими людьми приобрели большую силу, они объединили все народы, жившие на острове, в одно сообщество. Наконец, когда после возвращения гераклидов⁵, аргосцы и спартанцы стали выводить колонии, они основали их на некоторых других островах, а также захватили несколько городов на о. Крите и поселились в них. Поскольку большинство историков, писавших историю Крита, расходятся между собой, то не приходится удивляться, если мы здесь излагаем то, в чем не все согласны; мы следовали за теми, которые писали наиболее убедительно и правдоподобно.

¹ Кокал – сицилийский царь, его дочери убили Миноса.

² Дионис – бог вина и виноградарства, сын Зевса и Семелы.

³ Беллерофонт – герой, победитель амазонок и чудовища Химеры.

⁴ Пеласги – древнейшие обитатели Греции и островов.

⁵ Дорийский миф о возвращении потомков Геракла в Пелопоннес после 100-летнего изгнания, последовавшего после смерти Геракла. В нем заключаются воспоминания о переселении дорян в Пелопоннес.

История Кикладских островов (Диодор, «Историческая библиотека», V, 84)

Упоминание о воинственном характере критян подтверждается воспоминаниями о могущественной морской державе Миноса у Геродота, Фукидида и Диодора.

Сын Зевса и Европы, царь критский Минос, обладавший большими морскими и сухопутными силами и создавший морскую державу, вывел много колоний с острова Крита и заселил большинство Кикладских островов, поделив земли их между их жителями – земледельцами, покорил он и немалую часть приморских стран в Азии. Поэтому морские гавани на островах, а также и на азиатском побережье получили критские названия и именуются Минойскими.

Достигнув больших успехов в своем могуществе и деля царскую власть с братом своим Радамантом, он стал завидовать ему из-за славы о его справедливости. Желая устранить его со своего пути он послал его в отдаленнейшие области своей обширной державы. Проживая на островах, обращенных к Ионии и Карию, Радамант побудил Эритра основать в Азии город, получивший название от его имени, а Энопиона, сына Ариадны, дочери Миноса, поставил во главе острова Хиоса. Все это произошло до Троянской войны. После же падения Трои усилились в своем могуществе карийцы и захватили власть на море; они покорили также и Кикладские острова. Некоторые из них они присвоили себе, изгнав оттуда проживавших там критян, другими они стали владеть на равных правах с заселявшими их первоначально критянами. Впоследствии, когда усилились эллины, большинство Кикладских островов попало под их власть, варварское племя карийцев былосэтих островов изгнано.

Миф о Тесее (Диодор, «Историческая библиотека», IV, 60-62)

В основе широко известного мифа о Тесее несомненно лежит воспоминание о завоевательных походах критян и о периоде зависимости Афин от Крита. Афины платили Криту дань, от которой избавил их Тесей, сделавшийся потом мифическим основателем Афинского государства. Разумеется, имена мифических героев, как и они сами, – недостоверны. Но общий ход исторических событий правдоподобен.

Чтобы перечислить все дела, совершенные Тесеем, остается только сказать о победе его над Минотавром¹ но чтобы все это происшествие стало понятно, необходимо начать с событий, задолго предшествовавших ему. Тектам, сын Дора, сына Эллина сына Девкалиона², приплыв вместе с эолийцами³ и пеласгами на о. Крит, воцарился там. Взяв в жены дочь Крита, он родил Астерия. В его царствование, как говорят, Зевс похитил у финикийцев Европу и привез ее на быке на о. Крит. От него у нее родилось трое сыновей: Минос, Радамант и Сарпедон. После этого на Европе женился царь о. Крита Астерий. Будучи бездетным, он усыновил детей Зевса и сделал их наследниками своего царства. Радамант составил законы для критян, Минос принял от него власть и оставил после себя сына Ликаста. Последний, приняв власть, родил Миноса второго, которого некоторые историки считают сыном Зевса. Этот Минос первым из всех греков создал выдающийся морской флот и захватил власть над морем. Взяв в жены Пасифаю⁴, дочь Гелиоса и Криты, он родил Девкалиона, Катрея, Андрогее и Ариадну, кроме этого, у него было много и незаконных детей. Из сыновей Миноса Андрогей отправился в царствование Эгея в Афины, чтобы принять участие в панафинейских⁵ празднествах. Он победил всех участников состязаний и завязал дружбу с детьми Палланта [противника Эгея]. Подметив это, Эгей, опасаясь, как бы Минос не оказал поддержки сыновьям Палланта и не лишил его самого власти, замыслил погубить Андрогее и, когда тот отправился в Фивы⁶ на какое-то празднество, убил его при помощи, местных жителей близ Ойнои в Аттике.

Минос, узнав о гибели сына, подступил к Афинам, требуя удовлетворения за убийство Андрогее. Но так как ему никого не выдали, он объявил афинянам войну. Захватив Афины, он при помощи отца своего Зевса послал на город засуху и голод. Скоро засуха распространилась по Аттике и по всей Элладе, и все плоды стали гибнуть. Тогда правители сошлись все вместе и спросили бога как им избавиться от такой беды. Оракул сказал, что им следует обратиться к Эаку⁷, сыну Зевса и дочери Асопа Эгины, и просить его совершить за них моления богам. Когда они выполнили предписанное оракулом, Эак совершил моление, и засуха прекратилась во всей Элладе и продолжалась только у одних афинян. Это обстоятельство заставило афинян опять спросить оракула, каким избавиться от беды. Оракул сказал, что они избавятся от своей беды, когда понесут наказание за убийство Андрогее, какое наложит на них сам Минос. Афиняне повиновались словам оракула, и Минос потребовал от них, чтобы они давали раз в девять лет по семи юношей и семи девушек в пищу Минотавру все время, пока будет жить это чудовище. Когда афиняне выдали, что с них требовалось, прекратилась засуха в Аттике и Минос перестал с ними воевать. По прошествии девяти лет, Минос снова подступил к Аттике с большим войском и снова захватил требуемых четырнадцать юношей и девушек. Когда юноши, и среди них Тесей, собирались отъехать, Эгей уговорился с кормчим, что если Тесей победит Минотавра, то они поплывут обратно под белыми парусами, если же он погибнет, то, как обычно, под черными. Когда юноши прибыли на остров Крит, Ариадна, дочь Миноса, прельстилась выдающейся красотой Тесея и полюбила его. Тогда Тесей уговорился с ней и с ее помощью убил Минотавра и спасся из лабиринта, узнав его тайну от той же Ариадны. Собравшись вернуться на родину, Тесей похитил Ариадну и, тайно ночью отплыв с ней с Крита, приехал к о. Зевса, именуемому теперь Наксосом. В это время, как говорят, явился Дионис и, прельстившись красотой Ариадны, похитил у Тесея его деву и вступил с ней в брак, внушив ей сильную любовь к мужу. За такую любовь он после смерти Ариадны наградил ее бессмертной славой, превратив венец Ариадны в небесное созвездие. Сам же Тесей и его спутники были сильно опечалены похищением девы и из-за своей печали забыли уговор с Эгеем и возвратились в Аттику под черными парусами. Эгей же, увидя их возвращение, подумал, что сын его Тесей, совершив геройский, но роковой для себя подвиг, погиб. Он взмолился на акрополь и, от горя решив покончить со своей жизнью, бросился с отвесной скалы. После гибели Эгея власть принял в свои руки Тесей. Он управлял народом согласно законам и совершил много деяний для процветания родины. Самым замечательным его делом было то, что он ввел в состав Афин многочисленные, но незначительные по своему составу демы. С этого времени афиняне, благодаря большому весу, приобретенному городом Афинами, проникились сознанием своей силы и распространили свою гегемонию на всю Элладу.

Девкалион, старший из сыновей Миноса, властвовавших на Крите, заключив союз дружбы с афинянами, дал Тесею в жены родную сестру свою Федру.

¹ Минотавр – чудовище, жившее в лабиринте на о. Крите, получеловек, полубык.

² Девкалион – сын Прометея. Уцелев после истребления Зевсом людей медного века, создал новых людей из камней. Не следует смешивать с другим Девкалионом – сыном Миноса.

³ Эолийцы – греческое племя.

⁴ Пасифая – дочь бога солнца Гелиоса. Родила Минотавра от быка, посланного богом моря Посейдоном.

⁵ Панафинеи – первоначально праздник жатвы, позже – праздник в память объединения двенадцати аттических селений в Афинское государство (Синоиксис).

⁶ Фивы – главный город Беотии.

⁷ Эак – отец Пелея, дед Ахилла.

2.2. ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

Торговля

(«Илиада», VII, 465-475)
(В лагере ахейцев, осаждавших Трою)
Солнце зашло между тем, и окончилось дело ахейцев.
После заклали быков и за трапезу сели в палатках.
Тою порою пристало к ним много судов из Лемноса¹
Черным вином нагруженных: Евней Ясонид снарядил их,
Тот, кто рожден Гипсипилой от пастыря войска Ясона.
Детям Атрея, царям Агамемнону и Менелаю,
Чистого тысячу мер подарил он вина дорогого,
А остальное вино пышнокудрые дети ахейцев
Все покупали, платя кто железом, кто яркою медью,
Кто же бычачьими шкурами, кто и самими быками
Или рабами-людьми.

(«Одиссея», XV, 414-416, 455-456)
(Из рассказов Одиссея)
Случилось, что в Сиру²
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди
Мелочи³ всякой привезши в своем корабле чернобоком...
Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль, нагружали, торгуя товаром.

¹ Лемнос – остров в Эгейском море у побережья Малой Азии.

² Сира – название мифического острова.

³ Переведено неточно. Буквально: Множество привезли украшений в своем чернобоком
Корабле и год целый на острове нашем прилежно
В свой крутобокий корабль грузили съестные припасы.

Финикийские купцы в Греции (Гомер, «Одиссея», XV, 415-416, 455-456)

ИЗ РАССКАЗА СВИНОПАСА ЕВМЕЯ
Как-то причалили к нам финикийцы, народ плутоватый,
Много красивых вещей привезли в корабле они черном...
Целый год финикийцы у нас оставались и, много
Наторговавши, в пустой свой корабль погрузили товары¹.

¹ Последняя фраза говорит о том, что платой за «красивые вещи», привезенные финикийцами, были тоже товары.

Воспоминания о разбойничьей торговле финикийцев у Геродота (Геродот, «История», I, 1)

По прибытии в Аргос с египетскими и ассирийскими товарами финикийцы занялись распродажей своих товаров. На пятый или шестой день после их приезда, когда все почти было продано, пришла на морской берег в числе других женщин дочь тамошнего царя Инаха, по имени Ио... Расположившись у кормы, женщины покупали наиболее понравившиеся им товары. Между тем финикийцы, заранее сговорившись, бросились на

женщин. Большая часть их спаслась бегством, но Ио и несколько других были захвачены финикийцами. Посадив женщин на корабль, они отплыли к Египту.

Нашествие дорян и вытеснение ахейцев из Пелопоннеса (Геродот, «История» II, 171; VIII, 73; IX, 26)

Сохранение в Аркадии праздника фесмофорий свидетельствует о том, что эта область, единственная в Пелопоннесе, не была завоевана дорянами.

Умолчу также я и о таинствах Деметры, которые греки называют фесмофориями... Дочери Даная вывезли эти таинства из Египта и научили им пеласгских женщин. Впоследствии же, когда население всего Пелопоннеса было изгнано дорянами, таинства эти исчезли. Но только аркадяне – единственные из пелопоннесцев, которые остались в Пелопоннесе и не были изгнаны, – сохранили эти таинства...

В Пелопоннесе живет семь племен, из них два туземных, живущих и теперь на том же месте, что и в древности. Это – аркадяне и кинурийцы. Первое из этих племен – ахейское; оно не ушло из Пелопоннеса, но ушло из своей страны¹ и живет в чужой². Остальные из этих семи племен пришлые... Кинурийцы же – единственное из туземных племен ионийское...

«...Мы (тегейцы в Аркадии) вместе с жившими в то время в Пелопоннесе ахейцами и ионийцами вышли навстречу (дорийцам, переселявшимся в Пелопоннес) и засели на Истме...».

¹ Геродот имеет ввиду Арголиду, Лаконику и Мессению (области Пелопоннеса).

² Геродот имеет ввиду Аркадию.

Колонизация жителями Пилоса Малоазийского побережья (Страбон, «География», XIV, 1, 4)

Страбон цитирует поэта VI в. до н. э. Мимнерма.

Покинувши высокий Пилос, град Нелея, мы пришли на кораблях в желанную Азию. Благодаря превосходству в силе мы жестоко расправились с местными жителями и засели в Колофоне. Устремившись отсюда, от реки Алента, мы волей богов захватили эолийскую Смирну¹.

¹ Следовательно, во время прихода пилосцев в Малую Азию северная часть Малоазийского побережья была уже колонизирована эолийцами (из Фессалии и Беотии).

Война как источник рабства (Гомер, «Илиада», XXIV, 725-734)

Жеиа Гектора Андромаха говорит о судьбе, которая ждет ее и малолетнего сына после смерти мужа. При взятии города мужчин обыкновенно убивали, а женщин и детей уводили в рабство.

Молод из жизни ушел ты, мой муж дорогой, и вдовою
В доме меня покидаешь. И мал еще сын наш младенец,
Нами, злосчастными, на свет рожденный, тобою и мною.
Юности он не достигнет, я думаю. Прежде наш город
Будет разрушен. Погиб ты, хранитель его, защищавший
Трою саму, и почтенных супруг, и детей несмышленных!
Быстро отсюда их всех увезут в кораблях быстроходных. С ними со всеми – меня.
И сам ты, о сын мой, за мною Следом пойдешь, чтобы нам неподобную¹ делать работу,
Для господина стараясь свирепого.

¹ Т.е. неподобающую сыну знаменитого героя.

Экспедиции для захвата рабов (Гомер, «Одиссея», XIV, 262-264)

Источником рабства была не только война. Иногда греки совершали разбойничьи набеги с целью захвата рабов. Одиссей рассказывает о такой экспедиции к берегам Египта.

Люди в надменности духа, отваге своей отдаваясь,
Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян
Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев.

Морские предприятия греков («Одиссея», XIV, 200-212, 222-226, 244-273, 278-320)

Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги, а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен, как законный
Сын, был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;
Но приносящие смерть, беспощадно могучие Керы¹
Во власть Аида² его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жребию, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть, на многое годный...
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
Бой и крылатые стрелы и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и страх приводящие многих...
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; мы девять
Их там оснастили новых; когда ж в корабли собрались
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли и с быстропопутным, пронзительно хладным Бореем³
Плыли, как будто по стремю, легко; нас, здоровых, и бодрых.
По морю мчали они, повинуюсь кормилу и ветру.
Дней через пять, мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая – тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевс, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и всюду нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих,
Пленных насильственно, в град увлекли на печальное рабство...
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но сжался, с ним рядом
Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился, а с копьями следом за нами
Много бежало их, мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем – он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
Целых семь лет я провел в стране той и много богатства

Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращением;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним;
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновались месяцы, полного года
Круг совершился и Время весну привело молодую,
В Либию⁴ с ним в корабле, обман замышляя, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там задумал.
С ним и поехал я против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительно хладным Бореем
Плыли: уж Крит был за нами... но Дий⁵ нам готовил погибель;
Остров из наших очей в отдаленье пропал и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось:
Бог-громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим стусил кораблем, и под ним затемнело
Море; и вдруг, заблестав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу: закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине, – возврата лишил их Кронион
Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил
Во-время от корабля остроногого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть:
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте,
Девять носившись дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью ко берегу феспротов⁶ высокобегающей волною
Был принесен я; Фидон, благомыслящий царь их, без платы
Дома меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон⁷ и хламиду⁸...

¹ Керы – демоны смерти.

² Аид – сын Кроноса и Реи, бог подземного мира, властитель умерших.

³ Борей — бог северного ветра.

⁴ Либия – Ливия – область на африканском побережье к западу от Египта.

⁵ Дий – Зевс.

⁶ Феспроты – племя, обитавшее в Эпире.

⁷ Хитон – нижнее платье.

⁸ Хламида – верхнее мужское платье.

2.3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Греческая колонизация (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 12-14)

Общий очерк греческой колонизации и развития хозяйственной жизни дает Фукидид.

Лишь много времени спустя, и то с трудом, Эллада прочно успокоилась, в ней не было больше передвижений, и эллины стали выселять колонии: афиняне заселили тогда Ионию¹ и большинство островов, пелопоннесцы – большую часть Италии², Сицилии и некоторые местности в остальной Элладе. Все эти места были заселены после Троянской войны.

В то время как Эллада становилась могущественнее, богатела еще больше прежнего, в государствах вследствие увеличения их материального достатка большею частью стали возникать тирании (раньше там была наследственная царская власть с определенными привилегиями), эллины начали снаряжать флоты и больше прежнего стремились к обладанию морем. Говорят, коринфяне первые усвоили морское дело ближе всего к теперешнему его образцу, и первые в Элладе триеры³ сооружены были в Коринфе. По-видимому, и для самосцев коринфский кораблестроитель Аминокл сколотил четыре судна; с того времени как он прибыл к самосцам, до окончания этой войны прошло по меньшей мере триста лет. Древнейшая морская битва, насколько мы знаем, была у коринфян с коркирянами; от этой битвы до того же времени прошло не менее двухсот шестидесяти лет. Коринф расположен на перешейке, и потому с древнейших времен там находился рынок. А так как в старину эллины, жившие в Пелопоннесе и за его пределами, сносились друг с другом больше сухим путем, нежели морем, и сношения эти совершались через Коринф, то коринфяне разбогатели, что **еидно** из древних поэтов: они прозвали Коринф богатым. Когда эллины стали ходить по морям больше, коринфяне, заведя флот, обратились к уничтожению морских разбоев и, представляя для эллинов рынок, усилили свой город притоком богатств в него по обоим путям.

У ионийцев⁴ флот появляется гораздо позже, в царствование Кира, первого царя персеев, и сына его Камбиса. В войну с Киром ионийцы некоторое время были господами на своем море⁵. Тиран Самоса в царствование Камбиса Поликрат также имел сильный флот, подчинил своей власти различные острова, между прочим, завладел Ренеей⁶, которую посвятил Аполлону Делосскому. Наконец, фокейцы, населяющие Массалию⁷, побеждали в морских сражениях карфагенян. Таковы были наиболее значительные морские силы. Хотя флоты эти образовались много поколений спустя после Троянской войны, однако, как и в то время, они заключали в себе, по-видимому, мало триер, состоя все из пентеконтер⁸ и длинных судов⁹. Незадолго до Персидских войн и смерти Дария, который был царем персов после Камбиса, появилось очень много триер у сицилийских тиранов и у коркирян.

¹ Иония — здесь: часть западного побережья Малой Азии.

² Южной.

³ Триера — военное судно с тремя рядами весел.

⁴ У ионийцев — малоазийских городов.

⁵ Своем море — т.е. Эгейском.

⁶ Ренея — остров из группы Кикладских островов.

⁷ Массалия — на месте современного города Марселя на юге Франции.

⁸ Пентеконтера — пятидесятивесельное судно с одним рядом весел по 25 с каждой стороны.

⁹ Длинные суда имели до 100 весел, по 50 с каждой стороны.

О греческой колонии Навкратис (Геродот, «История», II, 178-179)

Амасис любил эллинов, некоторым из них сделал много добра, а переезжающим в Египет отвел для поселения город Навкратис. Если кто из них не думал поселяться в Египте и приезжал туда только по торговым делам, для тех отводились участки земли, где они могли бы поставить жертвенники и храмы своим богам... В древности один только Навкратис был местом торговли для иноземцев, никакого другого порта в Египте не было. Если кто-нибудь заходил в другое из устьев Нила, то он должен был поклясться, что зашел туда невольно и, давши клятву, отплыть на том же самом корабле в Канопское устье; если противные ветры мешали плаванию, то следовало перевезти груз на лодках вокруг Дельты до Навкратиса. Таковы были привилегии Навкратиса¹.

¹ Колония была основана в дельте Нила у Канопского устья в первой половине VI в. до н. э.

Колонизация греками о. Фасоса и фракийского побережья (Архилох, Отрывки стихотворений)

Архилох жил в середине VII в. до н. э. Уроженец о. Пароса. Крупнейший ионийский поэт. От произведений его сохранилось немного. Предлагаемые ниже отрывки стихотворений Архилоха рассказывают о начале колонизации о. Фасоса и фракийского побережья Эгейского моря. Обострение социальных проблем гонит греков в чужие земли, с жителями которых первые колонисты вступают в тяжелую борьбу.

ЖИЗНЬ КОЛОНИСТА

К вам, измученным нуждою, речь, о граждане, моя. (19)

В остром копье у меня замешан мой хлеб. И в копье же (2)

Из-под Исмара¹ вино. Пью опершись на копье.

ПРЕВРАТНОСТИ БОРЬБЫ ЗА ФРАКИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Носит теперь горделиво саицец² мой щит безупречный: (5)

Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.

Сам я кончины за то избежал. И пускай пропадает

Щит мой. Не хуже ничуть новый смогу я добыть.

ОПИСАНИЕ О. ФАСОСА

...как осла хребет, (25)

Заросший диким лесом, он вздымается.

Невзрачный край, немилый и нерадостный,

Не то, что край, где плещут волны Сируса³.

СУДЬБА КОЛОНИСТА-ГРЕКА, ПОПАВШЕГО В ПЛЕН К ФРАКИЙЦАМ (26)

...Бурной носимый волной.

Пускай близ Салмидесса⁴ ночью темною

Взяли б фракийцы его

Чубатые, – у них он настрадался бы,

Рабскую пищу едя! –

Пусть взяли бы его, – заочневшего,

Голого, в травах морских,

А он зубами, как собака, ласкал бы,

Лежа без сил на песке

Ничком, среди прибоя волн бушующих.

Рад бы я был, если б так

Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал, –

Он, мой товарищ былой!

¹ Исмар – река и город на фракийском побережье.

² Саицы – фракийское племя.

³ Сирус – река в южной Италии.

⁴ Салмидесс – город во Фракии на Черноморском побережье.

Колонизация Сицилии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VI, 3-5)

Сухой фактический рассказ Фукидида о греческой колонизации Сицилии рисует полную драматизма картину поселения все новых и новых колонистов из Греции: земледельцев, торговцев, политических изгнанников, их борьбу с местным населением и между собой.

Из эллинов первые халкидяне из Эвбеи, под начальством экиста¹ Фукла, основали Накс и поставили алтарь Аполлону Предводителю, находящийся теперь за городом; всякий раз, когда из Сицилии отправляются теоры², они прежде всего приносят жертву на этом алтаре. В следующем году коринфянин Архий, из рода Гераклидов, основал Сиракузы, прежде всего вытеснив сикулов³ с той части острова, которая уже не омывается морем со всех сторон и где теперь находится внутренний город; с течением времени и внешний город был обведен стеною, почему и население Сиракуз стало многочисленным. На пятом году после основания Сиракуз халкидяне, с Фуклом во главе, двинувшись из Накса, основали Леонтины, вытеснив оттуда войною сикулов, а затем Катану; экистом катанцы выбрали из своей среды Еварха. Около того же времени прибывший в Сицилию во главе колонии Ламйс из Мегары основал выше реки Пантактия небольшое поселение, по имени Тротил⁴. Потом он вышел оттуда в Леонтины и вместе с халкидянами принимал короткое время участие в управлении Леонтинами: будучи изгнан халкидянами, Ламис основал Фалс и затем погиб, прочие же товарищи его изгнаны были из Фалса, и после того как царь сикулов Гиблон передал им свою область и сам стал во главе их, основали Мегары, прозванные Гиблейскими. Проживши здесь двести сорок пять лет, они были выгнаны из города и области его тираном сиракузским Гелоном. Но еще до изгнания, сто лет спустя после своего поселения в Мегарах, они отправили Паммила и основали Селинунт. Паммил, прибыв к ним из Мегар, их метрополии, принимал участие в основании города. На сорок пятом году по основании Сиракуз Антифем вывел колонистов из Родоса, а Энтим из Крита; общими силами они основали Гелу. Городу дано было название от реки Гелы, а местность, где теперь находится город и которая прежде всего окружена была стеною, называется Линдиями. Городу даны были дорийские установления. Около ста восьми лет спустя после основания своего города жители Гелы основали Акрагант, назвав город по имени реки Акраганта; экистами они назначили Аристоноя и Пистила и дали колонии гелойские установления. Занкла была первоначально основана морскими разбойниками, вышедшими из Кимы, халкидского города в Опикии; впоследствии явились сюда в большом числе поселенцы из Халкиды и остальной Эвбеи и сообщая с прежними поселенцами поделили землю. Экистами были Перьерес и Кратемен, первый от Кимы, второй от Халкиды. Сначала сикулы называли город Занклою,

потому что местность здесь имеет вид серпа, а серп сикулы называют занкрос. Впоследствии прежние халкидские поселенцы были изгнаны самосцами и другими ионийцами, которые, убегая от персов, пристали к Сицилии. Немного спустя после этого самосцев выгнал из Занклы тиран Регия, Анаксилай, поселив в городе смешанное население и переименовав его в Мессену, по имени своей первоначальной родины. Гимера была основана Занклою под предводительством Евклида, Сима и Сакона; большинство вышедших в колонию были халкидяне, но вместе с ними поселились также сиракузские изгнанники, побежденные противной им партией и именуемые Милетидами. Диалект колонистов был смешанный между халкидским⁵ и дорийским, но вошедшие в силу установления в городе были халкидские. Акры и Касмены основаны были сиракузянами, Акры семьдесят лет спустя после основания Сиракуз, а Касмены лет двадцать после Акр. Камарина первоначально основана была также сиракузянами спустя около ста тридцати пяти лет после основания Сиракуз. Экистами были Даскон и Менекол. Вследствие отпадения отсиракузян и возникшей войны камаринцы были изгнаны; впоследствии тиран Гелы Гиппократ взял в качестве выкупа за пленных сиракузских граждан землю камаринцев, сделался сам экистом и снова заселил Камарину. Но жители ее были снова изгнаны Гелоном, и город заселен был в третий раз гелийцами.

¹ Экист – основатель колонии.

² Теоры – послы, отправлявшиеся на Олимпийские и другие игры в Грецию.

³ Сикулы – догреческое население Сицилии.

⁴ Местоположение неизвестно.

⁵ Халкидский диалект, т.е. ионийский.

Наказ греческим колонистам Навпакта

Надпись первой половины V в. до н. э. (ранее 456 г.) найдена в Эанфии (позднее Коркира). Наказ был составлен при отправлении в Навпакт группы жителей из Локров Гипокнемидских в качестве колонистов.

Из документа видно, что колонии были независимыми полисами, но сохраняли близкие и многосторонние отношения с метрополией – городом-матерью, выселившей колонистов.

В Навпакт¹ выводится колония на следующих условиях:

Жителю Локров Гипокнемидских², ставшему гражданином Навпакта, при посещении им его прежнего города дозволяется пользоваться правом гостеприимства и участвовать в жертвоприношениях как всенародных, так и родовых, буде пожелает: буде пожелает, пусть совершает жертвоприношения и пользуется дарами от народа и от членов его общины, – сам и род его вовеки. Переселенцы из Локров Гипокнемидских пусть не платят подати в Локрах Гипокнемидских, пока снова не станут жителями Локров. Если кто желает вернуться, пусть разрешается ему беспрошльное³ возвращение, на условии оставления у домашнего очага взрослого сына или брата. Если Локры Гипокнемидские будут изгнаны из Навпакта силой, пусть будет дозволено вернуться каждому к месту его первоначального жительства беспрошленно. Пусть платит подать⁴ такую же, как и западные локры.

1) Переселяющиеся в Навпакт пусть принесут клятву не отпадать по своей воле от опунтян ни в каком случае. Да будет дозволено, если пожелают, по истечении тридцати лет после этой присяги, ста гражданам Навпакта от опунтян, а также ста опунтянам от навпактян требовать новой присяги.

2) Всякий колонист, выехавший из Навпакта и не уплативший подати, теряет права граждан ства в Локрах, пока не уплатит законного навпактянам.

3) Если в доме кого-нибудь из колонистов Локров Гипокнемидских в Навпакте нет потомка, имеющего право на наследство, наследство пусть получает ближайший родственник из Локров Гипокнемидских, откуда бы он ни был родом, под условием, чтобы он сам, будь он взрослый мужчина или мальчик, явился в Навпакт в течение трех месяцев; в противном же случае пусть вступят в силу навпактские законы.

4) Если кто из Навпакта возвращается на жительство в Локры Гипокнемидские, пусть объявит об этом на площади в Навпакте, а также в области Локров Гипокнемидских в том городе, откуда он родом.

5) Если кто из перкофарийцев или мисахейцев⁵ станет жителем Навпакта, то и лично, и в отношении имущества, находящегося в Навпакте, пусть подчиняется навпактским законам, как полагается у каждого в городе Локров Гипокнемидских. Если кто из числа перкофарийцев или мисахейцев отступит от законов колонистов, пусть руководствуется каждый законами своего города.

6) Если у переселившегося в Навпакт окажутся братья, то, согласно существующему в отдельных местах у Локров Гипокнемидских прав, в случае, если какой-либо из братьев умрет, пусть владеет переселившийся наследством, тою частью, которая ему приходится.

7) Колонисты, отправляющиеся в Навпакт, пусть пользуются правом на разбирательство дел в первую очередь у судей – вчинять иски и давать ответ в Опунте, в течение всего года, в тот же день. Из Локров Гипокнемидских пусть поставляет покровителя-локра для колониста, а для локра-колониста из тех, кто в течение этого года состоит в должности.

8) Если кто оставит отца и свою долю имущества отцу, то по смерти отца пусть будет позволено взять ее колонисту, поселившемуся в Навпакте.

9) Если кто изменит эти постановления каким-либо образом, если только это не будет одобрено обеими сторонами, собранием тысячи опунтян и собранием колонистов навпактян, тот лишается гражданских прав, а имущество его пусть будет продано с публичного торга. Обвиненному должностное лицо пусть назначит разбирательство дела в течение тридцати дней, если тридцать дней ему еще остается до окончания должностного срока. Если не назначит разбирательства дела обвиненному, пусть будет лишен гражданских прав, и пусть будет продано с публичного торга его имущество, отцовское наследие и рабы. Пусть принесут присягу по закону: при голосовании пусть опускают камешки в урну. И пусть это постановление Локров Гипокнемидских имеет равным образом силу и относительно халеян, поселившихся там с Антифаном во главе⁶.

¹ Навпакт – город на северном побережье Коринфского залива.

² Локры Гипокнемидские или западные, были расположены на берегу Эвбейского и Малийского заливов и в политическом отношении примыкали к Локрам Опунтским, или восточным.

³ Без пошлины, уплачиваемой за принятие в число граждан одного из городов Локриды.

⁴ Подать поступала в казну союза городов западной Локриды, в состав которого вошел и Навпакт.

⁵ Перкофарийцы и мисахейцы – жреческие роды.

⁶ Начальник колонии, под предводительством которого еще ранее выселилась в Навпакт группа жителей Халея (города в западной Локриде).

Греки в Египте в войсках Псамметиха I и Амасиса II (Геродот, «История», II, 151-154)

В рассказе Геродота о греках в войсках Псамметиха I и Амасиса II в связи с колонизацией важно упоминание о разбойничьих странствованиях по морю греков и карийцев, поступивших потом наемниками к египетскому фараону и получивших земельные участки. Орывок содержит легенду об объединении Египта под властью Псамметиха I – первого фараона XXVI Саисской династии.

Двенадцать царей управляли страной (Египтом) справедливо. Однажды при совершении жертвы в храме Гефеста¹ когда в последний день праздника они должны были совершить возлияние, первосвященник вынес им золотые чаши, из которых обыкновенно совершалось возлияние царями, ко ошибся и вынес одиннадцать чаш для двенадцати царей. Таким образом, один из царей, Псамметих, стоявший с краю, не получил чаши; тогда он снял с головы своей медный шлем и подставил его для того, чтобы совершить из него возлияние. Все прочие цари также носили шлемы и тогда были в шлемах. Псамметих подставил свой шлем без всякого злого умысла, но прочие цари обратили внимание на поступок Псамметиха и нашли его отвечающим тому изречению оракула, что тот из них будет единственным царем Египта, который совершит возлияние из медной чаши. Но, припомнивши предсказание оракула, они не нашли нужным лишать жизни Псамметиха, так как по исследованию убедились, что поступок совершен был без всякого умысла. Поэтому они порешили лишить его значительной доли власти и сослать в болота, с воспрещением отлучаться оттуда или вступать в сношения с остальным Египтом.

...Считая поступок их крайней для себя обидой, Псамметих задумал отомстить своим гонителям. С этой целью он послал в город Буто, где находится правдивейшее египетское прорицалище, спросить оракула Латоны²: в ответ получено было изречение, что месть наступит с моря, когда появятся медные люди; он совсем не поверил тому, будто получит помощь от медных людей. Между тем немного спустя ионийцы и карийцы во время разбойничьих странствований по морю занесены были в Египет. Они высадились на сушу в медных доспехах, о чем какой-то египтянин, пришедший в болото, и дал знать Псамметиху; никогда раньше он не видел людей в медном вооружении и потому сообщал теперь, что с моря явились медные люди и опустошают равнину. Изгнанник усмотрел в этом исполнение прорицания, оказал ионийцам и каринцам радушный прием и щедрыми обещаниями склонил их остаться у него на службе, а потом при их содействии и вместе с охотниками из египтян свергнул царей с престола.

Псамметих таким образом овладел всем Египтом...

Пособникам своим, ионийцам и карийцам, Псамметих отвел для поселения земли, лежащие одна против другой и разделенные Нилом, эти участки земли получили название Лагерьей. Кроме земли, царь дал им все, что обещал... Ионийцы и карийцы занимали эти земли долгое время; лежат они подле моря немного ниже города Бубастиса, на так называемом Пелусийском устье Нила. Впоследствии царь Амасис³ переселил их отсюда в Мемфис, образовавши из них стражу для себя против египтян. Благодаря поселению этих отрядов в Египте и сношения с ними эллинов, мы знаем достоверно все, что делается в Египте со времени царя Псамметиха и позже; это были первые иноязычные поселенцы в Египте. На покинутых местах жительства еще в мое время были следы корабельных стоянок и обломки домов.

¹ Гефест – здесь: египетский бог Пта.

² Оракул Латоны в городе Буто возле Себеннитского устья Нила. Латона – здесь: египетская богиня Уаджит – покровительница Нижнего Египта.

³ Амасис II – предпоследний фараон XXVI династии.

Надпись на левой ноге колосса Рамсеса II в Нубии в Абу-Симбеле

Представление о том, как далеко уходили от своей родины греки вытесняемые условиями социально-экономического развития, дает, например, надпись на статуе Рамсеса II в Нубии. Следует обратить внимание на трудности изучения старины и на тот факт, что в числе исторических источников в данном случае оказалась запись, появившаяся в результате того, что недисциплинированные греческие наемники фактически испортили статую, самовольно вырезав на ней свои имена. Но эта запись из-за отсутствия других сведений является теперь важным документом: подлинным свидетельством того, что греки в начале VI в. до н. э. были в Нубии.

Надпись вырезали греческие наемники, которые служили в войсках Псамметиха II во время его похода в Элефантину в начале VI в. до н. э.

Когда царь Псамметих пришел в Элефантину, это написали те, которые плыли с Псамметихом сыном Феокла. Они продвинулись выше Керкия, насколько позволяла река. Иноязычными командовал Потасимто, египтянами – Амасис. Запись о нас сделали Архон сын Амебихо и Пелек сын Худамо.

Служба греческого наемника в Вавилоне (Алкей, «Послание брату»)

Алкей жил в первой половине VI в. до н. э. Поэт-аристократ, уроженец о. Лесбоса. Представитель мелической песенной лирики. От песен его сохранились лишь отрывки. Стихотворение свое он посвятил брату-наемнику. Отрывок указывает на связи греков даже с Вавилоном, куда пошел служить, очевидно, изгнанный из родного о. Лесбоса, в результате свержения там власти аристократии, брат Алкея.

Из стран далеких
меч ты принес домой,
А рукоять то
кости слоновой вся
В золотой оправе.
Знать вавилонянам
Служил ты храбро
с доблестью эллинской
Ты бился на смерть
единоборствуя;
Сразил из царских
телохранителей
Ты великана
чуть ли не в пять локтей.

Договор между Элидой и Гереей (VI в. до н. э.)

Надпись содержит текст договора, заключенного между Элидой и Гереей – двумя государствами в Пелопоннесе. Статьи договора дают возможность судить о характере первых политических соглашений, заключавшихся между греческими государствами.

Договор между элейцами и герейцами. Да будет союз на сто лет начиная с нынешнего года. Если будет какая-либо потребность в слове или деле, пусть помогают друг другу и во всем прочем, и в особенности на войне. Если же не станут помогать, то пусть те, кто нарушит договор, уплатят талант серебра¹ в казну Зевса Олимпийского². А если кто повредит эту надпись, частный ли человек, или должностное лицо, или народ, то пусть он будет подвергнут священному штрафу, о котором здесь написано.

¹ По эгинской системе мер, принятой во многих городах Пелопоннеса, 1 талант равнялся 36,5 кг.

² Т.е. в священную казну храма Зевса в Олимпии.

Договор между халадрийцами и Девкалионом (VI в. до н. э.)

Халадрийцы – граждане одного из маленьких городков в Элиде, Девкалион – лицо неизвестное. Договор предоставляет Девкалиону права халадрийского гражданства и другие привилегии. Это одно из самых ранних постановлений о предоставлении прав гражданства иностранцу.

Договор между халадрийцами и Девкалионом. Да будет Девкалион халадрийцем и сам он, и потомство его; наравне с другими пусть назначается проксеном¹ и демиургом. Пусть также имеет землю в Пиее². Если же кто станет отнимать (ее у него), обличить виновного перед Зевсом³, если так будет угодно народу.

¹Проксеи – почетное звание. Если гражданин какого-либо государства постоянно оказывал услуги гражданам другого государства, то это последнее в знак признательности могло назначить его своим проксеном (общественным гостеприимцем) и предоставить ему ряд привилегий. Роль проксенов – своеобразных посредников в сношениях одного государства с другим – была особенно велика в условиях греческого партикуляризма.

²Город в Элиде, недалеко от Олимпии; по-видимому, к этому времени уже был захвачен элейцами. Халадрийцы, очевидно, помогали элейцам и за это получили часть земель Писы. Владел ли Девкалион уже раньше землей в Писе или получил ее теперь от халадрийцев в качестве дара, остается неясным.

³Т. е. перед жрецами храма Зевса в Олимпии.

Договор между анетянами и метапийцами (VI в. до н. э.)

Анетяне и метапийцы – граждане двух маленьких общин в Элиде. Заключенный ими договор о дружбе является образцом такого рода соглашений в древнейший период греческой истории.

Договор. Анетянам и метапийцам заключить дружбу на пятьдесят лет. А кто из них не станет соблюдать (договора), тех пусть отлучат от алтаря (Зевса в Олимпии)¹ проксены и прорицатели. Если они² преступят клятву, то пусть решают тогда жрецы храма (Зевса) в Олимпии.

Речь идет о запрете совершать торжественные жертвоприношения на алтаре в храме Зевса в Олимпии. В те времена это было серьезной религиозной и политической санкцией.

²Т.е. проксены и прорицатели.

Посредничество Аргоса между Кноссом и Тилиссом (около 450 г. до н. э.)

Надпись, найденная в Аргосе. Содержит текст договора, регулирующего отношения между Кноссом и Тилиссом – двумя соседними городами на Крите. Договор составлен аргивянами на основании предварительного соглашения, к которому еще раньше пришли Кнос и Тилисс. Текст этого соглашения использован, по-видимому, почти без всякого изменения (ср. неоднократные упоминания о кноссиях и тилиссиях в первом лице). Однако понадобилось авторитетное вмешательство Аргоса, связанного с Кноссом и Тилиссом узами родства, общностью религиозных культов и языка, чтобы придать этому соглашению силу окончательного договора. Документ содержит интересные сведения о политическом и экономическом развитии городов Крита и Аргоса в V в. до н. э.

I. ...Тилиссиянину разрешается безнаказанно заниматься грабежом повсюду, кроме районов, принадлежащих городу кноссиян. Все, что мы захватим вместе у врагов, от всего этого при дележе пусть (тилиссияне) имеют: от захваченного на суше – третью часть, а от захваченного на море – половину. Священную же десятину от всего, что мы захватим совместно, пусть имеют кноссияне. Из военной добычи¹ самое лучшее пусть и те и другие совместно отправляют в Пифо², прочее же пусть и те и другие совместно посвящают Аресу в Кноссе.

II. Разрешается вывоз товаров из Кносса в Тилисс и из Тилисса в Кнос. Однако если (тилиссиянин) будет вывозить товары (из Кносса) в другие государства, то пусть он платит столько же пошлины, сколько и кноссияне. Из Тилисса же он может вывозить товары куда угодно.

III. Посейдону на Иите³ пусть приносит жертвы кносский жрец. Гере в Герейоне⁴ пусть приносят в жертву корову и те и другие совместно. Жертвы же пусть совершают перед Гиацинтиями.

IV. ...начало месяца справлять одинаково и тем и другим⁵.

V. Пусть кноссиянин не приобретает имущество⁶ в Тилиссе, тилиссиянин же при желании может приобретать имущество в Кноссе.

VI. Ни тем, ни другим не разрешается захватывать территорию, принадлежащую другой стороне, ни частично, ни целиком.

VII. Границы владений (кноссиян и тилиссиян): Кабанья гора – Орлы – Артемисий – участок правителя – река – затем к Левкопору и Агафеям, следуя течению дождевой воды, – затем Лаос⁷.

VIII. Каждый раз, когда мы приносим в жертву Маханею⁸ шестьдесят отборных баранов, Гере также следует уделять по бедру от каждой жертвы.

IX. Если несколько городов⁹ захватят имущество у неприятеля, то пусть будет так, как решат между собой кноссияне и аргивяне.

X. Аресу и Афродите пусть приносит жертвы кносский жрец; пусть он получает в награду по бедру от каждой (жертвы).

XI. Пусть правитель владеет участком в Ахарне¹⁰.

XII. Пусть кноссияне оказывают гостеприимство тем, кто приносит жертвы (в Кноссе), а аргивяне – хору (кноссиян?) в Тилиссе.

XIII. Если кноссиянин позовет послов (из Тилисса), они должны следовать за ним, куда он пожелает. А если тилиссиянин позовет кноссиянина, тот должен поступать точно так же¹¹.

XIV. Если же они не будут оказывать гостеприимство друг другу, то пусть Совет (в Тилиссе?) немедленно наложит на (кносских?) космов штраф в десять статеров; точно так же пусть поступает и

кноссиянин по отношению к Тилиссу.

Стела эта воздвигнута при царе¹² Меланте Председателем был Ликотад из филы Гиллеев.

Народное собрание¹³, посвященное делам культа, (когда) председателем Совета был Архистрат из фратрии Ликофронидов, постановило: пусть тилиссяне прибавят к надписи на стеле следующие слова:

XV. Если кто-нибудь из тилиссян прибудет в Аргос, пусть он пользуется точно такими же правами, как и кноссияне.

¹ По-видимому, речь идет об оружии, захваченном у врагов на поле боя.

² Т.е. в Дельфы.

³ По-видимому, название какой-то горы

⁴ Храм Геры, местоположение неизвестно.

⁵ Трудно сказать, что здесь подвергается унификации календарь или священные обряды которыми отмечалось начало месяца, или и то и другое вместе.

⁶ Здесь и ниже имеется в виду недвижимое имущество.

⁷ Местности, перечисленные в этом параграфе, нам совершенно неизвестны. Трудно также сказать, что это за должностное лицо, которое обозначено словом «правитель».

⁸ Эпитет Зевса.

⁹ Намек на возможное расширение союза Аргос-Кносс-Тиллисс за счет присоединения других государств.

¹⁰ Некоторые ученые отождествляют эту Ахарну с современным поселением Архане (к югу от Кносса).

¹¹ Речь идет, по видимому, о совместных посольствах кноссиян и тилиссян в другие государства.

¹² Царская власть в Аргосе к этому времени была отменена. Очевидно, словом «царь» стали обозначать годовичного эпонимного магистрата,

¹³ С этого места начинается позднейшая приписка.

Договор между Эантией и Халеем (около 450 г. до н. э.)

Эантия и Халей – приморские города в Локриде Озольской. Заключенный ими договор предусматривает ограничение пиратства и урегулирование других спорных вопросов, связанных с взаимоотношениями граждан этих городов.

Пусть ни эантиец не захватывает чужеземца из земли халеян, ни халеянин – из земли эантийцев ни его самого, ни его имущества для получения выкупа; но если сам чужеземец захватывает, то можно захватывать его безнаказанно. Имущество чужеземца на море вольно брать всюду, кроме лишь гавани у города; если кто станет захватывать вопреки договору – штраф в 4 драхмы; а если продержит захваченное более 10 дней, пусть возвратит в полтора раза больше того, что захватил. Если халеянин в Эантии проживет более месяца или эантиец в Халее, то пусть подчиняется местному праву. Проксен, оказавшийся недобросовестным в исполнении обязанностей проксена, пусть подвергнется двойному штрафу. Если судьи по делам о чужеземцах разойдутся во мнениях при равенстве голосов, то пусть чужеземец, вчинивший иск, выберет добавочных присяжных из числа лучших граждан, за исключением проксена и идиооксена¹: в исках стоимостью в одну мину и более – пятнадцать человек, в исках менее ценных – девять. Если гражданин вчинит против гражданина иск в связи с каким-либо контрактом, пусть демиурги выберут судей из числа лучших граждан, принеся при этом пятикратную присягу²; такую же присягу должны принести и судьи; дело пусть решается по большинству голосов.

¹ В отличие от проксена – общественного гостеприимца – идиооксен был гостеприимцем личным (таков и точный перевод этого слова), т.е. он был связан узами гостеприимца не с целой общиной, а только с отдельным лицом.

² Речь идет, по-видимому, о принесении клятвы перед алтарями пяти различных богов.

Дельфийско-фермопильская амфикифия (Страбон, «География», IX, 3, 7)

Амфикифии (от слова «амфикифии» - «живущие окрест») – древнейший вид религиозных союзов, заключавшихся греческими государствами для совместного отправления культа в общем святилище и для мирного урегулирования спорных вопросов. Будучи первоначально чисто религиозными объединениями, амфикифии постепенно приобрели влияние и на политические отношения. Эти своеобразные религиозно-политические союзы способствовали политическому и экономическому сближению греческих полисов. Важнейшими амфикифиями были: дельфийско-фермопильская (вокруг храма Аполлона в Дельфах) и делосская (вокруг храма Аполлона на острове Делос).

Благодаря тому что Дельфы занимали такое удобное географическое положение, люди охотно сходились сюда, в особенности те, кто жил вблизи этих мест, где сложился союз амфикифионов, который должен был совещаться об общих делах и обеспечить общее попечение над храмом, ибо в нем хранились большие суммы денег и посвящения, а все это требовало тщательной охраны и благочестивого попечения. Древнейшая организация амфикифии неизвестна, и, кажется, Акрисий был первым – из тех, о ком сохранились воспоминания, – кто упорядочил отношения между амфикифиями и определил, какие полисы имеют право участия в Совете амфикифионов, предоставив каждому из этих полисов право голоса – или самостоятельно, или

вместе с другим, или даже с несколькими. Он провозгласил права амфикионов, права, которым должны следовать города в своих отношениях друг с другом. Позже были и другие попытки упорядочить организацию амфикионов, пока и этот союз не был распущен подобно тому, как был распущен Ахейский союз. Сообщают, что первыми собрались двенадцать государств; каждое посылало депутата на общее собрание, происходившее дважды в году, весной и осенью. Позже к ним присоединились и другие государства. Это общее собрание называлось Пилея, одно называлось весенней Пилеей, другое – осенней, ибо оно имело место в Пилах, которые называют также Фермопилами. Депутаты приносили жертву Деметре. Вначале разрешалось принимать участие во всех этих учреждениях и в (пользовании) храмом только живущим вблизи, позже стали приходить к оракулу и издалека, посылались подарки, основывались сокровищницы, как, например, Крезом и отцом его Алиаттом и некоторыми из жителей Италии и Сицилии.

2.4. СПАРТА

Из стихотворения Тиртея

Спартанцы завоевали многочисленное население в тот период, когда сами еще переживали стадию формирования классового общества, захватив и поработив большинство населения Лаконии и Мессении. Спартанцы были стойкими и выносливыми воинами, что нашло яркое выражение в военных песнях спартанского поэта Тиртея.

Спартанский поэт Тиртей жил в конце VII в. до н. э. В своих элегиях он отразил военные обычаи спартанцев. Элегии написаны не по-дорийски, а на традиционном для последних ионийском наречии. Произведения этого поэта пользовались огромной популярностью в Спарте. Древние греки под термином «элегия» понимали не содержание, а определенную форму стихотворения, написанного особыми двустихиями. По содержанию древнейшие элегии близки к эпосу.

УВЕЩАНИЯ

1.

Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши,
Храброму мужу в бою ради отчизны своей.
Город покинуть родной и цветущие нивы, быть нищим –
Это, напротив, удел, всех тяжелейший других.
С матерью милой, с отцом-стариком на чужбине блуждает
С малыми детками трус, с юной женою своей.
Будет он жить ненавистным для тех, у кого приютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой;
Рол свой позорит он, вид свой цветущий стыдом покрывает,
Беды, бесчестье за ним всюду летят по следам.
Если же, вправду, ни теплых забот не увидит скиталец,
Ни уваженья, стыда, ни состраданья в нужде, –
Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костью, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалейте души, выйдя с врагами на бой.
Не покидайте старейших, у коих уж слабы колена,
Вспять не бегите, предав старцев на жертву врагам;
Страшный позор вам, когда среди воинов первый упавший
Старец лежит впереди юных летями бойцов.
Старец с главой убеленной годами, с седой бородою,
Полный отваги лихой, дух испуская в пыли,
Кровью облитые члены руками прикрыть не забывши, –
Стыдно и страшно глядеть глазу на этот позор, –
Без одеянья на теле. А юноше все ведь пристойно,
Если он доблестный цвет юности нежной хранит:
Видом он дивен мужам, пока жив, и пленителен женам,
Если же в битве падет, – чудной сияет красой.
Пусть же, широко шагнув, и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав.

2.

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла –
Будьте бодры, еще Зевс не отвернулся от нас.
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины¹ –
Столько же милыми, сколь милы нам солнца лучи.
Опытны все вы в делах многослезного бога Арея,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжелой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих,
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы.
Воины те, что дерзают, сомкнувшись плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают,
Трусов же жалких вся честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог до конца рассказать все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд.
Трудно решиться ведь честному воину с тыла ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни;
Стыд и позор возбуждает мертвец, среди праха лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием.
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав,
Бедра и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукой пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелом султан над головой всколебав;
Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом вне пролетающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку, и длинною пикой
Или мечом нанося раны, врага поразит.
Ногу с ногою поставив и щит свой о щит опирая,
Грозный султан – о султан, шлем – о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с врагами,
Стиснув рукою копье или меча рукоять.
Вы же, гимнеты², иль здесь или там под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копья под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружии в бой.

¹ Подразумеваются богини судьбы.

² Гимнеты – легковооруженные.

Воспитание спартанцев (Плутарх, «Ликург», 16, 17)

Военная организация с постоянным лагерным образом жизни спартиатов, с обязательными общественными обедами, тоже относится к числу пережитков прошлого наряду с системой воспитания молодых спартиатов.

Родитель не мог сам решить вопроса о воспитании своего ребенка, он приносил его в место, называемое «лесха», где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, они разрешали отцу кормить его, выделив ему при этом один из девяти тысяч земельных участков, если же ребенок был слаб или уродлив, его кидали в так называемые «апофеты», пропасть возле Тайгета¹. По

их мнению, для самого того, кто при своем рождении был слаб и хил телом, так же как и для государства, было лучше, чтобы он не жил...²

Всех детей, которым только исполнилось семь лет, собирали вместе и делили на «агелы» или стада. Они жили и ели вместе на равных условиях и приучались играть и проводить время друг с другом. Начальником «агелы» становился тот, кто отличался среди других понятливостью и смелостью в военных состязаниях. Остальным следовало брать с него пример, слушаться его приказаний и мужественно переносить его наказания, так что школа эта была школой послушания. Старики наблюдали за играми детей и часто нарочно доводили их до ссоры и на основании этого прекрасно узнавали характер каждого – храбр ли он и не побежит ли с поля битвы.

Чтению и письму они учились из-за практической пользы, остальное же их воспитание сводилось к тому, чтобы беспрекословно слушаться, быть выносливым в беде и побеждать в борьбе. Поэтому с летами их воспитание становилось суровее – им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. Когда им исполнялось двенадцать лет, они снимали рубашку и получали на год по одному плащу. Их кожа была грубой. Они обычно не мылись и никогда не мазались; только несколько дней в году принимали участие с другими в уходе за своим телом. Спали они вместе по «илам», т. е. отделениям, и «агелам» на подстилках из тростника, растущего на берегах Еврота, который собирали сами для себя, причем рвали его руками, без помощи ножа... Старики обращали на них больше внимания, чаще ходили в их школы для гимнастических упражнений, смотрели, как они дрались, или смеялись один над другим, причем делали это не мимоходом, – все они считали себя отцами, учителями и наставниками молодых людей, так что не было такого момента, ни такого скрытого места, где бы провинившийся молодой человек мог избежать выговора или наказания. Кроме того, к ним приставлялся из лучших достойнейших граждан еще другой воспитатель «педоном», сами же они выбирали из каждой агелы всегда самого умного и смелого в так называемые «ирены». «Иренами» назывались те, кто уже второй год как вышел из детского возраста. «Меллиренами» называли самых старших из мальчиков. Такие двадцатилетние ирены начальствовали над своими подчиненными в сражениях, дома же пользовались их услугами за обедом. Взрослым они приказывали собирать дрова, маленьким – овощи. Они приносили все, своровав где-нибудь: одни делали это в садах, другие прокрадывались в сисситии взрослых мужей, стараясь действовать ловко и осторожно. Если кто попадался, того без пощады били плетью как плохого, неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и кушанья, причем учились нападать на заснувших и нерадивых сторожей. Кого ловили в воровстве, того в наказание били плетью и заставляли голодать: пища спартанцев была очень скудная, для того чтобы принудить их собственными силами бороться с лишениями и быть смелыми и ловкими.

¹ Горный хребет, отделяющий Лаконию от Мессении.

² Убийство хилых новорожденных детей – пережиток от времен находившегося на очень низком экономическом уровне родового общества. Все воспитание напоминает возрастные группы и мужские союзы в родовом обществе.

Спартанцы. Илоты (Плутарх, «Ликург», 24)

Этот отрывок и следующие за ним содержат сведения об илотах, поработанном завоевателями-спартанцами древнейшем населении Лаконии и Мессении.

Среди предоставленных Ликургом своим согражданам преимуществ было одно прекрасное, достойное того, чтобы ему позавидовать. Оно состояло в том, что у них было много свободного времени; ведь заниматься ни ремеслами, ни искусством им совершенно не разрешалось, копить же богатство, что сопряжено с большим трудом и со многими заботами, им не было никакой надобности, так как богатству уже никто не завидовал и оно не было в почете. Землю обрабатывали им илоты, платившие им установленный оброк.

Один спартанец, проживавший в Афинах, когда там разбирались судебные дела, и узнавший, что кого-то осудили за праздность¹ заметил, что этот человек ходит в унынии, в сопровождении печальных, грустных друзей. Спартанец попросил окружающих сказать ему, кто этот человек, осужденный «за любовь к свободе!» Так глубоко презирали спартанцы занятия ремеслом или имевшие целью наживу.

¹ Закон о судебном преследовании за праздность был издан в Афинах Солоном. Он не имел в виду праздности аристократов.

Криптия (Плутарх, «Ликург», 28)

С целью устрашения массы эксплуатируемых илотов, спартанцы периодически истребляли наиболее энергичных и сильных илотов, оформляя эти убийства в виде особых войн – «криптий», которые велись против обыкновенно безоружных илотов. Использование в отдельных случаях илотов на войне не отражалось на их традиционном приниженном состоянии.

Так называемая криптия у спартанцев... состояла в следующем. Время от времени старшины над молодыми спартиатами посылали тех, кто проявлял наибольшую сообразительность, бродить по стране без определенной цели; они не брали с собой ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они рассеивались по прикрытым местам, прятались там и спали, по ночам же выходили на дороги, и тех из илотов, которые попадались им в руки, они закалывали. Часто также, проходя по полям, они убивали самых крепких и сильных илотов. Как рассказывает Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны», спартиаты выбрали из илотов особенно отличавшихся храбростью, надели на них венки, как будто бы, чтобы объявить их свободными, и стали обходить с ними священные храмы богов, а немного времени спустя они все бесследно пропали, причем их было более 2 000, и никто ни тогда, ни после не мог сказать, каким образом они были уничтожены. Аристотель настойчиво утверждает, что и эфоры, когда вступали в должность, прежде всего объявляли илотам войну, чтобы убийство их имело законную силу. И во всем остальном спартиаты поступали с илотами сурово и жестоко. Кто говорит, что в Спарте свободные пользуются наивысшей свободой, а рабы пребывают в самом тяжелом порабощении, тот хорошо понимает разницу в их положении.

О происхождении илотов (Павсаний, «Описание Эллады», III, 20)

Павсаний жил во II в.н.э. во времена Антонинов. Родился он в Малой Азии. Много путешествовал, особенно по Элладе. Его произведение «Описание Эллады» в 10 книгах является подробным путеводителем, описывающим памятники религии и искусства. Попутно он сообщает различные сведения по географии и истории и приводит различные мифы и предания Эллады.

а) Около моря был городок Гелос¹ – о нем говорит и Гомер в своем «Каталоге»² при упоминании о лакедемонянах («Илиада», II, 584.): «Живших в Амиклах³ стенах и в Гелосе, граде приморском». Он был основан Гелием, самым младшим из сыновей Персея⁴; впоследствии доряне взяли его осадой. Жители этого города стали первыми общественными рабами⁵ лакедемонян и первые были названы илотами, т.е. «взятыми в плен», каковыми они и были на самом деле. Имя илотов затем распространилось и на рабов, приобретенных впоследствии, хотя, например, мессенцы были дорийцами...

¹ Небольшой город в Лаконии, к востоку от реки Еврот.

² «Каталог кораблей» («Илиада», II) – перечень кораблей и отрядов, высланных различными эллинскими племенами под Трою, считается поздней вставкой.

³ Амиклы – древний главный город Лаконии.

⁴ Персей – мифический герой Аргоса. Сын Зевса и Данаи. Убил чудовище Медузу и спас от морского чудовища эфиопскую царевну Андромеду.

⁵ Илоты принадлежали всей спартанской общине в целом, а не отдельным спартиатам; см. введение к этому разделу.

О происхождении илотов (Страбон, «География», VIII, 5)

Все окрестные жители находились в подчинении у спартанцев, хотя пользовались общими с ними законами, принимали участие в делах республики и могли занимать должности (назывались они илотами). Однако Агис, сын Еврисфена¹, отнял у них равенство положения, обязавши платить Спарте дань. Все прочие подчинились; одни гелейцы, владевшие городом Гелосом, подняли восстание, были побеждены в войне и объявлены рабами с некоторыми, впрочем, ограничениями: чтобы господин не мог ни освободить такого раба, ни продать его за пределы Лаконики. Война эта названа была войною против илотов. Вообще весь институт илотов, который существовал все время до покорения Лаконики римлянами, установлен Агисом и его товарищами. Лакедемоняне имели в илотах общественных рабов, отвели им особые жилища и назначили определенные занятия².

¹ Мифический спартанский царь, потомок Геракла. По его имени одна из двух одновременно царствовавших в Спарте династий называлась династией Агиадов.

² Основным занятием илотов было земледелие.

Недоверие спартанцев к илотам (Либаний, «Речи», 25, 63)

Либаний (314–393 гг.) – знаменитый софист Восточной Римской империи родом из Антиохии. До нас дошли его речи и письма. В некоторых из них сохранились ценные ссылки на древних авторов классической эпохи, сочинения которых утрачены.

Напряженность внутреннего положения не давала возможности спартамцам вести активную внешнюю политику и обусловила относительную пассивность во втором периоде греко-персидских войн. Тогда как, выход на широкую арену международных отношений во время Пелопоннесской войны привел к быстрому кризису и разложению отсталого общественного строя Спарты.

Лакедемоняне дали себе против илотов полную свободу убивать их, и о них Критий говорит, что в Лакедемонии существует самое полное рабство одних и самая полная свобода других.

«Ведь из-за чего другого, – говорит сам Критий, – как не из-за недоверия к этим самым илотам спартиат отбирает у них дома ручку щита? Ведь он не делает этого на войне, потому что там часто необходимо быть в высшей степени расторопным. Он всегда ходит, держа в руках копье, чтобы оказаться сильнее илота, если тот взбунтуется, будучи вооружен одним лишь щитом. Они избрели себе также и запоры, с помощью которых они полагают преодолеть козни илотов».

Это было бы то же самое (критикует Либаний Крития), что жить совместно с кем-нибудь, испытывая перед ним страх и не смея отдохнуть от ожидания опасностей. И как могут те, которых и во время завтрака, и во сне, и при отправлении какой-либо другой потребности, вооружает страх по отношению к рабам, как могут такие люди... наслаждаться настоящей свободой?... Подобно тому, как цари у них отнюдь не были свободными, ввиду того, что эфоры имели власть вязать и казнить царя, так и все спартиаты лишились своей свободы, живя в условиях ненависти со стороны рабов.

2.5. АФИНЫ

Из истории Афинского государства (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 2, 5-6)

Аттика, по причине скудости почвы, с самых давних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда занята была одним и тем же населением. Весьма важным подтверждением этой мысли служит и то, что в остальных частях Эллады население вследствие иммиграции увеличилось не в одинаковой степени с Атикой.

Объясняется это тем, что вытесняемые войною, или междоусобицами, самые могущие обитатели из прочей Эллады удалялись к афинянам, так как те сидели на земле крепко и, становясь тотчас гражданами в Аттике, уже с давней поры сделали государство еще большим по количеству населения, так что впоследствии, когда в Аттике не оказывалось достаточно земли, афиняне отправляли колонии даже в Ионию.

2.6. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ ПЕРИОД ПРЕОБЛАДАНИЯ АФИН

Ионийское восстание (около 500 г. до н. э.) (Геродот, «История», V, 98-99; VI, 6, 18-20)

Ионийское восстание (499-493 гг. до н. э.) – восстание греческих городов, расположенных в Ионии (Малая Азия) против Персидской империи, ставшее началом греко-персидских войн. Восстание было вызвано недовольством жителей восточного побережья Эгейского моря властью персов. Инициаторами восстания стали тираны Милета Гистий и Аристагор, о чем и рассказывает Геродот.

Аристагор поплыл вперед и по прибытии в Милет употребил следующую хитрость (пользы от нее для ионян не ожидалось никакой, и не ради этого Аристагор придумал ее, но лишь для того, чтобы причинить огорчение Дарию): он отправил посла в Фригию к пеонам, которые после покорения Мегабазом были переселены туда от реки Стримона; во Фригии они занимали особую местность и деревню. Явившись к пеонам, посол сказал им так: «Меня прислал к вам, пеоны, тиран Милета Аристагор для того, чтобы посоветовать вам средство к освобождению, если только вы пожелаете последовать его совету. В настоящее время против персидского царя восстала вся Иония, что дает вам возможность возвратиться на родину при следующих условиях: о пути до моря вы должны позаботиться сами, дальше от моря мы позаботимся о вас». Пеоны

чрезвычайно обрадовались этому известию и с детьми и женами поспешно направились к морю; впрочем, некоторые из них из страха не двинулись с места. По прибытии к морю пеоны перешли на Хиос, и в то время когда они находились уже на острове, появился большой отряд персидской конницы, следовавший за ними по пятам. Не захвативши здесь пеонов, персы послали на Хиос требование, чтобы они возвратились назад; но пеоны отказались повиноваться, а жители Хиоса переправили их с своего острова на Лесбос, лесбосцы в Дориск, отсюда сухим путем они отправились дальше и прибыли наконец в Пеонию.

Так действовал Аристагор. Между тем афиняне прибыли в Милет на двадцати кораблях вместе с пятью эретрийскими триремами; эретрияне выступили в поход не ради афинян, но ради самих милетян, воздавая им за оказанные ранее услуги. Некогда милетяне помогали эретриянам в войне с халкидянами, между тем как халкидянам против эретриян и милетян помогали самосцы. По прибытии этих и прочих союзников Аристагор предпринял поход на Сарды.

Сам он, впрочем, в поход не выступил, но оставался в Милете, назначивши в вожди милетян других лиц: родного брата Хоропина и одного из их сограждан, Гермифанта.

...Между тем в Милете ожидали приближения врагов – большого флота и сухопутного войска. Ибо персидские военачальники объединились и, образовав одно войско, двинулись на Милет, оставляя в стороне другие города. Во флоте самую значительную роль играли финикийцы, вместе с ними выступили в поход недавно покоренные жители Кипра, а также киликийцы и египтяне...

Персы же, победив ионийцев в морском сражении, осадили Милет с суши и с моря, подвели различные осадные машины и подкопали стены города. Полностью город был взят на шестом году после начала восстания, поднятого Аристагором. Жители города были обращены в рабство. Таким образом, судьба Милета сложилась именно так, как предсказывал ему оракул.

Когда аргивяне спросили оракула в Дельфах о том, как спасти свой город, то они получили такой ответ, который в целом относился к аргивянам, но имел добавление, касавшееся жителей Милета. Ту часть изречения, которая относится к аргивянам, я приведу тогда, когда о них пойдет речь. Милетянам же, хотя они и не присутствовали в Дельфах, было дано такое предсказание:

Время придет, о Милет, ты, зачинщик всех дел безобразных,

Станешь добычей для многих, доставишь роскошные яства.

Длинноволосым мужам твои жены мыть будут ноги,

И для других уж заботою храм наш в Дидимах станет.

Такая судьба и постигла тогда милетян: большинство мужчин было убито длинноволосыми персами, женщины и дети прекращены в рабов, святыни в Дидимах, храм и прорицалище, были разграблены и сожжены. О сокровищах этого храма я уже много раз упоминал в других местах.

Затем плененные милетяне были уведены в Сузы. Царь Дарий не причинил им никакого зла и поселил их на берегу Эритрейского моря, в городе Ампе у устья реки Тигра. Что же касается области Милета, то окрестности города и равнину заняли сами персы, а горные местности они отдали во владение карийцам из Педаса.

Эсхил о войске персов, вторгшемся в Элладу (Эсхил, «Персы», 1-64)

Великий греческий трагик Эсхил (525-456 гг. до н. э.) – современник и участник греко-персидских войн, является автором трагедии «Персы», в которой излагает события, связанные с этой трагической страницей в истории Греции.

Все персидское войско в Элладу ушло.

А мы, старики, на страже стоим

Дворцов золотых, домов дорогих

Родимого края. Сам царь велел,

Сын Дария, Ксеркс,

Старейшим, испытанным слугам своим

Беречь эту землю свято.

Но вещей тревогой душа смущена,

Недоброе чует. Вернется ль домой

С победою царь, вернется ли рать,

Блиставшая силой?

Весь Азии цвет в чужой стороне

Воюет. О муже плачет жена.

А войско не шлет ни пеших гонцов,

Ни конных в столицу персов.

Отовсюду – из Суз, Экбатан, от ворот
Башен древних киссийских –
И в строю корабельном, и в конном строю,
И в рядах пехотинцев, потоком сплошным,
Уходили бойцы на битву.
Их вели в поход Амистр, Артафрен,
Мегабат и Астасп – четыре царя
При царе величайшем,
Персов славных вожди, начальники войск,
Стрелки-силачи на быстрых конях,
Суровы на вид, в бою горячи,
Непреклонны душой, отваги полны
И грозной удалью славны.
Затем Артембар, верхом на коне,
Масист и лучник меткий Имей,
Славный боец, затем Фарандак
И конник Состан за ними.
Других послал плодоносный Нил,
Могучий поток. Пошел Сусискан,
Пошел египтянин Пегастагон,
Пошел священного Мемфиса царь,
Великий Арсам, и Ариомард,
Владыка и вождь вековечных Фив,
И гребцы, что в болотах Дельты живут,
Несметной пошли толпою.
За ними – лидийцы, изнеженный люд,
У них под пятою весь материк.
А лидийскую рать в поход повели
Митрогат и Арктей, вожди и цари.
И от Сард золотых по воле владык
Колесницы с бойцами помчались вдаль,
То четверки коней, то шестерки коней,
Поглядишь – и замрешь от страха.
И Тмола, священной горы, сыны
На Элладу ярмо пожелали надеть –
Мардон, Тарибид, копьеметная рать
Мисийцев. И сам Вавилон золотой,
Отовсюду войско свое собрав,
Послал на войну – и в пешем строю
Стрелков, и суда, одно за другим.
Так Азия вся по зову царя
Взялась за оружие, и с места снялась,
И в Грецию двинулась грозно.
Так мощь и красу Персидской земли
Война унесла.
Вся Азия-мать о тех, кто ушел,
Тоскует в слезах, тревогой томясь.
Родители, жены считают дни.
И тянется, тянется время.

Геродот о роли Афин в войне против персов (Геродот, «История», VIII, 139)

Геродот дописывал свой труд в начале Пелопоннесской войны, когда не только члены Пелопоннесского союза, но и часть афинских союзников была настроена антиафински.

Здесь я вынужден высказать мнение, ненавистное для большинства эллинов, однако не стану умалчивать о том, что представляется мне истиной. Если бы афиняне из страха перед угрожающей опасностью покинули свою страну или, не покидая ее и оставаясь на месте, отдались бы Ксерксу, никто бы не решился выступить

против царя на море... Вот почему, не погрешая против истины, афинян можно назвать спасителями Эллады; ибо то решение дела должно было возобладать, какое избрали афиняне.

Фукидид о греко-персидских войнах (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 16, 18)

Оформившиеся в архаическую эпоху греческие рабовладельческие полисы подверглись в начале V в. до н. э. тяжкому испытанию: нашествию персидской деспотии, округлявшей свои владения на западе. Представленный документ – отрывок из труда Фукидида – хорошо показывает последовательную агрессию персов.

На ионийцев в то время, когда благосостояние их сильно возросло, обрушилось войною персидское царство, с Киром во главе¹, после покорения им Креза² и всех земель по сю сторону реки Галиса³ до моря. Кир поработил города на материке, а впоследствии Дарий⁴, опираясь на финикийский флот, подчинил себе и острова...

Немного лет спустя после упразднения тирании в Элладе произошло при Марафоне сражение персов с афинянами⁵. На десятом году после этой битвы персы снова явились в Элладу с огромным войском с целью поработить ее. Когда над головою всех повисла великая опасность, лакедемоняне, опираясь на превосходство своих сил, стали во главе общеэллинского ополчения, а афиняне, при наступлении персов, решили покинуть свой город, собрали свое имущество, сели на корабли и таким образом сделали морским народом. Вскоре после отражения персов общими силами эллины, как те, что отложились от персидского царя, так и те, которые вместе воевали, распределились между афинянами и лакедемонянами. И те и другие действительно оказались наиболее могущественными: лакедемоняне сильны были на суше, афиняне на море.

(Из речи Перикла в афинском народном собрании накануне Пелопоннесской войны) 6 (1, 144.).

Отцы наши противостояли... персам; они были не в таком блестящем положении, как мы теперь, но сохранили и то, что у них было, и отразили варваров, благодаря не столько слепому счастью, как собственному благоразумию, не столько материальными силами, сколько нравственной отвагой.

¹ В 548 г. до н. э.

² Крез – последний царь Лидии. Побежден и взят в плен персидским царем-завоевателем Киром в 546 г. до н. э.

³ Река в центральной части Малой Азии впадает в Черное море (совр. Кызыл-Ирмак).

⁴ Дарий I (521-486 гг. до н. э.), Ксеркс (486-465 гг. до н. э.) и Артаксеркс I (465-424 гг. до н. э.) – персидские цари.

⁵ В 490 г. до н. э.

⁶ 431 г. до н. э.

Битва при Марафоне (Геродот, «История», VI, 102-103, 105-106, 108, 109-116, 117, 120)

Битва при Марафоне – образец быстрого и решительного отпора врагу. Подробное описание Марафонского сражения можно встретить у Геродота. Оно очень интересно как по военным, так и по социально-бытовым подробностям. В рассказе есть элементы чудесного, характеризующие архаическое мировоззрение защитников Афин, так как Геродот, описывая события недавнего прошлого, широко использовал народное предание. Но следует отметить, что спартанцы, которым персидский отряд, высадившийся у Марафона, непосредственно не угрожал, медлили помочь афинянам, ссылаясь на неблагоприятное время, а именно на то, что полнолуние еще не наступило. А афиняне, на которых персы уже напали, полнолуния не ожидали и сразу далк отпор врагу. На материале можно познакомиться с организацией афинской армии, которой командовали 11 военачальников по очереди, со способом ведения боя и, частично, – с вооружением. Марафонская победа, хотя и была одержана только над отдельным отрядом персидской армии, имела большое моральное значение, так как являлась первым значительным поражением персов.

Овладев Эретрией¹ и простояв там несколько дней, персы с быстротой отправились в Аттику... Так как Марафон² был наиболее удобною местностью для конницы и находился очень близко к Эретрии, то Гиппий³, сын Писистрата, и повел сюда персидское войско.

Услышав об этом, афиняне также устремились к Марафону. Предводительствовали ими десять стратегов; десятым был Мильтиад⁴.

Еще до выступления из города полководцы отправили в Спарту глашатаем Фидиппида, афинянина, известного скорохода, исполнявшего эту обязанность. С Фидиппидом подле горы Парфения⁵, что над Тегеей⁶, повстречался, как он сам рассказывал афинянам, Пан⁷. По его словам, Пан громко назвал его именем Фидиппида и велел, спросить афинян, почему они вовсе не чтут его, тогда как он благосклонен к ним, много раз уже оказал им услуги и еще окажет. Так как дела их складывались благоприятно, афиняне убедились в правдивости этого рассказа и соорудили святилище Пану у подножия акрополя⁸ и чтут божество со времени этого известия ежегодными жертвами и процессией с факелами.

Этот-то Фидиппид и был послан в то время полководцами; тогда же, как он говорил, явился ему Пан. Вышедши из города афинян, он на другой день был в Спарте, явился к правителям ее и сказал: «Афиняне

просят вас, лакедемоняне, оказать им помощь и не допускать, чтобы древнейший из эллинских городов подпал под иго варваров. Ведь Эретрия уже поработана, и Эллада одним славным городом стала беднее». Глашатай сообщил, что ему поручено, а лакедемоняне решили помочь афинянам; но сделать этого тотчас они не могли, так как не желали нарушать обычая: был девятый день месяца, а выступать в девятый день они отказались, так как не было полнолуния. Следовательно, лакедемоняне ждали полнолуния...

На помощь афинянам, расположившимся подле святилища Геракла, прибыли все платейцы⁹, как один человек... Мнения афинских стратегов разделились: одни из них не желали битвы, так как эллины были слишком малочисленны для сражения с мидянами, другие, в том числе и Мильтиад, советовали дать битву. Из двух мнений должно было одержать верх худшее. Между тем одиннадцатым подающим голос было лицо, по жребию выбранное в афинские военачальники: дело в том, что в старину афиняне предоставляли полемарху в отношении подачи голоса равное право со стратегами¹⁰; полемархом в то время был Каллимах из Афин... Мильтиад склонил его на свою сторону, и когда полемарх подал свой голос, решено было дать сражение. После этого все стратеги, по мнению которых следовало сражаться, уступали Мильтиаду свое право командования по мере того, как наступала очередь того или другого из них. Хотя Мильтиад принимал это, но не давал битвы до тех пор, пока очередь командования не дошла до него.

Когда очередь дошла до Мильтиада, афиняне выстроены были в боевой порядок следующим образом: правым крылом предводительствовал полемарх Каллимах; в силу существовавшего тогда у афинян закона полемарх должен был занимать правое крыло. За правым крылом с Каллимахом во главе следовали филы¹¹ одна за другой, в том самом порядке, в каком велся им счет; крайними воинами, занимавшими левое крыло, были платейцы... Когда афиняне выстроились на Марафоне, оказалось следующее: боевая линия их равнялась боевой линии мидян, но среднюю часть ее занимало мало рядов, вследствие чего в этом пункте линия была очень слаба, тогда как оба крыла ее сильны были количеством рядов.

Выстроившись таким образом и получив счастливые жертвенные знамения, афиняне по данному сигналу двинулись с места и бегом устремились на варваров. Расстояние между воюющими было не меньше восьми стадиев¹². При виде бегущего на них врага персы готовились отразить его, полагая, что афиняне обезумели и идут на верную гибель, если устремляются на них бегом в не большом количестве, без конницы и без стрелков из лука. Так решили о них варвары. Между тем афиняне всем своим войском ударили на варваров и сражались отважно. Насколько мы знаем, афиняне были первыми из эллинов, нападавшими на врага бегом; они же первые могли выдержать вид мидийской одежды и одетых по-мидийски людей¹³, до того времени одно имя мидян наводило ужас на эллинов.

Сражение при Марафоне было продолжительное. Середину афинской боевой линии, против которой стояли персы и саки¹⁴, варвары одолели. Одержав здесь победу и прорвав ряды, они преследовали афинян в глубь материка; но на флангах победа осталась за афинянами и платейцами. Оба фланга после победы не преследовали тех неприятелей, которые обращены были в бегство, но сомкнули свои ряды и вступили в бой с теми варварами, которые прорвались через середину их линии, и здесь победа досталась афинянам. Бегущих персов они преследовали и убивали, пока не достигли моря; здесь они требовали огня и хватались за корабли. В этом сражении погиб полемарх Каллимах, отличившийся храбростью. На остальных кораблях варвары снова отплыли в море и, захватив с собою тех пленных из Эретрии, которых оставили раньше на острове, поплыли кругом Суния¹⁵, рассчитывая подойти к городу раньше афинян. Но афиняне со всею быстротою ног устремились на защиту города и достигли его раньше, нежели варвары; прибыв от Гераклова святилища на Марафоне, они и здесь расположились лагерем также подле святилища Геракла, что в Киносарге¹⁶. Варвары поднялись на кораблях своих выше Фалера, который в то время был афинскою гаванью, постояли там некоторое время и отплыли обратно в Азию.

...В Марафонском сражении пало со стороны варваров около шести тысяч четырехсот человек, а со стороны афинян сто девяносто два. Столько погибло с обеих сторон. Что касается лакедемонян, то после полнолуния они явились в Афины в числе двух тысяч человек, причем шли с такою поспешностью, что на третий день по выходе из Спарты были уже в Аттике. Хотя к сражению они опоздали, но желали посмотреть на мидян, для чего отправились на Марафон и там рассмотрели их. После этого, воздавши похвалы афинянам и их подвигу, лакедемоняне возвратились домой.

¹ Эретрия – город на о. Эвбее.

² Марафон – деревня и долина у северо-восточного берега Аттики.

³ Гиппий, афинский тиран, изгнанный из Афин в 510 г. до н. э. и проживавший в Персии.

⁴ Мильтиад, сын Кимона, принадлежал к афинскому аристократическому роду Филаидов. Долгое время был тираном Херсонеса Фракийского под верховной властью персидского царя. Участвовал в походе Дария против скифов. По сообщению Геродота, предлагал разрушить мост на Дунае, чтобы воспрепятствовать возвращению Дария из Скифии и погубить его в причерноморских степях. После того как этот план потерпел неудачу, он через некоторое время покинул Херсонес и вернулся в Афины, где был избран в коллегиию 10 стратегов на 490 г. до н. э. Как знаток персидской армии оказался во главе афинского ополчения в битве при Марафоне. Впоследствии, после неудачной попытки завоевать о. Парос и интриг влиятельных афинских родов, противников Филаидов, был осужден и умер в тюрьме.

⁵ Парфений – горы на границе Арголиты и Аркадии.

⁶ Тегея – город в юго-восточной части Аркадии.

⁷ Пан – сын Гермеса, или Зевса, бог лесов и пастбищ, изображался в образе человека с козлиными ногами и рогами. Своим громким голосом он внезапно нагонял «панический страх» и считался поэтому богом, содействующим победе над врагами.

⁸ У подножья акрополя в скале была пещера Пана, около которой в его честь каждый год совершали бег с факелами.

⁹ Платея – беотийский город на границе с Аттикой.

¹⁰ Архонтов – в том числе архонта полемарха – в Афинах выбирали в народном собрании по жребию из числа кандидатов, намеченных филами.

¹¹ Подразумеваются территориальные филы, установленные Клисфеном.

¹² Стадий – мера длины, равная 177,6 м.

¹³ Мидийцами, или мидянами, греки называли персов.

¹⁴ Саки – народ, обитавший в Средней Азии по верхнему течению реки Яксарт (Сыр-Дарья).

¹⁵ Суний – мыс Суний – южная оконечность Аттики.

¹⁶ Киносарг – гимнасий – помещение для гимнастических упражнений, расположенное у восточных ворот за чертою города Афин.

Состав персидской армии, участвовавшей в походе Ксеркса (Геродот, «История», VII, 60-83)

В приведенных главах Геродот дает подробное описание состава огромной персидской армии. Для манеры изложения Геродота характерно обилие этнографических подробностей. Большое внимание он уделяет описанию одежды и вооружения разноплеменного войска персов.

Я не могу в точности определить, сколько войска доставила каждая народность, так как об этом не сообщает никто; всего же сухопутного войска оказалось миллион семьсот тысяч человек¹. Сосчитано было войско следующим образом: собрали в одно место десять тысяч человек, поставили как можно теснее друг к другу и кругом снаружи обчертили их линией; после этого десять тысяч воинов отпустили и по кругу возвели стену такой высоты, что она доходила человеку до пупа; засим вводили в огороженное пространство других воинов, пока таким образом не были сосчитаны все. По окончании счета воины распределены были по народностям.

В походе участвовали следующие народы: прежде всего персы, имевшие такое вооружение – на голове шляпы из плохо сбитого войлока, называемые тиарами, на теле пестрые хитоны с рукавами, панцирь из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи, на ногах штаны; вместо щита они имели плетенку, под которой висел колчан; копьа короткие, луки большие, стрелы тростниковые, наконец, короткие мечи на правом боку, висящие на поясе. Во главе их был отец Аместриды, супруги Ксеркса. У эллинов в древности персы назывались кефенами; сами же себя называли они артеями, равно как и соседи их. Дело в том, что сын Данаи и Зевса Персей прибыл некогда к сыну Бела Кефею, женился на дочери его Андромеде и имел от нее сына Перса, которого здесь и оставил. Случилось так, что у Кефея не было детей мужского пола, вследствие чего жители и названы были по имени Перса.

Точно в таком же вооружении выступили в поход и мидяне, потому что это собственно индийское, а не персидское вооружение. Предводителем мидян был Ахеменид Тигран. В древности все называли их ариями; только после того как из Афин к ариям прибыла халкидянка Медея, они стали называться иначе. Так повествуют о себе сами мидяне.

Что касается участвовавших в походе киссиев, то вообще они вооружены были так же, как и персы, только вместо шапки носили чалму. Во главе киссиев был сын Отанеса Анафес. Гиркании по вооружению ничем не отличались от персов, а предводительствовал ими Мегапан, который впоследствии был правителем Вавилона.

Ассирияне имели на голове медные шлемы, сплетенные из проволоки по какому-то варварскому способу, трудно объяснимому; их щиты, копьа и мечи походили на египетские; вооружены они были еще дубинками, обитыми железными гвоздями, и носили льняные панцири. Ассирияне называются у эллинов сириянами; ассириянами называли их варвары. Начальником их был Отаспес, сын Артахея.

Головной убор бактриан был очень похож на индийский; но луки у них тростниковые, бактрийские, и копьа короткие. Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, секиры, сагари. Саками называли собственно амиргийских скифов. Бактриан и саков вел Гистасп, сын Дария и Кировой дочери Атоссы.

Индийцы одеты были в платье из хлопчатой бумаги, луки и стрелы имели тростниковые, последние с железными наконечниками. Так были вооружены индийцы, а находились они под начальством Фарназафра, сына Артабата.

Арии имели луки мидийские, а остальное вооружение бактрийское. Предводительствовал ими Сисамп, сын Гидарна. Парфяне, хорасмии, согды, гандрии и дадики имели во время похода такое же вооружение, как и бактрияне. Предводителями их были: парфян и хорасмиев – Артабаз, сын Фарнака, согдов – Азанес, сын Артея, гандариев и дадики – Лртифий, сын Лртабапа.

Каспии одеты были в хитоны из руна, имели туземные луки из тростника и акинаки. Вождем их был Ариомард, брат Лртифия. Саранги щеголяли в раскрашенных одеждах; обувь их доходила до колен; луки и копьа у них – мидийские. Вождем сарангов был сын Мсгабаза Ферендат. Пактии также носили платье из руна, вооружены были туземными луками и мечами. Начальником пактиев был Артаинт, сын Ифамитра.

Утии, мики и парикании вооружены были так же, как и пактии, а начальниками их были: утиев и миков – сын Дария Арсамен, а париканиев – сын Ойобаз Сиромитра.

Арабы носили подпоясанные плащи, луки имели длинные, висевшие на правом плече и натягивавшиеся в обратную сторону. Эфиопы покрыты были барсовыми и львиными шкурами, луки имели из пластинок пальмового дерева, длинные, не меньше как в четыре локтя, и короткие тростниковые стрелы; наконечником стрелы служил вместо железа заостренный камень, такой самый, каким режутся печати. Кроме того, они имели копья с заостренным рогом антилопы наподобие железного наконечника и обитые гвоздями дубинки; перед сражением они окрашивали себе половину тела гипсом, а другую половину — суриком. Во главе арабов и живущих над Египтом эфиопов шел сын Дария и Кировой дочери Артистоны Арсамес; Дарий любил ее больше всех жен своих и велел вычеканить изображение ее из золота. Итак, над живущими выше Египта эфиопами и над арабами начальником был Арсамес.

Восточные эфиопы — на войну шли и те и другие — поставлены были рядом с индийцами; по виду народы эти несколько не отличались друг от друга, разве только по языку и волосам. Действительно, восточные эфиопы имеют прямые волосы; между тем у ливийских эфиопов волосы так курчавы, как ни у какого другого народа. Азиатские эфиопы вооружены почти так же, как индийцы, только на голове имели кожу со лба лошади, которая снимается вместе с ушами и с гривой. Грива служит султаном на шлеме, а лошадиные уши стоят прямо и крепко. Вместо щитов они употребляют для прикрытия тела журавлиные кожи.

Ливийцы имели кожаную одежду и вооружены были копьями, на конце обоженными. Начальником их был Массагес, сын Оариза.

Пафлагонцы во время похода имели на головах плетеные шлемы, вооружены были малыми щитами и короткими копьями, сверх того имели дротики и мечи, а на ногах туземные башмаки, доходившие до середины икры. Лигии, матиены, мариандины и сирияне имели такое же вооружение, как пафлагонцы; эти сирияне называются у персов каппадоками. Во главе пафлагонцев и матиенов шел сын Сегасидра Дот, а предводителем мариандинов, лигиев и сириян был сын Гобрия и Артистоны Гобрий.

Вооружение фригийян было очень похоже на пафлагонское, мало от него отличаясь. По словам македонян, фригийяне назывались бригами до тех пор, пока жили в Европе по соседству с македонянами, а после переселения в Азию переименовали вместе со страной и имя бригав на фригийян. Армени, потомки фригийян, были вооружены так же, как и эти последние. Во главе обоих народов шел Артохмес, зять Дария.

Вооружение лидян очень походило на эллинское. Первоначально лидяне назывались мейонами, потом переименовали свое название в царствование сына Атиса Лида и назывались по его имени. Мисяне имели на головах туземные шлемы, вооружены были малыми щитами и обоженными на конце дротиками. Это — потомки лидян, от горы Олимпа носящие название олимпийцев. Лидянами и мисянами предводительствовал Артафрен, сын того Артафрена, который вместе с Датисом напал на Марафон.

Фракийцы имели на головах лисьи шкурки, на теле — хитоны, а сверху — длинные пестрые плащи, на ногах и кругом икр — обувь из козьей кожи; вооружены были дротиками, легкими щитами и короткими мечами. После переселения в Азию фракийцы названы были вифинами; раньше того они назывались, как они сами говорят, стримониями, потому что жили на Стримоне. По их словам, они вытеснены были из своего местожительства тевкрами и мисянами. Во главе азиатских фракиян шел сын Артабана Бассакес.

(Халибы?) вооружены были небольшими щитами из сырой бычьей кожи, и каждый имел по две рогатины; на головах они носили медные шлемы, на шлемах торчали бычьи уши и рога из меди, а также султаны; икры были обмотаны лоскутьями пурпурного цвета. У этого народа есть прорицалище Арея.

Кабалеи, или собственно меоны, именуемые ласониями, имели одинаковое вооружение с киликийцами; я опишу его, когда буду говорить в этом перечислении о киликийцах². Милии вооружены были короткими копьями и ходили в плаще, застегнутом булавками. Некоторые из них вооружены были ликийскими луками, а на головах носили кожаные шлемы. Всеми ими предводительствовал сын Гистаспа Бадр.

Мосхи имели на голове деревянные шлемы, вооружены были щитами и короткими копьями с длинными наконечниками. Тибарены, макроны и моссинойки вооружены были подобно мосхам. Мосхи и тибарены находились под начальством и предводительством Ариомарда, сына Дария и Пармисы, дочери Смердиса и внуки Кира; макронов и моссинойков вел Артактес, сын Херасмия, который был правителем Сеста, что на Геллеспонте.

Мары имели на голове туземные плетеные шлемы и вооружены были небольшими кожаными щитами и дротиками. Колхидяне покрывали себе головы деревянными шлемами, имели небольшие щиты из сырой бычьей кожи, короткие копья и ножи. Маров и колхидян вел Фарандат, сын Теасписа. Алародии и саспейры были вооружены так же, как и колхидяне; предводителем их был Масистий, сын Сиromетра.

Выступившее в поход население островов Эритрейского моря, тех, на которых царь поселяет так называемых ссыльных, было одето и вооружено почти так же, как и мидяне. Во главе островитян шел сын Багея Мардонт, который командовал в бою при Микале и на втором году после этого погиб в сражении.

Таковы были народы, шедшие на войну по суше и составлявшие пехоту. Во главе этого войска стояли поименованные мной вожди. Они выстроили воинов в порядок, сосчитали их, назначили начальников тысяч и десятков тысяч, а начальники десятков тысяч назначили сотников и десятников. Кроме того, каждая часть войска каждая народность имели своих вождей.

Итак, начальниками были поименованные выше личности. Начальниками над этими личностями и вообще командующими всей пехоты были Мардоний, сын Гобрия, Тритан-тайхмес, сын того Артабана,

который высказывался против похода на Элладу, Смердомен, сын Отанеса, оба племянники Дария, двоюродные братья Ксеркса, Масиста, сын Дария и Атоссы, Горгис, сын Ариаза, и Мегабиз, сын Зоппира. Таковы были главнокомандующие всего сухопутного войска, кроме десяти тысяч персов.

Во главе десяти тысяч опорных персов стоял сын Гидарнеса Гидарнес. Эти воины назывались у персов бессмертными по следующей причине: если кто-нибудь из них выбывал по случаю смерти или болезни, то преемник его был уже выбран, так что бессмертных никогда не бывало ни больше, ни меньше. По убранству персы превосходили все народности; они же были и храбрее всех. Вооружение их я уже описал; кроме того, они щеголяли золотом в большом количестве. За ними ехали дорожные колесницы с наложницами и прислугой, многочисленной и хорошо одетой. Съестные припасы их отдельно от провианта остальных воинов везли верблюды и вьючный скот.

¹ Количество воинов в персидской армии, несомненно, сильно завышено Геродотом. Современные историки полагают, что численность войска персов не могла превышать 100 тыс. человек.

² Вооружение киликийцев Геродот описывает следующим образом: на головах они имели туземные шлемы, вместо щитов – тарчи из сырой бычьей кожи, одеты были в шерстяные хитоны. Каждый был вооружен двумя дротиками и мечом, похожим на египетский нож.

Взаимоотношения греков в начале похода Ксеркса (Геродот, «История», VII, 132-133, 140-143, 145)

Смятение и неуверенность в своих силах перед грозной опасностью похода Ксеркса отражены в представленном документе. Однако, несмотря на вполне понятную растерянность, старинные разногласия и вражду соседей, греческие полисы снова дали отпор врагу. Сказался более высокий общественно-экономический строй греческих городов-государств по сравнению с Персией. Стойкость тяжело вооруженного народного ополчения гоплитов, защищавших свою землю и свои семьи, и более высокая техника отразили подневольные полчища завоевателя. За отдельными исключениями наибольшее упорство и решительность в борьбе проявили демократические полисы во главе с Афинами. Роль другого сильнейшего древнегреческого государства – аристократической Спарты в войне с Персией тоже была значительна, но более пассивна.

Надо отметить настойчивость, с которой афиняне добивались благоприятного предсказания у Дельфийского оракула, тоже напуганного нашествием персов. Дельфийские жрецы находились в шекотливом положении и изрекали злоешие, но мало понятные прорицания. Однако афиняне не прекратили спрашивать оракула до тех пор, пока не получили ответ, в котором была видимость намека на благоприятный исход войны.

Целесообразно остановиться на политической борьбе, развернувшейся в Афинах вокруг понимания слов оракула, что «устоят деревянные стены» и слов «божественный Саламин». В форме толкований предсказания происходила борьба сторонников сухопутного и морского способов ведения войны. На основании отрывка можно охарактеризовать руководителя афинского городского демоса Фемистокла, смелого и прозорливого политика и талантливого полководца, впоследствии изгнанного из Афин, восторжествовавшей там на короткое время реакцией из умеренно демократической и аристократической группировок землевладельцев.

По требованию Ксеркса землю и воду дали: фессалийцы, долопы, эниане, перребы¹, локры, магнеты, малийцы, фтиотидские ахейцы, фиванцы и другие беотийцы, за исключением феспийцев и платейцев². Против них те эллины, что решались на войну с варваром, заключили между собой союз, скрепленный следующей клятвой: все те эллины, которые без нужды сдались персам, должны будут, в случае благополучного окончания войны, дать дельфийскому божееству десятую долю своего состояния. Такую клятву дали друг другу эллины.

В Афины и Спарту Ксеркс не послал глашатаев с требованием земли по следующей причине: когда раньше Дарий разослал своих глашатаев с такими же требованиями, то афиняне сбросили посланцев царя в пропасть со скалы, а спартанцы бросили их в колодец, предлагая им самим взять оттуда землю и отнести царю.

Афиняне отправили было послов в Дельфы с целью спросить оракула. Когда по совершении обрядов подле святилища послы вступили в храм и сели, пифия по имени Аристоника изрекла следующее:

Жалкие, что вы сидите? Покинув дома и твердыни
Города кругообразного, к краю земли устремитесь.
Видите, нет головы, не спаслось от гибели тело;
Руки и ног оконечности, грудь и утроба, и бедра –
Вдруг исчезают бесследно: и пламя их губит и ярый
Бог, ненасытный Арес, на сирийской несясь колеснице.
Много твердынь и других, не одну лишь твою сокрушит он
Гневу огня он предаст, священные храмы бессмертных,
Храмы, что, потом облитые, ныне стоят в содроганье,
Ужаса полные: кровь, чернея, зловещей струею
С верха их кровель бежит, провидя грядущие беды.
Прочь от святины, пора, излейте в стенаниях души.

Этими словами афинские вопрошатели оракула были глубоко опечалены и обратились к оракулу с такими словами: «Скажи нам, владыка, что-нибудь более утешительное о нашей родине, воззри на молитвенные ветви, с которыми мы пришли к тебе, или же мы не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни». Во второй раз пророчица отвечала следующее:

Гнев Олимпийца³ смягчить не под силу Афине Палладе:

Долгие тщетны мольбы и бесплодна высокая мудрость
 Я же опять повторяю – и слово, как сталь, непреложно:
 Помни: когда остальное захватится все, что скрывают
 Недра Кекропа горы⁴ и священных долин Киферона⁵,
 Тритогаея⁶ стена деревянная Зевсом дается:
 Только она устоит и тебя и детей твоих скроет.
 Нечего конницы ждать и несметной пехоты, грозящей
 В суше своим наступлением: скорей отступай и спасайся,
 Тыл обернувши; на брань ополчиться придет еще время,
 Ты, Саламин, о божественный! Чадо у жен ты погубишь.
 В час, как Деметры⁷ плодов настанет посев иль уборка!

Так как это изречение оракула было более милостивым и таковым и показалось, то вопрошатели записали его и возвратились в Афины. Когда по возвращении в город они объявили изречение оракула перед народом, из множества мнений, высказанных при объяснении оракула, особенно расходились два: по словам некоторых стариков, божество возвещало, что акрополь уцелеет, так как акрополь в старину огорожен был терновым плетнем, и выражение «деревянная стена» они относили к этой изгороди. По словам других, божество указывало на корабли; поэтому они советовали бросить все остальное и заняться снаряжением кораблей. Однако люди, понимавшие под деревянной стеной корабли, смущались двумя последними стихами в изречении пифии: «Ты, Саламин, о божественный, чада у жен ты погубишь в час, как Деметры плодов настанет посев иль уборка!». Мнение людей, утверждавших, что деревянная стена означает корабли, опровергалось этими стихами. Действительно, толкователи оракула объясняли эти слова в том смысле, что, в случае морского сражения, они будут разбиты у Саламина.

В это время среди афинян был человек, лишь недавно ставший рядом с значительнейшими гражданами; имя его было Фемистокл⁸, а назывался он обыкновенно сыном Неокла. Этот-то человек утверждал, что толкователи оракулов верно объяснили не все, именно: если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то, по мнению Фемистокла, он не был бы облечен в столь мягкие выражения, и вместо «божественный Саламин» было бы сказано «злосчастный Саламин», – если бы действительно гибель подле Саламина предстояла его населению; таким образом, при правильном понимании изречения, слова божества относятся к неприятелю, а не к афинянам. Поэтому Фемистокл советовал приготовляться к сражению на кораблях, потому что именно они и есть деревянная стена. Когда Фемистокл высказал свое мнение, афиняне отдали предпочтение ему перед объяснением тех, которые советовали не готовиться к сражению на море и вообще не помышлять о сопротивлении, но покинуть Аттику и заселить какую-нибудь другую землю...

Во время общих собраний эллинов собственно Эллады, которые настроены были более мужественно, когда велись между ними беседы, давались клятвы в верности, устраивались общие совещания, они решили прежде всех других дел прекратить между собой распри и войны...

¹ Перребы – племя в Фессалии.

² Племена и народы северной и средней Греции.

³ Олимпиец – Зевс.

⁴ Гора Кекропа – акрополь.

⁵ Киферон – горы, отделяющие Аттику и Мегариду от Беотии.

⁶ Тритогаея – эпитет богини Афины.

⁷ Деметра – богиня земли и плодородия.

⁸ Фемистокл – родом из Фреарийского дэма, сын афинянина Неокла и иностранки. Основатель и руководитель «морской партии» афинского демоса. Организатор военно-морского флота и морского могущества Афин. Будучи архонтом в 493 г. до н. э. основал афинский порт Пирей. В 480 г. до н. э. был стратегом. Организовал подготовку сопротивления персам, а потом и разгром персидского флота во время похода Ксеркса. После отступления персов построил стены вокруг Афин и соединил город длинными стенами с портом Пиреем. Временное усиление в Афинах патристические настроения примерами героизма, проявленного во время греко-персидских войн. Однако многое говорит за то, что трезенская надпись отражает подлинное афинское постановление, принятое в июне 480 г. до н. э. по предложению Фемистокла.

Постановление афинского Народного Собрании 480 г. до н. э. о мерах в связи с нашествием персов

Надпись, начертанная на мраморной плите, была обнаружена в 1959 г. в греческом селении Дамале на территории древней Трезены. Надпись датируется первой половиной III в. до н. э. и является, по-видимому, трезенской копией более ранней афинской надписи. Некоторые ученые считают это постановление фальшивкой, созданной в IV в. до н. э., когда деятели антимакедонской партии в Афинах пытались поднять патристические настроения примерами героизма, проявленного во время греко-персидских войн. Однако многое говорит за то, что трезенская надпись отражает подлинное афинское постановление, принятое в июне 480 г. до н. э. по предложению Фемистокла.

Из надписи следует, что план решающего сражения у Саламина зародился еще до гибели греческого отряда у Фермопил, следовательно, афинское командование понимало ненадежность этой оборонительной позиции и учитывало возможность такой крайней меры, как эвакуация Аттики. Надпись дает новые сведения о системе комплектования афинского флота в 480 г. до н. э., о триерархии, об амнистии изгнанникам.

Надпись повреждена. Сохранились (не полностью) 47 строк; камень обломан внизу и слева, поверхность в ряде мест стерта. При переводе учтены дополнения издателя, в сомнительных местах они выделены квадратными скобками.

Боги!

Постановили совет и народ.

Предложение внес Фемистокл, сын Неокла, из дема Фреаррии. Городверить Афине, покровительнице Афин, и всем другим богам, дабы они охраняли и защищали от варвара страну. Сами же афиняне и ксены, живущие в Афинах¹, пусть перевезут детей и женщин в Трезену [под покровительство Питфея], архегета страны. А стариков и имущество пусть перевезут на Саламин.

Казначей и жрицы пусть остаются на Акрополе, охраняя имущество богов.

Все остальные афиняне и ксены, достигшие совершеннолетия, пусть взойдут на снаряженные двести кораблей и сражаются против варвара за свободу свою и других эллинов вместе с лакедемонянами, коринфянами, эгинетами и другими (эллинами), которые пожелают разделить общую опасность.

Пусть стратеги назначат двести триерархов, по одному на каждый корабль, начиная с завтрашнего дня, из людей, владеющих в Афинах не[движимым имуществом], у которых имеются законные дети, в возрасте не старше пятидесяти лет. По жребию распределить между ними корабли. Пусть назначат на каждый корабль по десять эпибатов в возрасте от двадцати до тридцати лет и по четыре лучника (стрелка). Одновременно с распределением триерархов разделить и экипажи по кораблям. Пусть стратеги запишут на побеленные таблички и остальных, беря афинян из списков лексиарха², а ксенов – из тех, кто внесен в списки у полемарха. Разделив на двести отрядов, записать по сто человек и каждому отряду приписать название триеры, имя триерарха и членов экипажа, чтобы каждый отряд знал, на какую триеру взойдет. Когда же будут разделены все отряды и распределены по триерам, пусть совет и стратеги заполнят все двести кораблей, принеся умиловительную жертву Зевсу Всемогущему, Афине, Нике и Посейдону Хранителю. Когда корабли будут заполнены, пусть сто из них помогают (сражающимся) у Артемисия Эвбейского, а сто кораблей пусть стоят якорем у Саламина и остальной Аттики и охраняют страну.

Для того чтобы все афиняне были единодушны в борьбе с варваром, пусть те, которые были изгнаны на десять лет³, вернутся на Саламин и ждут там, пока народ не примет относительно них решения. Что же касается [лишенных гражд-данских прав]... (текст обрывается).

¹ Т.е. метеки.

² Списки граждан по демам.

³ Т.е. подвергшиеся остракизму.

Битва при Фермопилах (Геродот, «История», VII, 205-207, 210-213, 219, 223-225, 228)

Геродот описывает битву при Фермопилах, и отрывок из его труда иллюстрирует исключительную стойкость греческих гоплитов даже в заведомо безнадежной обстановке. Военные обычаи спартанцев в период могущества их государства – недопустимость для них отступления – ярко показаны на примере гибели отряда Леонида. Стойкая защита Фермопильского прохода несколько задержала продвижение персов, она имела главным образом морально-политическое значение.

Леонид¹ отправился в Фермопилы², выбравши для себя триста воинов. Спартанцы рассчитывали выступить со всеми своими силами сейчас же по окончании празднества, – им мешало Карнейское празднество³, – оставив в Спарте только гарнизон. Точно такие же планы были и у прочих союзников, потому что в одно время с этими событиями происходил и олимпийский праздник⁴. В том предположении, что столкновение в Фермопилах не разрешится так скоро, они посылали туда только передовые отряды. Так решили действовать союзники. Находившиеся в Фермопилах эллины, объятые страхом в виду приближения персов к проходу, держали совет об отступлении. Все пелопоннесцы решили возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм⁵, но так как фокейцы и локры с негодованием отвергли такое предложение, то Леонид решил оставаться на месте...

Царь(Ксеркс) прождал четыре дня в постоянной надежде, что эллины убегут назад. Наконец, на пятый день, когда эллины не уходили и оставались на месте, вследствие, как казалось ему, своей наглости и безрассудства, он в гневе послал против них мидян. Сражение длилось целый день. Наконец, мидяне отступили, на место их прибыли персы, которых царь называл бессмертными⁶, казалось, они должны были без труда одолеть эллинов. Однако и эти, сразившись с эллинами, имели не больше успеха, чем мидийское войско: судьба их была такова же, потому что они сражались в теснине и употребляли более короткие копья, нежели эллины, к тому же не могли воспользоваться массой войска. Лакедемоняне дрались достойно своей славы и доказали вообще, что умело сражаются с неумеющими, доказали это в особенности тем, что несколько раз обращали тыл и для видимости все убегали; при виде их бегства варвары с криком и шумом устремлялись на них; тогда, эллины, будучи уже настигаемы врагом, вдруг оборачивались лицом к варварам, и таким образом каждый раз истребляли несчетное множество персов.

Рассказывают, что во время этих стычек Ксеркс глядел на сражающихся и в страхе за свое войско три раза поднимался с кресла. Такова была битва в тот день. Но и на другой день варвары сражались ничуть не счастливее. Так как эллинов было немного, то варвары, нападая на них, рассчитывали, что они, измученные ранами, не в состоянии будут дольше поддерживать битву. Но эллины разделены были на отряды по способу вооружения и по народностям и сражались по очереди, за исключением фокейцев⁷; эти последние отряжены были на гору для охраны тропинки. Когда персы увидели, что успевают не больше, как и накануне, то отступили.

Царь не знал, как ему выйти из такого положения, как явился к нему, в надежде получить большую награду, малиец⁸ Эфиальт, сын Евридема, сообщив ему о тропинке, ведущей через гору к Фермопилам, и тем погубил находившихся там эллинов...

Находившимся в Фермопилах эллинам прежде всего гадатель Мегистий объявил по рассмотрении жертвы, что на заре предстоит им смерть; потом явились перебежчики с известием о том, что персы обходят гору кругом. Тогда эллины стали совещаться между собой, причем голоса разделились: одни утверждали, что не следует покидать стоянки, другие были противоположного мнения. После этого эллины разошлись, одни отправились в обратный путь, рассеявшись по своим городам, другие с Леонидом во главе решили остаться на месте...

Теперь стычка произошла по ту сторону теснины, причем варвары падали в большом числе. Позади отрядов их стояли с бичами в руках начальники и ударами гнали всех вперед все дальше и дальше. Так как эллины были убеждены, что им предстоит гибель от тех варваров, которые обошли гору кругом, то они проявили в борьбе с врагом наивысшую степень мужества, дрались отчаянно и с бешеной отвагой.

Когда у большинства эллинов копья уже сломались, они рубили персов мечами. В этой битве пал и Леонид, оказавшийся доблестнейшим воином, ас ним вместе и другие знатные спартанцы... Из-за трупа Леонида произошла жестокая свалка между персами и лакедемонянами, пока, наконец, эллины благодаря своей храбрости не увлекли трупа к себе после четырехкратного обращения в бегство неприятеля.

Так шло сражение до тех пор, пока не явились варвары с Эфиальтом. Лишь только эллины узнали об их прибытии, ход битвы переменился: они отступили назад к теснине, миновали стену и все вместе, за исключением фиванцев, расположились на холме. Холм этот возвышается у входа в ущелье, где теперь стоит каменный лев в честь Леонида. В этом месте они защищались мечами, у кого мечи еще уцелели, а также руками и зубами, пока варвары не похоронили их под стрелами.

Над эллинами, погребенными на том самом месте, где они пали, равно как и над теми, которые погибли до удаления союзников Леонидом, поставлена была надпись, гласившая следующее:

«Здесь четыре всего лишь тысячи пелопоннесцев

Бились против сил трех миллионов врагов».

Такова была надпись над всеми павшими. Надпись собственно еад спартанцами гласила так:

«Странник! Ступай и поведай ты гражданам Лакедемона,

Что их заветам верны, здесь мы костями легли».

¹ Леонид (491-480 гг. до н. э.) – царь спартанский.

² Фермопилы – «теплые ворота», узкий проход в горном хребте Эта. Единственный путь из северной Греции в среднюю. Название Фермопилы произошло от горячих серных источников в этом районе.

³ Карнейское празднество происходило в честь Аполлона Карнейского в Пелопоннесе в Мессении, в кипарисовой роще близ города Андании, в конце августа.

⁴ Олимпийский праздник.

⁵ Истм – горный хребет в самой узкой части Коринфского перешейка, отделяющий Пелопоннес от средней Греции.

⁶ Бессмертные – отборный отряд персидских войск – гвардия царя. У каждого воина этого отряда был заместитель, который заменял павшего в бою. Поэтому отряд всегда сохранял свою численность. Его воины были как бы «бессмертными».

⁷ Фокейцы – жители центральной части средней Греции.

⁸ Малийцы – жители местности возле Фермопил.

Битва при Саламине (Диодор, «Историческая библиотека», XI, 15-19)

Рассказ Диодора о битве при Саламине явно восходит к повествованию Геродота, но более краток и не повторяет обычных для Геродота отступлений от основной темы. Отдельные подробности, не совпадающие с рассказом Геродота, заимствованы у Эфора¹ «Всеобщей историей» которого, не дошедшей до нас, пользовался Диодор.

Рассматривая битву при Саламине, оказавшуюся поворотным пунктом в истории греко-персидских войн, следует отметить тяжелую ситуацию, сложившуюся в Греции после потери Аттики и Афин. «Афиняне... пришли в большое уныние. Страх охватил также и других эллинов», – сообщает Диодор. Но это вовсе не помешало дальнейшим энергичным действиям греков: «Решено было, чтобы все командиры сошлись вместе и определили, в каком месте лучше всего дать морской бой». В Саламинской битве ярко определилась активная и фактически руководящая роль Афин. Приемы ведения морского боя довольно четко изложены в документе. Особо следует остановиться на военной хитрости Фемистокла, завлекшего большие корабли персидского флота в узкий пролив у о. Саламина.

Афиняне, оставшиеся на острове Саламине², видя, как Аттика пылает пожарами, и услышав о том, что храм Афины³ разрушен, пришли в большое уныние. Страх охватил также и других эллинов, отовсюду собравшихся в Пелопоннес. Решено было, чтобы все командиры сошлись вместе и определили, в каком месте лучше всего дать морской бой. Много было высказано разных предложений, но пелопоннесцы, думая только о своей безопасности, настаивали на том, чтобы сражение было проведено у Истма⁴. Они говорили, что если бы его хорошо укрепить стеной, то эллины, в случае какой-нибудь неудачи в морском бою, смогли бы, спасаясь бегством, укрыться в Пелопоннесе, который предоставит им обширное убежище, если же они запрутсЯ на маленьком острове Саламине, им придется испытать непреодолимые бедствия. Фемистокл же со своей стороны советовал дать морской бой именно у Саламина, утверждая, что в узком морском проливе на стороне тех, которые будут сражаться на мелких судах против крупных кораблей неприятеля, даже при численном их превосходстве, будет большое преимущество. Он доказывал, что, наоборот, место около Истма неудобно для морского боя. Там он неизбежно примет характер открытого морского сражения, и персы, имея на своей стороне численный перевес крупных кораблей, легко сомнут на морском просторе небольшие суда эллинов. Наряду с этим он высказал и много других доводов в пользу своего предложения и таким образом убедил всех согласиться с ним.

Наконец, когда было принято общее решение произвести морское сражение у Саламина, эллины стали готовиться к опасной борьбе против персов. Еврибиад⁵, объединившись с Фемистоклом, пытался воздействовать на массу воинов и подготовить ее к предстоящему решительному сражению. Но воины не слушались их, ввиду того, что все были напуганы многочисленностью персидских военных сил, никто не являлся к этим полководцам, но каждый стремился переправиться с острова Саламина в Пелопоннес. Не менее того боялось силы неприятеля и пешее войско эллинов, а гибель у Фермопил самых достойных воинов сильно смущала их дух, так же как и бывшее у них перед глазами разорение Аттики. Видя такое смущение в народной массе и всеобщий страх, совет эллинских военачальников решил укрепить Истм возведением стены. Эта работа была быстро выполнена, так как за нее взялось множество народа и проявило при этом большое усердие; пелопоннесцы же укрепились за этой стеной, тянувшейся на протяжении сорока стадий от Лехея⁶ до Кенхрей⁷. Находившиеся же на Саламине воины и весь флот были охвачены таким страхом, что совершенно больше не повиновались своим военачальникам.

Фемистокл же, видя, что наварх Еврибиад не может справиться со стремившимися уехать воинами, но что, с другой стороны, узость морского пролива у о. Саламина может много содействовать победе в морском бою, надумал следующее: он убедил одного воина перебежать в стан Ксеркса и выдать ему за вполне достоверное, что флот эллинов собирается покинуть Саламинский остров и отступить к Истму. Поверив этому сообщению благодаря его правдоподобности, царь решил без промедления воспрепятствовать объединению морских и сухопутных сил эллинов. Поэтому он тотчас послал свой египетский флот с приказом занять пролив между Саламином и Мегарой. Остальное множество своих кораблей он направил к о. Саламину, отдав приказ напасть на неприятеля и решить войну морской битвой. Триеры⁸ его были поставлены в ряд по племенному признаку, чтобы воины могли лучше прийти друг другу на помощь, пользуясь одним языком и будучи знакомы между собой. Когда флот персов стал в таком порядке, правый фланг заняли финикийцы⁹, левый – бывшие в войске персов эллины. Командиры ионийцев¹⁰ послали к эллинам одного самосца¹¹, который должен был им в точности сообщить о решении, принятом царем, о расположении всех боевых сил и о том, что они (т.е. ионийские греки) во время сражения перейдут от варваров на их сторону. Когда этот самосец, тайно переплывши к судам эллинов, в точности сообщил обо всем этом приближенным Еврибиада, Фемистокл очень обрадовался, что его военная хитрость удалась, и стал готовить воинов к предстоящей битве. И эллины приободрились под влиянием сообщений ионийцев, и так как сложившиеся обстоятельства вынуждали их против собственного желания принять морское сражение, с готовностью стали садиться с острова на боевые суда.

Когда командиры Еврибиада и Фемистокла начали расставлять свои боевые силы, афиняне и лакедемоняне заняли левый фланг и стали против финикийцев, которые пользовались большой славой как вследствие многочисленности своих судов, так и вследствие своей опытности в морском деле, унаследованной от отцов и дедов. Эгинеты и мегарцы заполнили правый фланг: они считались самыми искусными моряками после афинян и лакедемонян и способными к наибольшей стойкости в бою из-за того, что единственные из всех эллинов не имели никакого убежища, если бы в сражении постигла их неудача. Центральное место боевого строя заняла остальная масса эллинских судов. Построившись таким образом, они отплыли и заняли пролив между Саламином и Гераклеем¹². Царь, со своей стороны, приказал своему начальнику флота выступить против неприятеля, а сам занял место (на материке) против острова Саламина, чтобы наблюдать оттуда за ходом морского сражения. Сначала персы, пока плыли по широкому простору моря, сохраняли строй своих кораблей, но, вступив в узкий пролив, были вынуждены вывести некоторые корабли из боевой линии и этим привели в большое замешательство остальные. Начальник флота, возглавлявший боевой строй кораблей и первым вступивший в сражение с неприятелем, погиб, отважно сражаясь. Когда его корабль пошел ко дну, во всем флоте варваров произошло смятение. Много командиров стало давать общие распоряжения, но каждый распоряжался по-своему, противореча друг другу. Поэтому они не решались больше двигаться вперед, поворачивали корабли и уплывали обратно в открытое море. Афиняне же, видя смятение варваров, стали

налетать на корабли неприятелей и одни из них пробивали носами своих судов, у других отрывали лопасти весел, и так как после этого гребля становилась для таких кораблей невозможной, много персидских триер подверглось частым ударам вражеских судов и получило тяжкие повреждения. Поэтому неприятель не мог даже постепенно выводить свои корабли задним ходом, но поворачивал их кормой к противнику и пускался в бегство.

Когда корабли финикийцев и киприан потерпели поражение от афинян, стоявшие рядом с ними корабли кикийцев, памфилийцев и ликийцев¹³ сначала упорно сопротивлялись, но, увидав, что самые лучшие корабли их флота обращены в бегство, сами стали убегать от опасности. Пока сильный бой происходил только на одном фланге, сражение некоторое время было нерешительным; но когда афиняне, отогнав финикийцев и киприан до самой земли, обратились против них, то эти варвары, не выдержав натиска, тоже стали обращаться в бегство и потеряли много кораблей. Вот каким образом эллины оказались в преимуществе и одержали самую знаменитую морскую победу над варварами. Эллинских судов в этом бою погибло сорок, персидских же свыше двухсот, не считая тех, которые были захвачены вместе с людьми. Царь, против всех ожиданий, проигравший это сражение, казнил финикийских командиров, положивших начало бегству, остальным своим командирам он пригрозил заслуженным ими наказанием. Финикийцы, испугавшись этих угроз, прежде всего отплыли к берегам Аттики, а с наступлением ночи уехали к себе в Азию.

¹ Эфор – древнегреческий историк, живший в IV в. до н.э., автор «Всеобщей истории Греции» в 30 книгах, весьма ценимой древними, но не дошедшей до нас.

² Саламин – остров в Сароническом заливе, расположенном прямо к западу от Афин. С начала VI в. до н. э. принадлежал Афинам В 480 г. до н. э. в проливе между о. Саламином и Аттикой произошла знаменитая морская битва греков с персами.

³ Храм Афины был построен Писистратом. Он назывался «Гекатомпедон» (стофутовый), так как имел в длину и в ширину по 100 футов. Храм был разрушен персами. На его месте при Перикле был построен Парфенон.

⁴ Истм – горный хребет в самой узкой части Коринфского перешейка, отделяющий Пелопоннес от средней Греции

⁵ Еврибиад – спартанский главнокомандующий общегреческим флотом во время войны с Ксерксом.

⁶ Лехей – гавань города Коринфа в Коринфском заливе.

⁷ Кенхреи – вторая гавань г. Коринфа в Сароническом заливе.

⁸ Триера – военное судно с тремя рядами весел.

⁹ Военно-морские силы персов состояли преимущественно из финикийских кораблей.

¹⁰ Военачальники малоазийских ионийцев, флот которых входил в состав персидского флота.

¹¹ Уроженец о. Самоса, в то время принадлежавшего персам.

¹² Храм Геракла, который находился в Аттике на прибрежном холме, напротив о. Саламина, в самом узком месте пролива.

¹³ Кроме финикийцев, военные корабли должны были доставлять также другие подвластные персам прибрежные народы.

Битва при Саламине в поэтическом изложении современника (Эсхил, «Персы», 337-471)

Эсхил описал битву при Саламине как очевидец в трагедии «Персы», которая шла на афинской сцене в 473/472 г. до н. э. О Саламинской битве рассказывает в трагедии персидский вестник, которого по ходу действия пьесы с этой целью послал в Сузы к своей матери Атоссе персидский царь Ксеркс.

В е с т н и к.

Числом судов, знай, персы победили б.

У эллинов всего их было триста,

Да сверх того десяток был отборных,

У Ксеркса ж тысяча была судов,

Которые он вел, как знаю я,

Да быстротой отличных двести семь.

Так вот как было дело. Неужели ж,

По-твоему, мы в силах уступали?

А т о с с а.

Так бог какой-то войско погубил¹,

Неравный жребий бросив на весы!

В е с т н и к.

Паллады город боги охраняют.

А т о с с а.

Так можно ли Афины разорить?

В е с т н и к.

Нет, мужи им надежная охрана.

А т о с с а.

Скажи же, как сражение началось?

Кто – эллины ль вступили в бой сначала

Иль сын мой, гордый множеством судов?

В е с т н и к.

Владычица, начало всем бедам
Бог-мститель дал иль демон злой, явившись
Откуда-то из войска афинян.
Пришел какой-то эллин к нам и Ксерксу
Сказал, что, только ночь и мрак настанет,
Как эллины, за весла ухватившись,
Спасая жизнь, все в бегство устрелятся,
И тайно все разъедутся оттуда.
А он, едва услышав эту речь,
Коварства эллина не заподозрив,
О зависти богов совсем забыв²,
Такой приказ начальникам дает:
Как перестанет солнце землю жечь,
Небесное ж пространство мгла обнимет,
То пусть суда поставят в три ряда
Стеречь проходы и пути морские,
Другими ж окружать Аякса³ остров:
Коль эллины злой участи избегнут,
Нашедши путь для бегства на судах,
То все вожди должны лишиться жизни!
Сказал он так, в душе надежды полный,
Не зная, что ему судили боги...
Безропотно приказу повинуюсь,
Вожди судов устраивали ужин,
Гребцы же весла к кольям прикрепляли.
Но вот угас последний солнца луч.
И ночи мрак настал; тогда гребцы
С солдатами взошли на корабли.
И с строем строй судов перекликался...
Плывут они, храня порядок свой...
Всю ночь вожди в порядок расставляли
Войска на мореходных кораблях,
Кончалась ночь, а эллинское войско
Нигде тайком бежать и не пыталось;
И едущий на бедых лошадях
Уж ясный день объял собой всю землю, –
Вдруг шумный крик от эллинов пронесся,
Как песни звук, и громко в то же время
Им эхо скал откликнулось в ответ.
И страх тогда всех варваров объял,
В надежде обманувшихся: не к бегству
Готовясь, пели эллины пэан⁴
Священный, но стремясь отважно в бой.
Труба у них всех к битве побудила!
И дружно вдруг они морские волны
Ударом весел вспенили своих,
И скоро всех их видеть мы могли.
Их правое крыло шло впереди⁵,
Порядок соблюдая, а за ним
Весь флот спешил, и слышен в то же время
Был громкий крик: «Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь – за все!»
Навстречу им неслись и персов крики,
И медлить дальше было невозможно:
Один корабль ударил медным носом
В другой, и начал эллинский корабль
Сраженье, сбивши с судна финикийцев
Все украшенья... Всюду бой кипел.

Сперва стояло твердо войско персов;
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли
И медными носами поражали
Своих же – все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых – скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило.
И как тунцов или другую рыбу,
Их эллины остатками снастей,
Обломками от весел били: стон
С рыданиями стоял над гладью моря,
Пока всего не кончил мрак ночной.
Но если б даже целых десять дней
О бедах я рассказывал, не мог бы
Я перечислить всех тебе. Но знай,
Что никогда еще не умирало
В один лишь день число людей такое!
А т о с с а.
Увы, увы, какое море бед
На персов и всех варваров напало!
В е с т н и к.
Но, знай, тут нет и половины бедствий:
Постигла их столь горькая судьба,
Что вдвое эти беды превосходит.
А т о с с а.
Какая ж участь этой тяжелее?
Скажи, что с войском нашим приключилось
Еще ужасней сказанного прежде?
В е с т н и к.
Все сильные и доблестные духом,
И родом знаменитые, всегда
Хранившие владыке верность персы
Позорно сгибли смертью бесславной.
А т о с с а.
О, горе мне, несчастная судьба!
Но как они погибли, расскажи!
В е с т н и к.
Пред Саламином остров есть один⁶,
Для пристани негодный, небольшой,
Где вдоль морского берега гуляет
Веселый Пан⁷, любитель хороводов.
Сюда послал он их, чтоб, если б враг,
Судов лишившись, здесь искал спасенья,
Легко побить все эллинское войско.
Но плохо он грядущее предвидел.
Ведь только бог в морском сраженьи дал
Победу эллинам, как в тот же день
Они, облекшись в медные доспехи.
Сошли с судов и остров окружили,
Лишивши тех возможности бежать.
На эллинов летели, правда, камни,
И тучи стрел из луков их губили,
Но, наконец, все сразу устремившись,
Они несчастных били и рубили,
Пока не истребили всех. А Ксеркс,
Увидев бездну бедствий, зарыдал.

Близ берега морского, на холме,
 Сидел он так, что видел войско все.
 Одежды разорвавши на себе
 И громко возопив, он приказал
 Пехоте всей немедленно бежать.
 Оплакивай еще несчастье это!

¹ По Геродоту, слуга Фемистокла Сикинн.

² «О зависти богов» – следует вспомнить и мировоззрение Геродота младшего современника Эсхила.

³ Остров Аякса – о. Саламин.

⁴ Пэан – военная песнь.

⁵ Правое крыло состояло из афинян.

⁶ Остров Пситалея, на котором было перебито 400 персов.

⁷ Пан – сын Гермеса, или Зевса, бог лесов и пастбищ, изображался в образе человека с козлиными ногами и рогами. Своим громким голосом он внезапно нагонял «панический страх» и считался поэтому богом, содействующим победе над врагами.

Памятник мегарянам, погибшим в войне с персами в 480-479 гг. до н. э.

Памятник был воздвигнут на площади Нисеи (торговая гавань Мегар), по-видимому, еще в V в. до н. э. С течением времени надпись на памятнике стерлась и была восстановлена по инициативе некоего первосвященника Гелладия в IV или V в. н. э.

Надпись о павших во время войны с персами и покоящихся здесь героях, стершуюся от времени, Гелладий, первосвященник, вновь приказал написать в честь покоящихся и города.

Стихи Симонида

Греции и мегарянам свободную жизнь обеспечить
 Сердцем стремясь, мы в удел смерть получили: одни,
 Пав под высокой скалою Эвбеи, где храм Артемиды
 Девы, носящей колчан, славный в народе, стоит¹,
 Или у мыса Микале²; другие – вблизи Саламина³,
 Где финикийских судов ими погублена мощь;
 Те, наконец, на равнине Беотии⁴ – пешие, смело
 В битву вступили они с конною ратью врага...
 Граждане наши за это на площади людной Нисеи
 Памятник нам возвели, честью великой почтив.
 Вплоть до нашего времени город приносил в жертву героям быка

¹ Речь идет о морском сражении у мыса Артемисия в 480 г. до н. э.

² 479 г. до н. э.

³ 480 г. до н. э.

⁴ При Платеях в 479 г. до н. э.

Благодарственное приношение по поводу победы над персами при Платеях

В 479 г. до н. э., после победы при Платеях, греки сделали посвящения своим богам – Аполлону в Дельфах, Зевсу в Олимпии и Посейдону на Истме. Аполлону Дельфийскому был посвящен золотой треножник на высокой бронзовой подставке, сделанной в виде трех переплетающихся между собой змей. На этой подставке спартанцы вырезали надпись, где перечислялись греческие государства, принявшие участие в войне с персами. Впоследствии треножник был переплавлен фокийцами на золото; подставка же оставалась в Дельфах до тех пор, пока император Константин не перенес ее в Константинополь. Там она находится и в настоящее время.

Следующие (из эллинов) участвовали в войне (с персами): лакедемоняне, афиняне, коринфяне, тегейцы, сикионяне, эгинцы, мегаряне, эпидавряне, орхоменцы, флиунтяне, трезенцы, гермионяне, тиринфяне, платейцы, феспийцы, микенцы, кеосцы, мелосцы, теносцы, наксосцы, эретрийцы, халкидяне, стиряне, элейцы, потидейцы, левкадяне, энакторийцы, кифняне, сифняне, амбракийцы, лепрейцы.

Образование Первого Афинского морского союза

В процессе дальнейшей успешной войны греков с персами образовался Делосский или Афинский морской союз, в состав которого вошли преимущественно острова и города Малоазийского побережья, освобожденные от власти персов. Естественное объединение вокруг наиболее активно боровшегося полиса, который к тому же обладал мощным флотом, заложило основы для афинской гегемонии в Греции в конце и после греко-персидских войн.

Создание Делосского морского союза (Плутарх, «Аристид», 21, 23-25)

Через несколько времени¹ было устроено собрание представителей всей Греции. Здесь Аристид² предложил отправлять ежегодно в Платею депутатов и послов различных греческих государств, через каждые пять лет справлять праздник Элевферии³, вооружить для войны с персами союзное греческое войско в десять тысяч гоплитов, тысячу конницы и, кроме того, эскадру из ста судов, наконец, признать нейтралитет платейцев, с условием, чтобы они приносили богам жертвы за Грецию. Его предложение было принято, и платейцы обязались ежегодно приносить заупокойные жертвы в память убитых и погребенных в их владениях греков... Вскоре Аристид был отправлен в поход вместе с Кимоном⁴ в звании стратега. Он заметил, что Павсаний и другие спартанские полководцы обращаются с союзниками гордо и жестоко. Сам он был ласков и гуманен в отношении их и советовал то же и Кимону как можно вежливей обходиться с каждым из них во время войны. Таким образом ему удалось лишить спартанцев их гегемонии, но не пехотой, флотом или конницей, а своею справедливою и мягкою политикой. Симпатии греков к афинянам вследствие беспристрастия Аристида и ласкового обращения Кимона усилились еще более, благодаря несправедливости и гордости Павсания, он всегда грубо и дерзко вел себя с начальниками союзного войска, приказывал бить солдат в наказание или надевать им железный якорь и заставлял их стоять с ним целый день. Никто раньше спартанцев не смел резать тростник для своей постели, косить траву на сено лошадям или черпать воду в источнике, – рабы Павсания с плетью в руках гнали всех, кто подходил... Тогда греческие навархи⁵ и стратеги, преимущественно хиосцы, самосцы и лесбосцы, явились к Аристиду и стали убеждать его принять главное начальство и привлечь на свою сторону союзников, давно желающих отделиться от Спарты и соединиться с афинянами... В конце концов отпавшие союзники перешли на сторону афинян. Здесь благоразумие спартанцев высказало себя самым блестящим образом: убедившись, что неограниченная власть действует на их полководцев растлевающим образом, они добровольно отказались от гегемонии и прекратили посылку начальников для ведения войны, предпочитая иметь скромных и уважающих родные обычаи граждан – господству над всей Грецией⁶. Еще в то время, когда гегемония принадлежала спартанцам, греки ввели некоторый налог для продолжения войны. Теперь они желали установить точную сумму его для каждого государства в отдельности. Им удалось выпросить у афинян Аристида, и они поручили ему собрать сведения о пространстве и доходах их владений и определить сумму взноса для каждого, принимая во внимание его положение и средства. Власть Аристида была громадна. Вся тяжесть управления делами Греции лежала некоторым образом на плечах одного его... Аристид обязал греков присягой и сам принес ее от лица афинян, причем, после проклятий на голову нарушителей, бросил в море кусок раскаленного железа. Этот обряд означал, что договор будет действовать до тех пор, пока кусок железа не выплывет, т.е. вечно.

¹ После битвы при беотийском городе Платеях (479 г. до н. э.), которая закончилась поражением сухопутного персидского войска и гибелью его предводителя Мардония. Вскоре после этого персы отступили за пределы Греции.

² Аристид – афинский стратег, командовавший афинскими войсками в битве при Платеях. В афинской политической жизни соперник Фемистокла и противник политики городского демоса, руководимого Фемистоклом. Был против морской войны с Персией, за что подвергся ostracismu в 483 г. до н. э. Был возвращен из изгнания накануне Саламинской битвы и принимал в ней участие. Руководитель консервативной умеренно-демократической «партии», связанной с землевладельцами. Умер в 467 г. до н. э. Главным военачальником греков в битве при Платеях был опекун малолетнего спартанского царя Павсаний.

³ Элевферии – праздник в честь Зевса Свободолюбца – в память освобождения. Праздновался в начале декабря, был учрежден в 479 г. до н. э.

⁴ Кимон – сын Мильтиада, победителя при Марафоне. Афинский аристократ, политический единомышленник Аристида. Один из активных руководителей Афинского морского союза.

⁵ Наварх – командир военно-морского подразделения.

⁶ В действительности спартанцы опасались восстания поработанных илотов и поэтому не хотели распылять свои военные силы, необходимые на месте, в Пелопоннесе. Этим объясняется временный отказ спартанцев от гегемонии в Греции.

Установление гегемонии Афин над союзниками

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 95-96)

Во время своего командования Павсаний вызывал насильственными действиями раздражение всех эллинов, в особенности ионийцев и всех тех, которые незадолго перед тем освободились от персидского царя.

Союзники стали обращаться к афинянам с просьбой принять гегемонию над ними в силу кровного родства¹ и не позволять Павсанию насильничать. Афиняне приняли их предложение и твердо решили не допускать произвола и все остальное устроить к наибольшей своей выгоде. Получив, таким образом, гегемонию по желанию союзников, вследствие ненависти их к Павсанию, афиняне определили сумму взносов как тех городов, которым для борьбы с варварами нужно было доставлять деньги, так и тех, которые должны были доставлять корабли. Предлогом для образования такого союза было намерение подвергнуть опустошению владения персидского царя в отмщение за те бедствия, какие потерпели эллины². В то же время афиняне впервые учредили должность эллиноتامиев, которые и принимали форос – так названы были денежные взносы союзников. Первоначальный форос определен был четыреста шестьдесят талантов; казначохранилищем служил Делос³, и союзные собрания происходили в тамошней святыне.

¹ Т.е. союзники, которые, как и афиняне, принадлежали к ионийскому племени.

² Следует отметить агрессивные цели создания Афинского морского союза.

³ Храм бога Аполлона на о. Делосе.

(Геродот, «История», VI, 42)

Наместник Сард Артаферн (еще при Дарии) измерил страну их [ионийцев] парасангами, как называют персы меру в тридцать стадий, и соответственно количеству парасангов наложил дань на каждую область; с того времени и до настоящего неизменно сохранялась эта подать в том виде, как установил ее Артафрен, а он установил ее приблизительно на тех же самых основаниях, на каких она существовала и раньше¹.

¹ Согласно этому известию Геродота, Аристид фактически только подтвердил размеры старой дани, которую союзники Афин раньше платили персам, а теперь вносили в союзную афинскую казну. В этом и состояла «справедливая», т.е. привычная, раскладка дани, которую провел Аристид.

Постановление афинского народного собрания об Эрифрах¹

Афинский морской союз не был союзом вполне равноправных полисов, как это предполагалось при его основании. Документ – надпись, содержащая постановление афинского народного собрания об Эрифрах, показывает действительные отношения между Афинами и их союзниками. В Эрифрах имеется афинский гарнизон, начальник которого совместно со специальными афинскими наблюдателями осуществляет надзор за местным советом (буле).

Надпись дает сведения об отношении Афин к союзникам и о положении союзников в 60-е годы V в. до н. э. Более точно датировать надпись нельзя, так как начало ее не сохранилось.

...Постановите... сказал... [эрифреец] должен привозить... на великие Панафинеи² мяса ценою [не менее], чем на три мины, и раздавать это мясо из Эрифр лицам (заведующим жертвоприношениями), каждому на одну драхму. Если же привезет... ценою не на три мины, согласно уговору³, то (заведующий жертвоприношениями) должен прикупить жертвенных животных, а народ эрифрейцев должен записать (себе в долг). А кости с мяса... желающим.

Совет [буле] эрифрейцев должен быть избран с помощью бобов в составе ста двадцати человек. Избранные должны пройти докимазию⁴ в буле и не должны быть членом буле те, кто не достиг возраста в тридцать один год.

Судебное преследование должно быть основано на уликах. Быть членом буле следует не менее четырех лет. Отвергать и выносить решения должна буле в полном наличном составе, епископы [от афинян]⁵ и начальник [афинского] гарнизона, все остальное [находится в ведении] буле и начальника гарнизона.

Каждый, кому предстоит заседать в буле, прежде чем приступить к управлению, должен перед эрифрейцами поклясться [Зевсом], Аполлоном и Деметрой и призвать проклятие на себя и на своих детей на случай, если он нарушит клятву. [Клятва] должна сопровождаться сжиганием жертвенного животного.

Таким именно образом должен совет выносить свои решения. Если же это не будет соблюдаться, то [члены буле] будут оштрафованы на тысячу драхм, или народ Эрифр постановит на собрании их сместить. Пусть булевты приносят следующую клятву: «Я буду выносить решения мудрые и справедливые, насколько это [в моих силах], в отношении народа эрифрейцев и афинян и союзников я не изменю ни афинскому народу, ни союзникам, ни сам, ни другого не соврашу и не перейду на сторону врага сам и не уговорю никого другого принять кого-нибудь из [беглецов], перешедших на сторону мидян [персов], без ведома афинян и народа [Эрифр], и не позволю оставаться им без ведома афинян и народа».

Далее, если [эрифреец] убьет другого эрифрейца, то будет казнен. Если же он [будет приговорен] к пожизненному изгнанию, то он лишается права пребывать также и на территории Афин и афинских союзников, а имущество его конфискуется казначейством Эрифр. А если кто-либо поймает человека, предавшего Эрифры тиранам, то может [безнаказанно сам] его казнить, а также его детей, если только дети этого человека не заявят о своем дружественном отношении к народу Эрифр и к афинянам. Все имущество казненного должно быть предъявлено: половину всего пусть получают его дети, а половина будет конфискована. Подобно этому [если

кто-нибудь захватит] изменника афинского народа или гарнизона в Эрифрах... [сильно испорченное место] Булевтов [нужно избрать в буле] по семи человек от каждой филы...].

(Текст сильно испорчен).

¹ Эрифры – город на западном берегу Малой Азии, входивший в состав Афинского морского союза.

² Великие Панафиней – главный афинский праздник в честь рождения богини Афины и синойкизма при Тесее. Праздновался в августе раз в четыре года.

³ Афиняне стремились сделать обязательным для союзников участие в афинском государственном культе.

⁴ Докимасия – проверка избранного на должность лица с целью выяснения, удовлетворяет ли оно условиям, необходимым для занятия должности. Проверкой занимались совет 500 и гелиея.

⁵ Епископы (наблюдатели) – уполномоченные, которых афиняне время от времени посылали в города союзников с целью контроля.

Постановление афинского народного собрания о Халкиде

В 446/445 г. до н. э. некоторые полисы на о. Эвбея пытались выйти из Афинского морского союза. В результате восстания отпала от Афин почти вся Эвбея. Восстание было подавлено афинянами под предводительством Перикла, после чего с отдельными побежденными городами были заключены договоры, в числе их и с Халкидой. Приведенная надпись освещает взаимоотношения афинян и союзников и роль афинской гелиеи и совета 500 при Перикле. Полезно сравнить постановление об Эрифрах с постановлением о Халкиде и отметить изменения, которые произошли в отношениях между афинянами и их союзниками за те 20 лет, которые отделяют одно постановление от другого.

Совет и народ решили, фила Антиохиды исполняла обязанности пританов (была дежурной филлой), председательствовал Драконтид, Диогнет заявил:

Последующим пунктам пусть принесут присягу совет и судьи афинян: я не изгоню халкидян из Халкиды и не разорю их города, и честного человека без суда и без постановления народа афинского не лишу гражданских прав, не накажу изгнанием, не арестую, не убью, не отниму ни у кого денег, не поставлю на обсуждение приговора ни против общины, ни против какого-либо частного лица без предуведомления. И когда придет посольство, я по мере возможности дам аудиенцию у совета и народа в течение 10 дней, когда буду состоять пританом. Это я буду соблюдать по отношению к халкидянам, если они будут повиноваться народу афинскому. Пусть посольство, которое придет из Халкиды, вместе с уполномоченными для принятия присяги приведет к присяге афинян и запишет принесших присягу. А чтобы все принесли присягу, об этом пусть позаботятся стратеги¹.

По следующим пунктам пусть принесут присягу халкидяне: я не изменю народу афинскому ни хитростями, ни происками какими-либо, ни словом, ни делом и не послушаюсь того, кто задумает изменить. И если кто-нибудь изменит, я сообщу афинянам. И подать я буду вносить афинянам такую, какую выхлопочу от афинян. И союзником я буду насколько могу, лучшим и добросовестным. И народу афинскому буду помогать и содействовать, если кто-нибудь будет наносить обиду народу афинскому, и буду повиноваться народу афинскому. Пусть принесут присягу из халкидян все совершеннолетние. А если кто не даст присяги, тот да будет лишен гражданской чести и пусть имущество его будет конфисковано и десятина его имущества сделается священной собственностью Зевса Олимпийского. Пусть посольство афинян, когда оно придет в Халкиду, вместе с уполномоченными для принятия присяги в Халкиде приведет к присяге и запишет халкидян, принесших присягу. Антикл заявил: в добрый час для афинян; пусть приносят присягу афиняне и халкидяне на тех же основаниях, как определил народ афинский зретрийцам. Чтобы это состоялось как можно скорее, пусть о том позаботятся стратеги. И пусть народ сейчас же изберет пять человек, чтобы они, придя в Халкиду, привели к присяге. Что же касается заложников, то ответить халкидянам, что теперь афиняне находят нужным оставить так, как было постановлено, но когда будут признавать нужным, они обсудят дело и заключат условие согласно с тем, что признают необходимым афиняне и халкидяне. Иностранцы, находящиеся в Халкиде, которые, проживая там, не платят податей в Афины, и те, которым дана народом афинским свобода, пусть будут свободны от них: а остальные пусть платят в Халкиду, как и все вообще халкидяне. Пусть это постановление и присягу напишет в Афинах секретарь совета на каменной плите и поставит в акрополе за счет халкидян, а в Халкиде пусть напишет и поставит в храме Зевса Олимпийского совет халкидян. Такое постановление надо принять относительно халкидян. Жертвоприношения же в силу прорицаний оракула за Эвбею пусть совершат как можно скорее вместе с Гиероклом² 3 мужа, которых выберет их собственный совет. А чтобы жертвы были принесены елико возможно скорее, пусть стратеги примут участие в заботах об этом и доставят денег для этого.

Архестрат заявил: все остальное пусть будет, как предлагает Антикл, только взыскания у халкидян пусть будут в Халкиде по их собственному усмотрению, как для афинян в Афинах, за исключением изгнания, смертной казни и лишения гражданской чести, а по этим делам пусть будет право апелляции в Афины в суд присяжных (гелиею) с фесмофетами³ согласно с постановлением народа. Об охране же Эвбеи пусть заботятся стратеги, елико возможно тщательнее, чтобы было как можно лучше для афинян.

¹ Коллегия 10 стратегов. Со времени греко-персидских войн она превратилась в высшую повседневную власть в Афинском государстве, оттеснив на второе место колледию 9 архонтов.

² Гиерокл – известный предсказатель.

³ 9 архонтов составляли высшую правительственную коллегию в V-II вв. до н. э. Первый архонт назывался эпонимом, т. е. дающим наименование году; второй – царем (басилеем), исполнявшим жреческие функции; третий – полемархом, военачальником; остальные 6 – фесмофетами. Они исполняли судебные функции. Избиралась коллегия на 1 год. Начиная с V в. коллегия 9 архонтов теряет свое прежнее значение.

Закон Афин, обязывающий союзников пользоваться афинской монетой

Надпись найдена на о. Симле, датируется приблизительно 420 г. до н. э.

...Кто будет чеканить в городах¹ (свою) серебряную монету и будет пользоваться не афинскими монетами, весами и мерами, но иноземными монетами, весами и мерами, подлежит наказанию... Частные лица сдают иноземную монету, когда пожелают, а город (Афины) должен ее обменять (на афинскую). Каждый должен составить список (сдаваемых монет) и представить его на монетный двор, эпистаты же, приняв этот список и занеся его на доски для публичных объявлений, должны выставить их у монетного двора для осмотра каждому желающему, занеся отдельно иноземные деньги и отдельно туземные.

¹ Входящих в состав Первого Афинского морского союза в V в. до н. э.

Организация Афинской архэ (Аристотель, «Афинская Полития», 24)

Ниже приводится отрывок из первой части трактата Аристотеля, в которой суммарно изложены характерные черты политики Афинской архэ.

Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам – переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех – у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои руки гегемонию. Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть, стали слишком деспотично относиться к союзникам – ко всем, кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев¹ а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли.

Кроме того, и большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин² содержалось более двадцати тысяч человек. Было шесть тысяч судей³, тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников, членов Совета – пятьсот, пятьсот стражников на верфях, да кроме них на Акрополе – пятьдесят, местных властей – до семисот человек, зарубежных – до семисот. Когда же впоследствии начали войну⁴, помимо этих было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч, избранных по жребию бобами⁵, затем пританей⁶, сироты⁷ и сторожа при заключенных в тюрьме⁸. Всем этим лицам содержание давалось из казны.

¹ Остров Самос, отложившись в 440 г. до н. э. от Афинского морского союза, был жестоко репрессирован Периклом и потерял ту автономию, которой он располагал наряду с островами Лесбосом и Хиосом. Лесбос в свою очередь утратил свое исключительное среди союзных полисов положение в 425 г. до н. э., а Хиос – в 412 г. до н. э.

² Взносы и пошлины, уплачиваемые Афинам союзными полисами.

³ Речь идет о членах суда присяжных – гелиастах.

⁴ Имеется в виду Пелопоннесская война.

⁵ Выборы по жребию бобами производились следующим образом: в одну из урн помещались таблички с именами, в другой находились черные и белые бобы. Из урн одновременно вынимались и табличка и боб. Если боб был черный – кандидатура отвергалась.

⁶ Речь идет о лицах, которые за особые заслуги перед государством (победу на панэллинских состязаниях, государственную деятельность, заслуги предков) имели право получать содержание в Пританее, одном из высших государственных учреждений Афин.

⁷ Имеются в виду дети воинов, погибших в сражениях. Сироты воспитывались за счет государства. По достижении совершеннолетия их вооружали на казенный счет.

⁸ Речь идет о так называемой Коллегии «одиннадцати», которые заведовали тюрьмой и исполнением приговоров. Функции их были весьма разносторонними – от привода преступника в суд до предания его смертной казни. Они же передавали конфискованное имущество в казну, составляя предварительно описи конфискуемых владений.

Походы афинян в Египет и на Кипр (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 104, 109, 110, 112)

После вытеснения греками персов из территории Греции, война стала носить наступательный характер. Афинский морской союз сам начал вести наступление и вел его, насколько хватило сил, до Египта и Кипра, что было облегчено благодаря усилившимся в результате поражения Персии в Греции восстаниям угнетенных персами народов и племен.

Ливиец¹ Инар², сын Псамметиха, царь пограничных с Египтом ливийцев,... поднял против царя Артаксеркса³ большую часть Египта, принял на себя начальство и призвал на помощь афинян. Афиняне в то время пошли войной против Кипра⁴ на 200 кораблях, своих и союзнических; покинув Кипр, они прибыли в Египет. От моря афиняне поднялись по Нилу, завладели рекой и двумя частями Мемфиса и начали войну против третьей части, именуемой Белою стеною. Там находились беглецы из персов и мидян, а также те из египтян, которые не участвовали в восстании... Афиняне и союзники их испытали в войне много превратностей. Так, сначала афиняне завладели было Египтом, и царь персидский послал в Лакедемон перса Мегабаз с деньгами, чтобы склонить пелопоннессцев к вторжению в Аттику и тем побудить афинян выйти из Египта. Потерпевши неудачу и зря истративши деньги, Мегабаз с остатком сумм вернулся обратно в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза, сына Зомира, с большим войском. По прибытии в Египет сухим путем Мегабиз разбил в сражении египтян и их союзников, вытеснил из Мемфиса эллинов, запер их, наконец, на острове Просопотиде⁵ и там осаждал год и 6 месяцев, пока не осушил канала и не отвел воды его по другому направлению. Таким образом Мегабиз поставил корабли на сушу, большую часть острова соединил с материком и, переправившись к острову, взял его сухопутными войсками. Такой гибельный конец получило предприятие эллинов после шестилетней войны. Из большого числа воинов спаслись немногие, переправившись через Ливию в Кирену⁶, большая же часть погибла. Египет снова подпал под власть персидского царя за исключением болот, которыми владел царь Амиртей⁷. Обширность болот делала Амиртея неодолимым; к тому же «болотные» были храбрейшие из египтян. Царь ливийцев Инар, начавший все дело в Египте, был схвачен вследствие измены и распят. Пятьдесят триер с воинами из афинян и прочих союзников отправились в Египет на смену прежде посланному войску и, ничего не зная о случившемся, бросили якорь у Мендесского рукава⁸. С суши напали на них сухопутные войска, а с моря финикийский флот⁹, причем большая часть кораблей погибла; успели спастись только немногие. Так кончился большой поход афинян и союзников на Египет...¹⁰

По прошествии трех лет¹¹ между пелопоннессцами и афинянами заключен был пятилетний договор. Афиняне, воздерживаясь от военных действий против эллинов, предприняли морской поход против Кипра под начальством стратега Кимона¹², на двухстах своих и союзнических кораблях. Шестдесят из этих кораблей отплыли в Египет вследствие призыва Амиртея, царя «в болотах»; прочие корабли занялись осадой Кития¹³. По случаю смерти Кимона и наступившего голода афиняне отступили от Кития, поднялись на кораблях выше Саламина, что на Кипре, и дали морское и одновременно сухопутное сражение финикийцам, киприям и кикийцам¹⁴, в обоих битвах одержали победу и возвратились домой; вместе с ними вернулись и те корабли, которые пришли обратно из Египта¹⁵.

¹ Ливия – пустыня к западу от Нила. Ливийцы в большом количестве проживали в это время в Нижнем Египте. Ливийская военная знать составляла часть египетской аристократии.

² Инар поднял восстание в 461 г. до н. э.

³ Артаксеркс I – царь Персии (464–425 гг. до н. э.).

⁴ Кипр – остров в северо-восточной части Средиземного моря, к северу от Египта.

⁵ Просопотида – остров в дельте, образуемый двумя рукавами Нила и каналом.

⁶ Кирена – греческая колония на североафриканском берегу, западнее Ливии.

⁷ Амиртей – второй руководитель восставших египтян.

⁸ Мендесский рукав Нила в восточной части дельты.

⁹ Военно-морские силы персов состояли преимущественно из финикийских кораблей.

¹⁰ В 454 г. до н. э.

¹¹ В 451 г. до н. э.

¹² Кимон – сын Мильтиада, победителя при Марафоне. Афинский аристократ, политический единомышленник Аристиды. Один из активных руководителей Афинского морского союза.

¹³ Китий – город на южном берегу о. Кипра.

¹⁴ Киликия – горная приморская область на юго-западной части Малой Азии.

¹⁵ Победа афинян при кипрском Саламине была одержана в 449 г. до н. э.

Каллиев мир (Диодор, «Историческая библиотека», XII, 4, 4-6)

Поражение в дельте Нила положило предел экспансии Афинского морского союза на Востоке. Двойная победа при кипрском Саламине показала, однако, что силы греков еще велики. Персидская деспотия, занятая подавлением восстания внутри страны, не могла больше надеяться на возвращение потерянных греческих колоний на малоазийском побережье. После своего освобождения от власти

персов они прочно вошли в состав Афинского морского союза. Создавшаяся обстановка благоприятствовала официальному прекращению затянувшихся на 50 лет сначала освободительных, а затем наступательных войн греков с персами.

Царь Артаксеркс, узнав о поражении своего войска на острове Кипре, стал совещаться со своими приближенными о войне и решил, что для него будет полезно заключить мир с эллинами. Он написал своим военачальникам и сатрапам¹ на о. Кипре, чтобы они примирились с эллинами на каких только смогут условиях. Поэтому от Артабазы и Мегабиза² были отправлены в Афины послы для переговоров об условиях мира. Афиняне приняли предложения послов, и сами снарядили полномочное посольство во главе с Каллием, сыном Гиппоника³. Соглашение о мире между афинянами и их союзниками, с одной стороны, и персами, с другой стороны, было заключено на следующих условиях. Все греческие города на побережье Малой Азии должны быть автономны; сатрапы же персидского царя не должны отплывать по морю (от берегов Малой Азии) дальше чем на расстояние трехдневного пути, и между Фасилидой⁴ и Кианеями⁵ не должны плавать большие военные суда; если царь и стратеги афинские примут эти условия, то афиняне не должны будут вступать с оружием в страны, которыми управляет царь Артаксеркс. Заключив мир на таких условиях, афиняне отвели свои войска с о. Кипра, прославившись и блестящей победой и заключением выгодного мира.

¹ Сатрап – наместник сатрапии, административного округа, на которые были разделены завоеванные Дарием страны.

² Артабаз и Мегабиз – сатрапы, которые в это время вели войну с греками.

³ Каллий сын Гиппоника – один из богатейших афинских граждан, назначенный послом для заключения мира с персами.

⁴ Фасилида – греческая колония на южном берегу Малой Азии в Памфилии.

⁵ Кианейские острова – два маленьких скалистых острова на Черном море у входа в Босфор Фракийский.

Превращение Афинского морского союза в державу (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 97-99)

О постепенном превращении Афинского морского союза в державу кратко и четко рассказал Фукидид.

Имея гегемонию над союзниками, которые вначале были автономны и совещались на общих собраниях, вот что предприняли афиняне в своем внутреннем управлении и в войнах, в промежуток времени между Персидской и Пелопоннесской войной, в отношении к варварам, к бунтующим своим союзникам и к тем пелопоннессцам, с какими им приходилось иметь дело в каждом отдельном случае...

Прежде всего афиняне, под начальством сына Мильтиада Кимона, после осады взяли занятый персами Эион¹ что на Стримоне², и жителей его обратили в рабство. Затем они обратили в рабство жителей Скироса³, острова на Эгейском море, заселенного долопами⁴, и заселили его сами⁵. Афиняне вели войну против каристян⁶ без участия остальных эвбейцев и, спустя некоторое время, вступили с ними в мирное соглашение. Потом они воевали с отложившимися наксосцами⁷ и осадой принудили их к сдаче⁸. Это первый союзный город⁹, покоренный вопреки установившимся отношениям к союзникам; впоследствии то же случилось и с рядом остальных городов.

Помимо иных причин отложения союзников, важнейшими были: недоимки в уплате фороса¹⁰, отказы в доставке кораблей и войска, если какой город был к тому обязан. Действительно, афиняне взыскивали определенно то, что полагалось получать с союзников, и применяли принудительные меры к ним, не привыкшим к этому или не желавшим сносить эти строгости. И в других отношениях главенство афинян было далеко не по вкусу союзникам в такой степени, как сначала, да и в совместных военных предприятиях равенства между афинянами и союзниками не было, и афиняне с большой легкостью приводили восставших к повиновению. Виноваты в этом оказались сами союзники: вследствие нерасположения к военной службе, из нежелания удаляться с родины большинство союзников обложили себя денежной данью, вместо доставки кораблей, с тем, чтобы вносить приходящиеся на их долю издержки. Таким образом, флот афинян увеличивался на средства, вносимые союзниками, а последние, в случае восстания, шли на войну неподготовленные и без необходимого опыта.

¹ Эион – город на северном фракийском берегу Эгейского моря.

² Стримон – река во Фракии, впадающая в Эгейское море.

³ Скирос – остров к северо-востоку от Эвбеи. Жители его поддерживали персов. Следует отметить пример обращения в рабство греками – греков.

⁴ Долопы – эллинское племя в юго-западной части Фессалии.

⁵ В 474-472 гг. до н. э. Скирос заселили афинские военные поселенцы – клерухи.

⁶ Каристяне – жители города Кариста на юге острова Эвбеи.

⁷ Наксосцы – жители острова Наксоса, самого крупного из Кикладских островов.

⁸ Наксосцы сдались в 470-469 г. до н. э.

⁹ Остров Наксос был первым союзником Афин, лишенным афинянами политической самостоятельности.

¹⁰ Размеры фороса (дани) были исчислены Аристидом. Дань первоначально вносилась преимущественно натурой. Союзники поставляли воинов, оружие и корабли для продолжения войны с персами.

Основание афинской колонии Бреи¹ во Фракии

...Если же привезет с собой², то пусть лишится этого имущества сам обманщик, или тот, кто это записал. [Колонисты] должны предоставить им для жертвоприношений за свою колонию [стада овец, сколько они] считают нужным. Следует выбрать [десять человек] геономов для распределения земли, по одному от филы. Пусть распределяют землю. Демоклид же пусть управляет колонией самостоятельно, насколько может [лучше]. Объявленные раньше участки земли пусть останутся там, как они есть, а других не нарезать. На великие Панафины³ отправлять быка и двух овец...

Если же кто-нибудь пойдет войной на [землю] колонии, то городам нужно придти на помощь (как можно скорее), согласно договору... как было записано [относительно городов], расположенных во Фракии. [Это (постановление)] должно быть вырезано (на стеле) и выставлено в городе. Колонисты должны предъявить эту стелу своим должностным лицам. Если же кто-либо будет решать дела вопреки [постановлению, содержащемуся в стеле или какой-нибудь оратор] выступит публично, либо будет призывать к нарушению или к отмене каких-либо постановлений [стелы], то он сам и его дети будут лишены гражданских прав, а его имущество конфисковано, причем [десятая часть], будет отдана в пользу богини⁴, если только сами колонисты не попросят за него... А кто запишется в колонисты, будучи воином в походе, тот после возвращения в Афины должен будет поселиться в Брее в течение тридцати дней. Колонию вывести в тридцатидневный срок. Эсхин же выдает деньги на проводы [колонистов].

Фантокл принял относительно колонии в Брее постановление, подобное постановлению Демоклида. Притании Эрехфея [поручена было] привести Фантокла на первое заседание буле, а в Брею вывести колонию из фетов и зевгитов.

¹ Была основана при Перикле до 447 г. до н. э.

² Имеется в виду какое-то имущество, которое не разрешалось вывозить в колонию.

³ Великие Панафины – главный афинский праздник в честь рождения богини Афины и синойкисма при Тесее. Праздновался в августе раз в четыре года

⁴ Афины.

2.7.

ПЕЛОПОНЕССКАЯ ВОЙНА

Причины и предпосылки Пелопоннесской войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 23)

Фукидид пытается вскрыть истинные причины войны, которые он отличает от поводов – конкретных инцидентов, породивших военное столкновение. Правильно указывая на соперничество Афин и Спарты как на основную причину войны, Фукидид не упоминает здесь о противоречиях экономического характера между афинами и Коринфом.

...Начали войну афиняне и пелопоннесцы нарушением тридцатилетнего мира, который был заключен между ними после покорения Эвбеи¹. Чтобы в будущем кто-нибудь не стал доискиваться, откуда возникла у эллинов такая война, я предварительно изложу распри и причины², вследствие которых мир был нарушен. Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну.

Что же касается тех причин, о которых с обеих сторон говорилось открыто и которые привели к нарушению мира и возникновению войны, то они заключались в следующем.

¹ В 446-445 гг. до н. э. афиняне подавили восстание союзных городов на о. Эвбее, которое поддерживали спартанцы. После этого состоялись переговоры между Афинами и Спартой, закончившиеся заключением мира между обоими государствами в 445 г. до н. э. на тридцать лет.

² Фукидид слово «повод» употребляет в смысле «причина» и, наоборот, слово «причина» употребляется в смысле «повод».

Конфликт из-за Эпидамна¹ и Керкиры² (Фукидид, I, 24-31, 44, 1, 45, 1-2, 55, 2)

Конфликт был одним из главных поводов, ускоривших начало Пелопоннесской войны

Есть в Ионийском заливе³, на правой стороне от входа в него, город Эпидамн. В окрестностях его живут варвары тавлантии илирийского племени. Город основали керкирцы, вождем же колонии был... коринфянин, из потомков Геракла, согласно древнему обычаю приглашенный из метрополии⁴. В числе колонистов были также некоторые коринфяне и остальные дорийцы. С течением времени эпидамнцы усилились, и город стал многолюдным. Перед самым началом этой войны демократия Эпидамна изгнала олигархов из города, а последние, вместе с варварами, стали грабить оставшихся в городе жителей с суши и с моря. Оставшиеся в городе эпидамнцы, находясь в угнетенном положении, отправили послов в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбою не оставить их без внимания в их бедственном положении, примирить с изгнанниками и положить конец войне с варварами. Вот о чем просили послы, расположившись, в качестве умоляющих, в храме Геры. Однако керкирцы не вняли их мольбам, ипустили послов ни с чем. Узнав, что от Керкиры не будет им никакой защиты, эпидамнцы были в затруднении, как им уладить создавшееся положение. Поэтому они отправили в Дельфы послов спросить бога: не передать ли им свой город коринфянам, как основателям колонии, и не попытаться ли получить от них какую-нибудь защиту. Бог дал послам ответ: передать город коринфянам и признавать их главенство. Согласно прорицанию эпидамнцы явились в Коринф, передали колонию коринфянам... Они просили не допускать их до гибели, но защитить их...

...Коринфяне с радостью занялись отправкою вспомогательного войска в Эпидамн, предлагали отправляться туда, в качестве колонистов, всякому желающему и послали гарнизон из ампракиотов⁵, левкадцев⁶ и собственных граждан... Тогда керкирцы на сорока кораблях пошли на Эпидамн, имея при себе изгнанников⁷, которых они желали снова водворить на родине, и прихватив с собою илирийцев. Блокировавши город, они объявили, что все желающие эпидамняне и находившиеся в Эпидамне чужестранцы могут безопасно удалиться, угрожая, в противном случае, поступить с ними как с неприятелями. Так как эпидамнцы не послушали их, то керкирцы приступили к осаде города (лежал он на перешейке). Когда посланные из Эпидамна явились в Коринф с известием об осаде, коринфяне стали снаряжать войско и вместе с тем через глашатаев предлагали всем желающим отправляться в Эпидамн на жительство на равных и одинаковых условиях с прежними жителями и новыми колонистами... Коринфяне просили также мегарцев сопровождать со своим флотом колонистов на тот случай, если бы керкирцы вздумали задержать их на море. Мегарцы изъявили готовность отплыть вместе с ними.

(Далее перечисляются другие союзники Коринфа.)

Когда керкирцы узнали об этих приготовлениях, то вместе с лакедемонскими и сикионскими послами, которых они взяли с собою, явились в Коринф с требованием отозвать назад из Эпидамна и гарнизон и колонистов, как не имеющих никакого касательства к Эпидамну. Если же коринфяне имеют на Эпидамн какие-либо претензии, то они готовы предстать на суд перед пелопоннесскими государствами, выбранными по обоюдному соглашению: за кем суд признает колонию, те и будут ею владеть. Они изъявляли также желание представить вопрос на решение Дельфийского оракула, лишь бы не доводить дело до войны. В противном случае, говорили керкирцы, коль скоро коринфяне действуют насильем, и они будут вынуждены искать себе помощи у союзников, нежелательных для коринфян, преимущественно не у тех, которых имеют теперь⁸. Коринфяне не шли ни на одно из этих предложений; когда же корабли их были вооружены и союзники явились, они предварительно послали глашатаев к керкирцам с объявлением войны, потом вышли в море на семидесяти кораблях с двумя тысячами гоплитов и направились к Эпидамну с намерением начать военные действия против керкирцев... тогда и керкирцы направились против них в открытое море, выстроились в боевой порядок и дали сражение. Решительная победа одержана была керкирцами...

...керкирцы стали господами всего тамошнего моря...

...Раздраженные войною с керкирцами, коринфяне в течение целого года, последовавшего за битвой, и даже в следующем году, сооружали корабли и готовились к большой морской экспедиции, причем флот они собирали из Пелопоннеса, а гребцов нанимали также и из остальной Эллады. При известии о приготовлении коринфян к войне керкирцы испугались, и так как они не состояли в союзе ни с кем из эллинов и не вписались в число союзников ни афинских, ни лакедемонских, то решили обратиться к афинянам и вступить в их союз или попытаться найти у них какую-либо помощь. Узнав об этом, коринфяне с своей стороны отправили послов в Афины из опасения, как бы присоединение афинского флота к керкирскому не помешало им окончить войну так, как они хотели...

...Выслушав обе стороны, афиняне дважды созывали народное собрание... и решили не заключать с керкирцами такого союза, в силу которого у них были бы общие враги и друзья (ведь если бы керкирцы потребовали от афинян идти вместе с ними на Коринф, то афинянами был бы нарушен их договор с пелопоннесцами), но вступить с ними в оборонительный союз на условии оказывать взаимную помощь в случае нападения кого-либо на Керкиру или Афины, или на их союзников. Война с пелопоннесцами, по мнению афинян, была неизбежна во всяком случае, и потому они не желали уступать Керкиру, обладавшую столь значительным флотом, коринфянам... Таковы были соображения афинян, на основании которых они приняли керкирцев в свой союз... Афиняне отправили керкирцам на помощь десять кораблей... Таким-то образом Керкира вышла счастливо из войны с коринфянами.

¹ Эпидамн – греческая колония в районе современного албанского города Дуррес.

² О. Керкира – совр. о. Корфу. На северо-востоке Ионического моря.

³ Ионийский залив – подразумевается Адриатическое море.

⁴ Метрополией о. Керкиры был город Коринф. Город, основавший колонию, по отношению к ней назывался метрополией, т. е. «городом матерью».

⁵ Ампракиоты – жители города Ампракии в южном Эпире.

⁶ Левкадцы – жители острова Левкады у западного побережья Средней Греции.

⁷ Изгнанные из Эпидамна – были олигархами. Следовательно, в это время у власти на о. Керкире были тоже олигархи.

⁸ То есть не у пелопоннесцев, а у афинян.

Расходы афинян на флот, посланный к острову Керкира в 433 г. до н. э.

Надпись, найденная на афинском Акрополе, содержит отчет о суммах, выплаченных государством на снаряжение двух эскадр (в 10 и 20 кораблей соответственно), которые были посланы на помощь Керкире летом 433 г. до н. э. Известно, что вмешательство Афин в конфликт между Керкирой и Коринфом послужило одним из непосредственных поводов к Пелопоннесской войне.

Афиняне израсходовали на Керкиру следующие суммы. При архонте Апсевде и при совете, первым секретарем которого был Критиад, сын Фаина, из дема Тифрат, казначеи священной казны Афины¹ (такой-то) из дема Керамии и товарищи его по должности – а их секретарем был Кратет, сын Навпона, из дема Ламптры – передали стратегам, которые первыми отплывали на Керкиру, – Лакедемонию из дема Лакиады, Протею из дема Эксона и Диотиму из дема Эвонимия, когда обязанности пританов первой исполняла фила Эантида и прошло уже тринадцать дней (с начала притании), 26 талантов².

При архонте Апсевде и при совете, первым секретарем которого был Критиад, сын Фаина, из дема Тифрат, казначеи священной казны Афины (такой-то) из дема Эрхия и товарищи его по должности – а их секретарем был Эвтий, сын Эсхрона, из дема Анафлист – передали стратегам, которые вторыми отплывали на Керкиру, – Главкону из дема Керамии, Метагену из дема Кела и Драконтиду из дема Торы³ когда обязанности пританов первой исполняла фила Эантида, в последний день притании 50 талантов.

¹ Коллегия казначеев священной казны богини Афины состояла из 10 человек. Кроме имуществ, которые считались принадлежащими богине Афине, в их ведении находилась также государственная казна, хранившаяся в опистодоме (внутреннем помещении Парфенона).

² По эвбейской весовой системе, принятой в Афинах со времени Солона, 1 талант равнялся 26,2 кг.

³ У Фукидида вместо Драконтида ошибочно назван Андокид.

Осада Потидеи (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 56, 58)

Город Потидея на Халкидике находился в двойном подчинении: это была колония Коринфа, но одновременно и член Афинского союза. Выполнение афинских требований оторвало бы потидеян от родного им Коринфа и сделало бы совершенно беззащитными против афинских вооруженных сил.

Непосредственно вслед за этим следующее обстоятельство также послужило поводом к распри между афинянами и пелопоннесцами, приведшей к войне. Так как коринфяне стремились отомстить афинянам, то последние, подозревая враждебные замыслы с их стороны, потребовали от живущих на перешейке Паллены потидеян, своих союзников, обложенных данью, но коринфских колонистов, срыть стены со стороны Паллены¹, выдать заложников, отослать эпидемиургов, которых ежегодно присылали к ним коринфяне, и впредь не принимать новых. Афиняне опасались, как бы подстрекаемые Пердиккой² и коринфянами потидеяне не отложились от них и не увлекли за собой прочих афинских союзников на Фракийском побережье. Такие предварительные меры принимали афиняне по отношению к потидеянам непосредственно после морского сражения при Керкире...

Со своей стороны потидеяне отправили посольство к афинянам с поручением попробовать убедить их не изменять ни в чем положения Потидеи; в то же время потидеяне вместе с коринфянами явились в Лакедемон хлопотать о том, чтобы был заготовлен для них на случай нужды вспомогательный отряд. Так как от афинян, несмотря на продолжительные старания, потидеяне не добились никакого благоприятного ответа, а, напротив, афинские корабли шли теперь против Македонии, равно как и против них, так как высшие должностные лица в Лакедедоне обещали им вторгнуться в Аттику, в случае если афиняне пойдут на Потидею, то только теперь ввиду таких благоприятных обстоятельств потидеяне заключили одновременно клятвенный союз с халкидянами и боттиями и отложились от Афин...

¹ Так как афинский флот господствовал на море, срытие стен делало Потидею беззащитной против Афин.

² Македонский царь Пердикка II (454–413 гг. до н. э.).

Договор о союзе между Афинами и Леонтинами (433/432 г. до н. э.)

Надпись, найденная в Афинах, содержит текст договора о союзе между Афинами и сицилийским городом Леонтины. Как и в надписи, содержащей текст договора о союзе между Афинами и Регием, начальные строки постановления (преамбула) вырезаны на месте, откуда был выскоблен более ранний текст. В обеих надписях преамбула и основная часть постановления различаются по характеру письма, причем более ранним является письмо основной части. В научной литературе высказано поэтому предположение, что при архонте Апсевде в Афинах были возобновлены по инициативе Леонтин и Регия прежние союзные договоры, которые были заключены, если судить по характеру письма в основной части каждого постановления, еще в 40-х годах V в. до н. э. Оба документа показывают, каким путем велась Афинянами дипломатическая подготовка войны с Коринфом и Сиракузами на западе.

Боги.

Послы из Леонтин, заключившие союз и давшие клятву, – Тименор, сын Агафокла, Сосий, сын Главкия, Гелон, сын Эксекеста. Секретарь Феотим, сын Тариска. При архонте Апсевде и при совете, секретарем которого был Критиад, совет и народ постановили, фила Акамантида исполняла обязанности пританов, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом¹, Каллий² внес предложение: быть союзу между афинянами и леонтинцами и обмениваться клятвами, афинянам же принести клятву следующего содержания: «Мы будем союзниками...».

¹ Эпистат – председатель коллегии пританов, избирался на одни сутки, председательствовал в совете и в Народном Собрании.

² По-видимому, тот самый Каллий, сын Каллиада, который летом 432 г. до н. э. командовал афинской экспедицией, направленной на подавление восстания Потидеи и других городов Халкидики.

Договор о союзе между Афинами и Регием (433/432 г. до н. э.)

Надпись, найденная в Афинах, содержит текст договора о союзе между Афинами и сицилийским городом Леонтины. Как и в надписи, содержащей текст договора о союзе между Афинами и Леонтинами, начальные строки постановления (преамбула) вырезаны на месте, откуда был выскоблен более ранний текст. В обеих надписях преамбула и основная часть постановления различаются по характеру письма, причем более ранним является письмо основной части. В научной литературе высказано поэтому предположение, что при архонте Апсевде в Афинах были возобновлены по инициативе Леонтин и Регия прежние союзные договоры, которые были заключены, если судить по характеру письма в основной части каждого постановления, еще в 40-х годах V в. до н. э. Оба документа показывают, каким путем велась Афинянами дипломатическая подготовка войны с Коринфом и Сиракузами на западе.

Боги.

Послы из Регия, заключившие союз и давшие клятву, – Клеандр (сын такого-то), (такой-то, сын такого-то), Силен, сын Фока...¹ При архонте Апсевде и при совете, первым секретарем которого был Критиад, совет и народ постановили, фила Акамантида исполняла обязанности пританов, Харий был секретарем, Тимоксен был эпистатом, Каллий² внес предложение: быть союзу между афинянами и регийцами, афинянам же принести клятву следующего содержания: «Отношение афинян к регийцам и союзникам во всем будет честным, бесхитростным и простым, и мы будем союзниками верными, справедливыми, надежными, безобидными и полезными, и мы не будем помогать врагам регийцев...».

¹ Пропуск из 14 букв.

² По-видимому, тот самый Каллий, сын Каллиада, который летом 432 г. до н. э. командовал афинской экспедицией, направленной на подавление восстания Потидеи и других городов Халкидики.

Требования союзников Спарты (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 66-67, 70, 124-125)

Наряду с тем недовольством, которое испытывала Спарта, видя усиление Афин, большую роль в развязывании войны сыграли Коринф, Эгина, Мегары, настаивавшие на более решительных действиях. Любопытна сравнительная характеристика спартанцев и афинян, вложенная Фукидидом в уста коринфского представителя.

Афиняне и пелопоннесцы приводили друг против друга еще следующие обвинения: коринфяне жаловались на афинян за то, что Потидея, их колония, и находившиеся в ней коринфяне и пелопоннесцы осаждены афинянами, а афиняне укоряли пелопоннесцев в том, что они привели к отпадению город, союзный с ними и обложенный данью, пришли на помощь потидеянам и открыто сражались вместе с ними. Однако война еще не вспыхнула, и перемирие продолжалось, потому что коринфяне во всем происшедшем действовали на свой страх.

Но по случаю осады Потидеи они были в тревоге, так как там находились их граждане, да и за судьбу местности они опасались. Поэтому коринфяне немедленно стали созывать союзников в Лакедемон и там громко жаловались на афинян за то, что они нарушили договор и виноваты перед Пелопоннесом. Из страха перед афинянами эгиняне открыто не отправляли посольства в Лакедемон, но тайком вместе с коринфянами ревностно стали возбуждать пелопоннесцев к войне, указывая на то, что вопреки договору¹ они не пользуются

автономией. Тогда лакедемоняне пригласили и других союзников, всех, кто заявлял какие-либо претензии на афинян, созвали свое ординарное собрание и предлагали союзникам высказаться. В числе других союзников, по порядку выступавших с жалобами на афинян, были и мегаряне. Помимо многих других своих неудовольствий они указывали преимущественно на то, что вопреки договору для них закрыты гавани в афинских владениях и аттический рынок². Последними выступили коринфяне, предоставив остальным союзникам раздражить предварительно лакедемонян, и прибавили ко всему сказанному следующее.

«...Вы, по-видимому, вовсе не приняли в расчет, что представляют собой те афиняне, с которыми предстоит вам борьба, до какой степени они во всем отличаются от вас. Афиняне любят всякие новшества, отличаются быстротой в замыслах и в осуществлении раз принятых решений; вы же, напротив, стремитесь к тому, как бы сохранить существующее, не признаете ничего нового, не исполняете на деле даже необходимого. Далее, афиняне отваживаются на то, что превышает их силы, рискуют до безрассудства, и надежда не покидает их даже в критических обстоятельствах, тогда как вы целаєте меньше, чем сколько позволяют ваши силы, не доверяете даже надежным расчетам и полагаете, что никогда не избавитесь от опасностей. Афиняне решительны – вы медлительны; они ходят в чужие земли – вы приросли к своему месту; удаляясь от родины, они рассчитывают приобрести себе что-либо, вы же опасаетесь, как бы, выйдя из пределов своей страны, не нанести ущерба тому, чем вы владеете. Побеждая врагов, афиняне преследуют их возможно дальше, а, терпя поражения, дают оттеснить себя возможно меньше. Сверх того, свою жизнь афиняне отдают за свое государство так, как будто она вовсе не принадлежит им; напротив, духовные свои силы они берегут как неотъемлемую собственность, чтобы служить ими государству. Если замыслы их не удаются, они смотрят на это как на потерю своего достояния; если же план их осуществился и они приобрели что-либо, достигнутая удача кажется им незначительной в сравнении с тем, что предстоит еще сделать. Если в каком-либо предприятии афиняне и ошибутся, они взамен того питают новые надежды и тем восполняют то, чего им недостает. Обладание и надежда на то, что они замышляют, сливаются в одно целое только у афинян благодаря той быстроте, с какой они стремятся осуществить свои решения. Так непрестанно всю жизнь трудятся они с напряжением сил и среди опасностей. Наличными благами наслаждаются они очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению, и нет для них другого праздника, как выполнить то, что требуется обстоятельствами; напротив, на праздный покой они смотрят так же, как на утомление без отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь, желая кратко охарактеризовать афинян, сказал, что они рождены для того, чтобы самим не иметь покоя и другим не давать его, он был бы прав».

«Итак, лакедемоняне, когда со всех сторон представляется благоприятный случай к войне и мы убеждаем вас предпринять ее во имя общих интересов – ведь в объединении выгод государственных и частных – надежнейший залог успеха, – не медлите подать помощь потидеянам, дорянам, которых осаждают ионяне, – прежде бывало иначе – и спешите добиться свободы прочих эллинов³. Нам нельзя ждать дольше, коль скоро одних уже теснят, а другие вскоре подвергнутся той же участи, если станет известно, что мы, здесь собравшиеся, не дерзаем наказать врага. Поймите же, союзники, что настала крайняя нужда, что мы даем наилучший совет, и решайте за войну, не страшась опасностей на-стоящей минуты и стремясь к более продолжительному миру, который последует за ним. Война делает мир более прочным, но не так безопасно воздерживаться от войны ради покоя. Будьте уверены, что образовавшееся в Элладе тираническое государство угрожает всем одинаково: над одними оно уже властвует, над другими замышляет властвовать. Поэтому пойдем и укротим его; тогда в будущем и сами будем жить, не подвергаясь опасности, и поработенным теперь эллинам даруем свободу». Так говорили коринфяне.

Выслушавши мнения всех, лакедемоняне пригласили присутствовавших в собрании союзников подавать голоса по порядку, не делая различия между большими и меньшими государствами. Большинство подало голос за войну. Несмотря на такое решение, начинать войну тотчас было невозможно, так как пелопоннесцы не были готовы; поэтому решили, что каждое государство доставит все нужное, что замедления быть не должно. Тем не менее в необходимых приготовлениях до вторжения в Атику и открытого начала военных действий прошло около года.

¹ Тридцатилетний мир 445 г. до н. э.

² Постановления о мегарянах были приняты перед началом войны и явились одним из поводов к ней.

³ Т. е. афинских союзников.

Размеры афинской государственной казны и военных сил в начале войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 13)

Перикл убеждал афинян сохранить бодрость духа, ссылаясь на то, что обыкновенно государство получает в год 600 талантов дани от союзников, не считая прочих доходов, да на акрополе еще хранилось в то время чеканной монеты 6 000 талантов – наибольшая сумма этих денег доходила до 9700 талантов... Кроме того, говорил Перикл, есть нечekanное золото и серебро в виде посвящений от частных лиц и государства, вся

та священная утварь, которая употребляется в процессиях и на состязаниях, добыча от персов и т. п., не меньше, как на 500 талантов. Он присоединил сюда еще сверх того значительные денежные суммы из остальных святилищ, которыми афиняне также могут воспользоваться, равно как и золотым облачением самой Афины... Статуя имеет на себе веса 40 талантов чистого золота, и все это может быть снято.

...Но, употребивши это золото на спасение государства, необходимо будет, прибавлял Перикл, возратить его в неменьшем количестве. Так Перикл возбуждал мужество афинян перечислением денежных средств. Далее он напомнил, что у них есть тринадцать тысяч гоплитов¹, не считая стоявших в гарнизонах и тех шестнадцати тысяч воинов, которые поставлены были вдоль стены. Таково было количество воинов, охранявших город вначале, когда производил вторжение неприятель; оно состояло из граждан самого старшего и самого младшего возрастов, а также из тех метеков², которые служили в гоплитах... Далее Перикл указал на то, что имеется тысяча двести человек конницы вместе с конными стрелками, тысяча шестьсот стрелков и триста годных к плаванию триер³.

Таковы, ничуть не меньшие, средства были у афинян вообще и в частности в то время, когда предстояло первое вторжение пелопоннесцев и афиняне начинали войну.

¹ Гоплиты – тяжело вооруженные воины-пехотинцы.

² Метеки – проживавшие в Афинах свободные греки – не афинские граждане, главным образом ремесленники и торговцы, переселившиеся в Афины из других городов.

³ Триера – военное судно с тремя рядами весел.

Взаимные требования спартанцев и афинян перед началом войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 126-128, 139)

Как указывает Фукидид, спартанские посольства к афинянам имели целью лишь получить повод для объявления войны. Решение уже было принято обеими сторонами, и обмен посольствами носил чисто формальный и показательный характер, а предъявленные друг другу требования были заранее неприемлемы.

В течение этого времени пелопоннесцы отправляли к афинянам посольства с жалобами, чтобы в случае отказа в чем-либо иметь возможно более основательный предлог к войне. Так, прежде всего лакедемоняне потребовали от афинян через своих послов изгнания виновных в кощунстве против богини¹...

Очищения от этой скверны и требовали от афинян лакедемоняне, ратуя как бы больше всего за богов. На самом деле они знали, что со стороны матери причастен к преступлению и Перикл, сын Ксанфиппа², и рассчитывали, что по изгнании его переговоры с афинянами могли бы пойти у них успешнее. Впрочем, лакедемоняне не столько надеялись на изгнание Перикла, сколько на то, что их требование вызовет в гражданах раздражение против него, так как причиной войны будет отчасти его несчастье. Будучи в то время влиятельнейшим лицом и руководителем афинской политики, Перикл во всем действовал наперекор лакедемонянам и не допускал уступок, а, напротив, возбуждал афинян к войне.

Афиняне со своей стороны также требовали от лакедемонян изгнания запятнанных скверной на Тенаре³. Некогда лакедемоняне предложили молящим о защите илотам покинуть святилище Посидона, вывели их оттуда и перебили; за это, по мнению лакедемонян, Спарта и подверглась сильному землетрясению⁴. Афиняне требовали, чтобы лакедемоняне также очистились от кощунства, совершенного против Меднодомной⁵...

Итак, вот какое поручение с первым посольством дали лакедемоняне афинянам и вот какое приказание они получили в свою очередь от афинян по делу об удалении запятнанных кощунством. Впоследствии они не раз являлись в Афины и требовали снять осаду с Потидеи и предоставить автономию Эгине. Но всего больше и всего определеннее лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарянах, возбраняющее им пользоваться гаванями, находящимися в пределах Афинской державы, и рынком в Аттике. Афиняне отказывали лакедемонянам во всем и постановления своего не отменяли, причем жаловались на мегарян за то, что они возделали священную землю и другую, не обозначенную никакими границами, и приняли к себе беглых рабов афинских. Наконец, явились к афинянам из Лакедемона последние послы: Рамфий, Мелесипп и Агесандр; они не предлагали уже ничего того, о чем говорилось обыкновенно раньше, а сказали лишь следующее: «Лакедемоняне желают мира, и он будет, если вы оставите эллинов автономными».

¹ Участники заговора Килона в VII в. до н.э., искавшие защиты у алтаря богини Афины на Акрополе, были перебиты вопреки обещанию сохранить им жизнь. И виновники убийства, и их потомки считались запятнанными этим кощунством.

² Мать Перикла Агариста принадлежала к роду Алкмеонидов, запятнанному убийством килоновцев.

³ Мыс Тенар на юге Лаконии, где находилось святилище Посейдона, дававшее право убежища.

⁴ В 464 г. до н.э.

⁵ Спартанский полководец Павсаний, заподозренный в изменнических связях с персами и антигосударственном заговоре, пытался укрыться от преследователей в храме Афины Меднодомной. Эфоры замуровали его там и уморили голодом.

Сопоставление сил противников и военные планы Перикла (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 139-145; II, 13)

В речи, вложенной Фукидидом в уста Перикла, излагается позиция Афин накануне войны. Любая уступка Спарте будет воспринята ею как проявление слабости и повлечет за собой новые требования. У Спарты нет опыта морской войны, мало средств в казне. Для Аттики не столь страшно, как для Спарты, вторжение врага, ибо у афинян есть еще владения на островах и материке и они главенствуют на море. Здесь обосновывается та политика, которую проводили Афины в первые годы войны, – оборонительные действия на суше и наступательные на море; расчет на то, что Спарта не выдержит затягивания войны.

...Афиняне созвали Народное Собрание, предоставили каждому высказывать свое мнение и постановили, обсудив зараз все обстоятельства, дать окончательный ответ. Многие выступали с речами, причем голоса разделились: по мнению одних, следовало воевать, по мнению других, постановление о мегарянах не должно быть помехой миру и необходимо его отменить. Выступил также Перикл, сын Ксанфип-па, в то время первый человек в Афинах, самый могучий и словом, и делом. Он увещевал афинян следующим образом.

«Афиняне! Я неизменно держусь одного и того же убеждения – не уступать пелопоннесцам, хотя я знаю, что люди действуют на войне не с таким воодушевлением, с каким дают себя убедить начинать ее, и меняют свое настроение сообразно случайностям войны...

Они велят нам снять осаду с Потидеи, предоставить автономию Эгине и отменить постановление о мегарянах. Наконец, последние явившиеся к нам послы приказывают предоставить автономию эллинам. Пусть не подумает кто-либо из вас, будто мы начинаем войну из-за мелочей, когда не хотим отменить постановления о мегарянах, на чем лакедемоняне настаивают всего больше, уверяя, что войны не будет, если постановление это будет отменено. Не упрекайте себя в том, будто вы начали войну по маловажной причине. На самом деле эта мелочь дает случай показать всю вашу твердость и испытать ваше настроение: если вы уступите лакедемонянам, они тотчас предъявят вам какие-нибудь другие, более тяжкие требования, полагая, что вы из страха пошли на уступки. Напротив, решительным отказом вы ясно дадите понять им, что они должны обращаться с вами как равные с равными.

...Что касается приспособлений к войне и тех средств, которыми располагают обе стороны, то знайте, что мы будем не слабее их, о чем и услышите от меня подробно. Пелопоннесцы живут трудами рук своих, у них нет денег ни частных, ни общественных; потом они неопытны в войнах продолжительных и в тех, которые ведутся за морем, так как вследствие бедности они воюют только между собой, и то кратковременно. Такие люди не могут часто высылать на войну ни вооруженных воинами кораблей, ни сухопутных войск, чтобы не удалиться от своих владений и вместе с тем не тратить своих средств; кроме того, море для них закрыто...

Однако важнейшей помехой для них будет недостаток денег, так как с доставкой их они будут медлить и всегда запаздывать, а военные события не ждут. Не стоит также страшиться ни их земляных укреплений, ни флота. Что касается укреплений, то если и в мирное время трудно возвести их в таком виде, чтобы они равнялись укреплениям нашего города, тем труднее, конечно, сооружать их на неприятельской земле, особенно потому, что и со своей стороны мы можем выставить такие же укрепления. Если даже они возведут крепость и часть нашей земли может страдать от набегов и перебежчиков, все-таки они не в состоянии будут и возводить укрепления на нашей земле, и мешать нам плыть на кораблях – в чем наша сила – в их землю и мстить им. Азорская служба нам дает больше опыта для войны на суше, нежели служба сухопутная лакедемонянам для морской войны.

Далее, предположим, они наложили бы руку на олимпийские или дельфийские сокровища и попытались бы высшей наемной платой переманить от нас иноземный моряков; это, действительно, было бы опасно, если бы мы со своей стороны не имели возможности сравняться с ними, вооружив корабли собственными гражданами и метеками. Но теперь эта возможность есть у нас, и – что всего важнее – кормчие – наши же граждане, и вообще судовая команда у нас многочисленнее и искуснее, чем у всех остальных эллинов...

В таком или приблизительно в таком виде представляется мне положение пелопоннесцев. Напротив, наше положение, свободное от тех недостатков, которые я осуждал в них, имеет и другие более важные преимущества. Если они вторгнутся в нашу страну по суше, мы пойдем на их землю морем, а опустошение одной какой-либо части Пелопоннеса будет иметь далеко не то же значение, как опустошение целой Аттики, потому что взамен этой области они не смогут получить без борьбы никакой другой, тогда как у нас есть много земли и на островах, и на материке. Так важно иметь силу на море! Подумайте только: если бы мы стали островными жителями, кто был бы неуловимее нас? Следует и теперь мысленно ставить себя возможно ближе к такому положению: покинуть поля и жилища, оберегать море и город и, хотя бы это способно было вселить раздражение, не давать все-таки битвы пелопоннесцам, превосходящим нас численностью. Ведь даже в случае победы мы снова будем иметь дело с неприятелем не менее многочисленным, а при поражении мы потеряем, сверх того, и союзников, которые составляют нашу силу: они не останутся спокойными, раз мы не будем в состоянии идти на них войной. Не жилищ и полей должны мы жалеть, но жизней человеческих, так как не жилища и поля приобретают людей, но люди приобретают их. И если бы я рассчитывал убедить вас, то посоветовал бы вам самим опустошить вашу землю, и покинуть ее, и тем показать пелопоннесцам, что из-за этого вы не покоритесь им.

...Отошлем послов с таким ответом: «Мы дозволим мегарянам пользоваться рынком и гаванями, если и лакедемоняне не будут издавать распоряжений касательно ксенеласии¹ нас или союзников наших (договором ведь не возбраняется ни то ни другое); государствам союзным мы предоставим автономию, если они были автономны при заключении нами договора и если точно так же лакедемоняне предоставят своим городам каждому в отдельности управляться автономно так, как они хотят, не считаясь с лакедемонянами²; мы готовы согласно договору подчиниться решению суда, войны начинать не будем, но если они первые начнут ее, то будем защищаться». Вот ответ справедливый и достойный нашего государства!...»

Вот что сказал Перикл. Афиняне признали, что он дает им наилучший совет, и постановили так, как он предлагал: лакедемонянам ответили согласно с его мнением, по отдельным пунктам, как говорил Перикл, и вообще, что не исполнят ни одного из их требований, но готовы по договору разрешать споры судом равным и одинаковым. Послы возвратились домой, и позже больше посольств уже не было.

Пелопоннесцы собирались еще на Исфм и были в пути перед вторжением в Аттику, когда Перикл, сын Ксанфиппа, один из десятки афинских стратегов, узнал о предстоящем вторжении Перикл подозревал, что Архидам, связанный с ним узами гостеприимства, пожалуй, не тронет и не опустошит его полей или по собственному побуждению из желания угодить ему, или даже по внушению, сделанному лакедемонянами с целью возбудить против Перикла подозрение сограждан, подобно тому как из-за него же лакедемоняне потребовали изгнания лиц, оскверненных кошунством. Поэтому Перикл объявил афинянам в Народном Собрании, что хотя Архидам связан с ним узами гостеприимства, но от этого не последует для государства вреда, что, если неприятель не станет разорять его полей и домов так же, как и прочих граждан, он уступает их государству и тем самым освобождает себя от всякого подозрения. Относительно настоящего положения Перикл советовал... готовиться к войне и свезти движимость с полей в город, не выходить на битву, но запереться и охранять город, снаряжать флот, составляющий силу афинян, держать союзников в руках; при этом Перикл указывал, что сила афинян зиждется на приливе денег от союзников, а в войне большей частью побеждают рассудительность и обилие денег. Перикл убеждал афинян сохранять бодрость духа, ссылаясь на то, что обыкновенно государство получает в год шестьсот талантов дани от союзников, не считая прочих доходов, да на Акрополе еще хранилось в то время чеканной монеты шесть тысяч талантов... Кроме того, говорил Перикл, есть нечekanенное золото и серебро в виде посвящений от частных лиц и государства, вся та священная утварь, которая употребляется в процессиях и на состязаниях, добыча от персов и т. п. – не меньше как на пятьсот талантов. Он присоединил сюда еще, сверх того, значительные денежные суммы из остальных святилищ, которыми афиняне также могут воспользоваться, равно как и золотым облачением самой богини, если бы все источники доходов были закрыты.. Перикл объяснил, что статуя эта имеет на себе веса сорок талантов чистого золота и что все оно может быть снято; но, употребивши это золото на спасение государства, необходимо будет, прибавлял Перикл, возвратить его в неменьшем количестве. Так Перикл возбуждал мужество афинян перечислением денежных средств. Далее он напомнил, что у них есть тринадцать тысяч гоплитов, не считая стоявших в гарнизонах и тех шестнадцати тысяч воинов, которые поставлены были вдоль стен. Таково было количество воинов, охранявших город вначале, когда производил вторжение неприятель; оно состояло из граждан самого старшего и самого младшего возрастов, а также из тех метеков, которые служили в гоплитах...

Далее Перикл указал на то, что имеется тысяча двести человек конницы вместе с конными стрелками, тысяча шестьсот стрелков и триста годных к плаванию триер. Таковы – ничуть не меньше – средства были у афинян вообще и в частности в то время, когда предстояло первое вторжение пелопоннесцев и афиняне начинали войну...

¹ Ксенеласия – букв, изгнание иностранцев. В Спарте запрещалось длительное пребывание, а тем более поселение греков из других государств.

² Имеются в виду селения перизков, которые не имели гражданских прав в Спарте.

Начало Пелопонесской войны

(Фукидид, «История Пелопонесской войны», II, 9-10, 14, 17, 21-22, 23-25)

(Спартанцы сухопутными силами разоряли Аттику, а афиняне при помощи флота организовали блокаду Пелопоннеса.)

...То и другое государство начинало ее со следующими союзниками. В союзе с лакедемонянами состояли все пелопоннесцы, живущие по сю сторону Истма¹, за исключением аргосцев² и ахейцев³, находившихся в дружественных отношениях с обеими сторонами. Из ахейцев одни пелленяне воевали вместе с лакедемонянами с самого начала, а остальные только впоследствии. За пределами Пелопоннеса в союзе с ними были мегарцы⁴, беотийцы, локры, фокейцы, ампракиоты, левкадцы⁵, анакторийцы⁶. Из них доставляли флот коринфяне, мегарцы, сикионцы, пелленяне, элейцы, ампракиоты и левкадцы, конницу – беотийцы, фокейцы и локры, пехоту – остальные государства. Таков был союз лакедемонян. В союзе с афинянами состояли хиосцы, лесбосцы⁷, платейцы⁸, мессенцы⁹ в Навпакте, большинство акарнанцев¹⁰, керкирцы, закинфяне¹¹ и другие

государства, обложенные данью¹² и принадлежавшие разным народностям: приморская часть Карики, смежные с карийцами дорийцы, Иония, Геллеспонт, Фракийское побережье, все Кикладские острова, лежащие к востоку между Пелопоннесом и Критом, кроме Мелоса и Феры. Из них корабли доставляли хиосцы, лесбосцы и керкирцы, остальные – сухопутное войско и деньги. Таковы были союзники обеих сторон и такова была их боевая подготовка.

Лакедемоняне тотчас после платейских событий¹³ разослали приказание по городам Пелопоннеса и по союзникам вне его вооружать войска и заготавливать все необходимое к далекому походу, так как они намерены вторгнуться в Аттику...

...Афиняне... стали переселять с полей в город женщин и детей и перевозить остальную движимость, которою пользовались в хозяйстве, уничтожали даже деревянные части самих жилищ; мелкий скот и вьючных животных они переправили на Эвбею и другие прилегающие острова. Тяжело было для афинян сниматься с места, потому что большинство их привыкло постоянно жить на своих полях... Когда они явились в Афины, то помещений там нашлось только для немногих; кое-кто нашел приют у друзей или родственников. Большинство же афинян поселилось на городских пустырях, во всех святынях богов и героев, за исключением расположенных на акрополе и Элевсиния¹⁴, а также некоторых других, крепко запертых святилищ. Под давлением теперешней нужды заселен был даже так называемый Пеларгик, лежащий у подошвы акрополя и необитаемый в силу заклатья; заселять его возбранялось и следующими заключительными словами Пифийского оракула, гласившими: «Лучше Пеларгику быть невозделанным». Мне кажется, оракул исполнился в смысле обратном тому, как предполагали, именно: несчастья постигли город не вследствие противозаконного заселения местности, но сама нужда в заселении Пеларгика возникла по причине войны; не называя войны, оракул предугадал, что место это никогда не будет заселено при счастливых обстоятельствах. Многие устроились в крепостных башнях и вообще, где и как могли: город не мог вместить в себе всех собравшихся; впоследствии они заняли даже длинные стены, поделивши их между собою, и большую часть Пирея. В то же время афиняне принялись за приготовления к войне, собирали союзников и снаряжали сто кораблей для нападения на Пелопоннес с моря. Так готовились афиняне...

...Когда афиняне увидели неприятельское войско подле Ахарн¹⁵, на расстоянии шестидесяти стадий от города, они не могли долее сдерживать себя: земля их опустошалась у них на глазах, чего младшие еще не видали, да и старшие видели только во время персидских войн. Ужасно, как и следовало ожидать, было смотреть на это; все, в особенности молодежь, решили, что нельзя долее терпеть и что следует идти на неприятеля. На сходках происходили большие споры: одни требовали похода, кое-кто из других не соглашался на него. Прорицатели вещали всевозможные предсказания, к которым каждый прислушивался с жадностью. Ахарнцы понимали, что они составляют весьма значительную часть афинян и, так как опустошалась их земля, больше всего настаивали на выступлении из города. Возбуждение охватило весь город; граждане негодовали на Перикла, не вспоминали никаких его прежних внушений, но все бранили его за то, что, будучи стратегом, он не ведет их в битву, и считали его виновником всего того, что им приходилось терпеть. Перикл, замечая, с одной стороны, недовольство граждан настоящим положением дел и отсутствие с их стороны рассудительности, с другой – веря в правильность своего решения не переходить в наступление, не созывал народного собрания и не устраивал вообще никаких совещаний из опасения, как бы граждане в собрании не впали в ошибку, действуя скорее под влиянием раздражения, а не по внушению рассудка. В то же время Перикл охранял город и главным образом, по возможности, поддерживал в нем спокойствие. Однако он непрерывно высылал конницу с целью препятствовать летучим неприятельским отрядам отдельно от остального войска нападать на близкие к городу поля и разорять их... Пелопоннесцы находились еще в Аттике, когда афиняне отправили в воды Пелопоннеса сто кораблей... Между тем пелопоннесцы, пробывшие в Аттике столько времени, насколько хватило у них запасов, отступили обратно...

...Афиняне на ста кораблях вместе с явившимися к ним на помощь керкирцами на пятидесяти кораблях и с некоторыми другими из тамошних союзников крейсировали в водах Пелопоннеса, разоряли различные местности...

¹ Истм – горный хребет в самой узкой части Коринфского перешейка, отделяющий Пелопоннес от средней Греции.

² Аргосцы – жители Аргоса.

³ Ахейцы – жители северной части Пелопоннеса.

⁴ Мегарцы и другие племена – жители различных районов средней Греции.

⁵ Левкадцы – жители острова Левкады у западного побережья Средней Греции.

⁶ Анакторийцы – жители мыса Анакторий на западном побережье средней Греции.

⁷ Хиосцы и лесбосцы – жители островов Хиоса и Лесбоса в северо-восточной части Средиземного моря.

⁸ Платейцы – жители города Платеи в Беотии.

⁹ Мессенцы – бывшие илоты, после поражения в третьей Мессенскую войну нашедшие убежище в Навпакте под покровительством Афин.

¹⁰ Акарнанцы – жители Акарнании, области на западе средней Греции.

¹¹ Закинфяне – жители о. Закинф у западного побережья Средней Греции.

¹² Государства, обложенные данью, т. е. члены Афинского морского союза, платившие афинянам форо́с.

¹³ Платейские события – неудачное нападение фиванцев, союзников Спарты, на союзный с Афинами город Платеи.

¹⁴ Элевсиний – храм в Афинах, недалеко от акрополя.

¹⁵ Ахарны – самый большой из демонов, известный своим плодородием.

Изгнание эгинян (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 27)

Изгнание жителей острова Эгины и заселение его афинскими колонистами типично для политики Афинского государства в отношении непокорных союзников.

В ту же летнюю кампанию афиняне изгнали из Эгины эгинян вместе с их женами и детьми, поставив им в вину то, что они были главными виновниками войны; кроме того, афинянам казалось более безопасным, если лежащая подле Пелопоннеса Эгина будет занята их поселенцами. Немного времени спустя они послали на Эгину колонистов. Изгнанным эгинянам лакедемоняне дали для жительства Фирею и предоставили в их пользование поля ее отчасти из вражды к афинянам, отчасти за те благодеяния, какие оказали им эгиняне во время землетрясения и восстания илотов. Фирейская область лежит на границе Арголиды и Лаконики и простирается до моря. Одни из эгинян поселились здесь, другие рассеялись по остальной Элладе.

Из речи Перикла на похоронах погибших в Пелопоннесской войне воинов (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 36-41)

Перикл, глава Афинского государства, в своей речи дает идеализированное изображение афинской рабовладельческой демократии. Речь, в том виде, в каком она дошла до нас, является в значительной мере произведением Фукидида, основанном на личных воспоминаниях.

«Я начну прежде всего с предков, потому что и справедливость и долг приличия требуют воздавать им при таких обстоятельствах дань воспоминания. Ведь они всегда и неизменно обитали в этой стране и, передавая ее в наследство от поколения к поколению, сохранили ее, благодаря своей доблести, свободно до нашего времени. И за это они достойны похвалы, а еще достойнее ее отцы наши, потому что к полученному ими наследию они, не без трудов, приобрели то могущество, которым мы располагаем теперь, и передали его нынешнему поколению. Дальнейшему усилению могущества содействовали, однако, мы сами, находящиеся еще теперь в цветущем зрелом возрасте. Мы сделали государство вполне и во всех отношениях самодовлеющим и в военное и в мирное время. Что касается военных подвигов, благодаря которым достигнуты были отдельные приобретения, то среди людей, знающих это, я не хочу долго распространяться на этот счет и не буду говорить о том, с какой энергией мы или отцы наши отражали вражеские нападения варваров или эллинов. Я покажу сначала, каким образом действуя мы достигли теперешнего могущества, при каком государственном строе и какими путями мы возвеличили нашу власть, а затем перейду к прославлению павших. По моему мнению, о всем этом уместно сказать в настоящем случае, и всему собранию горожан и иностранцев полезно будет выслушать мою речь.

«Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или ином деле; равным образом, скромность знания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободно политическою жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся, если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов больше всего из страха перед ними и повинемся лицам, облеченным властью в данное время, в особенности прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи не писанными, влекут общепризнанный позор. Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как благопщукгойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние. Сверх того, благодаря обширности нашего города, к нам со всей земли стекается все, так что мы наслаждаемся благами всех других народов с таким же удобством, как если бы это были плоды нашей собственной земли. В заботах о военном деле мы отличаемся от противников следующим: государство наше мы предоставляем для всех, не высылаем иностранцев, никому не препятствуем ни учиться у нас, ни осматривать наш город, так как нас несколько не тревожит, что кто-либо из врагов, увидев что-нибудь не сокрытое, воспользуется им для себя; мы полагаемся не столько на боевую подготовку и военные хитрости, сколько на присущую нам отвагу в открытых действиях. Что касается воспитания, то противники наши еще с детства закаляются в мужестве тяжелыми упражнениями, мы же ведем непринужденный образ жизни и, тем не менее, с не меньшей отвагой идем на борьбу с равносильным противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне идут войною на нашу землю

не одни, а со всеми своими союзниками, тогда как мы одни нападаем на чужие земли и там, на чужбине, без труда побеждаем большею частью тех, кто защищает свое достояние. Никто из врагов не встречался еще со всеми нашими силами во всей их совокупности, потому что в одно и то же время мы заботимся и о нашем флоте, и на суше высылаем наших граждан на многие предприятия. Когда в стычке с какою-либо частью наших войск враги одерживают победу над нею, они кичатся, будто отразили всех нас, а потерпев поражение, говорят, что побеждены нашими совокупными силами. Хотя мы и охотно отваживаемся на опасности, скорее вследствие равнодушного отношения к ним, чем из привычки к тяжелым упражнениям, скорее по храбрости, свойственной нашему характеру, нежели предписываемой законами, все же преимущество наше состоит в том, что мы не утомляем себя преждевременно предстоящими лишениями, а, подвергшись им, оказываемся мужественными не меньше наших противников, проводящих время в постоянных трудах. И по этой и по другим еще причинам государство наше достойно удивления. Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности; мы пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и сознаваться в бедности у нас не постыдно, напротив, гораздо позорней не выбиваться из нее трудом. Одним и тем же лицам можно у нас заботиться о своих домашних делах и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся другим делам, не чуждо понимание дел государственных. Только мы одни считаем не свободным от занятий и трудов, но бесполезным того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности. Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению, происходит от того, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами. Превосходство наше состоит также и в том, что мы обнаруживаем и величайшую отвагу и зрело обсуждаем задуманное предприятие; у прочих, наоборот, неведение вызывает отвагу, размышление же – нерешительность. Самыми сильными натурами должны, по справедливости, считаться те люди, которые вполне отчетливо знают и ужасы и сладости жизни, и когда это не заставляет их отступать перед опасностями. Равным образом, в отношении человека к человеку мы поступаем противоположно большинству: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них услуги, но тем, что сами их оказываем. Оказавший услугу – более надежный друг, так как он своим расположением к получившему услугу сохраняет в нем чувство признательности; напротив, человек благодетельствованный менее чувствителен: он знает, что ему предстоит воздать услугу, как лежащий на нем долг, а не из чувства благодарности. Мы одни оказываем благодеяния безбоязненно, не столько из расчета на выгоды, сколько из доверия, покоящегося на свободе. Говоря коротко, я утверждаю, что все наше государство – центр просвещения Эллады; каждый человек может, мне кажется, приспособиться у нас к многочисленным родам деятельности и, выполняя свое дело с изяществом и ловкостью, всего лучше может добиться для себя самодовлеющего состояния. Что все сказанное не громкие слова по поводу настоящего случая, но сущая истина, доказывает самое значение нашего государства, приобретенное нами именно благодаря этим свойствам. ...Мы нашею отвагою заставили все моря и все земли стать для нас доступными, мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла. В борьбе за такое-то государство положили свою жизнь эти воины, считая долгом чести остаться ему верными, и каждому из оставшихся в живых подобает желать трудиться ради него».

Вторжение спартанцев в Аттику (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 14, 16, 17)

Согласно плану Перикла, население Аттики укрылось под защитой крепостных стен, оставив свои земли на опустошение врагу. Город не сумел вместить всех переселенцев, что привело впоследствии к страшным бедствиям.

Афиняне выслушали Перикла и приняли его предложение: стали переселять с полей в город женщин и детей и перевозить остальную движимость, которой пользовались в хозяйстве, уничтожали даже деревянные части самих жилищ; мелкий скот и выючных животных они переправили на Эвбею и другие прилегающие острова. Тяжело было для афинян сниматься с места, потому что большинство их привыкло постоянно жить на своих полях...

...Неохотно, с тяжелым чувством покидали афиняне дома и святыни, которые были для них «отцовскими» искони, со времени их старинной государственной организации; они должны были изменять свой образ жизни, и каждый из них покидал, не что иное, как свой город.

Когда они явились в Афины, то помещений там нашлось только для немногих; кое-кто нашел приют у друзей или родственников. Большинство же афинян поселилось на городских пустырях, во всех святынях богов и героев, за исключением расположенных на Акрополе и Элевсиния, а также некоторых других крепко запертых святилищ. Под давлением теперешней нужды заселен был даже так называемый Пеларгик, лежащий у подошвы Акрополя и необитаемый в силу заклятия; заселять его возбранялось и следующими заключительными словами пифийского оракула, гласившими: «Лучше Пеларгику быть невозделанным». Мне кажется, оракул исполнился в смысле, обратном тому, как предполагали, именно: несчастья постигли город не вследствие противозаконного заселения местности, но сама нужда в заселении Пеларгика возникла по причине

войны; не называя войны, оракул предугадал, что место это никогда не будет заселено при счастливых обстоятельствах. Многие устроились в крепостных башнях и вообще где и как могли: город не мог вместить в себе всех собравшихся; впоследствии они заняли даже длинные стены, поделивши их между собой, и большую часть Пирея...

Чума в Афинах **(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 47-48, 52-53, 59, 65)**

Появление болезни сначала в афинском порту Пирее указывает на то, что она была занесена на кораблях. Несмотря на эпидемию, ослаблявшую афинян, они продолжали морскую блокаду Пелопоннеса.

Столь свирепой чумы и такой смертности людей, насколько помнится, не было еще нигде. Дело в том, что врачи были бессильны; первое время они лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными; да и вообще всякое человеческое искусство было бессильно против болезни. Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно; наконец, одолеваемые бедствием люди оставили и это. Как говорят, с самого начала болезнь появилась в Эфиопии, что за Египтом, потом спустилась она в Египет и Ливию и охватила большую часть владений персидского царя. На Афины болезнь обрушилась внезапно и прежде всего поразила жителей Пирея, почему афиняне и говорили, будто пелопоннесцы отравили там цистерны; водопроводов в Пирее еще не было. Впоследствии болезнь достигла и верхнего города, и люди стали умирать уже в гораздо большем числе... В довершение к постигнутому бедствию, афиняне были угнетены еще скоплением народа с полей в город, особенно пришельцев. Так как домов не доставало и жили они летом в душных хижинах, то и умирали при полнейшем беспорядке; умирающие лежали один на другом, как трупы, или ползали полумертвые по улицам и около всех источников, мучимые жаждою. Святыни, где расположились в палатках пришельцы, полны были трупов, так как люди умирали тут же. Так как болезнь слишком свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, перестали уважать и божеские и человеческие установления. Людей нисколько не удерживал ни страх пред богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов, или не будут; с другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказание за свои преступления.

У афинян изменилось настроение. С одной стороны, они стали упрекать Перикла за то, что он склонил их к войне и что через него они подверглись несчастьям; с другой – они склонны были заключить мир с лакедемонянами и послали к ним несколько послов, но ничего не достигли. Чувствуя себя беспомощными во всех отношениях, афиняне стали нападать на Перикла. Общее раздражение граждан против Перикла прошло тогда только, когда они оштрафовали его денежной пеней. Вскоре после того – так обыкновенно поступает толпа – они, однако, снова выбрали его в стратеги, доверили ему все государственные дела: каждый был уже менее чувствителен к личному горю, а для нужд общегосударственных Перикл считался самым драгоценным человеком... Войну он пережил всего на два года и шесть месяцев...

Падение Потидеи (429 г. до н. э.) **(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 70)**

Свидетельство Фукидида о событиях, связанных с падением Потидеи.

В ту же зимнюю кампанию потидеяне оказались не в состоянии долее выдерживать осаду. Вторжения пелопоннесцев в Аттику нисколько не понуждали афинян отказаться от осады, между тем в съестных припасах у потидеян ощущался недостаток, и помимо многих других предметов, которые из нужды употреблялись в Потидее в пищу, некоторые потидеяне поедали даже друг друга. Поэтому потидеяне вступили в переговоры о сдаче с афинскими стратегами, которым поручена была осада Потидеи... Афинские стратеги пошли на предложение, принимая во внимание лишения, испытываемые их войском в холодной местности; да и государство издержало уже на осаду две тысячи талантов. Сдались потидеяне на следующих условиях: все они вместе с детьми, женщинами и бывшим у них вспомогательным войском должны выйти из города: мужчины – с одним гиматием, женщины – с двумя и с небольшой определенной суммой денег на дорогу. Согласно уговору потидеяне вышли на Халкидику и куда кто мог. Афиняне, однако, предъявили обвинение стратегам за то, что они заключили договор без их ведома: они полагали, что город должен был сдаться на таких условиях, какие будут угодны афинянам. Потом афиняне отправили в Потидею колонистов из среды своих граждан и заселили город...

Расправа афинян с восставшим на о. Лесбосе городом Митиленой (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 36, 49-50)

Восстание и отложение города Митилены от Афинского морского союза было следствием противоречий между афинской рабовладельческой демократией и рабовладельческой демократией союзников. Афинское государство развивалось в том числе и на базе эксплуатации союзников, поэтому митиленским олигархам удалось захватить власть и отложиться от Афин. Они надеялись на помощь Спарты, заинтересованной в ослаблении и распаде Афинского морского союза. Афиняне решительными и быстрыми мерами подавили очень опасное для них восстание и произвели жестокую расправу на о. Лесбосе, не делая большого различия между олигархами и демократами, хотя митиленские демократы под конец содействовали успеху афинян. Следует обратить внимание на законопроект об истреблении взрослых мужчин и обращении в рабство всех митиленских женщин и детей. Также следует обратить внимание на вывод на о. Лесбос афинских клерухов из числа обедневших граждан.

...Относительно митиленцев афиняне стали совещаться. В гневе они решили казнить не только тех митиленцев, которые были в Афинах, но всех, достигших возмужалости, а детей и женщин обратить в рабство. Они вменяли митиленцам в вину как восстание вообще, так особенно то, что они возмутились, не будучи подчинены афинянам, подобно прочим союзникам. В весьма сильной степени вызывали возбуждение афинян и пелопоннесские корабли, которые, чтобы подать помощь митиленцам, дерзнули проникнуть в Ионию¹; это показывало, что восстание задумано серьезно.

Итак, афиняне отправили триеру к Пахету² с известием о принятом решении и с приказанием скорее покончить с митиленцами. Однако на следующий день афиняне стали несколько раздумывать и приходиться к убеждению, что решение погубить весь город, а не одних виновных, – сурово и жестоко. Находившиеся в Афинах митиленские послы и сочувствовавшие им афиняне заметили эту перемену и постарались уговорить должностных лиц³ снова представить дело на обсуждение. Тем легче удалось им это, что и сами должностные лица ясно видели желание большинства граждан дать им возможность обсудить дело снова. Немедленно созвано было народное собрание, на котором разные лица высказали различные мнения. Выступил и сын Клеонета, Клеон⁴, тот самый, который провел прежнее решение о казни всех митиленцев. Это был вообще наглейший из граждан; в то время он пользовался величайшим доверием народа...

(Клеон продолжал настаивать на прежнем решении.)

...Афиняне перешли к обмену мнений; при открытой баллотировке за оба предложения высказалось почти равное число голосов, но все же одержало верх предложение Диодота⁵. Тотчас со всею поспешностью афиняне отправили другую триеру для того, чтобы раньше посланная триера не предупредила ее и чтобы до ее прибытия население города не было истреблено: первая триера вышла почти за сутки до второй. Так как митиленские послы снабдили корабль вином и ячменным хлебом и обещали щедро наградить гребцов, если они опередят первую триеру, то афиняне плыли с таким усердием, что на ходу ели хлеб, замешанный на вине и масле, и в то время как одни поочереды спали, другие гребли. К счастью, противного ветра не было вовсе, и первый корабль, шедший на необычайное дело, плыл, не торопясь, тогда как второй спешил, как сказано. Первый корабль опередил второй настолько, что Пахет прочитал постановление и собирался уже привести его в исполнение, как вслед за этим пристал к берегу второй корабль и не допустил до избиения митиленцев. Так едва-едва Митилена избежала опасности.

Остальных граждан, тех, что были отосланы Пахетом, как наиболее виновных в восстании, афиняне, по предложению Клеона, казнили (их было немного больше тысячи человек). Стены Митилены были срыты, корабли отобраны. Впоследствии афиняне не наложили фороса на лесбосцев, но образовали из их земель, кроме мифимнейской, три тысячи наделов; из них триста отделили и посвятили богам, а на остальные отправили из среды своих граждан клерухов по жребию. Лесбосцы сами обрабатывали свою землю и должны были выплачивать деньгами клерухам ежегодно за каждый надел по две мины. Афиняне отобрали также и все небольшие города на материке⁶, какие были во власти митиленцев; эти города впоследствии подчинены были афинянам. Таковы были события на Лесбосе.

¹ Иония – часть Малоазийского побережья Эгейского моря и прибрежные острова.

² Пахет – стратег, подавивший восстание митиленцев.

³ Стратегов или пританов, очередных председателей совета 500 и народного собрания.

⁴ Клеон – сын Клеонета или Клеонима, богатый, но не знатный афинянин, владелец кожевенной мастерской. Стратег, возглавивший после смерти Перикла многочисленную группу сторонников активного ведения войны против Спарты. Он руководил более радикально настроенными, чем сторонники Перикла, разорявшимися слоями афинского городского демоса, рассчитывавшими победой над Спартой поправить свое материальное положение. Фукидид, сторонник умеренной демократии и личный враг Клеона, называет его «наглейшим из людей», но не может не признать, что он пользовался большим авторитетом у народа (т.е. у афинских граждан).

⁵ Диодот – сын Евкрата, афинский гражданин, сторонник снисхождения к митиленцам, осуществивший свое право заявить об этом в афинском народном собрании.

⁶ На материке – подразумевается западное побережье Малой Азии.

Расправа спартанцев с жителями взятого ими города Платей (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 52, 68)

Следует обратить внимание на комедию суда над жителями капитулировавшей Платей с последующим истреблением мужчин, продажей в рабство женщин и полным разрушением враждебного Спарте города.

...Платейцы, не имея больше съестных припасов и не будучи в состоянии долее выдерживать осаду¹, сдались пелопоннесцам при следующих обстоятельствах. Пелопоннесцы штурмовали платейское укрепление, и платейцы не имели силы его защитить.

Лакедемонский начальник, поняв бессилие платейцев, не желал брать город силою. Это ему приказано было из Лакедемона для того, чтобы Платей, жители которых сдавались добровольно, не были возвращены афинянам в том случае, если пелопоннесцы заключат с ними мир и придут к соглашению относительно возвращения всех местностей, какими во время войны завладела каждая сторона. Лакедемонский начальник обратился к платейцам через глашатая со следующим предложением: если они желают добровольно передать город лакедемонянам и взять их в судьи, то будут наказаны только виновные и не иначе, как по суду. Так объявил глашатай. Платейцы находились тогда в состоянии крайнего бессилия и потому сдали город. В течение нескольких дней, пока из Лакедемона не явились судьи в числе пяти человек, пелопоннесцы кормили платейцев. Когда судьи прибыли, против платейцев не было выставлено никакого обвинения; их вызвали только в суд... Стали выводить платейцев каждого поодиночке и задавали ему вопрос: оказали ли платейцы какие-нибудь услуги в войне лакедемонянам и их союзникам. Если платейцы давали отрицательный ответ, лакедемоняне отводили их в сторону и убивали, причем исключения не делалось никому. Так казнили они не менее двухсот платейцев и двадцать пять афинян, находившихся вместе с ними в осаде, женщин же обратили в рабство. Самый город лакедемоняне предоставили для жительства, приблизительно на год, мегарским гражданам, которые были изгнаны из Мегар вследствие междоусобицы², а также всем оставшимся платейцам, которые держали их сторону. Позже они сравняли весь город с землею... Таков был конец Платей на девяносто третьем году с того времени, как она вступила в союз с афинянами.

¹ Спартанцы осаждали Платей с 429 по 427 г. до н. э.

² Мегарские олигархи, изгнанные из Мегар около 427 г. до н. э.

Борьба на острове Керкире (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 72-74, 81-82)

Война привела к крайнему обострению внутренних противоречий в греческих государствах. На Керкире вражда олигархов и демократов, богатой верхушки и массы граждан вызвала кровавую резню. Любопытно, что когда в критический момент обе стороны обратились за помощью к рабам, обещая им свободу, те оказали содействие демократам. Фукидид объясняет жестокие формы, которые приняла гражданская война на Керкире, падением нравственности и крушением моральных устоев в период войны. Он недооценивает того, что война резко ухудшила материальное положение основной массы населения греческих городов, и это приводило к ожесточению против богачей.

(В 426 г. до н. э.) имевшие в своих руках власть керкирцы, после того как явилась к ним коринфская триера и лакедемонские послы, напали на демократов и в сражении одержали над ними победу. С наступлением ночи демократы бежали на акрополь и возвышенные части города, собрались там и укрепились, заняв также Гиллейскую гавань. Противники захватили городскую площадь, по соседству с которой большею частью они жили сами, а также гавань, прилегающую к площади и материку. На следующий день произошли небольшие схватки, и обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам, а к противникам их явилось на помощь восемьсот человек с материка. По прошествии одного дня битва возобновилась, и победа осталась за демократами благодаря тому, что они занимали более укрепленные позиции и имели численный перевес. Им отважно помогали и женщины, бросая черепицы с крыш домов и выдерживая боевой шум со стойкостью, не свойственною их полу. К позднему вечеру олигархи обратились в бегство и были в страхе, как бы демократы быстрым натиском не завладели корабельной верфью и не перебили их. Поэтому олигархи сожгли свои дома, что были вокруг площади, и наемные общежития, чтобы охранить себя от нападавших, причем не щадили ни своих, ни чужих жилищ. Истреблено было огнем множество купеческих товаров, и гибель угрожала целому городу, если бы поднялся ветер и направил огонь в его сторону. По окончании сражения обе стороны оставались спокойными и провели ночь на сторожевых постах.

...Керкирцы отдали приказание своим вооруженным кораблям плыть... в обход Гиллейской гавани... Пока эти корабли были в пути, керкирцы убивали всякого из противников, кого только захватывали, а также выводили на сушу и умерщвляли всех тех, кого уговорили взойти на корабль. Потом они вошли в святилище Геры, убедили около пятидесяти человек, находившихся там в качестве умоляющих о защите, подчиниться суду и всех их приговорили к смертной казни.

Тогда большинство умоляющих о защите, не поддавшихся увещанию, видя, что творится, стали убивать друг друга тут же в святилище. Некоторые повесились на деревьях, другие лишили себя жизни, кто как мог. В течение семи дней, пока оставался прибывший Евримедонт (афинский стратег, отправленный с флотом на помощь керкирским демократам) с шестьюдесятью кораблями, керкирцы убивали из числа сограждан всех, казавшихся им врагами, обвиняя их в соучастии с теми, кто хотел ниспровергнуть демократию; иные, впрочем, пали жертвой личной вражды, другие убиты были должниками из-за денег, которые они были должны. Вообще смерть царя во всех видах. Отец убивал сына, молящихся отрывали от святины и убивали подле них, некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли.

До такого ожесточения дошла междоусобная распря. Она показалась тем ужаснее, что проявилась впервые. Действительно, впоследствии вся Эллада, можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между партией демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян, представители второй — лакедемонян. В мирное время эти партии не имели бы ни повода, ни подходящих данных призывать тех или других; напротив, во время войны привлечение союзников облегчалось для обеих враждующих сторон, коль скоро та или иная из них желала произвести какой-либо государственный переворот с целью тем самым причинить вред противникам и извлечь выгоду для себя. И вследствие междоусобиц множество таких бед обрушилось на государство, бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа останется тою же.

Взятие афинянами Пилоса и Сфактерии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 2-6, 8-9, 13-16, 30-34, 41)

Самым крупным военным успехом афинян в первый период Пелопоннесской войны было взятие Пилоса и о. Сфактерии и пленение на Сфактерии отборного отряда спартиатов. Эта победа вынудила спартанцев просить мира, который был отвергнут афинянами, стремившимися тогда к полному уничтожению военного могущества Спарты.

Следует обратить внимание на роль илотов, содействовавших афинянам, и на опасение восстания илотов, как на важную причину, из-за которой спартанцы начали стремиться к миру. В этой битве также впервые выявилась отсталость военных приемов спартиатов.

...Весной (425 г. до н. э.), когда хлеб еще не созрел, пелопоннесцы и их союзники вторглись в Аттику под начальством царя лакедемонян Агиса, сына Архидама¹ и, утвердившись там, стали опустошать поля. Между тем афиняне отправили в Сицилию сорок кораблей ... под командою ... стратегов Евримедонта и Софокла.... Им приказано было на пути мимо Керкиры позаботиться также о судьбе находившихся в городе керкирцев ... Что касается Демосфена² ... то афиняне ... разрешили, если он желает, воспользоваться упомянутыми сорока кораблями для военных операций в пелопоннесских водах.

Когда афиняне подошли на кораблях к берегам Лаконики и узнали, что пелопоннесские корабли уже у Керкиры, Евримедонт и Софокл стали торопиться туда. Демосфен же уговаривал их пристать прежде всего к Пилосу...³ Демосфену пункт этот казался предпочтительнее всякого другого, так как при нем была гавань; мессенцы⁴ с давнего времени здесь туземцы и говорят на одном языке с лакедемонянами, а потому, имея Пилос опорною базою, могли бы причинять им величайший вред и вместе с тем надежно охранять местность для афинян... Афиняне в течение шести дней укрепили местность со стороны суши, а также, где это представлялось наиболее нужным, и в других частях; для защиты местности они оставили Демосфена с пятью кораблями, а сами с большинством кораблей поспешно направились к Керкире и Сицилии.

Находившиеся в Аттике пелопоннесцы, когда получена была весть о занятии Пилоса, поспешно выступили в обратный путь. Лакедемоняне и царь их Агис понимали, что пилосское дело близко их касается. ...Лакедемоняне объявили по всему Пелопоннесу приказ идти возможно скорее к Пилосу и послали за своими шестьюдесятью кораблями, стоявшими у Керкиры. Корабли эти были перетащены через Левкадский перешеек⁵ и, не будучи замечены аттическими судами, что были у Закинфа⁶, явились к Пилосу. К тому времени прибыло уже и сухопутное войско. Когда пелопоннесцы были еще на пути к Пилосу, Демосфен поспешил послать тайно два корабля к Евримедонту и к афинянам, находившимся у Закинфа, с известием о случившемся и с требованием явиться к нему, так как Пилосу угрожает опасность.

Согласно этому требованию, флот поспешно отплыл... В ожидании аттических кораблей, шедших на подкрепление от Закинфа, лакедемоняне намеревались, в случае если им раньше не удастся взять Пилос, запереть входы в гавань, чтобы афиняне не могли войти в нее для стоянки. Дело в том, что перед гаванью, вблизи нее, тянется остров, по имени Сфактерия, который защищает гавань и суживает входы в нее; с одной стороны⁷, со стороны афинского укрепления и Пилоса, он оставляет проход для двух кораблей, с другой⁸, со стороны материка, — для восьми-девяти. Весь остров изобилует лесом, вследствие необитаемости был непроходим и в длину имел около пятнадцати стадий. Лакедемоняне рассчитывали запереть входы в гавань с помощью плотно сдвинутых кораблей, обращенных носами вперед. На остров они, опасаясь, как бы неприятель не открыл оттуда против них военных действий, переправили гоплитов, а остальное войско выстроили вдоль берега...

Замечая, что лакедемоняне намереваются повести наступление с моря и с суши, Демосфен с своей стороны стал также готовиться. ...Тем временем явились афинские корабли от Закинфа в числе пятидесяти...

На следующий день афиняне приготовились к морскому сражению и вышли в море. Но лакедемоняне не выходили и не заперли входов в гавань, хотя и думали это сделать, а спокойно вооружали свои корабли на берегу и готовились к морской битве в просторной гавани на случай, если бы кто из афинян вошел в нее. Понявши это, афиняне устремились на врага обоими проходами и большую часть лакедемонских кораблей, уже находившихся в открытом море и обращенных носами вперед, своим нападением обратили в бегство; преследуя неприятеля на близком расстоянии, они повредили многие его корабли, пять захватили, в том числе один с людьми; на остальные корабли, укрывшиеся на суше, они стали делать атаки. Несколько кораблей было пробито еще в то время, когда они вооружались и не отчалили от берега; несколько пустых кораблей, воины которых бежали, афиняне потащили за собою на буксире. При виде этого сильная скорбь овладела лакедемонянами, потому что их воины оказались отрезанными на острове.

Когда в Спарту пришла весть о том, что случилось у Пилоса, спартанцы, ввиду постигшего их тяжкого бедствия, постановили, чтобы в лагерь отправились высшие должностные лица и, по рассмотрении дела на месте, приняли там же решение, какое найдут нужным. Когда эти должностные лица увидели, что невозможно оказать помощь спартанцам, они не хотели подвергать их опасности или умереть голодною смертью, или сделаться добычею численно превосходившего их врага; поэтому они решили вступить относительно Пилоса в договор с афинскими стратегами, если последние согласятся, отправить посольство в Афины с предложением вступить в соглашение и попытаться возможно скорее освободить своих граждан. Афинские стратеги приняли это предложение...

(Спартанцы предложили заключить мир, но афинское народное собрание отказало и вскоре послало флот во главе с Клеоном для захвата о. Сфактерии.)

...Клеон⁹, предупредив Демосфена через вестника о том, что он явится, прибыл к Пилосу с тем войском, которое для себя потребовал. Вожди соединились и прежде всего отправили глашатая с предложением, не пожелают ли лакедемоняне... сдаться афинянам... Когда пелопоннесцы отвергли это предложение, афиняне один день подождали, а на следующую ночь... высадились на остров с двух сторон ... в числе почти восьмисот гоплитов ... На заре высадились с семидесяти с лишним кораблей и остальное войско... Было тут восемьсот стрелков, не меньшее число пелтастов¹⁰, мессенцы, явившиеся на помощь... Эти войска, выстроенные Демосфеном, расположились отрядами по двести и более человек..., заняли наиболее возвышенные пункты, чтобы поставить неприятеля, окруженного со всех сторон, в возможно более затруднительное положение... Афинские гоплиты стояли с фронта, а с флангов и с тыла – легко вооруженные войска. Поэтому лакедемоняне не имели возможности сразиться с гоплитами и употребить в дело свою опытность: им мешали в этом обстреливавшие их с обеих сторон легко вооруженные, в то время как афинские гоплиты держались спокойно и не переходили в наступление. Там, где легко вооруженные в своих набегах подходили на ближайшее расстояние, лакедемоняне обращали их в бегство; но благодаря своему легкому вооружению афиняне возвращались и снова вступали в бой. К тому же им легко было бежать быстрее лакедемонян, так как местность была неудобная, раньше не заселена и потому трудно проходима; по таким местам лакедемоняне, будучи в тяжелом вооружении, не могли преследовать неприятеля. Таким образом, короткое время происходили между воюющими небольшие стычки. Но так как лакедемоняне не могли с прежнею быстротою поспевать туда, где они подвергались нападению, то легко вооруженные отряды заметили, что неприятель защищается уже не с такой быстротою. Легко вооруженные сильно ободрились при виде неприятеля тем, что их самих было гораздо больше; к тому же они привыкли теперь не считать лакедемонян столь страшными, какими они казались им прежде, в тот момент, когда войско высаживалось в подавленном настроении при мысли, что они должны идти на лакедемонян, так как не испытали на первых порах того, чего ожидали. Проникшись презрением к лакедемонянам, легко вооруженные отряды всею массою с криком бросились на них, метали камни, стрелы и дротики – все, что у кого было в руках. Стремительное с криками нападение навело панику на людей, непривычных к такого рода сражению. К тому же, от недавно сгоревшего леса подымалось вверх густое облако пепла, так что затруднительно было видеть что-либо перед собою за метаемыми массою людей стрелами и камнями, вместе с которыми неслась зола. Положение лакедемонян становилось теперь затруднительно: от стрел не защищали их войлочные панцыри, о которые ломались метаемые дротики¹¹, и лакедемоняне совершенно не знали, что им делать, не имея возможности что-либо видеть перед собою, не слыша за усилившимися криками неприятеля команды своих начальников. Опасность угрожала со всех сторон, и они потеряли уже надежду как-нибудь отразить гибель...

(После того как отряд афинских стрелков и легко вооруженных под начальством мессенского стратега зашел в тыл лакедемонянам, Клеон и Демосфен предложили им сдаться, и лакедемоняне сдались.)

...По доставке пленных афиняне решили содержать их под стражей в окопах впредь до какого-либо соглашения относительно их. Если же пелопоннесцы до этого времени вторгнутся в Аттику, афиняне решили вывести их из заключения и перебить. В Пилосе они поставили гарнизон, а мессенцы из Навпакта послали туда, как в родную землю (Пилос некогда принадлежал Мессении), наиболее подходящих людей, которые, говоря на одном языке с жителями Лаконики, стали грабить ее и причиняли ей очень много вреда... и так как к тому же илоты стали перебегать в Пилос, они, опасаясь какого-либо дальнейшего переворота в собственной стране,

были в тревоге. Хотя лакедемонянам желательно было скрывать ее перед афинянами, все же они посылали к ним послов и пытались получить обратно Пилос и своих воинов. Но афиняне увеличивали свои требования и послов, приходивших к ним многократно, отсылали ни с чем.

¹ Агис I (426-397 гг. до н. э.).

² Демосфен – афинский стратег, в 425 г. до н. э. овладевший островом Сфактерией и захвативший гарнизон спартанцев, взят в плен и казнен в 413 г. в Сиракузах после неудачного для Афин похода в Сицилию.

³ Пилос – гавань на западном побережье Пелопоннеса; современное название Наварин.

⁴ Мессенцы, т.е. илоты.

⁵ На севере о. Левкады.

⁶ Остров Закинф, расположен у западного побережья средней Греции.

⁷ Северной.

⁸ Южной.

⁹ Клеон – сын Клеонета или Клеонима, богатый, но не знатный афинянин, владелец кожевенной мастерской. Стратег, возглавивший после смерти Перикла многочисленную группу сторонников активного ведения войны против Спарты. Он руководил более радикально настроенными, чем сторонники Перикла, разорявшимися слоями афинского городского демоса, рассчитывавшими победой над Спартой поправить свое материальное положение. Фукидид, сторонник умеренной демократии и личный враг Клеона, называет его «наглешим из людей», но не может не признать, что он пользовался большим авторитетом у народа (т.е. у афинских граждан).

¹⁰ Пелтасты – в это время воины с короткими копьями, длинными мечами и легкими круглыми щитами (пелтай), от которых и получил название этот род войска, занимали среднее положение между тяжело вооруженными гоплитами и легко вооруженными стрелками.

¹¹ Дротик – небольшое копье для метанья рукой.

Избиение спартанцами илотов после потери Пилоса (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 80)

Фукидид о действиях спартанцев в отношении илотов после потери Пилоса.

Афиняне теснили Пелопоннес, а больше всего землю лакедемонян; последние надеялись, что они скорее всего отвлекут из Пелопоннеса афинян, если будут тревожить их с своей стороны и пошлют войско к союзникам их, тем более что последние изъявили готовность содержать войско лакедемонян и звали их с целью самим отложиться от афинян. Сверх того, лакедемонянам желательно было иметь предлог усласть часть илотов, чтобы они не замыслили, ввиду настоящего положения вещей вследствие потери Пилоса, какого-либо переворота. Устрашаемые грубостью и многочисленностью илотов, они придумали следующее (всегда у лакедемонян большинство их мероприятий направлено было к ограждению от илотов): они объявили, чтобы выделены были все те илоты, которые изъявляют претензию на то, что они оказали лакедемонянам наибольшие услуги в военном деле, будто бы с целью даровать им свободу. Этим лакедемоняне искушали илотов, полагая, что из них все считавшие себя наиболее достойными освобождения скорее всего способны осмелиться обратиться против них. Таким образом отделено было в первую очередь около двух тысяч человек. С венками на головах, как будто уже освобожденные, илоты эти обходили храмы, но вскоре после того исчезли, и никто не знал, какой конец постиг каждого из них.

Поход Брасида. Падение Амфиполя (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 102, 104, 106, 108)

Область Халкидики во Фракии, куда направился со спартанским войском Брасид, была важна для Афин и в экономическом и в стратегическом отношениях. Фукидид, командовавший афинским флотом во Фракии, не справился с задачей обороны Амфиполя и за это впоследствии был изгнан из Афин. В своем рассказе Фукидид пытается оправдаться, ссылаясь на нарочитую поспешность Брасида. Переход городов Халкидики на сторону спартанцев объясняется растущим недовольством союзников политикой Афин.

В ту же зимнюю кампанию Брасид с союзниками Фракийского побережья выступил в поход против Амфиполя, афинской колонии у реки Отримона.

...Брасид очень быстро подвигался вперед, желая, чтобы о нем не знали амфипольцы, кроме тех, которые хотели предать город.

Так как переправа Брасида была неожиданной для жителей города и так как многие из живших за городом взяты были в плен, а другие бежали в городское укрепление, то амфипольцы пришли в сильное смятение, тем более что они подозревали друг друга в измене. Говорят даже, что Брасид, по всей вероятности, взял бы город, если бы захотел идти на него с войском немедленно, а не дозволил бы вписку заниматься гоабежом. Между тем он расположился лагерем, совершил набег на загородные владения и затем оставался в бездействии, после того как со стороны находившихся в городе соумышленников не было сделано ничего такого, на что он рассчитывал. Противники изменников, превосходившие их численностью, позаботились о том, чтобы ворота не были тотчас открыты, и по соглашению со стратегом Евклом, явившимся от афинян для

охраны местности, отправили вестника к товарищу его по стратегии на Фракийском побережье Фукидиду, сыну Олора, написавшему эту историю и находившемуся тогда подле Фасоса (остров Фасос, колония париян, отстоит от Амфиполя почти на полдня пути), с требованием идти к ним на помощь. При этом известии Фукидид поспешно выступил с семью кораблями, которые были в его распоряжении. Главным желанием его было занять заблаговременно Амфипс., прежде чем он сдастся неприятелю, или в противном случае Эион.

Тем временем Брасид, опасаясь прибытия вспомогательных кораблей от Фасоса и зная, что Фукидиду принадлежит разработка золотых приисков в этой части Фракии и что благодаря этому он пользуется значением среди влиятельнейших людей материка, торопился овладеть городом, если возможно, заблаговременно. Брасид опасался, что с прибытием Фукидида масса амфипольцев не перейдет уже на его сторону, так как понадеется, что Фукидид соберет союзников и на море, и во Фракии и спасет амфипольцев. Поэтому Брасид предложил умеренные условия сдачи и через глашатая объявил следующее: всякий желающий из жителей города – амфиполец ли или афинянин – может остаться, владея своим достоянием на равном и одинаковом для всех положении, а кто не желает, обязуется в течение пяти дней покинуть город и забрать с собой все свое имущество.

...Соглашение состоялось, и Брасид был принят на объявленных глашатаем условиях. Таким-то образом амфипольцы выдали город, когда Фукидид со своими кораблями вечером того же дня прибыл в Эион. Брасид только что овладел Амфиполем и не позже, как через ночь, взял бы и Эион. В самом деле, если бы корабли не явились с поспешностью на помощь, город на заре был бы взят. После этого Фукидид стал заниматься приспособлением Эиона к тому, чтобы охранить его от опасностей как теперь в случае нападения Брасида, так и на дальнейшее время, принял тех, которые пожелали согласно договору перейти сюда из верхнего города.

Завоевание Амфиполя сильно напугало афинян в особенности потому, что город был для них полезен доставкой корабельного леса и теми денежными доходами, какие они получали оттуда, а также потому, что до сих пор лакедемоняне, в том случае когда сопровождали их фессалияне, могли пройти против афинских союзников только до Стримона, но, не располагая мостом, не имели возможности проникнуть дальше, так как выше переправы находилось на большом протяжении обширное озеро, образуемое рекой, а со стороны Эиона река охранялась триерами. Теперь же положение, по-видимому, облегчалось, и афиняне начинали бояться также и отпадения союзников. Дело в том, что действия Брасида во всех отношениях отличались умеренностью и в своих речах он повсеместно объявлял, что послан для освобождения Эллады. Подчиненные афинянам города при известии о падении Амфиполя, об обещаниях Брасида и его мягкости были в сильнейшей степени настроены к возмущению. Они тайком обращались через глашатая к Брасиду с просьбой зайти к ним, причем каждый город желал отложиться первым.

Перемирие 423 г. до н. э.

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 117, 118, 119)

В 423 г. до н. э. между конфликтующими сторонами было достигнуто перемирие, которое предшествовало заключенному спустя два года Никиеву миру.

В начале весны следующей летней кампании лакедемоняне и афиняне немедленно заключили перемирие на один год.

Относительно святыни и оракула Аполлона Пифийского мы постановляем, чтобы желающий пользовался ими согласно отеческим законам без обмана и боязни. Это постановляют лакедемоняне и присутствующие союзники; они утверждают, что склоняют к тому же беотян и фокидян по мере сил через посланного к ним глашатая.

...Каждая сторона должна оставаться при том, чем она владеет в настоящее время.

...Лакедемонянам и их союзникам пользоваться морем на всем пространстве, где оно омывает владения их и союзников, плавать не на военных кораблях, а на иных, гребных судах с грузом до пятисот талантов.

...Перебежчиков ни свободных, ни рабов не принимать в течение этого времени ни нам, ни вам. Вам судить нас и нам судить вас по заветам отцов, разрешая спорные вопросы судом без войны.

Такое соглашение заключили и скрепили клятвами лакедемоняне и их союзники с афинянами и их союзниками...

Никиев мир

(Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V, 18, 22-23, 35)

Никиев мир 421 г. до н. э., названный так по имени главного инициатора его, афинского стратега Никия¹, отразил истощение воюющих сторон, но не разрешил противоречий между Афинским и Пелопоннесским союзами. Первый период войны закончился без существенных изменений во взаимном положении обеих сторон, договор подтверждал то, что было до начала войны. Некоторые пункты

его сразу же были нарушены Спартой и Афинами. Интересна классовая солидарность рабовладельцев, выразившаяся в том, что афиняне обещали спартамцам помощь в случае восстания илотов.

Договор заключили афиняне и лакедемоняне со своими союзниками на следующих условиях и принесли клятвы от каждого государства. Что касается общих святынь, то всякому желающему можно, по заветам отцов, приносить жертвы, вопрошать оракулы, отправлять феории² сушею и морем безопасно. Святыне и храму Аполлона в Дельфах и дельфийцам, им самим и их земле, быть независимыми³, свободными от податей, решать дела собственным судом по заветам отцов. Договору существовать пятьдесят лет между афинянами с союзниками афинян и лакедемонянами с союзниками лакедемонян без коварства и ущерба на суше и на море. Да не дозволено будет лакедемонянам и их союзникам братья за оружие с целью нанесения вреда афинянам с их союзниками, ни афинянам и их союзникам для нанесения вреда лакедемонянам с их союзниками какими бы то ни было способами. Если между договаривающимися сторонами возникнет какая-либо распря, они обязаны решать ее судом и клятвами согласно условиям, какие будут приняты. Лакедемоняне и их союзники должны возратить афинянам Амфиполь⁴... Афиняне должны вернуть лакедемонянам Корифасий⁵ и ряд других городов и всех лакедемонских граждан, какие содержатся в афинской темнице⁶ или заключены в какой-либо другой части афинских владений... Так как союзники (члены Пелопоннесского союза) не подчинились лакедемонянам, то последние... решили одни заключить союз с афинянами...

За время пребывания афинских послов в Лакедемонне, лакедемоняне, после переговоров, пришли к соглашению с ними и заключили следующий, подтвержденный клятвами, союз:

«На следующих условиях афиняне и лакедемоняне будут союзниками в течение пятидесяти лет: если кто-либо пойдет врагами на землю лакедемонян и будет творить зло лакедемонянам, афиняне обязуются помогать лакедемонянам всяческим способом по мере сил и возможности. Если, по опустошении страны, враг удалится, город его считается неприятельским для лакедемонян и для афинян, несет наказание от тех и других, и мир с ним заключается обоими государствами купно. Это должно соблюдаться справедливо, ревностно, без обмана. Если кто-либо пойдет врагами на землю афинян и будет творить зло афинянам, лакедемоняне обязуются помогать афинянам всяческим способом по мере сил и возможности. Если, по опустошении страны, враг удалится, город его считается неприятельским для лакедемонян и для афинян, несет наказание от тех и других, и мир с ним заключается обоими государствами купно. Это должно соблюдаться справедливо, ревностно, без обмана. Если восстанут рабы, афиняне обязуются помогать лакедемонянам всеми силами по мере возможности. Обязательства эти утверждают с обеих сторон клятвами те самые лица, которые клятвенно утверждали и другой договор. Возобновляется договор ежегодно, для чего лакедемоняне являются в Афины на Дионисии⁷, а афиняне – в Лакедемон на Гиакинфии⁸. Те и другие ставят стелы, одну – в Лакедемонне у Аполлона в Амikleоне⁹, другую в Афинах на акрополе у Афины. Если лакедемоняне и афиняне решат прибавить к союзному договору или изъять из него что бы то ни было, обоим предоставляется это в согласии с клятвою».

Лакедемонянам, по жребию, следовало первым возратить Амфиполь; но они не возвращали ни его, ни остальных пунктов, а равно не принуждали принять мирный договор ни фракийских союзников, ни беотийцев и коринфян, хотя постоянно уверяли, что, в случае отказа этих народов, они сообща с афинянами принудят их к тому силою. Без письменного условия они назначили сроки, по истечении которых не вошедшие в договор должны считаться врагами лакедемонян и афинян. Замечая, что ничего этого на деле не исполняется, афиняне стали подозревать, что лакедемоняне нисколько не помышляют о соблюдении справедливости, а потому, невзирая на требования их, не возвращали Пилоса...

¹ Никий – афинский стратег, богатейший афинский рабовладелец. После смерти Перикла возглавил умеренных демократов, объединившихся в это время с остатками афинской аристократии. Известен своей борьбой с Клеоном и радикальными демократами, представлявшими интересы разорявшихся горожан – мелких рабовладельцев. Сторонник мира со Спартой, так как война разоряла представляемых им аттических землевладельцев. После поражения афинской армии, которую он возглавлял в Сицилии, попал в плен и был казнен в Сиракузах в 413 г. до н. э.

² Феория – праздничное посольство в места греческих святынь.

³ От фокидян.

⁴ Амфиполь – город на фракийском побережье у полуострова Халкидики в районе золотых приисков. Важный торговый и стратегический пункт афинян на севере Эгейского моря. Был взят спартамцами под начальством Брасида в конце 424 г. до н. э. Этой победой спартамцы компенсировали потерю Пилоса, после отказа афинян заключить мир. В битве при Амфиполе были убиты: Брасид и командовавший афинянами Клеон – наиболее активные сторонники продолжения войны.

⁵ Корифасий – так по-лаконски назывался Пилос.

⁶ Подразумеваются спартанские голпиты, плененные при Сфактерии.

⁷ Дионисии – празднества в честь Диониса. В шестом месяце – посейдеоне (декабрь) справлялись сельские дионисии, в девятом месяце – лафеболионе (апрель) справлялись великие городские дионисии. Первый праздник – осенний, в честь сбора винограда, второй – весенний, в честь победы весны над зимой. В договоре упомянут второй праздник, один из важнейших в Афинах.

⁸ Гиакинфии – праздник в честь Гиакинфа, или Гиацинта, юноши, любимого Аполлоном и убитого из ревности Зефиром – западным ветром. Важнейший спартанский праздник. Справлялся в месяце гекатомбеоне (июле).

⁹ Амikleон или Амикл – древний спартанский город в 3,5 км от Спарты, с важнейшим в Лаконии святилищем Аполлона.

Начало Сицилийской экспедиции и процесс о низвержении герм (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V, 43, VI, 1, 15, 26-29, 53, 60)

Сицилийская экспедиция 415-413 гг. до н. э. была наиболее грандиозным мероприятием агрессивной политики Афин, порожденной развитием рабовладельческого общества. Предприятие оказалось свыше сил передового рабовладельческого полиса и закончилось катастрофой, много способствовавшей впоследствии конечному поражению Афин в Пелопоннесской войне.

...Вследствие... разлада между лакедемонянами и афинянами те лица в Афинах, которые с своей стороны желали нарушения мирного договора, тотчас стали действовать настойчиво. В числе их был сын Клиния, Алкивиад¹, по летам в то время человек еще молодой, как считалось бы это во всяком другом государстве, но, благодаря славным предкам, пользовавшийся значением...

...Афиняне намеревались... направиться в Сицилию и, если можно, покорить ее. Большая часть афинян не имела представления ни о величине этого острова, ни о числе его жителей...

...Большинство выступавших с речами афинян требовало похода и сохранения в силе принятого решения; однако некоторые и возражали. Настойчивее всех возбуждал к походу Алкивиад, сын Клиния, прежде всего из противоречия Никию, так как он вообще расходился с ним в политических взглядах, а кроме того, и потому, что Никий отозвался о нем с укоризною, главным же образом вследствие того, что он добивался звания стратега и надеялся при этом завладеть Сицилией и Карфагеном, а вместе с тем, в случае удачи, поправить свои денежные дела и стяжать себе славу. Дело в том, что, пользуясь престижем среди сограждан, Алкивиад в содержании лошадей и в прочих своих расходах шел в своих увлечениях дальше, чем позволяли ему средства...

...Начались приготовления к походу, посылались гонцы к союзникам и производился набор дома. Государство только что оправилось от болезни и непрерывной войны; количество взрослого населения приумножилось, и, благодаря перемирию, накопились деньги, чем облегчались все приготовления. Итак, афиняне готовились к походу²...

В это время у огромного большинства каменных герм³, находившихся в Афинах и по местному обычаю стоявших в большом числе в преддвериях частных жилищ и в святынях, в одну ночь повреждены были лица. Виновных не знал никто, но их разыскивали и за счет государства назначили большие награды за показания. Кроме того, афиняне постановили, что каждый желающий, будь это горожанин, чужеземец или раб, если ему известен какой-либо иной случай кощунства, может доносить об этом безбоязненно. Происшествие это считалось тем более важным, что в нем усматривали предназначение относительно похода и вместе с тем заговор, направленный к государственному перевороту и к ниспровержению демократии. Несколько метеков⁴ и слуг, не давших никаких показаний о гермах, тем не менее заявили, что раньше молодые люди в шутку, в состоянии опьянения, повредили другие статуи, что, кроме того, в некоторых домах совершаются мистерии⁵ с целью надругательства над ними. Алкивиад назывался в числе обвиняемых в том и другом. Толки эти подхвачены были людьми, сильно тяготившимися Алкивиадом за то, что он мешал им прочно стать в качестве руководителей демоса. Они надеялись, в случае если бы им удалось изгнать Алкивиада, занять первое место в государстве; поэтому они раздували все происшествие и кричали, что и дело касательно мистерий и повреждение герм направлено к ниспровержению демократии, что все это совершено не без участия Алкивиада. В подтверждение этого люди прибавляли, что вообще во всем своем поведении Алкивиад обнаруживает несоответствующее демократии пренебрежение к обычаям. Алкивиад тогда же стал защищаться против этих обличений и изъявил готовность решить судом, виновен ли он в чем-нибудь подобном, еще до выступления в поход (приготовления к походу были уже кончены). Если, говорил Алкивиад, он совершил что-либо подобное, он понесет наказание, в случае же оправдания останется военачальником. Алкивиад заклинал афинян не доверять клевете о нем в его отсутствие, лучше казнить его теперь же, если он виновен; благоразумнее будет, указывал Алкивиад, не отправлять его во главе столь многочисленного войска⁶ под бременем такой вины до разбора дела. Но враги Алкивиада боялись, что, если процесс будет вестись теперь же, войско окажется на стороне Алкивиада и народ будет относиться к нему мягко, щадя его за то, что благодаря ему аргосцы и часть мантинейцев⁷ принимали участие в походе. Поэтому они всячески старались отсрочить процесс и выставляли других ораторов доказывать, что Алкивиад должен отплыть теперь и не задерживать похода, по возвращении же его домой назначен будет определенный срок для разбора дела. Враги Алкивиада желали возвести на него более тяжкие обвинения, которые они надеялись легче собрать в его отсутствие, и потом уже вызвать его и предать суду. Было решено, что Алкивиад должен отплыть... Афиняне после отплытия войска продолжали расследование преступления, касающегося мистерий и герм; не проверяя показаний доносчиков и вследствие подозрительности все принимая на веру, они хватали и сажали в оковы вполне безупречных граждан по показаниям людей порочных. Им казалось более полезным расследовать дело и открыть виновных, нежели, считаясь с порочностью доносчика, оставить строгий розыск и тем дать возможность ускользнуть от наказания человеку виновному, хотя бы он и пользовался незапятнанною репутациею... Афинский народ негодовал, относился подозрительно к тем, которые навлекли на себя обвинение в деле, касающемся мистерий, и решил, что все это учинено заговорщиками с целью установить олигархию или тиранию. Вследствие такого возбуждения народа многие видные граждане сидели уже в тюрьме, и делу не предвиделось конца; напротив, с каждым днем ожесточение народа усиливалось, и число арестуемых все

возрастало. Тогда один из заключенных, которого считали наиболее виновным, по внушению кого-то из товарищей по заключению, сделал признание, правдивое или ложное, неизвестно; предположения делались и в ту и в другую сторону, но как тогда, так и впоследствии никто не мог сказать ничего достоверного о виновниках преступления. Итак, один из заключенных убедил другого сознаться, говоря, что, хотя он и не виновен, но своим сознанием добудет себе безнаказанность и спасет себя, а государство избавит от царящей в нем подозрительности: ненаказуемым сознанием он спасется вернее, нежели запирательством и судебным процессом. Тот и показал по делу о гермах на себя и на других. Народ с радостью ухватился за это показание, которое считал достоверным, тем более что прежде страшился при мысли: а вдруг ему не удастся открыть заговорщиков против демократии. Обличитель и с ним все другие, на которых не было указано обвинения, были тотчас освобождены, а над обвиненными народ учинил судебное разбирательство, причем все захваченные были казнены, а бежавшие приговорены к смерти, и головы их сверх того оценены. Заслужено ли понесли наказание потерпевшие, осталось неизвестным, но всему государству при сложившихся тогда обстоятельствах это принесло очевидную пользу⁸.

Что касается Алкивиада, то вследствие наущения врагов, которые нападали на него еще до выступления в поход, афиняне были сильно недовольны им. Когда дело о гермах представилось им выясненным, тогда, конечно, стало казаться им еще более вероятным, что и кошунство над мистериями, в котором Алкивиад был заподозрен, совершено им по тем же побуждениям, вследствие заговора против демократии. К тому же случилось, что в то время, когда афиняне были в смущении по поводу всего этого, небольшое лакедемонское войско, для каких-то сношений с беотийцами, продвинулось до Истма. Афиняне решили, что войско лакедемонян явилось по проискам Алкивиада и по уговору с ним, а не ради беотийцев, и полагали, что государство было бы предано неприятелю, если бы заблаговременно не были, на основании доносов, арестованы подозрительные люди. Одну ночь афиняне провели даже вооруженные в храме Тесея, что на акрополе. В то же время друзья Алкивиада в Аргосе были заподозрены в том, что они покушаются на демократию, и афиняне вследствие этого выдали тогда аргивскому народу на казнь тех заложников аргосцев, которые были помещены на островах⁹. Таким образом, все возбуждало подозрение против Алкивиада. Афиняне желали предать его суду и казнить; с этой-то целью они и послали в Сицилию корабль «Саламинию» за ним и другими лицами, названными в доносе. Приказ гласил, что Алкивиад должен следовать за посланными, чтобы защитить себя от обвинений; арестовать его афиняне не велели, не желая производить сенсации ни среди своего войска в Сицилии, ни среди врагов; главным же образом они желали удержать на месте мантинейцев и аргосцев, которых, по их мнению, именно Алкивиад склонил принять участие в походе. Алкивиад и другие граждане, заподозренные вместе с ним, отплыли из Сицилии на его собственном корабле вслед за «Саламинией», направляясь будто бы в Афины. Но когда они были в области Фурий¹⁰, они отказались следовать за «Саламинией», покинули свой корабль и скрылись: при злостных обвинениях, на них взведенных, они побоялись явиться на суд. Афиняне с «Саламинией» некоторое время искали Алкивиада и его спутников, но, так как их нигде нельзя было обнаружить, отплыли домой. С этой поры Алкивиад стал уже изгнанником и вскоре переправился на судне из Фурий в Пелопоннес. Афиняне заочно приговорили к смерти его и его спутников.

¹ Алкивиад – род. ок. 450 г. до н. э., родственник Перикла и ученик философа Сократа, афинский стратег, вскоре после смерти Клеона возглавил движение сторонников возобновления войны со Спартой. Он был главным инициатором авантюрного похода с целью завоевать Сицилию. Способный полководец и дипломат, но в то же время морально неустойчивый честолюбец, отданный под суд по обвинению в повреждении герма, изменил родине и бежал в Спарту, где своими советами способствовал поражениям Афин в Пелопоннесской войне. Позже выступил против Спарты и, возглавив афинский флот, разбил спартанцев на море. Вернулся в Афины, был амнистирован и вновь избран стратегом, но вскоре после неудачных морских операций потерял авторитет и удалился в изгнание. Последние годы жизни провел во Фракии, откуда после окончания Пелопоннесской войны бежал на персидскую территорию во Фригию, где и был убит по распоряжению сатрапа Фарнабаза в 404 г. до н. э.

² В мае 415 г. до н. э.

³ Герма – изображение бога Гермеса, покровителя путешественников, в виде большого каменного столба, увенчанного головой бородастого мужчины.

⁴ Метеки – проживавшие в Афинах свободные греки – не афинские граждане, главным образом ремесленники и торговцы, переселявшиеся в Афины из других городов.

⁵ Мистерии – особые религиозные обряды, доступные только посвященным.

⁶ В Сицилийской экспедиции было занято свыше 60 000 человек.

⁷ Мантинея – город в Аркадии (центральной горной области Пелопоннеса).

⁸ Так как успокоило население.

⁹ В 416 г. до н. э. Алкивиад совершил экспедицию в Аргос и забрал там 300 аргивян, заподозрив их в сношениях со Спартой.

¹⁰ Фурии – колония на западном берегу Тарентского залива в Италии, возле ранее разрушенной колонии Сибарис.

Роль Алкивиада в организации сицилийского похода (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Алкивиад, XVII)

Еще при жизни Перикла афиняне мечтали о захвате Сицилии, но за дело взялись лишь после его смерти и под предлогом помощи союзникам¹, притесняемым Сиракузами, всякий раз посылали за море свои отряды,

расчищая путь силам более внушительным. До предела, однако, разжег в них это стремление лишь Алкивиад, который убедил сограждан впредь действовать не исподволь, не постепенно, но двинуться на Сицилию с большим флотом и попытаться сразу овладеть островом. Он внушил народу великие надежды, впрочем, его собственные планы и намерения были еще величественнее: если другим Сицилия представлялась целью и завершением похода, то Алкивиаду – не более чем началом. В то время как Никий, считая взятие Сиракуз трудным делом, уговаривал народ отказаться от этого замысла, Алкивиад уже грезил Карфагеном и Африкой, за которыми должны были последовать Италия и Пелопоннес, а Сицилию расценивал всего лишь как приступ или путь к войне. Своими упованиями он быстро воодушевил и увлек молодых, старики рассказывали им о чудесах и дикивинках, которые они увидят в походе, и повсюду в палестрах и на полукружных скамьях во множестве собирались люди, чертили на песке карту острова, обозначали местоположение Африки и Карфагена...

¹ Сицилийскому городу Эгесте.

Переход рабов на сторону врага (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 27, 40)

Приводимые отрывки из Фукидида определяют отношение рабов к своим хозяевам, которым они стремились нанести ущерб независимо от того, являлись ли последние аристократами, олигархами или демократами.

...Занятие (спартанцами) Декелеи¹, которая в эту летнюю кампанию была занята первоначально пелопоннесским войском, а потом была под охраной отдельных государств, совершавших поочередно набеги, сильно вредило афинянам и ухудшило их положение, так как все это влекло за собою прежде всего и потерю в людях. Прежние вторжения, вследствие их кратковременности, не мешали афинянам в остальное время года пользоваться своими полями; теперь же пелопоннесцы сидели на их земле непрерывно, причем нападения делались то большим числом воинов, то, когда это было необходимо, соответствующий гарнизон совершал набеги на страну и грабил ее. Афиняне сильно терпели и от того еще, что при войске был Агис², царь лакедемонян, относившийся к войне не как к побочному делу. И в самом деле, всей территории лишились афиняне, более двадцати тысяч рабов перебежало от них к неприятелю, в том числе большая часть ремесленников³, погиб весь мелкий выючный их скот...

...У хиосцев было множество рабов, больше, нежели в каком бы то ни было другом государстве, кроме Лакедемона, которые, вследствие их многочисленности, подвергались за всякую вину слишком жестоким наказаниям. Поэтому, лишь только оказалось, что афиняне при помощи своих укреплений утвердились здесь прочно, большинство рабов тотчас перебежало к ним и, благодаря знанию местности, причиняло стране величайшие бедствия...

¹ Декелея – небольшой укрепленный город в Аттике, приблизительно к 20 км к северу от Афин. Он был занят спартанскими войсками по совету бежавшего в Спарту Алкивиада.

² Агис I (426-397 гг. до н. э.).

³ Количество бежавших рабов указывает на большое число рабов, занятых в ремесленной промышленности в Афинах.

Разгром афинян в Сицилии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 82-87)

Фукидид о результатах Сицилийской экспедиции.

Целый день обстреливая афинян и их союзников со всех сторон, сиракузяне стали замечать, что враги уже страдают от полученных ран и разных других бед, а потому Гилипп¹, сиракузяне и их союзники предложили через глашатая островитянам прежде всего, чтобы всякий, желающий получить свободу, переходил к ним. И отряды нескольких городов, немногих, правда, перешли к сиракузянам. Затем позже и со всем остальным отрядом Демосфена² состоялось соглашение на том условии, что воины выдадут свое вооружение, но никто из них не будет умерщвлен ни казнью, ни в оковах, ни через лишение необходимейших средств к жизни. Таким образом, сдались все шесть тысяч человек; все деньги, какие были у них, капитулировавшие вручили сиракузянам, бросив их на опрокинутые щиты, причем наполнили ими четыре щита. Пленные тотчас препровождены были в город. В тот же день Никий³ со своим отрядом достиг реки Эриней, переправился через нее и расположился лагерем на одной возвышенности. На следующий день сиракузяне настигли Никия и, сообщивши, что отряд Демосфена сдался, предлагали и ему сделать то же. Не доверяя этим речам, Никий, по условию с неприятелем, отправил всадника для проверки известия. Тот удался и по возвращении также сообщил о сдаче Демосфена. Тогда Никий через глашатая заявил Гилиппу и

сиракузянам, что он от имени афинян готов заключить мир с ними, причем расходы сиракузян на эту войну будут покрыты, но ставит, однако, условие, чтобы войско его было отпущено; до тех же пор, пока деньги не будут уплачены, он даст им заложников из афинян, по одному за каждый талант. Но сиракузяне и Гилипп отвергли эти условия, перешли в наступление, окружили и этих афинян со всех сторон и обстреливали их до вечера. Войско Никия терпело также от недостатка в хлебе и других необходимых припасов... Сиракузяне выстроились вдоль противоположного отвесного берега реки и обстреливали неприятеля сверху, в то время как большинство афинян с жадностью пили воду, и сгущились в глубоком русле реки. Пелопоннесцы спустились к берегу и убивали преимущественно тех, что были в реке. Тотчас вода была испорчена: она смешалась с грязью и кровью; несмотря на это, ее пили, и большинство боролось за нее. Наконец, когда в реке нагромодилось уже много трупов, когда войско было истреблено частью у самой реки, частью, если кому у далось бежать, конницей, Никий сдался Гилиппу, которому он доверял больше, чем сиракузянам. Гилиппу и лакедемонянам Никий представлял поступить с ним как угодно, только бы положить конец избиению остального войска. С этого момента Гилипп велел брать неприятеля в плен. Все воины, за исключением тех, которых укрыли сиракузяне (таких было много), уведены были в плен, а за тремястами воинов, пробившихся ночью через стражу, сиракузяне послали погоню и захватили их... Сиракузяне и союзники собрались вместе и возвратились в город, взявши с собою возможно больше пленников и добычу. Всех остальных афинян и союзников, какие были захвачены, сиракузяне спустили в каменоломни, надежнее, по их мнению, место заключения; Никия же и Демосфена, несмотря на возражения Гилиппа, сиракузяне умертвили... С пленными, содержавшимися в каменоломнях, сиракузяне первое время обращались жестоко. Заключенные в огромном числе в глубоко высеченном небольшом помещении, они страдали сначала от солнечного жара и сверх того удручающей духоты, так как помещение не имело кровли. Сменявшие жар осенние холодные ночи вызывали, вследствие перемены погоды, разрушительные болезни. За недостатком места заключенные совершали все отправления тут же, сверх того один на другом кучею лежали трупы людей, умиравших от ран, от перемены погоды и тому подобного, а потому зловоние стояло нестерпимое; страдали они также от голода и жажды... Так все вместе прожили заключенные семьдесят дней; потом сиракузяне продали всех, кроме афинян и участвовавших в походе сицилийцев и италийцев. Всего взято было в плен не менее семи тысяч человек, хотя с точностью нельзя определить числа их. Это было важнейшее военное предприятие не только за время этой войны, но, как мне кажется, во всей эллинской истории, насколько мы знаем ее по рассказам, событие самое славное для победителей и самое плачевное для побежденных. Действительно, афиняне были совершенно разбиты повсюду и везде испытали тяжкие бедствия. Погибло, как говорится, всё: и сухопутное войско и флот; ничего не осталось, что бы не погибло; из огромного войска возвратились домой лишь немногие. Таковы были события в Сицилии.

¹ Гилипп – спартанский военачальник, командовавший отрядом спартанских воинов, прибывших на помощь сиракузянам в 414 г. до н. э.

² Демосфен – афинский стратег, в 425 г. до н. э. овладевший островом Сфактерией и захвативший гарнизон спартанцев, взят в плен и казнен в 413 г. в Сиракузах после неудачного для Афин похода в Сицилию.

³ Никий – афинский стратег, богатейший афинский рабовладелец. После смерти Перикла возглавил умеренных демократов, объединившихся в это время с остатками афинской аристократии. Известен своей борьбой с Клеоном и радикальными демократами, представлявшими интересы разорявшихся горожан – мелких рабовладельцев. Сторонник мира со Спартой, так как война разоряла представляемых им аттических землевладельцев. После поражения афинской армии, которую он возглавлял в Сицилии, попал в плен и был казнен в Сиракузах в 413 г. до н. э.

Союз спартанцев с персами (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 18, 58)

Для победы над Афинами у Спарты нехватало денег и флота. Чтобы иметь то и другое в достаточном количестве, в 412 г. до н. э. спартанцы заключили два договора о союзе с персами.

I.

На следующих условиях заключили союз лакедемоняне и союзники с царем¹ и Тиссаферном². Вся страна и все города, какими владеет царь и владели предки царя, пусть принадлежат царю; и сколько денег или чего-нибудь другого из этих городов ни поступало афинянам, царь и лакедемоняне с их союзниками обязуются общими силами препятствовать тому, чтобы афиняне получали эти деньги или что бы то ни было иное. Войну против афинян обязуются вести сообща царь и лакедемоняне с их союзниками. Кончать войну против афинян пусть будет дозволено только по обоюдному решению царя и лакедемонян с их союзниками. Если кто отложится от царя, пусть будет он врагом лакедемонян с их союзниками; если кто отложится от лакедемонян с их союзниками, то равным образом пусть будет он врагом царя.

II.

На тринадцатом году царствования Дария, когда в Лакедемоне эфором³ был Алексиппид, состоялся на равнине Меандра⁴ договор между лакедемонянами и их союзниками, с одной стороны, Тиссаферном,

Гираменом и сыновьями Фарнака, с другой, о делах царя, лакедемонян и их союзников. Земля царя, какая находится в Азии, принадлежит царю; и о своей земле пусть царь располагает как хочет. Лакедемонянам и их союзникам не ходить на землю царя с каким-либо злым умыслом, и царю не ходить на землю лакедемонян и их союзников с каким-либо злым умыслом. Если кто из лакедемонян или их союзников пойдет на землю царя с злым умыслом, лакедемоняне и их союзники должны противодействовать этому, и если кто из царской земли пойдете злым умыслом на лакедемонян или их союзников, пусть царь противодействует этому. Тиссаферну доставлять теперешнему флоту содержание согласно условию, пока не придут царские корабли. Когда придут царские корабли, лакедемоняне и их союзники сами будут содержать свой флот, если пожелают; если же захотят получать содержание от Тиссаферна, он обязуется доставлять его, но лакедемоняне и их союзники, с окончанием войны, должны возратить Тиссаферну деньги, сколько получат. Когда придут царские корабли, то корабли лакедемонян, их союзников и царские пусть ведут войну сообща так, как решит Тиссаферн, лакедемоняне и их союзники. Если пожелают заключить мир с афинянами, то заключить его на одинаковых условиях...

¹ Царь Дарий II (424-404 гг. до н. э.).

² Тиссаферн – персидский сатрап в Малой Азии.

³ Эфоры числом 5 – высшая правительственная коллегия в Спарте, представлявшая интересы олигархии, избиралась сроком на 1 год.

⁴ Меандр – река в Малой Азии, впадающая в Эгейское море севернее Милета.

Постановление афинского народного собрания о даровании афинского гражданства жителям о. Самос

После поражения при Эгоспотамосе союзники отпали от Афин, за исключением о. Самоса. Благодарные афиняне даровали за это самосцам право афинского гражданства.

Кефисофонт пэаниец¹ записал.

Самосцам, которые были вместе с афинским народом...

Решено буле² и народом. При притане Кекропе, писце Полиме Евонимейском, в правление Алексия, когда главой пританов был Никтофон Атмонеи. Решение Клеософа и коллегии пританов³.

(Постановили). Возблагодарить самосское посольство, то, которое приходило прежде, и то, которое явилось теперь, и буле, и стратегов, и остальных самосцев за то, что они доблестные мужи и стараются поступать насколько могут доблестно, и зато, что они поступили так, как им казалось справедливым поступить по отношению к афинянам и самосцам. И за то, что они сделали на благо афинянам и теперь высоко это ценят и считают за благо, буле и народ решили, чтобы самосцы получили право афинских граждан и управлялись бы, как они того желают. И чтобы было это так, как наиболее подходит для обеих сторон, в соответствии с тем, что они сказали, и когда будет установлен мир, чтобы обо всем остальном им совещаться сообща. А законами пользоваться, какие они себе самостоятельно выработали, а все другое совершать соответственно клятвам и договорам, какие заключены у афинян с самосцами. А в отношении обвинений, если таковые возникнут между ними, следует творить суд и подчиняться его решениям в соответствии с достигнутым соглашением. Если же возникнет какой-нибудь крайний случай из-за войны, или, прежде всего, из-за государственного устройства, как говорят сами послы, то следует поступать сообразно с настоящими обстоятельствами, как покажется наилучшим. В отношении мира, если он будет заключен, пусть будет так, как принято у афинян и у тех, кто ныне живет на Самосе. Если же придется воевать, то пусть [каждый] готовится к войне сам насколько может лучше, действуя под командованием стратегов. [Если] афиняне пошлют какое-либо посольство, то нужно и [самосцам], если они чего-нибудь хотят, послать вместе с ними имеющихся налицо, и сообща советоваться о том, чтобы было все хорошо. А триерами, которые находятся в Самосе, давать им [афинянам] пользоваться полностью снаряженными, поскольку им будет нужно. Имена командиров триер, под начальством которых были эти корабли, посольство должно записать у писца буле и у стратегов, если в казне записана [какая-либо задолженность] за этими лицами как за взявшими триеру, то надсмотрщики за кораблями должны [все] отовсюду [вычеркнуть]. И пусть все снаряжение [как можно скорее] сделают на общественные средства и принудят дать все [что понадобится], из этого, тех, кто это имеет. [Решение Клеософа и] коллегии пританов. И во всем остальном, согласно постановлению буле, пусть самосцы, которые придут [в Афины], получат земельные наделы, если они будут об этом просить, и пусть будут сейчас же распределены по десяти демам и филам. И стратеги должны как можно быстрее обеспечить путевые расходы послам и Евмаху [всем другим самосцам, которые пришли с Евмахом], и воздать им хвалу как мужам, поступившим во благо афинян. Пригласить на следующий день Евмаху на пир в пританей. Писцу буле вместе со [стратегами записать постановление на каменной стеле и] выставить в городе, а казначеи, [приставленные к союзной казне, пусть выдадут деньги. На Самосе сделать запись] в соответствии с этим решением.

¹ Из Пэанийского дема.

² Буле – совет 500.³ Пританы – дежурные. Притания – дежурство членов совета 500 в составе фил. Дежурство продолжалось одну десятую часть года. Такой порядок был установлен Клисфеном.

Падение Афин (404 г. до н. э.) (Ксенофонт, «Греческая история», II, 2, 10-23)

Рисуя безвыходное положение Афин к концу войны, настроенный враждебно к демократии Ксенофонт не скрывает своего злорадства.

Осажденные и с суши и с моря афиняне оказались в безвыходном положении. У них не было уже ни флота, ни союзников, ни провианта, неоткуда было ждать спасения; приходилось, по-видимому, подвергнуться всем тем ужасам, которым они прежде подвергали других греков. Разница была лишь та, что лакедемоняне теперь готовились отомстить афинянам за их прежние преступления, а афиняне обижали жителей мелких городов не отмщения ради, а только из высокомерия. Они даже не выставляли никакого другого предложения, кроме того, что те были союзниками лакедемонян. Поэтому они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния, но крепились и, несмотря на то что в городе множество народа умирало от голода, не вступали в переговоры о мире.

Но когда запас продуктов совершенно истощился, они послали к Агису послов, предлагая ему мир на условии, что они будут союзниками лакедемонян, а за то получают право сохранить невредимыми Длинные стены и Пирей, но Агис сказал, чтобы они отправились в Лакедемон, так как он не имеет полномочий на заключение мира.

...Особенно горячо возражали против заключения мира коринфяне и фиванцы, а также многие другие эллины¹; они требовали совершенного разрушения Афин. Но лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции². Они выразили согласие на мир при условии сношения Длинные стен и укреплений Пирея, выдачи всех кораблей, кроме двенадцати, возвращения изгнанников и вступления в число союзников лакедемонян с подчинением их гегемонии...

Послы доложили об условиях, поставленных лакедемонянами для заключения мира, ...было постановлено принять мирные условия лакедемонян... Изгнанники были возвращены, стены были срыты при общем ликовании³ под звуки исполняемого флейтистами марша: этот день считали началом свободной жизни для греков.

¹ Из числа союзников Спарты.² Подразумеваются греко-персидские войны,³ Конечно, спартанцев.

Тирания тридцати в Афинах (Аристотель, «Афинская полития», 34, 35, 36)

Спартанцы у побежденных противников обычно свержали демократию и учреждали олигархию.

Афиняне... в архонство Алексия¹ потерпели поражение в морском бою при Эгоспотамосе², в результате чего вся власть над государством оказалась в руках Лисандра³, который и установил правление Тридцати⁴ при следующих обстоятельствах: мир с афинянами был заключен на том условии, чтобы они управлялись по старинным отечественным заветам. Но при этом сторонники демократии старались сохранить демократию, а некоторая часть знати, преимущественно те, кто были участниками гетерий⁵, и некоторые из изгнанников, которые смогли вернуться на родину после заключения мира, желали олигархию. Другие, не состоявшие ни в какой гетерии, но и не уступавшие по своей репутации никому из граждан, мечтали о восстановлении старинного отечественного строя... Главную роль среди них играл Ферамен⁶. Но когда Лисандр принял сторону сторонников олигархии, народ в страхе был вынужден голосовать за олигархию..... Вот каким образом Тридцать стали у власти при архонте Пифодоре⁷. Сделавшись полновластными распорядителями государства, они оставляли без внимания все принятые ранее постановления о государственном строе, но, назначив 500 членов совета и прочих должностных лиц из тысячи предварительно избранных и подобрав себе еще десятерых в качестве начальников Пирея⁸, 11 стражей тюрьмы и 300 биченосцев в качестве охраны, стали распоряжаться в городе по-своему усмотрению. Первое время они были умеренными по отношению к гражданам и делали вид, что управляют согласно старинной конституции, уничтожили хранившиеся в ареопаге законы Эфиальта и Архестрата⁹ относительно ареопагитов и из законов Солона те, которые возбуждали спорное толкование, а также отменили принадлежавшее судьям право окончательного приговора, как бы восстанавливая досолоновский государственный строй и снисбоджая его от всего спорного; например, закон о праве отдавать свое имущество

кто кому пожелает, они утвердили безусловно, а неудобные ограничения к этому: «Если только не в припадке безумия, или под влиянием старости, или по внушению – женщины» – отменили, чтобы не давать возможности вмешиваться в такие дела сикофантам¹⁰; подобным же образом они делали это и в остальных случаях. И так, с самого начала они поступали так, что устраняли сикофантов и людей, говоривших в угоду народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев, и город радовался этому, думая, что Тридцать делают это ради общего высшего блага. Но, укрепив власть свою в городе, они не стали щадить никого из граждан, а стали убивать людей, выдающихся по состоянию и по происхождению и пользующихся уважением, незаметно устраняя опасные для себя элементы и желая грабить имущество. И в короткое время они погубили не менее 1 500 человек.

Когда государство таким образом стало приходить в упадок, Ферамен, негодуя на происходящее, уговаривал их прекратить такую необузданность и дать участие в делах правления лучшим людям. Они сначала воспротивились этому, но потом, когда распространились его речи в народе и к Ферамену большинство стало относиться сочувственно, они в страхе, как бы он не объявил себя простатом (т. е. заступником) народа и не лишил их власти, составляют список трех тысяч граждан, якобы чтобы дать им участие в государственном управлении. Но Ферамен опять порицает и это, – во-первых, на том основании, что они, желая дать участие в управлении благородным, дают его только трем тысячам граждан, как будто именно в этом их числе сосредоточено все благородство; затем он указывает на то, что действия их полны противоречий: с одной стороны, они основывают свою власть на насилии, а с другой стороны, в то же время делают ее слабее покоренной народной массы. Тридцать не придали значения его словам, а обнародование списка трех тысяч долгое время откладывали и хранили у себя имена намеченных; когда же и бывало у них решение опубликовать его, некоторых из внесенных туда они вычеркивали и вместо них вписывали других из ненамеченных прежде.

При таких обстоятельствах они отправили послов к лакедемонянам, обвиняли Ферамена и просили себе помощи. Выслушав послов, лакедемоняне направили в Афины отряд воинов, числом около семисот человек с гармостом Каллибием во главе ... После этого Тридцать тиранов решили обезоружить всех граждан, а Ферамена погубить... После казни Ферамена они отобрали оружие у всех, кроме тех трех тысяч граждан, и во всех своих распоряжениях стали проявлять еще больше жестокости и преступных наклонностей.

¹ В 404 г. до н. э.

² Эгспотамос – небольшая река на Херсонесе Фракийском, впадает в Геллеспонт.

³ Лисандр – спартанский наварх (командующий флотом), которому сдались Афины в 404 г. до н. э.

⁴ Тридцать – таково официальное название этого правительства, слово «тиранов» было добавлено позже.

⁵ Гетерии – политические сообщества. Здесь: сообщество олигархов.

⁶ Ферамен – умеренный олигарх, которого идеализировал Аристотель.

⁷ Пифодор – один из олигархов.

⁸ 10 начальников Пирея были назначены Лисандром.

⁹ Архестрат, вероятно, был сотрудником Эфиальта.

¹⁰ Сикофанты – лица, промышлявшие доносами.

2.8.

ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э.

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Положение в Греции в IV в. до н. э. (Исократ, «Панегерик», 115-117)

Исократ (436-338 гг. до н. э.) – афинский учитель красноречия, публицист. Составляя речи, он много заботился о красоте стиля. В своей деятельности Исократ выражал интересы зажиточных рабовладельцев. В панегирике Афинам, написанном в 480 г. до н. э., оратор призывает эллинов объединиться под гегемонией Афин. Описывая бедствия своего времени, он указывает на необходимость завоевания Персии. Впоследствии Исократ своими речами содействовал объединению греков под властью македонского царя Филиппа, которому рекомендовал использовать объединенные греко-македонские силы для похода в Малую Азию.

...Морские разбойники хозяйничают на море, наемники захватывают города¹, а граждане, вместо того, чтобы воевать с другими за свою страну, сражаются между собой внутри своих городских стен... вследствие частых перемен управления жители городов находятся в более смутном настроении, чем наказанные изгнанием, так как первые непрестанно боятся за свое будущее, а последние утешаются надеждами на возвращение. И все так далеки от свободы и политической самостоятельности, что одни государства находятся под властью тиранов, другими владеют гармоны², некоторые разорены, над другими господами стали варвары³.

¹ Отряды наемных воинов из числа разорившихся рабовладельцев.

² Гармоны – спартанские военные командиры, наместники в завоеванных Спартой городах.

³ Варвары – персы.

Условия службы греческих наемников у Кира Младшего (Ксенофонт, «Анабасис», I, 3, 18-21)

В 401 г. до н. э. Кир Младший, оспаривавший власть у своего старшего брата персидского царя Артаксеркса II, выступил в поход по направлению к Вавилону, включив в состав своего войска 13 000¹ греческих наемников, нанятых для него гармоном Византии Клеархом. О цели похода грекам было неизвестно. Через полгода, когда войско Кира подошло к морю в Киликии, греки стали отказываться от дальнейшего участия в походе. Но командиры греков, главным образом Клеарх, лично заинтересованные в службе у Кира, старались убедить их продолжать следовать за Киром. На сходке один из наемников высказал такое мнение:

«Предлагаю направить к Киру вместе с Клеархом подходящих людей, чтобы спросить у него, как он предполагает использовать нас. Если он задумал поход, подобный тому, при котором он уже раньше пользовался греческими наемниками, то нам за ним следовать и служить ему не хуже тех, которые ходили с ним прежде. Если же его предприятие теперь более значительное и более трудное и опасное, то потребовать от него, чтобы он, если хочет вести нас дальше, договорился бы с нами [о новых условиях] или, прислушавшись к нам, дружески отпустил бы нас»...

Это предложение было принято, и к Киру были направлены доверенные лица... Кир обещал платить всем наемникам в полтора раза больше того, что они получали до этого, именно: вместо одного дарика - по три полударика в месяц; но о том, что он ведет их против царя, никто не слыхал, во всяком случае, определенно этого сказано не было.

¹ О количестве греческих наемников, служивших у Кира Младшего, разные источники показывают неодинаково.

Об отступлении из Персии отряда наемников во главе с Ксенофонтom (Исократ, «Панегерик», 145-149)

Греки, наемники Кира, одержали победу над армией царя Артаксеркса II в битве при Кунаксе, недалеко от Вавилона, но сам Кир был убит. Поредевший в битве с врагами отряд греческих наемников после этого вернулся домой в греческие владения, несмотря на усилия Артаксеркса его уничтожить. Отступление «10000 греков» описано Ксенофонтом в известном сочинении «Анабасис». Отступление показало, как ослабели силы Персии за истекшее столетие, на что и указывает Исократ.

...Ни отборного войска, сопровождающего царя, ни мужества персов не следует бояться, так как греками, ходившими в поход с Киром, ясно разоблачено, что они нисколько не лучше персидского военно-морского флота. Другие битвы, в которых персы потерпели поражение, я оставляю в стороне и допускаю, что они протестовали и не имели желания бороться с братом царя, т. е. с Киром, но когда, по смерти Кира, сошлись вместе все жители Азии, то в этих благоприятных условиях они так позорно воевали, что никому не дали никакого основания восхвалять мужество персов. Столкнувшись с 6 000 греков¹, взятыми в поход не за храбрость, но вследствие тяжелого положения изгнанников, которым нельзя жить в своем отечестве, не знакомыми со страной, лишенными союзников, преданными соратниками, потерявшими полководца, за которым они следовали, персы оказались настолько слабее их, что царь, попав в затруднительное положение и не полагаясь на свое войско, решился, нарушив договор, схватить военачальников наемного греческого войска, чтобы этим преступным деянием привести его в замешательство, и предпочел погрешить пред богами, чем открыто сразиться с греками². Обманувшись в результате этого коварного умысла, так как греческие воины оставались твердыми и мужественно переносили несчастье, царь послал с ними при их отступлении Тиссаферна³ со всадниками. Но, несмотря на коварные действия последних во время всего пути, греки прошли так, как если бы их заботливо провожали, более всего страшась пустынной части страны и считая, наоборот, величайшим для себя благополучием как можно больше встречаться с неприятелями. Главная суть сказанного в том, что греки, придя не для грабежа и не захватив даже ни одной деревни, к тому же приняв участие в походе против самого царя, возвратились на родину безопаснее, чем ходившие к царю послы с предложением дружбы.

Этим, мне думается, безусловно доказана слабость персов: они проиграли много сражений и в приморской Азии и, переправившись в Европу, потерпели полное поражение, или трусливо погибнув, или позорно обратившись в бегство, наконец, и под самыми стенами царского дворца они стали предметом всеобщего посмеяния...

¹ По Ксенофонт, греческих наемников было 8 600 человек.

² Персы во время переговоров после битвы при Кунаксе вероломно убили греческих военачальников. Оставшиеся рядовые воины избрали из своей среды новых начальников во главе с Ксенофонтом.

³ Тиссаферн – персидский сатрап в Малой Азии.

Восстановление демократии в Афинах (Диодор, «Историческая библиотека», XIV, 32, 33)

Вскоре после окончания Пелопоннесской войны в Афинах была восстановлена демократия.

Тридцать тиранов, захватившие власть в Афинах, каждый день кого-нибудь отправляли в изгнание или подвергали смертной казни. Фиванцы сильно негодовали на это и оказывали гостеприимство и поддержку беглецам из Афин. Изгнанный тридцатью тиранами афинянин Фрасибул из Стирийского дема¹, тайно поддерживаемый фиванцами, захватил одно укрепленное место в Аттике, называемое Фила. Это была сильная крепость, отстоящая от Афин на сто стадий, дававшая большие преимущества для наступления на Афины. Когда тридцать тиранов узнали о произошедшем они прежде всего направили против Фрасибула военные силы, чтобы обложить Филу осадой. Но когда они приближались к Филе, поднялась сильная снежная буря. Некоторые солдаты старались переставить свои палатки, другие обращались в бегство, думая, что неприятельские силы находятся поблизости, и когда на всех напал так называемый панический страх, весь лагерь был перенесен на другое место. Между тем, тридцать тиранов в Афинах, видя, что некоторые граждане, не включенные в число трех тысяч полноправных, стремятся к низвержению государственного строя, выселили их в Пирей и окружили город иноземными войсками.

Всех элевсинцев² и саламинцев, заподозренных в сочувствии изгнанникам, они казнили. При таком положении дел много беглецов сошлось в лагере Фрасибула... Тридцать же тиранов, видя, что многие отпадают от них из-за ненависти и что число беглецов непрерывно возрастает, отправили в Спарту послов просить о помощи, сами же, собравши все силы, какие только могли, раскинули стан под открытым небом, под так называемыми Ахарнами³.

Фрасибул же, оставив достаточный гарнизон для охраны Филы, вывел афинских изгнанников в числе тысячи двухсот человек и, напав неожиданно ночью на неприятельский лагерь, многих перебил, а других, устранив внезапным маневром, принудил бежать в Афины.

После этого сражения Фрасибул немедленно двинулся в Пирей и захватил пустынную и хорошо укрепленную высоту Мунихий⁴. Тираны же, сосредоточив все свои силы под предводительством Крития⁵ против Пирея, осадили Мунихий. Здесь произошел продолжительный и упорный бой, причем тираны превосходили противников численностью, а изгнанники афинские опирались на преимущество своей позиции. Наконец, когда Критий был убит, войско тридцати тиранов пришло в замешательство и бросилось на ровное место, между тем как войско афинских изгнанников не решалось их преследовать. Но далее, после многочисленных случаев перехода воинов на сторону изгнанников, силы Фрасибула стали значительно превосходить силы противников, и, пользуясь этим преимуществом, он захватил Пирей. Немедленно из Афин устремилось в Пирей множество людей, стремившихся низвергнуть тиранию, и из всех других городов изгнанники афинские, услыхав об успехах Фрасибула, стекались в Пирей; под конец силы изгнанников были намного больше сил тиранов, так что они решились приступить к осаде самих Афин. Оставшиеся в Афинах лишили власти тридцать тиранов и выгнали их из города, а во главе государства поставили десять мужей с неограниченными полномочиями, чтобы всеми возможными способами полюбовно прекратить гражданскую войну.

Однако, захватив власть, они показали себя такими же тиранами и не заботились о мире, но вызвали из Лакедемона сорок кораблей и тысячу солдат во главе с Лисандром⁶. Но царь лакедемонский Павсаний⁷, отчасти завидуя Лисандру, отчасти видя, что Спарта стала пользоваться дурной славой среди эллинов, собрал большие силы и пришел с ними в Афины и примирил афинян с изгнанниками. Таким образом, афиняне снова вернули себе родину и стали управляться своим собственным законом. Тем же из них, которые опасались, что могут подвергнуться преследованию за то, что ими было раньше совершено, была предоставлена возможность удалиться в Элевсин.

¹ Фрасибул – из Стирийского дема, один из навархов афинского флота, демократ.

² Элевсин – древний город Аттики к северо-западу от Афин на берегу Саронического залива.

³ Ахарны – селение в Аттике к северу от Афин.

⁴ Мунихий – холм и небольшая гавань, часть Фалерского залива.

⁵ Критий – крайний олигарх, глава олигархии четырехсот в 411 г. до н. э. и глава тридцати.

⁶ Лисандр – спартанский наварх (командующий флотом), которому сдались Афины в 404 г. до н. э.

⁷ Павсаний II (408-396 гг. до н. э.) – сын царя Плейстоанакта.

Установление спартанской гегемонии (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Лисандр, XIII)

В биографии спартанского наварха Лисандра, представляющей значительный интерес для политической истории конца V – начала IV вв. до н. э., Плутарх использовал сочинения писателей IV в. до н. э. – Феофраста. Феоппа, а также ряд других не дошедших до нас источников.

...Уничтожив демократию и другие законные формы правления, Лисандр повсюду оставлял по одному гармосту из лакедемонян и по десять правителей из членов тайных обществ¹, организованных им по городам. Так он действовал без различия во вражеских и в союзнических городах, исподволь подготавливая себе в известном смысле господство над Грецией. Правителей он назначал не по знатности или богатству: члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства², были ему ближе всего, и он предоставлял им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при многих казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления, судя по которому добра от Спарты ждать было нечего. Вот почему мне кажется неудачным сравнение, принадлежащее комическому поэту Теопомпу: он сопоставил лакедемонян с трактирщицами, сказавши, что, в то время как эллины вкушали сладостнейший напиток свободы³, спартанцы подлили туда уксусу. Нет, питье с первого же глотка оказалось противным и горьким, так как Лисандр не только не позволил народу распоряжаться своими делами, но вдобавок, передавая власть над городами в руки немногих, выбирал среди них самых дерзких честолюбцев.

¹ В этих тайных обществах, по свидетельству Диодора, принимали участие «могущественные люди», т.е. аристократы.

² Во всех греческих городах действовало законодательство для своих граждан. В чужом городе иноземец не пользовался защитой закона. Обычай проксении (союз гостеприимства), существовавший в древности, имел целью гарантировать безопасность для путешествий в чужие города. Люди разных городов, заключавшие такой союз (ксены), защищали друг друга каждый в своем городе.

³ Т.е. свободы от господства Афин.

Причины вступления Спарты в войну с Персией (Ксенофонт, «Греческая история», III, 1, 3-6)

Во время Пелопоннесской войны Спарта, получавшая от Персии денежные субсидии, обещала вернуть персидскому царю греческие малоазийские города. Однако после войны, стремясь утвердить свое влияние в Малой Азии, спартанцы уклонились от выполнения этого обещания. Поддержка, оказанная Спартой Киру, еще больше обострила отношения с персидской державой. Попытка персидского наместника Тиссаферна подчинить города Малой Азии вынудила Спарту в 399 г. до н. э. вступить в войну с Персией.

Тиссаферн, оказавший неоценимые услуги царю в его войне с братом¹, был назначен сатрапом не только тех областей, в которых он начальствовал прежде, но и тех, где начальником был прежде Кир. Прибыв в свою сатрапию, он тотчас же решил подчинить себе все ионийские города. Эти города, с одной стороны, желали сохранить свободу, а с другой, опасались мщения Тиссаферна за то, что они при жизни Кира отпали от Тиссаферна и стали на сторону Кира²; поэтому они не открыли городских ворот Тиссаферну, а отправили послов в Лакедемон. Эти послы просили их, как защитников всей Греции, позаботиться и о них, азиатских греках, спасти их страну от опустошения и выступить на защиту их свободы³. Лакедемоняне же послали к ним гармостом Фиброна, давши им и войско – около тысячи неодамодов и около четырех тысяч прочих пелопоннессцев. Фиброн попросил и у афинян триста всадников, обещая дать им жалованье. Афиняне же послали тех, которые служили в коннице, в правление Тридцати⁴, полагая, что для демократии будет благом, если они будут вдали от родины и погибнут. Когда они прибыли в Азию, Фиброн присоединил к ним ополчения из греческих городов, расположенных на материке, так как тогда все греческие города беспрекословно повиновались приказаниям каждого лакедемонянина. Но даже и с таким войском Фиброн из страха перед неприятельской конницей не решался спускаться в долину; с него довольно было и того, что те позиции, которые он занимал, давали ему возможность предохранить страну от вражеского опустошения. Когда же греческое войско⁵, участвовавшее в походе Кира, благополучно спасшись, присоединилось к нему, он стал уже спускаться в долину и открыто выступать против Тиссаферна.

¹ Киром Младшим.

² Греческие города Малой Азии не добровольно присоединились к Киру, а были вынуждены к этому Лисандром, который произвел в этих городах олигархические перевороты.

³ Спарта, боясь победы демократии и подрыва своего влияния, выступила на помощь малоазийским городам лишь после того, как попытка спартанского посольства разрешить конфликт с Тиссаферном мирным путем потерпела неудачу.

⁴ 404 г. до н. э.,

⁵ Греческий отряд, походу которого посвящено произведение Ксенофонта «Анабасис».

Помощь Персии антиспартанской коалиции в Греции (Ксенофонт, «Греческая история», III, 5, 1-5)

Тивфраст, считая несомненным, что Агесилай ничуть не заботится о благе царя и не думает уходить из Азии, но, наоборот, питает большие надежды одержать окончательную победу над царем, оказался в крайне затруднительном положении. Он шлет в Грецию родосца Тимократа, дает ему с собой деньги золотой монетой, равноценной приблизительно пятидесяти талантам серебра, и поручает ему попытаться вручить эти деньги виднейшим политическим деятелям в греческих государствах, взяв с них клятвенные заверения, что они возбудят войну против лакедемонян¹. Тимократ отправился в Грецию и подкупил: в Фивах – Андроκлида, Исмения и Галаксиодора, в Коринфе – Тимолая и Полианфа, в Аргосе – Килона и его единомышленников. Что же касается афинян, то они и без подкупа жаждали этой войны², считая (несправедливым), чтобы над ними властвовали (другие). Принявшие подкуп всячески старались опорочить лакедемонян в глазах своих сограждан. Когда же им удалось возбудить ненависть к лакедемонянам, крупнейшие греческие государства стали объединяться друг с другом в союзы.

Руководители фиванцев прекрасно понимали, что, если кто-либо из союзников не начнет войны, лакедемоняне не захотят нарушить мирного договора. Поэтому они убеждают опунтских локрийцев взыскать подати с жителей области, бывшей спорной между фокейцами и локрийцами. Предполагалось, что фокейцы в ответ на это вторгнутся в Локриду. Расчет этот оказался верным: фокейцы немедленно же вторглись в Локриду и захватили всякого добра во много раз больше, нежели локрийцы. Тогда Андроκлид и его единомышленники без труда убедили фиванцев прийти на помощь локрийцам, так как не могло уже быть сомнения, что фокейцы вторглись не в спорную область, а в самую Локриду, бывшую дружественной и союзной фиванцам. Итак, фиванцы ответили вторжением в Фокиду и опустошением этой страны. Фокейцы тотчас же послали послов в Лакедемон с просьбой прийти им на помощь, указывая, что они не были зачинщиками войны, но, защищаясь, выступили против локрийцев. Лакедемоняне с радостью ухватились за предлог вступить в войну с фиванцами, гневаясь на них уже с давних пор за то, что они после Декелейской войны предъявили притязания на десятую часть добычи, посвящавшуюся Аполлону³, и за то, что они не хотели сопровождать их в походе на Пирей⁴.

¹ Потерпев поражение при Сардах, Персия решила ослабить Спарту, подготовив выступление прошив нее в самой Греции. Тирания Спарты, ее вмешательство во внутренние дела греческих государств привели к тому, что многие государства в Греции приняли участие в войне за освобождение от спартанского господства, получившей название Коринфской войны.

² По свидетельству других источников, не только Афины, но также многие греческие города жаждали этой войны. Персидские деньги, несомненно, пошли не на подкуп, как пишет сочувствовавший Спарте Ксенофонт, а на расходы, связанные с войной.

³ Т.е. потребовали, чтобы десятая часть добычи была посвящена Аполлону не только от имени лакедемонян, но и от имени фиванцев. Лакедемоняне отказали в этом требовании. Действительной причиной ненависти спартанцев к фиванцам, по свидетельству Плутарха, была та помощь, которую Фивы оказали афинянам при свержении тирании Тридцати.

⁴ Имеется в виду поход на Пирей, предпринятый спартанцами в 403 г. до н. э. для оказания помощи свергнутому олигархическому правительству Тридцати.

Поражение спартанцев на море во время Коринфской войны (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 3, 10-14; 8, 1-3)

Когда он¹ находился в устье², солнце показалось в форме лунного серпа³ и в то же время получилось известие, что лакедемоняне побеждены в морской битве и что наварх Писандр погиб. Были переданы также и обстоятельства этой битвы. Встреча произошла около Книды, причем навархом противников был Фарнабаз с финикийскими судами; первую линию занимал Конон во главе греческого флота. Писандр выстроил свой флот против врага, и тогда стало ясно, что у него гораздо меньше кораблей, чем в греческом флоте Конона. Союзники Писандра, выстроившиеся на левом фланге, тотчас же бежали, сам же он вступил в бой с врагами, но триера его, получив пробоины, была выкинута на берег. Весь экипаж, выкинутый на берег, оставил корабль и спасся в Книд, напрягши для этого все силы. Сам же он погиб, сражаясь, на корабле. Агесилай, узнав об этом, был очень огорчен; но затем он подумал о том, что большая часть его войска⁴ при счастливых обстоятельствах охотно будет участвовать в его походе; если же они узнают о какой-либо неудаче, то ничто не вынудит их больше быть его соратниками. Поэтому он, сказав истину, объявил, будто получено известие, что Писандр пал победителем в морской битве. Передавая эту весть, он принес в жертву быка за доброе известие и разослал многим части жертвенных животных. Ободренные ложным известием о победе лакедемонян в морской битве, войска Агесилая одержали верх над противниками в происшедшем затем бою⁵...

Фарнабаз и Конон, как только они победили лакедемонян в морской битве⁶, поплыли по островам и приморским городам, изгоняя лаконских гармостов; они уверяли жителей этих городов, что они не будут оставлять гарнизонов в их крепостях, а предоставят им полную автономию. Услышав это, последние обрадовались, превозносили Фарнабаза и слали ему щедрые дары. Конон поучал Фарнабаза, что, если он будет поступать таким образом, все города будут к нему дружески расположены; если же обнаружится, что он хочет

их поработить, то, говорит Конон, каждый город в отдельности может причинить ему много хлопот, а кроме того, возникнет опасность, чтобы греки, узнав об этом, не возмутились сообща. Фарнабаз следовал его советам.

¹ Спартанский царь Агесилай, прибывший из Малой Азии с отрядами наемников и контингентами малоазийских городов. Агесилай был вызван на помощь, после того как Спарта потерпела поражение от союзников в битве при Галиарте (394 г. до н. э.)

² Ущелье, открывавшее путь в горах из Фокиды в Беотию.

³ Ксенофонт упоминает о солнечном затмении 14 августа 394 г. до н. э.

⁴ Отряды, приведенные Агесилаем из Малой Азии.

⁵ В битве при Коронсе войску Агесилая удалось оттеснить союзников, но решительной победы спартанцы не добились.

⁶ Т.е. в битве при Книде.

Восстановление стен в Афинах (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 8, 9-10)

Конон заявил Фарнабазу, что если тот оставит в его распоряжении флот¹, то он будет добывать провиант при помощи фуражировки с островов, благодаря чему он сможет вернуться на родину и помочь афинянам восстановить их Длинные стены² и стены вокруг Пирея. «Я хорошо знаю, – говорил он, – что лакедемонянам это будет крайне тягостно, и таким образом ты в одно и то же время угодишь афинянам и отомстишь лакедемонянам; одним ударом ты уничтожишь плод их долгих усилий».

Услышав это, Фарнабаз охотно отправил его в Афины, дав ему с собой денег на восстановление стен. Конон прибыл в Афины и восстановил большую часть стены, причем работа эта производилась как его экипажем, так и нанятыми за плату плотниками и каменщиками; он же выдавал деньги и на все прочие нужды. Над постройкой других частей стены работали кроме самих афинян Беотия и другие государства, добровольно присоединившиеся к ним.

¹ Пройдя с флотом вдоль берегов Пелопоннеса и подвергнув их опустошению, Фарнабаз вернулся в Персию.

² Длинные стены, соединявшие Афины и Пирей, и стены вокруг Пирея были снесены по требованию спартанцев при заключении мира 404 г. до н. э.

Договор Афин и Клазомен (387 г. до н. э.)

Надпись на мраморной стеле, три обломка которой были найдены в Афинах на Акрополе. Надпись содержит договор Афин и Клазомен, характерный для внешней политики Афин первой половины IV в. до н. э.

При Теодотеархонте – Парамит, сын Филагра, эрхисеец, был секретарем. Народ постановил¹. В архонство Теодота заседали фила Кекропида, Парамит был секретарем, Даифрон председательствовал. Полиагр предложил: похвалить народ клазоменцев, за то что он и в прежние времена и ныне дружественно расположен к городу афинян.

По обсуждаемому вопросу пусть народ постановит, что клазоменцы должны платить двадцатую часть², установленную при Фрасибуле. Клазоменцам предоставляется право полновластно решать вопросы, касающиеся мирных договоров с жителями Хита и тех заложников, которых клазоменцы получили от жителей Хита.

Афинскому народу впредь не позволяется без согласия клазоменцев возвращать изгнанников и изгонять кого-либо из жителей Клазомена. Афинский народ должен без промедления решить голосованием³, следует ли направлять в Клазомены правителя и гарнизон или же предоставить клазоменцам право решить самостоятельно, угодно им принять правителя и гарнизон или нет.

Клазоменцам согласно договору разрешается заходить в гавани тех городов, откуда они вывозят хлеб, Фокеи, Хиоса и Смирны⁴.

Афинские стратеги должны позаботиться о заключении между клазоменцами и... договоров, подобных тому, который заключен у них с афинянами⁵.

В результате голосования народ постановил: клазоменцы не должны платить никаких налогов⁶, не должны принимать ни гарнизон, ни архонта. Им надлежит быть свободными подобно афинянам⁷.

¹ В договоре отсутствует обычное упоминание о совете. Вместо «Совет и народ постановили» сказано «народ постановил».

² Двадцатая часть – 5-процентный налог на ввозимые и вывозимые товары был возобновлен афинским стратегом Фрасибулом во время его экспедиции 390-389 гг. до н. э. для части бывших союзников Афин.

³ Постановление, принятое голосованием, приведено во второй части декрета.

⁴ Названия городов восстановлены предположительно.

⁵ С помощью договоров, подобных договору с Клазоменами, Афины стремились в начале IV в. до н. э. восстановить свое морское могущество. Целый ряд греческих городов в этот период восстанавливает союз с Афинами из страха перед спартанской экспансией. По договору клазоменцы обязуются платить 5-процентный налог с ввозимых и вывозимых товаров. Афины, со своей стороны, гарантируют

Клазоменам, испытавшим афинский гнет, как один из членов Первого Афинского морского союза невмешательство в их внутренние дела. Договор был заключен в 387 г. до н. э. и в том же году аннулирован по Анталкидову миру.

⁶ Кроме 5-процентной пошлины.

⁷ Заключительная часть декрета сильно повреждена. Сохранились только отдельные слова.

Падение спартанской гегемонии на море (Диодор, «Историческая библиотека», XIV, 81, 83, 84)

После поражения Афин в Пелопоннесской войне гегемонию на море некоторое время удерживали спартанцы. В лишении их этой гегемонии были заинтересованы и Персия и Афины. Афинский стратег на персидской службе Конон при помощи персидского флота нанес морское поражение спартанцам при мысе Книде в Малой Азии в 394 г. до н. э. Интересы Персии в это время заключались в том, чтобы не давать усиливаться ни одному из греческих государств. Афиняне же воспользовались трениями между Персией и усилившейся после Пелопоннесской войны Спартой для ограничения последней.

Конон¹, будучи командиром персидского флота, поставил во главе похода афинян Иеронима и Никодема, а сам, торопясь повидаться с царем, отплыл в Киликию², а оттуда, прибыв в Тапсан Сирийский, прошел к реке Евфрату и спустился по нему к Вавилону. Встретившись там с царем, он заявил ему, что разобьет лакедемонян в морском бою, если царь снабдит его деньгами и прочим снаряжением, сколько он потребует. Артаксеркс похвалил его и почтил ценными дарами и назначил казначея, чтобы тот снабжал Конона деньгами, сколько тот потребует, и разрешил Конону взять себе в товарищи по командованию на войну кого хочет из персидских военачальников. Конон выбрал себе в товарищи Фарнабаза и с ним спустился обратно к морю... Афинянин Конон и Фарнабаз, стоявшие во главе царского флота, провели его в составе более чем девяносто триер мимо мыса Лорима Херсонесского. Узнав, что неприятельские морские силы находятся в Книде³, они стали готовиться к морскому сражению. Командир лакедемонян Пейсандр⁴ отплыл из Книды с 85 триерами и пристал к Фиску Херсонесскому⁵. Оттуда он напал на флот царя, и, столкнувшись с передовыми судами, одержал над ними верх. Когда на помощь своим кораблям устремился весь флот царя, а союзники лакедемонян спаслись бегством на сушу, Пейсандр, считая позорным и недостойным Спарты малодушно обратиться в бегство, направил свой корабль прямо на врагов. Он погиб достойно своей родины, доблестно сражаясь и уничтожив много неприятелей. Суда Конона преследовали лакедемонян до самой земли⁶, захватили пятьдесят триер; большинство людей спаслись бегством, достигнув земли вплавь. Захвачено было около 500 человек. Остальные триеры спаслись в Книд... После этого морского боя Фарнабаз и Конон устремились против союзников лакедемонян со всеми своими кораблями. Прежде всего они принудили отпасть от них косцев⁷, потом нисирийцев и тейосцев⁸. После этого хиосцы, прогнав от себя военный отряд лакедемонян, перешли на сторону Конона. Подобным же образом изменили (лакедемонянам) митиленцы⁹, эфесцы¹⁰ и эрифрейцы¹¹. Такая охватила все города страсть к перемене политического строя, что одни из них, изгнав лакедемонские отряды, сохранили свою независимость, другие перешли на сторону Конона. С этого времени лакедемоняне потеряли свою власть на море.

¹ Конон – афинский полководец. После поражения Афин в Пелопоннесской войне проживал на о. Кипре, а затем использовал службу у персидского царя для усиления Афин и восстановил на персидские средства афинские стены.

² Киликия – горная приморская область на юго-западной части Малой Азии.

³ Книд – мыс в Малой Азии на юго-восточном побережье Эгейского моря.

⁴ Пейсандр, или Писандр, – лакедемонский полководец.

⁵ Фиск Херсонесский – мыс недалеко от Книды.

⁶ То есть побережья материка.

⁷ Жители о. Кос.

⁸ Жители небольшого скалистого о. Нисира и гор. Теоса.

⁹ Жители города Митилены на о. Лесбосе.

¹⁰ Жители города Эфес на западном побережье Малой Азии.

¹¹ Жители афинской колонии Эрифры.

Анталкидов мир, 387 г. до н. э. (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 8, 12-16, V, 1, 25-36)

Используя противоречия между греческими государствами и помогая то одной, то другой стороне, слабеющая персидская монархия одержала крупную дипломатическую победу, продиктовав грекам так называемый Анталкидов мир. Персам помогла близорукая сепаратная внешняя политика Спарты, стремившейся всеми мерами удержать свою гегемонию в Греции. Условия Анталкидова¹ мира следует сравнить с условиями Каллиева мира.

Следует также обратить внимание на недальновидную эгоистическую политику Спарты, стремившейся не допустить восстановления Афинского морского союза, и учет этой политики ослабшей персидской монархией, правительство которой использовало внутригреческие раздоры для дипломатического нажима и заключения выгодного для Персии Анталкидова мира

Между тем, лакедемоняне, узнав, что Конон² не только возводит на деньги персидского царя стены для афинян, но и содержит на них флот и снова подчиняет афинянам как острова, так и приморские города на материке, подумали, что если они доведут это до сведения царского полководца Тирибаза, то склонят его на свою сторону и воспрепятствуют Конону содержать флот на персидские деньги. Придя к этому решению, они посылают к Тирибазу Анталкида с поручением сообщить ему обо всем этом и стараться заключить мир между Спартой и персидским царем. Афиняне, узнав об этом, со своей стороны тоже отправили посольство, во главе с Кононом в составе Гермогена, Диона, Каллисфена и Каллимедонта. Они привлекли к этому также послов от союзников. На их призыв явились представители Беотии, Коринфа и Аргоса.

По прибытии всех послов к месту назначения Анталкид сказал Тирибазу, что явился к нему просить мира с царем для своего государства (Спарты) и именно такого, какого давно уже желает и сам царь. Ведь лакедемоняне не станут спорить с царем относительно эллинских городов в Малой Азии и удовольствуются тем, чтобы все острова и другие города были автономны. «А раз наши пожелания таковы, – сказал он, – то чего же ради царю воевать с нами и тратить столько средств? Да и не из-за чего будет воевать с царем ни афинянам, после того как прекратится наша гегемония, ни нам самим, как только города получат независимость».

Тирибазу очень понравились эти слова Анталкида. Но они не удовлетворили его противников. Афиняне боялись согласиться на независимость островов и городов, чтобы не лишиться Лемноса, Имброса и Скироса³; фиванцы боялись, что будут вынуждены признать самостоятельность беотийских городов, а аргосцы предвидели, что в случае заключения мира на таких условиях, они не смогут удержать в своих руках Коринф, чего они весьма хотели. Таким образом, эти переговоры о мире остались безрезультатными, и все послы разъехались каждый к себе домой.

Тирибаз, со своей стороны, хотя и не считал себя вправе объединиться без царя с лакедемонянами, все же тайно дал Анталкиду денег, чтобы лакедемоняне увеличили состав своего флота и принудили афинян и их союзников больше добиваться мира. Конона же он заключил в тюрьму...

Между тем, возвратился (из Персии) вместе с Тирибазом Анталкид, достигший того, что царь обещал поддерживать лакедемонян, в случае если афиняне и их союзники не примут предложенных условий мира. Узнав, что Николох⁴ осажден в Абидосе⁵ Ификратом и Диотимом⁶, Анталкид отправился сушей в Абидос и там, пустив слух, будто его зовут халкидонцы, ночью выехал с судами и стал на якорь в Перкоте⁷. Полководцы Дименет, Дионисий, Леонтих и Фания, получив об этом известие, погнались за ним по направлению к Проконнесу; он же пропустил их мимо себя, укрылся в Абидосе, так как еще раньше знал, что к нему едет из Сиракуз и Италии с 20 кораблями Поликсен, который должен был принять и эти корабли, между тем как в это самое время ехал из Фракии на соединение с прочими афинскими кораблями Фрасибул⁸ из Коллитского дема, имевший 8 кораблей.

Когда лазутчики дали знать о приближении этих восьми кораблей, Анталкид посадил матросов на лучшие на ходу 12 кораблей, причем недостающее число матросов пополнил из оставшихся кораблей, и в самом скрытном месте устроил засаду. Как только они проехали, Анталкид погнался за ними; они при виде его бежали. Но на своих быстроходных кораблях он легко настиг корабли, плывшие гораздо медленнее, и, запретив своим людям нападать на задние неприятельские корабли, погнался за передними. Когда же он взял эти корабли, то задние, видя гибель передних, потеряли мужество и тоже сдались. Таким образом были взяты все. Когда же к нему прибыли 20 сиракузских кораблей и корабли из подвластной Тирибазу Ионии и из области старинного друга Анталкида Ариобарзана, а Фарнабаз по случаю того, что женился на дочери царя, был отозван (в Сузы), тогда Анталкид, у которого составилась флот более чем из 80 кораблей, стал обладателем моря. Он тогда преградил путь кораблям, плывущим из Понта в Афины, забирал их и отводил в пристани лакедемонских союзников.

Афиняне же при виде такого многочисленного флота у неприятеля и опасаясь военных неудач, подобных прежним, потому что царь опять стал поддерживать лакедемонян, наконец, под влиянием продолжавшихся из Эгины и совершенно стеснивших их разбойничьих набегов, стали стремиться заключить мир. С другой стороны, война была тяжела и для лакедемонян. Они держали гарнизоны в Лехее⁹ и Орхомене¹⁰, должны были оберегать верные города, чтобы они не подверглись разорению, и стеречь неверные – чтобы они сами не отпали; да и в деле с Коринфом лакедемоняне столько же наносили потерь неприятелю, сколько сами их терпели. Наконец и аргосцы, которые знали, что против них объявлен поход, и видели, что им не поможет ссылка на священные месяцы, и те были готовы на мир. Поэтому, когда Тирибаз объявил, чтобы от государств, желающих подчиниться предложенному царем миру, явились послы (в Сарды), все поспешно прибыли. На этом собрании Тирибаз показал царскую печать и прочитал послание, которое гласило так:

«Царь Артаксеркс считает за благо, чтобы эллинские города в Малой Азии и острова Клазомены¹¹ и Кипр принадлежали ему, а все прочие эллинские города, большие и малые, оставались независимыми, кроме Лемноса, Имброса и Скироса. Этим городам, по старине, быть афинскими. Кто же этого мира не принимает, против тех я буду воевать в союзе с принявшими его на воде и на суше, кораблями и деньгами». Когда послы выслушали это и донесли каждый в свой город, все государства поклялись держаться этих условий. Фиванцы желали присягнуть от всей Беотии, но Агесилай сказал, что не примет клятвы, если они, согласно царской грамоте, не поклянутся, что все города, как большие, так и малые, будут независимы. Фиванские послы

отвечали, что они не уполномочены на это. «Так вы отправляйтесь домой, – сказал Агесилай, – и объявите у себя, что если фиванцы не примут этого условия, то будут считаться вне договора».

И действительно, послы отправились, а Агесилай, который ненавидел фиванцев, получил согласие эфоров (на войну) и тотчас начал готовиться к выступительной жертве, и когда жертва оказалась благоприятной, он отправился в Тегею¹² и затем, чтобы ускорить дело, разослал в окрестные страны гонцов, а в некоторые отдельные города даже предводителей наемных войск.

Но прежде чем он успел выступить из Тегеи, прибыли фиванские послы с заявлением, что фиванцы согласны дать независимость беотийским городам. Тогда лакедемоняне возвратились домой, а фиванцы вынуждены были признать независимость беотийских городов и присоединиться к договору. Коринфяне тоже не хотели выпустить аргосского отряда, но Агесилай объявил им и аргосцам, что и на них пойдет войною – на первых, если они не выпустят аргосцев, на вторых – если они не очистят Коринфа. Это напугало тех и других; аргосцы удалились, и Коринф стал самостоятельным. Таким образом и виновники и участники резни¹³ ушли добровольно из Коринфа, а бывших доселе в изгнании прочие граждане охотно приняли в город. Когда таким образом города поклялись держаться предложенного царем мира, то и войска, как сухопутные, так и морские, были распушены.

Это был первый мир Лакедемона с Афинами и их союзниками после войны, следовавшей за разрушением афинских стен. Но если лакедемоняне уже в течение этой войны получали перевес над противниками, то по этому миру, который назван «Анталкидовым миром», они еще более возвысились.

¹ Есть мнение, что правильнее читать «Антиалкидов мир». Оставлено общепринятое написание.

² Конон – афинский полководец. После поражения Афин в Пелопоннесской войне проживал на о. Кипре, а затем использовал службу у персидского царя для усиления Афин и восстановил на персидские средства афинские стены.

³ Лемнос, Имброс, Скирос – острова на Эгейском море, находившиеся под контролем Афин в IV в. до н. э., были расположены на пути из Аттики к Геллеспонту и обеспечивали морское сообщение на хлебной дороге в Черное море.

⁴ Николох – один из начальников в спартанском флоте, главным начальником которого был Анталкид.

⁵ Абидос – греческая колония на Геллеспонте.

⁶ Ификрат и Диотим – афинские стратеги. Ификрату приписывали реформу пехоты – пелтастов и введение ее в широких масштабах в практику войны (ум. ок. 350 г. до н. э.). Пелтасты получили длинные копья.

⁷ Перкота – город неподалеку от Абидоса.

⁸ Фрасибул из Коллита – афинский стратег, современник Фрасибула, сына Лика, из Стирии, восстановившего демократию в Афинах после Пелопоннесской войны.

⁹ Лехей – гавань города Сикиона на севере Пелопоннеса.

¹⁰ Орхомен – город на северо-востоке Пелопоннеса.

¹¹ Клазомены – островок у западного побережья Малой Азии.

¹² Тегея – город в центральной части Пелопоннеса, к северу от Спарты.

¹³ Вспоминаются события недавно происходившей Коринфской войны.

Союз между Афинами и Хиосом (384 г. до н. э.)

Надпись на мраморной стеле, разбитой на пять частей, из которых четыре были найдены в Афинах на Акрополе. Надпись содержит договор о союзе между Хиосом и Афинами.

Союз афинян и хиосцев¹. При архонте Диетрефе. В первую пританию филы Гиппотонтиды... Секретарем был сын Стефана из Ойя?... (Хиосцы) помнят о тех решениях, которые были приняты и записаны как обязательные для всех эллинов, и подобно афинянам тщательно сохраняют мир и дружбу, клятвы и существующий договор, утвержденный царем, афинянами, лакедемонянами и другими эллинами². Хиосцы пришли с предложениями, полезными для афинского народа, для всей Эллады и для царя. Ввиду всего вышесказанного пусть афинский народ постановит: похвалить хиосский народ и прибывших послов, охранять мир, клятвы и ныне существующий договор. Заключить союз с хиосцами, гарантируя им свободу и независимость³, если они не нарушат ни одного из условий мира, записанных на стелах. Хиосцы, насколько это будет в их силах, не должны подчиняться тому, кто нарушит эти условия. Поместить на Акрополе перед статуей⁴ стелу, а на ней написать следующее: «Если кто-нибудь нападет на афинян⁵, пусть хиосцы окажут помощь всеми возможными средствами. Если кто-нибудь нападет на хиосцев, пусть афиняне окажут помощь всеми возможными средствами».

Клятву пусть принесут: в Афинах – Совет, стратеги и таксиархи хиосским послам, а на Хиосе – Совет и другие должностные лица. Избрать пятерых представителей, которые отплывут на Хиос и примут клятву у хиосцев.

Сохранять этот союз на вечные времена. Пригласить послов хиосцев на угощение на завтра в пританей.

Были избраны послы (далее следует перечисление имен).

¹ Договор Афин и Хиоса – первый из договоров, подготовивших создание Второго Афинского морского союза.

² «Царский», или Анталкидов, мир 387/386 г. до н. э. Опасаясь вмешательства персов, договаривающиеся стороны специально отмечают, что их союз не противоречит условиям Анталкидова мира.

³ Афиняне, грубо нарушавшие автономию своих союзников по Первому морскому союзу, специально оговаривают свободу и автономию Хиоса.

⁴ Статуя Афины.

⁵ Намек на спартанцев.

Союз Афин и Византия (378 г. до н. э.)

Надпись на стеле пентеликонского мрамора, два фрагмента которой были найдены в Афинах. Надпись содержит декрет афинского Народного Собрания о восстановлении союза с Византием.

Так как византийцы и прежде были верны и теперь сохраняют верность афинянам¹, пусть афинский народ постановит: считать византийцев союзниками афинян и других афинских союзников. Союз с византийцами заключить на тех же основаниях, на которых был заключен союз с хиосцами.

Клятву византийцам пусть принесут Совет, стратеги и гиппархи... Пригласить послов на угощение на завтра в пританей. Секретарю Совета записать этот декрет на стеле.

Послами были избраны: Ортобул из Керамия, Екзекистид, палленеец, Ксенодок, ахарнянин, Пирандр, анафлистиец, Алкимах, ангелет.

Послами византийцев были: Кидон, Менестрат, Гегемон, Гестией, Филин.

¹ Византий, входивший в Первый афинский морской союз, в 411 г. до н. э. отложился от союза. После битвы при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) Византий был занят спартанским гарнизоном. В 389 г. до н. э. Фрасибул восстановил в Византии демократический строй. После Анталкидова мира Византий сохранил верность Афинам, специально отмеченную в декрете. Договор о союзе с Византием был заключен незадолго до создания Второго Афинского морского союза.

Второй Афинский морской союз

Надпись содержит постановление афинского народного собрания в 378/377 г. до н. э. об организации второго Афинского морского союза. Союзникам гарантировалась автономия и свобода от дани и афинских клерухий.

При архонте Навсинике. Каллибий, сын Кефисфонта, из Пеонии был секретарем. В седьмую пританию, когда дежурной филой была Гиппофонтida, совет и народ решили, Харин из Афмона председательствовал. Аристотель заявил: в добрый час для афинян и афинских союзников! Для того, чтобы лакедемоняне предоставляли грекам, оставаясь свободными и самостоятельными, жить спокойно и иметь в безопасности свою страну¹... народ постановил: если кто пожелает из греков или варваров, живущих на материке или на островах – из тех, которые не находятся под властью царя², быть союзником афинян и их союзников, да будет это его правом, и при этом пусть остается он свободным и самостоятельным, имея государственное устройство, какое ему будет угодно, не принимая к себе ни гарнизона, ни правителя, не внося подати, но на тех же основаниях, на каких хиосцы, фиванцы и остальные союзники. Пусть тем, которые заключат союз с афинянами и их союзниками, народ возвратит все, какие только есть, владения афинян, частные или общественные, в стране народа, заключающего союз. И относительно этого пусть афиняне дадут обещание. Если же в Афинах какие-нибудь плиты (с надписями) городов, заключающих союз с афинянами, не будут соответствовать этому договору, пусть совет, постоянно заседающий, имеет полномочие таковые уничтожать. А со времени архонта Навсиника пусть не позволяется ни частным лицам, ни от казны никому из афинян приобретать в землях союзников ни дом, ни имение, ни путем покупки, ни под залог, ни другим каким-либо образом. Если же кто-нибудь станет каким бы то ни было образом покупать, приобретать или брать под залог, пусть будет предоставлено всякому желающему из союзников заявить об этом членам союзного совета; а члены совета пусть продадут и отдадут половину тому, кто сообщил об этом, а остальное пусть поступит в казну союзников. Если же кто-нибудь пойдет войной на заключивших союз сухим путем или по морю, пусть афиняне и союзники помогают тем на суше и на море всеми силами по мере возможности. Если же какое-нибудь должностное или частное лицо предложит или поставит на голосование вопреки настоящему постановлению, что надо упразднить что-нибудь из сказанного в этом постановлении, пусть он будет лишен гражданской чести, и имущество его да будет конфисковано и десятина отдана богине. И пусть он будет судим при участии афинян и союзников, как нарушающий союз. Пусть его карают смертью или изгнанием там, где власть имеют афиняне и союзники. Если же он будет присужден к смерти, пусть не погребают его ни в Аттике, ни в земле союзников. А это постановление пусть секретарь совета напишет на каменной плите и поставит подле Зевса Освободителя, а деньги для надписи на плите в количестве 60 драхм пусть выдадут из суммы в 10 талантов казначеи богини³. На этой плите пусть записывают имена как тех городов, которые теперь состоят в союзе, так и всякого другого, который станет союзным. Пусть это напишут, и пусть народ выберет немедленно трех послов в Фивы, чтобы убедить фиванцев, насколько будет возможно, ко благу. Избраны были следующие: Аристотель из Марафона,

Пирсандр из Анафлиста, Фрасибул из Коллита. Следующие государства в союзе с афинянами: хиосцы, тенедосцы, митиленцы, мефимнцы, родосцы, пессийцы, византийцы, фиванцы...⁴.

¹ Текст неразборчив.

² Персидского. Оговорка сделана для того, чтобы избежать осложнений во взаимоотношениях с персами.

³ Казначей афинской государственной казны, находившейся под покровительством богини Афины.

⁴ В перечне содержится более 50 государств. Названия, помещенные после фиванцев, очевидно, являются поздними прибавками к надписи, по мере вступления во второй Афинский морской союз новых членов.

Монополия Афин на вывоз сурика с острова Кеоса

Надпись найдена на афинском Акрополе.

...Совет и Народное Собрание коресийцев постановили¹. То, о чем говорят прибывшие от афинян (уполномоченные), а именно о вывозе в Афины сурика... быть этому вывозу так же, как он был и прежде²... Разрешается вывозить сурик на том судне, какое будет указано, ни на каком ином. Плату за провоз по одному оболу с каждого таланта владельцам судна должны уплачивать поставщики сурика; если кто будет вывозить на другом судне, тот отвечает за это по закону. Написать это постановление на каменной плите и поставить ее в храм Аполлона, равно как и прежний остающийся в силе закон (о вывозе сурика). О нарушении (закона и этого постановления) доносить астиномам; последние сообщат свое решение о сделанном донесении в судебную палату в течение 30 дней. Обнаружившему или сделавшему донесение (о нарушении закона и постановления) полагается получить половину (? вывозимого груза). Если сделавшим донесение, касающееся вывоза, окажется раб, он получает свободу и три части (вывозимого груза) поступают в его пользу... Обнаруживший и донесший имеют право апелляции в Афины. Если афиняне издадут какое-либо иное постановление об охране сурика, оно по доставлении его в Корею имеет силу. Поставщики должны уплачивать сборщикам таможенной пошлины 1/30 часть (стоимости груза). ...Совет и народное собрание иулиетов³ постановили... вывоз сурика дозволяется с этого дня только в Афины, ни в какое иное место. Если кто-либо будет вывозить в другое место, судно его и весь груз конфискуются, причем обнаруживший это или донесший об этом получает половину. Если это будет раб, он получает свободу и ему причитается (часть конфискованного груза). С Кеоса сурик должен вывозиться на том судне, какое укажут афиняне; если кто-либо вывезет на другом судне, подлежит ответу... Если афиняне издадут какое-либо другое постановление об охране сурика... оно имеет законную силу... У виновных в противозаконном вывозе сурика половина имущества конфискуется в пользу народа иулиетов, другая половина поступает в пользу лица, обнаружившего это. Совет должен записать это постановление и (копию) его выставить в гавани...

¹ Жители Кореса – города на острове Кеосе.

² Настоящее постановление, принятое около 350 г. до н. э., является подтверждением прежней монополии Афин на торговлю кеосским суриком, необходимым для афинской керамической промышленности.

³ Жители Иулиды – города на острове Кеосе.

Изгнание спартанского гарнизона из Фив (379 г. до н. э.) (Ксенофонт, «Греческая история», V, 4, 9-13)

В изложении истории возвышения Фив наиболее ярко проявились политические симпатии Ксенофонта, его приверженность к Спарте. Ксенофонт умалчивает о победах фиванцев, почти не упоминает о знаменитых фиванских полководцах – Пелопиде и Эпаминонде. Однако возвышение Фив он вынужден признать справедливым возмездием спартанцам, захватившим в 382 г. до н. э. фиванский Акрополь Кадемею с помощью аристократической партии Фив.

...Лакедемонский гармост, находившийся в фиванском Акрополе, услышав ночью возгласы глашатаев, немедленно послал за помощью в Платею и Феспии. Заметив приближающихся платейцев, фиванские всадники вышли им навстречу и умертвили из них более двадцати человек. Когда они после этого столкновения вернулись в Фивы и туда же прибыли стоявшие на границе афинские отряды¹, повстанцы стали атаковать Акрополь. Находившиеся в нем увидели, с каким жаром их противники ведут атаку, слышали о крупных наградах, обещанных тем, которые первыми ворвутся в крепость. Самых же их было немного. В страхе они согласились добровольно удалиться, если им будет гарантирована безопасность при удалении и разрешено будет уйти с оружием в руках. Осаждающие с удовольствием приняли это предложение, заключили с ними перемирие, подкрепленное взаимными клятвами, и пропустили их. Однако, когда они выходили из крепости, осаждающие захватили всех тех из них, которые принадлежали к числу фиванцев – приверженцев враждебной им партии² предали их казни. Лишь немногие из них были тайком уведены и спасены пришедшим с границы афинским отрядом. Фиванцы арестовали также и всех оказавшихся в городе детей казненных и предали их смерти.

Узнав об этом, лакедемоняне казнили фиванского гармоста, за то что он покинул крепость, не дождавшись, пока к нему придут на выручку, и объявили поход на фиванцев³.

¹ Афины оказали поддержку демократическому перевороту в Фивах. После битвы при Левктрах, напуганные усилением Фиванского государства, они стали склоняться на сторону Спарты.

² Враждебной им, т.е. аристократической партии.

³ Походы спартанских царей против Фив – Клеомброта в 378 г. до н. э. и Агесилая в 377 г. до н. э. – были безрезультатны.

Битва при Левктрах (371 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Пелопид, XXIII)

Биография Плутарха «Пелопид», сохранившая пересказ ряда не дошедших до нас источников по истории возвышения Фиванского государства, представляет значительный интерес. Однако в биографии Пелопида, как и во всех других биографиях, Плутарха занимал прежде всего характер политического деятеля. Исторические события он приводил для иллюстрации добродетелей или пороков своих героев. В биографии Пелопида подчеркивается беспримерная храбрость фиванского беотарха. Плутарх нередко опускает важные факты, а также отступает от исторической правды, что значительно снижает ценность его биографии как исторического источника.

В приведенном ниже отрывке содержится наиболее полное описание битвы при Левктрах, в которой гражданское ополчение фиванцев, используя новую боевую тактику беотарха Эпаминонда, так называемый косой клин, нанесло поражение спартанскому войску.

Когда битва началась, Эпаминонд вытянул свое левое крыло по косой линии, чтобы как можно больше оторвать от остальных греков правое крыло спартанцев и погнать Клеомброта, разом нанеся ему сокрушительный удар с фланга. Противник, разгадав его замысел, начал перестраивать свой боевой порядок, развертывая и загибая правое крыло, в намерении превосходящими силами окружить и запереть Эпаминонда, но в этот миг триста воинов Пелопида рванулись вперед¹, на бегу сплывая ряды, и прежде чем Клеомброт успел растянуть крыло или, вернувшись в первоначальное положение, сомкнуть строй, напали на спартанцев, еще находившихся в движении и приведенных в замешательство собственными перемещениями. Известно, что лакедемоняне, непревзойденные мастера и знатоки военного искусства, прежде всего старались приучить себя не теряться и не страшиться, если строй оказывается расторгнутым, но, где бы ни застигла каждого опасность, одновременно и восстанавливать порядок и отражать врага, используя поддержку всех товарищей позади и с обеих сторон. Однако в тот раз главные силы фиванцев, которые под командованием Эпаминонда, минуя прочих, устремились прямо на них, и Пелопид, с непостижимо уму стремительностью и дерзостью завязавший бой, настолько поколебали их умение и уверенность в себе, что началось бегство и резня, каких спартанцы еще никогда не видывали². Вот почему, не будучи беотархом и командуя лишь малою частью войска, Пелопид стяжал этой победой такую же славу, как Эпаминонд – беотарх и главнокомандующий.

¹ Отряд Пелопида не был отдельной боевой единицей, а представлял собой ударный кулак, с помощью которого рассекался фронт противника. Триста воинов – это отборная священная дружина, которой была отведена главная роль в тактике «косого строя».

² По свидетельству Ксенофонта, было убито 1000 спартанцев и 400 фиванцев, по свидетельству Диодора, рассказ которого о битве при Левктрах мало соответствует действительности, – 4000 спартанцев и 300 фиванцев; у Павсания – более 1000 спартанцев и 47 фиванцев.

Битва при Мантинее (362 г. до н. э.) (Ксенофонт, Греческая история, VII, 5, 18-27)

Эпаминонд принял в соображение, что через несколько дней ему придется вернуться на родину, так как истекал срок его военной службы; если же он уйдет, оставив на произвол судьбы своих союзников, то противники станут их теснить, и его собственная слава будет покрыта несмываемым позором, после того как его многочисленное тяжеловооруженное войско было разбито в Лакедемонии небольшим отрядом, а конница потерпела поражение под Мантинеей; после того как он своим походом на Пелопоннес вызвал соединение лакедемонян, аркадян, ахейцев, элейцев и афинян. Поэтому ему казалось невозможным уйти, не дав сражения; при этом он рассчитывал, что в случае победы все это будет искуплено; если же он погибнет в бою, он считал достойной смерть в борьбе за то, чтобы его отечество властвовало над Пелопоннесом¹. Меня не очень удивляет, что он рассуждал таким образом, – такие размышления свойственны честолюбивым людям; мне кажется гораздо более удивительным то, что ему удалось дать своему войску такое воспитание, что оно не утомлялось ни от каких трудов – ни дневных, ни ночных, что оно не уклонялось от опасностей, что оно охотно повиновалось даже тогда, когда ощущался крайний недостаток в съестных припасах. Точно так же и в этот последний раз, когда он дал приказ воинам готовиться к битве, всадники стали с энтузиазмом покрывать по его приказанию шлемы белой краской; аркадские гоплиты стали рисовать (на щитах) палицы, как будто они были фиванцами; кроме того, все солдаты стали оттачивать копья и мечи и наводить блеск на щиты. То, что он сделал, после того как вывел в бой воинов, снаряженными таким образом, достойно внимательного рассмотрения. Прежде всего он, само собой разумеется, выстроил войско в боевой порядок; этим он, по-

видимому, обнаруживал, что готовится к бою. Когда же его войско было выстроено так, как он хотел, он не повел его по кратчайшему пути против врага, а двинул его к горам, расположенным к западу, насупротив Тегеи. Это произвело на его противников такое впечатление, будто он не собирается вступить в сражение в этот день. Сверх того, подойдя к подножию горы, как только войско удлинило ряды, он приказал остановиться под высотами и снять оружие, так что получилось впечатление, будто он располагается лагерем. Этими приемами он достиг того, что лишил большинство врагов их готовности к немедленному бою как в душевном настроении, так и в военных снаряжениях. После этого он перевел свои лохи, следовавшие длинной колонной, во фронтовое расположение, усилив при этом крыло, находившееся под его начальством². Затем он скомандовал снова вооружиться и двинулся вперед, ведя за собой войско. Когда враги сверх ожидания увидели, что войско Эпаминонда наступает, у каждого из них оказалась масса хлопот: одни бежали на свои места в строю, другие выстраивались, третьи взнуздывали лошадей, четвертые одевали панцири; все это производило впечатление скорей надвигающегося поражения, чем победы. Эпаминонд двигал войско вперед узкой частью, как военный корабль, полагая, что в том месте, где ему удастся прорвать линию неприятельского расположения, он нанесет окончательное поражение и всему вражескому войску. Он собирался ввести в дело только самую сильную часть своего войска и отодвинул далеко назад более слабую часть, зная, что поражение какой-либо части войска влечет за собой уныние в смежных частях и подъем духа у врага. Противники Эпаминонда придали коннице такую же глубину, как и строю тяжеловооруженных, выстроили ряды ее тесно один за другим и не приставили к ней пехотинцев, «прикомандированных к коннице». Эпаминонд же сделал очень сильным также строй конницы и приставил к ней вперемежку «прикомандированных к коннице пехотинцев»; при этом он полагал, что если ему удастся изрубить вражескую конницу, то это решит поражение всего вражеского войска, так как очень трудно найти воинов, которые захотели бы оставаться на своих позициях, видя кого-либо из своего войска бегущим. Для того же, чтобы афиняне с правого фланга не могли помочь находящимся рядом воинам, он разместил на лежащих против них холмах всадников и гоплитов, которые должны были внушать афинянам опасение, что, если они устремятся на помощь союзникам, те нападут на них сзади. Так обставил Эпаминонд это столкновение и действительно не ошибся в своих расчетах: одержав победу в том месте, где он врезался в ряды противников, он обратил в бегство и все вражеское войско. Однако, после того как сам Эпаминонд пал в бою, оставшиеся в живых не сумели даже как следует воспользоваться его победой. Несмотря на то что войско неприятеля бежало, гоплиты никого из них не убили и даже не продвинулись вперед с того места, где произошла схватка; несмотря на то что была обращена в бегство и вражеская конница, также и всадники их, преследуя врага, не убили никого ни из гоплитов, ни из всадников, а, наоборот, боязливо вернулись через ряды убегающих врагов на свои места, как если бы они были побеждены. Правда, «прикомандированные к коннице» и пельтасты, одержавшие победу вместе с всадниками, прибыли как победители на левый фланг врага; но здесь большая часть их пала от рук афинян. Эти события привели, таким образом, к последствиям, прямо противоположным тем, которые ожидались всеми людьми. Здесь собралась почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и ни те ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде.

¹ После поражения спартанцев в битве при Левктрах Пелопоннесский союз распался. При поддержке фиванцев в Аркадии, враждебной Спарте, были произведены демократические преобразования. Демократическое устройство было придано также отделившейся от Спарты Мессении. В 362 г. до н. э. спартанцы предприняли попытку восстановить утраченное господство. Поддержку Спарте оказали афины, обеспокоенные возвышением Фив. Произошел раскол в Аркадии, где олигархи стали на сторону Спарты. Эпаминонд выступил с большим войском в поход, с тем, чтобы предотвратить возрождение спартанской гегемонии.

² Эпаминонд придавал своему войску то же построение, что и в битве при Левктрах.

Союз между Афинами и Керкирой

Союз между Афинами и Керкирой, вошедшей в состав Второго Афинского морского союза, был зафиксирован и на отдельной надписи.

Союз керкирцев и афинян на вечные времена: если кто-нибудь пойдет войною на страну керкирцев, афиняне должны оказывать им помощь по возможности всеми силами, когда ее потребуют керкирцы; и если кто-либо пойдет войною против афинского народа или против страны афинян по суше или по морю, то керкирцы обязаны прийти к ним на помощь сообразно своим возможностям, как только этого потребуют афиняне. Керкирцы не имеют права начинать войну и заключать мир без афинян и всех остальных союзников; и все другое следует в согласии с постановлениями союзников.

Присяга. Я буду помогать народу керкирцев всеми силами по мере возможности, если кто-нибудь пойдет войной по суше или по морю на страну керкирцев, как только керкирцы этого потребуют. И в отношении войны и мира я буду поступать сообразно тому, что решат все союзники. И во всем другом буду поступать в согласии с постановлениями союзников. Клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой, что я буду поступать именно так. Если я поклялся верно, то пусть будет мне избыток и благо, если же нет, то пусть будет противоположное.

[Далее присяга дословно повторяется, но от имени керкирцев.]

Наступление Эпаминонда на Спарту и восстановление Мессении (Диодор, «Историческая библиотека», XV, 62, 63, 64, 65, 66)

После знаменитой битвы при Левктрах в 371 г. до н. э., в которой фиванская фаланга под начальством усовершенствовавшего ее Эпаминонда разбила спартанцев, окончательно пала спартанская гегемония на суше. Новым гегемоном Эллады на короткое время сделали Фивы. Пелопоннесский союз начал распадаться. Предлагаемый отрывок содержит рассказ о военной демонстрации фиванских войск в Пелопоннесе под Спартой.

Беотийцы, вступив в союз с локрами и фокейцами¹, выступили в поход. Все они, находясь под командованием беотийских вождей Эпаминонда² и Пелопида³, достигли Пелопоннеса. Все остальные военачальники беотийцев добровольно передали главное начальство именно этим двум вождям вследствие их выдающейся опытности и храбрости. Когда они подошли к Аркадии⁴, к ним присоединились все аркадцы, элейцы, аргосцы все их союзники. Их собралось более семидесяти тысяч; военачальники их, сойдясь на совет, решили идти против самой Спарты и предать разграблению всю Лаконию. Военные же силы лакедемонян после потери в поражении при Левктрах⁵ значительной части молодежи, а также немалого числа воинов и в других неудачных сражениях, были сведены к основному немногочисленному войску спартиатов; к тому же и союзники их частью отпали, частью тоже страдали по тем же причинам от недостатка людей, так что положение лакедемонян оказалось крайне затруднительным, и они были вынуждены прибегнуть к помощи афинян...

...Эпаминонд и его советники, видя, что вторжение в страну лакедемонян представляет собой большие трудности, сочли бесполезным пытаться проникнуть в нее, действуя всеми своими военными силами одновременно, и решили, разделившись на четыре отряда, повести наступление в разных местах.

Первый отряд беотийцев направился к городу Селассии⁶ и жителей его привлек от лакедемонян на свою сторону. Аргосцы⁷, составлявшие второй отряд, двинулись через земли тегейцев⁸, завязали там сражение с охранявшими проход врагами, а начальника охраны спартиата Александра и до двухсот человек из его отряда они убили, среди них оказались и некоторые беотийские изгнанники. Третий отряд, состоявший из аркадцев и насчитывавший наибольшее число солдат, вторгся в местность, называемую Скиритис⁹... Элейцы же, составлявшие четвертый отряд и шедшие по другим местам, оказались тоже в Селассии. В этой местности приказано было сойтись и всем остальным. Объединившись всеми силами в Селассии, они двинулись прямо на Спарту, предавая всю страну грабежу и пожарам.

Когда лакедемоняне, которые в течение пятисот лет не подвергались в своей Лаконии вражескому нападению, увидели, как неприятель разоряет и опустошает их страну, они не выдержали этого зрелища и с воодушевлением пошли из своего города в бой. Однако, когда их старшины стали их удерживать, чтобы они не выходили далеко за пределы своей страны из опасения, чтобы она не подверглась нападению, они послушались их и остались, чтобы защищать город. Когда же Эпаминонд со своими людьми, перейдя через Тайгет¹⁰, приблизился к реке Евроту и начал переправляться через него, Еврот оказался очень полноводным и бурным от дождливого зимнего времени. Лакедемоняне, узнав о затруднительном положении противника у переправы через Еврот, сочли это обстоятельство благоприятным для нападения. Они поручили охрану города Спарты своим женам, детям и старикам, а сами, собрав все свои молодые силы в ряды войска, выступили против неприятеля и, внезапно напав на них во время переправы через реку, нанесли им большой урон. Беотийцы и аркадцы оказали им сильное сопротивление, но спартиаты, перебив многих неприятелей, благополучно вернулись в свой город, показав всем свое мужество. После этого, когда войско Эпаминонда в полном составе приблизилось к городу, наводя страх, спартанцы, используя для защиты природные условия своей страны, убили многих, слишком смело выдвигавшихся вперед неприятелей. Но осаждающие проявили много упорства и, казалось, должны были силой овладеть городом. Однако, после того как часть их была убита на передовых позициях и многие были ранены, Эпаминонд звуком трубы отозвал своих воинов. Но некоторые, подойдя близко к городу, стали вызывать спартанцев на бой или требовали от них признания себя побежденными. Лакедемоняне отвечали, что они не отказываются дать общий решающий бой в подходящий для этого момент. Тогда беотийцы отошли от Спарты, опустошили всю Лаконию, собрали неисчислимое количество военной добычи и удалились в Аркадию. После этого пришли опоздавшие к сроку афиняне и не совершили ничего, достойного упоминания. От союзников к лакедемонянам пришли на помощь четыре тысячи воинов. К этим присоединились еще тысяча отпущенных на волю илотов и двести беглецов от беотийцев; кроме того, они вызвали немалую помощь из соседних городов и таким образом собрали войско для борьбы с противником. По

мере того как к ним собирались такие силы и проходили с ними военное обучение, у них поднималось мужество, и они готовились к генеральному бою.

Эпаминонд по своему характеру стремился к громким делам и мечтал о вечной славе. Он внушил аркадцам и другим союзникам мысль снова заселить Мессению¹¹, которая в течение многих лет лежала в запустении, разоренная лакедемонянами, но представляла собой удобное место для нападения на Спарту. Получив согласие всех, он отыскал уцелевших мессенцев и собрал их, а также и всех желающих в новое государство и таким образом восстановил Мессену с большим числом жителей. Наделив их участками земли и домами для жилья, он возродил к жизни замечательный греческий город и заслужил великую славу у всех людей.

¹ Локры, фокейцы – племена и народы северной и средней Греции.

² Эпаминонд – фиванский беотарх (высшая правительственная коллегия в Фивах состояла из 7 беотархов). Крупнейший политический деятель, демократ. Один из организаторов кратковременной фиванской гегемонии в Греции. Его военная реформа боевого строя фаланги, так называемый «Косой клин», способствовала победам фиванских войск над спартанцами при Левктрах (371 г. до н. э.) и при Мантинее (362 г. до н. э.) и послужила основой для создания знаменитой македонской фаланги царем Филиппом II. От раны, полученной в битве при Мантинее, Эпаминонд скончался.

³ Пелопид – фиванский беотарх, друг и соратник Эпаминонда, свергнул власть спартанцев и олигархов и восстановил демократию в Фивах в 379 г. до н. э. Убит в битве с македонцами и фессалийским тираном Александром при Киноскефалах в 364 г. до н. э.

⁴ Аркадия – горная область в центральной части Пелопоннеса.

⁵ Левктры – см. выше, примечание 2.

⁶ Селассия – город в северной части Лаконии.

⁷ Аргосцы – жители города Аргоса.

⁸ Тегейцы – жители города Тегеи в юго-восточной части Аркадии.

⁹ Скиритис – горная местность, населенная периеками, которые служили в спартанском войске в особом отборном отряде гоплитов.

¹⁰ Тайгет – горный хребет, отделяющий Лаконию от Мессении.

¹¹ Мессения – область в юго-западной части Пелопоннеса, порабощенная в IX-VIII в. до н. э. спартанцами.

О необходимости объединения греков и завоевания Персии (Исократ, «Панегирик», 160-162, 166-167, 173-174)

В завоевании Малой Азии Исократ видел выход из переживаемых Грецией экономических, социальных и политических затруднений. Указывая на слабость Персии, он, однако, понимал, что для успешной войны с ней необходимо предварительное объединение греков. Сначала он призывал к примирению и объединению Афины и Спарту, а впоследствии возлагал надежды на Филиппа Македонского.

...Мне кажется, что побуждений к войне с персами у нас слишком много; особенно же [существенно] то соображение, что не следует упускать настоящее удобное время: ведь позорно не воспользоваться чем-либо, а потом вспоминать о прошедшем. Чего же можно было бы желать еще для себя, намереваясь воевать с царем, кроме того, что теперь есть? Не отложился ли от него Египет и Кипр, не разорены ли благодаря этой войне Финикия и Сирия¹ не во власти ли его врагов Тир², которым он так гордился? Большинство киликийских городов владеют наши сторонники, а остальные нетрудно добыть. Ликией³ же никогда не владел никто из персов. Наместник Карий, Гекатомнос, на деле давно отпал от персов и открыто заявит об этом, если мы пожелаем. От Книда до Синопы⁴ населяют Азию греки, которых нужно не склонять к войне, а только не удерживать от нее. При наличии таких операционных пунктов, на тот случай, когда Азию охватит столь великая война, есть ли необходимость слишком точно обдумывать могущие произойти случайности? Если приходится уступать иногда и незначительным силам, то легко себе представить, в какое могут попасть персы положение, если будут принуждены воевать со всеми нами... Ведь всем известно, что царь властвует над всеми жителями Азиатского материка не из-за добровольного их подчинения, а потому, что обладает силами, более значительными, чем силы самого населения... Когда же мы переправим туда более сильное войско, чем войско царя⁵ (что при желании легко можем сделать), наверное пожнем плоды со всей Азии. Гораздо прекраснее воевать нам с царем из-за его власти, нежели соперничать друг с другом из-за гегемонии. Поход следует совершить в нынешний век, чтобы современные наши, испытавшие столько горя, отведали также и плодов победы и не были бы все время в постоянном несчастье...

...Ни мира соблазны прочного невозможно, если мы не будем общими силами вести войну с варварами (6), ни согласия добиться среди греков, прежде чем мы не научимся извлекать пользу из одинаковых источников. Если же мы достигнем этого и уничтожим нужду в жизненных благах, которая заставляет забывать дружбу и родство может свести к вражде, и кроме того всех людей увлекает к войне и смутам, между нами несомненно водворится согласие, и мы возымеем друг к другу действительное расположение. Ради этого следует больше всего стараться перенести, как можно скорее, здешнюю войну на тот материк, так как только ту пользу сможем мы извлечь из междоусобной борьбы, если решим добытым из нее опытом воспользоваться против варваров.

¹ Финикия и Сирия были опустошены кипрским династом Евагором.

² Тир – крупнейший финикийский торговый город-государство на восточном побережье Средиземного моря.

³ Киликия, Ликия и Кария – области на юго-западе Малой Азии.

⁴ Мыс Книд – мыс в Малой Азии на юго-восточном побережье Эгейского моря. Синопа-город на южном побережье Черного моря.

⁵ Персидского.

⁶ Варвары – персы.

Силы Афин и Македонии (Демосфен, «Речи», XVIII, 234-237)

Демосфен стоял во главе «антимакедонской партии»¹, отстаивавшей независимость афинской рабовладельческой демократии в борьбе с македонским царем Филиппом II, стремившимся к гегемонии в Греции.

Могущество государства состояло в обладании островами, но не всеми, а наиболее слабыми – ни Хиос, ни Родос, ни Керкира не были с нами, – денежных же взносов было до 45 талантов, да и то они были уже заранее собраны, а гоппитов или всадников, кроме своих собственных, у нас не было ни одного. Но всего страшнее и всего более наруку было врагам то, что вот эти люди всех окрестных жителей склонили скорее к вражде с нами, чем к дружбе, – мегарцев, фиванцев, эвбейцев. Вот в каком положении находилось государство, и никто не мог бы сказать, кроме этого, ничего другого. А посмотрите, в каком положении были дела Филиппа, с которым шла у нас борьба. Прежде всего, командовал своими и союзными контингентами он сам полновластно, что для войны самое важное; затем, его союзники всегда находились при оружии, далее, денег у него было вдоволь, и он делал то, что найдет нужным, не предупреждая наперед в своих постановлениях и не совещаясь ни с кем публично, не будучи привлекаем к суду мошенниками, не судясь по обвинениям в противозаконии, не отвечая ни перед кем, но сам будучи владыкой, вождем и неограниченным властелином. Я же, ставший с ним лицом к лицу (справедливо и это разобрать), чем мог самостоятельно распоряжаться? Ничем, потому что, прежде всего, самое право говорить перед народом – единственное, каким я пользовался – одинаково предоставлялось и его наемникам, и мне, и если они брали верх (а это много раз бывало, каждый раз, когда только представлялся повод), все вы выносили постановления в интересах своих врагов и затем расходились. Но все-таки, несмотря на такие невыгоды моего положения, я сделал вашими союзниками эвбейцев, ахейцев, коринфян, керкирцев, от которых было приведено 15 тысяч наемников и 2 тысячи всадников, помимо армий, состоявших из афинских граждан. А денег собрать я старался как можно больше...

¹ То есть Эсхин и другие представители богатых афинских граждан, составлявшие «македонскую партию» и желавшие подчинения Афин Македонии, от которой ожидали установления «твердого порядка» и ликвидации демократии, угрожавшей «переделом имущества».

Выступление Демосфена в защиту Олинфа (Демосфен, «Речи», I, 12-13)

Первая Олинфская речь Демосфена была произнесена им осенью 349 г. до н. э. в связи с прибытием в Афины олинфского посольства. Послы просили о помощи против Филиппа Македонского, выступившего против олинфян весной 349 г. до н. э.

Если же мы, граждане афинские, оставим без поддержки и этих¹ людей и в таком случае он овладеет Олинфом, тогда что же еще будет мешать ему идти туда, куда хочет?² – пускай-ка кто-нибудь ответит мне на это. Учитывает ли кто-нибудь из вас, граждане афинские, и представляет ли себе, каким образом сделался сильным Филипп, хотя был первоначально слабым? А вот как: сначала взял он Амфиполь, потом Пидну, затем Потидею, позднее еще Мефону, наконец, вступил в Фессалию³. После этого в Ферах, в Пагасах, в Магнесии – словом, всюду он устроил все так, как ему хотелось, и тогда удалился во Фракию. Затем там одних царей он изгнал, других посадил на престол и после этого сам заболел. Едва оправившись от болезни, он опять-таки не предался беспечности, но тотчас же сделал попытку подчинить олинфян. А его походы на иллирийцев и пеонов⁴, против Ариббы и другие, какие можно было назвать, я уже обхожу молчанием.

¹ Так же как и жителей Амфиполя, напрасно просивших афинян о помощи.

² Т. е. в Грецию и даже в Аттику, как об этом сказано ниже (26): «Если же он одолеет их, кто помешает ему прийти сюда?»

³ Речь идет о событиях «Священной войны», во время которой Филипп, призванный на помощь фессалийской аристократией, одержал победу над фокидянами, поддерживавшими фессалийскую демократию. При этом он захватил в Фессалии города Феры и Пагасы и область Магнесию.

⁴ Во время похода Филиппа во Фракию в 352 г. до н. э. один из фракийских царей, Амадок, бывший в союзе с афинянами, перешел на сторону Филиппа. Царь Керсobleпт был вынужден выдать Филиппу своего сына в качестве заложника.

Разрушение Олинфа (348 г. до н. э.) (Диодор, «Историческая библиотека», XVI, 53, 2-3)

История Филиппа Македонского занимает центральное место в XVI книге сочинения Диодора (I в.) «Историческая библиотека». Несмотря на несколько небрежное отношение Диодора к источникам, его сочинение представляет значительный интерес. Благодаря ему до нас дошло несколько утраченных исторических сочинений, в частности труды Эфора – писателя IV в. до н. э., послуживших для Диодора основным источником по греческой истории. В приведенном отрывке рассказывается о судьбе Олинфа, захваченного Филиппом.

Филипп, стремившийся как можно быстрее подчинить города у Геллеспонта, захватил благодаря предательству Мекиберну и Торону, не подвергаясь никакой опасности. Он также с огромным войском предпринял поход на Олинф – самый крупный город в этих местах. Одержав победу над олинфянами в двух битвах, Филипп осадил город. Но в непрерывных атаках при штурме городских укреплений он потерял много воинов. Наконец, подкупив деньгами Евтикрата и

Ласфена – вождей олинфян, Филипп благодаря их предательству захватил Олинф¹. Разграбив город, он продал жителей в рабство. Совершив это, он выручил много денег для военных нужд и нагнал страх на остальные враждебные ему города.

¹ Помощь, посланная Афинами, по настоянию Демосфена, произнесшего три «Олинфские» речи, запоздала.

Филократов мир (346 г. до н. э.) (Демосфен, «Речи», XIX, 150, 154-156)

Девятая речь «О преступном посольстве» была произнесена Демосфеном в 343 г. до н. э. во время судебного процесса против Эсхина, одного из участников посольства, заключившего в 346 г. до н. э. мир, названный по имени главы посольства Филократовым. Демосфен обвинял Эсхина в том, что, будучи подкуплен Филиппом, он поддержал предложения Филократа о заключении позорного мира, а также намеренно затянул отъезд посольства, дав возможность Филиппу захватить Фракию. После возвращения в Афины Эсхин, уверив афинян в том, что Филипп не собирается выступать против фокидян, убедил их отклонить предложение о посылке помощи фокидянам. Лишенные поддержки Афин, фокидяне сложили оружие и были разгромлены Филиппом. Филократ был признан виновным и, не дожидаясь приговора, спасся бегством. Эсхин был оправдан незначительным большинством голосов.

Когда закончились обсуждения этого Филократова мира, за который высказался и Эсхин, послы Филиппа удовлетволялись лишь тем, что приняли нашу присягу (до сих пор в событиях пока еще не было ничего непоправимого, только самый мир был позорный и недостойный нашего государства; но зато нам предстояло получить удивительные блага¹); тогда я выражал пожелание и говорил им, что надо как можно скорее плыть к Геллеспонту, не упускать из рук дела и не давать Филиппу возможности за это время захватить ника-кого из расположенных там мест²... Когда уже более не оставалось на очереди ни одного заседания Народного Собрания, так как все очередные³ прошли, а послы все еще не уезжали и оставались здесь, я в качестве члена Совета, поскольку народ уполномочил на это Совет, внес письменно псефисму, чтобы они выезжали немедленно и чтобы стратег Проксен доставил их в те места, где, по его сведениям, будет находиться Филипп...

Когда же мы прибыли в Орей и там встретились с Проксеном, эти люди, не пожелав ехать морем и исполнять полученные приказания, отправились окружным путем, и, таким образом, чтобы только доехать до Македонии, мы потратили двадцать три дня⁴. А все остальные дни мы просидели в Пелле вплоть до возвращения Филиппа, – в общем вместе с днями, проведенными в дороге, целых пятьдесят дней. А тем временем Филипп захватывал и подчинял себе одно за другим Дориск, Фракию, область укреплений⁵, Святую гору – вообще все в условиях мира, пользуясь перемирием, хотя я много раз заявлял и постоянно твердил, сначала как бы только доводя свой взгляд до общего сведения, затем как бы разъясняя неосведомленным, наконец, уже без всякого стеснения обращаясь к ним как к людям, продавшим себя и самым бессовестным.

¹ Несомненно, язвительное замечание по поводу заключенного мира.

² Необходимо было срочно принять присягу у Филиппа, так как по условиям мира, заключенного афинянами, каждая сторона получала те владения, которыми располагала в момент принесения присяги. Это давало возможность Филиппу, не связанному еще присягой, расширить свои владения.

³ Как сообщает Аристотель, в каждую пританию созывалось четыре народных собрания.

⁴ Путешествие по морю заняло бы не больше десяти дней.

⁵ Область укреплений – неясное выражение.

Антимакедонская деятельность Демосфена (Демосфен, «Речи», IX)

Речь IX – третья речь против Филиппа – была произнесена приблизительно в мае 341 г. до н. э. Она является ярким образцом красноречия Демосфена. В своей речи Демосфен призывает афинян возглавить борьбу греков против Филиппа, не обольщаясь перспективой мира, который уже фактически нарушен Филиппом.

Много разговоров, граждане афинские, ведется у нас чуть ли не на каждом заседании Народного Собрания о тех преступлениях, какие совершает Филипп не только против вас, но и против всех остальных, с тех самых пор как заключил мир¹; и все, я уверен, могли бы, хоть в действительности и не делают этого, признать своей обязанностью и говорить, и действовать так, чтобы тот человек прекратил свое надругательство и понес наказание; однако все дела, как я вижу, приведены в такое расстройство и так запущены, что боюсь, не оказался бы, как ни обидно это звучит, правильным такой вывод: если бы все выступающие ораторы желали вносить предложения, а вы голосовать их с одним только расчетом, чтобы привести дела государства в самое плохое состояние, то и тогда, я думаю, они не могли бы оказаться в худшем положении, чем теперь... Конечно, если есть возможность государству хранить мир и это от нас зависит, – с этого я начну, – тогда я отвечаю, что надо нам хранить мир и, кто это говорит, тот, по-моему, должен вносить письменные предложения, действовать в этом духе и не допускать обмана. Но если наш противник, держа в руках оружие и имея вокруг себя большое войско, только прикрывается перед вами словом «мир», между тем как собственные его действия носят все признаки войны, что тогда остается, как не обороняться?

...Вот и сейчас, когда он посылает наемников в Херсонес, который и царь² и все греки признали вашим владением... скажите, пожалуйста, что значат эти действия? Он утверждает, будто не воюет; но я не только не могу согласиться, что, действуя таким образом, он соблюдает условия мира, заключенного с вами, но даже и тогда, когда он пытался овладеть Мегарами³, устраивал тирании на Эвбее⁴, когда теперь предпринимает поход против Фракии⁵, ведет происки в Пелопоннесе⁶, – словом, всегда, когда он для достижения своих целей действует при помощи вооруженной силы, я утверждаю, что все эти действия являются нарушением мира и означают войну против вас; или, может быть, и про людей, которые устанавливают осадные машины, вы до тех пор будете утверждать, что они соблюдают мир, пока они не подведут эти машины к самым стенам! Но вы этого не станете утверждать, потому что, кто устраивает и подготавливает такие средства, чтобы захватить меня, тот воюет против меня, хотя бы он еще не метал ни камня, ни стрелы. Итак, что же может вам угрожать в случае чего-нибудь такого? А вот что: будет для вас потеря Геллеспонт; неприятель, воюющий с вами, сделается властелином Мегар и Эвбеи; пелопоннесцы станут его сторонниками. Так как же после этого про человека, который развивает такие действия против нашего государства, я буду говорить перед вами, будто он соблюдает мир? Нет, никогда! Но я считаю, что с того самого дня, как он разгромил фокидян⁷, он уже и ведет войну. А вы поступите, я думаю, благоразумно, если немедленно примете меры к обороне; если же оставите дело так, то потом, если и пожелаете, уже не будете в состоянии, мне кажется, сделать даже этого.

Но я вижу, что все люди, начиная с вас самих, уступили ему то самое, из-за чего до сих пор во все времена велись все войны между греками. Что же это такое? Это – возможность делать, что ему угодно, и прямо так, поодиночке обирать и грабить каждого из греков и поработать государства, производя на них нападения. А между тем простатами над греками в течение семидесяти трех лет были вы⁸; были простатами в течение двадцати девяти лет лакедемоняне⁹; достигли некоторой силы и фиванцы в течение вот этого последнего времени после битвы при Левктрах¹⁰. Но все-таки ни вам, ни фиванцам, ни лакедемонянам еще никогда, граждане афинские, не предоставлялось греками такого права – делать, что вам вздумается, – ничуть небывало! Но с вами – или, лучше сказать, с афинянами тех времен – из-за того только, что к некоторым, как казалось, они относились свысока, все – даже и те, которые сами ни в чем не могли вас упрекнуть, – считали нужным воевать вместе с обиженными; точно так же опять-таки и с лакедемонянами, когда они, получив главенство и достигнув такого же могущества, как и вы, стали злоупотреблять своей властью и пытались слишком грубо нарушать установившийся порядок, тогда все начали войну – даже и те, которые ни в чем не могли упрекнуть их. ...Однако все проступки, совершенные как лакедемонянами за те тридцать лет, так и нашими предками за семьдесят лет, не могут равняться, граждане афинские, с теми обидами, которые нанес грекам Филипп в течение тринадцати неполных лет¹¹, за время, когда он выделяется из ряда остальных или, лучше сказать, они не составляют и малой доли того, что сделано им.

И мы, все греки, видим это и слышим и все-таки не отправляем друг другу по этому поводу послов, не выражаем даже негодования, но находимся в таком жалком состоянии, такими рвами окопались одни от других у себя в городах, что вплоть до сегодняшнего дня не можем... сплотиться и заключить какого-нибудь союза взаимной помощи и дружбы. Вместо этого мы равнодушно смотрим на то, как усиливается этот человек, причем каждый из нас, на мой по крайней мере взгляд, считает выигрышем для себя то время, пока другой погибает, и никто не заботится и не принимает мер, чтобы спасти дело греков, так как всякий знает, что Филипп, словно какой-то круговорот нападений – приступ лихорадки или еще какого-нибудь бедствия, – приходит вдруг к тому, кто сейчас воображает себя очень далеким от этого. При этом вы знаете также и то, что если греки терпели какие-нибудь обиды от лакедемонян или от нас, то они переносили эти обиды все-таки от

истинных сынов Греции, и всякий относился тогда к этому таким же точно образом, как если бы, например, законный сын, вступивший во владение большим состоянием, стал распоряжаться чем-нибудь нехорошо и неправильно: всякий почел бы его заслуживающим за это самое порицания и осуждения, но никто не решился бы говорить, что он не имел права это делать. А вот, если бы раб или какой-нибудь подкидыш стал расточать и мотать достояние, на которое не имел права, тогда, о Геракл! — насколько же более возмутительным и более достойным гнева признали бы это вы все! Но о Филиппе и о том, что он делает сейчас, не судят таким образом, хотя он не только не грек и даже ничего общего не имеет с греками, но и варвар — то он не из такой страны, которую можно было бы назвать с уважением, но это — жалкий македонянин, уроженец той страны, где прежде и раба порядочного нельзя было купить.

...И вот, хотя мы все страдаем от такого отношения к себе¹², мы все еще медлим, проявляем малодушие и смотрим на соседей, полные недоверия друг к другу, а не к тому, кто всем нам наносит вред...

Что же в таком случае за причина этого? Ведь, конечно, не без основания и не без достаточной причины тогда все греки с таким воодушевлением относились к свободе, а теперь так покорно терпят рабство. Да, было тогда, было, граждане афинские, в сознании большинства нечто такое, чего теперь уже нет, — то самое, что одержало верх и над богатством персов, и вело Грецию к свободе, и не давало себя победить ни в морском, ни в сухопутном бою; а теперь это свойство утрачено, и его утрата привела в негодность все и перевернула сверху донизу весь греческий мир. Что же это такое было? Да ничего хитрого и мудреного, а только то, что людей, получавших деньги с разных охотников до власти и совратителей Греции, все тогда ненавидели, и считалось тягчайшим позором быть уличенным в подкупе; виновного в этом карали величайшим наказанием, и для него не существовало ни заступничества, ни снисхождения. Поэтому благоприятных условий во всяком деле, которые судьба часто дает и нерадивым против внимательных и ничего не желающим делать против исполняющих все, что следует, нельзя было купить ни у ораторов, ни у полководцев, равно как и взаимного согласия, недоверия к тиранам и варварам и вообще ничего подобного. А теперь все это распродано, словно на рынке, а в обмен привезены вместо этого такие вещи, от которых смертельно больна вся Греция. Что же это за вещи? Зависть к тому, кто получил взятку; смех, когда он сознается¹³; снисходительность к тем, кого уличают; ненависть, когда кто-нибудь за это станет порицать, — словом, все то, что связано с подкупом. Ведь что касается триер, численности войск и денежных запасов, изобилия всяких средств и вообще всего, по чему можно судить о силе государства, то теперь у всех это есть в гораздо большем количестве и в больших размерах, чем у людей того времени. Но только все это становится ненужным, бесполезным и бесплодным по вине этих продажных людей.

...Граждане афинские, пока мы еще целы и владеем величайшим государством, богатейшими средствами, прекраснейшей славой, может быть, иной человек, сидя здесь, уже хотел бы спросить: «Что нам делать?» Я, клянусь Зевсом, расскажу об этом и даже внесу письменное предложение, так что, если вам будет угодно, вы утвердите его своим голосованием. Прежде всего, надо самим обороняться и готовиться, — я имею в виду подготовку триер, денег и воинов. Ведь, если даже все остальные согласятся быть рабами, нам во всяком случае нужно бороться за свободу. Так вот, сначала подготовим все это у себя и притом постараемся сделать так, чтобы все это видели, и тогда обратимся с призывом ко всем остальным; будем для разъяснения дела отправлять послов во все стороны, как-то: в Пелопоннес, на Родос, на Хиос, к царю¹⁴ (ведь и его расчетам не противоречит эта задача — не дать Филиппу покорить все своей власти) — это за тем, чтобы, если вам удастся убедить их, они в случае надобности были у вас соучастниками и в опасностях, и в расходах, а если это не удастся, то чтобы хоть выиграть время для действий.

Если же вы рассчитываете, что Грецию спасут или халкидяне, или мегарцы¹⁵, вам же самим удастся убежать от этих хлопот, то вы неправильно так думаете: довольно будет, если сами они останутся целы каждый в отдельности. Нет, именно вам надлежит это сделать, так как вам эту почетную задачу стяжали и оставили в наследство ваши предки ценой многих великих опасностей. Если же каждый будет изыскивать средства к исполнению своего желания, но в то же время будет сидеть сложа руки и думать только о том, чтобы самому не делать ничего, тогда, во-первых, он никогда не найдет для этого дела исполнителей, во-вторых, я боюсь, как бы со временем уже необходимость не заставила нас делать сразу все то, чего мы сейчас не хотим. Итак, вот каково мое мнение: об этом я вношу и письменное предложение. И я думаю, что еще и сейчас наши дела могут поправиться, если оно будет проводиться в жизнь. Впрочем, если кто-нибудь другой может предложить что-нибудь лучшее, чем мое, пусть он говорит и подает свой совет. Но ваше решение, какое вы примете, пусть послужит — да помогут все боги! — нам на пользу.

¹ Речь идет о Филократовом мире 346 г. до н. э.

² Т. е. персидский царь. Право на Херсонес было признано за Афинами на конгрессе греческих городов в 371 г. до н. э.

³ В 343 г. до н. э. Филипп сделал неудачную попытку при помощи своих сторонников в Мегарах захватить город.

⁴ В 348 г. до н. э. Филиппу удалось установить на Эвбее тиранию в городах Эретрия и Орей.

⁵ Поход во Фракию начался в 342 г. до н. э. В результате похода Филипп добился подчинения всех фракийских племен.

⁶ В Пелопоннесе Филипп сумел привлечь на свою сторону Аргос, Аркадию и Мессению.

⁷ Филипп захватил Фокиду в 346 г. до н. э. — через три недели после заключения мира.

⁸ Речь идет о главенстве Афин в период существования Первого Афинского морского союза (477–404 гг. до н. э.).

⁹ Господство Спарты в Греции продолжалось с 404 по 376 г. до н. э.

¹⁰ Период фиванской гегемонии — от 371 г. до н. э. (битва при Левктрах) до 362 г. до н. э. (битва при Мантинее).

¹¹ Вмешательство Филиппа в дела греков началось в 354 г. до н. э.

¹² Предшествующий раздел речи Демосфена (32-34) посвящен перечислению обид, нанесенных Филиппом грекам.

¹³ В числе тех, кто открыто признавался в получении взятки, был, например, Филократ. Весь этот раздел речи Демосфена направлен против сторонников Филиппа в Афинах и других греческих городах. Многие сторонники Филиппа были подкуплены македонским царем.

¹⁴ К персидскому царю. По постановлению Народного Собрания были направлены посольства на Родос и Хиос, к персидскому царю. Сам Демосфен отправился послом в Византий и Пелопоннес.

¹⁵ Халкидяне и мегарцы были в это время единственными союзниками Афин. Рассчитывать только на них – значило заранее обречь все дело на неудачу.

Политический кризис в Греции в IV в. до н. э. (Исократ, «Филипп», 1-155)

Оратор Исократ (436-338 гг. до н. э.) принадлежит к числу самых интересных и значительных авторов позднеклассического времени. До нас дошло, целиком или в отрывках, более 20 речей, написанных на политические темы и по частным вопросам, не считая писем (подлинность многих из них отвергается большинством ученых). Политические речи Исократы, носящие публицистический характер, являются первоклассным историческим источником, несмотря на их тенденциозность.

Речь Исократы «Филипп» принадлежит к числу наиболее важных и интересных. Она была написана после Филократова мира, заключенного в 346 г. до н. э. между Афинами и Македонией. Этот мир был большой дипломатической удачей Филиппа. Используя противоречия между греческими полисами и социальные противоречия внутри полисов, Филипп фактически стал вершителем судеб всей Греции. На его стороне выступали олигархические и аристократические круги греческих полисов. Именно от лица этих кругов и выступает Исократ в речи «Филипп». Цель ее заключалась в том, чтобы направить агрессию Македонии против Персии, освободить Грецию от неимущего населения, поселив его на завоеванной территории. Речь «Филипп» является и образцом ораторского искусства Исократы, высоко ценившегося в древности.

Не удивляйся, Филипп, что я начну свою речь не с того, с чем я считаю необходимым обратиться к тебе сейчас и о чем пойдет речь ниже, а с речи, написанной об Амфиполе. Я хочу сначала коротко сказать о ней, чтобы опказать и тебе, и всем другим, что не по неведению и не заблуждаясь относительно слабого состояния здоровья, в котором я теперь нахожусь, принялся я писать речь, обращенную к тебе, но, напротив, был вполне естественно и постепенно побужден к этому.

Дело в том, что, видя, как война, возникшая у тебя с нашим государством из-за Амфиполя, причиняет много бедствий, я решил высказаться об этом городе и его земле, но совершенно не так, как обычно говорят твои гетайры, и не так, как об этом говорят наши ораторы, а предельно отличаясь от них по образу мыслей. Они подстрекали к войне, поддерживая ваши стремления, а я ни единым словом не высказывался о спорных вопросах, но избрал такую тему, которая казалась мне наиболее способствующей миру; я всегда говорил, что все вы ошибаетесь в оценке событий и что ты воюешь в наших интересах, а государство наше – в интересах твоего могущества. В самом деле, тебе выгодно, чтобы мы впадели этой землей, а государству нашему обладание ею никакой пользы не принесет. И по-видимому, я излагал свое мнение перед слушателями таким образом, что ни один из них не стал хвалить стиль речи за точность и ясность, как это делают некоторые, но все восхищались правдивостью содержания и сочли, что, пожалуй, нет другого способа прекратить вражду между вами, если только ты не убедишься, что для тебя ценнее будет дружба с нашим государством, чем доходы, получаемые с Амфиполя, а государство наше не поймет, что нужно избегать основания подобных колоний, в которых население четыре или пять раз подвергалось уничтожению, и искать таких мест для колоний, которые расположены далеко от людей, способных властвовать, но вблизи привыкших быть рабами (так, как, например, спартанцы колонизовали Кирену). Вражда прекратится, если ты поймешь, что, передав нам эту землю на словах, в действительности ты сам будешь владеть ею, а к тому же приобретешь и нашу признательность (ты получишь от нас в залог дружбы всех тех, кого мы отправим колонистами в твое государство), и если кто-нибудь внушит нашему народу, что в случае взятия Амфиполя мы будем вынуждены быть так же признательны твоей власти из-за живущих там граждан, как были признательны Амадоку Старшему из-за колонистов, занимавшихся земледелием в Херсонесе. У всех тех, кто слышал подобные доводы, появилась надежда, что, если эта речь будет распространена, вы прекратите войну и, отказавшись от прежних настроений, начнете совещаться о каком-нибудь общем благе для себя самих. Конечно, полагали ли они это с основанием или без основания, пусть отвечают за это они сами. А в то время как я был занят этим делом, вы опередили меня, заключив мир до того, как я закончил работу над речью, – и разумно сделали это: ведь заключение мира на каких бы то ни было условиях лучше, чем перенесение бедствий, возникающих вследствие войны. Хотя я был рад вынесенным решениям о мире и полагал, что он не только нам, но и тебе, и всем другим эллинам принесет пользу, я все же был не в состоянии отделиться от мыслей по поводу сложившихся обстоятельств, но был расположен к тому, чтобы тотчас же обдумать, как нам сохранить достигнутое и как сделать, чтобы государство наше через некоторое время не пожелало вести новые войны. Размышляя наедине с собой об этом, я пришел к выводу, что Афины смогут сохранять состояние мира только в том случае, если крупнейшие государства решат, прекратив междоусобицы, перенести войну в Азию и если они пожелают добиться у варваров тех преимуществ, которые они сейчас стремятся получить у эллинов; эту мысль мне приходилось уже высказывать в «Панегирике».

Однако, обдумав это и придя к выводу, что едва ли когда-нибудь можно найти тему лучше этой, более касающуюся всех, более полезную для всех нас, я вновь стал писать о ней, хорошо сознавая при этом свое состояние и отдавая себе отчет в том, что сочинение подобной речи по силам человеку не моего возраста, но такому, кто в расцвете лет и по дарованию своему далеко превосходит других; я видел также, что трудно составить сносно две речи на одну и ту же тему, тем более, если опубликованная раньше речь написана так, что даже завистники наши восхищаются и подражают ей еще больше, чем те, кто хвалил ее до чрезмерности. И все же настолько стал я в старости честолюбив, что, пренебрегая этими трудностями, захотел, обращаясь к тебе, вместе с тем и ученикам моим показать и объяснить, что докучать на многолюдных собраниях и обращаться ко всем, собирающимся туда, с речью – это все равно что ни к кому не обращаться: подобные речи оказываются такими же недейственными, как законы и проекты государ-ственного устройства, сочиненные софистами. Нужно, чтобы те, кто хотят не болтать понапрасну, а делать что-ни- будь полезное, и те, кто полагают, что они придумали какое-то всеобщее благо, предоставили другим выступать на этих собраниях, а сами выбрали бы в качестве исполнителя своих планов кого-нибудь из тех, кто умеет говорить и действовать, если только он пожелает внять их речам. Придя к этому выводу, я предпочел обратиться к тебе, сделав свой выбор не из желания угодить, хотя для меня и было бы важно, чтобы речь моя была тебе приятна; однако мысль моя была направлена не на это. Я видел, что все остальные знаменитые люди живут, подчиняясь государству и законам, не имея возможности делать что-нибудь помимо того, что им приказывают, и к тому же они гораздо менее способны совершить те дела, о которых будет идти речь ниже. Тебе же одному судьба дала неограниченную возможность: и послов отправлять к кому захочешь, и принимать от кого тебе будет угодно, и говорить то, что кажется тебе полезным; к тому же ты приобрел такое богатство и могущество, как никто из эллинов, – то, что единственно может и убеждать и принуждать. Это также, думаю, потребуется и для того дела, о котором будет идти речь. Дело в том, что я намерен советовать тебе привести эллинов к согласию и возглавить поход против варваров: убеждение подходит для эллинов, а принуждение полезно для варваров. В этом, таким образом, заключается главное содержание всей этой речи.

Я не побоюсь рассказать тебе, за что стали упрекать меня некоторые из моих учеников, – думаю, что от этого будет какая-то польза. Когда я сообщил им, что намерен послать тебе речь, составленную не как образец красноречия и не прославляющую войны, которые ты провел (это сделают другие), но в которой я попытаюсь склонить тебя к делам более близким тебе, более прекрасным и полезным, чем те, которые ты до сих пор предпочитал; они были так поражены, подумав, не сошел ли я с ума от старости, что осмелились порицать меня – то, чего они раньше никогда не делали, – говоря, что я берусь за дела странные и слишком безрассудные, «поскольку ты, – говорили они, – намерен послать речь с советами Филиппу, который, если даже раньше и допускал, что он ниже кого-нибудь по разуму, теперь благодаря огромным успехам непременно должен считать себя способным к лучшим решениям, чем все остальные. Кроме того, он окружил себя наиболее дельными людьми из македонян, которые, естественно, если даже и несведущи в других делах, то во всяком случае знают лучше тебя, что полезно для него. Да и из эллинов ты сможешь увидеть многих, которые живут там, людей, не лишенных славы или ума, но таких, пользуясь советами которых, он не уменьшил свое царство, а добился положения, какого можно только пожелать. Чего ему еще недостает? Разве фессалийцев, которые раньше властвовали над Македонией, он не расположил к себе так, что каждый из них больше доверяет ему, чем гражданам, входящим в их союз? А соседние города, разве он не привлек одни из них на свою сторону благодеяниями и не уничтожил другие, которые причинили ему много неприятностей? Разве он не покорил магнетов, перребов и пеонов и не сделал их своими подданными? Разве он не стал полновластным хозяином над иллирийскими племенами, за исключением тех, которые живут по берегу Адриатики? Разве он не поставил над всей Фракией правителей по своему усмотрению? Так разве ты не думаешь, что тот, кто добился таких многочисленных и крупных успехов, сочтет человека, пославшего ему эту речь, большим глупцом и подумает, что человек этот весьма заблуждается в оценке силы воздействия своих речей и меры умственных способностей?». О том, как я, выслушав это, вначале был подавлен и как снова, собравшись с духом, ответил на все их возражения, я умолчу, чтобы некоторым не показалось, что я слишком доволен тем, как искусно отразил я их доводы. Так вот, пристыдив умеренно (как мне казалось) осмелившихся порицать меня, я в конце концов пообещал показать эту речь из всех живущих в нашем городе только им и поступить с ней так, как они решат. Выслушав это, они ушли, – не знаю, с какими мыслями. Однако через несколько дней, когда речь была закончена и показана им, они настолько изменили свое мнение, что им стало стыдно за свою прежнюю дерзость, и они стали раскаиваться во всех своих словах, признавать, что они еще никогда так не ошибались, стали торопиться больше, чем я, с отправкой этой речи к тебе, выражали надежду, что не только ты и государство наше будут благодарны мне за эту речь, но и все эллины.

А рассказал я тебе об этом для того, чтобы ты, если тебе что-нибудь в начале речи покажется невероятным, или невозможным, или недостойным тебя, не отбросил в негодовании все остальное, но (чтобы с тобой не случилось того же, что и с моими учениками) невозмутимо дождался, пока не прослушаешь всю речь до конца: надеюсь, я скажу нечто дельное и полезное для тебя. А между тем мне не безызвестно, насколько отличаются по убедительности речи произносимые от предназначенных для чтения, равно как и то, что, по общему мнению, речи, касающиеся дел серьезных и неотложных, ораторами произносятся, а для показа своего искусства и по заказу пишутся. Мнение это не лишено основания потому, что, когда с речью выступает

человек, не пользующийся авторитетом, без модуляций голоса, применяемых в риторике, к тому же нет удобного случая для ее произнесения, серьезного отношения к делу, когда все это не будет делать доводы автора более убедительными и речь окажется как бы обнаженной и пустой, да еще чтец станет читать ее неумело, без выражения, как бы перебирая факты, то, естественно, думаю, она покажется слушателям никуда не годной. Все это может, пожалуй, сильно повредить и этой речи и быть причиной того, что она покажется более слабой. В самом деле, она не украшена ритмичностью и богатством стиля, к которым и сам я прибегал в молодости, и другим показывал, какими средствами делать речи более приятными и вместе с тем более убедительными. Всего этого я уже делать не могу из-за преклонного возраста, но мне достаточно будет и того, если я смогу просто изложить самую суть дела. Полагаю, что и ты, отбросив все остальное, должен обратить внимание только на это. Ты только тогда сможешь самым основательным и лучшим образом определить, есть ли что-либо важное и заслуживающее внимания в моей речи, если учтешь и отбросишь все препятствующие ее восприятию моменты, связанные с уловками софистов и с особенностями речей, предназначенных для чтения, взвесишь и оценишь каждую мысль, и притом не поверхностно и небрежно, но рассудительно и тщательно, как подобает человеку, причастному к философии (а о тебе так говорят). Изучая мою речь таким образом и не основываясь на мнении толпы, ты сможешь наилучшим образом сделать для себя соответствующие выводы. Вот то, что я хотел предварительно тебе сказать.

А теперь перейду к самому предмету речи. Я хочу сказать, что необходимо, не забывая также о собственных интересах, попытаться примирить между собой государства аргосцев, лакедемонян, фиванцев и наше. Если ты их сумеешь объединить в союз, то без труда приведешь к согласию и другие. Ведь все они находятся в зависимости от упомянутых и при грозящей опасности обращаются к одному из них за помощью и получают ее там. Поэтому если ты склонись к благоразумию четыре только государства, то и остальные избавишь от многих бед.

Ты можешь убедиться в том, что тебе не следует пренебрегать ни одним из них, если проследишь их историю во времена твоих предков. Ты увидишь тогда, что у каждого из них была большая дружба с вами и они оказывали вам огромные услуги. Ведь Аргос для тебя родина, и к нему ты должен относиться с такой же обходительностью, как и к своим родителям¹. Фиванцы чтут прародителя вашего рода религиозными процессиями и жертвоприношениями больше, чем всех остальных богов². Лакедемоняне предоставили на вечные времена потомкам его царскую власть и предводительство на войне, а наше государство, как говорят те, сообщения которых о древности мы доверяем, Гераклу помогло получить бессмертие (каким образом – тебе легко будет узнать, мне же рассказывать сейчас неуместно), а детям его – спасение. Оно одно, подвергаясь крайним опасностям в борьбе с могуществом Эврисфея, положило конец его величайшим дерзостям и избавило детей Геракла от постоянно преследовавшей их опасности. Справедливо, чтобы за это были нам благодарны не только те, которые были спасены тогда, но и живущие сейчас: ведь благодаря нам они живут и пользуются благами жизни. Не будь спасены те, вообще не могли бы появиться на свет и эти.

Поскольку, таким образом, все эти государства предстают в таком свете, у тебя никогда ни с одним из них не должно было быть разногласий. Но все мы от природы склонны более ошибаться, чем поступать правильно. Поэтому за все, что произошло до сих пор, вина справедливо падает на всех, но впредь следует остерегаться, чтобы с тобой не случилось ничего подобного, и подумать, какое сделать для них доброе дело, чтобы показать, что ты отплатил достойным и тебя, и их услуг образом. Подходящий случай у тебя есть. Ведь тогда как ты будешь отплачивать свой долг, они сочтут, раз прошло столько времени, что ты первым положил начало оказанию услуг. Затем, очень хорошо считаться благодетелем выдающихся государств с пользой для себя ничуть не меньшей, чем для них. (Кроме того, если с кем-нибудь из них у тебя возникла какая-нибудь неприятность, ты прекратишь все это, потому что своевременные услуги предадут забвению прежние ошибки обеих сторон. Известно также и то, что все люди помнят больше всего о тех, кто помог им в их несчастье. Ты видишь, как они страдают из-за войны, как похожи они на единокорцев. Ведь и их, когда ярость начинает у них усиливаться, никто уже не сможет разнять; когда же они изувечат друг друга, они расходятся сами без всякого постороннего вмешательства. Так, я полагаю, произойдет и с этими государствами, если ты заранее не позаботишься о них.

Может быть, кто-нибудь решится выступить против моих слов, утверждая, что я пытаюсь склонить тебя взяться за невозможное, потому что, по их мнению, ни аргосцы не станут никогда друзьями лакедемонян, ни лакедемоняне – фиванцам; и вообще те, кто привык к постоянному превосходству, никогда не согласятся на равную долю с другими. А я думаю, что когда первенство среди эллинов принадлежало нашему государству, а затем государству лакедемонян, едва ли можно было добиться чего-нибудь, так как каждое из них легко могло помешать этим действиям. Теперь я об этих государствах иного мнения. Я знаю, что несчастья поставили их в одинаковое положение, поэтому, я полагаю, они предпочтут выгоды, получаемые от согласия, преимуществам, получавшимся от прежних их действий. Затем, я считаю, что едва ли кто-нибудь другой сможет примирить эти государства, а для тебя подобные дела не составляют никакой трудности, потому что я вижу, как ты осуществил многое из того, что другим казалось безнадежным и невероятным; и будет нисколько не удивительно, если и это сможешь устроить только ты. Люди великие и выдающиеся должны браться не за такие дела, которые может осуществить обычный человек, а за те, за которые не возьмется никто другой, кроме людей, имеющих такие же дарования и могущество, как у тебя.

Я удивляюсь, неужели люди, которые считают такие дела неосуществимыми, ни сами не знают, ни от других не слышали, что много было войн, к тому же страшных, и что положившие этим войнам конец и сами получали, и воевавшим доставляли тем самым большие блага. Какая ненависть могла быть больше той, которая была у эллинов против Ксеркса? Однако все знают, что дружбу с ним мы и лакедемоняне предпочли дружбе с теми, кто каждому из нас помогал добиться власти. Но к чему вспоминать давно прошедшие события и обращаться к примерам, связанным с варварами? Если бы кто-нибудь внимательно рассмотрел несчастья эллинов, то стало бы ясно, что все они не составляют и ничтожной доли тех бед, какие причинили нам³ фиванцы и лакедемоняне. Тем не менее, когда лакедемоняне отправились в поход против фиванцев и хотели разорить Беотию, а жителей ее городов расселить, мы, придя фиванцам на помощь, воспрепятствовали замыслам лакедемонян. И напротив, когда судьба переменялась и фиванцы вместе со всеми пелопоннесцами попытались уничтожить Спарту, мы и с ней – единственные из всех эллинов – заключили союз и помогли тем самым ее спасению. Полнейшее непонимание дела и глупость обнаружил бы тот, кто, зная, что действия государств определяются не ненавистью или клятвами или тому подобным, а только соображениями собственной выгоды (ибо только к этому они стремятся и направляют все свои усилия), и видя нынешние превратности и перемены, при всем этом отказался бы признать, что и сейчас дело обстоит точно таким же образом. Справедливость этих соображений станет особенно ясной и подтвердится на деле, если ты сам займешься примирением этих государств: при этом перспектива благоденствия будет их привлекать, а настоящее бедственное положение – принуждать повиноваться твоим усилиям в этом направлении. Эти два последних обстоятельства, думается мне, должны обеспечить успех дела.

Однако я полагаю, что лучше всего ты сможешь узнать, миролюбиво ли или враждебно относятся друг к другу эти государства, если мы рассмотрим не совсем кратко и не слишком подробно основные моменты их современного положения и прежде всего положения лакедемонян.

Они, еще совсем недавно первые среди эллинов на суше и на море, претерпели такие перемены после поражения при Левктрах, что утратили свое господство среди эллинов и потеряли таких людей, которые готовы были скорее погибнуть, чем жить, потерпев поражение от прежде подвластных им. Кроме этого им довелось видеть, как все пелопоннесцы, раньше сопровождавшие их в походах против других, теперь вместе с фиванцами вторглись на их землю. Лакедемонянам пришлось выдерживать такое испытание, воюя с ними не на территории страны за свои поля, но в центре своего города, у самих общественных зданий, за своих детей и жен. Так что, если бы они не справились с этим испытанием, то погибли бы немедленно, а одержав победу, они несколько не избавились от бедствий: с ними воюют их соседи, им не доверяют все пелопоннесцы, их ненавидит большинство эллинов, их грабят и разоряют днем и ночью свои же рабы, дня не проходит, чтобы они или не выступали в поход против кого-нибудь, или не сражались с кем-нибудь, или не спешили на помощь гибнущим согражданам. Но вот самая большая беда: они все время пребывают в страхе, как бы фиванцы, уладив дела с фокийцами, не напали на них вновь, обрушив на их головы еще большие бедствия, чем раньше. Можно ли предполагать, что люди, находящиеся в таком положении, не встретят с радостью человека, устанавливающего мир, влиятельного и обладающего возможностью избавить их от войн, постоянно им угрожающих?

У аргосцев, затем, как ты можешь увидеть, одни дела – в таком же почти состоянии, а другие – в еще худшем: они воюют, с тех пор как живут там, со своими соседями, как и лакедемоняне, с той только разницей, что те – с более слабыми, чем они сами, а эти – с более сильными, что, как согласились бы все, является величайшим из зол. Их так преследуют неудачи в военных действиях, что чуть ли не каждый год у них на глазах разоряют и опустошают их землю. Однако вот что ужаснее всего: когда враги прекратят на время причинять им бедствия, они сами начинают истреблять наиболее выдающихся и богатых из числа своих сограждан и делают это с такой радостью, с какой другие не убивают своих врагов. А причиной такой жизни их, полной смятений и бедствий, является только война между греками. Если ты прекратишь ее, ты не только избавишь их от этих страданий, но и создашь условия для лучшего разрешения ими других своих дел.

Что касается положения фиванцев, то и об этом тебе, конечно, известно. Одержав блестящую победу в сражении и завоевав себе благодаря ей громкую славу, они из-за злоупотребления своими удачами оказались не в лучшем положении, чем побежденные и потерпевшие неудачу. Едва только успели они одержать победу над врагами, как, перестав считаться со всеми, стали беспокоить государства в Пелопоннесе, Фессалию посмели поработить, мегарцам, своим соседям, стали угрожать, у нашего государства отняли часть земли, Эвбею опустошили, в Византии выслали триеры с намерением захватить власть на суше и на море⁴. Наконец, они пошли войной на фокийцев, чтобы овладеть в короткий срок их городами, захватить всю их окрестную территорию и своими собственными богатствами превзойти дельфийские сокровища. Ничего у них из этого не вышло, но вместо того чтобы захватить города фокийцев, они потеряли свои, а вторгшись на территорию противника, они причинили вреда меньше, чем потерпели сами, возвращаясь к себе. В самом деле, в Фокиде они казнили несколько наемников, которым лучше было умереть, чем жить, а на обратном пути потеряли самых славных своих людей, с непоколебимой отвагой готовых умереть за родину. И до того дошли дела их, что, понадеявшись раньше подчинить себе всех эллинов, теперь они на тебя возлагают надежды на свое спасение. Поэтому и они, я думаю, немедленно исполняют все, что ты станешь указывать и советовать.

Нам оставалось бы поговорить еще о нашем государстве, если бы оно не заключило уже мира, поступив благоразумно раньше других. Теперь, я думаю, оно будет содействовать твоим предприятиям, особенно если сможет убедиться, что ты проводишь их ради похода против варваров.

Итак, то, что ты можешь объединить эти государства, тебе, по-моему, уже ясно из сказанного, а что ты сможешь добиться этого без труда, я постараюсь убедить тебя множеством примеров. И если окажется, что некоторые отличившиеся среди прежних поколений люди, взявшись за дела не прекраснее и не священнее тех, к которым я побуждаю, совершили более значительные и трудные, чем эти, то что останется тем, кто выступает с возражением, говоря, что ты дела более легкие совершишь не скорее, чем те – более трудные!

Посмотри, во-первых, на историю с Алкивиадом. Сосланный нами в изгнание и видя, как люди, подвергнувшиеся до него этому несчастью, находятся в страхе перед могуществом нашего государства, он не стал разделять их настроений, но, сочтя, что нужно попытаться вернуться из изгнания силой, предпочел воевать со своей родиной. И если бы кто-нибудь захотел рассказать об всем, что тогда произошло, он и изложить подробно не смог бы, да и в данном случае это оказалось бы, вероятно, утомительным. В такое вверг он потрясение не только наше государство, но и лакедемонян и остальных эллинов, что нам пришлось перенести те страдания, о которых все знают, остальные попали в такие бедствия, что и сейчас еще не забыты несчастья, постигшие в той войне эти государства, а лакедемоняне, казавшиеся тогда счастливыми, претерпели постигшие их теперь несчастья из-за Алкивиада. Поддавшись его совету добиться могущества на море, они потеряли свою гегемонию и на суше. Поэтому если кто-нибудь скажет, что начало их нынешним бедствиям было положено именно тогда, когда они попытались захватить власть над морем, то его нельзя будет уличить во лжи. Так вот Алкивиад, после того как причинил столько бедствий, вернулся из изгнания хотя с огромной славой, но без всеобщего одобрения. А Конон несколько лет спустя сделал противоположное этому. Потерпев неудачу в морском сражении в Геллеспонте (не по своей вине, а из-за коллег), он постыдился вернуться до-мой и отправился на Кипр, проведя там некоторое время в занятиях своими личными делами. Но когда он узнал, что Агесилай с большим войском переправился в Азию и опустошает эту страну, он задумал великое дело: не располагая ничем другим, кроме своей личности, он вознамерился победить лакедемонян – властителей над эллинами и на море, и на суше. И в послании к полководцам царя⁵ он обещал привести план этот в исполнение. Что еще я могу сказать? Собрав флот у Родоса и одержав победу в морском сражении, он лишил власти лакедемонян, а эллинам дал свободу. Он не только восстановил стены родного города, но вернул своему государству былую славу. А между тем, кто мог бы ожидать, что человек, оказавшийся в таком скромном положении, сумеет коренным образом изменить положение дел в Элладе: одни эллинские государства унижить, а другие возвысить?

Далее, Дионисий (я хочу множеством примеров убедить тебя, что дело, к осуществлению которого я тебя призываю, легко выполнимо), простой сиракузанин по происхождению, по своей репутации и по всему другому, загоревшись страстным и безумным стремлением к монархической власти и решившись на все, что вело к этому, захватил Сиракузы, подчинил все эллинские города Сицилии и собрал такое большое войско и флот, какого не собирал до него ни один человек. Затем и Киру (вспомним и о варварах), подкинутому матерью на дорогу и подобранному какой-то персидской женщиной, выпала на долю такая судьба, что он стал господином всей Азии.

И если Алкивиад, будучи изгнанником, Конон – неудачником, Дионисий – безвестным, Кир – достойным жалости в самом начале своего появления на свет, сумели так возвыситься и совершить такие великие дела, то разве не следует ожидать, что ты, происходя от таких предков, царь Македонии, господин такого множества людей, легко сможешь устроить все, о чем говорилось выше?

Посмотри, как ценно стремиться особенно к таким делам, добившись успеха в которых, ты станешь соперничать в своей славе с выдающимися людьми прошлого, а обманувшись в ожиданиях, приобретешь во всяком случае расположение эллинов, что получить гораздо лучше, чем захватить силой много эллинских государств. Подобные действия вызывают неприязнь, ненависть и страшные проклятия, а с тем, что я советую, ничего такого не связано. И если бы кто-нибудь из богов предоставил тебе на выбор различные виды деятельности, которым ты пожелал бы посвятить свою жизнь, то ты не выбрал бы никакого другого пути – если только ты спросил бы моего совета, – кроме этого. И тебе тогда станут завидовать не только все другие, но и сам ты будешь считать себя счастливым. Что может быть больше такого счастья, когда к тебе придут посланцы от великих государств люди, пользующиеся наибольшим почетом, и ты будешь совещаться с ними об общем спасении, о котором, как окажется, никто другой не проявил такой заботы; когда ты увидишь, как вся Эллада поднялась на твой призыв и никто не остается равнодушным к твоим решениям, но одни стараются разузнать, в чем их суть, другие желают тебе удачи в твоих стремлениях, третьи опасаются, как бы с тобой не случилось чего-нибудь, прежде чем ты не доведешь до конца свое дело. И когда это станет осуществляться, как же тебе не гордиться с полным основанием? Как тебе не доживать свою жизнь в большой радости от сознания того, что ты возглавил такие дела? Какой человек, обладающий даже заурядным умом, не станет увещевать тебя избирать предпочтительно такую деятельность, которая может давать как бы в качестве плодов и величайшие наслаждения, и вместе с тем немеркнущую славу.

Мне было бы достаточно всего сказанного выше по этому поводу, если бы я не пропустил одного вопроса, однако, не забыв о нем, а не решившись высказать, но который теперь уже считаю нужным сообщить. Я полагаю, что и тебе полезно услышать об этом, и мне следует говорить откровенно, как я привык.

Дело в том, что я слышу, как клеветают на тебя твои завистники, люди, привыкшие вносить смуту в свои государства и считающие мир для всех войной для себя. Не заботясь обо всем прочем, они говорят только о твоём могуществе, о том, что оно растёт не в интересах Эллады, а против нее и что ты давно уже затеваешь козни против всех нас, что на словах ты намерен помочь мессенцам, когда урегулируешь отношения с фокийцами, а на деле – подчинить Пелопоннес; что у тебя в распоряжении фессалийцы, фиванцы и все члены Амфикионии, готовые следовать за тобой, аргосцы, мессенцы, мегалополитяне и многие другие, готовые воевать вместе с тобой и разгромить лакедемонян; и что, когда ты это сделаешь, ты без труда подчинишь себе и ос-талных эллинов. Болтая такие глупости, уверяя, что они все это точно знают, и рассказывая об этих воображаемых завоевательных планах, они убеждают в этом многих, в особенности тех, кто жаждет тех же бедствий, что и эти сплетники; затем – людей, совсем не способных трезво оценивать общего положения дел, но совершенно глупых и очень признательных тем, которые делают вид, что боятся и страшатся за них; и, наконец, тех, которые склонны считать, что ты затеваешь козни против эллинов, – цель, по их мнению, заслуживающая того, чтобы к ней стремиться. Они настолько далеки от понимания, что не знают, как одними и теми же словами одним можно навредить, а другим оказать услугу. Так и здесь. Если бы кто-нибудь сказал, что царь Азии затевает козни против эллинов и приготовился выступить в поход против нас, он этим не сказал бы о нем ничего дурного, а только представил бы его еще более мужественным и заслуживающим большего, чем это есть в действительности, уважения. А если бы обвинили в этом кого-нибудь из потомков Геракла, который стал благодетелем всей Эллады, то навлекли бы на него величайший позор. Да и кто не возненавидел его, если бы оказалось, что он злоумышляет против тех, ради кого предок его подверг себя опасности, и если бы ту благожелательность, которую тот завещал своим потомкам, он не пытался сохранять, а, предав все это забвению, стал стремиться к позорным и дурным делам?

Тебе следует подумать об этом и не оставлять без внимания подобные слухи, которые враги пытаются распространить о тебе, а из друзей нет ни одного, который не решился бы возражать, защищая тебя. Ведь истинную пользу для себя ты лучше всего, по-моему, разглядишь в мнениях тех и других,

И может быть, ты считаешь малодушием обращать внимание на хулителей, болтунов и верящих им, тем более если не признаешь за собой никакой вины. Однако не следует презирать толпу и пренебрегать общим уважением, но тогда только можно считать свою славу прекрасной, великой и приличествующей тебе, твоим предкам и твоим деяниям, когда ты сумеешь расположить к себе эллинов так же, как лакедемоняне, ты видишь, относятся к своему царю и твои гетайры – к тебе. Этого нетрудно добиться, если ты захочешь быть одинаковым со всеми и перестанешь к одним государствам относиться дружелюбно, а к другим – враждебно и если ты предпочтешь такие дела, благодаря которым эллинам внушишь доверие, а варварам – страх.

И не удивляйся (как я писал и Дионисию, когда он захватил тиранию), если я, не будучи ни полководцем, ни оратором, ни вообще влиятельным лицом, обращаюсь к тебе более смело, чем остальные. К государственной деятельности я оказался самым неспособным из граждан: нет у меня ни голоса пригодного, ни смелости, чтобы общаться с толпой, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне. Что касается ума здравого и воспитания хорошего, хотя кто-нибудь скажет, что слишком нескромно говорить так, я держусь иного мнения и причислил бы себя не к отсталым, а к выделяющимся среди других. Поэтому я и берусь давать советы так, как я обычно это делаю, и нашему государству, и эллинам, и самым знаменитым людям.

Итак, обо мне и о том, как тебе нужно поступить с эллинами, ты выслушал почти все; что же касается похода в Азию, то те государства, которые, как я сказал, ты должен примирить между собой, я только тогда стану убеждать в необходимости войны с варварами, когда увижу их живущими в согласии, а теперь я обращаюсь к тебе, однако не с тем настроением ума, как в том возрасте, когда я писал на эту же самую тему⁶. Тогда я предлагал собравшимся слушателям смеяться надо мной, презирать меня, если будет казаться, что изложение мое не стоит предмета, моей репутации и потраченного на эту речь времени, а теперь я боюсь, что слова мои слишком не соответствуют таким требованиям. Ко всему прочему «Панегирик», который всех других, занимающихся науками, сделал более преуспевающими, доставил мне большие затруднения; я не хочу повторять в точности того, что написано там, и уже не могу искать новое. Однако я должен не отказываться, а говорить о данном предмете все, что придет на ум и поможет убедить тебя заняться этим. И если я упущу что-нибудь и не смогу написать так же, как в опубликованных до этого речах, то во всяком случае надеюсь угодить наброском тем, кто сможет это изящно переработать и выполнить.

Таким образом, начало всей этой речи, по-моему, составлено так, как и должно делать людям, советуя им предпринять поход в Азию. Действительно, не следует ничего предпринимать, не добившись от эллинов одного из двух: или одобрения или активного участия в задуманном предприятии. Всем этим Агесилай, считавшийся разумнейшим из лакедемонян, пренебрег не вследствие неспособности, но из честолюбия. У него было два стремления, оба прекрасные, но противоречащие друг другу и неосуществимые одновременно. Он решил начать войну с царем⁷ и, возвратив из изгнания на родину своих друзей, поставить их во главе государственных дел. И вот получилось так, что от его заботы о своих друзьях эллины попали в бедствия и опасности, а из-за беспорядков, которые происходили здесь у нас, он лишился свободного времени и

возможности воевать с варварами. Таким образом, на основании ошибок, допущенных в то время, легко убедиться, что если принять правильное решение, то нельзя идти войной на царя, прежде чем не примирить эллинов и не покончить с безумием, охватившим их сейчас. Именно это я и советую тебе.

По этому поводу не решится, пожалуй, возразить ни один разумный человек, и я думаю, что если бы кто-нибудь другой решил советовать начать поход против Азии, он обратился бы с таким призывом и говорил бы, что на долю всех тех, кто начинал воевать с царем, выпадало стать из бесславных знаменитыми, из бедняков – богатыми, из малоимущих – обладателями обширных земель и городов. Я, однако, намерен побуждать тебя, ссылаясь не на таких людей, а на тех, кого считают потерпевшими неудачу, я имею в виду участников похода под предводительством Кира и Клеарха. Все признают, что они разгромили в сражении все войско царя⁸ так, как если бы они сражались с женами этих воинов, и, уже считая себя победителями, потерпели неудачу из-за опрометчивости Кира, который в избытке радости, преследуя врагов, ушел далеко от своих и, оказавшись в гуще врагов, был убит. Несмотря на такое несчастье, постигшее этих участников похода, царь проникся сильнейшим презрением к своему войску; он вызвал Клеарха и остальных военачальников на переговоры, обещая им дать богатые дары, а всех воинов отпустить, полностью выплатив им жалованье; заманив их такими обещаниями и дав клятву верности, величайшую из принятых там, он схватил и перебил их, предпочтя согрешить перед богами, чем вступить в сражение с такими, даже оставшимися без вождя, воинами. (Какой же пример может быть лучше и убедительнее! Ведь очевидно, что и они овладели бы всей державой царя, если бы не опрометчивость Кира. Тебе не трудно избежать неудачи, которая произошла тогда, и легко собрать более сильное войско, чем то, которое разгромило его войско. И если оба эти обстоятельства будут налицо, разве не следует смело начинать этот поход?

И пусть никто не думает, будто я хочу скрыть, что кое-что из всего этого мною изложено так же, как и прежде. Обратившись к тому же замыслу, я решил не выбиваться из сил, стремясь во что бы то ни стало сказать по-другому то, что прежде было выражено хорошо. И если бы я стал сочинять торжественную речь, я пытался бы избегать всего такого, но когда я обращаюсь к тебе с советом, было бы глупо с моей стороны уделять стилю больше времени, чем содержанию, к тому же только самому избегать своих прежних выражений, в то время как все другие пользуются ими. Тем, что принадлежит мне, я при случае мог бы и воспользоваться, если это будет совершенно необходимо и уместно, а из того, что принадлежит чужим, я бы ничего не позаимствовал, как не делал этого и в прежнее время.

Об этом достаточно. А теперь, мне кажется, я должен поговорить о подготовке, той, которая предстоит тебе, и той, которая была проведена ими⁹. Вот что самое главное: к тебе эллины будут настроены благожелательно, если только ты пожелаешь придерживаться того, что сказано по этому поводу, а к тем они были настроены крайне враждебно из-за декархий¹⁰, установленных при господстве лакедемонян. Они полагали, что будут ввергнуты в еще более тяжелое рабство, если Кир и Клеарх добьются успеха, а если победит царь, они избавятся от своих бедствий. Так это именно и получилось. И воинов ты сможешь сразу же получить столько, сколько захочешь: ведь положение в Элладе такое, что легче набрать более многочисленное и сильное войско из скитальцев, чем из граждан; а в те времена еще не было никаких наемных войск, так что, когда необходимость вынуждала набирать наемников в городах, приходилось больше тратить на вознаграждения вербовщикам, чем на плату воинам. И если бы мы захотели испытать и сопоставить тебя, будущего предводителя похода, который будет обдумывать все, и Клеарха, стоявшего тогда у власти, то мы увидим, что он никогда раньше не располагал никаким войском: ни морским, ни пешим – и стал известным благодаря неудаче, постигшей его на материке¹¹, тогда как ты совершил огромное множество значительных дел, о которых уместно было бы рассказать, если бы я обращался с речью к другим, но когда я обращаюсь к тебе, то я не без основания мог бы показаться лишенным рассудка и слишком назойливым, если бы о твоих делах стал рассказывать тебе.

Стоит упомянуть и обоих царей: того, против которого я советую тебе начать поход, и того, с кем воевал Клеарх, чтобы ты мог себе представить характер и могущество того и другого. Так вот, отец нынешнего царя¹² одолел в войне наше государство, а затем и государство лакедемонян, а этот ни разу не смог одержать победу ни над одним войском, опустошавшим его страну¹³. Далее, тот получил от эллинов всю Азию целиком по договору, этот же настолько лишен умения властвовать над другими, что даже не смог удержать за собой и те государства, которые достались ему, так что каждый, пожалуй, затруднился бы ответить, как нужно считать: царь ли отказался от них из малодушия, или они отнеслись с пренебрежением и презрением к господству варваров.

А узнав, в каком состоянии находится его страна, кто не загорелся бы желанием пойти войной на него? Египет отпал еще при его отце, тем не менее египтяне боялись, как бы царь, сам выступив когда-нибудь в поход, не преодолел трудностей, связанных с переходом через реку и всей прочей оборонительной подготовкой. А теперь этот царь избавил их от такого страха. Собрав самое большое, какое он только мог, войско и отправившись против них в поход, он вернулся оттуда не только побежденный, но и осмеянный всеми, недостойный быть, по общему мнению, ни царем, ни полководцем. Кипр, Финикия, Киликия и соседние с ними страны, флотом которых персы пользовались, принадлежали тогда царю, но теперь одни отпали, другие находятся в состоянии войны и переживают такие бедствия, что царю от этих народов нет никакой выгоды, а тебе они будут полезны, если ты захочешь начать против него войну. И конечно, Идрией, во всяком случае

самый богатый в настоящее время на материке¹⁴, должен быть настроен более враждебно к власти царя, чем ведущие с ним войну, иначе он был бы по меньшей мере самым жалким человеком, если бы не хотел уничтожения этой власти, которая замучила его брата, вела войну с ним самим и которая все время затевает козни и стремится захватить его лично и все его богатства. Опасаясь этого, сейчас он вынужден угождать царю и каждый год отсылать ему большие суммы; но если ты переправишься на материк, он с радостью встретит тебя, считая своим заступником, и многих других сатрапов ты сумеешь привлечь на свою сторону, если пообещаешь им свободу и распространишь это слово по Азии, слово, которое, некогда запав в душу эллинов, уничтожило и нашу власть, и власть лакедемонян.

Я собирался побольше сказать о том, каким способом, ведя войну, ты мог бы очень скоро одолеть войско царя. Но я боюсь, как бы не упрекнули меня за то, что я, никогда раньше не имея никакого отношения к военным делам, осмеливаюсь давать указания тебе, совершившему на войне множество великих дел. Поэтому, думаю, мне ничего больше не нужно говорить по этому вопросу. Что же касается остального, то я полагаю, что и отец твой¹⁵, и основатель вашей династии¹⁶, и родоначальник вашего рода¹⁷ (если бы ему было дозволено, а им дана возможность) стали бы советовать то же самое, что и я. Я сужу об этом по их делам: и отец твой был дружелюбно настроен по отношению ко всем тем государствам, на которые я советую тебе обратить внимание, и основатель вашей династии, будучи духом выше своих сограждан и стремясь к единовластию, действовал не так, как те, которые добиваются подобных почестей. Они ведь достигали такой чести, устраивая у себя в государстве мятежи, смуты и убийства, а он совершенно оставил в стороне эллинские страны и захотел захватить царскую власть в Македонии, так как знал, что эллины не привыкли терпеть единовластие, а другие народы не могут устраивать свою жизнь без такой власти. И именно вследствие того, что он придерживался особого мнения об этом, царство его оказалось отличным от всех остальных: единственный из эллинов, он пожелал властвовать над чужим народом; тем самым он смог избежать опасностей, связанных с единовластием. Мы можем увидеть, что люди, совершившие что-нибудь подобное среди эллинов, не только сами погибли, но и род их исчез с лица земли; а он и сам счастливо прожил свою жизнь, и роду своему оставил те же почести, которыми пользовался сам.

Затем о Геракле. Все без конца воспевают его мужество и перечисляют подвиги, а что касается остальных прекрасных качеств, присущих его душе, то не найти ни одного ни поэта, ни писателя, который упомянул бы что-нибудь, Я же нахожу тему своеобразной и совершенно неразработанной, не мелкой и не пустой, но дающей богатые возможности для щедрых восхвалений и описаний прекрасных деяний и ждущей только того, кто сможет достойным образом рассказать о них. Если бы я приступил к этой теме, когда был помоложе, я бы с легкостью показал, что предок ваш выделился среди всех людей прежних поколений более своим разумом, честностью, справедливостью, чем физической силой. Но, приступив к ней сейчас и увидев, как много о ней нужно сказать, я и в силах своих усомнился, и понял, что такая речь оказалась бы вдвое больше той, которая получилась теперь. По этим причинам я и отказался от всего остального, и выбрал только один подвиг, который тесно связан со всем, что было сказано выше, а рассказ о нем будет более всего соответствовать данному месту речи.

Геракл, видя, как Элладу обуревают войны, раздоры и многие другие бедствия, покончил с этим, примирив государства между собой, и показал потомкам, в союзе с кем нужно и против кого следует вести войны. Отправившись походом на Трою, которая была тогда самой могущественной в Азии, он настолько превзошел своим искусством полководца тех, которые воевали против Трои после него, что, в то время как они с войском эллинов за десять лет с трудом завоевали город в результате осады, он за меньшее или за такое же количество дней, выступив в поход с немногими, без труда взял его штурмом. И после этого он перебил всех царей тех народов, которые жили по побережью обоих материков; их он никогда бы не уничтожил, если бы не одолел и их войск. Совершив это, он установил так называемые Геракловы столбы – знак победы над варварами, памятник своей доблести и перенесенных испытаний, границу эллинской земли.

Я рассказал тебе об этом ради того, чтобы ты понял, что этой речью я призываю тебя к таким делам, которым твои предки явно отдали предпочтение в своей деятельности, признавая их самыми прекрасными. Всем разумным людям следует взять себе за образец кого-нибудь самого лучшего из предков и стараться стать таким, а особенно это относится к тебе. В самом деле, если тебе нет надобности прибегать за примерами к чужим, но такой есть в твоём роду, разве не естественно, чтобы он побуждал тебя к стремлению сравняться со своим предком? Я не говорю, что ты сможешь повторить все подвиги Геракла (даже некоторые боги, пожалуй, не смогли бы этого), но во всяком случае по духовным качествам, по человечности, по его благожелательности к эллинам ты мог бы сравняться с ним в стремлениях. Последовав моим советам, ты можешь добиться такой славы, какой сам пожелаешь. Ведь при твоём теперешнем положении тебе легче приобрести высшую славу, чем при том положении, когда ты вступил на престол – достигнуть той славы, которой ты пользуешься сейчас. Заметь, что я призываю тебя такими примерами, следуя которым ты совершишь походы не с варварами против тех, против кого это несправедливо, но с эллинами – против тех, с кем следует воевать потомкам Геракла.

Не удивляйся, что на протяжении всей речи я пытаюсь склонить тебя к оказанию услуг эллинам, к кротости и человеколюбию. Я вижу, что жестокость тягостна и для тех, кто применяет ее, и для тех, кто подвергается ей, а кротость не только людей и всех остальных живых существ ценится высоко, но среди богов те, которые являются источником наших благ, называются олимпийскими, а ведающие несчастьями и

наказаниями имеют очень неприятные имена, и одним частные лица и государства воздвигают храмы и алтари, а других не почитают ни молитвами, ни жертвоприношениями, но мы отвращаем их от себя заклинаниями. Имея это в виду, ты должен постоянно заботиться о том, чтобы еще больше подняться в таком мнении всех о тебе, чем теперь. А люди, стремящиеся к большей славе, чем у других, должны охватывать мыслью дела, исполнимые, но подобные мечте, и пытаться осуществлять их, когда представляется удобный случай.

Ты мог бы убедиться на многих примерах в необходимости поступать именно таким образом, а особенно на примере с Ясоном¹⁸. Он, не совершив ничего такого, что могло бы сравниться с твоими деяниями, достиг огромной славы не делами своими, а словами: он распространял слухи, будто собирается переправиться на материк и воевать с царем. Если Ясон только с помощью слова сумел так возвеличиться, какова же будет твоя слава, если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или по крайней мере захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы, кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, к кому скитаются теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным. И если мы не остановим рост числа их (что мы можем сделать, предоставив им достаточные средства к жизни), то их незаметно для нас станет так много, что они будут несколько не менее опасны для эллинов, чем для варваров. А мы на это не обращаем никакого внимания и не видим, как растет общая угроза и опасность для всех нас. Поэтому человек с большими замыслами, дружелюбно настроенный к эллинам и более дальновидный, чем другие, должен, используя таких людей против варваров и отрезав столько земли, сколько я посоветовал выше, избавить бездомных людей от бедствий, которые и сами они испытывают, и другим причиняют, основать для них города, превратить эти города в границу Эллады и оплот для всех нас. Совершив это, ты не только их сделаешь счастливыми, но и всех нас поставишь в безопасное положение. А если ты и этого не достигнешь, то другого во всяком случае ты добьешься легко – ты освободишь те города, которые находятся в Азии¹⁹. Что бы ты ни сумел совершить из этих дел или хотя бы только попытался, ты непременно прославишься больше других, и с полным правом, если только ты и сам устремись к этому, и эллинов увлечешь. Ведь кто бы теперь не стал справедливо удивляться создавшемуся положению и презирать нас, когда у варваров, которых мы всегда считаем изнеженными, неопытными в военном деле, испорченными роскошью, появились люди, претендующие на господство над Элладой, а из эллинов ни у кого нет такой мысли, чтобы попытаться сделать нас господами Азии, и мы оказались настолько ниже их, что они не побоялись первыми проявить вражду к эллинам, а мы не осмеливаемся отомстить им даже за причиненное нам зло; и в то время как они признают, что во всех войнах у них нет ни воинов, ни полководцев и вообще никаких средств, пригодных на случай опасностей, но получают все это от нас, мы в своем стремлении причинять себе зло дошли до того, что, несмотря на возможность безбоязненно владеть их достоянием, мы воюем между собой из-за мелочей, помогаем покорять тех, кто отпадает от власти царя, и сами не замечаем, как иногда вместе с нашими наследственными врагами мы готовы погубить и своих сородичей.

Поэтому я и считаю, что тебе полезно возглавить войну против него, в то время как остальные так малодушны. Все другие потомки Геракла, скованные государственными законами, обязаны подчиняться тому государству, в котором они живут, а ты, оказавшись как бы вольным человеком, должен считать своей отчизной всю Элладу, как и ваш прародитель, и подвергать себя за нее опасностям так же, как и за самое важное для тебя дело.

Может быть, некоторые осмелятся порицать меня, которые только этим и умеют заниматься, за то, что я предпочел обратиться с призывом к походу против варваров и к заботе об эллинах к тебе, обойдя свое государство. Я мог бы согласиться, что ошибаюсь, только в том случае, если бы раньше обращался с речами по этому поводу к кому-нибудь другому, а не к своей родине, трижды освободившей эллинов: два раза от варваров и один раз от господства лакедемонян. Но на самом деле ясно, что именно ее прежде всего призывал я к этому со всей возможной для меня энергией, когда же я почувствовал, что она на мои слова обращает меньше внимания, чем на безумные речи с трибуны, я отступился от нее, не отказавшись, однако, от своей задачи. Поэтому я заслуживаю одобрения всех за то, что с такими своими силами я все время борюсь с варварами, обвиняю тех, кто придерживается иного мнения, чем я, пытаюсь склонить к действиям тех, кто, по моему мнению, более всего способен сотворить какое-нибудь благо эллинам, а варваров лишить того благоденствия, которым они сейчас наслаждаются. По этой причине я и обращаюсь теперь к тебе с речью, хорошо зная, что хотя планам, предлагаемым мной, многие будут завидовать, но, когда ты их осуществишь, все будут рады. Ведь к предложениям моим никто здесь не причастен, а от выгод, которые отсюда будут вытекать, ни один человек не захочет отказаться.

Обрати внимание на то, как позорно допускать, чтобы Азия пользовалась большим благополучием, чем Европа, чтобы варвары были богаче эллинов, к тому же чтобы те, кто унаследовал власть от Кира, которого мать подбросила на дороге, назывались великими царями, а потомки Геракла, которого отец его за доблесть причислил к богам, именовались менее почетно. Этого больше допускать нельзя, но все надо изменить и переделать.

Будь уверен, что я не стал бы давать тебе ни одного совета, если бы я ждал от них только могущества и богатства. Я думаю, таких по крайней мере благ у тебя и сейчас больше чем достаточно, и слишком ненасытен тот, кто решает подвергать себя опасности, с тем чтобы или добиться их, или лишиться жизни. Нет, не

приобретение их имея в виду обращаюсь я с речью, но я полагаю, что благодаря им у тебя будет величайшая и прекраснейшая слава. Ты подумай о том, что все мы смертны, но благодаря доброй славе, похвалам, известности и памяти в веках мы получаем бессмертие, которое стоит того, чтобы к нему стремиться, претерпевая, насколько это в наших силах, любые испытания. Ты можешь заметить, что даже из обычных людей самые лучшие ни на что другое не променяли бы своей жизни, но чтобы добиться доброй славы, готовы погибнуть на войне, и вообще тех людей, которые стремятся гёсегда к еще большей чести, все хвалят, а тех, которые ненасытны в чем-нибудь другом, считают слишком неводержанными и слишком дурными. А самое главное заключается в том, что богатство и могущество часто попадают во власть врагов, но благожелательность со стороны многих и все другое, о чем говорилось выше, мы оставляем в наследие только своим потомкам. Поэтому мне было бы стыдно, если бы я не ради этого советовал тебе предпринять этот поход, воевать, подвергаться опасностям.

Ты примешь самое лучшее решение по этому поводу в том случае, если поймешь, что не только эта речь призывает тебя, но и твои предки, и трусость варваров, и те, которые стали известными и прослыли полубогами благодаря походу против варваров, а более всего – подходящее время, так как ты сейчас достиг такого могущества, какого не достигал никто в Европе, а того, с кем ты будешь воевать, все так сильно ненавидят и презирают, как никого никогда из царствовавших раньше.

Я бы высоко оценил возможность собрать воедино все, что я говорил в своих речах по этим вопросам. Тогда такую речь признали бы более соответствующей данной теме. Тем не менее ты сам должен рассмотреть из всех доводов те, которые усиленно побуждают к этой войне, только таким образом ты сможешь принять лучшее решение.

Мне небезызвестно, что многие эллины считают могущество царя неодолимым. Они достойны удивления, если думают, что эллин, имеющий большой опыт в военном деле, не сумеет разрушить во имя свободы это могущество, завоеванное и организованное для рабства каким-то варваром, к тому же плохо воспитанным, причем эти люди знают, что создавать все трудно, а разрушать легко.

Прими также во внимание, что все люди более всего почитают и восхищаются теми, кто одновременно умеет и заниматься государственными делами и предводительствовать на войне. И если ты видишь, как люди, обладающие такими качествами в одном только государстве, пользуются почетом, каких же нужно ожидать похвал, которые будут высказаны о тебе, когда ты окажешься благодаря своим услугам государственным деятелем среди всех эллинов, а благодаря своему военному искусству – победителем варваров? Я со своей стороны считаю, что это будет пределом славы, потому что никто никогда не сможет добиться больше этого; ведь у эллинов не будет уже такой задачи, которая заключается в том, чтобы привести всех нас от бесконечных войн к согласию, и невероятно, чтобы варвары восстановили такое могущество, если ты уничтожишь то, которое у них сейчас имеется. Поэтому из последующих поколений никто, даже если он будет выдающимся человеком по своим качествам, не сможет совершить ничего подобного. Что же касается подвигов, совершенных предками, то я могу поставить выше то, что уже совершено тобой, без всякой натяжки, но настоящему. Ведь если ты покорил столько народов, сколько никогда ни один из эллинов не захватывал городов, разве не смог бы я, сопоставляя тебя с каждым из них, легко показать, что ты совершил нечто большее, чем они? Но я предпочел воздержаться от такого рассмотрения по двум причинам: во-первых, потому, что некоторые пользуются им некстати; во-вторых, потому, что не хочу ставить тех, кого считают полубогами, ниже людей, живущих сейчас.

Обрати внимание и на то – вспомним кое-что и о древних, – что богатство Тантала, власть Пелопа, могущество Эврисфея не стал бы восхвалять никто – ни изобретательный оратор, ни поэт, но, – правда, только после великого Геракла и доблестного Тесея, – все готовы хвалить участников похода на Трою и тех, кто сравнялся с ними. А между тем мы знаем, что самые известные и самые доблестные из них правили крохотными городками и островками, и все же они оставили по себе божественную и громкую славу, потому что все любят не тех, кто приобрел могущество для самого себя, а тех, кто стал для эллинов причиной самых больших благ.

Но ты увидишь, что не только о них у людей такое мнение, но и во всех подобных случаях, потому что и наше государство никто не стал бы хвалить ни за то, что оно захватило власть на море, ни за то, что, собрав такую огромную сумму денег с союзников, переправило их в Акрополь, конечно, и не за то, что захватило в свои руки право: одни из многих государств разрушить, другие возвеличить, третьи устраивать по своему усмотрению; делать все это было в его власти, однако из-за этого возникло много обвинений против него; но за Марафонское сражение, за морскую битву при Саламине и особенно за то, что афиняне покинули свой город ради спасения эллинов, все прославляют его. Того же мнения придерживаются и о лакедемонянах: ими восторгаются скорее из-за поражения их в Фермопилах, чем за все победы, и на памятник, воздвигнутый варварами в знак победы над ними, смотрят с любовью, а памятники, воздвигнутые лакедемонянами в знак победы над другими, не одобряют и смотрят на них с неудовольствием, так как тот считают выражением доблести, а эти – стремлений к господству над другими.

Так вот, продумав и взвесив все это про себя, ты, если что-нибудь из сказанного окажется слишком слабым или имеющим недостатки, вини мой возраст, которому все люди простили бы с полным основанием, а если окажется таким же, как в прежде опубликованных речах, то надо полагать, что это не старость моя нашла,

но божество подсказало, не обо мне думая, а заботясь об Элладе, желая и ее избавить от нынешних бедствий и тебя окружить еще большей славой, чем теперь. Тебе, я думаю, небезызвестно, каким образом боги управляют делами людей. Они не сами непосредственно причиняют добро и зло, выпадающие на долю людей, но вселяют в душу каждого такой образ мыслей, что то и другое мы сами причиняем друг другу. Как, может быть, и в данном случае, слова они уделили мне, а для дел назначают тебя, считая, что ими лучше всего, вероятно, сможешь управлять ты, а речь моя, пожалуй, менее всего способна доставить неприятность слушателям. И я полагаю, что и содеянное тобой до сих пор едва ли достигло бы таких размеров, если бы этому не способствовал кто-нибудь из богов, не для того, чтобы ты всегда воевал только с живущими в Европе варварами, но с той целью, чтобы ты, закалившись в борьбе с ними, приобретя опыт и познав свои силы, устремился против тех варваров, против которых я и советую. Ведь стыдно отставать, когда судьба ведет удачно, и не предоставлять себя ей для той цели, к которой она хочет повести тебя.

Я считаю, что ты должен ценить всех, кто отзывается добрым словом о совершенных тобой делах, однако ты должен признавать, что лучше всего прославляют тебя те, кто считает тебя способным совершить еще более великие дела, и те, кто не только в настоящий момент говорит тебе приятное, но заставит и последующие поколения восхищаться твоими делами так, как ничьими другими из предшествующих поколений. Хотя я хочу сказать по этому поводу еще много, но не могу, а по какой причине – об этом я говорил более чем достаточно.

Итак, остается подвести итог всему сказанному выше, чтобы ты увидел в наиболее сжатом виде сущность моих советов. Я хочу сказать, что ты должен оказывать услуги эллинам, царствовать над македонянами, властвовать над возможно большим числом варваров. Если ты будешь это делать, все будут тебе благодарны: эллины – за услуги, македоняне – если будешь править ими как царь, а не как тиран, а другие народы – если они избавятся благодаря тебе от варварской деспотии и получат эллинское покровительство. Насколько все это написано своевременно и тщательно, справедливо узнать от вас, слушателей. Однако то, что никто не дал бы тебе советов лучше этих и более пригодных для сложившихся обстоятельств, это я знаю точно.

¹ Потомок Геракла Каран из Аргоса был, по преданию, первым царем Македонии.

² В Фивах особенно почитали Геракла, так как оттуда, согласно легенде, происходила мать Геракла Алкмена, супруга фиванского царя Амфитриона.

³ Т.е. афинянам.

⁴ После битвы при Лепктрах Эпаминонд неоднократно вторгался в Пеллопоннес. Походы Пелопида и Эпаминонда в Фессалию относятся к 368, 367 и 364 гг. до н. э. Под территорией, которую фиванцы отняли у Афин, подразумевается здесь Ороп.

⁵ Т.е. персидского.

⁶ Автор имеет в виду одну из своих речей – «Панегирик».

⁷ Т.е. царем Персии.

⁸ Артаксеркс II.

⁹ Т.е. Киром и Клеархом.

¹⁰ Декархин – введенные Лисандром в зависимых от Спарты городах коллегии из десяти правителей.

¹¹ Т.е. в Азии.

¹² Речь идет об Артаксерксе II Мнемоне.

¹³ Исократ говорит об Артаксерксе III Охе,

¹⁴ Т.е. в Азии.

¹⁵ Аминта II.

¹⁶ Каран.

¹⁷ Геракл.

¹⁸ Ясон – тиран фессалийского города Фер в 70-х годах IV в. до н. э.

¹⁹ Имеются ввиду греческие города Малой Азии.

Промакедонская деятельность греческих аристократов (Письмо философа Спевзиппа македонскому царю Филиппу)

О жизни философа Спевзиппа (407-334 гг. до н. э.) известно немного. Был племянником известного афинского философа Платона. В 361 г. до н. э. сопровождал Платона во время его третьего путешествия в Сицилию. Здесь он близко познакомился с учением Пифагора, оказавшим на него влияние. Перед смертью Платон назначил Спевзиппа своим преемником – главой академии, «схолархом». От его сочинений сохранились лишь отрывки, в которых учение Платона об идеях слито с пифагорейским учением о числах.

Приводимое ниже письмо Спевзиппа представляет собой своеобразную рекомендацию, данную некоему историку Антипатру, отправившемуся со своим сочинением к македонскому царю Филиппу. Как видно из письма, это (до нас не дошедшее) сочинение было написано в промакедонском духе и полно особой политической мифологии, образцы которой мы находим и в сочинении Исократы «Филипп». Одновременно письмо является и своеобразной «рецензией» на упомянутое выше сочинение Исократы.

(Спевзипп желает царю Филиппу благополучия)

1. Вручающий это письмо Антипатр – по происхождению магнет и с давних пор занимается в Афинах составлением истории эллинских дел; он говорит, что кем-то обижен в Магнезии. Выслушай его и отнесись к нему как можно более благожелательно, окажи помощь, в чем только сможешь. Сделаешь правильно, если поможешь ему, по многим причинам, а также и потому, что когда в Академии была прочитана речь Исократы, адресованная тебе, он похвалил основную идею, но порицал то, что в ней ничего не сказано о ваших благодеяниях по отношению к Элладе. Попробую перечислить некоторые из них:

2. Исократ ведь не показал благодарений, сделанных Элладе тобой и твоими предками; он не развеял клевету некоторых, направленную против тебя; в посланных тебе речах он не щадит и Платона.

Однако ему не следовало бы прежде всего забывать о близости, существующей между тобой и нашим государством, но разъяснить ее и для твоих потомков: ведь Геракл, в то время как издревле существовал у нас закон, что чужестранец не может быть посвящен в мистерии, пожелав быть посвященным, стал приемным сыном Пилия¹.

3. А если дело обстоит так, Исократ имел возможность обращаться к тебе как к гражданину, ибо ваш род восходит к Гераклу. А после этого поведать о благодеяниях Элладе, оказанных ей твоим предком Александром², а также и другими (предками). Он же скрыл их как какие-то тайные и повлекшие за собой бедствия дела. Когда Ксеркс отправил послов в Элладу, требовавших земли и воды, Александр послов перебил. Позже, когда варвары открыли военные действия и эллины собрались у вашего Гераклеяона, Александр раскрыл эллинам предательство Алева и фессалийцев; таким образом, выступившие в поход эллины были спасены Александром.

4. Нужно ведь, чтобы об этих благодеяниях напоминали не только Геродот и Дамаст, но и тот, кто в своем руководстве по ораторскому искусству показывает... что оратор должен завоевать благоволение слушателей похвалой предкам (?). Следовало показать также, что хорошего сделали твои предки у Платей (еще при Мардонии)³ и позже. Ведь написанная таким образом речь о тебе скорее завоевала бы симпатии у эллинов, чем та, где ничего не сказано хорошего о вашем царском доме. Рассказывать о древних делах вполне подошло бы к возрасту Исократу; как говорит он сам, риторически искусные сочинения должны быть плодом разума, находящегося в пору расцвета.

5. Кроме того, следовало развеять клевету, в основном сочиненную олинфянами. Кто счел бы тебя настолько глупым, чтобы, в то время как с тобой воевали иллирийцы, фракийцы, афиняне, спартанцы и прочие эллины и варвары, ты бы объявил войну олинфянам. Но об этих вещах следует распространяться не в письме, адресованном тебе. Я хочу лишь сообщить то, что не мешает знать каждому, но что, однако, уже долгое время всеми замалчивается и что полезно также знать и тебе; за это я буду просить от тебя вознаграждения как справедливую благодарность для Антипатра. Передающий это письмо первый и единственный сообщил предания, достойные доверия, о земле, оказавшейся во владении у олинфян, как о древнем владении Гераклидов, а не халкидян.

6. Он рассказывает, что одинаковым образом погибли как насильники от руки Геракла Нелей в Мессене и Силен в области Амфиополя; как были даны Гераклом в залог Нестору, сыну Нелея, Мессена, Дикею, брату Силеня, – Филлида, причем через многие поколения Мессену получил Кресфонт, а амфиполитанскую землю, принадлежащую Гераклидам, захватили афиняне и халкидяне. Точно так же Гераклом были уничтожены как злодеи и преступники Гиппокоонт, тиран Спарты, и Алкионей, тиран Паллены, и Спарта была им отдана в залог Тиндарею, Потидея же и остальная Паллена – Сифону, сыну Посейдона. Лаконику отобрали назад дети Аристодема в эпоху возвращения Гераклидов, Паллену же удержали эретрияне и коринфяне и вернувшиеся от Трои ахейцы, хотя она принадлежала Гераклидам.

7. Подобным же образом он рассказывает о Торонии и тиранах сыновьях Протея Тмоле и Телегоне, как их перебил Геракл, а также Клейда в Амбракийской области. Убив сыновей Клейда, он приказал стеречь Торонию Аристомаку, сыну Сифона, которую (Торонию), являющуюся вашей собственностью, заселили халкидяне; Ладику же и Харатту он поручил Амбракийскую землю, прося отдать эти находящиеся в залоге земли своим потомкам. Кроме того, все македоняне знают, что земли эдонов являются новыми приобретениями Александра.

8. Все это не предположения Исократу и не пустой звук имен, но речи, способные принести пользу твоей власти. Так как ты заботаешься об устройстве дел Амфиктионии, я решил рассказать тебе предание (находящееся в сочинениях) Антипатра, каким образом впервые объединились амфиктионы⁴ и как, будучи членами Амфиктионии, флегийцы были исключены Аполлоном, дриопы – Гераклом, крисейцы – амфиктионами. Все они, бывшие амфиктионами, были лишены голосов, другие же, получив их голоса, приняли участие в Амфиктионии.

9. Так что он говорит, что ты сделал подобное некоторым из этих дел и взял от амфиктионов в качестве пифийской награды за поход в Дельфы 2 голоса фокидян. А тот, кто возвещает, что умеет учить тому, как надо рассказывать древнее по-новому, а новое – по-старому, ныне же не поведал ни о древних делах, ни о делах, содеянных тобой, ни о тех, что произошли в промежуточном времени. Очевидно, он об одних не слышал, о других не знал, а о третьих позабыл. Далее, этот софист, призывая тебя к справедливым делам, привел в качестве примера бегство и возвращение Алкивиада, отзываясь о нем с похвалой; гораздо более важные и прекрасные дела, совершенные твоим отцом, он пропустил.

10. Алкнвиад ведь бежал от обвинения в святотатстве и, нанеся страшный вред своей родине, вернулся обратно; Аминта же, побежденный в борьбе за престол, на короткое время отступил и после этого вновь воцарился в Македонии. Во-вторых, тот, вновь удалившись в изгнание, постыдно окончил свою жизнь, твой же отец состарился на престоле. Он привел в качестве примера и монархию Дионисия, как будто тебе следует подражать преступнейшим (а не лучшим людям) и быть ревностным в наихудших делах, а не в справедливых. Сам ведь он говорит в наставлении об ораторском искусстве, что следует пользоваться

обычными и известными примерами, а затем, пренебрегая этим, пользуется чуждыми и наихудшими, наиболее противоречивыми в отношении смысла.

11. Сочиняя подобные достойные только осмеяния вещи, он говорит, что добродушно защитился от тех из учеников, которые порицают его. Те же из его учеников, которые им полностью очарованы и, находясь в полном расцвете своих ораторских способностей, не могут ничего возразить против этого, так расхвалили его речь, что дали ей первое место среди прочих. Ты легко можешь себе представить образование и знание истории Исократ из того, что киренцев, известных всем в качестве переселенцев из Феры, он называет спартанскими колонистами, а своим преемником назначил ученика из Понта, такого, что хотя ты и выдвигал много софистов, но более мерзкого не встречал.

12. До меня дошло, что у вас находится Феопомп, весьма тупой человек, и что он поносит Платона. Будто бы не Платон заложил начало вашему царствованию при Пердикке. Он до самого конца тяжело переносил, если среди вас происходило что-либо не по-братски или не по-дружески. И чтобы Феопомп, будучи бездарным автором, прекратил (писать), прикажи Антипатру прочитать в его присутствии из своей истории эллинских дел и пусть узнает Феопомп, что им справедливо все пренебрегают и что он не по заслугам получает у тебя содержание.

13. Точно так же обстоит и с Исократом. Будучи молодым, он писал для народа (Афин) вместе с Тимофеем поносящие вас письма; ныне же, будучи старцем, как будто ненавидя или завидуя, он большую часть из ваших добрых дел (в отношении Эллады) пропустил.

Он послал тебе речь, которую вначале адресовал Агесилаю, а затем, несколько изменив, продал тирану Сицилии Дионисию, а в третий раз он, одно прибавив, другое отняв, сосватал Александру Фессалийцу и, наконец, слабо заострив ее, отослал тебе.

14. Я хотел бы, чтобы хватило места в свитке напомнить тебе все его отговорки, приводимые в адресованной к тебе речи. В отношении Амфиполя он говорит, что наступивший мир помешал ему составить речь; о бессмертии Геракла он напишет тебе позже. За некоторые места он просит извинения, говоря, что вследствие преклонного возраста он пишет более небрежно. Он просит также не удивляться, если понтиец, прочтя речь (вследствие его произношения), представит ее более слабой (чем она есть на самом деле). В отношении того же, как победить персов, ты знаешь сам, говорит он. Но чтобы привести здесь остальные его отговорки, мне не хватает места; такую нужду в бумаге создал нам персидский царь, взяв Египет. Будь здоров и позаботившись как можно скорее об Антипатре, отошли его к нам.

¹ Усыновление Геракла Пилием – редко упоминающаяся деталь мифологической биографии Геракла. Другие источники (в частности, памятники вазовой живописи) подтверждают существование мифа о посвящении Геракла в Элевсинские мистерии. Аттические вазы, изображая это посвящение, представляют Геракла в кругу элевсинских божеств – Деметры, Керы, Триптолема, Плутоса и др.

² Имеется в виду македонский царь Александр, умерший около 454 г. до н. э.

³ Имеется в виду сухопутная битва при Платеях в 479 г. до н. э., где персидская армия, которой командовал Мардокий, была наголову разбита греками.

⁴ Упоминаемые здесь мифические племена – основателями Дельфийской Амфикистии, древнейшего политического и религиозного объединения в Средней Греции. Флегийцы, дриопы, крисейцы – греческие племена, жившие в Северной и Средней Греции.

Борьба Филиппа за проливы (Диодор, «Историческая библиотека», XVI, 74, 2 6; 75, 1-3; 76, 3-5; 77, 2-3)

Свидетельство Диодора Сицилийского о действиях царя Македонии Филиппа с целью установления контроля над важнейшими морскими путями.

Силы Филиппа постоянно росли, и потому он предпринял поход на Перинф¹, который был ему враждебен и принял сторону афинян. Подготовив осаду и подводя к городу осадные машины, он, ежедневно меняя воинов, атаковал стены города. Соорудив башни в восемьдесят локтей, значительно превосходящие башни Перинфа, Филипп изнурял осажденных нападениями с более высоких позиций. Расшатывая стены стенобитными орудиями и подрывая их подкопами, он также разрушил значительную часть укреплений. Ожесточенно обороняясь, перинфяне построили другую стену, позади разрушенной. При этом шли бои с македонянами в проломах и на стенах. В то время как с обеих сторон происходило великое соревнование в славе², царь, используя большое число разнообразных метательных машин, уничтожил многих перинфян, сражавшихся на крепостных стенах. Однако перинфяне, терявшие ежедневно большое число воинов, получили от византийцев помощь: отряды, метательные орудия и катапульты. Сравнявшись силами с врагами, они ободрились и вновь отважно терпели опасности ради спасения отечества...

Так как осада затянулась на длительное время, в городе было много убитых и раненых и кончались съестные припасы. Ожидали падения города. Но судьба все же пощадила тех, кто подвергался опасности, и неожиданно пришла на помощь осажденным. Об усилении македонского царя стало известно в Азии. Поэтому персидский царь, опасаясь могущества Филиппа, приказал сатрапам приморских областей оказать помощь перинфянам всеми силами. Сатрапы, сговорившись между собой, послали в Перинф множество наемников,

деньги в изобилии, достаточное количество хлеба, метательные орудия и все остальное для ведения войны. Византийцы тоже послали своих лучших воинов и военачальников. Когда силы стали равны и война возобновилась, снова при осаде города проявилось беспримерное соревнование в славе...

Так как из Византия перинфян снабжали всем необходимым для ведения войны, Филипп разделил свое войско на две части и половину оставил для осады, поставив во главе их лучших военачальников.

Сам царь с остальными воинами внезапно устремился на Византий и осадил его. Так как воины, метательные орудия и другое необходимое снаряжение было послано перинфянам, византийцы оказались в затруднительном положении...

В то время как Филипп вел осаду Византия, афиняне³ постановили, что Филипп нарушил заключенный между ними мир, и послали тотчас же значительные морские силы в помощь византийцам. Так же как они, военную помощь византийцам послали хиосцы, косцы, родосцы и некоторые другие эллины. Тогда Филипп, напуганный объединением эллинов, прекратил осаду городов и заключил мир с афинянами и другими враждебными ему эллинами⁴.

¹ О причинах, побуждавших Филиппа вести эту войну см. отрывок из Схолий Дидима.

² По свидетельству Диодора, под стенами Перинфа сражалось 30 тыс. македонских солдат.

³ О причинах, вызвавших вступление афинян в войну, см. отрывок из Схолий Дидима.

⁴ Попытка Филиппа захватить города Пропонтиды – Перинф и Византий – закончилась неудачей, так как македонский флот не был достаточно силен, чтобы победить соединенные морские силы греческих государств.

Вступление Афин в войну с Филиппом (339 г. до н. э.) (Дидим, Схолии к X и XI речам Демосфена)

Ниже приведен отрывок из Схолий Дидима Александрийского (I в. до н. э. – I в. н. э.) к X и XI речам Демосфена. Дидим был крупнейшим грамматиком, составившим схолии – комментарии ко многим литературным произведениям античности. Схолии Дидима к речам Демосфена до начала XX в. были известны только по отрывкам в более поздних словарях (Гарпократиона и Фотия). В 1901 г. в Египте на месте древнего города Гермуполис был найден папирус, содержащий схолии к речам Демосфена. Схолии Дидима сохранили отрывки из не дошедших до нас исторических сочинений. В приведенных отрывках Дидим, используя сочинения Филохора – выдающегося составителя Аттиды (летописей Афин) IV в. до н. э., рассказывает о причинах, побудивших афинян начать войну с Филиппом в 339 г. до н. э.

О том, как при Феофрасте, который был архонтом после Никомаха, были разбиты стелы, Филохор достаточно ясно пишет в VI книге следующее: «Выслушав письменное послание Демосфена, призвавшего к войне и написавшего псефизму, народ постановил разбить стелу, на которой был записан договор о мире и военном союзе между афинянами и Филиппом, посадить на суда команду и деятельно заняться делами войны».

Война афинян против македонянина вспыхнула из-за тех обид, которые Филипп причинил Афинам, делая при этом вид, что он намерен сохранять мир. Но главной причиной войны был поход царя на Византий и Перинф. Поход Филиппа имел целью принудить эти города к сдаче по двум причинам. Прежде всего, чтобы лишить афинян доставки хлеба¹, а также для того, чтобы приморские города не могли предоставить афинскому военному флоту надежных убежищ во время войны с ним. Тогда же Филипп совершил противозаконнейшее дело, захватив находившиеся в Гиероне суда купцов: по свидетельству Филохора – 230, по свидетельству Феопомпа – 180. От продажи этих судов он получил 500 талантов. Это он сделал раньше², при Феофрасте, который был архонтом после Никомаха. Филохор, как и все остальные, говорит об этом следующее: «Харет отправился на совещание царских стратегов³, оставив у Гиерона военные корабли для того, чтобы они сопровождали торговые суда из Понта. Филипп же, узнав о том, что Харет отсутствует, сначала пытался захватить торговые суда с помощью военных кораблей. Не будучи в состоянии одолеть на море, он переправил воинов на сушу у Гиерона и завладел торговыми судами. Всего же было не меньше 230 судов⁴. Таким образом, он решительно развязывал военные действия, поскольку у него был лес для осадных машин, хлеб, кожи и большое количество денег».

¹ Торговые суда афинян часто подвергались нападениям македонян в Эгейском море. В конце навигационного сезона Афины посылали военный флот для сопровождения торговых судов, выходивших из Понта.

² Раньше – до объявления войны афинянами Филиппу.

³ Имеются ввиду переговоры о союзе с Персией, напуганной усилением Филиппа.

⁴ Две цифры – 180 и 230 – можно объяснить, по-видимому, так: 180 – это число судов враждебных Филиппу городов, которые он конфисковал. Остальные были им отпущены.

Силы Афин и Македонии перед битвой при Херонее (338 г. до н. э.) (Демосфен, «Речи», XVIII)

XVIII речь («За Ктесифонта о венке») была произнесена Демосфеном в 330 г. до н. э. во время процесса против Ктесифонта, обвиненного во внесении противозаконного предложения о награждении Демосфена золотым венком за его заслуги перед Афинами.

Процесс был фактически направлен против Демосфена, речь которого содержала оправдание политической линии и перечисление своих заслуг перед городом. Изложив всю историю борьбы с Филиппом, Демосфен подробно останавливается на тех трудностях, с которыми он столкнулся при подготовке войны с Филиппом.

Так вот, что касается сил нашего государства, то их составляли жители островов – не всех, а наиболее слабых, так как ни Хиос, ни Родос, ни Керкира¹ не были с нами; денежное обложение у нас доходило до 45 талантов, да и оно было уже собрано вперед; гоплитов же и всадников не было, кроме своих собственных, ни одного. Но страшнее всего для нас и наиболее на руку врагам было то, что эти люди² внушили всем окрестным жителям скорее враждебные, чем дружественные, чувства к нам – именно мегарцам, фиванцам, эвбейцам.

В таком положении были дела нашего государства, и никто не мог бы ничего возразить против этого. А посмотрите, как было у Филиппа, с которым у нас шла борьба. Во-первых, он распоряжался своими подчиненными сам полновластно, а это в делах войны – самое важное из всего. Затем, его люди никогда не выпускали из рук оружия.

Далее, денежные средства у него были в избытке, и делал он то, что сам находил нужным, причем не объявлял об этом наперед в псефисмах и не обсуждал открыто на совещаниях, не привлекался к суду сикофантами, не судился По обвинению в противозаконии, никому не должен был давать отчета – словом, был сам над всем господином, вождем и хозяином.

Ну, а я, поставленный один на один против него (справедливо разобрать и это), над чем имел власть? Ни над чем! Ведь, прежде всего, само это право выступать с речами перед народом, единственное, что было в моем распоряжении, вы мне предоставляли в такой же степени, как и людям, состоявшим на жалованье у него, и в чем им удавалось одержать верх надо мной (а такие случаи бывали часто и по любому поводу), это самое вы и постановляли на пользу своим врагам, перед тем как разойтись из Собрания. Но все-таки, несмотря на такие невыгоды в нашем положении, я привлек к союзу с вами эвбейцев, ахейцев, коринфян, фиванцев, мегарцев, левкадян, керкирцев – у них у всех удалось набрать в общем пятнадцать тысяч наемников и две тысячи всадников помимо гражданских сил; денег я постарался собрать насколько мог больше.

¹ После Союзнической войны 357-355 гг. до н. э. Афины были вынуждены признать независимость Хиоса, родоса, Коса и Керкиры.

² Сторонники Филиппа.

Битва при Херонее (Диодор, «Историческая библиотека», XVI, 85-86)

Описание битвы при Херонее, содержащееся в сочинении Диодора Сицилийского.

...Филиппу не удалось заключить союз с беотийцами. Тем не менее он решил выступить и против афинян, и против беотийцев. Дождавшись некоторых запоздавших союзников, он явился в Беотию более чем с 30 тыс. пехоты и не менее чем с 2 тыс. всадников. Хотя обе стороны хорошо приготовились к битве и в отношении предусмотрительности, воодушевления, да и по военной доблести не уступали друг другу, все же численностью войск и талантом военачальника превосходил царь. Побывав во многих разнообразных боях и в большинстве сражений одержав победу, он имел большую опытность в военном деле. Между тем со стороны афинян лучшие из полководцев, каковы Ификрат, Хабрий и Тимофей, умерли, а лучший из оставшихся, Харег, по способности быть вождем и по предусмотрительности ничем не отличался от любого из простых солдат. С рассветом обе стороны стали выстраиваться. На одном крыле Филипп поставил сына своего Александра, юношу возрастом, отличавшегося выдающейся храбростью и пылкой решительностью; рядом с ним поставил и наиболее видных из полководцев; а сам, имея при себе отборный отряд, взял под свое командование другую часть и находившиеся здесь роты искусно расставил применительно к обстоятельствам. Афиняне расставили войска по народностям; вверив одну часть фронта беотийцам, они оставили за собой командование остальным фронтом. Битва была жаркая и длилась долгое время. С обеих сторон было много павших, и в течение некоторого времени ход боя не подавал решительных надежд на победу ни одной из сторон. Наконец, Александр, стремясь показать перед отцом свою личную храбрость, не уступая ему в чрезмерном честолюбии и подстрекаемый в то же время тем, что рядом с ним сражалось и много доблестных людей, первый прорвал сомкнутую линию неприятеля и, многих сразив, теснил выстроенные против него отряды. Когда то же сделали и стоявшие рядом с ним, фронт войска греков все более разбивался. Трупы валились горами, и находившиеся под начальством Александра отряды первые осилили и обратили в бегство своих противников. После этого и сам царь, сражаясь с опасностью для жизни и не уступая честь победы даже самому Александру, сначала оттеснил атакой стоявших против него, а потом обратил их в бегство и благодаря этому явился виновником победы. Из афинян пало в сражении более тысячи и не менее двух тысяч попало в плен. Равным образом и из беотийцев многие были перебиты, немало было и взято живыми. Филипп поставил после битвы трофей, разрешил хоронить трупы, принес богам победную жертву и наградил по заслугам отличившихся.

Объединение Греции под властью Филиппа Македонского (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», IX, 5-6)

Юстин, римский писатель II и III вв. н. э., известен как автор сокращенного изложения «Истории Филиппа» – сочинения римского историка конца I в. до н. э. Помпея Трога, которое до нас не дошло. Македония и страны восточного Средиземноморья были главной темой истории Помпея Трога. Предлагаемый отрывок сообщает о событиях последнего года правления Филиппа II.

Документ сообщает важные данные о причинах, облегчивших Филиппу II завоевание Греции. В договоре, заключенном на Коринфском конгрессе, Филипп II гарантировал греческим рабовладельцам охрану их имущества, запретил передель земли, запретил отменять долги, отпускать рабов на свободу теми, кто стремился к переворотам, и т.д. и т.п. Сильная власть Филиппа II укрепляла рабовладельческий строй в Греции и обеспечивала рабовладельцам владение и приумножение имущества в таких размерах, в которых это не могли сделать греческие города-государства.

Устроив дела в Греции, Филипп¹ приказал созвать в Коринф послов² от всех государств, чтобы выработать форму для данного положения. Здесь он определил условия мира для всей Греции, сообразно с заслугами отдельных государств, и из всех избрал общий совет, как бы единый сенат. Одни лакедемоняне отнеслись с пренебрежением и к царю, и к условиям его, считая рабством, но не миром те условия, которые даруются победителем, а не вытекают из интересов самих городов. Затем переписываются вспомогательные войска отдельных городов на случай, если придется послать этот отряд на помощь царю при нападении кого-либо, или если придется идти войной под предводительством царя. И не было никакого сомнения, что эти приготовления направлены были против персидской державы. Всех союзных войск было 200 тысяч пехоты и 15 тысяч всадников. В это число не вошли ни македонское войско, ни соседние покоренные племена варваров. С началом весны Филипп отправил вперед трех полководцев, Пармеиона, Аминту и Атталу, в ту Азию³, которая была под властью персов... Тем временем, пока собираются войска из Греции, он справляет свадьбу дочери Клеопатры с Александром, которого он сделал царем Эпира⁴. К этому дню были сделаны пышные приготовления, сообразное могуществом двух царей - и выдавшего дочь замуж, и бравшего в жены. Были устроены великолепные игры; но когда Филипп спешил на эти игры, следуя без телохранителей между двумя Александром, сыном и зятем, Павсанием, знатный македонский юноша, не возбуждавший ни в ком подозрения, стал в узком месте и убил Филиппа⁵ в то время, как тот проходил мимо, и омрачил надгробным плачем день, предназначавшийся для радости.

¹ Филипп II (359-336 гг. до н. э.).

² Коринфский конгресс 337 г. до н. э.

³ То есть Малую Азию.

⁴ Эпир – горная область к юго-западу от Македонии.

⁵ Филипп был убит в результате заговора, в котором, может быть, был замешан и персидский царь.

Мирный договор Филиппа и греческих городов (337 г. до н. э.)

Надпись на стеле гиметтского мрамора, два фрагмента которой были найдены в Афинах на Акрополе. Она содержит формулу клятвы, принесенной участниками Коринфского конгресса, на котором были представлены делегаты всех греческих городов, кроме Спарты. Греческие города обязывались сохранять мир, не вести междоусобных войн, не изменять существующее государственное устройство. Запрещались даже кассация долгов и освобождение рабов. Был создан союз греческих городов во главе с союзным советом. Филипп, заключивший договор с каждым из государств, был объявлен вождем – руководителем внешней политики Греции.

Клятва. Я клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Посейдоном, Афиной, Аресом, всеми богами и богинями. Я останусь верен миру и не нарушу того договора, который был заключен с Филиппом Македонским.

Я не выступлю походом ни на суше, ни на море и не причиню вреда тем, кто останется верен клятвам.

Я не захвачу какой-либо хитростью или уловками для военных целей ни города, ни укрепления, ни гавани, принадлежащие участникам мирного договора.

Я не посягну на царскую власть Филиппа и его потомков, а также на государственное устройство, существовавшее у каждого государства в тот момент, когда приносились клятвы о мире.

Я сам не сделаю ничего, противоречащего этому договору, и не позволю никому другому по мере сил. Если кто-либо сделает что-нибудь нарушающее этот договор о мире, я окажу тем, кому будет причинен вред, такую помощь, какую они попросят. Я буду воевать с нарушителем общего мира в соответствии с решением союзного совета и приказом вождя¹ и не оставляю... (текст обрывается)².

¹ Т.е. Филиппа.

² Далее следует перечисление греческих государств – участников союза с указанием числа голосов, принадлежавших каждому из этих государств в союзном совете. По мнению некоторых исследователей, рядом на камне (справа) был выбит текст клятвы, которую Филипп принес союзным греческим городам.

Речь о мире с Александром (Псевдодемосфен)

В речи по поводу мира с Александром, приписываемой Демосфену, изложены статьи договора 337 г. до н.э., заключенного на Коринфском конгрессе, и случаи нарушения его Александром Македонским. Мир был заключен после подавления восстания в Греции, вспыхнувшего при известии о смерти Филиппа. Содержание отрывка важно для характеристики социально-экономического и политического положения в Греции во второй половине IV в. до н. э. и политической позиции Македонии.

Александр вопреки клятвенным обещаниям, вписанным в общий договор, вернул в Мессену детей Филиада, бывшего тирана...

Но этого нельзя допустить, если вы хотите соблюдать право, так как ведь в договоре написано, что тот, кто поступит так, как поступил Александр, должен быть признан за врага... Договор в самом начале говорит, что греки должны быть свободны и управляться своими собственными законами...

Перехожу к другому пункту договора, в котором написано, что если кто отменит политический строй, существовавший у каждого участника договора в тот момент, когда этот договор заключался, считать того за врага всем участникам договора. Смотрите же, афиняне, македонец сверг в настоящее время демократию у ахейцев пелопоннесских, пользовавшихся до сего времени демократическим управлением.

В договоре сказано, что нужно создать коллегия лиц, поставленных для общего наблюдения, чтобы в городах, принимающих участие в договоре, не производилось бы ни убийств и казней, ни высылки людей вопреки действующим в этих городах законам, чтобы не производились конфискации ни имущества, ни нового предела земли, ни отмены долгов, и чтобы из-за стремления к переворотам не отпускались рабы на свободу.

Еще в договоре сказано, чтобы все союзники, подписавшие договор, свободно пользовались морем и чтобы никто им в этом не препятствовал и не захватывал их кораблей.

Македонцы же осмелились войти в самый Пирей.

2.9. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Юность Александра Македонского (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Александр», IV-V, VII-XI)

В «Сравнительных жизнеописаниях», в главе, посвященной Александру Македонскому, можно встретить описание характера будущего полководца в период его становления как личности, во времена детства и юности.

IV. Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!». Вообще Александр, по-видимому, не любил атлетов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсодов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам.

V. Когда в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял; он настолько покорило послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о самом царе – каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов, что они немало удивлялись и пришли к выводу, что прославленные способности Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений этого мальчика. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: "Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего". Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам.

Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбой за славу.

Само собой разумеется, что образованием Александра занимались многочисленные воспитатели, наставники и учителя, во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава; хотя сам Леонид и не стыдился звания воспитателя и дядьки, звания по существу прекрасного и достойного, но из уважения к нему и его родственным связям все называли его руководителем и наставником Александра. Дядькой же по положению и по званию был Лисимах, акарнанец родом. В этом человеке не было никакой утонченности, но лишь за то, что он себя называл Фениксом, Александра – Ахиллом, а Филиппа – Пелеем, его высоко ценили и среди воспитателей он занимал второе место...

VII. Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное и, как говорит Софокл, «Кормило нужно тут и твердая узда». Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и Александру рощу около Миезы, посвященную нимфам, где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял со своим учеником. Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласит: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров». Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

VIII. Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады» – хорошее средство для достижения военной доблести. Список "Илиады", исправленный Аристотелем и известный под названием "Илиада из шкатулки", он всегда имел при себе, храня его под подушкой, вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит. Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филиста, многие из трагедий Еврипида, Софокла и Эсхила, а также дифирамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения. Однако врожденные и привитые ему с детства рвение и страсть к философии не угасли в душе Александра, как это доказывают почести, оказанные им Анаксарху, пятьдесят талантов, посланные Ксенократу, и заботы о Дандамиде и Калане.

IX. Когда Филипп пошел походом против византийцев, Александр, которому было только шестнадцать лет, остался правителем Македонии, и ему была доверена государственная печать. За это время Александр покорил восставших медов, захватил их город, изгнал оттуда варваров и, заселив его переселенцами из различных мест, назвал Александрополем. Александр участвовал также в битве с греками при Херонее и, говорят, первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев. И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса – так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян. За все это Филипп, естественно, очень любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем.

Однако неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревнивой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца. Самая сильная ссора между ними произошла по вине Аттала на свадьбе Клеопатры, молодой девушки, с которой Филипп вступал

в брак, влюбившись в нее несмотря на свой возраст. Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Вздвигнутый этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?» – и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но по счастью для обоих гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу». После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии. В это время коринфянин Демарат, связанный с царским домом узами гостеприимства и пользовавшийся поэтому правом свободно говорить с царем, приехал к Филиппу. После первых приветствий и обмена любезностями Филипп спросил его, как ладят между собою греки. «Что и говорить, Филипп, кому как не тебе заботиться о Греции, – отвечал Демарат, – тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!» Эти слова заставили Филиппа одуматься, и он послал за Александром, уговорив его, через посредничество Демарата, вернуться домой.

Х. Когда Пиксодар, сатрап Карий, стремясь заключить военный союз с Филиппом, задумал породниться с ним и предложил свою старшую дочь в жены сыну царя Арридею, он послал с этой целью в Македонию Аристокрита. Опять пошли разговоры; и друзья и мать Александра стали клеветать на его отца, утверждая, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть. Весьма обеспокоенный этим Александр послал трагического актера Фессала в Карию, поручив ему убедить Пиксодара отвергнуть незаконнорожденного и к тому же слабоумного Арридея, а вместо этого породниться с Александром. Этот план понравился Пиксодару гораздо больше первоначального. Узнав об этом, Филипп... (Текст испорчен.) вошел в комнату Александра вместе с одним из его близких друзей – Филотом, сыном Пармениона. Царь горько корил сына и резко бранил его, называя человеком низменным, недостойным своего высокого положения, раз он хочет стать зятем карийца, подвластного царю варваров. Коринфянам же Филипп написал, чтобы они, заковав Фессала в цепи, прислали его в Македонию. Из остальных друзей Александра Филипп изгнал из Македонии Гарпала, Неарха, а также Эригия и Птолемея; впоследствии Александр вернул их и осыпал величайшими почестями.

Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду изза Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра: шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медии»: Всем отомстить – отцу, невесте, жениху. Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их и очень возмущался тем, что Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой.

XI. Итак, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон опасности...

Политика Александра Македонского в Греции (Псевдодемосфен, «О договоре с Александром», XVII, 4 сл.)

В этой речи, приписываемой афинскому оратору Демосфену, излагаются статьи мирного договора, заключенного между Грецией и Македонией в 337 г. до н. э. на Коринфском конгрессе, а также перечисляются случаи нарушений условий мира со стороны Александра Македонского. Мирный договор Греции с Македонией был возобновлен после неудачного восстания греков, поводом к которому послужила смерть Филиппа II.

Александр вопреки клятвенным обещаниям, вписанным в общий договор, вернул в Мессену детей Филиада, бывшего тирана...

Но этого нельзя допустить, если вы хотите соблюдать право, так как ведь в договоре написано, что тот, кто поступит так, как поступил Александр, должен быть признан за врага. Договор в самом начале говорит, что греки должны быть свободны и управляться своими собственными законами...

Перехожу к другому пункту договора, в котором написано, что, если кто отменит политический строй, существовавший у каждого участника договора в тот момент, когда этот договор заключался, считать того за врага всем участникам договора. Смотрите же, афиняне, македонец¹ сверг в настоящее время демократию у ахейцев пелопоннесских, пользовавшихся до сего времени демократическим управлением.

В договоре сказано, что нужно создать коллегия лиц, поставленных для общего наблюдения, чтобы в городах, принимающих участие в договоре, не производилось бы ни убийств и казней, ни высылки людей вопреки действующим в этих городах законам, чтобы не производились конфискации ни имущества, ни нового предела земли, ни отмены долгов и чтобы из-за стремления к переворотам не отпускались рабы на свободу.

Еще в договоре сказано, чтобы все союзники, подписавшие договор, свободно пользовались морем и чтобы никто им в этом не препятствовал и не захватывал их кораблей.

Македонцы же осмелились войти в самый Пирей.

¹ Македонец, т.е. Александр Македонский.

Сравнение персидского и македонского войска (Квинт Курций Руф, «История Александра», 9, 2, 4-16)

Римский историк Квинт Курций Руф написал «Историю Александра» в десяти книгах (две первые до нас не дошли). Время жизни Квинта Курция Руфа до сих пор не определено точно. Однако большинство ученых склонны считать, что он был современником римского императора Клавдия (41-54 гг. н. э.). Квинт Курций Руф пользовался при написании своей книги не дошедшими до нас сочинениями Птолемея Лага, Аристобула и Клитарха – участников похода Александра Македонского. Наряду с этим ему были известны работы историков враждебного Александру лагеря, отражавших точку зрения греко-македонской оппозиции. В приводимых отрывках Квинт Курций Руф подчеркивает более низкий боевой уровень и худшее техническое оснащение персидской армии по сравнению с македонянами. Указываемая им численность персидского войска относится ко времени, предшествующему битве при Иссе. Как это свойственно большинству историков походов Александра, Квинт Курций Руф, по-видимому, сильно преувеличивает число воинов персидской армии.

Персов было 100000, в том числе 30000 всадников. Мидийцы выставили 10000 всадников и 50000 пехотинцев.

В войске было также 2000 всадников из племени Барканов, вооруженных обоюдоострыми секирами и щитами, по виду напоминавшими цетры. Их сопровождали 10000 пеших воинов этого племени, вооруженных точно так же. Армяне послали 40000 пехоты, усилив ее 7000 всадников. Гирканы по обычаю местных народов скомплектовали шеститысячный отряд отборных всадников, добавив к ним 1000 тапуров.

Дербики вооружили 40000 пехотинцев. Большинство этих воинов имело копья с железными и медными наконечниками, но некоторые были вооружены простыми палками, концы которых для прочности были обожжены на огне. 2000 всадников того же племени сопровождали пехоту. От берегов Каспийского моря пришло войско, состоявшее из 8000 пехоты и 200 всадников. С ними были другие незначительные народы, собравшие 2000 пехотинцев и вдвое большее число всадников. Кроме этих отрядов у персов было 30000 отборных молодых греческих наемников. Поспешность, с которой персы выступили в поход, помешала собрать войска бактрийцев, согдийцев, индийцев и многих других племен, обитавших на побережье Красного моря, имена которых были неизвестны даже тому, кто ими командовал¹... Столь блестящее войско, такое обилие племен, вся эта огромная масса людей, согнанная из разных стран Востока, может быть страшна только для соседних, похожих на персов народов... Сверкание золота, блеск оружия и роскошь пурпурных одежд столь велики в этом войске, что это невозможно ни охватить взглядом, ни представить умом. Преимущество македонского боевого строя заключается в том, что у них (македонян) непоколебимые колонны и отборные отряды воинов надежно прикрыты щитами и копьями. Сами македоняне называют свой плотно сомкнутый строй пехотинцев фалангой. При таком построении человек плотно примыкает к человеку, доспех – к доспеху. Готовые по знаку командующего следовать за знаменами, эти воины привыкли при наступлении сохранять сомкнутый строй. То, что приказано, выполняют все: простые солдаты не менее опытные, чем их командиры. Они знают, когда нужно перестроиться во время битвы, когда бегом отойти на фланги, когда организовать оборону... Трудно предположить, что натиск находящихся в македонском войске фессалийских всадников, акарнанцев и непобедимых в битве этолийцев может быть отражен пращами и обожженными на огне палками воинов Дария.

¹ Опущено начало приводимого Квинтом Курцием Руфом разговора Дария III с афинянином Харидемом, бежавшим к персидскому царю от преследований Александра. В этой, вероятнее всего вымышленной, беседе устами опытного в военном деле Харидема Квинт Курций Руф дает характеристику персидской армии и противопоставляет персам военное искусство македонян.

Походный порядок персидского войска (Квинт Курций Руф, «История Александра», III, 3, 8-25)

Квинт Курций Руф о боевом порядке, который использовался персами.

...Согласно древнему обычаю, у персов было принято выступать в поход только с восходом солнца. Когда наступал яркий день, из царского шатра трубой подавали сигнал к выступлению. Над царской палаткой сверкало изображение солнца со вставленным в него куском горного хрусталя. Это изображение устанавливалось таким образом, чтобы его можно было видеть отовсюду. В походе порядок персидского войска был следующий. Впереди на серебряном алтаре несли огонь, который персы почитали как священный и вечный¹. Непосредственно за алтарем шли маги, певшие старинный гимн. Священный огонь сопровождали 365 юных магов, одетых в пурпурные плащи. Их число соответствовало количеству дней в году, так как год у персов был равен римскому. Затем белые лошади везли священную колесницу Юпитера. За этими конями вели необычайной величины коня, которого называли конем Солнца. Люди, которые вели коней, носили белые

одежды и имели золотые хлысты. Неподалеку за ними двигались 10 колесниц, покрытых большим количеством золотых и серебряных чеканных украшений. За колесницами следовала конница 12 племен, отличавшихся друг от друга вооружением и внешним видом. Дальше шли те, которых персы называли «Бессмертными»; их было около 10000. Они выделялись своей варварской роскошью: одни из них носили золотые ожерелья, другие – одежду, украшенную золотом, и даже расшитые жемчугом туники с длинными рукавами². На небольшом расстоянии от них двигался отряд, состоявший из 15000 человек, которых называли родственниками царя. Эта чуть ли не по-женски разряженная толпа привлекала внимание скорее роскошью одежды, чем красотой доспехов. Следовавший за ними отряд носил название «Дорифоров». Они обыкновенно несли царскую одежду и шли впереди колесницы, на которой ехал сам царь, возвышавшийся над всеми. Обе стороны его колесницы были украшены изображениями богов, изваянными из золота и серебра. Ярмо было усыпано драгоценными камнями; на нем возвышались две золотые статуи длиной в локоть. Одна из них изображала Нина, а другая – Бела³. Между этими двумя изображениями находился священный золотой орел с распростертыми крыльями, как бы готовый к полету. Одежда царя выделялась даже среди всеобщей роскоши: середина его пурпурной туники была заткана белым; вышитую золотом мантию украшали клюющие друг друга золотые ястребы. На золотом поясе, повязанном по-женски, висел акинак, ножны которого были усыпаны драгоценными камнями. Царскую корону персы называли Кидарой. Поверх короны была повязана синяя повязка с белой полосой. За царской колесницей следовало 10000 копьеносцев. Они несли украшенные серебром копья, наконечники которых были окованы золотом. Царя сопровождало до 200 знатнейших из его приближенных, шедших справа и слева от царской колесницы. Их колонну замыкали 30000 пехотинцев, за которыми следовало 400 лошадей царя. Наконец, на расстоянии одного стадия следовала повозка, в ней везли мать Дария Сизигаадбу. Жена царя находилась в другой повозке. Множество женщин, сопровождавших обеих цариц, ехали за ней верхом на лошадях. За ними следовало 15 крытых кибиток, которые назывались (у персов) армамаксами. В них находились дети царя, воспитатели и толпа евнухов, которые у этих народов вовсе не считались существами презренными. Затем ехали 365 царских наложниц, одетых и украшенных по-царски. Позади них на 600 мулах и 300 верблюдах везли царскую казну. Ее сопровождала охрана, которую составляли стрелки из лука. Непосредственно за этой колонной ехали жены царских друзей и приближенных, а также толпы торговцев и обозных слуг. Последними шли составлявшие арьергард легковооруженные – каждый отряд под командой своих военачальников, предназначенные для того, чтобы не давать войску разбредаться.

¹ В религии персов солнце и огонь считались воплощением доброго верховного божества Ахурамазды.

² В Риме носить тунику с рукавами считалось признаком изнеженности.

³ Греческие историки считали основателем ассирийского государства легендарного царя Нина, сына бога Бела. Курций Руф следует, вероятно, греческим источникам в предположении, что статуи на ярме царской упряжки изображали Нина и Бела.

Битва при Гранике¹ (334 г. до н. э.) (Арриан, «Анабасис Александра», I, 14-16)

Арриан – греческий историк II в. из города Никомедии в Малой Азии. Римский сенатор и консул. Автор многочисленных сочинений, из которых значительная часть потеряна. Дошедшее до нас сочинение Арриана «Анабасис Александра» является важным историческим источником по истории завоеваний в монархии Александра Македонского, а также стран, входивших в нее.

Битва на реке Граник (334 г. до н. э.) – сражение между македонской армией Александра Великого и войском персидских сатрапов на реке Граник в Малой Азии недалеко от легендарной Трои.

Некоторое время оба войска на высоких берегах реки стояли спокойно, выжидая, что будет. И на той и на другой стороне была полная тишина. Персы выжидали наступления македонцев, чтобы напасть на них во время переправы через реку. Тогда Александр вскочил на коня и, приказав окружавшим его людям следовать за ним и проявить свою храбрость, послал в воду передовые отряды конницы, а также пэонцев², под командой Аминты³, сына Аррабайя, и один отряд пехоты, впереди же всех он послал Птолемея, сына Филиппа, командовавшего конным отрядом Сократа – этот отряд случайно был в этот день головным отрядом всей конницы. Сам же во главе левого фланга под звуки труб и пения пэана в честь Ареса Эниалийского, он вступает в реку, все время растягивая строй в косую линию там, где людей увлекало быстрое течение воды, с таким расчетом, чтобы персы не напали на него с боков во время выхода на берег, но чтобы самому, насколько будет возможно, напасть на них строем фаланги⁴.

А персы, которые стояли впереди на высоком берегу против отрядов Аминты и Сократа, стали в этом месте сами обстреливать врага – сверху вниз; одни из них, стоявшие на возвышенной местности над берегом, бросали стрелы в реку, другие, стоявшие ниже, спускались до самой воды. И произошло столкновение всадников: с одной стороны, выходящих на берег из воды, с другой стороны, препятствующих им в этом. При этом персы теряли множество своих дротиков, так как македонцы бились тяжелыми копьями. Однако, будучи гораздо малочисленней, македонцы попали при первом столкновении в тяжелое положение, так как им приходилось защищаться снизу вверх из реки и притом стоя на нетвердой почве, персы же нападали с высокого

берега. Кроме того, против них стояла самая сильная часть персидской конницы, и дети Мемнона и сам Мемнон⁵ с ними подверглись большой опасности. Первые македонцы, столкнувшись с персами, были ими зарублены, проявив большое мужество, те же, которые находились перед двигавшимися за ними Александром, уклонялись в сторону от ударов. Но Александр был уже близко. Он вел за собой правый фланг, и первый напал на персов в том месте, где столпилось особенно много всадников и где были персидские командиры. Вокруг него завязалась ожесточенная битва. За это время один за другим без труда переходили реку отдельные отряды македонцев. Битва происходила между всадниками, но была больше похожа на пешую битву. Конники сталкивались в этой битве с конями, а люди с людьми: македонцы пытались оттолкнуть весь строй персов с возвышенного берега и заставить их сойти в долину, а персы старались мешать переправе и толкали македонцев обратно в реку. При таких обстоятельствах воины Александра получили преимущество, – потому что кроме того, что обладали большой физической силой и выказывали много мужества, они бились крепкими копьями из крушины против слабых дротиков неприятеля.

Наконец, персы и их кони, получая со всех сторон удары копий по лицу и по голове и выбиваемые с коней, а также много страдавшие от легко вооруженных, сражавшихся рядом со всадниками, подались прежде всего на том участке боя, где первоначально большой опасности подвергался Александр. И как только раскрылся перед ними проход посредине между приведенными в расстройство рядами конницы, началось общее бегство. Персидских всадников было убито до тысячи человек. Но большой погони за бегущими не было, потому что Александр обратился против греческих наемников. Их толпа больше вследствие неожиданно охватившего их страха, нежели из какого-либо соображения, оставалась на том же месте, где они стояли раньше. На них то и повел Александр свою фалангу, отдав приказ атаковать их в лоб; почти все были перебиты; никому не удалось бежать, спаслись только те, кто укрылся под трупами павших. Около двух тысяч человек было взято в плен...

Из македонской тяжелой конницы гетайров погибло при первой стычке около двадцати пяти человек. Их медные изображения были поставлены в храме Зевса. Александр приказал сделать их скульптуру Лисиппу⁶, которому одному только удалось хорошо сделать статую самого Александра. Других всадников погибло больше шестидесяти, пехотинцев – около тридцати. Их Александр предал погребению на следующий день с оружием и другими знаками почта. Их родителей и детей по всей стране Александр освободил от налогов и от других повинностей, которые лежали на них лично и на их имуществе. Раненых он окружил полной заботливостью, сам обходил всех, осматривал раны, спрашивал, при каких обстоятельствах каждый был ранен, и позволял им все рассказывать и даже прихвастнуть. Он предал погребению также и греческих наемников, убитых среди врагов, а тех, кого он захватил из них в плен, отправил закованных в Македонию на рабские работы за то, что они наперекор общему мнению эллинов, будучи сами эллинами, сражались на стороне варваров против Эллады. И в Афины он послал триста экземпляров полного персидского вооружения в качестве дара богине Афине. Говорят, что при этом была сделана надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, сняли эти доспехи с варваров, населяющих Афины».

¹ Граник – небольшая река в северо-западной части Малой Азии, впадающая в Мраморное море.

² Пэонцы – фракийское племя.

³ Аминта – полководец Александра Македонского.

⁴ Фаланга – строй македонского войска, представляющий колонну тесно сомкнутых рядов тяжело вооруженных пехотинцев, главным оружием которых были длинные копья – сариссы и щиты, а также легко вооруженных воинов, охранявших фланги малоповоротливой основной колонны.

⁵ Мемнон – родом из Родоса – командир греческих наемников персидского царя и в качестве доверенного лица Дария III, один из самых влиятельных военачальников персидской армии. Умер в самом начале войны.

⁶ Лисипп – знаменитый греческий скульптор, современник Александра.

Битва при Иссе¹ (333 г. до н. э.) (Арриан, «Анабасис Александра», II, 7-11)

Битва при Иссе (333 г. до н. э.) – сражение между македонской армией Александра Великого и персидским войском царя Дария в Киликии (Малая Азия).

Перейдя через гору возле так называемых Аманских Ворот, Дарий пошел к Иссу и очутился, сам того не подозревая, в тылу Александра. Овладев Иссом, он захватил македонцев, оставленных там по болезни, и, тяжело изувечив, казнил их. На следующий день он подошел к реке Пинару. Когда Александр услышал, что Дарий стоит у него в тылу, то известие это показалось ему невероятным, и он послал кое-кого из гетайров на тридцативесельном судне обратно к Иссу посмотреть, соответствует ли известие действительности. Плывая на тридцативесельном судне по морю, образуемому в этом месте залив, они очень легко установили, где стоят персы, и привезли Александру известие, что Дарий у него в руках...

На рассвете он спустился от Ворот к дороге. Пока со всех сторон шли теснины, он вел войско колонной; выйдя на простор, развернул его широким фронтом, подводя один полк гоплитов за другим; с одной стороны

войска была гора, слева – море. Конница у него пока что выстроилась в тылу у пехоты; когда же все вышли на широкое место, он построил войско для боя: на правом крыле у горы первыми стояли агема пехоты и щитоносцы, которыми командовал Никанор, сын Пармениона, рядом с ними полк Кена, за ним полк Пердикки. Они были расставлены до центра гоплитов на правом крыле. На левом крыле впереди стоял полк Аминты, за ним полк Птолемея и рядом с ним полк Мелеагра. Командовать пехотой на левом крыле поручено было Кратеру; над всем левым крылом начальствовал Парменион. Ему было приказано не отходить от моря, чтобы войску не попасть в окружение варваров, которые рассчитывали благодаря своей численности обойти македонцев.

Дарий, получив известие, что Александр тут и готов к битве, велел переправиться на ту сторону Пинара коннице (ее было около 30000 всадников) и вместе с ней легковооруженным (их было тысяч 20), чтобы без помехи выстроить остальное войско. Из гоплитов он первыми поставил против македонской пехоты около 30000 эллинских наемников, а по обеим сторонам их – около 60000 так называемых кардаков; это были тоже гоплиты. При обычной глубине строя там, где они стояли, могло поместиться лишь такое количество воинов. У горы, находившейся слева, он выстроил против правого Александрова крыла около 20000 воинов; из них некоторые оказались в тылу Александрова войска. Дело в том, что гора, у которой они были построены, в одном месте образовала углубление – нечто напоминающее залив в море, а затем выдавалась подковой вперед; поэтому те, кто стоял у ее подошвы, и оказались в тылу правого Александрова крыла. Остальное множество легковооруженных и гоплитов, построенное по племенам бесполезно глубоким строем, стояло за эллинами-наемниками и варварской пехотой. Говорят, что у Дария войска было всего около 600000².

Александр шел вперед, и как только место стало немного шире, он продвинул всадников, так называемых гетай-ров, фессалийцев и македонцев. Он поставил их на правом крыле, где был и сам; пелопоннесцев и остальных союзников он отправил на левое крыло к Пармениону.

Дарий, выстроив свою пехоту, дал знак вернуться коннице, которую он выслал вперед за реку, чтобы беспрепятственно построить свое войско. Большинство всадников он поставил на правом крыле против Пармениона у моря, потому что местность там как раз была удобна для конницы, но часть всадников он отвел на левое крыло к горе. (Здесь, однако, вследствие узости места всадники оказались бы бесполезны, и большинству из них он велел также скакать на правое крыло. Сам Дарий находился в середине всего строя; это место определил для персидских царей обычай...

В эту минуту Александр увидел, что почти вся персидская конница переместилась против его левого крыла, расположенного у моря, а у него там стоят только пелопоннесцы и прочие всадники союзников. Он поспешно отправил на левое крыло фессалийскую конницу, велел ей проехать не перед фронтом всего войска, чтобы враг не заметил ее перемещения, а пробраться незаметно по тылам пехоты. На правом крыле он впереди всадников поставил «бегунов» под командой Протомаха и пеонов под командой Аристана, а из пехоты – лучников под предводительством Антиоха. Агриан под предводительством Аттала, небольшое число всадников и лучников он разместил подковой у себя в тылу, у горы, находившейся сзади, так, что справа фронт расходился у него на два крыла, из которых одно обращено было против Дария и всех персов, находившихся за рекой, а другое – против вы- с троенных у горы, в тылу у него. На левом крыле впереди стили из пехоты критские лучники и фракийцы, которыми предводительствовал Ситалк. Перед ними находилась конница левого крыла. Чужеземные наемники стояли крайними сзади всех. Так как строй на правом крыле показался ему недостаточно плотным и линия персов, по-видимому, здесь выдвигалась значительно дальше, то Александр велел незаметно перейти из центра на правое крыло двум конным илам гетайров – анфемусийской, предводителем которой был Перид, сын Менесфея, и так называемой «Белоземельной» под командой Пантордана, сына Клеандра. Лучников, часть агриан и эллинских наемников он перевел к себе на правое крыло вперед, вытянув его таким образом дальше персов. Отряды, выстроенные за горой, не спустились еще вниз; Александр выслал на них агриан и небольшое число лучников, которые легко отогнали их, заставив снизу бежать на вершину. Тут Александр увидел, что он может пополнить строй воинами, выставленными против этих отрядов, и что ему достаточно здесь 300 всадников.

Войско, выстроенное таким образом, он некоторое время вел вперед с остановками; он считал, что хорошо продвигаться медленно и спокойно. Дарий не шел ему навстречу; его варвары стояли в том порядке, в каком были первоначально выстроены, и он ждал Александра на берегах реки, часто обрывистых; в тех местах, где переход был удобнее, он распорядился протянуть частокол. Это сразу показало Алек-сандру и его воинам, что Дарий боится. Когда персидский лагерь был уже близко, Александр объехал верхом весь строй, увещевая воинов мужественно держаться; с подобающим уважением называл он имена не только предводителей, но поименно обращался к илархам, лохагам и тем из чужеземных? наемников, которые были известнее по своему званию и доблести. В ответ ему со всех сторон понеслись крики и требования не медлить и нападать на врага. Он повел воинов в полном порядке и, хотя войско Дария было уже видно, сначала шагом, чтобы строй не разорвался и не образовал волнообразной линии, как это бывает при беге. Оказавшись на расстоянии полета стрелы, воины, окружавшие Александра, и сам Александр, находившийся на правом крыле, первыми бегом бросились к реке, чтобы своим стремительным напором испугать персов и, схватившись скорее врукопашную, не очень пострадать от стрел. Случилось, как и предполагал Александр. Как только дошло до рукопашной, левое крыло персидского войска обратилось в бегство; Александр и его воины одержали здесь блестящую

победу, но правое крыло его разорвалось именно потому, что он, поспешно бросившись в реку и завязав рукопашную схватку, прогнал выстроенных здесь персов. Македонское войско, находившееся в центре, не так поспешно вступило в дело; солдаты, часто оказываясь в обрывистых местах, не смогли держать прямую линию фронта: образовался разрыв, и эллинские наемники Дария бросились на македонцев как раз там, где они видели, что строй наиболее разорван. Завязалось жаркое дело: наемники старались столкнуть македонцев в реку и вырвать победу для своих уже отступающих соратников; македонцы – не отстать от Александра в его уже наметившемся успехе и не посрамить славу фаланги, знаменитой своей непобедимостью. К этому прибавилось соревнование между двумя народами – эллинским и македонским. Тут пал Птолемей, сын Селевка, человек большой доблести, и около 120 известных македонцев.

В это время полки правого крыла, видя, что персы, стоявшие против них, уже бегут, повернули на чужеземцев, наемников Дария, в помощь своим тесным товарищам. Они отбросили врага от реки, прорвав линию персидского войска, растянули фалангу и, напав с фланга, стали избивать наемников. Персидская конница, выставленная против фессалийской, не ждала у реки, пока шло сражение, а, переправившись, смело кинулась на отряды фессалийцев. Тут завязалась жаркая конная схватка, но персы дрогнули, узнав, что Дарий обратился в бегство, а отряд наемников был отрезан и разбит фалангой. Тогда бегство стало бесповоротным и всеобщим. При отступлении у персов очень пострадали под тяжестью своих тяжеловооруженных седоков лошади, да и всадники, толпой отступая по узким дорогам в страхе и беспорядке, не столько потерпели от преследующего врага, сколько передавливали друг друга. Фессалийцы, впрочем, энергично наседали на них, так что во время бегства пехотинцев перебили не меньше, чем всадников.

Дарий, как только увидел, что его левое крыло дрогнуло перед Александром и что здесь в войске образовался прорыв, сразу же, как был, кинулся на колеснице в бегство вместе со своими вельможами. Пока шла равнина, он несся, спасаясь от врага, в колеснице, но когда начались пропасти и бездорожье, он тут же бросил колесницу, оставив в ней щит и верхнюю одежду. Даже лук он оставил в колеснице и умчался верхом. Ночь, вскоре наступившая, избавила его от плена. Александр гнался за ним во всю мочь, пока было светло; когда же стемнело так, что ничего уже нельзя было разобрать под ногами, он повернул обратно в лагерь, захватив колесницу Дария со щитом, верхней одеждой и луком. Преследование его задержало еще то обстоятельство, что при первом же прорыве фаланги он кинулся туда и преследовать Дария взялся не раньше, чем увидел, что чужеземные наемники и персидская конница отброшены от реки...

Число убитых доходило до 100000, причем всадников было больше 10000. Птолемей, сын Лага, следовавший тогда за Александром, рассказывает, что когда они, преследуя Дария, оказались у какой-то пропасти, то перешли через нее по трупам. Лагерь Дария взяли сразу, с ходу; захвачены были мать и жена Дария, она же и его сестра, малютка его сын, две дочери и некоторые другие жены знатных персов; большинство персов успело отослать своих жен вместе с имуществом в Дамаск. И Дарий отправил в Дамаск значительную часть денег и всякой утвари, которая следует за великим царем даже на войну, чтобы и тут он мог жить в роскоши. В лагере поэтому нашли только 3000 талантов. Остальное имущество, отправленное в Дамаск, вскоре было захвачено Парменионом, посланным туда с этой целью. Так закончилось это сражение.

¹ Исс – город в в Киликии (Малая Азия).

² Указанная здесь численность персидской армии, как это было принято у греческих историков, сильно завышена.

Мирные предложения Дария III Александру (Квинт Курций Руф, «История Александра», IV, 1, 79; 5, 1; XI, 1-6)

После поражения при Иссе Дарий III обратился к Александру с мирными предложениями. По мере дальнейшего продвижения македонской армии эти предложения возобновлялись. Вопрос о количестве и о времени посольств Дария III к Александру освещается в источниках по-разному. Квинт Курций Руф дает обстоятельный рассказ о трех посольствах: вскоре после битвы при Иссе, в последние дни осады Тира и перед битвой при Гавга-мелах, т.е. в 333, 332 и 331 гг. до н. э.

Там (в сирийском городе Марафоне) Александру передали письмо Дария, которое сильно оскорбило македонского царя, так как оно было написано в высокомерном тоне. Его особенно рассердило то, что Дарий, называя себя царем, не прибавил тот же титул к имени Александра. Персидский царь скорее требовал, чем просил, чтобы Александр возвратил ему мать, жену и детей, взяв в виде выкупа такую сумму денег, какую он получал со всей Македонии. Если македонянин, писал Дарий, желает равной власти с персидским царем, пусть добывается ее на поле боя. Если македонский царь способен принять более разумное решение и, удовлетворяясь отцовским наследством, покинет пределы чужого государства, то Дарий готов быть ему другом и союзником. При этом персидский царь готов дать необходимые гарантии и принять таковые от Александра.

Почти в то же самое время (когда был взят Тир) было доставлено письмо Дария, в котором он наконец обращался к Александру как к царю. Дарий просил, чтобы Александр взял себе в жены его дочь, которую звали Статирой¹. В качестве приданого персидский царь предлагал всю область, расположенную между

Геллеспонтом и рекой Галисом². Сам Дарий готов довольствоваться землями, лежащими на восток от этой реки.

Дарий был тронут умеренным поведением врага. Поэтому, хотя персидский царь, после того как дважды тщетно домогался мира, все свои помыслы обратил на ведение войны; он послал к македонскому царю десять знатнейших послов из числа приближенных с предложением новых условий мира. Александр, собрав совет, приказал, чтобы туда ввели послов. Самый высокороденный из персов обратился к собравшимся со следующими словами: «Не стесненное положение вынудило Дария в третий раз просить у тебя мира. К этому его побуждает твоя скромность и умеренное поведение... Прежде он назначал границей твоего государства реку Галис, которая отделяет Лидию от других земель персидского царя. Теперь Дарий предлагает в приданое дочери, которую выдает за тебя замуж, все, что находится между Геллеспонтом и Евфратом. В качестве залога мира и верности ты можешь задержать находящегося в твоей власти сына Дария Оха, мать же царя и двух его девиц-дочерей возврати ему. Царь просит тебя принять за этих трех человек 30000 талантов золота»³.

¹ У Арриана дочь Дария названа Барсиной. Впоследствии, в 324 г. до н. э., Александр женился на ней.

² Сообщение о третьем посольстве Дария к Александру встречается также у Юстина и Диодора. Арриан сообщает только о двух посольствах Дария.

³ Такую же сумму приводит Диодор. Плутарх и Арриан называют 10 тыс. талантов.

Александр в Египте (332-331 гг. до н. э.) (Арриан, «Анабасис Александра», III, 1-4)

После того, как были пройдены Сирия и Финикия, Александр продолжил путь к Египту через Палестину, где ему оказал сопротивление город Газа, который был взят штурмом после 2-месячной осады. Египет, вооруженные отряды которого были уничтожены в битве при Иссе, был сдан сатрапом Мазаксом без всякого сопротивления. Александр не касался местных обычаев и религиозных верований, в целом сохранил систему управления Египтом, поддержав ее македонскими гарнизонами. В Египте Александр пробыл полгода с декабря 332 до н. э. по май 331 до н. э. Там он основал город Александрию, который вскоре стал одним из главных культурных центров древнего мира.

Александр пошел на Египет, куда первоначально и собирался, и, выступив из Газы, на седьмой день прибыл в египетский город Пелусий. Флот его из Финикии направился также в Египет, и он застал свои корабли уже в Пелусийской гавани. У Мазакса, перса, которого Дарий поставил сатрапом Египта, не было персидского войска, и он, узнав об исходе сражения при Иссе, о позорном бегстве Дария и захвате Александром Сирии, Финикии и значительной части Аравии, беспрепятственно впустил Александра в страну и ее города. Он ввел в Пелусий гарнизон, кораблям велел подняться по реке до Мемфиса, а сам отправился к Гелиополю. Нил оставался у него справа, земли, через которые пролегал его дорога, добровольно покорялись ему. Пересекши пустыню, он явился в Гелиополь, а оттуда, переправившись через реку, прибыл в Мемфис, где принес жертву разным богам, в том числе и Апису, и установил празднество с состязаниями гимнастическими и мусическими. На него съехались знаменитости из Эллады. Из Мемфиса ок поплыл вниз по реке к морю, взяв с собою щитоносцев, лучников, агриан, а из всадников – царскую илу, составленную из гетайров. Придя в Каноп, он проплыл кругом залива Мариа и вышел там, где сейчас находится город Александрия, названный по имени Александра. Место показалось ему чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы – были посвященные эллинским богам, был и храм Исида Египетской – и по каким местам вести кругом стены. По этому поводу он совершил жертвоприношение, и оказалось оно благоприятным.

Существует еще такой рассказ, вполне, по-моему, вероятный. Александр хотел оставить строителям знаки, по которым они и вели бы стену, но у них не было ничего, чем сделать на земле метки. Тогда один из строителей придумал, забрав всю муку, которую воины привезли в сосудах, рассыпать ее на земле там, где укажет царь, и таким образом описать круг, по которому он рассчитывает обвести город стенами. Над этим случаем задумались прорицатели, особенно же Аристандр из Телмесса, который во многих случаях правильно предсказывал Александру. Он сказал, что город будет изобиловать всем, в том числе и плодами земными...

Александра охватило желание отправиться к Аммону в Ливию; он хотел спросить бога – говорили, что предсказания Аммона сбываются в точности и что именно он предсказал будущее Персею и Гераклу... Александр стремился подражать и Персею, и Гераклу; вдобавок, происходя из рода обоих, он возводил свое происхождение к Аммону, как возводят мифы происхождение Геракла и Персея к Зевсу. Итак, он отправился к Аммону, рассчитывая, что он в точности узнает о том, что его касается, или по крайней мере сможет сослаться на прорицание оракула.

До Паретония он прошел, как рассказывает Аристобул, 1600 стадий вдоль моря по пустыне, но местами отнюдь не безводными, а затем повернул в глубь материка, где находился оракул Аммона. Дорога идет сыпучими песками среди безводной пустыни. Над Александром, однако, и его спутниками пролился обильный дождь, и это приписано было божественному вмешательству. Божественному вмешательству приписали и

следующее: южный ветер в этой стране, начав дуть, почти совсем заносит дорогу песком; следы дороги исчезают, и, рловко в море, нельзя понять, куда идти по этому песку; признаков, указывающих дорогу, нет: нет ни горы, ни дерева, ни неподвижных холмов, по которым путники определили бы свое направление, как моряки по звездам.

Войско Александра блуждало, и проводники сомневались в дороге. Птолемей, сын Лага, рассказывает, что перед войском появились две змеи, наделенные голосом; Александр велел проводникам довериться божеству и следовать за ними, и змеи указали им дорогу к оракулу и обратно. Аристокл же рассказывает – и чаще всего именно так и рассказывают, – что перед войском летели два ворона и что они именно и служили Александру проводниками. Что божество споспешествовало Александру, это я могу подтвердить, да это правдоподобно и само по себе; в точности же этого рассказа заставляют усомниться разные его версии.

Область, где находится храм Аммона, представляет собой кругом сплошь песчаную безводную пустыню, среди которой находится небольшое пространство (в самом широком месте оно простирается самое большее на 40 стадий), сплошь засаженное плодовыми деревьями, маслинами и финиковыми пальмами, и единственное в окрестности, где есть орошение. Ключ, бьющий здесь, ничем не похож на ключи, которые бьют в других местах. В полдень вода в нем холодна на вкус, а на осязание кажется совсем ледяной. Когда солнце склоняется к вечеру, она становится теплее, от вечера и до полуночи все теплеет и в полночь делается совершенно горячей. С полуночи она постепенно охлаждается, на рассвете она уже холодна и в полдень совершенно ледяная. Эти изменения совершаются постепенно и каждый день. Есть там и соль, которую уже в готовом виде выкапывают из земли. Жрецы Аммона привозят ее в Египет. Отправляясь туда, они кладут ее в корзиночки, сплетенные из листьев финиковой пальмы, в подарок царю или кому другому. Зерна у нее крупные (попадались больше чем в три пальца) и чистые, как хрусталь. Египтяне и прочие благочестивые люди пользуются этой солью при жертвоприношениях, считая, что она чище морской. Александр пришел в изумление и восторг от этого места; он спросил бога и, услышав ответ, который, по его словам, пришелся ему по душе, вернулся в Египет той же самой дорогой, как рассказывает Аристокл. Птолемей, сын Лага, говорит, что он пошел другой – прямо на Мемфис.

Битва при Гавгамелах¹ (1 октября 331 г. до н. э.) (Арриан, «Анабасис Александра», III, 11-15)

Битва при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н. э.) – решающее сражение между армиями Александра Македонского и Дария III, после которого Персидская империя прекратила свое существование.

Дарий² со своим войском простоял в ту ночь в том строю, в каком первоначально построились, потому что они боялись, как бы неожиданно не напали на них неприятели...

Именно, войско Дария было построено следующим образом:

...на левом его фланге стали бактрийские³ всадники и с ними дай и арахоты, за ними стали персы: всадники попеременно с пехотинцами, за персами сузиане, за этими кадусийцы. Таков был строй от левого фланга до центральной части всей боевой линии. С правого фланга были поставлены всадники из Келесирии⁴ и из Месопотамии; на правом же фланге стояли лидийцы, за ними парфяне и саки, за ними тапуры и гирканы, за ними, наконец, албаны и сакесины; эти последние тоже доходили до центральной части строя. В центре, где находился сам царь Дарий и его родственники⁵, стали телохранители царя, персы, индусы и так называемые выселенцы, т.е. выселенные с родины карийцы и мардские стрелки. В глубине строя стояли уксии, вавилоняне и племена, жившие по берегу Красного моря, и ситакены. Перед левым флангом, против правого фланга Александра, стали скифские и бактрийские всадники числом до тысячи, и сто серпоносных колесниц⁶. Слоны и пятьдесят серпоносных колесниц были поставлены около царского отряда Дария. Перед правым флангом были поставлены еще пятьдесят колесниц и всадников из Армении и Каппадокии⁷. Наемники греческие стояли по обе стороны царя и его приближенных персов против самой македонской фаланги, как единственные равные ей по силе.

Войско Александра было построено таким образом: правое его крыло заняла македонская конница гетайров, перед ней стал царский отряд, которым командовал Клит⁸, сын Дропида... Всей македонской конницей командовал Филота, сын Пармениона⁹. Рядом с фалангой македонцев стал первый вспомогательный отряд щитоносцев македонской конницы, а за ним другие щитоносцы, командовал ими Никанор, сын Пармениона... Левый фланг македонской фаланги занимал отряд Кратера, сына Александра, и сам же Кратер командовал левым крылом пехоты. Рядом с ним стояли всадники союзников, которых возглавлял Эригий, сын Лариха. Рядом с ними на крайнем левом фланге стояли фессалийцы под начальством Филиппа, сына Менелая. Всем же левым флангом командовал Парменион¹⁰, сын Филоты, вокруг него толпились фарсальские всадники, самые сильные и многочисленные из всей фессалийской конницы.

12. Таков был строй Александра с фронта. Но он поставил вторую линию, чтобы его фаланга была двусторонняя. Командирам этого второго строя он предписал, чтобы они, если увидят, что персы окружают их людей, оборачивались им навстречу и принимали на себя удар варваров... Впереди всего строя стали всадники

из наемников под командой Менида. Впереди царского отряда и других отборных частей стала половина агрианов¹¹ и стрелки Балакра. Эти заняли место против серпоносных колесниц... Все войско Александра состояло из семи тысяч всадников и около сорока тысяч пехоты.

13. Когда оба войска приблизились друг к другу, то можно было-разглядеть, как Дарий и окружавшие его персидские телохранители и индусы, и албаны, и выселенные с родины карийцы, и мардские стрелки стояли против самого Александра и его царского отряда. Тогда Александр повел свое войско, выдвигая все больше свое правое крыло, а персы пошли вперед, напирая больше на свое левое крыло. Вот уже скифские всадники вошли в соприкосновение с передовыми отрядами армии Александра, а он все продвигался вправо и уже собирался сойти с ровной местности, находившейся перед строем персов. Тогда царь Дарий, видя, что македонцы отходят на неровные холмистые места, испугался, как бы не оказались бесполезными для него заготовленные им серпоносные колесницы, отдал приказ передовому отряду левого фланга объехать правое крыло, которое вел сам Александр, и воспрепятствовать их дальнейшему продвижению. Когда это стало приводиться в исполнение, Александр приказал наемным всадникам, бывшим под командой Менида, напасть на наступающих неприятелей. Тогда против конницы Александра бросилась скифская конница и стоявшая вместе с ней конница бактрийцев; превосходя численно небольшие силы неприятельского отряда, они легко его оттеснили. Тогда Александр приказал выступить против скифов пэонцам во главе с Аристоном и наемническими силами, и варвары подались. Однако бактрийцы и другие, столкнувшиеся с пэонцами и наемническими всадниками Александра, остановили своих воинов, обратившихся в бегство, и снова восстановили конную битву. Больше всего людей пало со стороны Александра, потому что их подавляла масса варваров и потому что скифы и их лошади были лучше снаряжены для битвы. Но македонцы выдержали их натиск и, сами переходя в наступление мелкими отрядами, выбивали их из строя.

Между тем варвары двинули против Александра и свои серпоносные колесницы, чтобы привести в замешательство его фалангу. Но в этом они особенно сильно просчитались. Как только они двинулись, одни из них были засыпаны стрелами агриан и лучников Балакра, стоявших впереди македонской конницы, у других македонцы резали построики, стаскивали с них колесничих и, обступив лошадей, забивали их. Некоторым колесницам, однако, удалось проехать через ряды противников. Но те, согласно данному приказу, расступались, чтобы пропустить колесницы мимо себя. В большинстве таких случаев оказывалось, что и сами колесницы и люди, против которых они скакали, оставались неповрежденными. Но и такие колесницы попадали в руки конюхов в войске Александра или царских щитоносцев.

14. Когда Дарий повел свой строй в наступление, Александр приказал Арете ударить на тех всадников, которые объезжали его правый фланг, с целью его окружить, а сам вел свое войско, все время вытягивая его в колонну. Когда же всадникам, бросившимся на помощь правому крылу, которому угрожало окружение, удалось в одном месте разорвать строй варваров, он, повернувшись в сторону прорыва и поставив как бы клином македонскую конницу и стоявшую с ней фалангу, бросил ее бегом и с боевыми кликами прямо на самого Дария. После этого в скором времени он овладел ходом битвы. Окружавшие Александра всадники и сам он с большой силой напирала на врагов, наносили персам удары копьями в лицо, да и фаланга македонская, выступая тесным строем со своими длинными копьями-сариссами наперевес, бросилась на них со всех сил. Тогда уже и раньше напуганному Дарию показалось, что против него направлены сразу все ужасы войны с македонцами, и он первый обратился в бегство. Такой же панике поддались и персидские всадники, окружавшие правое крыло Александра, когда против них со всей силой бросилась конница Ареты.

Начавшееся бегство персов приняло большие размеры. Македонцы преследовали их и избивали бегущих. Однако отряд Симмия и стоявшие с ним всадники не имели возможности принять участия в этом преследовании неприятеля. Они оставались на своем месте и продолжали биться, так как распространился слух, что левое крыло македонской фаланги попало в тяжелое положение. Здесь образовался прорыв фаланги, и через него некоторые части индусов и персидской конницы пробивались до самого обоза македонцев. Там завязалась ожесточенная битва. Персы смело бросались на людей, преимущественно не вооруженных, не предполагавших, что кто-нибудь сможет к ним проникнуть, прорвав двойной строй фаланги, да и пленные варвары, видя, что персы перешли в наступление, помогали им избивать македонцев. Однако командиры отрядов, стоявших поблизости от первой фаланги, узнав о происходящем, согласно данному им приказу, быстро обратились в эту сторону, зашли наступающим персам в тыл и перебили многих из тех, кто пробрался к македонскому обозу. Некоторая часть уцелевших персов, подавшись в сторону, спаслась бегством, другая часть, стоявшая на правом фланге персидской армии, не зная о бегстве Дария, объехав левый фланг Александра, напала на всадников Пармениона.

15. Как только положение македонцев стало тяжелым, Парменион поспешно отправил к Александру вестника сказать, что у них продолжается бой и что им нужна помощь. Александр, получив это известие, прекратил преследование персов и, повернув обратно с македонской конницей, бросился во весь опор к правому флангу варваров. Прежде всего он напал на обратившихся в бегство парфянских всадников, а затем на часть индусских, главным же образом на лучших персидских. Здесь произошла самая ожесточенная во всей битве схватка. Варвары, стоящие в глубине строя сплоченными отрядами, обратились теперь (против Александра и действовали лобовыми ударами не так, как привыкли действовать в конной битве, бросая дротики или маневрируя конями, но старались сокрушить все, что стояло на их дороге, считая, что в этом

единственный путь к спасению; они рубили неприятеля и сами падали от его ударов, потому что сражались не за победу другого, но за свое собственное спасение. В этой схватке пало из рядов гетайров Александра около шестидесяти человек и ранены были сам Гефестион¹², Кин и Менид. Но победа осталась на стороне Александра.

Кому из этих варваров удалось прорваться через конницу Александра, те бросились бежать. Александр же готов был сразиться и с правым флангом неприятеля. Но отважно сражавшиеся на этом фронте фессалийские всадники не оставили Александру никакого дела. Когда он подошел к правому флангу неприятеля, стоявшие там части уже пустились бежать, так что Александр вернулся опять к преследованию Дария. Он преследовал его пока было светло.

Всадники Пармениона тоже преследовали варваров, стоявших против них. Александр, перейдя через реку Лику, расположился лагерем, чтобы дать небольшой отдых людям и лошадям. Парменион же занял лагерь варваров и захватил там слонов и верблюдов.

¹ Гавгамелы – деревня на равнине у восточного берега р. Тигр, недалеко от развалин Ниневии.

² Дарий III Кодоман – персидский царь, правивший в 336-330 гг. до н. э.

³ Бактрийцы, даи и др. – племена, входившие в состав персидской монархии.

⁴ Кемесирия – южная Сирия и Палестина.

⁵ Царские родственники – свита персидского царя, состоявшая из персидской знати.

⁶ Серпоносные колесницы – военные колесницы персидского войска, имевшие серповидные мечи, прикрепленные к колесам и кузову.

⁷ Каппадокия – область в Малой Азии по течению р. Галис.

⁸ Клит – брат кормилицы Александра, спасший ему жизнь в битве при Гранике.

⁹ Филота, сын Пармениона, и др. – имена полководцев Александра. Филота был впоследствии замешан в заговоре на жизнь Александра и казнен.

¹⁰ Парменион – крупнейший полководец Филиппа II. Авторитетный в старейший полководец Александра. Впоследствии казнен за оппозицию восточным порядкам, которые начал вводить Александр. Он был обвинен в заговоре на жизнь царя, в котором был замешан Филота.

¹¹ Агриане – фракийски-македонское племя; его воины составляли отряд пехоты, вооруженный дротиками.

¹² Гефестион – полководец, друг Александра Македонского.

Восстание Спитамена (Арриан, «Анабасис Александра», IV, 5-6, 16, 17)

Племена Средней Азии только номинально считались персидскими подданными. Когда войска Александра вторглись в их пределы, то встретили особенно сильное сопротивление. Между Оксом (Аму-Дарья) и Яксартом (Сыр-Дарья) в Согдиане и Бактрии в тылу у Александра в 329-328 гг. до н. э. произошло большое восстание согдийских и скифских племен под руководством согдийца Спитамена. Восстание принадлежит к числу важнейших событий из истории борьбы против захватчиков, которую вели свободолюбивые племена, проживавшие на территории нашей родины в Средней Азии.

...Оставленный в цитадели Мараканды¹ македонский гарнизон при нападении, произведенном на него Спитаменом, сделал вылазку, умертвил при этом несколько неприятелей, отразил их всех, и сам без потерь возвратился в крепость. Когда Спитамен узнал, что посланное Александром подкрепление уже подходит к Мараканде, то прекратил осаду крепости и удалился в столицу Согдианы². Фарнух³ и бывшие с ним полководцы поспешили прогнать его совсем из пределов Согдианы и преследовали при отступлении, но неожиданно наткнулись на скифов-кочевников. Тогда Спитамен присоединил к себе около 600 скифских всадников и, ободренный скифской помощью, решил ожидать наступления македонцев...

Близ Мараканды (на берегах Зеравшана) македонцы были стеснены со всех сторон и бежали на небольшой остров на реке. Здесь скифы и всадники Спитамена окружили их и перестреляли; только немногих захватили в плен и перебили.

Аристобул⁴ рассказывает, что большая часть войска была уничтожена в засаде, так как скифы скрылись в лесах, откуда и напали на македонцев во время самого сражения... Когда до Александра дошло известие об этом,... он решил идти на Спитамена, взяв половину конных гетайров, всех щитоносцев, стрелков, агриан и самых легких из фаланги. Александр пошел с ними в Мараканду, так как узнал, что Спитамен снова возвратился туда и снова начал осаждать его гарнизон в крепости. В три дня Александр прошел 1 500 стадий⁵ и на четвертый день, на рассвете, пришел к городу. Спитамен со своими людьми, услышав о приближении Александра, не остался на месте, покинул город и бежал. Александр непрерывно преследовал его и, придя на то место, где произошло сражение, приказал похоронить воинов, как только позволило время, и преследовал бежавших до пустыни, откуда поворотил назад, опустошил страну и перебил варваров, скрывшихся в укрепленные места, так как было известно, что они участвовали в нападении на македонцев. Таким образом, Александр прошел всю область, орошаемую рекой Политиметом⁶. Где вода теряется, там начинается уже пустыня в этой стороне, а эта река исчезает в песке, хотя она очень обильна водой. Здесь точно так же исчезают и другие реки, которые велики и всегда обильны водой, как-то: Эпард, протекающий через землю мардов, Аррей, по которому носит и название страна ариев, и Этимандр⁷, протекающий по земле эвергетов. Все это такие реки,

из которых ни одна не меньше фессалийской реки Пеней, протекающей по Темпейской долине и впадающей в море. Политимет гораздо больше Пеней.

С частью своего войска Александр прошел в Согдиану, а Полисперхонту, Атталу, Горгию и Мелеагру⁸ приказал оставаться здесь, в Бактрии⁹, с наказом держать в повиновении страну, чтобы варвары не учинили в ней смуты, и покорить уже отпавших.

Когда все войско, пройдя значительную часть Согдианы, пришло в Мараканду, Александр отослал Гефестиона¹⁰ заселять снова города Согдианы, а Кена¹¹ и Артабазу¹² послал к скифам, так как получил известие, что Спитамен бежал к ним. С остальным войском прошел сам дальше по Согдиане и снова без труда овладел местностями, находившимися еще во власти мятежников. В то время как Александр был занят этим, Спитамен и с ним несколько согдийцев, бежавших в страну скифов, называвшихся массагетами¹³, собрали около себя 600 массагетских всадников и явились с ними перед одним укреплением, в Бактрии; напали на начальника укрепления, не ожидавшего ничего враждебного, и на бывший с ним гарнизон; солдат изрубили, а его самого взяли в плен и держали под стражей. Взятие этого укрепления придало им мужества, и несколько дней спустя они подступили к Зариаспе¹⁴ и хотя не решились напасть на этот город, тем не менее взяли много добычи и угнали ее с собой. В Зариаспе оставалось только немного полубольных всадников-гетайров.

...Узнав о набеге скифов, они собрали между наемниками, оставленными защищать Зариаспу, около 80 всадников с несколькими царскими слугами, пошли на массагетов... и отняли у скифов всю добычу. Но при беспорядочном возвращении назад они попали в засаду Спитамена и скифов, потеряли 6 гетайров и 60 наемных всадников.

Узнав об этом, Кратер¹⁵ поспешно выступил против массагетов... Завязался бой, и победили македонцы...

Кену с его людьми, с отрядом Мелеагра, с 400 приблизительно конных гетайров, со всеми конными аконтистами и теми бактрийцами и согдийцами, которые находились в отряде Аминты¹⁶, царь приказал оставаться на этом месте, повиноваться Кену и зимовать здесь, в Согдиане, как для защиты страны, так и для того, чтобы, если как-нибудь Спитамен зимою сделает набег на эту страну, заманить его в засаду и схватить.

Между тем Спитамен со своими людьми, видя, что все занято македонским гарнизоном и бегство для него повсюду затруднительно, обратился против Кена и его отряда, вполне надеясь победить его в сражении. Придя к Багам, согдианскому укреплению, лежащему на границе между Согдианой и массагетской Скифией, он со своими сторонниками без труда подговорил около 3000 скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану. Эти скифы живут в большой бедности, и так как не имеют ни городов, ни определенных жилищ, чтобы бояться и за самое дорогое для них, то их легко было подготовить к тому или другому походу. Когда Кен и его товарищи узнали о приближении с конницей Спитамена, то также вышли ему навстречу со своим войском. Произошла упорная битва, и победили македонцы. В этом бою пало свыше 800 варварских всадников, из конницы Кена около 25 человек и из пехоты – 12. Согдийцы, оставшиеся еще при Спитамене, и многие бактрийцы покинули его во время бегства, пришли к Кену и сдались ему. А скифы-массагеты, так как предприятие их кончилось неудачно, разграбили обоз сражавшихся заодно с ними бактрийцев и согдийцев и убежали со Спитаменом в пустыню. Но когда к ним пришло известие о движении Александра с целью проникнуть в их пустыню, они отрубили Спитамену голову и отослали ее к Александру, чтобы таким образом отклонить опасность от самих себя.

¹ Мараканда – совр. Самарканд.

² Главным городом Согдианы была Мараканда. О какой другой «столице Согдианы» здесь идет речь – неизвестно.

³ Фарнух – ликиец, один из второстепенных придворных Александра, который был послан вместе с военачальниками, так как знал местный язык.

⁴ Аристобул – один из спутников Александра в его походах. Впоследствии описал дела Александра. Из его сочинений, которые использовал и Плутарх и Арриан, дошли незначительные отрывки.

⁵ Стадий – мера длины, равная 177,6 м.

⁶ Река Политимет – совр. р. Зеравшан.

⁷ Река Этимандр – совр. р. Гильменд.

⁸ Полисперхонт, Аттал, Горгий и Мелеагр – полководцы Александра.

⁹ Бактрия – фактически независимая страна в Средней Азии по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи, формально входившая в состав Персидского государства.

¹⁰ Гефестион – полководец, друг Александра Македонского.

¹¹ Кен, или Койнос, – один из полководцев Александра, зять Пармениона.

¹² Артабаз – сатрап Дария III, перешедший на службу к Александру.

¹³ Массагеты – племена, проживавшие между Каспийским и Аральским морями.

¹⁴ Зариаспа – древнее название Бактры, центрального города Бактрии. Однако Арриан различал два города, из которых один назывался Зариаспа, а другой – Бактра.

¹⁵ Кратер – один из полководцев Александра.

¹⁶ Аминта – полководец Александра Македонского.

Поход Александра в Индию

(Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Александр», LVI-LXV)

57. Александр намеревался отправиться в Индию, но, видя, что из-за огромной добычи войско отяжелело и стало малоподвижным, однажды на рассвете велел нагрузить повозки и сначала сжег те из них, которые принадлежали ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости. В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука.

Около этого времени овца принесла ягненка, у которого на голове был нарост, формой и цветом напоминающий тиару, а по обеим сторонам нароста – по паре яичек. У Александра это знамение вызвало такое отвращение, что он пожелал очиститься от скверны. Обряд совершили вавилоняне, которых царь обыкновенно призывал к себе в подобных случаях. Другим Александр говорил, что он беспокоится не о себе, а об них, что он страшится, как бы божество после его смерти не вручило верховную власть человеку незнатному и бессильному. Но в скором времени печаль его была рассеяна добрым предзнаменованием. Начальник царских спальников, македонянин по имени Проксен, готовя у реки Оке место для палатки Александра, обнаружил источник густой и жирной жидкости. Когда вычерпали то, что находилось на поверхности, из источника забила чистая и светлая струя, ни по запаху, ни по вкусу не отличавшаяся от оливкового масла, такая же прозрачная и жирная. Это было особенно удивительным потому, что в тех местах не растут оливковые деревья. Рассказывают, что в самом Оксе вода очень мягкая, и у купающихся в этой реке кожа покрывается жиром. Как обрадовался Александр этому предзнаменованию, можно видеть из его письма к Антипатру. Он пишет, что это одно из величайших предзнаменований, когда-либо полученных им от божества. Прорицатели же утверждали, что оно предвещает поход славный, но тяжкий и суровый, ибо божество дало людям оливковое масло для того, чтобы облегчить их труды.

58. В боях Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу – мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов – никакой опоры. Рассказывают, что Александр долго осаждал неприступную скалу, которую оборонял Сисимитр. Когда воины совсем уже пали духом, Александр спросил Оксиарта, храбрый ли человек Сисимитр, и Оксиарт ответил, что Сисимитр – трусливейший из людей. Тогда Александр сказал: «Выходит дело, что мы можем захватить эту скалу, – ведь вершина у нее непрочная». Устрашив Сисимитра, он взял твердыню приступом. В другой раз, когда войско штурмовало столь же крутую и неприступную скалу, Александр послал вперед молодых македонян и, обратившись к одному юноше, которого тоже звали Александром, сказал ему: «Твое имя обязывает тебя быть мужественным». Храбро сражаясь, юноша пал в битве, и это очень огорчило царя.

Перед крепостью, называвшейся Нисой, македоняне остановились в нерешительности, так как их отделяла от нее глубокая река. Став на берегу, Александр сказал: «Почему я, глупец, не научился плавать?» И все же, взяв в руки щит, он хотел броситься в реку... [Текст в оригинале испорчен.] Когда Александр прекратил битву, к нему явились послы осажденных городов просить о мире. Сначала они были очень напуганы, увидев царя в простой одежде и с оружием в руках, но потом царю принесли подушку, и он велел старшему из послов, Акуфиду, сесть на нее. Пораженный великодушием и человечностью Александра, Акуфид спросил, чем могут они заслужить его дружбу. Александр сказал: «Пусть твои соотечественники изберут тебя правителем, а к нам пусть пришлют сто лучших мужей». На это Акуфид, рассмеявшись, отвечал: «Но мне будет легче править, царь, если я пришлю тебе худших, а не лучших».

59. Таксил, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему: «Зачем нам воевать друг с другом, Александр, – ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобою, если я богаче тебя, а если беднее – с благодарностью приму дары от тебя». С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал: «Не думаешь ли ты, что благодаря этим радушным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью». Приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые, а потом подарил тысячу талантов в чеканной монете. Этот поступок очень огорчил его друзей, но зато привлек к нему многих варваров.

Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за

городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски. Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра.

60. О войне с Пором Александр сам подробно рассказывает в своих письмах. Между враждебными лагерями, сообщает он, протекала река Гидасп. Выставив вперед слонов, Пор постоянно вел наблюдение за переправой. Александр же велел каждый день поднимать в лагере сильный шум, чтобы варвары привыкли к нему. Однажды холодной и безлунной ночью Александр, взяв с собой часть пехоты и отборных всадников, ушел далеко в сторону от врагов и переправился на небольшой остров. В это время пошел проливной дождь, подул ураганный ветер, в лагерь то и дело ударяли молнии. На глазах у Александра несколько воинов было убито и испепелено молнией, и все же он отплыл от острова и попытался пристать к противоположному берегу. Из-за непогоды Гидасп вздулся и рассвирепел, во многих местах берег обрушился, и туда бурным потоком устремилась вода, к суше нельзя было подступиться, так как нога не держалась на скользком, изрытом дне. Рассказывают, что Александр воскликнул тогда: «О, афиняне, знаете ли вы, каким опасностям я подвергаюсь, чтобы заслужить ваше одобрение?» Так говорит Онесикрит, сам же Александр сообщает, что они оставили плоты и, погрузившись в воду по грудь, с оружием в руках двинулись вброд.

Выйдя на берег, Александр с конницей устремился вперед, опередив пехоту на двадцать стадиев. Александр полагал, что если враги начнут конное сражение, то он легко победит их, если же они двинут вперед пехотинцев, то его пехота успеет вовремя присоединиться к нему. Сбылось первое из этих предположений. Тысячу всадников и шестьдесят колесниц, которые выступили против него, он обратил в бегство. Всеми колесницами он овладел, а всадников пало четыреста человек. Пор понял, что Александр уже перешел реку, и выступил ему навстречу со всем своим войском, оставив на месте лишь небольшой отряд, который должен был помешать переправиться остальным македонянам. Напуганный видом слонов и многочисленностью неприятеля, Александр сам напал на левый фланг, а Кену приказал атаковать правый. Враги дрогнули на обоих флангах, но всякий раз они отходили к слонам, собирались там и оттуда вновь бросались в атаку сомкнутым строем. Битва шла поэтому с переменным успехом, и лишь на восьмой час сопротивление врагов было сломлено. Так описал это сражение в своих письмах тот, по чьей воле оно произошло. Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщает, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой. Этот слон проявил замечательную понятливость и трогательную заботу о царе. Пока царь еще сохранял силы, слон защищал его от нападавших врагов, но, почувствовав, что царь изнемогает от множества дротиков, вонзившихся в его тело, и боясь, как бы он не упал, слон медленно опустился на колени и начал осторожно вынимать хоботом из его тела один дротик за другим.

Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Александр спросил, не хочет ли он добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил: «Все заключено в одном слове: "по-царски"». Назначив Пора сатрапом, Александр не только оставил в его власти всю ту область, над которой он царствовал, но даже присоединил к ней новые земли, подчинив Пору индийцев, прежде независимых. Рассказывают, что на этих землях, населенных пятнадцатью народами, находилось пять тысяч больших городов и великое множество деревень. Над другой областью, в три раза большей, Александр поставил сатрапом Филиппа, одного из своих близких друзей.

61. Битва с Пором стоила жизни Букефалу. Как сообщает большинство историков, конь погиб от ран, но не сразу, а позднее, во время лечения. Онесикрит же утверждает, что Букефал издох от старости тридцати лет от роду. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словно потерял близкого друга. В память о коне он основал город у Гидаспа и назвал его Букефалией. Рассказывают также, что, потеряв любимую собаку Периту, которую он сам вырастил, Александр основал город, названный ее именем. Сотиион говорит, что слышал об этом от Потамона Лесбосского.

62. Сражение с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникнуть дальше в глубь Индии. Лишь с большим трудом им удалось победить этого царя, выставившего только двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Македоняне решительно воспротивились намерению Александра переправиться через Ганг: они слышали, что эта река имеет тридцать два стадия в ширину и сто оргий в глубину и что противоположный берег весь занят вооруженными людьми, конями и слонами. Шла молва, что на том берегу их ожидают цари гандаритов и пресиевб0 с огромным войском из восьмидесяти тысяч всадников, двухсот тысяч пехотинцев, восьми тысяч колесниц и шести тысяч боевых слонов. И это не было преувеличением. Андрокотт, который вскоре вступил на престол, подарил Селевку пятьсот слонов и с войском в шестьсот тысяч человек покорил всю Индию.

Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. Сознывая, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку, Александр смягчился и решил сняться с лагеря. Перед тем, однако, он пошел ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и

разбросали их вокруг. Богам были сооружены алтари, к которым до сих пор приходят цари пресиев, чтобы поклониться им и совершить жертвоприношения по греческому обряду. Андрокутт еще юношей видел Александра. Как передают, он часто говорил впоследствии, что Александру было бы нетрудно овладеть и этой страной, ибо жители ее ненавидели и презирали своего царя за порочность и низкое происхождение.

Битва Александра с индийским царем Пором¹ (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Александр», LX)

После решающей битвы при Гавгамелах в 331 г. до н. э. Персидская империя Ахеменидов, существовавшая более 200 лет, фактически распалась. Когда вся территория Персидской державы была включена в состав империи Александра Македонского, Александр приступил к расширению владений за счет новых стран, следуя навязчивой идее стать владыкой всего цивилизованного мира. Вскоре он вступил в Индию.

После форсирования реки Инд Александр, продвигаясь на восток, в июле 326 г. до н. э. подошел к реке Гидасп, крупному притоку Инда. Здесь состоялась битва Александра с Пором, индийским царем.

60. Александр сам в своих письмах описал, как произошло его сражение с Порой. Он пишет, что между обоими лагерями протекала река Гидасп², и Пор, поставив на противоположном берегу слонов, непрерывно охранял переправу. Сам Александр каждый день подымал большой шум и крик в своем лагере, приучая варваров его не бояться. В одну бурную и безлунную ночь он взял с собой небольшой отряд пехоты и самых отборных и сильных всадников и, отойдя от неприятеля на некоторое расстояние, переправился на небольшой остров. В это самое время полил сильный дождь, над его лагерем засверкали молнии и загредел гром; на глазах царя несколько солдат было даже убито или опалено молнией. Тогда он с островка хотел переправиться на другой берег. Вода в Гидаспе от дождя поднялась, река превратилась в бурный поток и размывла большую часть берега. Александр и его солдаты не могли твердо стоять в образовавшемся пространстве, скользили и падали. Тогда, говорят, Александр воскликнул: «О афиняне, вы и представить себе не можете, скольким я подвергаюсь опасностям ради того, чтобы заслужить ваше уважение!» Но это передает Онесикрит³. Сам же Александр пишет, что его солдаты с оружием в руках, соскочив с плотов, бросились в воду и по грудь в воде стали переходить через размытое рекою место. Когда Александр вышел на берег, он оказался на расстоянии двадцати стадий от своей пехоты. Он стал соображать, что если неприятель пойдет в наступление с одной конницей, то у него самого будет большой перевес в силе, если же враг двинет против него пехоту, то его собственная пехота успеет подойти к нему раньше. Первое его предположение осуществилось. Он легко отбил выступивших против него тысячу всадников с шестидесятью колесницами. Колесницы он захватил все, а из всадников уложил четыреста человек.

Пор, выждав, когда Александр переправился через реку, двинул против него все свои силы, оставив в лагере лишь столько воинов, чтобы препятствовать дальнейшей переправе македонцев через реку. Боясь слонов и многочисленности неприятеля, Александр сам напал на левый его фланг, а Кену⁴ приказал остановить правый. Под действием такого двойного удара враг стал отступать к слонам и собирать разбитые отряды. Там битва носила беспорядочный характер. Только в восьмом часу индусы обратились, наконец, в бегство.

¹ Пор – царь государства, расположенного в Пятиречье между реками Гидаспом и Аксинем.

² Гидасп – река, совр. Бегат или Джелам, один из восточных притоков р. Инда.

³ Онесикрит – спутник Александра, описавший его походы. От сочинения Онесикрита, написанного в панегирических тонах, остались ничтожные отрывки.

⁴ Кен, или Койнос, – один из полководцев Александра, зять Пармениона.

2.10. ЭПОХА ЭЛИНИЗМА

Образование великого государства Александра (Арриан, «Анабасис Александра», VII, 4-7, 19, 23)

Предлагаемый ниже отрывок рассказывает о мерах, которые применял Александр Македонский с целью укрепления единства своего огромного государства.

Прибыв в Сузы¹, Александр отправил Атропата² в его сатрапию³, а Абулиту⁴ и его сына Оксафра за дурное управление сузианами арестовал и казнил. Действительно, много было допущено злоупотреблений со стороны лиц, управлявших землями, завоеванными Александром, как в отношении храмов и гробниц, так и в

отношении самих подданных; поход царя в Индию затянулся, и казалось мало вероятным, что он вернется невредимым из похода против стольких народов⁵...

В Сузах Александр отпраздновал свадьбу свою и своих приближенных: сам он вступил в брак со старшей дочерью Дария Барсиной и, кроме того, по словам Аристобула⁶, еще с другой девушкой, младшей дочерью Оха⁷, Парисатидой. В это время была уже его женой и дочь бактрийца⁸ Оксиарта⁹, Роксана. В супруги Гефестиону¹⁰ дал он Дрипетиду, сестру собственной жены, тоже дочь Дария... Подобным образом и остальным приближенным он предоставил в жены до восьмидесяти наиболее знатных персидских и индийских девушек. Свадьбы были совершены по персидскому обычаю: для женихов были поставлены в ряд кресла, а когда выпили вина, пришли невесты, и каждая села рядом со своим женихом; женихи обнимали своих невест и целовали. Сам царь первый поступил так; все свадьбы справлялись в одном месте. В этом, как и в некоторых других поступках, усматривали простоту обхождения и любовь Александра к товарищам. Взяв каждый свою жену новобрачные разошлись по домам; каждой невесте приданое дал Александр. Он приказал переписать и имена македонцев, женившихся уже раньше на азиатских женщинах, – таких оказалось свыше десяти тысяч, и им были розданы от Александра свадебные подарки.

Александру казалось также своевременным заплатить все долги, сделанные его войском, и он приказал сделать перепись, сколько каждый должен, чтобы все получили для уплаты соответствующую сумму. Сначала записали свои имена немногие, так как опасались, не сделано ли это Александром с целью разведать, кто из воинов не довольствуется своим жалованьем и кто живет расточительно. Когда Александру сообщили, что большая часть воинов не записывается и скрывает долговые обязательства, у кого они имеются, он осыпал упреками недоверчивость воинов: как царь, говорил он, должен быть по отношению к подданным только правдивым, так и все подчиненные должны видеть в действиях царя только правдивость. Затем он разместил в лагере кассы с деньгами и при них заведующих выдачей и последним приказал – каждому, представившему вексель, уплачивать долги без внесения имени в список. Таким образом уверились в правдивости Александра и еще более, чем за избавление от долгов, были ему благодарны за то, что долги остались втайне. Говорят, что эта раздача войску стоила около двадцати тысяч талантов. Раздавал Александр и разные подарки из уважения к заслугам или за проявленную в опасностях доблесть. Людей, отличившихся доблестью, награждал он золотыми венками...

Прибыли к нему и сатрапы как вновь основанных городов, так и других завоеванных областей: привели они до тридцати тысяч мальчиков-подростков, все одного возраста, которых Александр называл «эпигонами» (потомками), у всех у них было македонское оружие, и они были обучены военному делу по-македонски. Говорят, прибытие этих подростков возбудило неудовольствие македонцев, потому что Александр, будто бы, употребляет все усилия, чтобы на будущее время не нуждаться так же часто, как прежде, в услугах македонцев; немалым огорчением для македонцев было видеть и индийскую одежду на Александре; большинству не были по душе и браки, заключенные по персидскому обычаю, даже и некоторым из самих новобрачных, хотя равенство с царем и было для них высокой честью. Им было неприятно, что персидский сатрап, Певкест, носил персидскую одежду и говорил на персидском языке, так как Александру нравился его варварский вид. Стоило только выдвинуться своей знатностью, телесной красотой или вообще какими-нибудь качествами бактрийским, согдийским¹¹ и арахосийским¹² всадникам, парфянским¹³ и так называемым эвакийским¹⁴ всадникам из числа персов, как их распределяли на лохи¹⁵ и зачисляли в конницу гетайров¹⁶; для этих всадников была прибавлена еще пятая гиппархия¹⁷; она не состояла вся из варваров, но при общем увеличении состава конницы в эту гиппархию попали и варвары, причем к коннице гетайров были причислены Кофен, сын Артабаза¹⁸, Гидарн и Артибол, сыновья Мазея¹⁹... Начальство над ними вверено было бактрийцу Гистаспу, и им были даны македонские копья вместо варварских копий, снабженных ремнем посередине. Все это возбуждало неудовольствие македонцев; казалось, Александр по своему образу мыслей становится настоящим варваром, презирает македонские обычаи и самих македонцев. Между тем Александр отдает приказ Гефестиону вести большую часть пехоты к Персидскому морю; а сам, когда флот поднялся в пределы Сузской области, сел на корабли с щитоносцами и своей гвардией, посадив и небольшой отряд конных гетайров, и поплыл вниз по реке Евлею²⁰ к морю. Уже будучи вблизи устья, он оставляет там большую часть кораблей, пострадавших от плавания; сам же, воспользовавшись наиболее быстроходными судами, поплыл по реке Евлею через море к устью Тигра. Остальные суда были доставлены по Евлею до канала, прорытого от Тигра к Евлею, и этим каналом переведены в Тигр...

Объехав по морю берег Персидского канала между рекой Евлеем и Тигром, Александр поднялся по Тигру до лагеря, в котором расположился со всеми силами Гефестион. Отсюда он отправился в Opis, город, лежащий на берегу Тигра. Уничтожая по пути поставленные на реке шлюзы, Александр восстановил везде ровное течение: персы устроили эти шлюзы, чтобы кто-нибудь, одержав победу своим флотом, не проник с моря вверх по реке и в их страну, а придумали это потому, что сами они – народ не морской. Устроив частые шлюзы, они делали затруднительным плавание вверх по Тигру. Александр говорил, что народам, побеждающим с оружием в руках, не подобает пускаться на такие хитрости. Поэтому он не делал со своей стороны этой предосторожности и полную бессмысленность ее доказал на деле, без труда разрушив все эти персидские сооружения...

Когда Александр прибыл в Вавилон, его встретили посольства от греков... После дружественного и, как полагаются, почетного приема, он, говорят, отпустил их обратно и при этом отдал послам для возвращения в Грецию все статуи и другие предметы, посвященные богам, которые Ксеркс увез из Греции в Вавилон, Пасаргады²¹, Сузы и остальные города Азии; таким-то образом, как рассказывают, были возвращены обратно в Афины бронзовые статуи Гармодия и Аристогонита²², вместе с кумиром Артемиды²³ Келькейской. В Вавилоне, по словам Аристовула, застал Александр и часть флота, поднявшуюся от Персидского моря по Евфрату и бывшую под начальством Неарха²⁴, а суда из Финикии – две финикийских пентеры²⁵, три тетеры²⁶, двенадцать триер²⁷ и до тридцати тридцативесельных кораблей – в разобранном виде были доставлены из Финикии к реке Евфрату, в город Фапсак, там опять собрана спущены по реке в Вавилон. Аристовул рассказывает, что Александр соорудил еще и другой флот, для чего и рубил в Вавилонии кипарисы: только этой породой деревьев и изобилует Ассирия, другого же годного к кораблестроению леса там мало; в матросы и вообще в состав корабельного экипажа поступило у него много ловцов пурпуровых раковин и других морских ремесленников из Финикии и прочих береговых стран; около Вавилона выкопал он искусственную гавань, способную вместить тысячу военных судов, а у гавани – корабельные доки. Клазоменец²⁸ Миккал получил 500 талантов с поручением отправиться в Финикию и Сирию частью для найма, частью для покупки людей, знакомых с морским делом. Александр задумал заселить побережье Персидского залива и прилегающие к нему острова; ему казалось, что страна эта не менее способна к процветанию, чем Финикия...

В Вавилоне Александр застаёт Певкеста, явившегося из Персии во главе приблизительно двадцатитысячного персидского войска... Войско это Александр распределял в македонские подразделения. Во главе декады (десятка) стоял декадарх (десятник) – македонец, при нем один солдат – македонец, получающий двойное жалованье, и другой – декастатер (десятистатерный), получивший такое название по своему жалованию, меньшему, чем у получавшего двойное жалование, но большему, чем у простых воинов, не имеющих отличия; за ними был двенадцать персов, а заключал декаду опять-таки македонец, тоже декастатер; так что в состав декады входило четверо македонцев – трое с повышенным жалованием и один, как командир декады, и двенадцать персов; македонцы были вооружены оружием, принятым у них на родине, а из персов – одни были стрелками, другие имели копья на ремнях. В то же время Александр часто делал маневры флота; на реке у него то и дело происходили состязания между триерами и тетрерами, состязания гребцов и кормчих, с награждением победителей венками...

¹ Сузы – одна из столиц Персидского государства. Древняя столица Элама. Расположена к востоку от Месопотамии на реке Хоасп.

² Атропат – персидский вельможа царя Дария III. Сражался против Александра в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э., попав в плен к Александру, был назначен им сатрапом Мидии.

³ Сатрап – наместник сатрапии, административного округа, на которые были разделены завоеванные Дарием страны.

⁴ Абулит – сатрап Сузианы, перешедший на сторону Александра и оставленный за это последним на своем старом месте. Был казнен Александром за злоупотребления после окончания индийского похода.

⁵ Индийский поход Александра продолжался с 327 по 325 г. до н. э.

⁶ Аристовул – один из спутников Александра в его походах. Впоследствии описал дела Александра. Из его сочинений, которые использовали Плутарх и Арриан, дошли незначительные отрывки.

⁷ Артаксеркс III Ох (362–338 г. до н. э.).

⁸ Бактрия – фактически независимая страна в Средней Азии по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи, формально входившая в состав Персидского государства.

⁹ Оксиарт – правитель Бактрии. Трудности, с которыми встретился Александр во время своего похода в Бактрию, заставили его жениться на дочери Оксиарта Роксане и таким образом оформить свое господство в Бактрии.

¹⁰ Гефестион – полководец, друг Александра Македонского.

¹¹ Согдиана – область между средним и верхним течением Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, севернее Бактрии.

¹² Арахосия – область к западу от среднего течения р. Инд, южнее Бактрии.

¹³ Парфия – страна к юго-востоку от Каспийского моря.

¹⁴ Где обитали эваки – неизвестно.

¹⁵ Лох – отряд воинов, делившийся на десятки.

¹⁶ Гетайры – привилегированная тяжелая македонская конница.

¹⁷ Гиппархия – конный отряд.

¹⁸ Артабаз – сатрап Дария III, перешедший на службу к Александру.

¹⁹ Мазей – персидский сатрап. Сдал Александру без боя Вавилон и был наместником Вавилона при Александре.

²⁰ Река Евлей, восточнее Тигра. Впадает в Персидский залив.

²¹ Пасаргады – древняя столица Персии на р. Кире, к востоку от Персидского залива.

²² Гармодий и Аристогонит – «тираноубийцы». В 514 г. до н. э. они составили заговор против Писистратидов, убили афинского тирана Гиппарха, сына Писистрата. При этом Гармодий был убит стражей, а Аристогонит казнен. Погибшим юношам афиняне впоследствии поставили статуи работы Антенора. Эту группу увез Ксеркс во время отступления из Афин в 480 г. до н. э. Скульптурная группа была возвращена в Афины Александром. Ее не следует смешивать с другой группой работы Крития и Несиота, которая была поставлена в Афинах взамен увезенной.

²³ Артемиды – дочь Зевса и Латоны, сестра Аполлона, богиня-девушница, охранительница стад и лесных зверей. Богиня луны. Позже, как и Аполлон, покровительница рабовладельческой культуры.

²⁴ Неарх – один из военачальников Александра, командовавший флотом, на котором возвратилась из Индии в Вавилон часть армии Александра.

²⁵ Пентера – корабль с пятью рядами весел.

²⁶ Тетрера – корабль с четырьмя рядами весел.

²⁷ Триера – военное судно с тремя рядами весел.

²⁸ Клазомены – островок у западного побережья Малой Азии.

Политика Александра по отношению к греческим полисам (Надпись из Хиоса, 332 г. до н. э.)

При притане Дейситее от царя Александра народу хиосцев. Пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократический. Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали и исправили законы, чтобы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные (законы) представить Александру. Пусть хиосцы представят двадцать триер, снаряженных на их средства, пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами. Из лиц, предавших город варварам¹, кто успеет бежать, те пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире², и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов. Если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать.

¹ Т.е. персам.

² Т.е. участников Коринфского конгресса.

Смерть Александра и дворцовые смуты (Квинт Курций Руф, «История Александра», X, 7-10)

Созданная силой оружия, империя Александра распалась сразу же после его смерти на множество мелких государств. Эти государства представляли собой эллинистические монархии, в которых власть принадлежала полководцам Александра и их потомкам.

...Воины упорно кричали, что не потерпят никакого царя, кроме законного наследника, и требовали пригласить Арридея. Враждебно настроенный к Пердикку Мелеагр поспешно приводит Арридея во дворец, и солдаты приветствуют его и провозглашают царем под именем Филиппа.

Впрочем, это был голос простонародья, вожди придер-живались другого мнения... Долго не могли принять определенного решения: то раскаивались в своем намерении, то сожалели о самом раскаянии. В конце концов преданность царю победила, и они приняли решение в пользу его потомства. Арридей, устрешенный авторитетом знати, удалился из собрания, и с его уходом воодушевление солдат лишь притихло, но не ослабело. Поэтому его пригласили снова. Арридей облачается в одежду брата¹, ту самую, которая была положена на троне. Мелеагр, телохранитель нового царя, надев панцирь, берет оружие. За ним следует фаланга, стуча копьями о щиты, жаждущая крови тех, кто домогался царской власти, не имея на нее никаких прав... Пердикк в испуге приказывает запереться в покоях, в которых лежало тело Александра. С Пердикком было 600 человек, на деле доказавших свою доблесть. К нему присоединился также Птолемей и «царская когорта» юношей². Но многотысячная толпа воинов без труда разбила запертые двери. Вместе с толпой в покои ворвался и царь, окруженный толпой телохранителей во главе с Мелеагром. Разгневанный Пердикк отзывает тех, которые хотели защищать тело Александра. Несмотря на это, ворвавшиеся стали издали бросать копья в Пердикка. Многих ранили. Наконец более пожилые, сняв шлемы, чтобы лучше быть узнаваемыми, обратились к сподвижникам Пердикка с просьбой отказаться от распри и уступить царю и большинству. Пердикк первым сложил оружие, остальные последовали его примеру...

...Царский двор сохранял прежний вид, царь принимал послов, при нем находились военачальники, в передней толпились телохранители и воины. Однако глубокое уныние • доказывало безнадежность положения...

Судьба толкала македонцев к междоусобиям, ибо многие добивались царской власти... Пердикк видел свое спасение только в гибели Мелеагра... Решено было подвергнуть войско очищению по обычаю предков, и случай казался подходящим, так как были прекращены раздоры.

Обряд очищения воинов македонские цари справляли следующим образом. На поле, куда выводилось войско, по обоим его краям бросали внутренности разрубленной собаки; в промежутке между брошенными внутренностями ставили воинов: с одной стороны – всадников, с другой – фалангу.

В назначенный для этого священного обряда день царь со всадниками и слонами расположился против пехоты, которой командовал Мелеагр... Войска сходились, и расстояние, разделяющее оба фронта, было невелико. Тут царь с отрядом всадников, подскочив к пехоте, потребовал по наущению Пердикка выдачи на казнь зачинщиков раздора, которых он, казалось, должен был бы оберегать. В случае отказа царь грозил повести на пехоту всю конницу и слонов. Пехота остолбенела от неожиданного несчастья. И сам Мелеагр подобно своим сподвижникам растерялся и потерял мужество... Тогда Пердикк, увидев, что они ошеломлены и совершенно растеряны, отделил от остальных около 300 человек и поставил их перед слонами. Это были те, кто последовал за Мелеагром, когда он покинул первую сходку воинов, состоявшуюся после смерти Александра. Всех их потоптали слоны, причем Филипп не запрещал этого, хотя и не поощрял... Поздно разгадав вероломство Пердикка, Мелеагр оставался тогда спокойно в строю, потому что насилие не было обращено

против него непосредственно. Вскоре, потеряв надежду на спасение и видя, что враги готовят ему гибель от имени человека, которого он сам же возвел в цари, Мелеагр бежал в храм и там был убит...

Отведя войско в город, Пердикк созвал предводителей на совет, где решили так разделить управление государством, чтобы царь получил верховную власть, Птолемей был сделан сатрапом Египта и правил подвластными племенами Африки; Лаомедонту дана была Сирия с Финикией, Киликия была назначена Филоту, Антигону было поручено занять Ликию с Памфилией и Великой Фригией; в Карию был послан Кассандр, в Лидию – Менандр; Малую Фригию, прилегающую к Геллеспонту, отдали в управление Леоннату. Каппадокия с Пафлагонией отошла к Евмену: ему было поручено охранять эту страну вплоть до Трапезунта и вести войну с Ариаратом; последний один только отказывался подчиниться. Питону была поручена Мидия, Лисимаху – Фракия и соседние с ней области у Понта. Во главе народов Индии, Бактрии, Согдианы, а также побережья Океана и Красного моря были оставлены те, кто управлял этими областями прежде. Пердикк состоял при царе и командовал войском, сопровождающим царя. Некоторые полагали, что такое распределение областей сделано по завещанию самого Александра, но, хотя сведения об этом исходят от ученых, они, как нам известно, ни на чем не основаны.

После раздела государства каждый сам мог бы благоразумно укрепить свое могущество, если бы когда-либо существовали границы необузданным страстям... Трудно было довольствоваться тем, что доставил случай: ничтожным кажется уже приобретенное, когда возникает надежда на большее. Поэтому всем казалось более заманчивым расширять свои царства, чем прежде получать их.

¹ Одежда брата – царская одежда покойного Александре.

² «Царская когорта» юношей – отряд телохранителей Александра.

Образование эллинистических государств Ламийская война (223-222 гг. до н. э.) (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XIII, 5)

Эпитома Марка Юниана Юстина представляет собой сокращение не дошедшего до нас обширного труда Помпея Трога, историка, жившего в эпоху Августа. Сочинение Помпея Трога состояло из 44 книг и охватывало, как можно судить по сохранившимся прологам, историю Передней Азии и Средиземноморья (исключая Италию) от образования Ассирийской державы до битвы при Акциуме. Юстин, сохранив число и последовательность книг Помпея Трога, отобрал только то, что казалось ему интересным и поучительным. Это привело к искажениям и большим пробелам в изложении событий. Несмотря на это, Эпитома Юстина сохраняет свое значение как один из важнейших источников по истории эллинизма.

Пока все это¹ происходило на востоке, в Греции афиняне и этоляне с величайшим напряжением готовились вести войну, которую они затеяли еще при жизни Александра. Причиной войны было то, что Александр, возвратившись из Индии, отправил в Грецию послания, в которых предписывал, чтобы были возвращены обратно на родину из всех государств изгнанники, кроме тех, которые были осуждены за убийство. Когда эти послания были оглашены в присутствии [представителей] всей Греции на Олимпийском торге, то они вызвали большое волнение, так как большинство изгнанников было выслано не на законном основании, но вследствие происков видных лиц. Теперь эти самые лица стали опасаться, как бы изгнанники, возвратившись, не приобрели в государстве большего влияния, чем они. Поэтому еще тогда во многих государствах стали кричать, что надо войной [добиться] восстановления свободы... И вот теперь афиняне, собрав тридцатитысячное войско и двести кораблей, начинают военные действия против Антипатра, которому досталась по жребию Греция. Антипатр уклоняется от сражения и укрывается за стенами города Гераклеи², а афиняне осаждают (этот город). В это время Демосфен, афинский оратор, жил как изгнанник в Мегарах. Он был некогда изгнан с родины за то, что принял золото от Гарпала, но Гарпал, бежавший от жестокости Александра, дал Демосфену это золото для того, чтобы тот вовлек Афины в войну против того же Александра. Когда Демосфен узнал, что афиняне отправили Гиперида в качестве посла, чтобы вовлечь пелопоннесцев в военный союз, он последовал за ним и своим красноречием добился того, что Сикион, Аргос, Коринф и другие государства также примкнули к Афинам. За эту заслугу афиняне вернули Демосфена из изгнания, выслав навстречу ему корабль. Между тем во время осады Гераклеи был убит афинский военачальник Леосфен копьем, брошенным в него со стены, когда он проходил мимо. Это обстоятельство настолько подняло дух Антипатра, что он даже осмелился срыть вал. Затем он просит через послов помощи у Леоната. Когда стало известно, что Леонат приближается со своим войском, афиняне выступили навстречу ему в боевом порядке. Произошла схватка конницы, в которой Леонат был тяжело ранен и скончался. Хотя Антипатр видел, что шедший ему на помощь отряд потерпел поражение, он тем не менее обрадовался смерти Леоната: он избавился от соперника, а войско [Леоната] присоединилось к нему. Поэтому, как только он принял его под свою команду, он считал себя равносильным врагу даже и в открытом поле и, прорвав осаду, ушел в Македонию. Греческие войска также, изгнав врага из пределов Греции, разошлись по своим городам³.

¹ Речь идет о разделе державы Александра Македонского.

² По другим источникам Антипатр потерпел поражение у Фермопил, а затем был осажден в Ламии (отсюда и название войны).

³ Юстин умалчивает о морских сражениях и победе Антипатра в битве при Краиноне в Фессалии.

Борьба диадохов

Распад державы Александра

(Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XIII, 6, 8)

Диадохи – полководцы Александра Великого, которые после его смерти в 323 г. до н. э., в результате долгих войн, затянувшихся до 301 г. до н. э., разделили между собой его империю. Известнейшие из диадохов – Антигон I Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет, Антипатр и его сын Кассандр, Птолемей, Селевк, Лисимах и Эвмен.

Между ними возникла кровавая борьба, продолжавшаяся 22 года и окончившаяся решительной битвой при Ипсе (301 г. до н. э.), в которой погиб Антигон. Это время известно в истории под названием эпохи диадохов. Следствием этой борьбы стало возникновение новой системы эллинистических государств, в которую вошли все земли от Адриатического моря до Инда.

После этого начинается война между Антигоном и Пердиккой. Антигону помогали Кратер и Антипатр, которые, заключив мир с афинянами, поставили во главе Греции и Македонии Полиперхонта. Пердикка, вызвав в Каппадокию царей Арридея и Александра, сына Александра Великого, которые были под его опекой, созывает военный совет. Некоторым казалось, что лучше всего перенести войну в Македонию, в самый главный центр державы, где находилась и Олимпиада, мать Александра, немаловажная сила в борьбе партий вследствие того, что среди граждан великие имена Александра и Филиппа были все еще популярны. Но было решено начать войну с Египта, чтобы, когда они направятся в Македонию, Птолемей не занял Азию. Эвмену кроме полученных им ранее областей были дополнительно даны Пафлагония, Кария, Ликия и Фригия. Здесь ему было приказано ожидать Кратера и Антипатра. В помощники Эвмену были даны брат Пердикки Алкет и Неоптолем с их войсками; Клиту поручают начальство над флотом. Киликию отнимают у Филоты и отдают Филоксену; сам Пердикка с громадным войском движется на Египет. Так Македония, вследствие того что ее вожди разбились на две враждующие группы, обратила оружие против собственной своей плоти, обагрила мечи, которыми сражалась против врага, кровью своих же сограждан и, словно лишившись рассудка, сама стала себе рубить руки и калечить себя. Но Птолемей искусно и энергично уже подготавливал в Египте огромные [военные] силы [для отпора]; так, он сумел и египтян привлечь к себе своим исключительно разумным управлением, и соседних царей расположил в свою пользу различными благодеяниями и услугами. В то же время он увеличил свои владения, захватив город Кирену. Он стал так силен, что уже не столько страшился врагов, сколько сам стал для них страшен.

Итак, Птолемей, получив подкрепление из этого города, готовился к войне на случай нападения Пердикки. Но Пердикке более вредила ненависть, которую он возбуждал своей надменностью, чем вражеские войска; возмущенные ею, союзники толпами перебежали к Антипатру. Даже Неоптолем, оставленный в помощь Эвмену, не только хотел перебежать [сам], но и передать [врагам] войско своих союзников. Так как Эвмен это предвидел, он счел необходимым вступить в бой с предателем. Неоптолем потерпел поражение и бежал к Антипатру и Полиперхонту. Он убеждал их, чтобы они ускоренным наступлением застигли врасплох Эвмена, упоенного победой и считавшего себя в безопасности после бегства его, Неоптолема. Но это дело от Эвмена не укрылось: коварный замысел обратился против того, «то строил козни. Те, которые считали, что нападут врасплох, сами подверглись нападению во время похода, когда считали себя в безопасности и были утомлены бессонной ночью. В этом сражении Полиперхонт был убит¹. Неоптолем и Эвмен вступили между собой в поединок, долго бились и нанесли друг другу ран. В конце концов Неоптолем был побежден и пал. Таким образом, Эвмен, победив в двух последовавших друг за другом сражениях, несколько укрепил положение своей партии, ослабленной переходом союзников на сторону врага. Однако после того, как был убит Пердикка, Эвмена вместе с Пифоном Иллирийцем и Алкетом, братом Пердикки, войско объявило врагами государства и ведение войны против них было поручено Антигону.

¹ Это сообщение ошибочно. По другим источникам Полиперхонт остался в Македонии. В сражении участвовал и был убит Кратер.

Присвоение диадохами царских титулов

(Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XV, 1-2)

После того как были убиты Пердикка и его брат, Эвмен и Полиперхонт¹, а также другие вожди противоположной партии², казалось, что борьба между преемниками Александра Великого закончилась. Однако неожиданно возникли раздоры между самими победителями, ибо, когда Птолемей, Кассандр и Лисимах стали требовать, чтобы деньги из захваченной добычи, а также и провинции были распределены [между победителями], Антигон отказался разделить с союзниками выгоды, полученные от войны, все опасности которой он один принял на себя. Чтобы казалось, будто он начинает справедливую войну против [бывших]

своих союзников, Антигон повсюду распространяет слух, что хочет отомстить за смерть Олимпиады, убитой Кассандром, и освободить из амфиполитанского плена сына царя своего, Александра, и его мать³. Когда Птолемей и Кассандр узнали об этом, они, заключив союз с Лисимахом и Селевком, стали ревностно готовиться к войне на суше и на море. Птолемей владел Египтом с большей частью Африки, Кипром и Финикией. В подчинении у Кассандра были Македония с Грецией. Азию и часть Востока захватил Антигон. В первой же военной схватке при Газе сын Антигона Деметрий терпит поражение от Птолемея...

Пока происходили эти события, Кассандр на обратном пути от Аполлонии неожиданно встретил [племя] авдариатов, которые искали новых мест для поселения, покинув свои родные земли, где развелось множество лягушек и мышей. Опасаясь, как бы авдариаты не захватили Македонию, Кассандр, заключив с ними договор, принимает их в число союзников и отводит им для жительства самые отдаленные части Македонского государства. Затем Кассандр, чтобы на царский престол Македонии не возвели из уважения к имени отца сына Александра Геркулеса⁴, которому было уже больше четырнадцати лет, отдает приказание тайно убить его вместе с матерью Барсиной, а тела их забросать землей, чтобы совершение погребального обряда не вызвало подозрения в том, что они убиты. И как будто ему мало уже совершенных преступлений (сперва по отношению к самому царю, вскоре затем к его матери Олимпиаде и его сыну Геркулесу), он так же коварно убивает и второго сына с его матерью Роксаной, как будто он не мог достичь македонского царского престола, к которому он страстно стремился, иначе как преступлениями. Между тем Птолемей вторично вступает в морской бой с Деметрием и, потеряв флот и уступив врагу победу, бежит в Египет...

Торжествуя по поводу этой победы, Антигон приказал, чтобы народ отныне называл его с сыном Деметрием царями. Также и Птолемея, чтобы он мог пользоваться у своих не меньшим авторитетом, его войско провозглашает царем. Услыхав об этом, Кассандр и Лисимах тоже присваивают себе царский титул. Они воздерживались от присвоения себе внешних знаков этого достоинства, пока еще могли быть в живых сыновья их царя. Так велико было у них уважение к памяти Александра, что, хотя они обладали царской властью, они из чувства справедливости обходились без царского титула, пока у Александра оставался законный наследник.

¹ Пердикка был убит в палатке своими соратниками в 321 г. до н. э., его брат Алкет – в 319 г. до н. э., Эвмен – в 316 г. до н. э. Полиперхонт, как уже указывалось, не был убит и в последующей борьбе диадохов участвовал сначала на стороне Антигона, а затем – Кассандра.

² Т.е. сторонники Пердикки, враждебные Антигону и его союзникам.

³ Олимпиада была убита Кассандрой весной 316 г. до н. э., а Роксана с сыном Александром были захвачены и содержались под стражей в Амфиполе.

⁴ По мнению некоторых исследователей, такого сына у Александра не было. Юстин путает Геркулеса с Александром, сыном Роксаны.

Манифест Антигона по поводу мира 311 г. до н. э. (Надпись из Скепсиса, 311 г. до н. э.)

...Мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки и к тому же роздали деньги, и по этому поводу послали Эсхила с Демархом. Прежде чем достигнуто было соглашение на этот счет, мы участвовали во встрече на Геллеспонте, и если бы кое-кто не помешал, все было бы завершено тогда. Ныне же, когда Кассандр и Птолемей стали поговаривать о мире и к нам явились по этому поводу Препелай и Аристодем, то хотя мы видели, что некоторые из требований Кассандра слишком тягостны, но, поскольку дело шло о соглашении насчет греков, мы нашли необходимым не обратить внимания на это, чтобы возможно скорее уладить главное. Ведь мы считали важнее всего все устроить для эллинов, как мы хотели, а если бы все это затягивалось, при затяжке иногда случается много неожиданного, а нам желательно было, чтобы все касающееся эллинов было улажено при нашей жизни; мы поэтому полагали, что не следует из-за мелочей рисковать устройством дела в целом. А сколько мы приложили в этом деле старания, ясно будет, я думаю, и вам, и всем другим из самого содержания соглашения¹. Когда мы уже завершили соглашение с Кассандром и Лисимахом, для чего они послали уполномоченного Препелая, к нам прислал послов Птолемей, прося заключить мир и с ним и вписать его в то же соглашение. Мы видели, что нам приходится немало поступиться своим честолюбием, ради которого мы перенесли немало забот и потратили много денег; к тому же тогда уже с Кассандром и Лисимахом мы договорились, и дальнейшие переговоры были уже легче. Но понимая, что если наладить и с ним (т. е. с Птолемеем), то скорее будет покончено с Полиперхонтом, поскольку никого не останется в союзе с ним, а также принимая во внимание мое родство с ним², вместе с тем видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также с ним. Для заключения договора мы послали Аристодема, Эсхила и Гегесия; они вернулись, получив гарантии, а от Птолемея прибыло посольство во главе с Аристулом, чтобы получить от нас. Итак, знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что, пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать, а на будущее время, если все эллины и стоящие у власти обяжутся клятвой, свобода эллинов останется более прочной.

¹ Речь идет о мирном договоре 311 г. до н. э.² Т.е. с Птолемеем.

Битва при Ипсе (301 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Деметрий», 28-30)

Тут судьба и история человека, чью жизнь мы описываем, как бы переносит действие с комической сцены на трагическую. Все цари заключили союз против Антигона и сплотили свои силы воедино. Деметрий покинул Грецию, соединился с отцом и, видя, что Антигон готовится к войне с таким честолюбивым рвением, какого трудно было ожидать в его годы, сам ощутил новый прилив мужества и бодрости. Между тем представляется вероятным, что если бы Антигон пошел хоть на малые уступки и несколько утишил свое непомерное властолюбие, он до конца удержал бы главенство среди царей и передал его сыну. Однако, суровый и спесивый от природы, столь же резкий в речах, как и в поступках, он раздражал и восстанавливал против себя многих молодых и могущественных соперников. И в тот раз он хвастливо говорил о своих врагах, что без труда разгонит их сборище, как одним-единственным камнем или криком вспугивают птиц, слетевшихся клевать зерна, брошенные рукою сеятеля. У Антигона было собрано свыше семидесяти тысяч пехоты, десять тысяч конницы и семьдесят пять слонов, у неприятелей – конницы на пятьсот клинков больше, слонов четыреста да сто двадцать боевых колесниц; пехоты, правда, всего шестьдесят четыре тысячи. Когда оба войска сошлись, настроение Антигона изменилось, надежды его поколебались, но намерения остались неизменны. Прежде в битвах он бывал всегда самоуверен и неприступно горд, говорил громко и надменно, а нередко отпускал язвительные остроты даже во время рукопашной, выказывая этим твердость духа и презрение к врагу. Теперь, напротив, его видели молчаливым и задумчивым, он представил сына воинам и назвал его своим преемником. Но в особенности всех поразило вот что: Антигон закрылся наедине с Деметрием в своей палатке и держал с ним совет, тогда как раньше не посвящал в свои замыслы даже сына, но все решал сам, в полном одиночестве, а затем лишь объявлял эти решения и распоряжался, ничего в них не меняя. Рассказывают, что однажды, еще в ранние годы, Деметрий спросил отца, когда они будут сниматься с лагеря, и Антигон в сердцах воскликнул: «Ты что же, боишься, что один из всего войска не услышишь трубы?».

Кроме всего прочего обоих тревожили и угнетали дурные знамения. Деметрию приснился Александр в богатом вооружении, который спрашивал, какой клич дают они с отцом для предстоящей битвы: «Зевс и Победа» – сказал ему Деметрий. И Александр в ответ: «Тогда я уйду к вашим врагам – они принимают меня к себе». Когда пехота уже выстроилась к бою, Антигон, выходя из палатки, споткнулся, упал ничком и сильно расшибся. Поднявшись на ноги, он простер руки к небесам и просил у богов либо победы, либо внезапной и безболезненной смерти до поражения. Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием и неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой – путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны, – и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: значительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать. Теперь враги тучей устремились на Антигона, и кто-то из приближенных воскликнул: «Царь, они метят в тебя!» – «Какая же еще может быть у них цель? – возразил Антигон. – Но Деметрий подоспел на выручку». Эту надежду он сохранил до конца и всё озирался, ища глазами сына, пока не пал, пронзенный сразу несколькими, пущенными в него копьями. Все слуги и друзья тут же бросили мертвого, единственный, кто остался подле тела, был Форак из Лариссы.

После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделивши части между собою, присоединяли новые провинции к прежним своим владениям...

Хремонидова война (Павсаний, «Описание Эллады», III, 6, 4-6)

О Павсании, авторе «Описания Эллады», известий не сохранилось. Из отдельных замечаний, содержащихся в его произведении, можно заключить, что он жил во II в. н. э., родиной его был г. Синила в Лидии (Малая Азия). Павсаний много путешествовал; книгу свою закончил в правление Марка Аврелия (161-180 гг. н.э.).

«Описание Эллады» состоит из 10 книг, посвященных важнейшим областям Греции (Атике, Коринфу, Лаконике, Мессении, Элиде, Ахайе, Аркадии, Беотии и Фокиде). В каждой из них описываются памятники и достопримечательности (произведения искусств, развалины древних сооружений, святилища) и связанные с ними мифы и предания. Павсаний использует и собственные впечатления и главным образом обширную предшествующую литературу. Нередко, описывая тот или иной памятник, Павсаний сообщает ряд важных исторических сведений, заимствованных им из не дошедших до нас исторических сочинений. «Описание Эллады» является важным источником по истории греческого искусства и мифологии.

Когда в Спарте царствовал Арей, сын Акротата, Антигон, сын Деметрия¹ двинулся походом на Афины и с пешим войском, и с флотом. На помощь афинянам прибыл из Египта Патрокл вместе со своим войском и флотом, выступили и лакедемоняне всенародным ополчением, поручив главное командование царю Арею. Но Антигон таким тесным кольцом окружил Афины, что союзным с афинянами силам не было никакой возможности войти в город. Тогда Патрокл, отправив послов, стал побуждать лакедемонян и Арея начать битву против Антигона, говоря, что если они начнут, то и он нападет на македонян с тылу; прежде же, чем произойдет это нападение, как-то неудобно им, египтянам и морякам, нападать на пехоту. И действительно, лакедемоняне стремились, невзирая на опасность, оказать афинянам помощь как вследствие своего расположения к ним, так и из жажды военной славы, мечтая о каком-либо памятном для дальнейших времен своем подвиге. Но Арей отвел назад свое войско под предлогом, что у него вышло все продовольствие... С афинянами, оказывавшими в течение очень долгого времени² сильное сопротивление, Антигон заключил мир на том условии, что он введет к ним гарнизон и поместит его на (холме) Мусейе.

¹ Антигон I Гонат (277-239 гг. до н. э.).

² Хремонидова война длилась с 266/265 по 262 гг. до н. э.

Образование Ахейского союза (Полибий, «Всеобщая история», II, 41, 43)

Полибий (около 200-120 гг. до н. э.), сын Ликорты из Мегалополя – один из крупнейших историков древности. Его отец был стратегом Ахейского союза, и сам Полибий принимал активное участие в политической жизни Греции. После победы римлян в Третьей Македонской войне Полибий в 166 г. до н. э. был отправлен заложником в Рим, где провел около 16 лет, близко соприкасаясь с правящими кругами Римского государства (он жил в доме Эмилия Павла и был наставником и другом Сципиона Младшего). Полибий присутствовал при взятии Карфагена римлянами, а после разрушения Коринфа выступал посредником между Римом и греческими полисами. Современник и участник важнейших исторических событий II в. до н. э.

Полибий попытался в своей «Истории» (другие его произведения до нас не дошли) осмыслить и объяснить причины успехов Рима и проследить процесс превращения его в крупнейшую державу Средиземноморья. Сочинение Полибия носит характер всемирной истории: в нем излагаются события политической жизни всех стран Средиземноморья в их тесной связи и переплетении на протяжении более чем столетия – от начала Первой Пунической войны (264 г. до н. э.) до разрушения Коринфа (146 г. до н. э.). По добросовестности и объективности в изложении фактов Полибий как историк не уступает Фукидиду: это наиболее ценный и достоверный источник для истории III-II вв. до н. э. Тем не менее следует отметить, что принадлежность к аристократии и ахейский патриотизм Полибия наложили заметный отпечаток на его оценки тех или иных исторических явлений.

Из 40 книг «Истории» до нас полностью дошли только первые пять, 17, 19 и 40 книги утрачены, от остальных дошли более или менее значительные фрагменты.

Была сто двадцать четвертая олимпиада, когда жители Патр и Димы положили начало объединению¹ после смерти Птолемея, сына Лага, Лисимаха, а также Селевка и Птолемея Керавиа: все они умерли в названную выше олимпиаду.

В более древние времена положение ахейского народа было таково: начиная от Тисамена, сына Ореста, который был изгнан из Спарты во время возвращения Гераклидов и занял область Ахай, ахеяне находились непрерывно под управлением царей в порядке наследования до Огига. После этого недовольные сыновьями Стига за то, что они управляли ими самовластно, а не по законам, ахеяне изменили свое государственное устройство в народоправление. В последующие времена до царствования Александра, сына Филиппа, положение их менялось сообразно обстоятельствам; но, как мы сказали выше, они стара чись постоянно удерживать власть в руках народа. Государство их состояло из двенадцати городов, которые находятся в нем и теперь, за исключением Олена и Гелики; этот последний город был поглощен морем перед битвой при Левктрах. Города эти: Патры, Дима, Фары, Тритея, Леонтий, Эгий, Эгира, Пеллена, Бура, Кариния. Во время, следовавшее за Александром, но предшествовавшее упомянутой выше олимпиаде, города эти главным образом по вине царей Македонии враждовали между собой и упали до такой степени, что всякая связь между ними порвалась, и каждый город преследовал свои собственные выгоды в ущерб другим. Вследствие этого одни из них заняты были гарнизонами Деметрия и Кассандра, а впоследствии и Антигона Гоната, другие подпали под власть тиранов; как кажется, большинство властителей посажены были эллинам Антигоном.

Однако около сто двадцать четвертой олимпиады, как я сказал выше, ахеяне, сознавши прежние ошибки, снова начали соединяться между собой. Это было около времени похода Пирра в Италию. Начало союзу положили жители Димы, Патр, Тритеи и Фар, почему и не существует никакого столба в память образования союза этих городов. Году на пятом после этого эгеяне выгнали свой гарнизон и примкнули к союзу, вслед за сим убили своего тирана буряне. В одно время с ними возвратились к прежнему устройству каринияне. Тогдашний тиран Каринии Исея видел, как из Эгия выгнан гарнизон, а в Буре ахеяцами и Маргом убит тиран; ему самому с минуты на минуту отовсюду угрожало покушение, а потому Исея сложил с себя власть и, выговоривши от ахеян личную неприкосновенность, присоединил город к ахейскому союзу.

В течение первых двадцати пяти лет² названные выше города для управления союзными делами выбирали по очереди общего секретаря и двух стратегов. Впоследствии они решили назначать одно лицо, облеченное верховной правительственной властью; Марг из Каринии первым занимал эту должность. На

четвертом году³ после его стратегии сикионец Арат двадцати лет от роду собственной доблестью и отвагой освободил родной город от тирании, присоединил его к ахейскому союзу, задачами которого он восхищен был с самого начала. На восьмом году⁴, будучи вторично выбран в стратеги, он напал на Акрокоринф, занятый Антигоном, и овладел им, чем избавил жителей Пелопоннеса от угнетавшего их страха, и, освободивши коринфян, присоединил их к государству ахеян. Во время той же стратегии он добился того, что к ахеянам примкнул и город мегарян.

¹ 284 г. до н. э.

² До 255 г. до н. э.

³ В 251 г. до н. э.

⁴ В 243 г. до н. э.

Итоги Второй македонской войны (Полибий, «Всеобщая история», XVIII, 44-45)

...В это время¹ прибыли из Рима те десять выборных, которым предстояло устроить дела Эллады и которые принесли с собой решение сената относительно мира с Филиппом. Важнейшими статьями этого решения были следующие: вообще всем эллинам, как азиатским, так и европейским, быть свободными и пользоваться собственными законами; тех же эллинов, которые до сих пор были подвластны Филиппу, а равно занятые его гарнизоны города Филипп обязан передать римлянам перед истмийским празднеством; Еврому, Педасам, Баргилиям, городу иасян² должен предоставить свободу, равно как Абидосу, Фасосу, Мирине, Перинфу, и вывести из них свои гарнизоны. Что касается освобождения иасян, то Тит³ должен был, согласно сенатскому определению, написать о том Прусию⁴. В тот же срок Филипп обязывался возвратить римлянам всех военнопленных и перебежчиков, а также выдать им все палубные корабли, за исключением пяти суден и одного шестнадцатипалубника. Он должен был, наконец, уплатить тысячу талантов, из коих пятьсот тотчас, а другие пятьсот по частям в течение десяти лет.

Когда весть об этом определении распространилась среди эллинов, все они воспрянули духом и преисполнились радости; досадовали только этоляне, так как не получили того, на что рассчитывали, и громко осуждали определение сената, говоря, что оно не более как пустые слова. Кое-какое подтверждение своим речам, через то еще более смущавшим слушателей, этоляне заимствовали из самого содержания определения. Так, они уверяли, что в определении сената содержится двоякое требование относительно городов, занятых гарнизоны Филиппа: в силу одного из них Филипп обязуется вывести свои гарнизоны, а города передать римлянам, в силу другого – вывести гарнизоны и предоставить городам свободу. Если города освобождаемые называются по именам и суть города Азии, то, значит, римлянам передаются европейские города, а это суть Орей, Эретрия, Халкида⁵, Деметриада, Коринф. Отсюда всякий легко усмотрит, что «узы эллинов» от Филиппа римляне берут в свои руки и совершается не освобождение эллинов, а лишь смена господ.

Суждения эти повторялись этолянами без конца. Между тем Тит с десятью выборными покинул Эллатею и прибыл в Антикиру⁶, переплыв оттуда в Коринф. По прибытии на место он устроил совещание с десятью товарищами для обсуждения общего положения дел. Так как злословие этолян принимало все большие размеры и кое-где находило себе веру, то Тит вынужден был в пространных речах многообразными доводами убеждать товарищей в том, что если они желают приобрести себе безраздельную признательность эллинов и вообще поселить во всех уверенность, что римляне совершили этот поход не ради собственной корысти, но для освобождения эллинов, то им необходимо очистить все местности и даровать свободу всем городам, какие теперь заняты гарнизоны Филиппа. Колебания на совещании происходили оттого, что судьба всех прочих местностей решена была предварительно в Риме, и десять выборных получили от сената определенные относительно их распоряжения; напротив, решение о Халкиде, Коринфе и Деметриаде во внимание к Антиоху⁷ предоставлено было выборным, с тем чтобы они по собственному усмотрению приняли меры, какие потребуются обстоятельствами: было вне сомнения, что Антиох давно уже собирается идти на Европу. Однако Тит убедил членов собрания освободить немедленно Коринф согласно первоначальным условиям и передать его ахеянам, но удержал за собой Акрокоринф⁸, Деметриаду и Халкиду.

¹ В 196 г. до н. э.

² Евром, Педасы, Баргилии, Иас – города Карии.

³ Тит Квинций Фламинин – консул 198 г. до н. э., римский полководец.

⁴ Царь Вифинии Прусий II.

⁵ Орей, Эретрия, Халкида – города Эвбеи.

⁶ Эллатея и Антикира – города Фокиды.

⁷ Антиох III, готовившемуся к войне с римлянами.

Акрокоринф – крепость Коринфа. Сохранение ее в руках римлян означало господство над Коринфом и прилежащими землями.

Бактрийское царство

Бактрийское эллинистическое царство в значительной своей части было расположено на территории современных Таджикистана и Узбекистана, здесь же находились его важнейшие центры.

(Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XII, 4)

...вследствие убоиц между братьями, Селевком¹ и Антиохом², в это же время отпал и Феодот (Диодот), наместник тысячи бактрийских городов, и принял титул царя; следуя его примеру, отложились от македонцев все народы Востока. В это время жил Арсак, человек неизвестного происхождения, но большой доблести. Привычный к грабежам и узнав о разгроме Селевка галлами в Азии, он ворвался в Парфию с войском разбойников, победил Андрагора (3) и отнял у него власть. Скоро после этого он занял и гирканское царство и, став, таким образом, во главе двух государств, собрал большое войско из боязни перед Селевком и Феодотом, царем бактрийцев. Но после смерти Феодота он заключил союз с его сыном, тоже Феодотом, а скоро победил и Селевка; этот день парфяне торжественно празднуют, как начало своей независимости.

(Страбон, «География», XV, 1, 3)

Аполлодор⁴, автор парфянской истории, вспомнив об эллинах, которые отторгли Бактрию от сирийских царей, наследников Селевка Никатора⁵, сообщает, что эти эллины, усилившись, вторглись и в Индию, но при этом он не открывает нам ничего, кроме прежде известного; он иногда противоречит сам себе, говоря, что они проникли в Индию дальше македонцев. Евкратид⁶ имел под своей властью тысячу городов.

(Страбон, «География», XI, 11, 1-2)

Эллины, отделившие Бактрию, достигли такого могущества, что подчинили себе даже Ариану⁷ и индийцев, как утверждает Аполлодор, и покорили большее число народов, чем сам Александр. Отличился больше всего Менандр⁸, который на востоке перешел Гипанис⁹ и дошел до Имая (Памира); одни завоевания он совершил сам, другие же - сын бактрийского царя Евтидема Деметрий¹⁰. Они овладели не только Паталеной¹¹, но и также так называемым царством Сараоста и Сегердиды на остальной части морского берега. Вообще Бактрия, по словам Аполлодора, служит украшением всей Арианы, бактрийские цари простерли свои владения до серов¹² и фринов¹³.

Города у них были: Бактра, которая называется также Зариаспой; через нее протекает река того же имени, вливающаяся в Оке (Аму-Дарья); потом город Адрапса и многие другие. В числе городов была также Евкратидия, названная так по имени царя. Эллины, овладевшие этой областью, разделили ее на сатрапии; две из них, Аспион и Туриву, парфяне отняли у Евкратиды. Они владели также Согдианой, лежащей выше Бактрии к востоку, между рекой Оксом, отделяющим Бактриану от Согдианы, и Яксартом (Сыр-Дарья), последний служит границей между согдийцами и кочевниками.

¹ Селевк II Каллиник (247-226 гг. до н. э.).

² Антиох Гиеракс – брат Селевка II. Здесь имеется неточность. На самом деле Диодот отделился от царства Селевкидов в конце правления их отца – Антиоха II Теоса (261-247 гг. до н. э.), боровшегося со своим сыном Селевком II.

³ Андрагор – наместник Селевкидов в Парфии.

⁴ Аполлодор из Артемиды, греческого города, расположенного восточнее реки Тигра. Автор истории парфян, от которой сохранились незначительные отрывки. Жил во II-I вв. до н. э.

⁵ Селевк I Никатор (312-280 гг. до н. э.) - основатель государства Селевкидов, центр которого был в Сирии.

⁶ Евкратид – царь Бактрии, узурпатор. Правил в середине II в. до н. э.

⁷ Ариана – область в центральной части Иранского плоскогорья.

⁸ Менандр – царь Бактрии. Правил во второй половине II в. до н. э.

⁹ Гипанис – реки и горы в Средней Азии, в сочинениях античных авторов нередко повторяют названия Причерноморья и Кавказа.

¹⁰ Евтидем и его сын Деметрий – могущественные бактрийские цари II в. до н. э. Деметрия разбил узурпатор Евкратид, присвоивший себе титул «великий царь».

¹¹ Паталена – порт в дельте Инда.

¹² Серы – китайцы.

¹³ Фрины – гунны, проникнувшие из Монголии к восточным границам Средней Азии.

Александрия Египетская – центр Средиземноморья (Страбон, «География», XVII, 7-9)

Город Александрия был основан Александром в дельте Нила на берегу Средиземного моря в 331 г. до н. э. Впоследствии Александрия была столицей могущественного эллинистического Египта, государства Птолемеев, и центром торговли, промышленности и культуры в восточном Средиземноморье.

Удобства местоположения Александрии разнообразны. Место омывается двумя морями, с северной стороны Египетским¹, а с южной болотным озером Марийским, которое называется также Мареотидой. Озеро наполняется водой из Нила посредством множества каналов, идущих в озеро и сверху, и с боков; по этим каналам совершается большее коммерческое движение, нежели из моря, так что гавань у озера была богаче морской. Там же вывоз из Александрии значительнее ввоза. Все это знает каждый, побывавший в Александрии и Дикеархии² и наблюдавший товарные суда при входе в гавань и выходе из гавани, насколько тяжелее и легче выходящие и входящие суда. Кроме тех богатств, которые привозятся в гавань с обеих сторон, здесь замечательна мягкость воздуха, которая является последствием омывания области двумя морями и благотворного разлития Нила; между тем другие города, построенные на озерах, имеют в летние жары тяжелый и душливый воздух, потому что на краях озер образуются вследствие испарений от солнечных жаров болота; из болот поднимается грязная влага, люди дышат испорченным воздухом, причиняющим заразные болезни. В Александрии, напротив, Нил, наполняясь с началом лета, наполняет и озеро, не допуская образования болот, которые могли бы произвести вредные испарения. Вместе с тем, дуют там в то же время и пассатные ветры, благодаря чему александрийцы очень приятно проводят лето. Земля города имеет вид плаща; те стороны его, которые тянутся в длину, омываются водой с обеих сторон и имеют в диаметре около тридцати стадиев³; стороны, тянущиеся в ширину фигуры, представляют перешейки, каждый в семь или восемь стадиев, обнимаемые с одной стороны морем, а с другой – болотным озером. Весь город пересечен улицами, удобными для верховых лошадей и экипажей; две самые широкие улицы, футов в сто, пересекают одна другую под прямым углом⁴. В городе есть прекраснейшие общественные святилища и царские дворцы, покрывающие четвертую или даже третью часть всего занимаемого городом пространства. Действительно, каждый из царей старался прибавить какое-нибудь украшение к общественным памятникам и в то же время каждый из них строил для себя особый дворец, увеличивая число существовавших до него... Все дворцы соединены между собой, с гаванью и со всем, что за пределами последней. Часть царских зданий составляет и Мусей⁵, содержащий в себе место для гулянья, залу для заседания и большое помещение, где находится столовая состоящих при Мусее ученых⁶. Коллегия эта пользуется государственным содержанием и имеет жреца, начальника Мусея, назначаемого некогда царями, а теперь цезарем⁷. Другое отделение царского дворца составляет так называемое Сема⁸, помещение для царских гробниц и для Александра... Труп Александра Птолемей перевез в Александрию, похоронил его в том месте, где он лежит и теперь, хотя и не в том самом гробе; теперешний гроб стеклянный, а Птолемей положил его в золотой. Птолемей, по прозвищу Кокк и Парисакт⁹, похитил золотой гроб; он пришел сюда из Сирии, но был скоро изгнан, так что не извлек никакой пользы из похищения. Перед большой гаванью у входа в нее с правой стороны находится остров и башня Фарос¹⁰, с другой стороны – подводные скалы и мыс Лохиада с царским замком. С левой стороны для въезжающего в гавань находятся соединяющиеся с мысом Лохиадой внутренние царские жилища, в которых имеется множество разнообразных жилых комнат и садов; ниже их находится вырытая замкнутая гавань, собственность царей, и островок Антиродос, лежащий перед вырытой гаванью, имеющий царский дворец и небольшую гавань. Островок так назван потому, что он был как бы соперником Родоса. Над ним стоит здание театра, потом находится Посейдий, изгиб, идущий от так называемого Эмпория¹¹, с храмом Посейдона... Далее следует Цезарий (храм Цезаря), Эмпорий и товарные склады; за этим следуют корабельные верфи до Гептастадия¹². Таковы окрестности Большой гавани. За Гептастадием следует гавань Евноста, а над нею вырытая гавань или так называемый Кибот (Ящик) с корабельными верфями. Из внутренности гавани проходит судоходный канал к озеру Мареотиде. По ту сторону канала находится еще небольшая часть города. Далее следует предместье Некрополя, или город мертвых, в котором находится множество садов, гробниц и зданий для набальзамирования трупов. По сю сторону каналов помещается Серапеум¹³ и прочие древние общественные строения с храмами; теперь они почти покинуты, так как в Никополе¹⁴ построены новые. Там же находится амфитеатр, ристалище, где устраиваются через каждые пять лет состязания. Впрочем, древность пользуется небольшим почтением. Говоря вообще, город наполнен роскошными общественными зданиями и храмами; наилучшее из них гимнасий с портиками посередине, более обширными, нежели ристалище. В середине города находится здание суда... Здесь же есть искусственная значительная возвышенность, имеющая форму конуса и похожая на скалистый холм; к этой возвышенности ведет извилистая дорога; с вершины ее можно созерцать весь кругом расстилающийся город.

¹ Египетское море, т.е. часть Средиземного моря, омывающая побережье Египта.

² Дикеархия – город с большой гаванью на западном берегу средней Италии в области Кампании. Латинское название Путеолы.

³ Город имел около 5 км в длину и около 1,2 км в ширину.

⁴ Ширина двух самых широких улиц в Александрии была около 30 м.

⁵ Мусей – храм муз, важнейший центр науки античного мира. Место, где работали и жили ученые, писатели, философы. При Мусее была самая крупная в древности библиотека.

⁶ Среди ученых, живших в Мусее, были: Евклид, Эратосфен и др.

⁷ Страбон был современником римского императора Августа.

⁸ Сема – могила.

⁹ Парисакт – вкравшийся, чужой; значение прозвища Кокк не ясно.

¹⁰ Фарос – небольшой продолговатый остров, соединенный насыпью с материком. На нем был построен знаменитый Александрийский маяк.

¹¹ Эмпорий – торговая набережная.

¹² Гептастаций – название по длине проезда – 7 стадий.

¹³ Серапеум – храм Сараписа, главного бога государства Птолемеев.

¹⁴ Никополь – город около Александрии.

Богатства эллинистических царей в конце III в. до н. э. (Полибий, «Всеобщая история», V, 88, 89)

После постигшего Родос¹ в 227 г. до н. э. землетрясения, при котором погибла, между прочим, большая часть верфей (греческие города), а в особенности цари принесли родосцам совершенно исключительные дары... Гиерон² и Гелон³ (сиракузские) не только дали им 75 талантов серебра... причем часть этих денег тотчас же, другую часть в течение короткого времени, но также серебряные котлы и подставки к ним и несколько серебряных гидрий, сверх того десять талантов на жертвоприношения и другие десять на поддержку граждан, так что весь дар состоял в общей сложности из ста талантов. Гиерон и Гелон освободили также от пошлин направляющиеся к ним (родосские) суда и 50 трехлопастных катапульта⁴. (Египетский) царь Птолемей III Эвергет⁵ обещал родосцам триста талантов серебра, миллион артаб хлеба, строительных материалов на десять трехпалубных и десять пятипалубных кораблей, именно 40 000 четырехгранных сосновых брусьев в локоть длиною, тысячу талантов медной монеты, 3000 талантов пакли, 3000 парусов, 3000 талантов меди на восстановление колосса, сто мастеров, 350 рабочих и на содержание их ежегодно по 14000 талантов, сверх того на состязания и жертвоприношения 12 000 артаб хлеба и на продовольствие (экипажа) десяти триер. Большую часть этих даров Птолемей выдал немедленно, а из денег – третью часть всей суммы. (Македонский) царь Антигон⁶ (Досон) дал родосцам 10 000 бревен размером от 8 до 16 локтей, на сваи 5 000 семилопастных переключин, 3 000 талантов железа, 1 000 талантов смолы, 1 000 метретов смолы в сыром виде и обещал дать сверх того сто талантов серебра. Супруга Антигона Хрисеида дала 100 000 артаб хлеба, 3 000 талантов свинца.

(Сирийский) царь Селевк (Каллиник)... освободил родосцев от пошлин с судов, прибывающих в его царство, дал 10 оснащенных пятипалубных кораблей, 200 000 артаб хлеба, 10 000 локтей и по тысяче талантов смолы и волоса.

¹ Родос – остров у юго-западного побережья Малой Азии.

² Гиерон II (269-214 гг. до н. э.) – тиран сиракузский.

³ Гелон – сын и соправитель Гиерона II.

⁴ Катапульта – тяжелое орудие для метания стрел, камней и т. д.

⁵ Птолемей III Эвергет I (246-221 гг. до н. э.).

⁶ Антигон III Досон (229-221 гг. до н. э.).

⁷ Селевк II Каллиник (247-226 гг. до н. э.).

Торговое значение Византия в эллинистическую эпоху (Полибий, «Всеобщая история», IV, 38, 1-10)

Отрывок указывает на большое экономическое значение Причерноморья в эпоху эллинизма.

На всей обитаемой в наше время земле византийцы занимают место, во всех отношениях со стороны моря самое удобное в смысле безопасности и благосостояния, но со стороны суши и в том и в другом отношении самое непригодное. С моря Византий¹ лежит у устья Понта² и господствует над ним, так что ни одно из купеческих судов без разрешения византийцев не может ни войти в Понт, ни выйти из него. Понт располагал многими из предметов, весьма нужных для существования всех прочих людей, и все эти предметы в руках византийцев. В числе предметов, необходимых для нашего существования, припонтские страны доставляют нам в большом изобилии, по общему признанию, превосходного качества скот и огромное количество рабов, а из предметов, служащих дополнением к предметам (первой необходимости), византийцы доставляют нам мед, воск, соленую рыбу в изобилии. Из предметов, водящихся в избытке в наших местах, византийцы получают масло и всякого сорта вино. Что касается хлеба, то они состоят с нами в обмене, или во-время доставляя его нам, или получая его от нас. Эллинам пришлось бы или испытывать (в своих сношениях с Византием) большие затруднения, или товарообмен должен был бы оказаться совершенно бесполезным, если бы византийцы, желая повредить эллинам, соединились либо с галатами³, либо (еще скорее) с фракийцами⁴, или вообще если бы они не жили в тех местах, где живут теперь: в таком случае, вследствие узости пролива (Боспора)⁵ и массы обитающих по берегам его варваров, Понт оказался бы, по общему признанию, недоступен для плавания наших судов. Конечно, византийцы извлекают очень большую пользу для себя благодаря свойствам местоположения их города: все, что у них имеется в излишке, они вывозят, все, чего им нехватает, они легко ввозят, с пользою для себя, без всякого затруднения и риска. Но, как мы сказали, и все эллины пользуются, благодаря византийцам, большими преимуществами.

¹ Византий – Константинополь (теперь Стамбул).

² Понт – Черное море.

³ Галаты, или галлы, – многочисленные племена кельтов, проживавших в северных частях Балканского полуострова. В 278 г. до н. э. они вторглись в Грецию, а затем переправились в Малую Азию.

⁴ Фракийцы – жители северного побережья Эгейского моря.

⁵ Боспор Фракийский – пролив, соединяющий Мраморное и Черное моря.

Подчинение Македонии римлянам (Тит Ливий, «История Рима от основания города», XLV, 28-34)

Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – уроженец Патавии (Северная Италия), автор популярной в древности римской истории «От основания города» в 142 книгах, из которых до нас дошли только 35: 1-10 и 21-45 книги. Тит Ливий излагает историю Рима от мифического прибытия Энея в Италию и до 9 г. н. э. Главная цель автора – прославить доблесть и величие римского народа. В центре внимания автора история Рима и Италии, но попутно он сообщает и о событиях в странах, соприкасавшихся с Римом. Для истории Греции главным источником для Тита Ливия была «Всеобщая история» Полибия.

В назначенный Эмилием Павлом¹ день в Амфиполь явилось по десяти знатнейших граждан от каждой общины, а также были доставлены деньги македонского царя и хранившиеся повсюду царские грамоты. Сам римский полководец с десятью легатами² открыл заседание трибунала. Вокруг толпились множество македонян. Им, приученным к царской власти, казалось необычайным и страшным зрелище римского трибунала. Все было непривычно для их глаз и ушей: вход в трибунал, доступ к которому был закрыт, вид глашатая и служителя. Эта торжественная обстановка могла напугать даже союзников, а не только врагов. Установив с помощью глашатая тишину, Эмилий Павел сообщил собранию на латинском языке то, что сенат и он сам, основываясь на мнении совета, решили довести до сведения македонян. Присутствовавший в трибунале претор Гней Октавий тут же повторял речь полководца по-гречески. Прежде всего было постановлено оставить македонян свободными. Им было разрешено владеть теми же городами и землями, пользоваться своими собственными законами, ежегодно избирать должностных лиц и платить римскому народу половину той суммы налогов, которую они платили своим царям. Затем Македония была разделена на четыре области. Первая область включала территорию между реками Стримон и Нессом.

К ней были также присоединены те деревни, крепости и города, которыми владел Персей к востоку от реки Несса, кроме Эна, Маронеи и Абдер. К этой области отошла также вся Бисальтика, лежащая на западе за Стримонем, с городом Гераклеей, которую называют Синтикой. Вторую область составила территория, ограниченная с востока рекой Стримонем, исключая Синтику и страну, населенную племенем бисальтов. На западе ее границей была река Аксий. К этой области были отнесены земли пеонийцев, обитающих к востоку у реки Аксия. Третья область охватывала территорию, омываемую с востока Аксием, а с запада – рекой Пенеем. На севере границей является гора Бора. К этой же области была присоединена та часть Пеонии, которая простирается с запада вдоль реки Аксия. Туда же отошли Эдесса и Берея. Четвертая область за горой Борой граничила с одной стороны с Иллириком, с другой – с Эпиром. Главными городами, где должны были собираться народные собрания, Эмилий Павел назначил: для первой области – Амфиполь, для второй – Фессалонику, для третьей – Пеллу, для четвертой – Пелагонию. Римский главнокомандующий приказал каждой области создавать в этих городах свои народные собрания, избирать там магистратов и вносить денежные подати. Затем он объявил, что жителям запрещается вступать в брак, продавать и покупать поля и дома вне пределов своей области. Запрещается также добыча золота и серебра. Македонянам разрешается только добыча железа и меди. На занимающихся добычей этих металлов налагается подать вдвое меньше той, которую они платили царю. Римский полководец также запретил македонянам пользоваться привозной солью. Когда дарданцы потребовали возвратить им Пеонию ввиду того, что она принадлежала им прежде, а кроме того, граничите их землями, Эмилий Павел решительно заявил, что все, кто был под властью Персея, должны получить свободу. Отказавшись отдать Пеонию, римский полководец позволил, однако, дарданцам покупать там соль. Третьей области он приказал доставлять в пеонийский город Стобы соль и установил на нее твердую цену. Кроме того, Эмилий Павел запретил заготавливать корабельный лес на территории Македонии не только местным жителям, но даже иностранцам. Областям, которые граничили с владениями варваров (а такими были все области, кроме третьей), римский полководец разрешил содержать на границах вооруженные гарнизоны.

Отдельные статьи мирного договора, оглашенного в первый день собрания, произвели на присутствующих далеко не одинаковое впечатление. С одной стороны, македонян обрадовало неожиданное для них сохранение независимости и уменьшение ежегодной подати. С другой стороны, запрещение сношений между областями казалось столь мучительным, как если бы живое существо разорвали на части, которые не могут существовать одна без другой...

...Милостиво отпустив послов, Эмилий Павел переправился через Стримон и стал лагерем на расстоянии тысячи шагов от Амфиполя. Выступив оттуда, он на пятый день прибыл в Пеллу. Миновав город, римский полководец на два дня задержался у так называемого Спелея. Отсюда он послал П. Назику и своего сына Кв.

Максима с частью войск опустошать земли иллирийцев, которые помогли Персею во время войны. Отпуская обоих военачальников, он приказал им встретиться с ним у Орика. Сам Эмилий Павел, направившись в Эпир, после пятнадцати переходов прибыл в Пассарон.

Недалеко оттуда находилась стоянка легионов Аниция. К Аницию были направлены письма, с тем чтобы он не беспокоился по поводу событий, которые должны были произойти, так как сенат отдал войску в качестве добычи города Эпира, перешедшие во время войны на сторону Персея. После этого Эмилий Павел разослал по отдельным эпирским городам центурионов. Им поручено было объявить, что они прибыли вывести из городов гарнизоны, чтобы эпироты стали такими же свободными, как македоняне. Затем от каждого города было вызвано по десять знатнейших граждан. Объявив им, что все золото и серебро должно быть собрано в общественную казну, Эмилий Павел разослал когорты во все города. Воинские части были посланы с таким расчетом, чтобы все они вступили в назначенные им города одновременно, в один и тот же день. Для этого когорты, направленные в отдаленные места, выступали раньше тех, которые шли в близлежащие пункты. Трибунам и центурионам были даны точные указания, как они должны действовать. Рано утром все золото и серебро снесли в общественную казну. В четвертом часу воинам был дан сигнал грабить города. Добыча оказалась столь велика, что при разделе каждому пехотинцу досталось по 200, а всаднику – по 400 денариев. 150000 человек обратили в рабство. Стены разграбленных городов были снесены³. Всего таких городов насчитывалось около 70. Вся добыча была продана, и полученные деньги розданы воинам.

¹ Люций Эмилий Павел – консул 168 г. до н. э., одержавший победу над царем Македонии Персеем (179-168 гг. до в. э.) в битве при Пидне.

² Комиссии из 10 уполномоченных – легатов сенат поручил устройство дел в Македонии.

³ Расправа с Эпиром произошла в том же 168 г. до н. э.

Родос в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XIV, 2)

Страбон о Родосе.

Город родосцев расположен на восточной оконечности (острова). Гаванями, улицами, стенами и вообще всем устройством город этот настолько превосходит все прочие, что нельзя назвать никакого другого (города) не только лучше его, но даже равного ему. Законодательство в нем достойно удивления, равно как и то усердие, с каким жители занимаются делами государственными вообще и в частности флотом; благодаря последнему город долгое время господствовал на море, уничтожал пиратов, вошел в дружбу с римлянами и с теми царями, которые состояли в дружественных отношениях с римлянами и эллинами. Вследствие всего этого город постоянно сохранял независимость и был украшен множеством даров, которые хранятся большею частью в храме Дионисия и в гимнасии, а частью – в других местах... Хотя родосцы живут и не в демократических учреждениях, но они заботятся о народе, стараясь поддержать бедных. Народу раздается хлеб, и богатые оказывают поддержку беднякам согласно стародавнему обычаю. Кроме того, есть специальные общественные обязанности доставки пропитания, так что бедные люди имеют средства к жизни и город не терпит недостатка в работах, в особенности для поддержания флота. Некоторые здания в гаванях были заперты и недоступны народу, и осмотр их или проникновение внутрь наказывалось смертной казнью. Здесь, так же как и в Массалии и Кизике, обращали большое внимание на архитекторов, на приготовление инструментов, на запасы оружия и прочих предметов, гораздо больше, чем где-нибудь в другом месте.

Делос в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», X, 5)

Страбон о Делосе.

Скорее в Эгейском море, нежели в Критском, лежат как Делос, так и облегающие его кругом Киклады...

Делос имеет город, расположенный в равнине, а также святилище Аполлона и Латоны. Выше города тянется обнаженная и суровая гора Кинф; через остров протекает небольшая река Иноп; невелик, впрочем, и сам остров. Остров этот еще издревле, от времен героических, пользуется большим почетом благодаря этим богам. Мифы повествуют, что Ла- тона, разрешившись здесь от мук родов, произвела на свет Аполлона и Артемиду. Делос сделал знаменитым окружающие его острова, так называемые Киклады, которые посылали в честь божества на общественный счет феоров, жертвы, танцевальные хоры девушек и устраивали на нем большие народные собрания.

Делос, сделавшийся известным, еще более поднялся вследствие разрушения Коринфа римлянами: сюда перешли купцы, привлекаемые свободой храма от подати, а также удобством гавани; последняя расположена

очень удобно для плывущих в Азию из Италии и Эллады. Сам народный праздник есть отчасти коммерческое учреждение, и остров посещался часто разными народами, а в особенности римлянами, еще в то время, когда существовал Коринф. Афиняне, овладевши островом, обращали также большое внимание на священнодействия и на торговлю. Но когда напали на Делос полководцы Митридата, а тиран увлек его к отпадению, весь остров был опустошен. Таким образом, римляне после возвращения царя на родину снова заняли остров уже разоренным, и по настоящее время он пребывает в бедности. Владеют им афиняне.

Пергам в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XIII, 4)

Страбон о Пергаме.

Первенство в этой местности принадлежит Пергаму, городу знаменитому и процветавшему долгое время при царях Атталах. Поэтому дальнейшее свое описание мы должны начать с этого города. Прежде всего сообщим краткие сведения о том, откуда произошли цари этого города и каков был их конец. В Пергаме хранил свои сокровища один из преемников Александра, Лизимах, сын Агафокла, так как город был построен на самой вершине населенной горы. Сама гора имеет форму конуса и оканчивается острой вершиной. Охрана этого укрепления и сокровищ, которых было на 9000 талантов, поручена была Филетэру Тианцу... Он был евнухом, но получил прекрасное воспитание, почему и был удостоен такого доверия. Некоторое время Филетэр оставался верен Лизимаху, но из ненависти к жене его Арсиное, клеветавшей на него, Филетэр отделил от его владений эту местность и управлял ею сообразно с обстоятельствами, обращая внимание на благоприятные условия для переворота. Между тем Лизимах, преследуемый домашними несчастьями, вынужден был умертвить родного сына Агафокла; с другой стороны, Селевк Никатор, внезапно напавши на него, лишил его жизни, а потом умерщвлен был и сам коварным образом Птолемеем Каравном. Среди таких смут евнух Филетэр оставался в своем укреплении, все более и более усиливая его и располагая к себе обещаниями и разными одолжениями. Таким образом, в течение двадцати лет он оставался обладателем крепости и сокровищ.

У Филетэра было два брата, из которых старший назывался Эвменом, а младший – Атталом. У Эвмена был сын одного имени с отцом, Эвмен, который и получил в наследство Пергам; кроме того, он имел в своей власти окрестные местности, так что подле Сард он победил в сражении Антиоха¹, сына Селевка. Он умер на двадцать третьем году царствования. Аттал², родившийся от Аттала и Антиохида, дочери Ахея, наследовал власть; он первый провозглашен был царем после победы, одержанной им над галатами в большом сражении³. Этот Аттал сделался союзником римлян и вместе с ними сражался против Филиппа, присоединившись к флоту родосцев. Царствовал он сорок три года, умер стариком и по смерти оставил четырех сыновей, прижитых с Аполлонидой, родом из Кизикины: Эвмена, Аттала, Филетэра и Афиней. Два младших брата прожили частными лицами, а из двух остальных царем сделался старший – Эвмен⁴. Последний помогал римлянам в войне их с Антиохом Великим и с Персеем; от римлян он получил во владение всю страну и по сю сторону Тавра, находившуюся под владычеством Антиоха. Первоначально под властью Пергама стояли немногие местности до моря подле Элаитского и Адрамнттского заливов. Эвмен расширил пределы города, а Никефорий⁵ засадил рощей, него же радиению город обязан статуями, библиотеками и всем теперешним великолепным устройством. После сорока девяти лет царствования Эвмен оставил власть сыну Атталу от Стратоники, дочери Ариарата, царя каппадокийцев. Опекуном слишком юного сына и регентом он назначил брата Аттала⁶. Этот последний, совершивший много счастливых дел, умер стариком после двадцати одного года царствования. Так, он помогал Александру, сыну Антиоха, в войне против Деметрия, сына Селевка, а в союзе с римлянами сражался против Псевдофилиппа; совершивши поход во Фракию, он покорил царя кайнов Диегила, умертвил Прусия, восстановивши против него сына его Никомеда, а царскую власть оставил после себя Атталу⁷, опекуном которого он состоял. Проществовавши пять лет и получивши название Филометора, последний умер от болезни, сделавши римлян наследниками. Римляне обратили эту область в провинцию и называли ее Азией, именем самого материка.

¹ В 263/262 г. до н. э.

² Аттал I правил в 241-197 гг. до н. э.

³ Битва при Каике произошла в 228 г. до н. э.

⁴ Эвмен II (197-159 гг. до н. э.).

⁵ Никефорий – место для жертвоприношений.

⁶ Аттал II (159-138 гг. до н. э.).

⁷ Аттал III (138-133 гг. до н. э.).

Каппадокия в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 1)

Страбон о Каппадокии.

О прочих народах мы будем говорить после, а теперь скажем о каппадокийцах. Каппадокию, разделенную персами на две сатрапии, заняли македоняне и образовала вместо сатрапий царства частью согласно желаниям населения, а частью против его воли. Одну часть они назвали собственно Каппадокией, Каппадокией при Тавре, а также Великой Каппадокией, а другую часть Понтом или Каппадокией у Понта.

Понт в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 3)

Страбон о Понте.

Царем Понтийским был Митридат Эвпатор. Он владел страной, границей которой служил Галий до тибаренов и армян, а также местностями по эту сторону Галия до Амастреи и некоторых частей Пафлагонии. Он присоединил к своим владениям с западной стороны морской берег до Гераклеи, родины Платонова ученика, Гераклида, а с противоположной стороны – местности до Колхиды и Малой Армении, соединивши и их с царством Понтийским. В этих границах заключена была страна в то время, когда Помпей, победивши Митридата, овладел ею. Местности подле Армении и Колхиды он разделил между царями, воевавшими в союзе с ним, а остальную часть царства разделил на одиннадцать областей, соединивши их с Вифинией, так что из двух этих царств образовалась одна провинция.

Далее, в пятидесяти стадиях от Армении, лежит сама Синопа – замечательнейший из здешних городов. Синопа основана милетцами. Обзаведшись флотом, она господствовала на море по сю сторону Кианей, а по ту сторону принимала участие во многих сражениях за эллинов. Долгое время, будучи самостоятельной, Синопа не сохранила, однако, свободы до конца; она была взята и подчинена сначала Фарнаку, а потом наследникам его до Эвпатора и, наконец, римлянам, сокрушившим владычество последнего. Эвпатор родился и воспитался в этом городе; поэтому он высоко чтит его и даже сделал главным городом своего царства. Синопа благодаря самой природе, а также людской заботливости прекрасно устроенный город. Он расположен на узком месте полуострова, имеет по обеим сторонам перешейка гавани, стоянки для кораблей, а также замечательные пруды с тунцами... В верхней части и над городом страна эта имеет хорошую почву и покрыта густыми садами в диком состоянии; отличаются особенно предместья города. Город укреплен прекрасно, снабжен прекрасной гимназией, рынком и блестящими портиками.

Галатия в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 5)

Страбон о Галатии.

С юга к пафлагонцам прилегают галаты; их три народа, два из которых носят названия своих вождей, трокмы и толистобогии, а третий называется тектосагами по имени народа, живущего на Кельтике. Галаты заняли эту страну после долгих блужданий, прошедши через область, подчиненную атталийским царям и вифинам, пока им не была отдана по доброй воле нынешняя Галатия и так называемая Галлогреция. Главным виновником их перехода в Азию был, как кажется, Леоннорий. Итак, было три народа, говоривших одним языком и не различавшихся между собой ничем другим, но каждый из них Аелился на четыре части, и каждую часть они называли, тетрархией; каждая тетрархия имела своего собственного тетрарха, одного судью и одного военного начальника, подчиненных тетрарху, а также двух помощников военного начальника. Совет этих двенадцати тетрархов составляли триста мужей, которые собирались в так называемом Дринемете, т. е. в дубовой роще. Совет разбирал уголовные дела, а тетрархи и судьи – все прочие. Такова была организация в древности; в наше время власть принадлежала трем лицам, потом двум вождям, наконец одному, Дейотару; которому наследовал Аминта. Теперь римляне владеют и этой областью, и той, что была подчинена Аминте, соединивши их в одну провинцию.

Трокмы занимают землю вдоль Понта и Каппадокии, это лучшая часть земли, принадлежащей галатам. У них есть три укрепления; Тавий, торговый пункт этих областей, где находится колоссальная медная статуя Зевса и святилище его, пользующееся правом убежища, второе – Митридатий, которое Помпей отделил от Понтского царства и подарил Богодиатору, третье – Данала, где заключили договор Помпей и Лукулл, когда

один прибыл для продолжения войны, а другой, сдавши верховную власть, отправлялся на триумф. Итак, трокмы владеют этими землями, а тектосаги – теми, что простираются вдоль Великой Фригии против Пессинунта и Оркаорков. У них была крепость Анкира, носившая одинаковое название с фригийским городком подле Лидии, недалеко от Блавда. Толитобогии живут на границе с вифинами и с так называемой Приобретенной Фригией. Укрепления их: Блукий и Пеий, из которых первое служит царской резиденцией Дейотара, а второе – казнохранилищем.

Пессинунт – самый важный торговый пункт в этой стране; в нем есть храм матери богов, пользующийся высоким почтением; называют ее Агдистидой. В древности жрецы были небольшими князьями и получали от жречества большие доходы. В настоящее время значение их сильно упало, но торговля сохранилась. Место, посвященное Зевсу, было украшено храмом и портиками из белого мрамора при атталийских царях... Выше поднимается гора Диндим, по имени которой названа Диндима подобно тому как Кибела названа по имени Кибел. Недалеко от Пессинунта течет и река Сангарий. Подле нее находятся древние места жительства фригийцев Мидаса, а еще раньше Гордия и некоторые другие; теперь они не представляют и следов городов: это деревни, несколько обширнее прочих...

Армения в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XI, 14)

Страбон об Армении.

...Армению первоначально покорили персы, а потом македоняне, овладевшие Сирией и Мидией... Потом Артаксией и Зориадрием, полководцами Антиоха Великого, воевавшего с римлянами, Армения разделена была на две части. Они управляли страной по поручению царя. Когда царь был побежден, полководцы присоединились к римлянам и, будучи сделаны царями, образовали самостоятельные государства. Тигран был потомком Артаксия, он владел собственной Арменией, которая граничила с Мидией, албанцами и иберами до Колхиды и Каппадокии при Евксейне; потомок Зариадрия был софенец Артана, владевший южными и западными частями Армении. Он был побежден Тиграном, который и сделался обладателем всей страны. Впрочем, Тигран также подвергся превратностям судьбы. Сначала он был заложником у парфов, потом добился от них возвращения на родину ценой семидесяти долин Армении. Усилившись, Тигран получил обратно эти земли и еще разорил собственную страну парфов подле Нина и Арбел. Он подчинил себе также Атропатена и Гордия, а с ними вместе и остальную Месопотамию и, перешедши Ефрат, покорил Сирию и Финикию. Усилившись до такой степени, он основал город вблизи Иберии между нею и Зевгматом на Ефрате; город он назвал Тигранокертою; он поселил в нем жителей двенадцати эллинских городов, им же разоренных. На город неожиданно напал Лукулл, воевавший с Митридатом, и разослал его жителей на их родины, самый город, наполовину выстроенный, он разрушил при вторжении в него и оставил на месте его только маленькую деревню. Тиграна он вытеснил также из Сирии и Финикии.

Политическая история царства Селевкидов в III-I вв. до н. э. (Аппиан, «Сирийские дела», 55-57, 65-70)

Государство Селевкидов – эллинистическая монархия, образовавшаяся при распаде империи Александра Македонского. Ядром государства был Ближний Восток, на вершине своего могущества включало часть Малой Азии, Сирию, Финикию, Палестину, Месопотамию, Иран, части Средней Азии и нынешнего Пакистана. Являлось важнейшим центром эллинизма, основным связующим звеном между греческой и восточной культурными традициями.

Начав свою экспансию в Грецию, Селевкиды столкнулись с Римом, который нанес им ряд поражений. В итоге восточная часть страны к середине II в. до н. э. была захвачена парфянами под руководством Митридата I. Селевкиды продолжали править в Сиро-Финикии, до завоевания страны армянским царем Тиграном II, после чего, Селевкидское государство как самостоятельный субъект было ликвидировано. В 64 г. до н. э. бывшая западная часть территории государства Селевкидов была обращена в римскую провинцию.

...(Селевк) провел много войн и против македонян, и против варваров; из них две самые большие он провел против македонян: одну, более позднюю, – с Лизимахом, царем Фракии¹, другую, раньше, – у Ипса во Фригии с Антигоном², который сам командовал и сам лично сражался, хотя ему было за 80 лет. Когда Антигон пал в этой битве, то те цари, которые вместе с Селевком уничтожали Антигона, поделили между собой его землю. И тогда-то Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Ефрату и до самого моря, и внутреннюю Фригию. Постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться, и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой, Арахозией и Гирканией и над всеми другими соседними племенами до реки Инда, которые силой оружия были завоеваны Александром, так что границы его царства в Азии достигли наибольших после

Александра размеров; ведь от Фригии вплоть до реки Инда все было под властью Селевка. Кроме того, перейдя реку Инд, он воевал с царем живущих по берегу этой реки индийцев Андрокоттом³, пока не заключил с ним дружбы и брачного союза. И часть этих деяний он совершил до смерти Антигона, другую – после его смерти.

...По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, 5 Лаодикий – в честь своей матери, девять – носящих его собственное имя, четыре – в честь своих жен: три Апамен и одну Стратонику. Из них самыми знаменитыми даже теперь являются Селевкии: одна – у моря, другая – на реке Тигре, Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамена в Сирии. Другим городам он дал имена или по именам городов Эллады и Македонии, или по каким-либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией внутри материка есть много имен городов эллинских и македонских...

Когда умер Селевк⁴, его преемниками – причем власть над Сирией переходила от отца к сыну – были следующие: первым был вышеназванный⁵ Антиох, влюбленный в свою мачеху; он получил прозвище Сотер (Спаситель), так как изгнал галатов⁶, вторгнувшихся из Европы в Азию; за ним шел второй – Антиох, родившийся от этого брака, которому жителями Милета впервые было дано имя Теос (бог) за то, что он уничтожил у них тирана Тимарха. Но этого «бога» жена погубила ядом. Он имел жен Лаодику и Беренику... дочь Птолемея Филадельфа. Лаодика убила его, а за ним и Беренику и ее маленького ребенка. Как мститель за это, Птолемей, сын Филадельфа, убил Лаодику, вторгся в Сирию и дошел до Вавилона⁷. И парфяне начали тогда свое отпадение, так как царский дом Селевков находился в таком неустойстве.

После Теоса царем Сирии был Селевк, сын «бога» и Лаодики, которому было прозвище Каллиник. За Селевком следовали один за другим два его сына по старшинству лет – Селевк и Антиох. Селевк был больным, немощным и не умевшим держать в повиновении свое войско. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его; царствовал он всего два года. Его брат – тот Антиох, который получил имя Великого... Он царствовал 37 лет⁸. О двух его сыновьях, царствовавших после него, Селевке и Антиохе, я уже говорил раньше⁹. Селевк царствовал 12 лет бездейственно и слабо вследствие несчастья с отцом. Антиох царствовал неполных 12 лет; за это время он взял в плен Артаксия, царя Армении, и ходил войной на шестого Птолемея, который, как сирота, со своим братом был под опекой. Когда он стоял лагерем под Александрией, к нему явился послом от римлян Попилий с письменным приказом, гласившим; «Антиох не должен воевать с Птолемеями». Когда он прочел приказ и сказал, что подумает, Попилий жезлом очертил круг вокруг него и сказал: «Думай здесь». Пораженный этим, царь снялся с лагеря. Он ограбил святилище Афродиты в Элимах и умер от истощения, оставив 9-летнего сына, Антиоха Евпатора...

Была раньше речь и об его преемнике, Деметрии, как он был заложником в Риме и, бежав из своего заложничества, стал царем. Он получил от сирийцев имя Сотер (Спаситель) вторым после сына Селевка Никатора. Против него поднял восстание некий Александр, ложно заявлявший, что он из рода Селевка. Птолемей¹⁰, царь Египта, из-за ненависти к Деметрию поддерживал его. Деметрий из-за Птолемея был лишен престола и умер; но Александра изгнал Деметрий, сын этого Деметрия Сотера, и за то, что он победил человека, незаконно претендовавшего на его род, он был назван сирийцами Никатором (Победителем); и он был вторым после Селевка, получившим это имя. По примеру того Селевка и он пошел войной на парфян, но был взят в плен, жил при дворе царя Фраата, и царь выдал за него замуж свою сестру Родогуну.

При такой анархии в царском доме царский раб Диодот возвел на трон маленького Александра, сына Александра, незаконно выдававшего себя за Селевкида, и дочери Птолемея. Затем он убил этого ребенка и осмелился сам вступить на престол, переименовав свое имя на Трифона. Но Антиох¹¹, брат пленного Деметрия, узнав на Родосе о его пленении, вернувшись с великим трудом в родное царство, убивает Трифона. И он идет походом на Фраата, требуя возвращения брата. Фраат испугался его и отослал Деметрия. Несмотря на это, Антиох вторгся в Парфию, но, потерпев поражение, убил себя. Вернувшегося на престол Деметрия убила его жена Клеопатра, коварно лишив его жизни из-за ревности к его браку с Родогуной, из-за чего она уже раньше вышла замуж за Антиоха, брата Деметрия. У нее было два сына от Деметрия, Селевк и Антиох, которому было прозвище Грип, а от Антиоха – Антиох, которого называли Кизикским. Из них Грина она уже заранее послала для воспитания в Афины, а Кизикского – в Кизик,

Селевка, который тотчас же после отца своего Деметрия надел на себя царскую диадему, она убила, устроив против него заговор, боясь ли мести за коварное убийство его отца или вследствие безумной ненависти ко всем. После Селевка стал царем Грип; он заставил мать выпить то питье, которое она приготовила для него, подмешав яд. Таким образом, наконец она понесла заслуженное наказание. Но и Грип был достойным сыном своей матери: он стал злоумышлять против Кизикена, хотя и тот был его братом по матери. Последний, узнав об этом, пошел на него войной, изгнал его из царства и вместо него сам стал царем Сирии. Но и против него, хотя он и приходился ему дядей, пошел войной Селевк, сын Антиоха Грипа, и отнял у него престол. Будучи насильником и ведя себя как жестокий тиран, он был за это сожжен народом в гимнасии в Киликии, в городе Мопсуестии; его преемником был Антиох, сын Кизикского. Против него стал злоумышлять его родственник Селевк, но сирийцы считают, что он спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище Благочестивого... Тем не менее попушением божьим он был изгнан из своего царства Тиграном¹².

У его сына¹³, который был у него от Селены, воспитанного в Азии и поэтому получившего прозвище Азиатский, Помпей отнял сирийское царство; он был 17-м, начиная с Селевка, царем сирийцев (я не считаю

Александра и сына Александра, как лжецарей, а равно и их раба Диодота). Он царствовал, пока Помпей был занят в других местах, всего один год. Власть Селевкидов продолжалась 230 лет. Если кто хочет учесть время от Александра до захвата Сирии римлянами, надо к 230 годам прибавить еще 14 лет правления Тиграна.

¹ В 281 г. до н. э.

² В 301 г. до н. э.

³ Селевк вел войну с Чандрогуптой, основателем династии Маурьев в Индии, между 307-301 гг. до н. э.

⁴ Селевк был убит Птолеем Керанном в 280 г. до н. э.

⁵ См. § 59-61.

⁶ В 278/277 г. до н. э.

⁷ Так называемая Третья Сирийская война в 246 г. до н. э.

⁸ Антиох III царствовал с 223 по 187 г. до н. э.,

⁹ В § 45.

¹⁰ Птолемей VI (181-145 гг. до н. э.).

¹¹ Антиох VII Сидет (139/138-129 гг. до н. э.).

¹² Тигран, царь Армении, удерживал под своей властью Сирию с 83 по 69 г. до н. э.

¹³ Антиох XIII (64-63 гг. до н. э.).

Мирный договор Антиоха III с Римом (188 г. до н. э.) (Полибий, «Всеобщая история», XXI, 44-45)

В 192-188 гг. между Римской республикой и государством Селевкидов велась так называемая Сирийская война за влияние в Восточном Средиземноморье. В 190 г. до н. э. состоялось решающее сражение Сирийской войны – битва при Магнесии. В упорной битве войска Антиоха III были полностью разгромлены. В 188 г. до н. э. был подписан Апамейский мир.

По прибытии в Апамею, где были уже царь¹ и десять легатов, Гней² совещался с ними о положении дел. Решено было прежде всего утвердить мирный договор с Антиохом. В дальнейших разъяснениях договор не нуждается, ибо значение его ясно само собой. Что касается отдельных статей договора, то они были следующие: «Между Антиохом и римлянами дружба останется на вечные времена, если он будет блюсти договор. Царь Антиох и подвластные ему правители обязуются не пропускать через свои земли неприятеля, идущего на римлян или на союзников их, не доставлять ему какое бы то ни было продовольствие. То же самое обязаны наблюдать римляне и союзники их по отношению к Антиоху и подвластным ему правителям. Антиох обязуется не ходить войной ни на островитян, ни на жителей Европы. Обязуется очистить города и земли, селения и крепости по сю сторону горы Тавра до реки Галиса и от долины Тавра до хребта, поворачивающего в Ликаонию, и не забирать из них ничего, кроме вооружения, которые воины имеют на себе; буде же что-нибудь унесено уже, обязуется доставить обратно в те же города. Антиох обязуется не принимать ни воинов, ни иных людей из земель царя Эвмена. Если в войске Антиоха есть кто-либо из жителей тех городов, какие завоеваны римлянами, то он обязан доставить их в Апамею, и обратно: кто из царства Антиоха находится у римлян или их союзников, тому предоставить на выбор или оставаться на месте, если ему угодно, или удалиться. Рабы римлян и союзников их должны быть возвращены Антиохом и подвластными ему правителями, равно как военнопленные и перебежчики и иные люди, где бы кто ни был захвачен в плен. Антиох обязуется также выдать, если для него возможно, карфагенянина Ганнибала, сына Гамилькара, акарнана Мнасилоха, этолийца Фоанта³, халкидян Эвбулида и Филона, равно как и всех этолян, занимающих союзные должности; обязан выдать всех слонов и не содержать их впредь, выдать длинные корабли вместе со снастями и вооружением и впредь не иметь больше десяти палубных судов; обязуется не иметь ни единого большого судна, как тридцативесельное, для войны наступательной; суда не должны выплывать дальше мысов Каликадна и Сарпедонского⁴, разве судно будет везти дань, послов или заложников. Антиоху возбраняется набирать наемников в подчиненной римлянам земле и принимать у себя беглых. Все дома родосцев или союзников, какие были в подвластной Антиоху земле, должны принадлежать родосцам, как было и до начала войны. Если был какой-нибудь долг родосцам, то они вправе его взыскивать, а если что-нибудь было отнято у них, то отнятое, буде обнаружится, должно быть возвращено. Имущество родосцев должно быть свободно от пошлин так же, как было и до войны. Если бы Антиох отдал другим те города, которые обязан возвратить римлянам, то и из них он обязуется вывести гарнизоны и своих людей, и если бы кто пожелал впоследствии бежать к нему, он обязуется не принимать. Обязан уплатить римлянам чистейшего аттического серебра двенадцать тысяч талантов в течение двенадцати лет по тысяче талантов ежегодно, причем талант должен весить не меньше восьмидесяти римских фунтов, и хлебом девяносто тысяч медимнов. Царю Эвмену Антиох обязан уплатить триста пятьдесят талантов в течение ближайших пяти лет по семидесяти талантов ежегодно и в возмещение за хлеб, согласно оценке самого Антиоха, сто двадцать семь талантов и тысячу двести восемь драхм, получением каковой суммы Эвмен будет считать себя удовлетворенным. Заложников Антиох обязуется поставить двадцать человек, меняя их через каждые три года на четвертый, не моложе восемнадцати лет и не старше сорока пяти. Если в каком году окажется недочет при уплате денег, то его надлежит пополнить в следующем. Если какой город или народ из числа тех, с коими по договору возбраняется воевать Антиоху, начнет войну первым, то

Антиохи воевать дозволяется, однако ни один из народов или городов не может поступить во власть Антиоха, не может быть принят им в дружбу. Ссоры между договаривающимися сторонами должны быть разрешаемы судом. Если бы обе стороны по обоюдному решению пожелали прибавить что-либо к условиям договора или изъять из них, да будет им дозволено».

¹ Антиох III.

² Гней Маилий Вульсон – проконсул 188 г. до н. э.

³ Фоант – сторонник Антиоха, обвиненный в подстрекательстве этолян против римлян. По-видимому, те же обвинения предъявлялись Мнасилоху, Эвбулиду и Филону.

⁴ Сарпедонский мыс и мыс Каликади в Киликии.

Отпадение Бактрии и Парфии

По-видимому, к 250 г. до н. э. относится отпадение Бактрии и Парфии от Государства Селевкидов. В результате, возникли независимые государства.

(Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», LI, 4-5)

Когда после смерти Александра Великого его преемники делили между собой восточные царства, то никто из македонян не пожелал снизойти до управления парфянами, и парфянская держава была передана союзнику – иноземцу Стаганору¹. После этого, когда между македонянами начались междоусобные войны, парфяне вместе с другими народами дальней Азии примкнули к Эвмену, а после его поражения они перешли на сторону Антигона. После Антигона ими владел Селевк Никатор, а вскоре после того – Антиох и его преемники. От его правнука Селевка² они впервые отложились во время Первой Пунической войны в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула³. Это отпадение прошло для них безнаказанно, так как в то время происходили раздоры между двумя братьями-царями – Селевком и Антиохом, которые, сражаясь за власть, упустили возможность покарать отложившихся от них парфян. Тогда же отложился [от македонян] и Диодот⁴, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем; следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока. В это время жил Арсак, человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести. Обычно он занимался разбоем и грабежом. Получив известие, что Селевк потерпел поражение в Азии, он, не боясь более царя, с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над [парфянским] народом. Спустя короткое время, Арсак завладел и Гирканским царством⁵. Став таким образом владыкой над двумя государствами, Арсак собрал огромное войско, опасаясь как Селевка, так и Диодота, царя бактрийского. Но вскоре, когда умер Диодот, Арсак, избавившись от страха [перед ним], заключил с его сыном, тоже Диодотом, мирный договор. Через короткое время Арсак сразился с царем Селевком, пришедшим наказать отложившихся [парфян], и остался победителем. Парфяне с тех пор торжественно празднуют этот день как положивший начало их свободе.

Затем, после того как Селевк из-за вновь вспыхнувших мятежей был вынужден возвратиться в Азию, Арсак, получив передышку, приводит в порядок Парфянское царство, набирает войско, закладывает крепости, укрепляет города и основывает на горе Апаортене город под названием Дара, местоположение которого таково, что нет другого города, более укрепленного [природой] и более очаровательного. Ибо Дара со всех сторон опоясана крутыми скалами, так что для охраны ее нет нужды в защитниках, а плодородие окружающей ее местности так велико, что город этот сам себя обеспечивает всем необходимым. И источников, и лесов столько, что воды в избытке хватает для орошения, да и охотой можно вдоволь наслаждаться. Таким образом, Арсак не только добился царской власти, но и устроил свое царство, отчего стал для парфян не менее достопамятным, чем Кир для персов, Александр для македонян, Ромул для римлян. Умер Арсак в глубокой старости. Память его парфяне чтят так, что с тех пор все парфянские цари нарекались именем Арсака. Сын и преемник Арсака, тоже Арсак по имени, с удивительной храбростью сражался против Антиоха, сына Селевка, у которого было сто тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников.

(Страбон, «География», XI, 9, 11)

Парфия невелика; она платила подати вместе с гирканцами во время персидского владычества, равно как и в течение долгого времени македонского господства. Помимо малости Парфия лесиста, гориста и бедна, вследствие чего цари проводили свое войско через эту страну беглым маршем, потому что даже короткое время страна не могла прокормить войска...

Когда восстали жители той стороны Тавра вследствие взаимных враждебных отношений сирийских и мидийских царей⁶, владевших этими местами, то наместники⁷ взбунтовали прежде всего Бактриану, а друзья Эвтидема – всю окрестную область. Потом Арсак, родом скиф, владевший частью даев, называвшихся парнами и кочевавших вдоль Окса, ворвался в Парфию и подчинил ее себе. Сначала и он сам, и его наследники были

слабы, потому что вели постоянные войны с народом, у которого отнята была эта страна. Впоследствии они до такой степени усилились завоеванием соседней области благодаря постоянным удачам в войнах, что наконец сделались обладателями всей страны по сю сторону Евфрата. Они присвоили себе часть Бактрианы, одолевши скифов, а еще прежде Эвкратиды, и в настоящее время владеют таким количеством земли, столькими народами, что почти могут соперничать с римлянами по размерам своих владений. Причина этого кроется в их образе жизни и в нравах..., но в то же время и много благоприятных условий для преобладания над другими и для успехов в войне...

Некоторые части Бактрии на севере лежат подле Арии, большая же часть ее тянется дальше Арии к востоку. Бактрия обширна и производит все, кроме оливы. Эллыны, отделившие эту страну, достигли такого могущества благодаря доброкачественности земли, что подчинили себе даже Ариану и индийцев, как утверждает Аполлодор Артемиден⁸ и покорили большее число народов, чем сам Александр. Отличился больше всех Менандр⁹, который на востоке перешел Гипанис и дошел до Имая; одни завоевания он совершил сам, другие же – сын бактрийского царя Эвтидема Деметрий¹⁰. Они овладели не только Паталеной¹¹, но также так называемым царством Сараоста и Сигердиды на остальной части морского берега. Вообще Бактриана, по словам Аполлодора, служит украшением всей Арианы. Бактрийские цари простерли свои владения до серов и фринов¹².

Города у них были: Бактра, которая называется также Зариаспою; через нее протекает река того же имени, вливающаяся в Оке; потом город Адрапса и многие другие. В числе городов была также Эвкратидия, названная так по имени царя. Эллыны, овладевшие этой областью, разделили ее на сатрапии; две из них, Аспион и Туриву, парфы отняли у Эвкратиды¹³. Они владели также Согдианой, лежащей выше Бактрианы к востоку, между рекой Оксом, отделяющим Бактриану от Согдианы, и Яксартом; последний служит границей между согдианой и номадами.

¹ Это сообщение Юстина не подтверждается другими источниками.

² Селевк II Каллиник (247-226/225 гг. до н. э.) был внуком, а не правнуком Никатора.

³ Консульство Л. Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула относится к 256 г. до н. э. Отпадение Парфии, по мнению исследователей, произошло позже, около 250 г. до н. э.

⁴ Отпадение Бактрии предшествовало отпадению Парфии.

⁵ По мнению исследователей, Арсак умер вскоре после захвата власти. Гиркания была подчинена парфянами уже при Тиридате I (248-211 гг. до н. э.).

⁶ Речь идет, по-видимому, о событиях, связанных со смертью Антиоха II и Третьей Сирийской войной.

⁷ Т. е. Диодот, наместник Бактрии, и Эвтидем, наместник Согдианы или, по другим данным, Маргианы и Арейи.

⁸ Аполлодор из Артемиды – историк II-I вв. до н. э., автор истории Парфии, от которой дошли до нас лишь фрагменты.

⁹ Менандр – один из последних греко-бактрийских царей, правил во второй половине II в. до н. э.

¹⁰ Эвтидем и Деметрий – цари Бактрии конца III – первой половины II вв. до н. э.

¹¹ Паталена – город в устье Инда.

¹² Т. е. до китайцев и гуннов.

¹³ Эвкратид – царь Бактрии, узурпировавший власть у преемников Деметрия в 175 г. до н. э.

Борьба Иудеи за независимость (Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XII, 5, 6)

Иосиф Флавий (37-102 гг.), сын Маттафии, родился в Иерусалиме, по происхождению принадлежал к иудейской жреческой знати, участвовал в восстании Иудеи против римского господства, но затем перешел на сторону римлян и принял родовое имя императора Веспасиана – Флавий. С целью ознакомить римлян с историей и культурой иудейского народа (и оправдать свое поведение во время восстания) Иосиф Флавий написал ряд произведений: «Иудейская война», «Иудейские древности», «Автобиография», «Против Апиона». В «Иудейских древностях» излагается история Иудеи от мифологических времен до правления императора Нерона (54-68 гг. н. э.).

Речь в данном отрывке идет о так называемых Иудейских войнах, т. е. восстаниях евреев против римлян, борьбе за независимое государство в период I в. до н. э. – II в. н. э.

Вернувшись из Египта в страхе перед римлянами, царь Антиох¹ пошел войной на город Иерусалим и, придя туда в сто сорок третьем году, после воцарения Селевкидской династии², взял город без боя, потому что приверженцы его отворили ему ворота. Овладев таким образом Иерусалимом, он перебил множество противников своих и, награбив значительное количество денег, возвратился в Антиохию.

Два года позже, именно в сто сорок пятом году (Селевкидской эры), в двадцать пятый день того месяца, который у нас называется кислевом, у македонян же апеллеем, в течение сто пятьдесят третьей олимпиады, царь во главе огромного войска вступил в Иерусалим и обманным образом овладел городом, выдав свой приход за совершенно мирный. Но на этот раз он не пощадил даже тех, которые впустили его в город, ввиду находившихся в храме богатств; побуждаемый своим корыстолюбием и намереваясь ограбить храм, в котором он заметил множество золота и прочие столь дорогие жертвенные приношения, он решился нарушить данное тем людям слово. Итак, он совершенно ограбил храм, не пощадив даже священной утвари, золотых светильников, золотого алтаря, трапезы и жертвенников, и даже не отказался от занавесей, вытканых из виссона и пурпура; равным образом опустошил он и тайную сокровищницу и тем вверг иудеев в большое горе.

К тому же он запретил им совершение ежедневных жертвоприношений, которые они по закону приносили господа богу. Затем он совершенно разграбил город, причем часть жителей перебил, других же вместе с женами и детьми взял в плен, так что более десяти тысяч человек стали рабами. Лучшие здания города он предал пламени и, срыв городские стены, укрепил находившийся в нижней части города холм, называвшийся Акрой. Этот холм был высок и господствовал над храмом; поэтому-то царь и укрепил его высокими стенами и башнями и поместил тут македонский гарнизон. Кроме того, в этой крепости остались также безбожники из народа и все гнусные люди, которые причинили своим согражданам много бедствий. Затем царь поставил на месте, где происходили жертвоприношения, алтарь и заклал на нем свинью, т.е. животное, которое как по божеским, так и по человеческим законам считалось у иудеев недозволённым.

Вместе с тем он принудил их отказаться от почитания своего бога и навязал им своих собственных богов, которым иудеи должны были в каждом городе и каждом селении посвящать рощи и воздвигать алтари; по его приказанию они обязаны были ежедневно приносить в жертву свиней. При этом царь запретил также иудеям совершать обряд обрезания над мальчиками и грозил наказанием всякому, кто решился бы ослушаться этого запрещения. С этой же целью он назначил особых надзирателей, на обязанности которых лежало принуждать иудеев к исполнению всех этих предписаний. И действительно, много иудеев, отчасти добровольно, отчасти из страха перед угрожающим наказанием, стало исполнять эти царские повеления. Однако наиболее выдающиеся и благородные из иудеев не обращали внимания на царя, ставя исполнение издревле установленных обычаев выше наказания, которым тот угрожал за ослушание, и потому ежедневно нескольким из них пришлось подвергаться пыткам и умирать в жестоких мучениях.

Около этого самого времени³ в иудейской деревне Модии жил некто Маттафия, сын Иоанна, который в свою очередь происходил от Симеона, асмонеянина; этот Маттафия был священником из разряда Иоарива и происходил из Иерусалима. У него было пять сыновей: Иоанн, прозванный Гаддесом, Симон, иначе называвшийся Матфеем, Иуда, прозванный Маккавеем, Елеазар Ауран и Иоанаф, иначе прозванный Апфусом. Этот Маттафия оплакивал с сыновьями своими потерю прежней свободы, разграбление города, разгром святилища и все постигшие народ бедствия, причем говорил, что им лучше умереть за свои древние законы, чем продолжать жить так бесславно.

Когда же в деревню Модию явились царские чиновники, чтобы принудить иудеев к исполнению предписаний царя и повелеть им принести установленные царем жертвы, чиновники эти обратились с просьбой подать тому пример к Маттафии, который занимал (в селении) видное общественное положение, между прочим, вследствие своего высокого образования; (при этом чиновники были уверены, что именно его примеру последуют все его сограждане и Маттафия сможет тем самым снискать себе расположение царя). Однако Маттафия наотрез отказался сделать это и заметил, что он со своими сыновьями никогда не решится изменить древнему благочестию, хотя бы все остальные народы и повиновались либо из страха, либо из низкопоклонства предписаниям Антиоха. Не успел Маттафия закончить речь свою, как кто-то из иудеев вышел из толпы и принес требуемую Антиохом жертву; тогда Маттафия и его дети в гневе устремились на него с мечами в руках, и старик убил не только этого иудея, но и умертвил царского военачальника Апеллеса, принудившего иудея к жертвоприношению, и вместе с ним нескольких солдат. Разрушив затем алтарь, Маттафия воскликнул: «Кто еще привержен родным обычаям и истинному богочитанию, тот пусть следует за мной».

С этими словами он, сопровождаемый сыновьями, направился в пустыню, оставив в селении все свое имущество. Его примеру последовало множество других жителей деревни, которые бежали с детьми и женами в пустыню и стали жить там в пещерах.

Когда об этом узнали царские военачальники, то они взяли все войска, находившиеся в то время в иерусалимской крепости, и последовали за иудеями в пустыню. Настигнув беглецов, они первоначально пытались вразумить их и выбрать то, что им было бы полезнее, прося не заставлять их прибегать к военной силе; но когда иудеи не вняли их убеждениям, а, напротив, упорно стояли на своем, они напали на них в субботу и истребили их огнем в пещерах; при этом иудеи не оказали ни малейшего сопротивления вследствие субботнего дня, которого не желали греховным образом нарушать, так как в этот день им законом предписано не работать. Таким образом, около тысячи иудеев с детьми и женами задохлись от дыма в пещерах; но многие, которым удалось спастись, бежали к Маттафии и выбрали его своим предводителем. Последний при этом пояснил им, что они должны сражаться даже и в субботу, и указал им на то, что если они, соблюдая закон, не станут делать это, они сами себе повредят, потому что враги и будут нападать на них именно по субботам, когда они не станут защищаться; таким образом, ничто не спасет их от полной гибели без боя. Слова его убедили иудеев, и с тех пор по сей день у нас установился обычай сражаться даже по субботам, если того требуют обстоятельства. Затем Маттафия собрал вокруг себя значительную рать, разрушил жертвенники и стал убивать всех, кто навлекал на себя грех жертвоприношениями (греческим богам) и кого он только мог захватить. (Дело в том, что многие из этих богоотступников искали из страха спасения в переходе к окрестным племенам). Равным образом Маттафия приказал подвергнуть обрезанию всех еще не обрезанных мальчиков и прогнал царских чиновников, которые должны были препятствовать этому.

(Пробыв во главе повстанцев в течение одного года, Маттафия тяжело заболел.)

Переговорив так с сыновьями и помолясь богу, дабы он оказал им свою поддержку и вновь даровал народу возможность жить сообразно его обычаям, старик вскоре затем умер. Похоронили его в Модии. После

того как весь народ сильно печалился о нем, сын Маттафии, Иуда Маккавей, в сто сорок шестом году стал во главе правления, причем как его братья, так и все прочие иудеи охотно подчинились ему. Затем он изгнал из страны врагов своих, перебил всех тех единоплеменников своих, которые преступили издревле установленные законы, и очистил страну от всякого осквернения.

¹ Антиох IV Эпифан.

² Т.е. в 170 г. до н. э.

³ Около 146 г. Селевкидской эры, т.е. в 167/166 г. до н. э.

Битва при Рафии и ее последствия для Египта (Полибий, «Всеобщая история», V, 79-86, 107)

Битва при Рафии (217 г. до н. э.) – сражение между войсками Антиоха III Великого и армией Птолемея IV Филопатора во время Четвертой Сирийской войны (219-217 гг. до н. э.) за Келесирию. Одно из крупнейших сражений эллинистического периода.

С наступлением весны¹ Антиох и Птолемей², когда вооружения были кончены, готовились решить свою распрю сражением. Итак, Птолемей выступил из Александрии с семьюдесятью тысячами пехоты, пятью тысячами конницы и семьюдесятью тремя слонами. При известии о наступлении Птолемея Антиох стянул свои войска.

...Всего войска было у Антиоха шестьдесят две тысячи пехоты, шесть тысяч конницы и сто два слона.

Птолемей направился к Пелусию и остановился прежде всего в этом городе. Здесь он дождался прибытия отставших войск, распределил между солдатами съестные припасы и двинулся дальше, совершая путь вдоль Касия и безводной области, именуемой Барафрами. В течение пяти дней он прошел предлежавший ему путь и расположился лагерем на расстоянии пятидесяти стадий от Рафии, первого города Койлесирии со стороны Египта, лежащего за Риноколурами. К этому времени прибыл с войском и Антиох.

Простоявши в лагерьх друг против друга в течение пяти дней, противники решили кончить дело сражением. Лишь только Птолемей начал выводить свое войско, как Антиох сделал то же самое; тот и другой выстроили свои фаланги лицом к лицу и отборные отряды, вооруженные по македонски. Что касается флангов, то Птолемей построил их следующим образом. Поликрат с подначальной ему конницей занял левый фланг. Между ним и фалангой стояли критяне подле самой конницы, вслед за ними – царский агемат, дальше – пелтасты с Сократом во главе, примыкавшие к ливийцам в македонском вооружении. На правом фланге находился фессалиец Эхекрат с конницей; подле него с левой стороны стояли галаты и фракийцы; вслед за ними во главе эллинских наемников находился Фоксид, примыкая к египетским фалангитам. Сорок слонов стояли на левом фланге, которыми должен был командовать во время битвы сам Птолемей, тридцать три слона поставлены перед правым флангом вблизи наемной конницы. Антиох поставил шестьдесят слонов под командой товарища детства Филиппа перед крылом, на котором сам царь желал вести битву против Птолемея отряда, за ними поставил две тысячи конницы под начальством Ан-типатра и присоединил к ним другие две тысячи, выстроенные дугой. В той же линии подле конницы поставлены были критяне, к ним примыкали наемники из Эллады, а между ними находились пять тысяч воинов из числа вооруженных по-македонски под начальством македонянина Биттака. Что касается построения левого фланга, то прежде всего на нем стояли две тысячи конницы под начальством Фемисона, подле них поставлены кардаки и лидийские метатели дротиков, вслед за ними – легковооруженные под начальством Менедема тысячи три человек, за ними – кисии, мидяне и карманийцы, а подле них, примыкая к фаланге, – арабы вместе с соседними народами. Остальных слонов Антиох поместил перед левым флангом под командой некоего Минска из числа приближенных к царю отроков.

Когда войска выстроены были таким образом, оба царя подошли к линии своих войск и через начальников и друзей обратились к ним с ободряющими воззваниями. Надежды обоих противников покоились больше всего на фалангитах; к этому роду оружия и обращали цари наиболее внушительные речи... Сходны были воззвания обоих царей и по содержанию. Так, ни один из них не мог сослаться на собственные подвиги, знаменитые и достойные подражания, ибо тот и другой лишь незадолго перед тем вступили в управление государством; но они старались вдохнуть в фалангитов самоуверенность и отвагу напоминанием о славе предков и совершенных ими подвигов; больше всего противники настаивали на предстоящих наградах, упрасывая и убеждая отдельных начальников и вообще всех воинов доказать мужество и храбрость в предстоящей битве. Приблизительно таково было содержание речей, с которыми обращались цари частью сами, частью через переводчиков, объезжая каждый свои войска.

Когда Птолемей с сестрой достиг левого фланга всей линии, а Антиох с царским отрядом – правого, они дали сигнал к битве и открыли ее слонами...

Итак, правое крыло Антиоха одержало победу, а левое потерпело поражение при описанных выше обстоятельствах. Между тем фаланги, открытые теперь с обоих крыльев, оставались еще нетронутыми посередине равнины, колеблясь между страхом и надеждой за исход битвы. В это время Антиох занят был довершением победы на правом крыле, а Птолемей, отступивший под прикрытием фаланги, вышел теперь на

середину боевого поля. Появление его навело страх на неприятельские войска, а своих преисполнило военного духа и мужества. Поэтому отряды Андромаха и Сосибия³ тотчас взяли сарисы на перевес и пошли на врага. Отборные сирийские воины некоторое время выдерживали натиск, но отряд Ни-карха быстро подался назад и отступил. Юный и неопытный Антиох воображал было, судя по собственному флангу, что и прочие части его войск также одерживают победу, а потому не переставал преследовать бегущих. Поздно уже один из старших возрастом воинов остановил его и указал на пыль, которая неслась от фаланги по направлению к их лагерю. Тогда Антиох понял случившееся и хотел было в сопровождении царского отряда бежать назад на поле сражения. Но, увидев, что все войска его бегут, он отступил к Рафии...

С помощью фаланги Птолемей решил участь битвы, а конница его на первом крыле и наемники в погоне за отступающими положили на месте большое число врагов. После этого он возвратился в свою стоянку и там провел ночь. На следующее утро царь велел подобрать и похоронить своих убитых, снять доспехи с неприятельских трупов и двинулся с войском к Рафии. С другой стороны, Антиох тотчас после бегства решил было расположиться станом вне города, стянув сюда войска, которые бежали в порядке; но так как большинство войска укрылось в городе, то и сам он вынужден был войти в город. К утру он вывел уцелевшие войска и направил к Газе; расположившись станом, он отправил к неприятелю послов за разрешением похоронить своих убитых и, получив соизволение Птолемея, предал их погребению. Число павших воинов Антиоха было немного меньше десяти тысяч пехоты и больше трехсот конницы; в плен попало более четырех тысяч человек. Из слонов три остались на поле битвы, а два других пали от ран. На стороне Птолемея было убитых около тысячи пятисот человек пехоты и до семисот конницы; слонов пало шестнадцать, а большая часть захвачена неприятелем.

Так кончилась битва царей под Рафией за обладание Койлесирией. После погребения павших воинов Антиох с войском отступил домой, а Птолемей без всякого сопротивления взял Рафию и прочие города...

Вслед за описанными выше событиями у Птолемея началась война с египтянами. Дело в том, что, вооружив египтян для войны с Антиохом, царь прекрасно распорядился относительно настоящего, но ошибся в будущем. Египтяне возгордились победой при Рафии и вовсе не желали повиноваться властям. Почитая себя достаточно сильными для борьбы, они искали только годного в вожди человека и немного времени спустя нашли такового.

¹ 217 г. до н. э.

² Антиох III и Птолемей IV Филопатор.

³ Андромах командовал македонской фалангой, Сосибий – египетской.

2.11. АНТИЧНЫЙ МИР СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Упоминания о Северном и Восточном Причерноморье в «Одиссее»

Несмотря на свойственную гомеровским поэмам географическую и этнографическую неопределенность, приведенные отрывки имеют отношение к северному Причерноморью и к народам, его населявшим. Они свидетельствуют о раннем знакомстве и о ранних связях греков с этими местностями. Древнейшие связи с Причерноморьем вообще засвидетельствованы в мифологии.

(«Одиссея», X, 77-99)

Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.

Люди мои, утомаясь от гребли, утратили бодрость,

Помощи всякой лишенные собственным жалким безумством.

Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые

Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов¹

Ламосу. Там, возвращался с поля, пастух вызывает

На поле выйти другого; легко б несонливый работник

Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись

Днем белоруных баранов, а ночью быков криворогих:

Ибо там паства дневная с ночной сближается паствой.

В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,

Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темные бездны
Моря торчащими, камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связавши у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкой лоно морское сияет.
Я же свой черный корабль поместил в отдалении от прочих.

Около устья, канатом его привязав под утесом.

После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваясь, дым от земли подымался.

(«Одиссея», X, 133-139)

Далее поплыли мы, в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти..
Мы напоследок достигли до острова Эй². Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея³, богиня, сестра кознодея Аэта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.

(«Одиссея», XI, 12-19)

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммирия⁴ печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

(«Одиссея», XII, 59-72)

Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты⁵ лазоревоокой;
Имя бродящих⁶ дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
Каждый раз и Зевс заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходящие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обезжавший, корабль невредимо
Их миновал – посетитель Аэта, прославленный Арго⁷;
Но и его на утесы бы выкинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Ирой⁸, любившей Ясона.

¹ Бухта лестригонов – возможно, Балаклавская бухта.

² Остров Эя – очевидно, возле Колхиды, у устья Риона.

³ Цирцея (Кирка) – сестра царя Колхиды Аэта (Ээта).

⁴ Киммерийцы – древние жители восточной части Крыма. Географическое описание передает впечатление южанина от более северной природы.

⁵ Амфитрита, дочь Нерея, супруга Посейдона, – богиня морских волн.

⁶ «Бродящие утесы» античные авторы обычно помещают у выхода из Босфора в Черное море.

⁷ «Арго» – чудесный корабль, на котором мифический герой Ясон со своими товарищами «аргонавтами» ездил в Колхиду за золотым руном.

⁸ Ира – Гера.

Описание Скифии, ее климата и населения у Геродота

В середине V в. до н. э. во время своих многочисленных путешествий «отец истории» Геродот посетил Северное Причерноморье и наблюдал быт скифов, находившихся в это время на переходной ступени общественного развития – от первобытно-общинного строя к рабовладельческому обществу. Свои впечатления и сведения, собранные путем расспросов местных жителей, он изложил в 4-й книге «Истории».

Климат Скифии (Геродот, «История», IV, 28, 31)

Вся страна отличается таким суровым климатом, что в продолжение 8 месяцев там стоят нестерпимые холода; в это время не сделаешь грязи, пролив воды на землю, разве если разведешь огонь; море и весь Боспор Киммерийский¹ замерзают, так что скифы, живущие по сю сторону рва, толпами переходят по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов². Таким образом, в продолжение 8 месяцев бывает непрерывная зима, но и остальные 4 месяца там стоят холода. Зима там по своему характеру отличается от зимы во всех других странах, так как в течение ее, когда именно дождливая пора, там почти не бывает дождей, а летом они идут беспрерывно; когда в других странах бывает гром, здесь его не бывает, а летом бывает очень часто; если зимою случится гроза, то она возбуждает изумление, как чудо. Точно так же в Скифии считается чудом, если случится землетрясение, будет ли оно летом или зимою. Лошади легко переносят такую зиму, но мулы и ослы совсем не выносят ее; в других странах, напротив, лошади, стоя на морозе, заболевают костоедой, а мулы и ослы выносят его...

Что касается перьев, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и из-за которых нельзя ни смотреть вперед, ни пройти, то о них я держусь такого мнения: в местностях, лежащих выше этой страны, постоянно идет снег, впрочем, летом, как и следует ожидать, меньше, чем зимою. Итак, всякий, кто вблизи видел, как идет обильный снег, уже понимает, о чем я говорю, ибо хлопья снега похожи на перья. Вследствие такой суровой зимы северные области этого материка необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи называют хлопья снега перьями благодаря их сходству. Таковы мои сведения об отдаленнейших местностях.

Население Скифии (Геродот, «История», IV, 16-27)

Никто не знает в точности, что находится выше земли, о которой у нас начата речь: я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает эти страны как очевидец; даже Аристей³, о котором я немного ранее упомянул, даже он в своей поэме говорит, что не проникал далее земли иссидонов⁴, а о странах, лежащих выше, говорил по слухам, утверждая, что так говорили иссидоны. А что нам доподлинно удалось узнать по слухам до самых отдаленных стран, это все будет здесь рассказано.

Начиная от Торжища Борисфенитов (это самый срединный из приморских пунктов всей Скифии)⁵, первыми живут каллиппиды, являющиеся эллинами-скифами, а выше их другое племя, которое именуется алазонами. Эти последние, как и каллиппиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу. Выше их живут невры, а страна, лежащая к северу от невров, насколько мы знаем, не заселена людьми.

Эти племена живут по реке Гипанису⁶ к западу от Борисфена; а если переправиться через Борисфен⁷ со стороны моря, то, во-первых, будет Полесье, а от него вверх живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы к востоку занимают пространство на 3 дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа⁸, а к северу – пространство на 11 дней плавания вверх по Борисфену. Над ними уже на обширное пространство раскинулась пустынная страна, за ней живут андрофаги (людоеды), особое племя, вовсе не скифское. Выше лежит уже настоящая пустыня, и там не живет, насколько нам известно, ни один народ.

К востоку от этих скифов-земледельцев, за рекою Пантикапом, обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие; вся эта страна лишена деревьев, за исключением Полесья. Скифы-кочевники занимают к востоку область на 14 дней пути, простирающуюся до реки Герра⁹.

По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые доблестные и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами. Занимаемая ими местность простирается к югу от Таврики, а к востоку – до рва¹⁰, который выкопали потомки слепых, и до торжища при Мэотийском озере¹¹, называемого Кремнами¹²; частично их владения простираются до реки Танаиса¹³. Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены¹⁴ (черноризцы), особое, не скифское племя. Выше меланхленов, насколько нам известно, лежат озера и безлюдная пустыня.

За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков принадлежит савроматам¹⁵, которые, начиная от угла Мэотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов на втором участке живут будины¹⁶, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

Выше будинов к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут фиссагеты¹⁷, племя многолюдное и особое; живут они охотою. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый иирками¹⁸; они также промышляют охотою, следующим образом:

охотник, взобравшись на дерево, которыми густо покрыта эта страна, подстерегает зверя; у каждого наготове лошадь, приученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака; когда охотник с дерева завидит зверя, он стреляет из лука, потом садится на коня и пускается в погоню, причем не отстает и собака. Выше иириков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю.

Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собою равнину с глубокой мягкой почвой, а начиная отсюда, земля становится камениста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножья высоких гор обитают люди, которые, как говорят, все плешивы от рождения, как мужчины, так и женщины, курносы и с большими подбородками; они говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Дерево, плодами которого они питаются, называется понтиком и по величине более всего подходит к смоковнице; оно приносит плоды, похожие на бобы, с косточкой внутри; когда они созревают, их выжимают сквозь ткань, причем из них вытекает густой черный сок; название вытекающего сока – асхи; его лижут или пьют, смешав с молоком, а из оставшейся гущи делают лепешки и едят их. Скота у них немного, потому что пастбища там небогатые. Каждый из жителей селится под деревом, которое на зиму окружают плотным белым войлоком, а летом оставляют без войлока. Этих людей никто не обижает, так как они считаются священными; у них даже нет никакого оружия.

Они разбирают споры, возникающие между их соседями, а если какой-нибудь изгнанник прибежит под их защиту, то его уже никто не трогает. Называется этот народ агриппеями¹⁹.

О стране этих плешивых и о племенах, обитающих по сю сторону их, имеются очень достоверные сведения: к ним ходят некоторые скифы, от которых нетрудно добыть сведения, равно как и от эллинов из торжища Борисфена и из других припонтийских торжищ. Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках.

Итак, страна до этих плешивых известна, но никто не может сказать ничего достоверного о том, что находится выше плешивых, так как те страны отделены высокими неприступными горами, через которые никто не переходит. По рассказам плешивых, для меня представляющимся невероятными, на горах живут люди с козлиными ногами, а за ними другие люди, которые спят по шести месяцев; я совсем этому не верю. Область к востоку от плешивых, населенная иссидонами, хорошо известна; а о местности, лежащей к северу как от иссидонов, так и от плешивых, ничего неизвестно, кроме того, что они сами о ней рассказывают.

Рассказывают, что у иссидонов следующие обычаи²⁰: если у кого умрет отец, то все родственники пригоняют к нему скот, затем, убив животных и разрезав на куски их мясо, разрезают на части и труп отца-хозяина, потом смешивают все мясо и устраивают пиршество. Голову покойника освобождают от волос, вычищают изнутри, покрывают позолотой и затем употребляют в качестве священного сосуда при совершении ежегодных больших жертвоприношений. Это делает сын в честь отца, подобно тому как эллины справляют праздник поминовения. Впрочем, и этот народ считается справедливым, и женщины у них равноправны с мужчинами.

Итак, иссидоны также еще известны, а выше их (к северу), по рассказам иссидонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов иссидонов передают этот рассказ скифы, а от скифов знаем и мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами: «арима» скифы называют единицу, а «спу» – глаз.

Военные обычаи скифов (Геродот, «История», IV, 64-66, 70)

Геродот о военных обычаях скифских племен.

Военные обычаи у них такие. Когда скиф впервые повергнет насмерть врага, он выпивает немного его крови, а головы всех, кого он убьет в сражении, он приносит к царю. И тот, кто принесет голову, принимает участие в дележе захваченной добычи, а непринесший не принимает. С головы он сдирает кожу следующим образом: сделав на ней круговой надрез около ушей, он берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи; затем, очистив последнюю от мяса посредством бычьего ребра, разминает ее в руках и, отделив ее таким образом, пользуется ею как полотенцем, привязывая ее к уздечке своего верхового коня, на котором он ездит, и гордится этим, ибо у них считается самым доблестным мужем тот, у кого окажется больше всего таких кож вместо полотенца. Многие из них делают себе верхнее платье для надевания на себя из содранных с людей кож, сшивая их так, как сшиваются кожухи. А многие сдирают вместе с ногтями кожу с правой руки убитых вражеских воителей и выделывают из нее покрывки для колчанов. Действительно, человеческая кожа толста и блестяща, превосходя своей блестящей белизной почти все кожи. Многие же, содрав кожу со всего трупа, распяливают ее на палках и, разъезжая повсюду на коне, возят ее перед собой.

Так принято у них поступать с кожей врагов, а с самими головами – не всех, правда, врагов, но лишь самых злейших – скифы делают вот что. Отпилив всю часть черепа до бровей, вычищают его изнутри; если делает это бедняк, то он только обтягивает череп снаружи сырой бычьей кожей и пользуется им в таком виде; но если он богат, то, обтянув череп сырой бычьей кожей, изнутри он покрывает его золотом и пользуется как

чашей. Так поступают скифы и со своими родственниками, если у них возникает распря и если он у царя возьмет верх над своим противником. Когда придут к нему гости, которым он оказывает внимание, он показывает такие черепа, пояся при этом, что это были его родичи, но подняли против него междоусобную войну, а он одержал над ними верх. Рассказывают об этом как о героических подвигах.

Раз в году каждый старшина округа замешивает чан вина, из которого пьют только те из скифов, которыми бы пи убиты вражеские воины. Те же, которые не совершили этого, не вкушают этого вина и бесславно сидят в стороне, признанные недостойными такой чести; для них это величайший позор. Те же из них, кому удалось убить очень многих врагов, – те, имея сразу две чаши, пьют из них обеих разом.

...Клятвенные договоры, с кем бы они ни заключались, скифы совершают следующим образом. Налив в большую глиняную чашу вина, они примешивают к нему кровь заключающих договор, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, а затем, взяв и погрузив в чашу меч, стрелы, секиру и дротик, они долго молятся, и, наконец, пьют из чаши смесь как сами заключающие клятвенный договор, так и наиболее достойные из сопровождающих их.

Вторжение скифов в Азию (Геродот, «История», I, 103-106)

Геродот о вторжении скифских племен в Азию.

...Когда Киаксар²¹, одержав в сражении победу над ассирийцами, осаждал Нин²², появилось большое скифское войско, которое вел скифский царь Мадий, сын Прототия. Скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами²³ и, преследуя бегущих, дошли таким образом до Мидийской земли²⁴. От озера Мэотиды до реки Фасиса²⁵ и владений колхов тридцать дней пути для хорошего пешехода, а из Колхиды²⁶ недалеко уже пройти в Мидию: между этими странами живет только один народ сасперы²⁷; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказские горы. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение и потеряли свое господство, а скифы завладели всею Азией. Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в палестинской Сирии, египетский царь Псамметих²⁸, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения. Когда они на обратном пути дошли до сирийского города Аскалона²⁹, то большинство скифов прошло дальше без вреда для города, но немногие отстали и ограбили святилище Небесной Афродиты...

Скифы господствовали в Азии 28 лет.

¹ Боспор Киммерийский – Керченский пролив.

² Синды – народ, проживавший на Таманском полуострове.

³ Аристей – путешественник и поэт. Жил в середине VI в. до н. э. В форме поэм описал свое путешествие по северному Причерноморью к Уралу. Сочинение его, содержащее много фантастических рассказов, не сохранилось.

⁴ Иссидоны – народ, проживавший к северо-востоку от Черного моря.

⁵ Торжище Борисфенитов – греческая колония, город Ольвия. Был расположен приблизительно посередине между устьем Дуная и Керченским проливом.

⁶ Типанис – река Южный Буг.

⁷ Борисфен – река Днепр.

⁸ Пантикапа – возможно, река Ингулец или р. Конка.

⁹ Герра – возможно, приток Днепра, река Орел или р. Конские Воды.

¹⁰ Ров пересекал Керченский полуостров от Черного моря до Азовского. Впоследствии он защищал западную границу Боспорского царства.

¹¹ Мэотийское озеро, или Мэотида, – Азовское море.

¹² Кремна – город, который, возможно, был расположен около современного города Осипенко.

¹³ Танаис – река Дон.

¹⁴ Меланхлены – возможно, жили в районе Харьковской области.

¹⁵ Савроматы, или сарматы, – кочевые племена, вытеснявшие скифов из причерноморских степей во II в. до н. э. Это собирательное название ряда кавказских племен.

¹⁶ Будины – жили к северу от р. Камы.

¹⁷ Фиссагеты – жили в верховьях рек Печоры и Тагила.

¹⁸ Иирки – жили на Северном Урале.

¹⁹ Агриппеи – жили к юго-востоку от Урала.

²⁰ Сказочные подробности об отдаленных странах, граничащих со Скифией, показывают, что грекам они были мало известны.

²¹ Киаксар (634-594 гг. до н. э.) – индийский царь.

²² Нин – столица Ассирии Ниневия.

²³ Киммерийцы – здесь древнейшее население северного Причерноморья;

²⁴ Мидийская земля – область к югу от Каспийского моря.

²⁵ Река Фасис – современная река Рион.

²⁶ Колхи – населяли Колхиду, греческое название западногрузинских племен.

²⁷ Сасперы – так греки называли восточногрузинские племена.

²⁸ Псамметих I (665-611 гг. до н. э.) – первый фараон XXVI Саисской династии.

²⁹ Аскалон – порт в южной части восточного побережья Средиземного моря.

Взаимоотношения скифов с эллинами (Геродот, «История», IV, 76, 78-80)

Геродот сообщает об устойчивости скифских обычаев и о преследовании скифами отдельных лиц, чрезмерно поддававшихся влиянию эллинов.

И скифы (подобно другим варварам) избегают заимствования чужеземных обычаев, притом не только от других народов, но и в особенности от эллинов. Это доказали Анахарсис¹ и затем Скил. Именно Анахарсис, обозрев много стран и приобретя в путешествии много мудрости, на возвратном пути в родную Скифию, проезжая через Геллеспонт, пристал в Кизике²; застав кизикинцев совершающими с большою торжественностью праздник в честь Матери богов³, он дал обет Матери, если возвратится на родину здоровым и невредимым, совершить ей жертвоприношение таким же образом, какой он видел у кизикинцев, и установить всенощное празднество. По возвращении в Скифию он отправился в так называемое Полесье (оно лежит у Ахиллова Бега⁴ и все покрыто разнородными деревьями) и совершил в честь богини полное празднество с тимпаном в руках и увешанный изображениями богини. Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес об этом царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это празднество, убил его стрелою из лука. И теперь, если спросить об Анахарсисе, скифы говорят, что не знают его, и это потому, что он путешествовал в Элладу и принял чужеземные обычаи...

Так погиб Анахарсис за сочувствие иноземным обычаям и за сношения с эллинами. Много лет спустя подобная же участь постигла Скила, сына Ариапейта. У скифского царя Ариапейта, кроме других детей, был сын Скил; он родился от жены истрийки⁵, а не туземки; мать научила его эллинскому языку и грамоте. Несколько времени спустя Ариапейт пал жертвою коварства Спаргапейта, царя агатирсов⁶, а Скил получил царскую власть и одну из жен царя, по имени Опию; она быласкифянка и от нее у Ариапейта был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, так как вследствие полученного им воспитания питал гораздо более склонности к эллинским обычаям, и потому поступал следующим образом: когда ему случалось приходиться с большою свитою скифов в город борисфенитов (а борисфениты эти сами себя называют милетцами), он оставлял свиту в предместье, а сам входил в город, приказывал запираить ворота, затем снимал с себя скифское платье и надевал эллинское; в этом платье он ходил по площади, несопровождаемый ни телохранителями, ни кем-либо другим (а ворота охраняла стража, чтобы кто-либо из скифов не увидел его в такой одежде), во всем жил по-эллинически и приносил жертвы богам по эллинскому обычаю. Пробыв в городе месяц или более, он снова надевал скифское платье и удалялся. Такие посещения повторялись часто; он даже выстроил себе дом в Борисфене и поселил в нем жену-туземку.

Так как ему суждено было несчастливо окончить жизнь, то это произошло по следующему случаю: он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Дирниса-Вакха; когда он уже готовился к посвящению, явилось величайшее чудесное знамение: в городе борисфенитов, как я упомянул немного выше, у него был обширный и богатый дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифы; в этот-то дом божество ударило огненною стрелою, и весь дом сгорел. Тем не менее Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать такого бога, который приводит людей в иступление. Когда Скил был посвящен в таинства Вакха, один из борисфенитов с насмешкою сказал скифам: «Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился и в вашего царя; если вы мне не верите, то следуйте за мною и я покажу вам». Начальники скифские последовали за борисфенитом, который тайком возвел их на башню и посадил там. Когда показался Скил с процессиею, и скифы увидели его в вакхическом иступлении, они пришли в сильное негодование и, сойдя с башни, рассказали всему войску виденное ими.

Когда после этого Скил возвратился домой, скифы взбунтовались против него, поставив царем его брата Октамасада, сына дочери Тирея⁷. Скил, узнав о восстании против него и о причине, вследствие которой оно произошло, спасается бегством во Фракию. Октамасада, узнав об этом, пошел войною на Фракию. Когда он приблизился к Истру, против него выступили фракийцы; пред самым началом битвы Ситалк послал к Октамасаду глашатая со следующим предложением: «К чему нам испытывать друг друга? Ты сын моей сестры, и в руках у тебя мой брат: выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила; а подвергать опасности войска не следует ни мне, ни тебе». С таким предложением послал глашатая Ситалк, так как у Октамасада действительно скрывался брат Ситалка, бежавший от него. Октамасада принял его предложение и, выдав Ситалку, своего дядю по матери, получил брата Скила. Ситалк, взяв брата, удалился, а Октамасада тут же велел отрубить голову Скилу. Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужие.

¹ Анахарсис – брат скифского царя. О нем упоминают и другие греческие авторы.

² Кизик – греческая колония на южном берегу Мраморного моря.

³ Матерь богов – почитавшаяся в Малой Азии Кибела, богиня живительных сил природы. Культ ее носил оргиастический характер.

⁴ Перешеек Ахиллова Бега – перешеек Тендеровской косы (в настоящее время размытый), находящийся к востоку от устья Днепра.

⁵ То есть гражданки г. Истра.

⁶ Агатирсы – сарматское племя.

⁷ Тирей – царь фракийского племени одрисов, сыном его был Ситалк.

Фукидид о государстве скифов (Фукидид, «История Пелопонесской войны», II, 97, 5-6)

...Из всех царств Европы, лежащих между Ионийским¹ заливом и Евксинским Понтом, оно (царство одрисов²) было самым могущественным по количеству доходов и вообще по благосостоянию; однако по отношению к военной силе и численности войска оно далеко уступает царству скифов. С последними не может сравниться ни один народ не только в Европе, но и в Азии; и ни один народ сам по себе не в силах устоять против скифов, если бы все они жили между собой согласно.

¹ Ионийский залив – Адриатическое море.

² Одрисы – фракийское племя.

Описание скифов у Страбона (Страбон, «География», VII, 3, 6, 7)

Мнение Страбона отражает взгляды греков о глубокой древности поселений скифов в северном Причерноморье. Интересно, что и этот путешественник, описывая быт скифов, упоминает о многих особенностях его, присущих первобытно-общинному строю.

Нижеследующие стихи поэта (Гомера) свидетельствуют о том, что он объединил с ними (т.е. мисийцами¹) и гиппемолгов², и галактофагов³, и абиев⁴, которые являются живущими в кибитках скифами и сарматами. Ведь и в настоящее время эти народы и племена бастарнов⁵ преимущественно смешаны с фракийцами, живущими по ту сторону Истра⁶, но также отчасти и с теми, которые живут по эту сторону реки.

«Он назад обратил свои очи на землю фракийцев,
укротителей коней, а также мисийцев отважных,
рукопашных бойцов, еще на гиппемолгов честных,
галактофагов и абиев, доблестнейших среди смертных».

В то время море это (т.е. Черное) было недоступно для плавания из-за сильных бурь и дикости живших по его берегам народов, главным образом скифов, приносивших иноземцев в жертву богам, – и потому оно называлось Аксенским⁷. Впоследствии же, когда ионийцы основали по его берегам свои колонии, оно стало называться Евксинским⁸.

Говорят, что Гомер, по незнанию, не упоминает о скифах и о их жестоком обращении с иноземцами... из-за чего и само море называлось Аксенским, т.е. негостеприимным. Вместо этого Гомер придумал каких-то нигде не существующих доблестных гиппемолгов, галактофагов и абиев. Но как же могли люди того времени называть море негостеприимным, если они не знали о дикости нравов прибрежных его жителей и этих самых людей? А ведь это, несомненно, скифы. Прежде позади мисийцев, фракийцев и гетов⁹ не жили ни гиппемолги, ни галактофаги, ни абии. Но еще и теперь за ними живут в кибитках так называемые номады, занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и преимущественно кумысом. Они не копят денег, не знают торговли, умеют только менять один товар на другой. Как мог поэт не знать скифов, называя каких-то доильщиков кобылиц и людей, питающихся молоком? Ведь его современники именно называли скифов доильщиками кобылиц, и Гесиод¹⁰ свидетельствует об этом в приведенных у Эратосфена¹¹ словах:

«эффиопы¹², лигийцы¹³, кобыл доящие скифы».

Нет далее ничего удивительного и в том, что Гомер, видя нашу страсть к обогащению и всевозможные несправедливости из-за наших обязательств, назвал честнейшим и доблестнейшим такой народ, который совсем не имеет дела ни с договорами, ни с накоплением денег, но имеет все общее, кроме мечей и чаш для питья. Ведь у них прежде всего даже жены общие и дети: совсем по учению Платона¹⁴. И Эсхил¹⁵ явно соглашается с нашим поэтом, говоря о скифах, что они

«и кумыса любители и справедливые скифы».

Такое же мнение о них существует у эллинов и в настоящее время. Действительно мы считаем их очень простодушными, совсем не коварными, намного более скромными, чем мы сами, и более независимыми.

¹ Мисийцы – жители Малой Азии, обитавшие к югу от Мраморного моря.

² Гиппемолги – «доящие кобылицу» – одно из скифских племен.

³ Галактофаги – «питающиеся молоком» – одно из скифских племен.

⁴ Абии – «лишенные жизненных средств» – одно из скифских племен.

⁵ Бастарны – кельтское племя, проживавшее между Дунаем и Днепром.

⁶ Истр – древнее название р. Дуная.

⁷ Аксенское море – т.е. негостеприимное. Возможно, что это древнее греческое название Черного моря является греческим переводом по созвучию персидского названия Черного моря «Ахшайна», что значит «Черное».

⁸ Евксинское – т.е. гостеприимное море.

⁹ Геты – фракийское племя, обитавшее в низовьях Дуная, римляне называли их даками.

¹⁰ Гесиод – представитель дидактического эпоса, жил в конце VIII – начале VII вв. до н. э.

¹¹ Эратосфен – известный ученый III в. до н. э., жил в Александрии.

¹² Эфиопы – по Гомеру, добродетельное племя, обитавшее в счастливой стране (не обязательно в Африке).

¹³ Ликийцы – славянские племена, проживавшие в верховьях реки Вислы.

¹⁴ Платон (427-347 гг. до н. э.) – философ, идеалист, реакционер, автор проекта утопического государства. Образцом для его утопии в значительной степени послужила реакционная аристократическая Спарта.

¹⁵ Эсхил (525-456 гг. до н. э.) – великий трагический поэт.

Описание местоположения Ольвии (Дион Хрисостом, XXXVI)

Дион Хрисостом, т.е. Златоуст, родился во второй половине I в. в городе Пруссе в Вифинии. Известный ритор и философ, приближенный римских императоров Нервы и Траяна. Известен как автор 80 тщательно обработанных речей, за которые и получил свое прозвище. Ниже приводятся отрывки из Борисфенитской речи, произнесенной им ок. 100 г. Рассказ ценен, как свидетельство очевидца.

Случилось мне летом быть в Борисфене, когда я после изгнания¹ прибыл туда морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам², чтобы посмотреть, что там делается. И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса³. Надо знать, что хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины этой реки, но как ныне лежит на Гипанисе, так и прежде был выстроен там же, немного выше так называемого Гипполаева мыса⁴, на противоположном от него берегу. Мыс этот представляет собою острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, около которого сливаются обе реки; далее он представляет уже лиман вплоть до моря на протяжении почти 200 стадий; и ширина рек в этом месте не менее. Большая часть лимана представляет мели, и при безветрии поверхность воды там постоянно гладка, как на озере. Лишь с правой стороны заметно течение воды, и плывущие с моря по течению заключают о глубине; отсюда-то река изливается в море вследствие силы течения; если бы его не было, вода легко могла бы быть задержана сильным южным ветром, дующим в устье.

В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям. Здесь есть также много соли, и отсюда получает ее покупкою большинство варваров, а также эллины и скифы, живущие на Таврическом полуострове. Реки впадают в море у укрепления Алектора⁵, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов.

¹ Дион был изгнан из Италии в числе других философов по приказу римского императора Домициана.

² Геты – фракийское племя, обитавшее в низовьях Дуная, римляне называли их даками.

³ Гипанис – река Южный Буг.

⁴ Гипполаев мыс – вероятно, современный мыс Станислава.

⁵ Укрепление Алектора – вероятно, было расположено между Ольвией и Тамиракой.

Нашествие на Ольвию Зопириона, полководца Александра Македонского (около 330 г. до н. э.)

(Юстин, XII, 2, 16)

Марк Юниан Юстин (II в. н. э.) написал на латинском языке краткое изложение не дошедшей до нашего времени большой всеобщей истории Помпея Трога, жившего в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э.

Зопирион, оставленный Александром Великим в качестве наместника Понта, полагая, что его признают бездеятельным, если он не совершит никакого предприятия, собрал тридцать тысяч войска и пошел войной на скифов, но был уничтожен со всей армией и поплатился таким образом за необдуманное начатие войны с невинным народом.

(Макробий, I, 11, 33)

Макробий (конец IV – начало V в.) – римский грамматик, в комментариях которого сохранилось много упоминаний об исторических фактах, почерпнутых из не дошедших до нашего времени произведений античных авторов.

Борисфениты, осажденные Зопирионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иноземцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага.

Декрет в честь Протогена

Надпись вырезана на обеих сторонах плиты из белого мрамора. Она относится к III в. до н. э., когда Ольвия испытывала все усиливавшееся давление своих соседей скифов, в свою очередь теснимых сарматами, и откупалась них, периодически уплачивая дань. Но самым страшным врагом и ольвиополитов и скифов были галаты, о чем говорится в надписи.

Декрет в честь богатого влиятельного ольвийского гражданина Протогена, неоднократно, по обычаю, распространенному в эллинских полисах, помогавшего материально родному городу, в котором он занимал руководящие финансовые должности, - сообщает важные данные об экономическом и политическом положении Ольвии в III в. до н. э.

А.

Совет и народ постановили 20-го числа, архонты¹ и семь² предложили: Так как и Геросонт, отец Протогена, оказал городу многие и важные услуги и деньгами и деятельностью, Протоген, унаследовав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом: во первых, когда царь Саитафарн³ прибыл в Канкит⁴ и требовал даров, [дававшихся ему по случаю] проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых; когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму⁵ за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец [т.е. Полихарм] хотел уже нести их к мастеру, [Протоген] сам выкупил [сосуды], уплатив эти 100 золотых; и когда архонты с Демоконтом во главе⁶ дешево купили вина на 300 золотых, но не могли заплатить эту сумму, он по просьбе народа дал эти 300 золотых; и при жреце Геродоре⁷, когда случился голод и хлеб продавался по 5 медимнов за золотой, и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, он первый выступил и обещал 2 000 медимнов по 10 медимнов за золотой и, между тем как другие немедленно получили плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов; и при том же жреце, когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его стесненным обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых; и будучи избран членом коллегии Девяти⁸, он предложил от себя не менее 1 500 золотых в счет будущих доходов, из которых были во-время удовлетворены многие скиптроносцы⁹ и немало даров было выгодно приготовлено для царя; и когда отдано было на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя [Саитафарна] по постановлению, по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых, и взял на откуп¹⁰ Конон, но, вследствие того, что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, еще не внесших их в государственное казначейство, [Конон и его товарищи] отказались от откупа и вследствие этого было три переторжки и в третий раз откуп остался за Формионом, - то Протоген, увидя, что город подвергнется большим неприятностям, сам, явившись в собрание, дал эти 300 золотых; и когда при жреце Плистархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по 1 2/3 медимна за золотой, но было очевидно, что будет дороже, - как и стал вскоре продаваться за 1 2/3 золотого, - и поэтому народ испугался и счел необходимым сделать закупку хлеба, и для этого [приглашал] зажиточных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1 000 золотых, которые немедленно принес и дал, из того числа 300 без процентов на год, и, дав всю сумму золотом, получил медью из 400; первый же обещал 2 500 медимнов пшеницы, из которых 500 дал по 4 1/6 медимна [за золотой], а 2 000 по 2 7/12 медимна [за золотой], и между тем как другие, предложившие хлеб в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов, и вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба; и когда царь Саитафарн явился на ту сторону за дарами и архонты, созвав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых; когда же послы, Протоген и Аристократ, взяли эти деньги и явились к царю, но царь, недовольный дарами, разгневался и выступил в поход... и архонтов недостойным образом, вследствие чего (?) народ, собравшись, пришел в ужас и послов к...

Б.

Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, именно весь район гавани и прилегающая к прежнему рыбному рынку, до того места, где герой Сосий¹¹, не была окружена стеною, а перебежчики извещали, что галаты и скифы составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисамиты¹², скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов¹³, и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось много и других печальных событий, все рабы¹⁴ и пограничные микселлины¹⁵ числом не менее 1 500, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были соращены врагами, и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан, вследствие этого собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних лет оберегаемое, подпало власти врагов, и, между тем, как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, [Протоген] обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1 500 золотых, и тотчас принесши в собрание 500 золотых в виде залога, отдал все работы на откуп через глашатая и вследствие того, что подрядчики сделали расчет на наличные деньги, сберег для города немалую сумму; еще же, когда многие подрядчики отказались от работ, Протоген сам произвел работы для города и не причинил никакого ущерба народу, и, издержав на обе стены 1 500 золотых и выдав большую часть [этой суммы] золотом, получил медью

из 400; отстроил он и пришедшие в ветхость башни, [именно] обе [башни] у больших ворот, Кафигиторову, придорожную и Эпидавриеу¹⁶; также исправил житницу и построил пилон у места выставки товаров; еще же, когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того, что казенные суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить и, издержав на все это 200 золотых, немедленно сдал отчет, вследствие чего народ, и прежде часто награждавший его венцами, увенчал и тогда за сдачу отчета; еще же когда оставалась не оконченною схиниея, что у башни Посия¹⁶ [по направлению к верхней части города], народ, пригласив его, попросил окончить и эту, четвертую по счету, схиниею¹⁷, и Протоген, не желая отказываться ни от каких услуг, взял на себя и эту постройку, на которую предложил 100 золотых. Приняв на себя общественное управление и должность казначея и распоряжаясь самыми важными городскими доходами, он никого из откупщиков податей не выгнал из имения и ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но, снизойдя к их стесненному положению, одним простил долги, другим дал отсрочки на столько времени, сколько они желали, и не взыскивал никаких процентов. Распоряжаясь большей частью общественных сумм, он в течение 3 лет непрерывно всем управлял честно и справедливо, сдавая отчеты в установленные сроки, а излишки доходов за время своего управления засчитывал себе в уплату за долги – хотя в действительности этого не было – и таким образом освободил город от долгов и очистил от процентов. И когда все в городе находилось в упадке вследствие войн и неурожая и средства совершенно истощились, так что народ вследствие этого попросил его сделать месячные отсрочки и позаботиться о кредиторах и должниках, он первый, хотя долги ему и отцу его простирались до 6 000 золотых, предложил народу располагать им как ему угодно, и когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем все простил и, считая, что для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа...

(Конец не сохранился.)

¹ В Ольвии было 5 ежегодно избиравшихся архонтов.

² Коллегия семи – заведовала священной казной.

³ Саитафарн – вероятно, царь саиев, соседей Ольвии, о которых в надписи идет речь ниже. Саии – по-видимому, скифское племя.

⁴ Канкит – населенный пункт, неподалеку от Ольвии, местоположение которого точно не установлено.

⁵ Полихарм – ростовщик, проживавший в Ольвии, не из числа граждан.

⁶ Первый из пяти архонтов, возглавлявший коллегия.

⁷ При жреце Геродоре – т.е. эпониме, именем которого обозначался год.

⁸ Коллегия девяти – заведовала государственными финансами.

⁹ Скиптроносцы – очевидно, подчиненные Саитафарну правители мелких племен.

¹⁰ Откуп, откупщики. Желаящие взять сбор налогов на откуп (аренду) обычно объединялись в компании откупщиков.

¹¹ Сосий – местный герой, почитавшийся в Ольвии.

¹² Фисамиты и савдараты – скифские или сарматские племена.

¹³ Галаты – кельтские племена, в начале III в. до н. э. проникшие в западную часть северного Причерноморья, на юг Балканского полуострова и в Малую Азию.

¹⁴ Характерное для рабовладельческого общества упоминание о переходе рабов на сторону врага.

¹⁵ Микселлины – потомки эллинов от смешанных браков со скифами.

¹⁶ Кафигиторова, Эпидавриева и Посиева башни – вероятно, названы именами лиц, на средства которых они были построены.

¹⁷ Стена делилась на равные части – схиниеи. Название происходит от греческого слова со значением «канат», который служил для измерений.

Договор между Ольвией и Милетом

Надпись, найденная в Милете, датируется временем около 330 г. до н. э. Согласно этому документу, между Ольвией и се метрополией – Милетом, который именно в это время освободился от персидского владычества, были восстановлены исконные («отеческие») связи.

Следующие отчие установления у ольвиополитов и милетян: (1) милетянин в городе Ольвии да приносит жертвы на тех же самых алтарях, что и ольвиополит, и да имеет доступ в те же самые святилища на тех же самых основаниях, как ольвиополиты; (2) милетяне (в Ольвии) да будут освобождены от податей на тех же основаниях, как и были прежде¹; если же он² пожелает отправлять государственные должности³, пусть явится он в совет и, записавшись, да отправляет их, и пусть будет он повинен налогам, как и остальные граждане⁴; (3) да будет у них⁵ право на проедрию, и да вызываются они на состязания, и да возносят молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как и в Милете возносят молитвы; (4) если же будет у милетянина тяжба в Ольвии, пусть пользуется он правосудием и пусть получит решение в пятидневный срок в отделении суда, где разбираются дела граждан; (5) пусть будут свободны от поцатей все милетяне, кроме тех, которые имеют права гражданства в другом городе и принимают участие в управлении и в судах⁶.

На тех же условиях и ольвиополиты в Милете да будут свободны от налогов, и да пользуются ольвиополиты остальным таким же образом в Милете, как и милетяне в городе Ольвии.

¹ Речь идет об освобождении милетских граждан от особых налогов, которыми облагались иностранцы, проживавшие в Ольвии; ниже подчеркивается, что они платили те же налоги, что и ольвиополиты.

² Т.е. милетский гражданин, проживающий в Ольвии,

³ Разумеется в Ольвии.

⁴ Милетские граждане таким образом, платили в Ольвии налоги лишь в том случае, если активно участвовали в ее политической жизни.

⁵ Т.е. у милетян, живущих в Ольвии.

⁶ Смысл этого постановления таков, что милетский гражданин, который приобретает гражданство в каком либо другом городе, лишается в Ольвии своих преимуществ.

Положение Ольвии после гетского разгрома (Дион Хрисостом, XXXVI)

Хотя рассказ относится к позднему времени упадка Ольвии, тем не менее сообщает важные данные о прошлом величии города и о взаимоотношениях его со скифами, которые, несмотря на частые столкновения, покровительствовали греческим колониям, как торговым и ремесленным центрам.

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн; находясь уже так давно среди варваров и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта, вплоть до Аполлонии¹. Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он отстроен лишь в небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками, почти без промежутков, и обнесено очень низенькою и непрочною стенкою. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках.

Итак, я сказал, что мне случилось прогуливаться перед городом. Некоторые из борисфенитов по обыкновению выходили ко мне из города; потом Каллистрат², возвращаясь в город извне, сначала проехал мимо нас, затем, немного опередив, слез с коня и, передав его ехавшему с ним слуге, сам очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета, по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (черноризцев). Каллистрату было лет 18, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне и многих савроматов или убил, или взял в плен, кроме того, он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать вместе со мною; благодаря всему этому он пользовался хорошей репутацией у сограждан...

Зная, что Каллистрат — почитатель Гомера, я тотчас заговорил о нем. Почти все борисфениты усердно читают этого поэта, вероятно, потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу³: они чрезвычайно чтут его, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя по-гречески они говорят совсем уж чисто, благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть.

¹ Аполлония — греческая колония на западном берегу Черного моря, на месте позднейшего Созополя.

² Каллистрат — гражданин города Ольвии, друг Диона Хрисостома.

³ Культ Ахилла был широко распространен на северо-западном побережье Черного моря. По распространенному преданию, мать Ахилла, богиня Фетида, унесла труп сына, взяв его с пылающего костра, и перенесла на Белый остров (остров Ахилла) на Черном море.

Описание Крымского полуострова у Страбона (Страбон, «География», VII, 4)

У Страбона встречается также довольно подробное описание Крымского полуострова.

Перешеек¹ в 40 стадиев шириною отделяет так называемое Гнилое озеро² от моря и образует Таврический, или Скифский, полуостров. Другие говорят, что ширина перешейка равняется тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро имеет 4 000 стадиев (в окружности?) и является частью Мэотийского

залива³ в сторону запада. Оно соединяется с ним широким устьем. Оно очень болотисто и едва пригодно для плавания лодок. Порывы ветра легко обнажают мелкие места и хотя потом снова нагоняют воду, но все же это болото недоступно для более крупных судов. В заливе имеются три острова, а вдоль берегов мели и подводные камни.

Вход в Мэотиду называется Боспором Киммерийским⁴. В начале он довольно широк и имеет до 70 стадиев в ширину. Через него переправляются из окрестностей Пантикапея⁵ в ближайший город на азиатском берегу, Фанагорию⁶. Далее пролив становится гораздо более узким. Он отделяет Европу от Азии так же, как и река Танаис⁷, текущая с противоположной стороны и впадающая в залив с севера. Танаис впадает в озеро двумя устьями, расстояние между которыми составляет 60 стадиев. Есть и город, носящий одинаковое с рекой название, который является самым крупным торговым портом варваров после Пантикапея. С левой стороны, если вплыть из моря в Киммерийский Боспор, в двадцати стадиях от Пантикапея, находится городок Мирмекий⁸. Дальше на двойном таком расстоянии от Мирмекия лежит деревня Парфений⁹. Против нее находится самая узкая часть пролива на протяжении примерно двадцати стадиев. Здесь на противоположном азиатском берегу пролива расположена деревня, называемая Ахиллей¹⁰... Отсюда прямым путем до Танаиса и острова, лежащего между устьями реки, 2 200 стадиев; если плыть вдоль берега Азии, то число стадиев получается несколько больше. Оно оказывается в три раза больше, если плыть до Танаиса вдоль левого берега озера; на этом пути находится и перешеек. Со стороны Европы все берега пустынные, с правой же стороны они не безлюдны. Вся окружность озера составляет, как пишут исследователи, девять тысяч стадиев. Большой полуостров похож на Пелопоннес как по своей форме, так и по размерам. Этим полуостровом, сильно пострадавшим от непрерывных войн, теперь владеют цари Боспора¹¹. Прежде владыки Боспора обладали лишь небольшой его частью от устья Мэотиды и Пантикапея до города Феодосии¹². Большую же его часть до перешейка и Каркинитского залива¹³ занимало скифское племя тавров¹⁴, и вся эта страна и все пространство за перешейком до самого Борисфена называлась Малой Скифией. А так как много жителей этой страны переправляются за реку Тиру¹⁵ и за Истр¹⁶ и заселяют те места, то немалая часть их и там тоже называется Малой Скифией; тем более, что фракийцы уходят со своих земель, отчасти уступая силе, отчасти из-за плохого качества самой земли – ведь большая ее часть занята болотами.

Что же касается полуострова (Таврического), то, за исключением горной области на морском берегу до Феодосии, вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная как попало любым сошником, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в дань Митридату¹⁷ 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики¹⁸. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому, как соленая рыба из Мэотиды. Рассказывают, что Левкон¹⁹ послал из Феодосии афинянам 2 100 000 медимнов. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами вследствие того, что народы, обитавшие выше их, были кочевники, питавшиеся мясом разных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой (последняя, будучи особым образом приготовлена, составляет для них лакомство). Поэтому-то поэт²⁰ и назвал всех здешних жителей галактофагами, т. е. млекоедами. Кочевники занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег арендаторами, начинают с ними войну. Вот почему поэт назвал этих самых людей и справедливыми и вместе неимущими средств. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы им правильно уплачивали дани. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата²¹, поступил Асандр²², отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Мэотиды, длиною в 360 стадий, и поставивший по 10 башен на каждой стадии. Земледельцы же, хотя и славятся в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению.

¹ Перекопский перешеек.

² Гнилое озеро – Сиваш.

³ Мэотида – Азовское море

⁴ Боспор Киммерийский – Керченский пролив.

⁵ Пантикапей – Керчь.

⁶ Фанагория – греческая колония на берегу Таманского полуострова в Керченском проливе, близ станицы Сенной.

⁷ Река Танаис – современная р. Дон.

⁸ Мирмекий – греческий поселок в окрестностях Пантикапея.

⁹ Парфений – греческое поселение в районе современного Ени-Кале, в самой узкой части Керченского пролива.

¹⁰ Селение Ахиллей, вероятно, находилось у начала северной косы на Фонтановском полуострове.

¹¹ Цари Боспора.

¹² Феодосия – город на юго-восточном побережье Крыма. Сохранил свое древнее название до наших дней.

¹³ Каркинитский залив Черного моря – у северо-западного берега Крыма.

¹⁴ Таары – древние обитатели Крымского полуострова. Их название в римское время было распространено на скифов степного Крыма.

¹⁵ Река Тира – река Днестр.

¹⁶ Река Истр – древнее название р. Дуная.

¹⁷ Митридат VI Евпатор – царь.

¹⁸ Синдика – Синдская гавань, порт на берегу Черного моря, в районе Анапы, на территории скифского племени синдов.

¹⁹ Левкон II – боспорский царь, царствовавший после 250 г. до н. э.

²⁰ Гомер, «Илиада», XIII, 6.

²¹ Гипсикрат – исторический писатель, живший незадолго до Страбона. Его сочинения не сохранились.

²² Асандр – боспорский царь второй половины I в. до н. э.

Описание Пантикапея у Страбона (Страбон, «География», VII, 44)

Описание города Пантикапея у Страбона.

Пантикапей, основанный на месте современной Керчи выходцами из Милета в конце VII в. до н. э., в пору расцвета занимал около 100 га.

...Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь; основан он милетцами. Долгое время этот город и все соседние поселения вокруг устья Мэотиды по обе его стороны находились под единоличною властью правителей из дома Левкона, Сатира и Перисада¹, вплоть до того Перисада, который добровольно передал власть Митридату. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были люди достойные, начиная от Перисада и Левкона. Перисад признан даже богом. Последний правитель, одноименный с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору; а с его времени царство подчинено власти римлян. Большая часть его лежит в Европе, но некоторая и в Азии.

¹ Цари династии Спартокидов: Сатир I (433/432-389/388 гг. до н. э.); Левкон I (389/388-349/348 гг. до н. э.); Перисад I (349/348-310/309 гг. до н. э.).

Хлебная торговля Боспора с Афинами в середине IV в. до н. э. (Демосфен, Речь¹ против Лептина² о беспошлинности, 29-40)

Отрывок из речи Демосфена сообщает важные сведения о размерах хлебной торговли Боспора с Афинами и о взаимоотношениях обоих государств.

Далее, судьи, в законе Лептина ясно сказано, чтобы никто ни из граждан, ни из равнообязанных, ни из чужеземцев не был свободен от государственных повинностей, но при этом не указано, от каких именно – хорегии или какой-либо другой повинности, а просто сказано, чтобы никто не был свободен от повинностей, кроме потомков Гармодия и Аристоклитона³, и так как, с одной стороны, под словом «никто» Лептин понимает всех прочих, а, с другой стороны, говоря о «чужеземцах», не прибавляет определения «живущих в Афинах», то этим он и боспорского правителя Левкона с детьми лишает того дара, которым вы их наградили. По происхождению Левкон, конечно, чужеземец, но по вашему постановлению – афинский гражданин. Но по этому закону ни первое, ни второе не дает ему права на свободу от повинностей. А между тем, если поразмыслить, то окажется, что он постоянно оказывает вам beneficia, и притом такие, которые наиболее нужны нашему городу, тогда как каждый из других благодетелей был вам полезен лишь в течение некоторого времени. Вы ведь, конечно, знаете, что к вам привозится хлеба гораздо более, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему привозимому из прочих рынков. И понятно: это происходит не только от того, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что его правитель Левкон даровал беспошлинность купцам, везущим хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми. Имея от вас такую льготу для себя и своих детей, он со своей стороны дал ее всем вам. Рассмотрите теперь, как велика эта милость! С купцов, вывозящих из его владений хлеб, он взимает в виде пошлины 1/30 стоимости товара; отсюда ввозится около 400 000 медимнов хлеба, как это можно видеть из записки у хлебных приставов; следовательно, он дарит нам 10 000 медимнов с 300 000, а с 100 000 приблизительно 3 000. Притом он так далек от мысли лишать нас этого благодеяния, что, устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора, и здесь даровал нам беспошлинность. О прочем я умалчиваю, хотя мог бы многое сказать о благодеяниях, которые оказал вам как сам Левкон, так и его предки; припомню только, что в позапрошлом году, когда повсюду оказался недостаток в хлебе, он прислал вам хлеба не только в достаточном количестве, но даже в таком, что от продажи его было выручено (15) талантов, которые поступили в распоряжение Каллисфена. Итак, что же, по вашему мнению, афиняне, подумает о вас этот муж, оказавший вам такие услуги, если услышит, что вы по закону лишили его льготы, и если вы не сделаете когда-нибудь постановления, что ему можно возвратить ее? Неужели вы не понимаете, что этот самый закон, если войдет в силу, вместе с Левконом лишит беспошлинности и тех из вас,

которые вывозят хлеб из его владений? Ведь, конечно, никто не воображает, что Левкон допустит, чтобы ваши дары у него были отняты, а данные им остались за вами. Стало быть, помимо значительного ущерба, который, очевидно, принесет вам этот закон, он отнимает у вас и некоторые из наличных выгод. И после этого вы еще рассуждаете, нужно ли его отменить, и не пришли уже давно к такому решению? Возьми и прочти им постановления, касающиеся Левкона.

Из прочитанных постановлений вы слышали, судьи, как заслуженно и справедливо получил от вас Левкон беспощадность. И вы и он поставили плиты с копиями декретов, – одну в Боспоре, другую в Пирее, третью в Святии⁴.

Рассмотрите же, до какой степени позора доводит вас этот закон, выставляющий целый народ менее верным своему слову, чем один человек. Не думайте, что эти плиты поставлены для какой-нибудь другой цели, а не в виду договора о всем том, что вы получили или дали; Левкон окажется верным этим условиям и всегда готовым оказывать вам какие-нибудь услуги, а вы – отменившими постановления, написанные на существующих плитах, что гораздо хуже их уничтожения, ибо таким образом они будут стоять для желающих поносить наш город в виде красноречивого доказательства того, что они говорят правду. Ну, а если Левкон пришлет к вам послов с вопросом, за какую вину вы лишили его беспощадности, скажите ради богов, что мы ответим или что напишет автор сделанного в нашу пользу постановления?

Что некоторые оказались недостойными приобретенной ими льготы? А если он на это скажет: «ведь и среди афинян, быть может, есть люди нечестные, однако я из-за этого не лишаю честных благодеяния и, считая честным народ, предоставляю льготу всем», – то его слова не будут ли справедливее наших? Мне, по крайней мере, кажется так. Ведь у всех людей скорее водится ради людей, оказавших услуги, благодетельствовать другим из числа плохих, чем из-за негодяев отнимать раз данное у тех, которые бесспорно заслуживают благодеяний. И я даже не могу представить себе, как не принудит кто-нибудь Левкона к обмену имущества, если захочет: у вас всегда есть его деньги, а в силу этого закона, если кто изъявит на них претензию, – то он или лишится их, или будет принужден исполнить повинности. А для него самое важное – не потеря денег, а мысль о том, что вы отняли у него ваш же собственный дар.

¹ Речь была произнесена в 355/354 г. до н. э.

² Лептин – афинский политический деятель, который предложил с целью облегчения казны от финансовых затруднений отменить право беспощадной торговли, дарованное ранее целому ряду лиц и в том числе царю Боспора Левкону I.

³ Гармодий и Аристокитон – «тираноубийцы». В 514 г. до н. э. они составили заговор против Писистратидов, убили афинского тирана Гиппарха, сына Писистрата. При этом Гармодий был убит стражей, а Аристокитон казнен.

Погибшим юношам афиняне впоследствии поставили статуи работы Антенора. Эту группу увез Ксеркс во время отступления из Афин в 480 г. до н. э. Скульптурная группа была возвращена в Афины Александром. Ее не следует смешивать с другой группой работы Крития и Несиота, которая была поставлена в Афинах взамен увезенной.

⁴ Святая гавань – возможно, на о. Делосе. Другой порт, носивший то же название, находился на азиатском берегу Боспора.

Декрет афинян в честь сыновей Левкона

Надпись на мраморной плите относится к 347/348 г. до н. э., она сообщает о дальнейшем развитии хлебной торговли между Афинами и Боспором.

Спартоку¹, Перисаду, Аполлонию², сыновьям Левкона.

При Фемистокле архонте, в восьмую пританию филы³ Эгеиды, в которой секретарем был Лисимах, сын Сосидема, ахарнаец, эпистатом⁴ был Феофил галимусиец, Андротион, сын Андрона, гаргеттиец предложил: на то, о чем распорядились Спарток и Перисад и о чем послы, прибывшие от них возвестили, ответить им, что афинский народ хвалит Спартока и Перисада за то, что они добрые мужи, и объявить народу афинскому, что они (т.е. эти цари) будут заботиться о присылке хлеба, подобно тому, как заботился их отец, и охотно окажут эту услугу, всякий раз как в ней будет нуждаться афинский народ, и сообщить им через послов, что, делая это, они доставят большое удовольствие афинскому народу. Так как они дают афинянам дары, которые давал Сатир и Левкон, то пусть будут предоставлены Спартоку и Перисаду привилегии, которые народ даровал Сатиру и Левкону, и пусть каждый будет увенчан золотым венком в 1 000 драхм в великие Панафинеи⁵, делать же венки в ближайший год великих Панафинеи афлофетам⁶, согласно народному постановлению, сделанному ради Левкона, и публично возглашать, что афинский народ увенчивает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за их добродетель и благоволение к народу афинскому. Так как они посвящают венки Афине Палладе, то афлофеты пусть выставляют венки в храме с надписью: «Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинским». Деньги же афлофетам на венки давать казначею народа из сумм, назначенных народом для расходов по народным постановлениям; а в текущем году выдать на венки аподектам⁷ из военных сумм. Написать это народное постановление секретарю совета на каменной плите и поставить возле плиты Сатира и Левкона; на написание дать казначею народа 300 драхм. Послов же, Сосия и Феодосия, похвалить, что они заботятся о людях, приходящих в Боспор из Афин, и пригласить их на пир в пританей на завтрашний день. Относительно же денег, должных сыновьям Левкона (постановить), чтобы они получали их, имея дело с

проэдрами⁸, которые получают проэдрию в народном собрании в 18 день (элафеболиона), в первый же раз после праздников, с тем, чтобы получающие деньги не требовали их у народа афинского. Дать и матросов, которых просят Спарток и Перисад, послам же записать имена принятых матросов у секретаря совета; кого же они запишут, тем служить сыновьям Левкона как можно лучше, Полиевкт, сын Тимократа криоевс предложил: все прочее как и Андриотон, венком же наградить и Аполлония, сына Левкона...

(Конец не сохранился.)

¹ Спарток II (349/348-344/343) царствовал совместно с Перисадом.

² Аполлоний царем не был.

³ Притания – дежурство членов совета 500 в составе фил. Дежурство продолжалось одну десятую часть года. Такой порядок был установлен Клисфеном.

⁴ Эпистат – в Афинах председатель пританов.

⁵ Великие Панафинеи – главный афинский праздник в честь рождения богини Афины и синойкисма при Тесее. Праздновался в августе раз в четыре года.

⁶ Афлофеты – коллегия, заведовавшая устройством музыкальных и гимнастических состязаний на празднике Панафинеи.

⁷ 10 аподектов (по одному от филы) – афинские государственные казначеи.

⁸ Проэдры – коллегия 9 проэдров была введена в IV в. до н. э. для руководства народным собранием во время его работы.

Междоусобная война между преемниками Перисада I Рост могущества Боспора при Евмеле в конце IV в. до н. э. (Диодор, «Историческая библиотека», XX, 22-25)

При архонте Гиеромнемоне в Афинах... в Понте по смерти Перисада¹, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собою войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего 38 лет; но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском, перейдя через реку Фат², и, приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников скифов в количестве 20 слишком тысяч пехоты и не менее 10000 всадников. На стороне Евмела был царь фатеев³ Арифарн с 20 000 конницы и 22 000 пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитою Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть. Те из воинов Арифарна и Евмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость; она стояла у реки Фата, которая обтекала ее и вследствие своей значительной глубины делала неприступной; кроме того, она была окружена глубокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся деревянными палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились над водою. Ввиду того, что крепость была так хорошо укреплена, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи; затем он сделал попытку вторгнуться силою через проходы, причем со стороны передовых укреплений и башен принужден был с потерей многих солдат отступить, но с луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями.

Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости. Когда эта работа быстро подвигалась вперед, царь Арифарн, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние вследствие густоты деревьев не могли ни предохранить себя от стрел, ни защищаться против стрелков.

Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но, осыпаемые тучею стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся умом и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражен превосходными силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв

царем всего 9 месяцев после смерти отца своего Перисада. Начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу⁴ и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу, быстро явился затем в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Евмел завел было через послов переговоры относительно части государства, но Притан не обратил на них внимания и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Евмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Мэотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен. После смерти братьев Евмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их детей и жен. Удалось спастись от него одному только Перисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара. Так как граждане выражали негодование по поводу убийства царем своих родственников, то Евмел, созвав народ на собрание, произнес речь в свою защиту и восстановил прежний образ правления; кроме того, он согласился на сохранение беспопытности, которою пользовались жители Пантикапея при его предках, обещал освободить всех от податей и говорил еще о многом другом, желая расположить к себе народ. Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех граждан, он во все остальное время царствования правил своими подданными согласно с законами и возбуждал к себе немало удивление своими достоинствами.

Он постоянно оказывал услуги византийцам, синопцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта. Так, когда каллатийцы⁵, осажденные Лисимахом⁶, очутились в бедственном положении вследствие недостатка продовольствия, он принял к себе тысячу человек, удалившихся вследствие недостатка в пище, и не только дал им безопасное убежище, но даже город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою⁷ и область. Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством, – гениохами⁸, таврами⁹ и ахеями и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния – похвалу не только в своем царстве, но почти по всей вселенной, так как торговые люди повсюду разнесли молву об его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую, чем прежде, известность. Он задумал вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизни. Пробыв на престоле 5 лет и столько же месяцев, он скончался от несчастного случая: возвращаясь из Синдики¹⁰ в свою землю и спеша к какому-то жертвоприношению, он ехал ко дворцу на четверке лошадей; экипаж был четырехколесный и с крытым верхом; лошади чего-то испугались и понесли, а так как возница не смог удержать вожжей, то Евмел, опасаясь быть сброшенным в обрыв, попытался спрыгнуть с колесницы, но при этом меч его попал в колесо, он был увлечен движением и тут же испустил дух.

¹ Перисад I умер в 31030/9 г. до н. э.

² Река Фат по другим источникам неизвестна.

³ Фатеи – племена, проживавшие по р. Кубани.

⁴ Местоположение города Гаргазы неизвестно.

⁵ Каллатия – греческий город на западном берегу Черного моря, его осаждал Лисимах в 304 г. до н. э.

⁶ Лисимах, диадох, после смерти Александра утвердился в области, примыкавшей к Мраморному морю. Погиб в 281 г. до н. э.

⁷ Псою – местонахождение области неизвестно.

⁸ Гениохи и ахеи – племена, жившие на Кавказе, близ границы азиатского Боспора.

⁹ Тавры – древние обитатели Крымского полуострова. Их название в римское время было распространено на скифов степного Крыма.

¹⁰ Синдика – Синдская гавань, порт на берегу Черного моря, в районе Анапы, на территории скифского племени синдов.

Расстояние между Боспором и Египтом (Диодор, «Историческая библиотека», III, 34)

Отрывок указывает на местные торговые связи и относительную легкость морских рейсов между северными и южными рубежами эллинистического мира – Боспором и Египтом.

От Мэотийского озера, у которого обитают некоторые скифы, живущие среди мороза и чрезмерных холодов, многие мореплаватели на нагруженных кораблях при попутном ветре на десятый день достигают Родоса, из которого на четвертый день приезжают в Александрию, а отсюда многие плывущие по Нилу на десятый день приезжают в Эфиопию; таким образом, от охлажденных частей вселенной до самых жарких частей не более двадцати четырех дней плавания для тех, кто совершает его непрерывно.

Послы царя Перисада II Боспорского¹ у Птолемея II Филадельфа² в Египте Греческий папирус (21 сентября 254 г. до н. э.)

Аполлоний³ – Зенону⁴ привет. По прочтении сего письма отправь в Птолемаиду⁵ повозки и остальные перевозочные средства и вьючных мулов для присланных Перисадом послов и для посланников из Аргоса⁶, которых царь отправил в Арсинойский ном⁷ посмотреть достопримечательности. Да смотри, чтобы они не опоздали. Когда я пишу это письмо, они уже выехали. Будь здоров.

32 год⁸, месяц панем 26-го числа, месяц месоре 1-го числа⁹.

(Назначение документа.)

Аполлоний по поводу перевозочных средств Зенону для послов Перисада и из Аргоса.

(На обороте отметка получения.)

Год 32, месяц месоре 2-го числа, в 10-м часу.

¹ Перисад II (284 г. – после 250 г. до н. э.).

² Птолемей II Филадельф – царь Египетского царства.

³ Аполлоний – могущественный вельможа, пользовавшийся неограниченным доверием Птолемея II Филадельфа.

⁴ Зенон – главное доверенное лицо Аполлония, см. № 141, введение.

⁵ Птолемида – значительный населенный пункт в оазисе Фаюм, южнее Дельты.

⁶ Аргос – город-государство в северо-восточной части Пелопоннеса.

⁷ Арсинойский ном был расположен в Фаюме. Так назывался он по своему главному городу Арсиноэ. Древнее административное деление Египта на номы было сохранено и при Птолемеях.

⁸ 32 год царствования Птолемея II Филадельфа, т.е. 254 г. до н. э.

⁹ Двойная датировка по македонскому и местному египетскому календарю.

Описание Херсонеса Таврического у Страбона (Страбон, «География», VII, 4)

Страбон о Херсонесе Таврическом.

Если плыть из Тамиракского залива¹, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев². Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс³, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом⁴ (т.е. полуостровом). В этом городе есть святилище Девы⁵, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии 100 стадий, мыс, называемый Парфением⁶. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани; затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшие на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтой Символов⁷. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом⁸, образует перешеек в 40 стадий. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса, имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название – Херсонес.

Этот город прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора⁹, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкою к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком¹⁰ во главе, которых, по свидетельству Посидония¹¹, было 50, а по свидетельству Аполлониды¹² – 80. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил тогдашний его владелец Перисад¹³. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора...

Кроме перечисленных пунктов в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против митридатых воевод, именно Палакий, Хаб и Неаполь¹⁴. Был также и Евпаторий¹⁵, основанный Диофантом¹⁶, полководцем Митридата...

На расстоянии около 15 стадий от стены херсонесцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше его лежит морское болото с солеварней. Здесь был и порт Ктенунт.

¹ Тамиракский залив – находился возле Кинбурнской косы.

² Городок и другая гавань херсонесцев, возможно, «Прекрасная гавань», о ней говорится в присяге херсонесцев. Предполагают, что это бухта Ак-Мечеть.

³ Мыс – часть целого Херсонеса (т.е. Крымского полуострова), в настоящее время Гераклейский полуостров.

⁴ Город Херсонес был основан в V в. до н. э. и являлся колонией Гераклеи Понтийской – города-колонии на южном берегу Черного моря. Развалины Херсонеса находятся около Севастополя.

⁵ Богиня Дева – местное божество, почитавшееся в Херсонесе, отождествляется с Артемидой или с дочерью Агамемнона – Ифигенией.

⁶ Мыс Парфений – в настоящее время мыс Фиолент.

⁷ Бухта Символов – современная Балаклавская бухта.

⁸ Бухта Ктенунт – современная большая Севастопольская бухта.

⁹ Митридат VI Евпатор – (111-63 гг. до н. э.) – знаменитый понтийский царь, долго воевавший с Римом. См

¹⁰ Скилур и Палак – цари эллино-скифского царства в степной части Крыма, с центром в районе современного Симферополя. Правила во второй половине II в. до н. э.

¹¹ Посидоний – философ-стоик и историк, продолжатель Полибия, жил во II-I в. до н. э.

¹² Аполлонид – жил, вероятно, в начале I в. до н. э. Возможно, он автор несохранившегося географического сочинения «Перипл Европы».

¹³ Перисад V – 109 г. до н. э. Последний боспорский царь династии Спартокидов.

¹⁴ Палакий и Хаб, вероятно, были расположены неподалеку от города Херсонеса, так как племя хабиев обитало по соседству с Херсонесом. Неаполь был столицей эллино-скифского царства в Крыму и находился в районе современного Симферополя.

¹⁵ Евпаторий – на западном берегу Крыма, около современного города Евпатории.

¹⁶ Диофант – полководец Понтийского царства в период правления Митридата VI Евпатора.

Херсонес и соседние племена в начале II в. до н. э. (Полиен, «Военные хитрости», VIII, 56)

Приводимый ниже отрывок из произведения Полиена, греческого писателя II в., составившего сборник рассказов о военных хитростях, несмотря на свой полуанекдотический характер, отражает засвидетельствованные и другими источниками исторические факты: тяжелое положение Херсонеса, теснимого своими ближайшими соседями – скифами, и ту роль, которая принадлежала женщинам у сарматов.

Амага. Амага, жена Медосакка¹, царя сарматов, живших на побережье Понта², видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонеситы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников. Амага сначала послала скифскому царю приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то она выбрала сто двадцать человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади, и, проскакав с ними в одни сутки тысячу двести стадиев, внезапно явилась ко двору скифского царя и перебила всех стражей у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и воображали, что нападающих не столько, сколько они их видят, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонеситам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня о смерти отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

¹ Имена Амаги и ее мужа не засвидетельствованы другими источниками.

² Проникновение к берегам Черного моря сарматов, первоначально кочевавших в степях Среднего и Нижнего Поволжья, относится к рубежу III и II вв. до н. э.

Договор с понтийским царем Фарнаком I

Начало этой надписи, вырезанной на мраморной плите, не сохранилось. Она относится к началу или к первой четверти II в. до н. э.

Понтийская эра, 157 г. до н. э., который упомянут в надписи, не вполне ясна, возможно, что она велась от года смерти отца Митридата I, ок. 336 г. до н. э. Повидимому, надпись составлена в 179 г. до н. э., когда Рим впервые активно вмешался в международные и внутренние дела Понта – малоазийского государства, расположенного по южному побережью Черного моря. Договор составлен в типичной для греческих рабовладельческих демократических полисов форме и отражает ухудшившиеся отношения между Херсонесом и крымскими скифами, пробивавшимися в это время к морю из степных территорий Крыма.

«...но будем содействовать охране его царства по мере возможности, пока он останется верен дружбе с нами и будет соблюдать дружбу с римлянами и ничего не предпринимая против них. Соблюдающим клятву да будет нам благо, преступающим же обратное. Клятва эта совершена месяца гераклия в пятнадцатый день, при царе¹ Аполлодоре, сыне Герогита, секретаре Геродоте, сыне Геродота. Клятва, которою поклялся царь Фарнак², когда явились к нему послы Матрий и Гераклий: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, всеми богами олимпийскими и богинями; я навсегда буду другом херсонесцам, и если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев, и эти призовут меня, буду помогать им, поскольку позволит мне время, и не замыслю зла против херсонесцев никоим образом, и не пойду походом на Херсонес, и не подниму оружия против херсонесцев, и не совершу против херсонесцев ничего такого, что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содействовать охране его демократии по мере возможности, пока они останутся верными дружбе со мною и если поклянутся тою же самою клятвой, и будут соблюдать дружбу с римлянами и ничего не будут предпринимать против них. Соблюдающему клятву да будет

благо, нарушающему же – обратное. Клятва эта совершена в сто пятьдесят седьмом году, месяца даисия³, как царь Фарнак считает».

¹ Под царем здесь надо понимать высшее должностное лицо с обязанностями жреца и эпонима города Херсонеса.

² Фарнак (приблизительно 190-169 гг. до н. э.).

³ Месяцы, упоминаемые в надписи, принадлежат к двум разным греческим календарям: месяц гераклий - к дельфийскому, а месяц даисий – к македонскому, и оба соответствуют нашему июню.

Декрет херсонесцев в честь Диофанта

Надпись на мраморном пьедестале статуи – декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора, является важным эпиграфическим документом из северного Причерноморья, сообщающим о событиях, которые касаются всего Крымского полуострова. Эксплуатировавшиеся долгое время греками скифы сами перешли против них в решительное наступление. Теснимые скифским царем Палаком, стремившимся захватить Херсонес – важный порт по вывозу скифского хлеба в балканскую Грецию, херсонесцы обратились за помощью к понтийскому царю. Очевидно, договор, заключенный в 179 г. до н. э. с царем Фарнаком I, еще действовал. Диофант совершил три успешных похода против скифов, за что в его честь был составлен херсонесцами почетный декрет. Кроме событий в Херсонесе, декрет кратко сообщает и о важных событиях в Боспоре, самом значительном греческом государстве, занимавшем восточную часть Крыма и Таманский полуостров. Также теснимый скифами последний боспорский царь Перисад V не только не смог оказать реальной помощи Херсонесу, но сам отрекся от власти в пользу понтийского царя Митридата VI Евпатора и передал ему Боспорское царство за помощь, оказанную в борьбе против скифов. После отречения Перисада в самом Боспоре вспыхнуло восстание скифов под руководством «некоего Савмака», жившего в молодости при дворе царя Перисада. Перисад был убит, и на короткое время царем Боспора сделался Савмак. До нашего времени дошла боспорская монета с именем «царя Савмака».

...[херсонесцы] предложили: Так как Диофант, сын Асклепиодора Синопец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны царя Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником добра для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя [ведение] войны со скифами, он, прибыв в наш город, отважно совершил со всем войском переправу на, ту сторону; когда скифский царь Палак внезапно напал [на него] с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и [таким образом] сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров¹ и основав город на [том] месте, он отправился в боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в средину Скифии; когда же скифы сдали ему царские крепости Хавзи² и Неаполь³, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров. Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел, и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войском Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против самых крепостей скифов, но, будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидою и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани; когда же Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих и кроме того привлек на свою сторону народ ревксиналов⁴, постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме чудес предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена: ибо из пехоты никто не спасся, а из всадников ускользнули [лишь] немногие. Не теряя [затем] ни минуты в бездействии, [Диофант] с войском пойдя в начале весны на Хавзи и Неаполь со всем тяжелым... бежать, а остальных скифов принудил совещаться о своем положении. Отправившись в боспорские местности, он устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили выкормившего их (т.е. скифов) боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и, прибыв [к нам] и упросив граждан, [а также] имея ревностное содействие [со стороны] посланного его царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных из граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство Митридата и [таким образом] восстановил власть царя Митридата Евпатора. Кроме того, он, содействуя управляемым народом посольствам во всем полезном херсонесцам, является благосклонным и ревностным. Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, сына Асклепиодора, золотым венцом в праздник Парфений⁵ во время процессии, причем симнамона⁶ сделают [следующее] провозглашение: «Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепиодора-синопца, за его доблесть и благосклонность к себе»; поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса; об этом озаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; начертать же и постановление на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм. Так

постановил совет и народ месяца дионисия девятнадцатого дня при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнетов⁷ Минин, сыне Гераклия, при секретаре Дамасикле, сыне Афиней.

¹ Тавры – древние обитатели Крымского полуострова. Их название в римское время было распространено на скифов степного Крыма

² Местонахождение скифской крепости Хавзи точно не установлено.

³ Неаполь был столицей эллино-скифского царства в Крыму и находился в районе современного Симферополя.

⁴ Ревксиналы. У древних авторов – роксоланы – сарматское племя.

⁵ О празднике Парфений иных данных нет.

⁶ Симмнаоны – коллегия секретарей, провозглашавшая постановления и ведавшая изготовлением надписей.

⁷ Эсимнеты – в Херсонесе соответствовали афинским пританам, их председатель соответствовал эпискату.

Описание Кавказа и Колхиды у Страбона (Страбон, «География», XI, 2)

Кавказские горы возвышаются над тем и другим морем: над Понтийским¹ и над Каспийским. Они пересекают стеной перешеек, разделяющий эти моря, и с юга являются границей для Албании² и Иберии³, а с севера для сарматской равнины. Кавказ богат разнообразными лесами, среди других также и корабельными... Несколько отрогов от главного хребта отходят на юг и соединяются через Среднюю Иберию с Армянскими и так называемыми Мосхскими⁴ горами.

Город Диоскуриада⁵ лежит в таком заливе, что занимает самый восточный пункт во всем море и потому считается как бы углом Евксинского моря⁶ и пределом плавания. Таким образом поговорку:

«До Фасиса⁷, где кораблям конец пути» – следует понимать не в том смысле, что автор этого ямба подразумевает при этом реку Фасис или одноименный с ней город, но вообще Колхиду, так как от реки и города до крайнего угла остается еще 600 стадиев морского пути. Сама Диоскуриада лежит у начала пути через перешеек между Понтом и Каспием, и является общей торговой гаванью для всех народов, живущих за ней и поблизости. Здесь встречаются представители семидесяти народностей, по словам же некоторых, не заботящихся об истине, даже до трехсот. Все они говорят на разных языках, потому что они расселены на большом пространстве и из-за своей самобытности и дикости не смешиваются друг с другом. Большинство принадлежит к сарматскому⁸ племени, но все они вместе с тем кавказцы. Остальная часть Колхиды преимущественно расположена вдоль моря. Ее орошает большая река Фасис, берущая начало из гор Армении и принимающая притоки Главк и Гиппон, стекающие с ближайших гор. По ней можно плыть на судах до крепости Сарапанов⁹, которая может вместить в себе население целого города. Отсюда до Кира¹⁰ сухим путем вповозках четыре дня. На реке Фасис лежит одноименный с ней город, торговый центр колхов¹¹, защищенный с одной стороны рекой, с другой – озером, с третьей – морем. Отсюда два или три дня плавания до Амисы и Синопы¹², так как побережье около устьев рек очень илисто. Край этот богат всякими плодами, кроме меда, который большей частью горчит; есть здесь и все необходимое для судостроения. Много такого материала произрастает на месте, а кроме того, сплавляется по рекам. Здесь производится также много льна, конопли, воска и смолы. Льняные изделия даже славятся и вывозятся в другие страны. На этом основании можно верить тем, которые утверждают о родстве колхов с египтянами. Над названными выше реками, в горах Мосхии, находится святилище Левкофеи¹³, воздвигнутое Фриксом¹⁴, также есть и его оракул, которому не приносят в жертву баранов. Когда-то в начале своего существования этот храм был богат...

Какою славою пользовалась эта страна в древности, показывают мифы, повествующие о походе Ясона¹⁵, доходившего до Мидии¹⁶, и еще раньше того, о походе Фрикса. Впоследствии страной этой, поделенной на части, управляли цари, обладавшие незначительной силой, а когда стал особенно могущественным Митридат Евпатор¹⁷, страна эта перешла к нему... Область Мосхская, в которой находится святилище и оракул, делится на три части, одну из них занимают колхи, другую иберы, третью армяне.

¹ Понтийское море – Черное море.

² Албания – часть современного Азербайджана.

³ Иберия – восточная часть Грузии.

⁴ Мосхские горы – хребет у юго-восточного берега Черного моря. Так назывался по имени проживавшего там племени мосхов.

⁵ Диоскуриада – греческая колония. Находилась около современного города Сухуми.

⁶ Евксинское море (Черное море) – т.е. гостеприимное море.

⁷ Фасис – греческая колония, находилась около современного города Потти при устье Риона.

⁸ Сарматы – кочевые племена, вытеснявшие скифов из причерноморских степей во II в. до н. э. Это собирательное название ряда кавказских племен.

⁹ Крепость Сарапанов – возможно, Сасперов.

¹⁰ Кир – совр. река Кура.

¹¹ Колхи – племя в Колхиде.

¹² Амис и Синопа – греческие колонии на южном берегу Черного моря.

¹³ Левкофея – морская богиня, спасительница утопающих. Живя на земле, была смертной женщиной Ино, мачехой Фрикса. Она утонула в море и превратилась в богиню.

¹⁴ Фрикс – мифический герой, бежавший из Греции в Колхиду на баране с золотым руном.

¹⁵ Ясон — предводитель аргонавтов.

¹⁶ Мидия — область к югу от Каспийского моря.

¹⁷ Митридат VI Евпатор (111-63 гг. до н. э.) — знаменитый понтийский царь, долго воевавший с Римом.

Понтийская экспедиция Перикла (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Перикл», XX)

Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он (Перикл) сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно¹, а окрестным варварским народам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустранимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и все море держат в своей власти². Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем³.

¹ В каких именно эллинских городах, кроме Синопы, побывал флот Перикла, точно неизвестно.

² Видимо, здесь имеются в виду вожди скифских и фракийских племен.

³ Т.е. афиняне свергли в Синопе тиранический строй и утвердили у власти сочувственно настроенную к ним демократию.

Афинские владения в Нимфее (Эсхин, «Против Ктесифонта», 171)

Был некто Гилон¹ из дема Керамеев. Он предал врагам Нимфей на Понте, находившийся тогда во владении нашего государства, и после доноса бежал из города, не подчинившись приговору. Он прибыл на Боспор, получил там в дар от тиранов так называемые Кепы и женился на женщине, правда, богатой, клянусь Зевсом, и принесшей в приданое много золота, но родом из скифов².

¹ Гилон был дедом по матери оратора Демосфена, политического противника Эсхина, и потому вполне вероятно, что последний намеренно представлял факты, порочащие Гилона, в самом неблагоприятном для него виде. Не вполне ясно, входил ли в это время, т.е. в конце Пелопоннесской войны, Нимфей в состав Афинского союза.

² Стремясь опорочить Демосфена, Эсхин подчеркивает, что тот имел в числе ближайших предков скифянку.

Декреты северочерноморских государств IV-III вв до н. э. о даровании иностранцам проксений

а) Проксения двух афинян в Ольвии

В добрый час. Ольвиополиты дали афинянам Ксантиппу, сыну Аристофонта, ерхиейцу, Филополиду, сыну Филополида, дейрьдиоту¹, им самим и потомкам их проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввезли или вывезли они сами, или дети их, или братья, владеющие совместно с ними отцовским имуществом, или слуги; дали и право входа в гавань и выхода из нее как в мирное, так и в военное время неприкосновенно и беспрепятственно.

б) Проксения родосца в Херсонесе

Проксения Тимагора, родосца. Совет и народ постановили, Теотим, сын такого-то, Антигон, сын Прона, сына Автея, предложили: дать Тимагору, сыну Никагора, родосцу, проксению и право гражданства самому и роду его, и право въезда и выезда им самим и имуществу их в военное и в мирное время.

в) Проксения пирейца в Боспорском государстве

Проксения такого-то, сына Дионисия, пирейца². Перисад и его сыновья дали³ такому-то, сыну Дионисия, пирейцу, и его потомкам проксению, освобождение от пошлин на все товары во всем Боспоре, им самим и их слугам, а также право входа в гавань и выхода из нее как в военное, так и в мирное время неприкосновенно и беспрепятственно.

¹ Наименование афинян по демам, к которым они принадлежали.

² Под «пирейцем» следует понимать гражданина горожа Амиса, который в то время был переименован в Пирей.

³ Это до сих пор единственный известный случай, когда проксения дается не от имени «совета и народа», а от имени единоличного правителя и его детей.

Договор Херсонеса с понтийским царем Фарнаком

Начальная часть этой найденной на территории Херсонеса надписи не сохранилась. Из уцелевшей части видно, что начиналась она с перечня обязательств, принятых на себя херсонесскими гражданами. О договоре Херсонеса с Фарнаком (170 г. до н. э) упоминает Полибий.

...но будем содействовать охране его царства¹ по мере возможности, пока он останется верен дружбе с нами и будет соблюдать дружбу с римлянами, ничего не предпринимая против них². Если мы будем соблюдать клятву, да будет нам благо, если же нарушим – все обратное. Клятва сия свершена в пятнадцатый день месяца Гераклия, при царе³ Апоа- лодоре, сыне Герогейта, и секретаре Геродоте, сыне Геродота.

Клятва, которой поклялся царь Фарнак, когда явились к нему послы Матрий и Гераклий: клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, всеми богами и богинями олимпийскими: я навсегда буду другом херсонеситам и, если сосгдние варвары⁴ выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонеситам землю либо будут чинить несправедливости херсонеситам и те призовут меня, буду помогать им, поскольку позволит мне время, и никоим образом не буду замышлять зла против херсонеситов, и не пойду походом на Херсонес, и не подниму оружия против херсонеситов, и не совершу против херсонеситов ничего такого, что могло бы повредить народу херсонеситов, но буду содействовать по мере возможности сохранению его демократии, пока они останутся верными дружбе со мной, и, принеся такую же клятву, будут соблюдать дружбу с римлянами и не будут предпринимать против них ничего. Если я буду соблюдать клятву, да будет мне благо, если же нарушу – все обратное. Клятва сия свершена в сто пятьдесят седьмом году, в месяце Даисии, как считает царь Фарнак⁵.

¹ Т.е. Понтийского государства в Малой Азии.

² Характерно, что в это время роль Рима уже была настолько велика, что два причерноморских государства обуславливают соблюдение договора лояльностью по отношению к Риму.

³ Царем назывался в Херсонесс ежегодно переизбираемый сановник, именем которого назывался соответствующий год.

⁴ Угроза соседних племен, скорее всего скифов, побуждала херсонесских граждан искать помощи у понтийского царя.

⁵ В Понтийском царстве существовало особое летосчисление, однако в данном тексте счет ведется по эре, началом которой было воцарение Александра Македонского (336 г. до н. э.).

Херсонесский декрет в честь Диофанта

Декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата Евпатора. Надпись на постаменте статуи конца II в. до н. э. Начало надписи отбито.

[Номофилаки такие-то и стоящий во главе управления такой-то], сын Зета, предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, синопеец, являясь нашим другом и благодетелем, пользуясь, как никто другой, доверием и уважением со стороны царя Митридата Евпатора, постоянно оказывается для каждого из нас виновником блага, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи уже приглашен им и приняв на себя войну против скифов, он прибыл в наш город и отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону. Когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и сделал так, что царь Митридат Евпатор первым воздвиг трофей в знак победы над ними. Подчинив себе соседних тавров и основав на том месте город, он отправился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собой граждан цветущего возраста, он проник в середину Скифии; когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все скифы сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за это благодарный народ почтил его приличествующими почестями как освобожденный уже от владычества варваров. Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал Диофанта с войском в Херсонес, Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и сильнейших из граждан, двинулся против царских крепостей скифов, но, будучи задержан непогодой, поворотил в приморские местности, овладел Керкинитидой, укреплениями и приступил к осаде жителей Прекрасной Гавани; когда же Палак, полагая, что ему содействует время, собрал всех своих и кроме того привлек на свою сторону народ ревксинов, постоянная покровительница херсонеситов Деват и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме чудес предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена, ибо из вражеской пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие. Не теряя затем ни минуты в бездействии, Диофант, взяв войско, пошел в начале весны на Хабеи и Неаполь со всей тяжестью... бежать, а остальных скифов совещаться о... Отправившись в боспорские местности, Диофант устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили выкормившего его боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним херсонесскими гражданами корабль и, прибыв в Херсонес, призвал на помощь граждан; имея

ревностное содействие со стороны посылавшего его царя Митридата Евпатора, в начале весны он явился с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных из граждан на трех кораблях и двинулся из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, покарал виновников восстания, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство Понтийское и снова приобрел власть для царя Митридата Евпатора над Боспором. Кроме того, он, содействуя отправляемым народом посольствам во всем полезном херсонеситам, является благосклонным и ревностным. Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, сына Асклепиодора, золотым венком в праздник Парфений во время процессии, причем симмнамона сделают следующее провозглашение: «Народ награждает венком Диофанта, сына Асклепиодора, синопца, за его доблесть и благосклонность к себе». Поставить также его медную статую в полном вооружении на Акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса; об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; постановление же начертать на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм. Так постановили совет и народ в девятнадцатый день месяца Дионисия, при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнатов Мении, сыне Гераклия, при секретаре Дамаскиле, сыне Атенея.

Утверждение власти Митридата Евпатора в Херсонесе и на Боспоре (Страбон, «География», VII, 4, 3; 4)

Этот город (Херсонес) прежде пользовался автономией, но, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами (бывшими тогда под властью) Скилура и его сыновей с Палаком во главе... Он силой подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему владелец Перисад...

...Долгое время этот город (Пантикапей) и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по (обе) его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Перисада вплоть до Перисада, который передал власть Митридату. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были достойные, начиная от Перисада и Левкона. Перисад признан даже богом. Последний (правитель), одноименный с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору, после которого царство подчинено власти римлян.

3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Географические условия и население древней Италии

Сведения, раскрывающие специфику географических условий и населения древней Италии можно встретить у Полибия, Страбона, Дионисия Галикарнакского.

(Полибий, «Всеобщая история», II, 14-17)

...Вся Италия представляет подобие треугольника, одну сторону которого, обращенную к востоку, омывают Ионийское море и примыкающий к нему Адриатический залив, другую сторону, обращенную к югу и западу, омывают Сицилийское и Тирренское моря. Сближаясь между собою, стороны эти образуют в вершине южный мыс Италии, именуемый Кокинфом и разделяющий моря Ионийское и Сицилийское. Третью сторону, идущую на север по материке, образует во всю длину Альпийский хребет, который начинается от Массалии и земель, лежащих над Сардинским морем, и тянется непрерывно до наиболее углубленной части Адриатики: лишь на небольшом расстоянии от моря хребет оканчивается. Южный край названного хребта следует принимать как бы за основание треугольника: к югу от нее простираются равнины, занимающие самую крайнюю северную часть Италии, о которых и идет теперь речь: по плодородию и обширности они превосходят остальные известные нам равнины Европы. Общий внешний вид этих равнин – также треугольник: вершину его образует соединение так называемых Апеннинских и Альпийских гор недалеко от Сардинского моря над Массалией. На северной стороне равнины тянутся, как сказано выше, Альпы на две тысячи двести стадий, а вдоль южной стороны тянутся Апеннины на пространстве трех тысяч шестисот стадий. Линией основания всей

фигуры служит побережье Адриатического залива: длина основания от города Сены до углубления залива более двух тысяч пятисот стадий, так что объем упомянутых равнин составляет немного меньше десяти тысяч стадий.

Нелегко перечислить все достоинства этой земли! Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн пшеницы стоит четыре обола, медимн ячменя – два обола, столько же стоит метрет вина; гречиха и просо рождаются у них в невероятном изобилии. Как много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучше всего из следующего: в Италии убивают огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск; животных привозят главным образом с этих равнин. О дешевизне и обилии различных съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что путешествующие в этой стране, заходя в таверну, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но платят столько, сколько возьмет хозяин с человека.

Обыкновенно содержатели таверн, давая всего вдоволь, берут за это пол-асса, что составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взимается более высокая плата. Многолюдство населения, высокий рост его и телесная красота, а ровно и военная отвага будут выяснены самой историей событий.

С обеих сторон Альп, как с той, которая обращена к реке Родану, так и с другой, спускающейся к названным выше равнинам, холмистые и низменные местности густо заселены: лежащие по направлению к Родану и к северу заняты галатами, которые называются «трансальпинами», а обращенные к равнинам заселены таврисками, агонами и многими другими варварскими народами. «Трансальпинами» галаты называются не по своему происхождению, но по месту жительства, ибо слово «транс» значит «по ту сторону», и римляне называют «трансальпинами» тех галатов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие скудности почвы и скопления на них вечных снегов совершенно необитаемы.

Апеннины в самом начале над Массалией, у соединения с Альпами, заселены лигистинами как с той стороны, которая обращена к Тирренскому морю, так и с той, которая идет к равнинам: вдоль моря поселения их простираются до города Писы, первого тирренского города на западе, а внутри материка – до области арретинов, за ними следуют тиррены.

К ним примыкают умбры, занимающие оба склона этих гор. Дальше, уклоняясь вправо от равнин, Апеннины на расстоянии стадий пятисот от Адриатического моря разделяют Италию на всем протяжении до Сицилийского моря, а освободившаяся от гор равнина простирается до моря и города Сены.

Река Пад, прославленная поэтами под именем Эридана, берет начало из Альп, почти у вершины очерченной выше фигуры и в направлении к югу изливается в равнины. Дойдя до ровных местностей, река изменяет свое направление и протекает по ним к востоку, впадая двумя устьями в Адриатику: равнину река разделяет таким образом, что большая часть ее прилегает к Альпам и Адриатическому заливу. Ни одна река Италии не несет столько вод, как Пад, ибо в него вливаются все потоки, со всех сторон стекающие с Альп и Апеннин в равнину. Наиболее обильна водой и наиболее величественна река бывает в пору восхода «Пса», когда количество воды в ней увеличивается от тающего на обоих хребтах снега. Из моря через устье, называемое Оланой, корабли по ней поднимаются тысячи на две стадий. Вначале у истоков река течет по одному руслу, потом разделяется на две части у так называемых Тригабал, причем одно из устьев называется Падуйей, другое – Оланой. У последнего есть гавань, которая в смысле безопасности для заходящих в нее кораблей не имеет себе равной во всем Адриатическом море. У туземцев река называется Боденком. Все остальное, что рассказывают эллины о Паде, а именно историю Фаэтона и его падения, о слезах тополей и об одетых в черное тамошних жителях, которые, говорят, и теперь носят такое же платье в горе по Фаэтону, и все другие подобные рассказы, пригодные для трагедий, мы оставляем теперь в стороне, так как подробное изложение их не вполне соответствовало бы характеру введения...

Равнинами владели некогда тиррены, так же как и полями, называемыми Флегрейскими в окрестностях Капуи и Нолы, которые многим хорошо известны и пользуются славой за свое плодородие. Таким образом, при изучении истории тирренского владычества следует иметь в виду не только ту страну, которую они занимают теперь, но названные выше равнины и те богатые средства, какие пззлекали они из тех местностей. По соседству с тирренами и в сношениях с ними были кельты. С завистью взирая на блага этой страны, они по незначительному поводу внезапно напали на тирренов с огромным войском, вытеснили их из области Пад и завладели равнинами. Ближайшие у истоков Пад местности заняли лаи и лебени; за ними поселились инсомбры, многолюднейший из кельтских народов; вдоль реки к ним примыкали гономаны. Страна, прилегающими к Адриатике, завладело другое очень древнее племя, называемое венетами. В смысле нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, по языку говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес. По сю сторону Пад, подле Апеннин, первыми поселились анапы, за ними – бои, дальше, в направлении Адриатики, – лингоны, а крайние области у моря заняли сеноны.

Таковы были важнейшие народы, завладевшие названными раньше странами: селились они неукрепленными деревнями и не имели никакого хозяйства, так как возлежали на соломе, а питались мясом. Кроме войны и земледелия, не имели никакого другого занятия, вообще образ жизни вели простой: всякие другие знания и искусства были им неизвестны. Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко брать с собой при всяких обстоятельствах и помещать их всюду по

своему желанию. Величайшую заботу проявляли кельты к образованию дружин, так как могущественнейшим и грознейшим среди них считался тот, кто имел наибольшее число слуг и дружинников.

(Страбон, «География», V, 1, 1-3)

На склоне Альп начинается нынешняя Италия. Древние называли Италией Ойнотрию, от Сицилийского пролива до заливов Тарантского и Посейдониатского; впоследствии на-звание Италии сделалось преобладающим и распространилось на всю страну до подошвы Альп. Оно охватило даже часть Лигистики от пределов Тирренских до реки Вара и до тамошнего моря, а также от Истрии до Пола. Вероятно, народ, называвшийся первый италийцами, передал свое имя соседям; впоследствии оно получило дальнейшее распространение до времели владычества римлян. Еще позже, когда римляне даровали италийцам право гражданства, они соблаговолили почтить тем же и галатов по сю сторону Альп и венетоз и назвали всех одинаково италийцами и римлянами; они основали там много колоний, одни – раньше, другие – позже; нелегко указать поселения лучше этих.

Охватить всю Италию в одной геометрической фигуре не легко, хотя некоторые утверждают, что она образует тре-угольный мыс, простирающийся к югу и зимнему востоку, вершина которого – у Сицилийского пролива, а основание – Альпы. Можно согласиться с этим относительно основания и одной стороны, той именно, которая оканчивается у пролива и омывается Тирренским морем. Но собственно треугольником называется прямолинейная фигура; между тем здесь и основание и боковые стороны изогнуты, так что, хотя и следует, как я полагаю, несколько согласиться с этим сравнением, по тем не менее основание и одну боковую сторону должно относить к криволинейной фигуре. Необходимо допустить кривизну стороны, идущей к востоку. Во всем прочем писатели выражаются неточно, проводя одну сторону от угла Адриатического моря до Сицилийского пролива. Стороной мы называем линию без углов, а без углов линия бывает тогда, когда части ее или совершенно не наклонены одна к другой, или, если и наклонены, то очень мало. Между тем линия от Аримина до мыса Япигии и другая – от пролива до того же самого мыса – значительно наклонены одна к другой. В таком же самом отношении, я полагаю, находятся линии, из которых одна идет от угла Адриатического моря, а другая – от Япигии, потому что, сходясь у Аримина и Равенны, они образуют угол, а если не угол, то во всяком случае значительный изгиб. Если так, то берег от угла Адриатического моря до Япигии, составляя одну сторону, не образует прямой линии; остальная часть берега отсюда до Япигии образует другую линию, но также не прямую. Следовательно, фигуру полуострова скорее можно назвать четырехсторонней, чем трехсторонней, но ни в каком случае треугольником, разве по злоупотреблению термином. Гораздо лучше согласиться с тем, что изображение неправильной фигуры не допускает точного очерка.

Об отдельных частях полуострова можно сказать следующее. Основание Альп изогнуто и похоже на залив, обращенный к Италии; середина залива – у салассов, а око-нечности загибаются с одной стороны к горе Окре и углу Адриатики, а с другой – к берегу Лигистики до Генуи, торгового города лигиев, где с Альпами соприкасаются Апеннины. Непосредственно перед Альпами простирается значительная равнина, имеющая почти одинаковую ширину и длину, именно две тысячи сто стадий; южная сторона ее замыкается частью морским берегом венетов и частью Апеннинскими горами, простирающимися до Аримина и Анкона. Апеннинские горы, начинаясь от Лигистики, тянутся до Тиррены, отрезая узкую береговую полосу; затем, отступая постепенно в середину страны, они, достигши Писатиды, поворачивают к востоку и Адриатике до окрестностей Аримина и Анкона, где по прямой линии соединяются с морским берегом венетов. В этих пределах заключена Кельтика по сю сторону Альп, и длина берега вместе с горами доходит почти до шести тысяч трехсот стадий, а ширина немного меньше двух тысяч.

Остальная Италия узка и длинна, с двумя оконечностями, из которых одна обращена к Сицилийскому проливу, а другая – к Япигии. Она сужена с двух сторон: с одной – Адриатическим морем, а с другой – Тирренским. По форме и величине Адриатическое море похоже на Италию, которая отрезана Апеннинскими горами и морями с обеих сторон, простираясь до Япигии и перешейка между Таранским и Посейдониатским заливами. Наибольшая ширина обоих – около тысячи трехсот стадий, а длина – немного менее шести тысяч. Остальную часть Италии населяют бреттии и левкаины. По словам Полибия, сухой путь по морскому берегу от Япигии до пролива имеет три тысячи стадий; омывается он Сицилийским морем. Морской путь имеет меньше пятисот стадий. Апеннинские горы касаются окрестностей Аримина и Анкона, где, определивши ширину Италии от одного моря до другого, делают поворот и прорезают в длину всю Италию. В направлении к певкетиям и левканам они недалеко удаляются от Адриатического моря, а у левканов отклоняются больше к противоположному морю и, перешедши через середину земли левканов и бреттиев, оканчиваются у так называемой Левкапеты Регинской. Это общий очерк всей нынешней Италии...

(Страбон, «География» V, 2, 1-2)

Второй частью Италии мы назовем Лигистику, лежащую в самых Апеннинских горах, между... Кельгикой и Тирренией. Она вовсе не заслуживает описания, разве следует заметить, что живут здесь

деревнями, пашут и копают неровную землю, или, точнее, разбивают камни, как замечает Посейдонпий. Третьей частью владеют примыкающие к ним тиррены, занимающие равнины до реки Тибра и омываемые с восточной стороны главным образом этой рекой, а с противоположной стороны – Тирренским и Сардинским морями. Тибр вытекает из Апеннинских гор и наполняется водами многих рек; он протекает частью через самую Тиррению, затем отделяет от нее, во-первых, Омбрику, во-вторых, сабинов и латинов, живущих подле Рима до берега. В ширину народы эти живут вдоль реки и тирренов, а в длину – один подле другого. Все три народа простираются от моря до Апеннинских гор, близко подходящих к Адрии: прежде всего – омбрики, за ними – сабины и, наконец, латины. Следовательно, область латинов лежит между морским берегом от Остии до города Синоессы и Сабиной...: в длину она тянется до Кампании и Самнитских гор. Область сабинов лежит между латинами и омбриками, простираясь до Самнитских гор или, скорее, касаясь Апеннинских гор у вестингов, пелигнов и марсов. Омбрики живут посредине между Сабиной и Тирренией, переходя через горы и простираясь до Аримина и Равенны. Тиррены начинаются у их моря и реки Тибра и кончаются у подошвы самых гор, охватывающих Тиррению от Лигистики до Адрии. Начиная с Тиррении, мы рассмотрим каждую часть в отдельности.

Тиррены называются у римлян этрусками и тусками, а эллины называли их так от Тиррена, сына Атия, который, как говорят, послал туда некогда колонистов из Лидии. Выну-ждаемый голодом и бесплодием, Атий, один из потомков Геракла и Омфалы, отец двух сыновей, удержал при себе одного из них по жребию, Лида, а другого, Тиррена, с большей частью народа выселил из родины. Тиррен назвал страну, в которую прибыл, от своего имени Тирренией и основал в ней двенадцать городов. Строителем их он назначил Таркона, по имени которого город был назван Таркинией. Так как Таркон с детства отличался большим умом, то и сочинили басню, будто он родился седым. В то время тиррены, подчиненные одному правителю, были очень сильны; но впоследствии союз общин, кажется, рушился, власть разделилась между городами, и народ попал под власть соседей; иначе они не покинули бы богатой страны и не обратились бы к морскому разбою на различных морях; будучи соединены вместе, они были бы достаточно сильны не только для отражения нападений, но и для наступательных действий и для отдаленных походов.

После основания Рима является из Коринфа Демарат с народом; принятый тирренами, он приживает с туземкой сына Лукомона; сделавшись другом римского царя, Анка Марция, он сделался царем и переименовался в Луция Тарквиния Приска. И он, и прежде отец украсили Тиррению: один – вывезши с собой из родины много художников, а другой – имея богатства из Рима. Говорят, что обстановка триумфа, одеяния консулов и вообще всех должностных лиц перенесены в Рим от тирренов; равным образом пучки розог, топоры, трубы, жертвенные обряды, искусство гадания, общественная музыка, насколько ею пользуются римляне. Сын этого Тарквиния и был Тарквиний Второй Гордый, последний римский царь, изгнанный из Рима. Порсена, царь клусинов, жителей тирренского города, пытался было силой возратить ему престол, но, будучи не в состоянии сделать это, прекратил борьбу и возвратился домой другом римлян с почестями и большими подарками.

Сабины занимают узкую страну, имеющую в длину тысячу стадий, от Тибра и городка Номенты до вестингов. Города у них небольшие и запустевшие от беспрестанных войн: Амн-терны, Реата близ деревни Интерокреи... Сабинам принадлежат также Форулы, скалы, годные больше для восстаний, чем для жительства. Кирий теперь – деревенька, а некогда был значительным городом, откуда родом были римские цари: Тит Таций и Нума Помпилий; поэтому же народные ораторы называют римлян «киритами» («квиритами»). Требула, Ерет и другие подобные населенные пункты – скорее селения, чем города.

Вся земля сабинов производит в изобилии маслину, виноград и множество желудей; она удобна также для всевозможного скота, по особенной славе пользуется известная порода реатинских мулов. Говоря вообще, вся Италия – прекрасная кормилица животных и плодов; только в различных частях ее преобладают различные породы. Сабинцы – древнейшее и туземное племя. От них пошли пикентины и самниты; от этих последних – левканы, а от левканов – бреттии. Древность их может считаться свидетельством их мужества и других достоинств, благодаря которым они сохранились до настоящего времени. Историк Фабий говорит, что римляне впервые узнали богатство только тогда, когда сделались господами над этим народом. Через их землю проведена небольшая Салариева дорога, с которой соединяется Номентанская у Ерета, сабинского селения, расположенного над Тибром. Дорога эта начинается у Коллинских ворот.

(Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I, 26, 30)

...Одни считают тирренцев исконными жителями Италии, другие считают их пришельцами. Про их название те, кто считает их туземным народом, говорят, что оно им дано от того вида укреплений, которые они первые из живущих в той стране стали у себя воздвигать: у тирренцев, как и у эллинов, окруженные стенами и хорошо прикрытые строения – башни – называются тирсами или тиррами; одни полагают, что их название дано им из-за того, что у них имеются такие постройки, подобно тому, как и мосинойки, живущие в Азии, названы так из-за того, что живут за высокими деревянными частоколами, словно в башнях, которые у них называются мосинами.

Другие, которые считают их переселенцами, говорят, что вождем переселенцев был Тиррен и что от него получили свое название и тирренцы. А сам он был по происхождению лидиец из земли, ранее называвшейся Меонией... У Атиса... родились два сына: Лид и Тиррен. Из них Лид, оставшийся на родине, унаследовал власть отца, и по его имени и земля стала называться Лидией; Тиррен же, став во главе уехавших для поселения, основал большую колонию в Италии и всем участникам предприятия присвоил название, происходящее от его имени.

Гелланик Лесбосский¹ говорит, что тирренцев раньше называли пеласгами²; когда же они поселились в Италии, то приняли название, которое имели в его время... Пеласги были изгнаны эллинами, они оставили свои корабли у реки Спинеты в Ионическом заливе, захватили город Кротон³ на перешейке и, двинувшись оттуда, основали город, называемый теперь Тирсенией...

Мне же кажется, что ошибаются все, считающие тирренцев и пеласгов за один народ; что они могли заимствовать друг у друга название, не вызывает удивления, так как нечто подобное происходило и у некоторых других народов, как эллинских, так и варварских, как, например, у троянцев⁴ и фригийцев⁵, живших поблизости друг от друга (ведь у многих народов происхождение считается общим, и такие народы отличаются между собой только по названию, а не по своей природе). Не меньше чем в других местах, где происходило смешение названий у народов, такое же явление наблюдалось и среди народов Италии. Было же такое время, когда эллины называли латинов, умбров и авзонов⁶ и многие другие народы тирренцами. Ведь продолжительное соседство народов делает затруднительным для отдаленных жителей их точное различение. Многие историки предполагали, что и город Рим – тирренский город. Я соглашаюсь с тем, что у народов происходит перемена названия, а потом перемена в образе жизни, но я не признаю, чтобы два народа могли обмениваться своим происхождением; я опираюсь в данном случае на: то, что они при этом отличаются друг от друга во многих отношениях, особенно же речью, причем ни одна не сохраняет в себе никакого сходства с другой. «Ведь кротонцы, – как говорит Геродот⁷, – не говорят на одном языке ни с кем из живущих по соседству с ними, ни плакийцы не имеют общего с ними языка. Ясно, что они принесли с собой особенности языка, переселяясь в эту страну, и оберегают свой язык». Разве покажется кому-нибудь удивительным, что кротонцы говорят на том же диалекте, как и плакийцы, живущие в Геллеспонте, раз те и другие первоначально были пеласгами, и что язык кротонцев не похож на язык тирренцев, живущих с ними в близком соседстве...

Опираясь на такое доказательство, я и думаю, что тирренцы и пеласги разные народы. Не думаю я также, что тирренцы выходцы из Лидии⁸, ведь говорят они не на одинаковом языке, и даже нельзя про них сказать, что если они говорят и не на одинаковом языке, то все же сохраняют некоторые обороты речи родной земли. Они и сами полагают, что и боги у лидийцев не такие же, как у них, и законы, и образ жизни совсем неодинаковые, но во всем этом они больше отличаются от лидийцев, чем даже от пеласгов. Ближе к истине находятся те, кто утверждает, что это ни откуда не прибывший, но туземного происхождения народ, поскольку к тому же обнаруживается, что это очень древний народ, не имеющий ни общего языка, ни образа жизни с каким-либо другим племенем. Эллинам же ничто не мешает обозначать его таким названием как бы из-за постройки башен для жилья, или как бы по имени их родоначальника. Римляне же обозначают их другими названиями, а именно: по имени Этрурии⁹, земли, в которой проживают, они и самих людей называют этрусками. А за их опыт в исполнении священ-нослужений в храмах, которым они отличаются от всех других народов, римляне называют их теперь менее понятным названием тусков, раньше же называли, уточняя это название по греческому его значению, тиосками (от греческого глагола – приношу жертву), сами же они себя называют точно так же (как и в других случаях) по имени одного из своих вождей расеннами...

Фила¹⁰ же пеласгов, которая не погибла, рассеялась по другим колониям и в небольшом числе из прежнего большого своего состава, смешавшись в политическом отношении с аборигенами, оставалась в тех местах, где со временем их потомки вместе с другими основали город Рим...

¹ Гелланик Лесбосский – греческий автор, так называемый «логограф», жил в V в. до н. э., писал о ранних эпохах происхождения народов; в сочинениях его много мифического.

² Пеласги – догреческие обитатели Греции, которые, по традиции, переселились в Среднюю Италию и заняли Этрурию и Лациум.

³ Кротон – греческая колония на юге Италии.

⁴ Троянцы – жители города Трои, находившегося в северо-западной части Малой Азии.

⁵ Фригийцы – жители Фригии, страны, расположенной в западной части Малоазиатского полуострова.

⁶ Латины, умбры и авзоны – племена, населявшие области Средней Италии.

⁷ Геродот – первый крупный греческий историк, жил в V в. до н. э. Получил название «отца истории» (Цицерон).

⁸ Лидия – страна в Малой Азии.

⁹ Этрурия – область, расположенная на западном побережье Италии, ограничена Апеннинскими горами и рекой Тибром.

¹⁰ Фила – название племени у греков, подразделялась на фратрии и роды.

Легенда об основании Рима (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I, 72-73)

Дошедшие до нас биографические данные о Дионисии Галикарнасском крайне скудны. Известно лишь, что он приехал в Рим в последний период гражданских войн и прожил там свыше 20 лет.

Сочинение, явившееся плодом всей его жизни, носит название «Римская древняя история» в 20 книгах. Она охватывает события с самых древнейших периодов существования Италии до начала пунических войн. От труда Дионисия сохранились лишь первые 9 книг, а остальные дошли до нас в отрывках. Дионисий старается доказать единое происхождение греков и римлян, чтобы, как он говорил, «таким образом сделать для греков более сносным их подчинение римлянам». Большое значение он придает управлению богов судьбами народов. Дионисий нередко переносит политическую атмосферу современной ему эпохи на ранний период истории Рима, поэтому данные его нужно воспринимать критически.

Ввиду того, что существует много разногласий как по вопросу о времени основания (города Рима), так и о личности его основателя, я и сам думал, что совсем не нужно, чтобы, как это всеми признано, основатели его явились под видом враждебного нашествия. Очень древний историк Кефал Гергитий¹ говорит, что город был основан вторым поколением после Троянской войны², людьми, спасшимися из Илиона вместе с Энеем³, основателем же города называет предводителя колонии, Рома, который был одним из сыновей Энея. Он говорит, что у Энея родились четыре сына: Лежаний, Еврилеонт, Ромул и Рем. То же время и тот же основатель города указываются и Дематором, и Агатилом, и некоторыми другими...

Хотя я мог бы указать еще много других греческих писателей, которые по-разному говорят об основателях города Рима, я, чтобы не показаться многословным, обращусь к римским историкам. Древних историков или логографов⁴ у римлян нет ни одного. Каждый (кто об этом писал) заимствовал что-нибудь из сказаний, сохранившихся от древности в священных таблицах. Некоторые из таких историков передают, что основатели города Ромул и Рем были сыновьями Энея, другие - что они были сыновьями дочери Энея, а от какого отца, не указывают. Они будто бы были даны Энеем в заложники царю аборигенов Латину, когда заключался договор дружбы между местными жителями и пришельцами. Латин приветливо их встретил и окружил всякими заботами, и так как он не имел потомства мужского пола, он сделал их после своей смерти наследниками части своего царства. Другие говорят, что после смерти Энея Асканий унаследовал все царство Латина и разделил его со своими братьями Ромулом и Ремом на три части. Сам он основал Альбу⁵ и некоторые другие города, Рем же дал названия Капуе по имени прародителя Каписа, Анхизе по имени деда Анхиза, Энейе, позднее названной Яникулом, по имени отца Энея; по своему же имени назвал город Рим. После того как некоторое время Рим оставался незаселенным, туда пришли еще другие колонисты, посланные из Альбы под предводительством Ромула и Рема, и захватили прежде основанный город. Первый раз этот город был основан вскоре после Троянской войны, а во второй раз на 15 поколений позже. Если же кто-нибудь захочет заглянуть глубже в прошлое, то обнаружится, что существовал еще третий Рим, раньше двух последующих, основанный до прибытия Энея и троянцев в Италию. И написано это не у какого-нибудь случайного историка, или из новых, а у Антиоха Сиракузского, о котором я упоминал и раньше. Он пишет, что когда в Италии царствовал Моргет (а Италией называлась тогда приморская земля от Тарента до Посейдонии), пришел к нему беглец из Рима. Именно он говорит: «Когда Итал состарился, воцарился Моргет; к нему пришел какой-то человек, беглец из Рима, по имени Сикел». Согласно этому Сиракузскому историку, обнаруживается, следовательно, какой-то древний Рим, существовавший еще раньше троянских времен. Однако находился ли он на том самом месте, на котором стоит великий город в настоящее время, или существовало какое-либо другое место с таким же названием, это он оставляет невыясненным, и я сам не могу этого разрешить.

¹ Кефал Терентий – кроме сообщения Дионисия, никаких больше сведений о нем не имеется.

² Троянская война – война, которую вели ахейские войска против Трои (Илиона) – города, находившегося в северо-западной части Малой Азии. Лишь после долгой осады Троя была захвачена. Эти события имели место в конце XII в. до н. э.

³ Эней – легендарный царь дарданов, одного из племен Малой Азии, по преданию, после разрушения города Трои бежал в Италию и стал «родоначальником» римского народа.

⁴ Логографами называли в Греции авторов первых прозаических произведений (VI-V вв. до н. э.).

⁵ Альба – один из древнейших городов Средней Италии.

Легенда об основании Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», I, 3-7)

Тит Ливий – римский историк времен становления империи. Родился он в 59 г. до н. э. в итальянском городе Патавии (современная Падуа), умер в 17 г. н. э. Тит Ливий является автором монументального труда в 142 книгах, который называется «Римская история от основания города». Из этих книг дошло до нас лишь 35: с первой по десятую и с двадцать первой по сорок пятую. Содержание остальных книг известно по кратким аннотациям, так называемым эпиномам, составленным в IV в. н. э. Труд Тита Ливия оказал значительное влияние на всю последующую римскую историографию и имел много подражателей.

По своим политическим взглядам Тит Ливий в значительной мере являлся идеологом господствующих политических сил времен принципата. Лозунг *Pax Romana*, официально провозглашенный Августом, получил в его «Римской истории» широкое отражение. На все сочинение Тита Ливия наложила отпечаток тенденция, с которой оно было написано: в предисловии говорится, что целью труда является описание тех качеств и достоинств римского народа, которые помогли ему достичь такой силы и могущества. Благодаря этой «романоцентристской» позиции из поля зрения автора выпадает большое количество событий, имевших важное значение в истории Средиземноморья.

Сын Энея Асканий не достиг еще того возраста, чтобы вступить во власть, но эта власть благополучно сохранилась за ним до периода его возмужалости; в течение такого продолжительного времени латинское

государство, царство его деда и отца, уцелело у мальчика благодаря женской охране – такой способной женщиной была мать Аскания Лавиния. Этот-то Асканий вследствие избытка населения в городе Лавинии, названном так его отцом в честь жены, предоставил своей матери цветущий по тогдашнему времени и богатый город, а сам основал у подошвы Албанской горы новый, который назвал Длинной (Лонга) Альбой, так как он по своему положению растянулся по горному хребту. Между основанием Лавинии и колонии Альбы Лонги прошло почти тридцать лет, когда могущество государства возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время правления женщины, ни даже в первые годы царствования юноши ни вождь этрусков Мезенций, ни другие соседи не рискнули поднять оружия. По мирному договору границей между этрусками и латинянами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром.

Затем царствовал сын Аскания Сильвий, названный так потому, что родился в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у этого – Латин Сильвий. Он основал несколько колоний. По его имени получили свое название древние латиняне. Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. Далее, после ряда других царей, правил Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий. Старинное царство Сильвиев завещано было Нумитору, как старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата – Рею Сильвию – он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом почести весталкой.

Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением предопределению судьбы. Когда весталка родила близнецов, она объявила отцом этого неизвестного потомства бога войны Марса или потому, что верила в это, или потому, что считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была ввергнута в тюрьму, а детей приказано было выбросить в реку. Но случайно, или по воле богов, Тибр выступил из берегов и образовал спокойно стоящую воду, так что нигде нельзя было подойти к настоящему руслу его; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут даже и в такой воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они выбросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница (говорят, что она называлась Ромуловой). В тех местах была тогда обширная пустыня. Существует предание, что когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, волчица, шедшая из окрестных гор напиться, направилась на плач детей; она с такой кротостью стала кормить их грудью, что главный царский пастух, по имени Фаустул, нашел ее лижущей детей. Он принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции. Так родились они и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стада, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но нападали и на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное ими среди пастухов и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом и шутками.

Уже в то время существовало празднество Луперкалий. Оно состояло в том, что нагие юноши состязались в беге, сопровождая шутками и весельем поклонение богу Пану. Этот праздник стал известным; и вот, когда Ромул и Рем предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбилсся, а Рем был захвачен и вдобавок представлен царю Амулию как обвиняемый. Главная их вина состояла в том, что они нападали на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняли оттуда скот, точно неприятели. Вследствие этого Рем был передан Нумитору на казнь. Уже с самого начала Фаустул подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он нашел их; но, не уверившись окончательно, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше. И вот, под влиянием страха он открывает все Ромулу. Случайно и у Нумитора, когда он содержал под стражею Рема и прослышал про братьев-близнецов, мелькнула мысль о внуках при сопоставлении их возраста и характера пленника, вовсе не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же результату и почти признал Рема. Таким образом царю со всех сторон куются козни. Ромул, не считая себя сильным для действия открытого, не нападает на царя с шайкой юношей, а приказывает каждому пастуху прибыть своей дорогой в определенное время к дворцу. Со стороны жилища Нумитора является на площадь Рем, приготовивший другой отряд.

Так они убивают царя. Нумитор в начале суматохи, заявляя, что неприятели вторглись в город и напали на дворец, отозвал албанскую молодежь для защиты крепости; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, он тотчас созывает собрание, выставляет на вид преступление брата против него, указывает на происхождение, рождение и воспитание внуков, говорит, как были узнаны, как непосредственно затем был убит тиран, и объявляет, что он виновник этого. Юноши, выступив затем на середину собрания, приветствовали деда царем, а последовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское имя и власть. Предоставив таким образом Албанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были найдены и воспитаны. К тому же албанского и латинского населения был избыток; к ним присоединились пастухи, все это подавало надежду на то, что и Альба и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который они собирались основать. Но к этим расчетам примешалось вредное влияние дедовского зла – страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании первенства по рождению, то Ромул

избирает Палатинский, а Рем - Авентивский холм для гадания, чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя городу и кому управлять им.

Рассказывают, что знамение – 6 коршунов - явилось ранее Рему, и оно уже было возведено, когда Ромулу явилось их двойное число, и вот того и другого толпа приверженцев приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на преимуществе времени, другие - на числе птиц. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к драке, во время которой в свалке был убит Рем.

Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через стены нового города; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: «Так будет со всяким, кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а город был назван именем основателя.

Деятельность первых римских царей (Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», II-VIII)

Древнеримские цари – легендарные и полуполулегендарные правители Древнего Рима в так называемый царский период, т.е. до основания Республики. Римские первоисточники упоминают семерых царей: Ромул (753-716 гг. до н. э.), Нума Помпилий (715-674 гг. до н. э.), Тулл Гостилий (673-642 гг. до н. э.), Анк Марций (642-617 гг. до н. э.), Луций Тарквиний Приск (616-579 гг. до н. э.), Сервий Туллий (578-535 гг. до н. э.), Луций Тарквиний Гордый (535-509 гг. до н. э.).

Представлена характеристика их деятельности (в том числе в сфере внешней политики), сделанная римским историком Аврелием Виктором.

II

Ромул – первый римский царь

Ромул устроил свободное убежище для пришельцев и набрал большое войско; когда он увидел, что среди них нет женатых, он через послов просил у соседей невест. (2) Так как ему в этом было отказано, он для вида устроил празднество в честь бога Кокса¹; когда на праздник пришло много народа того и другого пола, он дал своим людям знак, и девушки были похищены. Когда, вызывая всеобщее удивление, уводили одну из них и притом прекраснейшую, на вопросы, куда се ведут, отвечали «к Талассию»². (3) Так как браки с ними оказались благополучными, было установлено, чтобы на всех свадьбах призывался бог Талассий. Когда римляне похитили силой женщин у соседей, первыми начали с ними воевать ценинцы³. (4) Против них выступил Ромул и одержал победу над ними в единоборстве с их вождем Акроном. (5) Он посвятил [в честь этой победы] богатую добычу Юпитеру Феретрию на Капитолии. [В ответ на] похищение девушек взяли за оружие против римлян также [антемнаты, крустуминцы, фиденаты, вейенты]⁴ и сабиняне. (6) Когда они приближались к Риму, они повстречали девушку Тарпейю, которая спускалась по Капитолию за водой для священнодействия; Тит Таций предложил ей выбрать подарок за то, что она проведет его войско на Капитолий. Она попросила дать ей то, что они (сабиняне) носили на левых руках, именно – кольца и браслеты. Когда ей это было коварно обещано, она провела сабинян в крепость; там Таций велел задавить ее щитами, потому что и их они носили на левых руках. (7) Ромул выступил против Тация, который занимал Тарпейскую скалу⁵, и завязал с ним сражение на том месте, где теперь находится римский Форум. Там пал, ожесточенно сражаясь, Гост Гостилий⁶. Пораженные его гибелью, римляне обратились в бегство. (8) Тогда Ромул дал обет посвятить храм Юпитеру Статору⁷, и войско его то ли случайно, то ли по воле богов, остановилось [прекратив бегство]. (9) Тогда похищенные женщины бросились между воюющими и стали умолять с одной стороны – отцов, с другой – мужей прекратить бой; так они установили мир. (10) Ромул заключил с ними договор: принял сабинян в свой город и дал своему народу название квириды по имени сабинского города Куры⁸. (11) Ста сенаторам за их заботы о городе он дал имя отцов и учредил три центурии всадников, из которых одних назвал по своему имени рамнами, других по имени Тита Тация – тациями, а третьих по имени Лукумона⁹ – луцерами. (12) Народ он разделил на тридцать курий и дал им имена похищенных [девушек]. (13) Когда он делал смотр войску у Козьего болота¹⁰, он исчез и больше не появлялся; поэтому между отцами и народом произошло столкновение. Тогда знатный муж Юлий Прокул выступил на собрании и клятвенно подтвердил, что видел Ромула на Квиринальском холме¹¹, когда он, преображенный, возносился к богам и дал завет, чтобы римляне воздерживались от столкновений и воспитывали в себе доблесть, ибо в будущем они станут господами всех народов. (14) Его авторитету было оказано доверие. На Квиринальском холме был воздвигнут храм Ромулу, самого его стали почитать как бога и называли Квирином¹².

III

Нума Помпилий, второй римский царь

После обожествления Ромула, во время продолжительного междуцарствия, когда уже начинались смуты, из сабинского города Кур был призван Нума Помпилий¹³; он явился в Рим согласно указаниям птицегадания и, чтобы при помощи религии смягчить грубость народа, учредил много священнодействий. Он воздвиг храм Весты, избрал дев-весталок; назначил трех фламиннов¹⁴, диева, марсова и квиринова, 12 жрецов Марса – салиев, главный из которых называется пресул; избрал великого понтифика, построил ворота двуликого Яна. (2) Он разделил год на 12 месяцев, добавив январь и февраль; издал много полезных законов. Он притворно заявлял,

что все, что им сделано, он совершил по указанию своей жены, нимфы Эгерии. Благодаря его справедливости никто не начинал против него войны. (3) Он умер от болезни и был похоронен на Яникуле, где спустя много лет, в земле был найден неким Теренцием ларец со свитками; так как в них были записаны какие-то лишь незначительные основы священнодействий, они по решению отцов (сенаторов) были сожжены.

IV

Тулл Гостилий – третий римский царь

Тулл Гостилий был избран царем¹⁵ за то, что оказал хорошую услугу в борьбе с сабинянами. Он объявил войну альбанцам, которая закончилась поединком трех братьев с той и другой стороны. (2) Он разрушил Альбу за вероломство их вождя Меция Фуфедия и приказал альбанцам переселиться в Рим. (3) Он построил Курию Гостилию, присоединил к городу Целийский холм. (4) Подражая Нуме Помпилию в его священнодействиях, он, однако, не мог принести искупительной жертвы Юпитеру Элицию¹⁶, потому что был убит молнией и сгорел вместе со своим дворцом. (5) Когда между римлянами и альбанцами началась война, вожди их, Гостилий и Фуфедий, условились разрешить спор сражением немногих. (6) Среди римлян были три брата-близнеца Горации, у альбанцев — три брата Куриации. Когда все с этим согласились и борцы сошлись в бою, сейчас же двое Горациев были убиты, а все три Куриация ранены. (7) Один Гораций, хотя и невредимый, будучи неравен по силе троим, сделал вид, что отступает, и убил [одного за другим] всех трех противников, преследовавших его, [находясь] на расстоянии друг от друга, [в зависимости от того, насколько] им позволяли [приблизиться к врагу] страдания от ран. (8) Когда он, нагруженный снятыми с врагов доспехами, возвращался к своим, навстречу ему вышла сестра; увидев плащ одного из Куриациев, который был ее женихом, она заплакала. Брат же [, возмущившись ее слезами,] ее убил. (9) Осужденный за это дуумвирами¹⁷, он обратился к народу; будучи прощен благодаря слезным мольбам отца, он для очищения был проведен им под бревном; и теперь еще бревно, преграждающее дорогу, называется сестриным. (10) Когда вождь альбанцев Меций Фуфедий увидел, что стал ненавистен своим согражданам потому, что закончил войну поединком трех братьев, то, чтобы поправить свое положение, он возбудил против римлян вейентов и фиденатов. (11) Самого его Тулл призвал себе на помощь; он поставил свое войско на холме и выжидал, на чьей стороне будет счастье. (12) Когда Тулл понял, в чем дело, он громко крикнул, что Меций поступает так по его приказанию. Враги этого испугались и были побеждены. (13) На следующий день, когда Меций пришел к Туллу с поздравлением, по приказанию того он был привязан к двум колесницам и разорван на части, когда они рванулись в разные стороны.

V

Анк Марций – четвертый римский царь

Анк Марций, внук Нумы Помпилия от его дочери, справедливостью и благочестием был похож на деда; он покорил войной латинян¹⁸. (2) Он присоединил к городу холмы, Авентинский и Яникул, и обвел город новыми стенами. Он предоставил лес для постройки кораблей и установил налог на соляные копи. (3) Он первый построил тюрьму и вывел в устье Тибра колонию Остию, удобную для морских сношений. Он перенял у эквикулов нормы международного права, которыми пользуются послы, когда требуют удовлетворения; говорят, что первым изобрел это право Рез¹⁹. (4) Закончив эти дела в течение нескольких дней, он скоропостижно умер и не смог оправдать всех возлагавшихся на него надежд.

VI

Люций Тарквиний Старший – пятый римский царь

Люций Тарквиний Старший (Приск) был сыном того коринфянина Демарата²⁰, который бежал от тирании Кипсела²¹ и переселился в Этрурию. (2) Сам он, по прозвищу Лукумон из города Тарквиний²², направился в Рим. (3) Когда он приближался [к городу], орел приподнял его шапку и, взлетев с нею высь, потом снова опустил ее ему на голову. (4) Супруга его Танаквиль, опытная в птицегаданиях, поняла, что этим ему предвещается царская власть. (5) Тарквиний деньгами и своим усердием добился достойного положения и даже вошел в близкую дружбу с царем Анком, который и назначил его опекуном своих детей; таким образом он перехватил его царскую власть, но представил дело так, будто он с полным правом был им усыновлен. (6) Он отобрал в курию сто патрициев, которые были названы отцами младших родов. (7) Число центурий всадников он удвоил, но изменить их названия не мог, испугавшись авторитета авгура Аттия Навия, который подкрепил [силу] своего искусства кинжалом и оселком. Латинян он усмирил [, пойдя на них] войной. (8) Построил большой цирк, учредил большие игры. Справил триумф над сабинянами и древними латинами. Окружил город каменной стеной. (9) Сына своего 13-ти лет за то, что тот убил в бою врага, он одарил претекстой²³ и буллой; отсюда пошел обычай эти предметы считать признаками свободнорожденных мальчиков. Впоследствии он был лишен царской власти детьми Анка и убит²⁴ подосланными к нему убийцами.

VII

Сервий Туллий – шестой римский царь

Сервий Туллий, сын Туллия из Корникул²⁵ и пленницы Окрезии, воспитывался в доме Приска; однажды вокруг его головы показалось какое-то сияние наподобие огня. (2) Увидев это, Танаквиль догадалась, что это предсказывает ему высокое достоинство. (3) Она посоветовала мужу воспитать Сервия наравне со своими сыновьями. (4) Когда он вырос, то был принят Тарквинием в зятя, и когда царь был убит, Танаквиль обратилась к народу, поднявшись на возвышение, и сказала, что Приск, пораженный тяжелой, но не смертельной раной, просит, чтобы народ, пока он поправится, во всем подчинялся Сервию Туллию. (5) Сервий

Туллий начал править как бы на положении прекария²⁶, но хорошо управлял государством²⁷. (6) Он часто побеждал этрусков, присоединил к городу холмы Квиринальский, Витинальский и Эсквилий; провел ров и вал. (7) Он разделил народ на четыре трибы и после этого стал раздавать хлебный паек плебсу. (8) Он учредил меры веса, классы и центурии. (9) Он убедил латинские племена, чтобы они по примеру построивших в Эфесе храм Дианы²⁸ и сами построили храм Дианы на Авентине. (10) Когда это было исполнено, [в хозяйстве] одного латинянина родилась корова удивительной величины, и ему же во сне было откровение, что тот народ будет обладать высшей властью, представитель которого заколет эту корову в жертву Диане. (11) Этот латинянин привел свою корову на Авентин и рассказал об этом случае римскому жрецу. (12) Тот – хитрец – сказал ему, что прежде всего он (т.е. латинянин) должен обмыть свои руки в проточной воде. (13) Пока латинянин спускался к Тибру, жрец заколот корову. (14) Так он приобрел этим ловко задуманным поступком для своих граждан власть, а для себя – славу.

(15) У Сервия Туллия одна дочь была жестокого, а другая кроткого нрава; когда он увидел, что сыновья Тарквиния по своему нраву такие же, он для смягчения суровости одних противоположными характерами других выдал жестокою свою дочь за кроткого, а кроткую — за жестокого сына Тарквиния. (16) Но кроткие дети, случайно или от преступления, но только скоро погибли, а сходство характеров сблизило жестоких. (17) Сейчас же Тарквиний Гордый, побуждаемый Туллеей, обратившись к сенату, стал требовать отцовской царской власти. (18) Услышав об этом, Сервий поторопился в сенат, но по приказанию Тарквиния был сброшен со ступеней [лестницы] и во время бегства к дому убит. (19) Туллия тогда поспешила на Форум и первая приветствовала своего мужа как царя. Когда он повелел ей удалиться из толпы, она, возвращаясь домой, приказала вознице, хотевшему объехать тело Сервия, проехать прямо по трупу. Поэтому эта дорога получила название Проклятой. Впоследствии Туллия с мужем была сослана в изгнание.

VIII

Тарквиний Гордый – седьмой римский царь

Тарквиний Гордый заслужил свое прозвище своим нравом. (2) После убийства Сервия Туллия он преступно захватил власть²⁹. Но энергично воюя, он усмирил латинян и сабинян, отнял у вольсков Суэссу Помецию³⁰, подчинил своей власти Габии при участии сына Секста, притворившегося беглецом, и первым учредил Латинские празднества. (3) Он построил торговые помещения в здании цирка и большой водосток; для этих работ он использовал силы всего народа, почему эти каналы и получили название Квирических. (4) Когда начались работы на Капитолии, он нашел человеческий череп, из чего сделали заключение, что этот город (т.е. Рим) будет главою городов. (5) Когда же во время осады Ардеи сын его совершил насилие над Лукрецией, он вместе с ним был изгнан из Рима и прибег к защите царя Этрурии Порсенны³¹, при поддержке которого пытался вернуть себе царство. (6) Потерпев неудачу, он обосновался в Кумах, где провел остаток своих дней в полном бесславии.

¹ Кокс – древнее наименование бога морей Нептуна.

² Один из участников похищения.

³ Ценина – город в Лации к северо-востоку от Рима.

⁴ Антемна – сабинский город у впадения Аниена в Тибр; Кростумерия – сабинский город к северу от Рима, на левом берегу Тибра; Фидены – сабинский город в Лации, к северу от Рима, на левом берегу Тибра; Вейи – город в Этрурии.

⁵ Тарпейская скала расположена в юго-западной части Капитолия; с нее сбрасывали преступников.

⁶ Командующий римлян.

⁷ Stator – «остановитель». Первый храм Юпитеру Статору был возведен в 294 г. до н.э., когда консул Марк Атилий Регул в битве с самнитами при Луцерии повторил обет Ромула.

⁸ Куры – древняя столица сабинян, к северо-востоку от Рима.

⁹ Первое имя Луция Тарквиния Древнего, царя Рима.

¹⁰ Озерцо или болото на Марсовом поле.

¹¹ Квиринал – один из семи холмов Рима. Расположен в северной части города и заселен сабинянами.

¹² Квирич был богом сабинов, пришедший в Рим. Почитался в триаде богов Юпитер-Марс-Квирич. В 293 г. до н.э. в его честь был возведен храм. Впоследствии под именем Квирина почитался вошедший в число богов Ромул.

¹³ Традиционные даты правления Нумы – 715-672 гг. до н.э.

¹⁴ Фламин – жрец какого-либо божества.

¹⁵ Тулл Гостилий правил, по преданию, в 672-640 гг. до н.э.

¹⁶ Эпитет Элиций (от лат. *elicare* – «вызывать с помощью магических действий, заклинать») отражает почитание Юпитера как бога грома, молнии и дождя.

¹⁷ Коллегия из двух судей, которые судили за уголовные преступления.

¹⁸ Анк Марций правил, по преданию, в 640-616 гг. до н.э.

¹⁹ Царь эквов. Эквы – италийское племя, размещалось по соседству с Лацием.

²⁰ Демарат – отпрыск царского рода, бежавший со своими людьми в Этрурию после свержения коринфских царей (655 г. до н.э.).

²¹ Кипсел – коринфский тиран (род. ок. 600 г. до н.э.).

²² Тарквинии, город в южной Этрурии, к северо-западу от Рима.

²³ Претекста – туника или рубашка, обшитая пурпурной каймой.

²⁴ Тарквиний Древний правил, по преданию, в 616-578 гг. до н.э.

²⁵ Корникул – город в Лации, разрушен Тарквинием Древним.

²⁶ Прекарий – лицо, получившее по своей просьбе какое-либо имущество во временное пользование.

²⁷ Сервий Туллий правил, согласно преданию, в 578-534 гг. до н.э.

²⁸ Диана – древнеиталийское божество женственности и плодородия, покровительница рожениц, божество света и жизни. Отождествлялась с греческой Артемидой, чей храм в Эфесе, городе на западном побережье Малой Азии, был построен в 600 г. до н.э.

²⁹ Традиционные даты правления Тарквиния Гордого – 534-510 гг. до н.э.

³⁰ Вольски – италийское племя, обитавшее юго-восточнее Рима, на прибрежной равнине Лация и в Кампании. Свесса Помеция – город вольсков в Лации.

³¹ Порсенна был царем Клузия, одного из самых крупных городов Этрурии.

Взаимоотношения римлян с этрусками Битва при Кремере. Гибель рода Фабиев (Тит Ливий, «Римская история от основания города», II, 48-50)

Битва при Кремере состоялась в 477 г. до н. э. Ее результатом явилось поражение римского отряда, состоявшего из представителей рода Фабиев.

Когда вейентинцы частыми набегами стали тревожить римские границы, а римляне были отвлечены борьбой с эквами и вольсками, Фабии заявили в сенате, что берут на себя ведение войны с вейями. Очевидно, около вейентинской границы лежали земля этого рода, и Фабии, более всех страдавшие от набегов вейентинцев, решили на свой страх вести войну с ними. На берегах ручья Кремеры они устроили укрепленное убежище, откуда беспокоили этрусков, однако, последние завлекли их в засаду, и Фабии все до последнего, в числе трехсот шести, были истреблены.

...Между тем вейенты нанесли поражение вследствие неосторожности другого консула, и, не явись вовремя на помощь Цезон Фабий, войско погибло бы. С этого времени не было ни мира, ни войны с вейентами; дело стало похоже на разбой: перед римскими легионами они отступали в города; но, как только узнавали об их удалении, делали набеги на поля, превращая войну в мир, а мир в войну. Таким образом, было нельзя ни бросить, ни закончить этой борьбы. Между тем предстояли и другие войны или теперь же, как, например, со стороны эквов и вольсков, которые оставались спокойными лишь до тех пор, пока давала себя чувствовать свежая боль от последнего поражения, или же в ближайшем будущем, потому что было очевидно, что сабиняне готовятся к войне и вся Этрурия настроена враждебно. Но вейенты были врагами не столько страшными, сколько постоянными, и чаще тревожили обидами, чем действительными опасностями; таким образом они все время не позволяли забыть о них и заняться чем-нибудь другим.

Тогда в сенат пришли всем родом Фабии. За всех речь держал консул: «Как вам известно, отцы сенаторы, вейентская война нуждается не столько в большом, сколько в постоянном войске. Вы заботьтесь о других войнах, а Фабиям дайте врагов вейентов. Ручаемся вам, что величие римского имени не подвергнется там опасности. Мы имеем в виду вести эту войну, принадлежащую нашему роду, частными средствами; государство будет свободно от направления туда воинов и отпуска денег». За это им была выражена глубокая признательность. Вышедши из курии, консул вернулся домой в сопровождении толпы Фабиев, стоявшей в ожидании сенатского постановления в преддверии курии. Им было приказано на следующий день явиться с оружием к дому консула; затем они разошлись по домам.

Молва об этом распространяется по всему городу; Фабиев превозносят до небес; один род принимает на себя бремя государства; вейентская война перешла на попечение частных лиц, ведется частным оружием. Если найдется в городе два столь сильных рода, если один возьмет себе вольсков, другой – эквов, то все окружающие народы могут быть покорены, тогда как римский народ будет жить в мире.

На следующий день Фабии вооружаются; сходятся в назначенное место. Консул в военном плаще выходя видит перед домом весь род Фабиев построившимся в ряды. Вступив в середину, он приказывает нести знамена. Никогда еще по городу не двигалось войско столь малочисленное, но в то же время столь славное и возбуждающее большее удивление: 306 воинов, все патриции, все одного рода, из которых никого даже деятельный сенат не отверг бы в любое время в роли вождя, шли, грозя силами одного рода погубить вейентский народ. За ними следовала целая толпа; тут были и свои родичи и друзья, которые мечтали не о чем-нибудь обыкновенном, будет ли то надежда или страх, но непременно о великом, – и чужие, привлеченные заботами о государстве, недоумевающие, как выразить свое расположение и удивление. Желают им мужества и счастья в походе, желают принести назад результат, соответствующий замыслу; после того обещают консульства и триумфы, всякие награды и почести.

Когда они проходили мимо Капитолия и кремля и других храмов, то сопровождавшие молились богам, которых видели и которых мысленно представляли себе, чтобы они даровали этому отряду благополучный поход и вернули их в скором времени здоровыми к родителям на родину. Но молитвы были напрасны! Отправившись по «Несчастной» улице, через правую арку Карментальских ворот, они дошли до реки Кремеры. Это место было признано удобным для сооружения укрепленного лагеря.

Затем консулами стали Луций Эмилий и Гай Сервилий. И пока дело ограничивалось только опустошениями, то Фабиев было достаточно не только для защиты и укрепления, но на всем пространстве, где этрусские земли прилегают к римским, двигаясь по тем и другим границам, они защищали свое и подвергали опасности вражеское. Затем последовал небольшой перерыв в опустошениях; тем временем вейенты, призвав войска из Этрурии, приступили к атаке укрепления на Кремере и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, вступили в бой с этрусками; впрочем, вейенты едва имели время построить войско. В начале лихорадочной поспешности, пока под знаменами размещаются ряды войска и подкрепляющие, внезапно налетевшая сбоку ала римских всадников не дала возможности не только начать бой, но и устоять на месте.

Отброшенные таким образом к «Красным скалам», где у них был лагерь, они умоляют о мире; но, по врожденному легкомыслию, еще до отвода римлян с Кремеры, стали жалеть, что заключили его.

Опять у вейентского народа началась борьба с Фабиями. Хотя приготовлений к большой войне не было сделано, дело не ограничивалось уже набегами на поля или внезапными нападениями, но несколько раз сражались в открытом поле, со знаменами с обеих сторон, причем один род римского народа часто одерживал верх над могущественнейшим по тому времени государством этрусков. Это сперва огорчало и возмущало вейентов, затем сообразно с обстоятельствами возник план поймать жестокого врага в засаду; поэтому им было даже приятно видеть, что от больших успехов у Фабиев увеличивается смелость. Ввиду этого неоднократно гнали стада навстречу грабителям, точно они попадались случайно. Бежавшие сельские жители оставляли свои поля пустыми, вооруженные же отряды, которые высылались, чтобы помешать опустошениям, обращались в бегство, чаще притворно, чем от настоящего испуга.

И Фабии уже с презрением смотрели на врага, думая, что их непобедимого оружия не сможет сдержать никакое место и никакое время. Эта надежда увлекла их так далеко, что они погнались за скотом, который увидели далеко от Кремеры, за большим полем, хотя тут и там были заметны вооруженные враги. И когда, не замечая того, они, проскакав мимо засад, расположенных на самом пути, и рассыпавшись, ловили разбежавшийся от страха по обыкновению скот, внезапно противники поднимаются из засад и везде показываются перед ними. Сперва их испугал крик, послышавшийся со всех сторон, а затем отовсюду посыпались стрелы. По мере того как этруски сходились, Фабии оказались окружаемы непрерывной цепью вооруженных, и чем более наступал враг, тем больше они были вынуждены сбиваться в тесный круг; это сделало заметной малочисленность их и многочисленность этрусков, так как вследствие тесноты места число рядов воинов последних увеличилось. Прекратив бой, который велся равномерно на все стороны, они отступают в одно место; напирая туда телами и оружием, построившись клином, они проложили себе дорогу, Дорога шла на полого возвышавшийся холм. Здесь только они остановились; затем, получив возможность на возвышенном месте перевести дух, они оправились от страха и даже отбросили наступавших. Пользуясь удобством места, они победили бы, если бы посланные в обход вейенты не взобрались на вершину холма.

Это дало опять перевес врагу. Фабии были перебиты все до одного, и их укрепление захвачено. Согласно засвидетельствовано, что все 306 погибли, и остался один только близкий к совершеннолетию наследник рода Фабиев...

Войны римлян с галлами

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», V, 36-39, 47)

Тит Ливий о столкновениях римлян с галлами в конце V в. до н. э.

...Когда послы галльские изложили свои требования в том виде, как им было приказано, то сенат, хотя и не одобрял поступка Фабиев и находил требования варваров справедливыми, тем не менее, уступая чувству пристрастия к людям столь знатной фамилии, отказался осудить их согласно своему внутреннему убеждению. Поэтому-то, чтобы не навлечь исключительно на себя одних обвинение за могущее произойти от войны с галлами несчастье, они передают рассмотрение требований галлов на решение народа; тут чувство приязни к лицам и их могущественное влияние оказались настолько сильнее чувства законности, что люди, о каре которых шла речь, избираются еще на предстоящий год в военные трибуны с консульскою властью. Совершенно справедливо возмущенные таким оборотом дела, галлы открыто и громко стали грозить войною и с такими угрозами удалились обратно к своим. Вместе с тремя Фабиями в военные трибуны выбраны были Кв. Сульпиций Лонг, Кв. Сервилий в четвертый раз и П. Корнелий Малугинский.

Несмотря на близость такой грозной опасности (до того судьба ослепляет умы там, где она хочет показать свою роковую силу), те же самые граждане, которые в войнах с такими врагами, как фиденаты и вейенты и другие соседние народы, прибегали к крайним средствам, назначая неоднократно по требованию обстоятельств диктатора, эти самые граждане теперь, когда шел войною невиданный и неслыханный враг от самого океана и крайних пределов мира, совершенно не позаботились ни о чрезвычайном начальнике, ни о чрезвычайном наборе. Во главе государства стояли те самые трибуны, по безрассудству которых завязана была война, и они-то теперь производили набор ничуть не с большею тщательностью, чем это обыкновенно делалось при обыкновенных войнах, даже еще умаляя толки об опасностях настоящей войны. Между тем галлы, когда узнали, что нарушителям святости общечеловеческих прав оказана вдобавок еще и высшая почесть, когда услышали еще и о насмешках над их послами, пылая гневом, которого этот народ не умеет сдерживать, тотчас же поднимают знамена и скорым маршем выступают в путь. Так как пораженное их шумным и стремительным движением население городов в страхе бросалось к оружию, а жители деревень разбежались, то галлы громким криком давали знать, что они идут на Рим, и занимали при этом на протяжении всего своего пути людьми и лошадьми огромное пространство, рассыпав войско вдоль и вширь. Но, хотя и молва, и гонцы от клузийцев, а вслед за ними по порядку и эт других народов предшествовали появлению врагов, все же быстрота движения

их навела на Рим панику, потому что, несмотря на поспешную отправку словно по тревоге набранного войска, встреча успела произойти у одиннадцатого камня, в том месте, где Алия, сбегающая очень глубоким руслом с Крустуминских гор, впадает немного ниже дороги в реку Тибр. Уже все в пути, и в окрестностях полно было неприятелями, и народ, по свойству своей природы вообще находивший удовольствие во всякого рода пустом шуме, со страшным воем оглашал все местности диким завыванием и разнообразными криками.

Здесь-то военные трибуны без заранее выбранного для лагеря места, без заранее возведенных окопов, необходимых на случай отступления, забыв даже о помощи богов, а не то что людей, не совершив ни ауспичий, не испросив добрых предзнаменований по жертвенным животным, выстраивают войско в боевую линию, растянув ее на фланги из предосторожности, чтобы не быть окруженными многочисленным неприятелем; но все-таки они не могли уравнивать своего фронта с фронтом неприятелей, а между тем, растянув боевую линию, они сделали центр ее слабым и едва сомкнутым. Справа у них было небольшое возвышенное место, которое и решили все занять резервами; и эта мера хотя и была причиной начала смятения и бегства, но в то же время послужила и единственным спасением для убежавших. Ибо Бренн, галльский князь, ввиду малочисленности неприятелей боясь исключительно хитрости и на этом основании соображая, что возвышенное место и занято собственно с тою целью, чтобы, при первом прямо-фронтном столкновении галлов с боевым строем легионов, резервы ударили им в тыл и во фланги, идет в атаку на резервный отряд, не сомневаясь в том, что, стоит ему сбить этот отряд с позиции, и победу легко будет одержать на равнине поля при столь превосходной численности своего войска; вот до какой степени на стороне варваров было не только счастье, но и искусство. В рядах противника, наоборот, ни у полководцев, ни у воинов не делалось ничего, напоминавшего римлян. Бегство смутило их умы и до того лишило их памяти, что больше воинов побежало, не глядя на Тибр, в Вейи, в город неприятелей, чем прямою дорогою в Рим, к женам и детям. Некоторое время резервный отряд держался под прикрытием позиции; что же касается остального войска, то там люди, лишь только ближайшие слышали крик сбоку, а стоявшие на конце – с тылу, как бросились бежать раньше почти, чем увидели в лицо незнакомого врага, не только не пытались сразиться, но даже не ответив на крик и не только не получив ни одной раны, но даже не испытав столкновения с врагом; и кровопролития никакого в бою не было; пострадали только спины тех, которые, обгоняя друг друга, среди беспорядочной толпы мешали бегству. Кругом по берегу Тибра, куда, бросив оружие, устремилось вниз все левое крыло, легла масса людей, а многих, не умевших плавать или ослабевших под тяжестью панцирей и прочего вооружения, поглотили пучины. Значительнейшей, однако, части войска удалось невредимо добраться до Вей, не только не пославших римлянам никакого подкрепления, но даже не отправивших в Рим гонца с вестью о поражении. С правого крыла, стоявшего далеко от реки и ближе к подошве горы, все устремились в Рим и сбежались в кремль, забыв даже запереть за собою городские ворота.

Галлы в свою очередь, словно оцепенелые, держались неподвижно при виде такого чуда, при виде столь неожиданной победы, и тоже в страхе стояли первое время, как вкопанные, словно не в состоянии были дать себе отчета в том, что случилось; потом стали опасаться засады; наконец уже принялись снимать доспехи с убитых и сваливать, по обычаю своему, оружие в кучи; только тогда, когда уже нигде не видно было ничего, напоминавшего о присутствии врагов, они двинулись в путь и незадолго до захода солнца подступили к самому городу Риму. Здесь, когда авангард из всадников донес, что ворота не заперты, что караула пред воротами нет, что вооруженных людей не видно на стенах, их опять заставило остановиться это другое удивительное явление, совершенно сходное с первым; опасаясь ночного времени и незнакомые с местоположением города, они расположились между Римом и Анием, послав разведчиков осмотреть кругом стены и прочие ворота и разузнать, какие именно меры принимает неприятель в своем столь отчаянном положении. Так как римское войско большею частью устремилось не в Рим, а в Вейи и так как все были уверены, что уцелели только те, которые прибежали в Рим, то почти весь город огласился рыданиями от оплакивания всех римлян без разбора, как живых, так и мертвых. Только потом уже, когда пришла весть о появлении врагов, страх за государство подавил проявления печали у отдельных лиц; через минуту стали доноситься до слуха вой и нестройные песни варваров, толпой бродивших вокруг стен. Под этим впечатлением римляне все время до следующего утра находились в состоянии крайнего напряжения, ожидая каждую минуту нападения на город... Так, хотя при столь незначительной рати, оставшейся в городе, не было никакой надежды на возможность защиты его, тем не менее решили молодежи, способной носить оружие, и сенаторам, бывшим еще в силах, удалиться с женами и детьми в кремль и Капитолий и, запасшись оружием и хлебом, защищать с этого укрепленного места богов и людей и римское имя... Галлы, потому ли, что заметны были человеческие следы в том месте, где прошел гонец из Вей, или просто сами додумались обратить внимание на скалу с плоским подъемом у храма Карменты, только в довольно светлую ночь, послав сперва вперед безоружного испытать дорогу, опираясь попеременно на оружие, которое передавали друг другу всякий раз в том месте, где встречалось какое-нибудь затруднение, и, то поддерживая друг друга под плечи, то втаскивая один другого, смотря по требованию местности, так тихо вскарабкались на самый верх, что не только не были замечены стражей, но не разбудили даже собак, столь чутких ко всякому ночному шороху. Но не ускользнули они от гусей, которых, как посвященных Юноне, несмотря на крайнюю нужду в пище, римляне все-таки сохранили. Это-то обстоятельство и послужило к спасению города; разбуженный их криком и шумными взмахами крыльев, М. Манлий, тот самый, который три года тому назад был консулом, человек, отличившийся в боях, схватившись за оружие и призывая при этом и

прочих к оружию, идет вперед и, пока все другие в смятении, ударом щита сваливает с крутизны галла, успевшего уже подняться на самый верх; и в то время, когда падение катившегося вниз галла валило ближайших, беспощадно колот других, которые в смятении, бросив оружие, держались руками за камни, крепко повисши на них. Уже и другие дротиками п градом камней стали сваливать вниз врагов, и покотившись лавиною, целый отряд свалился в пропасть...

Полибий о войнах римлян с галлами (Полибий, «Всеобщая история», II, 18-20)

Полибий о столкновениях римлян с галлами в конце V в. до н. э.

Первоначально кельты не только утвердили за собою эту область, но подчинили себе и многие соседние народы, наводя на них ужас своей отвагой. Некоторое время спустя кельты разбили римлян и союзников их в сражении, преследовали бегущих и через три дня после битвы овладели самим Римом, за исключением Капиюлия. Однако, будучи вызваны домой вторжением венетов в их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили города и вернулись на родину. После этого они вовлечены были в домашние войны; кроме того, на них нередко нападали соединенными силами некоторые альпийские народы, наблюдавшие благосостояние их вблизи. Тем временем римляне достигли прежнего могущества и снова стали во главе латинов. На тридцатом году по взятии города кельты снова с большим войском явились к Альбе. Так как неожиданным вторжением римляне захвачены были врасплох и не успели собрать силы союзников, то и не отважились выступить против врага с войсками. Но когда потом, двенадцать лет спустя, кельты с большим войском вторглись вторично, римляне, будучи заранее уведомлены о том и собравши союзников, мужественно пошли навстречу врагу с намерением дать решительную битву. Устрашенные наступлением римлян и раздражаемые междоусобными распрями, галаты с наступлением ночи отступили назад в свою страну подобно убегающему войску. После этого в течение тринадцати лет страх удерживал кельтов в покое, а потом, видя усиление римского могущества, они заключили с римлянами мирный договор.

Договор этот кельты соблюдали верно в продолжение тридцати лет, пока не двинулись на них трансальпины; тогда, опасаясь, как бы не началась трудная для них война, кельты подарками и напоминанием о родственных отношениях отвратили от себя нашествие трансальпинов, уже было покинувших свои земли, направили их на римлян и сами приняли участие в походе. В римские владения они вторглись через Тиррению с участием самих тирренов и, собравши огромную добычу, беспрепятственно отступили. Однако по возвращении на родину в среде кельтов возникли распри из-за награбленного добра, причем они потеряли и большую часть добычи, и много собственного войска. Так обыкновенно поступают галаты, когда возьмут добычу у соседей, главным образом, вследствие неумеренного пьянства и обжорства.

На четвертом году после этого самниты и галаты вошли в соглашение между собою и дали сражение римлянам в земле камертиев, причем многих из них убили в самой схватке. Между тем римляне, раздраженные понесенным поражением, через несколько дней выступили в поход со всеми легионами и сражались с теми же самыми неприятелями в области сентинов, большую часть их истребили, а остальных принудили разбежаться по своим землям. По прошествии новых десяти лет галаты явились с большим войском для осады города арретинов. Римляне поспешили на помощь, но в битве перед городом понесли поражение. Так как в этом сражении пал начальник Луций, то на его место римляне назначили Мания Курия. В землю галатов он отправил посольство для переговоров о пленных, но те предательски умертвили послов. Римляне в гневе тотчас вывели свои войска и при встрече с галатами, именуемыми сенонами, дали битву. В сражении римляне одержали победу, большую часть неприятелей перебили, остальных прогнали и вступили во владение всей страной. Сюда они послали первую галатскую колонию, которая называется Сеною по имени галатов, раньше занимавших это поселение. Мы только что упоминали о ней, сказавши, что Сена лежит на Адриатике па краю равнины, омываемой Падом.

При виде того, как выгнаны были сеноны, страхась за такую же участь своей земли, бои на зов тирренов высту шли со всем войском в поход. Собравшись подле озера, именуемого Оадмоном, они сразились с римлянами. В этом сражении большинство тирренов было убито, а из боев спаслись бегством лишь весьма немногие. Тем не менее в следующем же году галлы и тиррены соединились снова, вооружили молодежь, едва достигшую зрелого возраста, и дали битву римлянам. Разбитые в сражении наголову, они с трудом смиряли свою гордость, когда отправляли посольство к римлянам для переговоров о мире и заключали с ними договор. Случилось это года за три до появления Пирра в Италии и лет за пять до гибели галатов в Дельфах. Действительно, в это время судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой. Вышеупомянутые войны оказали римлянам двойную, весьма важную услугу. Так, свыкшись с неудачами, какие терпели от галатов, римляне не могли уже ни иметь в настоящем, ни ожидать в будущем чего-либо более ужасного, как испытанные ими положения. Поэтому против Пирра римляне выступили совершенными в военном деле бойцами. Потом, вовремя смиривши дерзость галатов, римляне прежде всего могли

беспрепятственно вести войну с Пирром за Италию, а затем бороться с карфагенянами за владычество над сицилийцами.

Самнитские войны (Аппиан, «Римская история», Из книги о войнах с самнитами)

Самнитские войны – серия вооруженных конфликтов между Римской республикой и самнитами. Укрепившись в Южном Лацин, римляне обращают на плодородную область Средней Италии, Кампанию. Стремясь увеличить территорию для предоставления новой земли колонистам римляне сталкиваются с самнитами. Их борьба за эту область стала причиной первых двух Самнитских войн. Устранение угрозы со стороны самнитов римлянам в Средней Италии становится главным итогом третьей Самнитской войны.

I. [Из сборника «О доблестях и пороках»]. 1¹. Консулы римлян Корнелий и Корвин², а также Деций³, плебей по происхождению, победив самнитов, оставили кампанцам военную охрану против набегов самнитов. Стражи же эти, общаясь с кампанцами, ведшими распущенную и богатую жизнь, нравственно испортились, сами будучи бедными и страшась долгов ростовщикам в Риме, стали завидовать тем, у кого было много всякого добра. В конце концов они составили заговор против своих хозяев, чтобы, убив каждый своего, захватить их имущество и принудить их жен к браку с ними. И, может быть, они совершили бы столь позорное дело, если бы Мамерк⁴, римский полководец, идя против самнитов, не узнал о замысле стражей и, скрыв, что он это знает, одних из них не обезоружил и отослал, как уже закончивших службу, а худшим из них не приказал под предлогом какой-то необходимости отправиться в Рим и вместе с ними послал трибуна, которому приказал незаметно следить за ними. И те и другие подозревали, что их намерения открыты, и около Таррацины отказались повиноваться трибуну и, освободив тех, кто занят был закованными на полях⁵, и вооружив их, как и чем могли, пошли на Рим, будучи в количестве около двадцати тысяч человек.

2. Когда они отстояли уже на один день пути от города, им навстречу вышел Валерий Корвин, и, став лагерем на Альбанских горах, выжидал спокойно дальнейших событий, обдумывая предстоящее дело и считая трудным сражаться с отчаявшимися людьми. Между тем обе стороны тайно сносились друг с другом, причем стражи жаловались и проливали слезы как это бывает среди домашних и друзей, и сознавались в том, что они погрешили, причиной же выставляли долги, которыми они были обременены в Риме. Корвин, узнав это и колеблясь посягнуть на убийство стольких сограждан, посоветовал сенату снять долги с этих людей; преувеличивая опасность войны с ними, он выражал сомнение, сможет ли он победить стольких людей, с отчаянием вступающих в сражение; ему внушали подозрения их сношения и встречи; он боялся, что и его собственное войско не будет ему во всем верным, так как его воины были их родственниками и не менее их жаловались на долги. Если же его постигнет неудача, то опасность, говорил он, будет еще большей; да и победа, если он победит, будет крайне печальна для государства, так как она будет одержана над столькими соотечественниками. Сенат, убежденный этими доводами, постановил сложение долгов для всех римлян, а для тех, которые тогда восстали, также и прощение. И вот они, сложив оружие, вернулись в Рим.

II. ⁶. Такую же доблесть проявил и консул Манлий Торкват⁷. Его отец был скуп и не обращал на него должного внимания. Он держал его в деревне, заставляя работать со слугами и с ними питаться. Когда по многим обвинениям народный трибун Помпоний⁸ подал на него жалобу в суд и собирался сказать нечто и о его недостойном обращении с сыном, этот Манлий, еще совсем юный, пришел, скрывая под платьем кинжал, в дом народного трибуна и попросил встретиться с ним наедине, будто бы желая сказать ему нечто важное для процесса. Принятый им, он начал говорить и запер двери, затем извлек кинжал и стал грозить народному трибуну, что убьет его, если тот не поклянется, что откажется от суда над отцом. Трибун поклялся и, изложив народу происшедшее, отказался от обвинения. Манлий же прославился таким поступком, восхваляемый за то, что он поступил таким образом по отношению к такому отцу.

III. Он же, насмехаясь над ним, вызывал его на единоборство. Тот некоторое время сдерживался, но затем, не имея сил переносить более его вызовов, поскакал к нему на коне⁹.

IV¹⁰. [Из сборника «О посольствах»]. 1. Самниты, вторгшись в область фрегелланов¹¹, разграбили ее, но римляне взяли восемьдесят одно поселение самнитов и давниев и, убив из них двадцать одну тысячу воинов, отбросили их от Фрегеллы¹². И вновь самниты стали отправлять послов в Рим; они несли с собой трупы тех людей, которых они, по их словам, казнили, как бывших виновниками этой войны, и деньги, полученные будто бы от продажи их имущества. Ввиду этого сенат, считая, что самниты совершенно пали духом, решил, что терпящие такие бедствия уступят и в вопросе о своем подчинении. Но самниты принимали остальные условия римлян, хотя на некоторые они возражали, относительно же других просили об уменьшении или о снисхождении, или же предлагали передать их на обсуждение своих общин, относительно же подчинения они опять-таки не хотели даже слушать и говорили, что они пришли не для того, чтобы отдавать свои города, но чтобы договориться о дружбе. И вот, выкупив за деньги пленных, они удалились в гнев, уже на опыте убедившись, что дело идет об окончательном подчинении.

2. И римляне постановили не допускать еще посольств от самнитов, но воевать с ними войной непримиримой и без объявления¹³, пока не подчинят их силой¹⁴; бог, однако, воздал римлянам за такие

надменные речи, и позже римляне были побеждены самнитами и проведены под ярмом¹⁵. Самниты, под начальством Понтия¹⁶, заперли их в очень узком месте, и, когда римляне были подавлены голодом, их военачальники¹⁷, отправив посольство, умоляли Понтия оказать римлянам такую милость, какую редко представляют счастливые обстоятельства. Но тот ответил, что не следует к нему больше отправлять послов, если они не выдадут оружия и себя самих. И был тогда плач, как будто при взятии города. Военачальники продержались еще несколько дней, опасаясь сделать что-либо недостойное своего города; но так как не находилось никакого средства для спасения, а голод их подавлял, между тем молодежи было здесь пятьдесят тысяч¹⁸, и полководцы, опасаясь увидеть их всех погибшими, предали себя Понтию и умоляли его, захочет ли он их всех убить или продать в рабство, или сохранить до выкупа, ни в коем случае не подвергать тела несчастных бесчестию.

3. Понтий стал совещаться с отцом, вызвав его из Кавдия¹⁹, причем ввиду старости отца доставили на повозке. И старец сказал: «Одно есть, сын мой, лекарство от великой вражды: чрезвычайность благодеяния или наказания. Действительно, наказания поражают ужасом, благодеяния же привлекают людей к оказывающим их. Знай, что эта победа, первая и величайшая, хранит в себе как некий клад будущее счастье, отпусти их всех невредимыми, не издеваясь над ними, не отнимая у них ничего, чтобы всецело оставалось за тобой величие благодеяния. Они, как я слышал, очень дорожат своей честью. Но побеждаемые одними только благодеяниями, они будут соревноваться с тобой в оказании такой же милости. Ты можешь сделать это благодеяние залогом вечного мира. Если же тебя это не убеждает, убей всех их без исключения, не оставив даже вестника о таком избиении. Первое я предлагаю, что выбрал бы я сам, второе же – в случае крайней необходимости. Ведь римляне, если подвергнутся какому-либо оскорблению, будут всячески мстить тебе; а если они соберутся мстить, нанеси им прежде удар. Но ты не найдешь для этого лучшего случая, как истребив сразу пятьдесят тысяч юношей»²⁰.

4. Так он сказал, сын же возразил ему: «Что ты, отец, предлагаешь вещи, друг другу совершенно противоположные, я не удивляюсь; ведь сначала ты сказал, что предложишь две крайности. Я не стану убивать столько мужей, боясь отмщения бога и стыдясь ненависти людей, и не отниму у обоих народов надежды на примирение друг с другом таким непоправимым злодеянием. Что же касается свободного отпуска их, даже мне самому не нравится, после того, как римляне причинили нам так много тяжелого и еще ныне владеют нашими землями и городами, отпустить этих захваченных нами совершенно невредимыми. Я этого не сделаю; ибо безрассудно неразумное человеколюбие. Посмотри же, оставив пока меня в стороне, и на мнение самнитов, дети которых, отцы и братья убиты римлянами и которые, лишенные имущества и денег, требуют удовлетворения; победивший по природе надменен, и все с жадностью смотрят на возможность получить выгоду. Кто, в самом деле, позволит мне не убить их, не продать, не наказать, но как благодетелей отпустить невредимыми; итак, ввиду этого оставим крайности, так как одна не в моей власти, другой же, крайне бесчеловечной, я сам не принимаю; а чтобы и с римлян сбить сколько-нибудь гордости и по отношению к другим избежать людских обвинений, я отниму у них оружие, которым они всегда пользовались против нас, равно и деньги (и их ведь они имеют от нас), заставлю их пройти невредимо под ярмом, чем, как неким актом позора, они и сами пользовались по отношению к другим, и установлю, чтобы был мир между нашими народами, а из всадников я отберу самых знатных заложниками соблюдения договора, пока весь народ не вынесет дополнительного постановления. Делая это, я думаю, что поступлю и как победитель, и как требует человеколюбие, и римляне, я думаю, будут удовлетворены, поскольку они и сами часто совершали это по отношению другим, постоянно говоря, что они могут соперничать в доблести с кем угодно».

5. Пока Понтий это говорил, старец заплакал и, сев на повозку, отправился в Кавдий. Понтий же, призвав послов, спросил, есть ли с ними кто-либо из поручителей за мир²¹. Но у них не было никого, как у выступивших на войну непримиримую и без объявления. Тогда он приказал, чтобы послы передали консулам и другим начальникам войска и всей массе воинов следующее: «Мы всегда с римлянами заключали договоры о дружбе, которые вы сами нарушали, вступая в союз с нашими врагами – сидицинами²². Затем опять, когда снова между нами была установлена дружба, вы стали воевать с неаполитами, нашими соседями. И для нас не было тайной, что это было для вас приготовлением к захвату власти над всей Италией. Достигнув многого в прежних сражениях вследствие неопытности²³ наших полководцев, вы не выказали себя ни в чем умеренными по отношению к нам, не удовлетворялись тем, что грабили страну, держали в своей власти чужие местности и города, посылали в них клерухов²⁴, но даже, когда мы дважды посылали к вам послов, многое при этом уступая, вы надменно навязывали нам еще что-либо другое, требуя, чтобы мы полностью отказались от своей власти и подчинились вам не как заключающие договор, но как взятые вами в плен. И сверх этого вы постановили вести с нами эту войну, непримиримую и без объявления, против людей, бывших некогда вашими друзьями, против потомков сабинян, живущих вместе с вами²⁵. Поэтому вследствие вашей жажды захватов не следует нам заключать с вами договора. Но я, уважая гнев богов, который вы презираете, и помня о родстве и бывшей некогда дружбе, даю каждому из вас возможность в одном одеянии невредимо пройти под ярмом, если вы поклянетесь отдать нам назад землю и все крепости, увести из городов ваших колонистов и никогда уже не воевать против самнитов».

6. Когда это было объявлено в лагере, то плач и стенание поднялись еще сильнее; ибо все считали, что хуже смерти этот позор прохождения под ярмом. Когда же они узнали и о всадниках²⁶, вновь еще сильнее

заплакали. Но вследствие недостатка продовольствия они приняли эти условия и принесли клятву; и сам Понтий, и римские консулы, которых было два – Постумий и Ветурий, а также два казначея²⁷, четыре таксиарха²⁸, двенадцать военных трибунов, – все, которые остались начальниками после погибших. Когда были принесены клятвы, Понтий, разрушив часть укрепления и положив на два копья, воткнутые в землю, третье копье, предложил каждому из римлян пройти под ним. Он дал им и несколько выюнных животных для больных и пищу, чтобы они могли дойти до Рима. Этот вид отпуска на волю, который здешние жители называют «пропустить под ярмом», имеет, мне кажется, то значение, чтобы опозорить подвергаемых подобному унижению как взятых в плен на войне.

7. Когда известие об этом несчастье пришло в город, поднялись рыдания и плач, как при всеобщей печали, причем женщины горько оплакивали позорно спасенных как умерших, сенат сложил с себя одежду с пурпурной каймой, торжества, браки и все другое тому подобное были запрещены на целый год, пока это бедствие не будет заглажено. Из выпущенных же одни бежали от стыда в поля, другие же ночью вошли в город; начальники же по необходимости вошли в город днем, и на них были возложены знаки их власти; но с тех пор они больше ничего не делали²⁹.

V. ³⁰ Вследствие восхищения его доблестью за Дентатом³¹ всюду следовал отряд отборных юношей в количестве восьмисот, готовых на все. И это было для сената большим затруднением при народных собраниях.

VI. ³² 1. Большое количество кельтов-сенонов³³ сражались в союзе с тирренами против римлян. Римляне отправили послов в города сенонов и жаловались, что, будучи связаны союзом, они служат как наемники против римлян. Но этих послов с жезлами глашатаев и священным одеянием Бритомарий³⁴ разрубил на многие куски и разбросал, обвиняя римлян в том, что его отец, когда он воевал в Тиррении³⁵, был убит римлянами. Консул Корнелий³⁶, узнав в пути об этом преступлении, оставив войну с тирренами и со всей стремительностью пройдя через области сабинян и пицентинов, напал на города сенонов, предал их все огню и мечу, их женщин и детей обращал в рабство, всех же взрослых избивал кроме Бритомария, которого, подвергнув жестокому мучению, он провел в своем триумфе.

2. Из сенонов же все те, которые были в Тиррении³⁷, услышав, что все сеноны истреблены, повели тирренов на Рим. Между тем произошло много событий: сеноны, не имея уже родных мест, куда бы они могли бежать, раздраженные всем происшедшим, напали на Домития³⁸ и погибли в большом количестве. Наконец же, они в безумии уничтожили сами себя. Таково было наказание, понесенное сенонами за противозаконие по отношению к послам.

VII. ³⁹ 1. Корнелий⁴⁰ на десяти палубных кораблях осматривал великую Элладу, когда бывший в это время в Таренте некий демагог Филохарид⁴¹, позорно проживший свою жизнь и за это именовавшийся Таидой⁴², напомнил тарентинцам старинный договор, чтобы римлянам не плавать дальше Лакинийского мыса⁴³, и, подстрекнув их, убедил напасть на Корнелия. И вот тарентинцы потопили четыре его корабля, а один захватили вместе с экипажем. Затем, обвиняя туриев, что они, будучи эллинами, прибегли к римлянам против них и что они являются более всего виноватыми в том, что римляне переступили свои границы, тарентинцы изгнали знатнейших из их жителей, город разграбили, а римский гарнизон отпустили, дав обещание неприкосновенности⁴⁴.

2. Узнав об этом, римляне отправили в Тарент послов, требуя, чтобы они вернули пленных, которых захватили не на войне, а когда они ехали для осмотра, и из туриев тех, которых они изгнали, возвратили в город, и то, что они у них разграбили, или цену того, что потеряно, возместили; им же самим выдали виновников этого противозакония, если они хотят быть друзьями римлян. С большим трудом и проволочками, они допустили послов на общее собрание, и, когда они выступили, стали издеваться, что они не всегда хорошо говорили по-гречески; смеялись они и над их одеждой и над пурпурной каймой. А некто Филонид⁴⁵, человек, ведущий себя по-шутовски и любитель поглумиться, подойдя к Постумию, главе посольства, повернулся задом и, наклонившись вперед и подняв свою одежду, снежевничал на одежду посла⁴⁶. И весь театр смеялся, как будто это было смешно. Постумий же, протянув запачканную одежду, сказал: «Большим количеством крови смоее это вы, радующиеся таким веселым зрелищам». И так как тарентинцы ничего не отвечали, послы удалились. А Постумий, не смыв бесчестия со своей одежды, показал ее римлянам.

3. Негодуя на это, народ приказал Эмилию⁴⁷, воевавшему с самнитами, оставить в настоящее время борьбу с самнитами, вторгнуться в область тарентинцев и пригласить их вступить в переговоры на тех же условиях, которые предлагали послы, если же они не послушаются, воевать с ними всеми силами. И действительно, он предложил это тарентинцам, и они уже не смеялись, видя войско, но разделились почти поровну во мнениях, пока кто-то не сказал им, затруднявшимся и продолжавшим рассуждать, что выдать кого-нибудь – это значит быть уже поработленным, воевать же одним – опасно. Если же мы захотим и полностью обладать свободой и воевать с равными силами, давайте призовем из Эпира царя Пирра и объявим его полководцем в этой войне. Так они и сделали⁴⁸.

VIII. [Из сборника «О доблестях и пороках»]⁴⁹. После кораблекрушения Пирр, царь Эпира, пристал к Таренту, и тарентинцы тогда особенно стали тяготиться приближенными царя, силой вселившимися к ним и открыто насиловавшими их жен и детей. Когда же Пирр прекратил их сисситии и другие сходки и увеселения, как неподобающие военному времени, и заставил их заниматься военными упражнениями, определив смерть тем, кто не будет этим заниматься, тогда, совсем подавленные непривычными трудами и приказами,

тарентинцы стали убегать из своего города, как из чужого, в поля. Но царь запер ворота и поставил стражу. Тогда тарентинцы совершенно ясно увидели свое неразумие.

IX. ⁵⁰ 1. Все те из римлян, которые находились в Регии для защиты и охраны города, чтобы он не потерпел чего-либо от врагов, и сами и Деций⁵¹, их начальник, позавидовав богатствам регинцев и подстергши их, когда они пировали и веселились на празднике, перебили их и сошлись с их женами против их воли. Поводом к противозаконию они выставляли то, что регинцы якобы хотели предать гарнизон Пирру. И Деций вместо начальника гарнизона стал тираном и заключил дружбу с мамертинцами, которые жили на Сицилийском проливе и которые незадолго перед тем совершили то же самое преступление по отношению к своим хозяевам.

2. Когда же Деций стал страдать глазами и не доверял врачам, бывшим в Регии, его стал лечить вызванный им из Мессены уроженец Регия, задолго до того переселившийся в Мессену, так что никто не знал, что он был регинцем. Этот врач⁵² убедил его, Деция, для быстреешего исцеления решиться вытерпеть горячие лекарства и, намазав его сжигающими и выедающими глаза мазями, велел ему терпеть боль, пока он не вернется, сам же тайно отплыл в Мессену. Деций, долгое время терпя боль, наконец, смыл мазь и нашел, что он потерял зрение.

3. Посланный римлянами для упорядочения тамошних дел, Фабриций отдал город оставшимся еще в живых регинцам, а из гарнизона виновников отпадения послал в Рим⁵³, где они были подвергнуты бичеванию посредине площади⁵⁴, головы у них были отрублены и тела выброшены непогребенными. Деций же, так как его, как слепого, стерегли без особого внимания⁵⁵, сам на себя наложил руки.

X. [Из сборника «О посольствах»]⁵⁶ 1. Победив римлян и нуждаясь в пополнении войска после ожесточенного сражения, а также надеясь, что римляне тогда скорее всего склонятся на переговоры, Пирр, царь Эпира, послал в Рим фессалийца Киней⁵⁷, славившегося своим красноречием настолько, что его сравнивали с Демосфеном. Войдя в помещение сената, Киней говорил много похвального о царе и, в частности, указал на его умеренность и после борьбы, так как он не двинулся тотчас же ни на Рим, ни на лагерь побежденных; он предлагал им от имени Пирра мир, дружбу и союз, если они включают в эти условия тарентинцев, остальных же эллинов, живущих в Италии, оставят свободными и автономными, луканам же, самнитам, давниям и бруттиям отдадут все то, чем они владеют от них, захватив на войне. Когда это совершится, говорил он, Пирр отдаст им пленников без выкупа.

2. Римляне долгое время были в раздумье, удивленные и славой Пирра и понесенным поражением, пока Аппий Клавдий, по прозвищу Цек⁵⁸, уже к этому времени ослепший, приказав своим сыновьям привести себя в помещение сената, не сказал: «Я печалился, что не вижу; ныне же печалюсь, что слышу. Никогда не желал я ни видеть, ни слышать подобных мнений от вас, которые из-за одной неудачи так внезапно забыли себя и того, кто причинил вам это бедствие, и его самого и призывавших его хотят сделать друзьями вместо врагов, а приобретения предков отдать луканам и бруттиям. Что это обозначает другое, как не то, что римляне становятся подданными македонян. И это некоторые осмеливаются называть миром вместо рабства?». Сказав многое другое, подобное этому, и возбудив их гнев, Аппий внес предложение, чтобы Пирр, если он нуждается в дружбе и союзе с римлянами, удалившись из Италии, прислал послов, пока же он находится здесь, не считать его ни другом, ни союзником, ни судьей, ни посредником для римлян.

3. И вот сенат ответил Кинею то же самое, что говорил Аппий. Набиравшие два новых легиона для Левина⁵⁹ объявили так: «если кто хочет заменить собой погибших, пусть записывается в войско». Киней, находившийся еще в Риме и видевший, как они, толкаясь, записывались в войско, сказал, как говорят, вернувшись к Пирру, что им приходится вести войну с гидрой⁶⁰. Другие же говорят, что не Киней, а сам Пирр сказал это слово, видя войско римлян, более многочисленное, чем прежде; дело в том, что и второй консул Корунканий⁶¹ прибыл к Левину из Тиррении⁶² со всеми силами. Говорят, также и другое сказал Киней о Риме на вопрос Пирра, а именно, что весь город состоит из полководцев, и когда Пирр удивился, то Киней, поправляя себя, сказал «скорее из царей, чем из полководцев»⁶³. Не встретив со стороны сената никакой склонности к миру, Пирр двинулся на Рим, опустошая все. На пути он успел дойти до города Анагнии, но так как его войско было уже отягощено добычей и большим количеством пленников, он, отложив битву, повернул в Кампанию, послав вперед слонов, и распределил войско на зимовку по городам.

4. Послы римлян просили его отпустить за выкуп римских пленников или взамен взять из тарентинцев и других его союзников тех, которые находятся в их руках. На это Пирр сказал, что, согласно тому, что раньше говорил Киней, если они заключат договор, он даром отпустит пленников, но воюющим не даст против себя таких воинов и в таком количестве. Принял же он их по-царски и, узнав, что глава посольства Фабриций имеет большое влияние в городе, но что он очень беден, он старался сойтись с ним, говоря, что, если он устроит ему мир с римлянами, он возьмет его с собой в Эпир в качестве своего помощника по командованию войском и соучастника всех своих богатств. Он убеждал его уже сейчас взять деньги под предлогом, что он даст их тем, которые будут устраивать мир. Фабриций, засмеявшись, ничего ему не ответил об общественных делах, но сказал: «моей откровенности не вынесет никто из твоих друзей, ни ты сам, о царь; мою же бедность я благословляю более, чем богатство тиранов, связанное со страхом» Другие же говорят, что он сказал не так, но что «как бы эпироты, усвоив мои нравы, не предпочли меня тебе».

5. Как бы он, однако, ни ответил, Пирр, удивляясь величию его духа, придумал другой путь для заключения мира и послал пленных на праздник Кронии⁶⁴ без охраны с тем условием, что, если город примет то, что предлагает Пирр, они остались бы дома и не считали бы себя пленными если же он этого не примет, чтобы они, отпраздновав) вернулись к нему. Им всем, хотя они усиленно умоляли и побуждали к заключению мира, сенат приказал, отпраздновав, вернуться к Пирру в назначенный день и положил смерть тем, которые задержатся после этого дня. Они же и это все точно исполнили, и Пирр решил, что ему во всяком случае придется опять воевать⁶⁵.

XI. ⁶⁶ 1. Пирра уже беспокоило положение дел с римлянами, смутили его и волнения у молоссов. Как раз в это время умер Агафокл, правитель Сицилии⁶⁷, дочь которого Ланассу⁶⁸ Пирр имел среди жен, и потому стал поглядывать вместо Италии на этот остров, который был для него более родным. Но он стыдился оставить призвавших его без какого-либо мира. Обрадовавшись поэтому предлогу, который представился ему благодаря возвращенному ему изменнику-перебежчику⁶⁹, засвидетельствовать консулам свою благодарность, он послал в Рим Кинея⁷⁰, чтобы тот подтвердил признательность царя за спасение и взамен этого отвел пленных без выкупа, а в то же время, всячески постарался заключить мир. Киней нес много подарков и мужчинам и женщинам, зная, что Рим любит деньги и любит подарки и что у римлян издревле женщины имеют большое значение.

2. Но относительно подарков они предостерегали друг друга, и говорят, что никто ничего не взял, ни мужчина, ни женщина. Ответили же они ему так же, как и прошлый раз: пусть Пирр, уйдя из Италии, присылает к ним послов без подарков; ибо они не откажутся ни от каких справедливых его требований. Послов же они и сами принимали великолепно и отослали взамен Пирру пленных из тарентинцев и других его союзников⁷¹. Пирр после этого отплыл в Сицилию⁷² со своими слонами и с восемью тысячами всадников, обещая своим союзникам, что из Сицилии он вернется в Италию. И он вернулся на третий год⁷³, так как карфагеняне изгнали его из Сицилии.

XII. [Из сборника «О доблестях и пороках»]⁷⁴. 1. После битвы и переговоров с римлянами Пирр переплыл в Сицилию, пообещав союзникам из Сицилии вернуться в Италию. И действительно, он вернулся на третий год, так как его изгнали оттуда карфагеняне, да и для сицилийцев он оказался тяжелым бременем благодаря постоям⁷⁵, хорегиям, поставленным им гарнизонам и наложенным им податям. Став богатым в результате этих поборов, Пирр отплыл в Регий на ста десяти палубных судах и на много большем числе грузовых и быстроходных; но карфагеняне, вступив с ним в морское сражение, потопили у него семьдесят кораблей, а остальные сделали неспособными к плаванию, исключая только двенадцать⁷⁶, с которыми Пирр бежал и наказал локров эпизефирских⁷⁷ за то, что они перебили его гарнизон и убили начальника его, чинивших по отношению к ним насилия⁷⁸. Жестоко и свирепо убивая и грабя их, Пирр не воздержался даже от грабежа посвященных Персефоне даров, с насмешкой сказав, что несвоевременное богопочитание – то же, что суеверный страх, а собрать богатство без труда – дело благоразумия.

2. Когда он с награбленным вышел в открытое море, его захватила буря и одни из его кораблей потопила и уничтожила со всеми бывшими на них людьми, другие же выбросила на землю. Все же священные предметы волны пригнали к гавани локров, так что Пирр, хотя и поздно, почувствовав свое нечестие, возвратил эти вещи в святилище Персефоны и умилял гнев богини многими жертвами. Но, когда жертвоприношения оказались неблагоприятными, он еще больше обезумел и перебил дававших ему советы относительно святотатства или соглашавшихся с ним, когда он об этом говорил, или прислуживавших ему в этом деле. Вот какое бедствие постигло Пирра.

¹ 343 г. до н.э.

² Авл Корнелий Косс Арвина и Марк Валерий Корв, консулы 343 г. до н.э.

³ Публий Деций Мус, *quinquevir mensarius* в 352 г. до н.э.

⁴ Видимо, по ошибке вместо «Марций» – Гай Марций Рутил, диктатор 356 г. до н.э. и четырежды консул, победитель этрусков при Приверне.

⁵ Т.е. рабов.

⁶ 340 г. до н.э.

⁷ В фастах фигурирует как диктатор 353 и 349 гг. до н.э. и три раза как консул – последний раз в 340 г. до н.э. Капитолийские фасты упоминают также о его третьей диктатуре под 320 г.

⁸ Марк Помпоний.

⁹ См. также у других древнеримских авторов.

¹⁰ 322 г.

¹¹ Т.е. окрестности городка Фрегеллы (на левом берегу реки Лириса, близ современного Чепрано).

¹² Ср. у других древнеримских авторов.

¹³ Через фециалов.

¹⁴ Ср. у других древнеримских авторов.

¹⁵ Речь идет о поражении римлян в Кавдинском ущелье в Самнии, близ современного Форкьи, в 321 г. до н.э.

¹⁶ Гай Понтий, сын Геренния Понтия.

¹⁷ Т.е. консулы.

¹⁸ 400 000.

¹⁹ Укрепленный пункт в западном Самнии, между Капуей и Беневентом, на месте современного Монтезаркьо.

²⁰ Ср. у других древнеримских авторов.

²¹ Т.е. фециалов.

²² Область сидицинов, части племени осков, была расположена между Латием и Кампанией.

²³ Рукописи: [rog]an – «недостатка».

²⁴ Т.е. колонистов.

²⁵ Ср. у других древнеримских авторов.

²⁶ Которые должны были быть оставлены как заложники.

²⁷ Т.е. квесторы.

²⁸ Таксиархами у Полибия и в другом месте у Аппиана называются центурионы, у Дионисия Галикарнасского, и Флавия Иосифа – военные трибуны, в данном случае подразумеваются, по-видимому, центурионы-примипилары, которых было как раз четыре по числу легионов двух консульских войск.

²⁹ Описание последовавших за этим событий см. у Тита Ливия.

³⁰ 290 г.

³¹ Маний Курий Дентат, победитель самнитов в 290 г. до н.э.

³² 283 г.

³³ Часть галльского племени сенонов, живших между Сеной и Луарой, переселившаяся в Италию в IV в. до н.э. и занявшая северо-восточное побережье Апеннинского полуострова, вплоть до Эсиса.

³⁴ Другое чтение: Britt\mariw; вождь кельтов-сенонов.

³⁵ Т.е. в Этрурии.

³⁶ Публий Корнелий Долабелла, консул 283 г. до н.э.

³⁷ Т.е. в Этрурии.

³⁸ Консул 283 г. вместе с Публием Корнелием Долабеллой.

³⁹ 282 г.

⁴⁰ См. также у других древнеримских авторов.

⁴¹ Этот вождь тарентинских демократов назван Энесием; во всяком случае именно Энесию Дионисий приписывает прозвище Таиды.

⁴² Имя знаменитой в древности гетеры.

⁴³ На восточном берегу Бруттия, в пятидесяти стадиях от Кротона.

⁴⁴ Ср. у других древнеримских авторов.

⁴⁵ Ср. у других древнеримских авторов.

⁴⁶ Ср. у других древнеримских авторов. Посольство Постумия относится к 281 г. до н.э.

⁴⁷ Луций Эмилий Барбула, консул 281 г. до н.э.

⁴⁸ Ср. у других древнеримских авторов.

⁴⁹ 281 г.

⁵⁰ 280 г.

⁵¹ Деций Юбеллий (как по Дионисию; в латинском начертании Вибеллий); по свидетельству Дионисия (XX, 4), кампанец по происхождению.

⁵² Дионисий Галикарнасский (XX, 5, 1) именует этого мессенского врача Дексикратом, сообщая в остальном рассказ, воспроизводимый Аппианом.

⁵³ Деций владел Регием до 270 г. до н.э.

⁵⁴ Т.е. на форуме.

⁵⁵ Разночтение: [rimelvw] – «очень строго».

⁵⁶ 280 г.

⁵⁷ Приближенный Пирра, блестящий оратор и дипломат.

⁵⁸ Перед тем, до его слепоты, называвшийся Crassus, цензор 312 г. до н.э., прославившийся своей строительной и реформаторской деятельностью, консул 307 г. до н.э., позднее (год в точности неизвестен) также диктатор.

⁵⁹ Публий Валерий Левин, консул 280 г. до н.э., под командой которого находились римские войска, посланные против Пирра.

⁶⁰ По преданию, убитое Гераклом чудовище, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастало две.

⁶¹ Тиберий Корунканий, консул 280 г. до н.э., вместе с упомянутым ранее Левином.

⁶² Т.е. из Этрурии.

⁶³ По Плутарху, характеристика эта относится к римскому сенату, тогда как Юстин и Евтропий, подобно Аппиану, распространяют ее на весь город.

⁶⁴ Римский праздник Сатурналий в декабре месяце.

⁶⁵ Ср. выше, 10, 3 и прим.

⁶⁶ 278 г.

⁶⁷ 279 г.

⁶⁸ Рукописи: Ланейя; она была выдана за Пирра Агафоклом в 295 г. до н.э.

⁶⁹ Ср. у других древнеримских авторов.

⁷⁰ Ср. выше, 10, 4 и прим.

⁷¹ Ср. выше, 10, 4 и прим.

⁷² Осенью 278 г. до н.э.

⁷³ Ср. также ниже, 12, 1. Пирр вернулся весной 275 г. до н.э.

⁷⁴ 276 г.

⁷⁵ Конъектура Schweighauser'a: jenag}aiw – «наборам солдат».

⁷⁶ Ср. У Плутарха.

⁷⁷ Т.е. западных.

⁷⁸ В некоторых рукописях глагол «насиловать» отнесен к жителям Локров. За то время, пока Пирра не было в Италии, некоторые города, в частности, Кротон и Локры, вновь были завоеваны римлянами.

Поражение римлян в Кавдинском ущелье (Тит Ливий, «Римская история от основания города», IX, 1-6)

Излагая историю Рима в эпоху Ранней республики, следует учитывать, что источники не всегда достоверно передают события, излагают их тенденциозно, преувеличивая силы Римского государства. С этой точки зрения очень характерно тенденциозное описание Титом Ливием событий в Кавдинском ущелье, когда римляне потерпели решительное поражение в борьбе с самнитами.

В 321 до н. э. в разгар Второй Самнитской войны консулы Спурий Постумий и Тит Ветурий Кальвин были отправлены на помощь осажденной самнитами Луцерии. Однако, вместо того, чтобы пойти по берегу Адриатического моря, римляне выбрали более быстрый путь – через Кавдинское ущелье. Войдя в ущелье, римляне обнаружили, что попали в ловушку, устроенную самнитами. После неудачных попыток пробиться консулы решили сдаться и заключить мирный договор. По его условиям самниты прогнали все римское войско под ярмом, а также получили 600 всадников в качестве заложников. Битва в Кавдинском ущелье стала самым унижительным поражением римлян во второй Самнитской войне.

После поражения в Кавдинском ущелье римская армия была реорганизована, и лишь с большим трудом римляне одержали победу над самнитами уже значительно позднее, в третьей Самнитской войне.

Наступил год, ознаменованный поражением римлян и Кавдинским миром¹, консулами были тогда Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий. Главным вождем самнитов в этом году был К. Понтий, сын Геранния... Выступив [против римлян] с войском, Понтий стал лагерем близ Кавдина, соблюдая возможную осторожность и скрытность. Зная, что вожди римлян и их войска находятся уже в Калации, [где они стояли лагерем], Понтий отправил туда десять еоинов, переодетых пастухами. В разных местах, недалеко от римских постов, он велел пастухам стеречь стада, а когда они попадутся в руки неприятельских отрядов, на все расспросы отвечать одно и то же: «легионы самнитов в Апулии, всеми силами осаждают Луцерию и уже почти готовы овладеть ею». Слух этот, с умыслом распущенный, уже и прежде дошел до римлян; но они поверили ему еще больше на основании единогласных показаний пленных. Итак, со стороны римлян решено было немедленно подать помощь жителям Луцерии, как хорошим и верным союзникам. Это было необходимо: потеря Луцерии могла повлечь за собою отпадение всей Апулии. Вопрос только заключался в том, какою дорогою идти к Луцерии: одна шла ровными и безопасными местами по берегу Верхнего моря, но представляла то неудобство, что была длиннее. Другая, много короче, шла через Кавдинские Фуркулы. А местность здесь такова: два глубоких, покрытых лесом ущелья тянутся между двумя непрерывными горными хребтами; посередине они расходятся, образуя довольно обширную поляну, представлявшую прекрасное пастбище; через эти-то места надобно было проходить; сначала, чтобы достигнуть поляны, нужно было идти сквозь первое ущелье; и, чтобы выйти с поляны, нужно было или вернуться опять тою же дорогою, или, если идти дальше, необходимо было проходить сквозь ущелье еще более тесное, чем первое. Римляне сошли на поляну другой дорогой по уступам скал; когда же они тотчас хотели выйти оттуда через ущелье, то нашли, что оно завалено срубленными деревьями и огромными камнями. Тогда только поняли римляне, что попали в засаду; в том они убедились еще более, когда на вершинах господствовавших над ними возвышений увидели неприятельских воинов. Римляне пытались вернуться той дорогой, которой вошли сюда, но нашли, что она загорожена засекой и вооруженными людьми. Сами собой, не дожидаясь приказа вождей, остановились наши воины.

...Уступая необходимости, римляне отправили послов просить мира на сколько-нибудь сносных условиях, а если это будет невозможно, вызвать самнитов на бой. Понтий дал послам следующий ответ: «Война уже кончилась; но если римляне, будучи побеждены и находясь в его власти, все еще не могут осознать того положения, в какое поставила их судьба, он пошлет их безоружных, в одних рубашках под ярмо². Прочие же условия мира будут равно безобидны и для победителя, и для побежденного: римские войска должны очистить землю самнитов, вывести оттуда свои поселения; отныне оба народа должны жить в дружественном союзе, каждый под своим собственным законом. На этих условиях готов он заключить мирный договор с консулами». В случае же их несогласия он запретил послам римским возвращаться к себе...

...Консулы отправились к Понтию для переговоров. Здесь, когда победитель заговорил о торжественном заключении мира, они сказали, что без согласия народа невозможно его заключить, а равно, что мир, если бы и был заключен, не будет действителен без участия фециалов³ и установленных обрядов. А потому несправедливо господствующее мнение, высказанное и историком Клавдием о том, будто мы у Кавдия заключили торжественный мирный союз, а не мирный трактат на поручительство. Будь первое, не предстояло бы нужды ни в поручительстве, ни в заложниках, и к чему они там, где все заключается в заклинании: «Которая из двух договаривающихся сторон нарушит заключаемый договор, то да поразит его Юпитер так, как фециалы поражают жертвенную свинью»? Поручились консулы, легаты, квесторы, военные трибуны; самые имена всех поручителей дошли до нас; но если бы заключен был торжественный союзный договор, то нам известны были бы только имена двух фециалов. Так как заключение торжественного мирного договора было по необходимости отложено, то взяты в заложники шесть сот всадников; они должны были отвечать жизнью в случае нарушения обязательства. Назначен срок, в течение которого должны были быть выданы заложники, а римское войско отпущено безоружным. Сначала приказано было им всем в одних рубашках без оружия выйти на вал; тут были выданы заложники, уведенные под военной охраной. Потом от консулов отняты ликторы⁴, и военная одежда, присвоенная их положению, снята с них...

Сначала консулы, полуобнаженные, проведены были под ярмом; за ними все прочие военные чины подверглись бесславию в том порядке, как они друг за другом следовали; наконец, простые воины по легионам. Неприятельские воины стояли кругом, осыпая римлян злыми насмешками и ругательствами и грозя мечами. Иные из наших воинов, на лицах которых ярко выражалась ненависть к врагу, были ранены и даже умерщвлены. Таким образом, все воины были проведены под ярмом на глазах неприятеля...

¹ Во второй половине IV в. до н. э. римляне вели борьбу с самнитскими племенами. С 343 по 341 гг. до н. э. длилась первая Самнитская война. Закончилась она полной победой Рима. Пятнадцать лет спустя началась вторая Самнитская война (327-304 гг. до н. э.), в которой римские войска потерпели жестокое поражение в Кавдинском ущелье (321 г. до н. э.).

² Ярмо неприятельское (*jugum*) состояло из двух копий, воткнутых в землю, и одного, лежащего на них в качестве перекладины, под которыми заставляли проходить побежденного неприятеля в знак его покорности.

³ Фециалы – жреческие коллегии в Риме. Они принимали участие в решении вопросов международных отношений: ведения войны, заключения мира и т. д.

⁴ В знак власти консулов сопровождало 12 ликторов, которые несли связки прутьев, называемые фасциями.

Покорение римлянами Южной Италии (Полибий, «Всеобщая история», I, 6)

Краткий очерк политики Рима в эпоху Ранней республики дает Полибий. Завоевав земли, принадлежавшие самнитам, римляне оказались непосредственными соседями южноиталийских греческих городов и, в первую очередь, Тарента.

Южноиталийские города были колониями, выведенными в VII-VI вв. до н. э. греками; они упорно отстаивали свою государственную независимость. Важнейший из них, Тарент – колония, выведенная Спартой, – вступил в союз с эпирским царем Пирром для борьбы против Рима. Изложив события времен пирровой войны, нужно подчеркнуть, почему римлянам удалось победить, остановиться на римской военной тактике и экспедиции Пирра, которая была, по существу, авантюрой. Завершением войны с Пирром закончился первый период завоеваний Рима – покорение Италии.

Римляне заключили мир с кельтами¹ на условиях, предложенных последними, и сверх всякого ожидания получив обратно родной город, начали восстанавливать свои силы, а затем вести войну с соседями. Благодаря мужеству и военному счастью, римляне покорили своей власти всех жителей Лация, потом воевали с тирренами², далее с кельтами, вслед за этим с самнитами, которые живут у восточных и северных границ земли латинов. Некоторое время спустя тарентинцы³ в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра⁴; случилось это за год до нашествия талатов на Элладу⁵, которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в Азию. В это-то время римляне, покоривши уже тирренов и самнитов, одолевши во многих сражениях италийских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Италии. В битвах с самнитами и кельтами они изошлись в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть которых почитали уже не чужим достоянием, а своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и наконец выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом предприняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покоривши неожиданно все эти народы, подчинивши своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия⁶.

¹ Имеется в виду мир, который был заключен на невыгодных для римлян условиях после того, как кельты захватили и разграбили Рим.

² Неизвестно, какие племена подразумевает Полибий под названием тирренов.

³ Тарентинцы – жители южноиталийского города Тарента, колонии, выведенной Спартой.

⁴ Пирр – царь Эпира, с которым жители Тарента заключили договор о помощи против Рима (281 г. до н. э.).

⁵ Нашествие галатов на Грецию, по данным Павсания, Страбона и других авторов, имело место в 279 г. до н. э.

⁶ Осада Регия, города, расположенного на южной оконечности Италии, была предпринята римлянами в 270 г. до н. э.

3.2. ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СИЛЬНЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Основание Карфагена (Юстин, «История», XVIII, 3-5)

Изучению так называемых Пунических войн нужно предпослать характеристику социально-экономического положения Карфагена, колонии Тира на северном берегу Африки. Легенду об основании Карфагена сообщает Юстин.

В изложении Юстина (II в.) дошла до нас «Всемирная история» в 44 книгах, написанная уроженцем Галлии Трогом Помпеем, автором, жившим во времена Августа. Он писал, используя главным образом греческие источники и в первую очередь Теопомпа. Особенно подробно освещены были в этом труде вопросы о появлении и гибели «всемирных монархий».

Когда у них [финикийцев] было изобилие богатств и населения, они отправили молодежь в Африку и основали Там город Утику. Между тем царь Мутгон в Тире умер, оставив своими наследниками сына Пигмалиона и дочь Элиссу, девушку выдающейся красоты. Но народ передал все царство Пигмалиону, тогда еще совсем юному. Элисса вышла замуж за дядю своего Акербу, жреца Геркулеса, занимавшего второе место в государстве после дая. У него были огромные, но скрываемые им богатства; боясь царя, он свое золото хранил не в доме, а в земле; хотя люди этого и не знали, но ходила об этом молва. Раздраженный ею, Пигмалион, забыв все человеческие и божеские законы, убил своего дядю и вместе с тем зятя. Элисса долго сторонилась брата после этого убийства и подконец стала обдумывать бегство, взяв себе в союзники несколько знатных тирийцев, у которых была, по ее мнению, такая же ненависть к царю и такое же желание от него уехать... К ним присоединились подготовившиеся к бегству группы сенаторов. Захватив сокровища из храма Геркулеса, где Акерба был жрецом, они изгнанниками пустились на поиски места для поселения.

Первую высадку они сделали на острове Кипре. Там жрец Юпитера с женой и детьми, по внушению бога, присоединился к Элиссе и разделил с нею ее судьбу, выговорив себе и своему потомству наследственную жрецескую должность... Элисса, высадившись в заливе Африки, вступила в дружеские отношения с местными жителями, обрадовавшимися прибытию чужеземцев и установлению торговых связей с ними. Затем, купив столько земли, сколько можно покрыть кожей быка, чтобы дать отдых спутникам, утомленным продолжительным плаванием, пока они туда добирались, она приказала разрезать кожу на тончайшие полоски и таким образом заняла больше места, чем сколько просила, поэтому впоследствии этому месту дали название Бирсы¹. Когда сюда стали стекаться жители соседних земель и, рассчитывая получить барыш, привозить много товара на продажу, они стали строить здесь для себя жилища, в от многолюдства их образовалось нечто вроде города. Так же и послы из Утики принесли дары своим соотечественникам и убедили их основать город на том месте, которое им досталось по жребию. Со своей стороны и жители Африки хотели задержать у себя новых пришельцев. Таким образом с общего согласия был основан Карфаген, причем была установлена годовая плата за землю, на которой возник город. При первой закладке в земле найдена была бычья голова, что предвещало, что земля будет плодородна, но потребует много труда и что город будет в постоянном рабстве. Тогда из-за этого город был перенесен на другое место. Там найдена была лошадиная голова, что означало, что народ будет воинственный и могущественный. Это обстоятельство и определило благоприятное место для закладки города. Тогда в силу такого представления о новом городе сюда стало стекаться множество народа, и, в скором времени город стал большим и многонаселенным.

¹ Что по-гречески означает «содранная шкура».

Географические условия Карфагена (Аппиан, «Римская история», «Ливийские дела», VIII, I, 95-96)

Аппиан дает достаточно подробную характеристику географических условий, в которых находился Карфаген.

Карфаген был расположен в углу очень большого залива и всего более походил на полуостров. Перешеек шириной в 25 стадий отделял его от материка; от этого перешейка к западу выступал между озером и морем узкий и длинный язык, самое большее в полстадии шириной. Там, где город был обращен к морю, он был

окружен простой стеною, так как в окрестностях находилось много отвесных скал. К югу же и к материку, где находилась также цитадель Карфагена, Бирса, стена была тройная. Каждая из этих стен имела в высоту 30 локтей, помимо брустверов и башен, которые отстоят друг от друга на расстоянии двух плэфров, и у каждой было четыре этажа; ширина же была 30 футов. Каждая стена заканчивалась в высоту двумя крышами. И так как стены были внутри пустыми и сводчатыми, то внизу были устроены стойла для 300 слонов, и тут же были расположены запасы корма для них. Далее помещались конюшни для 4000 лошадей и склады сена и ячменя, а также пристанища для людей – примерно для 20 тысяч пехотинцев, для 4 тысяч конницы. Такое военное снаряжение было распределено для пребывавших в самих стенах. Угловая стена, которая мимо упомянутого языка загибалась от стены к гаваням, одна была слабой и низкой и в начале находилась в полном небрежении.

Карфагенские гавани были расположены так, что из одной можно было проплыть в другую, и со стороны моря в них был один общий вход шириною в 70 футов, который запирался железными цепями. Первая была купеческая, и в ней были многочисленные и разнообразные причалы для кораблей. Посреди внутренней гавани был остров. Его, как и самую гавань, охватывали большие плотины. Они изобиловали доками, которые могли принять 220 кораблей, и кладовыми на этих доках, хранившими все необходимое для оборудования кораблей. У каждого дока спереди были две ионийские колонны, придававшие и гавани, и острову подобие галереи. На острове же сооружено было здание для командира флота, откуда и трубач мог подавать сигналы, и глашатай – объявлять, и командир флота – наблюдать. Остров расположен был возле входа в гавань и сильно выдавался своей высотой, так что командир флота мог наблюдать все происходившее на море, а подплывавшие не могли точно рассмотреть того, что было в гавани. Да и купцам, вплывавшим в гавань, нельзя было сразу рассмотреть доки. Ибо на пути лежала двойная стена и были особые ворота, через которые купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через доки. Таков был тогдашний вид Карфагена.

Договоры Рима с Карфагеном до начала Пунических войн (Полибий, «Всеобщая история», III, 22-25)

Античные авторы сообщают нам сведения о взаимоотношениях Карфагена с Римом, начиная с эпохи ранней республики и о договорах, которые заключались между этими двумя государствами. Например, Полибий говорит о первоначальном разграничении сфер влияния Карфагена и Рима. Разделение это, по Полибию, было следующим: влияние Карфагена распространялось на Сардинию, Ливию и юго-западную часть Сицилии, а римлян – на Италию и остальную часть Сицилии. Подробно излагаются у Полибия последующие договоры этих двух держав.

Сразу после освобождения от власти Тарквиния Гордого, Рим заключил с Карфагеном договор о «дружбе». Этим договором начинается череда союзнических соглашений между странами. Сначала союз был направлен против этрусков, затем – Пирра и Тарента.

Вторая череда договоров имела место по окончании той или иной из Пунических войн.

Первый договор между Карфагеном и Римом был заключен в 509 г. до н. э., при Луции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти в Риме. Со стороны Карфагена договор очевидно заключил Гамилькар I.

Второй договор между Карфагеном и Римом был заключен в 348 г. до н. э.

Третий договор между Карфагеном и Римом был заключен в 306 г. до н. э.: римляне и карфагеняне возобновили договор, по которому стороны не могли присоединять территории. Рим – на Сицилии, а Карфаген – на Апеннинском полуострове.

Наконец, в 281 г. до н. э. или в 279 г. до н. э., когда Пирр высадился в Италии, был заключен последний, четвертый по счету договор до начала Пунических войн.

Полибий также говорит, что Филин Акрагантский («во второй книге» пишет, что «по заключенному между римлянами и карфагенянами договору для римлян закрыта была вся Сицилия, а для карфагенян Италия и что римляне нарушили договор и клятву когда впервые переправились в Сицилию». Полибий отрицает наличие этого договора, но видимо такой договор существовал, т.к. вторжение римлян в Мессану карфагеняне сочли поводом к войне.

Первый договор между римлянами и карфагенянами¹ был заключен при Луции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освещен был храм Зевса Капитолийского, т.е. за двадцать восемь лет до вторжения Ксеркса в Элладу. Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса², разве к тому они будут вынуждены бурею или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем он пользовался бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, анциатов, ларентинцев, цирцеитов, таррацинитов³ и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой-либо народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется нападать на их города; а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам

возбраняется сооружать укрепления в Лации, и если бы они вторглись в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных кораблях дальше Прекрасного мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сирта⁴, которые называются у них эмпориями⁵ и отличаются высокими достоинствами. Если бы кто занесен был туда против желания бурей или [загнан] неприятелем и нуждался бы в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне позволяют взять это, но ничего больше и притом требуют непременно удаления приставших сюда в пятидневный срок. По торговым делам римлянам дозволяется приезжать в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому это право. Из договора явствует, что карфагеняне говорят о Сардинии и Ливии, как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лация, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти...

После этого договора они заключили другой⁶, в который карфагеняне включили тирян и народ Утики. К Прекрасному мысу прибавляются теперь Мастия и Тарсена⁷, и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города. Вот каково приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется плзвать по ту сторону Прекрасного мыса, Мастии и Тарсена как за добычей, так и для торговли и основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лации каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если бы какие-либо карфагеняне взяли в плен кого-либо из народа, который заключил с римлянами писанный договор, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в стране, подвластной карфагенянам возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному запрещается мстить за себя; в противном случае деяние его будет считаться государственным преступлением. В Сардинии и Лидии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать городов, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

В этом договоре карфагеняне еще более определенно заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и запрещают римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они определенно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лации, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, агациатам, цирцеитам и таррацинитам. Это те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

...Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне заключили во время переправы Пирра в Италию⁸. В нем подтверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если бы римляне или карфагеняне пожелали заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе разрешение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Тот или другой народ нуждался бы в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда грузовые и военные, но жалование своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе поуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне, согласно древнему обычаю, во имя Юпитера Камня⁹, последний же договор именем Марса Эниалия¹⁰. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне боги, если я соблюду клятву; если же помыслю или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невинно пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достатках, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень.

¹ О первом договоре римлян с карфагенянами мы находим сведения только у Полибия, который относит его к 508 г. до н. э. Это свидетельство не может считаться в полной мере достоверным, тем более что дальше Полибий допускает фактическую ошибку – первыми консулами по традиции были Люций Юний Брут и Люций Тарквиний Коллатин, а не Марк Гораций.

² Прекрасный мыс находился недалеко от Карфагена, по направлению на север.

³ Имеются в виду жители городов Лация: Ардеи, Анция, Лаврента, Цирцей, Таррацины.

⁴ Биссатида и Малый Сирт – местности на северном побережье Африки, обладающие удобными гаванями.

⁵ Эмпорий – по-гречески торговый пункт.

⁶ Есть основание предполагать, что об этом же договоре мы находим упоминание у Ливия, датируется он 348 г. до н. э.

⁷ Города Мастия и Тарсена находятся в южной Испании, недалеко от так называемых «Геракловых столбов».

⁸ Имеется в виду договор 279 г. до н. э.

⁹ Римляне клялись именем Камня Юпитера, считая его символом божества.

¹⁰ Эниалий – первоначально эпитет Марса, бога войны, позднее – самостоятельное божество, именем которого клялись римляне.

Причины Первой Пунической войны (Полибий, «Всеобщая история», I, 10-11)

Необходимо остановиться на причинах, приведших к столкновению двух сильнейших держав Средиземноморья – Рима и Карфагена. Выясняя роль Сицилии во взаимоотношениях Рима с Карфагеном, следует основываться на данных Полибия.

Мамертины¹... прежде уже потеряли помощь Регия; теперь ... и собственные силы их были сокрушены вконец². Поэтому одни из них, найдя убежища у карфагян, передались им сами, передали и город; другая часть мамертинов отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбой помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, так как помощь мамертинам была бы явною непоследовательностью. Еще так недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не только перед мессенцами, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели также, что карфагяне покорили не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагянах, в случае покорения ими Сицилии, опасных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всей Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагяне быстро овладеют Сицилией. Имея в своих руках Мессану, которая передалась им сама, карфагяне должны были занять вскоре и Сиракузы, так как почти вся Сицилия были уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессану, т.е. допустить карфагян как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение было принято народом, римляне выбрали одного из консулов Аппия Клавдия³ в военачальники и повели ему идти в Мессану на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагяне распяли своего вождя, обвинив его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориады⁴, сухопутное войско – подле так называемых Син⁵ и ревностно повели осаду Мессаны. В это время Гиерон заключил союз с карфагянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессану. Вслед за этим он вышел из Сиракуз и двинулся к городу, причем расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессаной. Но видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна из сторон не согласилась с ним, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Снявши доспехи с убитых, он возвратился в Мессану, а Гиерон в страхе за свою власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

¹ Мамертины – кампанские наемники, называвшие себя «сыновьями Марса».

² Кампанские наемники Мамертины захватили сицилийский город Мессану, на помощь которому выступил тиран Гиерон II. Тогда одна часть мамертинов обратилась за помощью в Карфаген, а другая – в Рим.

³ Один из консулов 264 г. до н. э.

⁴ Мыс Пелориада (или Пелор) – северо-восточная оконечность Сицилии.

⁵ Сины – видимо, какое-то поселение недалеко от Мессаны – в других источниках не упоминается.

Захват Агригента (Полибий, «Всеобщая история», I, 17-19)

Полибий об одном из эпизодов, характеризующих противостояние Рима и Карфагена во II в. до н. э. Захват Агригента относится к 137 г. до н. э.

Карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, а римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, сочли необходимым усилить свои военные средства, чтобы иметь возможность бороться с врагом и удержать за собой сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наемников из лигистинов¹, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих вооружений лучше всего приспособлен самой природой город акрагантян² и что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы, решив сделать его опорным пунктом военных действий.

Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамилий прибыли в Сицилию со своими легионами. Они поняли замыслы карфагенян, узнали о военных приготовлениях в Акраганте и нашли нужным вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Акраганта, разбили лагери на расстоянии восьми стадий от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большей поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили по сторожевым постам. Как случалось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывается у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город. После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большей осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались мелкими стычками, то римские военачальники разделили свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия³, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклею⁴. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградил канавами. Одну канаву, внутреннюю, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случай вылазки неприятеля; другая, наружная, шла кольцом и предназначалась к ограждению от нападений извне и для того, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между канавами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Продовольствие и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес⁵ все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели все нужное в изобилии. Месяцев пять дела оставались в неизменном положении; решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше пятидесяти тысяч, то карфагеняне стали терпеть голод. Ганнибал, начальник находившихся в городе войск, и прежде уже обеспокоенный таким положением дел, отправлял в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбой о помощи.

Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов столько, сколько могли собрать, и отправили их в Сицилию другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятельские стоянки съестных припасов и всего нужного. Поэтому римляне оказались столько же осаждающими, сколько осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах первой необходимости угнетала их так, что они не раз помышляли о снятии осады и наконец сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам самых нужных припасов, хоть в умеренном количестве.

Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном чумою воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив, свои войска считал достаточно сильными для битвы. Тогда он взял с собою около пятидесяти слонов и все войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице идти вперед, и, приблизившись к неприятельскому валу, он стал дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, а затем и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним, [Ганноном]. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилась на нумидийцев и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию, ливийцы отступили, пока не достигли войска Ганнона; тут они обернулись лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагери на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти от неприятеля. В продолжение двух месяцев обе стороны оставались в одном и том же положении, не предпринимая ничего важного, если не считать ежедневных легких

стычек. Так как Ганнибал посредством сигнальных огней и вестников из города не переставал уведомлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то военачальник карфагенян решил попытать счастья в битве, чего по объясненным выше причинам не меньше Ганнона желали и римляне. Противники вывели войска на разделявшее лагери пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклею; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз. С наступлением ночи, когда римляне от радости по случаю победы и вследствие усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, отчаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из города с наемными войсками. Наполнив канавы плетенками, набитыми мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне узнали о случившемся на рассвете, сделали легкое нападение на задние ряды войска Ганнибала, а затем все устремились к городским воротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались в город, разграбили его, захватили большое число пленных и множество всякой добычи.

¹ Лигистины (латинское их название лигуры) – племена, жившие главным образом в Северной Италии, а отчасти и в Галлии.

² Город акрагантян (Акрагант или Агригент) – расположен на южном берегу Сицилии.

³ Культ Асклепия – божества, врачующего болезни, от греков перешел к римлянам под именем культа Эскулапа.

⁴ Гераклея – город на юго-западном побережье Сицилии в устье реки Галина.

⁵ Гербес – сицилийский город, расположенный недалеко от Акраганта.

Надпись на колонне Дуилия

Консул Гай Дуилий в 260 г. до н. э. одержал блестящую победу над карфагенским флотом в битве при Милах. В знак этой победы была воздвигнута колонна, содержащая текст приводимой здесь надписи.

...он освободил от осады жителей Сегесты, и все карфагенские легионы и их наивысшие магистраты через девять дней бежали из лагерей при дневном свете; и он взял в бою город Мацеллу; и исполняя ту же магистратуру, он совершил, первый из римских консулов, великие дела на море на кораблях. Он первый приготовил и вооружил морские войска и корабли, и с помощью этих кораблей он победил в бою весь карфагенский флот и величайшее пунийское войско в присутствии диктатора Ганнибала в высоком море, и он захватил корабли с экипажем, одну сентерему, и квинкверем, и трирем 30, и 13 он потопил. И он захватил золота 3700 монет, серебра он захватил добычи..., всего захвачено денег более 200 000... Он первый раздавал народу морскую добычу и первый вел в триумфальном шествии свободорожденных карфагенян.

Мирный договор Рима с Карфагеном после Первой Пунической войны (241 г. до н. э.)

(Полибий, «Всеобщая история», I, 62, 63)

Мирный договор Карфагена с Римом – договор 241 г. до н. э., оформивший итоги Первой Пунической войны. Карфагеняне, после разгрома их флота у Эгатских островов, предоставили Гамилькару Барке чрезвычайные полномочия для ведения мирных переговоров.

Карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднились в способах вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилию, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдавши его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и дали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготятся ею; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа;

карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра»¹.

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

¹ Эвбейский талант весил 26,2 кг, отличаясь от эгинского (37 кг) и аттического (26 кг).

Восстание наемников в Карфагене (Полибий, «Всеобщая история», I, 65-70)

При изложении хода военных действий важно выделить узловые моменты борьбы Рима с Карфагеном. Важно выяснить также внутривойсковые последствия первой пунической войны для обеих воюющих сторон: в Карфагене имело место восстание наемников, воевавших против Рима и не получивших денег за свою службу. К ним присоединилось значительное количество рабов (во главе с рабом Матоном). Восстание это тянулось три года и представляло серьезную угрозу для Карфагена. Об этих событиях подробно рассказывается у Полибия.

...У карфагенян была война с наемниками, нумидянами, а также и с отложившимися ливиянами, война немаловажная и трудная, в которой они претерпели много серьезных опасностей и под конец вынуждены были бороться не только за свою землю, но даже за существование свое и своей родины. Война эта заслуживает упоминания по многим причинам, но, согласно нашему первоначальному плану, мы расскажем о ней в немногих словах лишь существенное...

Коль скоро заключен был упомянутый выше мир, Барка увел стоявшее у Эрикса войско к Лилибею¹ и вслед за тем сложил с себя звание главнокомандующего; переправу войска занялся начальник города Гискон. Предвидя беспорядки, он нарочно отправлял войско на кораблях по частям и самую отправку производил с промежутками. Этим он желал дать время карфагенянам, по мере прибытия наемников и уплаты им остающегося жалования, отпускать их заблаговременно из Карфагена на родину прежде, чем принимать новый отряд, переправляющийся вслед за ними. Вот что имел он в виду, когда в таком порядке производил отправку войска из Лилибея. С другой стороны, карфагеняне, перед этим понесшие большие расходы, нуждались в деньгах и полагали, что им удастся склонить наемников к отказу от полагающейся им части жалования, если все они соберутся в Карфагене; надеясь на это, они задерживали прибывших воинов и оставляли их в городе. Однако из-за весьма частых преступлений, совершаемых ночью и днем, карфагеняне стали опасаться проявлений буйства в толпе и прежде всего потребовали от вождей, чтобы те, пока не будет собрано жалование до прибытия остального войска, отвели всех наемников в город, именуемый Сиккой², причем каждый из них получил золото на необходимейшие нужды. Радостно выслушали наемники весть о выступлении из города и только желали оставить в нем свои пожитки, что делали они и вначале, так как им предстояло очень скоро возвратиться в город за получением жалования. Карфагеняне были сильно озабочены тем, что некоторые из наемников, давно уже возвратившиеся в город, из-за тоски по детям и женам или не пожелают уходить вовсе, или после ухода возвратятся снова к своим пожиткам, и таким образом город ничуть не избавится от беспорядков. Вследствие этой тревоги карфагеняне, невзирая на отказ, беспощадно принуждали наемников забирать пожитки с собою. Между тем, собравшись в Сикке, наемники предавались разгулу: после долгих трудов они жили теперь вольной и праздной жизнью... К ним явился Ганнон, тогдашний начальник карфагенской Ливии; он не только не удовлетворил их ожиданий и не исполнил прежних обещаний, но еще, ссылаясь на тягость налогов и вообще на стесненное положение государства, пытался склонить воинов к отказу от некоторой доли причитающегося им жалования. Это не замедлило вызвать споры и волнения: наемники постоянно собирались толпами, или по племенам, или все без различия. Так как наемные войска принадлежали к разным племенам и говорили на разных языках, то люди не понимали друг друга, и в лагере царили шум и смятение. Дело в том, что карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, с трудом и нескоро добивались того, чтобы наемники сталкивались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда им приходилось увещевать, успокаивать и разубеждать наемников в случае их раздражения, гнева и волнений... Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистинов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов³, большею частью перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливийцы. Не придя к соглашению с Ганноном и питая недоверие к начальникам отдельных частей, наемные войска в гнев на карфагенян направились к их городу и в числе двадцати тысяч с лишним расположились лагерем у так называемого Тунета, стадиях в ста двадцати от Карфагена.

...Устрашенные близостью неприятельской стоянки, карфагеняне соглашались на все... лишь бы смирить их гнев. Они отправили из города обильные запасы различных предметов первой необходимости и продавали

их там по той цене, как хотели и какую назначали мятежники; кроме того, посылали к ним одного сенатора за другим с обещанием исполнить по мере возможности всякое их требование. Однако наемные войска каждый день измышляли что-нибудь новое, становились все наглее, потому что видели тревогу и упадок духа в карфагенянах. К тому же, вспоминая сражения свои в Сицилии против римских легионов, они преисполнились уверенностью в том, что не только карфагенянам, но и всякому иному народу трудно бороться с ними. Поэтому лишь только карфагеняне сделали им уступку в жалованье, они тотчас пошли дальше и потребовали вознаграждения за павших лошадей. Когда и это было принято, войска поставили новое требование, чтобы за тот хлеб, который должны были им уже давно, карфагеняне заплатили по наивысшей цене, до какой поднималась она в военное время.

...Побеждаемый в небольших стычках, происходивших у города, именуемого Лептином, и у некоторых других, Мафос⁴ наконец отважился решить дело в большом сражении, чего желали и сами карфагеняне. Принявши такое решение, противники призывали к битве всех своих союзников, стягивали не городов свои войска, как бы собираясь покончить все одним ударом. Когда с обеих сторон все было готово к нападению, противники выстроились в боевой порядок и разом бросились друг на друга. Победа была на стороне карфагенян, и большинство ливиян пало в самой битве; прочие бежали в какой-то город и вслед за тем сдались; сам Мафос попал в плен. После этой битвы остальные части Ливии не замедлили покориться карфагенянам. Упорствовали в возмущении только Гиппакриты и Утика, ибо они с самого начала лишили себя всякой надежды на пощаду и снисхождение, и потому никак не могли просить о мире... Ганнон и Барка расположились лагерями, один у одного города, другой у другого и вскоре принудили осажденных к сдаче на условиях, поставленных победителем.

Так кончилась война, причинившая было карфагенянам величайшие затруднения; теперь они не только снова завладели Ливией, но и покарали виновников возмущения. В заключение войско в триумфальном шествии через город подвергло Мафоса и его сообщников всевозможным истязаниям.

Почти три года и четыре месяца вели войну наемники с карфагенянами, из всех известных нам в истории войн самую жестокую и исполненную злодеяний.

¹ Лилибей – мыс и город того же названия на западном берегу Сицилии.

² Сикка – город в Африке.

³ Полуэллины – термин, принятый в античной историографии для обозначения людей, происходивших от браков эллинов с местным населением.

⁴ Мафос (Матон) – руководил восстанием наемников наряду с уроженцем Кампании Спендием. Сам он по происхождению был ливиец.

Характеристика личности полководца Гамилькара (Корнелий Непот, «О знаменитых иноземных полководцах», «Гамилькар»)

1. Гамилькар, сын Ганнибала, по прозвищу Барка, карфагенянин, начал командовать войском еще в молодые годы; было это в Сицилии, во время 1-ой Пунической войны, но ближе к ее концу. До его прибытия дела карфагенян на суше и на море шли плохо; он же, где бы ни появлялся, никогда не уступал врагу, не давал ему возможности чинить вред и, напротив, часто, когда представлялся случай, нападал сам и всегда выходил победителем. Так и получилось, что когда пуны потеряли почти все свои владения в Сицилии, он так удачно оборонял Эрикс, что военные действия в этом месте как будто застыли на мертвой точке. Между тем карфагеняне, потерпев поражение от римского консула Г. Лутация в морском бою при Эгатских островах¹, постановили окончить войну и предоставили это дело на усмотрение Гамилькара. А он, горя желанием сражаться, решил все же хлопотать о мире, поскольку понимал, что отечество, истощившее свои средства, не в состоянии более выносить превратности войны; но при этом он уже тогда лелеял мысль возобновить борьбу при первых же благоприятных обстоятельствах и биться с римлянами до тех пор, пока они не победят в честном бою или не поднимут руки вверх в знак поражения. С таким намерением он и заключил мир, проявив при этом особое упорство: когда Катул настаивал на том, что война может быть прекращена только при условии, если Гамилькар и его люди, занимавшие Эрикс, удалятся из Сицилии, сдав оружие, тот заявил, что отечество его согласно подчиниться, но сам он скорее умрет, чем возвратится домой с таким позором, ибо недостойно его чести выдать противнику то оружие, которое родина вручила ему на битву с врагом. И Катул уступил его непреклонности².

2. По прибытии в Карфаген Гамилькар нашел положение государства далеко не таким, как надеялся. Так случилось, что вследствие долгих внешних невзгод здесь разгорелась междоусобная война такой силы, что Карфаген оказался в большей опасности, чем когда-либо, не считая того времени, когда он был разрушен. Прежде всего, отложились наемники, нанятые для войны с Римом; число их достигало 20 тыс. Взбунтовав всю Африку, они осадили самый Карфаген. Пуны до того устрешили этими бедами, что даже запросили подмоги у римлян – и получили ее³. Но в конце концов, дойдя почти до полного отчаяния, они назначили главнокомандующим Гамилькара. Он не только отбросил от стен Карфагена неприятеля, в рядах

которого собралось больше 100 тыс. бойцов, но и загнал врагов в такое место, где, запертые в узком пространстве, они гибли больше от голода, чем от меча. Все отпавшие города, в том числе Утику и Гиппон, мощнейшие твердыни Африки, он возвратил отечеству. Не остановившись на этом, он расширил границы державы и настолько умиротворил Африку, что казалось, будто она не знала войны в течение многих лет.

3. Удачно завершив эти дела, питая в душе отвагу и ненависть к римлянам, Гамилькар в поисках удобного предлога для войны добился, чтобы его послали во главе войска в Испанию¹; туда же он взял с собой сына своего Ганнибала девяти лет. Кроме того, при нем был Гасдрубал – знатный и красивый юноша, о котором некоторые говорили, будто Гамилькар любил его более грешно, чем подобает. Конечно, разве может великий человек избежать хулы сплетников! Из-за этих разговоров блюститель нравов запретил Гасдрубалу находиться при Гамилькаре, но тот выдал за юношу свою дочь, и тогда по карфагенскому обычаю нельзя уже было запретить тестю общаться с зятем. Я упомянул об этом случае потому, что после гибели Гамилькара этот зять его возглавил войско, совершил великие дела и стал первым полководцем, чья щедрость развратила старинные нравы карфагенян. После его смерти армия вручила командование Ганнибалу.

4. Итак, Гамилькар переплыл море, достиг Испании и, пользуясь благоприятной судьбой, стяжал здесь большие успехи: покорив самые большие и воинственные племена, он обеспечил лошадьми, оружием, людьми и деньгами всю Африку. Погиб он в сражении с веттонами в то время, когда замыслил перенести войну в Италию, на 9-м году пребывания в Испании. Неизменная ненависть его к римлянам, как представляется, во многом способствовала началу 2-ой Пунической войны, ибо сын его Ганнибал вследствие настойчивых закланий отца получил такие убеждения, что скорее бы умер, чем отказался потягаться с римлянами силой.

¹ Группа Эгатских островов близ Сицилии состоит из Гиеры, Форбантии и Эгузы. Сражение при Эгузе описывает Полибий – лучший источник по истории 2-ой Пунической войны (I, 60-61). В этом бою консул Гай Луций Катул потопил 50 и взял в плен 70 кораблей неприятеля.

² Катул и Гамилькар заключили мир на следующих условиях: карфагеняне обязались покинуть Сицилию и не ходить войной на Сиракузское царство; пленные возвращались Риму без выкупа; в течение 20 лет Карфаген должен был выплатить контрибуцию в 2 200 талантов. Условия эти казались настолько благоприятными для Карфагена, что римское Народное Собрание отказалось их ратифицировать. Посланная в Сицилию комиссия 10-ти сенатских легатов изменила договор, но незначительно: сумма контрибуции была повышена на тысячу талантов, а срок ее выплаты сокращен наполовину. Гамилькар сумел отвергнуть требование римлян о выдаче перебежчиков и оружия: он вывел своих людей с острова, уплатив по 18 динариев за человека. Главным приобретением Рима стали отвоеванные у карфагенян сицилийские города, не входившие в состав Сиракузского царства. На их территории образовалась вскоре римская провинция Сицилия.

³ В начале Ливийского мятежа Рим проявил великодушие, позволив карфагенянам вербовать наемников в Италии; римляне доставили также в Африку продовольствие из Сицилии и отклонили обращение Утики, пожелавшей отдаться под их протекторат. В конце же Ливийской войны, приняв от мятежных наемников Сардинию и отставив это приобретение (см. вступительную статью), римское правительство не постыдилось объявить беспомощному Карфагену войну; конфликт был улажен только после того, как карфагеняне выплатили 1200 талантов в дополнение к основной сумме контрибуции.

⁴ Гамилькар переправился в Испанию без разрешения властей (236 г.).

Характеристика личности полководца Ганнибала (Корнелий Непот, «О знаменитых иноземных полководцах», «Ганнибал»)

1. Ганнибал, сын Гамилькара, карфагенянин. Если никто не сомневается, и вполне справедливо, что римляне превзошли доблестью все народы, то нельзя отрицать и того, что Ганнибал настолько затмевал прозорливостью прочих полководцев, насколько римский народ опережал в храбрости другие племена. В самом деле, сколько он ни сражался с римлянами в Италии, всякий раз выходил из боя победителем¹. И если бы не ущемляла его на родине зависть сограждан, он, очевидно, мог бы одержать над ними верх. Но враждебность многих одолела мужество одиночки. Сам же Ганнибал был настолько верен отцовской ненависти к римлянам, оставленной ему как бы в наследство, что раньше расстался с жизнью, чем с нею; ведь даже будучи изгнанным из отечества и нуждаясь в чужой помощи, он никогда не переставал мечтать о войне с Римом.

2. Если не считать Филиппа, которого он заочно втянул во вражду с Римом², самым могущественным царем в те времена был Антиох; и вот Ганнибал так разжег его воинственность, что тот готов был идти походом на Италию от самых берегов Красного моря. Когда же к царю прибыли римские послы, чтобы разведать его намерения, и с помощью тайных интриг постарались вызвать у него подозрение, что Ганнибал, подкупленный ими, переменял образ мыслей, то усилия их не пропали даром³. Ганнибал узнал об этом, а также заметил, что его не допускают на секретные совещания. И вот однажды пришел он к царю и, обстоятельно напомнив ему о своей верности и ненависти к римлянам, прибавил следующее: «Когда я еще был ребенком не старше девяти лет, отец мой Гамилькар, отправляясь из Карфагена в Испанию командовать войском, принес жертвы Юпитеру Всеблагому Величайшему. Во время исполнения этой священной церемонии он спросил меня, хочу ли я поехать с ним на войну. Я с радостью согласился и стал упрашивать, чтобы он непременно взял меня с собою. И тогда отец сказал: «Возьму, если ты дашь мне то обещание, которое я хочу услышать». Тотчас подвел он меня к алтарю, перед которым готовился совершить священнодействие, и, удалив всех людей, приказал мне коснуться жертвенника и поклясться, что я никогда не вступлю в дружбу с римлянами. Эту

клятву, данную отцу, я хранил до сегодняшнего дня столь ревностно, что никто не вправе усомниться в постоянстве моих мыслей на склоне дней. Так что, если ты задумаешь оказать римлянам какую-нибудь дружескую услугу, то правильно сделаешь, если скроешь это от меня; если же соберешься воевать с ними, то обманешь самого себя, не поставив меня во главе этого дела».

3. Итак, в указанном мною возрасте Ганнибал отправился с отцом в Испанию, а после смерти родителя, в то время как Гасдрубал занял место вождя, стал командовать всей конницей. Когда же погиб и Гасдрубал, войско вручило верховную власть Ганнибалу. По извещении об этом Карфагена назначение было утверждено официально⁴. Так он стал главнокомандующим, не достигнув еще 25 лет, и в ближайшие 3 года покорил оружием все испанские племена, взял штурмом союзный нам город Сагунт⁵ и снарядил 3 большие армии. Одну из них он отослал в Африку, другую оставил под началом брата Гасдрубала в Испании, а третью повел за собой в Италию. Перевалив через ущелья Пиренеев, везде по пути следования сражался он с туземцами, неизменно уходя от них победителем. Наконец, он добрался до Альп, отделяющих Италию от Галлии – до тех самых гор, которые никто до него не переходил с войском, кроме грека Геркулеса; по этой причине они и сегодня называются Греческим ущельем⁶. Альпийских жителей, пытавшихся помешать переходу, он перебил, окрестности обезопасил, дороги расчистил и добился того, что слон в боевом снаряжении мог пройти там, где прежде едва карабкался один безоружный человек. Этим путем он провел войско через горы и вторгся в Италию.

4. Еще у Родана он сражался с консулом П. Корнелием Сципионом, нанеся ему поражение. С ним же столкнулся он под Кластидием на Паде, и тот вышел из боя раненым и разбитым. В третий раз все тот же Сципион вместе с товарищем Тиберием Лонгом выступил против него при Требии. Ганнибал дал им сражение и разбил обоих⁷. Затем перевалил через Апеннины в области лигуров, направляясь в Этрурию. Во время этого пути он перенес такую тяжелую глазную болезнь, что впоследствии всегда плохо видел правым глазом⁸. Еще страдая этим недугом и передвигаясь на носилках, он истребил при Тразименском озере окруженного и пойманного в засаду консула Г. Фламиния, а немного времени спустя – претора Г. Центения, стоявшего на горах с отборным войском. После этого он перешел в Апулию, и там навстречу ему выступили два консула – Г. Теренций и Л. Эмилий. В одном сражении Ганнибал разбил обе армии, погубив консула Павла и еще несколько консуларов, в числе которых был Гн. Сервилий Гемин, консул прошлого года⁹.

5. После этого сражения он двинулся на Рим, не встречая сопротивления, и остановился на ближайших от города холмах. Простояв здесь лагерем несколько дней, он двинулся назад в Капуя, а римский диктатор Кв. Фабий Максим преградил ему путь в Фалернской области¹⁰. Запертый в узком месте, Ганнибал обманул хитроумнейшего полководца Фабия, выбравшись ночью из западни с целым и невредимым войском: в ночном мраке он зажег хворост, привязанный к рогам телят, и погнал такое необычное беспорядочное полчище на врага. Когда это зрелище внезапно открылось перед римлянами, войско их охватил такой страх, что никто не осмелился выступить за пределы лагерного вала. Спустя несколько дней после этого подвига, он хитростью вызвал на бой М. Минуция Руфа, начальника конницы с полномочиями диктатора и, сразившись, обратил его в бегство¹¹. В Лукании он погубил, хотя и не присутствуя при этом лично, двукратного консула Тиб. Семпрония Гракха, заманенного в засаду. Таким же образом уничтожил он под Венузией пятикратного консула М. Клавдия Марцелла¹². Долго пришлось бы перечислять все его битвы. Поэтому достаточно указать на одно обстоятельство, дающее представление о том, каким полководцем был Ганнибал: за все время пребывания его в Италии никто не мог противостоять ему в битве, а после сражения при Каннах никто не разбивал против него лагерь в открытом поле¹³.

6. Непобедимый в Италии, он был отозван домой на защиту родины и стал воевать с П. Сципионом, сыном того Сципиона, которого он разбил сначала у Родана, потом у Пада, а в третий раз – при Требии¹⁴. С этим противником он очень хотел замирился на то время, пока средства отечества истощены, чтобы с новыми силами продолжить борьбу в дальнейшем. Полководцы вступили в переговоры, но не сошлись в условиях. Через несколько дней после этой встречи Ганнибал сразился со Сципионом при Заме, был – во что трудно поверить – разбит и через двое суток добрался до Гадрумета, расположенного примерно в 300 милях от Замы. Во время этого бегства нумидийцы, покинувшие поле боя вместе с ним, устроили на него покушение, но он не только избежал их козней, но и уничтожил их самих. В Гадрумете Ганнибал собрал остальных беглецов и, проведя новые наборы, за несколько дней стянул большие силы.

7. Пока он усиленно готовился к войне, карфагеняне замирились с римлянами. Тем не менее он и после этого командовал армией и вел военные действия в Африке так же, как и брат его Магон — вплоть до консульства П. Сульпиция и Г. Аврелия. При этих консулах прибыли в Рим карфагенские послы, чтобы поблагодарить сенат и римский народ за дарованный мир, поднести им по этому случаю золотой венок и заодно попросить, чтобы заложников их разместили во Фрегеллах, а пленников – возвратили назад. По сенатскому постановлению им был дан такой ответ: дар их с удовлетворением принимается; заложники будут поселены там, где они просят; пленников назад не отпустят, поскольку величайший враг римского народа Ганнибал, по чьему почину началась война, до сих пор облечен у них высшей властью и командует армией – так же, как и брат его Магон. Когда этот ответ стал известен в Карфагене, Ганнибала и Магона отозвали домой¹⁵. По возвращении Ганнибал был избран царем – после того, как 22 года имел чин главнокомандующего. Дело в том, что как в Риме выбирают консулов, так и в Карфагене ежегодно избираются два годовых царя¹⁶. Должность эту

Ганнибал исполнял так же добросовестно, как раньше командовал на войне. Введя новые налоги, он добился того, что денег хватало не только на выплаты римлянам по договору, но оставался излишек, вносимый в казну. Затем в консульство Марка Клавдия и Луция Фурия прибыли послы из Рима в Карфаген. Ганнибал, решивший, что они направлены требовать его выдачи, не дожидаясь их приема в сенате, тайно сел на корабль и бежал к Антиоху в Сирию. Когда это дело открылось, пуны послали два корабля, чтобы по возможности догнать его и схватить; имущество его конфисковали, дом разрушили до основания, а самого объявили изгнанником¹⁷.

8. Ганнибал же на 4-м году бегства из дома пристал с пятью кораблями к Африке в области киренейцев, дабы разведать, нельзя ли подбить карфагенян на войну с Римом, обольстив их надеждами и дерзостью Антиоха, которого он уже склонил на вторжение в Италию. Сюда же он вызвал брата Магона¹⁸. Когда пуны узнали об этом, то заочно приговорили Магона к такому же наказанию, что и брата. Обнаружив, что дело плохо, оба подняли якоря и паруса и ушли в море. Ганнибал возвратился к Антиоху, о конце же Магона существует двоякий рассказ: одни писатели сообщают, что он погиб в кораблекрушении, другие – что его убили собственные рабы. Что до Антиоха, то если бы он предпочел вести войну по советам Ганнибала, как это он делал вначале, то ему довелось бы сразиться за мировое господство при Тибре, а не при Фермопилах. Ганнибал же, часто наблюдая неразумные предприятия царя, ни разу от него не отступился. Командуя небольшой эскадрой, которую ему приказали перевести из Сирии в Азию, он повел ее в бой у берегов Памфилии против родосского флота. И хотя в этом сражении превосходящие силы противника одолевали его корабли, сам он одержал победу на том фланге, которым командовал¹⁹.

9. После того как Антиох обратился вспять²⁰, Ганнибал, страшась быть выданным врагу, что и случилось бы, если бы он не остерегся, удалился в Гортиний на Крите, дабы поразмыслить там, куда деваться дальше. Тут этот самый хитрый человек на свете заметил, что угодит в большую беду из-за алчности критян, если не придумает какой-нибудь выход. Дело в том, что он привез с собой большие богатства и знал, что слух о них уже распространился. Тогда он придумал такой способ: взял множество амфор и наполнил их свинцом, присыпав сверху золотом и серебром. Эти сосуды в присутствии знатнейших граждан он поместил в храме Дианы, притворись, будто вверяет свое состояние честности критян. Введя их в заблуждение, все свои деньги засыпал он в медные статуи, что привез с собою, и бросил эти фигуры во дворе дома. И вот критяне с великим рвением охраняют храм не столько от чужаков, сколько от Ганнибала, опасаясь, чтобы он без их ведома не извлек сокровища и не увез их с собою.

10. Сохранив таким образом свое достояние и обманув всех критян, пуниец явился в Понт, к Прузию²¹. У него он вынашивал все те же планы против Италии и добился даже того, что настроил и вооружил царя против римлян. Когда же убедился, что тот недостаточно силен сам по себе, то склонил на его сторону других царей и привлек воинственные племена. Но царь пергамский Эвмен, преданнейший друг римлян, выступил против Прузия, так что между ними шла война на суше и на море, и в то время, как Ганнибал горячо желал разгромить Эвмена, тот, благодаря поддержке римлян, имел успех на обоих фронтах. Полагая, что устранение Эвмена облегчит исполнение всех прочих его замыслов, Ганнибал надумал погубить его следующим способом: через несколько дней им предстояло сразиться на море. Противник имел численное превосходство, и потому, уступая в силе, Ганнибал должен был бороться с помощью хитрости. И вот он приказал раздобыть как можно больше живых ядовитых змей и велел поместить их в глиняные горшки. Собрав великое множество этих гадов, созвал он в самый день предстоящей битвы матросов и дал им наказ общими силами напасть на одно единственное судно – корабль царя Эвмена, ограничившись в отношении прочих лишь обороной; это, мол, им легко удастся сделать с помощью скопища гадов, сам же он позаботится известить их, на каком корабле находится царь. И он обещал им щедрую награду на случай, если они убьют царя или захватят его в плен.

11. После этого обращения к воинам тот и другой флот вышли на боевую позицию. Когда обе эскадры построились, но не был дан еще сигнал к бою, Ганнибал выслал вперед гонца с жезлом, дабы открыть своим людям местонахождение Эвмена. Подплыв к судам противника, посол предъявил письмо и заявил, что должен вручить его царю. Поскольку никто не усомнился, что в послании содержатся какие-то мирные предложения, его тотчас доставили к царю, а он, обнаружив для своих корабль командующего, возвратился туда, откуда прибыл. Эвмен же, вскрыв письмо, не нашел в нем ничего, кроме оскорблений. Изумляясь и недоумевая о цели такого посольства, он все же не замедлил тотчас начать бой. При столкновении противников вифинцы, следуя наказу Ганнибала, дружно атаковали судно Эвмена. Оказавшись не в состоянии выдержать их натиск, тот стал искать спасения в бегстве, и не нашел бы его, если бы не укрылся в одной из своих укрепленных гаваней, которые были расположены на ближайшем берегу. Остальные пергамские корабли все ожесточеннее теснили противника, как вдруг на них посыпались глиняные горшки, о которых я упомянул выше. Эти металлические снаряды сначала вызвали у бойцов смех, поскольку невозможно было понять, что все это означает. Когда же они увидели, что суда их кишат змеями, то пришли в ужас от нового оружия и, не зная от чего спастись в первую очередь, пустились в бегство и возвратились на свои стоянки. Так Ганнибал хитроумно одолел пергамскую рать. И не только в этом бою, но и во многих других уже сухопутных сражениях побеждал он неприятеля с помощью таких же уловок.

12. Пока эти события происходили в Азии, случилось так, что в Риме послы Прузия обедали у консулара Т. Квинкция Фламинина, и когда за столом был упомянут Ганнибал, один из них сказал, что тот находится во

владениях Прузия. На следующий день Фламиний доложил об этом сенату. Отцы-сенаторы, считавшие, что не будет им покоя, пока жив Ганнибал, отправили в Вифинию легатов, среди которых был и Фламиний, с наказом требовать от царя, чтобы он не держал при себе злейшего врага Рима, но выдал его послам²². Прузий не посмел отказать гостям и уперся лишь на том, что послы не должны требовать, чтобы он выдал Ганнибала лично, поскольку это нарушило бы долг гостеприимства. Пусть, мол, они сами ловят его, как могут, а местонахождение его будет найти легко. В самом деле Ганнибал всегда пребывал в одном месте – в крепости, данной ему царем в подарок. Замок этот он отстроил таким образом, чтобы со всех сторон здания имелись выходы, которые, как он опасался, ему пригодятся. Так оно и случилось. Когда римские послы явились туда и окружили дом большим отрядом, мальчик-слуга, заметив их от порога, сообщил Ганнибалу, что появилось необычно много вооруженных людей. Тот приказал ему обойти кругом все двери и спешно доложить, со всех ли сторон одинаково обложено здание. Мальчик быстро донес ему, как обстоит дело, удостоверив, что все выходы заняты, и тогда Ганнибал понял, что это сделано не случайно, что охотятся за ним и что жить ему дольше нельзя. Не желая, чтобы чужие люди решали его судьбу, верный прежней своей доблести, он принял яд, который привык всегда держать при себе.

13. Так, на 70-м году жизни, после долгих и многих трудов, упокоился этот доблестнейший человек. При каких консулах он скончался – неясно. Например, Атик в своих *Анналах* сообщает, что он умер в консульство М. Клавдия Марцелла и Кв. Фабия Лабеола, Полибий говорит о Л. Эмилии Павле и Гн. Бебии Тамфиле, а Сульпиций Блтон называет П. Корнелия Цетега и М. Бебия Тамфила²³. Добавим, что этот великий муж, обремененный великими военными предприятиями, не жалел времени на ученые занятия, ибо после него осталось несколько сочинений на греческом языке, в том числе книга к родосцам о деяниях Гн. Манлия Вольсона в Азии²⁴.

Многие историки описывали его войны, но среди них есть два автора, Силен и Сосил Лакедемонянин, которые сопровождали его в походах и жили вместе с ним, пока это угодно было судьбе. Тот же Сосил служил Ганнибалу и как учитель греческой словесности.

Но пора уже мне кончить эту книгу и поведать о подвигах римских полководцев, чтобы читатель, сравнив деяния иноземных и своих вождей, легче решил, кому отдать предпочтение.

¹ Непот риторически преувеличивает непобедимость Ганнибала. М. Клавдий Марцелл, пятикратный консул, «меч» Рима, несколько раз одолевал великого полководца в открытом бою: в конце 216 и в 215 гг. – под Нолой, в 210 г. – под Нумистроном.

² Филипп V Македонский в 215 г. заключил с Ганнибалом союзный договор, коим обязывался оказывать карфагенянам помощь. Причиной тому послужила встречная агрессия Рима и Македонии в иллирийские области Адриатического моря. Во время 1-ой Македонской войны (215-205 гг.) римляне не допустили появления македонских войск в Италии: военные действия шли сначала на западных берегах Балканского полуострова, а в 211 г. римляне вступили в союз с противниками Филиппа в Греции (Этолия, Спарта, Элида, Мессения, к которым присоединился пергамский царь Аттал), навязав своему противнику «домашнюю» войну. Мир с Македонией был заключен накануне похода Сципиона в Африку, но сразу же по окончании Ганнибаловой войны римляне высадили свои легионы на Балканском полуострове, развязав 2-ю Македонскую войну (200-197 гг.). Она велась под лозунгом освобождения Эллады от Македонской гегемонии. Сирийский царь Антиох, союзник Филиппа, воздержался от помощи своему партнеру.

³ Одержав победу над Филиппом, Рим распространил требование свободы на малоазийские греческие города, подчинявшиеся Антиоху. Во второй половине 90-х годов происходил интенсивный обмен посольствами между Римом и Сирией, назревал конфликт. В 192 г. на переговоры с Антиохом отправились П. Сульпиций Гальба и П. Виллий Таппул, воевавшие в 200-199 гг. с Филиппом; к их миссии присоединился Сципион Африканский. В Эфесе Виллий и Сципион дружески встречались с Ганнибалом, по слухам – намеренно компрометируя его перед царем.

⁴ Сыновья Барки (Ганнибал, Гасдрубал и Магон) после смерти отца были отправлены из военного лагеря в Карфаген. Через 5 лет Ганнибал вернулся в Испанию и 3 года служил под началом своего родича (до гибели Гасдрубала в 221 г.).

⁵ Сагунт – греческая колония, состоявшая в союзе с Римом; к концу III в. до н.э. большинство населения ее уже составляли иберы. О местонахождении Сагунта на северном или южном берегу Эбро до сих пор идут споры. Скорее всего, город стоял на правом берегу, в зоне карфагенских владений. Сагунт был разрушен Ганнибалом в 219 г., римское посольство, явившееся по этому поводу в Карфаген, объявило пунам войну весной 218 г.

⁶ Геркулес – греческий герой Геракл. Один из мифических подвигов Геракла — похищение коров Гериона с острова Эрифеи, лежащего в Западных водах мирового Океана. По преданию, на обратном пути Геракл переправился через Пиренеи и Альпы и пересек Италию. Определение альпийского пути Ганнибала – вопрос спорный. Большинство исследователей высказываются в пользу Малого Сен-Бернара или Мон-Сени.

⁷ О боях на Роне и в долине Пада.

⁸ Две консульские армии преграждали Ганнибалу обе главные дороги от северных Апеннин в Среднюю Италию: Фламиниеву, шедшую на Аримин, прикрывал консул Гн. Сервилий; Кассиеву, проложенную к этрусскому городу Аретию, контролировал Гай Фламиний. Карфагенский полководец обошел все заслоны, проведя свое войско через почти непроходимые болота Лигурии.

⁹ Пропретор Гай Центенний был послан на помощь Фламинию консулом Сервилием; весь его отряд в 4 тыс. всадников погиб или попал в плен. Непот очень кратко говорит о двух катастрофических поражениях римской армии: при Тразименском озере в 217 г. и при Каннах в 216 г. Легионы, сражавшиеся при Каннах, возглавляли консулы Г. Теренций Варрон и Л. Эмилий Павел. Варрон – инициатор сражения – покинул поле боя в критический момент и спасся; Павел – противник битвы – разделил участь своей армии.

¹⁰ В этом месте у Непота наблюдается полное смешение фактов: события в Фалернской области происходили в 217 г., осада римлянами Капуи, отпавшей к Ганнибалу, и поход карфагенского полководца на Рим – в 212 г.

¹¹ В случае чрезвычайной опасности римляне вручали верховную власть диктатору – полководцу с чрезвычайными полномочиями, избираемому на 6 месяцев. Помощник диктатора носил звание начальника конницы. М. Минуций Руф, начальник конницы диктатора Фабия, недовольный медлительной тактикой своего командира, порицал его в лагере и в Риме. Демократические вожди, друзья Минуция, добились того, что Народное Собрание уравнило в правах диктатора и его помощника. Неудачная вылазка Минуция была последним провалом агрессивной тактики командиров-демократов (ей предшествовал печальный опыт Фламиния и Варрона).

¹² Тиберий Семпроний Грах, один из ведущих римских военачальников 2-ой Пунической войны, был консулом в 215 и 213 г., проконсулом в 214 и 212 г. – в год своей гибели. Пятикратный консул Марцелл погиб в засаде в 208 г.

¹³ См. прим. 1.

¹⁴ П. Корнелий Сципион, сын консула 218 г., завоеватель Испании, консул 205 г., добился сенатского постановления об отправке римской армии в Африку. Ганнибал покинул Италию осенью 203 г., когда войско Сципиона осадило Карфаген. В следующем году произошло решающее сражение при Заме.

¹⁵ В начале 7 гл. у Непота – целая вереница ложных сведений. Во-первых, после поражения при Заме Ганнибал был самым горячим сторонником мира; во время одного «митинга» он даже стащил с трибуны оратора военной партии. Во-вторых, в 200 г. при консулах Сульпиции и Аврелии римляне отправили в Карфаген посольство с жалобами на карфагенского офицера Гамилькара, оставшегося в Италии и возглавившего враждебных Риму северных галлов. В-третьих, Магон, младший брат Ганнибала, сражавшийся в 205-203 гг. на севере Италии, умер в 203 г. на пути в Африку. Наконец, сразу после подписания мирного договора сенат безвозмездно отпустил домой 200 знатных пунийских пленников.

¹⁶ Имеется в виду верховная магистратура Карфагена – должность двух годовых «судей»-суффетов, напоминавших римских консулов. Ганнибал исполнял ее в 196 г. и прославился блестящей реформой карфагенских финансов.

¹⁷ Непот датирует бегство Ганнибала 196 г. (по консулам М. Клавдию Марцеллу и Л. Фурию Пурпуриону). На самом деле, римское посольство появилось в Африке в 195 г., когда консулом в Риме был Катон, прославившийся впоследствии своими упорными призывами разрушить Карфаген. Примечательно, что два римских легата из трех – Марк Марцелл (сын знаменитого полководца) и Теренций Куллеон могут быть причислены к катоновской группировке.

¹⁸ Сведения о визите Ганнибала в Африку крайне сомнительны, тем более что в них опять мелькает имя давно умершего Магона. Существует более достоверный рассказ (у Ливия, Аппиана и Юстина) об агенте Ганнибала, тирийце Аристоне,сланном в Карфаген от двора Антиоха для организации партии Баркидов. Миссия Аристона провалилась, после чего сирийский царь охладел к великим проектам своего гостя.

¹⁹ Потерпев поражение в Греции при Фермопилах (191 г.), Антиох готовился предотвратить переправу римской армии на азиатский берег. С этой целью он вызвал на запад финикийскую эскадру, вверенную Ганнибалу (190 г.).

²⁰ О поражении Антиоха при Магнезии осенью 190 г.

²¹ Ошибка Непота: Прузий был царем Вифинии (царство на севере Малой Азии). В 80-х гг. II в. он воевал с пергамским царем Эвменом II (197-159 гг.), верным союзником Рима, получившим после Сирийской войны многие внутренние области Малой Азии и протекторат над греческими городами побережья. Сообщение Непота о том, что Прузий готовился к войне с Римом, неправдоподобно.

22. Легаты, требовавшие выдачи Ганнибала: сам Т. Квинкий Фламинин – победитель Филиппа V, эксперт римской политики на востоке в течение многих лет; Л. Сципион – победитель Антиоха, брат Сципиона Африканского; П. Сципион Назика – двоюродный брат Сципиона Африканского. Несмотря на это скопление родственных имен, в римской традиции существовала версия о Сципионе Африканском – противнике травли Ганнибала. Также Плутарх резко противопоставлял мелочную мстительность Фламинина великодушию Сципиона, мягко обошедшегося со своим побежденным врагом. Было ли предъявлено Антиогу требование о выдаче Ганнибала после битвы при Магнезии – вопрос спорный.

²³ Непот называет 183, 182 и 181 гг. Скорее всего, Сципион и Ганнибал умерли в один год – в 183 г. до н.э.

²⁴ Гн. Манлий Вольсон – консул 189 г., подписавший мирный договор с Антиохом. По собственному почину предпринял поход против малоазийских галатов, грабивших греческие города. Армия Вольсона в свою очередь прославилась мародерством и количеством вывезенной из Азии добычи.

Военные силы Рима перед началом Второй Пунической войны (Полибий, «Всеобщая история», II, 24)

Полибий о военных силах Рима перед началом Второй Пунической войны.

Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впоследствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с изумительной отвагой задумал сокрушить, успевши в своих замыслах настолько, что нанес римлянам жесточайшие поражения, необходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских легиона, каждый в пять тысяч двести человек пехоты и триста человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее число их доходило до тридцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы. На помощь римлянам в трудном положении их явились в Рим от сабинов и тирренов до четырех тысяч конницы и больше пятидесяти тысяч пехоты. Римляне соединили их вместе и поставили перед границами Тирреции с претором во главе. От умбров и сарсинатов, занимающих Апеннины, прибыло всего до двадцати тысяч, с ними соединились также в числе двадцати тысяч венеты и гономаны. Эти войска римляне поставили на границах Галатии, дабы вторжением в землю боев заставить вышедших на войну возвратиться домой. Таковы были войска римлян, выставленные для охраны страны. В Риме, ввиду возможных случайностей войны, содержалось запасное войско в двадцать тысяч пехоты »из самих римлян, вместе с ними полторы тысячи конницы, а от союзников – тридцать тысяч пехоты и две тысячи конницы. На доставленных списках значилось: латннов восемьдесят тысяч пехоты и пять тысяч конницы, самнитов семьдесят тысяч пехоты и семь тысяч конницы; от япигов и мессапиев было всего пятьдесят тысяч пехоты и шестнадцать тысяч конницы, от луканев – тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы, от марсов, маррукинов, ферентанев и вестпнов – двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Кроме того, в Италии и Сицилии помещено было два запасных легиона, каждый в четыре тысячи двести человек пехоты и в двести человек копшшы. Из римлян и кампанцев набрано было всего около двухсот пятидесяти тысяч пехоты и двадцать три тысячи конницы. Таким образом, для защиты римских владений выставлено было всего более ста пятидесяти тысяч пехоты и около шести тысяч конницы, а общее число способных носить оружие как римлян, так и союзников превышало семьсот тысяч пехоты и до семидесяти тысяч конницы. На них-то пошел Ганнибал, при вторжении в Италию не имея полных двадцати тысяч войска...

Начало Второй Пунической войны (218-201 гг. до н. э.) (Аппиан, «Римская история, «Война с Ганнибалом», I, 1-3)

1. 1. В этом сочинении излагается, что карфагенянин Ганнибал, вторгшись из Иберии в Италию, испытал от римлян в течение шестнадцати лет, которые он там непрерывно воевал, пока карфагеняне, подвергаясь опасности в своем собственном городе, не призвали его в свои владения, а римляне не изгнали его. Какая же у Ганнибала была истинная причина вторжения и какой внешний предлог, в высшей степени точно показано в Иберийском сочинении; однако я опишу это и здесь для напоминания.

2. Гамилькар, который был прозван Баркой, отец этого Ганнибала, был начальником войск карфагенян в Сицилии, когда римляне и карфагеняне сражались друг с другом из-за этого острова¹. Ввиду распространившегося мнения, что он плохо вел дела, он подвергался преследованиям со стороны врагов и, боясь исхода суда, устроил так, что до сдачи отчета о своих действиях он был выбран полководцем против номадов. Оказавшись же полезным в этой войне и ублагодарив войско грабежами и подарками, он повел его без разрешения общины карфагенян к Гадейрам и переправился через пролив в Иберию², откуда он стал посылать богатую добычу в Карфаген, ублагодаря народ, чтобы, если возможно, он не сердился на него за командование в Сицилии, а так как он приобрел большую область, слава его была велика, и он внушил карфагенянам желание овладеть всей Иберией, как будто это было легким делом. Закинфяне³ же и все другие эллины, бывшие в Иберии, прибегают к помощи римлян, и карфагенянам определена граница их владений в Иберии: они не должны переходить реки Ибера; и это было вписано в договор между римлянами и карфагенянами⁴. После же этого, организовав находящуюся под властью карфагенян Иберию, Барка гибнет, пав в каком-то сражении⁵, и полководцем после него становится Гасдрубал, зять Барки. Последнего на охоте убивает⁶ какой-то слуга⁷, господина которого Гасдрубал казнил.

3.⁸ Третьим после них полководцем в борьбе с иберами провозглашается войском вот этот Ганнибал, считавшийся воинственным и опытным в военных делах; он был сыном Барки и братом жены Гасдрубала; он был очень юным и еще как подросток постоянно находился при отце и зяте. И народ карфагенян постановил вручить ему командование⁹. Таким образом, Ганнибал, о котором я пишу дальше, становится полководцем карфагенян в области иберов; когда же враги Барки и Гасдрубала стали преследовать их друзей и презирали этого Ганнибала, как еще слишком молодого, Ганнибал, полагая, что это начало похода против него, и считая, что лично он будет в безопасности, если его отечество будет испытывать страх, стал приходить к мысли ввергнуть их в какую-либо великую войну. Он предполагал, как это и оказалось на деле, что война между римлянами и карфагенянами будет длительной, ему же принесет великую славу сама попытка, даже если бы случилось, что он потерпит в ней неудачу; говорили, что когда он был еще мальчиком, отец заставил его поклясться у алтарей, что он никогда не перестанет вредить римлянам. Ввиду всего этого он задумал в нарушение договора перейти Ибер, и для того, чтобы иметь предлог, он подговорил некоторых выступить обвинением против закинфян¹⁰. Написав об этом тотчас же в Карфаген и прибавив, что римляне тайком возбуждают Иберию к отпадению от них, он получил от карфагенян разрешение действовать, как он найдет нужным. И вот, перейдя Ибер, он до основания разрушил город закинфян, вследствие чего был нарушен договор между римлянами и карфагенянами, заключенный ими после войны в Сицилии.

¹ В Первую Пуническую войну, в 246-241 гг. до н.э.

² В 237 г. до н.э.

³ Сатунтинцы.

⁴ Ср. у Полибия.

⁵ При осаде Гелики в 229/228 г. до н.э.

⁶ В 221 г. до н.э.

⁷ Кельтский раб.

⁸ 220 г. до н.э.

⁹ Тотчас же после смерти Гасдрубала, т.е. в 221 г. до н.э.

¹⁰ Сагунтинцев; 219 г. до н.э.

Переход карфагенян через Альпы (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXI, 32-38)

Тит Ливий о начале Второй Пунической войны и о совершенном карфагенянами переходе через Альпы.

Консул П. Корнелий между тем через три дня приблизительно после того, как Ганнибал оставил берег Родана, с выстроенным в боевой порядок войском прибыл к неприятельскому лагерю, намереваясь немедленно дать сражение. Когда же он увидел, что укрепления покинуты и что ему нелегко будет нагнать неприятеля, так далеко зашедшего вперед, он вернулся к морю и к своим кораблям, думая, что ему будет и легче, и безопаснее, переправив войско в Италию, выйти Ганнибалу навстречу, когда он будет спускаться с Альп. А чтобы Испания, его провинция, не ждала напрасно вспомогательных войск со стороны Рима, он послал туда для войны с

Газдрубалом своего брата Г. Сципиона с большей частью войска, поручив ему не только защищать прежних союзников и привлекать на свою сторону новых, но и изгнать Газдрубала из Испании. Сам он с очень незначительными силами направился в Геную, чтобы защищать Италию с помощью того войска, которое находилось в равнине Пада.

Ганнибал же, перешедши Друенцию, отправился вверх по лугам, не встречая никаких препятствий со стороны населявших эту местность галлов, пока не приблизился к Альпам. Здесь, однако, воины, хотя они и были заранее подготовлены молвой, обыкновенно преувеличивающей то, о чем человек не имеет ясного понятия, все-таки были вторично поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, сливающиеся почти с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа, как одушевленная, так и неодушевленная, казалась окоченевшей от мороза, все производило на очевидцев удручающее впечатление, не поддающееся описанию. Вдруг, когда войско поднималось по косовету, показались горцы, занявшие господствующие высоты. Если бы они устроили такую засаду в более скрытой части долины и затем вдруг бросились бы в бой, то они прогнали бы неприятеля со страшным уроном. Ганнибал велел войску остановиться и выслал вперед галлов исследовать местность; узнав от них, что взять проход невозможно, он расположился на самой широкой ровной полосе, какую он только мог найти, имея на всем протяжении лагеря по одну руку – крутизну, по другую – пропасть. Затем он велел тем же галлам, которые т по языку, ни по нравам особенно не отличались от туземцев, подойти к ним и принять участие в их разговорах. Узнав таким образом, что проход оберегается только днем, ночью же осаждающие удаляются восвояси, он с рассветом опять двинулся под занятые неприятелем высоты, как бы желая открыто и днем пробиться через теснину. Проведши, таким образом, целый день в попытках, ничего общего с его настоящими намерениями не имеющих, он снова укрепился в том же лагере, в котором войско оставалось в предыдущую ночь. А как только он убедился, что горцы покинули высоты, оставивши только редкие караулы, он для отвода глаз велел развести гораздо больше костров, чем этого требовало число остающихся в долине, а затем, покинув обоз, конницу и большую часть пехоты и взяв с собою только самых смелых из легковооруженных, быстро прошел через теснину и занял те же высоты, на которых до тех пор сидели враги.

С наступлением дня остальное войско вышло из лагеря и двинулось вперед. Горцы по условленному знаку уже покинули свои укрепленные хутора и с разных сторон приближались к своим обычным позициям, как вдруг они заметили, что одна часть врагов заняла их твердыню и находится над их головами, а другая по тропинке переходит через теснину. Оба эти явления, будучи замечены ими одновременно, произвели на них такое впечатление, что они некоторое время неподвижно стояли на месте: но затем, убедившись, что в ущелье дарит замешательство, что войско своей же собственной тревогой расстроено и более всего беснуется лошади, они решили, что, стоит им хоть на волос увеличить это смятение, и врагу не избежать гибели. И вот они, как люди, одинаково привыкшие лазить как по доступным, так и по недоступным скалам, с двух различных склонов стремительно спускаются на тропинку. Тогда пунийцам пришлось одновременно бороться и с врагами, и с неблагоприятной местностью; а так как каждый старался, как бы ему самому поскорее избавиться от опасности, то они едва ли не более дрались между собою, чем с врагом. Более всего подвергали войско опасности лошади. Уже один резкий крик неприятелей, раздававшийся с особенной силой в лесистой местности и повторяемый эхом гор, пугал и приводил их в замешательство; когда же в них случайно попадали камень или стрела, они приходили в бешенство и сбрасывали в пропасть и людей, и всякого рода поклажу в огромном количестве. В этом ужасном положении много людей было низринуто в бездонную пропасть, так как дорога узкой полосой вела между стеной и обрывом, в том числе и несколько воинов; но особенно страдали вьючные животные: со своим багажом они скатывались вниз наподобие обвала. Ганнибал, хотя и был возмущен этим зрелищем, стоял, однако, неподвижно и сдерживал свой отряд, не желая увеличивать ужас и замешательство войска. Когда же он увидел, что связь между обеими частями колонны прервана и что ему грозит опасность совсем потерять обоз, – а в таком случае мало было бы пользы в том, что вооруженные силы прошли бы невредимыми, – он спустился со своих высот и одною силой своего натиска прогнал врагов, но и увеличил смятение своих. Это смятение, впрочем, тотчас же угасло, как только распространилась уверенность, что враг бежал и проход свободен, и они все были переведены без дальнейшей опасности и даже, можно сказать, при полной тишине. Затем Ганнибал взял главное укрепленное селение этой местности и окрестные хутора и добыл в них столько хлеба и скота, что войску хватило продовольствия на три дня; а так как испуганные горцы в первое время не возобновляли нападения, а местность особенных препятствий не представляла, то он в эти три дня совершил довольно длинный путь.

Продолжая свой поход, он прошел в другую область, довольно густо населенную, насколько это возможно в горах земледельческим людом. Здесь он едва не сделался жертвой – не открытой войны, а тех искусств, в которых он сам был мастером, – обмана и хитрости. Почтенные годами представители селений приходят к Ганнибалу в качестве послов и говорят ему, что они, будучи научены спасительным примером чужих несчастий, предпочитают быть друзьями пунийцев и не желают испытать на себе их силу; они обещают ему поэтому повиноваться его приказаниям, а пока предлагают ему съестных припасов, проводников и – в виде поруки за свою верность – заложников. Ганнибал решил не доверять им слепо, но и не отвергать их предложения, чтобы они, будучи оскорблены его отказом, не превратились в открытых врагов; поэтому он дал

им ласковый ответ, принял заложников, которых они предлагали, и воспользовался припасами, которые они сами вынесли на дорогу, но последовал за их проводниками далеко не в том порядке, в каком он провел бы свое войско через дружелюбно расположенную область. Впереди шли слоны и конница, а сам он с самыми сильными отрядами пехоты замыкал шествие, заботливо оглядываясь по сторонам. Едва успели они войти в тесный проход, ведущий по правую руку мимо высокой горы, как вдруг варвары отовсюду высыпали из своих засад; и с фронта, и с тыла напали они на войско, то стреляя в него издали, то вступая в рукопашный бой, то скатывая на идущих мимо громадные камни. Но главные их силы беспокоили задние ряды войска; пехота обернулась, чтобы отразить их нападение, но убедилась на опыте, что, не будь тыл войска защищен, поражение, которое они претерпели бы в этом ущелье, было бы ужасным. Да и так они подверглись крайней опасности и едва не погибли. Пока Ганнибал стоял на своем месте, не решаясь повести в теснину пехоту – ведь никто не оберегал ее тыл подобно тому, как он сам оберегал тыл конницы, – горцы с фланга ударили на идущих, прорвали шествие как раз посередине и заняли дорогу, так что Ганнибалу пришлось провести одну ночь без конницы и без обоза.

Но на другой день ряды врагов, занимавших среднюю между обеими частями войска позицию, стали редеть, и связь была восстановлена. Таким образом пунийцам удалось пройти через это ущелье хотя не без урона, но все же потеряв не столько людей, сколько выючного скота.

Во время дальнейшего шествия горцы уже в менее многочисленных шайках нападали на них, и это были скорее разбойнические набеги, чем битвы; собравшись, они бросались то на передние ряды, то на задние, пользуясь благоприятными условиями местности и неосторожностью пунийцев, то заходивших вперед, то отстававших. Слоны очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, но зато они доставляли безопасность той части войска, в которой они шли, так как враги, никогда этих животных не видавшие, боялись подходить к ним близко. На девятый день достигли они альпийского перевала, часто пролагая себе путь по непроходимым местностям и несколько раз сбиваясь с дороги; то их обманывали проводники, то они сами, не доверяя им, наугад выбирали путь и заходили в глухие долины. В продолжение двух дней они стояли лагерем на перевале; воинам, утомленным работами и битвами, было дано время отдохнуть; а несколько выючных животных, скатившихся было со скал, ступая по следам войска, пришли в лагерь. Воины все еще были удручены столькими несчастиями, обрушившимися на них, как вдруг, к их ужасу, в ночь заката Плеяд выпал снег. На рассвете лагерь был снят и войско лениво двинулось вперед по дороге, на всем протяжении занесенной снегом; у всех на лице лежал отпечаток тоски и отчаяния. Тогда Ганнибал, опередив знамена, велел воинам остановиться на горном выступе, откуда можно было обозревать широкое и далекое пространство, и показал им Италию и расстилающуюся у подножия Альп равнину Пада. «Теперь вы переходите, – сказал он им, – стены не только Италии, но и Рима. Отныне все пойдет, как по ровному, отпетому склону: одна или много две битвы отдадут в наши руки и нашу власть кремль и столицу Италии».

Отсюда войско пошло дальше в таком бодром настроении, что даже враги не посмели тревожить его и ограничивались маленькими грабительскими вылазками. Надобно, однако, заметить, что спуск был гораздо затруднительнее восхождения, так как альпийские долины почти повсеместно на итальянской стороне короче, но и круче. Почти на всем своем протяжении тропинка была крута, узка и скользка, так что воину трудно было не поскользнуться, а раз, хотя и слегка, поскользнувшись, – сохранить в падении свое место. Таким образом, одни падали на других, животные – на людей.

Но вот они дошли до скалы, где тропинка еще более суживалась, а крутизна была таковой, что даже воин налегке только после долгих усилий мог бы спуститься, цепляясь руками за кусты и выдающиеся там и сям корпи. Скала эта и раньше, по природе своей, была крута; теперь же, вследствие недавнего обвала, она обмывалась отвесной стеной на глубину тысячи приблизительно футов. Пришедши к этому месту, всадники остановились, не видя далее перед собой тропинки, и когда удивленный Ганнибал спросил, зачем эта остановка, ему сказали, что перед войском – недоступная скала. Тогда он сам отправился осматривать местность и пришел к заключению, что, несмотря на крупную трату времени, следовало повести войско в обход по местности, где не было ни тропинки, ни следа человеческих ног. Но этот путь оказался решительно невозможным. Сначала, пока старый снег был покрыт достаточно толстым слоем нового, ноги идущих легко находили себе опору в нем вследствие его рыхлости и умеренной глубины. Но когда под ногами стольких людей и животных его не стало, им пришлось ступать по гололедице и жидкой гуще полурастаявшего снега. Страшно было смотреть на их усилия; нога даже следа не оставляла на скользком льду и при покатости места совсем не могла держаться на нем, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руки или колено, то и эта опора скользила, и он вторично падал. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали свои копыта даже в нижний слой; они тогда падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязши в твердом и насквозь обледевшем снегу, как в капкане.

Убедившись наконец, что и животные, и люди только понапрасну истощили свои силы, Ганнибал опять велел разбить лагерь на перевале, с трудом расчистив для этого место: столько снегу пришлось срыть и вынести за окопы. На следующий день он повел воинов пробивать тропинку по скале – единственному месту, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они срубают и обрубают огромные деревья,

которые росли недалеко, и строят небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажи-гают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. После этого они, обрабатывая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, делают ее доступной, смягчая серпентинами умеренного наклона чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только выючные животные, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, причем животные едва не издохли от голода: действительно, верхние склоны гор почти везде состоят из голых скал, а если и есть какой корм, то его заносит снегом.

В низовьях долины, напротив, есть и согреваемые солнцем холмы, и ручьи, окаймляющие рощи, и вообще места, заслу-живающие быть жилищем человека. Здесь лошадей пустили пастись, а людям, утомленным от сооружения тропинки, был дан отдых. Отсюда они через три дня достигли равнины; чем дальше, тем мягче делался и климат страны, и нравы жителей.

Таким-то образом Ганнибал совершил путь в Италию, употребив, по мнению некоторых историков, пять месяцев на шествие от Нового Карфагена до подножия Альп и 16 дней на переход через Альпы. Сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию, относительно этого пункта источники совершенно несогласны друг с другом: самая высокая цифра – 100 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы, и самая низкая – 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Более всех поверил бы я Л. Цинцию Алименту, который, по его собственному признанию, был взят в плен Ганнибалом; но он не дает определенной цифры численности пунического войска, а прибавляет к нему галлов и лигуров и говорит, что, включая их, Ганнибал привел – я думаю – скорее, что эти силы соединились с Ганнибалом уже в Италии, как то и сообщают некоторые источники, – 80 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы; сверх того он прибавляет, что Ганнибал, по его собственным словам, со времени своего перехода через Родан потерял 36 тысяч человек и несметное число лошадей и других выючных животных., Первым народом, в пределы которого Ганнибал вступил, спустившись в Италию, было полугалльское племя тавринов. В этом все согласны; тем более я нахожу странным, что относительно дороги, по которой он перешел через Альпы, может существовать разногласие; а между тем наиболее рас-пространено мнение, по которому Ганнибал перешел через Пеннинские Альпы, и отсюда этот хребет получил свое имя; Целий же утверждает, что он избрал для перехода Кремонский перевал. Но и тот, и другой путь привел бы его не к тавринам, а к горному племени салассов и отсюда к либуйским галлам; к тому же невероятно, чтобы эти два прохода в Галлию уже тогда были доступны, и во всяком случае долины, ведущие к Пеннинской группе, оказались бы занятыми полугерманскими народами. Если же кто полагается на этимологию, то пусть он знает, что ни седунам, ни вераграм, жителям этой области, ничего неизвестно о том, будто их горы получили свое имя от какого бы то ни было перехода пунийцев; а получили они это имя, по их словам, от бога, которого горцы называют Ленином и почитают в капище, выстроенном на главной вершине.

Состав войска Ганнибала (Полибий, «Всеобщая история», III, 33)

При изложении основных событий второй пунической войны нужно остановиться на завоеваниях Карфагена в Испании и захвате союзного Риму города Сагунта, что послужило поводом ко Второй Пунической войне.

Руководствуясь верным, умным расчетом, он [Ганнибал] переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские – в Ливию и тем соединил обе части войск узамы взаимной верности. В Ливию перешли терситы, мастианы¹, кроме того, ореты и олькады². Из этих племен набрано было всего тысяча двести человек конницы и тринадцать тысяч восемьсот пятьдесят пехоты. Сверх этого числа было восемьсот семьдесят человек балеарян³. Настоящее имя их прашники; употребление пращи дало одинаковое название как народу, так и занимаемому им острову. Большую часть поименованных выше войск Ганнибал послал в ливийские Метагонии⁴, а некоторых назначил в самый Карфаген. Из так называемых метагонийских городов он снарядил в Карфаген еще четыре тысячи пехоты, которые должны были служить заложниками и вместе с тем подкреплением ему. В Иберии Ганнибал оставил брату Гасдрубалу пятьдесят пятипалубных кораблей командою, тридцать два корабля пятипалубных и все пять трирем. Конницы оставил он четыреста пятьдесят человек ливии-финикиян⁵ и ливиян, триста лергетов⁶, тысячу восемьсот нумидян, а именно: массолиеи, массайсилиев, мамгоев и живущих при океане мавров; пехоты оставил одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят человек ливиян, триста лигистян, пятьсот балеарян и двадцать одного слона.

Не следует удивляться, что мы с такими подробностями перечислили распоряжения Ганнибала в Иберии, каких едва ли можно бы ожидать даже от того, кто сам делал все эти распоряжения, не следует также опешить с упреком, будто мы уподобляемся историкам, под видом истины предлагающим ложь. Дело в том, что в Лацинии мы нашли этот перечень войск на медной доске, изготовленной по приказанию Ганнибала в бытность его в Италии, и, признав, что начертанный на ней список вполне достоверен, решились воспользоваться этими показаниями.

...[Ганнибал] повел за собою пятьдесят тысяч пехоты и около девяти тысяч конницы; перевалил с ними через так называемые Пиренейские горы к месту переправы через реку, именуемую Роданом. Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии.

¹ Терситы, мастианы – жители городов Тарсеи и Мастия, находящихся в южной части Испании.

² Ореты и олькады – кельтиберские племена, жившие в терракэнской Испании.

³ Балеаряне – жители Балеарских островов. Ливий сообщает, что балеаряне были хорошими пращниками.

⁴ Метагония – видимо, имеется в виду побережье Нумидии и Мавретании.

⁵ Ливиифиникияне – население, появившееся в результате смешанных браков жителей Северной Африки с финикийцами. Значительное количество их жило и по побережью Южной Италии.

⁶ Лергеты – одно из ливийских племен Северной Африки.

Тактика Квинта Фабия Максима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXII, 15)

Относительно тактики Квинта Фабия Максима, командовавшего римскими войсками во Второй Пунической войне, подробное указание мы находим у Тита Ливия. Тит Ливий отмечает, что позиция Фабия Максима, прозванного Кунктатором (Медлителем), осуждалась в Риме и что более оппозиционные круги обвиняли его даже в измене родине. Наряду с этим античный автор высказывает и другую точку зрения, которую, видимо, сам разделяет, а именно: что «наконец-то римляне выбрали полководцем человека, который рассчитывал в ведении войны более на благоразумие, чем на слепое счастье».

Фабий¹ с одинаковым вниманием следил и за неприятелем, и за расположением умов в собственном войске, непоколебим оставался он перед его требованиями. Знал он твердо, что не только в лагере, но и в самом Риме медлительность его ставится ему в вину и поношение. Тем не менее он упорно оставался верен своим планам и остальную часть лета провел в бездействии. Ганнибал, потеряв надежду на желаемый им решительный бой, стоя думать о зимних квартирах. Страна, в которой он находился, наполненная садами и виноградниками, изобиловала предметами роскоши больше, чем предметами первой необходимости. Фабию известно было через лазутчиков намерение Ганнибала, и потому он, зная, что тому предстоит проходить теснины, которыми он проник в Фалернскую область², занял небольшими, отрядами Калликулскую гору и город Казин. Разделяемый пополам рекою Волтурном, город этот стоит на границе Фалернской земли и Кампании; а сам Фабий, по вершинам тех же гор, возвратился назад с войском, отправив Л. Горация Манцина с отрядом четырехсот союзных всадников для рекогносцировки. Л. Гораций принадлежал к числу молодых людей, в кругу которых часто ораторствовал предводитель всадников; сначала он шел осторожно, стараясь с безопасностью для себя следить за движениями неприятеля. Видя, что нумидийские всадники рассеялись для грабежа, Л. Гораций некоторых из них убил. Он разгорелся желанием боя и забыл спасительные предписания диктатора: тот велел ему двигаться так, чтобы, в случае встречи с неприятелем, он мог безопасно от него удалиться, не вступая в дело. Нумидийцы, то отбиваясь от римских всадников, то уходя от них бегством, заманили их почти до самого своего лагеря, изнулив их коней и людей. Тогда главный начальник неприятельской конницы Карталион бросился навстречу римлянам; те пустились бежать, не приблизившись еще к неприятелю на полет стрелы. Карталион с пятью тысячами всадников стал их неумоимо преследовать. Видя, что неприятель не отстает и что уйти от него некуда, Манцин ободрил воинов и, повернув коней, бросился с неприятелем в бой, во всех отношениях далеко не равный. Погиб он и с ним отборные всадники, а прочие рассеялись по полям; сначала они ушли в Калес, а потом по самым глухим тропинкам к диктатору в лагерь.

В этот день к диктатору пришел на соединение Минуций с войском; он ходил по приказанию диктатора прикрыть вооруженным отрядом ущелье, которое по берегу моря, суживаясь у Таррацины, ведет на Агишеву дорогу³ и могло бы, в случае если бы оно было не занято, открыть неприятелю доступ в Римскую область. Соединив свои войска, диктатор и предводитель всадников расположились лагерем на самой дороге, по которой нужно было идти Ганнибалу, в двух милях от неприятеля.

...Во второе лето пунической войны ...благодаря осторожности Фабия римляне в Италии несколько отдохнули от неоднократных поражений. Ганнибал, напротив, был неприятно озабочен, что наконец-то римляне выбрали полководцем человека, который рассчитывал в ведении войны более на благоразумие, чем на слепое счастье... Ганнибал находился в постоянном лагере перед стенами Герония; он сжег этот город, оставив нетронутыми только те здания, которые служили ему вместо житниц. Отсюда он послал две части войска для фуражировки, а с третьей находился сам в лагере, как для его защиты, так и для наблюдения за движениями других частей своего войска, чтобы в случае нужды быть им защитой.

Фабий слышал сначала крики воинов, пришедших в робость, потом издали видел, как войско пришло в смятение. Тогда, обратясь к окружающим, он сказал: «Незамедлительно случится то, чего я опасался, а именно: что судьба казнит самонадеянность. Вождь, в правах власти сравненный с Фабием, должен убедиться, что Ганнибал превосходит его и доблестью, и счастьем. Но будет еще время для упреков и обвинения друг друга, а теперь выносите знамена за лагерные окопы. Исторгнем у неприятеля победу, а у наших сограждан сознание их

вины». Таким образом, когда на поле битвы воины римские одни гибли под мечом неприятеля, другие искали спасения в бегстве, вдруг является туда стройное войско Фабия, как бы помощь, посланная римлянам с неба. Еще не подошло оно к неприятелю на расстояние пущенной стрелы и не вступило в дело, а уже римляне оставили мысль о бегстве, и неприятель перестал их горячо преследовать. Воины римские, дотоле бывшие в беспорядке – ряды их расстроились, – со всех сторон стекались к стройным рядам Фабиева войска, толпы бегущих обращались снова лицом к неприятелю и, стеснившись в кружок, медленно стали отступать и даже останавливались, собираясь во все более и более значительные кучки. Вскоре побежденное войско и вновь прибывшие составили одно целое; они двинулись вперед навстречу неприятелю. Ганнибал велел играть отбой, сознавая, что, победив Минуция, он побежден Фабием⁴.

¹ Квинт Фабий Максим, по прозвищу Кунктатор (Медлитель), был назначен главнокомандующим римскими войсками во второй пунической войне, после того как римляне потерпели жестокое поражение в битве при Тразименском озере.

² Фалернская область расположена в средней Италии; ее разграбили войска Ганнибала, чтобы собрать продовольствие для карфагенской армии.

³ Аппиева дорога была сооружена римлянами в 312 г. до н. э. по предложению цензора Аппия Клавдия. Дорога эта соединяла Рим с Кампанией. В случае захвата ее неприятелем, создавалась серьезная угроза безопасности Рима.

⁴ В предыдущей главе рассказывается о том, как римляне под командой Марка Минуция во вторичном сражении с войсками Ганнибала начали терпеть поражение. Спасло их лишь то, что на помощь подоспел Фабий Максим.

Битва при Каннах **(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXII, 45-49)**

Битва при Каннах – крупнейшее сражение Второй Пунической войны, произошедшее 2 августа 216 г. до н. э. около города Канны в Апулии на юго-востоке Италии. Тит Ливий дает подробное ее описание.

Между тем как время проходило не в благоразумных совещаниях, а в бесполезных распрях, Ганнибал провел большую часть дня, стоя в поле с войском, готовым к бою. Потом он прочие войска увел в лагерь, а нумидян послал по ту сторону реки для нападения на римлян, из меньшего лагеря ходивших за водой. Без труда нумидяне, как только переправились на тот берег, криками своими и натиском обратили в бегство нестройную толпу римлян и преследовали ее почти до самых лагерных ворот и поста, стоявшего для их прикрытия. С негодованием римляне видели, что даже нерегулярные неприятельские войска внушают им ужас, и если только римляне тотчас не перешли реку и не вступили в бой с неприятелем, то это потому, что в этот день главное распоряжение принадлежало Павлу. А потому Варрон¹ на следующий день, когда право начальства по жребию принадлежало ему, не спросив даже совета у товарища, дал знак к бою и перевел войска свои через реку. Павел последовал за ним: не одобряя действий товарища, он не мог оставить его совершенно. На той стороне реки римские военачальники взяли с собою и те войска, которые находились в меньшем лагере. Собрав таким образом все свои силы, они устроили их в боевом порядке: на правом крыле, находившемся ближе к берегу реки, они поставили римских всадников, а возле них пехоту. Союзная конница составляла крайнее левое крыло; ближе стояла союзная пехота, примыкавшая к пехоте легионов. Первую боевую линию составляли пращники вместе с другими легковооруженными войсками их союзников. На левом крыле начальствовал Теренций, а на правом Эмилий. Гемину Сервилию было поручено командование в центре боевой линии.

Ганнибал, лишь только рассвело, отправил вперед балеарян² и легковооруженных воинов, а сам перешел реку; тут он строил свои войска в боевом порядке по мере того, как они переходили реку. На левом крыле к берегу реки против римской конницы он поставил галльскую и испанскую конницу, а правое крыло составил из нумидян; центр он укрепил пехотою; таким образом оба крыла состояли из уроженцев Африки, а средину между ними наполняли галлы и испанцы. Африканцы совершенно походили наружным видом на римлян; они имели с ними одинаковое оружие, которое досталось им как военная добыча у Требии и Тразимена³. Галлы и испанцы имели щиты почти одинаковой формы; но мечи, которыми они были вооружены, далеко не походили друг на друга. У галлов были длинные и без острия наверху, а у испанцев, которые в битве привыкли более колоть, чем рубить с плеча, короткие и острые. Как галлы, так и испанцы производили на зрителя впечатление ужаса как своим наружным видом, так и особенностью их костюма: галлы были обнажены до пояса, а испанцы были одеты в белые одежды, вышитые красным; издали их одежды как бы блистали, из-за ослепительной белизны. По мнению современников, число сил, бывших в войске у Ганнибала, достигало сорока тысяч пехоты и десяти тысяч конницы. Левым крылом командовал Газдрубал, а правым Магарбал; центр занял сам Ганнибал с братом Мароном. Так как римляне стояли лицом к югу, а карфагеняне к северу, то свет солнечных лучей падал на них сбоку, что было для последних весьма благоприятным обстоятельством, а ветер, называемый туземцами вултурном⁴, гнал облака пыли прямо в лицо римлянам. После первых воинских кликов вспомогательные войска двинулись вперед; в бой вступили сначала легковооруженные войска. Вслед за тем левое крыло испанских и галльских всадников вступило в бой с правым крылом римских; но сражение здесь менее всего походило на дело конницы. Всадникам можно было действовать против фронта; развернуться же и удлинить фронт было невозможно; с одной стороны была река, а с другой ряды пехоты позволяли коннице

действовать только напротив себя. Лошади вынуждены были остановиться, и скоро были сжаты в происшедшей тесноте; воин хватался за противника и стаскивал его с коня. Таким образом, схватка конниц стала скоро походить более на дело пехоты. Сражение было упорное, но не продолжительное; римские всадники были оттеснены. Когда дело конниц стало подходить к концу, сразились обе враждебные пехоты. Сначала ряды галлов и испанцев храбростью и силами не уступали римлянам; наконец римляне после неоднократных усиленных нападений своим густым и прямым строем сломили неприятеля, ряды которого были не очень густы и притом, что уже ослабляло им силы, выдавались вперед клином против расположения прочих войск. Когда неприятель, уступая римлянам, поспешно и в беспорядке стал отступать, римляне преследовали его по пятам и в этом натиске поспешно прошли по рядам бежавшего неприятеля, не помнившего себя от страха, через самый центр его позиции и остановились, лишь наткнувшись на резерв африканцев: они стояли в виде полукружия в обе стороны растянув свои крылья; только центр, состоящий из галлов и испанцев, выдавался вперед. Когда они потерпели поражение, в бегстве поравнявшись с фронтом африканцев, а потом вдавшись даже в глубину составленного ими полукружия, то африканцы стали растягивать крылья, и когда римляне опрометчиво зашли в середину, они обошли их кругом и с тылу преградили им возможность отступления. Таким образом бой, который римляне считали уже поконченным, оказался бесполезным, и римляне, оставив галлов и испанцев, задним рядам которых нанесли они страшное поражение, должны были начать новый бой против африканцев. Бой этот не мог быть равен: римляне должны были со всех сторон давать отпор окружавшим их врагам и притом, утомленные прежним боем, иметь дело со свежими и нетронутыми силами неприятеля.

Уже и на левом крыле римлян, где союзная конница поставлена была против нумидян, загорелся бой, сначала он шел довольно вяло, но скоро был ознаменован коварным поступком, достойным карфагенян. Около пятисот нумидян, кроме обыкновенного оружия, припрятав под панцири мечи, закинув щиты на плечо, прискакали в виде перебежчиков к римским рядам. Соскочив с коней, щиты свои и дротики бросили к ногам противников; их пропустили в середину строя и в самом тылу велели им спокойно дожидаться окончания боя. Они действительно не трогались с места, пока бой разгорался по разным пунктам. Когда же внимание всех было поглощено сражением, мнимые перебежчики, схватив щиты, во множестве валявшиеся в кучах мертвых тел на местах сражения, напали с тылу на ряды римлян. Поражая их в спину, они нанесли им страшный урон, но еще более причинили страху и замешательства.

Уже почти везде в рядах римлян господствовали ужас и бегство; кое-где только продолжалась еще упорная борьба, но уже почти без надежды на успех. Газдрубал, имевший в этой стороне главное начальство, вывел из середины боя нумидян, замечая, что они начинают слабеть в сражении с противниками, и послал их преследовать бегущих, а галльскую и испанскую пехоту подвинул на помощь африканцам, выбившимся из сил, не столько сражаться с неприятелями, сколько убивать их.

На другой стороне поля битвы консул Павел, еще в начале сражения тяжело раненный ударом пращи, не раз бросался в самую середину схватки с воинами Ганнибала и таким образом не раз возобновлял бой под прикрытием римских всадников. Наконец они вынуждены были сойти с коней, так как у консула не доставало более сил уцелять лошадью. Говорят, что Ганнибал, когда ему донесли, что консул велел спешиться своим всадникам, сказал: «Это все равно, чтобы он мне их отдал связанными по рукам и ногам». Бой спешившихся всадников был таким, какого ожидать надобно было при видимой уже победе неприятеля. Они предпочитали умирать на своем посту, чем бежать. Победители же в негодовании на замедление победы безжалостно рубили тех, которых не могли согнать с места. Наконец удалось им обратить противников в бегство, когда их оставалось уже немного, да и те выбились из сил от утомления и ран. Тут все рассеялись, и те, которые могли, спешили снова садиться на коней, чтобы скорее бежать. Гн. Лентул, военный трибун, скакал на коне. Увидев сидевшего вблизи на камне покрытого кровью консула, он оказал ему: «Люций Эмилий! Боги должны были бы уважать в тебе человека, который один не виновен в несчастном событии нынешнего дня. Возьми моего коня: пока есть в тебе еще остаток сил, я могу поднять тебя и защищать. Не делай этого поражения печально знаменитым смертью консула: и без того будет довольно слез и плача!» Консул на это отвечал ему: «Мужайся в доблести, Гней Корнелий! Берегись, как бы в бесплодном обо мне сожалении не истратил ты немногих минут, которые остались тебе, чтобы уйти от неприятеля. Беги, возвести всенародно сенаторам, чтобы они приняли меры к защите города и стены его снабдили защитниками прежде, чем подойдет к городу враг-победитель. От меня частным образом скажи Квинту Фабию, что Люций Эмилий всегда имел в памяти при жизни его наставления и умирает им верен. А мне не дай пережить такого страшного побоища моих воинов! Не хочу я ни снова быть обвиненным по выходе из консульства, ни обвинением товарища моего доказать свою невинность, обличив преступление другого». Пока они это говорили, нахлынула толпа беглецов, а вслед за нею и неприятелей: они осыпали стрелами консула, не зная, кто он, а Лентул в происшедшей суматохе спасся благодаря своему коню. Бегство римского войска сделалось общим. Семь тысяч воинов ушли в малый лагерь, десять в большой, а две тысячи искали убежища в самой деревне Кантах. Эти последние тотчас сделались добычею Карталиона и его всадников, так как Канны не были прикрыты никакими укреплениями. Другой консул, или случайно, или с целью, не последовал ни за одним отрядом бегущих, а с семидесятью всадниками убежал в Венузию⁵. Говорят, что в этом сражении римляне потеряли сорок пять тысяч человек пехоты и две тысячи семьсот всадников, половина на половину граждан и союзников. В числе погибших были оба

консульские квесторы Л. Атилий и Л. Фурий Бибакул, двадцать один военный трибун; много бывших консулов, преторов и эдилов, в числе их Гн. Сервилий Гемин и М. Минуций, последний был в прошедшем году предводителем всадников, а за несколько лет перед тем консулом. Кроме того, погибло восемьдесят человек частью сенаторов, частью людей, отправлявших такие должности, которые дают право на вход в сенат; все они добровольно записались на службу в легионы. В плен досталось неприятелю, как говорят, до трех тысяч человек пехоты и триста всадников.

¹ Командовали римскими войсками поочередно 2 консула 216 г. до н. э.: Гай Теренций Варрон – сторонник решительных военных действий, и Люций Эмилий Павел, который придерживался тактики Фабия Максима.

² Балеаряне – жители Балеарских островов. Ливий сообщает, что балеаряне были хорошими пращниками.

³ В сражениях при Требии и Тразимене римляне потерпели решительное поражение и бежали, бросив свое оружие и боевые доспехи.

⁴ Вултурн – резкий юго-восточный ветер, получил свое название от горы Вултур в Кампании.

⁵ Венузия – город в Самнии.

Переход Капуи на сторону Карфагена после поражения Рима в битве при Каннах (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 3, 7)

Битва при Каннах – сражение, приведшее к поражению римлян, послужило причиной отпадения от Рима союзных италийских городов и в первую очередь Капуи. Тит Ливий, рассказывая об этих событиях, говорит, что послы Кампании заключили мир с Ганнибалом и истребили всех римлян, находившихся в Капуе. Тем не менее положение Ганнибала в Италии было очень трудным, так как он перестал получать подкрепления из Карфагена. Это было использовано римлянами, высадившими в Африке свои войска. В битве при Заме карфагеняне потерпели решительное поражение.

В результате победы Рима над Карфагеном во Второй Пунической войне неизмеримо увеличилось значение Рима. Карфаген же после этой войны стал второстепенным государством Средиземноморья.

Тогда созвал Пакувий народное собрание и сказал следующее: «Кампанцы! ваше давнишнее желание – излить месть и справедливое негодование на ваших бессовестных и ненавистных сенаторов¹ – исполнилось, и не нужно вам для этого с большой для вас опасностью брать силой дом каждого сенатора, защищенный толпою клиентов и рабов; можете вы казнить сенаторов без малейшей для вас опасности. Они в вашей власти, все заперты в здании оеиата, безоружные и бессильные. Об одном прошу вас: не действуйте торопливо и необдуманно. О каждом из сенаторов отдельно выскажете вы ваш приговор, и пусть каждый примет то наказание, какого вы его признаете достойным. Впрочем, давая волю негодованию вашему, не забудьте о том, чего требует ваша собственная польза и безопасность. Вы, я знаю, ненавидите теперешних сенаторов; но, конечно, не желаете вовсе не иметь сената. Одно из двух: или в вольном государстве необходимо иметь общественный совет из лучших граждан, или вам нужно будет избрать царя; но и говорить вам об этом ненавистно. А потому должны вы иметь в виду два обстоятельства: уничтожить прежний сенат и на место его выбрать новый. Я прикажу вызывать бывших сенаторов каждого поочередно и поодиночке и буду опрашивать вашего о нем мнения; с ним будет поступлено так, как вы определите; но прежде чем казнить виновного, выберете на его место человека хорошего и достойного».

Сказав это, Пакувий сел на свое место; он приказал имена сенаторов, написанные на билетиках, перемешать в урне и какое первое вынулось, того сенатора привести из места заседаний. Когда провозглашено было имя одного из сенаторов, то все граждане в один голос закричали, что человек он дурной, зловерный и достоин казни. Пакувий скавал на это: «Хорошо, вижу ваше мнение об этом сенаторе, его не будет; но вместо этого дурного и зловерного человека выберите прежде хорошего и честного». Сначала слова Пакувия встречены были общим молчанием; каждый совестился сказать; наконец кто-то, преодолев это чувство совестливости, назвал одно имя. Тут-то поднялись крики: одни говорили, что вовсе его не знают, а другие прямо укоряли его дурными поступками или низостью происхождения и гнустностью занятия и ремесла. То же самое еще в большей степени случилось при выборе второго и третьего сенатора. Прежний сенатор не нравился гражданам, но кем заменить его они никак не могли согласиться между собою. Бесплезно было бы вновь называть тех, имена коих были уже отвергнуты; а те, которые вместо них были предложены, оказались принадлежащими таким людям, которые как по качествам душевным, так и по значению их в обществе далеко были ниже первых. Таким образом, народное собрание разошлось, не сделав ничего, граждане остановились на том, что лучше переносить то зло, мера которого известна, и на этом основании велели сенаторов выпустить из заключения.

Кампавские послы, придя к Ганнибалу, заключили с ним мир на следующих условиях: ни главный вождь карфагеняни и никто из сенаторов не имеет права суда над кампанским гражданином. Ни один кампанский гражданин не может быть принужден против его воли итти да военную службу. Кампанцы сохраняют свои законы и своих должностных лиц. Карфагеняне должны дать кампаниям на выбор триста человек из пленных римлян для обмена на кампанских всадников, находившихся на службе римлян в Сицилии. Таковы были

условия договора; впрочем, кампанцы не замедлили решиться и на такие злодейские поступки, на которые они ничем вынуждены не были: они схватили всех римских граждан, находившихся в Кампанской области или по обязанности военной службы, или по своим частным делам, и заперли их в бани будто бы для того, чтобы держать их там под караулом; но те погибли мучительной смертью – задохлись от тесноты и жара.. Этому преступлению и намерению отправить послов к Ганнибалу всеми силами сопротивлялся Деций Магий, человек, которому, чтобы играть первую роль между его соотечественниками, не доставало только того, чтобы они были в полном уме. Услыхав, что Ганнибал шлет в Капую свой гарнизон, Деций Магий во всеуслышание, пока тот не прибыл, кричал, чтобы его не принимать. Живое напоминание о надменном господстве Пирра и бедственное порабощение тарентинцев². Когда же карфагенский гарнизон уже прибыл в город, то Деций уговаривал граждан или выгнать его, или загладить преступление, сделанное ими против старинных и верных союзников, связанных с ними узами крови, – поступком смелым и решительным: истребив карфагенский гарнизон, передаться снова римлянам. Все эти слова и действия Магия, каковых он и не скрывал, переданы были Ганнибалу. Он сначала послал звать Магия к себе в лагерь. Тот наотрез отказался, не признавая за Ганнибалом права суда против кампанского гражданина. Возбешенный этим, Ганнибал велел было связать Магия и притащить к себе, но, опасаясь, как бы вследствие воодушевления народа и могущего возникнуть мятежа, не открылось какой-либо опасной вспышки, последствий которой вперед и рассчитать невозможно, Ганнибал послал гонца к претору кампанскому, Марию Блозию, предупредив его, что он, Ганнибал, на другой день сам придет в Капую, куда тот действительно и отправился с небольшим конвоем. Марий, созвав народное собрание, приказал гражданам, чтобы они на другой день с женами и детьми вышли навстречу Ганнибалу. Приказание это было исполнено гражданами не только с большой готовностью, но и с усердием; все они были расположены к Ганнибалу и очень хотели видеть знаменитого вожда, прославившегося столькими победами.

Деций Магий не вышел навстречу Ганнибалу, но и не оставался дома для того, чтобы не дать повода думать, будто он делает это из робости: он с сыном и немногими друзьями спокойно разгуливал по площади тогда, как все граждане суеились, спеша навстречу Ганнибалу и горя нетерпением его видеть. Ганнибал, вступив в город, тотчас было велел собрать сенат. Главные кампанские сановники просили его не заниматься в этот день важными делами, а спокойно и весело провести день, сделавшийся праздничным вследствие его прибытия. Хотя Ганнибал и не любил сдерживать гнев свой, но, не желая на первый раз огорчить знатнейших кампанцев отказом, провел большую часть дня, осматривая город.

¹ Антиримское движение в Капое после поражения Рима при Каннах обострилось социальными противоречиями внутри самого города; рассказу об этом и посвящены приведенные выше главы из сочинения Тита Ливия.

² Господство Пирра и порабощение тарентинцев – город Тарент в борьбе с Римом призвал эпирского царя Пирра, который в 280 г. до н. э. высадился в Италии. После поражения Пирра римляне захватили Тарент; город был лишен флота, его стены были скрыты.

Аврелий Виктор о событиях Второй Пунической войны

(Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», XLII)

Вождь карфагенян Ганнибал

Сын Гамилькара Ганнибал в возрасте девяти лет был подведен отцом к алтарю и поклялся в вечной ненависти к римлянам. С тех пор он оставался в лагере в качестве друга (союзника) и солдата своего отца. После его смерти, ища повода к войне, Ганнибал в течение шести месяцев осаждал и разрушил союзный с римлянами город Сагунт¹. После этого, проложив путь через Альпы, он переправился в Италию. Он победил Публия Сципиона на реке Тицине², Семпрония Лонга – при Требии³, Фламиния – у Тразименского озера⁴, Павла и Варрона – при Каннах⁵. Хотя он и мог бы взять Рим, он повернул в Кампанию и ослабил [там] свои силы среди ее соблазнительного изобилия. Когда же он поставил свой лагерь у третьего мильевого камня от города Рима, он был отброшен оттуда⁶, потерпев ряд неудач: сначала он был введен в заблуждение тактикой Фабия Максима, потом отбит Валерием Флакком⁷, обращен в бегство Гракхом и Марцеллом, потом был отозван в Африку и побежден Сципионом; после этого он бежал к царю сирийскому Антиоху, чем сделал его врагом римлян. После поражения того он перешел к царю Вифинии Прусию⁸. Оттуда он был затребован римским посольством через Тита Фламиния⁹. Но чтобы не быть выданным римлянам, он выпил яд, который носил под драгоценным камнем в своем перстне, и умер. Он погребен у Либииссы в каменном саркофаге, на котором еще и теперь цела надпись: «Здесь лежит Ганнибал».

¹ Сагунт – город в провинции Испания Тарраконская, к северу от Валенсии. В 218 г. до н.э. взят и разрушен Ганнибалом.

² Битва при реке Тицине – левом притоке реки Пад (совр. По), произошла в декабре 218 г. У Аврелия Виктора имеется ввиду Публий Сципион Африканский, консул 218 г., погибший впоследствии в Испании в 211 г.

³ Битва при Требии, правом притоке реки Пад, имела место в 217 г. Здесь упоминается Тиберий Семпроний Лонг, консул 218 г.

⁴ Тразименское озеро в восточной Этрурии, к западу от Перузии; битва произошла в 217 г. Упоминается Гай Фламиний, консул 217 г. до н.э.

⁵ Канны – деревня в Апулии, на правом берегу Ауфиды, к северо-востоку от Канузия; битва произошла в 216 г. Упоминаются Гай Теренций Варрон и Луций Эмилий Павел, консулы 216 г.

⁶ В 211 г. до н.э.

⁷ Легат Клавдия Марцелла в 216 г., затем – префект флота.

⁸ Прусий I (ок. 235-182 гг. до н.э.).

⁹ В 183 г. Имя римского полководца – Тит Фламинин.

(Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», XLVIII)

Гай Клавдий Нерон и брат Ганнибала Газдрубал

Брат Ганнибала Газдрубал переправился в Италию с крупными военными силами; если бы он смог соединиться с Ганнибалом, римской державе пришел бы конец. Но Клавдий Нерон, который имел в Апулии лагерь по соседству с лагерем Ганнибала, оставив в лагере часть своих войск, поспешил с отборным отрядом солдат к Газдрубалу и у городка Сены на реке Метавре соединился с коллегой своим, Ливием. Общими силами они победили Газдрубала¹. Вернувшись [к лагерю] с такой же быстротой, с какой он выступил [из него,] Нерон бросил перед валом Ганнибалова лагеря голову Газдрубала. Тот, увидев ее, признал себя побежденным. За это Ливий получил триумф, а Нерон вступил в город с овацией.

¹ Газдрубал, переправившийся в Италию из Испании в 207 г., был разбит консулами 207 г., Гаем Клавдием Нероном и Марком Ливием Салинатором.

(Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», XLIX)

Публий Корнелий Сципион Африканский

Публий Сципион, прозванный за свои великие победы Африканским, почитался сыном Юпитера, так как перед его зачатием в постели его матери был обнаружен змей, и, когда он был младенцем, змея, обвившая его [в постели], нисколько ему не повредила. Когда он в глухую ночь восходил на Капитолий, собаки никогда [на него] не лаяли. Он никогда ничего не предпринимал, пока не проведет продолжительное время в святилище Юпитера, как будто воспринимая от него божественный завет. В возрасте восемнадцати лет он, проявив исключительную доблесть, спас отца в битве при Тицине. Он своим авторитетом удержал юношей из знатнейших семей, хотевших покинуть Италию после поражения при Каннах. Уцелевшие [после поражения] войска он невредимыми провел через лагерь врагов в Канузий. Двадцати четырех лет он был послан претором в Испанию¹ и в тот же день, как прибыл туда, взял [Новый] Карфаген. Он не позволил привести к себе девушку удивительной красоты, посмотреть на которую люди сбегались отовсюду, и приказал вернуть ее отцу и жениху. Он вытеснил из Испании братьев Ганнибала, Газдрубала и Магона. Он вступил в дружеский союз с царем мавров Сифаком². Принял в союзники Масиниссу³. Вернувшись домой, он был избран консулом раньше установленного возраста и, получив согласие своего коллеги, повел флот в Африку; в лагерь Газдрубала и Сифака он ворвался за одну ночь. Он одержал победу над Ганнибалом, вызванным из Италии⁴. Победив карфагенян, он установил для них законы. Во время войны с Антиохом он был помощником брата; своего сына, захваченного в плен, он получил обратно без выкупа. Обвиненный народным трибуном Петилием Антеем⁵ по закону о вымогательствах, он на виду народа разорвал книгу с расчетами, сказав: "В этот день я одержал победу над Карфагеном: это как будто хорошее дело. Взойдем же на Капитолий и вознесем наши молитвы к богам". После этого он добровольно ушел в изгнание, где и провел конец своей жизни. Умирая, он просил свою жену, чтобы тело его не отвозили в Рим.

¹ В 211 г. до н.э.

² Сифак, нумидийский царь, находился в дружеских отношениях со Сципионом, однако в 205 г. он взял в жены дочь Газдрубала и перешел на сторону карфагенян. Переправившийся в Африку Сципион в 203 г. разбивает войска Сифака и карфагенян, и захватывает Сифака в плен.

³ Масинисса (ок. 240-149 гг. до н.э.), царь масилиев, племени, населявшего Восточную Нумидию. Сначала он был союзником Карфагенян и воевал в Испании, однако в 204 г., после смерти его отца Галы, Сифак захватывает его наследство; попытка отбить царство у Сифака не увенчалась успехом. Тогда Масинисса переходит на сторону Сципиона, и в 201 г. получает свое царство.

⁴ В 202 г. в битве при Заме.

⁵ У Ливия названы два лица – Петилий и Невий.

Африканская кампания Публия Корнелия Сципиона (204-201 гг.) (Аппиан, «Римская история», «События в Ливии», III, VII, VIII, X)

III, 1347. ...Сципион же, когда у него все было приведено в надлежащий порядок в Сицилии, принес жертвы Зевсу и Посейдону и отправился в Ливию на пятидесяти двух длинных кораблях, на четырехстах грузовых; много следовало за ним разведочных и мелких судов. Он вел войско в количестве шестнадцати тысяч пеших и тысячи шестисот всадников¹. Вез он с собой метательное и оборонительное оружие, разнообразные машины и много продовольствия. Так совершал свою переправу Сципион...

36². Он же, видя размеры войны, приказал им призвать Гасдрубала с бывшими при нем силами. И вот Гасдрубал, освобожденный от произнесенного над ним приговора, передал войско Ганнибалу, но даже и теперь не решался показываться карфагенянам, но скрывался в городе; Сципион же, поставив корабли поблизости от Карфагена, препятствовал доставке карфагенянам с моря продовольствия, причем и с суши они не смогли получать много продуктов, так как земля из-за войны была не засеяна. В те же дни произошло конное сражение Ганнибала и Сципиона около Замы³, в котором Сципион получил перевес⁴; в следующие дни были взаимные столкновения легковооруженных, пока Сципион, заметив, что Ганнибал испытывает сильный недостаток продовольствия и ожидает его подвоза, не послал ночью трибуна Ферма⁵ против тех, кто вез это продовольствие. Ферм, заняв холм в узком проходе, убил до четырех тысяч ливийцев и столько же взял живыми в плен, а продовольствие доставил Сципиону.

37. Доведенный до крайности недостатком продовольствия и обдумывая, как может разрешиться настоящее положение дел, Ганнибал отправил к Массанассе послов, напоминая ему о его жизни и воспитании в Карфагене и призывая помочь ему заключить договор со Сципионом, ибо прежние проступки были, говорил он, проступками, народа и тех, кто еще неразумнее народа. Массанасса, действительно выросший и воспитанный в Карфагене, питая уважение к достоинству города и будучи другом еще многим из тех, кто там жил, обратился с просьбой к Сципиону и примирил их опять на тех условиях, что карфагеняне отдают корабли и людей, которых они взяли, когда те везли продовольствие римлянам, возвращают все разграбленное или же возмещают потерянное по цене, какую установит Сципион, и, как штраф за совершенную несправедливость, вносят тысячу талантов; таково было соглашение; было заключено перемирие, пока карфагеняне не узнают этих условий. Так пришло к Ганнибалу неожиданное спасение⁶.

VII, 38. Буле карфагенян с большим удовольствием одобрила этот договор и убеждала народ держаться этих решений, указывая на положение, тяжелое во всех отношениях, на теперешний недостаток войска, денег и продовольствия. Но, как это ей свойственно, чернь неразумно полагала, что карфагенские полководцы в своих интересах заключили с римлянами этот договор, чтобы с их помощью властвовать над отечеством: «что теперь делает Ганнибал, незадолго до этого сделал, – говорили они, – и Гасдрубал, который, сдав ночью лагерь врагам, через небольшой промежуток времени захотел и самого себя отдать Сципиону, приблизившись для этого к его лагерю, а теперь скрывается в городе». Когда при этих словах поднялись крик и смятение, некоторые, покинув народное собрание, стали, обходя город, искать Гасдрубала. Но он успел раньше бежать в гробницу отца и там, приняв яд, лишил себя жизни: однако они извлекли оттуда его труп и, отрубив ему голову, стали носить ее на копье по городу. Так Гасдрубал и в первый раз был изгнан несправедливо, и вторично ложно был оклеветан Ганноном и тогда был присужден карфагенянами к смерти, и даже после смерти подвергся с их стороны таким оскорблениям⁷.

39. Карфагеняне приказали Ганнибалу прервать перемирие, воевать со Сципионом и ввиду недостатка продовольствия возможно скорее решить войну сражением. Ганнибал, послав сообщить об этом Сципиону, прекратил перемирие, а Сципион, напав тотчас же на большой город Парт⁸, взял его и переместил лагерь ближе к Ганнибалу. Тот снялся с лагеря, послав к римлянам трех разведчиков, которых Сципион взял в плен, но не убил, как обычно убивают разведчиков, а, приказав провести их по лагерю, по арсеналам и машинам и показать им обучаемое войско, отпустил их, чтобы они обо всем рассказали Ганнибалу. А Ганнибал решил еще раз сойтись для переговоров со Сципионом и, сойдясь, стал говорить, что карфагеняне вознегодовали на прежний мир из-за денег, и если это устранить, а римляне сочли бы достаточным владеть только Сицилией, Иберией и островами, над которыми они властвуют, то соглашение будет твердым. Сципион ему ответил: «Много выгоды будет у Ганнибала за бегство из Италии, если он получит от Сципиона согласие на это». И. запретил еще раз посылать к нему послов. После взаимных угроз они отправились каждый в свой лагерь.

40. Поблизости был город Килла⁹ и около него холм, удобный для разбивки лагеря; имея намерение захватить его, Ганнибал послал некоторых людей разместить на нем лагерь и, тотчас снявшись с места, двинулся, как будто имея уже холм в своих руках. Но так как Сципион его предупредил и раньше захватил холм, то, не допущенный туда, он всю ночь провел посреди равнины, лишенной воды, все время копая колодцы; его войско, выгребая песок, с трудом находило себе немного мутной воды для питья; без отдыха и пищи, некоторые даже в оружии, его воины провели ночь. Заметив это, Сципион на самом рассвете двинулся на них, утомленных дорогой, бессонницей и жаждой. Ганнибал был недоволен, что ему приходится вступать в сражение не тогда, когда ему бы хотелось; но видел, что если он останется на месте, то будет страдать от отсутствия воды; а если будет отступать, то этим он подымет дух у неприятелей и они, нападающие на него с тыла, причинят ему много неприятностей. Поэтому Ганнибалу необходимо было вступить в сражение. Он тотчас же построил свое войско, имея до пятидесяти тысяч человек и восемьдесят слонов¹⁰. Стараясь внушить наибольший страх, он поставил первыми слонов с промежутками по всему фронту. За ними находилась третья часть войска, кельты и лигуры; с ними всюду были перемешаны стрелки и пращники, маврусии и гимнесии. Позади них находилась вторая линия, карфагеняне и ливийцы. Третьими же были все, которые последовали за ним из Италии. На них он особенно полагался, так как им приходилось особенно бояться победы римлян. Конница стояла на флангах.

41. Так выстроил войско Ганнибал, у Сципиона же было около двадцати трех тысяч пехотинцев, а всадников из италийцев и римлян – тысяча пятьсот¹¹. Вместе с ним сражался и Массанасса со многими

всадниками-номадами и другой царек Дакама¹² с шестьюстами всадников. Пехоту и Сципион, подобно Ганнибалу, построил в три линии, и все отряды поставил правильно друг за другом, чтобы между ними легко могли проезжать всадники. По фронту каждого отряда он поставил лучших бойцов, которые должны были бросать руками, как стрелы катапульты, в подхитивших слонов толстые древка в два локтя длиной, крепкие и в своей большей части обитые железом. И им и остальным пехотинцам было приказано уклоняться от нападения зверей и, разбегаясь, постоянно бросать в них дротики или, приближаясь возможно ближе, подрезать им жилы на ногах. Так были построены у Сципиона пехотинцы; всадников номадских, привычных переносить вид и запах слонов, он поставил на флангах, итальяйских же, ввиду их непривычки к этому, – позади всех, они готовы были двинуться через промежутки, когда пехотинцы выдержат первый натиск слонов. У каждого из этих всадников был помощник, несший большое количество дротиков, которыми он собирался отражать зверей. Так обстояло у него дело с конницей; командование правым флангом он передал Лелию, левым – Октавию¹³. В середине стоял он сам, как и Ганнибал, ввиду взаимного уважения к доблести друг друга, имея около себя всадников, чтобы помогать там, где они увидят своих попавшими в тяжелое положение: Ганнибал – четыре тысячи, Сципион – две тысячи и триста итальяйцев, которых он сам вооружил в Сицилии.

42. Когда у них было все готово, каждый стал объезжать своих, ободряя их; Сципион на глазах у воинов призывал богов, которых оскорбляли карфагеняне всякий раз, когда нарушали соглашения, и просил войско смотреть не на множество врагов, но на свою доблесть, которой они и раньше одолели этих же врагов, хотя их на этой же земле было и больше. Если и у победивших есть по отношению к будущему страх или неуверенность, или колебание, насколько больше необходимо должно быть это у побежденных. Так возбуждал своих Сципион и успокаивал их относительно малочисленности; Ганнибал же напоминал своим о делах, совершенных ими в Италии, сколько блестящего и великого они сделали, не против номадов, но против всех итальяйцев в Италии, и с того места, где стоял, указывал на малочисленность врагов и призывал их, чтобы они, будучи более многочисленными, не показали себя на родной земле худшими, чем менее многочисленные враги. Каждый выставял своим опасность и величие настоящего состязания: Ганнибал, указывая, что это состязание решает судьбу Карфагена и всей Ливии, быть ли ей в рабстве в случае поражения или в дальнейшем властвовать над всем, что они захватили, Сципион же – что в случае поражения для римлян нет даже безопасного отступления, если же они победят, их государство станет еще более могущественным, им самим это даст отдых от настоящих трудов, возможность вернуться домой и славу на будущее время.

43. Так, каждый воодушевляя своих, они начали битву – Ганнибал, подав знак к наступлению трубами, Сципион, приказав ответить тем же. Когда войска сошлись, начали сражение слоны, снаряженные для внушения ужаса и возбуждаемые уколами стрелами со стороны тех, кто на них сидел; но всадники-номады, носясь вокруг них, метали в них дротики один за другим, пока вожаки не вывели их из битвы, израненных, бросившихся бежать и уже переставших слушаться. Так было со слонами, стоявшими на флангах, стоявшие же в середине фаланги стали топтать римских пехотинцев, бывших неопытными в такой битве, малоподвижных вследствие своего тяжелого вооружения и поэтому не имевших возможности легко от них убежать или их преследовать, пока Сципион не приказал итальяйским всадникам, выстроенным позади и имевшим более легкое вооружение, соскочить с испуганных коней и, окружив слонов, забросать их дротиками. И он сам, первый, соскочив с коня, ранил шедшего впереди слона. Его пример внушил смелость другим и они стали уже отовсюду наносить слонам раны; тогда отступили и слоны.

44. Когда с поля битвы были удалены звери, началось состязание одних лишь мужей и коней. Правое крыло римлян, которым командовал Лелий, обращает в бегство стоящих против него номадов, после того как Массанасса ударом копья убил их царька Массату¹⁴; быстро явившись им на помощь, Ганнибал восстановил положение. На левом же крыле, где римлянами командовал Октавий, а у неприятелей стояли кельты и лигуры, и тем и другим приходилось очень плохо. Сципион послал им на помощь трибуна Ферма¹⁵ с отборным отрядом; Ганнибал же, когда восстановил порядок на левом крыле, поскакал к лигурам и кельтам, ведя с собой вторую линию карфагенян и ливийцев. Видя его, Сципион, в свою очередь, явился туда со вторым рядом своих солдат. Таким образом, сошлись на бой два лучших полководца; те, кто был под их начальством, блестяще вели это состязание, полные уважения к своим вождям; и у тех и у других не было недостатка в решимости; и бой, и увещания были решительными и сильными.

45. Так как битва была долгой и нерешительной, вожди, жалея своих усталых воинов, бросились друг на друга, чтобы личной схваткой ускорить окончание боя. Оба одновременно бросили копья, Сципион попал в щит Ганнибала, а Ганнибал – в коня Сципиона. Конь, страдая от раны, унес Сципиона назад, пока тот, пересев на другого коня, вновь не бросил дротика в Ганнибала. Но и тогда он не попал в него, но убил находившегося поблизости всадника. В это время, узнав об этом, явился и Массанасса. Римляне, видя, что их полководец сражается за них, как простой воин, с большей силой бросились на врагов, обратили их в бегство и стали преследовать бегущих; те уже не повиновались Ганнибалу, который верхом объезжал их и уговаривал их остановиться и вновь испытать военное счастье. Тогда, потеряв надежду на них, Ганнибал повел в бой тех, которые с ним прибыли из Италии и находились еще в резерве и не двигались с места; он надеялся напасть на римлян, во время преследования расстроивших свои ряды. Те же, разгадав его намерение, ревностно стали отзывать друг друга от преследования и снова построились для боя. Так как у них не было коней, не было уже и дротиков, они пустили друг против друга в ход мечи и вступили в рукопашный бой. Здесь произошло страшное

избиение, наносились жестокие раны, раздавались стоны падающих, громкие радостные крики убивавших, пока, наконец, итальянцы¹⁶ и этих не обратили в бегство и не стали преследовать бегущих и не произошло, таким образом, блестящее завершение войны.

46. Во время бегства Ганнибал, заметив множество собравшихся вместе всадников-номадов, быстро подъехав к ним, просил не покидать его и, убедив, напал на преследующих, понадеявшись, что он сможет как-нибудь организовать обратное преследование. Столкнувшись прежде всего с массилиями, он вступил с ними в сражение, и это было единоборство между стоявшими друг против друга Массанассой и Ганнибалом. Когда и они понеслись друг на друга, полные возбуждения, Массанасса, бросив копье, попал в щит Ганнибала, Ганнибал и на этот раз поразил у противника коня. Массанасса, выбитый из седла, пеший устремился на Ганнибала и, ударив напавшего на него прежде других всадника, убил его. Приняв копья остальных на щит из слоновой кожи, он вытащил одно из копий, застрявших в щите, и, бросив его в Ганнибала, снова не попал в него, но, подобно Сципиону, убил находившегося поблизости всадника. Извлекая же второе копье, он был ранен в руку и на короткое время вышел из боя. Сципион, узнав об этом, испугался за Массанассу и поспешил к месту боя, где нашел Массанассу перевязавшим рану и снова несущимся на другом коне в бой. И вновь у них завязался равный для обеих сторон и весьма упорный бой, так как и те и другие стыдились полководцев, пока Ганнибал, заметив на каком-то холме столпившихся иберов и кельтов, не поскакал туда, чтобы и их привлечь к сражению. Тогда сражающиеся, не понимая причины его удаления и приняв его отъезд за бегство, добровольно оставили сражение и беспорядочно бежали не туда, куда, как они видели, направился Ганнибал, но куда каждый сумел. Таким образом они рассеялись, римляне же, считая, что битва уже окончена, нестройно преследовали их, тоже не понимая намерения Ганнибала.

47. Но он уже возвращался с холма, окруженный иберами и кельтами. И Сципион опять спешно стал отзывать римлян, чтобы они оставили преследование, и выстроил их, причем их было много больше, чем спустившихся с холма; поэтому они без труда их победили. Потерпев неудачу и в этой последней попытке, Ганнибал уже явно обратился в бегство, потеряв всякую надежду. Его преследовало много всадников и среди них Массанасса, который, хотя и страдал от раны, но все время старался догнать его, желая во что бы то ни стало привести Ганнибала пленником Сципиону. Ночь, однако, спасла Ганнибала, и уже в темноте с двадцатью всадниками, которые могли равняться с ним в быстроте бега, он примчался в город, которому имя Тон¹⁷, и узнал, что сюда сбежалось после поражения много всадников из бруттиев и иберов. Поэтому, боясь иберов, как варваров, быстрых на всякое решение, и бруттиев, как итальянцев, соплеменных Сципиону, как бы они не отвели его к Сципиону, чтобы получить прощение за свои проступки против Италии, тайно бежал оттуда с одним всадником, которому он более всего доверял. Проехав за две ночи и два дня до трех тысяч стадиев, он прибыл в приморский город Гадрумет¹⁸, где у него оставалась некоторая часть войска для охраны хлеба. Вызвав воинов из близлежащих мест и собрав бежавших из битвы, он стал готовить оружие и машины.

VIII, 48. Сципион же, одержав такую блестящую победу, ненужную часть добычи стал сжигать сам, подпоясавшись, как обычно делают полководцы римлян. Он отослал в Рим на кораблях десять талантов золота, две тысячи пятьсот талантов серебра, изделия из слоновой кости и наиболее видных из пленных; с ними он отправил Лелия, чтобы сообщить о победе, и, распродав остальное, вырученные деньги роздал войску; особенно отличившимся он дал подарки, а Массанассу увенчал и на этот раз. Обходя города, он подчинял их себе. Таков был конец битвы Ганнибала и Сципиона в Ливии, впервые тогда вступивших в сражение друг с другом; в ней погибло у римлян две тысячи пятьсот человек¹⁹, у Массанассы – еще больше, у неприятелей – двадцать пять тысяч. В плен было взято восемь тысяч пятьсот. К Сципиону перебежало триста иберов, а к Массанассе – восемьсот номадов...

57. Римляне же очень радовались, что одолели столь великое государство, которое прежде причинило им много бедствий и которое по могуществу занимало второе или третье место на земле, но сенаторы спорили между собой, одни – еще полные гнева и раздражения на карфагян, другие же – уже жалея их и считая, что в чужих несчастьях они должны принимать решения согласно с достоинством римского народа. Один из друзей Сципиона²⁰, поднявшись, сказал: «Не о спасении карфагян, отцы-сенаторы, теперь у нас забота, но о верности римлян по отношению к богам и о доброй славе среди людей, чтобы нам не поступать более жестоко, чем сами карфагяне, нам, которые обвиняют карфагян в жестокости, и, всегда заботясь об умеренности в малых делах, не пренебречь ею в более значительных; а ведь их вследствие их значительности нельзя скрыть, но по всей земле и теперь и впоследствии пройдет слух об этом, если мы уничтожим прославленный город, владыку морей, который властвовал над многими островами, над всем морем, более чем над половиной Ливии, который в битвах против нас самих проявил столько примеров и счастья и силы; с ними, пока они еще боролись, следовало бороться, но раз они пали, их надо щадить, подобно тому, как и из атлетов никто не бьет уже павшего противника, да и из зверей многие щадят упавших. Следует при счастливых обстоятельствах остерегаться отмщения богов и зависти людей. Если кто внимательно подумает, сколько они совершили против нас, он поймет, что в этом и есть самая страшная воля судьбы, если теперь молят об одном спасении те, которые имели возможность совершить против нас столько и таких деяний и которые недавно блестяще боролись за Сицилию и Иберию. Но за все это они понесли наказание, в последних же своих преступлениях они обвиняют голод, для людей зло самое тягостное, которое может отнять всякую способность мыслить»...

65. ...Итак, был заключен мир, это уже в третий раз, между римлянами и карфагенянами. И главным образом Сципион считал необходимым побудить к нему римлян или ввиду сказанных соображений, или считая, что римлянам для благоденствия достаточно отнять у карфагенян только право на господство, ведь есть и такие, которые считают, что он ради поддержания благоразумия у римлян желал навсегда оставить им соседа и соперника, внушающего страх, чтобы они, достигнув огромного счастья и безопасности, не стали высокомерными. И то, о чем Сципион тогда думал, об этом немного позднее громко сказал римлянам Катон, порицая их за крайнее раздражение против Родоса²¹. Сципион, заключив этот договор, со всем войском переплыл из Ливии в Италию и вступил в Рим с триумфом, самым блестящим из всех, какие до него были²².

66. Обычай, который соблюдается и ныне, когда справляется триумф, таков. Все выступают увенчанные венками, впереди идут трубачи и движутся повозки с добычей, проносят башни и изображения взятых городов, картины, изображающие военные события, затем золото и серебро – нечekanенное и в монетах – и если есть, то и другие подобные же ценности, и все венки, которыми наградили полководца за доблесть или города, или союзники, или подчиненные ему войска. Затем шли белые быки, а за быками были слоны и все вожди и самих карфагенян и номадов, которые были взяты в плен²³. Впереди самого полководца шли ликторы, одетые в пурпурные туники, и хор кифаристов и играющих на свирелях, подобно тирренской процессии, подпоясанные и с золотыми венками на голове; подобным образом выступают другие в строю с пением и приплясыванием. Их называют лидийцами, потому (думаю), что тиррены являются колонистами лидийцев. Один из них, в пурпурной до пят одежде, в золотых ожерельях и браслетах, делает различные жесты, вызывая смех, как бы насмехаясь над неприятелями. За ним множество носителей благовоний, а за благовониями – сам полководец на колеснице, пестро расписанной, в венке из золота и драгоценных камней, одетый, по отеческому обычаю, в пурпурную тогу с вотканными в нее золотыми звездами, несет скипетр из слоновой кости и лавровую ветвь, которую римляне всегда считают символом победы. С ним всходят на колесницу мальчики и девушки, а на свободных конях с обеих сторон едут юноши, его родственники. За ним следуют все те, которые во время войны были у него писцами, служителями, оруженосцами. И после них войско по илам и когортам, все увенчанное и несущее лавровые ветви; лучшие же воины несут и знаки отличия. Из начальников одних они восхваляют, других осмеивают, а иных порицают; ибо триумф не знает запрета, и все вправе говорить, что только хотят. Прибыв на Капитолий, Сципион распустил процессию, а на угощение он по обычаю пригласил друзей в храм.

Х, 67. Такой конец имела для римлян вторая война против карфагенян, начавшаяся с Иберии и кончившаяся в Ливии таким договором относительно самого Карфагена. У эллинов в это время проходила сто сорок четвертая олимпиада²⁴. Массанасса полный гнева на карфагенян и уверенный в дружбе римлян, захватил значительную часть земли карфагенян, как принадлежавшую некогда ему. Карфагеняне просили римлян помирить их с Массанассой. Римляне послали третейских судей, которым было велено содействовать, насколько могут, Массанассе. Так Массанассе была прирезана часть земли карфагенян, карфагенянами было заключено соглашение и с ним, которое продолжалось около пятидесяти лет. За это время Карфаген, пользуясь спокойно миром, достиг большого могущества и многолюдства благодаря плодородию земель и выгодному положению у моря.

¹ По сообщению Тита Ливия, Сципион отбыл в Африку с 35000 войска.

² 202 г. до н.э.

³ Местоположение древней Замы, около которой произошло знаменитое сражение, неизвестно в точности, прежде всего потому, что античная традиция (подтверждаемая эпиграфическими находками) знает по крайней мере две Замы в Северной Африке. Вероятнее всего, сражение Сципиона с Ганнибалом имело место или у современной Джамы, где локализуется обычно Zama Regia, столица Юбы, или у Сиди Амор эль Джедиди, где найдена была надпись с упоминанием colonia Zamensis.

⁴ Рассказ Аппиана отличается здесь особенно резко от повествований Полибия и Ливия. В частности, он упоминает о битве при Заме как о незначительном столкновении конницы; описывая ниже сражение, известное под этим именем и определившее исход африканской кампании Сципиона, он называет его сражением при Килле, тогда как Полибий и Ливий называют пункт, у которого расположился лагерь Сципиона, Маргарон (Наркара). Что касается до сражения при Заме, то Ливий, подобно Непоту, упоминает сражение при Заме, тогда как у Полибия оно не фигурирует.

⁵ Этот называемый в тексте хилиархом, военачальник Сципиона ближе не известен.

⁶ Ср. рассказ о перемирии, заключенном Сципионом с Карфагеном, дублетом чего, скорее всего, является настоящее сообщение.

⁷ См. версию Диона Кассия.

⁸ R[guon или R[guon ближе не известен, локализуется где-либо неподалеку от Замы.

⁹ Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Полибий, называя у места расположения лагеря Сципиона город Маргарон, приводит, однако, то же сообщение, что и Аппиан – ниже, в этой же главе – о преимуществах позиции Сципиона в отношении питьевой воды. Наименование K}lla тождественно, может быть, с именем некоего древнего пункта, расположенного недалеко от Джамы, где была найдена надпись с упоминанием Chellenses Numidae.

¹⁰ Расчеты Полибия согласуются с этими данными.

¹¹ Цифра эта преуменьшена и противоречит, во всяком случае, в отношении конницы, сказанному в конце этой же главы, где говорится, что Сципион, расположив свою конницу по флангам и в арьергарде, имел при себе еще 2300 всадников.

¹² У других авторов не засвидетельствован.

¹³ Гней Октавий, военный трибун 216 г. и претор 205 г. до н.э., отличившийся в битве при Каннах и во время преторства в Сардинии в 203 г. Вряд ли он, однако, командовал левым флангом при Заме, ибо засвидетельствовано, что Лелий командовал конницей на левом фланге.

¹⁴ Ближе не известен.

¹⁵ Этот называемый в тексте хилиархом, военачальник Сципиона ближе не известен.

¹⁶ Это слово уничтожает Ниппердей; подразумеваются, конечно, римляне.

¹⁷ У других авторов не упоминается. Должен быть локализован где-либо на полпути между Замой и Гадруметом, т.е. в районе Зевгитанских гор.

¹⁸ Крупный город, финикийская колония на Бизакенском берегу, к югу от Карфагена.

¹⁹ Полибий говорит всего о 1500.

²⁰ Вероятно, Квинт Цецилий Метелл, бывший главой партии Сципиона в сенате.

²¹ Марк Порций Катон Старший, цензор 184 г. до н.э.. Как известно, Катон высказывался за уничтожение Карфагена.

²² 201 г. до н.э.

²³ Здесь Аппиан от описания римского триумфа вообще переходит к описанию триумфа Сципиона.

²⁴ А именно ее третий год, соответствующий 201-200 гг. до н.э.

Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 33, 34)

В обстановке, создавшейся в результате Второй Пунической войны в восточной части Средиземного моря, Египет переживал состояние экономического и политического упадка, а из всех стран восточного Средиземноморья в этот период наибольшего расцвета достигает Македония.

Царь Македонии Филипп, как сообщает Тит Ливий, с величайшим вниманием следил за борьбой Рима с Карфагеном и после первых побед Карфагена во Второй Пунической войне отправил послов, чтобы присоединиться к сильнейшему. Тит Ливий перечисляет условия договора, заключенного между Карфагеном и Македонией. Последняя должна была выставить 200 судов для борьбы с Римом. Тем не менее переговоры окончились неудачно, так как послы эти были перехвачены римлянами.

Все народы и цари со вниманием следили за борьбой двух сильнейших народов мира. Особенно интересовался ею царь Македонии Филипп¹ вследствие близкого соседства с Италией, отделенной от него одним проливом. Как только он узнал, что Ганнибал перешел Альпы, и с удовольствием услышал о войне, загоревшейся между римлянами и карфагенянами, но не зная сил обеих сторон, еще колебался, которой пожелать победы. Между тем уже в третьей битве победа благоприятствовала карфагенянам, а потому Филипп также склонился на ту сторону, куда и счастье, и отправил послов к Ганнибалу. Они старались как можно дальше держаться от пристаней Брундизийской и Тарентинской², где стояли сторожевые суда римлян, и вышли на берег у храма Юноны Лацинской³. Оттуда они через Апулию отправились в Капуя, но дорогой попали в середину неприятельских разъездов и были отведены к претору римскому М. Валерию Левину, стоявшему лагерем около Луцерии⁴. Здесь Ксенофан, старший посол, смело солгал перед претором, будто его послал царь Филипп для заключения дружественного союза с римским народом и что он имеет от царя поручения к сенату и народу римскому. Претор весьма обрадовался, что при измене прежних союзников⁵ нашелся новый и столь знаменитый, обладал послов и врагов принял ва дорогих гостей... Он дал им проводников, тщательно и подробно указал им дорогу и все места как занятые римскими войсками, так и находившиеся во власти карфагенян. Ксенофан благополучно пробрался через римские посты по Кампании, а оттуда прямо отправился в лагерь Ганнибала и заключил с ним дружественный союз на следующих условиях: «царь Филипп со всеми морскими силами, какие только может собрать (он мог, как полагали, выставить до 200 судов), должен двинуться к Италии и опустошать ее берега. Он должен всеми силами сражаться с римлянами на суше и на море. По окончании войны Италия вся, вместе с Римом, достанется карфагенянам, а всю военную добычу Филипп уступает Ганнибалу. Когда Италия будет завоевана, то Ганнибал перейдет в Грецию и будет вести для Филиппа войну со всеми народами, с кем он пожелает, и все прилежащие к владениям Филиппа в Македонии земли как на материке, так и на островах должны принадлежать ему, Филиппу». Таковы условия, на которых был заключен союзный договор между вождем карфагенским и послами царя македонского.

¹ Филипп V, царь Македонии, в течение многих лет вел борьбу с Римом. Во время второй пунической войны стал на сторону Карфагена.

² Брундизий и Тарент – портовые города Южной Италии.

³ Юнона, согласно римской мифологии, – дочь Сатурна и Реи, жена и сестра Юпитера. Юнона Лацинская почиталась римлянами в качестве покровительницы брака.

⁴ Луцерия – город в северо-западной части Апулии.

⁵ Имеется в виду переход кампанских городов, и в первую очередь Капуи, на сторону Ганнибала.

II Македонская война. Битва при Киноскефалах (197 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Тит Фламиний», 5, 9)

Македонские войны – серия войн между Римом и Македонией во время и после Второй Пунической войны. II Македонская война (200 до н. э. – 197 гг. до н. э.)

Битва при Киноскефалах (197 г. до н. э.) – сражение между римской и македонской армией в Фессалии за контроль над Грецией. Это было первое масштабное полевое сражение римских легионов и македонской фаланги. Битва показала превосходство шахматной тактики легионов над линейной шеренгой фаланги. Контроль над Грецией перешел от Македонии к Риму.

Греки слышали от македонцев, что вражеский полководец [Тит Квинкий Фламинин – консул и полководец римлян] разрушает и поработывает все и всех на своем пути, и были поражены, когда затем встретились с ним и увидели прелестного молодого человека, прекрасно говорившего по-гречески, стремящегося к истинной славе; возвратившись к себе, греки рассказывали о нем только одно хорошее и называли его борцом за их свободу. Когда в разговоре с Филиппом, пожелавшим вступить с ним в переговоры, Тит предложил ему мир и дружбу при условии, что тот вернет грекам независимость и выведет войска из греческих городов, – на что Филипп, конечно, не пошел, – все, даже приверженцы Филиппа, поняли, что римляне пришли воевать не против Греции, а против Македонии за освобождение Греции.

Все греческие города беспрекословно переходили на сторону римлян. Когда Тит, не обнажая оружия, вступил в Беотию, ему навстречу вышли знатные фиванцы (благодаря усилиям Брахилла Фивы сочувствовали Македонии); они радушно и почтительно приветствовали Тита, как будто были в дружественных отношениях с обеими сторонами [и с Римом и с Македонией]. Тит любезно ответил на их приветствие и, обменявшись с ними рукопожатиями, спокойно продолжал путь впереди них; об одном он расспрашивал их, чтобы знать самому, о другом сам пускался в рассуждения, нарочно оттягивая время, чтобы дать солдатам подтянуться после совершенного перехода. Так, Тит повел войска и впереди них вошел в город вместе с фиванцами, которым это совсем не нравилось, но помешать ему они не решились, так как за ним следовало большое войско. Однако, войдя в город, Тит выступил перед собранием фиванцев и стал убеждать их перейти на сторону римлян, как будто не понимал, что город был уже в его власти; в доводах ему помогал царь Аттал, которому очень хотелось показаться в глазах Тита более красноречивым оратором; он, как видно, превысил свои старые силы, когда он говорил, то ли у него началось головокружение, то ли случился удар, он, внезапно лишившись чувств, упал; вскоре его переправили морем в Азию, где он и умер. Беотийцы присоединились к римлянам.

Филипп отправил посольство в Рим, и Тит тоже послал от себя несколько человек просить у сената продлить срок его командования, если война затянется, а в случае отказа – позволить ему самому заключить мир. Тит был честолюбив и страшно боялся, как бы на его место не прислали другого полководца и не лишили бы его славы. Друзья Тита приложили все усилия, чтобы Филиппу отказали в его просьбах, а Титу сохранили бы предводительство в этой войне. Едва только Тит получил постановление сената, как, воодушевленный надеждами на успех, [успешное завершение?], он тотчас двинулся в Фессалию с двадцатитысячным войском, в котором было шесть тысяч пеших и четыреста конных этолийцев. И у Филиппа были примерно такие же силы.

Двигаясь бок о бок друг с другом, оба войска подошли к Скотусе; там намеревались они дать решительное сражение; против ожидания солдаты не боялись близкого соседства с неприятелем, наоборот, тем более преисполнялись они отваги и решимости. Римляне мечтали одолеть македонцев, сила и мощь которых славилась у них благодаря доблести и мужеству Александра, а македонцы, ставя римлян выше персов, надеялись в случае победы, что Филипп превзойдет славой самого Александра. Перед сражением Тит говорил солдатам, что они должны быть особенно храбрыми и мужественными, ибо на глазах у всей Греции им предстоит сразиться с достойным противником. И Филипп тоже произнес речь, какую обыкновенно говорят, чтобы ободрить солдат перед битвой, но при этом, то ли в спешке, то ли случайно, взобрался на холм, возвышавшийся неподалеку от лагеря, который служил могилой павшим в сражение; увидев в этом дурное пред-знаменование, его войско впало в глубокое уныние, – это смутило Филиппа, и он переждал этот день, не начав сражения.

На заре следующего дня после сырой и дождливой ночи пал туман и вся долина покрылась густой мглой, непроницаемая пелена, сошедшая с гор, разделила лагеря, так что даже с наступлением рассвета вся местность оставалась скрытой во мраке. Посланные с обеих сторон для засад и разведок солдаты вскоре столкнулись друг с другом и вступили в бой неподалеку от так называемых Киноскефал, длинных рядов островерхих противостоящих друг другу холмов, названных так за сходство с головой собаки. Как часто бывает, на холмистой местности бегство попеременно сменялось преследованием и тем, кого теснили и кому приходилось отступать, время от времени из лагеря приходила помощь; только когда туман рассеялся и стало видно, что происходит, противники ввели в битву все свои войска.

На правом фланге победа была на стороне Филиппа; он налетел со всей своей фалангой и вниз по склону холма согнал римлян, не выдержавших стены сомкнутых щитов и силы ударов македонских копий. Бросив разбитый фланг, Тит быстро поскакал к другому, где строй войск был нарушен и рассеян по холмам, и там напал на македонцев, которым неровность и холмистость местности не позволяла выстроиться в фалангу и создать плотно сомкнутый по всей глубине строй, что составляло победоносную силу их войска, – вступать в рукопашную они не могли: им мешало тяжелое, затрудняющее движение оружие. Ибо фаланга похожа на сильное животное, неуязвимое, пока тело его составляет единое целое, охраняемое сомкнутым рядом щитов; если его расчленишь, каждый сражающийся лишается своей собственной силы как из-за характера вооружения, так и потому, что он силен не сам по себе, а взаимной поддержкой частей единого целого. Вскоре македонцы обратились в бегство, часть римлян начала преследовать бегущих, другие напали на еще сражавшихся на первом фланге македонцев и заставили недавних победителей бежать, бросая на ходу оружие. Было убито не менее восьми тысяч человек, пять тысяч взято в плен.

Однако Филипп благополучно ушел, и в этом виноваты этолийцы; они занялись грабежом и разорением неприятельского лагеря еще в то время, когда римляне продолжали преследование; вернувшись после погони, римляне уже ничего не нашли для себя.

Это послужило началом взаимных ссор и обвинений, и впоследствии этолийцы все больше и больше оскорбляли Тита, приписывая себе победу, и они сумели так прославиться у греков, что их ставили на первое место и поэты, и историки, воспевая или описывая это событие.

Наибольшую известность приобрела следующая эпиграмма:

Здесь на холме без могил, лишены погребальных обрядов,
Путник, услышь и замри, мертвые воины спит
Тридцать тысяч погубило от рук этолийцев и римлян,
Что вслед за Титом, стране страшное горе неся,
Шли из широкой Италии В бегство Филипп обратился
С поля быстрей, чем олень, гордость спасая свою.

Битва при Магнезии (190 г. до н. э.) (Аппиан, «Римская история», «Сирийские дела», 30-38)

Битва при Магнезии произошла зимой 190/189 гг. до н. э. между римской армией во главе со Сципионом Азиатским и селевкидской армией во главе с Антиохом III и стала решающим сражением Сирийской войны. Селевкидская армия была разгромлена.

30. Сказав так, Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что, даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, стянул свое войско на равнину Тиатир, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Сипила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлеченным в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нем, очень смело перешел через реку и на расстоянии стадий 20 от Антиоха стал лагерем. Четыре дня подряд оба они выстраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятый день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выходил против него, тогда он расположил другой лагерь ближе к врагам и, пропустив еще один день, во всеуслышание объявляет врагам, что завтра Антиоху, хотя бы он этого не хотел, придется вступить в сражение. Антиох, приведенный всем этим в волнение, вновь изменил свое решение, и, хотя он мог просто стоять под стенами своего лагеря или отбиваться вполне удачно под защитой стен, пока Публий не поправится, он счел для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

31. Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 000 римских тяжеловооруженных, у самой реки; за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооруженные в количестве 3000. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена, всего тоже не более 3000. К ним всем были присоединены в большом количестве легковооруженные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех их было около 30 000; во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он имел из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы – их было меньше, чем у врагов, и они ростом были короче, как все ливийские (а меньшие боялись более крупных), – он их поставил позади всех.

32. Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 000; из них самая сильная часть была македонская фаланга — 16 000 человек, выстроенная так, как ее организовали Александр и Филипп. Он поставил ее в центре, разделив на 10 частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину – 32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны – башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны у него стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники и потому и носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали – правый некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов – тектозаги, трокмы, толистобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Ариарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними другая конница в панцирях и еще другая, легковооруженная, которую называли «конницей геттеров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он

должен был бы особенно надеяться, как на очень обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликий, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликий, снаряженных по образцу критян. Кроме этих, еще другие конные лучники, даи (даки?), мизийцы, элимеи и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, очень искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются очень длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было сказано после первого же столкновения уходить назад.

33. На вид казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве; каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле над конницей командовал сам Антиох, на другом крыле — Селевк, сын Антиоха, над фалангой — Филипп, начальник отряда слонов, а над передовыми застрельщиками — Миндис и Зевксис.

День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропадал из поля зрения, и сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном и тусклом воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на все остальное он перестал обращать внимание, но, очень боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех, какие у него были, пращников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как свои же бояться своих кос. Это случилось и тогда. Когда кони подряд были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести нелегко было избегать кос. Уже произошло большое замешательство и всевозможный беспорядок, начавшиеся прежде всего от этих колесниц и распространившиеся на все пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находятся рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

34. Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространство между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повел своих всадников и всадников римских и италийских, какие у него были, на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Его войска охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обращают в бегство как их, так и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил ее и далеко преследовал.

35. И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников, с обеих сторон расступилась и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся еще перед ее рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь опытности людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но быстро кружась около них, они бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве; они не могли ни уклониться от бросаемых в них копий и стрел, ни расступиться перед несущимися на них. Поэтому, неся уже большие потери, они стали поддаваться, так как ничего лучшего они сделать не могли, и стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожakov; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство.

36. Домиций, одержав победу здесь, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было поставлено для помощи ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их никем, считая, что не нужно будет благодаря реке), дошел до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительность, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, ничего не зная из того, что произошло на другом его фланге. С ним

встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого затруднения Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они, кружась еще около него, наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел свое поражение и всю равнину, полную трупами его воинов, людей, коней и слонов, увидел, что его лагерь взят уже штурмом, тогда и Антиох бежал без оглядки и до полуночи прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеей: он услышал, что сюда бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах военачальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. Оказалось у римлян убитых римских всадников 24 и пеших самое большее триста, которых убил Антиох, у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая с пленными, можно думать, потери были до 50 000, так как вследствие большого количества сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, 15 было взято в плен.

37. Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымуштрованной и тогда особенно состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и страшной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и отсутствие ясного плана, за то, что он выпустил из рук Херсонес и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Гелеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись так легко овладеть этим проходом. Упрекали его и за последний его неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретенная в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самомнение; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь действительно, на счет их счастья можно было отнести, что они столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да еще в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами и таким снаряжением царя, над доблестью наемников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство и имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «был да сплыл царь Антиох Великий».

38. С такою гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элеи его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должен сделать царь Антиох, чтобы стать другом римлянам. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолемея, своего близкого родственника и друга римлянам, долинную Сирию, и вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, он завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь выстраивал Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, он не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но не раз побежденный на море, когда мы только что перешли Гелеспонт, он хотя просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнесся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами; принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не становимся надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным и что для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и выплатить за расходы на эту войну, которая произошла по его вине, немедленно пятьсот эвбейских талантов, а когда сенат санкционирует этот договор, — еще две тысячи пятьсот, а в течение следующих 12 лет еще двенадцать тысяч, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и перебежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушении договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

Битва при Пидне (168 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Эмилий Павел», 14, 22)

Битва при Пидне – сражение III Македонской войны (171-168 гг. до н. э.). Битва стала решающим сражением, которое привело к полному подчинению Македонии Риму. Точная дата (22 июня 168 г. до н. э.) определена благодаря лунному затмению, произошедшему накануне.

После этой неудачной стычки Персей, объятый ужасом, лишившись всякой надежды, поспешно снялся с лагеря и двинулся назад. И все же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остаться у Пидны и попытать счастья в бою, либо расчленив свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов, имея, однако, в виду, что коль скоро война вторгнется в пределы страны, изгнать ее оттуда без большого кровопролития будет невозможно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне, и он мог предполагать, что воины будут храбро сражаться, защищая своих детей и жен, в особенности – на глазах у царя, в первых рядах разделяющего с ними опасность. Такими доводами ободряли Персея друзья. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к битве, осматривал местность, назначал задания начальникам, чтобы сразу же, едва только римляне покажутся, двинуться им навстречу. Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, которые требуют совершенно гладкого места, и тянущиеся непрерывной чередой холмы, за которыми легковооруженные пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот. Протекавшие посредине речки Эсон и Левк, хотя и не очень глубокие в ту пору года (лето приближалось к концу), все же, по-видимому, должны были оказаться препятствием на пути римлян.

Соединившись с Назикой, Эмилий выстроил воинов в боевой порядок и двинулся на македонян. Увидев их построение и число, он остановился в растерянности и задумался. Молодые военачальники, которым не терпелось помериться силами с неприятелем, подъезжали к нему и просили не медлить, а больше всех – Назика, которому придал самонадеянности успех при Олимпе. Но Эмилий ответил, улыбаясь: «Да, будь я еще в твоих летах... Но многочисленные победы объясняют мне ошибки побежденных и не велят с ходу нападать на изготовившуюся к бою фалангу». После этого он приказал передним рядам, находившимся у неприятеля перед глазами, стать по манипулам, образовав своего рода боевую линию, а тем, кто двигался в конце колонны, – повернуться на месте и приступить к сооружению рва и частокола для лагеря. К ним, отступая, непрерывно присоединялись все новые группы воинов, и таким образом Эмилию удалось, избегнув какого бы то ни было замешательства, ввести всех своих людей в лагерь, неприметным образом распустив боевую линию.

Пришла ночь, воины после ужина располагались на отдых и готовились ко сну, как вдруг луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению, стучали в медные щиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головни и факелы, македоняне держались совсем по-иному: лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя. Эмилий обладал некоторыми сведениями о законах затмений, в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит, но, благоговейно чтя богов, часто принося им жертвы и зная толк в прорицаниях, он, едва лишь заметил первые лучи освобождающейся от мрака луны, заколол в ее честь одиннадцать телят. На рассвете он принес в жертву Гераклу двадцать быков, одного за другим, но благоприятных предзнаменований не получил, они явились лишь с двадцать первым животным, обещав римлянам победу в том случае, если они будут защищаться. И вот, посулив богу сто быков и священные игры, Эмилий приказал военным трибунам строить войско к бою, а сам, сидя в палатке, обращенной в сторону равнины и неприятельского лагеря, стал ждать, пока солнце повернет и склонится к закату, чтобы его лучи во время сражения не били римлянам прямо в лицо.

Бой завязался уже к вечеру по почину врагов, как сообщают иные – благодаря хитрости Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них, в свою очередь, яростно бросились семьсот лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и бой закипел. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящее сражение, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назика на коне поспешил туда, где уже летели копья и стрелы, и видел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назики, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым где рядом с фракийцами находились наемники, они были вооружены неодинаково и смешаны. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, – отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укрепления показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

Нападение уже началось, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острейших сарисс в щиты римлян и, таким образом, сделались недосягаемы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне, по условленному сигналу, разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ошетилившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом, без шлема и панциря, объезжал поле сражения.

Что же касается македонского царя, то он, как сообщает Полибий, в первый же час битвы оробел и усакал в город якобы для того, чтобы совершить жертвоприношение Гераклу, но этот бог не принимает жалких жертв от жалких трусов и глух к несправедливым молитвам. И в самом деле, несправедливо, чтобы не стреляющий попадал в цель, одержав победу пустившийся в бегство или вообще – бездельник преуспевал, а негодяй благоденствовал? Молитвам же Эмилия бог внял: ведь он молился об успехе в войне и о победе, держа в руке копье, и призывал бога на помощь, сам доблестно сражаясь. Впрочем, некий Посидоний, сообщающий о себе, что был участником событий того времени, и написавший обширную историю Персея, утверждает, будто царь удалился не из трусости и не ссылаясь ни на какое жертвоприношение, но что накануне битвы лошадь копытом повредила ему голень. В разгар боя Персей, невзирая на свое недомогание и не слушая советов друзей, якобы приказал подать себе выючную лошадь и, сев на нее верхом, присоединился к сражающимся. Панциря на нем не было, и так как с обеих сторон тучами летели копья, дротики и стрелы, одно копье, сплошь железное, угодило в царя, правда, не острием, а скользя вдоль левого бока, но с такой силой, что разорвало па нем хитон и оставило на теле легкий кровоподтек; этот след от удара сохранился надолго. Вот что рассказывает Посидоний в оправдание Персея.

Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнуть их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, – ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара сариссы, – и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что, как правило, случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустоты неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те – солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в не-защищенные фланги или заходя в тыл, сила фаланги, заключавшаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие, закрывавшие даже ноги щиты римлян и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, – в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

Бой был жестокий. Среди прочих в нем участвовал и Марк, сын Катона и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша, воспитанный со всем возможным тщанием, сознающий свой долг перед великим огцом и желающий дать ему великие доказательства собственной доблести, он решил, что недостоин жизни тот, кто сохранит се, оставив в добычу врагу свос оружие; пробега по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под предводительством Марка они разом пробившись в первые ряды сражающихся и бросились на неприятеля. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под грудой оружия и трупов, они, вне себя от радости, запев пеан, с еще большим воодушевлением ударили на продолжавших сопротивляться македонян. В конце концов три тысячи отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были перебиты все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже назавтра, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше двадцати пяти тысяч. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Назики, – восемьдесят.

Эту величайшего значения битву римляне выиграли с удивительной быстротой: началась она в девятом часу, и не было десяти, как судьба ее уже решилась; остаток дня победители преследовали беглецов, неотступно гоня их на протяжении ста двадцати стадиев, и потому вернулись лишь поздно вечером. Рабы с

факелами выходили им навстречу и под радостные крики отводили в палатки, ярко освещенные и украшенные венками из плюща и лавра.

Условия мира с Филиппом Македонским (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 30, 32)

Тенденции Македонии к завоеваниям представляли большую угрозу для всех стран восточного Средиземноморья, которые обращаются за помощью к Риму. В ходе переговоров с эллинистическими государствами следует отметить большую роль римской дипломатии, одним из результатов которой явился мирный договор, заключенный с Филиппом Македонским.

Мир с Филиппом заключен был на следующих условиях: все греческие государства, находившиеся в Европе и Азии, должны быть свободны и пользоваться своими законами; из тех государств, которые были под властью Филиппа, он должен вывести свои гарнизоны и передать их римлянам свободными до наступления истмийских игр¹; должен вывести гарнизоны также и из городов, находящихся в Азии: Еврома, Педас, Баргилий, Яса, Мирины, Абида, Фаса и Перинфа; их также решено было сделать свободными; о решении сената относительно свободы Клианов Квинкций² должен написать царю дофинскому в Прусу. Затем, Филипп должен был возвратить римлянам пленных и перебежчиков, выдать все крытые корабли, кроме пяти и одного царского, почти негодного к употреблению по своей величине, так как его приводили в движение 16 рядов весел; не держать вооруженными более 5000 воинов и ни одного слона; не вести войн за пределами Македонии без разрешения сената; уплатить римскому народу 1000 талантов, половину – теперь, а половину – по частям в продолжение 10 лет. Историк Валерий Анциат³ передает, что на царя была наложена дань по 4000 фунтов серебра в течение 10 лет; Клавдий⁴ – в течение 30 лет по 4200 фунтов, а немедленно теперь же 20 000 фунтов; по его же свидетельству, особо было прибавлено, чтобы Филипп не вел войну с пергамским царем Евменом, сыном Аттала – он в то время только что вступил на престол. В обеспечение этого были взяты заложники, в числе их Деметрий, сын Филиппа. Валерий Анциат прибавляет, что Атталу⁵ заочно были подарены остров Эгиа и слоны, родосцам – Стратоникея и другие города Кари, которыми владел Филипп; афинянам отданы острова Лемнос, Имброс, Делос и Скирос.

¹ Истмийские игры - всенародные греческие празднества, происходившие на Истме (Коринфском перешейке).

² Квинкций – Тит Квинций Фламинин, консул 198 г. до н. э., командовал римскими войсками во второй Македонской войне.

³ Валерий Анциат – римский анналист. Жил во II в до н. э. Его произведения использовал Тит Ливий при написании своего труда.

⁴ Квинт Клавдий Квадригарий – младший анналист.

⁵ Царь Пергама Аттал I. Ахейский союз и Родос выступили на стороне Рима против Македонии во время второй Македонской войны, за что после победы Рима при Кеноскефалах получили часть владений Македонии.

Превращение Греции в римскую провинцию (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 31)

К середине II в. до н. э. римляне в своей внешней политике добились значительных успехов как на западе, так и на востоке. В результате победы в Третьей Пунической войне Карфаген был разрушен и перестал представлять собой угрозу для Рима.

На востоке были завоеваны и превращены в римские провинции Македония и Греция, которые отныне рассматриваются, как *praedia populi Romani* («поместия римского народа»). Таким образом, к середине II в. до н. э. Рим становится крупнейшим государством Средиземноморья.

Все греческие государства одобряли этот мир, протестовали только италийцы. Это, говорили они, пустое писание, скрашенное призраком свободы; почему иные города передаются римлянам и не поименовываются, другие поименовываются и делаются свободными без передачи, как не потому, что освобождаются азиатские города, более безопасные по самой отдаленности, греческие же города, не будучи даже поименованы, захватываются, как Коринф, Халкида, Орей, Эретрия и Деметриада. Обвинение было не совсем неосновательно, ибо было сомнение относительно Коринфа, Халкиды и Деметриады, прочие же города Греции и Азии освобождались без всякого сомнения, а относительно этих трех городов приказано было уполномоченным постановить и полезное для государства, и согласное с их добросовестностью решение, какого потребуют политические обстоятельства. Причина тому заключалась в сирийском царе Антиохе, который, несомненно, переправится в Европу, как только признает свои силы достаточными; ему-то они и не желали оставлять такие удобные города, чтобы он свободно мог занять их. Квинкций с 10 уполномоченными отправился из Елатми в Антикиру, а оттуда переправился в Коринф. Там почти целые дни шли совещания в присутствии 10 уполномоченных о свободе Греции. Квинкций неоднократно повторял, что нужно освободить всю Грецию, если хотят связать языки италийцам, если хотят всем внушить любовь и уважение к римскому имени, если хотят уверить, что римляне переплыли моря для освобождения Греции, а не для того, чтобы отнять власть у Филиппа и взять себе. Другие ничего не возражали относительно свободы городов, однако заявляли,

что для них самих было бы безопаснее некоторое время оставаться под охраною римлян, чем взять в повелители Антиоха вместо Филиппа. Наконец, было решено так: передать Коринф ахеянам, с тем, однако, чтобы в его акрополе оставался римский гарнизон; Халкиду и Деметриаду удержать, пока не исчезнет опасность со стороны Антиоха.

Наступало обычное время празднования истмийских игр... В ту пору стекались со всех сторон не только из-за обычных дел, но и потому, что напряженно ожидали узнать, каково будет далее положение Греции, какова будет судьба каждого государства, в частности; не только втихомолку, но и открыто в своих беседах высказывали предположения о том, как поступят римляне; но едва ли кто-нибудь был убежден, что они совсем уйдут из Греции. Заняли места для того, чтобы смотреть на зрелище; глашатай с трубачом, по обычаю, выступили на середину арены, откуда обыкновенно объявлялось празднество торжественной формулой, и, водворив трубой молчание, глашатай произнес следующее:

«Римский сенат и главнокомандующий Т. Квинкий, победив царя Филиппа и македонян, приказывают, чтобы были свободны, не платили податей, имели свои законы все коринфяне, фокейцы, локрийцы, остров Эвбея, магнеты, фессалийцы, перребы и фтиотийские ахеяне». Он перечислил все племена, которые были под властью Филиппа. Когда выслушаны были слова глашатая, наступила большая радость, чем какая вообще доступна людям; каждый едва верил тому, что слышал; все с изумлением смотрели друг на друга, точно при виде призрака во сне; каждый спрашивал ближайших о том, что касается его, не веря своим ушам. Глашатай снова был позван, так как каждый желал не только слышать, но и видеть вестника своей свободы; и он снова сказал то же самое. Затем, когда радость была уже несомненна, начались громкие рукоплескания, сопровождавшиеся криками, и много раз были повторены; таким образом было вполне очевидно, что для народа из всех благ нет ничего приятнее свободы. Затем игры были окончены весьма быстро; зрелище не привлекало ни внимания, ни взоров зрителей: до такой степени одна радость заглушила восприимчивость ко всем другим удовольствиям.

Ограбление римлянами побежденных стран

Античные авторы дают довольно подробное описание того, как поступали римляне после того, как одерживали победы над своими врагами и какая судьба ждала побежденные ими страны.

(Полибий, «Всеобщая история», X, 16)

...По взятии города римляне поступают приблизительно так: или для совершения грабежа выделяется из каждого манипула известное число воинов, смотря по величине города, или воины идут на грабеж манипулами. Для этой цели никогда не назначается больше половины войска, прочие воины остаются внутри города, как того требуют обстоятельства... Все воины, выделенные для грабежа, сносят добычу в лагерь легионов. После этого по окончании трибуны разделяют добычу поровну между всеми воинами, не только между теми, которые оставались в строю для прикрытия, но и теми, которые стерегут палатки, а также больными и выполняющими какое-либо дело. О том, чтобы кто-нибудь не утаил чего-либо из добычи, чтобы все верно соблюдали клятву, данную при первых сборах в лагерь перед выступлением на войну, мы говорили... Итак, если половина только войска отправляется на грабеж, а другая половина остается в боевом порядке для прикрытия грабящих, то у римлян никогда не случается, чтобы дело страдало из-за жадности к добыче. Так как никто не опасается, что потеряет добычу из-за другого, и все получают поровну, – и остающиеся в запасе, и участвующие в грабеже, – то каждый остается спокойно на своем посту; у прочих народов на рушение этого правила бывает источником величайших несчастий...

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XLV, 34)

Недалеко оттуда находился лагерь Аниция. К нему было отправлено письмо с сообщением, что сенат отдал в добычу войску города Эпира, перешедшие на сторону Персея; поэтому пусть он не тревожится тем, что произойдет. Разослав центурионов в отдельные города сообщить, что они пришли с целью вывести гарнизоны, чтобы жители Эпира были так же свободны, как и македоняне, Павел вызвал из каждого города по 10 старейшин. Приказав им, чтобы все золото и серебро было доставлено в общественную казну, он разослал по всем городам когорты. В более отдаленные города войска были отправлены раньше, чем в ближайшие для того, чтобы они повсюду прибыли в один день. Трибунам и центурионам было указано, как поступать. Утром все золото и серебро было снесено, а в четвертом часу воинам дан сигнал грабить города. Добыча была так велика, что на каждого всадника приходилось по 400 денариев, а на каждого пехотинца по 200; 150000 человек было уведено в рабство. После этого были разрушены стены разграбленных городов, число которых доходило до 70. Вся добыча была продана, и вырученные деньги распределены между воинами. Эмилий Павел направился к

приморскому городу Орику, совсем не удовлетворив, как он надеялся, воинов, которые негодовали на то, что не получили части из царской добычи, как будто они вовсе не воевали в Македонии...

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIX, 6)

...Из азиатских походов воины привезли в Рим начало чужеземной роскоши. Они впервые привезли в город диваны с бронзовыми ножками, дорогие ковры, занавеси и прочие ткани, также одноножные столики и поставцы для посуды, считавшиеся тогда великолепной мебелью; тогда появились на пиршествах певицы, играющие на цитре и арфе, и другие развлечения для забавы пирующих, и самые пиршества начали устраивать с большею тщательностью и большими расходами. Тогда повар, считавшийся в прежнее время последним рабом по стоимости и по значению, приобрел цену, и то, что прежде было делом прислуги, стало искусством. Впрочем, то, что видели в ту пору, было лишь зародышем будущей роскоши...

Триумфы римских военачальников

Триумф в Риме – торжественное вступление в столицу победоносного полководца и его войска. Триумф выработался постепенно из простого вступления в город возвращавшихся по окончании войны солдат и из обычая военачальников приносить благодарение богам, даровавшим победу. С течением времени триумф стал допускаться лишь при наличии целого ряда условий.

Триумф считался высшей наградой военачальнику, которой мог удостоиться лишь тот, кто имел империй и вел войну в качестве главнокомандующего, не подчиняясь власти другого полководца. Триумф могли получать как обыкновенные магистраты (консулы, преторы, проконсулы и пропреторы), так и диктаторы и лица, получавшие высшее командование в силу особого народного постановления. Триумф определялся сенатом, но иногда, если сенат отказывал в триумфе, военачальнику удавалось получить его в силу постановления народного собрания. Триумф давался лишь по окончании войны (бывали и исключения), и притом такой, которая сопровождалась тяжким поражением врагов. Существовало правило давать триумф лишь в том случае, если было убито не менее пяти тысяч врагов.

Триумф консула Марцелла над цизальпинскими галлами в 196 г. до н. э.

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 37)

...Во время триумфа на повозках, отбитых у неприятеля, везли много неприятельских доспехов и военных знамен, несли 320 тысяч медных ассов и 234 тысячи серебряных денариев. Каждому пехотинцу было дано по 80 медных ассов, а всадникам и центурионам – втрое более.

Триумф Марка Порция Катона в 194 г. до н. э.

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIV, 46)

...Марк Порций Катон праздновал триумф над Испанией. При этом триумфе он доставил в казну 25 тысяч фунтов серебра в слитках, 123 тысячи серебряных денариев, 540 фунтов осского серебра и 1400 фунтов золота. Воинам он роздал из добычи по 270 ассов каждому, а всадникам – втрое больше...

Триумф Тита Кв. Фламинина над Филиппом Македонским в 194 г. до н. э.

(Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIV, 52)

Триумф праздновался три дня. В первый день везли оборонительное и наступательное оружие, бронзовые и мраморные изваяния, которых триумфатор отнял у Филиппа больше, чем взял от государств Греции. Во второй день везли золото и серебро, обработанное, в слитках и в монетах. Серебра в слитках было 43270 фунтов; из серебряных вещей много было сосудов всякого рода, большею частью чеканных, некоторые – изящной работы. Много было также предметов, искусно сделанных из меди, и, кроме того, 10 серебряных щитов,

Чеканного серебра было 84000 аттических монет, называемых тетрадрахмами: в каждой было веса серебра почти на три денария. Золота было 3714 фунтов, один щит весь из золота и 14514 золотых филипповых монет. В третий день несли 114 золотых венков, составлявших дар государств, затем следовали жертвенные животные, и перед колесницей шло много знатных пленников и заложников, в числе которых был Деметрий, сын царя Филиппа, и македонянин Армен, сын тирана Набиса. Потом сам Квинций въехал в город. Множество воинов следовало за колесницей, так как все войско было привезено из провинции. Им роздано было по 250 медных ассов на каждого пехотинца, центуриону – вдвое больше, а всаднику – втрое...

Триумф Луция Сципиона Азиатского над Антиохом III в 183 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXVII, 59)

...Этот триумф представлял собою более пышное зрелище, чем триумф его брата, Сципиона Африканского... Во время триумфа несли 224 военных знамени, 134 изображения городов, слоновых клыков – 1231, золотых венков – 234, серебра весом 137420 фунтов, тетрадрахм аттических – 224 000, кистофоров – 321 070, золотых монет-филиппиков – 140000, серебряных сосудов – все чеканной работы – весом 1423 фунта, золотых – весом 1023 фунта... Воинам было роздано по 25 денариев, центурионам – вдвое больше, а всадникам – втрое. Жалование и хлеб после триумфа они получили в двойном количестве; в двойном же количестве консул выдал все это и в Азии после сражения...

Триумф Гнея Манлия над малоазийскими галатами в 187 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIX, 7)

В триумфе Гнея Манлия несли золотые короны, весившие 212 фунтов, 220 000 фунтов серебра, 2103 фунта золота, 127 000 аттических тетрадрахм, 250 кистофор, 16 320 золотых филиппиков; везли на повозках много оружия и доспехов, снятых с галлов; перед триумфальной колесницей вели 52 неприятельских вождей. Триумфатор роздал воинам по 42 денария каждому, центурионам – вдвое больше, всадникам – втрое, пехотинцам же уплатил двойное жалование...

Триумф Эмилия Павла после победы в Македонии в 168 г. до н. э. (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Эмилий Павел», 32-33, 38)

Шествие было разделено на три дня, и первый из них едва вместил назначенное зрелище: с утра до темна на двухстах пятидесяти колесницах везли захваченные у врага статуи, картины и гигантские изваяния. На следующий день по городу проехало множество повозок с самыми красивыми и драгоценными образцами македонского вооружения... За по-возками с оружием шли три тысячи человек и несли серебряною монету в семистах пятидесяти сосудах; каждый сосуд вмещал три таланта и требовал четырех носильщиков. За ними шли люди, искусно выставляя напоказ серебряные чаши, кубки, рога и ковши, отличавшиеся большим весом и массивностью чеканки.

На третий день, едва рассвело, по улицам двинулись трубачи, играя не священный и не торжественный напев, но боевой, которым римляне подбадривают себя на поле битвы... Вслед за ними несли золотую монету, рассыпанную, подобно серебряной, по сосудам вместимостью в три таланта каждый. Число их было семьдесят семь. Далее шли люди, высоко над головою поднимавшие священный ковш, отлитый по приказу Эмилия из чистого золота, весивший десять талантов и украшенный драгоценными камнями, а также антигониды, селевкиды, чаши работы Терикла и золотую утварь со стола Персея. Далее следовала колесница Персея с его оружием, а поверх оружия лежала диадема...

Удачное руководство Македонской войной считается величайшим благодеянием, которое оказал народу Эмилий, ибо он внес тогда в казну столько денег, что вплоть до времен Гирция и Пансы не было нужды взимать с граждан подать...

Причины Третьей Пунической войны (149-146 гг. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Катон Старший», 26-27)

Третья Пуническая война (149-146 гг. до н. э.) – последняя из так называемых Пунических войн.

Последним из деяний [Катона] на государственном поприще считают разрушение Карфагена. На деле его стер с лица земли Сципион Младший, но войну римляне начали прежде всего по советам и настояниям Катона, и вот что оказалось поводом к ее началу. Карфагеняне и нумидийский царь Масинисса воевали, и Катон был отправлен в Африку, чтобы исследовать причины этого раздора. Дело в том, что Масинисса всегда был другом римского народа, карфагеняне же, расставшись после поражения, которое им нанес Сципион, со своим владычеством, обремененные тяжелой данью, ослабевшие и униженные, стали союзниками Рима. Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что, если римляне не захватят город, истари им враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же

точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случая, под видом исправного выполнения условий мирного договора готовятся к войне.

Говорят, что, закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы подивились их размерам в красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он призывал к насилию и более открыто; высказывая свое суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: «Кажется мне, что Карфаген, не должен существовать». Напротив, Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: «Мне кажется, что Карфаген должен существовать». Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, – замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами, говорят, Катон достиг своей цели: третья и последняя Пуническая война была объявлена. Он умер в самом начале военных действий, предсказав, кому суждено завершить войну; человек этот был тогда еще молод и, занимая должность военного трибуна, обнаруживал в сражениях рассудительность и отвагу. Его подвиги стали известны в Риме, и Катон, услышав о них, сказал: «Он лишь с умом; все другие безумными теньями веют».

И Сципион скоро подкрепил его слова своими делами.

Осада и взятие Карфагена во время Третьей Пунической войны (Аппиан, «Римская история», «События в Ливии», XI-XIX)

75. И вот карфагеняне были в страхе и недоумении, Утика же, величайший после Карфагена город Ливии, имевший удобные гавани для причала судов, достаточно большие к тому же для высадки войск, отстоящий от Карфагена на шестьдесят стадиев и хорошо расположенный для войны с карфагенянами, разочаровавшись тогда в деле карфагенян и проявляя в подходящий момент старинную свою ненависть к ним, отправила послов в Рим, которые передали Утику в распоряжение римлян¹. Сенат, до того стремившийся к войне и к ней готовившийся, когда к римлянам присоединился такой укрепленный и удобно расположенный город, открыто выразил свое намерение и, собравшись на Капитолий (где они обычно рассматривали вопрос о войне), постановил воевать с карфагенянами. Военачальниками они тотчас послали консулов: над пехотой – Мания Манилия, а над флотом – Луция Марция Цензорина², которым тайно было указано не прекращать войны, прежде чем они не разрушат Карфагена. Принеся жертвы, консулы отплыли в Сицилию, чтобы переправиться оттуда в Утику; плыли же они на следующих кораблях: на пятидесяти пентерах, на ста гемииолиях³ и на многих других без военного оборудования, легких и круглых торговых судах. На них плыло войско в восемьдесят тысяч пеших и до четырех тысяч всадников⁴, все отборные воины, ибо, ввиду столь замечательного похода и явной надежды на победу, всякий и из граждан и из союзников стремился на эту войну, и многие записывались в ряды войска даже в качестве добровольцев.

76. Карфагенянам и объявление войны и начало военных действий было сообщено одновременно одним вестником; он принес и постановление о войне и вместе с тем сообщил, что против них плывет флот. Пораженные этим, они стали отчаиваться в своем положении и потому, что у них не было кораблей, и потому, что так недавно они потеряли такое количество молодежи; у них не было ни союзников, ни готовых наемников, ни хлеба, собранного на случай осады, и ничего другого, как это бывает при не объявленной наперед и столь стремительно начатой войне, и сами не имея возможности сопротивляться одновременно и римлянам и Массанассе. Поэтому они отправили других послов в Рим, дав им полномочия решать все по своему усмотрению, чтобы, как только могут, уладить дело при сложившихся обстоятельствах. Сенат сказал им, что, если карфагеняне дадут консулам, еще находящимся в Сицилии, в качестве заложников триста знатнейших среди них детей в ближайшие тридцать дней и выполнят все другое, предписанное им, они будут иметь Карфаген свободным и автономным и всю землю, которую они имеют в Ливии. Это было постановлено во всеобщее сведение, и сенаторы дали послам отнести это решение в Карфаген; тайно же они послали приказ консулам держаться того, что было поручено им частным образом⁵.

77. Карфагеняне относились с подозрением к сенатскому решению, передавая заложников не на основании твердого соглашения; но так как они находились в такой опасности, то, возлагая надежды на то, что они не уклонятся ни от какого условия, они со всем рвением, предупреджая назначенный срок, повезли своих детей в Сицилию, причем их оплакивали родители и домашние, особенно матери, которые с безумными воплями обнимали детей, хватались за корабли, везущие их, и полководцев, их сопровождавших, бросались к якорям, разрывали снасти, руками обвивали моряков и препятствовали плаванию. Были среди женщин и такие, которые плыли за кораблем далеко в море, проливая слезы и смотря на детей. Находившиеся же на берегу рвали на себе волосы и били себя в грудь, как при жестокой печали; ведь им казалось, что дача заложников – это лишь красивое выражение, на деле же это – сдача города, когда эти дети отдаются без какого-либо определенного соглашения. И многие из них среди воплей и это пророчили городу, говоря, что выдача детей нисколько ему не поможет; такова вот была отправка заложников в Карфагене, в Сицилии же консулы, приняв их, переслали в Рим, а карфагенянам сказали, что все остальное, что нужно для окончания войны, они скажут в Утике.

78. Переплыв туда, они стали лагерем – пешие там, где некогда был лагерь Сципиона, а корабли – в гаванях утикийцев. Когда послы из Карфагена прибыли и туда, консулы сперва воссели на высоком трибунале, причем рядом с ними стояли гегемоны⁶ и хилиархи⁷, войско же было построено по обеим сторонам длинными рядами в блестящем оружии с высоко поднятыми значками, чтобы по ним послы могли сообразить о многочисленности войска. Когда консулы приказали трубачу дать знак молчания, а глашатай возгласил, чтобы послы карфагенян подошли, их повели между длинными рядами войска, к самому же возвышению они не могли приблизиться: посредине была протянута веревка; консулы приказали им говорить, чего они хотят. Послы стали говорить много разных жалобных слов – и о договорах, бывших у них с римлянами, и о древности самого Карфагена, обширных его размерах и о его силе, его величайшем и продолжительном прошлом господстве на земле и на море. Они сказали, что говорят это не для самовосхваления: в таких несчастьях не время самовосхвалению, «но пусть острота перемены нашего положения будет для вас, о римляне, основанием к благоразумию и умеренности. Ведь самые могущественные – те, которые, жалея пострадавших, основывают свои благие надежды на том, что они ни в чем не погрешают по отношению к судьбе других. И это достойно вас и вашего благочестия, на которое вы Претендуете больше всех людей.

79. Если бы у нас были даже самые немилостивые враги, то довольно несчастий, которые мы потерпели, мы, которые лишены господства и на земле и на море, которые передали вам корабли и не приобретаем других, которые отстранены от охоты на слонов и от приобретения их иным путем, передали и прежде и теперь вам знатных заложников и своевременно платили дань, мы, которые привыкли получать ее от других. И этого было достаточно вашим отцам, с которыми мы воевали; и договор при них был заключен с нами, как с друзьями и союзниками, и клятва, принесенная при этом договоре, равна для обеих сторон. И они нам, с которыми воевали, были после этого верными союзниками; вы же, с которыми мы ни разу даже не вступали в сражение, в нарушении какого пункта этого договора, обвиняя нас, так стремительно постановили начать эту войну и без объявления ее двинулись на нас? Может быть, мы не дали дани? или у нас есть корабли, или вызывающие зависть слоны? или с тех пор мы не были верными по отношению к вам? или мы не заслуживаем жалости, когда у нас так недавно пятьдесят тысяч человек погибли от голода? но мы воевали с Массанассой, слишком многого он захотел; но и это все мы переносили из-за вас. Действуя непрерывно и незаконно против нас и против того места, в котором он был вскормлен и воспитан, он отнял у нас землю около Эмпория⁸; захватив и ее, он пошел за другими, пока не привел в беспорядок наш договор с вами; если это является поводом к этой войне, то мы и тех, которые двинулись против него, чтобы защищаться, приговорили к смерти, и к вам отправили послов, которые оправдывались относительно этого, и других, имевших полномочия решать все по своему усмотрению, чтобы заключить договор на каких хотите условиях. Зачем же нужны корабли, флот и войско против мужей, не только признающих, что они погрешили, но и всецело поручающих себя вам? Что это мы предлагаем не с целью обмануть вас, не скряжничая, готовые потерпеть, чем бы вы нас ни наказали, доказано достаточно ясно. Ведь мы тотчас отослали по вашему требованию знатных детей как заложников, как было приказано постановлением, раньше назначенных тридцати дней. В том же самом постановлении сказано, что если мы передадим вам заложников, вы позволите Карфагену быть свободным и автономным, владеющим тем, что мы имеем».

XII, 80. Так сказали послы. Цензорин, поднявшись, ответил следующее: «Что мне говорить вам, карфагеняне, о причинах войны? Ведь вы отправляли в Рим послов, и они узнали об этих причинах от сената. В том же, что ваши поступки по отношению к нам были лживы, в этом я вас уличу. Ведь в постановлении ясно сказано, и мы вас об этом предупредили в Сицилии, принимая заложников, что остальные решения будут сообщены вам в Утике. Конечно, за быстроту доставки заложников и за выбор их мы вас хвалим; но какая нужда в оружии тем, которые честно хотят жить мирно? Итак, все оружие, сколько бы его у вас ни было, и государственное, и частное, которое каждый из вас имеет, и дротики, и катапульты, передайте нам». Послы на это сказали, что им приходится слушаться, но они не знают, как они будут защищаться от Гасдрубала, которого они приговорили к смерти и который, собрав уже до двадцати тысяч воинов, расположился лагерем у самого Карфагена. Когда консулы сказали, что римляне позаботятся об этом, послы обещали выдать оружие. Вместе с послами были отправлены Корнелий Сципион Назика и Гней Корнелий по прозвищу Испанский⁹; они приняли

двести тысяч всякого рода оружия, бесконечное множество стрел и дротиков, до двух тысяч катапульт, выпускающих заостренные стрелы и камни. Это было замечательное и в то же время странное зрелище, когда на огромном количестве повозок враги сами везли своим врагам свое оружие; за ними следовали послы и все члены совета старейшин и знатнейшие лица города, и жрецы, и другие выдающиеся лица; они надеялись, что консулы почувствуют к ним или уважение, или сожаление. Введенные со знаками своего достоинства к консулам, они стали перед ними. И вот Цензорин (так как он был более красноречив, чем его сотоварищ по власти), встав и помолчав долгое время с жестким выражением лица, наконец, сказал следующее:

81. «Что касается повиновения, о, карфагеняне, и готовности до сего времени и в отношении заложников и в отношении оружия, мы вас хвалим, но нужно в тяжелых обстоятельствах говорить кратко. Выслушайте с твердостью остальные приказы сената, уйдите для нашего спокойствия из Карфагена, поселитесь в каком хотите месте вашей страны в восьмидесяти стадиях от моря, так как этот город решено скрыть до основания». Когда он это еще говорил, они с криком стали поднимать руки к небу и призывали богов как свидетелей совершенного над ними обмана; много горьких поношений высказывалось против римлян или потому, что они уже были готовы умереть, или обезумев, или сознательно раздражая римлян, чтобы вызвать их на оскорбление послов. Они бросались на землю, бились о нее и руками и головами; некоторые разрывали одежды и истязали собственное тело, как охваченные безумием. Когда же, наконец, у них прекратился острый приступ отчаяния, наступило долгое и полное печали молчание, и они лежали, как мертвые. Римляне были поражены, и консулы решили терпеливо переносить их речи, как потрясенных таким невероятным приказом, пока у них не пройдет негодование, хорошо зная, что величайшие бедствия сначала толкают безумную храбрость, со временем же дерзость сгибается перед необходимостью. Это испытали тогда и карфагеняне: когда во время молчания сознание их несчастья еще глубже овладело ими, они перестали негодовать; с воплями оплакивали они и себя, и детей, и жен, называя их по именам, и самую родину, обращаясь к ней с жалобами, как к живому человеку. Жрецы громко называли имена святилищ и находящихся в них богов, упрекая и их, словно присутствующих, в своей гибели. И они все так жалобно оплакивали и свою родину и самих себя, что и римляне заплакали вместе с ними.

82. Хотя и консулов охватила жалость при виде превратности человеческой судьбы, но они оставались суровыми, ожидая, пока карфагеняне насытятся своим плачем. Когда же последние прекратили стенания, вновь наступило молчание. И дав себе отчет в том, что их город безоружен и малолюднен, что нет у них ни кораблей, ни катапульт, ни стрел, ни мечей, ни людей, способных обороняться, так как недавно еще погибло у них пятьдесят тысяч человек, что у них нет никакого наемного войска, ни друга, ни союзника, ни времени, чтобы их приобрести, что враги держат в своих руках и их детей, и оружие, и страну и осаждают город вооруженные, с кораблями, с пехотой, с машинами и конями, что Массанасса, другой их враг, у них под боком, — они воздержались от шума и дальнейшего выражения негодования, как несколько не помогающих в несчастьях, и вновь обратились к речам. И Баннон¹⁰, которому было прозвище Тигилла, самый знатный из всех присутствовавших тогда, попросив разрешения говорить, сказал:

83. «Если есть у нас помимо сказанного еще прежде вам, римляне, право на слово, мы будем говорить не для того, чтобы выставлять свое право (не ко времени несчастным спорить), но чтобы вы узнали, что у вас есть основательный и разумный повод оказать нам милосердие. Ведь мы, властители Ливии и моря в самых широких пределах, воевали с вами за гегемонию; от нее мы отказались при Сципионе, когда передали вам корабли и слонов, которых имели, и взяли обязательство платить вам дань и даем ее своевременно. Во имя богов, которыми тогда клялись, пощадите нас, пощадите клятвы Сципиона, клявшегося, что римляне будут карфагенянам союзниками и друзьями. Нет ничего, в чем бы мы погрешили против этого договора. У нас нет ни кораблей, ни слонов, мы не уклоняемся от взносов дани, но были даже вам союзниками против трех царей¹¹. Пусть не сочтет нужным кто-либо упрекнуть нас, если это раньше мы уже говорили, когда вы требовали оружия, ибо несчастья делают многословными и вместе с тем при молениях нет ничего могущественнее, как ссылка на договор, да и мы не имеем возможности прибегнуть к чему-либо другому, кроме слов, мы, которые всю нашу мощь выдали вам. Таковы прежние условия, поручителем которых, о, римляне, является Сципион. Что же касается настоящих условий, вы, консулы, являетесь для нас и творцами их и свидетелями. Вы потребовали заложников, и мы отвели вам самых лучших. Вы потребовали оружия и получили все, чего даже после осады взятые города добровольно не отдают. Мы верили обычаю и образу действия римлян. Ведь и сенат прислал нам обещание, и вы, требуя заложников, говорили, что разрешите Карфагену быть автономным, если получите их. Если было прибавлено, что остальные ваши приказания будут сообщены потом, не достойно вас было при требовании дать заложников, требовании совершенно ясном, обещать, что город будет автономным, а затем как какую-нибудь прибавку к выдаче заложников потребовать, чтобы сам Карфаген был разрушен. Если вы считаете законным его уничтожить, то каким образом вы оставите его свободным или автономным, как вы говорили?

84. Вот что имели мы сказать и о прежних договорах, и том, который был заключен между нами. Если и этого вы не примете во внимание, то мы перестанем говорить — что остается еще несчастным, — станем плакать и просить. О многом можем мы молить из-за множества бедствий: мы взываем ради города древнего, по воле и благоволению богов воздвигнутого, во имя его славы, достигшей такой высоты, ради его имени, известного по всей земле, ради стольких святилищ, в нем находящихся, и богов, не причинивших вам никакого зла: не

лишайте их торжественных служений, шествий и праздников, не лишайте гробницы обычных приношений, так как мертвые ни в чем перед вами не виновны. Если есть у вас жалость даже к нам (а вы говорите, что, жалея нас, вы разрешаете нам переселиться) пощадите государственный алтарь, пощадите площадь, пощадите богиню – хранительницу совета – и все остальное, что еще для живых радостно и ценно. Ведь в самом деле, чего вам еще бояться Карфагена, вам, владеющим и нашими кораблями, и нашим оружием, и вызывающими зависть слонами? А относительно переселения, если кому-либо покажется, что вы предлагаете нам это в утешение, то это – дело невыполнимое, переселиться в глубь материка людям, живущим благодаря морю, бесчисленное количество которых работает на море. Вместо этого мы делаем вам другое предложение, более приемлемое для нас и более славное для вас: город, ни в чем не повинный перед вами, оставьте невредимым, нас же самих, которых вы переселяете, если желаете, убейте. Ведь только так вы покажете, что вы гневаетесь на людей, а не на храмы, богов, могилы и город, ни в чем не виновный.

85. К славе благородства и благочестия стремитесь вы, римляне, во всех делах и в счастливых обстоятельствах показываете свою умеренность; и это вы внушаете всем, кого бы вы ни побеждали. Так вот, ради Зевса и богов, и других, и всех тех, которые еще теперь хранят Карфаген (да никогда они ни вам, ни детям вашим не воздадут злом за понесенные бедствия!), да не нарушите вы вашей собственной доброй славы впервые по отношению к нам, не оскверните вашего доброго имени таким поступком, который и совершить трудно и столь же тяжело о нем слышать; к тому же он будет совершен вами первыми. Ведь много было войн у эллинов и у варваров, много и у вас, о, римляне, против других народов: и никто никогда не разрушал до основания города, протянувшего до битвы руки с просьбой о пощаде и передавшего оружие и детей и согласившегося перенести любое наказание какое только есть у людей. Во имя богов, которыми мы клялись, изменчивости человеческой судьбы и страшнейшей для счастливых Немесиды мы просим вас, чтобы вы сами не накладывали своими руками пятна на свою добродетель, не доводили наши несчастья до неисцелимой гибели, но разрешили, если вы сами не дадите нам владеть своим городом, еще раз послать, по крайней мере, в сенат послов относительно него и молить об этом. Вы видите, что это короткая отсрочка, но в этот короткий промежуток времени она несет нам долгое мучение вследствие неизвестности будущего; вам же равно безопасно будет теперь ли или немного спустя совершить намеченное, но зато вам прибавится слава благочестия и человеколюбия».

86. Это сказал Баннон, но по суровому выражению консулов в течение всей речи было ясно, что они ни в чем не уступят карфагенянам; когда он кончил, Цензорин ответил: «Относительно того, что предписал сенат, зачем нужно много говорить? Он предписал, и должно быть сделано; и мы не можем отложить исполнение того, что уже давно было приказано исполнить. Если бы мы это приказывали вам, как врагам, нужно было бы только сказать и принудить сделать; когда же это делается, о, карфагеняне, ради общей пользы, может быть, отчасти и нашей, но гораздо более вашей, я не откажусь изложить вам и основания этого решения, если вас можно скорее убедить, чем принудить силой. Это море всегда побуждает вас, помнящих о бывшей вашей власти и силе на нем, поступать несправедливо и от этого ввергает вас в несчастья. Ведь из-за него вы старались захватить Сицилию и потеряли Сицилию; вы переправились в Иберию и потеряли Иберию. И после заключения перемирия вы грабили купцов, особенно наших, и, чтобы скрыть это, топили их, пока, пойманные с поличным, вы не откупились от нас Сардинией. Так и сардов вы потеряли из-за моря, которое как бы создано, чтобы побуждать всех стремиться всегда к большему из-за быстроты в действиях на нем.

87. И афинян оно, когда они предали морскому делу, и чрезвычайно возвеличило и погубило; морские прибыли похожи на купеческие, которые заключают в себе и возвеличение и полную гибель. Вы ведь знаете, что те самые, о которых я только что упомянул, распространив свою власть по Ионийскому морю до Сицилии, не прежде отказались от жажды захвата и наживы, чем потеряли всю свою власть, и гавани и корабли передали врагам, приняли в город чужой гарнизон и сами срыли свои длинные стены; и стали они тогда даже почти что материковыми жителями. И это надолго спасло их. Ведь более устойчива, о, карфагеняне, жизнь на материке в занятиях земледелием, свободная от опасностей. Правда, выгоды там, может быть, меньше, но одновременно доходы от земледелия надежнее и безопаснее, чем от морской торговли. А в целом, мне кажется, город, стоящий на море, является скорее каким-то кораблем, чем землей: он всегда подвержен волнениям в делах и переменам; город же, стоящий в глубине страны, пользуется безопасностью, как находящийся на земле. Поэтому и в древности царские резиденции, как правило, были в центре их стран, и потому-то оказались столь обширными царства мидян, ассирийцев, персов и других.

88. Но я перестану ссылаться на пример царских резиденций, не имеющих к вам никакого отношения; посмотрите на вашу Ливию, сколько городов внутри этой страны живут безопасно. С любым из них вы можете стать соседями, чтобы избавиться от раздражающего вас вида и чтобы не было у вас тягостных воспоминаний о тех несчастьях, которые вы испытываете ныне, когда, смотря на море, лишённое кораблей, вы вспоминаете о множестве кораблей, которые вы имели прежде, и о всей той добыче, которую вы ввозили, и в какие гавани вы гордо вступали и наполняли добычей верфи и склады снастей. О чем напоминают вам внутри ваших стен выстроенные казармы для войск, коней и слонов? О чем напоминают рядом с ними выстроенные склады? Какие чувства пробуждает в вас все это? Что другое, кроме огорчения и страстного желания вернуть потерянное, если когда-нибудь представится к этому возможность? Это – вполне человеческое чувство, когда люди, вспоминая о бывшем некогда счастье, надеются, что счастье вернется; лекарство же, исцеляющее наши

бедствия, – это забвение, которого нельзя получить, если вы не избавитесь от этого зрелища. И самое явное тому доказательство – то, что вы, часто получавшие прощение и заключавшие договор, постоянно нарушали клятвы. Итак, если еще вы стремитесь к власти и, теряя ее, злобствуете против нас и выжидаете подходящего момента, тогда вам нужен этот город и такие гавани и верфи и эти стены, выстроенные наподобие лагеря. Но зачем мы будем щадить явно уличенных врагов? Если же вы честно отказываетесь от власти, не на словах только, но к в помышлениях, берете себе только то, чем вы владеете в Ливии, и на этом без всяких возражений заключаете с нами договор, ну же, покажите это и на деле, переселившись в глубь Ливии, которой вы владеете, и уйдя от моря, от которого вы отказались.

89. И не притворяйтесь, что вы просите пощадить святилища, алтари, площади и могилы; из всего перечисленного могилы останутся на месте; если вы захотите, то сможете, приходя сюда, приносить умиловительные жертвы и совершать жертвоприношения в святилищах, являясь сюда. Остальное мы уничтожим. Ведь вы приносите жертвы не верфям, не стенам несете умиловительные дары. И, переселившись, вы можете создать новые очаги и другие святилища и площади, и скоро и они станут для вас отчими, так же, как, покинув все это в Тире, вы переменяли это на вновь созданное в Ливии и приобретенное вами тогда теперь считаете отчим. Кратко говоря, поймите, что мы постановили это не по вражде к вам, но для сохранения твердого согласия и общей безопасности; если вы вспомните, ведь мы и Альбу¹², бывшую не враждебной нам, но нашей метрополией, не из неприязни, но высоко чтя ее, как ее колонисты, для общей пользы переселили в Рим, и это принесло пользу обеим сторонам. Но, говорите вы, есть у вас еще много работников, которые получают свое пропитание, трудясь на море. И об этом мы подумали, чтобы вам было удобно сообщаться с морем, и вы могли бы легко ввозить и вывозить продукты; ведь мы велим вам отойти от моря не на большое расстояние, а только на восемьдесят стадиев¹³. Ведь мы, предписывающие вам это, находимся от моря на расстоянии ста стадиев¹⁴. Мы даем вам выбрать место, какое хотите, и, переселившись, жить там по своим законам. Это и есть то, о чем мы говорили раньше, что мы оставим Карфаген автономным, если он будет нам повиноваться; ибо Карфагеном мы считали вас, а не землю»¹⁵.

XIII, 90. Сказав это, Цензорин замолчал. И так как карфагеняне, пораженные его словами, не ответили ничего, он прибавил: «Что нужно было сказать, убеждая и утешая вас, сказано; приказание же сената должно быть выполнено и выполнено немедленно. Итак, идите: ведь вы все-таки еще послы». Так он сказал, они же, удаляемые слугами, предвидя, что будет сделано карфагенянами, вновь попросили разрешения говорить. Вновь допущенные, они сказали: «Мы видим неумолимость приказания; ведь вы не даете нам даже права отправить послов в Рим. У нас нет надежды еще раз прийти к вам: мы будем убиты карфагенянами, прежде чем закончим нашу речь. Мы просим вас не за себя (мы готовы перенести все), но еще раз за самый Карфаген; может быть, он, пораженный страхом, сможет подчиниться своему несчастью. Поставьте около него корабли, пока мы пойдем отсюда сухим путем, чтобы, и видя и слыша, что вы приказываете, они это перенесли, если только могут. Мы попали в такое безвыходное и бедственное положение, что сами загибаем вас двинуть корабли против нашего отечества». Сказав это, они ушли, Цензорин же, двинувшись с двадцатью пентерами, стал на якорь около города. Из послов часть разбежалась во время пути, но большинство молча продолжало путь.

91. Карфагеняне же – одни смотрели со стен, ожидая, когда придут послы, и негодовали, что они так медлят, и рвали на себе волосы; другие же пошли навстречу подходящим, не имея больше сил ждать и побуждаемые желанием скорее узнать результат. Видя суровое выражение приближавшихся, они били себя в лицо и обращались с вопросами, одни ко всем вместе, другие же отдельно к каждому, если кто был дружен или знаком с кем-либо из них, хватая его и расспрашивая о случившемся. Так как никто не отвечал, они застонали, как бы предчувствуя явную гибель. Бывшие на стене, услышав это, застонали вместе с ними, ничего еще не зная, но как при явном и большом несчастье. Около ворот они едва не задавили послов, бросившись к ним целой толпой; они их едва не растерзали, но послы сказали, что прежде им надо встретиться с советом старейшин. Тогда только одни расступились перед ними, другие же пошли вслед, обуреваемые желанием скорее все узнать. Когда они вошли в здание совета, старейшины удалили остальных и одни заседали среди своих, толпа же стояла вокруг здания. Послы сначала объявили приказание консулов, и тотчас в совете поднялся вопль, и народ, стоявший снаружи, также завопил. Затем, когда послы перешли к тому, что возражали они, защищаясь и прося и убеждая разрешить им отправить послов в Рим, в совете вновь наступило глубокое молчание; все ожидали, желая узнать, чем все кончилось; и народ также молчал. Когда же они узнали, что даже отправить послов им не разрешили, они, горько плача, подняли вопль, и народ ворвался к ним.

92. И тут начались несказанные и безумные стенания; так, говорят, менады в вакхическом исступлении произносят дикие, нечеловеческие речи. Одни стали мучить и терзать, как виновников этого коварства, тех из старейшин, которые внесли предложение дать заложников; другие так поступали с теми, кто советовал выдать оружие; иные бросали камнями в послов, как вестников бедствий; иные разбежались по городу. Тех италийцев, которые еще были среди них, так как это бедствие надвинулось неожиданно и без всякого объявления, они подвергли различным мучениям, приговаривая, что они отплачивают им за заложников, за выдачу оружия и за обман. Весь город наполнился стенаниями и воплями гнева, страхом и угрозами; на улицах они связывали своих самых близких и бежали в святилища, как в убежища; они поносили богов, говоря, что они не могли охранить самих себя. Другие же бросились к арсеналам и плакали, видя их пустыми. Иные бежали к верфям и

оплакивали корабли, выданные вероломным врагам. Некоторые звали по именам слонов, как будто те были еще здесь, они поносили и своих предков и самих себя, говоря, что следовало, не передавая ни кораблей, ни слонов, не внося дани, не передавая оружия, умереть вместе с родиной, когда она была в полном вооружении. Более же всего гнев их разжигали матери заложников; как некие эриннии из трагедии, они с завыванием кидались на каждого встречного, напоминая о выдаче детей и о своих предсказаниях; они насмехались над ними, говоря, что боги должны защищать их вместо детей. Небольшая часть, которая еще не потеряла головы, стала запирает ворота и вместо катапульт сносить на стену камни.

93. Совет в тот же день постановил воевать и объявил об освобождении рабов¹⁶, полководцем же избрали для внешних действий Гасдрубала, которого раньше они присудили к смертной казни, имевшего уже собранными двадцать тысяч человек¹⁷. И кто-то быстро отправился к нему с просьбой не помнить зла на отечество, находящееся в крайней опасности, и не возлагать на него теперь ответственности за то, что по необходимости из-за страха перед римлянами несправедливо сделано против него. Внутри же стен полководцем был выбран другой Гасдрубал, внук Массанассы по дочери¹⁸. Они отправили послов и к консулам, вновь прося перемирия на тридцать дней, чтобы отправить посольство в Рим. Потерпев неудачу и на этот раз, они почувствовали в себе удивительную перемену и решимость лучше претерпеть что угодно, чем покинуть город. В результате перемены настроения их быстро наполнила бодрость. Все государственные и священные участки и все другие обширные помещения были превращены в мастерские. Работали вместе и мужчины и женщины и днем и ночью, отдыхая и получая пищу посменно в назначенном размере. Они вырабатывали каждый день по сто щитов, по триста мечей, по тысяче стрел для катапульт; дротиков и длинных копий пятьсот и катапульт, сколько смогут. Для того, чтобы их натягивать, они остригли женщин ввиду недостатка в другом волосе¹⁹.

94. В то время, как карфагеняне с таким рвением готовились к войне, консулы, быть может, отчасти не решаясь сразу приступить к такому небывалому делу, а вместе с тем и считая, что они возьмут, когда захотят, безоружный город силой, все еще медлили. Они также думали, что карфагеняне сдадутся вследствие недостатка продовольствия, как часто бывает в тяжелых обстоятельствах, что в первый момент люди возражают, с течением же времени и по размышлении их охватывает страх, что они не оказали повиновения. Эту мысль решившись высказать и некто из самих карфагенян, когда ему показалось, что их уже начинает охватывать страх; выступив в собрании как будто бы с другим предложением, он сказал, что, поскольку они безоружны, из несчастий нужно выбирать меньшее; таким образом, он ясно высказал свое мнение. И Массанасса был недоволен римлянами; ему было тяжело, что сам он, поставив на колени мощь карфагенян, должен видеть, как быстро появились другие, чтобы получить титул победителей, не согласовавшись с ним раньше, чем прийти, как они это делали в прежних войнах. Однако, когда консулы, испытав его, призвали его к совместным действиям, он сказал, что пошлет им помощь, когда увидит, что они в ней нуждаются. Немного времени спустя он, послав к ним, спросил, нуждаются ли они уже в чем-нибудь. Не вынося его надменности и уже отчасти и не доверяя ему, как человеку, раздраженному против них, они ответили, что пошлют к нему, когда будут нуждаться в чем-либо. Вопросом о продовольствии войска они были очень озабочены, получая его только из Гадрумета, Лептиса, Сакса²⁰, Утики и Ахоллы²¹, так как остальная часть Ливии была вся еще под властью Гасдрубала, откуда он посылал продовольствие в Карфаген. Потратив на это немного дней, оба консула подошли к городу, готовые к битве, и попытались взять Карфаген приступом.

XIV, 95. Карфаген был расположен в самой внутренней части очень большого залива и был очень похож в некотором роде на полуостров²². От материка его отделял перешеек, шириной в двадцать пять стадиев; от перешейка, между болотом и морем, тянулась к западу длинной и узкой лентой коса, шириной, самое большее, полстадия. Часть города, обращенная к морю, была окружена простой стеной, так как была построена на отвесных скалах, та же часть, которая была обращена к югу в сторону материка, где на перешейке находилась и Бирса²³, была окружена тройной стеной. Из этих стен каждая была высотой до тридцати локтей²⁴, не считая зубцов и башен, которые отстояли друг от друга на расстоянии двух плетров²⁵, каждая в четыре яруса; ширина стены была тридцать футов²⁶; каждая стена делилась по высоте на два яруса, и в ней, бывшей полый и разделенной на камеры, внизу обычно стояли триста слонов и находились склады пищи для них. Над ними же были лошадиные стойла для четырех тысяч коней и хранилища сена и овса, а также казармы для людей, примерно для двадцати тысяч пеших воинов и четырех тысяч всадников. Столь значительные приготовления на случай войны были у них уже раньше сделаны для размещения в одних только стенах. Тот же угол, который от этой стены, минуя вышеуказанную косу, загибался к заливу, один только был слабо укреплен и низок и с самого начала оставлен без внимания²⁷.

96. Гавани Карфагена были взаимно связаны, так что можно было проплывать из одной в другую; вход же в них из открытого моря был шириной в семьдесят футов²⁸, и запирался он железными цепями. Первая гавань была предоставлена торговым судам, и в ней было много различных причалов; во внутренней же гавани посредине был остров, и как этот остров, так и гавань были охвачены огромными набережными. Эти набережные были богаты верфями и доками, рассчитанными на двести двадцать кораблей, и, помимо верфей, складами, где держалось все нужное для оснащения триэр. Перед каждым доком стояли две ионические колонны, окружавшие гавань и остров, что вместе с гаванью создавало впечатление круглой галереи. На острове было сооружено на возвышении помещение для командующего флотом, откуда трубач должен был

давать сигналы, а глашатай передавать приказы, командующий же за всем наблюдать. Этот остров был расположен у входа в гавань и поднимался высоко вверх, так что командующий мог видеть все, происходящее в море, а подплывающим нельзя было ясно видеть, что делается внутри гавани. Даже вошедшим в гавань купеческим судам не были видны верфи, ибо их окружала двойная стена и были особые ворота, которыми купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через верфи.

97. Таков был в то время облик Карфагена²⁹. Консулы, разделив между собой операции, двинулись на врагов: Манилий с материка по перешейку, собираясь засыпать ров и штурмовать невысокое на нем укрепление, а после него – высокие стены; Цензорин же с суши и с кораблей подвигал лестницы против наиболее слабо укрепленного угла стены. Оба презирали карфагенян как безоружных, но, натолкнувшись на новое оружие и на неожиданную решимость воинов, они были поражены и отступили. Это было первое, что сразу помешало им, надеявшимся без боя взять город. Когда они вновь сделали попытку и опять потерпели неудачу, у карфагенян возросла самоуверенность, консулы же, боясь Гасдрубала, ставшего лагерем в тылу у них, за болотом, на небольшом расстоянии, стали и сами укреплять два лагеря: Цензорин у болота, под стенами врагов, а Манилий — на перешейке, на дороге, ведущей к матерiku. Когда у них были выстроены оба лагеря, Цензорин переправился через болото за лесом для машин, но на него внезапно напал начальник карфагенской конницы Гимилькон, прозванный Фамеей³⁰; при этом столкновении Цензорин потерял пятьсот человек, занятых рубкой леса, и много оружия. Однако, доставив все же некоторое количество материала, Цензорин сделал машины и лестницы. И вновь оба консула попробовали штурмовать город и равным образом потерпели неудачу. Манилий некоторое время еще прилагал здесь усилия и, с трудом разрушив часть передового укрепления, отказался от мысли пытаться еще в этом направлении напасть на город.

98. Цензорин, засыпав часть болота вдоль косы³¹, чтобы получилось более широкое пространство, подвинул две большие машины с таранами; одну из них подталкивали шесть тысяч пехотинцев, руководимых военными трибунами, другую же – гребцы, тоже под начальством начальников кораблей. Благодаря соревнованию, возникшему вследствие одинакового и равного труда и между работающими и между начальствовавшими ими, часть стены упала, и уже была видна внутренняя часть города. Но и при таких обстоятельствах карфагеняне, оттеснив их, стали ночью восстанавливать упавшую стену. Но так как ночи им не хватило на это дело, то они, боясь, что и ту часть работы, которую они только что сделали, и еще влажную, римские машины днем могут разрушить, сделали вылазку против сооружений врагов, одни вооруженные, другие – без оружия, имея только зажженные факелы, и сожгли их, правда не все (так как не успели из-за нападения римлян), но, сделав их все негодными, удалились. С наступлением дня римлян охватило желание прорваться силой через упавшую и не окончательно заделанную часть стены и ворваться в город; внутри же было видно ровное место, удобное для сражения. Здесь карфагеняне по фронту поставили вооруженных воинов, а невооруженных пристроили к ним сзади с камнями и кольями и, разместив многих других на крышах, расположенных вокруг домов, ожидали наступающих, если они решатся ворваться в город. Римляне, еще более раздраженные тем, что эти невооруженные люди их презирают, смело бросились в город. Сципион, который вскоре после этого взял Карфаген и за это был прозван Африканским, бывший тогда военным трибуном, колебался войти в город и, разделив свои отряды на много частей и поставив их на некотором расстоянии вдоль укрепления, не позволил им войти в город. Вошедших в город и вытесненных карфагенянами, которые со всех сторон напали на них, он прикрыл своими войсками и тем спас. И это было первое, что создало ему славу, так как он оказался более дальновидным и осторожным, чем консул.

99. Когда поднялось созвездие Пса³², лагерь Цензорина охватила болезнь, так как он был расположен у болота со стоячей и зловонной водой и ветер с моря, загромождаемый громадными городскими стенами, не очищал воздуха. Поэтому Цензорин перенес лагерь от болота к морю. А карфагеняне, когда начинался ветер, дувший в сторону римлян, тащили канатами маленькие челноки с хворостом и паклей вдоль стен так, чтобы они не были заметны врагам; когда же, загнув за угол стен, они должны были стать заметными для врагов, они, налив в них смолы и насыпав серы, поднимали на них паруса и, когда паруса надувались ветром, подкладывали в челноки огонь. Эти челноки, гонимые ветром и направлением огня, наталкивались на корабли римлян, причиняли им много вреда и едва не сожгли весь флот. Немного спустя Цензорин отправился в Рим, чтобы провести выборы магистратов³³, карфагеняне же тем решительнее стали действовать против Манилия. Ночью, имея оружие, другие же без него, неся доски, положили их на ближайший к ним ров Манилия и стали разрушать вал. Когда бывшие внутри пришли в замешательство, как это бывает при ночных нападениях, Сципион быстро выехал со своими всадниками из лагеря через другие ворота, где не было никакого боя, и, зайдя в тыл карфагенянам, навел на них страх и заставил удалиться в город. И во второй раз все считали, что этим делом Сципион спас римлян, приведенных в смятение ночным нападением.

100. После этого Манилий еще более укрепил лагерь, окружив его вместо вала стеной и воздвигнув у моря укрепленную пристань для защиты провианта, привозимого морем; двинувшись внутрь страны с десятью тысячами пеших и двумя тысячами всадников, он стал опустошать страну, собирая лесной материал, сено и продовольствие. Идущими за продовольствием всегда командовал, чередуясь, один из военных трибунов. А Фамей³⁴, начальник ливийцев, будучи еще молодым и быстро решавшимся на сражения, имея коней небольших, но быстрых, евших траву, когда не было ничего другого, и переносивших, если было нужно, жажду и голод, – этот Фамей, скрываясь в зарослях или лощинах, где только видел врагов, действующих неосторожно,

налетал на них из своих тайников, как орел, и, причинив им урон, быстро уходил; но когда начальствовал Сципион, он нигде даже не показывался. Ведь Сципион вел всегда пехоту, построенную в боевом порядке, а всадников сидящими на конях; и при сборе фуража он не раньше распускал строй, как окружив ту равнину, где он намеревался собирать жатву, всадниками и legionерами; но и тогда он сам с другими отрядами конницы всегда их объезжал и всякого из жнецов, отходящего от других или выходящего из круга, он строго наказывал.

XV, 101. Поэтому Фамея на него одного не пытался нападать. Так как это случалось постоянно, то слава Сципиона все росла, прочие же военные трибуны из зависти стали распространять слухи, будто еще со времен отцов у Фамеи³⁵ были дружеские отношения к Сципиону, деду этого Сципиона. Когда некоторые из ливийцев убегали в башни и укрепления, которых было много в этой стране, другие трибуны, заключив договор и отпуская их, нападали на отступающих, Сципион же провожал их до дома. Поэтому никто из них не заключал договора раньше, чем придет Сципион. Столь великую славу мужества и верности слову заслужил он в короткое время и у своих и у неприятелей. Когда же римляне вернулись в лагерь с фуражировки, ночью карфагеняне напали на укрепление около кораблей; и было сильное смятение, так как для большего устрашения вместе с ними шумели и карфагеняне, находившиеся в городе. Манилий удерживал свое войско внутри лагеря, не зная, где и какая ему грозит опасность, Сципион же, взяв десять отрядов всадников³⁶, повел их с зажженными факелами, предупредив ночью не вступать в сражение, но, все время разъезжая вокруг с огнем, создавать впечатление многочисленного войска и наводить страх, что вот-вот они нападут; опасаясь нападения с двух сторон, карфагеняне в испуге бежали в город. И это было причислено к заслугам Сципиона. При всех его действиях всегда он был на устах у всех, как единственный достойный своего отца Павла, покорившего македонян, и Сципионов, в число которых он был принят по усыновлению.

102. Когда Манилий двинулся к Неферису³⁷ против Гасдрубала, Сципион был против этого, видя, что вся местность покрыта крутизнами, ущельями и зарослями и что возвышенности уже заняты врагами. Когда же они оказались в трех стадиях от Гасдрубала и надо было спуститься в русло какого-то потока, чтобы затем, поднимаясь, напасть на Гасдрубала, Сципион тогда сильно возражал и советовал повернуть назад, говоря, что против Гасдрубала нужны и другое время и другие средства. Когда другие трибуны из зависти к нему возражали, говоря, что это похоже скорее на трусость, чем на благоразумие, если, увидев врагов, они уйдут назад, и что в этом случае враги, исполнившись к ним презрения, нападут на них с тылу, он внес другое предложение – поставить лагерь перед этим потоком, чтобы в случае победы врагов они имели место для отступления, тогда как теперь у них нет даже места, куда бы они могли укрыться. Но они стали издеваться и над этим его предложением, а один даже грозил бросить меч, если будет командовать не Манилий, а Сципион. И вот Манилий, вообще человек неопытный в военном деле, стал переходить речку, и, когда он перешел, навстречу ему двинулся Гасдрубал, и с обеих сторон произошло страшное побоище. Наконец, Гасдрубал, поднявшись в какое-то укрепление, где с ним ничего нельзя было сделать, засел в нем, чтобы напасть на уходящих. Римляне, уже раскаиваясь в своем поступке, уходили до потока еще в строю, но так как река была трудно переходима и бродов было мало и они были неудобны, то поневоле они пришли в беспорядок. Видя это, Гасдрубал произвел на них тогда блестящее нападение и перебил их большое число, так как они не столько защищались, сколько думали о бегстве. Пали и из трибунов трое, которые уговаривали консула на это сражение.

103. В это время Сципион стремительно повел на врагов триста всадников, которых он имел при себе, и всех других, которых успел собрать, разделив их на две части; они должны были попеременно бросать дротики и тотчас отступать, а потом вновь наступать и опять быстро отскакивать назад. Ведь им так было приказано, чтобы одна их половина попеременно наступала и, бросив копья, отъезжала назад, двигаясь как бы по кругу. Так как это происходило часто и без всякого перерыва, ливийцы, непрерывно поражаемые, обратились против Сципиона и менее стали наседать на переходящих реку, так что те успели перейти поток. После них и Сципион перескочил со своими всадниками на другой берег, правда, с трудом, поражаемый копьями врагов. В начале этого тяжелого боя четыре³⁸ отряда³⁹, отрезанные врагами от реки, вбежали на какой-то холм; их осадил Гасдрубал, причем римляне об этом не знали до тех пор, пока сами не остановились. Когда же они это узнали, они недоумевали, что делать, причем одни считали нужным продолжать отступление и не подвергать опасности всех⁴⁰ из-за немногих, Сципион же продолжал утверждать, что, начиная какое-либо дело, надо быть благоразумным, когда же опасности подвергаются столько воинов и значков⁴¹, надо прибегнуть к отчаянной дерзости. Он сказал, что, взяв с собой несколько отрядов всадников, он приведет назад осажденных или с радостью погибнет вместе с ними. Взяв запасов на два дня, он тотчас отправился в путь, хотя войско очень боялось, что он сам не вернется. Подойдя к холму, где находились осажденные, он стремительно занял холм, лежавший напротив первого и отделенный от него одной только узкой ложиной. Тогда ливийцы стали усиленно нападать на осаждаемых и делали им⁴² знаки, что Сципион не может оказать помощи после тяжелого пути. Но Сципион, увидев, что подошвы этих холмов идут вдоль ложины, окружая ее, не упустил такого благоприятного момента и, быстро перевалив через эту возвышенность, оказался над неприятелями. Они, заметив, что их окружают, побежали в беспорядке. Сципион не стал их преследовать, позволив им уйти без потерь, так как они были значительно многочисленнее.

104. Таким образом Сципион спас и этих бывших в отчаянном положении. Когда войско издала увидело его сверх ожидания живым и спасшим других, оно подняло громкий крик, полный радости. Все прониклись

мыслью, что ему помогает то же божество, которое и деду его Сципиону⁴³, считалось, предрекало будущее. И вот Манилий вернулся в лагерь около Карфагена, понеся сильное возмездие за то, что он не послушался Сципиона, отговаривавшего его от похода. Так как все печалились, что павшие не погребены, и особенно скорбели о военных трибунах, Сципион, освободив одного из пленных, послал его к Гасдрубалу и убеждал похоронить трибунов. Тот же, осмотрев трупы и найдя трибунов по их перстням (из находящихся на военной службе трибуны носят золотые, а те, кто ниже их – железные кольца), похоронил их, или считая это дело достойным человека и общим законом во время войны, или уже исполненный уважения к славе Сципиона и стараясь заслужить его расположение. На римлян, возвращавшихся с похода на Гасдрубала, так как вследствие поражения они шли в беспорядке, напал Фамея; когда же они входили в лагерь, карфагеняне, выбежав из города, напали на них и кое-кого из обозных служителей убили.

XVI, 105 195. В это время и сенат послал в римский лагерь уполномоченных, чтобы они все разузнали и подробно доложили ему; перед ними и Манилий, и военный совет, и оставшиеся в живых из трибунов, поскольку ввиду подвигов исчезла зависть, свидетельствовали в пользу Сципиона, равно и все войско, а сверх всего этого — самые его дела, так что, вернувшись, послы повсюду распространили славу об опытности и счастье Сципиона и о привязанности к нему войска. Сенат радовался этому, но ввиду многих понесенных неудач послал к Массанассе и просил его оказать возможно большую помощь против Карфагена. Но послы не застали уже Массанассу в живых; сломленный старостью и болезнью, имея многих побочных детей, которые получили от него большие подарки, и трех законных, ни в чем не похожих друг на друга по своим поступкам, он позвал к себе Сципиона вследствие дружбы с ним и с его дедом, чтобы тот ему дал совет относительно детей и царства. Сципион тотчас отправился к нему, но незадолго до того, как он прибыл, Массанасса скончался, завещав сыновьям слушаться Сципиона, как бы он ни разделил между ними наследство.

106. Сказав так, Массанасса умер⁴⁴. Это был человек, счастливый во всех отношениях. Бог дал ему вернуть себе отцовское царство, которое было у него отнято карфагенянами и Сифаком, и раздвинуть его на огромное пространство по континенту от пределов маврусиев⁴⁵, живших у Океана, до Киренаики. Большое пространство земли он обратил в культурные поля; раньше номады по большей части питались травой, так как они не умели обрабатывать землю; он оставил огромные сокровища в деньгах и большое, хорошо обученное войско; из числа своих врагов Сифака он собственноручно взял в плен; Карфаген он оставил римлянам настолько ослабленным, что мог считаться виновником его разрушения. Он был большого роста и до глубокой старости физически очень силен; до самой смерти он принимал участие в боях и верхом на коня садился без помощи стремяного. Более всего о его несокрушимом здоровье свидетельствует то, что, хотя у него рождалось и умирало много детей, никогда у него не было в живых менее десяти и, умирая девяноста лет, он оставил после себя четырехлетнего ребенка. Так вот, будучи столь преклонного возраста и отличаясь таким здоровьем, Массанасса скончался. Его побочные дети, кроме полученного ранее, получили еще дары, назначенные им Сципионом. Законным же детям Сципион отдал царские сокровища, государственные доходы и титул царя в общее владение; все же остальное он разделил так, чтобы оно соответствовало желанию каждого из них; Миципсе, который был старшим, но очень любил мир, он предоставил преимущественно перед другими владеть городом Циртой и царским дворцом в нем; Голоссе же, который был воинственным и вторым по возрасту, он поручил ведать вопросами о войне и мире; Мастанабе же, который был младшим и отличался справедливостью, он поручил суд над подданными и разбор их тяжб.

107. Так поделил Сципион и царство и имущество Массанассы между его сыновьями; Голоссу со вспомогательными войсками он тотчас взял с собой. Выслеживая главным образом тайные засады Фамеи, которые причиняли наибольшие неприятности римлянам, Голосса их отгонял. Как-то в бурную зимнюю пору Сципион и Фамея оказались друг против друга на противоположных сторонах непроходимого оврага, где протекал бурный поток, так что они не могли причинить друг другу никакого вреда. Боясь, как бы впереди не было какой-либо засады, Сципион в сопровождении троих своих друзей выехал вперед и стал осматривать местность. Увидя его, Фамея, в свою очередь, выехал вперед с одним из своих друзей. Надеясь, что тот хочет что-либо сказать ему, Сципион поскакал еще дальше вперед тоже с одним из своих друзей. И, когда они сблизились настолько, что могли уже друг друга слышать, и находились далеко впереди карфагенян⁴⁶, Сципион сказал: «Что же ты не заботаешься о собственном спасении, если ничего не можешь сделать для общего?». На это Фамея ответил: «А какое для меня может быть спасение, когда карфагеняне находятся в таком положении, а римляне потерпели от меня столько бедствий». На это Сципион сказал: «Я ручаюсь, если только я достоин доверия и если я имею влияние, что со стороны римлян тебе будет и спасение и прощение и кроме того благодарность». Фамея же, высказав похвалу Сципиону, как наиболее из всех заслужившему доверия, сказал: «Обдумаю и, когда сочту возможным, дам тебе знать».

108. На этом они разошлись. Манилий, стыдясь той неудачи, которую он потерпел в войне против Гасдрубала, вновь двинулся в Неферис, захватив с собой продовольствия на пятнадцать дней. Приблизившись к этому месту, он разбил лагерь, укрепив его валом и рвом, как советовал Сципион в прошлом походе. Но, не достигнув никакого успеха, он вновь был охвачен еще большим стыдом и страхом, как бы Гасдрубал опять не напал на них, когда они начнут отступать. Когда он был в таком безвыходном положении, кто-то из войска Голоссы принес Сципиону письмо. Сципион же показал его консулу, как оно было запечатанным. Когда они его вскрыли, они прочли: «В такой-то день я займу такой-то холм. Приходи с кем хочешь и передовой страже

скажи, чтобы они приняли того, кто придет ночью». Вот что сообщало это письмо, в котором не было имен, но Сципион понял, что оно было от Фамеи. Но Манилий все-таки боялся за Сципиона, как бы тут не было обмана со стороны человека, самого опытного в устройстве засад. Видя уверенность Сципиона, он согласился отправить его, поручив ему передать Фамее твердое обещание неприкосновенности, но не уточнять формы благодарности, сказав, что римляне сделают все, что полагается. Но на самом деле не потребовалось и такого заявления. Когда Фамея пришел в условленное место, он сказал, что в вопросе о собственной своей неприкосновенности он вполне доверяет Сципиону, давшему ему обещание, а выражение благодарности он предоставляет римлянам. Сказав это, на следующий день он выстроил свое войско для битвы и, спешившись, вместе с начальниками конных отрядов вышел в промежуток между войсками, как будто для того, чтобы обсудить с ними какой-то другой вопрос. Тут он сказал им: «Если возможно еще помочь родине, я готов на это вместе с вами; если же ее положение таково, какое мы видим теперь, мне кажется, что нужно подумать о личном спасении; и я получил уже твердое обещание неприкосновенности и для себя и для тех из вас, кого я сумею убедить. Время теперь вам самим выбирать, что для вас будет полезно». Так он сказал. Некоторые из начальников со своими отрядами перешли на сторону римлян, и было их приблизительно до двух тысяч двухсот всадников⁴⁷; другим же помешал перейти Ганнон, по прозвищу Левк⁴⁸.

109. Когда Сципион возвращался вместе с Фамеей, все войско вышло ему навстречу и прославляло Сципиона приветственными кликами, как триумфатора. Манилий был очень доволен и, считая, что в этом случае его отступление никоим образом не может показаться позорным, и, сверх того, полагая, что пораженный этим Гасдрубал не будет его преследовать, тотчас же снялся с лагеря ввиду недостатка продовольствия: ведь шел уже семнадцатый вместо предположенных пятнадцати дней этого похода. Три другие дня должны были уйти на возвращение в очень тяжелых условиях. Тогда Сципион, взяв с собой Фамею и Голоссу и всадников того и другого и присоединив к ним некоторых итальянских всадников, спешно отправился с ними на равнину, называемую «Большой Овраг»; он набрал там много добычи и продовольствия и ночью со всем этим вернулся к войску. Манилий же, узнав, что на смену ему прибыл Кальпурний Писон⁴⁹, послал вперед в Рим Сципиона с Фамеей. Войско провожало уезжавшего Сципиона до самого корабля и возносило молитвы богам, чтобы он вернулся в Ливию консулом, считая, что ему одному суждено взять Карфаген. Как бы ниспосланное божеством среди них укрепилось такое мнение, что один только Сципион завоеует Карфаген. И многие об этом писали в Рим своим родным. Сенат воздал хвалу Сципиону, а Фамее как почетный подарок дал пурпурное одеяние с золотой застежкой, коня с золотой сбруей, полное вооружение и десять тысяч серебряных драхм. Дали ему также сто мин серебра в изделиях, палатку и полное оборудование и пообещали ему еще больше, если в дальнейшем ходе войны он окажет им свое содействие. Он, пообещав им сделать это, отплыл в Ливию к римскому войску.

110. С наступлением весны прибыл консул Кальпурний Писон и с ним Луций Манцин⁵⁰ в качестве начальника флота. Они не нападали ни на карфагенян, ни на Гасдрубала, но нападали на другие города; попытавшись осадить с суши и с моря Аспиду⁵¹, они потерпели неудачу; однако Писон взял другой⁵² город, находившийся поблизости, и разграбил его, причем жители его обвиняли Писона в том, что он нарушил договор. Оттуда он двинулся к Гиппагретам⁵³. Это был значительный город с укреплениями, крепостью, гаванями и верфями, хорошо устроенными Агафоклом⁵⁴, сицилийским тираном. Он лежал между Карфагеном и Утикой, и жители его занимались грабежом, перехватывая то продовольствие, которое на кораблях подвозилось мимо них римлянам; вследствие этого город сильно разбогател. Кальпурний рассчитывал отомстить им и лишить их по крайней мере прибыли. Однако он бесполезно осаждал его целое лето, а осажденные гиппагретийцы, дважды сделав вылазку, причем на помощь им пришли карфагеняне, сожгли все его осадные машины. Не достигнув ничего, Кальпурний удалился на зимовку в Утику⁵⁵.

111. Так как у карфагенян и войско Гасдрубала было цело и невредимо и сами они в сражении около Гиппагрет оказались сильнее Писона, так как на их сторону перешел от Голоссы нумидиец Битиас с восемьюстами всадников, и потому что они видели, что дети Массанассы, Миципса и Мастанаба, только обещают римлянам поддержку оружием и деньгами, сами же медлят, выжидая все время грядущих событий, — ввиду всего этого они воспрянули духом и безбоязненно обходили всю Ливию, захватывая под свою власть страну, а на собраниях в городах выступая против римлян со многими оскорбительными речами. Как на доказательство трусости римлян, они указывали на две их неудачи под Неферисом и на то поражение, которое они понесли под Гиппагретами, а также на то, что они не смогли взять самого Карфагена, хотя он был лишен оружия и укреплений. Они отправили также послов к Миципсе и Мастанабе и к независимым маврусиям, призывая их на помощь и указывая, что вслед за самими карфагенянами римляне приберут к рукам и их. Других послов они отправили в Македонию к тому, кто считался сыном Персея⁵⁶ и вел с римлянами войну, и убеждали его твердо продолжать войну, обещая, что у него не будет недостатка ни в кораблях, ни в деньгах из Карфагена. И вообще, вооружившись, они уже больше не думали о чем-либо незначительном, но мало-помалу у них росло и воодушевление, и смелость, и военное снаряжение. Со своей стороны, и Гасдрубал, ведший военные действия вне стен Карфагена, дважды победив Манилия, почувствовал гордость. Стремясь получить командование над войском внутри стен города, он стал ложно обвинять перед советом старейшин Гасдрубала⁵⁷, начальника города, что он предаст интересы карфагенян Голоссе, так как он был его племянником. Когда это

было сказано публично, обвиняемый оказался в затруднении, что ему отвечать, как это бывает при неожиданности, они же, закидав его скамейками, убили его.

XVII, 112. Когда в Рим было сообщено о неудаче Писона и о приготовлениях карфагенян, народ стал негодовать, боясь все усиливающейся войны, столь значительной, непримиримой и близкой; они ведь не надеялись ни на какое примирение, так как они впервые решились нарушить договор⁵⁸. Вспомнив же о недавних подвигах Сципиона, служившего в Ливии еще военным трибуном, и сравнивая их с настоящим положением, говоря друг другу о сообщениях, которые они получали из лагеря от друзей и близких, они воспылали желанием послать консулом против Карфагена Сципиона⁵⁹. И вот наступили выборы властей⁶⁰, и Сципион (так как законы никоим образом не позволяли ему по возрасту быть консулом) выступил, добиваясь должности эдила⁶¹, но народ избрал его консулом. Хотя это было противозаконно и консулы предъявили им закон, запрещающий это, они настойчиво просили и требовали и кричали, что по законам Туллия⁶² и Ромула народ полновластен в выборах властей и в том, чтобы признать не имеющим или имеющим силу всякий из законов относительно них, какой он хочет. Наконец, один из народных трибунов сказал, что он лишит консулов права проводить выборы, если они не согласятся с народом. И сенат согласился⁶³ с народными трибунами отменить этот закон и по прошествии одного года вновь его восстановить, подобно тому как и лакедемоняне, освободив под давлением необходимости от бесчестия взятых в плен при Пилосе⁶⁴, сказали: «Пусть на сегодня спят законы». Так Сципион, ища эдильства, был выбран консулом, и его коллега Друз стал требовать, чтобы он с ним бросил жребий относительно Ливии, и настаивал до тех пор, пока один из народных трибунов не внес предложения, чтобы решение о командовании войском было передано народу; и народ выбрал Сципиона⁶⁵. Ему дано было войско по набору, которое возмещало бы своей численностью погибших, а также право взять с собой из союзников столько добровольцев, сколько сумеет убедить, и отправить письма к царям и городам, которым сочтет нужным, написав их от имени римского народа. И действительно, таким образом, он получил вспомогательные войска от городов и царей.

113⁶⁶. И вот Сципион, устроив все это, отправился в Сицилию, а из Сицилии переплыл в Утику. Тем временем Кальпурний Писон осаждал⁶⁷ города внутри страны, Манцин же, пристав к Карфагену и видя, что одна часть стены оставлена без внимания, там, где шли непрерывной линией трудно проходимые отвесные скалы, из-за чего это место и было охраняемо не так тщательно, возымел надежду незаметно подвести лестницы к стене. И, действительно, он их приставил, и некоторые из солдат смело взойшли на стену. Так как их было еще мало, карфагеняне, отнесясь к ним с презрением, открыли ворота, выходившие на эти скалы, и бросились на римлян. Но римляне, обратив их в бегство и преследуя, вместе с ними ворвались в город через ворота. Когда поднялся крик, как при победе, Манцин вне себя от радости, будучи и в остальном быстрым и легкомысленным, а с ним и все остальные, оставив корабли, с криками устремились к стене, невооруженные и почти голые. Так как бог уже склонялся к закату, римляне, захватив⁶⁸ какое-то укрепленное место у стен, остановились на отдых, испытывая затруднения с продовольствием; Манцин стал звать Писона и начальников утикийцев помочь ему, подвергающемуся опасности, и спешно доставить продовольствие. И он был уже готов к тому, что с зарей он будет выбит карфагенянами и сброшен на острые утесы.

114. Сципион же вечером прибыл в Утику и около полуночи, встретившись с теми, кому писал Манцин, тотчас же велел трубачу трубить поход, а вестникам собрать к морю тех, которые прибыли с ним из Италии, и молодых из утикийцев; более пожилым он велел носить провиант на триэры. Освободив нескольких пленных из карфагенян, он отпустил их с тем, чтобы они дали знать карфагенянам, что прибыл Сципион. К Писону же он посылал всадников одного за другим, вызывая его вернуться возможно скорее. Сам он отбыл в последнюю ночную стражу⁶⁹, приказав, когда корабли приблизятся к стенам Карфагена, стать прямо на палубах, чтобы показаться врагам в большем числе. Так вот действовал Сципион; что же касается Манцина, то, когда вместе с зарей карфагеняне напали на него со всех сторон, он с теми пятьюстами воинами, которых одних имел вооруженными, окружил невооруженных, которых было три тысячи, и получая из-за них⁷⁰ много ран и оттесненный на самую стену, уже едва не был сброшен с утесов, как вдруг появились корабли Сципиона, в стремительном беге подымая высокие волны, все полные стоявших прямо легионеров; для карфагенян, узнавших об этом через пленников, их прибытие не было неожиданностью, для римлян же, не знавших об этом, Сципион принес неожиданное спасение. Когда карфагеняне немного отступили, Сципион принял на свои корабли бывших в опасности римлян. Манцина Сципион тотчас послал в Рим (так как вместе с ним прибыл Серран, преемник Манцина по командованию флотом), а сам стал лагерем недалеко от Карфагена. И карфагеняне, отойдя от стен вперед на пять стадиев⁷¹, возвели против Сципиона лагерь, и в этот лагерь к ним прибыл Гасдрубал, командовавший внешним войском, и начальник конницы Битиас, приведя с собой шесть тысяч пехотинцев и до тысячи всадников; это были воины, опытные благодаря продолжительной службе и упражнениям.

115. Сципион не видел у воинов, находившихся под командой Писона, никакой привычки к порядку и дисциплине, но что они приучены Писоном к лености, жадности и грабежам и что им сопутствуют множество мелких торговцев, которые, следуя за войском ради добычи, делали набеги вместе с более храбрыми, выходившими на грабежи без приказа, хотя закон во время войны считает дезертиром всякого, уходящего дальше, чем можно слышать звук трубы, так как, какое бы несчастье ни случилось с ними, все ставится в вину полководцу, а все, что они награбят, дает им новый повод к ссорам и бедам; ведь многие, гордые тем, что они

награбили, начинали презирать товарищей по палатке⁷² и прибегали к недозволенным побоям, ранениям и человекоубийствам. Заметив это и не надеясь когда-либо одолеть врагов, если не одолеет своих собственных воинов, Сципион созвал их на собрание и, взойдя на высокий трибунал⁷³, стал упрекать их так:

116. «Я, воины, служивший вместе с вами под начальством консула Манилия, дал доказательство — и вы тому свидетели — повиновения, которого теперь я, будучи полководцем, требую от вас, имея право применить к неповинуящимся крайние наказания, но считая полезным сначала поговорить с вами. Вы сами знаете, что делаете; зачем мне говорить о том, чего я стыжусь. Вы больше разбойничаете, чем воюете; вы бегаєте из лагеря как дезертиры, а не охраняете его как стража; вы больше похожи на ведущих ради выгоды куплю и продажу, чем на ведущих осаду; вы хотите роскошествовать еще воюя, не будучи пока еще победителями. Потому-то положение врагов из столь безнадёжного и униженного, каким я его оставил, поднялось до такого могущества, и наш труд вследствие такой распущенности стал много тяжелее. Если бы я видел, что причины этого заключаются в вас, я тотчас стал бы вас наказывать; но так как я считаю в том виновным другого, я теперь прощаю вам совершенное вами до сих пор. Я лично пришел не для того, чтобы грабить, но чтобы победить, не для того, чтобы собирать деньги до победы, но чтобы сначала окончательно сокрушить врагов. Уйдите из лагеря сегодня все, если не хотите быть воинами, кроме тех, которые получают от меня право остаться. Из тех, которые уйдут из лагеря, я разрешу вернуться только тем, которые принесут с собой продовольствие, и при этом солдатское, простое. Да и для этих будет назначен определенный срок, в течение которого они распорядятся имеющимся у них, и о продаже этого позаботимся я и квестор⁷⁴. И да будет это сказано для тех, кто является излишним⁷⁵ для войска, вам же, зачисленным в войско, да будет единым всеобщим примером во всех делах мой образ действия и мой труд. Настроив себя таким образом, вы не будете испытывать недостатка в энергии и не лишитесь награды. И теперь, в момент, когда мы подвергаемся опасности, надо трудиться, а наживу и роскошь отложить до более подходящего времени. Это предписываю я, и это же приказывает закон; повинующимся это принесет взамен много хорошего, а не повинующимся придется раскаиваться».

XVIII, 117. Сказав это, Сципион тотчас выгнал множество бесполезных людей и с ними все лишнее, бесполезное и служившее только для роскоши⁷⁶. Когда таким образом войско было очищено и ему был внушен спасительный страх, оно быстро стало выполнять приказания. Тогда Сципион попытался тайком напасть в одну ночь в двух местах на так называемые Мегары⁷⁷. Мегары — очень большое предместье в городе, опоясанное стеной; против него он послал одну часть своего войска, а с другой стороны двинулся сам с топорами, лестницами и рычагами, сделав обход в двадцать стадиев⁷⁸ без малейшего шума, в глубоком молчании⁷⁹. Когда он значительно приблизился, сверху заметили это и со стен раздался крик, на который он первый и его войско, а затем и посланные на другую сторону ответили очень громким криком, так что в первый момент карфагеняне были поражены страхом, когда такое количество врагов внезапно ночью появилось у них на обоих флангах. Однако против стены, хотя он и пытался ее штурмовать, сделать он ничего не мог; тогда он велел юношам посмелее подняться на башню одного частного лица, покинутую им, находившуюся вне стены и по высоте бывшую равной стене; поднявшиеся на башню юноши дротиками прогнали бывших на стенах, а затем, наложив на пролет между башнями и стеной шестов и досок и перебежав по ним на стены, прыгнули в Мегары и, разбив маленькие ворота, впустили Сципиона. Он вошел туда с четырьмя тысячами воинов, и тотчас же началось поспешное бегство карфагенян в Бирсу⁸⁰, как будто бы весь остальной город был взят. Поднялся разноголосый крик, некоторые попадали в плен, началось смятение, так что даже те, которые стояли лагерем вне стен города, покинули укрепление и побежали с остальными в Бирсу. Так как это предместье, Мегары, было занято огородами, богато плодовыми деревьями ранних сортов и полно⁸¹ терновником и загородками из ежевики и разного вида аканта⁸², а также различными глубокими каналами с водой, шедшими во всех направлениях, то Сципион побоялся, как бы это место не оказалось непроходимым и опасным для преследующего войска, главным образом ввиду того, что солдаты не знали проходов. Поэтому Сципион, опасаясь, как бы под прикрытием ночи не была устроена какая-либо засада, отступил.

118. С наступлением дня, негодуя на нападение на Мегары, Гасдрубал тех из пленных римлян, которые были у него, вывел на стену, откуда римлянам должно было быть хорошо видно то, что должно было совершиться, и стал кривыми железными инструментами у одних вырывать глаза, языки, жилы и половые органы, у других подрезал подошвы, отрубал пальцы или сдирал кожу с остального тела и всех еще живых сбрасывал со стены и со скал. Он задумал поступить так, чтобы исключить для карфагенян возможность примирения с римлянами. Он хотел таким образом привести карфагенян к убеждению, что их спасение только в битве, но вышло для него совершенно обратное тому, что он задумал: сознавая себя как бы соучастниками этих безбожных деяний, карфагеняне почувствовали скорее страх, чем готовность сражаться, и возненавидели Гасдрубала, отнявшего у них надежду на прощение. И особенно совет громко негодовал на него, как на совершившего столь кровавые и злобные поступки при столь великих несчастьях родины. Он же, арестовав, убил и некоторых из членов совета и, действуя уже во всем так, чтобы внушить страх, стал скорее тираном, нежели полководцем, полагая, что он будет иметь безопасность только в том случае, если будет им страшен и, таким образом, трудно уязвим.

119. Между тем Сципион сжег укрепленный лагерь врагов, который накануне они покинули, убегая в город, и, овладев всем перешейком, перекопал его от моря до моря, находясь от врагов приблизительно на расстоянии полета стрелы. Враги нападали на него, так что ему приходилось вести дело на протяжении

двадцати пяти стадиев⁸³ по фронту, одновременно и работая и сражаясь. Когда эта работа у него была окончена, он стал рыть другой такой же ров, находившийся поблизости от первого, обращенный к материку. Прибавив к ним еще два боковых рва, так, чтобы все окопанное пространство представляло из себя четырехугольник, он окружил его острыми кольями. Кроме этих столбов, остальные рвы он укрепил палисадом, а вдоль того, который был обращен к Карфагену, он воздвиг и стену на протяжении всех двадцати пяти стадиев высотой в двенадцать футов⁸⁴, не считая зубцов и башен, которые были расположены на стене на определенном расстоянии; ширина же стены была не менее половины ее высоты. В середине была выстроена из камня очень высокая башня, а над ней надстроена деревянная четырехэтажная, откуда можно было видеть, что происходит в городе. Соорудив это в течение двадцати дней и ночей, причем трудилось все войско, попеременно то работая, то воюя, то отдыхая за пищей и сном, он ввел войско в это укрепление.

120. Это сооружение служило Сципиону одновременно и лагерем и очень длинным укреплением против врагов. Выходя отсюда, он отнимал у карфагенян продовольствие, которое к ним подвозилось по суше; ведь, если не считать одного этого перешейка, Карфаген со всех остальных сторон был окружен водой. И это стало для них первой и главной причиной голода и бедствий; ведь поскольку все население с полей переселилось в город, а из-за осады они не могли сами выплывать в море, да и иноземные купцы из-за войны не часто у них появлялись, то жили они только тем продовольствием, которое получали из Ливии; немного иногда подвозилось и по морю, когда была хорошая погода, большая же часть – по суше; после того, как подвоз с суши прекратился, они стали тяжело страдать от голода. Битиас же, который был у них начальником конницы и давно был послан за хлебом, не решался ни подойти к укреплению Сципиона, ни пробиться силой через него и, доставляя продовольствие в отдаленное место, далеким обходом посылал его на кораблях, хотя суда Сципиона стояли на якоре у Карфагена, блокируя его; но они стояли не непрерывно и не тесно друг к другу, как это и естественно в море, не имеющем гаваней и обильном подводными скалами, около же самого города они не могли стоять на якоре, так как на стенах стояли карфагеняне и волнение здесь было особенно сильно вследствие скал. Отсюда грузовые суда Битиаса, а иногда и какой-либо посторонний купец, ради наживы охотно идя на опасность, решались быстро туда проскочить; выждав сильного ветра с моря, они мчались на распушенных парусах, так что даже⁸⁵ триэры не могли преследовать грузовые суда, которые неслись по ветру на парусах. Однако это случалось редко и только тогда, когда с моря был сильный ветер; но даже и то продовольствие, которое привозили корабли, Гасдрубал распределял только между тридцатью тысячами воинов, которых он отобрал для битвы, а на остальную массу населения не обращал внимания; поэтому оно особенно страдало от голода.

121. Заметив это, Сципион задумал закрыть им вход в гавань⁸⁶, обращенный к западу и находившийся недалеко от суши. Он стал прокладывать в море длинную насыпь, начиная от той косы, которая была между болотом и морем и называлась языком, продвигая ее в море и прямо к входу в гавань. Эту насыпь он делал из больших камней, плотно прилежавших друг к другу, чтобы ее не снесло волнение. Ширина этой насыпи наверху была двадцать четыре фута⁸⁷, а в глубине у основания – в четыре раза шире. Когда он начал работу, карфагеняне презрительно смеялись над ней, считая ее длительной и большой и, быть может, вообще неисполнимой; но с течением времени, когда такое большое войско со всем пылом не прекращало работы ни днем, ни ночью, они испугались и стали рыть другой проход на другой стороне гавани, обращенный к открытому морю, куда нельзя было провести никакой насыпи вследствие глубины моря и свирепых ветров. Рыли все: и женщины и дети, начав изнутри, тщательно скрывая, что они делают; вместе с этим они строили корабли из старого леса, пентеры и триэры, не теряя ни бодрости, ни смелости. И все это они так тщательно скрывали, что даже пленные не могли чего-либо определенного сообщить Сципиону, кроме того, что в гаванях и днем и ночью непрерывно слышен сильный стук, но с какой целью, они не знали, пока карфагеняне, когда все было приготовлено, не открыли на заре новое устье и не выплыли на пятидесяти кораблях типа триэр, керкурах⁸⁸, миопарах⁸⁹ и многих других меньших, грозно снаряженных для устрашения врагов.

122. И внезапно образовавшийся проход и флот, появившийся в этом проходе, настолько испугали римлян, что если бы карфагеняне тотчас напали своими кораблями на корабли римлян, оставленные без внимания, как это бывает во время осадных работ, так что на них не было ни моряков, ни гребцов, то они завладели бы всем морским лагерем римлян. Теперь же (так как суждено было Карфагену быть взятым) они выплыли тогда только для показа и, гордо посмеявшись над римлянами, вернулись назад. На третий день после этого они выстроились для морской битвы. В свою очередь римляне, успев привести в порядок и корабли и все остальное, выплыли навстречу им. И с той и с другой стороны раздались крики и слова поощрения и проявилась вся энергия гребцов, кормчих и воинов, так как карфагеняне только на это сражение возлагали надежду на спасение, а римляне – на окончательную победу. Поэтому до середины дня с обеих сторон было много нанесено ударов и ранений. В этой битве мелкие быстроходные суда ливийцев, подплывая к нижней части римских судов, которые были крупными, то пробивали корму, то перерубали руль и весла и причиняли много других разных повреждений, быстро подплывая и быстро убегая. Когда сражение оставалось еще нерешенным и день стал склоняться к вечеру, карфагеняне решили отступить, ни в коем случае не вследствие поражения, но откладывая сражение на следующий день.

123. Их быстроходные суда, будучи меньше других, отступили раньше и, заняв вход в гавань, толкались друг о друга из-за своей многочисленности и окончательно загородили устье. Вследствие этого подошедшие

большие корабли были лишены возможности войти в гавань и укрылись у широкой насыпи, которая была с давних времен выстроена перед стеной для разгрузки торговых судов; во время этой войны на ней было построено небольшое укрепление, и чтобы враги не могли при случае устроить на ней лагерь, так как она была довольно широкой. И вот к этой насыпи бежали корабли карфагенян и, не имея возможности пройти в гавань, остановились, вытянувшись в одну линию носами против врагов; подплывавших врагов одни отражали с этих кораблей, другие же – с насыпи, а иные – с укрепления. Для римлян было делом легким подплыть и удобно сражаться со стоящими неподвижно судами, но отступление, так как их корабли были длинными, медленно поворачивавшимися, оказалось для них медленным и трудным; поэтому в этом сражении они потерпели столько же, сколько враги (так как когда они поворачивали, они подвергались ударам со стороны карфагенян). Наконец, пять судов сидетов⁹⁰, которые по дружбе последовали за Сципионом, бросили якоря на большом расстоянии от карфагенских кораблей и, привязавшись к ним длинными канатами, стали на веслах подплывать к карфагенянам; нанеся удар носом своего корабля, они отступали, собирая канат на корму, и, опять устремляясь к берегу так, что волны шумели под веслами, они вновь уходили кормой вперед. Тогда весь флот, видя выдумку сидетов и подражая ей, стал сильно вредить врагам. Дело окончилось с наступлением ночи, и суда карфагенян, те, которые еще уцелели, бежали в город.

124. С наступлением дня Сципион сделал нападение на насыпь, так как она была удобным опорным пунктом для нападения на гавань. Итак, разбивая таранами возведенное на этой насыпи укрепление и подведя много осадных машин, он часть его обратил в развалины. Но карфагеняне, хотя и страдали от голода и различных бедствий, ночью сделали вылазку на осадные машины римлян, но не по суше (так как туда не было прохода) и не на кораблях (море здесь было мелководно); войдя нагими в море, где их никто не ожидал, неся незажженные факелы, чтобы не быть замеченными издали, одни из них шли, погруженные по шею, а другие плыли, пока, наконец, достигнув машин, они не зажгли огонь; оказавшись замеченными, они понесли большие потери, так как, будучи обнаженными, получали много ран, но и врагам нанесли большой урон благодаря своей безумной храбрости. Несмотря на то, что в их груди и лица вонзались наконецники стрел и копья, они не отступали, бросаясь, как дикие звери, под удары, пока не зажгли машин и не обратили в бегство приведенных в смятение римлян. Ужас и смятение охватили весь римский лагерь и страх, какого прежде никогда не было, вследствие бешенства голых врагов, так что сам Сципион, испугавшись возможных последствий, стал объезжать со всадниками места за этой косой и приказал даже бить своих, если они не прекратят бегства. И было несколько таких, которые были ранены и убиты, пока большинство не было загнано силой в лагерь, где они и переночевали вооруженными, боясь отчаянной решимости врагов. Карфагеняне же, сжегши машины, вновь переправились к себе домой.

125. С наступлением дня карфагеняне, так как их уже не беспокоили машины врагов, восстановили упавшую часть укрепления и возвели на нем много башен на определенном расстоянии друг от друга. Римляне же, выстроив другие машины, стали возводить насыпи по всей линии против башен. Они бросали на башни факелы из сосновых лучин и серу в сосудах и смолу; несколько башен они сожгли и, обратив в бегство карфагенян, преследовали их. Место, где они бежали, было настолько скользким от запекшейся недавно обильно пролитой крови, что римляне поневоле прекратили преследование убежавших. Завладев всей насыпью, Сципион укрепил ее рвом и возвел стену из кирпичей не ниже стены врагов и на небольшом расстоянии от них. Когда у него было выстроено это укрепление, он послал в него четыре тысячи воинов, чтобы они безнаказанно бросали во врагов копья и дротики. Оказавшись на одном уровне с врагами, они стали метко поражать их. Так прошло все лето.

126. Когда началась зима, Сципион решил сперва уничтожить те силы карфагенян, которые были у них вне города, и их союзников, откуда им посылалось продовольствие. Разослав в разных направлениях других своих командиров, он сам двинулся на Неферис против Диогена, бывшего после Гасдрубала начальником гарнизона в Неферисе, водой, а Гая Лелия⁹¹ послал кругом по суше. Прибыв туда, он стал лагерем на расстоянии двух стадиев⁹² от Диогена и, оставив Голоссу⁹³ нападать непрерывно на Диогена, сам отправился к Карфагену; затем он постоянно курсировал между Неферисом и Карфагеном, все время наблюдая за ходом событий. Когда два пролета стен между башнями у Диогена рухнули⁹⁴, прибыл Сципион и, послав тысячу отборных воинов в засаду в тыл Диогену, сам с другими тремя тысячами, выбрав и их по доблести, стал наступать через развалины пролетов, ведя их не сразу толпой, но отрядами очень близко один за другим, чтобы первые, даже очень теснимые врагами, не могли бежать из-за следующих за ними и на них напавших. Когда поднялся большой крик и развернулось сражение все ливийцы устремились сюда, воины из этой тысячи, как им было приказано, пользуясь тем, что никто не заметил их и даже не подозревал, что они тут находятся, смело напали на укрепление, разрушили вал и перелезли внутрь крепости. Как только первые из них оказались внутри, они быстро были замечены, и ливийцы побежали, считая, что вошедших не столько, сколько они видели, но много больше. Голосса, налетая на них с большим числом номадов и со слонами, произвел большое избиение, так что погибло, вместе с невоенными, до семидесяти тысяч, в плен было взято до десяти тысяч, убежало около четырех тысяч. После лагеря взят был и город Неферис, осаждавшийся Сципионом другие двадцать два дня при очень тяжелых условиях: зимой и в холодной местности. Эта победа имела очень большое значение для взятия самого Карфагена. Ведь это войско доставляло им [осажденным] продовольствие, и, взирая на этот лагерь, ливийцы чувствовали прилив уверенности. Когда же Неферис был взят, то и остальные

укрепленные пункты Ливии сдались полководцам Сципиона или без труда были взяты. Карфагеняне лишились продовольствия и ничего не получали морем ни из Ливии, перешедшей уже в чужие руки, ни из другого какого-либо места, как из-за самой войны, так и из-за бурной зимней погоды.

XIX, 127⁹⁵. Когда началась весна, Сципион стал осаждать Бирсу, а из гаваней так называемый Котон⁹⁶. Ночью Гасдрубал сжег часть Котона, которая была четырехугольной. Предполагая, что Сципион еще сюда⁹⁷ сделает нападение, и когда все внимание карфагенян было направлено в ту сторону, Лелий незаметно с другой стороны Котона поднялся на круглую его часть. Карфагеняне испугались крика, поднявшегося как бы при одержанной уже победе, римляне же, не обращая ни на что внимания, рвались уже со всех сторон подняться на стены, набрасывая на промежутки⁹⁸ балки, мосты машин и доски, поскольку защитники ослабели от голода и нравственно пришли в отчаяние. Когда была взята стена вокруг Котона, Сципион занял находившуюся поблизости площадь. Не имея возможности сделать что-либо большее, так как наступил вечер, он вместе со всеми провел ночь вооруженным. С наступлением дня Сципион вызвал четыре тысячи других свежих воинов, которые, войдя в святилище Аполлона, где стояло его позолоченное изображение и его ниша, покрытая золотыми пластинками, весом в тысячу талантов, стали грабить и резали золото ножами, не обращая внимания на приказы начальников, пока не поделили добычи, и только тогда обратились к делу.

128. Главное внимание Сципиона было обращено на завоевание Бирсы: это было самое укрепленное место города, и очень многие бежали в нее. С площади в нее вели три входа, и со всех сторон их окружали многочисленные шестизэтажные дома; римляне, поражаемые отсюда, захватили первые из домов и отражали с них занимавших ближайших. И всякий раз, как им удавалось их одолеть и прогнать, они, набрасывая бревна и доски на промежутки между домами, переходили по ним как по мостам. В то время как эта война шла наверху, на крышах, другая развевалась на узких улицах со встречными врагами. Все было полно стонов, плача, криков и всевозможных страданий, так как одних убивали в рукопашном бою, других еще живых сбрасывали вниз с крыш на землю, причем иные падали на прямо поднятые копья, всякого рода пики или мечи. Но никто ничего не поджигал из-за находившихся на крышах, пока к Бирсе не подошел Сципион. И тогда он сразу поджег все три узкие улицы, ведущие к Бирсе, а другим приказал, как только сгорит какая-либо часть, очищать там путь, чтобы удобнее могло проходить постоянно сменяемое войско.

129. И тут представлялось зрелище других ужасов, так как огонь сжигал все и перекидывался⁹⁹ с дома на дом, а воины не понемногу разбирали дома, но, навалившись всей силой, валили их целиком. От этого происходил еще больший грохот, и вместе с камнями падали на середину улицы вперемешку и мертвые и живые, большей частью старики, дети и женщины, которые укрывались в потайных местах домов; одни из них раненные, другие полубожженные испускали отчаянные крики. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, ломали руки и ноги и разбивались насмерть¹⁰⁰. Но это не было для них концом мучений; воины, расчищавшие улицы от камней, топорами, секирами и крючьями убрали упавшее и освобождали дорогу для проходящих войск; одни из них топорами и секирами, другие остриями крючьев перебрасывали и мертвых и еще живых в ямы, таща их, как бревна и камни, или переворачивая их железными орудиями: человеческое тело было мусором, наполнявшим рвы. Из перетаскиваемых одни падали вниз головой и их члены, высовывавшиеся из земли, еще долго корчились в судорогах; другие падали ногами вниз, и головы их торчали над землею, так что лошади, пробегая, разбивали им лица и черепа, не потому, чтобы так хотели всадники, но вследствие спешки, так как и убиральщики камней делали это не по доброй воле; но трудность войны и ожидание близкой победы, спешка в передвижении войск¹⁰¹, крики глашатаев, шум от трубных сигналов, трибуны и центурионы с отрядами, сменявшие друг друга и быстро проходившие мимо, все это вследствие спешки делало всех безумными и равнодушными к тому, что они видели¹⁰².

130. В таких трудах у них прошло шесть дней и шесть ночей, причем римское войско постоянно сменялось, чтобы не устать от бессонницы, трудов, избиения и ужасных зрелищ. Один Сципион без сна непрерывно присутствовал на поле сражения, был повсюду, даже питался мимоходом, между делом, пока, устав и выбрав себе какой-либо момент, он не садился на возвышении, наблюдая происходящее. Еще много шло опустошений, и казалось, это бедствие будет еще большим, когда на седьмой день к Сципиону обратились, прибегая к его милосердию, некоторые, увенчанные венками Асклепия; святилище Асклепия было наиболее знаменитое и богатое из всех других в крепости¹⁰³; взяв оттуда молитвенные ветви, они просили Сципиона согласиться даровать только жизнь желающим на этих условиях выйти из Бирсы; он дал согласие всем, кроме перебежчиков. И тотчас вышло пятьдесят тысяч человек вместе с женами по открытому для них узкому проходу между стенами. Они были отданы под стражу, а все перебежчики из римлян, приблизительно девятьсот человек, отчаявшись в своем спасении, бежали в храм Асклепия вместе с Гасдрубалом, женой Гасдрубала и двумя его маленькими детьми. Оттуда они упорно продолжали сражаться ввиду высоты храма, выстроенного на отвесной скале, к которому и во время мира поднимались по шестидесяти ступеням. Но когда их стал изнурять голод, бессонница, страх и утомление и так как бедствие приближалось, они покинули ограду храма и вошли в самый храм и на его крышу.

131. В это время незаметно для других Гасдрубал бежал к Сципиону¹⁰⁴ с молитвенными ветвями. Сципион посадил его у своих ног и показал перебежчикам. Когда они увидели его, они попросили дать им минуту спокойствия и, когда она была, дана, громко осыпая Гасдрубала всяческой бранью и упреками, подожгли храм и сгорели вместе с ним. Говорят, что жена¹⁰⁵ Гасдрубала, когда огонь охватил храм, став

напротив Сципиона, украшенная насколько можно в несчастьи, и поставив рядом с собой детей, громко сказала Сципиону: «Тебе, о римлянин, нет мщения от богов, ибо ты сражался против враждебной страны. Этому же Гасдрубалу, оказавшемуся предателем отечества, святилищ, меня и своих детей, да отомстят ему и боги Карфагена, и ты вместе с богами». Затем, обратившись к Гасдрубалу, она сказала. «О, преступный и бессовестный, о, трусливейший из людей! Меня и моих детей похоронит этот огонь; ты же, какой триумф украсишь ты, вождь великого Карфагена? И какого только наказания ты не понесешь от руки того, в ногах которого ты теперь сидишь». Произнеся такие оскорбительные слова, она зарезала детей, бросила их в огонь и сама бросилась туда же.

132. С такими словами, говорят, умерла жена Гасдрубала, как должен был бы умереть сам Гасдрубал. И Сципион, как говорят, видя, как этот город, процветавший семьсот лет со времени своего основания, властвовавший над таким количеством земли, островами и морем, имевший в изобилии оружие, и корабли, и слонов, и деньги, наравне с величайшими державами, но много превзошедший их смелостью и энергией, видя, как этот город, лишенный и кораблей и всякого оружия, тем не менее в течение трех лет противостоял такой войне и голоду, а теперь окончательно обречен на полное уничтожение, – видя все это, Сципион заплакал и открыто стал жалеть своих врагов. Долгое время он пребывал, погружившись в собственные мысли и сознавая вместе с тем, что положение городов, народов и держав, так же как и отдельных людей, должно изменяться по воле божества и что то же потерпел и Илион, некогда счастливый город, потерпели державы ассирийцев и мидян и бывшая после них величайшая держава персов и так недавно еще блиставшее царство македонян; наконец, у него или сознательно, или предупреждая его мысли, вырвались такие слова:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя.

С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама¹⁰⁶.

Когда Полибий откровенно спросил его (ведь он был учителем Сципиона), что хотел он сказать этими словами, он, говорят, не таясь, сознался, что имеет в виду свою родину, за которую он боялся, смотря на изменчивость человеческой судьбы.

133. И это записал Полибий, сам слышавший¹⁰⁷ это. После разрушения Карфагена Сципион разрешил войску определенное число дней грабить все, кроме золота, серебра и храмовых посвящений, после же этого, раздав всем награды за доблесть, кроме погрешивших против храма Аполлона, он послал вестником победы в Рим самый быстрый корабль, украсив его взятой добычей, а также послал в Сицилию, объявив, чтобы сицилийцы явились опознать и увезти к себе все общественные посвящения в храмы, которые карфагеняне, воюя, захватили; это особенно привлекло к нему расположение народа, так как с могуществом он сочетал милость. Распродав оставшуюся добычу, он собственноручно, подпоясавшись по древнему обычаю, сжег оружие, машины, ненужные корабли, посвятив их Аресу и Афине.

134. Равным образом, и в Риме, лишь только увидели корабль и узнали поздним вечером о победе, все выбежали на улицы и всю ночь провели вместе, радуясь и обнимаясь, как будто только теперь они стали свободными от страха, только теперь почувствовали, что могут безопасно властвовать над другими, только теперь уверились в твердости своего государства и одержали такую победу, какую никогда раньше не одерживали. Ведь они сознавали, что и ими самими совершено много блестящих дел, много совершено и их отцами в войнах против македонян, иберов, и недавно еще против Антиоха Великого, и в самой Италии; но ни одной другой войны они не знали такой близкой, как бы у своих дверей, и такой страшной для них самих вследствие храбрости, ума и смелости врагов, особенно опасной вследствие их коварства. Они напоминали друг другу, что перенесли они от карфагенян в Сицилии, Иберии и в самой Италии в течение шестнадцати лет, когда Ганнибал сжег у них четыреста городов и в одних битвах погубил триста тысяч человек и часто подступал к самому Риму, подвергая его крайней опасности. Думая об этом, они так были поражены победой, что не верили ей, и вновь спрашивали друг друга, действительно ли разрушен Карфаген; всю ночь они разговаривали о том, Как у карфагенян было отнято оружие и как они тотчас против ожидания сделали другое, как были отняты корабли и они вновь выстроили флот из старого дерева; как у них было закрыто устье гавани и как они в течение немногих дней вырыли другое устье. У всех на устах были рассказы о высоте стен, величине камней и том огне, который враги не раз бросали на машины. Одним словом, они передавали друг другу события этой войны, как будто только что их видели своими собственными глазами, помогая жестами тому, что они хотели представить словами. И им казалось, что они видят Сципиона, быстро появляющегося повсюду на лестницах, у кораблей, у ворот, в битвах. Так провели римляне ночь.

135. С наступлением дня были совершены жертвоприношения и торжественные процессии богам по отдельным трибам и, кроме того, устроены состязания и различные зрелища. Сенат из своего числа послал десять знатнейших, чтобы они вместе со Сципионом организовали Ливию на благо римлян; они решили, чтобы все, что еще осталось от Карфагена, Сципион разрушил, и запретили кому бы то ни было заселять это место; они проклинали того, кто вновь заселит это место, особенно Бирсу и так называемые Мегары, но вступать на эту землю они не запретили¹⁰⁸. Было решено также разрушить все без исключения города, которые сражались, помогая карфагенянам; всем же тем, которые помогали римлянам¹⁰⁹, они дали каждому часть завоеванной земли, и прежде всего особенно утикийцам они дали землю до самого Карфагена и до Гиппона¹¹⁰ с другой стороны. На всех остальных они наложили подать как поземельную, так и поголовную, одинаково на мужчин и на женщин. Они решили ежегодно посылать им претора¹¹. И вот они, постановив это, отплыли в Рим, Сципион

же продолжал выполнять решенное, принес жертвы и устроил состязания в честь победы. Когда же у него все было закончено, он отплыл в Рим и справил самый блестящий из всех бывших триумф с большим количеством золота, статуй и храмовых приношений, которые карфагеняне за долгое время и при постоянных победах свезли со всего света в Ливию. Этот триумф совпал с тем временем, когда справлялся в третий раз триумф над Македонией, так как был взят в плен Андриск, прозванный псевдо-Филиппом¹¹², и когда в первый раз Мумий¹¹³ справил триумф над Элладой. И произошло это в течение шестидесятой¹¹⁴ олимпиады.

136. Спустя некоторое время, когда в Риме народным трибуном был Гай Грахх и были волнения вследствие недостатка продовольствия, было решено послать в Ливию шесть тысяч колонистов, но когда границы этой колонии были намечены на месте Карфагена, волки вытащили и засыпали все эти пограничные знаки¹¹⁵. И тогда сенат воздержался от этого поселения. Спустя некоторое время, когда Гай Цезарь, который позднее стал пожизненным диктатором, преследовал Помпея в Египте, и из Египта двинулся против друзей Помпея в Ливию, он, говорят, став лагерем около Карфагена и видя в сновидении большое войско проливающим слезы, взволновался и тотчас себе на память записал, что следует заселить Карфаген. После небольшого промежутка времени, когда он вернулся в Рим и бедняки просили его о земле, он постановил отправить одних в Карфаген, а других в Коринф. Но он скоро погиб от руки врагов в здании римского сената, сын же его Юлий Цезарь, прозванный Августом, найдя это указание в записях отца, основал нынешний Карфаген, очень близко от прежнего, остерегаясь проклятой земли древнего города. Я нахожу, что он послал туда поселенцами самое большее три тысячи римлян, остальных же собрал из окрестных жителей. Так римляне овладели Ливией, бывшей под властью карфагенян, разрушили Карфаген и вновь основали его спустя два года после разрушения.

¹ Ср. у Полибия.

² Ср. у Тита Ливия.

³ Легкие (обычно разбойничьи) суда, лишь половина палубы которых была занята гребцами.

⁴ Ср. У Цицерона.

⁵ Ср. у Полибия и Диодора Сицилийского.

⁶ Легаты.

⁷ Военные трибуны.

⁸ Ср. 72.

⁹ Публий Корнелий Сципион Назика Серапион, сын упомянутого выше, 69, Сципиона Назики, и Гней Корнелий Сципион Испанский, названный у некоторых авторов по отцу *Hispalus*.

¹⁰ У Диодора Сицилийского ошибочно Бланнон; ближе не известен. Имя засвидетельствовано пуническими надписями.

¹¹ Подразумеваются Филипп V, Антиох III и Персей.

¹² Альба Лонга – по преданию, древнейший город Латия и центр Латинского союза, разрушенный при Тулле Гостилии.

¹³ 20 км.

¹⁴ 25 км.

¹⁵ Ср. у Тита Ливия и Диодора Сицилийского.

¹⁶ Ср. у Тита Ливия и Диодора Сицилийского.

¹⁷ См. выше, 74; 80.

¹⁸ У других авторов не упоминается. См. о нем еще ниже, 111.

¹⁹ Ср. у Страбона, где приведены несколько отличные данные.

²⁰ Schweighauser U[co], sajo~.

²¹ Последний из названных пунктов был расположен близ Тапса. Все четыре упомянуты в надписи, перечисляющей общины, дружественные Риму во время III Пунической войны.

²² Упомянутый Аппианом полуостров – современный мыс Сиди бу Саид в Тунисском заливе. Ср. описание положения Карфагена у Полибия.

²³ По-гречески «шкура», но слово не греческое. Бирса была расположена на нынешнем холме Св. Людовика.

²⁴ 15 м.

²⁵ 400 м.

²⁶ 8,5 м.

²⁷ Ср. описание укреплений Карфагена у Полибия. См. также еще ниже, 98.

²⁸ 22 м.

²⁹ Ср. описание карфагенского порта у Страбона и Диодора Сицилийского.

³⁰ Описываемые события относятся к осени 148 г. до н.э.; позднее (см. ниже, 107) он перешел вместе с 2200 всадниками на сторону римлян и в начале 147 г. сопровождал Сципиона Эмилиана в Рим (см. ниже, 109).

³¹ Относительно топографических подробностей см.

³² Главной звездой этого созвездия является Сириус, восходящий близ времени летнего солнцестояния, перед началом наибольшей жары. Ср. Diod., I, 19; XVII, 7; Polyb., I, 47.

³³ Осенью 148 г. до н.э.

³⁴ Ср. выше, 97.

³⁵ О Гимильконе Фамее и его взаимоотношениях со Сципионом Эмилианом см. также у Полибия и Диодора Сицилийского.

³⁶ Около 640 человек.

³⁷ Неферис – хорошо укрепленный и окруженный бурной рекой город на юге Тунисского залива у Хеншир-бу-Бекера.

³⁸ Ливий передает, что отрезаны были две когорты, Варрон, согласно Плинию, что их было три. Плиний сообщает, что у Сципиона остались всего три когорты.

³⁹ Аппиан римские военные и административные термины старается передать греческими. Слово *spe'ra* соответствует римской манипуле и когорте.

⁴⁰ Таков перевод при чтении [pantew; (Didot)]; все другие издатели читают [pasi, тогда перевод: «и не подвергаться опасности всем из-за немногих». Место сомнительное не по смыслу, а по языку.

⁴¹ Под *shme'a*, очевидно, подразумеваются военные значки манипул или когорт, представлявшие собой изображение орла, вепря, коня и т.п.

⁴² Чтение pr/w alto/w дают рукописи и новейшие издания. Это место обычно переводится: «друг другу», «между собой», но для этого нужно читать или pr/w alto/w, или, как предлагает Schweighauser, pr/w [l]{loyw. Предложение Mendelssohn'a читать [n]neysan – «подмигивали» – неприемлемо.

⁴³ Старшему.

⁴⁴ 148 г. до н.э.

⁴⁵ Маврусии – то же, что мавры; служили в качестве наемников в войске Ганнибала; во время III Пунической войны были в качестве союзников карфагенян разбиты римлянами.

⁴⁶ Текст испорчен: «Фамее, выехавшему далеко вперед от карфагенян»; «оба же выехали далеко вперед от карфагенян» (Mendelssohn).

⁴⁷ У Диодора Сицилийского: 1200 всадников.

⁴⁸ Никаких подробностей об этом лице неизвестно.

⁴⁹ Луций Кальпурний Писон Цесоний в 154 г., будучи претором в Дальней Испании, был разбит луситанами. Консул 148 г.

⁵⁰ Луций Гостилий Манцин; о его участии в III Пунической войне и покорении им крепости Магалии около Карфагена сообщает также Ливий, Ер., LI. Плиний (NH, XXXV, 4), рассказывает, что после окончания войны он выставил на форуме картину, изображавшую Карфаген.

⁵¹ Город на Аспидском мысе к югу от мыса Бон. Был основан Агафоклом Сицилийским и назван Аспидой. Подвергся разрушениям в I и III Пунические войны, переименован в Клуею и сделан римской колонией после африканской победы Цезаря.

⁵² Amafelssohn делает предположение, не скрывается ли под этим «другим» ([t]ran) городом его название (N)an p(lin).

⁵³ В издании Didot: «Гиппону Диарриту». Гиппон Диаррит или Гиппагреты Диодора Сицилийского город финикийского происхождения, современная Бизерта, на африканском побережье, к западу от Утики и к югу от мыса Бланка. Стоит на берегу озера, соединяемого с морем проливом, пересекающим город, который и получил от этого свое название.

⁵⁴ Агафокл Диодора Сицилийского с 317 г. тиран в Сиракузах, с 310 по 307 г. победоносно воевал с Карфагеном, высадившись в Африке, где захватил ряд городов, а ряд других привлек на свою сторону. В 306 г. был разбит и возвратился в Сицилию, войдя затем с Карфагеном в соглашение, по которому возвращал принадлежавшие Карфагену города за денежное возмещение.

⁵⁵ Утика была союзницей Рима.

⁵⁶ Имеется в виду Андриск, выдававший себя за Филиппа, умершего сына македонского царя Персея, разбитого римлянами. Найдя поддержку во Фракии, он собрал довольно значительные силы и захватил всю Македонию. Ему удалось разбить посланный против него римский легион, причем погиб и командовавший легионом Ювентий Талн. Андриск пытался заключить союз с Карфагеном, но в 148 г. был разбит Цецилием Метеллом, взят в плен и казнен.

⁵⁷ Этот второй Гасдрубал, избранный для командования карфагенскими войсками, был внуком Массиниссы.

⁵⁸ Конъектура Naber'a: «первые решив считать его невыполненным».

⁵⁹ Об обстоятельствах выборов Сципиона консулом см. у Полибия и Диодора Сицилийского и др.

⁶⁰ В комедиях.

⁶¹ В тексте – «агоранома».

⁶² Сервия Туллия.

⁶³ Mendelssohn предлагает читать: «поручил».

⁶⁴ Город на юго-западе мессенского побережья, защищенный островом Сфактерией. Был взят в 425 г. до н.э. афинянами под начальством Демосфена. Лакедемоняне послали 400 гоплитов, чтобы вернуть его, но те были осаждены афинянами и, опасаясь голода, сдались в плен.

⁶⁵ Ср. у Валерия Максима.

⁶⁶ 147 г. до н.э.

⁶⁷ Mendelssohn предлагает: «[p]ruei» – «опустошал», «разграблял».

⁶⁸ Рукописи дают чтение: «отраженные», «отбитые на...».

⁶⁹ Т.е. между 3 и 6 часами утра.

⁷⁰ Mendelssohn предлагает под вопросом: dihnkevw – «непрерывно».

⁷¹ Около 1 км.

⁷² Палатка (contubernium) вмещала 10 солдат, обязанных выставлять на ночь по два часовых и находившихся под командой декана.

⁷³ Возвышение в римском лагере, бывшее обычно перед палаткой полководца.

⁷⁴ Квестор сопровождал командующего войском для заведывания денежными средствами армии.

⁷⁵ Частью следовавшие за войском торговцы, частью нестроевые солдаты.

⁷⁶ Ср. у Луция Аннея Флора и Веллея Патеркула.

⁷⁷ Северо-восточное предместье Карфагена.

⁷⁸ Около 4 км.

⁷⁹ Последние три слова Mendelssohn считает сомнительными.

⁸⁰ Укрепление в юго-западной части Карфагена, на отроге опоясывающих город холмов.

⁸¹ Mendelssohn предлагает «было заплетено» (kat[paston]).

⁸² Колочее декоративное растение, называемое также медвежья лапа.

⁸³ Около 5 км.

⁸⁴ 33/4 м.

⁸⁵ Вместо [ti] Mendelssohn предлагает [ra – «в этом случае».

⁸⁶ На западном берегу полуострова у карфагенян было две гавани: торговая, portus Mercatorum, и военная – Котон («Горшок»), получившая свое название от одноименного острова, находившегося в этом порту. О взятии Котона Аппиан рассказывает дальше.

⁸⁷ 7,5 м.

⁸⁸ Легкое судно типа кипрских судов.

⁸⁹ Быстроходное разбойничье судно.

⁹⁰ Сиды – греческая колодия в Памфилии. Небольшие быстроходные суда сидетов назывались паронами.

⁹¹ Гай Лелий, прозванный Мудрым.

⁹² Около 400 м.

⁹³ Или Лелия? А, может быть, и обоих?

⁹⁴ Mendelssohn предлагает прибавить: «быстро» (kat[t{xow}).

⁹⁵ 146 г. до н.э.

⁹⁶ Ср. у Аммиана Марцелина.

⁹⁷ По предложению Mendelssohn'a: d' [ti] <t{de}.

⁹⁸ Бывшие между стеной римлян и укреплениями Карфагенян.

⁹⁹ Mendelssohn предлагает читать: katafue}rontow – «уничтожал дом за домом».

¹⁰⁰ Необычная форма katass\menoí (очень поздняя), как в рукописи, вызвала ряд конъектур, но смысл и значение одни и те же.

¹⁰¹ Mendelssohn: «торопливость полководца».

¹⁰² Nauck: «что делалось».

¹⁰³ Имеется в виду храм Эшмуна, стоявший на самой высокой точке Бирсы.

¹⁰⁴ Ср. у Полибия.

¹⁰⁵ Ср. у Полибия.

¹⁰⁶ Ср. у Полибия.

¹⁰⁷ Полибий сопровождал Сципиона в Африку.

¹⁰⁸ Быть может, Аппиан имея в виду распоряжение, запрещавшее иудеям вступать на территорию Иерусалима.

¹⁰⁹ Об устройстве Африки см. у Веллея Патеркула.

¹¹⁰ Имеется в виду Гиппон Диаррит; более известный город Гиппон Царский (Hippo Regius) находился в Нумидии.

¹¹¹ Резиденцией претора была Утика. В его управлении находилась территория, подвластная Карфагену до III Пунической войны, кроме вышеуказанных городов и тех городов и областей, которые были присоединены к Нумидии Массиниссой и остались под властью его наследников.

¹¹² В 148 г. Квинтом Цецилием Метеллом Македонским, тогда претором.

¹¹³ Луций Муммий Ахейский, консул 146 г., разбив войско Ахейского союза на Истме, взял Коринф, разграбил и разрушил его. Впоследствии был цензором вместе со Сципионом.

¹¹⁴ Вероятно, Аппиан ошибается, так как CLX олимпиада соответствует 140-136 гг.

¹¹⁵ Попытка основания Гаем Гракхом колонии в Карфагене относится к 122 г. до н.э.

Столкновения римлян с кимврами и тевтонами (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Гай Марий», XI-XXVII)

11. Но всю эту зависть, всю клевету и ненависть к Марию тотчас рассеяла и уничтожила опасность, надвигавшаяся на Италию с запада. Когда понадобился великий полководец и республика стала искать, кого бы ей поставить кормчим, дабы выстоять в столь страшной военной буре, ни один из отпрысков знатных и богатых семейств не получил должность на консульских выборах, но единодушно был избран отсутствующий Марий. Вместе с известием о пленении Югурты в Рим пришла молва о кимврах и тевтонах; сперва слухам о силе и многочисленности надвигающихся полчищ не верили, но потом убедились, что они даже уступают действительности. В самом деле, только вооруженных мужчин шло триста тысяч, а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить, — так же как галлам, которые, как им было известно, некогда отняли у этрусков¹ лучшую часть Италии. Кимвры ни с кем не вступали в сношения, а страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство полагало², что они принадлежат к германским племенам, живущим возле Северного океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также и то, что кимврами германцы называют разбойников. Но некоторые утверждали, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Мэотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матерiku. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя — кельтоскифы. Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамиом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Мэотиды в Азию, а что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающиеся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи — равной длины и делят год на две части; отсюда у Гомера рассказ о киммерийцах в «Вызывании теней»³. Вот из этих-то мест и двинулись на Италию варвары, которых сперва называли киммерийцами, а позже, и не без основания, кимврами. Но все это скорее предположение, нежели достоверная история. Что же касается численности варваров, то многие утверждают, будто их было не меньше, а больше, чем сказано выше. Перед их отвагой и дерзостью нельзя было устоять, а в битве быстротой и силой они были подобны огню, так что натиска их никто не выдерживал и все, на кого они нападали, становились их добычей. От них потерпели бесславное поражение многие армии римлян во главе с управлявшими Заальпийской Галлией полководцами, которые сражались плохо, чем более всего побудили варваров наступать на Рим, ибо, побеждая всех, кого ни встречали, и захватывая богатую добычу, кимвры решили обосноваться на месте не раньше, чем разгромят Рим и опустошат Италию.

12. Узнав обо всем этом, римляне многократно звали Мария встать во главе войска. Он был вторично избран консулом, хотя закон запрещал избирать кандидата, если его нет в Риме и если еще не прошел положенный срок со времени предыдущего консульства⁴. Народ прогнал всех, кто выступал против Мария, считая, что не впервые законом жертвуют ради общественной пользы и что теперь для этого есть не менее веская причина, чем в то время, когда вопреки закону был избран консулом Сципион⁵; ведь тогда не боялись гибели собственного города, а только хотели разрушить Карфаген. Было принято постановление, и Марий вместе с войском прибыл из Африки и в день январских календ⁶, с которого римляне начинают год,

одновременно вступил в должность консула и отпраздновал триумф, проведя по городу пленного Югурту, при виде которого римляне глазам своим не поверили, ибо ни один из них не надеялся при жизни царя одолеть нумидийцев. Этот человек умел приспосабливаться к любой перемене судьбы, и низость сочеталась в нем с мужеством, но торжественное шествие, как рассказывают, сбilo с него спесь. После триумфа его отвели в тюрьму, где одни стражники сорвали с него одежду, другие, спеша завладеть золотыми серьгами, разодрали ему мочки ушей, после чего его голым бросили в яму, и он, полный страха, но насмешливо улыбаясь, сказал: «О Геракл, какая холодная у вас баня!» Шесть дней боролся он с голодом и до последнего часа цеплялся за жизнь, но все же понес наказание, достойное его преступлений. Говорят, что во время триумфа несли три тысячи семь фунтов золота, пять тысяч семьсот семьдесят пять фунтов серебра в слитках и двести восемьдесят семь тысяч драхм звонкой монетой. После триумфа Марий созвал на Капитолии сенат и, то ли по забывчивости, то ли грубо злоупотребляя своей удачей, явился туда в облачении триумфатора, однако, заметив недовольство сенаторов, вышел и, сменив платье, вернулся в тоге с пурпурной каймой⁷.

13. В походе Марий закалял войско, заставляя солдат много бегать, совершать длинные переходы, готовить пищу и нести на себе свою поклажу, и с тех пор людей трудолюбивых, безропотно и с готовностью исполнявших все приказания, стали называть «Мариевыми мулами». Правда, многие указывают, что эта поговорка возникла при иных обстоятельствах. Сципион, осаждая Нуманцию, решил проверить, как его солдаты привели в порядок и подготовили не только свое оружие и коней, но и повозки и мулов. Тогда Марий вывел отлично откормленную лошадь и мула, превосходившего всех своей крепостью, силой и послушным нравом. Полководцу так понравились животные, что он часто вспоминал о них, и потому, когда человека хотят шутиливо похвалить за стойкость выносливость и трудолюбие, его называют «Мариевым мулом».

14. Большой удачей для Мария было, видимо, то обстоятельство, что варвары отхлынули, словно волны, и напали раньше на Испанию: благодаря этому Марий выиграл время для того, чтобы его солдаты окрепли и воспрянули духом, а главное, увидели, каков он сам. Ибо суровость, с какой он управлял, и неумолимость, с какой налагал наказания, представлялись теперь воинам, которых он отучил от нарушений дисциплины и неповиновения, справедливыми и полезными, а спустя недолгое время, привыкнув к его неукротимому нраву, грубому голосу и мрачному виду, они даже стали говорить, что все это страшно не им, а врагам. Больше всего солдатам нравилась справедливость Мария в суде. Между прочим рассказывают о таком случае. Под началом Мария служил военным трибуном его племянник Гай Лузий, человек вообще не плохой, но одержимый страстью к красивым мальчикам. Влюбившись в одного из своих молодых солдат, Требония, он часто пытался совратить его, – но ничего не достиг. Наконец, однажды ночью, отослав слугу, он велел позвать Требония. Юноша явился, так как не мог ослушаться приказа начальника, но когда его ввели в палатку и Лузий попытался овладеть им насильно, Требоний выхватил меч и заколол Лузия. Все это произошло в отсутствие Мария, который, возвратившись, велел предать Требония суду. Многие поддерживали обвинение, никто не сказал ни слова в защиту юноши, и тогда он сам встал, смело рассказал, как было дело, и представил свидетелей, подтвердивших, что он неоднократно отказывал соблазнявшему его Лузию и не отдался ему, даже когда тот предлагал большие деньги. Удивленный и восхищенный, Марий приказал подать венок, которым по обычаю предков награждают за подвиги, и, взяв его, сам увенчал Требония за прекрасный поступок, совершенный в то время, когда особенно нужны благие примеры. Этот случай стал известен в Риме, что немало способствовало третьему избранию Мария в консулы. К тому же, ожидая летом варваров, римляне не желали вступать с ними в бой под началом какого-нибудь другого полководца. Но кимвры появились позже, чем их ожидали, и срок консульства Мария вновь истек. Незадолго до консульских выборов его товарищ по должности скончался, и Марий, оставив во главе войск Мания Аквиллия, явился в Рим. Поскольку консульства домогались многие знатные римляне, Луций Сатурнин, который из всех трибунов пользовался в народе наибольшим влиянием и которого Марий привлек на свою сторону, выступил с речью и убеждал избрать консулом Мария. Когда же тот стал притворно отказываться, говоря, что ему не нужна власть, Сатурнин назвал его предателем отечества, бросающим свои обязанности полководца в такое опасное время. Все явно видели, что он лишь неумело подыгрывает Марию, но, понимая, что в такой момент нужны решительность и удачливость Мария, в четвертый раз избрали его консулом, дав ему в товарищи Лутация Катула, человека, почитаемого среди знати и в то же время угодного народу.

15. Марий, узнав, что враги близко, поспешил перейти Альпы и, разбив лагерь близ реки Родана, свез в него много продовольствия, чтобы недостаток самого необходимого не вынудил его вступить в битву до того, как он сам сочтет это нужным. Прежде подвоз всех припасов, в которых нуждалось войско, был долгим и трудным, но Марию удалось облегчить и ускорить дело, проложив путь по морю. Устье Родана, где волнение и прилив оставляют много ила и морского песка, почти на всю глубину занесено ими, и поэтому грузовым судам трудно и опасно входить в реку. Послав туда празднующее войско, Марий прорыл огромный ров и, пустив в него воду из реки, провел достаточно глубокий и доступный для самых больших судов канал к более удобному участку побережья, где прибой не затруднял сток речной воды в море. И поныне еще канал носит имя Мария. Между тем варвары разделились: кимвры должны были наступать через Норик на Катула и прорваться в Италию, а тевтонам и амбронам предстояло двигаться на Мария вдоль Лигурийского побережья. Кимвры замешкались, а тевтоны и амброны, быстро пройдя весь путь, появились перед римлянами,

бесчисленные, страшные, голосом и криком не походившие ни на один народ. Заняв огромную равнину и став лагерь, они принялись вызывать Мария на бой.

16. Однако он пренебрег вызовом и продолжал удерживать воинов в лагере, а слишком уж горячих, рвавшихся в бой и делавших далекие вылазки, резко порицал, называя предателями: ведь сейчас главное не справить триумф или воздвигнуть трофей, но отвратить эту грозную тучу, этот удар молнии и спасти Италию. Так Марий говорил каждому из военных трибунов и равным им по достоинству начальникам, солдат же группами выстраивал на валу и заставлял смотреть на врагов, желая приучить римлян к виду и страшному, грубому голосу варваров, познакомить их с оружием и боевыми приемами противника и тем самым добиться, чтобы солдаты постепенно освоились и привыкли к зрелищу, прежде пугавшему их. Марий вообще полагал, что новизна прибавляет много напрасных страхов, а привычка уменьшит робость даже перед тем, что действительно страшно. И в самом деле, не только привычка смотреть на варваров день ото дня утишала смуту, но и угрозы и несносная наглость врагов, грабивших все вокруг и даже осмеливавшихся открыто нападать на стены лагеря, разжигали мужество римлян и воспламеняли их душу. Марию стали доносить о таких разговорах возмущенных воинов: «Разве мы показали себя малодушными и у Мария есть причина не пускать нас в бой и караулить, запирая на замок, словно женщин? Давайте спросим его, как подобает свободным людям: неужели он ждет других воинов, чтобы сражаться за Италию? Почему он использует нас только для всяких работ – когда нужно копать ров, расчищать реку от ила или повернуть ее в другое русло? Видно, для этого он и закалял нас тяжелым трудом, это и есть те подвиги, о которых он расскажет гражданам, когда вернется в Рим после всех своих консульств. Неужто он опасается судьбы Карбона и Цепиона, которых разбили враги? Но ведь они намного уступали Марию доблестью и славой, и намного хуже были войска, которыми они командовали. И потом лучше потерпеть поражение в бою, как они, чем, сложа руки, смотреть, как разоряют союзников».

17. Услышав об этом, Марий обрадовался и поспешил успокоить солдат, сказав, что не питает к ним недоверия, но в соответствии с предсказанием ждет должного срока и места для победы. За ним всегда торжественно несли на носилках некую сириянку, по имени Марфа, слывшую гадательницей, по совету которой он совершал жертвоприношения. Незадолго до этого сенат изгнал ее, когда она стала предсказывать будущее сенаторам, но она вошла в доверие к женщинам, на деле доказав свое умение гадать, особенно в одном случае, когда, сидя у ног жены Мария, предсказала, какой из двух гладиаторов, выйдет победителем. Та отослала Марфу к мужу, и у него она пользовалась уважением. Чаще всего она оставалась в носилках, а во время жертвоприношений сходила с них, облаченная в двойное пурпурное одеяние, держа копье, увитое лентами и гирляндами цветов. Это давало много поводов для споров, в самом ли деле Марий верит гадательнице или же притворяется, разыгрывая перед людьми представление и сам участвуя в нем? Удивительный рассказ находим мы и у Александра Миндского: по его словам, войско Мария перед каждым успехом сопровождали два коршуна, которых можно было узнать по медным ожерельям (эти ожерелья воины, поймав птиц, надели им на шею, а потом отпустили их). С этих пор, увидев коршунов, воины приветствовали их и, когда те появлялись перед походом, радовались, веря, что их ждет верная удача. Много знамений было в то время, но все они не относились прямо к будущему Мария, кроме одного: из итальянских городов Америкии и Тудерта сообщили, что ночью там видели в небе огненные копья и щиты, которые сперва были разделены некоторым расстоянием, а затем встретились и стали двигаться, словно ими сражаются люди, потом одна часть отступила, другая погналась следом, и все видение понеслось к западу. Примерно в то же время из Пессинунта прибыл в Рим жрец Великой Матери богов Батак и возвестил, что богиня из своего святилища предсказала римлянам успех в сражении и победу в войне. Сенат, поверив предсказанию, постановил воздвигнуть богине храм в благодарность за победу, и Батак, выйдя к народу, хотел сообщить ему об этом, однако трибун Авл Помпей помешал ему, обозвав жреца обманщиком и согнав его с возвышения. Но это лишь укрепило веру в слова Батака, ибо не успел Авл распустить Собрание и возвратиться домой, как его схватила страшная лихорадка, от которой он на седьмой день умер; это стало известно всему городу, и все говорили об этом случае.

18. Тевтоны, пользуясь бездействием Мария, попытались взять лагерь приступом, но были встречены градом стрел, летевших из-за частокола. Потеряв немало воинов, они решили трогаться дальше, считая, что без труда перевалят через Альпы, и, собравшись, двинулись мимо лагеря римлян, которые лишь теперь, когда варвары бесконечно длинной вереницей шли перед ними, поняли, сколь многочисленны их враги. Говорят, что это шествие непрерывно тянулось мимо укреплений Мария шесть дней. Проходя под самым валом, тевтоны со смехом спрашивали римских солдат, не желают ли они что-нибудь передать женам, ибо скоро тевтоны будут в Риме. Когда, наконец, варвары миновали лагерь, Марий поднялся и, не спеша, последовал за ними, всякий раз останавливаясь поблизости от них в недоступных местах и воздвигая укрепления, чтобы ночевать в безопасности. Так достигли они местности, именуемой Секстиевыми Водами, откуда лишь немного оставалось пройти до Альп. Здесь Марий приготовился дать сражение и занял лагерь неприступный холм, на котором не было, однако, воды (этим он хотел, как говорят, еще больше ожесточить солдат). Когда многие из них стали возмущаться и кричать, что хотят пить, Марий, указав рукой на реку, протекавшую возле вражеского вала, сказал: «Вот вам питье, за которое придется платить кровью». «Так почему же ты не ведешь нас на них, пока

кровь в наших жилах еще не высохла?» – спросили воины. «Сперва нужно укрепить лагерь», – спокойно отвечал Марий.

19. Солдаты подчинились, хотя и с досадой, но рабы, во множестве следовавшие за войском, не имея воды ни для себя, ни для вьючных животных, гурьбой спустились к реке. Они захватили с собой, кроме сосудов, секиры и топоры, а некоторые даже мечи и копья, чтобы добыть воды – пусть даже с бою. Сначала на них напала только малая часть противников: все остальные в это время или купались, или завтракали после купания. В тех краях бьют горячие ключи и римляне застигли варваров в такой момент, когда многие из них, окружив эти источники, благодушествовали и предавались праздности, восхищаясь прелестью местности. На крик сражающихся сбежалось много римлян, ибо Марию было трудно удержать солдат, боявшихся за своих рабов. Самые воинственные из варваров – амброны – тоже бросились к оружию. Число их превосходило тридцать тысяч, и они уже нанесли поражение римлянам, сражавшимся под командованием Манлия и Цепиона. Хотя тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости, все же они мчались вперед не разъяренной, беспорядочной толпой, а крики, которые они издавали, не были невнятные: ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!», – то ли оклика друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки из их рода в род прозывались амбронами. И прежде чем противники сошлись врукопашную, над полем стоял непрерывный вопль, потому что оба войска, поочередно издавая клич, старались перекричать друг друга, и крики еще больше воспаляли их, возбуждая мужество. Сперва амброны стояли за рекой, но не успели они переправиться и выстроиться, как лигуры бегом ринулись на врагов, ступивших на берег первыми, и завязали рукопашный бой, а римляне, примчавшиеся с холма на помощь лигурам, налетели на варваров и обратили их в бегство. Многие из амбронов, еще стоявшие у реки, были сброшены в воду своими же и погибли, запрудив русло трупами, а те, кому удалось переправиться, не решались встретить врага лицом к лицу, и римляне гнали их до самых лагерей и повозок, убивая бегущих. Но тут появились женщины, вооруженные топорами и мечами: со страшным криком напали они и на беглецов, и на преследователей, одних встречая как предателей, других – как врагов. Замешавшись в ряды сражающихся, они голыми руками вырывали у римлян щиты и хватались за мечи, не чувствуя порезов и ран, и только смерть смиряла их отвагу. Так описывают эту битву у реки, происшедшую скорее по воле случая, чем по замыслу полководца.

20. Перебив множество амбронов, римляне с наступлением сумерек отошли, но не победные пзаны, не пиры по шатрам и не веселые трапезы ожидали войско после такой удачи, и даже целительный сон, который так сладок для счастливо сражавшихся воинов, не пришел к ним, ибо еще ни одну ночь не проводили они в таком страхе и трепете, как эту. Лагерь их не был защищен ни валом, ни частоколом, а внизу еще оставалось несчетное множество непобедимых варваров. К ним присоединились амброны, которые спаслись бегством, и всю ночь раздавались их жалобы, похожие больше на звериный рык и вой, чем на человеческий плач и стенания; с жалобами смешивались тысячеустые угрозы и вопли, их повторяли окрестные горы и речная долина, наполняя округу страшным гулом, а сердца – римлян – ужасом. Сам Марий был в смятении, опасаясь, как бы не началось беспорядочное, бессмысленное ночное сражение. Однако враги не напали ни в эту ночь, ни на следующий день, употребив все время на подготовку к бою. Между тем Марий, увидев, что над головой варваров нависают лесистые склоны, прорезанные ущельями, сплошь заросшими дубами, послал Клавдия Марцелла с тремя тысячами тяжело вооруженных воинов, приказав ему укрыться в засаде и во время битвы напасть на врага с тыла. Остальных пехотинцев, выпавшихся и рано позавтракавших, он с рассветом выстроил перед лагерем, а конницу выслал вперед, на равнину. Увидев это, тевтоны, не дождавшись, пока римляне спустятся вниз и положение сражающихся сторон уравниется, второпях схватили оружие и в гневе бросились вверх по холму. Марий разослал во все стороны начальников с приказом твердо стоять на месте и, когда неприятель окажется в пределах досягаемости, забросать его копьями, а затем пустить в ход мечи и сталкивать врагов щитами: покато место лишит их удары силы и расшатает сомкнутый строй, ибо на такой крутизне трудно стоять твердо и удерживать равновесие. Это Марий внушал всем, и сам первый на деле показывал пример, никому не уступая силой и ловкостью и далеко превосходя всех отвагой.

21. Римляне, принимая и отражая натиск рвавшихся вверх варваров, стали сами понемногу теснить противника и, в конце концов, спустились на ровное место. Пока передние ряды варваров строились на равнине в боевой порядок, в задних возникло замешательство и поднялся крик. Когда его звук долетел до холмов, Марцелл, поняв, что удобный момент настал, поднял своих солдат и с воинственным кличем напал на варваров с тыла, убивая стоявших в последних рядах. Те, увлекая за собой соседей, вскоре привели в смятение все войско, которое недолго сопротивлялось двойному удару римлян, но, смешавшись в беспорядочную толпу, обратилось в бегство. Преследуя бегущих, римляне убили и взяли в плен больше ста тысяч человек, захватили палатки, повозки и деньги, а все, что уцелело от разграбления, решили отдать Марию. Однако все считали, что даже этот богатейший дар – недостаточная награда для полководца, отвратившего столь огромную опасность. Впрочем, некоторые сообщают о подаренной Марию добыче и о числе убитых другие сведения⁸. Во всяком случае, жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего ее на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывалые обильные плоды, чем подтвердились слова Архилоха, что так вот и удобряется пашня.

После больших сражений, как говорят, обычно идут проливные дожди: видимо, либо какое-то божество очищает землю, проливая на нее чистую небесную влагу, либо гниющие трупы выделяют тяжелые, сырые испарения, сгущающие воздух до такой степени, что малейшая причина легко вызывает в нем большие перемены.

22. После битвы Марий отобрал из варварского оружия и добычи все самое лучшее и наименее пострадавшее, чтобы придать великолепию своему триумфальному шествию, а из остального велел сложить огромный костер и принес великолепную жертву. Воины стояли вокруг в полном вооружении, с венками на голове, а сам он, препоясанный по обычаю предков и одетый в тогу с пурпурной каймой, взял в каждую руку по горящему факелу, вознес их к небу и уже готов был поджечь костер, как вдруг показались его друзья, быстро мчавшиеся к нему на конях. Все смолкли в ожидании, а прибывшие, подъехав ближе и спешившись, приветствовали Мариа, сообщили ему, что он в пятый раз избран консулом, и вручили письма. Эта радостная весть увеличила победное ликование, и воины излили свой восторг в рукоплесканиях и бряцании оружия, военные трибуны увенчали Мариа лавровым венком, а затем он поджег костер и завершил жертвоприношение.

23. Но судьба, или Немесида, или естественный порядок вещей, который, не давая людям насладиться полным и безраздельным успехом, чередует в их жизни удачи и неудачи, спустя немного дней принес Марию известие о его товарище по должности – Катуле. И снова, словно туча на ясном, чистом небе, навис над Римом страх новой бури. Дело в том, что Катул, действовавший против кимров, опасаясь дробить свои силы, чтобы их не ослабить, отказался от намерения защищать Альпийские перевалы, быстро спустился в Италию и занял оборону по реке Натизону, воздвигнув у брода на обоих берегах сильные укрепления и наведя переправу с тем, чтобы помочь стоявшему за рекой отряду, если варвары прорвутся через теснины и нападут на него. А те преисполнились такой дерзости и презрения к врагам, что даже не по необходимости, а лишь для того, чтобы показать свою выносливость и храбрость, нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам самых высоких и крутых гор. Став лагерем неподалеку от римлян и разведав брод, они стали сооружать насыпь: подобно гигантам, срывали они окрестные холмы и бросали в воду огромные глыбы земли вместе с вырванными с корнем деревьями и обломками скал, так что река вышла из берегов, а по течению они пускали тяжелые плоты, которые с силой ударялись об устои моста и расшатывали их. Очень многие римские солдаты в испуге стали покидать большой лагерь и разбегаться. И тут Катул показал, что он, как положено благородному и безупречному полководцу, больше заботится о славе сограждан, чем о своей собственной. Не сумев убедить солдат остаться и увидев, что они в страхе собираются в путь, он приказал снять с места орла, бегом настиг первых из отступавших и пошел впереди, желая чтобы позор пал на него, а не на отечество, и стараясь придать бегству вид отступления, возглавленного полководцем. Варвары, напав на лагерь за Натизоном, взяли его, но, восхищенные римлянами, оборонявшимися с доблестью, достойной их отчины, отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке⁹, который впоследствии, после битвы, был захвачен и перенесен в дом Катула как его доля добычи. Затем, рассеявшись по стране, лишенной защиты, кимвры опустошили ее.

24. После этого Мариа вызвали в Рим. Все ожидали, что он отпразднует триумф, который сенат охотно предоставил ему, но Марий отказался, то ли не желая лишать этой чести своих соратников – воинов, то ли стараясь ободрить народ перед лицом надвигающейся опасности и для этого как бы вверая судьбе города славу своих прежних подвигов, чтобы после второй победы вернуть ее себе еще более блестящей. Произнеся подобающую случаю речь, он отбыл к Катулу, ободрил его и вызвал своих солдат из Галлии. Едва они явились, Марий перешел Эридан, чтобы не пропустить варваров в глубь Италии. Но кимвры уклонялись от боя, говоря, что ожидают тевтонов и удивляются их задержке, – то ли они в самом деле ничего не знали о их гибели, то ли притворялись, будто не верят этому известию. Тех, кто сообщал им о разгроме, они подвергали суровому наказанию, а к Марию прислали посольство с требованием предоставить им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мариа, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда». Послы, поняв насмешку, стали бранить Мариа, говоря, что ему придется дать ответ кимврам – сейчас же, а тевтонам – когда они будут здесь. «Да они уже здесь, – ответил Марий, – и негоже вам уйти, не обняв ваших братьев». С этими словами он велел привести связанных тевтонских царей, которых секваны захватили в Альпах во время бегства.

25. Когда послы рассказали об этом кимврам, они тотчас же выступили против Мариа, не двигавшегося с места и лишь охранявшего свои лагерь. Считается, что именно в этой битве Марий впервые ввел новшество в устройство копья. Раньше наконечник крепился к древку двумя железными шипами, а Марий, оставив один из них на прежнем месте, другой велел вынуть и вместо него вставить ломкий деревянный гвоздь. Благодаря этому копьё, ударившись о вражеский щит, не оставалось прямым: деревянный гвоздь ломался, железный гнулся, искривившийся наконечник просто застревал в щите, а древко волочилось по земле. Бойориг, царь кимров, с небольшим отрядом подъехал к самому лагерю и предложил Марию, назначив день и место, выйти, чтобы биться за власть над страной. Марий ответил ему, что никогда еще римляне не совещались о битвах с противником, но он сделает кимврам эту уступку; решено было сражаться на третий день, а место было выбрано у Верцелл, на равнине, удобной и для римской конницы, и для развернутого строя варваров. В назначенный срок оба войска выстроились друг против друга. У Катула было двадцать тысяч триста воинов, у

Мария – тридцать две тысячи; Сулла, участник этой битвы, пишет, что Марий разделил своих людей на две части и занял оба крыла, а Катул оставался в середине. Сулла утверждает, будто Марий разместил свои силы таким образом в надежде на то, что неприятель нападет на выдвинутые вперед крылья и потому победа достанется лишь его воинам, а Катулу вообще не придется принять участие в битве и схватиться с противником, ибо центр, как всегда бывает при столь длинном фронте, был оттянут назад. Передают, что и сам Катул говорил в свою защиту то же самое¹⁰, обвиняя Мария в недоброжелательстве. Пехота кимвров не спеша вышла из укрепленного лагеря; глубина строя у них была равна ширине и каждая сторона квадрата имела тридцать стадиев. А конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а врукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами.

26. Всадники не ударили на римлян прямо в лоб, а отклонились вправо и понемногу завлекли их в промежуток между конницей и выстроившейся левее пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость противника, но не успели удержать солдат, которые сразу же бросились вдогонку, едва один из них закричал, что враг отступает. Тем временем варварская пехота приближалась, колыхаясь, точно безбрежное море. Тогда Марий, омыв руки, поднял их к небу и взмолился богам, обещая принести им гекатомбу; молился и Катул, также воздев руки и творя обеты Судьбе сегодняшнего дня. Рассказывают, что Марий, когда ему во время жертвоприношения показали закланных животных, громко вскричал: «Победа моя!» Но, когда завязалось сражение, Мария, как сообщает Сулла, постигло заслуженное наказание. Огромное облако пыли поднялось и, как бывает всегда, застлало воинам глаза, и потому Марий, первым двинувшийся преследовать врага и увлекший за собой свои легионы, упустил противника, пройдя мимо варварского строя, и долго блуждал по равнине; кимвры же по счастливой случайности натолкнулись на Катула, и самое жаркое сражение шло там, где стоял он и его солдаты, среди которых находился и Сулла, по его собственным словам. Даже солнце, светившее кимврам в глаза, и зной сражались на стороне римлян, ибо варвары, выросшие, как было сказано выше, в туманных, холодных странах, терпеливые к морозу, в жару покрывались обильным потом, задыхались и щитами прикрывали лица, а битва происходила после летнего солнцеворота, по римскому исчислению – в третий день перед календами месяца секстилия¹¹, как его тогда называли (теперь он именуется августом). Пыль, скрыв врага от глаз солдат, увеличила их храбрость, ибо они не видели огромных толп варваров, пока те были далеко, и каждый, сходясь врукопашную с теми, кто подбегал к нему вплотную, не был уstraшен видом остальных врагов. Римские солдаты были так выносливы и закалены, что ни одного из них нельзя было увидеть покрытым потом или задыхающимся, несмотря на духоту и частые перебежки, как об этом, говорят, писал сам Катул, возвеличивая подвиг своих солдат.

27. Большая и самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленными к нижней части панциря. Римляне, которые, преследуя варваров, достигали вражеского лагеря, видели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов – кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей, а мужчины, которым не хватило деревьев, привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными. Хотя они и кончали с собою таким образом, в плен было захвачено шестьдесят тысяч человек, убитых же насчитывалось вдвое больше. Имущество варваров расхитили солдаты Мария, а доспехи, военные значки и трубы принесены были в лагерь Катула, и это послужило для него самым веским доказательством, что именно он победил кимвров. Однако между солдатами, как водится, начался спор, третейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула. И все же первая победа и уважение к власти Мария¹² заставили приписать весь подвиг ему. Больше того, простой люд называл его третьим основателем города¹³, полагая, что он не уступает полководцу, отразившему нашествие галлов. Дома, за праздничной трапезой с женой и детьми, каждый посвящал начатки яств и совершал возлияние Марию наравне с богами, все требовали, чтобы он один справил оба триумфа. Но он сделал это вместе с Катулом, потому что хотел и в счастии казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести.

¹ В 391 г.

² Т.е. германцы – самостоятельная народность; другие – что это смесь северо-западных варваров, кельтов, с северо-восточными варварами, скифами; третьи (фантастически сближая имена «кимвры» и «киммерийцы») – что это потомки киммерийцев, доскифского населения Причерноморья.

³ ...в «Вызывании теней»... – «Одиссея», XI, 14-19:... «Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелия... Ночь безотрадная там искони окружает живущих».

⁴ 10 лет.

⁵ Сципиону Младшему было в 147 г. 37 лет вместо положенных 43-х.

⁶ 1 января 104 г.; Марий еще избирался консулом четыре раза подряд до 100 г. включительно.

⁷ Т.е. в обычной консульской одежде, тогда как триумфатор надевал тогу, вышитую золотом.

⁸ Тит Ливий называет 200 тыс. убитых и 90 тыс. пленных, Веллей Патеркул – 150 тыс. убитых.

⁹ Возможно, что медный бык был у кимбров военным знаменем, как у римских легионов – серебряный орел.

¹⁰ Т.е., по-видимому, Плутарх знал записки Катула (на латинском языке) только из вторых рук, тогда как записки Суллы (на греческом языке) читал сам.

¹¹ 30 июля 101 г. (по доюлианскому календарю),

¹² Марий командовал как консул текущего 101 г., Катул – как бывший консул минувшего 102 г.

¹³ После Ромула и Камилла.

3.3.

ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В РИМЕ ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Союзническая война

Союзническая война (91-88 гг. до н. э.) представляла собой восстание италийских племен против Рима и развернувшиеся вслед за ним на территории большей части Италии военные действия.

Причиной конфликта явился отказ римского сената предоставить права римского гражданства италийским союзникам, по законопроекту, внесённому народным трибуном Марком Ливием Друзом младшим. Италики, составлявшие с Римом аморфную федерацию полисов с разными правами и обязанностями каждого участника, были также недовольны тем, что значительное число солдат для многочисленных войн Рима набиралось именно в их землях.

(Аппиан, «Гражданские войны», I, 38-53)

Аппиан, писавший по-гречески историк Рима, жил в середине II в. Аппиан занимает особое место среди античных историков. Биографические данные Аппиана очень скудны. Известно только, что он был уроженцем Александрии, где занимал высокое служебное положение, а затем переехал в Рим. Красной нитью через все сочинения Аппиана проходит его восхищение Римом, мощью и величием многоплеменной и разноязычной империи. Аппиан считает, что ни один народ древности, ни эллины, ни мидяне, ни македоняне, «никогда не достигал таких размеров и не имел такого длительного существования». По своему политическому мировоззрению Аппиан был сторонником монархического правления. Он высоко ставит Гая Юлия Цезаря и восхищается его талантами государственного деятеля и полководца.

Труд Аппиана «Римская история» состоит из 24 книг. В основу его был положен территориальный принцип распределения материала. Он охватывает историю отдельных областей Средиземноморья до окончательного завоевания их Римом. Полностью сохранились только отдельные книги.

Так как преследования аристократии все более и более росли, народ стал выражать недовольство, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудившихся на пользу государства. Да и италийцы при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица подверглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для скрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римляне не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобные распри. Но когда римлянам все это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аскула¹ в другой город, донес об этом управляющему этими местами проконсулу Сервилию; по-видимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы – эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан, но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аскул в то время, когда жители его опраивали праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервилием был убит и Фонтей, его легат – так называют римляне тех должностных лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников за правителями провинций.

После того как убиты были Сервилий и Фонтей, и остальным римлянам в Аскуле не было уже никакой пощады: на всех римлян, какие находились в Аскуле, жители его напали, перебили, а имущество их разграбили.

Лишь только разнеслась весть о восстании в Аскуле, все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, френтаны, гирпины, помпеяны, везувины, япики, луканы, самниты². Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше – вообще все племена, обитавшие от реки Лириса, называемой теперь, кажется, Литерном, вплоть до углубления,

образуемого Ионийским заливом, по сушему и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если раскаиваются во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату – это неперемнное условие. Теперь у италиЙцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 000. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италиЙских племен.

Римскою армией командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий РутИлий Луп. Они оба отправились в путь, как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима – ведь ему грозила опасность, или, по крайней мере, она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали к ним вместе с консулами наилучших в то время легатов: к РутИлию – Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цепиона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу; к Сексту Цезарю – Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Дидия, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали еще других лиц – такую важную представлялась им эта война.

У италиЙцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченною властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнатий, Квинт Помпедий, Гай Пипий, Марк Лампоний, Гай Видаций, Герий Азинний, Веттий Скотон. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских командиров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач.

Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племен. Сенат в страхе, как бы не оказаться в незащищенном положении в том случае, если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима – тогда впервые вольноотпущенники, из-за недостатка в живой силе, зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем италиЙцам, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все италиЙцы. Это решение сената было распространено по Этрурии, и ее жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников еще более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину.

Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или италиЙцы довольны были вообще новым своим положением, но впоследствии, когда поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распри.

Таковы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все италиЙцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самний не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с тою целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего многочислства.

¹ Аскул – италиЙский город, расположен в области Пицене.

² Идет перечисление различных италиЙских племен, участвовавших в Союзнической войне.

(Веллей Патеркул. «Римская история», XIII-XVII)

Гай Веллей Патеркул (19 г. до н. э. – 31 г.) – римский историк, автор «Римской истории» в 2 книгах, излагающие события истории Рима. Особенно подробно описаны времена Октавиана Августа в виде биографических очерков выдающихся деятелей.

Затем, несколько лет спустя, в трибунал вступил Марк Ливий Друз¹, человек весьма благородного происхождения, исключительного красноречия и редкой честности, который, однако, при всем своем даровании и наилучших намерениях не пользовался поддержкой Фортуны. Друз стремился вернуть сенату его прежнее величие и возратить ему судебную власть, отняв ее у всадников. Последние приобрели ее благодаря законам Гракхов и свирепствовали по отношению ко многим знаменитым и ни в чем неповинным людям. Так, они осудили, несмотря на вопли граждан, П. РутИлия, предав суду по закону о вымогательстве человека, наиболее честного не только в свое время, но и во все времена². Во всем том, что Друз предпринимал в интересах сената, он встречал противодействие с его стороны. Сенат не понимал, что действия Друза в пользу

плебса совершались как бы для приманки и обольщения народной массы, чтобы, обещав малое, добиться с ее согласия большего. В конце концов, судьба Друза была такова: сенат отнесся с большим одобрением к злодеяниям его коллег, чем к благороднейшим замыслам Друза и предпочел почестям, какие исходили от него, обиды, чинимые его коллегами; завидуя высочайшей славе Друза, он выносил их посредственностью.

Тогда, поскольку благие начинания Друза истолковывались как зло, его мысль склонилась к дарованию прав гражданства Италии. Когда, размышляя об этом, он возвращался с Форума в сопровождении огромной и нестройной массы граждан, всегда его сопровождавшей, во внутренней части его дома его поразили ножом, пронзившим его бок и там оставленным. В течение нескольких часов Друз скончался. Но перед тем как испустить последнее дыхание, он взглянул на окружавшую его скорбную толпу и издал возглас, вполне соответствующий его внутренним убеждениям: «Родные мои и друзья! Когда еще государство получит гражданина, мне подобного?». Таким был исход жизни у этого distinguished юноши. Для того чтобы понять образ его жизни, не следует опустить один случай: когда он соорудил дом на Палатине, на том месте, где некогда был дом Цицерона, позднее Цензорина, а ныне Статилия Сизенны, строитель предложил ему построить так, чтобы он был скрыт от завистливых взглядов и избавлен от докучливых свидетелей, и он ответил: «Если только позволяет твое искусство, построй мой дом так, чтобы каждый мог наблюдать за всем, что я делаю».

Смерть Друза возбудила еще ранее назревавшую войну с италическими. В консульство Л. Цезаря и П. Рутилия³, сто двадцать лет тому назад, вся Италия подняла оружие, хотя зло исходило от аскуланцев, убивших претора Сервилия и легата Фонтя, затем перекинулось к марсам и далее охватило все части Италии. Испытания судьбы были ужасны в той же мере, в какой была справедлива причина войны. Ведь прав римского гражданства добивались те, чьим оружием пользовалась римская власть. В каждом году, в каждой войне они должны были выставлять двойное число пехотинцев и всадников⁴, и никогда не пользовавшиеся гражданскими правами того государства, которое благодаря им достигло вершин, будучи при этом людьми одного происхождения, одной крови, они третировались как иностранцы и чужаки.

Война эта похитила у Италии триста тысяч юношей. Со стороны римлян в ней прославились как полководцы Гней Помпей, отец Гнея Помпея Магна, Гай Марий, о ком была речь выше, Луций Сулла, исполнявший в тот год обязанности претора, Квинт Метелл, сын Метелла Нумидийского, который заслуженно получил прозвище Благодетельный; его отец был изгнан из Рима народным трибуном Л. Сатурнином, поскольку единственный из всех не пожелал дать клятву верности его закону. Своим благочестием, авторитетом в сенате, поддержкой народа сын обеспечил возвращение отцу. Триумфы и почести не принесли Метеллу Нумидийскому такой славы, как причина его изгнания, само изгнание и возвращение.

Что касается италических, то наиболее прославленными их предводителями были Силон Попедий, Герий Азиний, Инстей Катон, Г. Понтидий, Телезин Понтий, Марий Егнаций, Папий Мутил. И также я не могу опустить, несмотря на скромность, кое-что о моей семейной славе, особенно потому, что передаю правду: наибольшего доверия заслуживает память о моем прадеде Минатии Магии из Экулана, внуке Деция Магия, первого среди кампанцев, человека прославленного и вернейшего. Он был настолько верен римлянам в той войне, что с легионом, который сам набрал в землях гиринов, взял совместно с Т. Дидием Геркуланум, поддержал Л. Суллу во время осады Помпей и захватил Компсу. О его доблестях поведали многие, но наиболее пространно и похвально Кв. Гортензий в своих «Анналах». Его благочестивой преданности римский народ воздал должное дарованием гражданских прав ему самому и избранием двух его сыновей преторами в то время, когда они избирались в числе шести.

Судьба войны с италическими была столь колеблющейся и тяжелой, что в течение двух лет погибли два римских консула – Рутилий и затем Катон Порций, которые были убиты врагами⁵. Войско римского народа было разбито в ряде мест, так что он облачился в сагум и долго оставался в этой военной одежде. В качестве своей столицы италические избрали Корфиний и назвали его Италика. Затем мало-помалу вводя в римское гражданство тех, которые или не брались за оружие, или сложили его первыми, римляне укрепили свои силы. Помпей, Сулла и Марий восстановили клонящееся к упадку римское государство.

Если не считать военных действий под Нолой, италическая война была в основном закончена. Римляне предпочли дать права гражданства побежденным и надломленным народам, сами обессиленные от войны, чем предоставить его всем, пока они были в силе. Это было в год, когда в консульство вступил Кв. Помпей и Л. Корнелий Сулла, человек, которому нельзя не отдать должного к моменту победы и не осудить за поведение после нее.

¹ Трибунал Марка Ливия Друза Младшего проходил в 91 г. до н. э.

² Публий Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э. В 93 г. до н. э. управлял провинцией Азией и препятствовал римским всадникам – финансистам грабить население провинций. После возвращения в Рим он был привлечен всадниками к суду якобы за превышение власти и осужден на изгнание. Осуждение Рутилия – классический пример злоупотреблений всаднических судов.

³ Консульство Л. Юлия Цезаря и П. Рутилия Лупа приходилось на 90 г.

⁴ Союзники поставляли пехотинцев и всадников во вспомогательные части римской армии.

⁵ Л. Порций Катон вместе с Гнеем Помпеем Страбоном были консулами следующего, 89 г. до н. э.

(Луций Анней Флор, «Римская история», III, 18)

Луций Анней Флор – римский историк времен Траяна и Адриана. В его «Римской истории» дается краткий очерк событий от основания Рима до эпохи Августа. Этот труд имеет много погрешностей как хронологических, так и фактических, изложение носит тенденциозный характер, поэтому к сведениям Флора надо относиться критически.

Пусть эту войну мы называем Союзнической¹, чтобы смягчить ее жестокость, если же мы хотим правильного ее обозначения, то это была гражданская война. В самом деле, когда римский народ присоединил к себе этрусков, латинян и сабинян и повел от всех единую кровь [в потомстве], то он как бы сложил тело из отдельных членов и привел всех к единству, и не менее бесчестно было союзникам воевать друг с другом в пределах Италии, нежели гражданам в пределах одного города. Таким образом, когда союзники вполне справедливо потребовали участия в правах того государства, которое они укрепили и увеличили своими собственными силами, а Друз², стремясь к господству, укрепил в них надежду на это, то после того как он сам погиб от преступной руки в своем собственном доме, тот же факел, который предал его тело сожжению, воспламенил союзников на то, чтобы взяться за оружие и пойти на завоевание столицы. Что может быть печальнее этого побоища, какое может быть еще большее бедствие? После того как весь Лаций и Пицен, вся Этрурия и Кампания и, наконец, Италия поднялись против своей матери, против отечественного своего города, когда весь цвет храбрейших и вернейших союзников увидел каждый под своими знаменами чудовищные силы муниципиев: Помпедий – марсов, Афраний – латинян, Плотий – умбров, Эгнаций – этрусков, Телезин – Самний и Луканию, когда народ, бывший вершителем судеб царей и племен, оказался не в состоянии управлять самим собой, и победитель Азии и Европы – город Рим – оказался под угрозой со стороны Корфиния³.

Первый совет войны происходил на Албанской горе⁴, на нем решено было, чтобы в латинский праздник на алтаре были закланы в качестве жертвы консулы, Юлий Цезарь и Марций Филипп, но после того как это было признано в силу предательства безбожным, все их неистовство вылилось в Аскуле⁵, где перед многочисленной толпой на праздничных играх были умерщвлены присутствующие там послы из Рима. Это была священная клятва в безбожной войне. После этого уже повсюду, во всех частях Италии, где появлялся главный вождь и зачинщик войны Помпедий⁶, у народов и по городам раздавались различные призывы. Ни при Ганнибале, ни при Пирре не было такого опустошения. Вот совершенно разоренными огнем и мечом оказались Окрикул, Грумент, Фэзулы, Карсеолы, Азерния, Нуцерия, Пицентия. Рассеяны войска Рутилия, войска Цепиона. Ведь и сам Юлий Цезарь⁷ потерял войско, и когда его окровавленного несли в город, в жалкой процессии, умер по дороге. Но велико счастье римского народа, и в беде всегда еще больше. Он поднялся наконец всеми своими силами, набросившись на отдельные народы: Катан разбил этрусков, Габиний – марсов, Карбон – луканов, Сулла – самнитов. Помпей Страбон, разорявший все пламенем и оружием, положил предел избиению, лишь после того как разгромом Аскула умилиствовал богов-манов стольких войск, консулов и разрушенных городов.

¹ Союзническая война (90-88 гг. до н. э.) – война итальянских племен с Римом за получение прав гражданства.

² Ливий Друз.

³ Корфиний – город, где были сконцентрированы основные силы восстания. Там заседал сенат из 500 человек, который был избран италийцами.

⁴ Албанская гора находится в области Лация.

⁵ Аскул.

⁶ Квинт Помпедий Силон происходил из племени марсов. Погиб в борьбе союзников с римлянами в 88 г. до н. э.

⁷ Луций Юлий Цезарь – консул 90 г. до н. э., командовавший римскими войсками. Потерпел ряд серьезных поражений от союзных войск в Кампании.

Римский денежный капитал в провинциях (Цицерон, Речь «За Суллу», 20, 56-58)

Марк Туллий Цицерон, известный римский юрист, оратор и политический деятель, жил в первой половине I в. до н. э. Он происходил из состоятельной семьи и получил хорошее юридическое образование. Цицерон был современником и свидетелем ожесточенной политической борьбы в Риме в 70-х – 40-х годах I в. до н. э. Он принимал активное участие в событиях этого времени: в 66 г. до н. э. был претором, в 63 г. до н. э. – консулом, в 51 г. до н. э. – проконсулом провинции Киликии. Цицерон приобрел широкую популярность как превосходный оратор.

Произведения Цицерона являются одним из важнейших источников эпохи конца республики. В основном они подразделяются на письма, речи и философские произведения. Там содержится богатейший материал, характеризующий самые разнообразные стороны жизни Рима.

Утверждают, что Ситтий [банкир] был послан Суллой, [обвиняемым в соучастии в заговоре Каталины], в Верхнюю Испанию, чтобы возмутить эту провинцию. Во-первых, судьи, Ситтий отправился... несколько раньше злоумышления Каталины и возникшего подозрения о существовании этого заговора; затем отправился он тогда не впервые, но после того, как побывал в тех же местах немного ранее и провел там несколько лет; да и отправился он, не только имея на то повод, но даже необходимость, а именно потому, что у него был

заключен с мавританским царем договор о большом денежном деле. Тогда же, после его отъезда, Сулла управлял и руководил его делами; благодаря продаже многих прекраснейших имений Ситтия, долги его были уплачены; таким образом то, что толкнуло на злодеяние остальных – желание сохранить недвижимые владения, – у Ситтия отсутствовало, его имения были уступлены кредиторам... Долги Ситтия произошли не из-за его распушенности, но из-за его рвения в ведении денежных дел: он имел в Риме долги, в провинции и царствах ему были должны огромные суммы. Не допустив, чтобы в то время, как он был занят их взысканием, его поверенные испытывали в его отсутствие какие-либо затруднения, Ситтий предпочел продать всю свою недвижимую собственность, лишиться себя прекраснейшего отцовского наследства, нежели как-нибудь задержать уплату денег кому-либо из своих кредиторов...

Об управлении провинцией Азией (Письмо Марка Цицерона брату Квинту, начало 59 г. до н. э.)

Эпоха гражданских войн I в. до н. э. явилась заключительным этапом истории Римской республики. В это время складываются уже те социально-экономические и политические предпосылки, которые обусловили возникновение Римской империи.

Эксплуатация провинций в это время приобретает большие масштабы: в этом были заинтересованы самые широкие слои населения Рима, но в первую очередь – нобилитет и всадничество. При «управлении» завоеванными странами грабеж населения проводился самым беззастенчивым способом. Как редкую заслугу выделяли римляне той эпохи честность наместников провинций. Письмо Марка Цицерона брату Квинту служит яркой иллюстрацией нравов римских магистратов в провинциях.

Провинция (Азия)¹ населена, во-первых, союзниками², людьми самыми просвещенными, затем римскими гражданами, которые или, как откупщики³, по необходимости тесно с нами связаны, или, как разбогатевшие торговцы, знают, что они сохранили без потерь свои богатства только благодаря моему консульству.

Но ты можешь сказать, что среди них возникают серьезные споры, создаются многочисленные обиды, появляется конкуренция. Я не хочу подчеркнуть, что ты не выполняешь в какой-то мере своих обязанностей, я понимаю, что эти обязанности очень трудны и требуют величайшего благоразумия, но помни, что, по-моему, они больше зависят от благоразумия, чем от удачи. В самом деле, разве трудно управлять теми, над которыми ты поставлен, если ты управляешь собой? Пусть это будет трудным делом для других, оно и действительно самое трудное, для тебя же это было всегда самым легким и должно быть самым легким. Ты по природе такой человек, который и без образования, повидимому, мог бы быть благоразумным. Полученное же тобой образование таково, что оно может облагородить природу даже с большими недостатками. Поскольку ты будешь бороться против наживы, против страсти к чувственным наслаждениям, против лицемерия во всех делах, как ты это делаешь, постольку, вероятно, ты сумеешь обуздать бесчестного купца и зарвавшегося откупщика. Пусть греки смотрят с удивлением на тебя, как современника, считая тебя за какого-то героя из летописи или за бога-человека, спустившегося в провинцию с неба.

Пишу тебе об этом теперь не для того, чтобы ты так поступал в будущем, а чтобы ты радовался, что так поступал и поступаешь. Ведь, подумай, какая слава, что тебя, облеченного в Азии высшей властью уже третий год, не совратили с пути величайшей честности и воздержанности ни скульптура, ни картины, ни вазы, ни блестящие ткани, ни покупка невольника или невольницы, ни их красота, ни незаконное обогащение, то-есть все, чем богата эта провинция!

Что может быть более выдающимся, и к чему должно стремиться, когда такая добродетель, такая умеренность и такое самообладание не скрываются где-то в тени, не прячутся, а проявляются на виду у всей Азии, на глазах славнейшей провинции, в молве всех племен и народов! Когда люди не боятся твоих наездов, не разоряются на содержание, не приходят в смятение от твоего пребывания! Наоборот, куда бы ты ни прибыл, тебя встречают с величайшей радостью и публично, и частным образом, так что создается впечатление, что город получил защитника, а не тирана, каждый дом – гостя, а не расхитителя. Из опыта во всех этих делах ты, конечно, знаешь, что совсем недостаточно обладать этими добродетелями самому, а необходимо понять, что за охрану провинции ты отвечаешь перед союзниками, римскими гражданами и государством не только за себя одного, но и за всех своих подчиненных...

Пусть люди знают, что ты не позволишь ябедникам и симулянтам с корыстными целями нашептывать тебе в уши. Пусть перстень твой будет не просто какой-то домашней утварью, не пособником чужой воли, но свидетелем твоей. Пусть твой секретарь занимает такое положение, какое ему определили наши предки; они назначали его не ради привилегий, а на должность, требующую труда и исполнительности, и причем назначали его не без цели из своих вольноотпущенников, над которыми они, конечно, имели власть почти такую же, как и над рабами. Пусть ликтор является исполнителем не своей, а твоей милости; пусть он несет впереди тебя фации и секиры скорее как символ твоего служебного положения, чем власти. Пусть затем вся провинция знает, что для тебя самым дорогим являются – дети, доброе имя и имущество всех, над которыми ты начальствуешь, наконец, пусть все знают, что ты будешь врагом не только тех, кто берет взятки, но и тех, кто дает. Никто не предложит взятки, если будет известно, что от тебя ничего нельзя добиться через тех людей, которые прикидываются имеющими на тебя большое влияние.

Все это я говорю не с той целью, чтобы ты в отношении своих подчиненных был слишком строгим или подозрительным. Если кто-нибудь из них в течение двух лет никогда не был заподозрен в алчности, как например, Цесий, Херипп, Лабейон⁴, то им можно, по-моему, без риска доверять, а также и другим таким же, как они. Но тому человеку, в котором ты уже ошибся и в чем-нибудь подозреваешь, не оказывая никакого доверия и ничего не поручай, что связано с твоей репутацией.

Если в провинции ты встретил человека, который завоевал твое доверие, хотя раньше и не был известен, взвесь, насколько можно ему доверять, и не потому, что среди провинциалов нет порядочных людей, а потому, что на это можно надеяться, но открыто признать опасно. Истинная природа каждого провинциала скрывается под покровом лицемерия: лоб, глаза, выражение лица очень часто лгут и еще чаще лжет язык. Поэтому, как ты можешь среди этих людей, ослепленных страстью к наживе и лишенных всех культурных условий столичной жизни, найти человека, который тебя, человека чуждого ему, любил бы сердечно, а не притворялся бы ради выгоды? Мне это кажется едва вероятным, в особенности, когда эти люди обыкновенно не любят частного человека и всегда любят всех преторов. Если ты случайно в среде этих людей обнаружил человека действительно относящегося к тебе с чувством дружбы, а не ради твоего положения, что, конечно, может случиться, то с радостью включи его в число твоих близких. Если же ты такого чувства не предвидишь, надо больше всего избегать сближения с такими людьми, потому что они знают все средства к наживе, на все готовы ради денег и не хотят щадить репутацию того, с кем они не собираются делить жизнь.

В особенности надо избегать каких-либо дружественных отношений с греками, за исключением немногих, если это действительно мужи, достойные древней Греции. В настоящее время большинство греков лукавы, легкомысленны и благодаря долгой неволе научились чрезмерной лести. По моему мнению нам с ними надо обращаться ласково и самых лучших приближать к себе гостеприимством и душевным отношением, однако слишком большое с их стороны расположение не очень надежно, поскольку они не осмеливаются противиться нашей воле и завидуют не только нашим землякам, но даже и своим. Если я в данных вопросах хочу быть предусмотрительным и точным, боюсь даже не слишком ли я суров, то ты спросишь меня, каково же мое отношение к рабам? Над ними необходимо властвовать повсюду и в особенности в провинции. Конечно, в связи с этим можно дать много советов, но вот самый краткий и очень легко выполнимый - рабы должны вести себя во всех твоих разъездах по Азии так же, как будто ты едешь по Аппиевой дороге, и пусть они не думают, что есть какая-то разница, едут ли они в Траллы или в Формии⁵. Но если какой-нибудь раб является отменно надежным, оставь его для домашних и частных дел. Однако, к делам, относящимся к твоей должности или в какой-то мере к государству, не допускай. Многое, что можно даже поручать преданным рабам, не следует поручать во избежание огласки и осуждения...

Всем, вижу, известно твое величайшее старание, а именно: никаких новых долгов с общин не взыскивается, даже многие общины освобождены тобою от старых, больших и тяжких долгов; многие города, разоренные и почти опустошенные - в том числе самые знаменитые: один в Ионии - Самос, другой в Кarii - Галикарнас - тобою вновь восстановлены; в городах нет никаких восстаний, никаких раздоров; ты принимаешь меры, чтобы общины управлялись коллегиями оптиматов; в Мисии прекращены разбои; во многих местах положен конец убийствам; во всей провинции упрочен мир, и не только грабежи и разбои на дорогах и в сельских местностях, но даже более значительные и многочисленные в городах и в храмах, уничтожены; доброе имя, имущество и покой богатых не страдают от ложных доносов, этого самого немилосердного пособника алчности преторов; расходы на содержание и подати в городских общинах распределены поровну между всеми, кто живет в их пределах; ты доступен для всех и охотно выслушиваешь жалобы...

При выполнении твоих добрых намерений у тебя возникнут большие затруднения со стороны откупщиков. Если мы будем им противодействовать, мы оттолкнем от себя и от государства сословие, оказывающее нам значительные услуги и связанное через нас с государством. Если же мы будем им во всем потворствовать, то мы окончательно доведем до гибели тех, о благе и о пользе которых мы должны заботиться. Вот это единственное затруднение в осуществлении всей полноты твоей верховной власти, если только вдуматься. Ведь быть бескорыстным самому, обуздывать все вожделения, не давать воли своим подчиненным, творить справедливый суд, быть доступным в подаче жалоб и заявлений - эта задача более славная, чем трудная. Она требует не каких-либо усилий, а некоторого душевного склада и доброй воли.

Какое озлобление вызывает у союзников деятельность откупщиков, я узнал от граждан, которые недавно, при отмене взимаемых в Италии пошлин⁶, жаловались не столько на пошлыны, сколько на некоторые беззакония сборщиков. Поэтому, после того как я выслушал жалобы граждан в Италии, я хорошо себе представляю, что испытывают союзники, в других областях государства. При таком положении дел мне представляется, что достойно только такой исключительной доблести, как твоя, вести дело так, чтобы с одной стороны помогать откупщикам в особенности, если пошлыны плохо поступают, а с другой - не позволять притеснять союзников. Впрочем, грекам не должно казаться тяжелым положение данников, так как они, когда еще не были подвластны римскому народу, уже переживали такое положение. Не могут презирать откупщиков люди, которые сами без откупщиков не могли уплатить дани, распределенной Суллой равномерно на каждого⁷. А что греческие откупщики при взимании дани не отличаются большим милосердием, чем ваши, можно видеть из того, что кавнийцы⁸ и все жители островов, уступленные Суллой родосцам, обратились в сенат с просьбой уплачивать дань нашим откупщикам. Поэтому не должны страшиться откупщиков те, которые всегда были

плательщиками дани, и не могут презирать откупщиков те, которые не могли уплачивать сами без откупщиков, и не могут противиться те, которые сами домогались наших откупщиков.

Кроме того, пусть жители Азии учтут, что они не были бы избавлены от бедствий ни внешней войны, ни внутренних раздоров, если бы не были под нашей властью. А так как эта власть не может никоим образом исполнять свой долг без уплаты дани, то пусть жители Азии без возмущения покупают свой постоянный мир и покой за некоторую часть своих доходов.

Если жители Азии будут спокойно относиться к откупщикам, то остальное, благодаря твоей мудрости и твоим мероприятиям, покажется им более приемлемым. Так, они могут рассматривать заключение договоров не как цензорский закон, а скорее как помощь для выполнения ими обязательств¹. Сверх того ты можешь, как это делал и делаешь, напоминать им, какое значение имеют откупщики, как мы нуждаемся в этом сословии, и делать это так, чтобы, не прибегая к применению верховной власти, к насилию и фасциям, только при помощи своего влияния и авторитета сблизить откупщиков с греками. Однако от тех, кому ты оказал большие услуги и которые тебе во всем обязаны, ты должен требовать, чтобы они терпимо относились к необходимости поддерживать и сохранять нужную нам дружбу с откупщиками.

Впрочем, зачем я убеждаю тебя в том, что ты можешь делать по собственному побуждению, да уже многое и сделал? Действительно, нам не перестают ежедневно выражать чувства благодарности самые почетные и самые значительные товарищества откупщиков и, что мне особенно приятно, даже греки.

¹ Квинт Цицерон управлял провинцией Азией три года подряд (61-59 гг. до н. э.).

² Здесь союзники противопоставляются римским гражданам, обладавшим всеми правами в государстве.

³ Откупщиками были в большинстве случаев всадники, которые объединялись в специальные корпорации. С их помощью собирались налоги в провинциях.

⁴ Про этих людей мы знаем только, что они принадлежали к свите Квинта Цицерона.

⁵ Траллы – город в Кариин (Малая Азия). Формии – город в Лации (Италия).

⁶ Имеется в виду закон, проведенный в 60 г. до н. э. претором Квинтом Цецилием Метеллом Непотом.

⁷ Намек на контрибуцию в 20 тысяч талантов, наложенную Суллой в 84 г. до н. э. во время войны с Митридатом.

⁸ Город Кавн находится в Кариин.

⁹ Закон, издававшийся цензорами на каждое пятилетие и устанавливающий ставки налогов и условия взносов.

Эксплуатация провинций (Цицерон, Речь «Против Верреса», 4-5)

Столь же яркую картину ограбления провинций римлянами можно найти в речи Цицерона против Верреса.

Нигде Веррес¹ не оставил таких глубоких следов, таких ясных доказательств своих преступлений, как в провинции Сицилии, которую он в продолжение трех лет успел так разорить и ограбить, что ее нельзя уже привести в прежнее состояние. Нужно много лет, чтобы она вернула себе, хотя отчасти, свое бывшее благосостояние, и только, при условии, если управляющие ею преторы будут безупречно честными. Когда он был претором, сицилийцы не ведали ни своих законов, ни приказаний сената, ни общечеловеческих прав; каждый имел только то, что ускользало от взоров этого алчного и сластолюбивого человека по его рассеянности, или оставалось нетронутым, благодаря его пресыщению. В продолжение трех лет все дела решались по его желанию; все, чем кто ни владел, - перешло ли оно к нему от отца или деда, - все он мог взять себе в силу своей судебной власти. Огромные деньги были взысканы с крестьян на основании небывалых несправедливых распоряжений; наши верные союзники считались в числе врагов; римские граждане были пытаемы и убиваемы, как рабы; важные преступники, с помощью подкупа, освобождались от суда; вполне честные, безупречной нравственности люди заочно, без допроса, были осуждаемы и лишены гражданских прав; гавани, представлявшие из себя неприступную крепость, и огромные прекрасно защищенные города сделались доступны нападению пиратов и разбойников; сицилийские матросы и солдаты, наши союзники и друзья, гибли с голоду; прекрасный, всем снабженный флот был, к великому стыду римского народа, потерян и уничтожен. Веррес же, как наместник, украл, взял себе все древние памятники, частью подаренные для украшения города богатыми царями, частью данные или возвращенные сицилийцам нашими победоносными полководцами. Так поступал он не с одними статуями или украшениями, составлявшими собственность городов, - нет, он ограбил все храмы, не исключая самых священных, и, в конце концов, не оставил сицилийцам ни одного бога, статуя которого, по его мнению, имела хоть какие-нибудь художественные достоинства и принадлежала старинному мастеру. Рассказывать об его любовных похождениях, о гнусных поступках, совершенных им под влиянием страсти, мне стыдно; кроме того, я не желаю увеличивать горя людей, которые не могли уберечь своих жен и детей от его сластолюбия. Вы думаете, что этот человек делал все так, чтобы не все об этом знали. Мне кажется, что нет никого, кто, услышав его имя, не мог бы рассказать об его преступлениях; при таком положении дел я гораздо более опасуюсь заслужить упрек, что я пропускаю многие из его вин, чем подозревание, будто я выдумываю их для его осуждения; по моему мнению, эта масса людей

пришла послушать меня не с тем, чтобы узнать от меня, в чем его обвиняют, а для того, чтобы подвергнуть вместе со мною тщательному обсуждению то, что ей известно.

¹ Гай Веррес, претор 74 г. до н. э., управлял Сицилией с 73 по 71 г. до н. э. За это время он нажил колоссальное состояние, грабя эту провинцию. Жители ее обратились за помощью к Цицерону, бывшему в то время уже известным оратором.

Военные действия римлян против пиратов (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Помпей», XXIV-XXIX)

24. Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святынь — кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонии¹ в Гермione, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии. Сами пираты справляли в Олимпе² странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими. Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли именья вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег. Однако самым наглым их злодеянием было вот какое. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили.

25. Могущество пиратов распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли. Именно это обстоятельство и побудило римлян, уже испытывавших недостачу продовольствия и опасавшихся жестокого голода, послать Помпея очистить море от пиратов. Один из друзей Помпея, Габиний, внес законопроект, предоставлявший Помпею не только командование флотом, но прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях. Действительно, этот законопроект давал полководцу власть на море по эту сторону Геракловых столпов и повсюду на суше на расстоянии четырехсот стадиев³ от моря. Из области, на которую распространялась власть полководца, исключались только немногие страны среди тех, что находились под господством римлян; в нее входили наиболее значительные варварские племена и владения самых могущественных царей. Кроме этого, Помпей был уполномочен выбрать из числа сенаторов пятнадцать легатов в качестве подчиненных ему начальников на местах, брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из двухсот кораблей, причем ему было предоставлено право набирать как воинов, так и экипажи гребцов. После прочтения этого закона народ принял его с чрезвычайным удовольствием, но знатнейшие и наиболее влиятельные сенаторы держались мнения, что такая неограниченная и неопределенного характера власть должна возбуждать скорее страх, чем зависть. Поэтому все они были против закона, кроме Цезаря, который поддержал закон, конечно, меньше всего ради Помпея, но с самого начала заискивая у народа и стараясь приобрести его расположение. Прочие сенаторы сильно нападали на Помпея. Один из консулов сказал, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего⁴. За эти слова консулу угрожала опасность быть растерзанным народом. Когда против закона выступил Катул, то народ, из чувства уважения, выслушал его с полным спокойствием. После во многом совершенно беспристрастных похвал Помпею он

посоветовал беречь такого человека, а не подвергать его опасностям в войнах, следующих одна за другой. «Кого же другого вы найдете, – сказал он, – если потеряете Помпея?» «Тебя!» – закричали все единодушно. Так Катулу пришлось удалиться, не убедив народа. Затем начал говорить Росций, но так как никто его не слушал, то он пальцами показал, что Помпея следует выбрать не одного, но дать ему товарища. Это предложение, как сообщают, исторгло у раздраженного народа крик такой силы, что пролетавший над форумом ворон упал бездыханный в толпу. Падение птиц, по-моему, происходит не оттого, что в воздухе, в силу его разрыва или рассеяния, образуется большое пустое пространство, но скорее потому, что звук поражает пернатых словно ударом, когда он, поднимаясь с такой силой, производит сильные колебания и волнения воздуха.

26. На этот раз собрание разошлось, не приняв никакого решения. А в тот день, когда нужно было утвердить закон, Помпей тайно выехал в свое имение. Узнав же о принятии закона, он ночью возвратился в Рим, чтобы избежать зависти, которую могла возбудить встреча его толпою народа. На следующее утро Помпей появился открыто и принес жертву богам; снова было созвано Народное собрание, и Помпей добился принятия, кроме утвержденного уже закона, многих других постановлений, так что почти удвоил свои военные силы. Действительно, он снарядил пятьсот кораблей, набрал сто двадцать тысяч тяжелой пехоты и пять тысяч всадников. Помпей выбрал двадцать четыре сенатора в качестве подчиненных себе начальников; кроме того, ему были даны два квестора. Тотчас же цены на продовольствие упали, и это обстоятельство подало повод обрадованному народу говорить, что самое имя Помпей положило конец войне. Помпей разделил все Средиземное море на тринадцать частей; в каждой части он сосредоточил определенное число кораблей во главе с начальником. Таким образом, распределив свои силы повсюду, Помпей тотчас захватил как бы в сеть большое количество пиратских кораблей и отвел их в свои гавани. Успевшие спастись корабли, гонимые со всех сторон, начали прятаться в Киликии, как пчелы в улье. Против них выступил в поход сам Помпей с шестьюдесятью кораблями. До этого похода он за сорок дней, благодаря своей неутомимой деятельности и рвению начальников, совершенно очистил от пиратских кораблей Тирренское и Ливийское моря, а также море вокруг Сардинии, Корсики и Сицилии.

27. Между тем в Риме консул Пизон, ненавидя Помпея и завидуя ему, чинил всевозможные препятствия его начинаниям и приказал даже распустить экипажи кораблей. Тогда Помпей отправил флот в Брундизий, а сам через Этрурию направился в Рим. Лишь только в Риме узнали об этом, все высыпали на дорогу встречать полководца, как будто они только что не провожали его. Быстрота и внезапность перемены вызвала радость у римлян, так как рынок в изобилии наполнился продовольствием. Поэтому Пизону грозила опасность лишиться должности, и Габиний уже составил для этой цели проект закона. Помпей, однако, воспротивился этому и в остальных делах, выступая в Народном собрании, проявил снисходительность. Закончив все необходимые дела, Помпей направился в Брундизий и оттуда вышел в море. Будучи стеснен во времени, Помпей поспешно плыл мимо многих городов, однако Афины он не миновал. Высадившись там, он принес жертвы богам и обратился к народу с речью, а затем тотчас вернулся на корабль. Возвращаясь, он прочитал обращенные к нему две надписи, состоящие из одного стиха каждая. Одна, на внутренней стороне ворот, гласила:

Человек ты, помни это! В той же мере ты и бог.

А снаружи была начертана такая надпись:

Ожидали, преклонялись, увидали – в добрый путь!⁵

Некоторые из находившихся еще в открытом море и державшихся вместе пиратских кораблей изъявили Помпею покорность. Последний обошелся с ними милостиво: он взял суда, не причинив зла команде. Тогда остальные пираты, в надежде на пощаду, вместе с женами и детьми начали сдаваться самому Помпею, избегая иметь дело с подчиненными ему начальниками. Помпей всем им оказывал милосердие и с их помощью выслеживал тех, которые еще скрывались, сознавая свои страшные преступления; когда же эти последние попадали в его руки, Помпей подвергал их наказанию.

28. Большинство самых могущественных пиратов, однако, поместило свои семьи и сокровища, а также всех, кто не был способен носить оружие, в крепостях и укрепленных городах на Тавре, а сами, снарядив свои корабли, ожидали шедшего против них Помпея у Коракезия в Киликии. В происшедшем сражении пираты были разбиты и осаждены в своих крепостях. В конце концов разбойники отправили к Помпею посланцев просить пощады и сдались вместе с городами и островами, которыми они овладели, а затем укрепили их настолько, что не только взять их силой, но даже подступиться к ним было нелегко.

Таким образом, война была завершена, и не более как за три месяца с морским разбоем было покончено повсюду. Кроме множества других кораблей, Помпей захватил девяносто судов с окованными медью носами. Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше двадцати тысяч), то казнить всех Помпей не решился; с другой стороны, он считал неблагоприятным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закаленные войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству, мирные же обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испытать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию

Помпея приняли маленькие и безлюдные города Киликии, население которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами. Солы, незадолго до того опустошенные армянским царем Тиграном, Помпей приказал восстановить и поселил там много разбойников. Большинству же их он назначил местом жительства Диму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим количеством плодородной земли.

29. Эти действия Помпея вызвали порицание со стороны завистников, а его поступок с Метеллом не встретил одобрения даже у близких друзей. Дело в том, что Метелл, родственник того Метелла⁶, который был товарищем Помпея по командованию в Испании, был послан на Крит еще до избрания Помпея главнокомандующим. Остров Крит был тогда вторым после Киликии средоточием пиратских шаек. Метелл захватил множество пиратов в плен, разрушил их гнезда и самих их велел казнить. Оставшиеся в живых были осаждены Метеллом. Они отправили посланцев к Помпею, умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвластной ему земли и во всех отношениях входит в определенную законом приморскую полосу. Помпей благосклонно выслушал просьбу пиратов и письменно приказал Метеллу прекратить войну. Вместе с тем он повелел городам на Крите не подчиняться Метеллу и послал туда претором одного из подчиненных ему начальников – Луция Октавия. Последний присоединился к осажденным пиратам и, сражаясь вместе с ними, не только доставил Помпею неприятности, но и выставил его в смешном виде: из зависти и ревности к Метеллу Помпей как бы ссудил свое имя таким нечестивым и безбожным людям, а свою славою разрешил прикрываться для защиты и пользоваться как амулетом. Уже Ахилл, говорят, распаленный жаждой славы, поступал не как подобает мужу, а как безрассудный юноша, запрещая другим метать стрелы в Гектора:

Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился⁷.

А Помпей даже взял под защиту общего врага, заступился за него, чтобы лишить триумфа полководца, потратившего так много труда на борьбу с разбойниками. Метелл, однако, не сдал командования; он захватил пиратов в плен и подверг их наказанию, Октавия же с оскорблениями и бранью отпустил из лагеря.

¹ Эти храмы находились близ Колофона и близ Милета и были посвящены Аполлону. Хтония («подземная») – богиня Деметры.

² Олимп – город в Ликий, на южном берегу Малой Азии, служивший основной базой для пиратов.

³ Около 75 км.

⁴ Т.е. Ромула.

⁵ Человек ты, помни это... и далее.

⁶ Кв. Метелл Критский был внуком Метелла Македонского, консула 143 г., а Кв. Метелл Пий (воевавший в Испании) – внуком Метелла Кальва, консула 142 г., брата Македонского.

⁷ «Илиада», XXII, 207.

Галльская война

(Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Цезарь», XV-XXVII)

15. Таковы были дела, которые он совершил перед Галльскими войнами. Что же касается до времени, когда Цезарь вел эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов или живших одновременно с ним и незадолго до него Суллу, Мария, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других – в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих – имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых – принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых – человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых – подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех – тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

16. Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличились, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. Примером может служить Ацилий, который в морском сражении у Массилии¹ вскочил на вражеский корабль и, когда ему отрубили мечом правую руку, удержал щит в левой, а затем, нанося этим щитом удары врагам в лицо, обратил всех в бегство и завладел кораблем.

Другой пример – Кассий Сцева, который в битве при Диррахии, лишившись глаза, выбитого стрелой, раненный в плечо и бедро дротиками и принявший своим щитом удары ста тридцати стрел, кликнул врагов, как бы желая сдаться; но когда двое из них подошли к нему, то одному он отрубил руку мечом, другого обратил в бегство ударом в лицо, а сам был спасен своими, подоспевшими на помощь.

В Британии однажды передовые центурионы попали в болотистые, залитые водой места и подверглись здесь нападению противника. И вот один на глазах Цезаря, наблюдавшего за стычкой, бросился вперед и, совершив много удивительных по смелости подвигов, спас центурионов из рук варваров, которые разбежались,

а сам последним кинулся в протоку, и где вплавь, где вброд перебрался на другую сторону, насилу преодолев все препятствия и потеряв при этом щит. Цезарь и стоявшие вокруг встретили его криками изумления и радости, а воин в большом смущении, со слезами бросился к ногам Цезаря, прося у него прощения за потерю щита.

В Африке Сципион захватил одно из судов Цезаря, на котором плыл назначенный квестором Граний Петрон. Захватившие объявили всю команду корабля своей добычей, квестору же обещали свободу. Но тот ответил, что воины Цезаря привыкли дарить пощаду, но не получать ее от других, и с этими словами бросился на собственный меч.

17. Подобное мужество и любовь к славе Цезарь сам взрастил и воспитал в своих воинах прежде всего тем, что щедро раздавал почести и подарки: он желал показать, что добытые в походах богатства копил не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях, но хранит их как общее достояние и награду за воинские заслуги, оставляя за собой лишь право распределять награды между отличившимися. Вторым средством воспитания войска было то, что он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности. Любовь его к опасностям не вызывала удивления у тех, кто знал его честолюбие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав средством исцеления военную службу, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело. Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днем он объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой, что в первый раз проделал путь от Рима до Родана за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже, как утверждает Оппий, еще большее число писцов. Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично.

Как пример его умеренности в пище приводят следующий рассказ. Однажды в Медиолане он обедал у своего гостеприимца Валерия Леона, и тот подал спаржу, приправленную не обыкновенным оливковым маслом, а миррой. Цезарь спокойно съел это блюдо, а к своим друзьям, выразившим недовольство, обратился с порицанием: «Если вам что-либо не нравится, – сказал он, – то вполне достаточно, если вы откажетесь есть. Но если кто берется порицать подобного рода невежество, тот сам невежа». Однажды он был застигнут в пути непогодой и попал в хижину одного бедняка. Найдя там единственную комнату, которая едва была в состоянии вместить одного человека, он обратился к своим друзьям со словами: «Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необходимое – слабейшим», – и предложил Оппию отдыхать в комнате, а сам вместе с остальными улегся спать под навесом перед дверью.

18. Первою из галльских войн, которую ему пришлось вести, была с гельветами и тигуринами². Эти племена сожгли двенадцать своих городов и четыреста деревень и двинулись через подвластную римлянам Галлию, как прежде кимвры и тевтоны, которым они, казалось, не уступали ни смелостью, ни многолюдством, ибо всего их было триста тысяч, в том числе способных сражаться — сто девяносто тысяч. Тигуринов победил не сам Цезарь, а Лабие, которого он выслал против них и который разгромил их у реки Арара. Гельветы же напали на Цезаря неожиданно, когда он направлялся с войском к одному из союзных городов; тем не менее он успел занять надежную позицию и здесь, собрав свои силы, выстроил их в боевой порядок. Когда ему подвели коня, Цезарь сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас – вперед, на врага!» – и с этими словами начал наступление в пешем строю. После долгой и упорной битвы он разбил войско варваров, но наибольшие трудности встретил в лагере, у повозок, ибо там сражались не только вновь сплотившиеся воины, но и женщины и дети, защищавшиеся вместе с ними до последней капли крови. Все были изрублены, и битва закончилась только к полуночи. К этой замечательной победе Цезарь присоединил еще более славное деяние, заставив варваров, уцелевших после сражения (а таких было свыше ста тысяч), соединиться и вновь заселить ту землю, которую они покинули, и города, которые они разорили. Сделал же он это из опасения, что в опустевшие области перейдут германцы и захватят их.

19. Вторую войну он вел уже загаллов против германцев, хотя раньше и объявил в Риме их царя Ариовиста союзником римского народа. Но германцы были несносными соседями для покоренных Цезарем народностей, и было ясно, что они не удовлетворятся существующим порядком вещей, но, при первом удобном случае, захватят всю Галлию и укрепятся в ней. Когда Цезарь заметил, что начальники в его войске робеют, в особенности те молодые люди из знатных семей, которые последовали за ним из желания обогатиться и жить в роскоши, он собрал их на совет и объявил, что те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. «Я же, – сказал он, – пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария». Узнав об этом, десятый легион отправил к нему делегатов, чтобы выразить свою

благодарность, остальные же легионы осуждали своих начальников и, наконец, все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем и после многодневного пути разбили лагерь в двухстах стадиях от противника. Уже самый приход Цезаря несколько расстроил дерзкие планы Ариовиста, ибо он никак не ожидал, что римляне, которые, казалось, не смогут выдержать натиска германцев, сами решатся на нападение. Он дивился отваге Цезаря и в то же время увидел, что его собственная армия приведена в замешательство. Но еще более ослабило мужество германцев предсказание священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили, что нельзя начинать сражение раньше новолуния. Когда Цезарь узнал об этом и увидел, что германцы воздерживаются от нападения, он решил, что лучше напасть на них, пока они не расположены к бою, чем оставаться в бездейственности, позволяя им выжидать более подходящего для них времени. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раздражил германцев, что те в гнев вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанес им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв все это пространство трупами врагов и их оружием. Ариовист с немногими людьми успел все же переправиться через Рейн. Число убитых, как сообщают, достигло восьмидесяти тысяч.

20. После этого, оставив свое войско на зимних квартирах в земле секванов, Цезарь сам, чтобы заняться делами Рима, направился в Галлию, лежащую вдоль реки Пада и входившую в состав назначенной ему провинции, ибо границей между Предальпийской Галлией и собственно Италией служит река Рубикон. Сюда к Цезарю приезжали многие из Рима, и он имел возможность увеличить свое влияние, исполняя просьбы каждого, так что все уходило от него, либо получив то, чего желали, либо надеясь это получить. Таким образом действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими гражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал.

Между тем белги, наиболее могущественные из галлов, владевшие третьей частью всей Галлии, отложились от римлян и собрали многотысячное войско. Цезарь выступил против них со всей поспешностью и напал на врагов, в то время как они опустошали земли союзных римлянам племен. Он опрокинул полчища врагов, оказавших лишь ничтожное сопротивление, и учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян. После этого все народы, живущие на берегу Океана, добровольно покорились вновь, но против нервиев, наиболее диких и воинственных из племен, населяющих страну белгов, Цезарь должен был выступить в поход. Нервии, обитавшие в густых чащобах, укрыли свои семьи и имущество далеко от врага, а сами в глубине леса в количестве шестидесяти тысяч человек напали на Цезаря как раз тогда, когда он, занятый сооружением вала вокруг лагеря, никак не ожидал нападения. Варвары опрокинули римскую конницу и, окружив двенадцатый и седьмой легионы, перебили всех центурионов. Если бы Цезарь, прорвавшись сквозь гущу сражающихся, не бросился со щитом в руке на варваров и если бы при виде опасности, угрожающей полководцу, десятый легион не ринулся с высот на врага и не смял его ряды, вряд ли уцелел бы хоть один римский воин. Но смелость Цезаря привела к тому, что римляне бились, можно сказать, свыше своих сил и, так как нервии все же не обратились в бегство, уничтожили их, несмотря на отчаянное сопротивление. Из шестидесяти тысяч варваров осталось в живых только пятьсот, а из четырехсот их сенаторов – только трое.

21. Когда весть об этом пришла в Рим, сенат постановил устроить пятнадцатидневные празднества в честь богов, чего не бывало раньше ни при какой победе. Но, с другой стороны, и сама опасность, когда восстало одновременно столько враждебных племен, казалась огромной, и любовь народа к Цезарю окружила его победы особенно ярким блеском.

Приведя в порядок дела в Галлии, Цезарь вновь перезимовал в долине Пада, укрепляя свое влияние в Риме, ибо те, кто, пользуясь его помощью, добивался должностей, подкупали народ его деньгами, а получив должность, делали все, что могло увеличить могущество Цезаря. Мало того, большинство из наиболее знатных и выдающихся людей съехались к нему в Луку, в том числе Помпей, Красс, претор Сардинии Аппий и наместник Испании Непот, так что всего там собралось сто двадцать ликторов и более двухсот сенаторов. На совещании было решено следующее: Помпей и Красс должны быть избраны консулами, Цезарю же, кроме продления консульских полномочий еще на пять лет, должна быть также выдана определенная сумма денег. Это последнее условие казалось весьма странным всем здравомыслящим людям. Ибо как раз те лица, которые получили от Цезаря столько денег, предлагали сенату или, скорее, принуждали его, вопреки его желанию, выдать Цезарю деньги, как будто бы он не имел их. Катона тогда не было – его нарочно отправили на Кипр, Фавоний же, который был приверженцем Катона, не добившись ничего своими возражениями в сенате, выбежал из дверей курии, громко взывая к народу. Но никто его не слушал: иные боялись Помпея и Красса, а большинство молчало из угождения Цезарю, на которого оно возлагало все свои надежды.

22. Цезарь же, снова возвратясь к своим войскам в Галлию, застал там тяжелую войну: два германских племени – узипеты и тенктеры – перешли через Рейн, ища новых земель. О войне с ними Цезарь рассказывает³ в своих «Записках» следующее. Варвары отправили к нему послов, но во время перемирия неожиданно напали на него в пути, и потому их отряд из восьмисот всадников обратил в бегство пять тысяч всадников Цезаря, застигнутых врасплох. Затем они вторично отправили послов с целью снова обмануть его, но он задержал послов и повел на германцев войско, считая, что глупо доверять на слово столь вероломным и коварным людям. Танузий, правда, сообщает, что, когда сенат выносил постановления о празднике и жертвоприношениях

в честь победы, Катон выступил с предложением выдать Цезаря варварам, чтобы очистить город от пятна клятвопреступления⁴ и обратить проклятие на того, кто один в этом повинен. Из тех, что перешли Рейн, четыреста тысяч было изрублено; немногие вернувшиеся назад были дружелюбно приняты германским племенем сугамбров.

Желая приобрести славу первого человека, перешедшего с войском Рейн, Цезарь использовал это в качестве предлога для похода на сугамбров и начал постройку моста через широкий поток, который как раз в этом месте был особенно полноводным и бурным и обладал такой силой течения, что ударами несущихся бревен угрожал снести столбы, поддерживавшие мост. Но Цезарь приказал вколотить в дно реки огромные и толстые сваи и, как бы обуздав силу потока, в течение десяти дней навел мост, вид которого превосходил всякие ожидания.

23. Затем он перевел свои войска на другой берег, не встречая никакого сопротивления, ибо даже свевы, самые могущественные среди германцев, укрылись в далеких лесных дебрях. Поэтому он опустошил огнем землю врагов, укрепил бодрость тех, которые постоянно были союзниками римлян, и вернулся в Галлию, проведя в Германии восемнадцать дней.

Поход против британцев доказал исключительную смелость Цезаря. Ибо он был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море, кто расширил римское господство за пределы известного круга земель, попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров, что многие писатели утверждают, будто его и не существует, а рассказы о нем и самое его название – одна лишь выдумка. Цезарь дважды переправлялся на этот остров с противоположного берега Галлии, но после того, как он нанес более вреда противнику, чем доставил выгоды своим войскам (у этих бедных и скудно живущих людей не было ничего, что стоило бы захватить), он закончил эту войну не так, как желал: взяв заложников у царя варваров и обложив их данью, он покинул Британию.

В Галлии его ждало письмо, которое не успели доставить ему в Британию. Друзья, находящиеся в Риме, сообщали о смерти его дочери, супруги Помпея, скончавшейся от родов. Как Помпеем, так и Цезарем овладела великая скорбь, друзей же их охватило смятение, потому что теперь распались узы родства, которое еще поддерживало мир и согласие в страдающем от раздоров государстве: ребенок также вскоре умер, пережив свою мать лишь на несколько дней. Тело Юлии народ, несмотря на противодействие народных трибунов, отнес на Марсово поле и там похоронил.

24. Чтобы поставить свое сильно увеличившееся войско на зимние квартиры, Цезарь вынужден был разделить его на много частей, а сам, как обычно, отправился в Италию. Но в это время вновь вспыхнуло всеобщее восстание в Галлии, и полчища восставших, бродя по стране, разоряли зимние квартиры римлян и нападали даже на укрепленные римские лагеря. Наибольшая и сильнейшая часть повстанцев во главе с Амбиоригом перебила отряд Котты и Титурия. Затем с шестьюдесятьютысячной армией Амбиориг осадил легион Цицерона⁵ и едва не взял лагерь штурмом, ибо римляне все были ранены и держались скорее благодаря своей отваге, нежели силе.

Когда Цезарь, находившийся уже далеко, получил известие об этом, он тотчас вернулся и, собрав семь тысяч воинов, поспешил с ними на выручку к осажденному Цицерону. Осаждающие, узнав о его приближении, выступили навстречу, относясь с презрением к малочисленному противнику и рассчитывая сразу же его уничтожить. Цезарь, все время искусно избегая встречи с ними, достиг такого места, где можно было успешно обороняться против превосходящих сил врага, и здесь стал лагерем. Он удерживал своих воинов от всяких стычек с галлами и заставил их возвести вал и выстроить ворота, как бы обнаруживая страх перед врагом и поощряя его заносчивость. Когда же враги, исполнившись дерзости, стали нападать без всякого порядка, он сделал вылазку, обратил их в бегство и многих уничтожил.

25. Эта победа пресекла многочисленные восстания местных галлов, да и сам Цезарь в течение зимы разъезжал повсюду, энергично подавляя возникающие беспорядки. К тому же на смену погибшим легионам прибыло три легиона из Италии: два из них предоставил Цезарю Помпей из числа бывших под его командованием, а третий был набран заново в галльских областях по реке Пад.

Но вскоре обнаружились первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел ее давно уже созрел втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие суммы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности. А так как по причине зимнего времени реки покрылись льдом, леса – снегом, долины были затоплены, тропы в одних местах исчезли под толстою снежной пеленой, в других сделались ненадежны из-за болот и разливавшихся вод, то казалось совершенно очевидным, что Цезарь не сможет ничего сделать с восставшими. Поднялось много племен, но очагом восстания были земли арвернов и карнутов. Общим главнокомандующим повстанцы избрали Верцингеторига, отца которого галлы ранее казнили, подозревая его в стремлении к тирании.

26. Верцингеториг разделил свои силы на много отдельных отрядов, поставив во главе их многочисленных начальников, и склонил на свою сторону всю область, расположенную вокруг Арара. Он рассчитывал поднять всю Галлию, в то время как в самом Риме начали объединяться противники Цезаря. Если бы он сделал это немного позже, когда Цезарь был уже вовлечен в гражданскую войну, то Италии угрожала бы не меньшая опасность, чем во время нашествия кимвров.

Но Цезарь, который, как никто другой, умел использовать на войне любое преимущество и прежде всего – благоприятное стечение обстоятельств, выступил со своим войском тотчас же по получении известия о восстании; большое пространство, которое он прошел в короткое время, быстрота и стремительность передвижения по зимнему бездорожью показали варварам, что на них движется непреодолимая и непобедимая сила. Ибо в тех местах, куда, казалось, и вестник с письмом не сможет проникнуть, даже пробираясь в течение долгого времени, они увидели вдруг самого Цезаря со всем войском. Цезарь шел, опустошая поля, уничтожая укрепления, покоряя города, присоединяя сдающихся, пока против него не выступило племя эдуев. Эдуи ранее были провозглашены братьями римского народа и пользовались особенным почетом, а потому теперь, примкнув к восставшим, они повергли войско Цезаря в тяжкое уныние. Цезарь был вынужден очистить их страну и направился через область лингонов к секванам, которые были его союзниками и земля которых отделяла восставшие галльские области от Италии. Во время этого похода он подвергся нападению врагов, окруживших его огромными полчищами, и решился дать битву. После долгого и кровопролитного сражения он в конце концов одолел и разбил варваров. Вначале, однако, он, по-видимому, терпел урон, — по крайней мере арверны и ныне показывают висящий в храме меч Цезаря, захваченный в бою. Он сам впоследствии, увидав этот меч, улыбнулся и, когда его друзья хотели убрать меч, не позволил сделать это, считая приношение священным.

27. Между тем большинство варваров из числа уцелевших в сражении скрылось со своим царем в городе Алезии. Во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трехсот тысяч человек, в то время как число запершихся в городе было не менее ста семидесяти тысяч. Стиснутый и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынужден возвести две стены: одну – против города, другую – против пришедших галлов, ибо было ясно, что если враги объединятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осажденных, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращенную к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящиеся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причем большая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитники Алезии — после того, как причинили немало хлопот и Цезарю и самим себе. Верцингеториг, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа.

¹ Сражение во время гражданской войны в 49 г. Такую же подборку рассказов о подвигах солдат Цезаря дает Светоний, «Божественный Юлий», 68.

² Этот народ, теснимый германцами, начал переселение из области современной Швейцарии на запад, тесня другие галльские племена, и Цезарь воспользовался этим как поводом для вооруженного вмешательства в галльские дела.

³ О войне с узипетами и тенктерами – в «Записках о галльской войне», IV, 1-15. О переправе через Рейн – в «Записках о галльской войне», IV, 16-19.

⁴ Цезарь вступил в переговоры с послами узипетов и тенктеров, а затем без предупреждения ударил на германцев (зима 56-55 гг. до н.э.).

⁵ Имеется в виду Кв. Туллий Цицерон, брат оратора; был легатом у Цезаря в 54-52 гг. до н.э. Его лагерь в 54 г. находился в Бельгике.

Союз Цезаря, Помпея и Красса: Первый триумvirат

Первый триумvirат – политический союз в Древнем Риме. В годы падения Римской республики власть дважды фактически переходила от сената и магистратов к тройке людей (где каждый раз третий участник был слабее двух основных соперников). Оба раза триумvirаты завершились гражданскими войнами.

В Первый триумvirат (60-53 гг. до н. э.) входили: Гай Юлий Цезарь, Гней Помпей Великий и Марк Лициний Красс.

(Дион Кассий, «Римская история», XXXVII, 55-58)

Цезарь восстановил согласие между Крассом и Помпеем не потому, чтобы он хотел видеть их живущими дружно, но потому, что они были очень могущественны. Он знал, что без помощи обоих или даже кого-нибудь одного он не будет иметь особой силы и что если он одного, не важно кого именно, приобщит к своим интересам, то другой в силу этого станет его противником, который повредит ему больше, чем тот, кого он приобрел, будет ему полезен. С одной стороны, все люди казались ему имевшими более охоты, чтобы побороть их врагов, чем поддерживать их друзей не только потому, что гнев и ненависть внушают более

энергические усилия, чем дружба, но также потому, что действующий за себя и действующий за другого не испытывают ни одинакового удовлетворения, если они успевают, ни одинаковой скорби, если терпят неудачу. С другой стороны, он видел, что в общем люди охотнее стараются создать препятствия человеку и помешать ему возвыситься, чем благоприятствовать его возвышению. Это делается по различным причинам, но особенно потому, чтобы не позволить ему возвышаться приятно для других и полезно для себя самого, между тем как при возвышении его создается затруднение и для себя самого, и для других.

Таковы были соображения, которые заставили тогда Цезаря приобрести расположение Помпея и Красса и примирить их. Он был убежден, что никогда не сможет стать могущественным без них, и не рассчитывал никогда оскорбить ни того, ни другого. Он не боялся также, что, примирившись, они станут могущественнее его, отлично зная, что сразу же с их дружбой он возвысится над другими и что вскоре после [этого] они будут содействовать, и тот и другой, тому, чтобы сделать его могущественнее себя. Так и случилось. Вот в каких видах Цезарь примирил их и старался привязать к себе. С своей стороны, Помпей и Красс, движимые личными соображениями, заключили мир, как только успокоились, и присоединили Цезаря к их планам. Помпей не был настолько могуществен, как он рассчитывал сделаться; в то же самое время он видел, что Красс пользовался большой силой, а Цезарь приобретает все больше и больше влияния, а он боялся быть раздавленным ими. Наконец, он льстил себя надеждой, что, соединясь лично с ними, он сможет при их содействии восстановить свое прежнее могущество. Красс воображал, что его происхождение и богатство должны поставить его выше всех. Будучи много ниже Помпея и убежденный, что Цезарь призван к великой роли, он стремился повергнуть их в борьбу друг против друга, чтобы ни тот, ни другой не были могущественнее его. Он рассчитывал, что в то время, как они будут бороться с равными силами, он воспользуется их дружбой и получит большие почести, чем они. Красс действительно не ставил задачей своей политики ни триумфа сената, ни народа, но делал все только ради своего личного могущества. Он стремился, равным образом, примирить сенат с народом, не навлекать на себя их ненависти, понравиться тому и другому, поскольку это было нужно, чтобы они считали его виновником того, что им было приятно, без возможности приписывать ему свои неудачи.

Таким образом в силу этих причин данные три лица вступили в дружбу друг с другом. Они подтвердили свой союз клятвами и завладели управлением в государстве. С тех пор они пришли к взаимному согласию и получили один от другого то, чего желали и что им было необходимо для устройства республики так, как им было угодно.

Когда они соединились, преданные им партии также пришли к соглашению и делали под их руководством все, что хотели. Некоторые следы благоразумия оставались только у Катона и у тех, кто хотел казаться быть одушевленным теми же чувствами, как он, ибо среди людей, которые занимались тогда общественными делами, ни один, исключая Катона, не отличался неподкупностью и личной незаинтересованностью. Некоторые граждане краснели от того, что происходило, а другие, стремясь подражать Катону, приняли участие в управлении и показали себя в некоторых случаях достойными этого образца; но они не продолжали, потому что их усилия были искусственными и не имели источника в естественной добродетели.

Вот в какое состояние привели римские дела три лица, которые скрывали, насколько возможно, их взаимный клятвенный союз. Они делали только то, что решили по взаимному согласию. Но они скрывали это и принимали вид взаимной враждебной оппозиции, чтобы их единение оставалось возможно дольше неизвестным, т. е. до тех пор, пока они вполне надлежало не приготовятся. Но их деяния не могли ускользнуть от ока божества, которое в этот самый момент показало людям, малоспособным понять подобные откровения, чего следует ожидать от этих лиц в будущем. Внезапно на город и на всю окрестную страну обрушился ураган с такой силой, что очень большое количество деревьев было вырвано с корнем и несколько домов разрушены; корабли, стоявшие на якоре на Тибре, у Рима или у устьев этой реки, были потоплены. Деревянный (свайный) мост был опрокинут равно как дощатый театр, построенный для какого-то торжества. Среди всех этих бедствий погибло очень много людей, как прообраз несчастий.

(Аппиан, «Гражданские войны», II, 9-13)

В это время Помпей, который приобрел большую славу и влияние после похода против Митридата, потребовал, чтобы сенат утвердил те раздачи, которые он сделал царям, династам и городам. Из зависти к Помпею большинство сената высказывалось против этого, особенно Лукулл, который воевал с Митридатом еще до Помпея и, по его словам, оставил Помпею Митридата совершенно обессиленным и считал эту войну своей собственной заслугой. Лукулл поддерживал Красс. Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название «Треглавие». Сенат относился к Цезарю, Помпею и Крассу с недоверием и, чтобы противодействовать Цезарю, утвердил товарищем его по должности Луция Бибула.

Тотчас между триумвирами начались раздоры, и каждый из них стал готовиться к войне против другого. Но Цезарь, большой мастер притворяться, произносил в сенате речи о необходимости единодушия, направляя

их по адресу Бибула: триумвиры-де своими раздорами беспокоят всю республику. Убедив Бибула, что он действительно так думает, Цезарь добился того, что Бибул стал поступать неосторожно, ни к чему не готовился и ни о чем не догадывался. Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для оккупации, предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким путем Цезарь создал себе огромное число приверженцев, ибо одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20000. Так как многие сенаторы высказывались против предложений Цезаря, то он, притворившись разгневанным их несправедливостью, ушел из сената и целый год не созывал его, а говорил народу с ростры. Здесь он публично запрашивал мнение Помпея и Красса относительно своих законопроектов. Они одобряли их, народ же приходил на голосование со спрятанными под одеждой короткими мечами.

Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря; однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путем он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении. Убежденный сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь еще произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооруженные кинжалами, ломали фасции и знаки консульского достоинства Бибула; некоторые из окружавших его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело: «Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, – кричал он, – то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление». Друзья отвели его насильно в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, – его никто уже не слушал – грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провел свои законопроекты. Он взял клятву с народа, что их будут признавать на вечные времена, и потребовал, чтобы и сенат в этом поклялся. Но так как многие, в том числе и Катон, противодействовали закону, то Цезарь внес в народное собрание предложение, что тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни. Это предложение было принято. Народные трибуны и все остальные в испуге тотчас дали требуемую клятву; было бесполезно возражать, когда закон был принят народом.

В это время один простолудин, по имени Веттий, ворвавшись в середину толпы с обнаженным кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катоном убить Цезаря и Помпея и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Дело было весьма темное, но Цезарь воспользовался им, чтобы подстрекать толпу. Допрос Веттия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме. О случившемся шли самые различные догадки и предположения, и Цезарь не преминул этим воспользоваться, говоря, что Веттия убили те, кто боялся его показаний. В конце концов он добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней. Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку, не выходил из дома и не занимался государственными делами.

А Цезарь и сам еще не принимался за расследование дела Веттия, хотя он обладал всей полнотой государственной власти. Он проводил новые законы, тем самым привлекая к себе народ. Цезарь также утвердил все то, что сделал Помпей, как он ему и обещал.

Так называемые всадники по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями, и владели массой надежнейших в этом отношении рабов. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость – даже больше того, что они просили, – начали боготворить Цезаря. Таким образом у него, благодаря ловкому политическому ходу, прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками. За это Цезарю дали в управление Цизальпинскую и Трансальпийскую Галлии на пять лет и предоставили под начальство четыре легиона войска.

Борьба Цезаря и Помпея (Юлий Цезарь, «Гражданские войны», III, 4)

Один из крупнейших политических деятелей Рима Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.) оставил два произведения, в которых описывал современные ему события: «Записки о Галльской войне» и «Гражданские войны». В «Записках» Юлий Цезарь дает картину завоевания Галлии Римом и борьбы галльских племен против римлян. Он пытается представить себя опытным, мудрым полководцем, гуманным даже по отношению к врагу. В «Гражданских войнах» Юлий Цезарь описывает историю своей борьбы с Помпеем (49-48 гг. до н.э.), что, якобы, произошло против его воли. Сочинение это было написано, впрочем, как и первое, с определенной апологетической целью – оправдать себя, переложив всю ответственность за гражданские войны на Помпея и его сторонников. Сочинения Юлия Цезаря, несмотря на субъективное освещение событий, важны нам потому, что являются свидетельствами участника описываемых событий.

Легионы Помпей составил из римских граждан: 5 из Италии, которые он переправил; один старый ив Киликии, который, образованный из двух, он называл двойным; один из Крита и Македонии, из воинов-ветеранов, которые, отпущенные прежними полководцами, осели в этих провинциях; два из Азии, которые озабочился набрать консул Лентул. Кроме того, он распределил по легионам, под именем пополнения, большое число воинов из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира; к ним он присоединил воинов Антония. Кроме этих легионов, он ожидал два из Сирии, со Сципионом. Что касается стрелков, то он имел их числом три тысячи из Крита, Лакедемона, из Понта и Сирии и остальных государств, пращников две шестисотенные когорты, конных 7 тысяч. Из них 600 галатов привел Дейотар¹; 500 – Ариобарзан² из Каппадокии; приблизительно такое же число дал Котис из Фракии и послал своего сына, Садалу; 200 были из Македонии, которыми командовал Раскиполий, отменной доблести; 500 габиниямцев из Александрии, галлон и германцев, которых Авл Габиний оставил там у царя Птолемея для охраны, – их доставил сын Помпея с флотом; 800 он набрал из рабов и пастухов своих и своих близких; 300 дали Таркондарий Кастор и Доннилай из Галлогреции, из них один пришел вместе, другой прислал сына; 200 были присланы Антиохам Коммагенским, которому Помпей даровал большие награды³; большинство среди них были конными стрелками. Сюда присоединил он дарданов⁴, бессов⁵, отчасти наемников, отчасти добытых приказом или распоряжением, также македонцев, фессалийцев и представителей остальных племен и государств и пополнил указанное нами выше число.

¹ Дейотар – тетрарх Галатии, в битве при Фарсале сражался на стороне Помпея.

² Ариобарзан – царь Каппадокии, также выступал против Цезаря в битве при Фарсале (раньше к его владениям были присоединены некоторые земли Киликии).

³ Во времена Помпея к владениям Коммагены, имевшей большое стратегическое значение в борьбе с Парфией, была присоединена крепость Селевкия, господствовавшая над южной переправой через Евфрат.

⁴ Дарданы – жители Дардании, области в верхней Мезии.

⁵ Бессы – горное фракийское племя, жило в области, прилегающей к Иллирии.

Мутинская война

Мутинская война (43 г. до н. э.) – один из эпизодов гражданских войн после гибели Гая Юлия Цезаря. Название получила от г. Мутина.

(Аппиан, «Гражданские войны», III, 67-69)

Поспешно пройдя за ночь ущелье, Карсулей и Панса на рассвете вступили вместе с одними только когортами Марсова легиона и пятью другими на искусственно проложенную дорогу, еще свободную от врагов и стали оглядывать находившееся по обе стороны болото. Камыши были в движении, и это вызывало подозрения; потом здесь и там засверкали то щит, то шлем и внезапно появилась прямо перед ними преторианская когорта Антония. Солдаты Марсова легиона, окруженные со всех сторон, не имея возможности никуда податься, велели вновь набранным, если они им попадались, не вступать вместе с ними в трудный бой, чтобы по неопытности не внести беспорядка в их ряды. Преторианской когорте Антония они противопоставили преторианскую когорту Цезаря. Сами же, разделившись на две части, вошли в оба болота: одну часть возглавлял Панса, другую Карсулей. Так как было два болота, то было и два сражения, разделенные между собой дорогой, так что одни не знали, что происходит у других; на самой же дороге преторианские когорты вели еще одно сражение сами по себе. Солдаты Антония хотели наказать солдат Марсова легиона за переход к врагу, как изменников по отношению к ним, солдаты же Марсова легиона хотели наказать тех за равнодушие к убитым в Брундизии. Сознывая, что они являются самыми сильными частями в войске как Антония, так и Цезаря, они надеялись, что именно в этом бою они решат исход войны. Одним, бывшим в составе двух легионов, было стыдно потерпеть поражение от одного легиона врага, других воодушевляло честолюбие победить в составе одного легиона два легиона противника.

Так они бросились друг на друга разъяренные, усердствуя не столько ради полководцев, сколько ради самих себя, считая этот бой своим личным делом. Наученные опытом, они не кричали, так как не рассчитывали напугать друг друга; никто у них не издавал ни звука в пылу боя, ни при победе, ни при поражении. Так как они сражались на болоте и на рытвинах, они не могли ни обходить противника, ни бежать, они стояли друг против друга, как вкопанные. Ни те, ни другие не могли напирать на противника, они поражали друг друга мечами как в поединке борьбы. Не было ни одного напрасного удара, но много было ранений и убийств и только стоны вместо крика. Кто падал, того сейчас же уносили и другой становился на его место. Не требовалось ни увещаний, ни приказаний; каждый руководствовался своим большим опытом. Когда воины уставали, они, как на состязаниях, расходились для небольшой передышки, потом снова сходились. Только что вступившие в строй новобранцы были поражены, видя такую доблесть при соблюдении полного порядка и в полной тишине. В то время, как все так сражались с нечеловеческими усилиями, преторианская когорта Цезаря была полностью уничтожена. Та часть Марсова легиона, которой командовал Карсулей, брала верх над противником,

отступавшим понемногу, но без позорного бегства; те же, что были под командой Пансы, были тоже в тяжелом положении. Те и другие держались одинаково стойко, пока Панса не был ранен копьем в бок и отвезен в Бононию. Тогда его люди подались назад, сначала шаг за шагом, потом, повернувшись, двинулись скорее, как бы обратившись в бегство. Новобранцы, увидя это, тоже побежали в беспорядке до укрепления, которое возвел для них квестор Ториват, пока еще продолжалась битва, предполагая, что оно пригодится. Новобранцы в беспорядке столпились около этого укрепления, хотя были такими же италийцами, как и солдаты Марсова легиона – столько выучки дает преимущество в делах доблести даже среди людей одного племени. Солдаты Марсова легиона не вошли за вал, боясь позора, но стали перед ним, хотя они были крайне утомлены, они все же пылали желанием сразиться до победного конца, если бы только к ним подошел Антоний, но он воздержался от столкновения с Марсовым легионом, считая это дело слишком трудным; он напал на новобранцев и произвел среди них большую резню.

Союз Антония, Октавиана и Лепида: Второй триумвират

Второй триумвират – политический союз в Древнем Риме. В годы падения Римской республики власть дважды фактически переходила от сената и магистратов к тройке людей (где каждый раз третий участник был слабее двух основных соперников). Оба раза триумvirаты завершились гражданскими войнами.

Во Второй триумвират (43-31 гг. до н. э.) входили: Марк Антоний, Октавиан и Марк Эмилий Лепид.

(Дион Кассий, «Римская история», XVI, 50-56)

После победы при Мутине Октавиан выступил якобы против Антония и Лепида. Именно, когда Антоний бежал из сражения, его не преследовал ни Октавиан, потому что война была поручена Дециму, ни Децим, потому что не хотел уничтожить врага Октавиана. Поэтому Антоний, собрав, насколько мог, уцелевших после боя, пришел к Лепиду. Этот, также приготовившись к тому, чтобы согласно постановлению сената вести войско в Италию, снова получил распоряжение оставаться на том месте, где был тогда. Именно, сенаторы, услышав, что Силан присоединился к Антонию и, опасаясь Лепида и Люция Планка, что и они тоже примкнут к Антонию, послали сказать им, что республика нисколько в них не нуждается. А чтобы, заподозрив что-нибудь злое, они не совершили какого-нибудь проступка, получили от сената приказ основать город вместе с теми, кто, изгнанные некогда аллоброгами из города Нарбонской провинции, Виенны, поселились при слиянии рек Арара и Роны. Итак, остановившись, они построили Лугдун, называвшийся некогда Лугудун, не потому что не могли при желании с войсками отправиться в Италию, так как в то время постановления сената против имевших войска не пользовались никакой силой, но потому, что хотели ждать исхода войны с Антонием, а между тем прослыть желавшими угодить сенату и вместе с тем укрепить свое положение.

Во всяком случае Лепид порицал Силана за заключение союза с Антонием, и когда Силан к нему явился, он не сразу допустил его к переговорам с собой; он обвинил его также письменно перед сенатом. За это он получил похвалу, и ему была поручена война против Силана. В последнее время, по тем же причинам, он не принял Антония и не отверг его, но позволил действовать вблизи и общаться со своими воинами, сам же с ними не говорил. Но как только он узнал, что тот вступил в тайное соглашение с Октавианом, сам присоединился к ним обоим. Легат Лепида, Марк Ювениций, узнав об этом, сперва пытался отвлечь его от этого намерения, но, ничего не достигнув, на глазах солдат покончил с собою. Сенат решил произнести в честь него похвальное слово, воздвигнуть статую и похоронить на счет государства. Что же касается Лепида, то убрали статую его, воздвигнутую на ораторской кафедре на форуме, объявили его врагом и пригрозили войной тем, кто с ним был, если они не уйдут от него к определенному сроку. Кроме того, сенаторы переменили одежду на военную (ибо в консульство Октавиана они оделись в мирную) и призвали против Лепида и Антония – Марка Брута, Кассия и Секста Помпея, а так как те, по-видимому, должны были явиться позже, они поручили эту войну Октавиану, по неведению об его тайном соглашении с теми.. Поэтому на словах Октавиан принял войну, но не делал ничего, что имело бы к ней отношение, и это не потому, что у него было общее дело с Антонием, а через него и с Лепидом, это заботило его очень мало, а потому что он видел их силу; и чувствовал их единомыслие в силу родства и не мог одолеть их силою. Вместе с тем, он надеялся, что с помощью их расправится с Кассием и Брутом, достигшими уже большого могущества, и сможет уничтожить одного при помощи другого. По этим причинам он даже против воли соблюдал соглашение и старался добиться у сената и народа милости для Антония и Лепида. Но, чтобы не подавать кому-либо повода к подозрению о заключенном между ними соглашении, он не сделал сам доклада об испрошении милости, а выступил с войском из города, под предлогом войны с ними. Но доклад этот был сделан Квинтом [Подием] якобы от своего лица, чтобы им дарованы были безнаказанность и возвращение. Но они должны были получить это не раньше, чем сенат сообщит об этом Октавиану, как-будто ничего не знавшему, и тот согласится против воли, якобы вынужденный солдатами.

Во время этих событий Децим Брут отправился вначале, чтобы вести войну против Антония и Лепида; он присоединил себе союзником Люция Планка, предназначенного к консульству на следующий год. Но когда Брут узнал, что против него вынесено постановление, а те примирились между собой, он хотел вести войско

против Октавиана, но был покинут Планком, который предпочел партию Лепида и Антония. Тогда Децим, оставив Галлию, решил пешим путем отправиться через Иллирию в Македонию к Марку Бруту, послав вперед несколько воинов, пока не устроит некоторые текущие дела. Однако те перешли на сторону Октавиана, да и остальных Антоний и Лепид после преследования переманили к себе. Тогда Брут, покинутый своими, попал в руки одного врага и, отданный на казнь, тяжело переносил свое несчастье и плакался, пока некий Гельвий Блазион, относившийся к нему доброжелательно, как соратник, не воодушевил его к смерти собственным примером, покончив с собою первый у него на глазах.

Тогда Антоний и Лепид, оставив в Галлии заместителей, направились в Италию к Октавиану, уведа с собою наибольшую и наилучшую часть войска. Именно, они недостаточно доверяли Октавиану, но не хотели представить дело так, что они обязаны ему безнаказанностью и возвращением, а будто они приготовили себе это сами и своими силами. Сверх того, они надеялись, что количество их воинов принудит Цезаря и остальных римлян ко всему, что угодно. В таком настроении они пошли через провинцию, как дружественную себе; впрочем, в силу обилия и жестокости солдат ей причинено было не меньше вреда, чем на войне. Октавиан вышел им навстречу с сильным отрядом воинов у Бононки, достаточно готовый отразить насилие, на случай, если они собирались его причинить. Но тогда не встретилось нужды применять против них оружие. Именно, хотя они питали друг к другу сильную ненависть, но притворно заключили мир и согласие, так как имели почти равные силы и желали раньше при помощи взаимных услуг отомстить другим своим недругам.

Для переговоров же они сошлись не одни, а с равным числом воинов, на одном островке той реки, которая протекает мимо Бононии, так что никто лишний не мог прибавиться еще ни к той, ни к другой стороне. Тут они далеко отошли от тех, кого привели с собою и, обыскав друг друга, нет ли у кого подмышкой какого-либо кинжала, тихим голосом переговорили кое о чем. Суть переговоров заключалась во взаимной клятве об упрочении за собою господства и уничтожении врагов. Но, чтобы не подать виду, что они стремятся к олигархии и этим не навлечь на себя зависть и враждебные замыслы других, они условились так, что официально они становятся во главе государства для его устройства и управления, конечно, не навсегда, а на пять лет, распоряжаются всем по своему усмотрению, даже без доклада об этом сенату и народу; затем они решили давать должности и другой почет, кому им угодно, частным же образом, чтобы не подать виду, что они хотят присвоить себе все провинции. Октавиану была дана в управление старая и новая Африка, Сардиния и Сицилия, Лепиду вся Испания и Нарбонская Галлия, Антонию вся остальная Галлия, лежащая по сю и по ту сторону Альп. Называлась же одна часть Галлия Тогата, потому что она считалась более усмирной, чем другие, и тогда уже употребляла городское одеяние римлян [тогу], имя другой части было Галлия Комата, потому что жители тех мест в преобладающем большинстве отпускали длинные волосы и этим заметно отличались от других.

Такую жеребьевку они устроили, чтобы самим забрать самые сильные провинции и подать вид другим, что они не стремятся захватить все. Кроме того, между ними было условлено перебить своих недругов, чтобы Лепид, ставший консулом на место Децима Брута, имел под охраной Рим и всю остальную Италию, а Антоний и Октавиан двинулись походом против Брута и Кассия. Когда они скрепили это клятвой, то созвали воинов, чтобы те выслушали и засвидетельствовали соглашение, и обратились к ним с речью, содержащею то, что можно было сказать благопристойно и безопасно. В то же время воины Антония, без сомнения по его внушению, предложили брак между дочерью Фульвии, жены Антония, которая у нее была от Клодия, и Октавианом, хотя тот обручился с другой. Октавиан не отказался от этого, так как считал, что этот брак не послужит препятствием в задуманных им действиях против Антония; тем более, что, как он знал, и отца его, Юлия Цезаря, родство с Помпеем несколько не остановило в его желании действовать против этого последнего.

(Аппиан, «Гражданские войны», IV, 2-3)

Цезарь¹ и Антоний с целью сменить вражду на дружбу сошлись вместе² вблизи города Мутины на островке, небольшом и плоском, находящемся в реке Лавинии; каждый из них имел при себе по пяти легионов. Расположив их друг против друга, они направились каждый в сопровождении трехсот человек к мосту через реку. Лепид³, пройдя вперед, осмотрел островок и сделал знак плащом, чтобы одновременно идти и тому и другому. Они оставили стоять на мостах со своими друзьями триста человек, которых они привели с собою, двинулись к середине островка на обозримое со всех сторон место, и все трое сели, причем Цезарь в силу своего звания занял место посередине. В продолжение двух дней, с утра до вечера совещаясь между собою, они постановили следующее. Цезарь должен сложить с себя консульское звание, а Вентидий на остающуюся часть года принять его; учредить новую магистратуру, равную по значению консульской должности, для приведения в порядок государства после гражданских войн; эту должность предоставить Лепиду, Антонию и Цезарю в течение пяти лет. Решено было таким путем обойти титул диктатора, быть может, из-за предложения, внесенного Антонием, которым запрещалось на будущее время учреждение диктатуры. Тотчас же они должны были назначить ежегодно сменяющихся городских магистратов на ближайшие пять лет. Управление провинциями должно было быть поделено так, что Антоний получал всю Галлию, исключая

область, прилегающую к Пиренейским горам и называемую Старой Галлией, Лепид – эту последнюю и в придачу Испанию, Цезарь – Африку, Сардинию, Сицилию с остальными прилегающими островами.

Так разделили между собой власть над римлянами эти трое мужей, отложив вопрос о провинциях, расположенных по ту сторону Ионийского моря, потому что Брут и Кассий еще владели ими. Решено было, что Антоний и Цезарь поведут войну с Кассием и Брутом, тогда как Лепид должен стать консулом в следующий год и оставаться в Риме для ведения дел в нем, управлять же Испанией должен через посредство наместников. Из войска Лепида три легиона должны были остаться у него для охраны Рима, а семь легионов разделить между собою Цезарь и Антоний: три из них взять Цезарю, а четыре – Антонию, так чтобы каждый из них мог повести в поход 20 легионов. Они должны были уже теперь обнадежить войско наградами за победу, причем, помимо других подарков, предоставить им 18 итальянских городов для поселения; эти города, отличающиеся богатством, плодородием почвы и красотой зданий, они намерены были вместе с землею и домами разделить между войском, как если бы эти города были завоеваны ими в неприятельской стране. Среди этих городов самые известные были Капуя, Регий, Венузия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиппоний. Так лучшая часть Италии предназначалась для войска. Решено было также расправиться со своими личными врагами, чтобы они не мешали им в осуществлении их планов и во время ведения ими дальнего похода. Все эти постановления были записаны, и Цезарь, как консул, прочитал их войскам всё, за исключением лишь проскрипционных списков. Солдаты, выслушав все это, запели военную песню и поздравляли друг друга с состоявшимся примирением.

¹ Имеется в виду Гай Юлий Цезарь Октавиан, внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный последним.

² Свидание это имело место в начале ноября 43 г. до н. э.

³ Марк Эмилий Лепид – представитель знатного патрицианского рода, сторонник Цезаря. В союзе с Октавианом и Антонием играл незначительную роль.

Борьба с Секстом Помпеем

Секст Помпей Магн Пий (67-35 гг. до н. э.) – римский военачальник и государственный деятель. Сын Помпея Великого. Брат Гнея Помпея.

(Аппиан, «Гражданские войны», IV, 83; V, 67, 72)

Дела Помпея были в таком положении. Будучи младшим из сыновей Помпея Великого, Секст Помпей вначале испытывал пренебрежительное отношение со стороны Гая Цезаря в Испании, как неспособный совершить что-либо большее по своей молодости и неопытности. Секст Помпей с небольшой кучкой людей разъезжал по океану, занимаясь разбоем и скрывая, что он Помпей. Когда к нему присоединилось для разбоя больше народа и уже образовалась значительная шайка, он открылся, что он Помпей. И тотчас все бродившие без дела и служившие раньше солдатами его отца или брата стали сбегаться к нему, как к своему вождю. Арабион также прибыл к нему из Африки, будучи, как я упоминал выше, лишен отцовского наследия. После того, как у Помпея собралась таким образом масса людей, дело дошло уже до более важных предприятий, чем морской разбой, и имя Помпея стало популярным по всей Испании, наиболее обширной из провинций, тем более что он объезжал ее быстро, появляясь то здесь, то там, но избегая встречи с правителями провинций, назначенными Гаем Цезарем. Гай Цезарь, узнав об этом, послал Каррину с большим войском, чтобы уничтожить Помпея. Последний, обладая более подвижными военными силами, истощал противника, то внезапно появляясь, то исчезая, и успел завладеть уже некоторыми как мелкими, так и более крупными городами.

Между тем Рим страдал от голода, так как купцов с Востока удерживал страх перед Помпеем и Сицилией, с Запада – то обстоятельство, что Сардиния и Корсика были также в руках Помпея, и в Африке хлеб не приходил, так как те же враги господствовали на обоих морских берегах. Цены на все продукты в Риме поднялись, и так как причину бедствия видели во вражде между вождями, то их бранили и требовали примирения с Помпеем. Так как Цезарь и теперь не сдавался, Антоний настаивал, чтобы он поспешил начать войну ради устранения голода. Вследствие того что средств на это у Цезаря не было, он издал приказ, чтобы все владеющие рабами, внесли за каждого половину тех 25 драхм, которые постановлено было взыскать на войну с Кассием и Брутом, а также чтобы известную долю вносили и все те, кто получал наследство. Приказ этот встречен был взрывом негодования в народе, сердившимся на то, что после того как истощена общественная казна, ограблены провинции, обременены и Италию поборами, податями, конфискациями, и все это не на ведение внешних войн и не на расширение пределов государства, а на личную вражду из-за власти, откуда и пошли проскрипции, убийства, общий голод, а теперь хотят лишить и последних средств. Собравшаяся толпа подняла шум, бросала камнями в тех, кто не хотел к ней присоединиться, грозила разграбить и сжечь их дома, и это продолжалось до тех пор, пока все множество народа не пришло в возбуждение...

По уговорам матери Помпея Муции и его жены Юлии, все трое¹ сошлись снова на омываемом со всех сторон морем моле Дикеархии, в окружении сторожевых судов, и пришли к соглашению на следующих

условиях: война прекращается на суше и на море; торговля беспрепятственно производится повсеместно². Помпей выводит гарнизоны, какие у него были в Италии, не принимает более беглых рабов, его суда не пристаю́т к берегам Италии; в его власти остаются Сардиния, Сицилия, Корсика и другие острова, какими от в то время владел, на тех же основаниях, на каких Антоний и Цезарь владеют остальными провинциями, Помпей высыла́ет римлянам хлеб, который издавна эти области должны были доставлять; он получает также Пелопоннес; в свое отсутствие он мог выполнять консульские обязанности через любого из своих друзей; его имя вносится в списки верховных жрецов. Таковы были условия, касавшиеся самого Помпея. Именитым изгнанникам обеспечивалось возвращение на родину, за исключением осужденных народным голосованием и приговором суда за убийство Цезаря. Лицам, бежавшим из страха и потерявшим свое имущество насильственно, все возвращается в целости, за исключением движимостей, осужденным выдается четвертая часть. Сражавшиеся на стороне Помпея рабы признаются свободными, свободные же, с прекращением военной службы, получают те же награды, что и солдаты Цезаря и Антония.

¹ Имеется в виду соглашение 39 г. до н. э. в Путеолах, приморском городе Кампании, между триумвирами и Секстом Помпеем.

² Этот пункт договора имел важное значение, так как флот Секста Помпея препятствовал подвозу хлеба в Италию и в первую очередь в Рим из Африки и Сицилии.

Гражданские войны в творчестве Горация (Ода, 1, 14; Эподы, XVI, XIV)

Квинт Гораций Флакк – римский поэт, родился в 65 г. до н. э. в итальянском городе Венусии и происходил из сравнительно небогатой семьи, отец его был вольноотпущенником. Он дал сыну хорошее образование; молодой Гораций учился у лучших философов и риториков Рима и Афин. В гражданских войнах конца республики он принимал участие на стороне антицезарианской партии. Разделив неудачу Кассия и Брута в битве при Филиппах, Гораций вернулся в Рим и отошел от политической борьбы. Его произведения этого времени полны призывов к установлению мира, к прекращению гражданских войн. Воспевание *Pax Romana* в произведениях Горация привлекло к нему внимание Августа, который этот лозунг сделал официальным в своей политике. Со времен правления Августа Гораций становится идеологом правящего класса. Все произведения его – эподы, оды, сатиры, послания – написаны на тему конкретных событий дня, актуальность придает им особую значимость. В них мы находим отклики поэта на битву при Акции, на проскрипции и другие события, предшествовавшие установлению империи.

Основная мысль Горация в произведениях, написанных в эпоху Августа – восхваление существующего политического устройства и того всеобщего мира, который сменил, по мнению Горация, смутные времена гражданских войн.

К РИМСКОМУ ГОСУДАРСТВУ¹

О, корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!
Неужели ты не видишь,
Что твой борт потерял уже
Весла, бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны
И едва уже днище
Может выдержать властную
Силу волн. У тебя нет уж ни паруса,
Ни бортов на корме, в бедах прибежища
Хоть сосною понтийской²,
Леса знатного дочерью,
Ты как матерью горд, - род не при чем уж твой:
На твой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.
О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами³!

¹ Ода эта написана в разгар гражданских войн (незадолго до битвы при Акции). Аллегорически изображено Римское государство в виде корабля, который терпит крушение. Гораций призывает этот «корабль» зайти в тихую гавань.

² Понтийская сосна – лучший корабельный лес, который доставлялся в Рим с берегов Понта.

³ Циклады – острова Греческого архипелага, где путники во время бури часто терпели кораблекрушения.

К РИМСКОМУ НАРОДУ¹

Два уж томятся у нас поколения гражданской войною,

И Рим своей же силой разрушается, –
 Рим, что стубить не могли ни марсов² соседнее племя,
 Ни рать Порсены грозного этрусской³,
 Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
 Ни аллоброги, в пору смут восставшие⁴.
 Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
 Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
 Ныне загубит наш род, закланный братскою кровью, –
 Отдаст он землю снова зверю дикому!
 Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
 Наш Рим, над прахом предков надругается;
 Кости Квирина⁵, что не знали ни ветра, ни солнца,
 О, ужас, – будут дерзостно разметаны...
 Иль, может быть, вы все, иль лучшие, ждете лишь слов
 О том, что можно прекратить страдания?
 Слушайте ж мудрый совет: подобно тому, как фокейцы⁶
 Проклявши город, всем народом кинули
 Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
 Чтоб в них селились вепри, волки лютые, –
 Также бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
 Куда бы ветры вас ни гнали по морю!
 Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
 К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!

¹ Эпод написан после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.) между Антонием и Октавианом, с одной стороны, Кассием и Брутом – с другой. Гораций был непосредственным участником этого сражения на стороне антицезарианской партии.

² Марсы – одно из племен Лация, с которым римляне в течение долгих лет вели борьбу.

³ Порсена – царь этрусского города Клузия, который захватил Рим, заключив затем невыгодный для последнего мирный договор.

⁴ Имеется в виду восстание аллоброгов во время заговора Катилины (63–62 гг. до н. э.).

⁵ Квирин – подразумевается Ромул, один из мифических основателей города Рима.

⁶ Фокейцы – жители области Фокиды в Средней Греции, которые бежали во время нашествия персов, покинув свои дома и земли.

К РИМЛЯНАМ¹

Куда, куда вы валите, преступники,
 Мечи в бездумьи выхватив?
 Неужли мало и полей, и волн морских
 Залито кровью римскою –
 Не для того, чтоб Карфагена жадного²
 Сожгли твердыню римляне –
 Не для того, чтобы британец сломленный
 Прошел по Риму скованным,
 А для того, чтобы парфянам³ наруку,
 Наш Рим погиб от рук своих?
 Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
 Враждую лишь с другим зверьем!
 Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
 Иль чей-то грех? Ответствуйте!
 Молчат... И лишь все бледнеют мертвенно,
 Умы в оцепенении...
 Да, римлян гонит лишь судьба жестокая
 За тот братоубийства день,
 Когда лилась кровь Рема неповинного,
 Кровь правнуков заклывшая⁴.

¹ Описываются события борьбы Октавиана и Секста Помпея в 38–36 гг. до н. э.

² Гораций подразумевает здесь разрушение Карфагена в третьей пунической войне, имевшее место в 146 г. до н. э.

³ Во время написания этого эпода в памяти всех римлян были еще свежи воспоминания о поражении, нанесенном римским легионом в битве при Каррах в 53 г. до н. э. парфянским войском.

⁴ Рем – один из двух мифических основателей города Рима, как передает традиция, был убит своим братом Ромулом, достигшим таким способом единовластия.

Надпись Селевка Розосского

Надпись Селевка Розосского имеет большое значение для изучения истории гражданских войн конца республики. Она была найдена и опубликована в 1934 г. французским ученым П. Русселем. Этот документ, состоящий из 4-х писем, полнее, чем все имеющиеся у нас эпиграфические источники, раскрывает конкретное содержание прав римского гражданства, которые так щедро раздавались в эпоху гражданских войн. С помощью этих привилегий римские политические деятели той эпохи старались привлечь на свою сторону широкие круги провинциального населения.

I. «Год... месяца Аппеля¹. Император Цезарь, сын божественного Юлия, император в четвертый раз, назначенный консулом во второй и третий раз², приветствует архонтов, совет и народ священного, неприкосновенного и автономного города Розоса. Я и мое войско пребываем в здравии. Ниже написанное взято со стеллы, которая находится на Капитолии в Риме. Это должно быть помещено в вашем общественном архиве. Копию пошлите в Тарс совету и народу, в Антиохию совету и народу... [пропуск] чтобы была поставлена. Прощайте».

II. «Цезарь, император, триумvir по устройству государства. По закону Мунация и Эмилия даны(?) права римского гражданства и льготы по налогам со всех имуществ в следующих выражениях:

Поскольку Селевк, сын Феодота, розосец, сражался вместе с нами и под нашим командованием... из-за нас испытывал несчастья и подвергался опасностям, ничего не щадя для преодоления трудностей, показал всю преданность и верность государству, соединил собственные интересы с нашим благополучием, претерпевал ущерб ради государства и народа римского, как при нас, так и в нашем отсутствии, приносил нам пользу.

§ 1. Ему и родителям его, детям, родившимся от него, жене, живущей с ним,... даем гражданство и освобождение от всех налогов сообразно тому, как распространяется это на тех, кто пользуется полными правами гражданства и освобождением от налогов; да будут они освобождены от военной службы и от городских литургий.

§ 2. Сам вышепоименованный, его родители, дети, рожденные от него, пусть будут приписаны к трибе Корнелиев, и пусть там он подает голос и... да будет. И если пожелает пройти ценз... пожелает быть в Италии...

§ 3. Поскольку вышеозначенный, как и жена, и родители, и дети, рожденные от него, до получения прав римского гражданства был свободен от податей и повинностей... и, став римским гражданином, свободным от повинностей, если по закону пожелает пользоваться, да будет ему позволено; жреческие же обязанности... почести, привилегии..., какие он имел ранее, пусть пользуется [ими] согласно полным правам и на основании всех преимуществ.

§ 4. Никто из сборщиков налогов или прокураторов... на постой или зимовку.

§ 5. Азию и Европу... ему самому, детям его, жене его.

§ 6. ..брак... закону Атилия и закону Юлия.

§ 7. ...ему в города или области Азии и Европы... если он привозит или вывозит ради своей пользы из города или из области... если он из города или из области вывозит ради своей пользы принадлежащее ему поголовье... ни один город, ни один откупщик налогов не должен со всех этих предметов взимать с Селевка пошлину.

§ 8. [Если кто-нибудь] захочет их обвинить... вызвать в суд, возбудить иск, добиться решения, во всех этих случаях, если они хотят судиться у себя дома по собственным законам или в свободных городах, или у наших магистратов и промагистратов, выбор их... чтобы никто иначе, как здесь написано, не судил бы и не выносил бы решений. Если же приговор по делам против них будет в противоречии с этим, да будет он недействителен.

§ 9. Если кто-нибудь захочет выступить с обвинением вышепоименованного, родителей, жены, детей и потомков, предъявив обвинение, грозящее по предварительному установлению смертной казнью,... пусть имеют право принять участие в посольстве к нашему сенату, нашим магистратам и промагистратам... посылать посольства ради своих интересов. Всякий же город, всякий магистрат, если он не выполнит этого или будет действовать вопреки этому, или будет знать о противоречащем этому, или возьмет залог против него, или недобросовестными поступками воспрепятствует тому, чтобы вышепоименованные пользовались установленными привилегиями, обязан заплатить штраф в сто тысяч сестерций в пользу народа римского. Деньги же надлежит взимать или в провинциях нашим магистратам и промагистратам, или же сделать это в Риме... Если [осужденный] дает надежное поручительство в этой сумме, таковое пусть принимается. Ради исполнения вышесказанного пусть позаботятся и примут меры наши магистраты и промагистраты, наблюдающие за исполнением».

III. «Года... месяца Дистра 15, император Цезарь, сын божественного, император в шестой раз, консул в третий раз, избранный консулом в четвертый раз³, приветствует архонтов, совет и народ священного, свободного и пользующегося правом убежища города Розоса. Если вы здравствуете, это хорошо, сам я с войском пребываю в здравии. Послы, направленные к нам: Селевк, мой наварх, Гер, Калли..., Сим и ...ер, Симмах, мужи добрые от народа доброго, дружественного и союзного⁴ прибыли ко мне в Эфес и вели беседу по тем вопросам, по жаким было им поручено. Я оказал хороший прием этим людям, найдя их мужами достойными, любящими родину, и принял от них почести, а также венок. Постараюсь, когда прибуду в ваши

края, сделать вам добро и сохранить вместе с тем привилегии вашего города. Сделаю это я охотно ради наварха Селевка, сражавшегося со мной в течение всего времени войны, во всем отличившегося и всегда дававшего подтверждение своей преданности и верности, который не упустил ни одного случая, прося за вас, проявляя усердие и готовность при защите ваших интересов. Прощайте».

IV. «Года... месяца Апеллая девятого числа. Император Цезарь, сын божественного, император, в третий раз, консул в четвертый раз⁵ приветствует архонтов, совет и народ священного и пользующегося убежищем города Розоса. Если вы здравствуете, хорошо, а сам я с войском пребываю в здравии. Селевк, ваш согражданин и мой наварх, сражался за меня во всех войнах и показал многие примеры преданности, верности и мужества, и, как сражавшийся за нас и отличившийся, он удостоен был пожалованием таких привилегий, как освобождение от налогов и права гражданства. Его я и ставлю вам в пример, ибо такие-то люди проявляют усердие вследствие благожелательности к своей родине. Я охотно сделаю вам все, что в моих силах, ради Селевка, без боязни посылайте ко мне смело с просьбами обо всем, о чем вы думаете. Прощайте».

¹ Год не сохранился, Апеллай, второй месяц по македонскому календарю, начинался в средних числах ноября.

² На основании этих титулов можно установить, что письмо было написано не ранее последних месяцев 36 и не позднее конца 34 г.

³ Третье консульство Октавиана относится к 31 г. до н. э., а в шестой раз он был провозглашен императором после битвы при Акции, и, следовательно, мы можем датировать письмо между 2 сентября и 31 декабря 31 г. до н. э., но 15 дистра падает на февраль или март. Руссель считает, что дата эта указывает не время издания, а время регистрации документа.

⁴ Повидимому, в знак внимания и признательности за почетные декреты и венок, преподнесенный посольством, Октавиан назвал розосцев народом добрым, дружественным и союзным, и нет оснований считать, вслед за Леви, что город был в дружбе и союзе с Римом. Этих привилегий у Розоса не было.

⁵ Это дает основание датировать 30 г. до н. э.

Триумф Октавиана по окончании гражданских войн (Веллей Патеркул, «Римская история», II, 89)

С каким сочувствием люди всех разрядов, возрастов и сословий приняли Цезаря, вернувшегося в Италию и в город¹, какая толпа вышла ему навстречу, как великолепны были его триумфальные шествия и его подарки, того нельзя по достоинству описать даже и в труде, составленном по всем правилам, не то, что в настоящем кратком описании... На двадцатом году окончена была, наконец, гражданская война², затушены были войны с внешними врагами, восстановлен мир, успокоена везде ярость оружия, возвращена сила законам, судам их авторитет, сенату его величие, власть должностных лиц поднята на прежнюю высоту, к восьми преторам избрано еще два. Снова установилась старая прославленная форма государственного управления, на поля снова вернулся труд, к священнодействиям — почет, людям возвращена была безопасность, каждому обеспечено прочное владение своим имуществом. Прежние законы были с пользой исправлены, новые изданы для оздоровления общества, сенат был переизбран без ожесточения, но не без строгости. По настоятельной просьбе принцепса в его состав были избраны для украшения города первейшие люди, получавшие триумфы, исполнявшие высшие должности. Невозможно было добиться, чтобы Цезарь³ довел число своих консульств хотя бы до одиннадцати, так он часто и упорно от этого отказывался; и диктаторство, которое ему настойчиво предлагал народ, он отвергал с такой же непреклонностью.

¹ Речь идет о событиях, последовавших после возвращения Гая Юлия Цезаря Октавиана в Рим в 29 г. до н. э. после победы над Египтом.

² Веллей Патеркул ведет счет со времени решающего сражения между Цезарем и Помпеем в битве при Фарсале (6 июня 48 г. до н. э.).

³ Цезарь — т.е. Октавиан Август.

3.4. РИМ В I – II ВВ.

Разделение управления между Принцепсом и Сенатом (Дион Кассий, «Римская история», III, 12, 13)

Относится к 27 г. до н. э.

Он закрепил следующим образом свое руководящее положение по отношению к сенату и народу, но, желая казаться настроенным демократически, он всю заботу и управление всеми делами, требующими

какого-либо особого попечения, взял на себя и сказал, что будет управлять не всеми народами, да и теми, которые берет себе, будет править не все время; именно: более покорные, мирные и воевоинственные он передал сенату, наоборот, более сильные, ненадежные и опасные и, мало того, имеющие внутри себя враждебные силы или сами по себе способные на мятежные действия, он оставил за собой. На словах он сделал так для того, чтобы сенат мог пользоваться наилучшими плодами управления безопасно, а чтобы все трудности и опасности управления пришлось на его долю, на деле же он сделал так для того, чтобы под этим предлогом сенатские провинции оставались невооруженными и неподготовленными к военным действиям и чтобы только он один имел в своем распоряжении оружие и подготавливал военные силы. На этом основании были признаны подлежащими управлению народа и сената Африка и Нумидия, Авия и Греция вместе с Эпиром, Далмация и Македония, острова Сицилия и Крит вместе с Ливией, расположенной вокруг Кирены, Вифиния с прилегающим к ней Понтом, остров Сардиния и Бэтика¹. Управлению же Цезаря подлежали² остальная Иберия, области вокруг Тарраковы и Лузитания, все галаты и варбонцы, лугдуны, аквитавы и кельты как сами, так и их колонии; из кельтов также те, которых мы называем германцами и которые, занимая все земли кельтов по течению реки Рейна, привели к тому, что всю эту страну, тянущуюся вверх по реке до самых ее истоков и вниз до самого британского океана, мы называем Германией. Точно так же в ведении Цезаря оказалась Сирия, так называемая Нижняя или Келесирия, Финикия и Киликия, Кипр и все египтяне. Впоследствии, он передал остров Кипр и Галатию, расположенную вокруг Нарбоны, в управление народа, а сам взял себе взамен этого Далмацию. Подобная же замена была произведена впоследствии и в отношении других народов, как это покажет конец изложения. Я так это сказал, потому что теперь каждый народ управляется отдельно, в то время как прежде во многих случаях народы управлялись по два и по три вместе. Об остальных народах я не упоминаю, потому что некоторые из них были покорены после того, другие, если и были уже во власти империи, управлялись не римлянами, но были автономными или были даны в управление каким-нибудь царствам, и те из них, которые после того оказались под властью римлян, всегда присоединялись к более сильному.

Так были распределены народы, но, желая отвлечь их от мысли, что он, как Цезарь, помышляет о монархическом образе правления, он ограничил десятью годами управление всеми переданными ему провинциями и обещал за этот срок установить в них прочный порядок и даже смальчиствовал, заявив, что если он укротит их за более короткий срок, то и вернет управление их народу раньше времени. И с этих пор прежде всего он поставил во главе управления самих членов сената у каждого народа, кроме египтян, и только у них одних так называемого всадника³. Затем, согласно сказанному мною, он распорядился, чтобы они вое имели полномочия на один год и чтобы они избирались по жребию.

¹ В основном все перечисленные выше государства были включены в состав римских провинций во II в. до н. э.

² Провинции, которые подлежали управлению Августа, были присоединены недавно, там часто вспыхивали восстания местного населения против гнета римлян.

³ Египет занимал особое положение среди других провинций: он был личным владением Августа. Префект, который управлял им, назначался обычно из всадников.

Эдикты Августа из Киренаики

В 1927 г. на месте древней рыночной площади в Кирене была найдена мраморная стела, на лицевой стороне которой были записаны на греческом языке пять эдиктов императора Августа. Важность этого памятника для истории принципата неоспорима. Одним из основных вопросов, какой может быть поставлен на основании нашего источника, является вопрос о политике Августа по отношению к провинциям.

Четыре первых эдикта имеют в виду только Киренаику, пятый же содержит распоряжение, касающееся всех провинций. По завещанию Птолемея Апиона Киренаика была передана Риму; города этой области сохраняли автономию, но находились под римским протекторатом. В 74 г. до н. э. Киренаика была превращена в римскую провинцию, а в 34 г. до н. э. Марк Антоний объявил ее царством и отдал дочери Клеопатры Клеопатре Селевке. В 27 г. до н. э. Киренаика вместе с Критом составила провинцию, управитель которой носил титул проконсула. К проконсулу Киренаики и Крита и обращены эдикты.

I

[7-6 г. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз, говорит:

«Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих цене в 2500 денариев или более, проживает всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества, угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания. Поэтому – впрямь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киренаикой, если назначат в области Кдрены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян.

Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом, если только найдется достаточное количество таких лиц, в 2500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители провинций навачат владеющих половиной, ну никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по рабору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью.

Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребий с именами римлян, из другой – с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть отведет по одному да римлян и из эллинов, обвиняемый же – трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик – римляне, и отдельно, в другой ящик – эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышание то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбуждают дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин».

II

[7-6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Сцева за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Люция, Люция Стакция Македонянина, сына Люция и Публия Филорота, вольноотпущенника Публия после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся моего благополучия и государственных дел и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции, они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпустил из-под стражи. Авлу же Стлацию, которого послы киренцев обвиняли в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор, пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения».

III

[7-6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов, отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей. Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей [лишь] по тому имуществу, которое было тогда, [когда было даровано право гражданина], а за все приобретенное после им следует платить установленное».

IV

[7-6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит: «По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киренаике, за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам или же назначить суд присяжных, – по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам в силу моего эдикта будут даваться судьи-эллины, не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик».

V

Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит: «Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Люция Пассиена в моем присутствии и за моей подписью, касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем живущим в провинциях, какую саботу прилагаем мы – я и сенат – о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

Внешняя политика Октавиана Августа

(Гай Светоний Транквилл, «Божественный Август, XX-XXV)

20. Из внешних войн только две он вел лично: далматскую – еще юношей, и кантабрийскую – после поражения Антония. В далматской войне он даже был ранен: в одном бою камень попал ему в правое колено, в другом он повредил голень и обе руки при обвале моста. Остальные войны он поручал своим легатам, хотя при некоторых походах в Германии и Паннонии присутствовал сам или находился неподалеку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи. 21. Так, частью под его начальством, частью под его наблюдением покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее – Ретия и альпийские племена винделиков и салассов. Он положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском, отеснил германцев за Альбией¹, а подчинившихся ему свевов и сигамбров² перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна. Другие беспокойные племена он также привел к покорности.

(2) Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных. Он настолько был далек от стремления распространять свою власть или умножать воинскую славу, что некоторых варварских вождей он заставлял в храме Марса Мстителя присягать на верность миру, которого они сами просили; а с некоторых впервые пробовал брать заложниками женщин, так как видел, что заложниками-мужчинами они не дорожат³; впрочем, всем и всегда он возвращал заложников по первому требованию. Всех, кто бунтовал слишком часто или вероломно, он наказывал только тем, что продавал их пленниками в рабство с условием, чтобы рабскую службу они несли вдалеке от родины и освобождение не получали раньше, чем через тридцать лет. (3) Слава о такой достойной его умеренности побудила даже индийцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа. А парфяне по его требованию и уступили ему беспрекословно Армению, и вернули ему знамена⁴, отбитые у Марка Красса и Марка Антония, и добровольно предложили заложников⁵, и даже царем своим выбрали из нескольких притязателей того, которого одобрил Август.

22. Храм Януса Квирина⁶, который от основания города и до его времени был закрыт только раз или два, он за весьма короткое время запер трижды в знак мира на суше и на море. Два раза он вступал в город с овацией⁷ – после филиппийской и после сицилийской войны. Настоящих триумфов он праздновал три – далматский, актийский и александрийский – в течение трех дней подряд⁸.

23. Тяжелые и позорные поражения испытал он только дважды, и обо раза в Германии: это были поражения Лоллия и Вара. Первое принесло больше позора⁹, чем урона, но второе было почти гибельным: оказались уничтожены три легиона с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. При вести об этом Август приказал расставить по городу караулы во избежание волнений; наместникам провинций он продлил власть, чтобы союзников держали в подчинении люди опытные и привычные; (2) Юпитеру Благому и Величайшему он дал обет устроить великолепные игры, если положение государства улучшится, как делалось когда-то во время войн с кимврами и марсами¹⁰. И говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения¹¹ каждый год отмечал трауром и скорбью.

24. В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки старины. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он позволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой. Римского всадника, который двум юношам-сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы, он приказал продать с торгов со всем его имуществом; но увидев, что его порываются купить откупщики¹², он присудил его своему вольноотпущеннику с тем, чтобы тот дал ему свободу, но отправил в дальние поместья. (2) Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестьем. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб¹³. Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например приказывал стоять целый день перед преторской палаткой, иногда – в одной рубашке и при поясе, иной раз – с саженью или с дерновиной в руках¹⁴.

25. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами», и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих близких. (2) Вольноотпущенников он принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, а в остальных случаях всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на иллирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна¹⁵. Но и этих он нанимал еще рабами у самых богатых хозяев и хозяек и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому. (3) Из воинских наград он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем почетные венки за взятие стен и валов¹⁶: на них он был крайне скуп, и не раз присуждал их беспристрастно даже простым солдатам. Марка Агриппу после

морской победы в Сицилии он пожаловал лазоревым знаменем¹⁷. Только триумфаторам, даже тем, кто сопровождал его в походах и участвовал в победах, он не считал возможным давать награды, так как они сами имели право их распределять по своему усмотрению.

(4) Образцовому полководцу, по его мнению, меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым. Поэтому он часто повторял изречения: «Спешите не торопясь», «Осторожный полководец лучше безрассудного»¹⁸ и «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей».

Поэтому же он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, – никакая добыча не возместит потери.

¹ Альбий – Эльба, ее переходили с войсками Друз в 10 г., Домиций в 3 г. до н. э. и Тиберий в 5 г. н. э., но после поражения Вара в 9 г. н. э. римская граница опять отодвинулась к Рейну.

² Свевы – общее название большой группы германских племен; здесь имеется в виду племя убиев (может быть, Suebos вместо Ubios – ошибка в рукописном предании), переселенное Агриппой в 38 г. до н. э. из-за Рейна в окрестности ныне Кёльна. Сигамбры были переселены Тиберием в 8 г. до н. э. на Маас в наказание за их победу над Лоллием.

³ Ср.: Тацит. Германия. 8: «Плена германцы боятся гораздо больше для своих женщин, чем для себя, так что общины, принужденные в числе заложников ставить и благородных девушек, строже исполняют свои обязательства».

⁴ Знамена были отбиты у Красса при Каррах и у Антония в 35 г. до н. э.

⁵ Заложников: отправляя своих родственников заложниками в Рим, парфянский царь Фраат IV не столько выражал свою покорность, сколько избавлял себя от опасных претендентов на престол: это понимал еще Страбон.

⁶ Храм Януса Квирина должен был быть открыт во время войны и закрыт во время мира. До Августа он закрывался на 43 года при легендарном Нуме и на несколько дней в 235 г., между Пуническими войнами; при Августе – в 29 и 25 гг. до н. э., третья дата неизвестна.

⁷ Овация, «малый триумф», при котором полководец вступал в город не на колеснице, а пешком или верхом, и приносил в жертву не быка, а овцу (ovis, отсюда ovatio).

⁸ Тройной триумф Августа справлялся 13-15 августа 29 г.

⁹ Позором Лоллия была потеря знамени V легиона.

¹⁰ Война Рима с кимврами – 105-101 гг. до н. э., война с марсами («Союзническая») – 91-89 гг. до н. э.

¹¹ День поражения в Тевтобургском лесу – 2 августа 9 г.

¹² Откупщики, принадлежавшие к сословию всадников, хотели выкупить товарища, чтобы отпустить его на волю.

¹³ Ячменный хлеб – ячмень в походе давали вычным животным, солдаты получали обычный пшеничный хлеб.

¹⁴ Пояс на тунике был знаком изнеженности; мерить землю саженью и таскать дерн при постройке лагеря было делом рядовых солдат, а не центурионов.

¹⁵ Колонии иллирийские от границы (Эмона, Аквилея, Тергеста) нуждались в укреплении в годы паннонского восстания, для защиты берега Рейна – после поражения Вара.

¹⁶ Солдат, первый взбравшийся на неприятельскую стену или вал, награждался золотым венком (corona muralis, corona vallaris).

¹⁷ Лазоревый цвет был символом морских побед; сам Секст Помпей в Сицилии носил лазоревый плащ.

¹⁸ «Осторожный полководец...» – стих Еврипида (Финикиянки. 599. слова Полиника).

(«Деяния божественного Августа», Извлечение)

«Деяния божественного Августа» – один из интереснейших документов эпохи раннего принципата. Он дошел до нас в виде надписи, найденной в 1555 г. на месте древнего города Анкиры (отсюда название «*Monumentum Ancyranum*»). Надпись эта была сделана на латинском и греческом языках. Две других копии найдены были в городах Аполлонии и Антиохии. Сопоставление трех документов дало возможность почти полностью восстановить текст этого важного памятника. Характер этого документа, в котором автор всемерно восхваляет свою деятельность, показывает, насколько критически нужно относиться к его содержанию.

Деяний божественного Августа, которыми он земной круг власти рим[ского] народа покорил, и пожертвований, которые он сделал государству и римскому народу, вырезанных на двух бронзовых столбах, которые установлены в Риме, копия врученная.

1. 1. Девятнадцати лет отроду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетенное господством партии освобо[дил]. 2. За[] эт[о] сен[ат] поче[тн]ыми постановлениями в свой состав меня включил, когда консу[лами были] Г[а] Панса, А[вл] Гирций, дав также право произносить суждения вместе с [кон]сулярами, и и[м]перий мне дал. 3. Он [мне] в качестве пропретора повелел вместе с консулами позаботиться, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба. 4. [Народ] также в том же году избрал меня консулом, когда об[а] консула [на вой]не погибли, и триумвиром для устройства государства.

2. Тех, кто убили моего отца, их я удалил в изгнание, в соответствии с законными приговорами суда совершив над ними месть, а после этого, когда они пошли войной на государство, дважды победил в сражении.

3. 1. Войны на суше и на море, гражданские и с в[нешн]ними врагами, по всему земному кругу часто я вел и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал [п]ощаду. 2. Чужеземные народы, которых безопасно можно было простить, я предпочитал сохранять, а не уничтожать. 3. Тысяч римс[ких] граждан, приведенных к присяге мне, было почти пятьсот. Из них я вывел в колонии или оставил в их муниципиях, когда они отслужили, тысяч значительно более трехсот, и всех их наделил землями или деньгами наградив за военную службу. 4. Кораблей я захватил шестьсот, кроме тех, которые были меньше трирем.

4. 1. Дважды я торжественно всту[пил] в Город с овацией, трижды я совершал триумф на колеснице и был провозглашен дв[а]дцать од[и]н раз императором. Се[нат] многочисленные триумфы для меня постановлял,

от [к]оторых всех я отказывался. Лавры с ф[асц]и[й] я возлагал в Капитолии, выпол[ня]я обеты, которые тво[рил] во время каждой войны. 2. За деяния, мною или моими легатами под моим началом на суше и на [м]оре счастливо совершенные, п[я]тьдесят п[я]ть раз постановлял сенат совершить моления бесс[мертным] богам. А [дней], когда по решению сената производились моления, было 890. 3. В моих триумфах было проведено за м[о]ей колесницей царей или царских детей девять. 4. Консулом я б[ы]л тринадцать раз, к[ог]да я это писал, я был [тридцат]ь седьмой год обладателем [трибу]нской власти.

5. 1. Дик[тат]уру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, [и в моем присутств]ии и наро[дом, и се]на[том], когда консулами были М<арк> Марцелл и Л<уций> Ар[рунций], [я не при]нял. 2. Я не [отказа]лся [при кр]айней недоста[че] пищи от [за]боты о п[родо]льствии и этим так распо[ряд]ился, что за [немно]го [дне]и все государство на свои средства и своею заботой от страха и су[ществовавш]ей тогда опасности я освободил. 3. Консульство, тогда мне пред[ло]женное, годичное и постоянное, я не принял.

6. 1. Когда консулами были М<арк> Виниций и Кв<инт> Лукреций, а потом П<ублий> и Гн<ей> Лентулы и на третий раз Павел Фабий Максим и Кв<инт> Туберон, по общему согласию сената и римского народа я был единственным избран [по]печителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. 2. То, что тогда сенат через меня совершить [ж]е[лал], я выполнил, пользуясь [трибу]нс[ко]й властью. И в самой этой должно[сти коллегу] са[м по своей воле] у сена[та] про[сил и принимал].

7. 1. Три [умв]и[ром] для у[ст]рой[ст]ва [гос]ударства я был непреры[вно] десять лет. 2. П[ерво]присутствующим в се[нате] я был до т[ого д]ня, когда писал это, в течение [сор]ока лет. 3. Великим пон[тификом], авгуром, членом коллегии Пятнад[ца]ти для [со]вершения священных церемоний, членом коллегии семи э[п]улонов, арвальским братом, членом коллегии Тициев, [фециа]лом я был...

24. 1. В храмы всех городов пр[ов]инции Азии, будучи победителем, я вернул украшения, которыми, разграбив храмы, то[т], с кем я вел войну, частным образом владел. 2. Серебряных моих статуй, пеших, и конных, и на квадригах, стояло в Городе около 80, каковые я сам удалил, и на эти деньги золотые дары в храме Апол[ло]на от своего имени и тех, кто меня статуями почтил, я поставил.

25. 1. Море я умиротворил от разбойников. В той войне рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, примерно тридцать тысяч захватив, господам для достойного наказания я отдал. 2. Поклялась мне в верности вся Италия по своей воле и меня вытребовала в вожди в войне, в которой я победил при Акциуме. Поклялись мне также в верности провинции Галлии, Испании, Африка, Сицилия, Сардиния. 3. Среди тех, кто под моими знаменами тогда воевал, было сенаторов 700, среди них тех, кто либо раньше, либо позже были сделаны консулами до того дня, когда это написано, 83, жрецов почти 170.

26. 1. Всех провинций римского народа, которых соседями были народы, которые не повиновались нашей власти, пределы я расширил. 2. Галльские и испанские провинци[и и] Германию, которые окружает Океан от Гадеса до устья Альбы-ре[к]и, я умиротворил. 3. Альпы от той области, к которой примыкает Адриатическое море, до Этрусского моря я умиротворил, ни с одним народом не ведя войны незаконно. 4. М[ой] флот [п]о Океану от устья Рена до области, где восходит солнце, вплоть до границ кимвром плавал, куда ни по суше, ни по морю ни один римлянин до этого времени не приходил. И кимвры, и хариды, и семноны, и той же местности другие германские народы через послов просили о дружбе моей и римского народа. 5. По моему приказу и по моей воле были направлены два войска в одно примерно время в Эфиопию и в Аравию, которая называется Счастливой, и огромные обоих враждебных народов войска были перебиты в сражении, и множество городов было захвачено. В Эфиопии они дошли до города Напаты, с которым соседствует Мероэ. В Аравии до пределов сабейцев прошагало вой[ск]о, до города Мариба.

27. 1. Египет власти римского народа я подчинил. 2. Великую Армению, когда был убит ее царь Артаксий, хотя я мог сделать провинцией, я предпочел, по примеру наших предков, это царство Тиграну, сыну царя Артавазда, внуку также царя Тиграна, через Тиб<ерия> Нерона передать, который тогда был моим пасынком. И этот же народ, после того отп[ав]ший и взбунтовавшийся, усмирленный Гаем, моим сыном, царю Арио[барз]ану, сыну царя мидян Артабаза, для царствования я передал, а после е[го] смерти его сыну Артавазду. Когда он был [уб]ит, [Тиг]рана, который происходил из царского армянского рода, в это ца[рство] я послал. 3. Все провинции, что за Адриатическим морем простирают[ся н]а восток, и Кирену, большей частью которых уже владели их цари, и, кроме того, Сицилию и Сардинию, охваченные рабской войной, я отвоевал.

28. 1. Колонии воинов в Африку, Сицилию, Македонию, обе Испании, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию, Писидию я вывел. 2. В Италии также были выведены по моей воле 28 колоний, которые при моей жизни были славнейшими и многочисленнейшими.

29. 1. Многочисленные военные знамена, утраченные другими вождями, победив врагов, я возвратил из Испании и Галлии и от далматинцев. 2. Парфян трех римс[к]их войск доспехи и знамена отдать мне и, умоляя, просить о дружбе римского народа я принудил. А эти знамена в святилище, которое в храме Марса Мстителя, я, возвратив, поместил.

30. 1. Племена паннонцев, до которых, пока я не стал первоприсутствующим римского народа, римское войско никогда не доходило, побежденные Ти<берием> Нероном, который тогда был моим пасынком и легатом, власти римского народа я подчинил и продвинул иллирийские пределы до берегов реки Данаувию. 2.

Кроме этого, даков переправившееся войско по моей воле было побеждено и уничтожено, [а] потом приведенное за Данувий мое войско принудило племена даков переносить власт[ь р]имского [н]арода.

31. 1. Ко мне из Индии царей посольства часто присылаются, никогда до этого в[ре]мени не виданные ни при каком римском вожде. 2. Нашу др[уж]бу прос[ил]и через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, кот[орые] по ту и по сю сторону р[е]ки Танаиса, и царь албанцев и ибер[ов], и мидян.

32. 1. Ко мне с мольбами прибегали цари парфян Тирида[т и пот]ом Фраат, с[ын] царя Фраата, мидян [Ар]тавазд, адиабенцев Артаксар, британцев Думнобеллав[н] и Тинкоммий¹, сугамбров Молон, маркоманнов, свево[в]... 2. [Ко] мне цар[ь] парфян Фраат, сын Орода, своих сыновей и внуков всех [послал] в Италию, не будучи побежденным в войне, но нашей дружбы прося, отдавая в залог своих де[те]й. 3. Многие другие народы испытали верность р<имского> н<арода>, когда я был первоприсутствующим, у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений.

33. От меня народы парфян и мидян получили царей, которых первенствующие этих народов через послов просили: парфяне Вонона, сына царя Фраата, внука царя Орода; мидяне Ариобарзана, сына царя Артавазда, вн[ука] царя Ариобарзана.

34. 1. В шестое и седьмое консульство, п[о]сле того как Гражданские в[ойны] я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римск[ого] народа передал. 2. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Ав[густ]ом, и лаврами косяки моего дома были покрыты [всена]родно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щ[ит] в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каковом щите [свидетельству]ет, что его сенат [и на]род [рим]ский дали з[а] мужество, милосе[рд]ие, справедливо[сть и благоче]стие. 3. После этого времени я превосходил всех а[вторитетом], но власти име[л] не больше, [чем друг]ие, кто [б]ыли у меня когда-либо коллегами по должности.

35. 1. Когда тринадцатое консульство я исполня[л], [сена]т и в[са]дническое сословие, и весь римский народ наз[ва]ли меня от[цом] отечества, и чтобы это было записа[но] в вестибюле моего дома [и в курии] Юлиевой, и на Авг<устовом> Форуме под квадригами, которые мне [по] постановлению сената поставле[ны], указал. 2. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год...

Битва в Тевтобургском лесу (Дион Кассий. «Римская история», LVI, 18-22)

Битва в Тевтобургском лесу – сражение в сентябре 9 г. между германцами и римлянами. В результате неожиданного нападения восставших германских племен под предводительством вождя херусков Арминия на римскую армию в Германии во время ее марша через Тевтобургский лес 3 легиона были уничтожены, римский командующий Квинтилий Вар погиб. Сражение привело к освобождению Германии из-под власти Римской империи и стало началом длительной войны римлян с германцами.

18. Римляне владели некоторыми областями в Германии, причем эти области были расположены не одна подле другой, а в том порядке, как их завоевывали римляне, почему они и не упоминаются в истории. Их солдаты зимовали в этих областях и основывали там города, а варвары подчинялись римским обычаям, приходили на рынки и поддерживали с римлянами мирные отношения. Однако, они не могли забыть обычаи своих предков и своей страны, свой свободный образ жизни и мощь своего оружия. До последнего времени их отучали от этого лишь постепенно, применяя большую осторожность, так что они незаметно осваивались со своим новым образом жизни и сами даже не чувствовали происходивших с ними перемен. Когда же Квинтилий Вар, бывший до тех пор проконсулом Сирии, получил Германию в качестве провинции, он резко изменил политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани, как от подданных. Это им не понравилось. Вожди народа стремились к своему прежнему господству, а народ находил, что прежний государственный строй был лучше, чем принудительное господство иноземцев. Но так как они полагали, что боевые силы римлян на Рейне и в их собственной стране были слишком значительны, то они сперва не восстали открыто, а встретили Вара так, как будто они готовы были исполнить все его требования, и заманили его от Везера в страну херусков. Здесь они жили рядом с ним, находясь с ним в самых мирных и дружеских отношениях, и тем заставили его поверить, что они сами смиренно подчиняются его приказам, даже не вынуждая его применить силу оружия.

19. Таким образом случилось, что Вар перестал держать свои войска сосредоточенными в одном месте, как он должен был бы делать, находясь в неприятельской стране, но разослал своих людей в разные стороны, уступая просьбам более слабых либо для того, чтобы защитить определенные места, либо для того, чтобы переловить разбойников или же прикрыть доставку продовольствия. Вождями заговора и вероломной войны, которая уже начиналась, были наряду с прочими Арминий и Сегимер, которые находились постоянно при нем и часто пировали за его столом. Когда же он стал вполне доверчивым и уже не подозревал ничего дурного, – даже больше, не только не верил тем, кто подозревал худое в том, что происходило и советовал ему быть осторожным, но даже обвинял их в необоснованной трусости и привлекал к ответственности за клевету, – тогда по предварительному сговору восстали сперва некоторые отдаленные племена. Они считали, что таким образом

они скорее заманят Вара в ловушку, когда он выступит против восставших и пойдет по стране, которую он считал дружеской, чем если они все сразу начнут войну против него, дав ему тем возможность принять необходимые меры предосторожности. Все так и случилось. Они дали ему выйти вперед и некоторое время его сопровождали, но затем остались позади под тем предлогом, что хотят стянуть свои войска и затем быстро прийти к нему на помощь. После этого они напали с заранее приготовленными, выпрошенными ими у Вара раньше войсками на римские отряды и разбили их наголову, после чего настигли самого Вара, который к тому времени углубился в непроходимые леса. Теперь предполагаемые подданные внезапно оказались врагами и произвели жестокое нападение на римское войско.

20. Горы здесь были полны ущелий, а неровная местность была покрыта высоким и густым лесом, так что римляне еще до нападения противника должны были порядком поработать над рубкой леса, прокладыванием дорог и постройкой мостов. Римляне вели за собой, совсем как в мирное время, множество повозок и вьючных животных; за ними следовало также большое количество детей, женщин и прочей прислуги, так что войско вынуждено было растянуться на большое расстояние. Отдельные части войска еще более отделились одна от другой вследствие того, что полил сильный дождь и разразился ураган. Поэтому почва вокруг корней и стволов деревьев стала скользкой, и шаги воинов стали неуверенными. Верхушки деревьев обламывались и своим падением увеличивали смятение, царившее среди войска. В этот тяжелый для римлян момент варвары напали на них со всех сторон, выступив из лесной чащи. Прекрасно зная дороги, они окружили их и сначала обстреливали издали. А затем, когда уже больше никто не сопротивлялся и многие были ранены, они атаковали их вплотную. Так как римские войска шли без всякого порядка, смешавшись с повозками и с невооруженными, то им было трудно сомкнуть свои ряды, а потому они понесли большие потери, тем более, что они не могли со своей стороны причинить никакого вреда противнику, превосходившему их своей численностью.

21. Как только они нашли более или менее подходящее место, – насколько это было возможно в условиях лесистых гор, – они тотчас же разбили лагерь, сожгли большинство повозок и всякую ненужную утварь или оставили ее за собой, а затем, выступив на другой день, двинулись вперед в уже большем порядке и достигли открытого места; но и здесь им пришлось понести некоторые потери. Выступив отсюда, они вновь попали в лесистую местность; хотя они и оборонялись от наступавших на них германцев, но именно поэтому они испытали новое несчастье. Собираясь вместе в узких местах, для того чтобы сомкнутыми рядами нападать на противника одновременно и конницей и пехотой, они были затруднены в своих движениях деревьями и сами друг другу мешали. Они шли таким образом уже третий (четвертый?) день. Снова разразился сильный дождь, сопровождавшийся резким ветром, что не дало им возможности ни продвигаться вперед, ни укрепиться прочно на каком-либо месте и даже лишило их возможности пользоваться своим оружием, так как стрелы, дротики и щиты промокли насквозь и уже больше не годились к употреблению. Неприятель же, по большей части легко вооруженный, меньше от этого страдал, так как мог беспрепятственно продвигаться вперед или отступать. Помимо этого, неприятель превосходил римлян численностью (так как и ранее колебавшиеся теперь очутились здесь, по крайней мере для того, чтобы поживиться добычей) и окружил более слабых римлян, которые уже в предшествующих боях потеряли много людей, что помогло ему разбить их наголову. Поэтому Вар и наиболее видные римские полководцы приняли печальное, но продиктованное необходимостью решение заколоться собственными мечами из страха перед тем, что их живыми возьмут в плен или что они погибнут от руки ненавистных врагов (тем более, что они уже были ранены).

22. Когда это стало известно, то все перестали обороняться, даже те, кто еще имел для этого достаточно сил. Одни доследовали примеру своего вождя, а другие, бросив свое оружие, дали себя убить первому попавшемуся врагу, так как никто, даже если бы он этого хотел, не мог подумать о бегстве. Теперь германцы могли без всякой опасности для себя поражать и людей и коней.

Восстание паннонских и рейнских легионов (Тацит, «Анналы», I, 16)

Римский историк Публий Корнелий Тацит, по происхождению италиец, жид в середине I – начале II вв. Родился он в 55 г. в семье всадника, занимал самые различные должности в Римской империи: квестора, трибуна, эдила, претора, консула. В 111–112 гг. он исполнял должность проконсула провинции Азия. Вместе с Плинием Младшим выступил защитником населения провинция Африки против хищений проконсула Мария Приска. Из исторических сочинений Тацита важнейшие – «История» и «Анналы».

Тацит выражал в своих произведениях интересы старинных аристократических родов, которые вынуждены были уступать место новой знати. Естественно поэтому, что он идеализировал более древние времена и стужал краски, говоря о современных ему событиях. Тацит страшится восстаний солдат и дает чрезвычайно тенденциозное описание этих событий. Сочинения Тацита и особенно его «Истории» очень важны, так как это живое слово очевидца описываемых им событий. В своих исторических сочинениях Тацит не ограничивается изложением истории самого города Рима, напротив, он много внимания уделяет жизни провинций и областей, значительно удаленных от центра империи. В частности, очень важны его данные по истории Припонтийских областей. Например, благодаря Тациту мы получили подробные описания восстания Митридата VII против Рима и др.

Таково было положение дел в Риме, когда в паннонских¹ легионах вспыхнуло восстание без всяких новых причин, кроме того, что перемена императора указывала на возможность смут и приобретение добычи от междоусобной войны. В летних лагерях находились вместе три легиона под начальством Юния Блеза², который, услышав о смерти Августа и вступлении в правление Тиберия, или по причине государственного траура³, или от радости⁴, приостановил [в своей армии] обычные занятия. Этим было положено начало тому, что солдаты стали распускаться, заводить ссоры, слушать речи каждого негодя, наконец, желать раздолья и праздности, получили отвращение к дисциплине и труду. Был в лагерях некто Перценний, когда-то предводитель театральных клакеров, а потом рядовой солдат, человек, дерзкий на язык, научившийся, благодаря театральной практике, собирать сходки...

Наконец, когда уже были готовы и другие элементы возмущения, он, как бы обращаясь с речью к народному собранию, спрашивал их: «Зачем вы повинуетесь, словно рабы, немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Когда вы осмелитесь потребовать облегчений, если не приступите к новому и еще не прочно сидящему государю с просьбами или оружием? Довольно уже мы в течение стольких лет грешили беспечностью, так как старшие из нас служат по тридцати или сорока лет и большею частью изувечены ранами. Даже и для вышедших в отставку служба не кончается, а находясь у знамени [ветеранов]⁵, они под другим названием переносят те же самые труды. И если кто из нас переживает столько приключений, того тащат еще в далекие страны, где под именем пахотной земли мы получаем сырые болота или невозделанные места на горах. Но самая служба в войске тяжка и не дает ничего: душа и тело оцениваются по десяти ассов в день. На эти деньги приходится покупать платье, оружие, палатки, откупаться от жестокости центурионов, покупать увольнения от военных работ⁶...

И нет для вас иного облегчения, как вступать на службу на определенных условиях: чтоб нам платили по денарию⁷ в день, чтоб шестнадцатый год был последним годом службы, чтоб нас не удерживали сверх него при знамени, но в том же лагере награждали чистыми деньгами⁸. Разве преторианские когорты, где солдаты получают по два денария и возвращаются к своим пенатам после шестнадцати лет, принимают на себя больше опасностей? Мы ничего не говорим дурного о караульной службе в Риме. Однако мы, живя среди диких народов, видим неприятеля из наших палаток».

Между тем манипулы, посланные до начала возмущения в Навпорт⁹ для [исправления] дорог, мостов и для других надобностей, узнав, что в лагере взбунтовались, поднимаются с места, грабят ближайшие деревни и Навпорт, который представлял подобие муниципия. Центурионов, которые их удерживали, они преследуют насмешками, бранью и ударами. Особое раздражение обнаруживают они против Ауфидия Руфа, лагерного префекта: стащив его с повозки, они взваливают на него багаж и заставляют его нести в первом ряду, спрашивая в насмешку, нравится ли ему нести столь большие тяжести и совершать столь продолжительное путешествие. Дело в том, что Руф служил долгое время простым солдатом, а затем, ставши центурионом, а потом префектом лагеря, восстановил, как человек состарившийся в труде и тяготах, старинные и тяжелые порядки военной службы и был тем суровее, что сам их вынес.

С их прибытием возмущение возобновляется; солдаты рассыпались и стали грабить окрестные селения. Немногих из них, наиболее обремененных добычей, Блез, для внушения страха остальным, приказывает высечь и заключить в тюрьму: тогда еще центурионы и все честные из рядовых повиновались легату. Но те, сопротивляясь влекущим их, хватаются за колена окружающих, зовут к себе на помощь, то называя по имени отдельных лиц, то центурию, к которой каждый из них принадлежал в своем манипуле, когорту, легион, кричат, что всем угрожает та же участь. В то же время они осыпают ругательствами легата, призывают в свидетели небо и богов, не оставляют ничего, чем можно возбудить ненависть, сожаление, страх и раздражение. Солдаты сбегаются со всех сторон и, взломав тюрьму, снимают [с заключенных] оковы и присоединяют к себе дезертиров и осужденных за уголовные преступления...

Когда весть об этом дошла до Тиберия, то, несмотря на то, что он был человек скрытный и особенно таивший печальные события, он вынужден был послать [туда] своего сына Друза с важнейшими лицами в государстве¹⁰ и двумя преторианскими когортами. Он не дал ему никаких вполне определенных поручений, но предоставил действовать, смотря по обстоятельствам. При этом когорты были усилены отборными солдатами сверх обыкновенного. К ним была прибавлена значительная часть преторианской конницы и храбрейших из германцев, находившихся в то время в качестве личной охраны императора... При приближении Друза легионы, как бы по обязанности, вышли навстречу, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блистая воинскими украшениями; и хотя они своею грязною и небрежною внешностью и лицом хотели выразить печаль, они скорее выражали упрямство.

Когда Друз вошел в окоп лагеря, они заняли ворота караулами и расставили густые отряды по определенным местам лагеря; остальные обступили трибунал огромным строем. [На трибунале] стал Друз, жестами требуя молчания. Как только шум прекратился, Друз прочел послание отца, в котором было написано, что Тиберий питает особую заботливость о храбрейших легионах, с которыми перенес очень много войн¹¹; что, как только душа его успокоится от печали, он доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним сына для того, чтобы тот без отлагательства предоставил им то, что может быть тотчас предоставлено; что остальное должно быть оставлено вплоть до решения сената, который должен участвовать в раздаче как милостей, так и наказаний.

Собрание отвечало, что Клементу центуриону даны поручения с тем, чтобы он доложил о них. Клемент начинает с отставки после шестнадцати лет, говорит о наградах по окончании службы, о том, чтобы каждый день платился денарий жалования, о том, чтобы ветеранов не удерживать под знаменем. Когда Друз стал отговариваться тем, что это зависит от воли сената и отца его, то был прерван криком: «Зачем он пришел, если не может ни увеличить солдатам жалованье, ни облегчить их труды, наконец, если не имеет никакой власти делать добро? Но ведь сечь и убивать их всем дозволяется. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать ожидание солдат, ссылаясь на Августа: те же хитрости принес с собой и Друз! Но неужели всегда к ним будут приходить только бесправные сыновья? Да это совершенная новость, чтоб император одни только выгоды солдата отдавал на рассмотрение сената. В таком случае следовало бы спрашивать тот же сенат всякий раз, когда назначаются казни или сражения! Или награды находятся в руках деспотов, а наказания предоставлены на волю каждого?»

После этого были найдены главные мятежники и часть их, бродившая вне лагеря, была убита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторых выдали сами манипулы в доказательство верности. Нет другого, [говорили они], облегчения от этих зол, как оставить злополучный и оскверненный лагерь и, очистившись от вины, возвратиться каждому на свои зимние квартиры. Сперва возвратился восьмой легион, потом пятнадцатый. Девятый говорил, что нужно подождать письма Тиберия, но, оставшись по уходе других одиноким, он добровольно предупредил предстоявшую необходимость. Тогда Друз, так как дела пришли достаточно в порядок, не дождавшись прибытия назад депутатов, возвратился в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же самым причинам произошло возмущение в германских легионах, тем более сильное, что их было больше¹², причем был большой расчет на то, что Цезарь Германик не станет терпеть власти другого и подчинится легионам, которые своей силой все увлекут за собой. На берегу Рейна находились две армии: та, которая называлась верхней, находилась под командой легата Г. Силия, а нижнюю возглавлял А. Цецина. Главное управление ими принадлежало Германику, который в то время был занят производством ценза в Галлиях. Войско, которым командовал Силий, было в нерешительности и выжидало, чем кончится возмущение других. Солдаты нижней армии увлеклись до неистовства. Началось оно у двадцать первого и пятого легионов, а затем были вовлечены также первый и двадцатый легионы, ибо они в одних и тех же летних лагерях в области Убян проводили время в праздности или в исполнении легких обязанностей. Таким образом, услышав о кончине Августа, горожане, вошедшие в недавно произведенный в Риме набор, привыкшие к распутству, не способные переносить труды, стали убеждать других солдат такими рассуждениями: «Пришло время, когда ветеранам следует требовать скорой отставки, молодым солдатам - увеличенного жалования, всем вообще - предела их несчастий и отмищения центурионам за жестокость». Это говорил не один человек, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливыми солдатами, озирающимися на другие войска, которые сильнее их, а множество мятежных голосов кричало, что в их руках находится судьба Рима, их победами увеличиваются пределы республики, их название принимают полководцы. И легат не оказывал этому противодействия: преобладание безумствующих лишило его твердости. Вдруг эти бешеные, обнажив мечи, бросаются на центурионов: это самый давний предмет ненависти солдат, и с него началась их ярость. Повалив на землю, солдаты бьют их палками, каждого шестьдесят человек, чтобы тем сравняться с числом центурионов¹³, затем изуродованных и истерзанных и частью уже мертвых бросают их перед окопом лагеря или в Рейн.

...У Германика произошло совещание о том, как помочь делу, так как пришло известие, что готовится депутация к верхней армии¹⁴, чтоб привлечь ее к совместным действиям, что город Убян¹⁵ предназначен к разрушению и что насыщенные добычею воины бросаются потом на разграбление Галлии. Страх усиливало то обстоятельство, что неприятель знал о возмущении римлян и что, если солдаты покинут берег, он сделает на него нападение; если же вооружить против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников, то откроется междоусобная война. Строгость была бы опасна, щедрость была бы преступна; не уступить солдатам ничего или уступить все - государство было бы одинаково в опасности. Итак, взвесив и те, и другие основания, постановили написать от имени Тиберия письмо следующего содержания: прослужившим двадцать лет дается отставка, кто прослужил шестнадцать, те увольняются от службы и удерживаются под знаменами, будучи свободны от всех обязанностей, кроме обязанности прогонять неприятеля; завещанные им [Августом] деньги, которых они требовали, выплачиваются им и удваиваются.

Солдаты поняли, что это придумано лишь ввиду крайних обстоятельств, и потребовали немедленного удовлетворения. Отставку поспешили дать через трибунов; раздачу денег отложили было до прибытия всех их в зимние лагеря. Но, солдаты пятого и двадцать первого легиона не хотели трогаться с места, пока Германик не выплатил им денег в летних же лагерях, составив нужную сумму из денег друзей и своих собственных. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел на земли Убян, но то было отвратительное шествие войска, когда между знаменами и орлами ехали денежные кассы, отнятые у полководца. Германик отправился к верхней армии и привел к присяге второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы, которые не проявили никакого колебания. Некоторое колебание обнаружили солдаты четырнадцатого легиона: им были даны деньги и увольнения от службы, хотя они того и не требовали.

¹ Т.е. в легионах, стоявших в Паннонии, которая была римской провинцией с 10 г. до н. э.

² Он был консулом в 10 г. н. э.

³ Приостановление судебных и всех других государственных дел происходило в республике во время военной опасности, а в империи – после смерти императора.

⁴ Вследствие вступления во власть нового государя.

⁵ Здесь речь идет именно о ветеранах, т.е. об особом корпусе, в который, выслужив установленный срок службы (20 лет), поступали ветераны, причем, они получали больше жалованья и несли уже не столь тяжелую службу, как прежде. Они назывались поэтому *vexillarii*. Но этих вексилляриев не нужно смешивать с часто упоминаемыми у Тацита отдельными отрядами. Солдаты их, так как им давалось особое знамя, также назывались вексилляриями, совсем не будучи ветеранами.

⁶ Красноречивое описание положения солдат и злоупотреблений центурионов своею властью Тацит дает в «Историях», I, 46.

⁷ Прежде денарий равнялся 10 ассам, и солдаты получали одну треть его; теперь они получали десять ассов, но сам денарий состоял уже из 16 ассов.

⁸ Вместо земельных участков.

⁹ Крупный город в Верхней Паннонии на реке того же имени, которая теперь называется Любляницей.

¹⁰ В 27 главе упоминается один из знатных членов этой свиты Друза Г. Лентул.

¹¹ Это войны с паннонцами и далматами, 12-9 гг. до н. э. и 6 г. до н. э.

¹² Их было восемь легионов, а паннонских три.

¹³ В легионе было 60 центурионов; чтобы отомстить своим мучителям, солдаты придумали приставить к каждому из попавшихся им в руки центурионов 60 человек для наказания.

¹⁴ К стоящей на Верхнем Рейне в Майнцском лагере, где главнокомандующим был Г. Силий.

¹⁵ Куда при Клавдии (50 г.) была выведена колония ветеранов.

Восстание Такфарината в Нумидии (Тацит, «Анналы», II, 52; III, 20-21)

В этом же году началась война в Африке под предводительством Такфарината. Он был родом из Нумидии, служил во вспомогательном войске в римском лагере, откуда затем бежал. Он стал набирать бродяг и людей, привыкших к разбою сначала для добычи и грабежа; потом составил из них по военному образцу отряды пехоты и взводы конницы; наконец, сделался предводителем уже не отдельной шайки, а целого народа мусаламийцев. Этот храбрый народ, близкий к африканским пустыням, не знавший еще в то время городской жизни, взялся за оружие и вовлек в войну соседних мавров, предводителем которых был Мазиппа. Войско они разделили таким образом, что Такфаринат взял себе отборных людей и, вооружив по-римски, держал их в лагере, чтоб приучить к дисциплине и команде; Мазиппа же с легкими отрядами распространял кругом пожары, убийства и сеял ужас. Они уже подговорили к тому же и кинифян, народ не маленький, когда Фурий Камилл, проконсул Африки¹, стянув вместе легион² и союзников, сколько их было под знаменами, повел их на врага; это была ничтожная сила, если взять во внимание количество нумидян и мавров; но он ничего так не боялся, как того, чтобы неприятели из страха не уклонялись от битвы... Когда Камилл поставил легион в середину, а по бокам две легких когорты и два отряда конницы, Такфаринат не отказался от боя. Нумидяне были разбиты, и для имени Фуриев была, после многих лет, приобретена военная слава...

В этом же году Такфаринат, о котором я говорил, что он разбит был в прошлом году Камиллом, возобновляет войну в Африке. Сначала он производил разные набеги с необыкновенной быстротой, которые по этой причине оставались безнаказанными, потом стал разрушать деревни, захватывать много добычи; наконец неподалеку от реки Пагиды³ он осадил римскую когорту. Укреплением командовал Декрий, человек не ленивый сражаться, опытный в военном деле и считавший за бесчестье для себя такую осаду. Убедив солдат дать битву в открытом поле, он выставил войско перед лагерем. Когда же когорта при первом нападении на нее была опрокинута, он отважно бросился, не обращая внимания на стрелы, навстречу бегущим и укорял знаменосцев за то, что римские солдаты побежали от нестройных шаек или дезертиров. В то же время он был ранен, но, несмотря на проколотый глаз, повернул лицо прямо к неприятелю, пока не упал, покинутый своими.

Когда об этом узнал Л. Апроний, [он был преемником Камилла], то, тревожась не столько успехом неприятеля, сколько бесчестьем своих, засек каждого десятого из позорной когорты по жребию, что было редким в то время делом и относилось к старым обычаям. И этой строгостью он произвел то, что отряд ветеранов, числом не больше как в пятьсот человек, разбил то же самое войско Такфарината, когда оно напало на укрепление, носящее название Фала⁴. В этом сражении рядовой солдат Гельвий Руф получил отличие за спасение гражданина и был награжден Апронием ожерельем и копьем. Цезарь прибавил к этому гражданский венок и больше высказал сожаление, чем досаду, относительно того, что Апроний сам не дал его по праву проконсула. Но Такфаринат, так как нумидийцы испугались и не хотели заниматься осадой крепостей, рассыпал свои войска, уступая там, где встречал упорное сопротивление, и снова возвращался.

Пока варвары следовали этому плану, они безнаказанно издевались над испытывающими неудачи и усталость римлянами. Когда же они повернули к приморским местам и, обремененные добычей, были привязаны к постоянному лагерю, то Апроний Цезиан, отправленный своим отцом с конницей и вспомогательными когортами, к которым он прибавил самых проворных солдат из легионов, дал нумидийцам удачную битву и прогнал их в пустыню.

¹ Провинция, составлявшая область прежнего Карфагена.

² В сенатских провинциях обыкновенно не расквартировывались легионы, но так как это была провинция пограничная и находилась далеко от расположения других войск, то в распоряжение проконсула при Августе и Тиберии давался легион.

³ Неизвестно, о какой реке идет тут речь.

⁴ Местоположение этого нумидийского города в точности не определено. Возможно, что он находился в восточной Нумидии.

Восстание Боудики в Британии (Тацит, «Анналь», XIV, 34-39)

У Светония был в распоряжении четырнадцатый легион, отряд двадцатого легиона и вспомогательные войска из близлежащих мест, всего почти десять тысяч воинов, когда он, наконец, решился вступить в бой. Для этого он избрал в тылу местность с узким ущельем, заросшую лесом, зная хорошо, что неприятель находился у него только с фронта, что равнина открыта и потому нет никакой нужды бояться засады. Солдаты легионов становятся плотными рядами; кругом их легковооруженные, на конце флангов столпилась конница. Войска же британцев летали туда и сюда пешими и конными отрядами в таком количестве, какого у них еще не бывало, и самонадеянно взяли с собой даже жен в качестве свидетелей своей победы, посадив их на повозки, которые поставили на крайней окружности равнины.

Боудика, везя на колеснице впереди себя дочерей, по мере приближения к тому или другому племени, заявляла, что «британцам, конечно, привычно воевать под предводительством женщин, но что теперь она идет мстить не как происходящая от знатных предков за царство и богатство (которые у нее отняты), а как одна из народа за потерянную свободу, за иссеченное розгами тело, за оскорбленное целомудрие дочерей... Но боги стоят за справедливое мщение: пал легион, отважившийся на сражение, остальные скрываются в лагерях или думают о бегстве. Они не вынесут даже шума и крика стольких тысяч [воинов], не говоря уже о натиске рукопашного боя. Если британцы взвесят причины войны и свою вооруженную силу, то им будет нужно или победить в этом бою, или пасть. Так решено женщиной! Вы, мужчины, можете жить и оставаться в рабстве».

И Светоний не молчал в таком решительном положении, и хотя он полагался на храбрость, но все-таки обращался к солдатам в одно и то же время с увещеваниями и просьбами не придавать значения крикам варваров и пустым угрозам. «У них, видно, больше женщин, чем молодежи. Люди не воинственные, безоружные, они тотчас сдадутся, как только почувствуют, столько уже раз разбитые, меч и храбрость людей, привыкших к победе. Даже и при участии в битве многих легионов незначительное число людей решает исход сражения; поэтому нам будет еще больше славы от того, что наше небольшое войско получит славу целой армии. Только идите плотными рядами, бросайте дротики и затем продолжайте валить горбами щитов и рубить мечами, не думая о добыче: когда выиграна победа, все достанется вам».

После этих слов полководца последовало такое воодушевление, и старые солдаты, видавшие много сражений, приготовились с таким видом пустить свои дротики, что Светоний был уверен в успехе и дал сигнал к битве.

Прежде всего легион, не двигаясь с места и опираясь на теснину, как на укрепление, выпустил свои стрелы верным прицелом на подошедшего ближе неприятеля и затем бросился на него как бы клином. Такой же быстрый натиск сделали и вспомогательные войска; в свою очередь, всадники своими длинными копьями сломили сопротивление наиболее стойко державшихся. Победленным убежать было трудно, так как расставленные кругом повозки запирали выходы. Воины убивали без пощады даже женщин; пронзенные стрелами выючные животные увеличили груды трупов. Громкая слава, приобретенная в этот день, равнялась со славой древних побед: ибо некоторые передают, что пало немногим менее 80 тысяч британцев, тогда как [римских] солдат было убито около четырехсот и немногим более ранено. Боудика умерла, приняв яд. Пенний Постум, префект лагеря второго легиона, узнавши об успехе четырнадцатого и двенадцатого легионов, пронзил сам себя мечом за то, что лишил свой легион такой же славы и, воспротивившись уставу военной службы, не исполнил приказа полководца.

После этого вся армия содержалась в походном строе до полного окончания военных действий. Войска эти император увеличил, послав две тысячи легионеров, восемь когорт вспомогательных войск и тысячу всадников. С прибытием подкрепления был пополнен девятый легион, когорты и конные корпуса были размещены на новых зимних квартирах, и все племена, недостаточно верные или враждебные, были опустошены огнем и мечом. Но ничто так не удручало неприятелей, как голод, так как они не позаботились о посевах, и люди всех возрастов бросились воевать, думая захватить наши подвозы съестных припасов. Воинственные народы потому еще слишком медленно склонялись к миру, что присланный преемником Катю Юлий Классициан был в ссоре с Светонием и из личной вражды противодействовал общественному благу, распуская между прочим слух, что следует ждать нового наместника, который бы, будучи чужд раздражения, свойственного врагу и надменности победителя, был способен милостиво обходиться с изъязвившим покорность населением. В то же время он дал знать в Рим, что нельзя ждать конца битвам, если не будет прислан преемник Светонию, неудачи которого он относил за счет плохого ведения дел, а успехи приписывал счастью.

Поэтому для проверки состояния Британии был послан вольноотпущенник Поликет, причем Нерон очень надеялся, что назначение последнего не только породит согласие между наместником и прокуратором, но

и успокоит миром непокорные сердца варваров. Поликлет не преминул отправиться в путь с огромной свитой, обременяя Италию и Галлию, а переехав океан, устроить даже наших солдат. Но у врагов он возбуждал смех: им при существовании в то время еще пламенной любви к свободе пока незнакомо были могущество вольноотпущенников и они дивились тому, что полководец и армия, окончившие такую войну, покорствуют рабам. Императору было донесено обо всем в смягченном виде. Светоний сначала продолжал заведовать делами, но немного спустя, когда он потерял несколько кораблей у берега вместе с экипажем, ему приказано было, как будто бы война еще продолжалась, передать армию Петронию Турпилиану, который уже окончил консульство. Петроний, не раздражая неприятеля, и сам не тревожимый им, пребывал в беспечной праздности, которую называл миром.

Декрет о воинских почестях

Надпись найдена в Сирии, в Баальбеке.

Гаю Велею сыну Сальвия Руфу, примипиларию XII Македонского легиона, префекту отрядов девяти легионов: I Вспомогательного, II Вспомогательного, VIII Августова, IX Испанского, XIV Двойного, XX Победоносного, XXI Неотразимого, трибуну XIII городской когорты, главнокомандующему Африканским и Мавретанским войсками, которые должны держать в повиновении находящиеся в Мавретании племена; награжденному во время иудейской войны императорами Веспасианом и Титом венком за овладение неприятельским валом, ожерельями, браслетами, бляхами; а также венком за восхождение на стену неприятельского города, двумя почетными копьями и военными значками за участие в войне с маркоманами, квадами и сарматами, против которых он совершил поход через царство Децебала, царя даков; прокуратору императора Цезаря Августа в провинциях Паннонии и Далмации, а также прокуратору провинции Реции с правом приговаривать к смертной казни. Будучи послан в Парфию, он привел обратно к императору Веспасиану сыновей царя Антиоха Эпифана и Каллиника с большим количеством податей. Марк Элий, сын Марка... родом из Аквилеи, ветеран XV Аполлонова легиона.

Волнения на границах Римской империи

Античные авторы зафиксировали в своих трудах немалое количество волнений, которые в разное время имели место на границах Римской империи.

(Тацит, «Анналы», IV, 27; XV, 46)

В то же лето¹ случай подавил начавшееся было в Италии восстание рабов. Зачинщик этой смуты Тит Куртизий был когда-то солдатом преторианской когорты. Началось тайными сходками в Брундизии и в близлежащих городах, потом стал он рассылать явные воззвания к жившим в дремучих лесах рабам, суровым и диким, когда, будто по милости богов приехали в это море три корабля, назначенные для конвоирования судов. Там находился квестор Курций Луп, так как по древнему обычаю эта лесистая провинция отдавалась квесторам. Взяв с собой флотский экипаж, он тотчас уничтожил только что начавшийся заговор. Цезарь поспешил прислать трибуна Стайя с сильным отрядом, и Стай, взяв Куртизия и главных зачинщиков, привез их в Рим, где уже начали трепетать, помышляя о возрастающем множестве рабов и со дня на день уменьшающемся числе свободных людей...

Около этого времени² гладиаторы в городе Пренесте взбунтовались, но тотчас же были укрощены гарнизоном А народ, всегда жадный до переворотов и вместе с тем боявшийся их, говорил уже о Спартаке и ужасах старых годов...

(Дион Кассий, «Римская история», LV, 28-30, 32-34)

В то же самое время начались большие войны. Появилось много пиратов, так что Сардиния в течение трех лет не имела правителя от сената, а управлялась солдатами и их командирами-всадниками. И во многих городах произошли перевороты, так что в провинциях, подведомственных народу, ими управляли по два года одни и те же лица и притом избранные народом, а не по жребию, а в провинциях, подчиненных Цезарю, они управлялись теми же лицами в течение еще большего времени. Но я не буду сообщать подробно о каждом случае, ведь во многих из них события проходили также, как в каждом другом, и не произошло ничего, достойного упоминания, а вдаваться в мелкие подробности бесполезно. Я расскажу лишь о событиях, достойных памяти, расположив их по главам и опустив гораздо больше половины.

Исавры начали с пиратства и попали в очень тяжелые условия войны, пока не были совершенно покорены; гетулы, недовольные правлением своего царя Юбы, но в то же время не желавшие попасть под власть римлян, восстала против него: они опустошили соседнюю страну, убили нескольких римлян, оказавших им сопротивление, и собрали настолько большие силы, что покоривший их Корнелий Косс получил за это награду эпиникий и титул по их названию: Гетульский. Как только закончилась эта война, некоторые другие полководцы, среди них также и Тиберий, выступили против кельтов. Сначала Тиберий продвинулся до реки Висурга, а потом и до Альбия, но при этом не произошло ничего достойного упоминания, и, хотя за победу над ними был дан титул императора, правда, не Августу, а Тиберию, и, хотя получил награду эпиникий Гай Сэнтий, правитель Германии, все же вследствие страха перед ними договор был заключен с ними не один, а два раза. Причиной того, что с ними, вскоре нарушившими договор, был снова заключен мир, явились события у далматов и паннонцев, причинившие еще больше беспокойства и потребовавшие еще большего напряжения сил.

Далматы, тяготившиеся поборами денег в прежнее время, все же скрепя сердце сохраняли спокойствие. Когда же Тиберий вторично пошел против кельтов и сам тогдашний правитель Далмации и Паннонии Валерий Мессалин был послан вместе с ним и увел с собой значительную часть войска, а им было приказано послать Тиберию на помощь некоторую часть своих военных сил; они, как только собрались ради этого, увидели весь цвет своей призывной молодежи, не стали медлить, но некоторые из них, подстрекаемые больше всего неким Батоном Десидиатом, прежде всего объявили о перевороте и зарубили римский отряд, выступивший против них, а затем подняли восстание и все остальные. Вслед за этим пан-нонский народ бревки, поставив во главе своего движения другого Батона, двинулся на Сирмий против сидевших там римлян. Но города этого они не взяли. Правитель соседней Мисии Цецин Север, узнав об их восстании, быстро двинулся против них, расположившихся на реке Драве, и одержал в сражении над ними победу; но они рассчитывали сразу после этого начать новое сражение, так как многие римляне были убиты, и стали набирать себе союзников. Они подняли на борьбу всех, кого только могли; но в то же время Батон – далматиец, сражавшийся у Салоны, был сам тяжело ранен камнем и ничего не мог сделать. Послав других командиров, он разорил все побережье вплоть до Аполлонии. Вступив там через них в сражение с повстречавшимися с ними римлянами, он хотя и оказался побежденным, но и сам причинил им большой урон.

Тиберий, узнав об этом, стал опасаться, как бы повстанцы не переправились оттуда в Италию, повернул из Кельтики и, послав вперед Мессалина, сам последовал за ним с главными своими силами. Батон, узнав об их продвижении, выступил навстречу Мессалину, хотя и чувствовал себя еще нездоровым: он оказался победителем в открытом бою, но потерпел поражение при нападении на него из засады. После этого он ушел к Батону-бревку и, объединившись с ним в войне, занял гору Альму. Затем они оба потерпели поражение в короткой схватке с фракийцем Рюметалком, посланным против них Севером, но ему самому они упорно сопротивлялись. Когда после этого Север ушел в Мисию, потому что дакийцы и савроматы ее опустошали, а Тиберий и Мессалин задержались в Сискии, они напали на союзную Риму область³ и многих принудили отпасть от него. Несмотря на то что Тиберий находился поблизости от них, они не вступали с ним в сражение, но, переходя с одного места на другое, причиняли много опустошений. Зная эту страну по личному опыту, они, будучи легко вооружены, быстро переходили, куда хотели, а когда наступила зима, они причинили еще больше зла и снова вторглись в Македонию. Но Рюметалк и брат его Раскюпорис настигли их и дали им сражение; а остальные, ввиду того что страна их была разорена, после этого в течение всего консульства Цецилия Метелла и Лициния Силана не оказывали больше никакого сопротивления; они ушли в неприступные горы и, поскольку это позволяли обстоятельства, совершали оттуда набеги.

Узнав об этом, Август заподозрил Тиберия, что он, имея возможность расправиться с ними в короткий срок, умышленно затягивал дело, чтобы под предлогом войны как можно дольше оставаться с оружием в руках. Поэтому он послал⁴ Германика, хотя он исполнял обязанности всего только квестора, и дал ему не только свободнорожденных солдат, но и отпущенников, среди прочих и таких, которым он дал свободу из числа бывших рабов, изъятых у многих мужчин и женщин вместе с запасом продовольствия на 6 месяцев на основании произведенного им ценза. Он сделал это не только из-за войны, но еще и потому, что предпринял проверку всаднического сословия на форуме. Когда во время великого празднества он совершал молебствие, одна женщина, вырезав у себя на руке какие-то буквы, стала пророчествовать, будто бы по наитию божества. Август, правда, заметил, что она действует не по вдохновению, а по своему замыслу, однако, ввиду того что народ⁵... под влиянием войны или голода, который опять тогда усилился, начал сильно волноваться, он сам притворился, что верит тому, что она говорит, и исполнил, будто признав за необходимым, все, что могло успокоить народ. Ввиду недостатка хлеба он снова назначил двух консуларов с ликторами для наблюдения за его раздачей. Нуждаясь в деньгах для ведения войны и содержания ночной стражи, он ввел налог в размере одной пятидесятой (2%) с продажи рабов и запретил тратить те деньги, которые были даны преторам для организации гладиаторских боев.

Август послал на войну Германика, а не Агриппу, потому что этот [последний] был мало представителен, преимущественно занимался рыбной ловлей, почему сам себя называл Посейдоном, был очень вспыльчив, клеветал на свою мачеху Юлию и часто жаловался на своих родственников самому Августу. Так

как он не образумливался, он был выслан, имущество его было отдано в военное казначейство и сам он был водворен на острове Планасии против Кирна.

Это происходило в Риме. Когда же Германик прибыл в Паннонию и туда отовсюду стали к нему сходить военные части, Батоны, подстерегавшие Севера, выступившего из Мисии, внезапно напали на него, расположившегося лагерем близ Волкайских болот, напугали стоявших перед валами его солдат и загнали их в лагерь. Когда же их заметили находившиеся внутри [лагеря], они потерпели от них поражение. После этого римляне расположились там на жительство, чтобы туда к ним сходились со всех сторон жители этой страны. Другие полководцы не совершили тогда ничего достойного примечания, Германик же, разбив в сражении далматское племя мадзеев, разорил их землю.

В этот год произошли именно эти события. В консульство же Марка Фурия Камилла и Секста Нония далматы задумали объединиться с паннонцами из-за того, что очень страдали прежде всего от голода, а потом также и от проистекающих от него болезней, поскольку им приходилось питаться несъедобными травами и кореньями; но они не вступали в переговоры с римлянами, так как этому противились те, кто не надеялись ни на какую от них помощь, но действовали наперекор им. А некий Скенобард, склонившийся к тому, чтобы изменить [далматам], послал по этому поводу сообщение коменданту Сискии Манию Эннию, что он готов перебежать на сторону римлян, испугавшись, как бы ему не пострадать⁶..

Когда сын Друза Германик, как уже было сказано, выступил против них и осадил какой-то их город и не было возможности этот город взять, кельтский всадник Пулион метнул в стену города камень и так сильно повредил бруствер, что он сейчас же рухнул, а человек, укрывавшийся за ним, упал со стены. После того, как это произошло, остальные испугались, покинули эту стену и укрылись в акрополе, а после этого сдали город и сами сдались... Когда Батон, поднявший восстание далматинцев и причинивший римлянам много зла, договорившись с Тиберием, пришел к нему и на другой день был допущен к нему, сидевшему на возвышении, Тиберий спросил его: «Почему ты решил поднять восстание и так долго воевать с нами?» Тот ответил: «Вы сами в этом виноваты, потому что для охраны вашего стада вы посылаете не собак и не пастухов, а волков»... Далмация отчасти вследствие неудачной войны, отчасти по соглашению опять соединилась с римлянами.

...Между тем Батон-бrevk, предавший Пинну и в награду за это получивший власть над бревками, был взят в плен другим Батоном и убит им. Когда тот, подозревая уже что-то, стал объезжать подчиненные им городки и требовал от каждого в знак покорности заложников, другой [Батон], узнав об этом, устроил ему засаду и, разбив в сражении, осадил его в одной крепости. Однако он был выдан ее гарнизоном и приведен в лагерь. Общим приговором он был осужден на казнь, и над ним была совершена расправа. После этого некоторые паннонцы отпали, но против них выступил Сильван; он разбил бревков, а некоторые другие народы усмирил даже без боя.

Увидя это, Батон потерял всякую надежду на обладание Паннонией, проходы же из нее в Далмацию он занял своими отрядами и разорил эту страну. Таким образом, и остальные паннонцы, особенно после того, как земля их была опустошена Сильваном, покорились, кроме некоторых разбойничьих банд, которые при таких тревожных обстоятельствах причиняют особенно много зла и, так сказать, всегда появляются при этом и у других народов, но у этих особенно часто.

(Тацит, «Агрикола», 30, 31)

...Надменности [римлян]⁷ нельзя избежать послушанием и покорностью. Грабители мира, когда им, все обшаривающим, не достает земель, обшаривают и море; если враг их богат, они корыстолюбивы, если беден, честолобивы, – люди, которых не может насытить ни Восток, ни Запад. Они одни из всех с одинаковой жадностью накидываются на богатство и бедность. Похищать, убивать, грабить – это на их лживом языке называется управлением, а когда все обратят в пустыню, называют это миром. Природа хотела, чтобы каждому дети и родственники были всего дороже. Их у нас отбирают посредством набора, чтоб заставлять служить в других странах; жены и сестры, хотя бы и избегли их неприятельского насилия, оскверняются ими, когда они принимают имя друзей и гостей. Достояние и богатство обращается в дань, годовая жатва – в хлебную подать, тела самые и руки истощаются в проложении дорог через леса и болота под ударами бича и среди поношения. Люди, рожденные для рабства, продаются один раз и вдобавок к тому кормятся своим господином; Британия каждый день покупает свое рабство, каждый день кортмит своих господ...

(Тацит, «Анналы», II, 52)

В том же году [17 г. н. э.] началась война в Африке с неприятельским полководцем Такфаринном. Этот Такфарин, родом нумидиец, служил сначала в римских вспомогательных войсках, потом дезертировал, набрал шайку бродяг и разбойников, привыкших к грабежам и хищничеству, ввел в нее значки и разделил на отряды на военный лад и, наконец, из атамана разбойников стал предводителем [племени] музуламиев. Этот сильный народ, живший близ африканских пустынь, не знавший еще в то время городов, взялся за оружие и увлек за собой в войну соседей мавров, которых вождь назывался Мазиппа,,.

(Тацит, «Анналы», III, 20, 21, 73, 74)

Такфарин, побежденный в прошлом году Камиллом, возобновляет войну в Африке [20 г. н. э.] сначала неправильными набегами, безнаказанными по своей быстроте; потом выжигает селения, похищает большую добычу и, наконец, недалеко от реки Пагиды осаждает римскую когорту...

Такфарин, видя, что нумидийцы трусят и не любят вести осады, раздробил свои войска на мелкие отряды, стал отступать в случае поражения и потом возвращаться в тыл рим-лянам. Пока он следовал этому плану, он безнаказанно смеялся над раздраженными и утомленными римлянами; но, приблизившись к приморским городам, он обременил себя до-бычей и должен был построить постоянный лагерь. Апроний Цезиан... с союзной конницей и когортами, к которым он при-соединил деятельнейших солдат из легионов, удачно сразился с нумидийцами и прогнал их в пустыню.

...Такфарин, хотя и отраженный многократно, возобновил свои силы внутри Африки и дошел до такой наглости, что от-правил к Тиберию послов требовать места жительства себе и своему войску [22 г. н. э.]... Говорят, что никогда еще Цезарь не был так заживо задет оскорблением... И Цезарь приказывает Блезу объявить прощение всем возмутителям, которые положат оружие, а самого Такфарина изловить во что бы то ни стало.

Многие воспользовались предложенным прощением, а против Такфарина употреблен был его же способ вести войну. Так как его войско не могло в силах соперничать с нашим, но, превосходное для грабежей, было разделено на несколько отрядов, которые производили набеги, избегали сражения и садились в засады, то и Блез разделил войско на три части и дал им три маршрута... Неприятель был сжат, стеснен отовсюду; в какую бы сторону он ни обратился, часть римского войска была или перед ним, или во фланге его, или в тылу. Много народу у него было убито или взято в плен... Опытные солдаты, знакомые уже с этими пустынями, прогоняют Такфарина с одного места на другое. Только взяв Такфарина брата, Блез возвратился из похода, слишком поспешно для блага провинции, потому что остались поджигатели войны. Тиберий, считая войну оконченной, позволил, чтобы войска приветствовали Блеза императором, как это дельвали в старину легионы в пылу радости после победы со своими до-стойными представителями. Бывало помногу императоров вместе, титул этот не давал особенных прав. Август кое- кому разрешал носить его, а теперь Тиберий Блезу в последний раз.

(Тацит, «Анналы», IV, 23, 24, 25)

В этом году [24 г. н. э.] римляне покончили наконец долговременную войну с нумидийцем Такфаринном. Прежние полководцы как только думали, что достаточно их подвигов для триумфа, так и оставляли неприятеля. Уже три статуи были увенчаны в Риме, а Такфарин все-таки опустошал Африку с помощью мавров, которые, видя, что Птоломей, сын Юбы, молод и беспечен, променяли на войну постыдное повиновение царским отпущенникам. Царь гарамантов скрывал добычу Такфарина и был сообщником его грабежей... Да и в провинции все нищие, все негодяи бросились в восстание, потому что Тиберий, полагая, что после побед Блеза в Африке не осталось неприятелей, отозвал оттуда девятый легион.

Такфарин, распуслав слух, что римлян со всех сторон теснят неприятели, что по этой-то причине отозваны войска из Африки, и, уверяя, что если все, кому свобода дороже рабства, соединятся, то нетрудно им будет уничтожить остатки римских войск, увеличил свои силы и, укрепив лагерь, стал осаждать город Тубускум. Долабелла, собрав что было у него солдат, с первого шага заставил нумидийцев снять осаду... и укрепил удобные места...

Несколько времени спустя доносят ему, что нумидийцы собрались около полуразрушенной крепости Аузеи, ими са-мими когда-то сожженной, и расставили свои шатры, надеясь на безопасность места, скрытого отовсюду в дремучих лесах. Немедленно ускоренным маршем отправляет он легкое войско и кавалерию, не говоря, куда их ведет. На рассвете зазвучали трубы, раздался боевой крик, и римляне напали на полусонных врагов... У неприятеля, захваченного врасплох, не было ни оружия, ни порядка, их, как скотов, тащили, брали, убивали... Такфарин, видя, что его стража разогнана, сын взят в плен и римляне стремятся со всех сторон, бросился на копыта и дорого продал свою жизнь, но избежал плена.

(Тацит, «Анналы», III, 40, 42, 43)

В том же году [21 г. н. э.] галльские города, впад в неоплатные долги, стали возмущаться. Самые буйные зачинщики были у треверов – Юлий Флор, у эдуев – Юлий Сакровир. Оба благородного происхождения, славились делами предков, получивших римское гражданство, когда оно еще было наградой за доблесть. В тайных совещаниях, привлекая на свою сторону всех буянов, всех тех, для кого от нищеты и страха наказания было одно спасение в преступлении, они решили, чтобы Флор возмущил бельгийцев, Сакровир – соседних галлов. На всех сходках и собраниях начали они говорить возмутительные речи о продолжении налогов, о тягости больших процентов, о жестокости и спеси начальников...

Почти ни одна область не осталась непричастною к этому движению... Флор... набрал у тревиров отряд конницы, учил его службе и дисциплине по-римски и хотел уговорить его, побив римских купцов, начать войну. Несколько всадников удалось ему совратить с пути, но большая часть осталась верна долгу службы. Напротив того, толпа должников и клиентов его взялась за оружие... Юлий Инд, согражданин, но враг Флора, охотнее нам служивший, послан был вперед с избранным отрядом и разбил нестройную толпу. Флор несколько времени скрывался в потаенных местах от поисков победителей, но, наконец, видя, что все выходы заняты солдатами, сам лишил себя жизни. Так кончилось тревирское восстание.

Восстание эдуев было больше, так как самое государство их богаче, да и войска наши дальше. Сакровир с вооруженными колонами занял столицу Августодун и схватил детей знатнейших галлов, которые там занимались науками, чтобы этим залогом привлечь на свою сторону родителей и родственников их; а между тем тайком роздал молодым людям оружие... Пятая часть вооружена была, как наши легионы, остальные – охотничьим оружием: копьями, ножами и пр. К ним присоединили рабов, назначенных в гладиаторы... Эти силы увеличивались еще тайным единомыслием соседних областей, где каждый предлагал охотно свои услуги...

(Тацит, «Анналы», IV, 46, 72)

...Поппей Сабин [в 26 г. н. э.] удостоился знаков триумфа за укрощение фракийских горцев, народа дикого и потому свирепого. Причина восстания заключалась в том, что римляне требовали у них избранных и сильнейших людей для набора в войска... Они с презрением отвергли римское требование...

В этом году [28 г. н. э.] фризы, зарейнский народ, нарушили мир не столько из-за неповиновения, сколько вследствие нашей корысти... Они должны были доставлять для армии воловьих кожи, но никто не позаботился о том, чтобы определить их толщину и меру. Олений, примипиляр, которому досталось управлять фризами, выбрал буйволовы кожи и дал им в образец. Это требование было бы стеснительно и для других народов, но для германцев – тем более: их леса наполнены огромной величины дикими зверями, но домашний скот их мал. Итак, стали у них сначала отбирать быков, пр- том поля, потом продавать в рабство жен и детей. Народ пришел в негодование, жаловался. Жалобы не помогли, он прибегнул к войне. Сборщики податей из солдат были схвачены и повешены...

(Тацит, «Анналы», XIV, 31, 33)

Царь [британского племени] иценов Празутаг... назначил наследником вместе со своими двумя дочерьми Нерона, надеясь таким знаком почтения спасти себя и свое потомство от обид, а вышло наоборот. Как добычу, стали разорять его царство центурионы, его дворец – рабы. Жену его Боаицию высекли, дочерей обесчестили; знатные ицены были изгнаны из своих родовых имений...; царские родственники включены в число рабов. В негодовании на такое бесчестие и в ожидании еще большего, так как землю их уже считали римской провинцией, они взяли за оружие [в 62 г. н. э.], склонили к восстанию триновантов и другие народы, еще не свыкшиеся с рабством, и тайно составили заговор с целью отвоевать независимость. Особенно ненавидели они ветеранов. Недавно переселенные в колонию Камулодун, они выгоняли туземцев из домов, отнимали у них поля, называли их пленниками и рабами, а солдаты потакали своеволию ветеранов по сродству жизни и с надеждой со временем позволить себе то же самое. В храме, воздвигнутом во имя Клавдия, видели туземцы алтарь вечного рабства, а избранные жрецы под предлогом бо-гослужения разоряли все их имущество...

В [Камолодуне, Лондини и Веруламе] было убито [повстанцами] до 70000 граждан и союзников: враги не брали в плен, не продавали, не променивали, как это обыкновенно делается на войне, но дышали только убийством, виселицами, огнем, крестами, как бы спеша предупредить казни, которые ожидали впоследствии получить от нас.

(Тацит, «Истории», II, 61)

Среди опасностей важных лиц, стыдно сказать, дерзнул попытать счастья и сделать вызов римскому оружию, выдавая себя за лицо с божественным вдохновением, некто Марикк, простой человек из боев. Он уже объявил себя освободителем Галлии и богом – он в самом деле придал себе такое имя – и, собрав восемь тысяч человек, стал грабить ближайшие округа эдуев, но их весьма рассудительный город⁸ с отборной молодежью, к которой было присоединено Вителлием несколько когорт, разогнал толпу фанатиков. Марикк был взят в плен в этом сражении и вскоре был брошен зверям, но так как звери его не разрывали, то глупая чернь стала считать его неприкосновенным. Наконец он был умерщвлен на глазах Вителлия.

(Тацит, «Истории», III, 47, 48)

...В Понте внезапно поднял оружие варварский раб, бывший некогда начальником царского флота. Это был Аникст, вольноотпущенник [царя] Полемона, когда-то пользовавшийся большой силой и чувствовавший досаду на перемену, превратившую царство в римскую провинцию. Привлекши на свою сторону именем Вителлия прилегающие к Понту народы, прельстивши надеждой на добычу разную голь, он во главе не ничтожной шайки внезапно ворвался в Трапезунт, славнейший своею древностью город, построенный греками в самом конце Понтийского берега. Там он перебил когорту, составлявшую прежде царский вспомогательный отряд. Солдаты ее, получив римское гражданство, имели на наш манер знамена и оружие, но сохраняли греческую леность и распущенность. Он поджег и флот, издеваясь над нами на незащищенном море...

Возмущение это заставило Веспасиана отправить отряд солдат из своих легионов под предводительством Вирдия Гемина... Напавши на неприятеля в то время, когда тот рассеялся, гонясь за добычей, он загнал его на корабли. Построив затем наскоро либурны, он догнал Аникета в устье реки Хоба, где этот последний считал себя в безопасности, благодаря поддержке царя [скифского племени] седохезов, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. И в самом деле, сначала царь защищал его, угрожая оружием, но когда ему выставили на вид, что ему предстоит награда за выдачу или Еойна, то он при шаткой, как это водится у варваров, верности согласился умертвить Аникета и выдал перебежчиков. Таким образом, войне с рабами был положен конец.

(Тацит, «Истории», IV, 73, 74)

...Созвав на сходку тревиров и лингоиов, Цериал обращается к ним с такой речью: «...Римские полководцы и главнокомандующие вступили на вашу землю и землю других галлов совсем не из корысти, а по приглашению ваших предков, которых раздоры доводили до гибели, а призванные ими на помощь германцы поработали одинаково как союзников, так и неприятелей... И не для того мы заняли Рейн, чтобы охранять Италию, а для того, чтобы какой-либо другой Ариовист не завладел, как царь, Галлией. Неужели вы думаете, что вы дорожите Цивилису, батавам и зарейнским народам, чем были предкам их ваши отцы и деды?... Впрочем, они выставляют на вид свободу и красивые слова, но и никто другой не домогался порабления других людей и господства над ними без того, чтобы не употреблять этих самых слов.

В Галлиях были всегда цари и войны, пока вы не поступили под наши законы. Мы, хотя и были столько раз тревожимы вами, наложили по праву победы на вас лишь то, чем можно было бы охранять мир; ибо ни спокойствие народов нельзя иметь без военной силы, ни военной силы без жалования, ни жалования без податей; все остальное обще нам с вами. Вы сами часто командуете нашими легионами, вы сами управляете этими или другими провинциями; нет ничего у нас от вас отдельного или замкнутого... Ведь по изгнании римлян – от чего да сохраняют боги! – что другое произойдет, как не войны всех народов между собою. Восьмисотлетняя фортуна и государственная мудрость взрастили эту империю, которая не может быть разрушена без гибели самих разрушителей. Но самая большая опасность настанет для вас, у которых есть золото и богатство, главная приманка войны. Поэтому любите и почитайте мир и Рим, который принадлежит в силу одного и того же права побежденным и победителям. Пусть же вас вразумят уроки той и другой судьбы, что вы не должны предпочитать упрямство, соединенное с гибелью, покорности, соединенной с безопасностью...».

¹ 24 г. н. э.

² 65 г. н. э.

³ Имеется ввиду Македония.

⁴ В Паннонию.

⁵ Здесь текст испорчен. Эпизод с гадалкой остался недосказанным. По-видимому, она выражала недовольство народа и его требования и угрожала предстоящими бедствиями.

⁶ Здесь в так называемом Венецианском списке не хватает 4 листов. Следующий текст приведен на основании других списков.

⁷ Отрывок из речи вождя британских повстанцев Калгака к своему войску.

⁸ Имеется ввиду главный город эдуев – Августодун.

Столкновения римлян с соседями

(Луций Анней Флор, «Римская история», XXII-XXXI, XXXIII)

XXII. Норикская война

(4) Альпы подняли дух норикам. Будто война не могла подняться на скалы и снега! Цезарь с помощью своего пасынка Друза¹ покорил племена этой страны: бревнов, уценнов и винделиков. (5) Какова была дикость альпийских племен, легко показать на примере их женщин. За нехваткой метательных орудий они разбивали о землю головы своим младенцам и швыряли их в лицо воинам.

XXIII. Иллирийская война

(6) Иллирийцы живут у подножия Альп. Их словно бы охраняют теснины, образованные водопадами. Против них Цезарь предпринял поход² сам и приказал возвести мосты. (7) Увидев растерянность своего войска, вызванную водами рек и врагом, он вырвал щит из рук замешкавшегося при переходе воина и первым проложил дорогу. Авангард последовал за ним, и мост обрушился под тяжестью массы людей. Раненный в руки и ноги, окровавленный и освященный³ опасностью, он положил врагов на лопатки.

XXIV. Паннонская война

(8) Две быстрые реки – Драва и Сава – защищают паннонцев. Опустошив соседей, они прячутся за их берегами. Для покорения паннонцев Цезарь послал Винния⁴. Они были разбиты на обеих реках. (9) Оружие побежденных, вопреки военному обычаю, было не сожжено, а сломано и брошено в поток, чтобы о славе Цезаря могли узнать те, кто еще сопротивлялся.

XXV. Далматинская война

(10) Далматы по большей части жили в лесах. Оттого они наиболее склонны к грабежам. (11) Уже консул Марий⁵ как бы обезглавил их, предав огню город Дельминий. Затем Азиний Поллион⁶, второй по таланту оратор⁷, лишил их стад, оружия, земель. Но окончательное их покорение Август поручил Вибии⁸. (12) Он заставил этот дикий народ копать землю и добывать в рудниках золото. Самый неразвитый из народов делал это с таким усердием и старанием, будто золото шло на его собственные нужды.

XXVI. Мезийская война

(13) Страшно вспоминать, сколь дикими, сколь жестокими были мезийцы, из варваров варвары. (14) Один из вождей в наступившей перед сражением тишине воскликнул: «Кто вы есть?» С другой стороны ответили: «Римляне – владыки народов». (15) Тот в ответ: «Так будет, если вы нас победите». Условие принял Марк Красс⁹. Тотчас же перед строем мезийцы заклали коня, потом дали обет – внутренности убитых вражеских вождей принести в жертву и съесть. (16) Я могу поверить, что это услышали боги, так как нельзя было заглушить гудение труб. Не меньший страх нагнал на варваров центурион Корнидий. Его выходка была достойна варвара, но произвела впечатление на столь глупых людей. Насадив на свой шлем горшок с углями, разгоравшимися при движении, он словно исторгал пламя из головы.

XXVII. Фракийская война

(17) Фракийцы часто бунтовали и прежде, но более всего при царе Реметалке¹⁰. Он приучил варваров и к военным значкам, и к дисциплине, я даже к римскому оружию. Будучи покорены Пизоном¹¹, они неистовствовали даже в плену. Пытаясь укунуть оковы, сами наказали себя за дикость.

XXVIII. Дакийская война

(18) Даки засели за горами. При царе Котисоне¹², когда Данувий, затвердев от стужи, соединял берега, они обычно совершали набега и опустошали окрестности. (19) Цезарь Август задумал отбросить этот неуловимый народ. Отправив Лентула¹³, он прогнал их на другой берег реки. По эту сторону были установлены сторожевые посты. Дакия, таким образом, не была побеждена, вернее, победа над ней отодвинута, отложена¹⁴.

XXIX. Сарматская война

(20) Сарматы скакали на конях по необозримым степям. Тому же Лентулу¹⁵ показалось достаточным препятствовать их переходу через Данувий. У них нет ничего кроме снега, инея и лесов. Такое варварство, что даже нет понятия о мире.

XXX. Германская война

(21) О, если бы Октавиан не представлял себе столь же легкой победу над Германией! Намного большим был позор ее потери, чем слава приобретения.

(22). Но поскольку Октавиан знал, что отец его Г. Цезарь, вызывая германцев на битву, дважды переходил по мосту через Рен, он загорелся желанием создать в его честь провинцию. И добился бы своей цели, если бы варвары выносили наши пороки так же легко, как нашу власть.

(23) Друз, посланный в эту провинцию, сперва покорил узипетов, затем прошел через область тенктеров и каттов. Доспехами и украшениями маркоманнов он украсил высокий холм наподобие трофея.

(24) Затем он напал одновременно на могущественнейшие народности херусков, свебов и сикамбров, которые, распяв на кресте двадцать центурионов, связали себя этим преступлением наподобие клятвы и начали войну с такой уверенностью в победе, что в заранее заключенном договоре каждый из них оговорил себе добычу.

(25) Херуски выбрали коней, свебы – золото и серебро, сикамбры – пленных. Но вышло наоборот. Победитель Друз разделил и продал добычу – коней, скот, украшения и самих германцев.

(26) Кроме того, для охраны провинции он поставил гарнизоны и дозорные посты вдоль рек Мозы, Альбы и Визурга. По берегу Рена он устроил более пятисот крепостей. Борм и Гезориак он привязал к нам мостами¹⁶ и укрепил флотом.

(27) Он проложил дорогу в тогда еще неведомые и нехоженные Герцинские горы. Наконец, в Германии наступило такое умиротворение, что казалось, изменились люди, другой стала земля и сам климат сделался мягче.

(28) Когда же мужественный юноша скончался, сам сенат¹⁷ не из лести, а в признание заслуг – дал ему почетное имя по названию провинции, чего никогда еще не случалось.

(29) Труднее удержать провинцию, чем ее приобрести: добытое силой удерживается законностью.

(30) Поэтому недолгой была наша радость. Германцев скорее победили, чем укротили! Во время правления Друза они больше уважали наши порядки, чем оружие.

(31) После его смерти они возненавидели распущенность и надменность Квинтилия Вара¹⁸ не менее, чем его суровость. Он осмелился собрать их на сходки и отдал неосмотрительный приказ¹⁹. Будто розга ликтора и голос глашатая могут смягчить необузданность варваров!

(32) Германцы, давно уже сокрушавшиеся, что ржавеют их мечи и бездействуют кони, решили, что мир с римлянами и римские законы хуже войны, и под командованием Армения²⁰ взяли за оружие.

(33) Вар настолько был уверен в прочности мира, что не двинулся с места, когда один из вождей, накий Сегест²¹, выдал ему заговор.

(34) Итак, они неожиданно обрушились со всех сторон на неподготовленного и не опасавшегося нападения полководца в то время, когда он – какая беспечность! – улаживал споры у своего трибунала. Они разграбили лагерь, разбили три легиона.

(35) Вар встретил удар судьбы и свое поражение с той же силой духа, что и Павел в день Канн.

(36) Нельзя себе представить что-либо страшнее этого побоища в болотах и лесах, что-либо невыносимее издевательств варваров, особенно по отношению к законникам²².

(37) Одним они выкололи глаза, другим отрубили руки, у одного зашили рот, предварительно вырезав язык. Держа его в руках, один из варваров воскликнул: «Наконец-то ты перестала шипеть, змея!».

(38) Они даже вырыли тело консула, преданное земле благочестивыми воинами. Что касается легионных орлов, то двумя из них варвары владеют до сих пор, а третьего орла²³, чтобы он не попал в руки врагов, знаменосец сорвал [с древка], спрятал под пояс и укрыл в окрасившемся кровью болоте.

(39) Результатом этого поражения было то, что империя, которую не задержало побережье океана, была остановлена на берегу реки Рена.

XXXI. Гетульская война

(40) Так было на севере. На юге скорее происходили восстания, чем велась война. Мусуламов и гетулов²⁴, населявших Сирт, победил Косс²⁵, получивший прозвище Гетулик, более громкое, чем одержанная им победа.

(41) Покорение мармаринов²⁶ и гарамантов²⁷ Август поручил Квиринию²⁸. Последний мог бы приобрести титул Мармарик, но его победе была дана более умеренная оценка.

XXXII. Армянская война

(42) На Востоке больше всего забот было с армянами. Цезарь направил туда одного из своих внуков. Оба прожили недолгую жизнь, а второй к тому же бесславную. Луций скончался от болезни в Массилии, а Гай умер от раны в Сирии²⁹, после того как подчинил нашим законам Армению, склонявшуюся к парфянам.

(43) Армяне после поражения Тиграна были принуждены Помпеем лишь к такому виду зависимости, что получали от нас правителей. Когда этот обычай был нарушен, Гай Цезарь восстановил его с помощью битвы, кровопролитной, но не имевшей значительных последствий.

(44) Дон³⁰, которого царь поставил во главе Артагериды³¹, прибыл к римлянам под видом перебежчика и дал Цезарю книжицу, которую представил как перечень царских богатств, а когда Цезарь погрузился в ее чтение, обнажил меч и напал на него. Цезарь на время пришел в себя от раны, но... (пропуск в тексте).

(45) Между тем варвар, окруженный со всех сторон враждебным войском, принес искупление еще живому Цезарю, пронзив себя мечом и бросившись в костер.

XXXIII. Война с кантабрами и астурами

(46) На западе была покорена почти вся Испания, не считая той части, которая примыкает к Пиренейским скалам и омывается ближайшим, к нам Океаном. Здесь пришли в волнение два упорнейших независимых от империи народа – кантабры и астуры.

(47) С наибольшей решимостью и упорством проявили свой мятежный дух кантабры. Не довольствуясь защитой собственной свободы, они пытались подчинить соседей и утомили частыми нападениями ваккеев³², турмогов³³ и аутригонов³⁴.

(48) Поэтому, когда стало известно об усилении их активности, экспедицию против них он не поручил никому, а оставил для себя. Он сам³⁵ прибыл в Сегисаму³⁶, поставил лагерь, после чего войском, разделенным на три части, охватил всю Кантабрию и обложил одичавший народ словно зверей.

(49) Не было им покоя и со стороны Океана, откуда он ударил в тыл врагам сильным флотом. Впервые схватились с кантабрами у стен Бергиды³⁷. Оттуда они бежали на высочайшую гору Виндий, на которую, как они полагали, скорее поднимутся воды Океана, чем римское оружие.

(50) Сильное сопротивление оказал город Арацеллий³⁸, однако он был взят. Последней была осаждена гора Медулла. Когда римляне окружили ее сплошным рвом в 18 миль и одновременно подошли со всех сторон, варвары поняли, что им пришел конец. Они устроили погребальный пир, соревнуясь в выборе смерти – от меча, огня или яда, который они обычно добывают из тиссового дерева, большая их часть предпочла смерть, освободившись таким образом от плана, который им, в то время еще не покоренным, казался тяжелее смерти.

(51) Цезарь, зимовавший в Тарраконе у моря, узнал об этом от легатов Антистия³⁹ и Фурния⁴⁰ и от Агриппы⁴¹.

(52) Прибыв к месту боев, он одних свел с гор, других привязал к себе с помощью заложников, третьих продал под венком⁴² по праву войны.

(53) Сенат счел Цезаря достойным лавра и триумфальной колесницы, но он в то время был столь могущественным, что мог пренебречь триумфом.

(54) Тем временем со снежных гор опустилось огромное полчище астуриков. Вопреки обыкновению эта атака варваров была продуманной. Они поставили свой лагерь у реки Астура и разделили войско на три части, подготавливая нападение одновременно на три лагеря римлян.

(55) Исход сражения с таким сильным и, против ожидания, подготовленным к войне врагом был бы неясен и, я думаю, чреват потерями с обеих сторон, если бы не предали бригецины.

(56) Предупрежденный ими Каризий⁴³ бросил войска против астуриков и разрушил их планы, хотя и не без кровопролития.

(57) Остатки разбитого вражеского войска принял сильно укрепленный город Ланция⁴⁴, который защищался столь яростно, что воины потребовали предать его после захвата огню.

(58) Полководец с трудом отстоял его, сказав, что нетронутый город будет более значительным памятником римской победы, чем сожженный⁴⁵.

(59) Здесь конец боевым действиям Августа, как и сопротивлению Испании. Наступившие спокойствие и длительный мир были результатом как природного миролюбия испанцев, так и мудрых распоряжений Цезаря, который, опасаясь их бегства в горы, приказал заселить и возделывать местность в долине, где находились его лагеря.

(60) Здесь он повелел быть сходке племени, и это место считалось столицей. Благоприятствовали тому природные условия района: он изобилует золотом, хризоколлой⁴⁶, киноварью и другими красками. Поэтому Август и приказал возделывать землю. Так астурики начали знакомиться с богатствами и сокровищами своей земли, хотя они и добывали их не для себя, а для других.

¹ Клавдий Друз Нерон Германик, брат будущего императора Тиберия, вел войны с альпийскими племенами в 34-15 гг. до н.э.

² Иллирийская экспедиция Октавиана относится к 36-33 гг. до н.э.

³ Флор употребляет слово *augustior*, намекая на имя *Augustus*, которое Октавиан получит позднее.

⁴ Легат Октавиана Августа.

⁵ Г. Марций Фигул, консул 156 г. до н.э.

⁶ Азиний Поллион получил за победу над далматами триумф в 30 г. до н.э.

⁷ Второй, т.е. после Цицерона. Некоторые комментаторы считают это место интерполяцией, но П. Яль полагает, что Флор хотел подчеркнуть, что полководец и оратор – одно и то же лицо (*Florus*, p. 65).

⁸ Г. Вибий Постум, консул 5 г. до н.э., наместник Далмации в 6-9 гг. до н.э.

⁹ М. Лициний Красс, наместник Македонии 29 г. до н.э. Завоевал Мезию, подчинил фракийцев.

¹⁰ Пришел к власти при поддержке Рима около 11 г. до н.э.

¹¹ Л. Кальпурний Пизон Фруги, консул 15 г. до н.э., воевал с фракийцами в 13-11 или в 12-10 гг. до н.э.

¹² Сообщение Флора о Котисоне как царе даков расходится со сведениями Светония о нем как фракийском царе. Котисон был разбит М. Лицинием Крассом.

¹³ Гн. Корнелий Лентул, консул 14 г. до н.э. Дата экспедиции за Дунай точно не установлена; возможно, между 9 г. до н.э. и 6 г. н.э.

¹⁴ Это место лишний раз подтверждает, что труд Флора создавался после дакийских побед Траяна.

¹⁵ Согласно П. Ялю, около 12 г. до н.э.

¹⁶ Борм – место на Рейне, Гезориак – на р. Лиана близ Булони. Перевод дается по П. Ялю.

¹⁷ В рукописях – *ipsi. Ipse* – согласно поправке Перизония.

¹⁸ П. Квинтилий Вар, консул 13 г. до н.э. В отличие от других авторов, Флор подчеркивает его суровость и жестокость. Веллей Патеркул указывает на легкомыслие Вара.

¹⁹ Неясное место. Некоторые издатели вместо *incauto* рукописи В принимают чтение *in cathos* – против хаттов.

²⁰ Имеется в виду Арминий, князь племени херусков.

²¹ Сегест – тесть и злейший враг Арминия. 22 Очевидно, к тем, которые были приглашены Варом для улаживания споров.

²² Согласно Тациту, П. Стерций отыскал одного орла, Германик – другого. Третий орел был снят у германцев П. Габинием. Допущенный Флором анахронизм дал основание некоторым старым издателям считать, что труд его написан во времена Августа.

²⁴ Мусулы – берберийское племя на границе между Нумидией и Гетулией. Гетулы – наиболее крупное из племен Ливии, обитавшие в глубине страны, южнее мармаридов.

²⁵ Гн. Корнелий Лентул Косс Гетулик, консул 1 г. до н.э. С гетулами воевал в 5-6 гг.

²⁶ Мармариды, точнее мармарики, – племя, обитавшее между Египтом и Киренаикой.

²⁷ Гараманты – берберийская народность, обитавшая в глубине Ливии.

²⁸ П. Сульпиций Квиринин, консул 12 г. до н.э. В 21-20 гг. до н.э. вел войну с гарамантами.

²⁹ Неточно. Гай умер в Ликии, в городе Лимире.

³⁰ Дон – правитель Артагерды. Другим древним авторам известен как Адор и Аддон.

³¹ В N – *Artaxatis*, L – *Artasatis*. *Artageris* предпочтительнее, поскольку Страбон сообщает о восстании, армянского города Артагериды на Евфрате под руководством Адора.

³² Ваккеи – народность в Испании к востоку от лузитанов.

³³ Турмоги – неизвестное другим авторам племя Испании. Одноименный город находился близ современного Бургоса.

³⁴ Аутригоны, согласно поправке Салмаса. В рукописях: В – *aurigantes*, С – *aurigonas*.

³⁵ Имеется в виду Август, возглавивший поход против кантабров.

³⁶ Город ваккеев к западу от современного Бургоса.

³⁷ Этот город другим авторам неизвестен. Но Ливий упоминает племя вергистанов в Таррагонской Испании в рассказе о событиях 195 г. до н.э.

³⁸ Известен также Плинию Старшему. У Орозия – Рацилий.

³⁹ Г. Антистий Вет, видный цезарианец, консул 30 г. до н.э., легат 25 г. до н.э.

⁴⁰ Г. Фурний, в 25 г. до н.э. легат Августа в Испании, в 22 г. до н.э. – консул.

⁴¹ М. Випсаний Агриппа, сподвижник Августа. Воевал в Испании в свое 3-е консульство.

⁴² Военнопленный, продаваемый в рабство, имел на голове венки.

⁴³ Т. Каризий, будучи легатом Августа с полномочиями пропретора, в 25 г. до н.э. разбил астури и захватил крепость Ланцию.

⁴⁴ Город в земле астури в 20 км к юго-востоку от Леона.

⁴⁵ То же выражение.

⁴⁶ Хризоколла – зеленая краска.

3.5.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ

Страбон о природных условиях и быте племен Северного Причерноморья (Страбон, «География», VII, 3-4)

Характеристику природных условий и быта племен Северного Причерноморья можно встретить у Страбона.

Между гетами и Понтийским морем, от Истра по направлению к Тирасу, лежит гетская пустыня, ровное и безводное пространство... Отсюда до судоходной реки Тираса девятьсот стадиев. В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа. При устье Тираса находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один – Иикония, а другой, на левом берегу, – Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что, если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город. На расстоянии пятисот стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Белый, посвященный Ахиллу.

Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами. Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тире-геты, за ними язиги-сарматы, так называемые царские, и урги; все они по большей части – кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его. Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами, вероятно и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько колен... Самые северные [племена], занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами... Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом вооружено и большинство других варваров. Кибитки кочевников сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою – в болотах около Меотиды, а летом – и на равнинах.

За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем – Ахиллов бег, выдающийся в море полу-остров; это узкая коса, длиною около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее – два стадия, а наименьшая – четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посредине ее перешеек, имеющий около сорока стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku. За мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафрями. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу. Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют водою, так что эти болота непроходимы для более значительных судов...

Таврический полуостров и Боспорское государство: сведения Страбона (Страбон, География, VII, 4, XI, 2)

Сведения Страбона о Таврическом полуострове и существовавшем Боспорском государстве.

Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом и находящийся в четырех тысячах четырехстах стадиях плавания от устья Тираса. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название – Херсонес... Начиная от бухты Символов до города Феодосии тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров...

За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и с гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы боспорцев, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфеем. Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами...

Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от одного на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в двадцати стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, всего около двадцати стадиев; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием... Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден. Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев. Большой Херсонес и по виду и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские повелители, после того как он весь сильно пострадал от беспрерывных войн. Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров...

Что касается Херсонеса, то, за исключением горной области на морском берегу до Феодосии, вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная как попало любым пахарем, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в дань Митридату 180 000 медимнов хлеба и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому как соленая рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам два миллиона сто тысяч медимнов. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами, вследствие того что обитавшие выше их были кочевниками, питавшимися мясом различных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой... Кочевники занимаются более войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей... Земледельцы же, хотя и сльвут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению...

Танаис течет из северных стран, однако в направлении, не прямо противоположном Нилу, как полагает большинство, а восточнее его и, подобно ему, из неизвестных истоков... При впадении реки в озеро лежит одноименный с рекою город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора. Первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные

цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население, неподалеку на озере есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды на две тысячи двести стадиев, если плыть прямо на север, а если плыть вдоль берега, то немного больше.

При плавании вдоль берега первым от Танаиса на расстоянии восьмисот стадиев будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, идущей на засол. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, – малый Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров... На всем этом побережье живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающие кочевникам. Они разделяются на довольно многие племена; ближайšie к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору – более мягкими нравами...

Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апа-тур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове, по левую руку для вплывающего в него, а прочие города – по правую, за Гипанисом, в Синдике. В Синдике же недалеко от моря лежат и столица синдов Горгиппия и Аборака. Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорянами. Столицей европейских боспорян служит Пантикапей, а азиатских – Фанагорий (ибо город носит и такое название). Торговым пунктом для привозимого из Меотиды и от лежащих за ней варваров служит, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря – Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры...

К числу меотов принадлежат сами еинды, дандарии, то-реаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пятьсот стадиев...

Племена Сарматии в I и II вв. н. э.

(Плиний Старший, «Естественная история», IV, 80-81)

Плиний Старший (23-79 гг. н. э.) – римский ученый, автор многочисленных трудов по естествознанию, истории, риторике. До нас дошла его самая крупная работа энциклопедического характера – «Естественная история» в 37 книгах, представляющая собой свод современных ему сведений (заимствованных, по свидетельству самого Плиния Старшего, более чем из 2000 трудов) по астрономии, физике, географии, ботанике, зоологии, медицине и минералогии.

К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или по-гречески савроматы, а из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения, скифы, или трогодиты, затем аланы и роксоланы. Страны, лежащие выше, между Дануviем и Геркинским хребтом, до Паннонских стоянок в Карнунте и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, занимают язиги-сарматы, а горные хребты и ущелья до реки Патисса – прогнанные ими даки. От реки Мара, или Дурии, отделяющей их от свебов и от царства Ванныанского, противоположную область занимают бастерней и затем другие германцы... Имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти неизвестны прочим смертным.

(Птолемей, «Географическое руководство», III, 5)

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) – знаменитый астроном, математик и географ. Жил в Александрии, современник римского императора Антонина Пия. До нас дошел ряд его трудов (некоторые благодаря переводу их на арабский язык), из которых наибольшее значение имеют руководство по географии в 8 книгах и большой труд по астрономии в 13 книгах. Птолемей – автор гелиоцентрической системы, опровергнутой Коперником.

Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли... С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами, и самими горами... Южную границу составляют язиги-переселенцы от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата... и соседняя Дакия... до устья реки Борисфена и далее береговая линия Понта до реки Каркинита... Восточную границу Сарматии составляют перешеек от реки Каркинита, озеро Бика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела... Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды – по всему Венедскому заливу; выше Дакии – певкины и бастерны; по всему берегу Меотиды – язиги и роксоланы; далее за ними в глубь страны – гамаксобии и акифы-аланы.

(Помпоний Мела, «Землеописание», III, 4)

Помпоний Мела (первая половина I в. н. э.) – уроженец Испании, автор написанного на латинском языке географического очерка «Землеописание» в 3 книгах. В своем труде использовал данные более древних античных географов и историков.

Сарматия, более просторная внутри, чем по морскому берегу, отделяется от следующих земель рекой Вистулой и, опускаясь вниз, доходит до реки Истра. Население ее по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому, но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату. Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства: они вечно живут лагерем, перевоза свое имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги, племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наряду с мужчинами; для большего удобства движений у девочек немедленно после рождения прижигается правая грудь и вследствие этого рука делается свободной для нанесения ударов, а грудь – мужской.

(Аммиан Марцеллин, «История», XXXI, 2, 13-25)

Аммиан Марцеллин (ок. 330-400 гг.) – последний крупный представитель античной историографии. Уроженец Антиохии, участник походов императора Юлиана, в последние годы жизни жил в Риме, работая над историческим произведением, получившим название «Деяния», в 31 книге. До нас дошли книги XIV-XXXI, охватывающие период римской истории между 353-378 гг. н. э. В своем труде он уделяет большое внимание военной истории.

Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор... Аланы – нет надобности перечислять теперь их различные племена – живут на далеком расстоянии одни от других и, подобно кочевникам, перемещаются на огромные расстояния; с течением времени они, однако, приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами из-за своих обычаев, дикого образа жизни и одинакового вооружения. У них нет никаких шалашей, нет и заботы о хлебопашестве; живут они мясом и изобилием молока, помещаются в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя в место, изобилующее травой, они располагают свои кибитки в виде круга и питаются, как звери; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины вступают в брак с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место полагают и своим родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины попеременно с рощами плодовых деревьев; поэтому куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; молодежь же, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и культурным образом жизни. С целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боопора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен лицам спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто выпускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшений на своих боевых коней кожи, содранные с голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьбы они до сих пор выбирают лиц, отличавшихся в течение долгого времени военными подвигами.

Ольвия в конце I в. н. э. (Дион Хрисостом, «Борисфенитская речь»)

Дион Хрисостом (I-II вв. н. э.) – известный оратор, получивший прозвище «Златоуст». Уроженец Вифинии, жил в Риме, при Домициане был изгнан, при Антонинах снова вернулся в Рим. Автор 80 речей, из которых для нас представляет наибольший интерес так называемая «Борисфенитская речь», поскольку Дион лично посетил Ольвию в конце I в. н. э.

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, – и притом почти самых воинственных, – он постоянно подвергается нападениям и несколько раз был уже взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его, и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Из-за этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие – в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находила соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стенкой. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, а затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках... Почти все борисфениты усердно читают этого поэта [Гомера], вероятно потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу; они чрезвычайно чтят последнего, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе, и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-эллински говорят уже не совсем чисто из-за того, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть...

Восстание Сармака на Боспоре (Декрет в честь Диафанта IPE, I/2 № 352)

Декрет в честь Диафанта был найден в 1877 г. при раскопках в Херсонесе, датируется концом II в. до н. э. Там описываются события, связанные с деятельностью Диафанта, полководца Митридата Евпатора, в Северном Причерноморье. Жители греческого города Херсонеса, расположенного на Крымском полуострове, под угрозой нашествия скифов попросили помощи у понтийского царя Митридата, и тот отправил к ним войско под командованием Диафанта. В благодарность за оказанное им содействие жители Херсонеса поставили этот дошедший до нас декрет. В этом документе имеется важное свидетельство о восстании скифов-рабов во главе с рабом Савмаком, которое было с большим трудом подавлено Диафантом.

Митридат VI Понтийский использовал все средства, чтобы включить богатейшие области Причерноморья в состав своих владений. Следует указать, что понтийскому царю пришлось встретиться в Северном Причерноморье с большими трудностями – с нападениями скифов и с восстанием рабов во главе с Савмаком. Особое внимание при анализе этого события следует обратить на социальный состав восставших и подчеркнуть, что дольше всего восстание продолжалось в городах Феодосии и Пантикапее, где было сосредоточено наибольшее количество рабов, как работавших в мастерских, так и занятых обработкой земель. Савмак объявил себя царем и управлял Боспорским царством два года. Лишь с большим трудом восстание было подавлено полководцем Митридата Евпатора Диафантом.

...[херсонеоцы] предложили: так как Диафант, сын Асклепиодора, гражданин Синопы¹, наш друг и благодетель, пользуясь доверием и уважением, как никто, со стороны царя Митридата Евпатора, постоянно оказывается виновником всего хорошего для нашего города, направляя царя на самое прекрасное и славное. Будучи им привлечен и приняв на себя войну против скифов, Диафант прибыл в наш город и мужественно со всем войском переправился на ту сторону². Когда скифский царь Палак внезапно напал на Диафанта с большим полчищем, он, быв тем самым вынужден выстроить свое войско в боевой порядок, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и таким образом, устроил так, что царь Митридат Евпатор первый водрузил над ними трофей. Покорив соседних тавров³ и основав на том месте город⁴, Диафант отлучился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собою граждан цветущего возраста, Диафант продвинулся в центр Скифии, и, после того как скифы сдали ему царские укрепленные пункты Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Митридату Евпатору. Благодарный народ за все это почтил Диафанта приличествующими почестями, как освобожденный уже от владычества варваров. Когда скифы, обнаружив врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили [утвердившееся] положение вещей, это заставило царя Митридата Евпатора снова отправить Диафанта с войском [в Херсонес]. Диафант, хотя время склонялось к зиме, взял своих воинов и самых сильных их [херсонесских] граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но был

задержан непогодой, поворотил в приморские местности, захватил Керкинитиду и «укрепления» и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани⁵. Тогда Палак, полагая, что время ему содействует, собрал всех своих, а сверх того привлёк на свою сторону племя ревксиалов⁶... Диофант сделал разумную диспозицию [своих сил]. И вышло так, что была победа для царя Митридата Евпатора прекрасная и достопамятная на все времена: из пехоты [вражеской] почти никто не спасся, из конницы же немногие спаслись бегством⁷. Не оставаясь ни минуты в бездействии, Диофант с войском в начале весны пошел на Хабеи и Неаполь. Со всем тяжелым...бежать, а остальных скифов принудил совещаться о своем положении.

Диофант отправился в боспорские местности и устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора.

Когда скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили выкормившего их (т. е. скифов) боспорского царя Перисада, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним [херсонесскими] гражданами судно и, прибыв [в Херсонес], призвал на помощь граждан. [Затем], имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант, в начале весны [следующего года], прибыл [в Херсонес], с сухопутным и морским войском, и, присоединив к нему отборных [херсонесских] воинов, разместившихся на трех судах, двинулся [морем] из нашего города [Херсонеса], овладел Феодосией и Пантикапеем, покарав виновников восстания. Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство [т. е. в Понт], и снова приобрел власть [над Боспором] для царя Митридата Евпатора...

¹ Синопа – греческий город, расположенный на южном побережье Черного моря.

² То есть с южного берега Севастопольской бухты, где был расположен Херсонес, на ее северный берег.

³ На южном берегу Таврического полуострова, между Херсонесом и Феодосией.

⁴ Евпаторию.

⁵ Все эти пункты, принадлежавшие Херсонесу, были захвачены скифами. Керкинитиды – современная Евпатория; Прекрасная гавань – Акмечеть; укрепления расположены были на западном берегу Крыма.

⁶ Роксоланов.

⁷ У Страбона («География», VII, 306.) говорится, что армия Диофанта состояла всего из 6000 человек, одних же роксоланов было почти 50 000. Последняя цифра, разумеется, во много раз преувеличена с целью тем самым подчеркнуть доблесть греков.

Планы Митридата Понтийского в борьбе с Римом (Аппиан, «Митридатовы войны», 101, 102)

Митридатовы войны – серия войн между Римской республикой и Понтийским царством. Названы по имени понтийского царя Митридата VI Евпатора: Первая Митридатова война (89-85 гг. до н. э.), Вторая Митридатова война (84-82 гг. до н. э.). Третья Митридатова война (74-63 гг. до н. э.).

Митридат, оттесненный только со своею личной охраной к круче и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синорегу, где у него были спрятано много денег. Он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. С 6000 талантов он устремился к истокам Евфрата, чтобы там перейти в область колхов. Быстро двигаясь и день и ночь, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение трех следующих он стоял на месте и вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил. Затем он вторгся в Хотенейскую Армению; там он прогнал хотенейцев и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и перешел реку Апсар. Иберов, живущих в Азии, одни считают предками, другие – колонистами европейских иберов, третьи же – только одноименным с ними племенем: у них ничего нет общего ни по нравам, ни по языку. Митридат перезимовал в Диоскурах – этот город колхи считают доказательством того, что диоскуры плыли вместе с аргонавтами. Там Митридат задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве: он задумал обойти кругом весь Понт и скифов припонтских и, перейдя Мэотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы, тогда как они будут в Азии, поставив между собою и ими тот путь, который, как считают, был назван Боспором («путем быка»), потому что его переплыла Ио, когда она, обращенная ревностью Геры в корову, должна была бежать.

Как ни фантастичен был план, за который ухватился Митридат, однако он стал прилагать старания его выполнить. Он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастьи, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, [дружески] принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал. Говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя, и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов, – сначала, в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах. Когда Митридат вступил в область Мэотиды, в которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да

и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна; они пропустили его, и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Эонию, а затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Когда его сын Махар узнал, что он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для нас непроходимые, он отправил к нему послов, чтобы оправдаться перед ним, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав, что Митридат находится в крайнем гневе, он бежал на мыс [Херсонес], находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. А когда Митридат послал против него другие корабли, он, предупредив его, лишил себя жизни. Всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять этой страной, Митридат казнил; тех же из приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми.

Борьба Митридата VI Евпатора с Римом (Аппиан, «Митридатовы войны», 109)

После неоднократных поражений в борьбе с Римом Митридат VI Евпатор бежит на север, под защиту скифских и сарматских племен. Об этом подробно рассказывается у Аппиана в его сочинении, специально посвященном Митридату Евпатору

Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом, не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, воюя в Испании, и вследствие этого был особенно страшен римлянам; он знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаксом – гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения. Принимая все это в соображение, он намеревался двинуться в область кельтов. Но хотя этот план, может быть, оказался бы для него блестящим, но его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприятия; не хотелось им также отправиться в столь длительное военное предприятие, в чужую, землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле. О самом Митридате они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии. Но пока они оставались при нем и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастьях царь являл себя не как человек ничтожный и презренный.

Борьба Боспора против римской агрессии в середине I в. н. э. (Дион Кассий, «Римская история», LX, 28)

Митридат, царь [Боспора], замышляя изменить политику, стал готовиться к войне с римлянами. Так как мать его была против этого и, не успев в своей попытке уговорить его, хотела бежать, то он, с целью скрыть свои намерения, сам продолжая приготовление к войне, отправил своего брата Котия послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котий, злоупотребив оказанным доверием ему как послу, донес обо всем и стал царем [Боспора] вместо Митридата.

Борьба Боспорского царства за независимость при Митридате VII (Тацит, «Анналы», XII, 15-21)

Во взаимоотношениях с Боспорским царством следует отметить упорную тенденцию римлян посадить своих ставленников на Боспорский престол, что встречало активное сопротивление греческих городов и местного населения. В эпоху Цезаря был убит римский ставленник Митридат Пергамский, погибший в борьбе с наместником Боспора Асандром. Во времена Августа на Боспоре погиб в борьбе с племенем аспургиан римский ставленник Полемон. В этот период Боспор чеканит золотую монету, а боспорские цари, и в первую очередь Аспург, правивший с 10 по 36 г. н. э., проводят независимую от Рима политику.

Важно остановиться на восстании Митридата VII, царя Боспорского, против Рима. Об этом событии мы знаем из подробного изложения в «Анналах» Тацита. Восстание против Рима широко распространилось – кроме Боспорского царства, восстали и местные племена, в том числе племя сираков. Следует отметить при анализе этого документа позицию римского императора Клавдия, который не захотел вести войну против населения Северного Причерноморья, «где цари так воинственны, народы кочевые, почва бесплодна». Интересно, что Митридат, привезенный в качестве пленника в Рим, «держал речь смелее, чем позволяло его положение».

Когда Митридат Боспорский¹, после потери своих владений блуждавший по разным местам, узнал, что римский полководец Дидий² с главными своими силами удалился, а в Новом царстве остались молодой и неопытный Котис и немногие когорты под начальством римского всадника Юлия Аквилы, то он, презирая того и другого, стал подстрекать окрестные племена и привлекать к себе перебежчиков; наконец, собрав войско, он изгоняет царя дандаридов³ и захватывает его царство. Когда это стало известно и нападение Митридата на Боспор ожидалось с часу на час, то Аквила и Котис, не надеясь на собственные силы, потому что царь сираков⁴ Зорсин возобновил враждебные к ним отношения, также стали искать помощи извне и с этой целью отправили послов к Эвнону, стоявшему во главе племени аорсов⁵. Нетрудно было склонить его к союзу, указывая на римское могущество в противоположность мятежнику Митридату. Итак было условлено, что Эвنون будет действовать конницей, а римляне возьмут на себя осаду городов.

Затем они выступают правильным строем, фронт и тыл которого занимают аорсы, центр – римские когорты и жители Боспора, вооруженные по-нашему. Они прогнали неприятеля и вступили в дандаридский город Созу⁶, покинутый Митридатом из-за ненадежного настроения его жителей; решено было занять его и оставить гарнизон. Отсюда они идут далее на сираков и, перейдя реку Панду⁷, окружают город Успу⁸, расположенный на возвышенности и укрепленный стенами и рвами; впрочем, стены его, построенные не из камня, а из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей, представляли слабую защиту против нападений. Осаждающие, выведя башни выше стен, факелами и копьями приводили в смятение осаждаемых, и если бы ночь не прекратила сражения, то взятие города было бы начато и завершено в один день.

На следующий день осажденные прислали посольство с просьбой пощадить свободных граждан, предлагая за это десять тысяч рабов. Победители отвергли это предложение, потому что избивать сдавшихся считали бесчеловечным, а конвоировать такую массу людей – трудным; поэтому решили, чтобы они лучше пали по праву войны, и солдатам, взобравшимся уже по лестницам, был подан сигнал к резне. Избиением успийцев был внушен страх остальным, которые уже ни в чем не видели безопасности, коль скоро сила оружия, укрепления, загражденные или возвышенные местности, реки и города не останавливают победителей. Зорсин долго думал о том, следует ли заботиться о Митридате в его затруднительном положении или о родном царстве; наконец, когда одержала верх польза его племени, он дал заложников и пал ниц перед изображением императора к великой славе римского войска, которое, одержав бескровную победу, как стало известно, находилось на расстоянии трех дней пути от реки Танаиса. Но при возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов, [войска возвращались морем], были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда.

Между тем Митридат, не видя никакой помощи в оружии, стал раздумывать о том, к чьему милосердию прибегнуть. Брата Котиса, давно ему изменившего и потом сделавшегося врагом, он боялся; а среди римлян никто не имел такого значения, чтобы его обещания могли иметь большую цену. Поэтому он обратился к Эвнону, который не питал к нему личной ненависти и был силен недавно заключенной с нами дружбой. Итак, надев скромное платье и приняв вид, наиболее подходивший к его положению, он входит во дворец Эвнона и, припав к его коленам, говорит: «Митридат, которого римляне столько лет ищут на суше и на море, является к тебе добровольно. Поступай, как тебе угодно, с потомком великого Ахемена⁹; это – одно, что не отняли у меня враги».

Эвنون, тронутый его знатностью, превратностями судьбы и полной достоинства просьбой, поднимает его с колен и хвалит за то, что именно народ аорсов и его, Эвнона, позвал он себе на помощь. Тут же он отправил послов с письмом к императору, в котором писал, что сходство положений прежде всего порождает дружбу императоров римского народа с царями великих племен, а с Клавдием, кроме того, его соединяет общность победы. Лучший конец войны бывает тот, когда он завершается прощением; так, ничто не отнято у побежденного Зорсина; для Митридата, провинившегося сильнее, он не просит ни власти, ни царства, а только того, чтобы его не вели в триумфальном шествии и не предали смертной казни.

Клавдий, хотя вообще и был снисходителен к знатым чужестранцам, задумался над вопросом, правильнее ли принять Митридата как пленного, под условием прощения, или требовать его выдачи оружием. В пользу второго решения склоняла его горечь оскорблений и жажда мести; но, с другой стороны, являлись соображения, что войну пришлось бы вести в местностях бездорожных, на море без гаваней; к тому же цари там воинственны, народы кочевые, почва бесплодна; медленность может возбудить недовольство, а поспешность – вовлечь в опасности; не велика будет слава в случае победы, но велик позор в случае неудачи. Поэтому лучше взять предложенное и спасти изгнанника, для которого при его несчастном положении чем дольше будет жизнь, тем больше наказание. По этим соображениям Клавдий написал Эвнону, что хотя Митридат заслужил самое тяжкое наказание и у него, [Клавдия], нет недостатка в силах, чтобы привести это наказание в исполнение, но предками заповедано, что с каким упорством следует действовать против врагов, с такой же милостью относиться к молящим о пощаде: ибо получать триумфы можно только над народами и царствами цельными, [т.е. не покоренными раньше].

После этого Митридат был выдан и привезен в Рим прокуратором Понта Юнием Килоном; перед императором он, как говорили, держал речь смелее, чем позволяло его положение; его слово распространилось в народе в следующем виде: «Я не прислан к тебе, а возвратился сам; если не веришь, то отпусти меня и ищи».

Он сохранил неустрашимый вид и тогда, когда был выставлен возле кафедры на зрелище народу, окруженный стражей¹⁰. Килону были определены знаки консульской власти, а Аквиле – преторской.

¹ События эти имели место в 49 г. н. э.

² Лидий Галл был также проконсулом Сицилии и Азии, легатом Британии.

³ Племя дандариев, на основании эпиграфических источников, можно отнести к мэотийским племенам.

⁴ Сарматское племя сираков обитало, судя по данным Страбона, к северу от Кавказских гор.

⁵ Аорсов Страбон помещает между Мэотидой и Каспийским морем.

⁶ Локализуется между нижним течением реки Кубани и берегом Азовского моря. У других авторов не упоминается.

⁷ Другими авторами не упомянута. Вероятно, один из правых притоков реки Кубани.

⁸ Ближе неизвестен. Наименование это, должно быть, сопоставлено со скифским племенным именем исеп.

⁹ Будучи правнуком, или праправнуком, Митридата VI Понтийского, Митридат причисляет себя к династии Ахеменидов, к которой принадлежал его знаменитый предок.

¹⁰ Митридат прожил в Риме вплоть до времени императора Гальбы, который велел его казнить за участие в заговоре Нимфидия.

Надпись Тиберия Плавтия Сильвана

Эпитафия в честь Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, бывшего во времена правления Нерона легатом провинции Мезии, найдена в Тудере, в Италии. Его успешное управление провинцией Мезией было отмечено затем в правление императора Веспасиана.

Тиберию Плавтию сыну Марка Сильвану Элиану, понтифику, члену коллегии августалов, дуумвиру по чеканке монеты, квестору Тиберия Цезаря, легату V македонского легиона в Германии, претору города, легату и спутнику Клавдия Цезаря в Британии, консулу, проконсулу Азии, пропретору Мезии, куда он перевел в качестве данников более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми, вождями и царями. Он подавил поднявшееся среди сарматов волнение, хотя большую часть войска он отослал в экспедицию в Армению. Ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей, на том побережье, которое он охранял, он заставил впредь поклоняться римским знаменам. Царям бастарнов и роксоланов он отослал сыновей их братьев-даков, захваченных в плен или вырванных из рук врагов; от некоторых из них он принял заложников, чем укрепил и продлил мир в провинции. Он также заставил скифского царя снять осаду с Херсонеса, который находится за Борисфеном. Он первый из этой провинции облегчил снабжение римского народа хлебом, благодаря [доставке] большого количества пшеницы. Посланного легатом в Испанию и затем назначенного префектом города, сенат почтил его триумфальными отличиями по инициативе императора Цезаря Веспасиана; слова из его речи приведены ниже: он так управлял Мевией, что не должен был бы отличаться от моего, его почетные триумфальные отличия разве лишь в том, что они должны быть шире, как это по обычаю следует для префекта города. Его император Цезарь Август Веспасиан сделал вторично консулом во время исполнения им должности префекта города.

Восстание Аникета против римлян (Тацит, «Истории», III, 47, 48)

Сравнительно скоро после восстания Митридата VII в Понте имело место и другое восстание, направленное против римлян. Восставшие во главе с рабом Аникетом перебили римский гарнизон, находившийся в Трапезунде, и уничтожили флот римлян. Нужно подчеркнуть, что это антиримское движение приобрело такой широкий размах, что император Веспасиан для подавления его вынужден был направить войска под командой Виргидия Гемина.

В Понте внезапно поднял оружие раб-варвар, бывший некогда начальником царского флота. Это был Аникет, отпущенник Полемона, пользовавшийся прежде большой силой и досадовавший на перемену, из-за которой царство превратилось в провинцию. Именем Вителлия¹ привлекая на свою сторону народы, жившие по берегам Понта, и пообещав богатую добычу бедноте, он во главе довольно значительной шайки внезапно ворвался в Трапезунт, истари славный город, построенный греками в конце понтийского побережья. Там была перебита когорта, составлявшая прежде царский вспомогательный отряд; потом ее солдаты, пожалованные римским гражданством, стали носить знамена и оружие по нашему образцу, но сохранили греческую леность и распущенность.

Аникет поджег и флот, издеваясь над опустелым морем, так как Муциан перевел в Византий отборнейшие либурнские суда и всех солдат. Поэтому-то варвары горделиво разъезжали по морю, быстро построив суда, называемые камарами, с высокими боками и широким дном, сплоченным без медных или железных связей. При бурном море они соответственно подъему волн увеличивают верхи судов досками, пока они не закроются, наподобие кровли. Так эти суда и колышутся среди волн, имея с обеих сторон одинаковые носы и переменные весла, так что для них безразлично и безопасно причаливать той или иной стороной.

Это восстание обратило на себя внимание Веспасиана, и он выбрал отряды из легионов и начальника для них – испытанного воина Виргидия Гемина. Последний, напав на расстроенного и рассеянного в погоне за

добычей неприятеля, загнал его на корабли. Затем, наскоро построив либурники², он в устье реки Хоба нагоняет Аникета, считавшего себя в безопасности под прикрытием царя седохезов³, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. И действительно, сначала царь защищал просителя угрозами и оружием; но когда ему выставили на выбор награду за выдачу или войну, он, по свойственному варварам вероломству, условился погубить Аникета и выдал перебежчиков. Так был положен конец войне с рабами.

¹ Авл Вителлий был провозглашен императором в 69 г., но убит в борьбе с Веспасианом, другим претендентом на престол. За кратковременный период пребывания у власти поощрял грабежи и разбой солдат своей армии.

² Легкие гребные суда, называвшиеся так по имени племени либурнов на иллирийском побережье.

³ Название этого племени у других авторов не встречается.

Нападение племен Сарматии на дунайскую границу (Дексипп, «Летопись», фрагмент 16-а)

Дексипп (III в. н. э.) – афинский софист, историк и политический деятель, автор «Исторической хроники» в 2 книгах, «Истории диадохов» в 4 книгах и «Скифики» – сочинения, посвященного готским войнам и, в основном, сохраненного нам Зосимом.

Скифы, называемые готами, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну; они победили мисийцев, бежавших в Никополь. Выступивший против них Деций, как рассказывает Дексипп, перебил их тридцать тысяч, но затем был разбит в битве, так что потерял взятый им Филиппополь, и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои пределы Деций-богоборец снова напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите, или так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились домой со множеством пленников и добычи.

Вторжения племен Причерноморья и Приазовья в Малую Азию (Зосим, «Новая история», I, 31-33)

Зосим (вторая половина V в. н. э.) – автор «Новой истории», написанной на греческом языке, в которой давалось краткое изложение событий от правления Августа до 410 г. н. э. Будучи ярким противником христианства, Зосим считал главной причиной ослабления римского могущества падение языческой религии.

Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследования от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой. Когда скифы стали опустошать все, что было на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань... Суккесиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров... Но когда Валериан отозвал Суккесиана... скифы снова взяли у боспорян суда и переправились в Азию. Удержав суда и не позволив боспорянам, как прежде, возвратиться на них домой, они пристали близ Фасиса... Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт. Без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плавания пленными, умевшими грести, они при тихой погоде, простоявшей почти все лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных воинов, десять тысяч других. Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять силой город, обнесенный двумя стенами, но, узнав, что воины преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попить, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого бревна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, пораженные внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. Взяв город таким способом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и вообще все, что служило к украшению или увеличению города, а затем опустошив и всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей.

3.6. РИМ В III В.

Размеры пошлин на товары и скот в Нумидии в III в. (Надпись из Зарая в Нумидии, 202 г.)

Нумидия – в древности область в Северной Африке (совр. северная часть Туниса и Алжира), была населена нумидийцами. В 46 г. до н. э. превращена в римскую провинцию Новая Африка.

В III консульство Л. Септимия Севера и М. Аврелия Антонина¹, благочестивых Августов, установлен закон о пошлинах после ухода [стоявшей там] когорты². Пошлины на поголовье: за раба 1 1/2 денария, за жеребца или кобылу 1 1/2 денария, за мула мужского или женского рода 1 1/2 денария, за осла и быка 1/2 денария, за свинью сестерций, за поросенка дупондий³, за барана и козла сестерций, за козленка и ягненка дупондий; скот на ярмарке беспошлинно. Пошлины на иноземную одежду: плащ для трапезы 1 1/2 денария, тройная туника 1 1/2 денария, простое одеяло 1/2 денария, пурпуровая накидка 1 денарий, за остальные африканские одежды по 1/2 денария за штуку. Пошлины на одежды из кожи: за обработанную кожу 1/2 денария, за кожу с волосами дупондий, овечью или козью кожу дупондий, за седло мягкое... грубое 1/2 денария, за 10 фунтов клея дупондий, за 10 фунтов губок дупондий. Закон о пошлинах на стада скота: рабочий скот беспошлинно, за остальной скот согласно поголовной пошлине ... за амфору вина и за амфору консервов дупондий, за 100 фунтов пальмы 1/2 денария, за 100 фунтов фиг... за 10 модиев орехов... за древесную смолу... за 100 фунтов... перец...

¹ Марк Аврелий Антонин Август – полное имя императора Каракаллы (находился у власти 211-217 гг.).

² Когорта – воинское подразделение, состояло приблизительно из 500 чел. и равнялось 1/10 части легиона.

³ Дупондий – медная монета, особенно распространенная в Риме в эпоху поздней империи, равна двум ассам.

Нападения племен на границы Нумидии в III в.

Одновременно с политическим кризисом в Римской империи имели место многочисленные нападения племен почти по всей северной границе – готов, франков, аламанов. Особенно они усилились при императоре Марке Юлии Филиппе Арабе (244-249 гг.). Два года спустя после смерти последнего в битве с готами, вторгшимися во Фракию и Македонию, погиб преемник Филиппа Араба, Гай Мессий Траян Деций.

Время правления последующих императоров (особенно Валериана и Галлиена) также характеризуется непрерывными нападениями на границы империи. Рейн перешли германские племена – франки и аламаны, а готы перешли Дунай и дошли до границ Ахайи, на африканские провинции напали мавретанские племена. Восточной границе империи угрожали персы. Таким образом в III в. уже отчетливо проявились все черты того кризиса, который два века спустя привел к гибели Западной Римской империи.

Надпись из Аузии

Надпись найдена в Мавретании Цезарейской, в городе Аузии, поставлена 25 марта 260 г. Она, как и некоторые другие надписи из городов Мавретании и Нумидии, указывает, что в Африке во второй половине III в. имело место длительное восстание местного населения и вторжения африканских племен¹, живших за границей провинции. Это движение, развивавшееся параллельно движению багаудов в Галлии, явилось одним из важных этапов восстаний рабов и колонов, приведших к гибели Римской империи.

«К. Горгилию сыну Квинта Морциолу² римскому всаднику, префекту I Астурийской когорты в провинции Британии, префекту Испанской когорты в провинции Мавретании Цезарейской, секретарю в управлении военной службы, начальнику когорты отборных мавретанских всадников, находящихся на территории [города] Аузии, декуриону двух колоний Аузии и Русгунии и патрону провинции за его выдающуюся любовь к согражданам и исключительную преданность родине и за то, что благодаря его доблести и бдительности мятежник Фараксен со своими приверженцами был пойман и убит. Совет Аузиенской колонии, освободившись от осады [племени] баваров. Посвящено в VIII апрельские календы в год провинции CCXXI.

¹ Союз пяти племен, живших на северо-востоке Мавретании Цезарейской, по свидетельству Аврелия Виктора и Евтропия, поднял восстание, которое с трудом было подавлено только Максимьяном.

² Известный землевладелец и агроном.

Надпись из Ламбезе

Надпись найдена в Ламбезе в Нумидии, относится к 260 г.

«Юпитеру Всеблагому величайшему и остальным бессмертным богам и богиням, Гай Марциний Децион, светлейший муж, пропретор двух Августовых провинций Нумидии и Норики. Когда четверо баварских царей, соединившись, вторглись в провинцию Нумидию, сначала в область Милева, затем в пограничную область Мавретании и Нумидии, и в третьих в область квинквентанеев¹ он перебил и обратил в бегство племена Мавретании Цезарейской, а также фараксинские племена², опустошавшие провинцию Нумидию, причем он взял в плен их пресловутого вождя».

¹ Союз пяти племен, живших на северо-востоке Мавретании Цезарейской.

² Очевидно, названы так по имени их вождя мятежника Фараксена, который здесь и подразумевается в словах «пресловутый вождь».

3.7. РИМ В IV – V ВВ. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Взаимоотношения с Сасанидами (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XVII, 5)

Аммиан Марцеллин родился в Антиохии в 330 г. Юность его прошла в военных походах, он участвовал в осаде столицы Персии Ктесифона при императоре Юлиане Отступнике (363 г.). Последующие годы своей жизни (Аммиан умер около 400 г.) он жил в Риме. Там были написаны его «Деяния». По замыслу автора, они охватывают события с 96 г. до 378 г., т.е. со времени правления императора Нервы до смерти Валента. Из 31 книги этого труда до нас дошли последние 18, в которых описываются события, современником которых был сам Аммиан Марцеллин. Это придает особую ценность его свидетельствам. Особое внимание уделяет автор военной истории, в значительной мере подражая Тациту. Интересна и характеристика общественного строя различных племен, которую мы находим у Аммиана Марцеллина.

В консульство Дациана и Цереалия в Галлии проявлялось в распоряжениях властей заботливое внимание к интересам населения, и страх перед недавними событиями сдерживал нападения варваров. В это время царь персидский, все еще находившийся на границе своего царства с самыми отдаленными народами, собирался уже вернуться домой, заключить союзный договор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особой воинственностью. Тут он получил письмо Тамсапора, извещавшего его о том, что римский император просит о мире. Полагая, что такие действия предпринимаются только из-за ослабления государства, Сапор, возгордясь больше прежнего, заявил, что он соглашается на мир, но условия предложил тяжелые. Он отправил послом к Констанцию некоего Нарсея с дарами и письмом, которое было написано со свойственным ему высокомерием. Содержание письма было, по моим сведениям, таково:

«Я, царь царей Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию-цезарю, моему брату, привет.

Радуюсь и вполне одобряю, что ты вернулся наконец на правильный путь и прислушался к неподкупному голосу справедливости, изведав на деле, какие несчастья приносит иногда упорное стремление завладеть чужим. Так как язык истины должен быть ничем не связан и свободен и так как людям высокого положения подобает, чтобы их слова соответствовали вполне их мыслям, то я в немногих словах выскажу свое решение, напоминая, что я имел не раз случай излагать то, что намерен сказать теперь. О том, что мои предки владели до реки Стримона и границ Македонии, свидетельствуют наши летописи. Требовать прежних границ по-добает мне, так как я – никто не сочтет высокомерным мое заявление – превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; держась его, я никогда ничего не сделал такого, в чем бы приходилось каяться. Я должен поэтому воротить назад себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда... Если ты хочешь послушать моего разумного совета, откажись от небольшой области, являющейся вечным предметом борьбы и кровавого спора, чтобы спокойно править остальным царством... Во всяком случае я тебе заявляю: если это мое посольство вернется без всякого результата, то по окончании времени зимнего отдыха я поспешу с возможной быстротой выступить

против тебя со всеми своими силами и черпаю надежду на успех в уверенности в своем счастье и в сознании справедливости предлагаемых мною условий».

В течение долгого времени письмо это обсуждалось, а затем был составлен ответ с благородной гордостью и полной осмотрительностью.

«Я, Победитель на суше и на море, Констанций, Август веки, шлю привет моему брату царю Сапору.

Приветствую твое благополучие, как будущий твой, если захочешь, друг; но твою жадность, никогда не убывающую и все ширящуюся, жестоко порицаю. Ты требуешь Месопотамию как свою собственность, а также и Армению и советуешь отнять от живого тела некоторые его части, чтобы тем обеспечить его благополучие на последующее время. Этот совет лучше сразу отклонить, чем поддерживать его согласием в какой-либо форме. Узнай поэтому истину без всякой хитрой притаенности, в прозрачной ее чистоте, истину, которую нельзя запугать никакими пустыми угрозами. Мой префект претория, полагая, что он предпринимает дело, направленное к общему благополучию, завел без моего ведома с твоим полководцем через каких-то людей низкого состояния речи о мире. Я не отказываюсь и не отвергаю мира, только бы он был почетный и благородный, и ни в каком отношении не ронял ни моей чести, ни моего величия. В ту пору, когда волны зависти, не раз воздымавшиеся на меня, умиротворены целым рядом моих подвигов, когда по уничтожении тиранов весь римский мир повинуетя мне, нелепо и бессмысленно было бы отрекаться от того, что я долго сохранял нерушимым, когда еще правил только в восточных областях. Так пусть же прекратятся запугивания, с которыми подступают к нам по обычаю. Ведь не может быть сомнения в том, что иной раз мы не из трусости, а по чувству самообладания вели скорее оборонительную, чем наступательную войну. А когда нас задевают, то мы отстаиваем наше достояние с мужественным воодушевлением доброго дела. По опыту и из истории мы знаем, что лишь изредка в некоторых битвах колебалось римское дело, но конечный исход войн никогда не оказывался в ущерб для римлян».

Посольство ничего не добилося и было отпущено, – да и нельзя было ничего больше ответить на наглые требования царя, – а через несколько дней вслед за посольством Сапора уехали комит Проспер трибун и нотариий Спектат, а также, по совету Музониана философ Евстафий, имевший репутацию мастера убеждать. Они везли письмо императора и подарки. На них было возложено поручение задержать всеми способами военные приготовления Сапора, чтобы укрепить по возможности обороноспособность северных провинций.

Поселение готов на территории Римской империи (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 4, 1-11)

Аммиан Марцеллин рассказывает нам о поселении готов на территории Римской империи.

Итак, они [готы] под предводительством Алавива заняли берега Данубия и, отправив послов к Валенту, униженно просили принять их, обещая жить спокойно и подавать помощь по обстоятельствам.

Пока происходили эти события вне пределов империи, расходились грозные слухи о том, что среди северных народов совершаются новые передвижения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от маркоманнов и квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи прогнано из своих обиталищ внезапным натиском, придвинулись к Истру с женами и детьми.

Вначале это известие было принято нашими с пренебрежением по той причине, что в тех пределах по отдаленности театра военных действий привыкли получать известия, что войны или закончены, или, по крайней мере, на время успокоены.

Но когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, то воспринято оно было скорее с радостью, чем со страхом. Искушенные в своем деле лстецы преувеличенно возносили счастье императора, которое предоставило ему совершенно неожиданно столько рекрутов из отдаленных земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив воедино и свои, и чужие силы, а государственная казна получит огромные капиталы от военной подати, которая из года в год платилась провинциями.

В этой надежде отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры к тому, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей Римского государства, хотя бы даже он был поражен смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Данубий и занять местности во Фракии, они переправлялись целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта самая опасная из всех и уровень воды был выше обыкновенного вследствие частых дождей, то много народу тонуло, как те, кто при крайнем переполнении судов слишком решительно плыл против течения, так и те, кто бросался вплавь.

Так прилагались все старания к тому, чтобы навести гибель на римскую землю. Хорошо известно, что злосчастные устроители переправы варваров часто пытались определить их число, но оставили это после многих безуспешных попыток...

...Первыми были приняты Алавив и Фритигерн. Император приказал выдать им пока что провиант и предоставить земли для обработки.

В то время, когда открыты были заставы на вашей границе и варвары сыпались на нас толпами вооруженных людей, как Этна извергает свой пылающий пепел, и трудное положение государства требовало прославленных военными успехами полководцев, теперь именно, словно по вмешательству разгневанного божества, во главе военных сил стояли как на подбор люди с запятнанным именем. На первом месте были Лупицин и Максим, первый – комит во Фракии, второй — дук, вызывавший к себе ненависть; оба они могли соперничать между собой в неосмотрительности.

Их зловредное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, какие названные военачальники или другие, благодаря их попустительству, позволили себе совершить самым позорным образом в отношении переходивших к нам иноземцев, ничем дотоле не провинившихся, я расскажу об одном, столь же постыдном, как и неслыханном деянии, которое не могло бы быть признано извинительным даже в глазах судей, замешанных в этом деле.

Когда варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти несправедливейшие дуки завели постыдный торг; за каждую собаку, которых отовсюду набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин.

Восстание готов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 6)

Аммиан Марцеллин рассказывает нам о восстаниях готов.

Неожиданно был готам доставлен императорский приказ, повелевавший перейти на Геллеспонт. Они без малейшей дерзости попросили выдать им путевые деньги и провиант и разрешить двухдневную отсрочку. Начальник города, который был сердит на них за разграбление его загородного имения, принял это враждебно и вооружил на их гибель всю чернь вместе с ремесленными рабочими, которых там очень много; приказав трубачам играть боевой сигнал, грозил всем им смертью, если они не выступят немедленно, как им было приказано.

Пораженные этим неожиданным бедствием и уstraшенные напором горожан, скорее стремительным, нежели обдуманым, готы стали недвижимо на месте: на них сыпались поношения и брань, в них попадали стрелы, и, раздраженные этим до крайности, они решились на открытый бунт. Перебив множество зарвавшихся вперед в дерзком задоре, они остальных обратили в бегство и перекололи различным оружием. Затем они вооружились снятым с убитых римским оружием и, когда поблизости появился Фритигерн, соединились с ним как покорные его союзники и стали теснить город бедствием осады. Долго они продолжали это трудное дело, делали приступы в разных местах; иные, совершавшие подвиги выдающейся отваги, гибли неотомщенные, многих убивали насмерть стрелы и камни, метаемые из пращей.

Тогда Фритигерн, видя, что не умеющие вести осаду люди терпят понапрасну такие потери, посоветовал уйти, не доведя до конца дела, оставив там достаточный отряд. Он говорил, что находится в мире со стенами, и давал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь притом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны.

Одоблив этот план царя, который, как они знали, будет деятельным сотрудником в задуманном деле, они рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно там, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большим вспоможением являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба.

К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местам готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники. Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не задетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они довольно уже прожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину.

Осада Адрианополя готами в 378 г. (Аммиан Марделлин, «Деяния», XXXI, 15)

Аммиан Марцеллин рассказывает нам об осаде Адрианополя готами, которую он сравнивает с битвой при Каннах, так как и в том, и в другом случае Римское государство потерпело жестокое поражение. Ослабевшая Западная Римская империя не в состоянии уже была дальше защищать свои границы.

На другой день¹ с рассветом победители², подобно диким зверям, которые еще более разъяряются от запаха крови, под влиянием пустых надежд на добычу, плотными рядами подступили к Адрианополью с намерением расправиться с этим городом хотя бы ценою крайней для себя опасности: от изменников и перебежчиков они узнали, что в этом городе, как в укрепленном и неприступном месте, находятся представители высшей власти, знаки императорского достоинства и сокровищница Валента. И чтобы не охладил их пыл от перерывов в действиях, они в четвертом часу дня, замкнув кольцо осады вокруг стен города, начали ожесточеннейший бой; наступающие, в силу природженной ярости, проявляли отвагу, не жалея самих себя; с другой стороны, и у защитников мужество возрастало благодаря собравшимся у них большим силам. И так как большому числу воинов и рабов из лагерной прислуги вместе с обозом не дали войти в город, они прижимались к стенам и сплошным рядам построек и бились с храбростью, насколько это позволяло неудобное для них место. Выдержки и ярости для боя у них хватило до девятого часа³; а потом внезапно триста наших пехотинцев, стоявших у самых заграждений, сплотившись клином, перешли на сторону варваров; те с жадной поспешностью окружили их и тотчас же [неизвестно, с какой целью] зарубили. Вследствие этого в дальнейшем было подмечено, что никто больше не задумывал ничего подобного даже в случаях совершенно безнадежного для себя положения.

В дальнейшем⁴ варвары в заносчивой форме потребовали у римлян сдачи и отправили им письмо с парламентаром. Так как посланный не решился войти в город, письмо было передано каким-то христианином; его прочли и оценили по достоинству: остаток дня и вся ночь были использованы для оборонительных сооружений. Именно, ворота изнутри были завалены огромными камнями, укреплены были в слабых местах стены, удобно были расставлены метательные орудия для бросания копий и камней, подвезено было достаточно питьевой воды, так как накануне некоторые из бойцов чуть не умерли от жажды.

Со своей стороны и готы, считая победу для себя трудной и обеспокоенные тем, что видели, как гибнут и подвергаются ранениям самые храбрые из них и уменьшаются частично их силы, придумали коварный план, который обнаружился во имя торжества справедливости. Некоторых наших кандидатов⁵, которые накануне перешли к ним, они убедили притвориться беглецами, возвращающимися к себе домой, и под таким предлогом добиться, чтобы ихпустили в город. Проникнув туда, они должны были тайно поджечь город в какой-нибудь его части, чтобы осажденные, бросившись тушить огонь, отвлеклись от охраны стен, и город можно было бы взять. Кандидаты, по уговору, пошли на это: подойдя ко рву, они протягивали руки и молили, чтобы ихпустили в город, как подлинных римлян. И они были впущены, так как не было на них никакого подозрения. Но когда их стали допрашивать о намерениях врагов, они давали сбивчивые ответы; следствием этого было то, что их подвергли кровавой пытке, они сознались, ради чего они проникли в город, и были казнены.

В результате боя город Адрианополь остался за римлянами.

¹ После битвы с готами, тервингами и грейтунгами, которую римляне проиграли и во время которой убит был император Валент.

² Готы.

³ Двенадцать денных часов отсчитывались римлянами между восходом и заходом солнца. Полдень приходился, таким образом, между шестым и седьмым часом; девятый час – примерно около двух часов дня.

⁴ Текст следующей фразы несколько испорчен, поэтому передаем ее содержание своими словами.

⁵ Кандидатами Аммиан называет молодых военнотружущих, еще не утвержденных в должности

Осада Рима вестготами в 409 г. (Зосим, «Новая история», V, 42)

Отрывок из сочинения византийского автора Зосима (вторая половина V в.), использовавшего сообщения своих предшественников современников осады Рима вестготами.

В Риме решают отправить к врагу посольство, которое довело бы до его сведения, что осажденные согласны на мир, но только на сносных условиях. Но они еще более готовы биться, раз римский народ взялся за оружие, вследствие постоянного употребления которого он не страшится и в дальнейшем боевых столкновений. Во главе этого посольства был поставлен Василий, родом испанец, обладавший званием начальника провинции. Как сопровождающее лицо, к нему присоединился Иоанн, бывший когда-то старшим над государевыми писцами, так называемыми трибунами, – лицо, хорошо известное Алариху и предназначенное на роль посредника между сторонами. Надо заметить, что римляне не знали определенно,

тут ли был сам Аларих и сам ли он руководил осадой Рима. Без сомнения, их до некоторой степени утешал распространившийся до того слух, что не Аларих, а другой варварский вождь, бывший сторонником Стилихона, увлек Алариха за собой к городу Риму.

Когда послы прибыли к Алариху, они были смущены тем неведением, в каком столь долго оставался римский народ, и вместе с тем изложили порученное им сенатом дело. Аларих их выслушал, отнесясь с особым вниманием к сообщению, что римский народ, нося оружие, готов к бою. «Густую траву, – сказал на это Аларих, – легче косить, чем редкую». Произнеся эти слова, Аларих разразился громким смехом по адресу послов. Когда же дело дошло до переговоров о мире, Аларих прибегнул к словам, превосходящим всякую меру варварской заносчивости. Он сказал, что снимет осаду не иначе и не раньше, пока не заберет себе все имеющееся в городе Рима золото и серебро, а кроме того, и всю домашнюю утварь, – которую он нашел бы в городе, и, кроме того, рабов из варваров.

Когда он это сказал, один из послов заметил, что если бы Аларих все это отобрал, что же он, в конце концов, оставил бы тем, которые живут в городе Рима? «Жизнь», – ответил Аларих. Получив такой ответ, послы, просят, чтобы им было разрешено посоветоваться с осажденными относительно того, что же делать. Добившись перемирия, послы доводят до всеобщего сведения сказанное Аларихом.

Снова шлют к нему послов, и Аларих после весьма длительных разговоров с той и другой стороны согласился на уплату городом Римом 5000 фунтов золота, 30000 фунтов серебра, 400 тысяч шелковых рубашек, 3000 окрашенных в пурпур овечьих шкур, 3000 фунтов перца. Так как в городской казне совершенно не было денег, оказалось действительно необходимым, чтобы сенаторы, в зависимости от размеров своих имуществ, внесли ему выкупную сумму по разверстке. И хотя Палладию было поручено разверстать взносы по имущественному состоянию каждого сенатора, он не смог целиком собрать всю сумму или потому, что владельцы скрыли некоторую часть, или же потому, что город Рим вследствие непрерывных и корыстолюбивых поборов был доведен до бедности.

...Римляне не только лишили изображения богов их убранства, но и расплавили некоторые золотые и серебряные статуи богов, в числе которых была статуя силы, называемая римлянами «Виртус»¹. По уничтожении ее, разумеется, исчезли и вся та сила и мужество, которые еще оставались у римлян; с тех пор сбылось то, что предсказывали люди, опытные в религиозных делах и дедовских обычаях.

Когда таким образом были собраны деньги на выкуп, нашли уместным отправить посольство к императору (Гонорию), которое посовещалось бы с ним о будущем мире и уведомило бы его, что Аларих хочет получить не только деньги, но и сыновей римской знати в качестве заложников и на этих условиях заключить не только мир, но и военный союз с императором и выступить вместе с римлянами в поход против всякого, кто захотел бы проявить по отношению к ним враждебные намерения. Так как государь считал, что мир следует заключить на таких условиях, то варварам были отсчитаны выкупные деньги. А Аларих разрешил горожанам Рима в течение трех дней посещать рынок за стенами города, для чего предоставил им свободу выхода через определенные ворота, также предоставив им возможность подвоза хлеба из гавани.

После того как римские граждане передохнули и, распродав все излишнее, закупили себе предметы первой необходимости или же сменяли их на другие вещи, варвары отошли от Рима и расположились лагерем в нескольких пунктах от Тосканы. Что же касается находившихся в Риме рабов, то почти все они изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч.

¹ В переводе с латинского – «мужество», «сила».

Перечень документов, представленных в ХРЕСТОМАТИИ

РАЗДЕЛ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

1.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

ЕГИПЕТ

Жизнеописание вельможи Уны
Надпись Пионпинахта
Жизнеописание номарха Аменемхета
Странствия Синухета
Надпись Сенусерта III из Семне
Манефон. Завоевание Египта гиксосами
Борьба с гиксосами: табличка Карнарвона
Борьба с гиксосами: стела фараона Камоса
Жизнеописание начальника гребцов Яхмоса
Экспедиция Хатшепсут в страну Пунт
Из анналов Тутмоса III
Надпись Тутмоса III из Баркала
Стела Аменхотепа II из Мит-Рахине
Взятие Яффы
Битва Рамсеса II с хеттами при Кадеше
Поэма Пентаура
Союзный договор, заключенный между хеттским царем Хаттусилисом и египетским фараоном Рамсесом II
Стела Пианхи

КУШ

Сообщение о восстании в Куше
Стела 6-го года правления царя Куша Тахарки
«Стела сна» царя Танутамона

1.2. ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

МЕСОПОТАМИЯ

Сказание о Саргоне
Завоевательные походы Саргона Древнего (Надписи на табличках)
Вторжение гутиев (Из шумерийского гимна богу Нинибу)
Из надписей царей Аккада
Переписка из архива Мари
Дипломатическая переписка царя Мари с царем Вавилонии
Переписка вавилонских царей с египетскими фараонами
Из вавилонско-египетской корреспонденции Амарнского архива
«Хроника Р»
Из «Синхронистической истории»
Из KBO I 10 + KUB III 72
Царские надписи Тукульти-Нинурты I
Анналы и надписи ассирийских царей:
Надпись Салманасара III
Анналы Синаххериба
Из анналов Ашшурбанипала
Вторжение киммерийцев и скифов в Ассирию

Запросы оракулу по политическим делам
Из надписи Асархаддона
Привилегии вавилонских городов
Протокол переговоров с городом Вавилоном царя Ашшурбанипала и его брата Шамашшумукина, правителя Вавилонии
Письмо Ашшурбанипала вавилонянам
Вавилонская хроника
Документы, составленные во время осады Ниппура
Письмо о походе в Харран

МАЛАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Летопись Хаттусилиса I
Из хеттских надписей о военных походах:
О войне с городами Хассувой и Хальпой
О людоедах
Осада Уршу
Из текстов времени Хаттусилиса III:
Из KBo VI 28
Из KUB XIX 9
Автобиография Хаттусилиса III
«Молитва Мурсилиса II»
Из договора Мурсилиса II, царя Хатти, с Талмэжаррумой, царем Халапа
Из «Деяний Суппилиумаса»
Договор Суппилиумаса, царя Хатти, с Саттивассов, царем Митанни
Из договоров Суппилиумаса:
Из договора Суппилиумаса с Сунассурой, царем Киццувадны
Из договора Суппилиумаса с Тетте, царем Нухашше
Договор царевича Саттивассы с царем Суппилиумасом
Из документов Амарнского архива:
Первое письмо Тужратты, царя Митанни, Аменхотепу III, царю Египта (EA 17)
Письмо Суппилиумаса, царя Хатти, Эхнатону, царю Египта (EA 41)
Из письма царя Хатти (Суппилиумаса) царю Египта (Эхнатону) (EA 42)
Из EA 75 (Рибадди Библский – фараону)
Из EA 140 (Илираби Библский – фараону)
Из EA 53 (Агиссэ, царь Катны – «Наммурии», т.е. Аменхотепу III)
Из EA 54 (Агиссэ – фараону с повторениями жалоб на Хатти и Эдоккаму)
Из EA 55 (Агиссэ – «Наммурии»)
Из EA 126 (одно из поздних писем Рибадди фараону)
Из EA 170 (родичи и доверенные лица Азиру – в Египет, по-видимому, к самому Азиру, находящемуся там)
Из EA 174 (князь города Хашабу – фараону)
Из договоров царей Хатти с царями Амурру:
Из договора Мурсилиса II с Туппитессобом, царем Амурру
Из договора Тудхалиаса IV с Саускамувой, царем Амурру
Летопись Ашшурбанипала («Цилиндр Рассама», фрагмент, II, 95-125)
Надписи царя Менуа
Отрывки из летописи царя Аргишти I
Разведка Ассирии против Урарту
Из письма Саргона II к богу Ашшуру с описанием похода против Урарту (714 г. до н.э.)

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Письма сирийских правителей фараону
Надпись Меши, царя Моавы

Путешествие финикийцев вокруг Африки (Геродот, «История», IV, 42)

1.3. ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Отрывок из сиппарского цилиндра Набонида

Отрывок из Вавилонской хроники

Завоевание Вавилонии персами

Цилиндр Кира

Надпись Кира из Ура

Надпись Кира из Урука

Вавилонский памфлет о Набониде

Отрывок из «Вавилонской истории» Беросса

Бехистунская надпись Дария I

Надпись Дария I у Суэцкого канала

Надписи на статуе Дария I

Пределы Империи Дария I

Дарий I о Персидской державе

Поход Дария I в Скифию (Геродот, «История». IV, 118, 120, 122, 128, 134)

1.4. ЮЖНАЯ АЗИЯ

Надписи Ашоки:

Большой наскальный указ (№ 13) (Шахбазгархи)

Битва Александра Македонского с индийским царем Пором (Арриан, «Анабасис Александра», V, 15-18)

Перипл Эритрейского моря

1.5. КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

КИТАЙ

Цинь Шихуан и его политика (Сыма Цянь, «Исторические записки»)

Путешествия Чжан Цяня в Среднюю Азию во II-I вв. до н.э.

Сюанну и их взаимоотношения с Китаем (Сыма Цянь, «Исторические записки»)

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Древние Вьетские государства:

Государство Ванланг

Государство Аулак

Намвьет – суверенное государство вьетов

Борьба вьетов против наступления Империи Хань

РАЗДЕЛ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

2.1. КРИТО-МИКЕНСКАЯ ЭПОХА

Крит в египетских текстах

Упоминания о Крите в хеттских документах

Гимн в честь Тутмоса III

Письмо хеттского царя Мурсилиса II

Поздравления хеттскому царю от царя Аххиява

Письмо больного хеттского царя о молитвах и жертвах других народов за его здоровье

Письмо хеттского царя Мурсилиса II, находящегося на морском побережье, о взятых им пленниках

Из договора хеттского царя Тудхалиаса с царем страны Амурру Истармува

Из анналов хеттского царя Тудхалиаса

Письмо царя хеттов Арнувандаса с обвинениями царька Маддвоаттаса

Из воспоминаний о крито-микенской эпохе в «Илиаде» и «Одиссее»

Упоминания микенских государств у Гомера (Гомер «Илиада», II, 569-572, 576-577, 581-582, 586-587, 591, 601-602)

Микенский царь – верховный правитель Пелопоннеса (Гомер, «Илиада», II, 100-108, 141-156, 296-298)

Греческие писатели о могуществе Миноса («Каталог женщин», фрагмент 103)

Воспоминания о крито-микенской эпохе у Геродота (Геродот, «История», I, 171, 173)

Воспоминания о морской державе Миноса у Фукидида (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 4; 8, 2-4)

Платон о Миносе (Платон, «Законы», IV, 706-в)

История Критского государства у Диодора (Диодор, «Историческая библиотека», V, 64-66, 78-84)

История Кикладских островов (Диодор, «Историческая библиотека», V, 84)

Миф о Тесее (Диодор, «Историческая библиотека», IV, 60-62)

2.2. ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

Торговля

Финикийские купцы в Греции (Гомер, «Одиссея», XV, 415-416, 455-456)

Воспоминания о разбойничьей торговле финикийцев у Геродота (Геродот, «История», I, 1)

Нашествие дорян и вытеснение ахейцев из Пелопоннеса (Геродот, «История» II, 171; VIII, 73; IX, 26)

Колонизация жителями Пилоса Малоазийского побережья (Страбон, «География», XIV, 1, 4)

Война как источник рабства (Гомер, «Илиада», XXIV, 725-734)

Экспедиции для захвата рабов (Гомер, «Одиссея», XIV, 262-264)

Морские предприятия греков («Одиссея», XIV, 200-212, 222-226, 244-273, 278-320)

2.3. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Греческая колонизация (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 12-14)

О греческой колонии Навкратис (Геродот, «История», II, 178-179)

Колонизация греками о. Фасоса и фракийского побережья (Архилох, Отрывки стихотворений)

Колонизация Сицилии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VI, 3-5)

Наказ греческим колонистам Навпакта

Греки в Египте в войсках Псамметиха I и Амасиса II (Геродот, «История», II, 151-154)

Надпись на левой ноге колосса Рамсеса II в Нубии в Абу-Симбеле

Служба греческого наемника в Вавилоне (Алкей, «Послание брату»)

Договор между Элидой и Гереей (VI в. до н. э.)

Договор между халадрийцами и Девкалионом (VI в. до н. э.)

Договор между анетянами и метапийцами (VI в. до н. э.)

Посредничество Аргоса между Кноссом и Тилиссом (около 450 г. до н. э.)

Договор между Эантией и Халеем (около 450 г. до н. э.)

Дельфийско-фермопильская амфикифия (Страбон, «География», IX, 3, 7)

2.4. СПАРТА

Из стихотворения Тиртея

Воспитание спартанцев (Плутарх, «Ликург», 16, 17)

Спартанцы. Илоты (Плутарх, «Ликург», 24)

Криптия (Плутарх, «Ликург», 28)

О происхождении илотов (Павсаний, «Описание Эллады», III, 20)

О происхождении илотов (Страбон, «География», VIII, 5)

Недоверие спартанцев к илотам (Либаний, «Речи», 25, 63)

2.5. АФИНЫ

Из истории Афинского государства (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 2, 5-6)

2.6. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ. ПЕРИОД ПРЕОБЛАДАНИЯ АФИН

Ионийское восстание (500 г. до н. э.) (Геродот, «История», V, 98-99; VI, 6, 18-20)

Эсхил о войске персов, вторгшемся в Элладу (Эсхил, «Персы», 1-64)

Геродот о роли Афин в войне против персов (Геродот, «История», VIII, 139)

Фукидид о греко-персидских войнах (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 16, 18)
Битва при Марафоне (Геродот, «История», VI, 102-103, 105-106, 108, 109-116, 117, 120)
Состав персидской армии, участвовавшей в походе Ксеркса (Геродот, «История», VII, 60-83)
Взаимоотношения греков в начале похода Ксеркса (Геродот, «История», VII, 132-133, 140-143, 145)
Постановление афинского Народного Собрания 480 г. до н. э. о мерах в связи с нашествием персов
Битва при Фермопилах (Геродот, «История», VII, 205-207, 210-213, 219, 223-225, 228)
Битва при Саламине (Диодор, «Историческая библиотека», XI, 15-19)
Битва при Саламине в поэтическом изложении современника (Эсхил, «Персы», 337-471)
Памятник мегарянам, погибшим в войне с персами в 480-479 гг. до н. э.
Благодарственное приношение по поводу победы над персами при Платеях
Образование Первого Афинского морского союза:
Создание Делосского морского союза (Плутарх, «Аристид», 21, 23-25)
Установление гегемонии Афин над союзниками (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 95-96; Геродот, «История», VI, 42)
Постановление афинского народного собрания об Эрифрах
Постановление афинского народного собрания о Халкиде
Закон Афин, обязывающий союзников пользоваться афинской монетой
Организация Афинской архэ (Аристотель, «Афинская Полития», 24)
Походы афинян в Египет и на Кипр (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 104, 109, 110, 112)
Каллиев мир (Диодор, «Историческая библиотека», XII, 4, 4-6)
Превращение Афинского морского союза в державу (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 97-99)

Основание афинской колонии Бреи во Фракии

2.7. ПЕЛОПОНЕССКАЯ ВОЙНА

Причины и предпосылки Пелопоннесской войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 23)
Конфликт из-за Эпидамна и Керкиры (Фукидид, I, 24-31, 44, 1, 45, 1-2, 55, 2)
Расходы афинян на флот, посланный к острову Керкира в 433 г. до н. э.
Осада Потидеи (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 56, 58)
Договор о союзе между Афинами и Леонтинами (433/432 г. до н. э.)
Договор о союзе между Афинами и Регием (433/432 г. до н. э.)
Требования союзников Спарты (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 66-67, 70, 124-125)
Размеры афинской государственной казны и военных сил в начале войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 13)
Взаимные требования спартанцев и афинян перед началом войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 126-128, 139)
Сопоставление сил противников и военные планы Перикла (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», I, 139-145; II, 13)
Начало Пелопоннесской войны (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 9-10, 14, 17, 21-22, 23-25)
Изгнание эгинян (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 27)
Из речи Перикла на похоронах погибших в Пелопоннесской войне воинов (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 36-41)
Вторжение спартанцев в Аттику (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 14, 16, 17)
Чума в Афинах (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 47-48, 52-53, 59, 65)
Падение Потидеи (429 г. до н. э.) (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», II, 70)

- Расправа афинян с восставшим на о. Лесбосе городом Митиленой (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 36, 49-50)
- Расправа спартанцев с жителями взятого ими города Платей (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 52, 68)
- Борьба на острове Керкире (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», III, 72-74, 81-82)
- Взятие афинянами Пилоса и Сфактерии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 2-6, 8-9, 13-16, 30-34, 41)
- Избиение спартанцами илотов после потери Пилоса (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 80)
- Поход Брасида. Падение Амфиполя (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 102, 104, 106, 108)
- Перемирие 423 г. до н. э. (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», IV, 117, 118, 119)
- Никиев мир (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V, 18, 22-23, 35)
- Начало Сицилийской экспедиции и процесс о низвержении герм (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», V, 43, VI, 1, 15, 26-29, 53, 60)
- Роль Алкивиада в организации сицилийского похода (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Алкивиад, XVII)
- Переход рабов на сторону врага (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 27, 40)
- Разгром афинян в Сицилии (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 82-87)
- Союз спартанцев с персами (Фукидид, «История Пелопоннесской войны», VII, 18, 58)
- Постановление афинского народного собрания о даровании афинского гражданства жителям о. Самос
- Падение Афин (404 г. до н. э.) (Ксенофонт, «Греческая история», II, 2, 10-23)
- Тирания тридцати в Афинах (Аристотель, «Афинская полития», 34, 35, 36)
- 2.8. ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ**
- Положение в Греции в IV в. до н. э. (Исократ, «Панегерик», 115-117)
- Условия службы греческих наемников у Кира Младшего (Ксенофонт, «Анабасис», I, 3, 18-21)
- Об отступлении из Персии отряда наемников во главе с Ксенофонтом (Исократ, «Панегерик», 145-149)
- Восстановление демократии в Афинах (Диодор, «Историческая библиотека», XIV, 32, 33)
- Установление спартанской гегемонии (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Лисандр, XIII)
- Причины вступления Спарты в войну с Персией (Ксенофонт, «Греческая история», III, 1, 3-6)
- Помощь Персии антиспартанской коалиции в Греции (Ксенофонт, «Греческая история», III, 5, 1-5)
- Поражение спартанцев на море во время Коринфской войны (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 3, 10-14; 8, 1-3)
- Восстановление стен в Афинах (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 8, 9-10)
- Договор Афин и Клазомен (387 г. до н. э.)
- Падение спартанской гегемонии на море (Диодор, «Историческая библиотека», XIV, 81, 83, 84)
- Анталкидов мир, 387 г. до н. э. (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 8, 12-16, V, 1, 25-36)
- Союз между Афинами и Хиосом (384 г. до н. э.)
- Союз Афин и Византия (378 г. до н. э.)
- Второй Афинский морской союз
- Монополия Афин на вывоз сурика с острова Кеоса
- Изгнание спартанского гарнизона из Фив (379 г. до н. э.) (Ксенофонт, «Греческая история», V, 4, 9-13)
- Битва при Левктрах (371 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», Пелопид, XXIII)

- Битва при Мантинее (362 г. до н. э.) (Ксенофонт, *Греческая история*, VII, 5, 18-27)
Союз между Афинами и Керкирой
Наступление Эпаминонда на Спарту и восстановление Мессении (Диодор, *«Историческая библиотека»*, XV, 62, 63, 64, 65, 66)
О необходимости объединения греков и завоевания Персии (Исократ, *«Панегирик»*, 160-162, 166-167, 173-174)
Силы Афин и Македонии (Демосфен, *«Речи»*, XVIII, 234-237)
Выступление Демосфена в защиту Олинфа (Демосфен, *«Речи»*, I, 12-13)
Разрушение Олинфа (348 г. до н. э.) (Диодор, *«Историческая библиотека»*, XVI, 53, 2-3)
Филократов мир (346 г. до н. э.) (Демосфен, *«Речи»*, XIX, 150, 154-156)
Антимакедонская деятельность Демосфена (Демосфен, *«Речи»*, IX)
Политический кризис в Греции в IV в. до н. э. (Исократ, *«Филипп»*, 1-155)
Премакедонская деятельность греческих аристократов (Письмо философа Спевзиппа македонскому царю Филиппу)
Борьба Филиппа за проливы (Диодор, *«Историческая библиотека»*, XVI, 74, 2 6; 75, 1-3; 76, 3-5; 77, 2-3)
Вступление Афин в войну с Филиппом (339 г. до н. э.) (Дидим, *Схолии к X и XI речам Демосфена*)
Силы Афин и Македонии перед битвой при Херонее (338 г. до н. э.) (Демосфен, *«Речи»*, XVIII)
Битва при Херонее (Диодор, *«Историческая библиотека»*, XVI, 85-86)
Объединение Греции под властью Филиппа Македонского (Юстин, *«Эпитома Помпея Трога»*, *«История Филиппа»*, IX, 5-6)
Мирный договор Филиппа и греческих городов (337 г. до н. э.)
Речь о мире с Александром (Псевдодемосфен)

2.9. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

- Юность Александра Македонского (Плутарх, *«Сравнительные жизнеописания»*, *«Александр»*, IV-V, VII-XI)
Политика Александра Македонского в Греции (Псевдодемосфен, *«О договоре с Александром»*, XVII, 4 сл.)
Сравнение персидского и македонского войска (Квинт Курций Руф, *«История Александра»*, 9, 2, 4-16)
Походный порядок персидского войска (Квинт Курций Руф, *«История Александра»*, III, 3, 8-25)
Битва при Гранике (334 г. до н. э.) (Арриан, *«Анабасис Александра»*, I, 14-16)
Битва при Иссе (333 г. до н. э.) (Арриан, *«Анабасис Александра»*, II, 7-11)
Мирные предложения Дария III Александру (Квинт Курций Руф, *«История Александра»*, IV, 1, 79; 5, 1; XI, 1-6)
Александр в Египте (332-331 гг. до н. э.) (Арриан, *«Анабасис Александра»*, III, 1-4)
Битва при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н. э.) (Арриан, *«Анабасис Александра»*, III, 11-15)
Восстание Спитамена (Арриан, *«Анабасис Александра»*, IV, 5-6, 16, 17)
Поход Александра в Индию (Плутарх, *«Сравнительные жизнеописания»*, *«Александр»*, LVI-LXV)
Битва Александра с индийским царем Пором (Плутарх, *«Сравнительные жизнеописания»*, *«Александр»*, LX)

2.10. ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

- Образование великого государства Александра (Арриан, *«Анабасис Александра»*, VII, 4-7, 19, 23)
Политика Александра по отношению к греческим полисам (Надпись из Хиоса, 332 г. до н. э.)
Смерть Александра и дворцовые смуты (Квинт Курций Руф, *«История Александра»*, X, 7-10)

Образование эллинистических государств. Ламийская война (223-222 гг. до н. э.) (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XIII, 5)

Борьба диадохов:

Распад державы Александра (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XIII, 6, 8)

Присвоение диадохами царских титулов (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XV, 1-2)

Манифест Антигона по поводу мира 311 г. до н. э. (Надпись из Скепсиса, 311 г. до н. э.)

Битва при Ипсе (301 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Деметрий», 28-30)

Хремонидова война (Павсаний, «Описание Эллады», III, 6, 4-6)

Образование Ахейского союза (Полибий, «Всеобщая история», II, 41, 43)

Итоги Второй македонской войны (Полибий, «Всеобщая история», XVIII, 44-45)

Бактрийское царство (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», XII, 4; Страбон, «География», XV, 1, 3; Страбон, «География», XI, 11, 1-2)

Александрия Египетская – центр Средиземноморья (Страбон, «География», XVII, 7-9)

Богатства эллинистических царей в конце III в. до н. э. (Полибий, «Всеобщая история», V, 88, 89)

Торговое значение Византия в эллинистическую эпоху (Полибий, «Всеобщая история», IV, 38, 1-10)

Подчинение Македонии римлянам (Тит Ливий, «История Рима от основания города», XLV, 28-34)

Родос в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XIV, 2)

Делос в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», X, 5)

Пергам в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XIII, 4)

Каппадокия в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 1)

Понт в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 3)

Галатия в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XII, 5)

Армения в III-I вв. до н. э. (Страбон, «География», XI, 14)

Политическая история царства Селевкидов в III-I вв. до н. э. (Аппиан, «Сирийские дела», 55-57, 65-70)

Мирный договор Антиоха III с Римом (188 г. до н. э.) (Полибий, «Всеобщая история», XXI, 44-45)

Отпадение Бактрии и Парфии (Юстин, «Эпитома Помпея Трога», «История Филиппа», LI, 4-5; Страбон, «География», XI, 9; Страбон, «География», XI, 11)

Борьба Иудеи за независимость (Иосиф Флавий, «Иудейские древности», XII, 5, 6)

Битва при Рафии и ее последствия для Египта (Полибий, «Всеобщая история», V, 79-86, 107)

2.11. АНТИЧНЫЙ МИР СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Упоминания о Северном и Восточном Причерноморье в «Одиссее»

Описание Скифии, ее климата и населения у Геродота:

Климат Скифии (Геродот, «История», IV, 28, 31)

Население Скифии (Геродот, «История», IV, 16-27)

Военные обычаи скифов (Геродот, «История», IV, 64-66, 70)

Вторжение скифов в Азию (Геродот, «История», I, 103-106)

Взаимоотношения скифов с эллинами (Геродот, «История», IV, 76, 78-80)

Фукидид о государстве скифов (Фукидид, «История Пелопонесской войны», II, 97, 5-6)

Описание скифов у Страбона (Страбон, «География», VII, 3, 6, 7)

Описание местоположения Ольвии (Дион Хрисостом, XXXVI)

Нашествие на Ольвию Зопириона, полководца Александра Македонского (около 330 г. до н. э.) (Юстин, XII, 2, 16; Макробий, I, 11, 33)

Декрет в честь Протогена

Договор между Ольвией и Милетом

Положение Ольвии после гетского разгрома (Дион Хрисостом, XXXVI)

Описание Крымского полуострова у Страбона (Страбон, «География», VII, 4)

Описание Пантикапея у Страбона (Страбон, «География», VII, 44)

Хлебная торговля Боспора с Афинами в середине IV в. до н. э. (Демосфен, Речь против Лептина о беспощинности, 29-40)

Декрет афинян в честь сыновей Левкона

Междоусобная война между преемниками Перисада I. Рост могущества Боспора при Евмеле в конце IV в. до н. э. (Диодор, «Историческая библиотека», XX, 22-25)

Расстояние между Боспором и Египтом (Диодор, «Историческая библиотека», III, 34)

Послы царя Перисада II Боспорского у Птолемея II Филадельфа в Египте. Греческий папирус (21 сентября 254 г. до н. э.)

Описание Херсонеса Таврического у Страбона (Страбон, «География», VII, 4)

Херсонес и соседние племена в начале II в. до н. э. (Полиен, «Военные хитрости», VIII, 56)

Договор с понтийским царем Фарнаком I

Декрет херсонесцев в честь Диофанта

Описание Кавказа и Колхиды у Страбона (Страбон, «География», XI, 2)

Понтийская экспедиция Перикла (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Перикл», XX)

Афинские владения в Нимфее (Эсхин, «Против Ктесифонта», 171)

Декреты северочерноморских государств IV-III вв до н. э. о даровании иностранцам проксений

Договор Херсонеса с понтийским царем Фарнаком

Херсонесский декрет в честь Диофанта

Утверждение власти Митридата Евпатора в Херсонесе и на Боспоре (Страбон, «География», VII, 4, 3; 4)

РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Географические условия и население древней Италии (Полибий, «Всеобщая история», II, 14-17; Страбон, «География», V, 1, 1-3; Страбон, «География» V, 2, 1-2; Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I, 26, 30)

Легенда об основании Рима (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I, 72-73)

Легенда об основании Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», I, 3-7)

Деятельность первых римских царей (Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», II-VIII)

Взаимоотношения римлян с этрусками. Битва при Кремере. Гибель рода Фабиев (Тит Ливий, «Римская история от основания города», II, 48-50)

Войны римлян с галлами (Тит Ливий, «Римская история от основания города», V, 36-39, 47)

Полибий о войнах римлян с галлами (Полибий, «Всеобщая история», II, 18-20)

Самнитские войны (Аппиан, «Римская история», Из книги о войнах с самнитами)

Поражение римлян в Кавдинском ущелье (Тит Ливий, «Римская история от основания города», IX, 1-6)

Покорение римлянами Южной Италии (Полибий, «Всеобщая история», I, 6)

3.2. ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СИЛЬНЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Основание Карфагена (Юстин, «История», XVIII, 3-5)

Географические условия Карфагена (Аппиан, «Римская история», «Ливийские дела», VIII, I, 95-96)

Договоры Рима с Карфагеном до начала Пунических войн (Полибий, «Всеобщая история», III, 22-25)

- Причины Первой Пунической войны (Полибий, «Всеобщая история», I, 10-11)
- Захват Агригента (Полибий, «Всеобщая история», I, 17-19)
- Надпись на колонне Дуилия
- Мирный договор Рима с Карфагеном после Первой Пунической войны (241 г. до н. э.) (Полибий, «Всеобщая история», I, 62, 63)
- Восстание наемников в Карфагене (Полибий, «Всеобщая история», I, 65-70)
- Характеристика личности полководца Гамилькара (Корнелий Непот, «О знаменитых иноземных полководцах», «Гамилькар»)
- Характеристика личности полководца Ганнибала (Корнелий Непот, «О знаменитых иноземных полководцах», «Ганнибал»)
- Военные силы Рима перед началом Второй Пунической войны (Полибий, «Всеобщая история», II, 24)
- Начало Второй Пунической войны (218-201 гг. до н. э.) (Аппиан, «Римская история», «Война с Ганнибалом», I, 1-3)
- Переход карфагенян через Альпы (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXI, 32-38)
- Состав войска Ганнибала (Полибий, «Всеобщая история», III, 33)
- Тактика Фабия Максима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXII, 15)
- Битва при Каннах (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXII, 45-49)
- Переход Капуи на сторону Карфагена после поражения Рима в битве при Каннах (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 3, 7)
- Аврелий Виктор о событиях Второй Пунической войны (Аврелий Виктор, «О знаменитых людях», XLII, XLVIII, XLIX)
- Африканская кампания Публия Корнелия Сципиона (204-201 гг.) (Аппиан, «Римская история», «События в Ливии», III, VII, VIII, X)
- Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXIII, 33, 34)
- II Македонская война. Битва при Киноскефалах (197 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Тит Фламинин», 5, 9)
- Битва при Магнезии (190 г. до н. э.) (Аппиан, «Римская история», «Сирийские дела», 30-38)
- Битва при Пидне (168 г. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Эмилий Павел», 14, 22)
- Условия мира с Филиппом Македонским (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 30, 32)
- Превращение Греции в римскую провинцию (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 31)
- Ограбление римлянами побежденных стран (Полибий, «Всеобщая история», X, 16; Тит Ливий, «Римская история от основания города», XLV, 34; Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIX, 6)
- Триумфы римских военачальников:
- Триумф консула Марцелла над цизальпинскими галлами в 196 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIII, 37)
- Триумф Марка Порция Катона в 194 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIV, 46)
- Триумф Тита Кв. Фламинина над Филиппом Македонским в 194 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIV, 52)
- Триумф Луция Сципиона Азиатского над Антиохом III в 183 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXVII, 59)
- Триумф Гнея Манлия над малоазийскими галатами в 187 г. до н. э. (Тит Ливий, «Римская история от основания города», XXXIX, 7)

Триумф Эмилия Павла после победы в Македонии в 168 г. до н. э. (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Эмилий Павел», 32-33, 38)

Причины Третьей Пунической войны (149-146 гг. до н. э.) (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Катон Старший», 26-27)

Осада и взятие Карфагена во время Третьей Пунической войны (Аппиан, «Римская история», «События в Ливии», XI-XIX)

3.3. ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В РИМЕ ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Союзническая война (Аппиан, «Гражданские войны», I, 38-53; Веллей Патеркул. «Римская история», XIII-XVII; Луций Анней Флор, «Римская история», III, 18)

Римский денежный капитал в провинциях (Цицерон, Речь «За Суллу», 20, 56-58)

Об управлении провинцией Азией (Письмо Марка Цицерона брату Квинту, начало 59 г. до н. э.)

Эксплуатация провинций (Цицерон, Речь «Против Верреса», 4-5)

Военные действия римлян против пиратов (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Помпей», XXIV-XXIX)

Галльская война (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Цезарь», XV-XXVII)

Союз Цезаря, Помпея и Красса: Первый триумвират (Дион Кассий, «Римская история», XXXVII, 55-58; Аппиан, «Гражданские войны», II, 9-13)

Борьба Цезаря и Помпея (Юлий Цезарь, «Гражданские войны», III, 4)

Мутинская война (Аппиан, «Гражданские войны», III, 67-69)

Союз Антония, Октавиана и Лепида: Второй триумвират (Дион Кассий, «Римская история», XVI, 50-56; Аппиан, «Гражданские войны», IV, 2-3)

Борьба с Секстом Помпеем (Аппиан, «Гражданские войны», IV, 83; V, 67, 72)

Гражданские войны в творчестве Горация (Ода, 1, 14; Эподы, XVI, XIV)

Надпись Селевка Розосского

Триумф Октавиана по окончании гражданских войн (Веллей Патеркул, «Римская история», II, 89)

3.4. РИМ В I – II ВВ.

Разделение управления между Принцепсом и Сенатом (Дион Кассий, «Римская история», III, 12, 13)

Эдикты Августа из Киренаики

Внешняя политика Октавиана Августа (Гай Светоний Транквилл, «Божественный Август, XX-XXV; «Деяния божественного Августа», Извлечение)

Битва в Тевтобургском лесу (Дион Кассий, «Римская история», LVI, 18-22)

Восстание паннонских и рейнских легионов (Тацит, «Анналы», I, 16)

Восстание Такфарината в Нумидии (Тацит, «Анналы», II, 52; III, 20-21)

Восстание Боудики в Британии (Тацит, «Анналы», XIV, 34-39)

Декрет о воинских почестях

Волнения на границах Римской империи (Тацит, «Анналы», IV, 27; XV, 46; Дион Кассий, «Римская история», LV, 28-30, 32-34; Тацит, «Агрикола», 30, 31; Тацит, «Анналы», II, 52; Тацит, «Анналы», III, 20, 21, 73, 74; Тацит, «Анналы», IV, 23, 24, 25; Тацит, «Анналы», III, 40, 42, 43; Тацит, «Анналы», IV, 46, 72; Тацит, «Анналы», XIV, 31, 33; Тацит, «Истории», II, 61; Тацит, «Истории», III, 47, 48; Тацит, «Истории», IV, 73, 74)

Столкновения римлян с соседями (Луций Анней Флор, «Римская история», XXII-XXXI, XXXIII)

3.5. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ

Страбон о природных условиях и быте племен Северного Причерноморья (Страбон, «География», VII, 3-4)

Таврический полуостров и Боспорское государство: сведения Страбона (Страбон, География, VII, 4, XI, 2)

Племена Сарматии в I и II вв. н. э. (Плиний Старший, «Естественная история», IV, 80-81; Птолемей, «Географическое руководство», III, 5; Помпоний Мела, «Землеописание», III, 4; Аммиан Марцеллин, «История», XXXI, 2, 13-25)

Ольвия в конце I в. н. э. (Дион Хрисостом, «Борисфенитская речь»)

Восстание Сармака на Боспоре (Декрет в честь Диафанта IPE, I/2 № 352)

Планы Митридата Понтийского в борьбе с Римом (Аппиан, «Митридатовы войны», 101, 102)

Борьба Митридата Евпатора с Римом (Аппиан, «Митридатовы войны», 109)

Борьба Боспора против римской агрессии в середине I в. н. э. (Дион Кассий, «Римская история», LX, 28)

Борьба Боспорского царства за независимость при Митридате VII (Тацит, «Анналы», XII, 15-21)

Надпись Тиберия Плавтия Сильвана

Восстание Аникета против римлян (Тацит, «Истории», III, 47, 48)

Нападение племен Сарматии на дунайскую границу (Дексипп, «Летопись», фрагмент 16-а)

Вторжения племен Причерноморья и Приазовья в Малую Азию (Зосим, «Новая история», I, 31-33)

3.6. РИМ В III В.

Размеры пошлин на товары и скот в Нумидии в III в. (Надпись из Зарая в Нумидии, 202 г.)

Нападения племен на границы Нумидии в III в.:

Надпись из Аузии

Надпись из Ламбезе

3.7. РИМ В IV – V ВВ. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Взаимоотношения с Сасанидами (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XVII, 5)

Поселение готов на территории Римской империи (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 4, 1-11)

Восстание готов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 6)

Осада Адрианаполя готами в 378 г. (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 15)

Осада Рима готами в 409 г. (Зосим, «Римская история», V, 42)

Издания, использованные для составления ХРЕСТОМАТИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕЛОМ

ПЕРИОД 1648-1914 ГГ.

1. Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Киселева, В.И.; Кертман, Л.Е.; Панченкова, М.Т. и др. Выпуск 1. Европа и Америка. М.: Высшая школа, 1963.
2. Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Киселева, В.И.; Кертман, Л.Е.; Панченкова, М.Т. и др. Выпуск 2. Африка и Азия. М.: Высшая школа, 1972.
3. Хрестоматия по истории международных отношений в раннее новое время / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
4. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1789-1815 гг.). Эпоха Великой французской революции и наполеоновских войн / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: Изд-во КГУ, 2008.
5. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1815-1870 гг.) / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
6. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1870-1900 гг.) / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
7. Хрестоматия по истории международных отношений XIX – начала XX века / Сост. Н. Васильева. М.: МГИМО-Университет, 2010.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914-1918 ГГ.

8. Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы / Рук. проекта О.А. Ржешевский. М.: Наука, 2002.
9. Шацилло В. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2003.

МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918-1939 ГГ.)

10. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть I: От Французской Революции до империалистической войны / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925.
11. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926.
12. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III: От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Выпуск I: Акты советской дипломатии / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1928.
13. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III: От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Выпуск II: Акты дипломатии иностранных государств / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1929.
14. Сборник документов по международной политике и международному праву. Выпуск I-XI. М.: НКВД, 1932-1937.

15. История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия / Сост. Ниязи Ниязов, А. Малыгина. Выпуск 1. Конец XV в. – 1918 г. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.
16. История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия / Сост. Ниязи Ниязов, А. Малыгина. Выпуск 2. 1919-1939 гг. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.
17. Международные отношения в период между двумя мировыми войнами (1918-1939 гг.): Хрестоматия по новейшей истории. 1918-1939 гг. / Сост. Л.П. Леволкина. Владимир : Владим. гос. пед. ун-т, 2002.
18. Международные отношения и внешняя политика СССР в период между двумя мировыми войнами (1918-1939 гг.): Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1939 гг. / Сост. Л.П. Леволкина. Владимир: Владимирский гос. гуманитарный ун-т, 2008.
19. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. М.: Политиздат, 1979.
20. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х томах. Т.1-2. М.: Политиздат, 1981.
21. Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. В 2-х томах. Т.1-2. М.: Политиздат, 1990.
22. Международные отношения кануна Второй мировой войны: Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки / Сост. С.В. Фоменко. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007.
23. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том второй. Документы. 1918-1945 гг. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939-1945 ГГ.

24. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2-х томах. Т.1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе (1933-1941 гг.). Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941-1945 гг.). М.: Наука, 1973.
25. Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Рук. проекта О.А. Ржешевский. М.: Наука, 2002.
26. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборники документов. Т.I-VI. М.: Политиздат, 1978-1980. Том I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Том III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). Том V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).
27. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1984.
28. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1983.
29. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1983.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-1991 ГГ.)

30. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том четвертый. Документы. 1945-2003. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2004.
31. Проблемы войны и мира в XX веке: Хрестоматия / Сост. О.О. Хохлышева. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2000.
32. Хохлышева О.О. Мировая политика и международное право: Документы и материалы. Учебное пособие: В 2-х тт. Т. 1-2. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005.
33. Международное право в избранных документах. В 3-х тт. Т. 1-3 / Сост.: Моджорян Л.А., Собакин В.К.; Отв. ред.: Дурденевский В.Н. М.: Изд-во ИМО, 1957.
34. Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. М.: Юрид. лит., 1976.
35. Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. М.: Юрид. лит., 1982.
36. Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. М.: ИНФРА-М, 1997.
37. Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. М.: Полиграф ОПТ, 2004.
38. Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 1-2 / Сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Юрайт, Международные отношения, 2007.

ДРЕВНИЙ МИР

1. Хрестоматия по истории древнего мира / Сост. Т.П. Кац и др.; Под ред. В.Г. Борухович, В.И. Кузищина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
2. Хрестоматия по истории древнего мира / Сост. Е.А. Черкасова. М.: Просвещение, 1991.
3. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950-1953. Т. 1: Древний Восток / Сост. И.С. Кацнельсон и Д.Г. Редер. М.: Учпедгиз, 1950. Т. 2: Греция и Эллинизм / Сост. Н.Н. Пикус и В.С. Соколов. М.: Учпедгиз, 1951. Т. 3: Рим / Сост. Н.А. Машкин и Е.С. Голубцова. М.: Учпедгиз, 1953.
4. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963.
5. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева и др.. В 2-х частях. Ч.1-2. М.: Высшая школа, 1980. Т. 1 / Сост. И.С. Кацнельсон, М.А. Дандамаев, С.С. Соловьева. М.: Высшая школа, 1980. Т. 2 / Сост. Э.А. Грантовский, Г.Ф. Ильин, А.А. Вигасин, М.В. Крюков. М.: Высшая школа, 1980.
6. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997.
7. История Древнего Востока. Тексты и документы. М.: Высшая школа, 2002.
8. Хрестоматия по истории Древней Греции / Под. ред. Д.П. Каллистова. М.: Мысль, 1964.
9. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М.: Социально-экономической литературы, 1962.
10. Хрестоматия по истории Древней Греции и Древнего Рима / Сост. А.В. Постернак. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000.
11. Хрестоматия по истории Древней Греции / Сост. Н.Н. Трухина, А.Л. Смышляев. М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2000.
12. Хрестоматия по истории Древнего Мира. Эллинизм. Рим / Сост. В.Г. Борухович и др.; Под ред. В.Г. Боруховича и др. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1998.

СРЕДНИЕ ВЕКА

1. История средних веков. Хрестоматия / Сост. М.М. Стасюлевич. В 3-х кн. Книга 1. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476-768 гг.). Книга 2. От Карла Великого до Крестовых походов (768-1096 гг.). Книга 3. Крестовые походы (1096-1291 гг.). СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2001.
2. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. В 2-х т. Т. 1-2. М.: Гос. Учеб.-педагог. изд-во, 1938-1939.
3. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. В 3-х т. Т. 1-3. М.: Гос. Учеб.-педагог. изд-во, 1950.
4. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3-х т. Т. 1-3. М.: Соцэкгиз, 1961.
5. История средних веков. Хрестоматия / Сост.: Степанова В.Е., Шевеленко А.Я. В 2-х ч. Ч. 1-2. М.: Просвещение, 1969-1974.
6. Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1-3. М., 1993-1996.
7. Хрестоматия по истории Средних веков / Сост.: Л.А. Шаферова. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003.
8. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961.
9. Древние германцы: Сб. документов / Сост. Б.Н. Граков, С.П. Моравский, А.И. Неусыхин. Вводная ст. и редак. А.Д. Удальцова. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
10. Хрестоматия по истории Халифата / Сост. Л.И. Надирадзе. М.: Изд-вл Моск. ун-та, 1968.
11. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.: Академия Наук СССР, 1951.
12. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 1. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Мн.: Изд-во «Университетское», 1987.
13. История Золотой Орды. Сборник материалов / Сос. В.Г. Вовина, А.А. Кожанов, Т.В. Никулина. СПб.: Европейский Дом, 2003.
14. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высш. школа, 1977.

НОВОЕ ВРЕМЯ

1. Новая история в документах и материалах / Под ред. Н.М. Лукина и В.М. Далина. М.: Соцэкгиз, 1934.
2. Практикум по новой истории / Сост. С.Г. Десятков. М.: Высшая школа, 1986.
3. Практикум по новой истории / Сост. Н.И. Кочегарова. М.: Высшая школа, 1989.
4. Практикум по новой истории / Сост. Е.Е. Юровская. М.: Высшая школа, 1967.
5. Хрестоматия по новой истории. 1789-1870 / Отв. ред. Ефимов А.В., Орлов В.А. М.: Госучпедиздат, 1941.
6. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.И. Молока и В.А. Орлова: В 2 ч. Ч. 1. 1642-1870 гг., Ч. 2. 1870-1917 гг. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова: В 3-х тт. Т. 1: 1640-1815 гг.; Т. 2: 1815-1870 гг.; Т. 3: 1870-1917 гг. М.: Соцэкгиз, 1963-1967.
8. Хрестоматия по истории нового времени / Под ред. Н.М. Гусева Н.М. и А.А. Берг. М.: Наука, 1987.
9. Хрестоматия по новой истории. Первый период. 1640-1870 гг. / Сост. В.Г. Сироткин и др. М.: Просвещение, 1990.

10. Хрестоматия по новой истории. Второй период. 1870-1918 гг. / Сост. П.И. Остриков и др. М.: Просвещение, 1993.
11. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 2. Новое время / Отв. ред. В.Г. Карасев. Мн.: Изд-во «Университетское», 1989.

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

1. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 1: 1917-1939. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
2. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 2: 1939-1945. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
3. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 3: 1945-1960. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
4. Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918-2006 гг.) / Сост. Ю.М. Кузьмин. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007.
5. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 3. Новейшее время / Отв. ред. Д.Б. Мельцер, Г.И. Чернявский. Мн.: Изд-во «Университетское», 1991.

РОССИЯ

1. Воинские повести Древней Руси. М., 1947.
2. Хрестоматия по русской военной истории / Сост. Л.Г. Бескровный. М.: Воениздат, 1947.
3. Сборник договоров России с другими державами. 1856-1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
4. Хрестоматия по истории России. В 4 т. / Сост. И.В. Бабич и др. М.: Междунар. отношения, 1994-1997. Т. 1: С древнейших времен до XVII века. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1994. Т. 2, кн. 1. XVII – начало XVIII в. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1995. Т. 2, кн. 2: Вторая четверть – конец XVIII в. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем, 1997.
5. Хрестоматия по истории России / Сост. А.С. Орлов и др. М.: Проспект, 2012.
6. Хрестоматия по истории Древнерусского государства / Авт.-сост. В.С. Елагин. Новосибирск: НГПУ, 2009.
7. Хрестоматия по истории Руси: В 2 ч. / Сост. В.В. Гуляева. Владимир: Владим. гос. ун-т, 2005.
8. Хрестоматия по истории России: конец XIX – начало XX в. / Сост. Т.А. Гаузова. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004.
9. Хрестоматия по истории России XIX – начала XX столетий / Сост.: И.А. Небыков и др. Волгоград: "Политехник" ВолГТУ, 2000.
10. Хрестоматия по истории СССР, 1861-1917 / Сост. В.Ф. Антонов и др.; Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1991.
11. Хрестоматия по истории СССР, 1917-1945 / Сост. С.И. Дегтев и др.; Под ред. Э.М. Щагина. М.: Просвещение, 1991.
12. Хрестоматия по новейшей истории России: 1917-2004 гг.: В 2 ч.: Ч. 2: 1945-2004 гг. / Сост. Э.М. Щагин, А.В. Лубков, А.И. Вдовин. М.: Изд-во «Дрофа», 2005.
13. Хрестоматия по истории Дальнего Востока: В 2-х кн. / Сост. Н.К. Кирюхин; Вступ. ст. С.Ф. Крившенко. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982.

14. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Выпуск I-V. Петроград, М.: НКВД, 1921-1923.
15. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск I-XLV. М., 1924-1991. Вып. I-IX. М.: Издание НКВД – МИД СССР; Вып. X-XX. М.: Госполитиздат; Вып. XXI. М.: Политиздат; Вып. XXII-XLV. М.: Международные отношения.
16. Полпреды сообщают... Сборник документов и материалов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г., М.: Международные отношения, 1990.
17. СССР в борьбе против колониализма и неоколониализма. 1960 г. – март 1986 г. Документы и материалы. В 2-х томах. М.: Политиздат, 1986.
18. Документы внешней политики СССР. Т. I- XXIII. Т. I-XXI. М.: Политиздат, 1957-1977; Т. XXII. М., 1992; Т. XXIII. В двух книгах. Книга I. М.: Международные отношения, 1995. Книга 2. М.: Международные отношения, 1998.
19. Внешняя политика России. 1990-1992. М.: Международные отношения, 1996.
20. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002.

ДРУГОЕ

1. Иванян Э.А. История США. Хрестоматия. М.: Изд-во «Дрофа», 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ 1.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ.....	5
1.1.СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА.....	5
1.2.ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ.....	47
1.3.ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ.....	112
1.4.ЮЖНАЯ АЗИЯ.....	125
1.5.КИТАЙ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.....	129
РАЗДЕЛ 2.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.....	147
2.1.КРИТО-МИКЕНСКАЯ ЭПОХА.....	147
2.2.ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ.....	156
2.3.АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ.....	159
2.4.СПАРТА.....	167
2.5.АФИНЫ.....	171
2.6.ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ. ПЕРИОД ПРЕОБЛАДАНИЯ АФИН.....	171
2.7.ПЕЛОПОНЕССКАЯ ВОЙНА.....	193
2.8.ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ.....	218
2.9. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО.....	253
2.10.ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА.....	268
2.11.АНТИЧНЫЙ МИР СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.....	292
РАЗДЕЛ 3.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ.....	315
3.1.ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА.ЭПОХА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ..	315
3.2.ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СИЛЬНЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ...	337
3.3.ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В РИМЕ. ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ.....	399
3.4.РИМ В I – II ВВ.....	422
3.5.СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ..	443
3.6.РИМ В III В.....	453
3.7.РИМ В IV – V ВВ. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.....	454
Перечень документов, представленных в ХРЕСТОМАТИИ.....	459
Издания, использованные для составления ХРЕСТОМАТИИ.....	471

